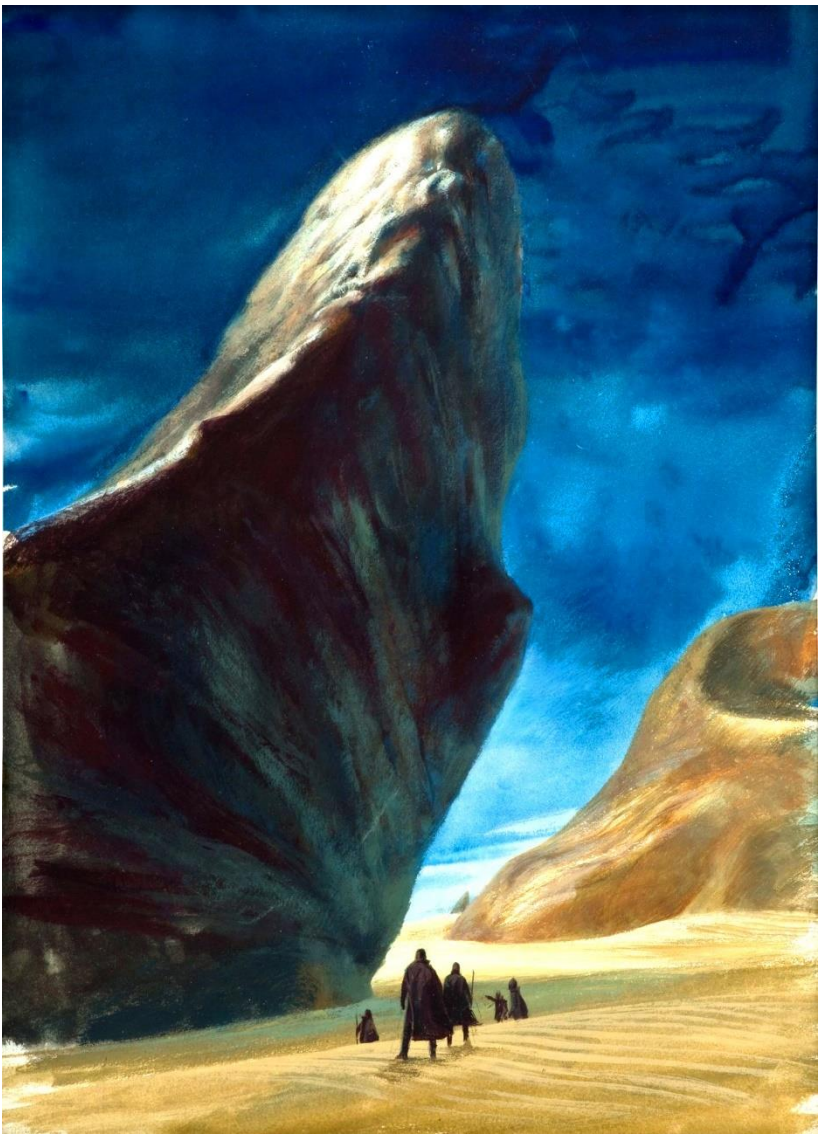

o

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Фрэнк Герберт

Дюна

трилогия
дополненная иллюстрациями, из
первых журнальных публикаций

выпуск 1

серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год

ПУБЛИКАЦИИ:

Analog Science Fiction, December 1963, January, February 1964
Dune World •
Cover, interior artwork by John Schoenherr

Analog Science Fiction, January, February, March, April, May 1965
The Prophet of Dune •
Cover, interior artwork by John Schoenherr

Galaxy Magazine, July, August, September, October, November 1969
Dune Messiah •
interior artwork by Jack Gaughan

Analog Science Fiction, January, February, March, April 1976
Children of Dune •
Cover, interior artwork by John Schoenherr

ПЕРЕВОД: П. Вязников, Ю. Соколов, А. Анваер.

Работа с текстом и иллюстрациями by formally.
Расстановка иллюстраций в тексте by Cityman.

Дюна

Книга I
Дюна

* * *

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, – вот место Муад'Диба, вовеки.

Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан

За неделю до отлета на Арракис, когда суета приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пола.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений, служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пола, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину – та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалявшаяся

паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

– Не маловат ли он для своих лет, Джессика? – спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал, как расстроенный балисет.

Мать Пола ответила своим мягким контральто:

– Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

– Слыхала, – проскрипела старуха. – Но ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Ага, он проснулся и слушает! – Старуха всмотрелась в лицо мальчика. – Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квисатц Хадерах – тогда... впрочем, посмотрим.

Пол, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала – глаза старухи – увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

– Спи, спи пока спокойно, притворщик, – проговорила старуха. – Выспись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пола в коридор, и захлопнула дверь.

Пол лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов.

Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать – Бене Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдеса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправится туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах» ...

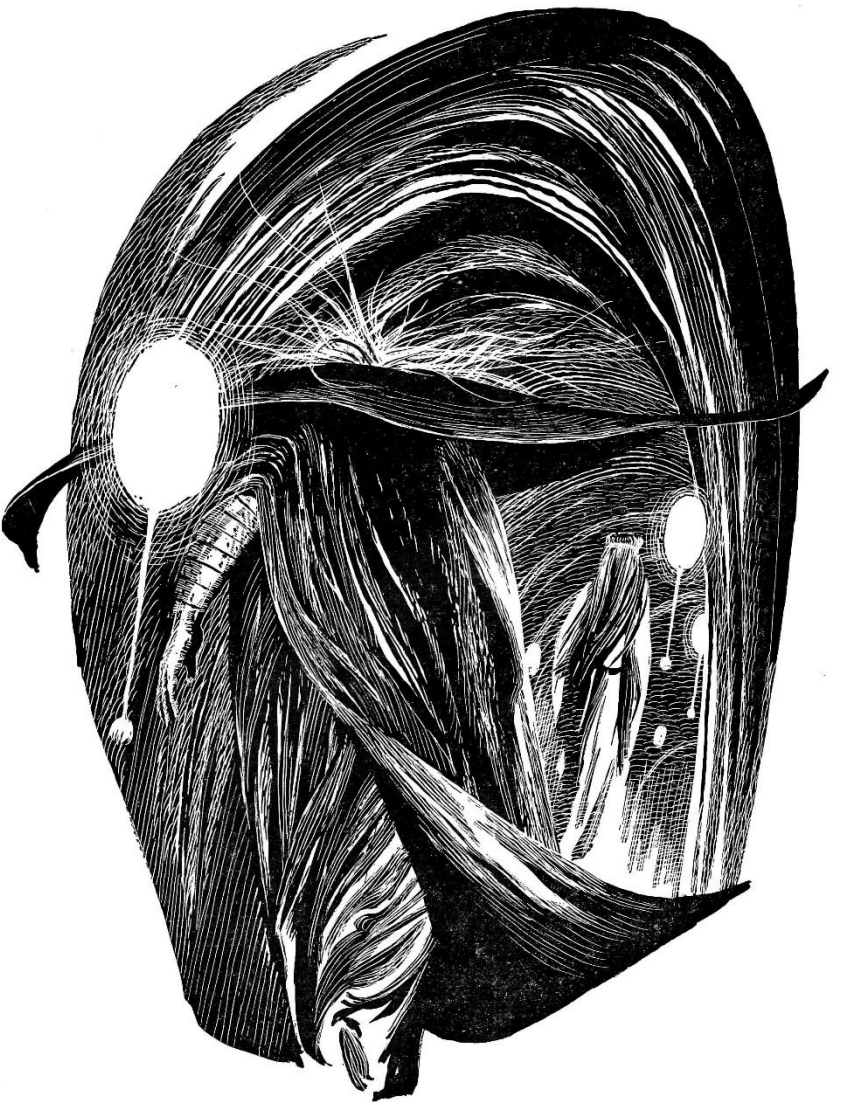

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пола шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги Дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом – он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья, Пряности, меланжи – контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы – и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя...

Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава – основа зависти владык», – сказал тогда Хават. Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пол спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользящие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина – торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пол даже в забытьи чувствовал, что не забудет это видение – пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пол лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекнул, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет каидов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» – не внесенные в имперские переписи...

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пол почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха – и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: ... аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой

нервной и кровеносной систем – согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое – все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пола.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пол почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суета. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны, и зеленые глаза торжественно-строги.

– Проснулся? – спросила она. – Хорошо выспался?

– Да.

Пол пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом – гербом дома Атрейдес – на нагрудном кармане.

– Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

– Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

– Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она – личная Правдовидица Императора. И, Пол... – мать на мгновение умолкла, – Пол, ты должен рассказать ей о своих снах.

– Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

– Мы еще не получили его. Он не наш... – Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. – Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пол сел, обхватил колени.

– А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Полу заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

– Ты узнаешь, что такое… гом джаббар… очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

– Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! – думала Преподобная Мать. – Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе – левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пол коротко поклонился: по этикету – «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

– А он осторожен, Джессика, – промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули – от страха. Затем она вновь овладела собой.

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – в который раз подумал Пол.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица – как у Джессики, но мальчик пошире в кости… волосы отцовские, черные, как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть… а этот тонкий надменный нос, разрез прямо смотрящих зеленых глаз – наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. Этот дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» – подумала Преподобная.

– Одно дело учение, – сказала она, – совсем иное – основа… Посмотрим.

Старуха метнула на Джессику короткий взгляд.

– Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пола.

– Преподобная, я…

– Ты знаешь, Джессика, что это необходимо.

Пол озадаченно посмотрел на мать. Та выпрямилась.

– Да… конечно…

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

– Пол, – Джессика глубоко вздохнула, – испытание, которое тебе предстоит… Оно очень много значит для меня.

– Испытание?

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пол, сдерживая гнев, спросил:

– Можно ли отсылать леди Джессику, как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

– А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. – Старуха покивала. – И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пол повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», – подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

– Ты видишь это? – сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пол увидел, что одна из граней открыта – внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

– Вложи сюда руку, – приказала старуха. Почувствовав внезапный укол страха, Пол отшатнулся, но старуха остановила его:

– Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пол почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пол заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

– Стой! – каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пола вернулся к лицу старухи.

– У твоей шеи я держу гом джаббар, – отчетливо произнесла она. – Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с

каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пол попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица – сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

– Сын герцога должен кое-что знать о ядах, – сказала старуха. – В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные и те, что посредине. Этот яд – новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

– Ты смеешь предполагать, что сын герцога – животное?! – гневно спросил Пол.

– Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – усмехнулась она. – Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

– Кто ты? – прошептал Пол. – Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харконненам?

– Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. – Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

– Недурно, – сказала она. – Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри – живешь. Выдергиваешь – умираешь.

Пол глубоко вдохнул, усмиряя дрожь.

– Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

– Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание, теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пол судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пол почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

– Начинай, старуха, – надменно сказал он.

– Старуха! – каркнула она. – А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж, посмотрим... – Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: – Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее – я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку – и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

– Что в этом ящике?

– Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. Что можно испытать таким образом? Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

– Ты слыхал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил

капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

– Зачем ты делаешь это? – спросил Пол.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пол сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло… жар внутри куба нарастал… нарастал… Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни… но… гом джаббар. Не поворачивая головы, Пол скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание – и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом… изучающий взгляд…

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей…

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пол ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кул вахад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты… – Она откинулась в

кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. – Ну что же, вынь руку, человек... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пол вгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

– Ну же! – прикрикнула старуха.

Пол рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

– Боль вызывается невроиндукцией, – объяснила старуха. – Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... – Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

– Но боль... – начал Пол.

– Боль! – фыркнула Преподобная. – Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пол почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

– Ты и с моей матерью это проделывала?

– Видел, как просеивают песок сквозь сито? – спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. Песок сквозь сито... Он кивнул.

– А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

– И все, что вам для этого надо, – боль? Это единственный критерий?

– Нет. Я наблюдала не за болью – за тобой в боли. Боль, мальчик, – это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание – это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пол кивнул:

– Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомнив себе: «Надежда мешает вниманию».

– Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

– Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

– Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

– Предпочитаю стоять.

– А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

– Я – не она.

– Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? – Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было неимоверное напряжение. Увидев Пола, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

– Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? – спросила старуха.

– Я люблю и ненавижу одновременно, – откликнулась Джессика. – Ненависть – это причиненные тобой страдания. А любовь...

– А любовь – суть, только и всего, – сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. – Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив – и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и – реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пол посмотрел на мать. «Старуха не соврала», – решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся,

но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть… Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель… такая сильная боль и… страх… Пол чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо… Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

– Может быть, настанет день, – произнесла старуха, – и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко…

Пол снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие… Пол чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримосуществующим и увлечет куда-то выше…

– Но зачем вы испытываете людей?

– Чтобы освободить их.

– Освободить?

– Когда-то человечество изобретало машины – в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин…

– «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», – процитировал Пол.

– Верно, так заповедовано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума человеческого». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

– Я учился вместе с Суфиром Хаватом.

– Великий Джихад лишил человечество костылей, – промолвила она. – Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека – именно человеческие способности.

– Ты говоришь о школах Бене Гессерит?

Она кивнула.

– От школ того времени сохранились две: Бене Гессерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бене Гессерит интересует нечто другое...

– Политика, – утвердительно сказал Пол.

– Кул вахад! – воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

– Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Полу.

– Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... – проворчала она. – Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных – для наших евгенических программ.

...Внезапно слова старухи потеряли для Пола свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

– Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

– Однако их генетические линии занесены в наши книги, – ответила старуха. – Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

– Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

– Некоторые из нас знают своих родителей, другие – многие! – нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пол почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

– Много же вы на себя берете, – проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика – она не ослышалась?

– У нас тяжелая ноша, – ответила она.

Пол чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

– Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек – гом джаббар?

– Пол, – остерегла его Джессика, – ты не должен разговаривать таким тоном с...

– Я сама разберусь, Джессика, – оборвала ее старуха. – Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидиц?

– Его принимают для усиления способности распознавать обман, – отвечал Пол. – Мать рассказывала мне о нем.

– А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

– Никогда.

– Снадобье – опасный наркотик, но он дает проницательность, и... Когда Правдовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. – В ее голосе прозвучала печаль. – И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет

заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

– Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

– Да – тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь – Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

– Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?

– Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

* * *

Пытаться понять Муад'Диба без того, чтобы понять его смертельных врагов – Харконненов, – это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это – попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это – невозможно.

Принцесса Ирулан. «Жизнь Муад'Диба»

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, унизанной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета. Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло – они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой – розовое с зеленым – крышкой из окаменевшего элаккового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспосабливающиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темноволосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

– Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

– Вне всякого сомнения, мой барон, – ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустилась на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготовлялись для богатых коллекционеров и назначенных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

– Прошу сосредоточиться, – пророкотал бас. – И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге – все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это – Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

– И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что он отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

– Не говори ерунду, – пробурчал барон. – Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

– Ну, что там? – нетерпеливо окликнул барон.

– Глупец ответил нам, мой барон!

– А когда это Атрейдесы упускали возможность сделать красивый жест?.. – сказал барон. – Ну и что же он пишет?

– Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» – ни «Сир и дражайший кузен», ни титула – ничего!

– Харконнен – достаточно хорошее имя, – проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. – Что же изволит сообщить дорогой Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

– Это все?

– «Старинное искусство канли имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». – Питер засмеялся. – Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

– Замолчи, Питер, – спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. – Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, – специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

– Вы сделали попытку к примирению, – заметил Питер, – таким образом, приличия соблюдены.

– Ты излишне болтлив для ментата, Питер, – одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-асассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза – темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка прорезала лицо Питера – под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

– Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига – заставить Лето сменить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это – приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

– У тебя словесное недержание, Питер, – холодно сказал барон.

– Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы – вы ревнуете.

– Питер! – рявкнул барон.

– Аxx-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

– В один прекрасный день я велю тебя удавить.

– Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin![1] Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

– Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

– Барон удивлен, когда правду говорят без страха. – Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурую маску. – Ах-ха… Но, видите ли, мой барон, я – ментат и заранее почувствую, когда вы наконец соберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться. Преждевременная

[1] В конце концов! (фр.)

расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают – мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

– Фейд, – внезапно окликнул барон, – я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

– Конечно, дядя. – Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

– Питер иногда поражает меня, – заметил барон. – Временами мне приходится причинять страдания – по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

– Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? – поинтересовался Питер. – Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости, а...

– Ну нет! Герцог должен увидеть, как я стану воплощением его судьбы! – воскликнул барон. – И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет большая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна – но это вовсе не значит, что я получаю от них удовольствие...

– Свободу маневра? – насмешливо переспросил Питер. – Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку

легионов своих сардаукаров – и это будет концом барона Владимира Харконнена.

– Тебе бы это понравилось, а, Питер? – усмехнулся барон. – Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардаукаров разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

– Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?.. – прошептал Питер.

– Тебе бы быть башаром в Корпусе, – процедил барон. – Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

Питер сделал пять странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

– Не надо шутить с Питером, барон, – негромко сказал Питер. – Вы обещали мне леди Джессику. Вы мне ее обещали!

– А зачем она тебе, Питер? – пробасил барон. – Упиться ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось. Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

– Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, – отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. – Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

– А как насчет герцогова отпрыска, дружок? Юного Пола?

– Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, – пробормотал Питер.

– Я о другом, – нахмурился барон. – Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой ментат ошибся?

– Я ошибаюсь нечасто, мой барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. – Этого, по крайней мере, вы отрицать не можете – я ошибаюсь очень

нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

– Дядя, – вмешался Фейд-Раута, – ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

– А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, – поднял брови барон. – Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся – темная тень среди теней.

– Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

– Но, дядя...

– Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, – но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но – все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

– Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?

– Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне совершенны и у них есть свои ограничения.

– Вы уже подыскали мне замену? – поинтересовался Питер.

– Замену – тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?

– Там же, где вы нашли меня, мой барон!

– Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, – спокойно сказал барон. – В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..

– Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?

– Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду возражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...

– Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! – воскликнул Питер. – Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рауту...

– Вот именно, – кивнул барон. – Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.

Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам – родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.

– Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» – устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это – весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрели на недурную мысль с этими их думающими машинами...

– Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! – огрызнулся Питер. – Даже вы, барон, могли бы обставить те машины...

– Возможно, – махнул рукой барон. – Ну хорошо. А теперь... – Он сделал глубокий вдох и рыгнул. – А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.

– Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...

– Предоставь решать это мне, – оборвал барон. – Я приказываю, ментат, – а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.

– Как будет угодно, – пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. – Итак: через несколько стандартных дней герцог Лето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их, вероятнее всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфир Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что оборонять Арракин несравнимо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – поднял палец барон. – Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех – третьи.

Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».

– Имеются, однако, и иные возможности, – продолжал Питер. – Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...

– Герцог слишком горд для этого, – возразил барон.

– Но тем не менее такая вероятность существует, – ответил Питер. – Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

– Нет! – проревел барон. – Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

– Вероятность этого весьма высока, – кивнул Питер. – Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

– Ну хорошо, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер, да не тяни.

– В Арракине, – отчеканил Питер, – герцог и его двор займут Резиденцию – прежде там проживали граф и леди Фенринг.

– Посол Е. И.В. к контрабандистам, – хохотнул барон.

– К кому? – удивился Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – объяснил Питер. – Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

– Но почему?

– Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, – нетерпеливо сказал барон. – Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, асассинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-о...».

– В Резиденции, – продолжал Питер, – нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса – кстати, оно может оказаться и успешным.

– Питер! – взорвался барон. – Ты утверждал...

– Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности, – ответил Питер. – Покушение должно выглядеть правдоподобным и хорошо подготовленным.

– Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... – пробормотал барон. – Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью-ведьмой, которая

его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

– Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, – сказал Питер. – Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ – и он действительно наш агент. Пало бы – но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор – выпускник Суккской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

– Как? – жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

– Об этом как-нибудь в другой раз, – оборвал барон. – Продолжай, Питер.

– Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта – и дерзость такого предположения, – несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

– На нее? – переспросил Фейд-Раута.

– Речь идет о самой леди Джессике, – усмехнулся барон.

– Ну разве не ловко, не изысканно? – спросил Питер. – Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. – Питер нахмурился и добавил: – Но не думаю, что ему это удастся.

– Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? – осведомился барон.

– Не сбивайте меня, – сказал Питер. – Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких

гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... э-э...

– Ничего, ты можешь рассказать ему все, – кивнул барон.

– И мы будем усилены двумя легионами сардаукаров в мундирах Дома Харконнен!

– Сардаукары?! – выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

– Вот видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уха прослышать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома – и начнется хаос.

– Главное тут вот что, – пояснил Питер. – Поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем использовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

– Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, – проговорил барон. – Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала – постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

– Фейд его помнит, – нетерпеливо сказал барон. – Дальше.

– Вы не очень-то любезны, мой барон, – заметил Питер.

– Я сказал – дальше! – проревел барон. Питер пожал плечами.

– Если все пойдет так, как мы запланировали, – сказал он, – через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распоряжаться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

– И прибыли возрастут, – кивнул Фейд-Раута.

– Разумеется, – сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и приручeнных контрабандистов, привязанных к планете почти так же прочно, как и местные рабочие из поселков...»

– И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, – сказал Питер. – Они узнают.

– Они узнают, – тихо повторил барон.

– И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, – сказал Питер. – Он уже знает. Он чувствует западню.

– Это так, он знает, – проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. – Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жирен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее,

так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

– Я проголодался, – пророкотал барон, отер пухлые губы унизанной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. – Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

* * *

Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественной недоступностью девственной богини, поддерживая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

– Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пола. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пол ожидал в соседней комнате – звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходившим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери – и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание – так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе IX. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

– Бедный Пол, – прошептала она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика! – Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

– Что?.. О... – Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. – О чем ты спрашиваешь?

– О чем я тебя спрашиваю?! О чем я спрашиваю! – раздраженно передразнила старуха.

– Да, я родила сына. Так что же? – вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

– Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей – и только дочерей?

– Но для него так важно было иметь сына. – Джессика опять пыталась оправдаться.

– И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха!..

Джессика вскинула голову.

– Я чувствовала, что это возможно!

– Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! – резко возразила старуха. – А его желания здесь ни при чем! Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

– Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, – сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

– А... Что сделано, то сделано.

– Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, – твердо сказала Джессика.

– Ах, как это благородно! – глумливо проскрипела Преподобная. – Она не сожалеет! Что ж, посмотрим, что ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына!

Джессика побледнела.

– Неужели другого пути нет?

– И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

– Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем – ведь твои способности больше моих.

– В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем. Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное стремление смешивать – безо всякого плана – свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома – все они лишь щепки в потоке.

– КООАМ, – пробормотала Джессика. – Полагаю, они уже переделили доходы и трофеи с Арракиса...

– КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! – ответила старуха. – Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

– Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, – горько усмехнулась Джессика.

– Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация покоится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник – самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, без феодально-торговой структуры, отвергающей почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

– Щепки в потоке! Вот одна из них – герцог Лето, и вот другая – его сын, и вот...

– Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрасно зная, по какой опасной дороге придется идти.

– «Я – Бене Гессерит. Я живу лишь для служения», – процитировала Джессика.

– Именно, – сказала старуха. – И все, на что мы теперь можем надеяться, – это попытка избежать большой войны… и спасти, что удастся, из выпестованных нами ключевых генетических линий.

Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дрожью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони не потеть. Наконец, проговорила:

– Я заплачу за свою ошибку.

– Но вместе с тобой заплатит твой сын.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать! – воскликнула старуха. – Ты сама знаешь опасность защиты: если ты станешь защищать его слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначения – каким бы оно ни было…

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся за окном сумерки.

– Эта планета – Арракис – в самом деле так ужасна?

– Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что уж совсем безнадежно. Миссионария Протектива неплохо на ней поработала и смягчила нравы ее обитателей… в какой-то степени. – Преподобная Мать тяжело поднялась, расправила складку облачения. – Позови сюда мальчика. Я скоро должна уходить.

– Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

– Джессика, девочка… как бы я хотела поменяться с тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каждой из нас – свой путь.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как любая из моих дочерей… но долг есть долг.

– Я понимаю… долг. Необходимость…

– Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать – я желаю тебе добра, Джессика! – что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой…

Джессика сердито смахнула слезинку.

– Снова ты делаешь из меня маленькую девочку – заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», – выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез… – Я была так одинока…

– Надо бы сделать это одним из наших тестов, – сказала старуха. – Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны…

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

– Пол, зайди.

Пол не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

– Ну, молодой человек, – проговорила старуха, – вернемся к твоим снам.

– Что ты хочешь знать?

– Ты видишь сны каждую ночь?

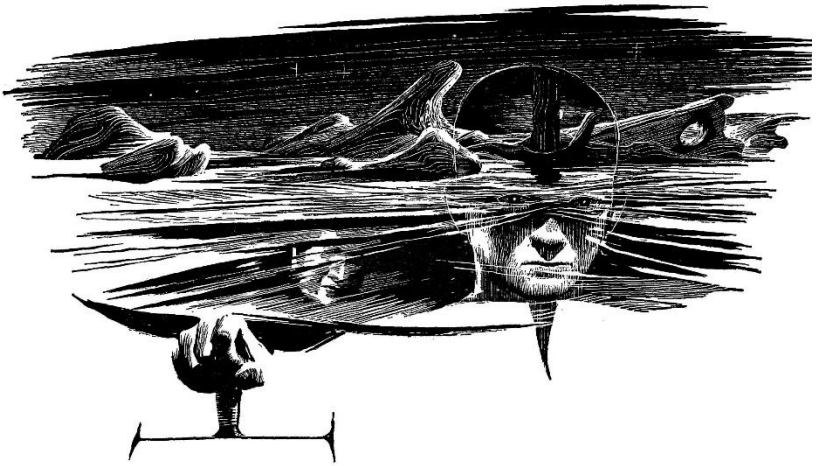
– Не каждую – если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие – нет.

– А откуда ты знаешь, какой сон ты видел – пустой или достойный запоминания?

– Просто – знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Полу:

– А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

– Да. – Пол прикрыл глаза. – Мне снились пещера… и вода… и девочка, очень худая, с огромными глазами. Глаза – такие… сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе… рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане… – Пол открыл глаза.

– То, что ты рассказывал этой девушке обо мне… сегодня это сбылось?

Пол подумал.

– Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

– Печатью необычности, – беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. – Ответь мне правду, Пол: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

– Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

– Вот как? Ты ее знаешь?

– Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

– Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

– Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы… чего-то ждем… я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться… Она боится, но пытается не показывать мне

свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». – Пол открыл глаза. – Правда, странно? Моя родная планета – Каладан, про планету Усул я даже не слыхал никогда.

– Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

– Видел. Но... может быть, это она меня называла – Усул? – проговорил Пол. – Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

– Девочка просит меня рассказать ей о водах – о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова – «берег», «прибой», «морская трава», «чайки» ...

– Что это за стихи? – спросила Преподобная Мать. Пол открыл глаза.

– Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пола, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу,
И тени – под соснами тени —
Недвижные, чистые, ясные.
И чайки сели на краю воды —
Белые на зеленом.
И ветер прилетел сквозь сосны к нам,
Чтоб тени раскачать под ними;
И чайки крылья распахнули,
Взлетают
И наполняют криком воздух.
И слышу ветер я,
Летающий над пляжем,
И шум прибоя,
И вижу я, что наш костер
Спалил траву морскую.

– Это самое, – подтвердил Пол.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пола, потом сказала:

– Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха – мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность – но не более.

Она замолчала. Пол понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал – хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

– Как хочешь... Что ж, что-то в тебе есть наверняка.

– Можно мне теперь уйти? – спросил он.

– Разве ты не хочешь послушать, что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? – спросила Джессика.

– Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

– Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намеки, – подумал Пол. – На самом деле она ничего толком не знает об этом».

– Я слушаю, – сказал он. – Намекни.

– И быть проклятой? – Она криво усмехнулась – маска из морщин... – Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчиниться – тот правит».

Пол изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как «напряжение внутри значения» ... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

– Это и есть твой намек? – спросил он.

– Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, – сказала старуха. – Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив – стена на пути ветра. Это – предназначение ивы и ее цель.

Пол взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «предназначение» — и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

– Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, – проговорил он. – Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью – словно он уже мертв. Но он жив!

– Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, – огрызнулась старуха. – Может, нам удастся спасти тебя. Сомнительно, но – возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт – ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пол увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессику.

– Ты учила его Пути – это видно. На твоем месте я сделала бы то же самое – и пусть бы черт побрал этот Устав!

Джессика кивнула.

– Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он еще должен узнать и изучить – и следует поторопиться! – Она приблизилась к Полу и пристально вгляделась в него: – Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но, если и нет – мы еще добьемся своего.

Снова она посмотрела на Джессику. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нем оставался, словно бы уже покинули ее мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили

ее больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день...

* * *

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Диба не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Диба были – замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Гурни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-асассин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ – это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и – разумеется – сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Диба для детей»

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Постоял неподвижно, ощутив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», – подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющимся через стеклянные панели в потолке, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» – Хават кашлянул.

Пол не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками – комнату пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пол выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пол поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

– Я слышал твои шаги в коридоре, – сказал Пол. – И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

– Эти звуки можно и скопировать.

– Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, – подумал Хават. – Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу – призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пола – подчеркнуто лицом к двери, – откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым – почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним – латаный-перелатаный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», – подумал Хават.

– Суфир, о чем ты думаешь? – спросил Пол. Хават посмотрел на подростка.

– Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

– Это тебя печалит?

– Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место – это всего лишь место. – Он тронул разложенные на столе карты. – И Арракис – это просто другое место, и только.

– Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика – даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

– Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

– Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

– Бури. Да...

– Похоже, эти бури – довольно-таки скверная штука.

– Скверная – не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями – всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, – пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...

– Почему там нет службы погодного контроля?

– Тут у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца – не из самых богатых, ты и сам знаешь.

– Суфир, а тебе приходилось видеть фременов?

«Мальчику есть о чем подумать сегодня», – решил Хават.

– Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые они носят не снимая. Дистикомб – «дистилляторный комбинезон», костюм – перегонный куб, который собирает и утилизует выделяемую телом влагу.

Пол сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу собственных выделений, поразила его. Пол вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

– Вода там – драгоценность, – вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удается внушить ему, что Арракис – его враг. Там необходимо все время

быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пол взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому метастеклу струилась вода.

– Вода… – сказал он.

– Ты еще научишься ценить воду, – пообещал Хават. – Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты – сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда…

Пол провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде…

«Ты узнаешь о Мертвых равнинах, – сказала тогда она, – дикой пустыне, где нет ничего живого – лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих – без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле».

И ее тон – она говорила нараспев особым вибрирующим голосом – сказал ему больше, чем слова.

«На Арракисе, – говорила она, – кхала! – земля пустынна, луны – твои друзья, а солнце – враг».

В тот момент Пол почувствовал за спиной мать – она подошла, оставив свой пост у дверей.

«Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная?» – спросила она.

«Для его отца – нет. – Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пола. – Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах… – Она подняла четыре узловатых пальца. – Это – познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре – ничто… – она сжала пальцы в кулак, – …без правителя, владеющего искусством управления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..»

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в

тренировочном зале рядом с Суфиром Хаватом, Пол ощутил внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

– Где ты сейчас витал? – спросил Хават.

– Ты видел Преподобную Мать?

– Императорскую ведьму-Правдовидицу? – В глазах Хавата зажегся интерес. – Видел.

– Она... – Пол запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании. Запрет проник глубоко.

– Что она?

Пол сделал два глубоких вдоха.

– Она сказала одну вещь... – Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. – «Ты, Пол Атрейдес, – потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». – Пол открыл глаза. – Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз – ты, мать и многие другие...

– В общем, все верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем мы летим туда? – сердито спросил Пол.

– Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пол опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться. Она наложила на меня некий запрет. Но как?

– Она спросила меня, что, по-моему, значит править, – ответил он. – И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему разучиться.

«А старуха-то, в общем, дело сказала», – подумал Хават и кивком сделал Полу знак продолжать.

– Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.

– Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? – спросил Хават.

Пол пожал плечами.

– Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете – свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

– И как ей это понравилось?

– Мне показалось, она просто взъярилась. Сказала, что таинство жизни – это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, слиться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило – более или менее.

«Кажется, он с этим справится, – думал Хават, – но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

– Суфир, – спросил Пол, – на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?

– Так плохо не будет, пожалуй, – ответил Хават, вымучивая улыбку. – Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... – Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, – и они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Но учти, ни слова об этом,

мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что считаю тебя помощником и опорой твоего отца...

– Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, – проговорил Пол. – Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом – в целом звучит похоже.

– Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, – возразил Хават. – Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

– Как ты думаешь, фримены нам помогут?

– Возможно. – Хават поднялся. – Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей – сядь по другую сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пол тоже встал, обошел стол.

– Ты летишь сегодня?

– Я – сегодня, ты – завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. – Он сжал правую руку Пола выше локтя. – Держи правую руку свободной – чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. – Он отпустил руку, потрепал Пола по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

– Суфир! – окликнул его Пол. Хават оглянулся.

– Не садись спиной к дверям, – сказал Пол. Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

– Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться. – И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пол сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, – подумал он, обводя взглядом зал. – Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше. Он

вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир – это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой – неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое – «теперь»? – спросил он себя.

Дверь напротив Пола с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

– А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? – спросил Пол.

Халлек пинком захлопнул дверь.

– Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, – сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «проверено».

Пол смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку – рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

– Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброго утра»! – воскликнул он. – Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пол ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина-трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

– Не хочешь говорить со мной – и не надо, – заявил он.

Пол встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

– Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

– Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, – скорбно отозвался тот. Потом взял для пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пол. – Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

– Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, – объяснил Халлек. – Так что все, что у тебя осталось, – это бедняга Гурни, никудышный вояка и портач в музыке... – Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. – Короче, на совете решили: раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

– Тогда, может, споешь мне балладу? – предложил Пол. – Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

– Ах-ха-ха! – рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе,
А арракинку за воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

– Не так уж плохо для такого жалкого бренчалы, – сказал Пол, – но, если бы мать услышала, что за похабщину ты тут,

в замке, распеваешь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

– Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое – они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

– Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, – сказал Пол, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. – Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

– Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

– Месть моя будет страшна!

Пол выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

– Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, – нараспев произнес Пол. – Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. – Пол щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. – «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, но медленным в нападении, – продекламировал Пол. – Атака имеет единственную цель – заставить противника сделать неверное движение, заставить открыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» – Пол перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно

вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

– Со скоростью удара все в порядке, – отметил он. – Но ты полностью открылся для удара слиптипом снизу.

Пол с досадой отступил.

– Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, – продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. – Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

– Просто я сегодня не в настроении, – буркнул Пол.

– Не в настроении?! – Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. – А при чем тут твое настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение – это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

– Извини, Гурни. Я не прав.

– Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

– А теперь – защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пол парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? – удивился он. – Он всерьез атакует!» Пол тряхнул левой рукой – из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

– Что, одной рапирой не управиться? – хмыкнул Гурни. – То-то!

«Неужели предательство?! – спросил себя Пол. – Нет, только не Гурни – он на это не способен!»

Они кружили по залу – выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спертым – воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пол продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, – подумал Пол. – Ну, Гурни, еще один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пол отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пол прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

– Ты этого хотел? – прошептал он.

– Посмотри вниз, мальчик, – проговорил сквозь одышку Халлек.

Пол опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола – он почти касался паха Пола.

– Мы, так сказать, слились бы в смерти, – сказал Халлек. – Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. – И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

– Ты так набросился на меня... – Пол взглянул Халлеку в глаза. – Ты в самом деле хотел пустить мне кровь?

Халлек убрал кинжал и выпрямился.

– Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хор-рошую отметину – шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский бродяга.

Пол отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

– Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

– Ну, что до этого, – возразил Халлек, – то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца – герцог накажет меня только в том случае, если я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пол выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

– То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, – добавил Халлек.

Пол кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пол вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, – может, так же больно, как самому Полу во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неуютным...

– Наверно, я и в самом деле настроился на игру, – признал Пол. – А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри его жила боль, словно какой-то нарыв, – все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности,

и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»[2]

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

– Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончились. Завтра мы летим на Арракис. Арракис – это не игра, это реальность. Харконнены – тоже реальность.

Пол, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба. Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

– А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой зловредной штукой. Я буду управлять ею отсюда – здесь мне будет лучше видно. И предупреждаю – сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пол приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

– Ан гард![3] – скомандовал Халлек, и манекен начал атаку. Пол включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я – словно хорошо сформированное садовником плодовое дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня – все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру – ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва –

---

[2] Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

[3] Внимание! (фр., фехт.)

умерла в солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки… или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить это, огорчило его.

Пол отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе[4].

«Вот ловкий чертенок! – подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пола. – Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дункана, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека.

Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

– «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети…» – пробормотал он.

Эту пословицу часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

* * *

ЮЙЭ (произносится как «ю-Э»), Веллингтон (Станд. 10082 – 10191). Доктор медицины, выпускник Суккской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 – 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское] и: Предательство, Великое (Предательство Юйэ).

Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан

Хотя Пол услышал, как в зал вошел доктор Юйэ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-

[4] Букв.: «вплетение» (фр., фехт.).

медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Гурни Халлеком.

– Вы удобно устроились, – сказал Юйэ своим спокойным высоким голосом.

Пол поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

– Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, – сказал Юйэ. – Скоро должен прийти ваш отец.

Пол сел.

– Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп – во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

– О...

Пол начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

Юйэ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, – я делаю для того, чтобы эти звери – Харконнены – не мучили больше мою Уанну».

Пол, застегивая куртку, тоже сел за стол.

– Что я буду изучать по пути на Арракис?

– Ах-х-хх... наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты –

некоего доктора Кинеса – и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И Юйэ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

– Там будет что-нибудь о фременах? – спросил Пол.

О фременах? Юйэ побарабанил пальцами по столу, заметил, что Пол удивленно смотрит на этот нервозный жест, убрал руку.

– Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? – спросил Пол.

– А? Да, разумеется, – ответил Юйэ. – Оно делится на две основные группы – на фременов и население грабенов, впадин и котловин – там они называются чашами. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают фременских мужей, а их мужчины охотнее женятся на фременках. У них есть поговорка: «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость».

– У вас есть снимки фременов?

– Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

– Мутация?

– Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.

– Чтобы жить на краю Пустыни, фримены должны быть храбрыми людьми.

– Да, это общепризнано, – согласился Юйэ. – Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины так же свирепы, как и мужчины. Даже дети фременов суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволят общаться с ними...

Пол смотрел на Юйэ; за несколькими скупыми словами о фременах скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

– А черви? – спросил Пол.

– Что?..

– Я хочу больше узнать о песчаных червях.

– Ах-х-х, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них – небольшой экземпляр, всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съемки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пол взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

– Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни. Это из-за червей?

– И из-за ураганов.

– Но любое место можно сделать пригодным для жизни.

– Если это осуществимо экономически, – поправил Юйэ. – На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... – Юйэ пригладил свои вислые усы. – Н-ну, ваш отец скоро должен быть здесь. Однако, прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пола.

Пол посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

– Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листателем. – Он поднял книгу, продемонстрировав их. – Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок – вот так, – выбранные страницы отталкивают друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

– Она такая маленькая...

– Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок – вот так, – и... заряд переворачивает страницы

одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. – Он закрыл книжечку, протянул ее Полу: – Попробуйте.

Глядя, как Пол изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

– Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, – сказал Пол.

– Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счесть, что вам еще рано получать такие ценные вещи.

И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».

– Но... – Пол закрыл книгу, подержал ее в руке. – Если она такая ценная...

– Доставьте удовольствие старику, – сказал Юйэ. – Мне ее подарили, когда я был совсем юным. – И он подумал: «Я должен завладеть его воображением – и пробудить в нем страсти». – Откройте книгу на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод положено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя – она отмечает это место.

Пол ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

– Прочтите вслух, – попросил Юйэ. Пол облизнул губы и начал:

– «Глухой не может слышать – задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

– Прекратите! – крикнул вдруг Юйэ.

Пол оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» – Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пола.

– Извините, – сказал Юйэ. – Это было… любимое место… моей… покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот… Он приносит мучительные воспоминания.

– Тут две бороздки, – сказал Пол.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

– Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, – сказал Юйэ. – В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем – хорошая этическая философия.

Пол взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна… что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его… ужасное предназначение.

– Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, – сказал Юйэ. – Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пол тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пол испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

– Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, – проговорил Пол официальным тоном. – Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня – прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

– Мне… ничего не нужно, – сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика… хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

* * *

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диба? Человеком исключительной теплоты и поразительной холодности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его – верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его – человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

Пол смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда, при встречах с отцом, Пол ощутил исходящее от него чувство присутствия – это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

– Усердно занимаешься, сын? – спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, – подумал он. – На Арракисе отдыхать уже не придется».

– Не слишком усердно, – признался Пол. – Все это верно... – Он пожал плечами.

– Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суету позади...

Пол кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери: «...твоего отца не спасет ничто».

– Отец, – спросил Пол, – Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор – так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это – мой сын».

– Да, там будет опасно, – признал он.

– Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фрименов, – сказал Пол и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?»

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

– Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КООАМ – «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» – Картеле негоциантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

– КООАМ контролирует Пряность, – сказал Пол.

– И Арракис – источник Пряности – это наша дорога в КООАМ, – кивнул герцог. – Однако КООАМ – это не только меланжа.

– Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? – выпалил вдруг Пол. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

– Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя поджидающими на Арракисе опасностями, – сказал герцог. – Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

– А она знает о фрименах?

– Да. И о многом другом.

– О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому – умению обращаться с опасными фактами – мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить – хотя мальчик еще так юн...»

– А вот о чем. «Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ», – сказал герцог. – Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры – самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это – ничто рядом с меланжей. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать – ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

– Теперь мы ее контролируем?

– Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара – от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

– В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжи, получит сверхприбыль, – отозвался Пол, – а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким проницательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

– Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

– Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

– Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, – сказал герцог. – Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на

меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию – нельзя же позволять разорять себя! – Жесткая улыбка искривила губы герцога. – Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

– Даже если бы против нас применили атомное оружие?

– Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

– Тогда зачем мы идем на это?

– Пол! – Герцог неодобрительно посмотрел на сына. – Знать, где ловушка, – это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот – внутри третьего, один финт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжу, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

– И кто же это?

– Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пол попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

– А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

– Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пол. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед

Ландсраадом сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, – это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

– Все Дома могли бы запасать Пряность.

– У врагов слишком большая фора.

– Император... – протянул Пол. – Это значит – сардаукары.

– И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, – кивнул герцог. – Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.

– Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?

– Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?

– Императорской планете-каторге? Нет.

– Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?

– С планеты-каторги?

– Почему бы и нет?

– Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...

– Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары – просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны – войска Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и рекруты-новобранцы. Новобранцы, Пол. А сардаукары остаются сардаукарами.

– Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!

– Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?

– Но как добиться верности от таких людей?

– Для этого есть проверенные способы: игра на их чувстве собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания… Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.

Пол кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.

– Взгляни на Арракис, – негромко сказал герцог. – За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.

Глаза Пола широко раскрылись.

– Фримены!

– Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены – там… и там – Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис – даже зная, что там – ловушка?

– А Харконнены разве не знают о фрименах?

– Харконнены издевались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов – тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.

Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.

– Теперь ты понимаешь?

– Мы уже ведем переговоры с фрименами, – утвердительно сказал Пол.

– Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, – ответил герцог. – Дункан – человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить

и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...

– Дункан Достойный, – проговорил Пол, – и Гурни Доблестный.

– Ты их хорошо назвал, – кивнул герцог.

И Пол подумал: Гурни – один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

– Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, – сказал герцог.

– Да? А мне он говорил совсем другое.

Герцог громко рассмеялся:

– Могу себе представить, как... скупо хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.

– Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием – подлинное искусство.

– Гурни – романтик, – проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. – Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. – Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пол подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, – и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

– Правда ли, что корабли Гильдии – самое большое из всего, построенного людьми? – поинтересовался Пол.

Герцог перевел взгляд на сына.

– В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнере, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер – самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма – мы будем лишь небольшой частью груза.

– А нам нельзя будет покидать наши корабли на хайлайнере?

– Это – часть той цены, которую мы платим за гарантируемую Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

– Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

– Не увидишь. Даже агенты Гильдии никогда не видали ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пол, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

– А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

– Кто знает? – пожал плечами герцог. – Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пол смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

– Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

– Хават тоже так считает. Это правда.

– Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... – Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. – Понятно, – сказал он.

– Приходит день, – вздохнул герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него.

Некоторые могут продолжать, другие же – нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пол потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса – все это он увидел по-новому.

– Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, – сказал отец. – А герцог-ментат действительно был бы грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пол не колебался:

– Я буду продолжать занятия.

– Настоящей грозой... – пробормотал герцог, и Пол увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пола: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пол опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

* * *

Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионарии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь ut extremis[5] личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Канто и Респонду и большую часть Паноплиа Профетикус, относящихся к Шари-а). И теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.

Принцесса Ирулан. «Арракинский кризис: анализ». Только для внутреннего пользования – средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: АР-81088587

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными грудами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрейдесов.

[5] До предела, полностью (лат.).

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенями резные потрескавшиеся панели, глубокие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки – Джессика была уверена, что их доставили на Арракис издалека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было деревьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла.

Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харконненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога – отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мятой бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулкими сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя, вызывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи – голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуверенной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение – по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но небо в этих широтах казалось темным и холодным – намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. Ты так далеко отсюда, Каладан!..

– Вот и приехали! – Это был голос герцога Лето.

Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный

повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запылился.

– Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, – улыбнулся он.

– Да, это очень неприветливый дом, – ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуглое лицо вызывали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломаные черты придавали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решился исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовым, диким!..

– И весь город такой неприветливый, – сказала она.

– Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог. – Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

– Впрочем, это все – официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле – они куда приятнее. – Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любуясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо – овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза – зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот – крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со сглаженными худобой формами.

Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее «кожа да кости» – во всяком случае, так сообщили его

агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пол похож на нее.

– А где Пол? – спросил он.

– Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

– Ну, тогда это в южном крыле, – кивнул герцог. – Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. – Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: – Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ – значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

– Когда мы входили, я видела над домом наш флаг.

Герцог взглянул на портрет:

– Где ты собираешься его повесить?

– Здесь, наверное.

– Нет. – Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало – даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

– Милорд, – сказала она, – если только...

– Все равно – нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем – но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

– Милорд, я прошу...

– Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

– Да, милорд.

– Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

– Благодарю, милорд.

– И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо, что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Они кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

– Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, – заметил он. – Переносной установили в твоих покоях.

– Вы предвидели эти... разногласия, – утвердительно сказала она.

– Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил – все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

– Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

– Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

– Шэдаут, – повторила Джессика. – Это фрименский титул?

– Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» – этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить – причем служить тебе.

– Мне?

– Фримены прознали, что ты из Бене Гессерит, – объяснил он. – Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

– Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? – спросила она. – Фримены будут нашими союзниками?

– Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

– Фременка-домоправительница, – задумчиво проговорила Джессика. – У нее, конечно, совершенно синие глаза...

– Пусть тебя не обманывает их внешность, – сказал герцог. – В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

– Это опасная игра.

– Давай не будем к этому возвращаться.

Джессика заставила себя улыбнуться.

– В любом случае, мы уже вовлечены в эту игру – в этом-то, по крайней мере, сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия – два глубоких вдоха, произнесенная формула – и сказала:

– Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

– Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, – заметил он. – Как ты отбрасываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, бене-гессеритские хитрости?

– Женские, – ответила она. Он улыбнулся.

– Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфировы парни проверили каждую щель.

– В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

– И проследи, чтобы все наши часы установили по арракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

– А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй челнок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

– Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

– Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь – при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на челноке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии...

– Милорд... – Она запнулась, не решаясь продолжать.

– Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, – думала Джессика. – И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

– В какое время вы желаете обедать? – спросила она.

«Она не это хотела сказать, – понял он. – Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше от этого ужасного места – вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!..»

– Поем в офицерской столовой на космодроме. – Он махнул рукой. – Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Полом машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще

доносились звуки разгрузки. Слышно было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

– Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым – едва ли старше, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она сжала кулаки.

– Будь ты проклят! «Проклят! Проклят»! – прошептала она.

– Что прикажете, высокородная госпожа? – Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза – темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась – такой кивок могло бы отвесить боевое копье:

– Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

– Можете называть меня «миледи», – сказала Джессика. – Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето – я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

– Значит, есть еще и жена?

– Нет и никогда не было. Я – единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум приказывает себе – и встречает сопротивление...». Да – и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-сусуук! Су-су-суук! Икккут-эй!..» – и вновь: «Су-су-суук!..»

– Что это такое? – спросила Джессика. – Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

– Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... – Женщина взглянула на свое платье. – Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! – Она хихикнула. – И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилом богатства здесь была вода.

– Мой муж говорил мне о вашем титуле – Шэдаут, – сказала Джессика. – Я знаю это слово. Оно очень древнее...

– Значит, вы знаете древние языки? – спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

– Языки – первое, чему учат в школах Бене Гессерит, – ответила Джессика. – Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

– Точно так, как сказано в легенде.

«Почему я участвую в этом мошенничестве? – спросила себя Джессика. – Но пути Бене Гессерит извилисты и запутанны, и кто восстанет против их силы?..»

– Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, – промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла много сказавшие ей знаки, уже более очевидные. – Мисецес прейя, – провозгласила Джессика на чакобса. – Андрал т'ре перал Трада цик бускакри мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

– Мне многое ведомо, – продолжала Джессика. – Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершала насилие – и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

– Я не хотела обидеть вас, миледи, – тихо сказала Мэйпс.

– Ты говоришь о легендах – и жаждешь ответов, – сказала Джессика, – но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовясь к насилию, с оружием на груди. Так?

– Госпожа моя, я...

– Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, – тем же тоном сказала Джессика, – хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть, – ты знаешь это, – даже и для целого народа.

– Госпожа! – взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. – Госпожа, это оружие было послано вам в дар – если будет свидетельство, что вы – это Она, Та, кого мы ждем...

– Или же как орудие убийства – если окажется, что это не так, – утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной рукой, рукоять – другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

– Знаете ли вы, что это такое, миледи? – спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь – легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и россказням.

– Это крис, – сказала она.

– Не говорите об этом так просто, – сказала Мэйпс. – Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фременка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она назвалась Шэдаут – на чакобса. Нож на чакобса будет «податель смерти» ... Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...

– Это – Податель...

– Эйи-и-ии! – воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призвав на помощь все свое самообладание. Она хотела сказать, что нож – это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела – все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель. Податель? Податель...

Но Мейпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

– Ты полагала, – промолвила Джессика, – что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мейпс опустила нож.

– Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

– Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. Неделя вдали от тела – и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шаи-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

– Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкусивший крови!

Вздрогнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

– Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает!.. Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, – отметила Джессика. – Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

– Застегнись, Мэйпс.

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишенные белого цвета – сплошь синева – глаза не мигая смотрели на Джессику.

– Ты – наша, – бормотала она, – ты – Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

– Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! – прошептала она. – Ты знаешь это, госпожа!

«Теперь знаю», – подумала Джессика.

Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал. Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

– Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. – Мэйпс глубоко вздохнула. – Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... – Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. – Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионарии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! – Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. – Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис – в самом деле страшное место!..»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

– С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

– Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене.

Мэйпс подошла к бычьей голове.

– Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась поближе. –

Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

– Не надо.

– Но тут на рогах грязь, прямо комками.

– Это не грязь, Мэйпс. Это кровь отца нашего герцога. Рога покрыты прозрачным фиксатором через несколько часов после того, как этот зверь убил Старого Герцога.

Мэйпс выпрямилась.

– Ах, вот как...

– Это просто кровь, – пояснила Джессика. – Да еще и старая кровь. Возьми кого-нибудь себе в помощь: эти ужасные вещи довольно тяжелы.

– Вы полагаете, кровь может меня обеспокоить? – еле заметно усмехнулась Мэйпс. – Я из Пустыни и крови видела предостаточно.

– Да... могу поверить, – пробормотала Джессика.

– Притом часть этой крови была моей собственной, – продолжила Мэйпс. – И ее было куда больше, чем выпустили вы из этой маленькой царапинки!

– Ты бы хотела, чтобы я резанула поглубже?

– Ах, нет! К чему расточать зря воду тела? Всё вы сделали правильно.

И Джессика, уловив ее интонацию, отметила глубокое значение слов «вода тела». Снова огромное значение воды на Арракисе вызвало в ней чувство подавленности.

– На какие именно стены повесить каждое из этих украшений, миледи? – спросила Мэйпс.

Какая она педантичная, эта Мэйпс, подумала Джессика и махнула рукой:

– На твое усмотрение, Мэйпс. Особого значение это не имеет.

– Как скажете, миледи. – Мэйпс нагнулась и принялась снимать с бычьей головы остатки обертки и бечевку. – Убил, значит, старого-то герцога, малыш? – почти пропела она, обращаясь к голове.

– Позвать тебе на помощь грузчика? – спросила Джессика.

– Я справлюсь сама, миледи.

Да, она справится. Этого у нее не отнимешь: стремление справиться с чем угодно...

Крис в ножнах холодил кожу на груди, и Джессика представила себе длинную цепь планов Бене Гессерит, выковавшей здесь еще одно звено. Благодаря этим планам ей удалось пережить сейчас смертельный кризис. «Ускорить события нельзя», – сказала Мэйпс. Но уже сама поспешность, с какой они устремились в это место, наполняла Джессику дурными предчувствиями. И ни подготовка Миссионарии Протектива, ни дотошная проверка, которой Хават подверг это логово, не могли рассеять эти предчувствия.

– Когда повесишь их, начинай распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У одного из грузчиков в вестибюле есть все ключи, и он знает, куда что нести. Возьми у него ключи и опись вещей. Если будут какие-нибудь вопросы – я в южном крыле.

– Слушаюсь, миледи.

Джессика повернулась к выходу, но тревога не покидала ее: хотя Хават счел дом безопасным, что-то здесь было не так, она чувствовала это.

Вдруг она поняла, что ей необходимо увидеть сына – прямо сейчас. Она направилась к арочному проему коридора, соединявшего Большой зал с Обеденным и с жилыми покоями. Она шла все быстрее и быстрее, и наконец – почти побежала.

За ее спиной Мэйпс, оторвавшись от очистки бычьей головы от клочков упаковки, взглянула хозяйке вслед и пробормотала:

– Она действительно Та. Бедняжка.

* * *

«Юйэ! Юйэ! Юйэ! – звучит рефрен. – Миллиона смертей мало для Юйэ!»

Принцесса Ирулан. «История Муад'Диба для детей»

Дверь была приоткрыта, и Джессика вошла в комнату с желтыми стенами. Слева стоял небольшой диван черной кожи и два пустых книжных шкафа, висела пыльная фляга с водой. Справа, по обе стороны второй двери, – еще два пустых шкафа и привезенный с Каладана стол с тремя креслами. А напротив, у окна, спиной к ней стоял доктор Юйэ и не отрываясь смотрел на что-то снаружи.

Джессика тихо сделала еще один шаг.

Она заметила, что одежда Юйэ измята, на локте – меловое пятно, словно он где-то прислонился к штукатурке. Со спины он выглядел бестелесной тонкой фигуркой в карикатурно больших черных одеждах. Казалось, это – составленная из палочек марионетка, которую в любой момент может потянуть за ниточки невидимый кукловод. Живой выглядела лишь массивная квадратная голова с длинными черными волосами, схваченными над самым плечом серебряным кольцом Суккской Школы, – голова еле заметно поворачивалась, следуя за каким-то движением на улице.

Она снова оглядела комнату. Никаких следов присутствия сына, но дверь справа вела в маленькую спальню, облюбованную Полом.

– Добрый день, доктор Юйэ, – кивнула ему Джессика. – А где Пол?

Он качнул головой так, словно обращался к кому-то за окном, и, не оборачиваясь, отсутствующе произнес:

– Ваш сын устал, Джессика. Я отослал его в ту комнату, чтобы он отдохнул...

Вдруг он замер и резко обернулся – длинные усы при этом шлепнули его по губам.

– Простите, миледи! Мысли мои были далеко... я... как я мог позволить себе фамильярность!..

Она улыбнулась, успокаивающе протянув к нему правую руку, причем на мгновение испугалась, что доктор упадет перед ней на колени.

– Веллингтон, прошу вас...

– Но обращаться к вам подобным образом... я...

– Мы знаем друг друга уже больше шести лет, – сказала Джессика. – Достаточно долгий срок, чтобы отбросить чрезмерные формальности между нами – по крайней мере в неофициальной обстановке.

Юйэ отважился на слабую улыбку.

«Кажется, это сработало, – подумал он. – Теперь она отнесет все замеченные ею странности в моем поведении на счет смущения. И, зная ответ, не станет доискиваться иных причин».

– Боюсь, я слишком рассеян, – сказал он. – Всякий раз, когда я ощущаю сочувствие к вам, я думаю о вас, простите... как просто о... Джессике.

– Сочувствие ко мне? Почему?

Юйэ пожал плечами. Он уже давно понял, что Джессика не наделена даром Правдовидения в той же мере, как его Уанна. Тем не менее он всегда, когда это было возможно, старался говорить ей правду. Так было безопаснее всего.

– Вы уже видели это место, ми... Джессика. – Он споткнулся на имени, но затем продолжил: – Такое пустынное, голое после Каладана. А люди здесь! Эти горожанки, мимо которых мы проезжали, – как они кричали под своими покрывалами! Как смотрели на нас!..

Она сложила руки на груди, обхватила себя за плечи и ощутила крис – клинок, выточенный, если верить рассказам, из зуба песчаного червя.

– Просто мы кажемся им странными – иные люди, иные обычаи. Они же знали только Харконненов. – Джессика взглянула поверх его плеча в окно. – На что вы смотрели?

Он повернулся к окну:

– На людей.

Джессика встала рядом, посмотрела туда, куда глядел Юйэ, на участок перед домом. Там росли в ряд два десятка пальм. Земля между ними была голая, чисто выметенная. Силовое поле отгораживало их от улицы, по которой двигались люди в широких одеждах. Джессика заметила в воздухе между нею и этими людьми слабое мерцание поля, окружавшего дом, и все вглядывалась в толпу, пытаясь понять, что же в ней могло так захватить внимание Юйэ.

Наконец она заметила – и прижала ладонь к щеке. Как эти люди смотрели на пальмы! Она увидела зависть, какую-то ненависть... и даже надежду. Все они смотрели на пальмы с одним и тем же выражением лица.

– Знаете, о чем они думают? – спросил Юйэ.

– А вы умеете читать мысли?

– Эти мысли... Их не надо читать. Они глядят на пальмы и думают: «Это сто человек». Вот что они думают.

Джессика недоумевающе подняла брови:

– Почему?

– Это финиковые пальмы, – объяснил он. – Одной финиковой пальме требуется сорок литров воды в день. Человеку – здесь — достаточно восьми. Таким образом, каждая пальма соответствует жизням пяти людей. Здесь двадцать пальм – то есть сотня людей.

– Но кое-кто из них смотрит на пальмы с надеждой.

– Они надеются всего лишь на то, что упадет несколько фиников. Только теперь не сезон.

– Мы слишком несправедливы к этой планете, – сказала Джессика. – Здесь, конечно, есть опасность, но есть и надежда. Пряность в самом деле может обогатить нас. А имея достаточно богатую казну, мы сможем превратить этот мир во что пожелаем...

И она мысленно засмеялась над собой: «Кого я пытаюсь убедить?» Смех вырвался наружу и прозвучал ломко, безрадостно.

– Но безопасность не купишь, – добавила она.

Юйэ отвернулся, чтобы она не видела его лицо. «Если бы я только смог ненавидеть, а не любить этих людей!» – подумал он. Джессика во многом напоминала его Уанну. Но сама эта мысль несла с собой суровое напоминание, укрепляя его на тяжком пути к цели. Кто может знать все пути харконненской жестокости? Уанна могла быть еще жива. Он должен удостовериться сам.

– Не тревожьтесь за нас, Веллингтон, – мягко сказала Джессика. – Это наша проблема, не ваша.

«Она думает, что я тревожусь о ней! – Он смигнул слезу. – И она, конечно, права. Но я должен предстать перед этим черным бароном, исполнив порученное мне дело, и использовать единственный мой шанс, чтобы нанести удар тогда, когда он будет менее всего готов к этому, когда он будет слабее всего, – в момент его торжества!»

Юйэ вздохнул.

– Я не побеспокою Пола, если взгляну на него? – спросила Джессика.

– Нисколько. Я дал ему успокаивающее.

– Хорошо ли он переносит перемены?

– Да, если не считать небольшого переутомления. Он возбужден, но кто в его возрасте не был бы возбужден в подобных обстоятельствах?.. – Юйэ подошел к двери, открыл ее. – Он здесь.

Джессика последовала за ним, вгляделась в полутьму.

Пол лежал на узкой кровати, держа одну руку под легким покрывалом, а другую закинув за голову. Жалюзи на окне рядом с кроватью сплели узор теней на лице и покрывале.

Джессика всматривалась в лицо сына, овал которого так походил на ее собственный. Но волосы были отцовские – жесткие, черные, взъерошенные. Длинные ресницы скрывали светло-серые глаза. Джессика улыбнулась, чувствуя, как отступают страхи. Ее почему-то не отпускала мысль о наследственных признаках в чертах сына – ее глаза и абрис, но сквозь них, словно вырастающая из детства зрелость, проступали резкие черты отца.

Она подумала, что облик мальчика – изысканный дистиллят множества случайных сочетаний, бесконечной череды наугад тасуемых образов, соединенных в единую цепь. Ей захотелось встать на колени возле кровати и обнять сына, но сдерживало присутствие Юйэ. Она отступила назад и тихо закрыла дверь.

Юйэ отошел к окну, не в силах смотреть, как Джессика любуется сыном. «Почему Уанна не подарила мне детей? – в который раз с тоской спросил он себя. – Я как врач знаю, что физических препятствий к тому не было. Связано ли это с Бене Гессерит? Возможно, ей велели хранить себя для какой-то иной цели? Но какой? Она, несомненно, любила меня...»

Впервые ему пришло в голову, что он сам мог быть частью замысла, куда более сложного и запутанного, чем он мог бы представить.

Джессика встала подле него, задумчиво сказала:

– Какая восхитительная безмятежность у сна ребенка...

Он механически ответил:

– Если бы только взрослые умели так расслабляться.

– Да.

– Где потеряли мы это?.. – пробормотал он.

Она взглянула на него, уловив что-то странное в его интонации, но мысли ее по-прежнему были прикованы к Полу: она думала о новой суровости, которая должна прибавиться здесь к его обучению, о том, как изменится теперь его жизнь – и как сильно будет отличаться от той жизни, которую они планировали для него...

– Да, мы действительно потеряли что-то, – проговорила она.

Она взглянула направо, на склон, поросший дрожащими на ветру серо-зелеными кустами с пыльными листьями и ветвями, похожими на когтистые лапы. Мрачно-темное небо нависало над самым склоном, как огромная клякса. Молочно-белый свет арракийского солнца придавал

пейзажу серебристый оттенок – свет этот напоминал блеск криса, спрятанного сейчас у нее на груди.

– Какое темное небо, – сказала она.

– Отчасти это объясняется очень низкой влажностью, – пояснил Юйэ.

– Вода! – раздраженно сказала Джессика. – Куда ни посмотри, все здесь напоминает о недостатке воды!

– Это и есть тайна Арракиса, – отозвался он.

– То, почему тут так мало воды?.. Почвы сложены из вулканических пород. Можно назвать дюжину различных причин. Есть лед в полярных шапках. В Пустыне, насколько мне известно, бурить нельзя – бури и песчаные приливы уничтожат оборудование прежде, чем оно будет установлено и запущено, если, конечно, черви не доберутся до него еще раньше. И ни разу им не попадались признаки воды... Но тайна – настоящая тайна, Веллингтон! – это колодцы, пробуренные во впадинах и чашах. Вы читали о них?

– Да. Сначала – тоненькая струйка, потом – ничего, – ответил он.

– Но, Веллингтон, в этом-то и есть тайна! Вода была там! Потом она иссякала, и больше ее никогда не было. Но затем рядом бурят новую скважину, и происходит то же самое: сначала – струйка, потом – ничего. Неужели никто не заинтересовался этим?

– В самом деле, странно, – согласился Юйэ. – Вы подозреваете участие биологического фактора? Но разве он не проявился бы в пробах грунта?

– Проявился бы? Как? Инородное растительное... или животное вещество? Кто распознал бы его? – Она снова повернулась к обрыву. – Вода не останавливается – что-то останавливает ее. Так мне кажется...

– Возможно, – кивнул Юйэ. – Харконнены закрыли множество источников информации об Арракисе. Быть может, у них были на то причины.

– Какие? – спросила она. – И вот еще что: атмосферная влага. Да, ее немного, но она есть. Она дает большую часть

добываемой воды, которую собирают ветровыми ловушками и осадителями. Откуда эта влага в атмосфере?

– Полярные шапки, возможно?..

– Холодный воздух не примет много влаги. За харконненской завесой здесь скрыто многое, требующее тщательного расследования, и не все из этого напрямую связано с Пряностью.

– Мы действительно опутаны харконненской завесой, – проговорил Юйэ. – Возможно, мы даже... – Он оборвал себя, заметив напряжение, возникшее в ее взгляде, обращенном на него. – Что-нибудь не так?

– То, как вы сказали «харконненской» ... – ответила она. – Даже герцог не произносит это имя с такой ненавистью. Я не знала, что у вас есть личные причины так ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! – пронеслось у него в сознании. – Я таки вызвал ее подозрения! Теперь мне пригодятся все уловки, каким меня учила моя Уанна. Остается единственный путь – сказать ей правду, насколько это возможно...»

– Вы не знаете, что моя жена, моя Уанна... – Он свел плечи, не в силах продолжать из-за комка в горле. Наконец сумел выдавить: – Они... – Нет, он не мог говорить. Его охватила паника, он зажмурил глаза, испытывая боль в груди и почти ничего больше не чувствуя и не видя, пока его плеча не коснулась рука.

– Простите меня, – сказала Джессика. – Я не хотела тревожить старую рану...

«Эти скоты! – подумала она. – Его жена была Бене Гессерит, по нему это отчетливо видно. И очевидно, что Харконнены убили ее. Вот еще одна несчастная жертва, привязанная к Атрейдесам в шереме ненависти...»

– Простите, – сказал Юйэ, – я не могу говорить об этом. – Он открыл глаза, разрешая печали охватить себя. Печаль, по крайней мере, была подлинной.

– Веллингтон, мне, право, жаль – простите, что мы привезли вас в это ужасное место, – сказала она.

– Я приехал сюда по доброй воле, – отозвался он. И это тоже была правда.

– Но вся эта планета – харконненская ловушка. Вы же должны это понимать.

– Нужно нечто большее, чем простая ловушка, чтобы поймать герцога Лето. – И это тоже было правдой...

– Наверное, мне следовало бы быть более уверенной в нем, – вздохнула Джессика. – Он прекрасный тактик.

– Мы вырваны с корнем из нашей почвы, – проговорил он. – Вот почему нам так тяжело.

– А как легко убить вырванное с корнем растение, – сказала Джессика. – Особенно когда оно пересажено на враждебную почву.

– Вы уверены, что почва враждебна нам?

– Когда здесь узнали, сколько людей добавляет герцог к местному населению, вспыхнули водяные бунты, – сказала она. – И они прекратились, только когда люди узнали, что мы устанавливаем новые ветровые ловушки и конденсаторы, чтобы покрыть расход воды на содержание наших людей.

– Но здесь воды достаточно для поддержания жизни лишь определенного количества людей, – возразил он. – И люди знают, что, когда на планете с ее ограниченными запасами воды появляются лишние рты, цены на воду растут и самые бедные вымирают. Но герцог решил эту проблему. Поэтому из водяных бунтов отнюдь не следует, что люди все время будут настроены к нему враждебно.

– А охрана, – сказала она, – повсюду охрана. И силовые поля. Куда ни взглянешь, повсюду мерцают силовые щиты. На Каладане мы жили не так...

– Погодите немного – дайте этой планете шанс, – сказал он. Джессика продолжала смотреть в окно.

– Я чувствую здесь запах смерти, – наконец проговорила она. – Хават прислал сюда батальон своих агентов задолго до квартирьеров. Стражники снаружи – его люди. Грузчики – его люди. Из казны безо всяких объяснений изымаются

громадные суммы. Их размеры могут означать только одно: взятки на самом высшем уровне. – Она покачала головой. – Куда бы ни пришел Суфир Хават, следом появляются обман и смерть...

– Вы возводите напраслину на беднягу.

– Напраслину? Я же его хвалю. Смерть и обман – это все, на что мы еще можем надеяться. Просто я не заблуждаюсь относительно методов Суфира.

– Вам стоило бы... отвлечься каким-нибудь делом, – покачал головой Юйэ. – Не оставляйте себе времени для таких тягостных...

– Дело! А я что делаю почти все время, Веллингтон? Я – секретарь герцога, и это такое дело, что каждый день я узнаю о все новых опасностях... даже он сам не подозревает, что я знаю о них. – Она сжала губы и, помолчав, добавила: – Иногда я спрашиваю себя, какую роль в том, что он выбрал меня, сыграла моя подготовка как Бене Гессерит.

– Что вы имеете в виду? – Он поразился ее циничному тону, горечи, которую она никогда не выказывала раньше.

– Не думаете ли вы, Веллингтон, – промолвила Джессика, – что куда безопаснее иметь секретаршу, привязанную любовью к своему патрону?..

– Вряд ли это достойная мысль, Джессика.

Упрек вырвался у него сам собой и потому прозвучал очень естественно. Невозможно было усомниться в том, как относится герцог к своей наложнице. Достаточно увидеть, как он взглядом следует за ней...

Она вздохнула:

– Вы правы. Это в самом деле недостойно.

Она стояла, обхватив себя за плечи и прижав к телу крис в ножнах, думая о том незавершенном деле, символом которого он был.

– Скоро здесь прольется кровь. «Много крови», – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока не погибнут сами или не уничтожат герцога. Барон не может забыть, что Лето – кузэн Императора, пусть и отдаленный, – а титул

Харконненов куплен на миллиарды КООАМ. Но главное – это яд, отравляющий глубины его сознания: память о том, что когда-то, после Корринской битвы, Атрейдес изгнал Харконнена за трусость.

– Старинная вражда, – пробормотал Юйэ. На мгновение он ощутил разъедающее прикосновение ненависти. Старинная вражда поймала его в свои сети, убила его Уанну или – что еще хуже – оставила ее в руках харконненских мучителей, и пытки будут продолжаться, пока ее муж не заплатит запрошенную палачами цену. Старинная вражда поймала его, и эти люди – часть этого отвратительного дела. Какая злая ирония в том, что такая смертоносная мерзость расцвела именно здесь, на Арракисе, единственном во Вселенной источнике меланжи, продлевающей жизнь и дарующей здоровье!..

– О чем вы думаете? – спросила она.

– Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев – и это не на черном рынке, а вполне официально. На такие деньги можно купить многое.

– Жадность коснулась даже вас, Веллингтон?

– Это не жадность.

– А что?

Он пожал плечами:

– Тщетность. – Взглянув на Джессику, он после небольшой паузы спросил: – Вы помните, какой был вкус у Пряности, когда вы попробовали ее в первый раз?

– Она напоминала корицу.

– Но вкус ни разу не повторялся, – заметил Юйэ. – Она как жизнь – каждый раз предстает в новом обличье. Некоторые полагают, что меланжа вызывает так называемую реакцию ассоциированного вкуса. Иначе говоря, организм воспринимает ее как полезное вещество и, соответственно, интерпретирует ее вкус как приятный, – это эйфорическое восприятие. И, подобно жизни, Пряность никогда не удастся синтезировать, создать ее точный искусственный аналог...

– Я думаю, что нам, возможно, было бы мудрее стать отступниками, уйдя за пределы досягаемости Империи, – сказала Джессика.

Он понял, что она его не слушала, и подумал: в самом деле, почему она не склонила герцога к этому? Она могла бы заставить его сделать практически все, что угодно...

Он быстро проговорил – быстро, потому что менял предмет разговора и проблем с правдой не должно было возникнуть:

– Не сочтите за дерзость... Джессика. Можно задать вам личный вопрос?

Она оперлась о подоконник, почувствовав необъяснимый укол беспокойства.

– Ну разумеется. Вы же... мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Она резко обернулась, вскинула голову, пристально взглянула ему в глаза.

– Не заставила его жениться на мне? Но...

– Мне не следовало задавать этот вопрос, – сказал он.

– Нет, почему же? – Она пожала плечами. – На то есть достаточно веская политическая причина – до тех пор, пока мой герцог остается неженатым, у некоторых Великих Домов сохраняется надежда на породнение с ним. И... – она вздохнула, – и, кроме того, принуждение людей, подчинение их своей воле приводит к циничному отношению к человечеству в целом. А такое отношение разлагает все, чего касается. Если бы я склонила его к этому... это было бы не его поступком.

– Эти слова могла бы сказать и моя Уанна, – пробормотал он. И это тоже было правдой. Он приложил руку ко рту, судорожно сглотнул. Никогда он не был так близок к признанию, к разоблачению своей тайной роли.

Джессика заговорила снова, разрушив мгновение, когда признание готово было сорваться:

– И, кроме того, Веллингтон, в герцоге словно бы два человека. Одного из них я очень люблю. Он обаятельный,

остроумный, заботливый... нежный – словом, в нем есть все, чего только может пожелать женщина. Но другой человек... холодный, черствый, требовательный и эгоистичный – суровый и жесткий, даже жестокий, как зимний ветер. Это – человек, сформированный его отцом. – Ее лицо исказилось. – Если бы только этот старик умер, когда родился Лето!..

В наступившем молчании слышно было, как шевелит занавески струя воздуха от вентилятора.

Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

– Лето прав – здесь комнаты уютнее, чем в других частях дома. – Она повернулась, окидывая комнату взглядом. – А теперь извините меня, Веллингтон. Я хотела бы еще раз обойти это крыло перед тем, как распределять помещения.

Он кивнул:

– Разумеется.

И подумал: «Если бы был хоть какой-нибудь способ избежать того, что я должен сделать!»

Джессика опустила руки, пересекла комнату и на мгновение остановилась в нерешительности на пороге, – а потом все-таки вышла, ничего не спросив.

«В течение всего разговора он что-то скрывал, что-то утаивал, – думала она. – Несомненно, он боится расстроить меня. Он славный человек. – И снова заколебалась, почти уже повернула обратно, чтобы вызнать, что же скрывает Юйэ. – Но это только пристыдило и испугало бы его – да, он испугался бы, что я так легко читаю в его душе. Мне следует больше доверять своим друзьям».

* * *

Многие отмечали быстроту, с которой Муад'Диб усвоил уроки Арракиса и познал его неизбежности. Мы, Бене Гессерит, разумеется, знаем, в чем основы этой быстроты. Другим же можем сказать, что Муад'Диб быстро учился потому, что прежде всего его научили тому, как надо учиться. Но самым первым уроком стало усвоение веры в то, что он может учиться, и это – основа всего. Просто поразительно, как много людей не верят в то, что могут учиться и научиться, и насколько больше людей считают, что учиться очень трудно. Муад'Диб же знал, что каждый опыт несет свой урок.

Принцесса Ирулан. «Человечность Муад'Диба»

Пол лежал в постели и притворялся спящим. Спрятать в руке таблетку доктора Юйэ, сделав вид, что глотаешь ее, было проще простого. Пол подавил смешок: даже мать поверила, что он спит! Он хотел было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но понял, что она этого не одобрила бы. Слишком все сумбурно, слишком еще неулаженно. Нет. Лучше притвориться...

«Если я тихонько уйду без спроса, то о непослушании речи нет: ведь и запрета не было. Кроме того, я же никуда не выйду из дома, а в доме безопасно».

Он слышал, как мать в соседней комнате беседует с Юйэ. Слова доносились невнятно – что-то о Пряности... о Харконненах... Голоса раздавались то громче, то тише и наконец смолкли.

Пол принялся разглядывать резное изголовье кровати – на самом деле это был замаскированный пульт управления оборудованием комнаты. Резьба изображала рыбу, застывшую в прыжке над крутыми завитками волн. Он уже знал, что если нажать на ее глаз – единственный видимый глаз рыбы, – то загорятся плавающие лампы. Одну из волн можно было поворачивать, регулируя вентиляцию. Другая управляла температурой.

Пол беззвучно сел в постели. Слева от кровати у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть

от стены, открыть потайной кабинетец с боковыми ящиками. Ручка двери в холл была выполнена в виде штурвала орнитоптера.

Комната выглядела так, словно была специально предназначена соблазнить и завлечь его.

Комната и вся планета.

Он подумал о книгофильме, который показал ему Юйэ: «Арракис. Его Императорского Величества Ботаническая Испытательная станция». Старый книгофильм, сделанный еще до открытия Пряности. Названия проносились в сознании Пола, каждое – с изображением, запечатленным в памяти мнемонической пульсацией: сагуаро[6], ослиный куст, финиковая пальма, песчаная вербена, вечерняя примула, бочоночный кактус, фимиамовый куст, дымное дерево, креозотовый кустарник… лисица-фенек, пустынный ястреб, кенгуровая мышь или арракийский тушканчик…

Названия и изображения, многие из которых пришли из далекого земного прошлого человечества, но и множество таких, каких не найти во всей Вселенной, только здесь, на планете Арракис.

Так много нового, о чем надо узнать поподробнее! Например, Пряность.

И песчаные черви.

В соседней комнате закрылась дверь. Это ушла мать – Пол слышал ее легкие шаги через холл. Доктор Юйэ, конечно, найдет себе что-нибудь почитать и останется в комнате.

Самое время отправляться на разведку.

Пол соскользнул с кровати и направился к хитроумному книжному шкафу с тайником. Услышав за спиной какой-то звук, он обернулся. Резное изголовье отошло вниз точно у того места, где он только что лежал. Пол замер, и неподвижность спасла ему жизнь.

---

[6] Саговый драконий корень (исп., вымышл.).

Из-за отошедшей панели выскользнул крохотный охотник-искатель, машинка не более пяти сантиметров длиной. Пол сразу узнал ее – распространенное оружие асассинов, с раннего детства хорошо знакомое любому ребенку из Правящих Домов. Металлическая игла управлялась скрывавшимся где-то поблизости убийцей. Она отыскивала живое движущееся тело, вонзалась в него и, прорезая себе путь вдоль нервных путей, добиралась до ближайшего жизненно важного органа...

Искатель приподнялся и, зависнув в воздухе, хищно поворачивался вправо-влево, словно вынюхивая добычу.

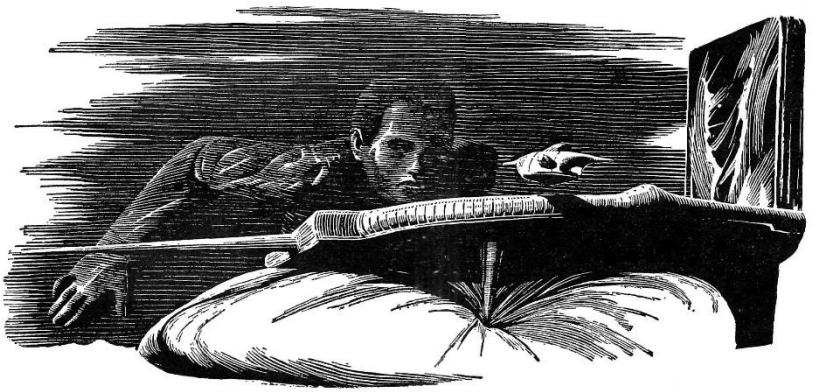
В памяти Пола всплыли характеристики охотника-искателя, в том числе и недостатки этого устройства: сжатое силовое поле подвески сильно искажало изображение в миниатюрном телеглазе искателя. Значит, в полутьме спальни оператор не сможет разглядеть свою жертву и будет вынужден ориентироваться на движение – на любое движение, надеясь, что цель выдаст себя. Щит-пояс лежит на кровати... Луч лазера мог бы сбить такую машинку, но лучеметы были слишком дороги и чудовищно капризны; кроме того, лазерный луч, соприкоснувшись с силовым полем, мог вызвать взрыв. Поэтому Атрейдесы предпочитали полагаться на личные щиты и свои ум и ловкость.

Сейчас Пол заставил себя замереть в почти мертвой неподвижности – он понимал, что может полагаться только на себя. На ум и ловкость.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра и, словно струясь в полосках слабого света, пробивавшегося сквозь жалюзи, поисковым зигзагом пошел от стены к стене через комнату, деля ее на уменьшающиеся квадраты.

«Надо попытаться схватить эту штуку, – решил Пол. – Из-за поля подвески она снизу как будто скользкая – так что надо хватать ее покрепче».

Машинка опустилась полуметром ниже, повернула влево, покружила над кроватью. Слышно было ее слабое гудение.

Интересно, кто им управляет? Он ведь должен быть совсем рядом. Можно было бы позвать доктора Юйэ, но эта штука убьет его, едва он откроет дверь...

Дверь в холл за спиной Пола скрипнула, кто-то постучал и открыл ее.

Охотник-искатель метнулся мимо Пола – на движение.

Правая рука юноши взметнулась и схватила смертоносную игрушку. Та гудела, дергалась и изгибалась, но он изо всех сил сжимал кулак. Затем Пол с размаху ударил штуковину клювом о металлическую дверную панель. Носовой телеглаз с хрустом разбился, и искатель бессильно замер в его руке.

Но Пол не выпускал его – на всякий случай.

Пол поднял взгляд и встретился с широко открытыми, сплошь синими глазами Шэдаут Мэйпс.

– Ваш отец послал за вами, – сказала она. – В холле вас ждет охрана.

Пол кивнул, удивленно разглядывая незнакомую женщину в мешковатом буром платье. Та же смотрела теперь на предмет в его руке.

– Я слышала о таких штуках, – сказала она. – Она бы меня убила, да?

Ему пришлось глотнуть, прежде чем он смог говорить:

– Ее... целью был я.

– Но она летела в меня.

– Потому что вы двигались. (Любопытно, кто она такая?)

– Значит, вы спасли мне жизнь.

– Я спас нас обоих.

– Вы могли бы спастись и, если бы позволили ей убить меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Шэдаут Мэйпс, домоправительница.

– Как вы узнали, где меня искать?

– Ваша мать мне сказала. Я встретила ее на лестнице, ведущей в колдовскую комнату, – это тут рядом по коридору. – Она махнула рукой куда-то направо. – Там ждут люди вашего отца.

«Люди Хавата, – подумал Пол. – Надо найти оператора этой штуки».

– Пойдите к ним, – распорядился он. – Скажите им, что я поймал в доме охотник-искатель и что они должны обыскать дом и найти оператора. Пусть немедленно блокируют все выходы из дома и ближайшие подходы. Они знают, что делать. Оператор наверняка не из наших людей.

И тут же подумал: «Может быть, это она?» Но он знал, что нет. Когда женщина вошла, искателем кто-то еще управлял.

– Прежде чем выполнить вашу просьбу... человечек, – проговорила она, – я хочу, чтобы между мною и... тобой все было ясно. Вы возложили на меня Долг воды, хотя я и не уверена, что хотела бы нести такое бремя. Но мы, фримены, платим свои долги – и белые, и черные долги. И нам известно, что среди ваших людей есть предатель. Кто он, мы не знаем, но в том, что предатель есть, – уверены. Может быть, это его рука направляла этот летающий нож...

Пол воспринял все это в молчании. Предатель. И, прежде чем он успел сказать что-нибудь, странная женщина повернулась и почти выбежала из комнаты.

Он хотел было вернуть ее, но понял, что она оскорбилась бы – было в ее манерах что-то такое... Она сказала ему все,

что знала, и пошла выполнять его просьбу. Сейчас дом наводнят люди Хавата.

Мысль его переключилась на другие странности этой странной беседы. Колдовская комната. Он посмотрел туда, куда показывала Мэйпс. Мы, фримены... Значит, это была фременка. Он на мгновение отвлекся от размышлений, чтобы с помощью мнемонического приема запомнить лицо: сморщенное, как чернослив, темно-коричневое обветренное лицо; глаза – синее на синем. К этому образу он прикрепил бирку: Шэдаут Мэйпс.

Все еще сжимая в руке, разбитый охотник-искатель, Пол вернулся в свою комнату, левой рукой поднял с кровати щит, надел его и выбежал в коридор, налево, на бегу застегивая пряжку.

Она сказала, что мать где-то здесь... тут должна быть лестница в колдовскую комнату.

* * *

Что поддерживало леди Джессику во времена испытаний? Задумайтесь над притчей Бене Гессерит, и тогда вы, возможно, поймете: «Любая дорога, пройденная до конца, приводит в никуда. Чтобы убедиться, что гора – это гора, незачем взбираться высоко. Хватит и небольшого подъема, ибо с вершины гора не видна».

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

В конце южного крыла Джессика обнаружила металлическую винтовую лестницу, поднимающуюся к овальной двери. Оглянувшись на коридор, она опять повернулась к двери. Странно: овал – необычная форма для двери в доме.

В окнах под лестницей Джессика видела огромное белое солнце Арракиса, катящееся к вечеру. Длинные тени пронзили коридор. Она внимательно оглядела лестницу: в ярком боковом свете были отчетливо видны комочки высохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и двинулась вверх. Перила холодили ладонь. Поднявшись, она увидела, что у двери нет ручки – на ее месте было только небольшое углубление.

Вряд ли это дакти-замок, подумала она, ведь дакти-замок делается под форму ладони и папиллярные линии одного только владельца. Тем не менее углубление походило на дакти-замок. А как ее учили в школе Б.Г., любой дакти-замок можно открыть.

Джессика оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не следит, приложила ладонь к углублению в двери, обернулась и увидела скользящую к лестнице Мэйпс.

– В Большой зал пришли какие-то люди и говорят, что герцог прислал их за молодым господином, Полом, – сообщила Мэйпс. – Они показали герцогскую печать, и охрана их узнала.

Она взглянула на дверь и снова на Джессику.

А она осторожна, эта Мэйпс. Хороший знак.

– Пол в пятой комнате отсюда по коридору, в маленькой спальне, – показала Джессика. – Если тебе не удастся разбудить его сразу, позови доктора Юйэ – он в соседней комнате. Возможно, придется сделать стимулирующую инъекцию.

Мэйпс снова бросила странный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что на лице домоправительницы промелькнуло отвращение. Однако, прежде чем Джессика успела спросить, что скрывается за этой дверью, Мэйпс уже удалялась по коридору.

Хават проверил это место. Так что здесь не может быть чего-либо особенно опасного.

Она толкнула дверь. Та подалась внутрь, открыв ее взору крохотное помещение с такой же овальной дверью в противоположной стене – только со штурвальной кремальерой вместо ручки.

– Воздушный шлюз! – удивилась Джессика. Она заметила валяющуюся на полу шлюзовой камеры подпорку для двери. На подпорке красовался личный значок Хавата.

Дверь оставили открытой. Подперли, а потом кто-то, скорее всего случайно, выбил подпорку, не сообразив, что дверь закроется на дакти-замок.

Джессика шагнула через высокий порог.

– Зачем бы в доме шлюз? – спросила она себя. Ей внезапно пришла в голову мысль о каких-то экзотических существах, нуждающихся в особом микроклимате.

Особый микроклимат! На Арракисе, где в орошении нуждались даже самые засухоустойчивые инопланетные растения, это могло иметь особый смысл.

Дверь за ее спиной начала закрываться, но Джессика удержала ее и надежно подперла. Затем вернулась к внутренней двери и увидела над штурвалом вытравленную на металле почти незаметную надпись. Надпись была сделана на галакте:

«О Человек! Здесь находится прекрасная часть Творения Божия; так смотри и учись любить совершенство Твоего Всевышнего Друга».

Джессика нажала на колесо – штурвал повернулся влево, и дверь открылась. Легкий ветерок коснулся ее щеки, пошевелил волосы. Воздух был явно другой – какой-то более густой, ароматный. Она распахнула дверь и увидела густую зелень, пронзенную золотым солнечным светом.

«Желтое солнце? – удивилась она. Потом поняла: – Ну да, конечно, цветное стекло-фильтр!»

Когда она перешагнула порог, дверь за ее спиной затворилась.

– Оранжерея влаголюбивых растений, уголок влажной планеты, – прошептала она.

Повсюду стояли растения в кадках и коротко подстриженные деревья. Она узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, зеленоцветную пленисценту, бело-зеленые полосатые акарсо… розы…

Даже розы!

Она склонилась над огромным розовым цветком, вдохнула его аромат. И только тут осознала, что с того момента, как дверь открылась, она слышит какой-то ритмический шум.

Джессика раздвинула густую листву и увидела центральную часть оранжереи. Там из металлической чаши бил небольшой фонтан, образуя как бы прозрачный купол. Привлекший ее звук был дробным стуком воды о чашу.

Джессика быстро проделала короткий ритуал очищения чувств и начала методично обследовать комнату, обходя ее по периметру. Комната была размером метров десять на десять. По расположению ее над концом коридора и по некоторым небольшим отличиям в ее конструкции Джессика догадалась, что комнату пристроили над крышей этого крыла здания спустя очень много времени после завершения самого дворца.

Она остановилась на южном конце комнаты перед широким окном желтого стекла и оглянулась. Практически все пространство комнаты занимали экзотические влаголюбивые растения. Среди растений что-то зашелестело; Джессика настороженно застыла, но это был всего лишь примитивный сервок с часовым механизмом, оснащенный поливочным шлангом. Рука-рычаг со шлангом поднялась, из раструба вырвалась россыпь мелких брызг – она ощутила влагу на лице. Шланг убрался, и Джессика увидела, что поливала машинка: папоротниковое дерево.

В этой комнате всюду была вода – и это на планете, где вода была драгоценнейшим соком жизни. Воду в этой оранжерее расходовали так демонстративно, что это уязвило Джессику до глубины души.

Она взглянула на солнце – желтое через окно-фильтр. Солнце низко висело над иззубренным горизонтом, над скалами, образовывавшими длинную горную цепь, которую здесь называли Барьерной Стеной.

Светофильтры. Чтобы превратить белое солнце в более мягкое, знакомое. Кто мог устроить здесь такое место? Лето?

Вполне в его духе преподнести мне такой сюрприз, но у него не было времени. И он слишком занят своими делами…

Она припомнила один доклад, в котором, помимо прочего, упоминалось, что многие арракинские дома имели герметически закрывающиеся окна и двери – чтобы сохранить, собрать и использовать вторично влагу внутреннего воздуха. Лето говорил, что во дворце такие меры не принимались умышленно – чтобы продемонстрировать богатство и могущество, окна и двери предохраняли лишь от проникновения внутрь пыли.

Но эта комната выражала то же самое куда сильнее, чем простое отсутствие герметичных внешних дверей. Она прикинула, что эта комната отдыха расходовала столько воды, сколько хватило бы для поддержания жизни тысячи жителей Арракиса, – а может, и больше.

Джессика прошлась вдоль всего панорамного окна, по-прежнему рассматривая комнату, и только тогда заметила металлическую пластину, укрепленную рядом с фонтаном примерно на высоте обычного стола. На ней лежали белый блокнот и стило, полускрытые нависающим веерообразным листом. Она подошла, отметив, что на металле стоит сегодняшняя печать Хавата, и прочла записку на верхнем листе:

Леди Джессике.

Пусть эта комната доставит вам такое же удовольствие, какое она доставляла мне. Позвольте ей напомнить вам урок, который преподали нам наши общие учителя: близость желаемого вводит в искушение и склоняет к излишествам. На этом пути лежит опасность. С наилучшими пожеланиями.

Марго, леди Фенринг

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего полномочного представителя Императора на Арракисе графом Фенрингом. Однако скрытое в записке сообщение

требовало немедленного внимания, особенно учитывая, что писавшая записку явно тоже принадлежала к Бене Гессерит.

Мимоходом кольнула горькая мысль: «Граф женился на своей леди – она ему жена, не наложница...»

Эта мысль промелькнула у Джессики, когда она уже склонилась над столом, пытаясь найти спрятанное послание. Оно наверняка где-то здесь: в записке была кодовая фраза, с которой всякая сестра Бене Гессерит, не связанная особым приказом своей Школы, должна была обратиться к другой, чтобы предупредить о какой-то угрозе: «На этом пути лежит опасность».

Джессика ощупала блокнот сзади, пытаясь найти выдавленные точки кода. Ничего. Ее ищущие пальцы пробежали по краю блокнота. Ничего. Она положила блокнот на прежнее место. Ее не покидало чувство, что послание необходимо отыскать безотлагательно.

Возможно, что-нибудь в том, как положен блокнот?

Но Хават, осматривавший комнату, несомненно, передвигал блокнот. Джессика взглянула на нависающий над блокнотом лист. Лист! Она провела пальцем по нижней поверхности листа. Так и есть! Пальцы нащупали еле заметные кодовые точки. Джессика без труда, всего раз, проведя по точкам, прочла и расшифровала послание:

«Ваш сын и герцог Лето находятся в опасности. Одна из спален рассчитана на то, чтобы завлечь вашего сына. Х. спрятали в ней смертоносные ловушки, но так, чтобы все они могли быть сравнительно легко обнаружены – кроме одной, которая может ускользнуть от вашего внимания».

Джессика подавила побуждение немедленно броситься в спальню сына: сначала следовало дочитать послание. Ее пальцы заспешили по точкам.

«Точная природа угрозы мне неизвестна, но это что-то связанное с кроватью. Угроза же вашему герцогу исходит от изменника из доверенных лиц или приближенных. Х. обещал отдать Вас своему фавориту в качестве награды. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна.

Простите, что не могу сообщить больше. Мои источники информации скромны, потому что мой граф не служит Х. Писала в спешке. М.Ф.»

Джессика оттолкнула лист и уже собиралась помчаться к Полу, но тут дверь шлюза распахнулась. В оранжерею ворвался Пол, сжимающий что-то в правой руке. Он захлопнул за собой дверь, огляделся, увидел мать, подошел, отбрасывая с пути листву, увидел фонтан и сунул кулак с зажатым в нем предметом под падающую воду.

– Пол! – Она схватила его за плечи, тревожно глядя на его руку. – Что это такое?

Он ответил – небрежно, но она уловила в его голосе напряжение:

– Охотник-искатель. Поймал его в комнате и разбил ему нос, но хочу быть уверенным. От воды его наверняка закоротит.

– Окуни его! – скомандовала она. Вскоре она сказала: – Руку можешь вынуть, а эту штуку оставь в воде.

Пол вытащил руку, стряхнул капли воды, не отрывая взгляда от металлической штуковины в чаше фонтана. Джессика отломила черенок пальмового листа, ткнула им в смертоносное жало.

Охотник был мертв.

Она уронила черенок в воду, посмотрела на сына. Его глаза обегали комнату с тем особым вниманием, которое было так хорошо знакомо Джессике – Путь Бене Гессерит.

– Это место, по-моему, что-то скрывает, – сказал он.

– У меня есть основания считать его безопасным, – возразила Джессика.

– Мою комнату тоже считали безопасной. Хават говорил...

– Это же был охотник-искатель, – напомнила она. – Значит, кто-то управлял им – кто-то в доме. У дистанционного управления этим оружием ограниченный радиус действия. И его могли спрятать здесь уже после осмотра Хавата...

Но, сказав это, она подумала о послании на листе: «... от изменника из доверенных лиц или приближенных». Но это не Хават. О, конечно, не Хават.

– Люди Хавата сейчас прочесывают дом, – сообщил Пол. – Этот искатель чуть не убил старуху, которая пришла меня разбудить.

– Ее зовут Шэдаут Мэйпс, – сказала Джессика. – Твой отец вызвал тебя, чтобы...

– Это подождет, – отмахнулся Пол. – Так почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Джессика указала на записку и пересказала ее содержание. Пол немного расслабился.

Но сама Джессика оставалась внутренне напряженной. Милостивая Мать! Охотник-искатель!.. Ей пришлось привлечь всю свою подготовку, чтобы не поддаться приступу истерической дрожи.

Пол сказал как бы между прочим, констатируя факт:

– Конечно, это Харконнены. Нам придется их уничтожить.

В этот момент в дверь постучали – условный стук кого-то из людей Хавата.

– Войдите, – разрешил Пол.

Дверь распахнулась, и в помещение, склонившись, вошел высокий офицер в мундире Атрейдесов и с эмблемой службы Хавата на фуражке.

– Вы здесь, господин, – с облегчением сказал он. – Домоправительница так и сказала, что вы, наверное, здесь...

Он огляделся и продолжил:

– В подвале мы нашли глухой закуток и поймали прятавшегося там человека. У него был пульт управления искателем.

– Я желаю принять участие в его допросе, – заявила Джессика.

– Простите, миледи. Взять его не удалось, он мертв. Наша ошибка...

– И ничего, по чему его можно было бы опознать? – спросила она.

– Пока мы не нашли ничего, миледи.

– Он арракиец? – спросил Пол.

Джессика одобрительно кивнула: правильный вопрос.

– Похож на арракийца, во всяком случае, – ответил охранник. – Судя по всему, его запрятали там больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Вчера мы проверяли подвал, но камень и раствор там, где он проник в подвал, были не тронуты. Готов ручаться своей репутацией.

– Никто не сомневается, что вы проверяли дом тщательно, – успокоила его Джессика.

– Я сомневаюсь, миледи. Надо было проверить все там акустическим зондом.

– Надо полагать, сейчас вы именно это и делаете, – сказал Пол.

– Да, господин.

– Сообщите отцу, что мы задерживаемся.

– Будет исполнено немедленно, господин. – Он взглянул на Джессику. – Согласно приказу Хавата в подобных ситуациях молодого господина следует препроводить в безопасное место и надежно охранять. – Его глаза снова обежали оранжерею. – Тут достаточно безопасно?

– У меня есть основания считать это место безопасным, – ответила Джессика. – И Хават, и я ее проверили.

– Тогда я выставлю охрану рядом с этим помещением – пока мы не проверим еще раз весь дом.

Он поклонился Джессике, отдал честь Полу, вышел и закрыл за собой дверь.

Пол прервал внезапно нависшее молчание:

– Может, стоит позже нам самим проверить дом? Ты можешь заметить то, что другим никогда не увидеть.

– Я не проверила еще только это крыло, – отозвалась она. – Оставила его напоследок, потому что...

– Потому что Хават лично его осматривал, – докончил Пол. Джессика метнула в него вопросительный взгляд:

– Ты подозреваешь Хавата?

– Нет, но он уже немолод, и он переутомился. Можно было бы снять с него часть нагрузки.

– Это только обидело бы его и повредило его работе, – возразила Джессика. – К тому же теперь, когда Хават узнал о случившемся, в это крыло и муха не пролетит. Он будет чувствовать себя виноватым, и...

– Но мы должны принять и свои собственные меры, – сказал Пол.

– Хават верой и правдой служил трем поколениям Атрейдесов, – ответила Джессика. – Он достоин всего уважения и доверия, которыми мы можем заплатить ему... и еще много большего.

– Когда отец недоволен каким-нибудь твоим поступком, – хмыкнул Пол, – он говорит: «Бене Гессерит!» таким тоном, словно это ругательство.

– И что же во мне не нравится твоему отцу?

– Ну, в частности, ему не нравится, когда ты с ним споришь.

– Ты – не твой отец, Пол.

И Пол подумал: «Это сильно обеспокоит ее, но я должен рассказать ей, что говорила эта Мэйпс относительно предателя среди нас».

– Что ты скрываешь, Пол? – спросила Джессика. – Это совсем на тебя не похоже.

Он пожал плечами и подробно пересказал свой разговор с Мэйпс.

А Джессика подумала о послании на листе и, неожиданно решившись, показала лист Полу и прочитала зашифрованное сообщение.

– Надо немедленно сообщить отцу, – сказал Пол. – Я пошлю ему шифрограмму.

– Нет, – возразила Джессика. – Придется подождать, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

– Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

– Дело не совсем в этом, – объяснила она. – Возможно, так и было задумано, чтобы послание попало к нам. Те, кто оставил его для нас, могли верить, что все это правда; но что, если единственной целью всего этого было получение нами этого сообщения?..

Лицо Пола оставалось таким же мрачным.

– Чтобы ослабить нас, посеяв в наших рядах недоверие и подозрение...

– Поэтому ты должен наедине и с величайшей осторожностью рассказать отцу об этой возможности, – кивнула Джессика.

– Понимаю.

Она повернулась к высокому окну-светофильтру и смотрела теперь туда, где на юго-западе садилось солнце Арракиса – желтый из-за стекла шар над изломанной линией скал.

Пол повернулся вместе с матерью.

– Я тоже не думаю, что это Хават. Может, Юйэ?

– Он не из особо приближенных или особо доверенных лиц, – возразила Джессика. – Кроме того, я могу поручиться, что он ненавидит Харконненов не меньше, чем мы. Если не больше.

Пол глядел на скалы, думая: «И это никак не может быть Гурни... или Дункан. Кто-то рангом ниже?.. Нет, невозможно. Они все происходят из семей, которые были нам верны в течение поколений – и по веским основаниям».

Джессика потерла лоб, ощутив навалившуюся усталость. Сколько же тут опасностей!.. Она рассматривала ландшафт, желтый от цветного стекла. За герцогской землей раскинулись складские территории – позади высокой ограды виднелись бункеры, где хранилась меланжа, вокруг – сторожевые вышки-треножники, похожие на испуганных пауков.

Отсюда можно было увидеть по меньшей мере двадцать таких складских дворов, протянувшихся до самых скал Барьерной Стены.

Окрашенное светофильтром солнце медленно утонуло за горизонтом. Сразу же высыпали звезды. Одна яркая звезда висела так низко над горизонтом, что ее свет как бы дрожал – она мерцала в четком, размеренном ритме: тик-тик-тик – тик-тик-тик – тик...

Она почувствовала, как Пол пошевелился в темноте рядом с ней.

Но Джессика сосредоточилась на этой яркой одинокой звезде, осознав вдруг, что та висит слишком низко – что свет ее исходит из точки, расположенной ниже кромки скал.

Кто-то подавал сигналы!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был совершенно незнакомым.

На равнине под скалами зажигались новые огни – желтые точки на темно-синем, почти черном фоне. И один огонек – левее и чуть в стороне от скопления – вдруг стал ярче и замигал в ответ первому: тик-тик – тик – тик-тик-тик-тик... очень быстро.

И погас.

Тотчас погасла и фальшивая звезда в скалах. Это были сигналы, и они наполнили ее дурными предчувствиями.

– Зачем потребовались огни? – спросила она себя. Почему они не могли воспользоваться обычными коммуникаторами?

Ответ был очевиден: коммуникационная сеть наверняка прослушивалась сейчас агентами герцога Лето. Следовательно, использование световых сигналов могло означать только то, что сигналили его враги – харконненские агенты.

Раздался стук в дверь, и они услышали голос человека Хавата:

– Все в порядке, господин... миледи. Мы готовы немедленно проводить молодого господина к его отцу.

* * *

Говорят, что герцог Лето, закрыв глаза на опасности Арракиса, безрассудно вошел прямо в западню. Не будет ли более основательным предположение, что, долго живя в условиях крайней опасности, он недооценил изменение ее интенсивности? Или, быть может, он намеренно пожертвовал собой, чтобы сын его мог найти лучшую жизнь? Все данные ясно свидетельствуют, что герцог был человеком, которого нелегко обмануть.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

Герцог Лето стоял, опираясь о парапет диспетчерско-контрольной башни космодрома, расположенного на окраине Арракина. Над южным горизонтом сплюснутой в овал серебряной монетой висела Первая луна. Под ней, сияя словно глазурь, сквозь пыльную дымку проступали зубчатые скалы Барьерной Стены. Слева от герцога во мгле светились огни Арракина – желтые... белые... синие.

Он думал об уведомлениях, разосланных за его подписью во все населенные пункты планеты: «Наш великий Падишах-Император поручил мне вступить во владение этой планетой и положить конец всем спорам».

Ритуалистическая формальность этой процедуры вызвала у него прилив чувства одиночества. Кого обманула эта глупая видимость законности? Уж, конечно, не фрименов. И не Младшие Дома, контролирующие внутреннюю торговлю Арракиса... почти все до одного остающиеся харконненскими тварями.

Они пытались убить моего сына!

Он с трудом справился с нахлынувшей яростью.

Герцог увидел огни машины, ползущей из Арракина к посадочному полю. Он надеялся, что это – транспортер охраны, везущий Пола. Задержка раздражала, хоть он и понимал, что она объяснялась мерами предосторожности, принятыми службой Хавата.

Они пытались убить моего сына!

Он потряс головой, отгоняя гнев, и оглянулся на посадочное поле, где по периметру монолитными часовыми стояли пять его фрегатов. Словно древний кромлех.

Лучше задержка из осторожности, чем…

Лейтенант, которого Хават послал за Полом, был хорошим офицером, напомнил он себе. Полностью предан, заслуживает повышения.

Наш Великий Падишах-Император…

Если бы только жители этого прогнившего гарнизонного городка могли прочесть, что написал Император в приватной записке своему «благородному герцогу» – например, вот это презрительное упоминание мужчин и женщин в дистикомбах: «… но чего еще можно ждать от варваров, мечтающих лишь о том, чтобы жить вне упорядоченной надежности системы Фафрелах?»

В этот момент герцог чувствовал, что его собственная заветная мечта заключается в том, чтобы покончить со всеми сословными различиями и никогда больше не вспоминать об отвратительном порядке. Он взглянул вверх – сквозь пыль – на немигающие звезды и подумал: Вокруг одной из них кружит Каладан… но я никогда больше не увижу свой дом. Тоска по Каладану внезапно сдавила грудь. Ему показалось, что она пришла не из глубин его души, а протянула к нему руку с Каладаном. Пока он не мог заставить себя называть эту выжженную пустыню, Арракис, своим домом – и думал, что вряд ли когда-нибудь сможет.

Я должен скрывать свои чувства. Ради мальчика. Если ему суждено иметь дом, то им может стать только Арракис. Я могу думать о нем как об аде, в который попал уже при жизни, но он должен найти здесь то, что будет его воодушевлять. Что-то же здесь должно быть!

Волна жалости к себе – сразу же с презрением отброшенная, – нахлынула на него, и почему-то вспомнились две строки из стихотворения, которое любил и часто читал Гурни Халлек:

Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Пролетевший сквозь падающий песок...

Да, уж чего-чего, а песка здесь Гурни найдет даже больше, чем надо... Земли за теми блестящими под луной скалами были сплошной пустыней – бесплодный камень, дюны, вихрящаяся пыль – не нанесенная по-настоящему на карты Дикая Пустыня, сухая и мертвая, с разбросанными вдоль ее края (а может быть, встречающимися и внутри) поселениями фременов. И если у рода Атрейдесов и есть сейчас хоть какая-то надежда – то она во фременах...

Если только Харконнены не сумели опутать даже фременов своими ядовитыми интригами.

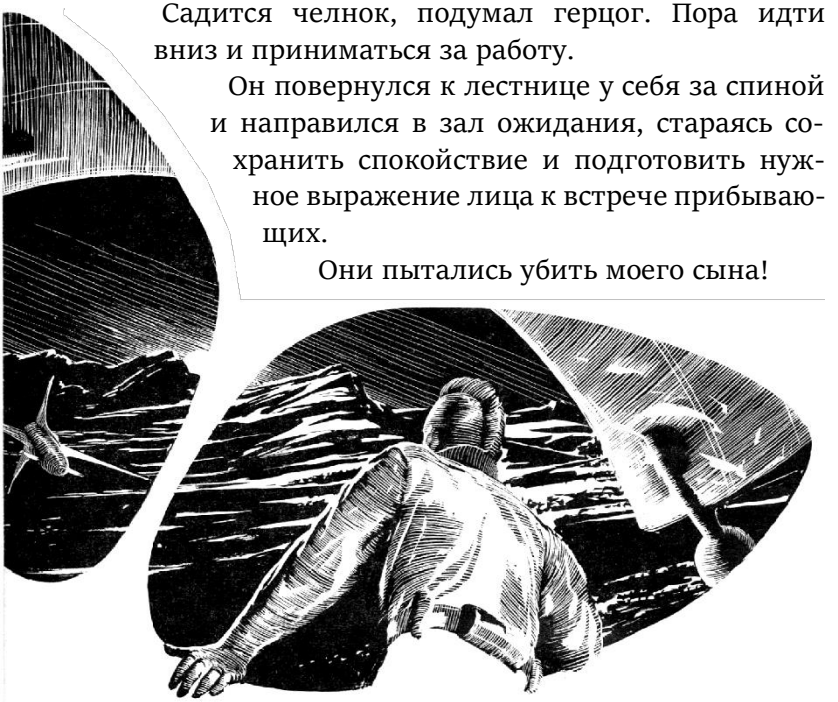
Они пытались убить моего сына!

Металлический скрежет сотряс башню, завибрировал парапет, на который опирался герцог. Загородив обзор, упала броневая заслонка.

Садится челнок, подумал герцог. Пора идти вниз и приниматься за работу.

Он повернулся к лестнице у себя за спиной и направился в зал ожидания, стараясь сохранить спокойствие и подготовить нужное выражение лица к встрече прибывающих.

Они пытались убить моего сына!

Когда перед ним оказался зал с желтым куполообразным потолком, люди уже входили, вливаясь довольно энергичным потоком. На плечах они несли свои сумки и перебрасывались громкими шутками, словно студенты, возвращающиеся с каникул.

– Эй! Чуешь, что у тебя под копытами? Гравитация, парень!

– Сколько здесь «же»? Что-то вроде тяжеловато.

– По справочнику – девять десятых «же».

Большую комнату наполнил шум веселой перебранки.

– Ты вниз-то посмотрел, когда мы приземлялись? Вот ведь дыра! И где же обещанные сокровища?

– Харконнены все с собой забрали!

– А мне бы сейчас только горячий душ и мягкую постель!

– Ну, выдал! Душ! А не хочешь поскрести задницу песочком?

– Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог шагнул с лестницы в разом затихшую комнату.

Чуть в стороне от толпы прохаживался Гурни Халлек. Через плечо у него была перекинута сумка, а другой рукой он сжимал шейку девятиструнного балисета. У него были очень длинные пальцы, способные к тончайшим движениям, и эти пальцы частенько извлекали из балисета такую изящную музыку...

Герцог смотрел на Халлека, любуясь этой уродливой человеческой глыбой с глазами, похожими на осколки стекла, в которых светилось инстинктивное, почти первобытное понимание. Вот человек, который жил вне системы Фафрелах, но выполнял все ее предписания. Как там Пол назвал его?.. «Гурни Доблестный».

Тонкие светлые волосы Халлека были уложены так, чтобы прикрыть растущую лысину. Лиловый шрам на его подбородке, нанесенный ударом хлыста из чернильной лозы, шевелился слегка, словно сам по себе. Весь вид Халлека говорил о больших, непринужденно проявляемых возможностях. Он подошел к герцогу, поклонился.

– Добро пожаловать, Гурни, – сказал Лето.

– Приветствую вас, милорд. – Гурни махнул балисетом в сторону собравшихся офицеров. – Это последние. Я предпочел бы прибыть сюда с первой волной, но...

– Не волнуйся, на твою долю еще осталось некоторое количество Харконненов, – усмехнулся герцог. – Отойдем, Гурни, – нам надо побеседовать.

– К вашим услугам, милорд.

Они прошли к нише, где стоял автомат, отпускающий за монету порцию воды, а люди в большой комнате беспокойно зашевелились, но больше не шумели. Халлек бросил сумку в угол, но балисет из рук не выпускал.

– Сколько людей ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

– У Суфира затруднения, сир?

– Он потерял только двоих, но его передовые агенты отлично провели разведку харконненских сил на планете. Если мы будем действовать быстро, достигнем некоторого уровня безопасности, получим необходимую нам передышку и свободу маневра. Ему нужно столько солдат, сколько ты можешь выделить без ущерба для дела – тех, кто не прочь немного поработать ножом.

– Я могу дать ему три сотни отборных людей, – сказал Халлек. – Куда их направить?

– К главным воротам. Агент Хавата ждет их там.

– Я должен заняться этим немедленно, сир?

– Подожди. Есть еще одно дело. Комендант космодрома под каким-нибудь предлогом задержит здесь челнок до рассвета. Хайлайнер Гильдии, доставивший нас, скоро отбывает, и этот челнок прицепят к грузовому кораблю, который доставит на лайнер груз Пряности.

– Нашей Пряности, милорд?

– Нашей. Но челнок должен забрать с собой и часть дюнмастеров – искателей Пряности, работавших при прежнем режиме. У них есть право уволиться при смене лена, и Арбитр Смены им это разрешил. Это ценные люди, Гурни, их

около восьмисот. До того, как челнок уйдет, ты должен убедить хотя бы некоторых поступить на службу к нам.

– Сколь сильным должно быть убеждение, сир?

– Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. У этих людей есть столь необходимые нам опыт и мастерство. То, что они хотят уехать, свидетельствует лишь, что они – не часть харконненской машины. Хават считает, что среди них могут быть внедренные агенты, но он в каждой тени видит асассинов.

– В свое время Суфир обнаружил некоторые весьма деятельные тени, милорд.

– А некоторые – не обнаружил. Но мне кажется, что для заблаговременного внедрения «ждущих агентов» в эту уезжающую толпу Харконненам потребовалось бы проявить слишком большое для них воображение.

– Возможно, сир. Где эти люди?

– В зале ожидания нижнего яруса. Полагаю, тебе стоит сыграть им мелодию-другую – чтобы размягчить их, а потом можешь включать давление. Можешь предложить квалифицированным высокие посты. Предложи двадцатипроцентное повышение зарплаты.

– И не больше, сир? Я знаю, что Харконнены платят в соответствии с общепринятыми тарифами. И людям с набитыми карманами и с желанием прокатиться… как хотите, сир, но двадцать процентов едва ли покажутся достаточно заманчивыми, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо отмахнулся:

– Значит, в особых случаях действуй по собственному усмотрению. Только помни, что казна не бездонна. Держись за двадцать процентов, пока сможешь. Нам особенно нужны меланж-машинисты, меланжеры, предсказатели погоды и все, у кого есть опыт работы в открытой пустыне, – люди дюн.

– Понятно, сир. «С насилием придут они: лицом своим будут они пить, как восточный ветер; и возьмут пленников в песках…»

– Очень трогательная цитата, – сказал герцог. – Передай пока командование над своей шайкой какому-нибудь лейтенанту. Скажи ему, чтобы он дал им краткое наставление по водной дисциплине, а потом уложил спать в казармах, примыкающих к посадочному полю. Персонал космодрома покажет им, куда идти. И не забудь отправить людей к Хавату.

– Три сотни, сир. – Халлек поднял свою сумку. – Куда вам доложить, когда я со всем закончу?

– Найдешь меня в зале совещаний на заседании штаба. Я хочу согласовать новый порядок рассредоточения по планете: первыми выходят части, оснащенные бронетехникой.

Халлек, уже поворачиваясь уходить, остановился и взглянул в глаза Лето:

– Вы ждете настолько серьезных неприятностей, сир? Я думал, здесь есть Арбитр Смены.

– Будут и открытые сражения, и тайные интриги, – сказал герцог. – Крови прольется достаточно, прежде чем мы разберемся со всем этим.

– «И вода, которую возьмешь ты из реки, превратится в кровь на сухой земле», – процитировал Халлек.

Герцог вздохнул:

– Поторопись, Гурни.

– Слушаюсь, милорд. – Шрам искривился от усмешки. – «Вот, как дикий осел в пустыне, иду я к своей работе».

Гурни развернулся, вышел на середину зала, отдал распоряжения и заторопился сквозь толпу.

Лето негромко хмыкнул ему вслед. Халлек не уставал изумлять его – голова, набитая песнями, цитатами, цветистыми фразами… и сердце асассина, когда дело касалось Харконненов.

Потом Лето неторопливо направился к лифту, возвращая салюты небрежным взмахом руки. Среди толпы он узнал человека из Корпуса Пропаганды, остановился, чтобы распорядиться довести до людей, которые привезли на планету своих женщин, что женщины благополучно прибыли и находятся в безопасности и их можно найти там-то и там-

то. Остальным же будет интересно узнать, что среди местного населения женщин, кажется, больше, чем мужчин.

Герцог похлопал пропагандиста по руке выше локтя – это служило сигналом, что это сообщение срочное, первоочередное и должно быть передано немедленно. Потом он двинулся дальше, кивая людям, улыбаясь; обменялся шутками с младшим офицером.

«Командующий всегда должен выглядеть уверенно, – подумал он. – Вера всех подчиненных возложена на твои плечи, и даже если ты в критическом положении, все равно никогда нельзя показывать этого».

Он облегченно вздохнул, когда лифт проглотил его и он смог повернуться, и перед ним были лишь безразличные ко всему двери.

Они пытались убить моего сына!

* * *

На камне, венчающем арку над выходом с арракинского космодрома, имеется грубо высеченная надпись, словно сделанная каким-то допотопным инструментом, – Муад'Диб, должно быть, повторял ее много раз. Он увидел ее в ту первую ночь на Арракисе, когда его доставили на герцогский командный пункт – на первое совещание штаба в полном составе, созванное его отцом. Эта надпись была мольбой к тем, кто покидает Арракис, но смысл ее с мрачной силой запал в душу мальчика, только что избежавшего близких объятий смерти. Надпись гласила: «О вы, те, кто знает, как страдаем мы здесь, не забудьте нас в ваших молитвах».

Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан

– Вся теория ведения войны – это рассчитанный риск, – сказал герцог, – но, когда приходится рисковать своей собственной семьей, элемент расчета растворяется в... других вещах.

Он понимал, что недостаточно сдерживает свой гнев, и, чтобы успокоиться, повернулся, широкими шагами прошелся вдоль всего длинного стола, туда и обратно.

Герцог и Пол остались одни в комнате совещаний космопорта. В этой большой гулкой комнате не было ничего, кроме длинного стола, старомодных трехногих стульев, стенда для карт и проектора. Пол сидел за столом рядом со стендом. Он рассказал отцу о происшествии с охотником-искателем и о том, что возможно предательство.

Герцог остановился напротив Пола, ударил кулаком по столу:

– Хават утверждал, что дом безопасен!!!

Пол нерешительно сказал:

– Я тоже сначала рассердился. И считал Хавата виновным. Но нападение было совершено из-за пределов дома. Оно было простым, ловким и прямым. И достигло бы успеха, если бы не тренинг, полученный мной от тебя и от многих других – и от Хавата в том числе.

– Ты его оправдываешь? – требовательно спросил герцог.

– Да.

– Он постарел. Вот в чем дело. Ему пора...

– У него огромный опыт, – возразил Пол. – Скажи, сколько ошибок Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен был бы защищать его, – сказал герцог. – А не ты.

Пол улыбнулся.

Лето сел во главе стола и накрыл своей рукой руку сына:

– За последнее время ты стал... взрослым, сын. – Герцог убрал руку. – И это меня радует. – Герцог скопировал улыбку сына. – Хават будет казниться. Он будет гневаться на себя намного сильнее, чем могли бы мы с тобой вместе!

Пол смотрел на потемневшие окна, частично загороженные стендом, вглядывался в ночную тьму. Огни комнаты отражались в ограждении балкона. Он заметил движение и разглядел фигуру охранника в мундире Атрейдесов. Потом Пол посмотрел на белую стену за спиной отца, потом вниз – на блестящую поверхность стола – и заметил, что его собственные руки сжаты в кулаки.

Дверь в дальнем конце комнаты, лицом к которой сидел герцог, с шумом распахнулась. Вошел Хават, выглядевший старше и суровее, чем когда-либо прежде. Он прошел мимо всего стола и встал «смирно» напротив Лето.

– Милорд, – произнес он, глядя в какую-то точку поверх головы герцога, – я только что узнал о своем провале. Поэтому я прошу вас об отста...

– Садись и прекрати эти глупости, – отмахнулся герцог и указал на стул напротив Пола. – Твоя ошибка была в том, что ты переоценил Харконненов. Их простые головы додумались до простого трюка. А мы на простые трюки не рассчитывали. И мой сын приложил большие старания, доказывая мне, что справился с этой опасностью лишь благодаря твоей подготовке. И тут о твоем провале речи быть не может! – Герцог хлопнул рукой по спинке пустого стула. – Садись, говорю тебе!

Хават опустился на сиденье:

– Но...

– Об этом я больше ничего не желаю слышать, – опять прервал его герцог. – Этот инцидент – уже прошлое. У нас имеются более насущные дела. Где все остальные?

– Я попросил их подождать снаружи, пока я...

– Позови их.

Хават взглянул Лето в глаза:

– Сир, я...

– Я знаю, кто мои настоящие друзья, Суфир, – сказал герцог. – Позови людей.

Хават проглотил комок в горле:

– Сейчас, милорд. – Он повернулся на стуле и крикнул в открытую дверь: – Гурни, пригласи их!

Первыми вошли мрачно-серьезные офицеры штаба, за ними следовали более молодые адъютанты и специалисты, у которых на лицах прямо-таки светилась готовность к действию.

По комнате пронесся шум отодвигаемых стульев. Все расселись, над столом повеяло слабым запахом рашага.

– Для желающих имеется кофе, – сказал герцог.

Он оглядел своих людей: это хорошая команда. В такой войне, учитывая обстоятельства, дела могли бы идти куда хуже.

Лето подождал, пока из соседней комнаты принесут кофе, отметил усталость на некоторых лицах.

Наконец он надел на себя маску спокойной деловитости, встал и призвал людей к вниманию, несильно стукнув костяшками пальцев по столу.

– Видите, господа, – сказал он, – наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку постоянных посягательств, захватов и нападений, что даже простой приказ Императора мы не можем выполнить без того, чтобы вдруг не обнаружились старые штучки.

Вокруг стола прошелестели сухие смешки, и Пол понял, что отец сказал именно то, что нужно, и именно таким тоном, как нужно было, чтобы поднять настроение за столом. Даже оттенок усталости в его голосе был единственно верным.

– Для начала, полагаю, неплохо было бы послушать, что Суфир может добавить к своему докладу о фрименах, – сказал герцог. – Итак, Суфир?..

Хават поднял голову:

– Я мог бы добавить к общему докладу кое-какие экономические данные, сир, но сейчас хочу сказать, что фримены все больше и больше представляются мне нашими потенциальными союзниками. Именно такими союзниками, в каких мы нуждаемся. Сейчас они выжидают – хотят посмотреть, можно ли нам доверять, но ведут себя при этом, по-моему, честно. Они прислали нам дары – дистикомбы их собственного производства... карты нескольких областей пустыни, окружающих бывшие опорные пункты Харконненов... – Хават опустил голову. – Доклады их разведки оказались абсолютно достоверными и значительно помогли нам в переговорах с Арбитром Смены. Они также прислали различные мелкие подарки: украшения для леди Джессики, Пряность,

питье, так называемый пряный ликер, сласти, лекарства. Мои люди сейчас проверяют их. Подвохов там, кажется, нет.

– Вам нравятся эти люди, Суфир? – спросил один из офицеров.

Хават чуть помедлил:

– Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пол взглянул на отца, потом на Хавата и отважился на вопрос:

– Есть ли у нас новые данные об общем количестве фрименов?

Хават посмотрел на Пола:

– По потреблению пищи и другим признакам Айдахо оценивает численность населения того пещерного комплекса, который он посетил, примерно в десять тысяч человек. Их вождь сказал, что правит сиетчем в две тысячи очагов, или семей. У нас есть основания считать, что таких общин на планете великое множество. Причем, судя по всему, все они преданы какому-то Лиету.

– Это что-то новенькое, – сказал герцог.

– Возможно, я ошибаюсь, сир. Кое-что наводит на мысль, что Лиет – это местное божество.

Еще один из присутствующих откашлялся и спросил:

– Действительно ли они имеют дело с контрабандистами?

– Когда Айдахо был в этом сиетче, оттуда как раз вышел караван контрабандистов с большим грузом Пряности. Они использовали вьючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

– Операции контрабандистов вообще, похоже, интенсифицировались в этот беспокойный период, – сказал герцог. – Это заслуживает тщательного осмысления. Нам не стоит особо беспокоиться относительно фрегатов, промышляющих на нашей планете без лицензии, – такое всегда существовало. Но нельзя оставлять их без нашего наблюдения.

– У вас есть план, сир? – спросил Хават. Герцог взглянул на Халлека:

– Гурни, я хочу направить тебя главой делегации – если хочешь, посольства – к этим романтическим бизнесменам. Скажи им, что я буду закрывать глаза на их операции до тех пор, пока они будут платить мне герцогскую десятину. Хават подсчитал, что это в четыре раза меньше, чем требовалось им до сих пор на взятки и на содержание вооруженной охраны.

– А что, если это дойдет до Императора? – спросил Халлек. – Он очень ревниво относится к своей доле доходов КОАМ, милорд.

Лето улыбнулся.

– Всю десятину мы будем честно перечислять в банк на имя Шаддама IV – так, чтобы об этом было известно, – и в соответствии с законом не будем включать ее в облагаемый налогом доход. Пусть-ка Харконнены попробуют это оспорить! Этим мы малость порастрясем жирок с тех, кто разбогател при харконненской системе. Взяток больше не будет!

Усмешка искривила лицо Халлека.

– Ах, милорд, прекрасный удар ниже пояса. Хотел бы я видеть барона в тот момент, когда он об этом узнает.

Герцог повернулся к Хавату:

– Суфир, удалось купить те бухгалтерские книги, о которых ты говорил?

– Да, милорд. Как раз сейчас они тщательно изучаются. Правда, я их бегло просмотрел и могу сделать резюме – в первом приближении.

– Прошу.

– Харконнены выкачивали отсюда по десять миллиардов соляриев за каждые триста тридцать стандартных дней!

Вздох изумления пронесся над столом. Даже слегка заскучавшие было молодые адъютанты сели прямее и обменялись удивленными взглядами.

Халлек пробормотал:

– «И поглотят они обилие морей и сокровища, спрятанные в песке».

– Вот видите, друзья, – усмехнулся Лето. – Есть ли тут кто-нибудь настолько наивный, чтобы верить, будто Харконнены тихо упаковались и убрались отсюда – бросив такие богатства! – только из-за того, что так приказал Император?

По тому, как собравшиеся покачивали головами и негромко переговаривались или просто бормотали себе под нос, герцог увидел, что его поняли и согласились с ним.

– Нам следует быть готовыми к их происка м, – сказал Лето и обратился к Хавату: – Сейчас самое время послушать об оборудовании. Сколько они оставили нам комбайнов-подборщиков и вспомогательного оборудования?

– Полный комплект – в соответствии с имперской описью, проверенной Арбитром Смены, милорд, – сказал Хават и сделал знак адъютанту. Тот подал ему папку. Хават раскрыл ее перед собой на столе. – Они только не сочли нужным упомянуть, что работоспособны менее половины краулеров, что только для трети машин есть грузолеты, переносящие их к пескам Пряности, что все, оставленное нам Харконненами, того и гляди развалится. Нам повезет, если будет работать половина оборудования, и еще больше повезет, если половина этой половины не выйдет из строя через полгода.

– Чего-то в этом роде мы и ожидали, – сказал Лето. – Каковы оценочные цифры по основным видам техники?

Хават заглянул в папку:

– Около девятисот тридцати комбайнов можно отправить в пески в ближайшие несколько дней. Примерно шесть тысяч двести пятьдесят орнитоптеров для аэросъемки, разведки и наблюдения за погодой... чуть менее тысячи грузолетов.

– А не дешевле возобновить переговоры с Гильдией о разрешении вывести на орбиту фрегат в качестве метеоспутника? – спросил Халлек.

Герцог взглянул на Хавата:

– Как, Суфир, нет ничего нового по этому поводу?

– Придется искать другие средства, – сказал Хават. – Агент Гильдии не стал вести никаких официальных переговоров. Он просто дал мне понять – как ментат ментату, – что цена находится за пределами наших возможностей и такой и останется, сколь бы эти возможности ни выросли. Прежде чем снова встретиться с ним, нам необходимо выявить причину такой позиции.

Один из адъютантов Халлека повернулся на стуле и воскликнул:

– Это несправедливо!

– Несправедливо? – Герцог взглянул на покрасневшего юношу. – О какой справедливости может идти речь? Мы творим нашу собственную справедливость. Мы будем устанавливать ее здесь, на Арракисе, пока не победим или пока не умрем. Вы жалеете, что связали свою судьбу с нашей?

Офицер посмотрел на герцога, нерешительно сказал:

– Нет, сир. Вы не могли отказаться от величайшего во Вселенной источника доходов... а я не мог не последовать за вами. Простите за сорвавшиеся слова, но... – Он пожал плечами. – Но временами нам всем бывает горько.

– Горечь я понимаю, – сказал герцог. – Но давайте не будем рассуждать о справедливости, пока у нас есть руки и свобода, чтобы их использовать. Может быть, кто-то еще из вас испытывает какую-то горечь? Если так, выговоритесь. Здесь совещание друзей, и каждый может высказать все, что думает.

Халлек пошевелился и сказал:

– Я вот думаю, сир, как обидно, что у нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они называют вас «Лето Справедливым» и обещают вечную дружбу – но только до тех пор, пока это ничего им не стоит.

– Просто пока они не знают, кто победит в этом столкновении, – сказал герцог. – Большинство Домов разжирело от слишком спокойной жизни. Они отвыкли рисковать! Их даже нельзя за это ругать, их можно лишь презирать. – Он взглянул на Хавата. – Однако вернемся к оборудованию.

Нельзя ли показать сейчас несколько образцов, чтобы ближе познакомить присутствующих с этими машинами?

Хават кивнул и дал знак адъютанту включить проектор.

Над столом, ближе к тому месту, где сидел герцог, возникла трехмерная солидопроекция. Некоторым у дальнего конца стола пришлось встать, чтобы получше ее рассмотреть.

Пол, вглядываясь в машину, наклонился вперед.

Сравнив с крошечными человеческими фигурками, окружавшими машину, можно было оценить ее размеры: не меньше ста двадцати метров в длину и примерно сорок метров в ширину. Она напоминала продолговатого жука и передвигалась на независимых друг от друга парах широких гусениц.

– Это комбайн-подборщик, – сказал Хават. – Для этой съемки мы подобрали машину в хорошем состоянии, только что из ремонта. А вот есть один драглайновый агрегат, доставленный сюда первой командой имперских экологов,

который все еще работает... хотя я и не понимаю, как это возможно.

– Если это тот, который они называют «Старой Мэри», то это просто музейный экспонат, – сказал один из адъютантов. – Я думаю, Харконнены использовали его для наказания рабочих. Веди себя хорошо, не то отправят на «Старую Мэри».

Вдоль стола прокатились смешки.

Пол удержался от веселья – ему все больше не давал покоя один вопрос. Указав на проекцию, он спросил:

– Суфир, а бывают ли песчаные черви, способные поглотить его целиком?

Над столом повисла тишина. Герцог про себя чертыхнулся, но потом подумал: нет, они должны смотреть в лицо реалиям здешней жизни.

– В глубине Пустыни есть черви, способные одним глотком справиться со всем этим комбайном, – помедлив, подтвердил Хават. – А ближе к Барьерной Стене, где добывается большая часть Пряности, встречается изрядное количество таких, которые могут сломать его, а потом на досуге сожрать по частям.

– Почему комбайны не оборудованы силовыми щитами? – спросил Пол.

– Согласно информации Айдахо, – сказал Хават, – силовые щиты в пустыне опасны. Щит на одного человека привлекает всех червей за сотни метров вокруг. По каким-то причинам силовые поля приводят их в дикое бешенство. Нам об этом сообщили фримены, и нет оснований в этом сомневаться. Айдахо не заметил в сиетче даже намеков на необходимое для силовых щитов оборудование.

– Вообще никаких?

– Довольно трудно утаить такие вещи среди нескольких тысяч человек, – отозвался Хават. – У Айдахо был свободный доступ к любому уголку сиетча. Он не видел ни силовых экранов, ни каких-либо признаков их использования.

– Странно, – сказал герцог.

– Харконнены, разумеется, использовали здесь много экранов, – заметил Хават. – У них были ремонтные мастерские во всех гарнизонных городках, и счета их показывают огромные расходы на запчасти для экранного оборудования.

– Могут ли фримены обладать способом нейтрализации экранов? – спросил Пол.

– Маловероятно, – сказал Хават. – Теоретически это, конечно, возможно – статический заряд с противоположным знаком и размером с добрый округ способен это сделать, но никто здесь не проводил подобных испытаний. Мы бы услышали об этом раньше: контрабандисты имеют тесные контакты с фременами и достали бы такое устройство, если бы оно у фременов было. И уж ничто не удержало бы их от того, чтобы вывезти его с планеты.

– Мне не нравится оставлять непроясненным такой важный момент, – сказал Лето. – Суфир, я хочу, чтобы ты уделил первоочередное внимание решению этой проблемы.

– Мы уже работаем над ней, милорд. – Хават откашлялся. – Да, Айдахо заметил одну вещь: он сказал, что не может быть сомнений в отношении фременов к силовым щитам. Он сказал, что они их главным образом попросту забавляют.

Герцог нахмурился:

– Вернемся к вопросу об оборудовании.

Хават сделал знак адъютанту, занятому с проектором, и солидо-изображение комбайна сменилось проекцией крылатого устройства, окруженного карликовыми фигурками людей.

– Это грузолет, – продолжал объяснять Хават. – По существу, просто большой орнитоптер, чья единственная функция в том, чтобы доставлять машины к богатым Пряностью пескам, а потом спасать их при появлении червей. Появляются-то они всегда. Сбор Пряности состоит в том, чтобы сгребать и хватать столько, сколько сможешь, и уносить ноги.

– Что превосходно согласуется с харконненскими принципами, – сказал герцог.

И реплика его отозвалась за столом резким и слишком громким смехом.

Грузолет сменило изображение орнитоптера.

– Это более обычные орнитоптеры, – сообщил Хават. – Правда, они серьезно модифицированы, что позволило значительно увеличить дальность полета. Особое внимание уделено защите от песка и пыли наиболее важных узлов. При этом только один из тридцати орнитоптеров имеет генераторы силовых экранов – возможно, они сняты для уменьшения веса и увеличения дальности полета.

– Не нравится мне это наплевательское отношение к щитам, – пробормотал герцог и подумал: «Но, может, в этом и состоит секрет Харконненов? Не означает ли это, что мы даже не сможем ускользнуть на экранированных фрегатах, если все обернется против нас?»

Он резко тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и сказал:

– Давайте сделаем рабочую оценку. На какой доход мы может рассчитывать?

Хават перелистнул две страницы в записной книжке.

– Оценив стоимость ремонта и количество действующего оборудования, мы произвели первичную оценку эксплуатационных расходов. Она основана, разумеется, на заниженном значении с поправкой на износ, принятом для того, чтобы иметь определенный запас. – Он закрыл глаза, входя в ментат-полутранс. – При Харконненах расходы на ремонт и оплату рабочей силы составляли четырнадцать процентов. Нам повезет, если мы сумеем удержать их на первых порах в пределах тридцати процентов. С учетом реинвестиций и затрат на развитие, включая отчисления КООАМ и военные расходы, наша доля сведется к шести-семи процентам, пока мы не заменим изношенное оборудование. Когда же заменим, то, пожалуй, сумеем поднять ее до двенадцати-пятнадцати процентов... – Хават открыл глаза. – Если только милорд не желает перенять харконненские методы.

– Наша цель – устойчивое положение на планете и превращение ее в нашу надежную базу, – сказал герцог. – И мы должны делать значительные отчисления на улучшение жизни населения – особенно фременов.

– В первую очередь фременов, – согласился Хават.

– Наша власть на Каладане, – продолжил герцог, – зависела от мощи морских и воздушных сил. Здесь же мы должны заняться тем, что я могу назвать мощью Пустыни, и сделать ставку на нее. Сюда может быть включен и контроль воздушного пространства – но это не обязательно так; позволю себе обратить ваше внимание на отсутствие силовых экранов у орнитоптеров. – Он покачал головой. – Харконнены полагались на постоянный приток квалифицированного персонала извне. Мы же никак не можем положиться на такие кадры, ибо в каждой группе могут быть их агенты.

– Значит, нам придется смириться с намного меньшей прибылью и снижением сбора Пряности, – сказал Хават. – Наш валовой сбор за первые два сезона составит никак не более двух третей от среднего при Харконненах.

– Как раз этого мы и ожидали, – кивнул герцог. – Нам нужно быстро развивать отношения с фременами. Хотелось бы еще до первой ревизии КООАМ иметь пять полностью укомплектованных фременских батальонов.

– До ревизии осталось мало времени, сир, – сказал Хават.

– А у нас вообще мало времени, как вам всем хорошо известно. При первой же возможности они появятся здесь с сардаукарами, переодетыми в харконненскую форму. Как ты считаешь, Суфир, сколько они сумеют привезти?

– Судя по всему, четыре-пять батальонов, не более, – цены Гильдии на перевозку войск вам известны.

– Значит, пяти батальонов фременов вместе с нашими собственными силами может оказаться достаточно. Если удастся захватить хотя бы нескольких сардаукаров и выставить их перед Советом Ландсраада – тогда все сильно

переменится и вопрос будет стоять уже не о прибылях от Арракиса...

– Мы сделаем все от нас зависящее, сир.

Пол взглянул на отца, потом на Хавата и внезапно остро почувствовал возраст Хавата, вспомнив, что старик служит уже третьему поколению Атрейдесов. Да, он – уже старик... Это проявлялось в болезненном блеске карих глаз, в потрескавшейся и обожженной коже лица, опаленного ветрами многих миров, в сутулости плеч и в тонких губах с пятнами клюквенного цвета, вызванными потреблением сока сафо.

«Так много зависит от одного-единственного постаревшего человека...» – подумал Пол.

– Сейчас мы втянуты в войну асассинов, – сказал герцог, – но полного размаха она еще не достигла. Суфир, в каком состоянии здесь харконненская сеть?

– Мы ликвидировали двести пятьдесят девять их ключевых агентов, милорд. Осталось не более трех харконненских гнезд – вероятно, в совокупности около сотни человек.

– А эти уничтоженные нами харконненские твари были богаты? – спросил герцог.

– Большинство из них были неплохо обеспечены – в основном это местные предприниматели.

– Изготовьте – подделайте! – убедительные сертификаты вассальной преданности за подписью каждого из них, – сказал герцог. – Копии отправьте Арбитру Смены. Мы будем стоять на том, что они фактически были изменниками – нарушителями присяги вассалов. Конфискуйте их собственность, заберите все, выселите их семьи, раздев донага. И проследите, чтобы Император получил свои десять процентов. Все должно быть абсолютно законным.

Суфир улыбнулся, обнажив испятнанные красным зубы:

– Ход, достойный вашего деда, милорд. Позор моим сединам, что я сам до него не додумался.

Халлек удивленно сдвинул брови: на лице Пола читалась неприязнь к происходящему. Остальные улыбались и кивали.

«Так нельзя, – думал Пол. – Это только заставит всех остальных сражаться упорнее. Потому что от капитуляции не будет никакого толку».

Он знал, что в канли запрещенных приемов практически нет, но этот прием был из тех, что могут уничтожить применившего, даже дав ему победу.

– «И стал я чужаком в чужой земле», – процитировал Халлек.

Пол пристально посмотрел на него, узнав цитату из Экуменической Библии, и спросил себя: возможно ли, что и Гурни хотел бы покончить со всякими коварными интригами?..

Герцог бросил взгляд в темноту за окнами, потом посмотрел на Халлека:

– Гурни, скольких меланжеров удалось убедить остаться с нами?

– Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. Думаю, мы должны взять всех, и, по-моему, нам еще повезло. У всех полезные профессии.

– Так мало? – Герцог поджал губы. – Ну ладно, перейдем к... – Шум у двери прервал его. Дункан Айдахо миновал стоявшую там охрану, быстро прошел через весь зал к герцогу и склонился к его уху.

Лето знаком отстранил его и сказал:

– Говори вслух, Дункан. Ты же видишь – это заседание штаба.

Пол рассматривал Айдахо, отмечая его кошачьи движения и быструю реакцию, благодаря которым так трудно было соперничать с ним в фехтовании.

Темное лицо Айдахо повернулось к Полу; выражение глубоко посаженных глаз не выдавало эмоций, но Пол узнал эту маску безмятежности, скрывающую возбуждение.

Айдахо оглядел сидящих за столом, потом сказал:

– Мы разбили отряд харконненских наемников, переодетых фрименами. Сами фримены прислали к нам гонца, чтобы предупредить об этой банде. Напав на нее, мы,

однако, обнаружили, что Харконнены подстерегли фрименского курьера на обратном пути и тяжело его ранили. Мы хотели доставить его сюда, к нашим врачам, но в дороге он умер. Я видел, как он был плох, и остановился, чтобы хоть немного помочь. А он вдруг попытался что-то выбросить. – Айдахо взглянул на Лето. – Это был нож, милорд, нож, подобного которому вы никогда не видели.

– Крис? – спросил один из офицеров.

– Несомненно, – сказал Айдахо. – Молочно-белый и словно светящийся внутренним светом.

Он потянулся и извлек из-под мундира ножны с торчащей из них черной ребристой рукояткой.

– Не вынимайте клинок из ножен!

Этот почти крик раздался от открытой двери в дальнем конце комнаты – и голос был таким звучным, пронзительным и взволнованным, что заставил всех обратить взоры на его обладателя.

В дверях стоял высокий человек в просторных одеждах. Путь ему преградили скрещенные мечи охранников. Светло-коричневый балахон полностью скрывал его фигуру, если не считать отверстия для лица в капюшоне. В прорезях черного лицевого покрывала маски светилась пара абсолютно синих глаз, глаз без единого белого пятнышка.

– Пусть он войдет, – прошептал Айдахо.

– Пропустите его, – велел герцог.

После некоторого колебания охранники опустили мечи. Человек стремительно вошел в комнату, остановившись напротив герцога.

– Это Стилгар, глава сиетча, в котором я гостил, вождь тех людей, которые предупредили нас о харконненской банде, – сказал Айдахо.

– Добро пожаловать, – сказал Лето. – И почему же нам нельзя вынимать из ножен этот клинок?

Стилгар взглянул на Айдахо и сказал:

– Ты соблюдал среди нас обычаи чистоты и чести. Тебе я мог бы разрешить взглянуть на клинок человека, которому

вы помогали... – Стилгар обежал взглядом остальных присутствующих в помещении. – Но их я не знаю. Не осквернят ли они благородное оружие?

– Я – герцог Лето, – сказал герцог. – Можете ли вы позволить мне увидеть этот клинок?

– Я позволю вам заслужить право извлечь его из ножен, – отчеканил Стилгар и, когда над столом пронесся ропот недовольства, поднял худую, в темных прожилках руку. – Напоминаю, это клинок того, кто помог вам.

В наступившей тишине Пол изучал этого человека, ощущая исходящую от него ауру власти. Он был вождем – фрименским вождем.

Офицер, сидевший на противоположной от Пола стороне стола, пробормотал:

– Кто он такой, чтобы учить нас, какими правами мы обладаем на Арракисе?

– Говорят, что герцог Лето Атрейдес правит с общего согласия подданных, – сказал Стилгар. – Так что я должен рассказать вам, в чем тут дело: на тех, кто видел крис, ложится определенная ответственность. – Он бросил мрачный взгляд на Айдахо. – Они становятся нашими. И не смогут покинуть Арракис без нашего согласия.

Халлек и еще несколько человек с гневом на лицах вскочили.

– Один лишь герцог Лето определяет... – начал Халлек.

– Одну минуту, – сказал Лето, и мягкость, прозвучавшая в его голосе, остановила их. Этот момент нельзя упустить, подумал он и обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чту и уважаю личное достоинство каждого, кто уважает мое достоинство. Я действительно у вас в долгу. И я всегда плачу свои долги. Если по вашему обычаю этот нож должен остаться здесь в ножнах, значит, так и будет – по моему приказу. И если существует еще какой-нибудь способ почтить человека, погибшего, помогая нам, вам остается только указать его.

Фримен пристально посмотрел на герцога, потом медленно отвел в сторону лицевое покрывало, открыв тонкий нос и полногубый рот, обрамленный черной блестящей бородой, медленно склонился над столом и плюнул на его полированную поверхность.

Сидевшие за столом вскочили было на ноги, но тут прогремел голос Айдахо:

– Стойте!

В наступившей напряженной тишине Айдахо сказал:

– Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар влаги твоего тела. Мы принимаем его с тем же чувством, с каким он был принесен. – И Айдахо тоже плюнул на стол.

Специально для герцога он прошептал:

– Вспомните, сколь драгоценна здесь вода, сир. Это был знак уважения.

Лето откинулся на спинку стула, поймал взгляд Пола, заметил печальную улыбку на лице сына и почувствовал, как медленно спадает напряжение за столом, по мере того как к людям приходит понимание.

Стилгар посмотрел на Айдахо:

– Ты неплохо вписался в мой сиетч, Дункан Айдахо. Есть ли у тебя долг преданности твоему герцогу?

– Он хочет меня завербовать, сир, – пояснил Айдахо.

– Согласится ли он, если ты будешь служить и ему, и мне? – спросил Лето.

– Вы хотите, чтобы я пошел с ним, сир?

– Я хочу, чтобы ты сам принял решение, – сказал Лето и не сумел спрятать волнение в голосе.

Айдахо посмотрел прямо в глаза Стилгара:

– Берешь меня на этих условиях, Стилгар? Учти, тогда мне в случае необходимости придется возвращаться на службу к моему герцогу.

– Ты хорошо сражаешься и сделал все, что сумел, для нашего друга, – проговорил Стилгар и перевел взгляд на Лето. – Пусть будет так: человек Айдахо оставляет у себя этот крис как знак его верности нам. Он, разумеется, должен

быть очищен и пройти ритуалы, но это можно сделать. Он будет фрименом и солдатом Атрейдесов. Тому уже есть прецедент: так и Лиет служит двум господам.

– Дункан? – спросил Лето.

– Я понимаю, сир, – кивнул Айдахо.

– Значит, решено, – заключил Лето.

– Твоя вода – наша, Дункан Айдахо, – сказал Стилгар. – Тело нашего друга остается у вашего герцога. Его вода – вода Атрейдесов. Теперь между нами – связь, связь воды.

Лето вздохнул, встретившись взглядом с Хаватом. Старый ментат с довольным выражением лица кивнул.

– Я буду ждать внизу, – сказал Стилгар, – пока Айдахо простится со своими друзьями. Имя нашего погибшего друга было Турок. Помните об этом, когда придет время освободить его дух. Вы – друзья Турока.

Стилгар повернулся уходить.

– Может быть, вы задержитесь, хотя бы ненадолго? – спросил Лето.

Фримен снова повернулся к нему, небрежным жестом возвращая покрывало на место и что-то под ним поправляя. Перед тем как покрывало опустилось, Пол успел заметить что-то вроде тонкой трубки.

– А разве есть причина для задержки? – спросил Стилгар.

– Хотя бы почета ради, – пожал плечами герцог. – Честь...

– Честь велит мне как можно быстрее оказаться в другом месте, – сказал Стилгар, метнул еще один взгляд на Айдахо, круто развернулся и, широко шагая, вышел.

– Если другие фримены похожи на него, мы с ними неплохо сработаемся, – сказал Лето. – Мы можем быть очень полезны друг другу.

Айдахо проговорил сухим тоном:

– Он прекрасный образчик, сир.

– Ты понимаешь, что должен делать, Дункан?

– Я – ваш посол к фрименам, сир.

– От тебя зависит очень многое, Дункан. Мы должны набрать по меньшей мере пять батальонов этих людей – до того, как на нас обрушатся сардаукары.

– Эта цель потребует некоторых усилий, сир. Фримены – весьма независимый народ. – Айдахо поколебался, потом сказал: – И еще одно, сир. Один из наемников, которых мы побили, пытался завладеть этим клинком нашего погибшего фрименского друга. Этот наемник говорит, что Харконнены обещают миллион соляриев всякому, кто доставит им хотя бы один-единственный крис.

Подбородок Лето вздернулся: герцог был удивлен.

– Почему же им так сильно хочется заполучить эти клинки?

– Нож изготавливают из зуба песчаного червя; это знак фримена, сир, и никто другой не может иметь его. С ним синеглазый человек может войти в любой сиетч в этой земле. Они потребовали бы у меня предъявить его, если бы меня не знали. Я на фримена не похож. Но...

– Питер де Вриз, – сказал герцог.

– Человек дьявольского коварства, милорд, – кивнул Хават. Айдахо спрятал крис под мундир.

– Береги этот нож, – сказал герцог.

– Я понимаю, милорд. – Он похлопал по рации на своей портупее. – Я доложу обо всем при первой возможности. У Суфира есть код моего вызова. Используйте боевой язык.

Дункан отсалютовал, четко повернулся кругом. Они слышали, как его шаги удаляются по коридору. Лето и Хават обменялись понимающими взглядами.

– Нам многое предстоит сделать, сир, – сказал Халлек.

– А я не даю тебе приняться за работу, – усмехнулся Лето.

– У меня приготовлено сообщение о передовых базах, – сказал Хават. – Может, в другой раз, сир?

– Оно длинное?

– Я подготовил краткое изложение, так что не очень. Среди фременов говорят, что в период действия Имперской Пустынной ботанической станции здесь, на Арракисе, было

построено свыше двухсот таких баз. Предполагается, что все они были покинуты, но есть показания, что перед тем, как бросить, их законсервировали.

– Там сохранилось действующее оборудование? – спросил герцог.

– Согласно сообщениям, полученным от Дункана, да.

– Где расположены станции? – вмешался Халлек.

– Ответ на этот вопрос, – сказал Хават, – неизменно один и тот же: «Лиет знает».

– Бог знает, – пробормотал Лето.

– Возможно, все не так безнадежно, сир, – сказал Хават. – Вы ведь слышали, как этот Стилгар употребил его имя. Не может ли оно относиться к реальному лицу?

– «Служит двум господам», – вспомнил Халлек. – Звучит как религиозная цитата, пожалуй...

– Тебе виднее. Странно, что ты не знаешь наверняка, – буркнул герцог.

Халлек улыбнулся.

– Ну а Арбитр Смены, – сказал Лето, – Имперский Эколог – Кинес... Не может ли он знать, где находятся эти базы?

– Сир, – предостерег Хават, – Кинес служит Императору.

– И очень далеко от Императора, – сказал Лето. – Мне нужны эти базы. Они, наверное, битком набиты материалами, которые вполне можно было бы использовать для ремонта нашего оборудования.

– Сир! – воскликнул Хават. – Эти базы по закону все еще относятся к феоду Его Величества.

– Климат здесь достаточно свирепый, чтобы уничтожить все, что угодно, – задумчиво сказал герцог. – Мы всегда сможем свалить все на бури... Разыщите этого Кинеса и хотя бы узнайте, существуют ли базы на самом деле.

– Реквизировать их все-таки опасно, – покачал головой Хават. – Дункан уверен, что эти базы или некая связанная с ними идея имеют для фрименов некое глубокое значение. Мы можем оттолкнуть их от себя, если разорим эти базы.

Пол видел, с каким напряжением офицеры следят за каждым произнесенным словом. Казалось, намерения отца их глубоко расстраивают.

– Послушайся его, отец, – тихо сказал Пол. – Он прав.

– Сир, – сказал Хават, – на этих базах действительно может содержаться столько материалов, что хватило бы на ремонт всего оставленного нам оборудования, и все-таки они могут оказаться за пределами досягаемости по стратегическим причинам. Опрометчиво было бы предпринимать какие-либо шаги без дополнительных сведений. Империя наделила Кинеса полномочиями Арбитра. Мы не должны этого забывать. И фримены считаются с его мнением.

– Значит, проделайте все мягко, – сказал герцог. – Я всего лишь хочу знать, существуют ли базы, и только.

– Как прикажете, сир. – Хават сел, опустив глаза.

– Тогда все в порядке, – сказал герцог. – Мы знаем, что нам предстоит – работа. Мы к ней готовились. И у нас есть в ней кое-какой опыт. Мы знаем, каким будет вознаграждение. Альтернативы тоже достаточно ясны. У каждого есть свое задание... – Герцог посмотрел на Халлека. – Гурни, в первую очередь займись контрабандистами.

– «Вот, иду к бунтарям, обитающим в безводной земле», – нараспев произнес Халлек.

– Когда-нибудь я поймаю этого парня на отсутствии подходящей цитаты, и он будет похож на голого, – бросил герцог.

Фраза его отозвалась за столом смешками, но Пол услышал в них нотки неестественности. Герцог обратился к Хавату:

– Суфир, разверни на этом этаже еще один командный пункт – для разведки и связи. Когда сделаешь, приходи: ты мне понадобишься.

Хават встал и окинул комнату взглядом, словно ища поддержки. Потом направился к выходу, следом потянулись остальные.

Офицеры двигались торопливо, скребя пол отодвигаемыми стульями, сталкиваясь, обнаруживая явные признаки смущения.

Дело закончилось всеобщим замешательством, подумал Пол, глядя в спины. Раньше Совет всегда заканчивался в приподнятой атмосфере. А это собрание словно вытекало медленной струйкой, утомленное собственной неэффективностью, да и завершилось оно спором...

Впервые Пол позволил себе подумать о реальной возможности неудачи – и вовсе не из страха перед ней и не из-за предостережений, подобных тем, что исходили от старой Преподобной Матери, – его собственная оценка ситуации заставила взглянуть этой возможности в лицо.

«Отец в отчаянии, – подумал он. – Дела складываются для нас очень неудачно».

И Хават... Пол припомнил, как вел себя на совещании старый ментат – едва уловимые колебания, признаки беспокойства...

Да, Хават чем-то глубоко встревожен.

– Тебе, наверное, лучше всего остаться на ночь здесь, сын, – сказал герцог. – Все равно скоро рассветет. Я сообщу твоей матери. – Он тяжело поднялся. – Почему бы тебе не сдвинуть вместе несколько кресел и не прилечь отдохнуть?

– Я не устал, отец.

– Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся вышагивать взад-вперед вдоль стола. Как зверь в клетке.

– Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность того, что среди наших людей есть предатель? – спросил Пол.

Герцог остановился напротив сына и сказал, глядя в темноту за окнами:

– Эту возможность мы обсуждали много раз.

– Старуха казалась такой уверенной в этом, – сказал Пол. – И то послание для матери...

– Меры предосторожности приняты, – сказал герцог. Он оглядел комнату, и в его глазах сверкнула ярость

загнанного зверя. – Оставайся здесь. Мне надо обсудить с Суфиром кое-что насчет командных пунктов. – Герцог повернулся и быстро вышел, коротко кивнув у двери охранникам.

Пол смотрел на то место, где стоял отец. Оно опустело даже раньше, чем герцог вышел из комнаты. И Пол вспомнил слова старухи: «... твоего отца не спасет ничто».

* * *

В тот первый день, когда Муад'Диб с ближними его ехал по улицам Арракина, некоторые из людей, стоявших у дороги, вспомнили легенды и пророчества и отважились прокричать: «Махди!» Но этот их крик был более вопросом, нежели утверждением, ибо тогда существовала лишь надежда, что был он Лисан аль-Гаибом, Гласом из Внешнего Мира, предсказанным много веков назад. Взгляды их были прикованы также и к его матери, ибо все слышали, что была она Бене Гессерит, и потому сочли ее чем-то вроде второго Лисан аль-Гаиба.

Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан

Герцог нашел Суфира Хавата – тот сидел один в угловой комнате. За стеной работали – устанавливали и налаживали аппаратуру связи, но здесь было довольно тихо. Герцог успел окинуть взглядом все помещение, пока Хават поднимался из-за стола, заваленного бумагами. В этом закутке с зелеными стенами, помимо стола, было еще три кресла на силовой подвеске, со спинок которых поспешно стерли букву «Х», – там виднелись пятна, немного отличные по цвету от всей обивки.

– Эти кресла достались нам в наследство от прежних хозяев, но они вполне безопасны, – сказал Хават. – А где Пол, сир?

– Я оставил его в комнате совещаний. Я решил, что ему стоит отдохнуть, и избавил от своего присутствия.

Хават кивнул, прошел к двери в соседнюю комнату и прикрыл ее. Шум помех и треск разрядов, доносившиеся оттуда, стихли.

– Суфир, – вздохнул Лето, – я вот думаю об имперских и харконненских запасах Пряности.

– Что вы имеете в виду, милорд?

Герцог поджал губы:

– Склады могут быть разрушены...

Увидев, что Хават собирается возразить, герцог поднял руку:

– Я говорю сейчас не о запасах Императора. Но неприятностям Харконненов он бы втайне порадовался. И как барону протестовать против уничтожения того, что он не может открыто признать своим?

Хават покачал головой:

– У нас мало людей, сир.

– Возьми часть людей Айдахо. И, может быть, кто-то из фрименов захочет отлучиться с планеты. Рейд на Гьеди Прайм мог бы дать нам тактическое преимущество, Суфир.

– Как прикажете, милорд. – Хават повернулся уходить, и герцог заметил, что старик нервничает. Возможно, он боится, что я ему не доверяю. Наверняка он знает, что я получил частные сообщения о предательстве. Ну и – лучше всего немедленно успокоить его страхи.

– Суфир, – сказал он, – ты один из немногих, кому я полностью могу доверять: поэтому я хочу обсудить с тобой еще один вопрос. Оба мы знаем, какого неусыпного внимания требует опасность проникновения предателей в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся, и герцог пересказал ему все, что узнал от Пола.

Но вместо сосредоточения, возникающего у ментатов во время работы, эти сообщения лишь усилили беспокойство Хавата. Лето всмотрелся в лицо старика, потом сказал:

– Ты что-то скрываешь, дружище. Мне следовало догадаться еще на совещании штаба, ведь ты там так нервничал.

Что это за опасность, о которой нельзя говорить перед всеми?

Испятнанные сафо губы Хавата вытянулись в прямую линию с разбежавшимися от уголков мелкими морщинами. И так, с почти неподвижными губами, он наконец сказал:

– Милорд, я даже не знаю, как к этому подступиться.

– Мы же приняли друг за друга немало шрамов, Суфир, – напомнил герцог. – И уж кто-кто, а ты можешь сказать мне все, что угодно, – и ты это знаешь.

Хават, по-прежнему глядя на герцога, подумал: «Таким я люблю его больше всего. Человеком чести, заслуживающим всей моей преданности и службы. Почему мне приходится причинять ему боль?»

– Итак? – потребовал Лето. Хават пожал плечами:

– Дело в обрывке сообщения, который мы отобрали у харконненского тайного курьера. Сообщение предназначалось для агента по имени Парди. У нас есть основание полагать, что этот Парди был главой всей здешней харконненской подпольной сети. Это сообщение... это такая вещь, которая может повлечь огромные последствия – или никаких. Дело в том, что его можно истолковать по-разному.

– И что же это за сообщение?

– Обрывок сообщения, милорд. Обрывок микрофильма, снабженного, как обычно, капсулой самоуничтожения. Мы сумели нейтрализовать воздействие кислоты незадолго до полного уничтожения информации – остался лишь фрагмент. Но фрагмент очень существенный.

– Да?

Хават потер губу:

– Он гласит: «... его никогда не заподозрит, и когда удар обрушится на него, довольно будет и того, что нанесет его рука любимого человека». Кассета была опечатана личной печатью барона, и я удостоверился в ее подлинности.

– Твое подозрение очевидно, – сказал герцог, и голос его стал ледяным.

– Я бы лучше отрубил себе руки, чем так расстраивать вас, – сказал Хават. – Милорд, а что, если…

– Леди Джессика, – сказал Лето и почувствовал, как быстро разгорается гнев. – А вы что, не сумели выбить факты из этого Парди?

– К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых. А курьер, я уверен, просто не знал, что несет.

– Понятно.

Лето покачал головой: «Какая гнусность. Конечно, тут все подстроено – я-то знаю свою женщину».

– Милорд, если…

– Нет! – рявкнул герцог. – Здесь ошибка.

– Мы не можем этого игнорировать, милорд.

– Она со мной шестнадцать лет! Бессчетные возможности были для… Ты сам проверял и школу, и ее самое!

Хават горько проговорил:

– Кое-что ведь от меня уже ускользнуло…

– Это невозможно, я тебе говорю! Харконнены хотят уничтожить род Артрейдесов – имея в виду и Пола. Один раз они уже попытались. Может ли женщина строить заговоры против собственного сына?

– Возможно, против сына она заговоров не строит. И вчерашняя попытка могла быть ловким обманом.

– Нет, не могла!

– Сир, предполагается, что она не знает, кто ее родители, но что, если знает? Что, если, допустим, она сирота и виновны в этом Атрейдесы?

– Она бы ударила давным-давно. Яд, подсыпанный в мой бокал… удар стилета ночью. У кого было больше возможностей?

– Харконнены хотят уничтожить вас, милорд. Им недостаточно просто убить. В канли имеется ряд тонких различий. Представьте, что это не просто вендетта, а вендетта-шедевр, своего рода произведение искусства?..

Плечи герцога тяжело опустились. Он закрыл глаза, разом почувствовав себя постаревшим и безмерно усталым. «Этого просто не может быть. Она открыла мне свое сердце».

– Есть ли лучший способ уничтожить меня, чем посеять во мне подозрения к женщине, которую я люблю?

– Такую вероятность я рассматривал, – сказал Хават. – Но...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата.

«Пусть подозревает. Подозрение – его профессия. Может быть, притворившись, что верю в это, я сделаю врага менее осторожным...»

– Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

– Сейчас – непрерывное наблюдение, милорд. За ней нужно следить постоянно. Я постараюсь, чтобы это было сделано ненавязчиво. Для такой работы лучше всего подошел бы Айдахо. Мы могли бы, наверное, в течение недели вернуть его. Мы готовили одного молодого человека из отряда Айдахо – он идеально подходит, чтобы направить его к фрименам на замену Айдахо. Прирожденный дипломат.

– Только чтобы это не вредило нашим отношениям с фрименами.

– Разумеется, сир.

– А что насчет Пола?

– Можно предупредить доктора Юйэ – пусть присмотрит...

Лето уже повернулся к Хавату спиной.

– Оставляю это на твое усмотрение.

– Я буду осторожен, милорд.

«Хоть на это можно рассчитывать», – подумал Лето и сказал:

– Пойду прогуляюсь. Если я тебе понадоблюсь – я не собираюсь выходить за территорию дворца. Охрану можешь...

– Милорд, прежде чем вы уйдете, – у меня есть ролик, который мог бы вас заинтересовать. Это анализ фрименской

религии в первом приближении. Помните, вы просили меня доложить об этом.

Герцог остановился и, не оборачиваясь, досадливо спросил:

– А подождать это не может?

– Разумеется, милорд. Вы спрашивали, что они выкрикивали. Это было слово «Махди́!» И обращено оно было к молодому господину. Когда они...

– К Полу?

– Да, милорд. У них тут есть легенда, пророчество, что к ним придет вождь, сын женщины из Бене Гессерит, который поведет их к подлинной свободе. Легенда следует обычному мессианскому образцу.

– Они думают, что Пол и есть этот... этот...

– Они только надеются, милорд. – Хават протянул ему капсулу.

Герцог взял ее и засунул в карман:

– Я просмотрю это позже.

– Разумеется, милорд.

– А сейчас мне нужно... подумать.

– Да, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и быстро вышел. Он повернул направо по коридору, замедлил шаг и, заложив руки за спину, двинулся вперед, почти не обращая внимания на окружающее. Сменялись коридоры, лестницы, балконы, залы... Встречные салютовали ему и уступали дорогу.

Он вернулся в комнату совещаний: там было темно, и Пол спал на столе, укрывшись плащом охранника и положив под голову ранец. Герцог тихо пересек комнату и вышел на балкон, с которого открывался вид на посадочное поле. Охранник, дежуривший на балконе, узнал герцога в тусклом отсвете посадочных огней и встал «смирно».

– Все в порядке, – сказал ему герцог и оперся о холодный металл балюстрады.

На пустыню сошла предрассветная тишина. Он взглянул вверх. Прямо над головой звезды сверкали, точно золотые

монеты на иссиня-черном бархате. С юга, зависнув над горизонтом, сквозь легкую пыльную дымку на него глядела Вторая луна – глядела недоверчиво и цинично.

Пока герцог смотрел, луна медленно опустилась за край Барьерной Стены, облив гребни скал стеклистым блеском, и во внезапно спустившейся темноте герцогу стало немного зябко. Он вздрогнул.

И почти в то же мгновение его пронзила вспышка гнева.

«Все последнее время Харконнены вредят мне, травят, охотятся за мной. Эти кучи дерьма с палаческими мозгами! Но я отсюда не уйду! – И заключил с оттенком печали: – Я должен править, пуская в ход глаза и когти – как ястреб среди малых птиц».

Он бессознательно провел рукой по эмблеме ястреба на своем мундире.

На востоке в ночном небе проступил призрачный жемчужно-серый веер, расцвел опаловой морской раковиной, затмившей звезды. Началось долгое, звонкое движение зари, поджегшей небо над изломанным горизонтом.

Это была картина такой красоты, которая поглотила его целиком.

Поистине есть вещи, ни с чем не сравнимые. Он никогда не мог представить себе, что здесь может существовать нечто столь прекрасное, как этот алый горизонт, пурпурные и охряные скалы. За посадочным полем, там, где слабая ночная роса коснулась жизни в торопливых семенах Арракиса, загорелись огромные пятна красных цветов. Через них бежала цепочка фиолетового... точно следы неведомого великана.

– Прекрасное утро, сир, – тихо произнес охранник. Герцог кивнул.

«Возможно, эту планету можно полюбить. Может быть, она даже станет хорошим домом моему сыну...»

Затем он увидел людей, движущихся среди цветов и словно обметающих их странными инструментами,

напоминающими серпы. Это были сборщики росы. Вода здесь столь драгоценна, что необходимо собирать даже росу.

«...Но она может оказаться и ужасным местом», – подумал герцог.

* * *

Нет, наверное, более ужасного мгновения в познании мира – ужаснее, нежели миг, когда открываешь, что отец твой – живой человек из плоти и крови.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»

– Пол, то, что я делаю сейчас, – тяжело и отвратительно, но я должен сделать это...

Он стоял рядом с портативным ядоискателем, который доставили в комнату совещаний, чтобы они могли позавтракать там. Сенсорные щупы искателя безвольно повисли над столом, напомнив Полу какое-то только что издохшее огромное насекомое.

Герцог смотрел в окно на посадочное поле и клубы пыли на фоне утреннего неба.

Перед Полом был фильмоскоп с роликом о религии фрименов. Ролик составлял один из экспертов Хавата, и Пол почувствовал, что смущен ссылками на себя.

«Махди́!»

«Лиса́н аль-Гаиб!»

Он закрыл глаза и снова услышал эти крики взволнованных толп. «Так вот на что они надеются, – подумал он. И вспомнил, что говорила Преподобная Мать, – «Квисатц Хадерах». Воспоминания вновь разбудили в нем чувство ужасного предназначения, вызвали ощущение, что ему знаком этот странный мир, ощущение, которого он не мог объяснить.

– Да, отвратительно, – повторил герцог.

– Что ты имеешь в виду?

Лето повернулся, взглянул на сына:

– Дело в том, что Харконнены решили обмануть меня – чтобы я заподозрил твою мать. Они не знают, что я скорее усомнился бы в самом себе.

– Я тебя не понимаю, отец.

Лето опять посмотрел в окно. Белое солнце вошло в свой утренний квадрант. Молочный свет пронизал бурление пыльных облаков, расплескавшихся в слепых ущельях Барьерной Стены.

Медленно, понизив голос, стараясь сдерживать гнев, герцог рассказал Полу о таинственной записке.

– С тем же основанием ты мог бы заподозрить и меня, – сказал Пол.

– Надо, чтобы они думали, будто добились своего, – сказал герцог. – Чтобы считали меня таким дураком. Все должно выглядеть достоверно. Даже твоя мать должна быть уверена, что все это – всерьез и по-настоящему.

– Но почему?

– Нельзя, чтобы реакция твоей матери была игрой, притворством. О, она способна на великолепную игру... но слишком многое поставлено на карту. Я надеюсь, разоблачить предателя. Должно казаться, что я полностью обманут. Придется причинить ей эту боль, чтобы она не испытала худших страданий.

– Тогда почему ты рассказываешь это мне, отец? А вдруг я что-то нечаянно выдам?

– Они не станут следить в этом деле за тобой, – сказал герцог. – Ты сохранишь секрет. Ты должен. – Герцог отошел к окну и продолжал, не оборачиваясь: – Я рассказываю это тебе для того, чтобы – если со мной что-нибудь случится – ты мог рассказать ей правду: что я никогда, ни на одно мгновение не сомневался в ней. Мне хотелось бы, чтобы она это узнала.

В словах отца он почувствовал мысли о смерти и быстро проговорил:

– С тобой ничего не случится, отец. Ты...

– Не надо, сын.

Пол всматривался в отца, замечая утомление, сквозившее в наклоне головы, в линии плеч, в медлительности движений.

– Ты просто устал, отец.

– Я устал, – согласился герцог. – Я устал душой. Наверное, вырождение Великих Домов в конце концов поразило и меня. А ведь когда-то мы были такими сильными людьми!

Пол, внезапно испугавшись, горячо возразил:

– Наш Дом не вырождается.

– Не вырождается?

Герцог повернулся лицом к сыну, показав темные круги под жесткими глазами, циничный изгиб губ.

– Мне следовало жениться на твоей матери, сделать ее герцогиней. Но... то, что официально я не женат, дает надежду на союз со мной некоторым Домам, у которых есть незамужние дочери. – Он пожал плечами. – И я...

– Мать мне это объясняла.

– Ничто не дает вождю большей преданности, чем атмосфера бравады, смелости, куража, – сказал герцог. – Вот я ее и культивирую.

– Ты руководишь хорошо, – запротестовал Пол. – Ты хорошо правишь. Люди следуют за тобой добровольно и с любовью.

– Мой корпус пропаганды – один из лучших, – горько усмехнулся герцог, отворачиваясь к пустыне. – Здесь, на Арракисе, у нас больше возможностей, чем Империя могла бы себе представить. Но иногда я думаю, что стоило бы предпочесть бегство, стать отступниками. Иногда я хочу, чтобы мы безымянно и бесследно растворились среди людей, став менее уязвимыми перед...

– Отец!

– Да, я устал, – повторил герцог. – Ты знаешь, что мы используем осадок, получающийся при очистке Пряности, в качестве сырья и уже запустили собственную фабрику по производству фильмолент?

– ?..

– Мы не можем допустить дефицита пленки, – объяснил герцог. – Как иначе мы можем наводнить своей информацией деревню и город? Люди должны знать, сколь хорошо я ими правлю. А как они смогут узнать это, если мы им не расскажем?

– Тебе надо все-таки немного отдохнуть, – сказал Пол. Герцог стоял совершенно неподвижно – четкий силуэт на фоне солнца.

– У Арракиса есть еще одно преимущество, о котором я чуть не забыл упомянуть. Пряность тут во всем. Мы вдыхаем ее и съедаем вместе с любой пищей. И я полагаю, это дает определенный иммунитет к некоторым из самых распространенных ядов из «Справочника асассина». И необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство пищи – выращивание дрожжей, гидропонику, производство химовита, – короче, все – под самый строгий надзор. Мы не можем, к примеру, избавиться от большой части нашего населения с помощью яда – поэтому и на нас не могут напасть таким способом. Арракис делает нас моральными и нравственными.

Пол хотел ответить, но герцог жестом прервал его:

– Мне нужен кто-то, кому я мог бы говорить подобные вещи, сын.

Он вздохнул и опять взглянул на иссушенный ландшафт, откуда теперь исчезли даже цветы – растоптанные сборщиками росы, увядшие под утренним солнцем.

– На Каладане мы правили, используя силу моря и воздуха, – сказал герцог. – Здесь мы должны ухватиться за силу Пустыни. Это твое будущее владение, Пол. Что с тобой станет, если со мной что-то случится? Наш Дом станет не отступническим, а, так сказать, партизанским Домом – преследуемым, бегущим...

Пол пытался что-то ответить, но так и не нашел что. Никогда еще он не видел отца таким.

– Чтобы сохранить Арракис, – продолжал герцог, – встаешь перед неизбежностью решений, которые могут стоить

тебе самоуважения. – Он указал взглядом на зелено-черное знамя Атрейдесов, безвольно повисшее на флагштоке на краю посадочного поля. – Это благородное знамя может стать символом зла.

Пол сглотнул пересохшим горлом. Слова отца несли печать обреченности. Мальчик почувствовал пустоту в груди.

Герцог извлек из кармана таблетку стимулятора и проглотил, не запивая.

– Сила и страх, – сказал он. – Вот инструменты государственной власти... Я вынужден еще раз подчеркнуть, как важно, чтобы ты полностью овладел методами партизанской войны. Этот ролик... они называют тебя «Махди», «Лисан аль-Гаибом» – в крайнем случае попробуй поставить на это. Это – твой последний шанс.

Пол смотрел на отца и видел, как распрямляются его плечи, – подействовала таблетка, – но слова страха и сомнения не забывались.

– Почему нет эколога? – пробормотал герцог. – Я же сказал Хавату, чтобы он доставил его сюда пораньше.

* * *

Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку, и с помощью методов, которым научила меня моя мать, я почувствовала, что он расстроен. Он привел меня в Зал Портретов и подвел к эго-образу герцога Лето Атрейдеса. Я заметила сильное сходство между ними – моим отцом и этим человеком на портрете, – у обоих худощавые, тонкие лица с резкими чертами и холодные яркие глаза. «Принцесса-дочь, – сказал тогда мой отец, – хотел бы я, чтобы ты была постарше, когда этот человек выбирал себе жену…» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше, чем человек на портрете, а мне было всего четырнадцать; однако я помню, как решила тогда, что отец мой втайне желает породниться с герцогом и проклинал политическую неизбежность, сделавшую их врагами.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Первая встреча с людьми, которых ему приказали предать, потрясла Кинеса. Он гордился собой, считая себя ученым, для которого легенды – не более чем занятные ключи к истокам культуры. Но мальчик так точно соответствовал древнему пророчеству! У него были «вопрошающий взор» и аура «сдержанной искренности».

Конечно, пророчество оставляло некоторый простор толкованиям – должна ли Богиня-Мать привезти Мессию с собой или же дать Ему жизнь уже здесь? Но все-таки тут было, было это странное соответствие между предсказанием и реальными людьми.

Они встретились утром возле административной башни арракинского космодрома. Неподалеку стоял наготове и тихо жужжал, словно большое сонное насекомое, орнитоптер без опознавательных знаков. Рядом дежурил охранник Атрейдесов с обнаженным мечом и включенным щитом – это было заметно по слабому дрожанию воздуха.

Увидев это дрожание, Кинес позволил себе саркастически улыбнуться: тут Арракис преподнесет им сюрприз!

Планетолог поднял руку, отсылая свою фрименскую охрану. Потом направился ко входу в здание – темной дыре в облицованном пластиком камне. Это громоздкое сооружение показалось ему таким незащищенным, таким ненадежным в сравнении с пещерой…

Внутри проема возникло какое-то движение. Тогда он остановился, поправляя плащ и дистикомб.

Двери широко распахнулись, открыв путь тяжеловооруженным охранникам – у всех были станнеры с «медленными» стре́лками, мечи и силовые щиты. Вслед за ними появился высокий смуглый черноволосый человек, чьи черты напоминали хищную птицу. На нем был плащ-джубба́ с гербом Атрейдесов на груди, и то, как он носил плащ, выдавало его незнакомство с этой одеждой – джубба обвивалась вокруг его ног, словно липла к дистикомбу, а не развевалась свободно в ритме шагов, как до́лжно.

Рядом с человеком в плаще шел мальчик – такой же темноволосый, но с более круглым овалом лица. Он выглядел моложе своих лет: как вспомнил Кинес, ему было пятнадцать. Однако, несмотря на юный вид, от него веяло повелительной, спокойной уверенностью, словно он видел и знал в окружающем мире нечто такое, чего не могли увидеть другие. И одет он был в плащ того же фасона, что и его отец, но носил его с небрежной легкостью, заставлявшей думать, будто этот мальчик всегда носил такую одежду.

«Махди будет замечать вещи, которые не могут увидеть другие», – гласило пророчество.

Кинес потряс головой, сказав себе: «Эти двое – лишь люди».

Вместе с герцогом и его сыном появился одетый, подобно им, для пустыни, человек, которого Кинес узнал, – Гурни Халлек. Кинес глубоко вздохнул, стараясь унять свое раздражение против Халлека, осмелившегося поучать его, как надо вести себя с герцогом и герцогским наследником.

«Можете обращаться к герцогу «милорд» или «сир». Слово «высокородный» тоже допустимо, хотя это – обращение для более официальных случаев. Сына его можете называть «молодым господином» или «милордом». Герцог – очень снисходительный человек, но не выносит фамильярности».

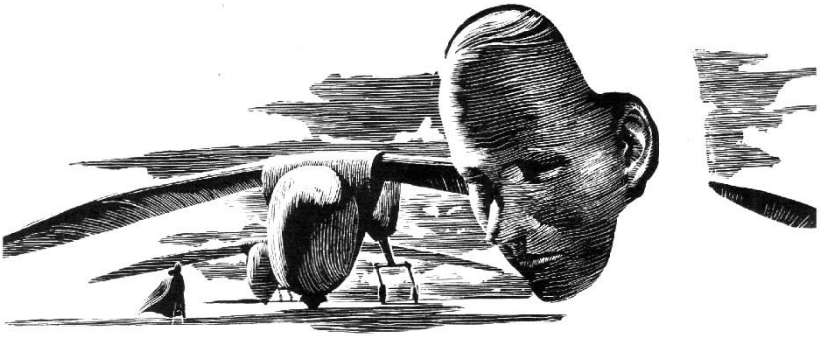
И, глядя на приближающуюся группу, Кинес подумал: «Они достаточно скоро узнают, кто на Арракисе господин и хозяин. Надо же, приказали этому ментату расспрашивать меня среди ночи! Ждут, чтобы я помог им в проверке разработок Пряности!»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кинеса. Им нужны имперские базы. И ясно, что о базах они узнали от Айдахо.

Я велю Стилгару послать этому герцогу голову Айдахо.

Отряд герцога был теперь всего лишь в нескольких шагах от него, и песок скрипел под их пустынными сапогами.

Кинес поклонился:

– Милорд герцог, приветствую вас.

Пока Лето шел к орнитоптеру, он хорошо рассмотрел стоявшего рядом с машиной человека: Кинес был высок, худощав, одет для пустыни – в свободную накидку, дистикомб и низкие сапоги. Капюшон был небрежно отброшен, лицевой клапан отстегнут и висел сбоку, открывая взору песочного цвета волосы и редкую бороду. Глаза под густыми бровями были бездонно синими, их обвели круги въевшейся пыли.

– Вы эколог, – утвердительно сказал герцог.

– Мы здесь предпочитаем старый титул, милорд, – уточнил Кинес. – Планетолог.

– Что же, как вам угодно, – пожал плечами герцог и повернулся к Полу: – Сын, это Арбитр Смены, судья в спорах, человек, назначенный проследить, чтобы в нашем вступлении во владение этим леном были соблюдены необходимые формальности... – Герцог взглянул на Кинеса. – А это мой сын.

– Приветствую вас, – поклонился Кинес Полу.

– Вы фримен? – спросил Пол. Кинес улыбнулся:

– Меня принимают и в сиетче, и в деревне, молодой господин, но я состою на службе Его Величества, я – Имперский Планетолог.

Пол кивнул, удивленный аурой силы, исходящей от этого человека. Халлек показал Кинеса Полу из верхнего окна административной башни: «Вон тот человек,

окруженный фрименским эскортом, – тот, что сейчас направляется к орнитоптеру».

Пол быстро осмотрел Кинеса в бинокль, отметив горделиво сжатые тонкие губы, высокий лоб. Халлек шепнул Полу:

– Странный тип. Разговаривает очень четко – никаких неопределенностей, каждая фраза словно бритвой отрезана.

И герцог, стоя позади, добавил:

– Типичный ученый.

Теперь же, находясь в нескольких футах от этого человека, Пол ощутил силу его личности, такую, словно Кинес был рожден повелевать.

– Как я понимаю, за дистикомбы и эти плащи мы должны благодарить вас, – проговорил герцог.

– Надеюсь, они вам впору, милорд, – сказал Кинес. – Они фрименского производства и подобраны максимально близко к размерам, которые сообщил мне вот этот ваш человек – Халлек.

– Меня обеспокоили ваши слова о том, что без этих одежд вы не ручаетесь за нашу безопасность в пустыне, – сказал герцог. – Мы ведь можем взять с собой сколько угодно воды. К тому же мы не собираемся далеко отходить от орнитоптера, и у нас есть прикрытие с воздуха – вот эти машины, которые сейчас прямо над нами. Не может быть, чтобы нам что-то угрожало!

Кинес внимательно посмотрел на него, отметив насыщенную влагой кожу, и холодно заметил:

– Никогда не говорите, что может быть на Арракисе и чего не может. Здесь говорят только о вероятности.

Халлек подобрался:

– К герцогу следует обращаться «милорд» или «сир»!

Лето условным жестом приказал Халлеку умолкнуть и сказал:

– Наши порядки внове здесь, Гурни. Будь снисходительнее.

– Как прикажете, сир.

– Мы перед вами в долгу, доктор Кинес, – промолвил Лето. – И запомним эти костюмы и вашу заботу о нас.

По какому-то внезапному побуждению Пол вспомнил цитату из Экуменической Библии и тихо произнес:

– «Дар есть благословение дающего».

И слова его неожиданно звучно разнеслись в тишине неподвижного воздуха. Фрименские охранники Кинеса, сидевшие на корточках в тени административной башни, повскакивали, что-то бормоча в явном возбуждении. Один из них воскликнул: «Лисан аль-Гаиб!»

Кинес быстро повернулся и раздраженно махнул охранникам рукой. Те, негромко, но возбужденно переговариваясь, неохотно отошли за угол здания.

– Любопытно, – пробормотал Лето. Кинес твердо взглянул на герцога и Пола:

– Большинство жителей Пустыни крайне суеверны. Не стоит обращать на них внимания. Они не имели в виду ничего дурного.

Но он не мог не вспомнить слова из легенды: «Они будут приветствовать вас Святыми Словами, и дары ваши будут благословенны».

Впечатление о Кинесе – частично основанное на кратком устном сообщении Хавата (осторожном и полном подозрений) – внезапно выкристаллизовалось для Лето: Кинес был фрименом. Кинес прибыл с фрименским эскортом, что могло, конечно, означать всего лишь, что фримены проверяют свое новообретенное право свободно перемещаться в черте города, – но эскорт этот выглядел скорее, как почетная охрана. И по манерам Кинес был гордым человеком, привычным к свободе, и речь его и поведение сдерживались лишь его собственными подозрениями. Вопрос Пола был прямо по существу.

Лето стал воспринимать Кинеса как местного жителя.

– Не пора ли нам отправляться? – спросил Халлек. Герцог кивнул:

– Я полечу на своем топтере. Кинес может сесть в него рядом со мной – чтобы показывать дорогу. Вы с Полом сядете сзади.

– Одну минуту, – сказал Кинес. – С вашего позволения, сир, я должен проверить ваши дистикомбы.

Герцог хотел было возразить, но Кинес опередил его:

– Я здесь не меньше забочусь о себе, чем о вас... милорд. Я слишком хорошо знаю, чье горло будет перерезано, случись что-нибудь с вами и вашим сыном, пока вы на моем попечении.

Герцог нахмурился, взвешивая возможности. Вот так ситуация! Отказавшись, я могу его оскорбить. А ценность этого человека для меня, возможно, неизмерима. Но... позволить ему пройти внутрь моей защиты, коснуться меня, когда я так мало о нем знаю?

Эти мысли пронеслись, перейдя в твердое решение.

– Мы в ваших руках, – спокойно сказал он и шагнул вперед, раскрывая свой плащ и заметив, что Халлек приподнимается на носках, напрягшись как натянутая струна.

– И, если вы окажете любезность, – добавил герцог, – я был бы весьма благодарен за разъяснения об этом костюме – вы так хорошо знакомы с ним.

– Разумеется, – отозвался Кинес, нащупывая на плече под плащом герцога герметичные застежки. Проверяя их, он начал: – Костюм многослойный – высокоэффективный фильтр и теплообменная система. – Он поправил застежки. – Слой, примыкающий к коже, пористый. Пот проходит сквозь него, охлаждая тело... идет почти нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... – Кинес подтянул подгоночный ремешок на груди, – ... содержат волоконные телообменники и осадители солей. Соли также используются вновь.

Герцог развел руками:

– В самом деле, очень интересно.

– Вдохните поглубже, – сказал Кинес.

Планетолог рассмотрел застежки возле подмышек, подтянул одну из них.

– Движения тела, в особенности дыхание, – сказал он, – а также осмотические процессы обеспечивают нагнетающую силу... – Он слегка ослабил ремешок на груди. – Утилизируемая вода переходит в накопительные карманы, из которых ее и извлекают через эту вот трубку, закрепленную в зажиме под шеей.

Герцог опустил голову, чтобы увидеть конец трубки.

– Эффективно и удобно, – хмыкнул он. – Хорошее изобретение.

Кинес опустился на колени, проверяя, как подогнан комбинезон на ногах.

– Моча и экскременты обрабатываются в буртиках на бедрах, – сказал он и поднялся на ноги, проверил воротник и поднял прикрепленный к нему клапан. – В открытой пустыне этим фильтром закрывают лицо, а трубку с этими пробками, обеспечивающими плотную подгонку, вставляют в ноздри. Вдыхают через ротовой фильтр, выдыхают через носовую трубку. С таким фриженским костюмом, конечно, если он в хорошем рабочем состоянии, вы потеряете не более глотка влаги в сутки – даже если окажетесь в Великом Эрге.

– Глоток в сутки! – повторил герцог.

Кинес надавил пальцем на лобную подушечку костюма и добавил:

– Она может немного натирать лоб. Если она вызовет раздражение кожи, пожалуйста, скажите мне. Я мог бы подогнать ее чуть плотнее.

– Благодарю, – сказал герцог. Когда Кинес на шаг отступил, герцог повел плечами в костюме, ощутив, что теперь костюм сидит лучше – плотнее и меньше раздражает.

Кинес повернулся к Полу:

– Теперь займемся мальчиком...

«Он хороший человек, но ему следует научиться обращаться к нам должным образом», – подумал герцог.

Пока Кинес проверял его костюм, Пол стоял неподвижно. Он вспомнил ощущения при примерке дистикомба: странно-гладкая, скользящая ткань в мелких морщинах... Разумеется, он прекрасно знал, что никогда раньше не надевал дистикомб. Но каждое движение собственных пальцев, подгоняющих застежки-липучки под неумелым руководством Гурни, казалось естественным, инстинктивным. Когда он затягивал костюм на груди, чтобы добиться максимальной нагнетающей силы от дыхания, он знал, что делает и почему. Когда стягивал ткань на шее и плотнее прилаживал лобную подушку, он знал, что, если этого не сделать, кожу сотрет до волдырей.

Кинес выпрямился и озадаченно отступил.

– Вы уже носили раньше дистикомб? – спросил он.

– Сегодня я надел его в первый раз.

– Значит, кто-то помог вам его подогнать?

– Нет.

– Голенища ваших пустынных сапог приспущены и закреплены у щиколотки. Кто вас этому научил?

– Мне казалось, что так будет правильно.

– И будьте уверены – это действительно правильно.

Кинес потер щеку, вспоминая слова легенды: «И будет он знать ваши пути, словно он рожден для них».

– Мы теряем время, – сказал герцог и, указав рукой на ожидающий топтер, двинулся к нему. Охранник отдал честь, герцог кивнул в ответ. Поднявшись в топтер, он закрепил свои ремни безопасности, пробежал пальцами по панели управления. Амортизаторы машины поскрипывали, когда его спутники садились.

Кинес тоже закрепил ремни и огляделся. Салон орнитоптера был непривычно комфортабельным, даже слишком роскошным – мягкая серо-зеленая обивка, мерцающие приборы, чистый увлажненный воздух, наполнивший его грудь, как только дверцы захлопнулись и мягко загудел кондиционер.

«Как удобно», – подумал он.

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Лето включил питание крыльев, ощутил их взмахи – раз, другой. Машина оторвалась от земли на десять метров, крылья напряглись, застыли, и кормовые реактивные двигатели, засвистев, толкнули топтер круто вверх.

– Держите к юго-востоку над Барьерной Стеной, – посоветовал Кинес. – Я сказал вашему дюнмастеру, чтобы он направил оборудование туда.

– Хорошо.

Герцог заложил вираж, машины сопровождения повторили маневр, заняли свои места, и группа повернула на юго-восток.

– Конструкция и налаженное производство этих дистикомбов говорят о высоком уровне технологии, – заметил герцог.

– Когда-нибудь, если пожелаете, я покажу вам фабрику в одном из сиетчей, – отозвался Кинес.

– Было бы интересно посмотреть, – кивнул герцог. – Я заметил, что дистикомбы производятся и в некоторых гарнизонных городках.

– Скверная имитация, – ответил Кинес. – Если обитатель Дюны заботится о своей шкуре, он носит фрименский комбинезон.

– И такой костюм позволяет свести расход воды до глотка в день?

– Когда правильно надет – с плотно пригнанной лобной подушкой и хорошей герметизацией, – тогда главный расход воды идет через ладони, – объяснил Кинес. – Если не требуется выполнять руками тонкую работу, можно надеть перчатки костюма, но большинство фременов в открытой Пустыне предпочитают натирать руки соком листьев креозотового кустарника. Он подавляет потение.

Герцог бросил взгляд вниз, на изломанный ландшафт Барьерной Стены – истерзанные скалы, желто-бурые пятна, прорезанные черными линиями разломов. Будто какой-то исполин сбросил все это с орбиты и оставил так, как упало...

Они пролетели над мелким бассейном, на котором четко выделялись полосы серого песка, пересекавшие бассейн от горловины до противоположной стороны, где пальцы песчаной дельты тянулись вверх по темной скале.

Кинес откинулся в кресле, думая о пропитанных водой телах, одетых в дистикомбы. Поверх плаща у каждого был щит-пояс, а на поясе – кобура станнера с медленными стрелками; маленькие, с монетку, аварийные передатчики-медальоны на шее. И у герцога, и у его сына были ножи на запястьях, и ножны их выглядели изрядно потертыми. Люди эти поразили Кинеса странным сочетанием мягкости и силы. В них чувствовалась какая-то уравновешенность – как были они в этом отличны от Харконненов!

– Когда вы будете докладывать Императору о смене правления, сообщите ли вы, что мы соблюдаем правила? – спросил Лето, на миг переведя взгляд с приборной панели на Кинеса.

– Харконнены ушли, вы пришли, – ответил Кинес.

– И всё как полагается? – спросил Лето. У Кинеса напряглось лицо.

– Как планетолог и Арбитр Смены, я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд.

Герцог жестко улыбнулся:

– Но нам обоим известно реальное положение дел.

– Позволю себе напомнить, что Его Величество покровительствует моей работе.

– Да? И в чем же она состоит?

В наступившей тишине Пол подумал: «Отец слишком жестко давит на этого Кинеса».

Пол покосился на Халлека, но воин-менестрель старательно вглядывался в унылый ландшафт за колпаком кабины.

Кинес натянуто проговорил:

– Вы, разумеется, имеете в виду мои обязанности как планетолога.

– Разумеется.

– Главным образом это биология и ботаника пустыни… кроме того, немного геологии – бурение и взятие образцов. Возможности целой планеты никогда нельзя исчерпать.

– Пряность вы тоже исследуете?

Кинес чуть вздрогнул, и Пол отметил каменную линию его скулы.

– Странный вопрос, милорд.

– Не забывайте, Кинес, что теперь это мой лен, а мои методы отличаются от харконненских. Меня не будут заботить ваши исследования Пряности до тех пор, пока вы будете посвящать меня в свои открытия. – Герцог в упор взглянул на планетолога. – Харконнены не поощряли исследований Пряности, не так ли?

Кинес не ответил.

– Здесь вы можете говорить откровенно, не опасаясь за свою жизнь, – сказал герцог.

– Императорский двор действительно далеко, – пробормотал Кинес и подумал: «Чего ждет от меня этот налитый водой пришелец? Неужели он считает меня настолько глупым, что надеется привлечь на свою сторону?»

Герцог рассмеялся, глядя на приборы:

– Как-то вы кисло отвечаете. Я вас понимаю: мы заявились сюда с целой армией дрессированных убийц и ждем, что вы немедленно поймете, насколько мы отличаемся от Харконненов, так?

– Я читал ваши пропагандистские материалы, которыми вы наводнили и сиетчи, и деревни, – сказал Кинес. – «Любите доброго герцога». Ваш пропагандистский корпус…

– Хватит! – рявкнул Халлек. Он подался вперед – его больше не интересовали пейзажи внизу.

Пол положил ладонь на плечо Халлека.

– Гурни! – укоризненно сказал герцог и оглянулся. – Этот человек долго жил при Харконненах.

Халлек, помедлив мгновение, расслабился:

– Извините, сир.

– Ваш Хават – тонкий человек, – сказал Кинес. – Но цель его достаточно ясна.

– Значит, вы расскажете нам об этих базах? – спросил герцог.

Кинес резко ответил:

– Они принадлежат Его Величеству.

– Но они не используются.

– Их можно использовать.

– И Его Величество тоже так считает?

Кинес твердо взглянул на герцога:

– Арракис мог бы стать подлинным раем, если бы его правители поменьше думали о выкачивании Пряности.

«Он не ответил на мой вопрос», – подумал герцог и сказал:

– Как планета может стать раем без денег?

– Что такое деньги, если на них нельзя купить того, что вам нужно? – вопросом на вопрос ответил Кинес.

«Ах вот как!» – подумал герцог, а вслух сказал:

– Мы обсудим это в другой раз. А сейчас, кажется, мы приближаемся к внешнему краю Барьерной Стены. Мне держать тот же курс?

– Тот же, – пробормотал Кинес.

Пол посмотрел в свое окно. Внизу под ними гористый ландшафт постепенно перешел в унылое плоскогорье, потом в кинжальные выступы шельфа. За шельфом к горизонту тянулись серповидные холмики дюн, изредка перемежаемые более

темными пятнами песка. Может быть, скальные обнажения. Яснее увидеть мешал раскаленный, дрожащий воздух у поверхности.

– Есть ли здесь какие-нибудь растения? – спросил Пол.

– Есть, – ответил Кинес. – В этих широтах в основном водятся мелкие водокрады, как мы их зовем, – буквально охотятся друг на друга ради воды, собирают даже слабые следы росы. Некоторые участки Пустыни прямо-таки кишат жизнью. И вся она приспособилась к этим условиям. Если вы окажетесь в песках, вам придется подражать этой жизни – иначе погибнете.

– Вы имеете в виду – придется красть воду друг у друга? «У людей»? – спросил Пол. Идея возмутила его, и голос это выдал.

– Бывает и так, – признал Кинес. – Но я имел в виду другое. Видите ли, климат моей планеты волей-неволей приучает к особому отношению к воде – требует такого отношения. Вы все время помните о воде – и не можете позволить себе потерять ничего, в чем есть хоть капля влаги.

И герцог повторил про себя: «...климат моей планеты!..»

– Возьмите на два градуса южнее, милорд, – обратился к нему планетолог. – С запада идет ветер.

Герцог кивнул. Он уже увидел,

как с запада накатывается кипящая волна рыжей пыли. Он развернул орнитоптер – сопровождающие машины повторили вираж, их крылья сверкнули оранжевым, отраженным от дюн блеском.

– Думаю, мы обойдем фронт бури, – спокойно сказал Кинес.

– Опасно, должно быть, попасть в такую бурю, – заметил Пол. – Это правда, что песок, который она несет, режет даже самые прочные металлы?

– На этих высотах речь идет скорее о пыли, а не о песке, – ответил Кинес. – Поэтому по-настоящему опасны потеря видимости, турбулентные потоки, забитые воздухозаборники.

– А мы сегодня увидим, как добывают Пряность? – спросил Пол.

– Возможно, – отозвался Кинес.

Пол откинулся на спинку кресла. Вопросы были нужны ему, чтобы, используя способности к сверхвосприятию, «отметить» нового знакомого, как учила мать. Теперь он запомнил его – голос, мельчайшие детали лица и жестов. Неестественная складка на рукаве, почти незаметная, выдавала нож в пристегнутых к предплечью ножнах. Кроме того, он заметил странные выпуклости на поясе Кинеса. Пол слышал, что люди Пустыни подпоясывались кушаком, в котором носили всякие мелкие предметы. Видимо, Кинес тоже носил такой кушак – силовым щитом это быть никак не могло. Ворот одеяния скрепляла бронзовая фибула с выгравированным на ней зверьком – кажется, зайцем. Вторая брошь, поменьше, с тем же изображением, была прикреплена к откинутому на спину капюшону.

Халлек изогнулся в своем кресле (он сидел бок о бок с Полом) и извлек из заднего отсека балисет. Когда он начал настраивать его, Кинес бросил взгляд назад.

– Что мне сыграть, молодой господин?

– Что хочешь, Гурни. Выбери сам, – ответил Пол. Халлек склонился к деке, взял аккорд и негромко запел:

Отцы наши ели манну,
манну в пустыне —
в пылающих землях,
на землях жестоких смерчей.
О боже, спаси нас,
спаси, пусть гибель нас минет,
спаси, о, спаси нас
из этой земли раскаленной,
палящей,
о, выведи, боже, своих
из этой пустыни детей!..

Кинес искоса посмотрел на герцога:

– Вы действительно берете с собой весьма небольшую охрану, милорд. Но неужели каждый из них столь разносторонне одарен?

– Гурни? – усмехнулся герцог. – Гурни в своем роде уникален.

Я предпочитаю, чтобы он всегда был подле меня – у Гурни удивительно зоркий глаз. Мало что ускользает от его внимания.

Планетолог слегка нахмурился.

Халлек, не прерывая мелодию, вставил:

Ибо я подобен сове,
пустынной сове – о!
Айя! да, подобен пустынной сове!

Герцог протянул руку, поднял из гнезда на панели микрофон и щелкнул кнопкой:

– Ведущий – Гемме. Летящий объект на девять часов[7], сектор Б. Опознать объект.

[7] То есть на 90° влево.

– Это всего лишь птица, – произнес Кинес и добавил: – У вас прекрасное зрение.

Динамик на пульте затрещал, затем послышался ответ:

– Гемма – Ведущему. Объект рассмотрен при максимальном увеличении и опознан как птица. Это большая птица.

Пол взглянул в названный отцом участок неба. Действительно, там мелькала крохотная точка. Отец возбужден, подумал он. Все его чувства настороже.

– Вот не думал, что так глубоко в Пустыне встречаются такие большие птицы, – заметил герцог.

– Орел, наверное, – сказал Кинес. – Живые существа могут адаптироваться к любым условиям.

Орнитоптер прошел над голой каменистой равниной. Пол, глядя вниз с двухкилометровой высоты, ясно разглядел на камне смятую неровностями почвы тень их машины и рядом – тени орнитоптеров сопровождения. Земля казалась совершенно плоской, но скользящие тени разрушали эту иллюзию.

– Удавалось кому-либо выйти из Пустыни? – поинтересовался герцог.

Музыка Халлека смолкла – Гурни прервался в ожидании ответа.

– Не из глубокой, – ответил Кинес. – Было несколько случаев, когда люди выходили из второй зоны Пустыни. Они выжили, потому что шли по районам, где есть скальные отложения – туда черви заходят редко.

Что-то в тембре голоса Кинеса насторожило Пола. Его внимание и чувства сразу же обострились – годы тренировок не прошли зря.

– А-а, черви... – задумчиво сказал герцог. – Надо будет когда-нибудь обязательно посмотреть на червя.

– Возможно, уже сегодня вам представится такая возможность, – отозвался Кинес. – Где Пряность, там и черви.

– Всегда? – переспросил Халлек.

– Всегда.

– Надо ли это понимать так, что между червями и Пряностью существует какая-то связь? – небрежно спросил герцог.

Кинес повернулся, и Пол заметил, как сжаты его губы.

– Черви охраняют пески, где есть Пряность, – разъяснил планетолог. – У каждого червя есть своя... территория. Что касается Пряности... кто знает? Те образцы песчаных червей, которые мы исследовали, указывают на возможность весьма сложных химических процессов, протекающих в их организме. Так, в некоторых капиллярах и протоках желез отмечены следы соляной кислоты, а в других частях их тела – и гораздо более сложные кислоты. Я вам дам мою монографию об этом предмете.

– Щиты не спасают? – спросил герцог.

– Щиты! – презрительно бросил Кинес. – Только включите силовой щит там, где водятся черви, и ваша судьба решена. В таких случаях черви не обращают внимания даже на границы своих угодий и стекаются со всех концов, чтобы наброситься на источник силового поля. Никто из пользовавшихся щитом в Пустыне не пережил такую атаку.

– Тогда как же их ловят?

– Приходится бить их током высокого напряжения – причем каждый сегмент их тела в отдельности, – объяснил Кинес. – Это единственный способ. Их можно усыпить станнером, можно слегка оглушить взрывом, даже порвать – но каждый сегмент тела будет жить отдельно. Причем я не знаю, какое взрывчатое вещество – исключая лишь ядерное оружие – может уничтожить червя целиком. Они необычайно живучи.

– Почему вы не попытались истребить всех червей? – поинтересовался Пол.

– Слишком дорого, – ответил Кинес. – И слишком большая территория...

Пол снова откинулся на спинку сиденья. Его «чувство правды», восприимчивость к оттенкам голоса говорили, что Кинес в чем-то лжет, что его слова – полуправда. И он сказал

себе: «Если связь между червями и Пряностью все же есть, уничтожить червей – значит уничтожить Пряность!»

– Скоро отпадет всякая вероятность того, что кому-то придется выбираться из Пустыни самому, – заявил герцог. – Стоит включить вот такой радиомаячок (он тронул медальон у себя на шее), и спасательная группа вылетит немедленно. В ближайшее время все наши работники получат такие же аварийные передатчики. Мы создаем специальную спасательную службу.

– Похвальное намерение, – отметил Кинес.

– Судя по вашему тону, вы не согласны с идеей спасательной службы, – нахмурился герцог.

– Не согласен? Отчего же, я согласен. Вот только пользы от вашей службы будет немного. Создаваемые бурями помехи глушат почти все сигналы. Передатчики просто коротит. Здесь уже пробовали внедрить нечто подобное, знаете ли. Но Арракис круто обращается с техникой. Кроме того, если на вас охотится червь, то вы просто не дождетесь спасателей: чаще всего у вас есть пятнадцать, самое большее двадцать минут.

– Тогда что бы вы посоветовали? – спросил герцог.

– Вы спрашиваете у меня совета?

– Да – как у планетолога.

– И вы ему последуете?

– Коль скоро сочту его разумным.

– Прекрасно, милорд. В таком случае вот мой совет: никогда не путешествуйте в одиночку.

Герцог даже оторвался от панели управления.

– И это все?

– Это все. Никогда не путешествуйте в одиночку, на одной машине.

– А если, допустим, машины разбросало бурей и приходится – в одиночку – идти на вынужденную посадку? – спросил Халлек. – Можно что-то предпринять в этом случае?

– «Что-то» – очень широкое понятие, – пожал плечами Кинес.

– А что бы сделали вы? – спросил Пол.

Кинес бросил жесткий взгляд на подростка, снова повернулся к герцогу.

– Я, прежде всего, заботился бы о целости своего дистикомба. Если бы я оказался вне ареала обитания песчаных червей или на скалах, я остался бы вблизи орнитоптера. В противном же случае постарался бы возможно быстрее уйти от него на максимальное расстояние. Тысячи метров обычно достаточно. Затем я бы укрылся под плащом. Червь уничтожит топтер, но, возможно, не заметит меня.

– И что потом? – спросил Халлек.

Кинес пожал плечами:

– Потом? Остаётся ждать, когда червь уйдет.

– Это все? – спросил Пол.

– Когда червь уйдет, можно попытаться выбраться из пустыни, – ответил Кинес. – И, если идти тихо, обходить барабанные пески и приливные провалы – пыльные ямы, можно выйти на ближайший скальный участок. Таких участков довольно много, так что какие-то шансы будут.

– Что такое барабанные пески? – встрял Халлек.

– Участки уплотненного песка, – ответил Кинес. – Самый легкий шаг заставляет их греметь, как барабан. А черви всегда приходят на этот звук, – добавил он.

– А приливный провал? – спросил герцог.

– Углубления в почве пустыни, за столетия заполнившиеся пылью. Иногда они так велики, что в них есть течения и приливы. И любой из этих провалов поглотит всякого, кто неосторожно ступит на его поверхность...

Халлек устроился в кресле поудобнее и снова взялся за балисет. Проиграв вступление, он запел:

Здесь в пустыне охотятся дикие звери,
Поджидая беспечных в смертельных песках.
О, не надо гневить, искушать здесь богов,
властелинов пустыни,
Коль не ищешь ты гибели в этих страшных краях.

О, опасности...

Внезапно он оборвал песню, подался вперед:

– Сир, пыльное облако прямо по курсу.

– Вижу, Гурни.

– Вот туда нам и надо, – кивнул Кинес.

Пол приподнялся, вглядываясь. Впереди, километрах в тридцати, по поверхности пустыни катилось пыльное облако.

– Это один из ваших меланжевых комбайнов-подборщиков, – пояснил Кинес. – Он спущен на поверхность – а это значит, что он находится на меланжевой россыпи. Облако – это выбрасываемый комбайном отработанный песок, из которого на гридексе и центрифуге выбрана Пряность. Это облако ни с чем не спутаешь.

– Вижу летательный аппарат над облаком, – объявил герцог.

– Я вижу два... три... четыре топтера-наводчика, – ответил Кинес. – Наблюдают за пустыней – высматривают знак червя.

– Знак червя? – переспросил герцог.

– Он выглядит как песчаная волна, движущаяся к краулеру. Конечно, приходится расставлять и сейсмодатчики на поверхности: червь зачастую идет так глубоко, что волна не образуется. – Кинес обвел взглядом небо. – Странно, что не видно грузолета: он должен бы быть где-то поблизости.

– Так черви, по-вашему, появляются всегда? – спросил Халлек.

– Всегда.

Пол тронул Кинеса за плечо:

– Какую территорию занимает каждый червь?

Кинес свел брови. Этот ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

– Это зависит от размеров червя.

– Ну а все-таки? – спросил герцог.

– Большие контролируют триста-четыреста квадратных километров. Маленькие... – Он замолк: герцог резко включил реактивные тормоза.

Машина дернулась, словно взбрыкнувший скакун. Кормовые двигатели со свистом отключились: короткие крылья раскрылись, вытянулись во всю длину, захватили воздух широким взмахом.

Аппарат стал теперь полностью орнитоптером и летел, плавно взмахивая крыльями. Правая рука герцога лежала на рычаге, левой он показывал на восток, за комбайн.

– Это – знак червя?

Кинес перегнулся через его плечо, всмотрелся в даль.

Пол и Халлек оказались прижаты друг к другу. Пол заметил, что сопровождающие орнитоптеры, не сумев повторить неожиданный маневр герцога, залетели вперед и теперь разворачивались. Комбайн был все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда показывал герцог, среди тянущейся к горизонту теневой ряби дюнных полумесяцев по прямой линии двигалась песчаная волна – продолговатый песчаный холм. Пол вспомнил, как тревожит водную гладь плывущая под поверхностью рыба.

– Да, червь, – сказал Кинес, – и большой.

Он повернулся, взял с панели микрофон, переключил частоту. Бросив взгляд на карту, закрепленную над головой на роликах для перемотки, планетолог произнес в микрофон:

– Вызываю краулер на Дельта Аякс Девять. След червя. Внимание, краулер на Дельта Аякс Девять – след червя. Подтвердите прием.

Динамик затрещал помехами, затем послышался ответ:

– Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

– Они что-то слишком спокойны, – заметил Гурни. Кинес сказал в микрофон:

– Вызывает орнитоптер, совершающий неплановый полет, находимся в трех километрах к северо-востоку от вас.

Червь идет пересекающим курсом, предположительно перехватит вас через двадцать пять минут.

Теперь из динамика раздался новый голос:

– Говорит командир звена наводчиков-наблюдателей. Подтверждаю сообщение: след червя. Рассчитываю время сближения.

Короткая пауза, затем:

– Максимальное время – двадцать шесть минут. Неплановый, прекрасная оценка времени. Кто у вас на борту? Прием.

Халлек отстегнул привязные ремни и вклинился между Кинесом и герцогом.

– Кинес, это обычная рабочая частота?

– Да. А что?

– Кто нас услышит?

– Только рабочие команды в этом районе. Так рассчитано, чтобы они не мешали друг другу и не устраивали кашу в эфире.

Динамик снова затрещал:

– Здесь Дельта Аякс Девять. Кто получит премию за предупреждение? Прием.

Халлек взглянул на герцога. Кинес объяснил:

– Тот, кто первый заметит знак червя и оповестит о нем, получает премию – процент от добычи. Поэтому они хотят знать...

– Ну так передайте им, кто первым обнаружил червя, – сказал Халлек.

Кинес поколебался, поднял микрофон:

– Премию получает герцог Лето Атрейдес. Герцог Лето Атрейдес. Прием.

Голос в динамике был спокоен, но искажен особенно сильным треском помех:

– Вас поняли. Благодарим.

– А теперь, – распорядился Халлек, – скажите им, пусть разделят премию между собой. Скажите, что так желает герцог.

Кинес сделал глубокий вздох и заговорил:

– Герцог желает, чтобы вы поделили его премию между собой. Как поняли? Прием.

– Поняли хорошо и благодарим, – ответил динамик. Герцог сказал, обращаясь к планетологу:

– Да, я забыл упомянуть, что Гурни также талантливый специалист по связям с общественностью.

Кинес бросил на Халлека озадаченный взгляд.

– Таким образом люди увидят, что их герцог заботится об их безопасности, – пояснил Халлек. – И об этом случае будут говорить. А поскольку обмен шел на зональной рабочей частоте, не думаю, что харконненские агенты слышали нас. – Он мельком глянул на сопровождающий топтер. – К тому же мы неплохо защищены. Так что риск был оправдан.

Герцог направил машину к песчаному облаку, извергаемому комбайном.

– Что они предпримут?

– Где-нибудь неподалеку должен находиться грузолет, – ответил Кинес. – Он прилетит и заберет краулер.

– Что, если грузолет попадет в аварию? – спросил Халлек.

– Вы же знаете – часть оборудования гибнет, – ответил Кинес. – Милорд, советую подлететь поближе и посмотреть сверху. Вам это должно показаться любопытным.

Герцог свел брови и, быстро работая управлением, удерживал орнитоптер в равновесии в завихрениях воздуха над комбайном.

Пол посмотрел вниз. Песок все еще летел из пластико-металлического монстра под ними. Комбайн походил на огромного, желто-бурого с голубым жука, раскорячившегося на длинных лапах со множеством широких гусениц. Впереди у жука был хоботок в виде огромной перевернутой воронки, засунутой в песок.

– Богатая россыпь, судя по цвету, – отметил Кинес. – Они будут работать до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, увеличил их жесткость, опустился ниже и вошел в планирующий полет по

кругу над краулером. Оглядевшись, он увидел, что сопровождающие топтеры заняли позицию выше и также кружат над ними.

Пол разглядывал вырывающееся из отводных труб облако песка, перевел взгляд на пустыню, откуда неумолимо приближался червь.

– Почему мы не слышали, чтобы они вызвали грузолет? – спросил Халлек.

– Обычно связь с грузолетом идет на другой частоте, – ответил Кинес.

– Следовало бы держать наготове по два грузолета на каждый комбайн, – заметил герцог. – Там, внизу, на этой машине, двадцать шесть человек, не говоря уже о стоимости оборудования.

– У вас для этого недостаточно... – начал Кинес, но тут его прервал голос по радио:

– Эй, на наводчиках! Кто-нибудь из вас видит крыло? Оно не отвечает.

Раздался разноголосый хор – все наблюдатели заговорили вперебой. Их голоса перекрыл гудок. Наблюдатели смолкли, снова заговорил первый голос:

– Отвечайте по порядку номеров! Прием.

– Говорит командир звена наводчиков. В последний раз я видел, как крыло кружит довольно высоко на северо-востоке. Сейчас его не вижу. Прием.

– Наводчик Первый: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Второй: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Третий: крыло не вижу. Конец.

Молчание.

Герцог взглянул вниз:

– У них только четыре топтера-наводчика, да?

– Правильно, – ответил Кинес.

– У нас пять, – продолжил герцог. – И наши машины больше. Каждый из наших топтеров может взять дополнительно по три человека. Их наводчики – по два, полагаю.

Пол быстро подсчитал:

– Остаются еще трое.

– Так почему у них нет второго грузолета?! – разъяренно спросил герцог.

– У вас для этого недостаточно машин, – ответил Кинес.

– Тем более надо беречь то, что есть!

– Куда мог подеваться грузолет? – сердито спросил Халлек.

– Возможно, они совершили вынужденную посадку за пределами видимости, – ответил Кинес.

Герцог выхватил микрофон, задержал палец над кнопкой:

– Но как они могли выпустить грузолет из виду?

– Они наблюдают прежде всего за землей – высматривают знак червя, – объяснил Кинес.

Герцог щелкнул кнопкой:

– Здесь ваш герцог. Спускаемся, чтобы эвакуировать команду с Дельта Аякс Девять. Наводчикам следовать моим приказам. Наводчики садятся к востоку от краулера, мы – на западной стороне. Конец.

Он переключил передатчик на частоту своей группы, повторил приказ охране и передал микрофон обратно Кинесу. Тот вернулся на рабочую частоту, и динамик закричал:

– ... бункер почти полон! Повторяю, у нас почти полный бункер меланжи! Мы не можем бросить все это вонючему червю! Прием.

– К дьяволу меланжу! – рявкнул герцог. Он снова схватил микрофон и тоном приказа заговорил: – Пряность мы всегда можем собрать заново! Слушайте: места на топтерах хватит всем, кроме троих. Бросайте жребий или решайте, как знаете – но мы вас забираем, и это приказ!

Он сунул микрофон Кинесу и пробормотал: «Прошу прощения», – Кинес потряс рукой, герцог ушиб ему палец.

– Сколько осталось времени? – спросил Пол.

– Девять минут, – ответил Кинес.

– Этот орнитоптер, – сказал герцог, – мощнее остальных. Если взлетать на турбине с крыльями, выпущенными на три четверти, сможем взять еще одного человека.

– Песок тут мягкий, – заметил Кинес.

– Сир, с четырьмя лишними людьми на борту да при старте на реактивной тяге мы рискуем сломать крылья, – сказал Халлек.

– Только не на этой машине, – возразил герцог. Топтер спланировал и сел возле краулера. Крылья изогнулись, и машина, скользнув по песку, встала в двадцати метрах от борта комбайна.

Сейчас комбайн молчал, и отработанный песок больше не летел из отвальных труб. От краулера доносилось лишь негромкое гудение – когда герцог распахнул дверцу, оно стало слышнее.

Тотчас на них обрушился тяжелый, острый, густой запах корицы.

Рядом, по другую сторону краулера, с громким хлопаньем крыльев сел один из наводчиков. Герцогский эскорт – машина за машиной – опускался и выстраивался в линию вслед за орнитоптером сеньора.

Пол, глядя из кабины на комбайн, поразился, какими маленькими кажутся рядом с ним орнитоптеры – комары рядом с огромным жуком-носорогом.

– Гурни, Пол, выбросьте заднее сиденье, – скомандовал герцог. Он сложил крылья, оставив их выпущенными на три четверти, установил их на правильный угол, проверил управление реактивными двигателями.

– Какого черта они не выходят?

– Надеются, что грузолет все же прилетит, – ответил Кинес. – Несколько минут у них еще есть.

Он смотрел на восток.

Все повернулись туда же. След червя им не был виден, но тем не менее в воздухе висело тяжелое напряжение.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту своей группы, распорядился:

– Двоим выкинуть из машин экранные генераторы. Все, сколько есть! Тогда в каждую машину можно взять еще одного… Чтобы никого этой твари не оставить!

Он снова перешел на рабочую частоту, гаркнул:

– Эй, на Дельта Аякс Девять! Все наружу, немедленно! Это приказывает ваш герцог! Быстро – или я сейчас разнесу краулер лучеметом.

В передней части краулера откинулся люк, еще один у кормы, третий – наверху. Оттуда посыпались люди – они соскальзывали по обшивке, карабкались… Последним спустился высокий человек в залатанном рабочем комбинезоне. Он сперва спрыгнул на гусеницу, затем на песок.

Герцог вернул микрофон на пульт, соскочил на ступеньку над крылом, закричал:

– По два человека – в ваши наводчики!

Человек в комбинезоне с заплатами выдернул из толпы своих людей несколько пар, подтолкнул их к орнитоптерам, севшим по противоположную сторону комбайна.

– Еще четверо – сюда! – кричал герцог. – Четверо – в тот топтер! – Он ткнул пальцем в ближайший орнитоптер сопровождения. Солдаты как раз натужно выволакивали из него громоздкий силовой генератор. – И четверо – туда! – Герцог показал на другую машину, которая только что освободилась от своего генератора. – По три человека в каждую из оставшихся машин! Бегом, волки Пустыни!

Высокий человек закончил пересчитывать своих людей и с тремя оставшимися тяжело побежал по песку.

– Я слышу червя. «Но не вижу», – сообщил Кинес.

Теперь услышали и остальные – шелестящий, шуршащий, наждачный звук, звук трения песка, далекий – но постепенно усиливающийся, приближающийся.

– Р-работнички… – пробормотал герцог. – Что за разгильдяйство!..

Вокруг послышалось хлопанье крыльев взлетающих орнитоптеров. Оно напомнило герцогу джунгли родной

планеты – выходишь на поляну, раздвигая ветви, и огромные птицы-трупоеды поднимаются с мертвого быка.

Меланжеры добежали до их орнитоптера, полезли в кабину за спиной герцога. Халлек помогал – заталкивал их назад.

– Живей, ребята, полезайте! – погонял он. – Живее!

Пол, затиснутый в угол потными и пыльными рабочими, чувствовал запах испарины страха, запах испуга. Он заметил, что у двоих меланжеров плохо подогнаны шейные уплотнители дистикомбов – и запомнил эту деталь на будущее. Надо, чтобы отец приказал усилить дисциплину в части внимания к дистикомбам. Стоит ослабить внимание к подобным вещам, и люди начинают разбалтываться.

Последний меланжер, задыхаясь, влез в кабину и выговорил:

– Червь! Он уже почти здесь! Взлетайте!

Герцог уселся в свое кресло, нахмурился:

– У нас еще почти три минуты, если исходить из первоначальной оценки времени. Разве не так, Кинес? – Он захлопнул дверцу и проверил, как та закрыта.

– Так, милорд, – почти три минуты, – отозвался Кинес и подумал: «А он хладнокровный, этот герцог!»

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Герцог кивнул, проследил, как стартовал последний из орнитоптеров охраны, включил зажигание, еще раз пробежался взглядом по крыльям, приборам. Включил реактивную тягу.

Стартовое ускорение вжало герцога и Кинеса в спинки кресла, навалилось на тех, кто сбился в задней части кабины. Кинес наблюдал, как герцог управляет орнитоптером. А тот вел машину мягко и уверенно. Вот аппарат оторвался от земли, и герцог снова проверил приборную панель, оглянулся налево-направо – на крылья.

– Машина перегружена, сир, – заметил Халлек.

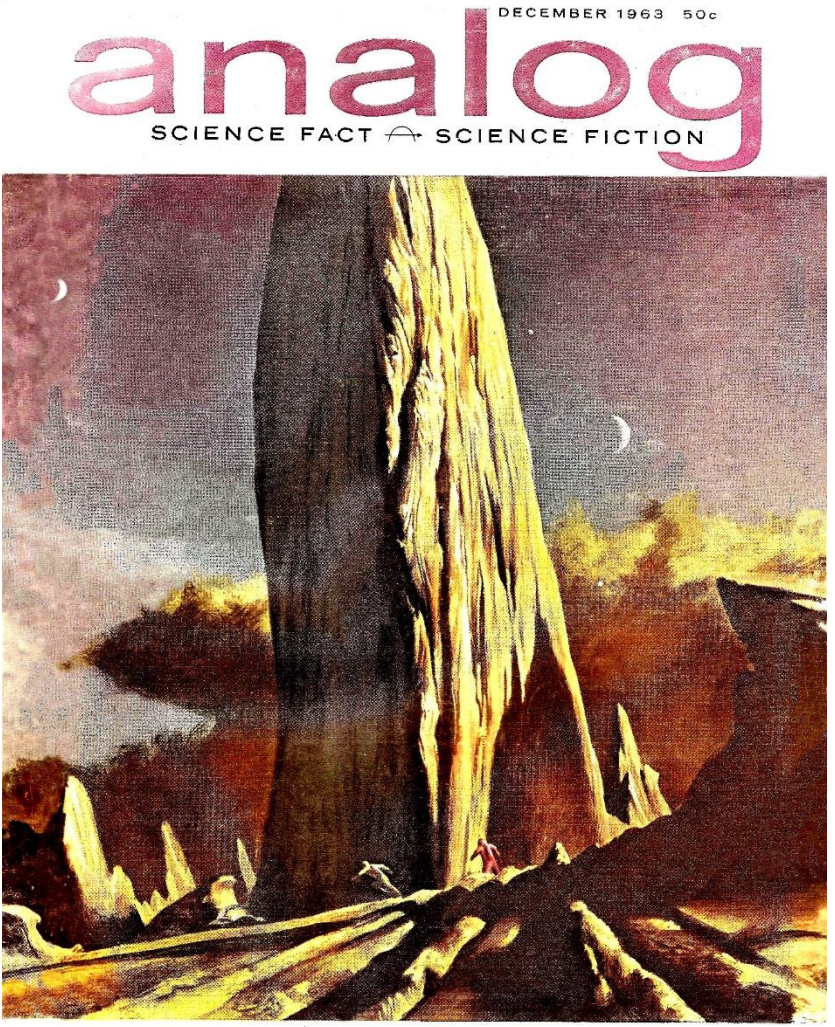
– Но в пределах допустимого, – возразил герцог. – Или ты думаешь, что я стану рисковать ее грузом, Гурни?

Халлек ухмыльнулся:

– Что вы, сир.

Герцог широким поворотом повел машину вверх.

Пол был притиснут возле окна и видел огромную брошенную машину внизу. Метрах в четырехстах от комбайна

след червя исчез, и теперь песок вокруг машины словно бы слегка шевелился.

– Червь сейчас под краулером, – проговорил Кинес. – Сейчас вы увидите то, что видели очень и очень немногие.

Вокруг краулера над песком поднялись легкие облачка пыли. Огромный механизм накренился на правый борт, осел... Чуть правее краулера начала образовываться чудовищная воронка, словно водоворот в песчаном море. Песок в воронке двигался все быстрее. Теперь пыль и песок клубились над участком в несколько сот метров диаметром.

И они увидели это!

В песке открылась – нет, из него вынырнула! – огромная дыра. На усеивавших ее изнутри молочно-белых остриях сверкало солнце. Диаметр этого провала, прикинул Пол, по меньшей мере вдвое превосходил длину комбайна. Машина на его глазах соскользнула в глубину страшной дыры посреди целой лавины песка и пыли. Дыра закрылась – и исчезла.

– Боги, что за чудовище!.. – пробормотал кто-то над ухом Пола.

– Слопал всю нашу Пряность! – добавил другой меланжер.

– Кому-то придется за это дорого заплатить, – пообещал герцог. – Можете быть уверены.

По ровному звучанию его голоса Пол почувствовал, как сильно разгневан отец. И он разделял этот гнев. Это было настоящее преступление – столько выброшено на ветер!

В наступившей тишине послышался голос Кинеса.

– Благословен будь Податель и вода Его, – негромко говорил он. – Благословенно явление и прохождение Его. Да будет очищен мир Его деянием. Да хранит он мир сей для людей своих...

– Что это? – спросил герцог. Но Кинес внезапно замолчал.

Пол взглянул на сбившихся вокруг меланжеров. Все они испуганно глядели в затылок Кинеса. Кто-то прошептал: «Лиет».

Кинес хмуро обернулся и бросил грозный взгляд на произнесшего это слово. Тот в замешательстве отпрянул.

Другой меланжер вдруг сухо, резко закашлялся. Наконец он сумел выговорить:

– Будь проклято это чертово пекло!..

Высокий арракиец, который последним покинул краулер, сказал успокаивающе:

– Тише, Косс, тише. Ты только сильнее будешь кашлять. – Он протиснулся немного вперед так, что оказался позади герцога. – Вы, конечно, и есть герцог Лето? – спросил он. – Мы вам обязаны жизнью. Признаться, мы уже думали, что нам крышка, – если бы не вы...

– Тихо, приятель, не мешай: герцог ведет машину, – сказал Халлек.

Пол взглянул на Халлека. Гурни тоже заметил напряженные складки в углах губ отца. Когда герцог бывал в гневе, все старались не привлекать его внимания и ходили на цыпочках.

Лето вывел было топтер из широкого круга, который он описывал над местом гибели комбайна, как вдруг его привлекло новое движение внизу. Червь скрылся в глубине, и теперь неподалеку от исчезнувшего краулера показались две человеческие фигуры. Они словно скользили над поверхностью, и их шаги совершенно не поднимали пыль.

– Это еще кто – там, внизу? – грозно спросил герцог.

– Это?.. Да так... два парня, которые попросили нас подвезти их, – пробормотал высокий меланжер.

– Почему про них не сообщили?

– Н-ну, они решили рискнуть, – объяснил высокий.

– Милорд, – заметил Кинес, – всем этим людям хорошо известно, что пытаться помочь оказавшимся во владениях червей практических бесполезно.

– Тем не менее с базы мы вышлем за ними топтер, – решил герцог.

– Они были прямо там, где вышел червь, – задумчиво проговорил Пол. – Как же они уцелели?

– Края отверстия проседают, – объяснил Кинес, – и поэтому трудно точно определить расстояние рядом с ним.

– Сир, мы напрасно расходуем топливо, – осмелился заметить Халлек.

– Что?.. Ах да, ты прав, Гурни.

Герцог развернул орнитоптер в сторону Барьерной Стены. Остальные машины тоже переставали кружить над сценой катастрофы, пристраиваясь к их орнитоптеру сверху и по сторонам.

Пол думал о сказанном Кинесом и высоким меланжером. Он чувствовал, что тут была и полуправда, и прямая ложь. Люди там, внизу, шли по песку слишком уверенно – и их шаг явно был рассчитан на то, чтобы он не приманил вновь червя из его песчаных глубин.

«Фримены! – подумал Пол. – Кто еще может так уверенно чувствовать себя на песке? Кого еще могли оставить вот так – и не беспокоиться за их жизнь, поскольку их жизни ничто не угрожает? Они знают, как выжить и жить здесь! Они могут перехитрить червя!..»

– Что делали фримены на краулере? – напрямик спросил он. Кинес вздрогнул и обернулся.

Высокий арракиец посмотрел на Пола широко открытыми глазами – сплошная глубокая синева.

– Кто этот парень? – резко спросил он.

Халлек передвинулся так, чтобы оказаться между Полом и меланжером, и ответил:

– Это – Пол Атрейдес, наследник герцога.

– С чего он взял, что на нашей тарахтелке были фримены? – настороженно спросил высокий.

– Они подходят под описание, – объяснил Пол. Кинес фыркнул.

– Да разве можно отличить фримена только на вид! – Он посмотрел на меланжера. – Эй, ты! Кто эти двое?

– Да так, дружки одного из наших, – неохотно ответил тот. – Из деревни. Попросились – покажи им да покажи меланжевые пески!

– Как же, фримены... – проворчал Кинес, отворачиваясь. – Какие тут фримены!

Но он слишком хорошо помнил легенду: «... и Лисан аль-Гаиб будет видеть сквозь всякие покровы, и уловки не обманут его».

– Все равно они, наверное, уже покойники, молодой сэр, – сказал арракиец. – Не нужно говорить о них худо.

Но Пол слышал фальшь в их голосах и уловил угрозу, заставившую Халлека инстинктивно занять позицию для охраны своего юного хозяина. Он сухо бросил:

– Ужасно умереть в таком месте.

Не поворачиваясь, Кинес ответил, словно цитируя:

– Когда бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место.

Лето тяжело посмотрел на Кинеса.

И Кинес, встретив этот взгляд и так же твердо глядя герцогу в глаза, подумал: «Этот герцог больше беспокоился о людях, нежели о Пряности. Он рисковал своей жизнью – и жизнью своего сына! – чтобы спасти людей. Он спокойно принял гибель краулера, а угроза жизни людей привела его в бешенство. Такому вождю можно быть преданным до фанатизма. Победить его нелегко...»

И против собственной воли, против своих первоначальных выводов, Кинес признался себе: «Мне нравится этот герцог».

* * *

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого воображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным – ибо именно ирония удержит его от веры в собственное величие, она – единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»

Плавающие светильники изгнали ранние сумерки из обеденного зала Арракинского дворца.

Их желтый свет озарял снизу огромную голову черного быка с окровавленными рогами и темно поблескивающий, писанный маслом портрет Старого Герцога.

Под этими реликвиями на белоснежных скатертях сияло начищенное до неправдоподобного блеска фамильное серебро Атрейдесов. Безукоризненно расставленное, оно образовывало геометрически совершенные островки напротив каждого из тяжелых деревянных кресел; сверкал хрусталь кубков и бокалов. Центральная люстра в классическом стиле пока не горела. Ее цепь тянулась вверх – туда, где скрывался в тенях ядоискатель.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть зал и проверить, как все приготовлено к приему, герцог подумал о том, что значил ядоискатель в их жизни.

«В этом все мы, – думал он. – О нас можно судить по нашему языку – точные и изысканные названия для разных видов предательского убийства. Сегодня, например, кто-то может попытаться применить чаумурки – яд в питье. Или, скажем, чаумас – яд в пище...»

Он покачал головой.

На длинном столе подле каждого прибора стояла плоская хрустальная фляга с водой. Тут столько воды, что бедной арракинской семье хватило бы на год, подумал герцог.

По обе стороны от дверей на уровне пояса были поставлены огромные рукомойники – лотки из желтого фаянса с зеленым узором. Возле каждого рукомойника стоял стол со стопками полотенец. Обычай требовал, объяснил мажордом, чтобы каждый гость при входе церемонно погружал руки в рукомойник, плескал на пол воду – несколько горстей, а затем, вытерев руки полотенцем, бросал бы это полотенце в растущую у входа лужу. А после приема воду выжимали и подавали собравшимся у входа нищим.

«Как это по-харконненски, – подумал герцог, – поистине они не упустили ничего, в чем можно проявить низость деградировавшей души!» Он сделал тяжелый, медленный вдох, чувствуя, как его душит гнев.

– С этой традицией покончено, – пробормотал он.

Тут герцог увидал служанку – одну из тех узловатых, сварливых на вид старух, которых рекомендовал мажордом. Та явно болталась без дела возле дверей, ведущих на кухню. Герцог жестом подозвал ее, она вышла из тени, суетливо побежала к нему вокруг стола. Герцог обратил внимание на темное, словно продубленное, лицо, на ярко-синие глаза без белков.

– Что прикажет господин? – Она стояла, потупив глаза и опустив голову.

– Пусть уберут эти рукомойники и полотенца. – Герцог махнул рукой.

– Но... Высокородный... – Теперь старуха подняла голову и изумленно приоткрыла рот.

– Я знаю обычай! – отрезал он. – Пусть рукомойники поставят у входа снаружи. И покуда мы за столом – до конца приема! – всякий нищий может получить стакан воды. Все ясно?

На темном лице отразились досада и даже злость.

Лето вдруг сообразил, что она, конечно же, собиралась продать воду, выжатую из истоптанных полотенец, заработать несколько медяков на несчастных, которые приходят выпрашивать воду. Может, и это было в обычае?..

Лето нахмурился.

– Я выставлю там охранника, который проследит, чтобы мои приказы исполнялись в точности, – пригрозил он.

Резко повернувшись, герцог быстрыми шагами пошел к Большому залу. Воспоминания гудели в его голове подобно беззубому бормотанию старух. Он вспомнил открытую воду, волны, траву вместо песка под ногами – чудесные годы, промелькнувшие мимо, точно уносимые бурей листья.

Все прошло.

«Старею, – подумал он. – Я ощутил ледяное прикосновение собственной смертности. И в чем?! В жадности какой-то старухи?..»

В Большом зале пестрая толпа собралась у камина, возле леди Джессики. Трещал настоящий открытый огонь, бросая оранжевые отблески на драгоценности, кружева и дорогие ткани. Герцог узнал среди собравшихся фабриканта дистикомбов из Карфага, импортера электронного оборудования, водоторговца, выстроившего свое летнее имение близ полярной шапки, представителя Гильд-Банка (он был чрезмерно худ и держался замкнуто), поставщика запасных частей для меланжедобывающей техники, тонкую, с жестким лицом женщину (говаривали, ее фирма по сопровождению и обслуживанию инопланетных гостей была лишь прикрытием для контрабандных операций, шпионажа и вымогательства). Большинство женщин здесь принадлежали к тому особенному типу, который странно сочетает недоступность и чувственность.

«Джессика царила бы над толпой, даже если бы не была хозяйкой дома», – подумалось герцогу. На ней не было драгоценных украшений, она подобрала себе одежду теплых цветов – длинное платье почти того же цвета, что и янтарное пламя в камине, коричневая, охряного оттенка лента, подхватившая бронзовые волосы.

Герцог понял, что она оделась так, чтобы поддразнить его, упрекнуть за недавнюю холодность. Ей было прекрасно

известно, что она больше всего нравилась ему именно в этих цветах – он воспринимал ее как игру теплых красок.

Чуть в стороне от гостей стоял Дункан Айдахо. Его парадная форма сияла, плоское лицо непроницаемо, черные вьющиеся кудри тщательно причесаны. Его отозвали от фрименов, и Хават дал ему секретное поручение: под видом охраны леди Джессики тщательно за нею следить.

Герцог оглядел зал.

В углу, окруженный группой молодых льстецов, пытающихся подладиться к нему – арракинской золотой молодежью, – стоял Пол. Неподалеку от них – три офицера войск Дома Атрейдес. Герцога беспокоили девушки – наследник был бы для них желанной добычей.

Однако Пол со всеми держался одинаково – замкнуто и подчеркнуто аристократически.

«Он будет достойно носить титул», – подумал герцог, и неприятный холодок коснулся его, когда он внезапно понял, что это – еще одна мысль о смерти.

Пол заметил в дверях отца и отвел глаза. Взглянул на группки гостей, руки в перстнях, держащие бокалы (и по возможности незаметные проверки этих бокалов крохотными карманными ядоискателями дистанционного действия). Внезапно Пол почувствовал неприязнь к этим пустым разговорам, к этим лицам – дешевым маскам, прикрывающим нарывающие, сочащиеся гноем мысли, к голосам, пытающимся спрятать за болтовней оглушительное молчание пустых душ.

«Просто я захандрил отчего-то, – подумал он. – Интересно, что сказал бы об этом Гурни?»

Он знал причину этой хандры. Ему не хотелось присутствовать на этом приеме, но отец был непреклонен: «У тебя есть долг. В частности, ты должен соответствовать своему положению. Ты для этого достаточно взрослый. Ты уже почти мужчина».

Пол смотрел, как отец вышел из дверей, оглядел зал и направился к окружавшей Джессику группе.

Подойдя, он услышал, как водоторговец спрашивает:

– А правда, что герцог намерен установить контроль за погодой?

Герцог ответил из-за его спины:

– Пока мы не заходили так далеко в своих планах.

Торговец живо обернулся. У него было почти дочерна загоревшее лицо с вкрадчивым выражением.

– О, герцог! – воскликнул он. – Мы вас заждались!

Лето взглянул на Джессику:

– Пришлось кое-что сделать.

Он вновь перевел взгляд на торговца и рассказал, что было сделано по его приказу с умывальниками.

– Насколько это зависит от меня, с этим старым обычаем будет покончено.

– Следует ли понимать это как ваш приказ, милорд? – осведомился водоторговец.

– Оставляю это на ваше... э-э... на вашу совесть, – ответил герцог и повернулся к подходящему к ним Кинесу.

– Как это благородно, как щедро с вашей стороны – отдать воду этим... – защебетала какая-то дама, но на нее шикнули.

Герцог смотрел на Кинеса. Планетолог, отметил он, одет в темно-коричневый мундир старого образца с эполетами Гражданской Службы и золотой капелькой – эмблемой его ранга в петлице.

– Герцог критикует наши обычаи? – раздраженно спросил водоторговец.

– Обычай уже изменился, – бросил герцог. Он кивнул Кинесу, заметил морщинку между бровей Джессики, подумал:

«Ей не идет нахмуренное лицо. Но это увеличит слухи о наших трениях...»

– С позволения герцога, – снова обратился к нему торговец, – нельзя ли подробнее узнать об изменениях в обычаях?

Лето уловил внезапно появившиеся в его голосе масленые нотки, заметил напряженное молчание,

установившееся вокруг, то, как по всему залу лица стали поворачиваться к ним.

– Не пора ли к столу? – попыталась сменить тему Джессика.

– Но у нашего гостя остались вопросы, – любезно сказал Лето. Он внимательно смотрел на торговца: круглолицый, толстогубый человек с большими глазами. Припомнил доклад Хавата: «... а за этим водоторговцем надо следить. Запомните это имя – Лингар Беут. Харконнены пользовались его услугами, но не могли контролировать его».

– В связанных с водой обычаях так много любопытного, – улыбаясь, сказал Беут. – К примеру, хотелось бы знать, каковы ваши планы относительно устроенной при этом доме влажной оранжереи. Собираетесь ли вы впредь похваляться ею перед людьми... милорд?

Лето взглянул торговцу в глаза, сдерживая гнев. Но тут было о чем подумать. Бросать ему вызов – в его собственном дворце! – особенно учитывая, что этот Беут подписал контракт о вассалитете, – это требовало смелости. И – чувства своей власти. Да, вода в этом мире – это власть. Предположим, системы водоснабжения здесь заминированы и могут быть в любой момент уничтожены... Вполне возможно, что именно с помощью такого дамоклова меча Беут сдерживал в узде Харконненов.

– У моего господина герцога и у меня особые планы относительно оранжереи, – вмешалась Джессика, улыбаясь Лето. – Мы, разумеется, сохраним ее – но сохраним для народа Арракиса, как опекуны. Ибо мы мечтаем о том, что когда-нибудь климат Арракиса изменится так, что станет возможным повсеместно выращивать такие растения просто под открытым небом.

«Умница! – подумал Лето. – Пусть-ка наш водоторговец поразмыслит над этим!»

– Я хорошо понимаю, насколько вы заинтересованы во всем, что связано с водой и погодным контролем, – сказал он, – но я бы порекомендовал вам более разнообразно

размещать свои капиталы. Рано или поздно вода здесь перестанет быть самым дорогим товаром...

И он подумал: «Хавату следует удвоить усилия по внедрению в организацию этого Беута. И мы должны немедля заняться системами водоснабжения. Меня никто в узде держать не посмеет!..»

Беут кивнул, все еще улыбаясь.

– Достойная мечта, милорд. – Он отступил на несколько шагов.

Лето вдруг увидел глаза Кинеса. Тот, не отрываясь глядел в лицо Джессике. Словно преображенный – словно влюбленный... словно верующий в священном трансе...

...А мысли Кинеса были заняты словами пророчества – наконец оно полностью овладело им. Пророчество гласило также: «... И они разделят сокровеннейшую вашу мечту». Кинес, не отводя глаз, прямо спросил Джессику:

– Вы несете нам сокращение пути?

– А, доктор Кинес! – воскликнул водоторговец. – Вы оставили ради нас бродяжничество с шайками ваших фрименов? Как мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам!

Кинес окинул Беута странным взглядом, проговорил:

– В Пустыне говорят, что обладание слишком большим количеством воды делает человека опасно неосторожным.

– Мало ли о чем говорят в Пустыне – у них много странных поговорок, – ответил Беут. Но его голос выдал беспокойство.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку – просто чтобы протянуть несколько секунд и успокоиться. Кинес сказал «сокращение пути». На старом языке это выражение прозвучало бы как «Квисатц Хадерах». Окружающие как будто не обратили внимание на странный вопрос планетолога, а сам он уже склонился над чьей-то женой и выслушивал ее кокетливую болтовню.

Квисатц Хадерах, подумала Джессика. Неужели Миссионария Протектива принесла сюда и эту легенду? В этой

мысли скрывалась надежда для Пола. Он мог бы... мог бы быть этим Квисатц Хадерахом...

Представитель Гильд-Банка меж тем заговорил о чем-то с водоторговцем. Голос Беута перекрыл гудение возобновившихся разговоров:

– Немало людей хотело изменить Арракис!..

Герцог заметил, как Кинес, услышав это, вздрогнул, распрямился и даже отшатнулся от флиртующей дамы.

В неожиданно наступившей тишине охранник, переодетый в ливрею лакея, кашлянул за спиной Лето и объявил:

– Обед подан, милорд.

Герцог вопросительно взглянул на Джессику.

– Согласно здешнему обычаю, хозяева идут к столу позади гостей, – сказала она. – Или мы изменяем и этот обычай, милорд?

– Это, по-моему, неплохой обычай, – холодно ответил герцог. – Пока мы его оставим.

«Необходимо поддерживать иллюзию того, что я ей не доверяю и подозреваю в предательстве, – подумал герцог. Он посмотрел на чинно шествовавших мимо гостей. – Кто из вас поверил в эту ложь, дорогие гости?..»

Джессика чувствовала холодность и отстраненность герцога и думала о ней – не в первый раз за неделю. «Он выглядит как человек, борющийся с самим собой, – думала она. – В чем дело? Может, я просто поспешила с этим приемом? Но он же знает, как нам важно, чтобы наши офицеры, служащие и рядовые влились в местное общество. Мы для них – как родители, а ничто так не подчеркивает это, как подобного рода социальное единение...»

Лето, глядя на проходящих гостей, вспомнил, как отреагировал Суфир Хават, узнав о предстоящем приеме: «Сир! Я запрещаю вам это!..»

Герцог криво усмехнулся. На эту сцену стоило посмотреть. А когда герцог все же непреклонно решил присутствовать на обеде, Хават печально покачал головой. «Не нравится мне это, милорд, – заявил он. – У меня дурные

предчувствия. Слишком уж быстро развиваются тут события. И это не похоже на Харконненов. Нет, совсем не похоже...»

Мимо прошел Пол. Он вел под руку девушку на полголовы выше его самого. Проходя мимо, он бросил короткий взгляд на отца, затем кивнул в ответ на какое-то замечание спутницы.

– Ее отец выпускает дистикомбы, – сказала Джессика. – Мне говорили, что только безнадежный глупец позволит себе оказаться в Пустыне в одном из этих дистикомбов...

– А кто этот человек впереди Пола? – спросил герцог. – Со шрамом на лице? Я его не узнаю.

– Его включили в список гостей в последний момент, – шепотом объяснила она. – Гурни послал ему приглашение. Это контрабандист.

– Гурни? Зачем он его позвал?

– По моей просьбе. Все согласовано с Хаватом, хотя сначала Хават и упирался. Контрабандиста зовут Туек, Эсмар Туек. Среди своих он обладает большим влиянием. Здесь его все знают, он часто бывает на приемах в разных домах.

– Зачем он здесь?

– Именно затем, чтобы каждый из присутствующих задал себе этот вопрос. Само присутствие Туека вызовет сомнения, подозрения и колебания. Кроме того, его приглашение будет для многих свидетельством нашей готовности выполнить указы о борьбе с коррупцией и взяточничеством, в том числе и подключая к этому контрабандистов. Кстати, именно этот момент Халлек одобрил.

– Не уверен, что я одобряю все это. – Он поклонился проходившей мимо паре и увидел, что почти все гости уже прошли в Обеденный зал. – Но почему ты не пригласила кого-то из фременов?

– Кинес же здесь.

– Да, Кинес здесь, – согласился герцог. – Между прочим, у тебя есть для меня еще какие-нибудь сюрпризы? – Он повел Джессику вслед за последней парой гостей.

– Все прочее абсолютно обыкновенно, – заверила Джессика.

И подумала: «Дорогой, разве ты не понимаешь – у контрабандиста под контролем скоростные корабли и его можно купить? У нас должна быть возможность бежать с Арракиса, если все обернется против нас!..»

Они вошли в зал. Джессика убрала свою руку с руки герцога, он усадил ее и пошел на свой конец стола, к отодвинутому лакеем креслу. Все уселись в свистящем шуршании дорогих тканей и поскрипывании кресел – но герцог продолжал стоять. Он подал знак рукой, и окружавшие стол охранники в лакейских ливреях отступили к стенам и застыли, как статуи.

Повисла напряженная тишина.

Джессика взглянула через стол, заметила, как чуть подрагивают уголки губ Лето, как потемнели от гнева его скулы. «Что так рассердило его? – спросила она себя. – Не может быть, чтобы это из-за того, что я пригласила контрабандиста...»

– Кое-кто из присутствующих не одобрил то, как я изменил обычай относительно рукомойников, – произнес герцог. – Но этим я хотел дать вам понять, что здесь многое переменится!

Стояло неловкое молчание.

Они, похоже, решили, что герцог пьян, подумала Джессика. Герцог поднял свою флягу с водой, держа ее высоко – так, что та засверкала в лучах плавающих светильников.

– Как Рыцарь Империи, – объявил он, – я поднимаю тост!

Гости поспешно подняли свои фляги, не сводя глаз с герцога. На какой-то миг все замерли, лишь один из светильников медленно плыл в воздухе, подхваченный слабым сквозняком из кухонных дверей. Тени играли на ястребином лице герцога.

– Я здесь, и я не отступлю! – выкрикнул герцог свой девиз. Гости поднесли было фляги к губам, но остановились: герцог продолжал держать свою флягу поднятой. – Тост же

мой – это одна из тех сентенций, которая так близка всем нам: «Бизнес делает прогресс! Удача ведет повсюду!»

Он пригубил воды. Гости последовали его примеру, но при этом обменивались вопросительными взглядами.

– Гурни! – позвал герцог.

Халлек отозвался из алькова неподалеку от герцогского края стола:

– Слушаю, милорд.

– Сыграй нам, Гурни.

Из алькова выплыл глубокий минорный аккорд балисета. Слуги по знаку герцога принялись разносить блюда – жареного песчаного зайца под соусом кепеда, апломаж посириански, чукку в глазури, кофе с меланжей (над столом потек густой коричный запах), настоящий гусиный паштет в горшочке – пот-а-оэ, поданный с игристым каладанским.

Однако сам герцог продолжал стоять.

Гости ждали: их внимание разрывалось между стоящим герцогом и появившимися перед ними аппетитными блюдами. Наконец Лето произнес:

– В старые времена хозяин сам был обязан развлекать гостей своими талантами. – Костяшки его пальцев побелели – он стиснул свою флягу. – Петь я не умею, но прочитаю вам слова песни Гурни. И пусть они будут еще одним тостом – тостом за всех тех, кто отдал жизнь, дабы мы достигли нынешнего своего положения.

Неловкий шумок пронесся над столом.

Джессика опустила глаза, взглянула на соседей. Ближе всего сидели круглолицый водоторговец с супругой, бледный, с аскетическим лицом представитель Гильд-Банка (все время казалось, будто он собирается свистнуть; вообще же он походил на пугало и не отводил глаз от Лето); сильный, хмурый, в морщинах и шрамах Туек, опустивший свои синие от меланжи глаза.

– Примите, друзья, парад давно ушедших солдат, – речитативом начал герцог. – Равно готовых принять тяжесть ран и наград. На духах этих солдат нашего Дома цвета. Примите,

друзья, парад давно ушедших солдат: ведь вероломство в них не поднялось ни на миг. С ними уходит прочь военное счастье в ночь. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат. Когда наше время с тобой уйдет с улыбкой скупой, соблазн военных побед покинет мир ему вслед...

На последней фразе голос герцога постепенно затих. Он отпил большой глоток и резко поставил флягу. Вода от толчка плеснула на скатерть.

В смущенном молчании гости тоже выпили воды и опустили фляги.

И снова герцог поднял свою уже полупустую флягу и в этот раз вылил остатки воды на пол, зная, что все должны последовать его примеру.

Первой вылила на пол свою флягу Джессика. Но все остальные застыли на миг и не сразу проделали то же самое. Джессика заметила, как сидящий рядом с отцом Пол изучает реакции окружающих. Ей и самой любопытно было наблюдать за ними – особенно за женщинами. Ведь это была превосходная, чистая питьевая вода, а не выжимки из мокрых полотенец. Было видно, насколько неохотно они выливают воду – видно по дрожащим рукам и замедленным движениям, нервному смеху... и явно вынужденному подчинению необходимости. Какая-то дама уронила флягу и отвернулась, когда муж поднял ее.

Но больше всего ее заинтересовал Кинес. Планетолог после небольшого колебания опустошил свою флягу в контейнер, спрятанный под полой его длинного одеяния. Заметив, что Джессика смотрит на него, Кинес улыбнулся, поднял свою флягу в молчаливом тосте в ее честь. Похоже, он совершенно не смущался тем, что сделал.

Музыка Халлека все еще звучала в зале, только теперь не так минорно. Теперь это была ритмичная, веселая мелодия – словно Гурни пытался поднять настроение собравшихся.

– Обед начинается, – объявил герцог и сел.

Он разгневан и неуверен, поняла Джессика. Потеря комбайна ударила по нему сильнее, чем должна была бы. Тут

что-то большее, чем просто погибшая машина и груз Пряности. Он выглядит как отчаявшийся человек. Она подняла вилку, пытаясь в движении скрыть переполнявшую ее горечь. Но что тут удивительного? Он действительно отчаялся.

Сначала вяло, а затем со все большим оживлением обед постепенно входил в свое русло. Фабрикант дистикомбов сделал Джессике комплимент относительно качества вина и мастерства шеф-повара.

– И вино, и повара мы привезли с собой с Каладана, – ответила Джессика.

– Превосходно! – кивнул собеседник, отведывая чукку. – Просто превосходно! И ни малейшего привкуса меланжи. Право, когда Пряность добавлена во всякое блюдо, это приедается.

Представитель Гильд-Банка обратился через стол к Кинесу:

– Как я слышал, доктор Кинес, еще один комбайн уничтожен песчаным червем.

– Новости, я вижу, разносятся быстро, – заметил герцог.

– Следовательно, это правда? – спросил водоторговец, переключая внимание на Лето.

– Разумеется, правда! – отрезал герцог. – Проклятый грузолет исчез куда-то, как не был. Но куда и как может исчезнуть такая огромная машина?!

– Когда появился червь, оказалось, что вывезти оборудование не на чем, – подтвердил Кинес.

– Такое не должно было стать возможным! – повторил герцог.

– Неужели никто не видел, как улетел грузолет? – удивился банкир.

– Наводчики-наблюдатели смотрят большей частью за песком, – объяснил Кинес. – Их интересует прежде всего знак червя. Экипаж грузолета состоит из четырех человек – двух пилотов и двух приданных рядовых-специалистов.

Если один из членов экипажа – а возможно, и двое – были наемниками врагов герцога...

– Мм-м, понимаю, – кивнул банкир. – Ну а вы – как Арбитр Смены – примете какие-то меры?

– Я должен серьезно обдумать свою позицию, – ответил Кинес. – И во всяком случае, я бы не хотел обсуждать это за столом.

Говоря это, Кинес подумал: «А ведь этот ходячий скелет знает, что происшествия подобного рода мне приказано оставлять без внимания!..»

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика, глядя на все это, вспомнила одну из лекций в школе Бене Гессерит из курса «Шпионаж и контршпионаж». Лекцию читает полная, с добродушным и смешливым лицом Преподобная Мать, и ее веселый голос странно контрастирует с темой:

«Следует отметить, что учеников любой школы шпионажа и/ или контршпионажа объединяет общий тип основных реакций. Всякое закрытое учение оставляет свою печать, свой структурный рисунок – и этот отпечаток можно как уловить, так и использовать для предсказания реакций противника.

Далее, мотивационные поведенческие схемы у всех агентов-шпионов схожи. Иначе говоря, есть некоторые типы мотивации, общие для всех, несмотря на разные школы и противоположные цели.

Вы будете изучать прежде всего, как вычленить для анализа этот общий элемент. Вначале вы увидите, как по общей схеме допроса вычислить внутреннюю ориентацию допрашивающего; далее мы займемся мысленно-речевой ориентацией объекта анализа. Вы увидите, что определить базовый язык объекта достаточно просто, пользуясь оттенками голоса и структурой речи...»

И сейчас, сидя за столом вместе со своим сыном и герцогом, со всеми гостями и слушая представителя Гильд-Банка, Джессика вдруг почувствовала холодок: она ясно поняла,

что перед нею – харконненский агент. Построение речи было характерно для Гьеди Прайм. Оно было слегка замаскировано, но для ее тренированного восприятия звучало так ясно, как если бы он открыто заявил о своей роли.

Значит ли это, что сама Гильдия выступает против Дома Атрейдес? – спросила она себя. Эта мысль потрясла ее, и она постаралась скрыть эмоции, приказав переменить блюдо... а сама продолжала слышать, как выдает себя банкир. Теперь он переведет разговор на что-нибудь внешне безобидное, но со зловещим подтекстом, решила она. Это укладывается в характерную для него схему.

Банкир прожевал кусок, проглотил, запил вином, улыбнулся в ответ на какие-то слова своей соседки справа. Затем он как будто прислушался к одному из гостей, рассказывавшему герцогу, что у, собственно, арракийских растений не бывает шипов.

– Я люблю наблюдать за полетом птиц на Арракисе, – заметил банкир, обращаясь к Джессике. – Разумеется, все наши птицы – трупоеды, и многие из них могут обходиться без воды – они научились пить кровь...

Дочь фабриканта дистикомбов, сидевшая напротив между Полом и его отцом, нахмурила свое прелестное личико:

– Ой, Су-Су, вечно вы говорите всякие гадости!

Банкир улыбнулся.

– Меня прозвали Су-Су, потому что я – советник по финансам Союза Водоносов.

Поскольку Джессика все так же молча глядела на него, он добавил:

– Это потому, что разносчики воды так кричат – «Су-Су Су-ук!» – Он сымитировал крик водоноса с такой точностью, что многие из сидевших за столом засмеялись.

Джессика отметила хвастливые нотки в голосе, но главное, на что она обратила внимание, – это что девушка говорит по заранее заданной роли и именно в определенный момент. Она сказала это, чтобы дать банкиру возможность

сказать то, что он сказал: Джессика покосилась на Лингара Беута. Водяной магнат, насупившись, поглощал пищу, целиком отдавшись этому занятию.

Джессика прекрасно поняла сказанное банкиром: «Я тоже контролирую воду – основу и источник всякой власти на Арракисе».

Пол заметил и фальшь в голосе банкира, и то, что мать внимательно следит за разговором, явно пользуясь приемами Бене Гессерит. Повинуясь импульсу, Пол решил принять вызов и обратился к банкиру:

– Вы хотите сказать, что эти птицы – каннибалы?

– Странный вопрос, молодой господин, – поднял брови банкир. – Я сказал лишь, что птицы пьют кровь. Это совсем не значит, что это должна быть кровь их сородичей, не так ли?

– Это был отнюдь не странный вопрос, – возразил Пол, и Джессика услышала в его голосе тонкий звон ответного выпада рапиры – она сама обучала его. – Большинство образованных людей знает, что наиболее жестокая конкуренция – это конкуренция внутри вида. – Пол демонстративно наколол на вилку кусочек с тарелки собеседника и съел его. – Ибо они, фигурально выражаясь, едят с одной тарелки. У них одинаковые потребности.

Банкир замер и, нахмурившись, взглянул на герцога.

– Было бы ошибкой считать моего сына ребенком, – улыбнулся ему герцог.

Джессика оглядела стол, заметила, как прояснилось лицо Беута, как ухмыляются Кинес и контрабандист Туек.

– Да, таков закон экологии, – подтвердил Кинес, – и молодой господин, судя по всему, прекрасно его понимает. Борьба за существование внутри системы – это борьба за овладение свободной энергией системы. Кровь же – весьма эффективный источник энергии.

Банкир положил вилку и раздраженно сказал:

– Я слышал, что фрименский сброд пьет кровь своих мертвецов...

Кинес покачал головой, наставительно сказал – будто читал лекцию:

– Не кровь, сэр. Отнюдь. Но вся вода человека – вся – принадлежит его народу, его племени. Когда живешь возле Великой Равнины, это становится необходимостью. Вода здесь бесценна, а ведь человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды. И, разумеется, покойник в своей воде уже не нуждается.

Банкир положил руки на край стола возле тарелки – Джессике показалось, что сейчас он в ярости встанет и уйдет. Кинес взглянул на Джессику.

– Простите, миледи, что я позволил себе обсуждать за столом столь неаппетитный предмет, но вам солгали, и я обязан был внести ясность.

– Вы так долго якшались с фрименским отребьем, что позабыли всяческие приличия, – буркнул банкир.

Кинес изучающе обвел спокойным взглядом побелевшее, подергивающееся лицо.

– Следует ли понимать это как вызов? – осведомился он. Банкир замер. Он сглотнул, помедлил и наконец выговорил:

– Конечно, нет... Я не нанес бы такого оскорбления нашим любезным хозяевам!

Джессика услышала в его голосе страх. Этот страх был и в лице, дыхании, биении жилки на виске. Банкир боялся, панически боялся Кинеса!..

– Наши любезные хозяева сами вполне способны решать, оскорблены они или нет, – сказал Кинес. – Они храбрые и достойные люди, понимающие, что такое защита своей чести. Все мы можем убедиться в их мужестве хотя бы по тому, что они здесь... сейчас... на Арракисе.

Джессика видела, что Лето в восторге от этого разговора. Однако остальные гости – почти все – похоже, не разделяли этот восторг. Гости сидели так, словно были готовы сорваться с места – они опустили руки со стола, напряглись... Исключение составляли Беут, явно наслаждавшийся

замешательством банкира, и Туек, который, казалось, ждал, как поведет себя Кинес. Пол взирал на Кинеса в восхищении.

– Итак?.. – спросил Кинес.

– Я-а... не хотел никого оскорбить. Если вы, однако, чувствуете себя оскорбленным, я прошу принять мои извинения...

– Искренне и свободно принесенное извинение так же искренне принимается, – кивнул Кинес. Улыбнувшись Джессике, он вернулся к еде, словно ничего не произошло.

Контрабандист, отметила Джессика, тоже расслабился. Он выглядел как верный соратник, готовый броситься на помощь Кинесу. Между Кинесом и Туеком явно была некая связь.

Лето поиграл вилкой, с любопытством посмотрел на Кинеса. Поведение эколога говорило об изменении его отношения к Дому Атрейдес. Во время полета в Пустыню он был гораздо холоднее.

Джессика подала знак переменить блюда и напитки. Слуги появились с langues de lapins de garenne[8] под грибным и дрожжевым соусом.

Мало-помалу разговор за столом возобновился. Но теперь Джессика слышала в голосах возбужденные нотки. Банкир же ел в угрюмом молчании. Кинес убил бы его не моргнув глазом, решила она. И поняла, что поведение Кинеса выдавало весьма легкое отношение к убийству. Он был способен убивать – запросто. Это, догадалась она, видимо, общее для всех фременов качество.

Джессика повернулась налево, к производителю дистикомбов:

– Я не перестаю изумляться значению воды на Арракисе.

– Да, большое значение, – согласился он. – Между прочим, что это за блюдо? На вкус бесподобно.

– Языки диких кроликов в особом соусе, – ответила она. – Это старинный рецепт.

---

[8] Кроличьи языки (французский).

– Я обязательно должен получить его.

– Я прослежу, чтобы его для вас записали, – кивнула Джессика.

Кинес, взглянув на Джессику, произнес:

– Новички на Арракисе часто недооценивают значение воды здесь. Видите ли, нам приходится иметь дело с так называемым Законом Минимума.

В его голосе она услышала особые нотки – словно он както испытывал ее. Она ответила:

– Рост ограничивается тем из необходимых условий, которое находится в минимуме. Проще говоря, наименее благоприятное условие определяет скорость роста.

– Нечасто доводится встречать среди представителей Великих Домов людей, сведущих в планетологии, – улыбнулся Кинес. – Так вот, нехватка воды на Арракисе и является этим наименее благоприятным условием для жизни. Кстати, не следует забывать, что и рост сам по себе тоже может создавать неблагоприятные условия – если к нему не относятся с максимальной осторожностью.

Джессика почувствовала в словах Кинеса какое-то замаскированное сообщение, но какое – не поняла.

– Рост... – задумчиво сказала она. – Вы хотите сказать, что Арракис может иметь такой регулярный водообменный цикл, который был бы способен обеспечить и лучшие условия для существования здесь?

– Невозможно! – воскликнул водоторговец. Джессика повернулась к нему:

– Невозможно?

– Невозможно на Арракисе, – поправился Беут. – Не слушайте этого мечтателя. В конце концов, все лабораторные исследования свидетельствуют против него!

Кинес посмотрел на Беута, и Джессика увидела, как разговоры за столом затихают и внимание гостей обращается к новому разгорающемуся спору.

– Лабораторные исследования закрывают нам глаза на один очень простой факт, – произнес Кинес. – И факт этот,

следующий: мы сталкиваемся здесь с веществами и явлениями, возникшими и существующими под открытым небом планеты – где растения и животные ведут нормальный образ жизни.

– Нормальный! – фыркнул Беут. – На Арракисе ничто не может быть нормальным!

– Отнюдь, – возразил Кинес. – Вполне возможно установить определенные гармонические экосистемы на основе самоподдерживающегося баланса. Следует лишь правильно оценить пределы возможностей планеты и пределы нагрузки на нее.

– Никто и никогда не сделает всего этого, – отмахнулся Беут.

Внезапно герцог понял, когда именно изменилось отношение Кинеса: в тот самый момент, когда Джессика сказала, что они собираются в качестве опекунов сохранить влаголюбивые растения для Арракиса.

– А что необходимо для установления такой самоподдерживающейся системы, доктор Кинес? – спросил Лето.

– Если удастся заставить три процента зеленых растений на Арракисе вырабатывать углеводы, могущие служить пищей, – циклическая система установлена, – ответил Кинес.

– Следовательно, единственная проблема – это вода? – спросил герцог. Он чувствовал возбуждение Кинеса и сам был захвачен им.

– Вода – это основная проблема, затеняющая все остальные. Вот, например: атмосфера планеты богата кислородом – при том, что отсутствуют обычные сопутствующие явления, как-то: широко распространенная растительность и такие крупные источники углекислого газа, как, например, вулканы. Наконец, на весьма обширных участках территории планеты наблюдаются необычные химические реакции.

– Проводятся ли какие-либо экспериментальные работы? – спросил герцог.

– У нас было достаточно времени, чтобы исследовать эффект Тансли. Небольшие эксперименты на любительской

основе, которые дают теперь рабочие данные для моей науки, – сказал Кинес.

– Но воды здесь недостаточно, – настаивал Беут. – Здесь просто недостаточно воды.

– О да, ведь господин Беут – специалист по всему, что связано с водой, – тонко улыбнулся Кинес и вернулся к еде.

Герцог резко махнул рукой:

– Нет! Мне нужен ответ. Доктор Кинес, здесь достаточно воды?

Кинес глядел в свою тарелку.

Джессика следила за эмоциями на его лица. Он хорошо скрывает свои чувства, подумала она. Но теперь, когда она определила Кинеса, ей было ясно, что он жалеет о сказанном.

– Так достаточно ли здесь воды? – настаивал герцог.

– М-мм... возможно, – неуверенно сказал Кинес. «Он изображает неуверенность!» – подумала Джессика.

У Пола чувство правды было более развито. Ему пришлось прибегнуть к помощи всей своей подготовки, чтобы скрыть возбуждение. Здесь действительно достаточно воды, но Кинес не хочет, чтобы это стало известным!

– У нашего любезного планетолога есть немало любопытных идей. О чем он только не мечтает; и по большей части мечтает вместе с фрименами – о пророчествах и мессиях, – уронил Беут.

В разных концах стола раздались смешки. Джессика автоматически отметила, что засмеялись контрабандист, дочка фабриканта дистикомбов, Дункан Айдахо, владелица странной службы сопровождения туристов...

«Странно распределяются сегодня напряжения, – подумала она. – Я слишком многого не знаю! Вокруг что-то происходит – много чего! – а что, я не знаю. Мне необходимо найти для себя источники информации».

Герцог перевел взгляд с Кинеса на Беута, затем – на Джессику. Он чувствовал себя странно подавленным – словно упустил что-то жизненно важное.

– Возможно… – пробормотал он. – Возможно, это и так…

Кинес быстро сказал:

– Может быть, лучше обсудить все это в другой раз, милорд? Слишком многое…

Планетолог замолчал: в дверь для прислуги вбежал человек в униформе войск Дома Атрейдес, миновал стражника и, быстро подойдя к герцогу, склонился и прошептал что-то ему на ухо.

Джессика узнала кокарду Хаватова корпуса безопасности и с большим трудом сумела подавить беспокойство. Обернувшись к спутнице производителя дистикомбов – миниатюрной темноволосой женщине с кукольным личиком и слегка раскосыми глазами, она любезно осведомилась:

– Вы почти ничего не ели, дорогая. Хотите, я велю принести для вас что-нибудь?

Прежде чем ответить, женщина взглянула на фабриканта:

– Благодарю, я не голодна.

В этот момент герцог резко поднялся и тоном команды объявил:

– Прошу всех оставаться на местах, господа. Надеюсь, вы извините меня – дела требуют моего личного внимания. – Он вышел из-за стола. – Пол, останься, пожалуйста, за хозяина.

Пол тоже встал. Он хотел спросить, чем вызван уход отца, но приходилось играть свою роль. Он пересел в отцовское кресло.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Халлек:

– Гурни, займи место Пола, пожалуйста. Нехорошо, если за столом останется нечетное число людей. После обеда, возможно, вам с Полом придется подъехать на полевой командный пункт. Я свяжусь с вами.

Халлек был в парадной форме. Грузный, уродливый, словно слепленный из неровных глыб, он выглядел как-то неуместно среди этой сверкающей изысканной роскоши. Он

поставил свой балисет к стене, подошел к креслу, которое раньше занимал Пол, уселся.

– Господа, тревожиться не о чем, – сказал герцог. – Однако прошу никого не уходить, пока охрана не объявит, что это безопасно. Здесь вы все в абсолютной безопасности, а мы очень скоро разберемся со случившимся досадным происшествием.

Пол распознал ключевые слова во фразе отца: «охрана», «безопасно», «безопасность», «скоро». Случившееся было связано с вопросами безопасности – не с нападением. Он увидел, что и мать поняла это скрытое сообщение. Оба расслабились.

Герцог коротко поклонился и покинул зал через служебные двери, сопровождаемый охранником.

Пол обратился к гостям:

– Господа, прошу вас, продолжим ужин. Если я не ошибаюсь, доктор Кинес, вы говорили о воде?

– Я бы хотел обсудить этот вопрос как-нибудь в другое время, если позволите, – покачал головой Кинес.

– Как вам угодно, – согласился Пол.

И Джессика с гордостью отметила, с каким достоинством и зрелой уверенностью держится ее сын.

Банкир поднял свою флягу с водой, показал ею в сторону Беута:

– Право, никто из присутствующих здесь не сможет превзойти господина Лингара Беута в цветистости фраз. Можно подумать, что он стремится войти в число Великих Домов!.. Господин Беут, прошу вас – скажите тост! Возможно, у вас найдется крупица мудрости для мальчика, к которому надо относиться как к мужчине.

Джессика стиснула под столом руку в кулак. Она видела, как Халлек подал знак Дункану Айдахо, и стража вдоль стен пошевелилась, приняв стойку повышенной готовности.

Беут злобно покосился на банкира.

Пол взглянул на Халлека, на изготовившихся стражников, перевел глаза на банкира – и смотрел, пока тот не опустил глаза. Наконец он заговорил:

– Однажды на Каладане мне пришлось увидеть вытащенное на берег тело утонувшего рыбака. Он...

– Утонувшего? – удивленно перебила его дочь фабриканта дистикомбов.

– Да. Человек погружается в воду, пока, захлебнувшись, не умирает. Это называется – «утонуть».

– Какая удивительная смерть! – пробормотала она. Улыбка Пола стала колючей. Он снова посмотрел банкиру в лицо.

– Но вот что интересно. На теле этого утонувшего человека были необычные раны на плечах – раны, нанесенные шипастыми сапогами другого рыбака. Дело в том, что утонувший был не один в лодке – это такое средство для передвижения по воде, которая затонула... ушла под воду. Так вот, один из тех рыбаков, которые помогали достать тело из воды, сказал, что уже не в первый раз видит подобные раны – и они означают, что тонущий человек карабкался на плечи своего несчастного товарища, пытаясь дотянуться до поверхности. До воздуха.

– И что же в этом интересного? – буркнул банкир.

– Главным образом интересно замечание, которое сделал по этому поводу мой отец герцог. Он сказал, что можно понять, когда тонущий человек карабкается на твои плечи – кроме тех только случаев, когда это происходит в обществе, на приеме. – Пол помедлил, чтобы дать банкиру сообразить, что последует дальше, и закончил: – В особенности же, хотел бы я добавить, тогда, когда это происходит за столом на званом обеде.

В зале наступила внезапная тишина.

«Это было опрометчиво, – подумала Джессика. – Пожалуй, положение этого банкира позволяет ему даже бросить вызов моему сыну!» Она видела, что Айдахо напрягся,

готовый ринуться в бой. Охранники Дома тоже встали на изготовку. Гурни Халлек не сводил глаз со своего визави.

– Хо-хо-хо-хооо!..

Это расхохотался контрабандист Туек, откинув назад голову, расхохотался от всей души.

На лицах некоторых гостей появились неуверенные, нервные улыбки. Беут открыто ухмылялся.

Банкир отодвинулся со стулом от стола и яростно смотрел на Пола.

– Кто задевает Атрейдеса – тот делает это на свой страх и риск, – заметил Кинес.

Прежде чем Пол смог ответить, Джессика наклонилась вперед, к банкиру:

– Сэр!

«Надо разгадать игру этого харконненского ставленника. Он что, должен был испытать Пола? Проверить, насколько далеко можно зайти?.. И кто здесь поддерживает его?..»

– Сэр, сын мой показал нам, так сказать, одеяние вообще, а вам кажется, что оно сшито по вашей мерке. Поистине сие удивительно. – Она опустила руку и как бы невзначай скользнула ею вдоль ноги – туда, где в пристегнутых под коленом ножнах был спрятан крис.

Банкир перевел злой взгляд на Джессику. Многие из гостей тоже переместили внимание с сына на мать, а Джессика увидела, что Пол слегка отодвинулся от стола, освобождая себе пространство для действия. Он принял скрытый в реплике матери сигнал: Джессика сказала «одеяние» – то есть, на кодовом языке, «приготовься к бою».

Кинес, прикидывая что-то, посмотрел на Джессику и подал Туеку едва заметный знак рукой.

Контрабандист не спеша поднялся, встал, слегка покачиваясь, поднял свою флягу.

– Я хочу поднять тост, – объявил он, – за юного Пола Атрейдеса – еще мальчика на вид, но уже зрелого мужа по поступкам.

«Почему они вмешиваются?» – удивилась Джессика. Банкир смотрел теперь на Кинеса, и Джессика опять увидела страх в его глазах.

За столом уже поднимали фляги.

«Да, Кинес ведет – и за ним идут, – думала Джессика. – А он показал, что принимает сторону Пола. Но в чем секрет его влияния? Не в том же, что он – Арбитр Смены. Ведь это – должность временная. И уж конечно, не в том, что он – имперский чиновник!..»

Она сняла пальцы с рукояти криса, подняла свою флягу в сторону Кинеса, тот ответил тем же.

Лишь Пол и банкир (Су-Су! Надо же было придумать такое дурацкое прозвище!) сидели неподвижно и не поднимали тост. Банкир не отводил глаз от Кинеса; Пол глядел в тарелку.

«Я неплохо справлялся с ситуацией, – думал он. – Так почему же они вмешались?» Исподтишка он бросил взгляд через стол. Сказал:

– В таком обществе, как наше, человек не должен слишком поспешно оскорбляться. Это часто бывает равносильно самоубийству. – Он посмотрел на дочку фабриканта дистикомбов. – Вы согласны?

– О да. Да. Разумеется, я согласна, – ответила та. – Вокруг столько насилия и жестокости! И так часто желания оскорбить нет, а люди погибают. Так бессмысленно!..

– В самом деле бессмысленно, – согласился Халлек. Джессика, оценив совершенную игру девушки, поняла: эта пустоголовенькая девочка – вовсе не пустоголовенькая девочка. Джессика заметила угрозу и поняла, что и Халлек ее заметил. Они решили окрутить Пола, соблазнить его при помощи обыкновенного секса! Джессика немного расслабилась. Пол скорее всего заметил все первым – в его подготовку, конечно, входило изучение и подобных простеньких трюков.

– Вам не кажется, что следует извиниться? – спросил Кинес банкира.

Тот кисло улыбнулся Джессике:

– Простите, миледи. Боюсь, я чересчур увлекся вашими винами. У вас подают довольно крепкие напитки, и я к таким не привык.

Джессика услышала скрытый в его голосе яд и чрезвычайно любезным голосом ответила:

– Когда встречаются незнакомцы, следует делать скидки на разницу в обычаях и воспитании.

– Благодарю вас, миледи, – выдавил банкир. Темноволосая спутница фабриканта дистикомбов склонилась к Джессике:

– Герцог сказал, что мы здесь в безопасности. Надеюсь, речь не идет о войне?..

Ей велели перевести разговор в это русло, поняла Джессика.

– Скорее всего это окажется какими-нибудь пустяками, – улыбнулась она. – Сейчас столько дел, которые требуют личного присутствия герцога! Покуда между Харконненами и Атрейдесами существует вражда, быть излишне осторожным нельзя. Герцог объявил канли и в том поклялся. И, разумеется, он не оставит в живых ни одного харконненского агента на планете. – Она взглянула на агента Гильд-Банка: – Как вы понимаете, Конвенция на его стороне. – Она повернулась к Кинесу: – Я права, доктор Кинес?

– Без всякого сомнения, – кивнул планетолог. Фабрикант дистикомбов слегка потянул назад спутницу. Та взглянула на своего патрона, сказала:

– Я, пожалуй, съела бы чего-нибудь сейчас. Мне очень понравилось то блюдо из птицы...

Джессика махнула слуге, повернулась к банкиру:

– Помнится, вы говорили тут о птицах и их повадках. Здесь, на Арракисе, столько нового и интересного для меня. К примеру, не расскажете ли вы мне, где добывается Пряность? Меланжеры-разведчики далеко заходят в Пустыню?

– О нет, миледи, – ответил тот. – Глубокая Пустыня неважно изучена, мы знаем о ней очень мало. Что же касается

южной части Пустыни, то о ней у нас практически никаких сведений.

– Есть легенды, – сказал Кинес, – что где-то на дальнем юге находится великая Материнская Жила, мать всех месторождений Пряности. Впрочем, я склонен полагать, что это – выдумка, рожденная исключительно как поэтический образ. Некоторые особенно дерзкие меланжеры-разведчики доходили даже до окраинных районов Центрального пояса, но это чрезвычайно опасно – ориентирование затруднено, а бури часты. Чем дальше от Барьерной Стены, тем выше уровень смертности. Считается, что заходить далеко на юг невыгодно, такие экспедиции не оправдаются. Может быть, если бы у нас были метеоспутники, – хотя бы один...

Беут поднял глаза, заметив с полным ртом:

– Говорят, что фримены заходят туда. Они путешествуют, где хотят и сумели найти там влажники и соломенцы.

– Влажники и соломенцы?

Кинес поспешно ответил:

– Пустые слухи, миледи. На этой планете такие объекты не встречаются. Вообще же влажник – это место, где грунтовые воды поднимаются на поверхность или достаточно близко к поверхности, так что воду можно обнаружить по определенным признакам и затем добыть, выкопав углубление. Соломенец – это тот же влажник, но такой, где воду можно добыть, просто потянув через соломинку... во всяком случае, так было сказано.

«Он нас обманывает», – чувствовала Джессика.

«Почему он лжет?» – задумался Пол.

– Очень, очень интересно, – улыбнулась Джессика, думая: «Так было сказано... Как тут витиевато говорят, однако! Знали бы они, как много можно узнать по такой речи о том, как они зависят от предрассудков!»

– Я слышал, у вас есть поговорка, – сказал Пол: – «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость» ...

– На Арракисе есть множество поговорок, – отозвался Кинес. Раньше, чем Джессика успела задать еще один вопрос, возле нее склонился слуга и подал записку. Она развернула листок, узнала почерк и кодовые значки герцога, прочла.

– Господа, – произнесла она, – вам будет приятно узнать, что герцог посылает нам утешительные известия. Дело, которое оторвало его от нас, благополучно разрешено. Найден пропавший грузолет. Харконненский агент, пробравшийся в экипаж, перебил его и повел грузолет на базу контрабандистов, предполагая продать машину им. Однако сейчас и преступник и грузолет возвращены нам.

Джессика слегка поклонилась Туеку.

Контрабандист в ответ тоже склонил голову.

Джессика спрятала записку в рукав.

– Я весьма рад, что дело не дошло до открытого столкновения, – заметил банкир. – Ведь народ надеется, что с Атрейдесами сюда пришли мир и процветание.

– В особенности процветание, – согласился Беут.

– Может быть, перейдем к десерту? – предложила Джессика. – Я велела повару приготовить наши каладанские сладости: рис пунди под соусом дольса.

– Звучит заманчиво, – хмыкнул фабрикант дистикомбов. – Я смогу получить рецепт?

– Любой рецепт, какой вам понравится, – ответила Джессика, отмечая фабриканта. Надо сказать про него Хавату. Фабрикант, судя по всему, был трусливым мелким карьеристом, а таких всегда легко купить.

Вокруг возобновились разговоры: «... а какая прекрасная ткань!..», «... и он решил заказать оправу, достойную этого камня...», «... в следующем квартале мы можем попытаться поднять производительность...»

Джессика смотрела в свою тарелку, напряженно думая о закодированной части послания герцога: «Харконнены попытались тайно переправить сюда большую партию лучеметов. Мы перехватили ее. Но это может означать, что другие партии оружия мы пропустили. И это безусловно означает,

что они не думают о силовых щитах. Необходимо срочно принять соответствующие меры предосторожности».

Джессика подумала о лучеметах. Белые огненные лучи прожигали любые известные материалы, если те не были защищены силовым полем. Однако Харконненов явно не беспокоило, что реакция с обратной связью между лазерным лучом и силовым полем вызывает взрыв, способный уничтожить как щит, так и сам лазер. Почему? Почему их это не тревожит? Ведь сила такого взрыва сильно и опасно варьируется в зависимости от различных условий и может даже сравняться с мощью ядерного взрыва – даже превзойти ее, а может уничтожить лишь самого стрелка и его экранированную цель...

Неизвестность наполняла ее неуверенностью.

Пол сказал:

– Я не сомневался, что мы найдем грузолет. Если отец берется за проблему – он ее решает. Похоже, сейчас это начинают понимать и Харконнены.

Он хвастает, подумала Джессика. Напрасно. Тот, кому предстоит сегодня ночевать глубоко под землей, чтобы обезопасить себя от лучеметов, не имеет права на подобную похвальбу.

* * *

Выхода нет: мы платим за грехи отцов, за совершенное ими насилие. Избежать этого невозможно.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»

Джессика услышала какой-то шум в Большом зале, включила светильник у изголовья. Часы еще не перевели на местное время, и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту. Получилось что-то около двух часов утра.

Шум был довольно громкий, совершенно неуместный и какой-то бессвязный.

Что это? Нападение Харконненов?

Выскользнув из постели, она включила мониторы – проверила, где сын и герцог. Пол спокойно спал в подвальной комнате, наспех переоборудованной под спальню. Очевидно, туда шум не проникал. Комната герцога была пуста, постель не смята. Он что, все еще на полевом командном пункте?

В передней части дома, однако, мониторов не было.

Джессика стояла посреди комнаты и прислушивалась.

Один голос кричал что-то непонятное. Кто-то еще крикнул, чтобы привели доктора Юйэ. Джессика нашла халат, накинула на плечи, сунула ноги в домашние туфли, пристегнула к ноге крис в ножнах.

Снова кто-то позвал Юйэ.

Джессика перехватила халат поясом, выскользнула из комнаты в коридор. Внезапно ее поразила мысль: что, если что-то случилось с Лето?

Коридор, казалось, никогда не кончится. Она пробежала сквозь арку, пролетела мимо Обеденного зала, по другому коридору к Большому залу. Зал был ярко освещен, стенные светильники включены на полную мощность.

Справа от входа двое охранников держали Дункана Айдахо. Голова у того бессильно склонялась вперед; висела неприятная, резкая тишина, слышалось лишь прерывистое дыхание.

Один из охранников осуждающе сказал Дункану:

– Вот видишь, что ты наделал! Разбудил леди Джессику.

За спиной у них ветер раздувал портьеры – дверь не закрыли. Не было ни герцога, ни Юйэ. Мэйпс стояла в стороне, холодно глядя на Айдахо. На ней было длинное свободное платье с узором из змей по краю, незашнурованные пустынные сапоги.

– А, значит, й-я разбудил леди Джессику, – пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку, выкрикнул: – Меч мой вп'рвые был к... кровью обагрен на Груммане!..

«Великая Мать! – поняла Джессика. – Он же пьян!»

Темное круглое лицо Айдахо исказила хмурая гримаса. Брови сведены, волосы, вьющиеся как шерсть черной овцы, залеплены грязью. Большая рваная прореха на френче открывала парадную рубашку, в которой вчера он был на обеде.

Когда Джессика подошла, один из охранников коротко поклонился ей, не отпуская Айдахо.

– Мы не знаем, что с ним делать, миледи. Он шумел перед парадным входом и не хотел идти внутрь. Мы опасались, что местные могут увидеть его в таком виде. Это было бы плохо: повредило бы нашей репутации.

– Где он был? – спросила Джессика.

– Провожал домой одну молодую даму, миледи. Приказ Хавата.

– Какую даму?

– Да, так... собственно, девку из чьей-то свиты. Понимаете, миледи? – Охранник взглянул в сторону Мэйпс и понизил голос: – Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посылают Айдахо.

«Это так, – подумала Джессика. – Но с чего он вдруг напился?»

Она свела брови, повернулась к Мэйпс:

– Мэйпс, принеси стимулятор. Кофеин, пожалуй. Может быть, осталось немного кофе с Пряностью?

Мэйпс пожала плечами, пошла на кухню. Незашнурованные пустынные сапоги громко шлепали по каменному полу.

Айдахо постарался повернуть голову так, чтобы через плечо увидеть Джессику, но голова только вяло покачнулась.

– Прикончил за тр-ри... ссотни л'дей – для герцыга! – пробормотал он. – А что мм-не тут дел'ть? Не м'гу я жить под землей! И не м'гу жить тут на з'мле! Что эт' за... м-и'сто такое, а?

Джессика услышала какой-то звук из соседней залы, повернулась. Это оказался Юйэ; в левой руке он держал свой медицинский чемоданчик. Юйэ был полностью одет и выглядел бледным и измученным. Вытатуированный ромб ярко выделялся на побледневшем лбу.

– А, добрый наш докт'р! – взревел Айдахо. – Наш мастер п-пластырей и пил-люль! – Он повернулся к Джессике. – Дураком м'ня выс-ставить х'тите, да?..

Джессика молча стояла, нахмурясь. Почему же Айдахо напился? Или его опоили какой-нибудь дрянью?

– Слишк'м мно-а пива с Пряностью, – сообщил Айдахо, пытаясь встать прямо.

Мэйпс вернулась, неся дымящуюся чашку, остановилась в нерешительности позади Юйэ, взглянула на Джессику. Та отрицательно покачала головой.

Юйэ опустил чемоданчик на пол, поклонился Джессике.

– Так, значит, пряное пиво, э-э? – спросил он.

– Лучшео пойла ник'да не пил, – заверил Айдахо. Он хотел встать «смирно», но из этого ничего не вышло. – М-меч мой впервые был кровью об'грен на Груммане! – заявил он. – Заколол Хра... Харкен... для герцыга его убил.

Юйэ повернулся, увидел чашку в руках у Мэйпс:

– Это что?

– Кофеин, – ответила Джессика.

Юйэ принял чашку, протянул ее Дункану.

– Ну-ка выпей это, приятель, – велел он.

– Н-не х'чу больше пить, – мотнул головой Айдахо.

– Я сказал, пей!

Голова Айдахо качнулась в сторону Юйэ, он, волоча охранников, сделал неверный шаг в сторону доктора.

– М-мне... мне надоело угождать Империи, док. Пускай в эт'т раз бу'т по-моему.

– Хорошо, только сначала выпей это, – ответил Юйэ. – Пей, это всего лишь кофеин.

– Дрянь, как у... как все здесь. Чертово с'нце слишк'м йяркое. Цвет у всего тут н-неправильный. Все тут не так. Или...

– Ну, будет, ведь ночь на дворе. – Юйэ старался говорить убедительно. – Будь паинькой, выпей это. Тебе сразу станет лучше.

– А й-я не хочу, чтобы мне стало л-лучше! – упрямо возразил Айдахо.

– Мы не можем препираться здесь всю ночь, – сказала Джессика и подумала: «Тут нужен небольшой шок!»

– Вам незачем здесь оставаться, миледи, – заметил Юйэ. – Я все сделаю.

Джессика покачала головой, шагнула к Айдахо, наотмашь ударила его по щеке.

Айдахо отшатнулся, увлекая за собой охранников. Он бешеными глазами смотрел на нее.

– Никто не смеет так вести себя в доме своего герцога, – холодно сказала она, вырвала у Юйэ чашку, расплескав почти треть, и сунула ее Дункану. – А теперь пей! Это приказ.

Айдахо резко вскинулся и, мрачно и зло глядя на Джессику с высоты своего роста, медленно произнес, тщательно выговаривая слова:

– Я не подчиняюсь приказам проклятых харконненских шпионов.

Юйэ застыл на мгновение и резко обернулся к Джессике.

Она побледнела, но кивнула. Теперь ей, во всяком случае, все было ясно – отдельные детали сложились, все те странные слова и поступки, которые она замечала в последние дни, – теперь она могла все это как бы истолковать. Ее охватил гнев – такой сильный, что она едва могла сдержать его. Потребовалась вся ее бене-гессеритская подготовка, чтобы успокоить пульс и дыхание. Но даже тогда она чувствовала, как обжигает ее этот гнев.

Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посылают Айдахо!..

Она метнула в Юйэ пылающий взгляд. Тот потупился.

– Вы это знали?! – требовательно спросила она.

– Я... слышал разговоры, миледи. Сплетни. Но я не хотел отягощать вашу ношу лишним грузом...

– Хават! – резко сказала она. – Я желаю немедленно видеть Суфира Хавата!

– Но, миледи...

– Немедленно.

«Конечно, это Хават, – думала она. – Если бы такое подозрение высказал кто-то другой, оно было бы отвергнуто тотчас».

Айдахо потряс головой, пробормотал: «К ч-черту всю йэту мерзось...»

Джессика взглянула на чашку у себя в руках и внезапно выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо.

– Заприте его в одной из гостевых комнат восточного крыла, – скомандовала Джессика. – Пусть проспится.

Стражники были явно расстроены.

– Может быть, отвести его в какое-нибудь другое место, миледи? – уныло спросил один. – Например...

– Ему надо быть здесь! – отрезала Джессика. – У него тут задание. – В ее голосе звучала горечь. – Он у нас мастер по слежке за женщинами.

Стражник сглотнул.

– Тебе известно, где сейчас герцог? – спросила она.

– Он на командном пункте, миледи.

– Хават с ним?

– Хават в городе, миледи.

– Немедленно найди его и приведи ко мне, – велела Джессика. – Я буду в своем кабинете.

– Но, миледи...

– Если понадобится, я вызову герцога, – холодно проговорила она, – но я надеюсь, мне не придется этого делать. Не хотелось бы беспокоить его этим.

– Слушаюсь, миледи.

Джессика сунула Мэйпс опустевшую чашку, встретилась взглядом с ее вопрошающими – синее на синем – глазами.

– Можешь идти спать, Мэйпс.

– Вы уверены, что я вам не понадоблюсь?

Джессика мрачно усмехнулась:

– Уверена.

– Не может ли все это подождать до утра? – спросил Юйэ. – Я сейчас дал бы вам транквилизатор, и...

– Идите к себе. «Я сама разберусь», – сказала Джессика и, чтобы смягчить резкость приказа, потрепала Юйэ по руке. – Это все, что вы можете сделать.

Высоко подняв голову, она резко повернулась и пошла в свои апартаменты. Холодные стены… коридоры… знакомая дверь… Джессика распахнула ее, вбежала и захлопнула дверь за собой. Долго стояла, невидящими глазами уставясь на подернутые дымкой силового поля окна. Хават! Неужели это его удалось купить Харконненам? Ну что ж, посмотрим…

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу, покрытому вышитым чехлом из выделанной кожи шлага, подвинула кресло, чтобы видеть дверь. Внезапно она очень отчетливо ощутила крис, пристегнутый к ноге. Отстегнула и надела на руку, попробовала, легко ли выскальзывает клинок в ладонь. Снова оглядела комнату, запоминая расположение всех вещей в ней – на случай всяких неожиданностей: в углу полукресло, стулья с прямыми спинками вдоль стены, два низких стола, у двери в спальню – цитра на подставке.

Плавающие светильники лили бледный розовый свет. Она притушила их, села в кресло, погладила шитый чехол. Царственная массивность кресла – это именно то, что ей сейчас нужно.

«Теперь пусть приходит, – думала она. – Посмотрим…»

Она приготовилась к ожиданию, как учит этому Бене Гессерит: набираться терпения и копить силы.

Стук в дверь раздался раньше, чем она рассчитывала. Она сказала: «Входите», и вошел Хават.

Джессика следила за ним, не вставая с кресла, видя переполняющую его энергию, – явно вызванную наркотиками. А сквозь эту энергию проглядывала огромная усталость. Слезящиеся глаза блестели. Обветренное лицо казалось желтоватым в розовых лучах светильников. На правом рукаве темнело большое мокрое пятно.

Джессика поняла, что сегодня у него не обошлось без крови. Указав на один из стульев с прямой спинкой, Джессика велела:

– Возьми тот стул и садись напротив меня.

Хават поклонился и сделал так, как было сказано. «Вот пьяный идиот, Айдахо чертов!..» – думал он. Он изучал лицо Джессики, пытаясь придумать, как поправить дело.

– Нам давно пора выяснить отношения, – начала Джессика.

– Что взволновало вас, миледи? – Хават сел, упер ладони в колени.

– Хватит изображать невинность! – резко сказала она. – Если Юйэ еще не объяснил тебе, почему тебя вызвали, то кто-нибудь из твоих шпионов в моем окружении донес наверняка. Настолько-то мы можем быть откровенны друг с другом!

– Как вам угодно, миледи.

– Прежде всего ответь мне на один вопрос, – сказала Джессика. – Итак: ты сейчас – харконненский агент?

Хават подскочил, его лицо потемнело от гнева.

– Вы смеете так оскорблять меня?!

– Сядь, – спокойно сказала она. – Ты оскорбил меня так.

Хават медленно опустился в кресло.

Джессика, читая знаки на так хорошо знакомом ей лице, слегка расслабилась и глубоко вздохнула. Нет, это не Хават.

– Теперь я знаю, что ты верен моему герцогу, – произнесла она. – И я готова простить нанесенное тобой оскорбление.

– А разве есть что прощать?

Джессика нахмурилась: «Следует ли мне сейчас использовать мой козырь?.. Рассказать ли ему о том, что эти несколько недель я носила в моем лоне дочь герцога? Нет... даже сам Лето не знает об этом. Это только осложнило бы его жизнь и отвлекло бы – как раз тогда, когда он должен сосредоточить все силы на спасении собственной жизни. А это – это я еще успею использовать».

– Правдовидица, конечно, узнала бы истину, – сказала она. – Но у нас нет Правдовидицы, признанной Верховной Коллегией.

– Точно так. Правдовидицы у нас нет.

– Есть ли среди нас предатель? – спросила она. – Я тщательно изучала всех наших людей. Кто это может быть? Не Гурни. Уж, конечно, не Дункан. Их заместителей не следует даже принимать во внимание – они занимают недостаточно стратегически важные посты. И это не ты, Суфир. Это не может быть Пол. Я знаю, что это не я. Итак, кто остается? Доктор Юйэ. Так что, вызвать его сюда и допросить?

– Вы же знаете, что это ерунда, – отмахнулся Хават. – Он прошел кондиционирование в высшем колледже. Это я знаю наверняка.

– Не говоря уже о том, что его жена, из Бене Гессерит, была убита Харконненами, – добавила Джессика.

– Так вот что с ней сталось, – пробормотал Хават.

– Или ты не слышал, какая ненависть звучит в его голосе всякий раз, когда он поминает Харконненов?

– Вы же знаете, что у меня нет слуха на эти штуки.

– Ну а на меня почему пало подозрение? – спросила Джессика.

Хават нахмурился:

– Миледи угодно ставить своего слугу в весьма сложное положение... Ведь прежде всего моя верность принадлежит герцогу.

– И я многое готова простить за эту верность, – отозвалась Джессика.

– И вновь мне приходится спрашивать: а есть ли что прощать?

– Итак, пат? – спросила она. – Тупик?

Он пожал плечами.

– Тогда изменим тему на некоторое время, – предложила она. – Вот Дункан Айдахо, удивительный боец, превосходный телохранитель и разведчик. Сегодня он напился пьян каким-то пряным пивом. Мне доложили, что и другие наши люди одурманены этим напитком. Это так?

– Вам же доложили, миледи.

– Так. Скажи, Суфир, тебе не кажется, что их пьянство – это симптом?

– Миледи изволит говорить загадками.

– Ты же ментат, так пользуйся своими способностями! – резко сказала она. – Ты не понимаешь, что случилось с Дунканом и прочими? Так я объясню тебе это в четырех словах! У них нет дома.

Хават ткнул пальцем в пол:

– Их дом – Арракис.

– Арракис для них – это Неведомое и Незнакомое. Их домом был Каладан, но мы вырвали их оттуда. Теперь у них нет дома. И они боятся, что их герцог потерпит поражение. Подведет их.

Он закаменел.

– Любого из наших людей за такие слова...

– Перестань, Хават. Когда врач ставит диагноз опасной болезни – разве это пораженчество или измена? Все, чего я хочу, – это вылечить болезнь.

– Такого рода дела входят в мои обязанности.

– Но, надо полагать, ты понимаешь, что и мне небезразлично течение этой болезни. И я надеюсь, ты не откажешь мне в том, что я тоже кое-что могу в этой области.

«Может, встряхнуть его хорошенько? – подумала она. – Он явно нуждается во встряске, которая вырвала бы его из шаблонных представлений».

– Ваш интерес к этим делам можно объяснить по-разному, – пожал плечами Хават.

– Так ты уже приговорил меня?

– Конечно, нет, миледи. Но в данной ситуации я не имею права рисковать. Упускать нельзя ничего.

– Прошлой ночью – прямо здесь, в доме! – ты проглядел покушение на моего сына, – указала она. – Чье это упущение?

Он помрачнел:

– Я подал герцогу прошение об отставке, но он его отклонил.

– А почему ты не подал его мне? Или Полу?

Теперь он был разозлен по-настоящему. Это ясно читалось в участившемся дыхании, раздувшихся ноздрях, тяжелом взгляде. На виске билась жилка.

– Я служу герцогу, – отрезал Хават.

– Предателя нет, – сказала она. – Угроза исходит откуда-то еще. Возможно, она связана с лучеметами. Например, замаскированные лучеметы с часовым механизмом, нацеленным на домашние силовые поля. Возможно, они...

– Да, но как после взрыва доказать, что тут не применялось ядерное оружие? – возразил он. – Нет, миледи, на такое нарушение законов они не пойдут. Радиация – это свидетельство, которое практически невозможно скрыть. Нет. Они соблюдут почти все правила. Так что мы наверняка имеем дело с предателем.

– Ты служишь герцогу, – усмехнулась она. – И, пытаясь спасти его, ты его уничтожишь. Ты этого хочешь?

Он глубоко вздохнул. Помедлил.

– Если вы невиновны, я приношу глубочайшие извинения.

– Рассуди сам, Суфир, – сказала она. – Люди лучше всего чувствуют себя тогда, когда у каждого есть свое место и каждый знает о своем положении в мире, в событиях, происходящих вокруг него. Уничтожь место человека в мире, и ты уничтожишь самого человека. Ты и я – вот два человека в окружении герцога, обладающие почти идеальной возможностью уничтожить место другого. Разве не могла я ночью нашептать герцогу про тебя что-то, что вызвало бы его подозрение к тебе? Когда он легче всего поддался бы таким наговорам, Суфир? Надо ли мне объяснять это подробнее?..

– Вы угрожаете мне? – почти прорычал он.

– Ну разумеется, нет! Я лишь хочу показать тебе, как кто-то атакует нас через самое устройство нашей жизни, воздействуя на ее обстоятельства. Это умно – дьявольски умно! И отразить такое нападение мы можем лишь одним-единственным способом: мы должны так изменить нашу жизнь, чтобы не осталось ни малейшей щели для их стрел.

– Так вы и обвиняете меня в нашептывании беспочвенных подозрений?

– Да. Беспочвенных.

– И вы бы противодействовали им собственными нашептываниями?

– Нашептывания, тайны и прочее – это твоя сфера, Хават. Не моя.

– Значит, вы сомневаетесь в моих способностях?

Она вздохнула.

– Суфир, я хочу, чтобы ты сам оценил, насколько и как ты эмоционально вовлечен во все это. Естественный человек — это животное, лишенное логики. Поэтому твое восприятие всех событий и человеческих отношений с точки зрения логики – неестественно. Но тут ничего не поделаешь: ты обречен проецировать логику на них, поскольку это оказывается полезным в большинстве случаев. Сам ты суть воплощение логики – ментат. Но твои подходы к проблемам и попытки их решения – это в самом буквальном смысле внешние проекции твоего сознания. Их надо изучать всесторонне.

– Вы учите меня моей работе? – спросил он, даже не пытаясь скрыть возмущение... и нотки презрения.

– Ты видишь все вокруг себя и применяешь к замеченному свою логику, – объяснила она. – Но особенность человеческого сознания такова, что логикой всего труднее исследовать проблемы, связанные с глубоко личными мотивами. И тогда мы бродим вокруг в темноте и возлагаем вину за свои проблемы на все, кроме той единственной причины, которая в действительности мучает нас.

– Вы намеренно хотите подорвать мою веру в свои возможности как ментата, – отрывисто сказал он. – Если бы я узнал, что любой из наших людей пытается подобным образом саботировать любое другое оружие из нашего арсенала, я без колебаний обвинил его и уничтожил бы.

– Хорошие ментаты не пренебрегают фактором возможной ошибки в своих расчетах. Уважение к этому фактору – это здоровая черта.

– Я с этим никогда и не спорил!

– Тогда попробуй приложить свои способности к симптомам, которые мы оба видим: случаи пьянства, ссоры… Среди наших людей ходят самые нелепые слухи об Арракисе. Они запустили даже свои простейшие…

– Это все от праздности, и ничего больше, – возразил Хават. – И не пытайтесь запутать меня, напуская таинственность на самые простые вещи.

Джессика пристально разглядывала его – и представляла себе, как солдаты и охрана в казармах говорят между собой о своих бедах, о тоске и тревоге – и как от этого повисает в воздухе тяжкое напряжение, почти физически ощутимое – как запах горелой изоляции. «Они становятся похожи на героев древней, еще догильдийской легенды, – думала она. – Как команда потерянного звездолета «Амполирос». Терзаемые болезнью, сидели они у корабельных орудий – всегда ищущие, всегда наготове и всегда не готовые…»

– Почему ты никогда не использовал до конца мои возможности в своей службе герцогу? – спросила она. – Или ты боялся соперника в моем лице?

Он сверкнул на нее глазами.

– Я кое-что знаю о том, чему учат Бене Гессерит… – Он угрюмо оглядел ее и замолк.

– Что же ты? Продолжай, – усмехнулась она. – Ты хотел сказать «бене-гессеритских ведьм».

– Я действительно кое-что знаю о той настоящей подготовке, которую дают в Бене Гессерит, – хмуро сказал он. – Я же видел, как все это проявляется у Пола. И меня не обманет этот ваш лозунг на публику – мол, «мы существуем лишь для служения».

«Да, шок должен быть по-настоящему сильным, – решила Джессика. – И он почти готов к нему».

– Ты почтительно выслушиваешь меня на Совете, – сказала она, – но почти никогда не принимаешь мои советы. Почему?

– Я не верю советам, рожденным бене-гессеритскими мотивами, – отрезал он. – Вы можете думать, что видите человека насквозь, что можете заставить его поступать так, как вам...

– Суфир! – взорвалась она. – Глупец, несчастный глупец – вот ты кто!

Хават нахмурился, заставил себя снова сесть.

– Какие бы слухи о наших школах ни доходили до тебя, – промолвила она, – правда куда больше этих слухов. Если бы я хотела уничтожить герцога... или тебя, или кого угодно из тех, кто находится в пределах моей досягаемости, – ты бы не смог помешать мне.

Сказав это, она подумала: «Почему я позволяю гордыне заставлять меня говорить так? Разве этому меня учили? И не так должна я шокировать его...»

Хават сунул руку за пазуху, где у него всегда лежал миниатюрный пистолет с ядовитыми иглами. «Она без щита, – подумал он. – Это всё что, блеф? Ведь я могу убить ее сейчас... но, но! – если я ошибаюсь, последствия будут ужасны!»

Джессика увидела, как его рука скользнула к внутреннему карману.

– Я надеюсь, между нами, нужды в насилии не возникнет, – сказала она.

– Достойная надежда, – согласился он.

– Но тем временем болезнь распространяется в наших рядах и разъедает их, – продолжала Джессика. – И я должна вновь спросить тебя: не разумнее ли предположить, что это Харконнены посеяли в нас подозрение друг к другу, чтобы разъединить и столкнуть нас?

– Кажется, мы все же вернулись в тупик, – угрюмо буркнул Хават.

Она вздохнула и подумала: «Он почти готов».

– Герцог и я заменяем этим людям отца и мать, – сказала она. – Это положение...

– Герцог не женился на вас, – перебил Хават. Джессика сдержалась, усилием воли сохранив спокойствие.

Он хорошо парировал.

– Но он не женится и ни на ком другом, – уточнила она. – Во всяком случае, пока я жива. И, как я сказала, мы для наших людей вместо родителей. Разбить сложившиеся отношения, рассорить и запутать нас – какая цель для Харконненов будет более соблазнительной?

Он понял, куда она клонит, и его брови сдвинулись.

– Герцог? – продолжала она. – Да, это заманчивая цель, но никто не охраняется лучше, чем герцог. Разве что Пол. Я? Разумеется, они бы не отказались от такой добычи; но уж кто-кто, а они знают, что Бене Гессерит – добыча не из легких. Но есть и другая мишень. Человек, чьи обязанности по определению создают огромное слепое пятно. Человек, для которого подозрительность так же естественна, как дыхание. Человек, вся жизнь которого построена на тайнах, интригах, намеках и хитростях. – Она протянула к нему руку. – И этот человек – ты!

Хават вскочил со стула.

– Я не отпускала тебя, Суфир! – резко бросила она.

Старый ментат почти упал на стул – мышцы вдруг отказались ему служить.

Она невесело улыбнулась:

– Теперь ты кое-что узнал о том, чему нас учат по-настоящему, – проговорила она.

Хават попытался сглотнуть – горло пересохло. Ее приказ был таким властным, не допускающим даже малейшего неповиновения, – и он не смог противиться. Тело послушалось раньше, чем он успел что-либо подумать. И ничто не могло бы удержать его от выполнения этого приказа – ни логика, ни гнев... ничто. Чтобы сделать то, что удалось сделать ей, необходимо глубоко, до самых сокровенных подробностей,

знать того, кому приказываешь. Он не представлял себе, что возможен такой контроль над человеком...

– Я говорила тебе, что мы должны понять друг друга, – сказала Джессика. – Я имела в виду, что ты должен понять меня. Я тебя понимаю давно. И я могу сказать тебе, что твоя преданность герцогу – это все, что гарантирует твою безопасность сейчас, когда ты рядом со мной...

Он не мог отвести от нее глаз. Облизнул губы.

– Если бы мне нужна была марионетка, я бы заставила герцога жениться на мне, – спокойно продолжала Джессика. – Причем он был бы уверен, что женился по собственной доброй воле.

Хават наконец опустил голову и исподлобья взглянул на нее сквозь редкие ресницы. Лишь великолепное владение собой помогло ему удержаться и не позвать стражу. Владение собой... и мысль о том, что эта женщина может попросту не позволить ему кликнуть охрану. Он вспомнил, как она заставила его подчиниться, и по его спине пробежали мурашки. Ведь пока он был ошарашен приказом, ей ничего не стоило достать оружие и убить его!

«Неужели у каждого человека есть такое «слепое пятно»? – думал он. – И каждого можно заставить подчиняться раньше даже, чем он сможет осознать все и воспротивиться?»

Эта мысль поразила его. Кто может противостоять наделенному подобной властью?!

– Сейчас ты увидел железный кулак внутри мягкой перчатки Бене Гессерит, – сказала она. – Немногие, увидев его, оставались жить. И то, что я сделала, – довольно простая вещь для нас. Ты не видел всего, на что я способна. Подумай об этом!

– Так почему вы не уничтожаете врагов герцога? – спросил он.

– Что я должна уничтожить? – переспросила она. – Или ты хочешь, чтобы герцог сделался слабым и всегда зависел от меня?

– Но с такой властью...

– Власть – это палка о двух концах, Суфир, – произнесла Джессика. – Ты думаешь сейчас: «Ей ничего не стоит создать оружие из человека и нацелить его в самое сердце врага». Да, Суфир. Даже и в твое сердце. Но чего бы я достигла? Если бы многие из нас поступали так, разве не пало бы недоверие и ненависть на всех Бене Гессерит?

– Мне нечего ответить вам, – выговорил Хават. – Вы знаете, что нечего.

– Ты никому не расскажешь о случившемся здесь, никому и ничего, – сказала она. – Я знаю тебя, Суфир.

– Миледи... – Снова старик попытался сглотнуть сухим горлом. И подумал: «Да, у нее действительно есть великая сила. Но разве не делает ее это еще более опасным орудием в руках Харконненов?»

– Друзья могут уничтожить герцога так же легко, как и его враги, – сказала Джессика. – Но теперь я верю – ты найдешь корни своих подозрений и вырвешь их.

– Если они все же окажутся беспочвенными, – добавил он.

– Если? – насмешливо прищурилась Джессика.

– Да, если, – подтвердил он.

– Ты действительно очень упорен, – сказала она.

– Просто осторожен, – ответил он, – и помню о факторе возможной ошибки.

– Тогда я задам еще один вопрос. Ты стоишь лицом к лицу с другим человеком, беспомощный и беззащитный, связанный по рукам и ногам, и этот другой держит нож у твоего горла. Но не причиняет тебе вреда, освобождает тебя, отдает тебе оружие и позволяет воспользоваться им по своему усмотрению... – Она поднялась, повернулась спиной к Хавату. – Теперь ты можешь идти, Суфир.

Старый ментат встал, постоял немного в нерешительности – его рука потянулась было к оружию в кармане. Он вспомнил арену и отца герцога (он был храбрым человеком, каковы бы ни были его недостатки), вспомнил давнюю

корриду. Разъяренный черный бык замер, пригнув голову, – неподвижный и потерявший уверенность. Старый Герцог отвернулся от быка – спиной к рогам зверя, красный плащ картинно наброшен на руку, а трибуны гремели рукоплесканиями и приветственными криками.

«Сейчас я – бык, а она – матадор», – подумал Хават. Он отдернул руку от кармана, увидел, что пустая ладонь блестит от пота.

И он знал, что, какой бы ни оказалась правда в конце концов, он никогда не забудет этот момент и никогда не перестанет восхищаться леди Джессикой.

Молча повернувшись, Хават вышел.

Джессика отвела глаза от отражения комнаты в оконном стекле, повернулась к закрывшейся двери.

– А теперь, – прошептала она, – начнется настоящая схватка.

* * *

Сражаться ли станешь с тенями?
С грезами вступишь ли в схватку?
Ты движешься словно во сне?
Время ушло, ускользнуло.
Украдена жизнь твоя.
Ты так медлил с пустяками,
Ты – жертва своего безрассудства.

Плач по Джамису на Погребальных Равнинах.
Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан

Лето стоял в атриуме дворца, изучая записку под светом единственного горящего светильника, плавающего в воздухе. До рассвета оставалось несколько часов, и Лето ощущал неимоверную усталость. Записку только что принес гонец от фрименов – вручил ее охраннику на внешнем посту, как только герцог вернулся с полевого командного пункта.

В записке было сказано только: «Столб дыма днем, столб огня ночью».

Подписи не было.

Что бы это значило?

Посланный ушел, не дожидаясь ответа, и его не успели ни о чем спросить. Он просто растворился в темноте, как туманная тень.

Лето сунул записку в карман мундира. Позже надо будет показать ее Хавату. Он отбросил со лба прядь волос, глубоко вздохнул. Действие стимулирующих таблеток почти прошло. Со дня большого приема минуло уже двое суток – и гораздо больше с тех пор, как ему удалось поспать.

Как будто мало было дел с обороной, пришлось провести еще нелегкую, беспокойную беседу с Хаватом: тот докладывал о своей встрече с Джессикой.

«Может быть, разбудить Джессику? – думал он. – Больше не стоит играть с ней в тайны. Или стоит?.. Этот мне чертов Дункан Айдахо!» – Герцог покачал головой. – Нет, впрочем, – не Дункан. Я сам виноват: надо было с самого начала посвятить ее в мои замыслы. Теперь наконец я должен сделать это, прежде чем причинен больший вред».

Это решение несколько улучшило его настроение. Герцог поспешно зашагал из атриума, через Большой зал и по коридорам в семейное крыло.

Вдруг герцог остановился у ответвлявшегося к службам коридора – оттуда, из этого служебного коридора, доносились странные, похожие на мяуканье звуки. Лето опустил левую руку на выключатель поясного щита, правой вытянул из ножен кинжал. Клинок в руке придал ему уверенность: от странного звука по его спине пробежал холодок.

Герцог бесшумно крался по служебному проходу, проклиная про себя тусклое освещение. Здесь, с промежутками в восемь метров, висели самые маленькие плавающие светильники, притом прикрученные до минимума. Темные каменные стены поглощали почти весь свет.

В полумраке он увидел впереди какую-то темную тень на полу, протянувшуюся через весь коридор.

Лето помедлил, хотел было включить щит, но передумал: силовое поле ограничило бы его движения и слух... и кроме того, он помнил о захваченной партии лучеметов.

Он тихо подошел к тени и увидел человека, лежащего лицом вниз на каменном полу. Лето, держа нож наготове, ногой перевернул тело и нагнулся рассмотреть в тусклом свете лицо. Это был контрабандист Туек, и на груди у него темнело большое мокрое пятно. Из мертвых глаз смотрела пустая темнота. Лето дотронулся до пятна – оно было еще теплым.

Почему этот человек здесь – и почему он мертв? Кто мог убить его?

Мяукающий звук здесь слышался громче. Он доносился из бокового прохода впереди – этот проход вел в центральную комнату, где установили главный силовой генератор дома.

Все еще держа руку на выключателе щита, сжимая кинжал, герцог обошел тело, проскользнул по коридору и осторожно выглянул из-за угла, пытаясь рассмотреть генераторную.

Там, в нескольких шагах, на полу темнела еще одна тень, и он сразу понял, что это и есть источник мяукающего звука.

Тень мучительно медленно ползла в его сторону, бормоча что-то и судорожно, со стоном, хватая ртом воздух.

Лето подавил неожиданный удушливый приступ страха, бросился к ползущей фигуре, наклонился к ней. Это была Мэйпс, фрименка-домоправительница. Ее лицо было закрыто рассыпавшимися волосами, одежда в беспорядке. По спине и по боку тянулась темная, тускло отсвечивающая полоса. Лето прикоснулся к ее плечу. Мэйпс приподнялась на локтях, вскинула голову. Ее глаза, скрытые тенями, казались пустыми черными провалами.

– Вы... – выдохнула она. – Охрана... убили... послала... за... Туе-ком... спасти... миледи... вас... вы... здесь... нельзя... – Она упала, ударившись лицом о камень пола.

Лето попробовал нащупать пульс в височной артерии – пульса не было. Он взглянул на темное пятно. Ее ударили ножом в спину. Но кто? Мозг герцога лихорадочно работал. Что это значит? Кто-то убил охранников? И Туек – кто послал за ним? Джессика? Но зачем?..

Он начал подниматься на ноги, и тут какое-то шестое чувство предупредило его. Его рука дернулась к кнопке поясного щита, но было уже поздно. Руку ударило, Лето почувствовал боль, увидел вонзившуюся иглу-дротик, почувствовал, как вверх по руке от иглы растекается волна онемения. Лишь огромным усилием преодолевая парализующее действие яда, ему удалось повернуть голову, чтобы увидеть врага.

В открытой двери генераторной стоял Юйэ. В свете более яркого светильника над дверью его лицо отливало желтизной. Из генераторной не слышался характерный гул генераторов – они были отключены.

«Юйэ! – пронеслось в голове Лето. – Он отключил поле! Снял экран с дома! Мы беззащитны!»

Юйэ направился к герцогу, на ходу убирая в карман игломет.

Оказывается, Лето мог еще говорить. Он выдохнул:

– Юйэ!.. Как?..

В этот момент яд парализовал мышцы ног, и он осел на пол, скользнув спиной по стене.

Когда Юйэ наклонился к герцогу и прикоснулся к его лбу, лицо доктора было грустным. Лето еще чувствовал прикосновение, но как бы издали, глухо.

– Яд избирательного действия, – сообщил Юйэ. – Вы можете говорить, хотя я бы вам этого не советовал.

Юйэ бросил взгляд в сторону главного коридора, снова склонился к Лето, выдернул стрелку и отбросил ее. Герцогу звук упавшей на пол стрелки показался далеким и почти неслышным.

«Невозможно! – подумал герцог. – Он же кондиционирован!..»

– Как?.. – прошептал Лето.

– Мой герцог, мне очень жаль, но есть вещи посильнее, чем это. – Юйэ дотронулся до вытатуированного на лбу ромба. – Я, право, и сам удивляюсь, как можно обойти блок, наложенный на фебрильное сознание. Но я хочу убить человека. Да, я действительно хочу этого. И не остановлюсь ради этого ни перед чем.

Юйэ взглянул сверху вниз на герцога.

– О нет, я говорю не о вас, дорогой герцог. Речь идет о бароне Харконнене. Я хочу убить барона.

– Бар... он Хар...

– Не разговаривайте, бедный мой герцог. У вас мало времени. Я должен заменить зуб, который вставил вам после вашего падения в Нареале. Сейчас я приведу вас в бессознательное состояние и поменяю зуб.

Он раскрыл ладонь, посмотрел на какой-то предмет в ней.

– Точная копия. И сердечник идеально сформирован в виде нерва, так что обычные детекторы и даже быстрое сканирование его не обнаружат. Но когда вы с силой нажмете на этот зуб другим, оболочка треснет; после этого сразу делайте резкий выдох – и сформируется облачко чрезвычайно ядовитого газа...

Лето смотрел Юйэ в глаза, снизу вверх, и видел в этих глазах безумие, видел пот на лбу, подбородке.

– Вы в любом случае обречены, мой бедный герцог, – сказал Юйэ. – Но до того, как вы умрете, вы окажетесь рядом с бароном. Он будет уверен, что вы достаточно одурманены наркотиками, чтобы не попытаться напасть на него перед смертью. И вы действительно будете одурманены – и связаны. Но нападение может иногда принимать довольно необычные формы. А вы будете помнить про зуб. Зуб, герцог Лето Атрейдес. Вы будете помнить про зуб...

Старый доктор наклонялся все ближе и ближе, пока наконец его лицо и свисающие усы не заняли целиком сужающееся поле зрения герцога.

– Зуб... – пробормотал Юйэ.

– Зачем... – шепнул Лето.

Юйэ опустился перед герцогом на колено.

– Я заключил сделку с дьяволом. Шайтаном. С бароном! И я должен удостовериться, что он выполнил свою часть договора. Когда я увижу его, я буду знать. Да, лишь только я взгляну на него – я узнаю это. Но никогда не смогу оказаться рядом с бароном, не уплатив его цену. И эта цена – вы, мой бедный герцог. И я буду, буду знать... когда увижу его. Моя бедная Уанна многому научила меня, и в том числе она научила, как распознать истину в моменты больших напряжений. Я не способен к этому всегда, правда, – но когда я увижу его, тогда я пойму.

Лето попытался опустить взгляд к искусственному зубу в руке Юйэ. Ему казалось, что он видит кошмарный сон – все это было невозможно!

Лиловые губы Юйэ дернулись в подобии усмешки.

– Мне не дадут подойти близко к барону, не то, конечно, я сам сделал бы это. Нет, меня он будет держать на безопасном расстоянии. Но вы... да! Вы – мое чудесное орудие и оружие! Вы окажетесь с ним лицом к лицу – он не упустит случая поглумиться над вами и немного похвастать!..

Мускул на левой скуле доктора подергивался, когда он говорил. Этот мускул гипнотизировал герцога. Юйэ склонился еще ближе.

– А вы, мой добрый герцог, мой бесценный герцог – вы должны все время помнить о зубе. – Он показал зуб, зажав его указательным и большим пальцами. – Потому что этот зуб – единственное, что у вас остается.

Губы Лето беззвучно шевельнулись. Потом он все-таки сумел прошептать «нет».

– Ах, нет! Вы не должны отказываться. Потому что в обмен за эту маленькую услугу я кое-что сделаю для вас. Я спасу вашего сына и вашу женщину. Никто другой не сумеет спасти их. А я могу. Их доставят туда, где никакие Харконнены до них не доберутся.

– Как спасешь?.. – выдохнул Лето.

– Я сделаю так, что их сочтут мертвыми, и переправлю их к людям, которые хватаются за нож при одном имени Харконненов, которые так ненавидят Харконненов, что сожгли бы стул, на который садился Харконнен, и засыпали бы солью землю, по которой ступала нога Харконнена... – Юйэ потрогал подбородок и скулы герцога. – Ваша челюсть уже потеряла чувствительность?

Герцог обнаружил, что не может ответить. Он ощутил слабый, далекий рывок и увидел руку Юйэ, держащую перстень с герцогской печаткой.

– Это для Пола, – объяснил доктор. – А вы сейчас потеряете сознание. Прощайте, мой бедный герцог. При нашей следующей встрече у нас не будет времени для беседы.

Прохладное онемение расходилось от челюсти, по щекам... Полутемный коридор сжался в точку – последними исчезли лиловые губы Юйэ.

– Помните о зубе! – прошипел Юйэ. – О зубе!

* * *

Должна была бы существовать наука о недовольстве. Ибо людям нужны трудные времена, тяготы и угнетение, чтобы развивались их душевные силы.

Из сборника «Избранные изречения Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан

Джессика проснулась в темноте, ощущая, как тяжелое предчувствие наполняет мертвую тишину вокруг. Она не могла понять, отчего ее мозг и тело так вялы и тяжелы. По нервам пробежала слабая дрожь страха. Джессика хотела сесть и включить свет, но что-то ее остановило. У нее во рту был... странный привкус.

Умп-умп-умп-умп...

Глухой звук, направление которого в темноте понять было невозможно.

Минута ожидания была переполнена тянущимся временем, острыми шуршащими движениями.

Теперь она начала ощущать свое тело. Почувствовала путы на запястьях и лодыжках. Кляп во рту. Она лежала на боку, с руками, связанными за спиной. Она слегка пошевелила руками, пробуя путы, поняла, что это – кримскелловое волокно, которое будет только сильнее врезаться в тело от рывков.

И тогда она вспомнила.

Какое-то движение в темной спальне. Что-то мокрое, едко пахнущее прижалось к лицу, забило рот. Руки, схватившие ее. Она непроизвольно вдохнула – лишь один вдох, но она ощутила наркотик в мягкой влажности. Сознание стало покидать ее, и Джессика соскользнула в черную пустоту страха...

«Вот и случилось, – подумала она. – Как оказалось просто одолеть сестру Бене Гессерит. Все, что было нужно для этого, – предательство. Хават был прав!.. – Она заставила себя не дергать путы. – Это не моя спальня, – поняла она. – Меня перенесли куда-то».

Постепенно ей удалось вернуть себе внутреннее спокойствие.

Она почувствовала застоявшийся запах своего пота, в котором слышались химические нотки страха.

«Где же Пол? – думала она. – Что они сделали с моим сыном?»

Надо сохранять спокойствие.

Она все же смогла сдержаться, прочитав про себя древние формулы.

Но страх продолжал висеть рядом с ней.

«Лето, где ты, Лето?»

Мрак словно шевельнулся, отступая. В нем появились тени. Она напрягла внимание. Белая линия. Под дверью.

«Значит, я на полу».

Джессика оттолкнула от себя воспоминание о пережитом ужасе. «Я должна оставаться спокойной, внимательной и быть наготове. Другого шанса может не представиться». Она снова проделала ритуал внутреннего успокоения.

Неровное биение сердца успокоилось, теперь Джессика могла отсчитывать время. Она прикинула – получалось, она пролежала в беспамятстве около часа. Закрыв глаза, Джессика сфокусировала внимание на приближающихся шагах.

Шли четверо. Джессика отмечала различия в походке.

«Надо притвориться, что я все еще без сознания», – подумала она, расслабила мышцы, ощущая холод каменного пола. Проверила готовность тела, затем услышала, как открывается дверь, увидела сквозь закрытые веки свет.

Шаги приблизились. Кто-то стоял над ней.

– Вы уже пришли в себя, – прогудел густой бас. – Не надо притворяться.

Она открыла глаза.

Над ней возвышался барон Владимир Харконнен. Теперь она смогла разглядеть и комнату. Это была та подвальная комната, где оборудовали спальню для Пола. Она увидела и его походную койку – пустую. Свет исходил от плавающих

ламп, принесенных охранниками барона, вставшими у дверей. Коридор был освещен так ярко, что Джессика не могла смотреть в сторону двери.

Она подняла взгляд на барона. Выпуклости под желтым плащом выдавали портативные силовые генераторы, поддерживавшие могучую тушу; ангельски розовели жирные щеки под черными паучьими глазками.

– Доза наркотика точно рассчитана, – пророкотал он. – Мы с точностью до минуты знали, когда вы очнетесь.

«Но как это было возможно? – подумала Джессика. – Для этого они должны были знать мой точный вес, мой метаболизм, мою... Юйэ!»

– Как жаль, что нельзя освободить вас от кляпа, – заметил барон. – У нас могла бы состояться очень интересная беседа.

«Кроме Юйэ – некому, – думала она. – Но как это может быть?!»

Барон, полуобернувшись, бросил в коридор:

– Питер, войди.

Раньше Джессика никогда не видела человека, вошедшего и вставшего рядом с бароном. Но она узнала его лицо, узнала и самого человека. Это был Питер де Вриз, ментат-

асассин. Теперь она изучала его: ястребиные черты, сплошь синие глаза, судя по которым он мог бы быть уроженцем Арракиса, однако движения, поза – в мельчайших деталях, заметных внимательному взгляду, сказали Джессике, что это не так. К тому же его тело было слишком уж хорошо напитано водой. Высокий, худой, несколько женоподобный.

– Да, жаль, жаль, дорогая леди Джессика, что мы не можем побеседовать, – продолжал меж тем барон. – Но я знаю, на что вы способны. – Он глянул на своего ментата. – Верно, Питер?

– Да, мой барон, – отозвался тот.

У него оказался тенор. Тенор, от звука которого по спине пробегал холодок. Раньше Джессике не приходилось слышать такой морозящий голос. Для всякого, обученного приемам Бене Гессерит, этот голос звучал точно крик: убийца!

– А знаете, у меня для Питера есть небольшой сюрприз, – сообщил барон. – Он-то полагает, что явился сюда, чтобы забрать свою награду, свой трофей. То есть вас, леди. Однако я собираюсь продемонстрировать, что на самом деле вы ему не нужны.

– Вам угодно играть со мной, барон? – спросил Питер. И улыбнулся.

Джессика изумилась, что при виде этой улыбки барон не схватился за оружие и не отпрыгнул от этого Питера. Хотя, поправила она себя, барон не мог прочесть эту улыбку: у него не было нужных для этого навыков.

– Питер во многом наивен, – сказал барон. – Вот, к примеру, он не желает понять, насколько вы опасны, леди Джессика. Я бы продемонстрировал ему это – но к чему бессмысленный риск? – Барон улыбнулся Питеру, чье лицо превратилось в неподвижную маску ожидания. – Я же знаю, чего хочет мой Питер на самом деле. А Питер хочет власти.

– Вы обещали мне ее, – проговорил Питер. – Женщину. – Его голос утратил какую-то часть своего ледяного спокойствия.

Джессика, слыша заметные здесь только ей угрожающие нотки в голосе Питера, внутренне содрогнулась. Как сумел барон превратить ментата в животное, в такое чудовище?

– Но я предлагаю тебе выбор, Питер, – сказал барон.

– Что за выбор?

Барон прищелкнул толстыми пальцами.

– Либо эта женщина и изгнание из пределов Империи – либо принадлежавшее Атрейдесам герцогство Арракийское, которым ты будешь править от моего имени по своему усмотрению.

Джессика видела, как паучьи глазки изучают Питера.

– Ты можешь быть герцогом здесь, Питер, – сказал барон. – Во всем, кроме только титула.

«Значит, Лето – мой Лето – мертв?» – спросила себя Джессика, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается безмолвный крик.

Барон не сводил взгляда с ментата.

– Ты должен понять, чего хочешь, Питер. Ты хочешь ее потому лишь, что она была женщиной герцога. Символом его власти – прекрасной, полезной, великолепно тренированной для своей роли. Но – герцогство, Питер! Целое герцогство! Это куда больше, чем символ. Это уже реальность. Реальность, которая может дать тебе много женщин... и куда больше того.

– Вы не смеетесь над Питером?

Барон развернулся к нему с той легкостью, которую давала ему силовая портупея.

– Смеюсь? Я? Не забудь, что я отказался от мальчишки. Или ты забыл, что рассказал изменник о подготовке этого парня? Они оба, и мать, и сын, смертельно опасны. – Барон улыбнулся. – А сейчас я должен идти. Я пришлю стражника, которого оставил пока в коридоре. Он глух, как камень. Ему приказано сопровождать вас двоих на первом этапе твоего изгнания. Если он увидит, что эта женщина начинает подчинять тебя, берет над тобой контроль, – он приведет ее к покорности. Он не позволит тебе вынуть ее кляп до тех пор,

пока вы не покинете Арракис. Если же ты сделаешь другой выбор... тогда и его приказ меняется.

– Не нужно его звать, – сказал Питер. – Я уже выбрал.

– Ах-хах!.. – фыркнул барон. – Такой скорый выбор может означать лишь одно.

– Я беру герцогство, – объявил Питер.

Джессика подумала: неужели он не понимает, что барон обманывает его?! Хотя – как ему понять? Ведь он – порченый ментат! Разум его извращен...

Барон взглянул вниз, на Джессику.

– Разве не чудесно, что я так хорошо знаю Питера? Я побился об заклад со своим начальником вооружений, что Питер сделает именно такой выбор. Ха! Ну что ж. Я ухожу. Так будет лучше. Да, гораздо лучше. Надеюсь, вы меня понимаете, леди Джессика. Ненависти к вам у меня нет. То, что я делаю, – я делаю по необходимости. Так будет лучше. Да. Потом, собственно, я ведь не приказывал уничтожить вас. Когда меня спросят о том, что случилось с вами, я смогу вполне искренне пожать плечами...

– Значит, вы оставляете эту работу мне? – спросил Питер.

– Стражник, которого я пришлю, выполнит твои приказы... – ответил барон. – Что бы ни случилось, это будет на тебе. – Он уставился в глаза Питеру. – Да. На моих руках крови не будет. Да. Я ничего не знаю. Ты подождешь, пока я уйду, и только потом сделаешь то, что должен. Да. Ну... а, да. Да. Так лучше.

«Он боится допроса Правдовидицей, – догадалась Джессика. – Но – кого именно? Ах да, разумеется! Преподобная Мать Гайя-Елена! А раз он знает, что ему придется предстать перед ней, значит... значит, Император наверняка замешан в это дело. Бедный Лето!..»

Последний раз взглянув на Джессику, барон повернулся и вышел. Она проводила его взглядом, думая: «Да, Преподобная была права. Враг оказался слишком силен, как она и предупреждала».

Вошли двое стражников в харконненских мундирах. За ними следовал третий, лицо – маска из сплошных шрамов. Он остановился в дверях, держа наготове лучемет.

«Это и есть глухой, – поняла Джессика, разглядывая изрезанное лицо. – Барон понимает, что против всякого другого я могу использовать Голос».

«Резаный», как назвала его про себя Джессика, посмотрел на Питера.

– Мальчишка снаружи, на носилках, – сообщил он. – Какие будут приказания?

Питер обратился к Джессике:

– Я хотел связать вас угрозой для жизни вашего сына... но теперь вижу, что это не сработало бы. Я дал было чувствам затмить разум – для ментата это скверная политика! – Он посмотрел на первую пару солдат, повернулся лицом к глухому, чтобы тот мог читать по губам: – Отвезите их в Пустыню, как советовал поступить с мальчишкой изменник. Он недурно придумал. Их тела никто не должен найти.

– Вы сами не хотите убить их? – переспросил Резаный.

(«Он читает по губам», – подумала Джессика.)

– Я следую примеру барона, – ответил Питер. – Итак, доставьте их туда, куда предложил изменник.

В голосе Питера Джессика услышала нотки ментат-контроля. «И он тоже боится встречи с Правдовидицей», – подумала она.

Питер пожал плечами, повернулся и вышел. На пороге он мгновение помедлил, и Джессика подумала было, сейчас он обернется – бросить на нее последний взгляд. Но он вышел не оглядываясь.

– Что до меня, то и я не хотел бы встретиться с Правдовидицей после нынешней работы, – пробурчал Резаный.

– Да ты-то вряд ли когда столкнешься с этой старой ведьмой, – успокоил один из стражников. Он подошел к голове Джессики, склонился над ней. – Ну что, если трепаться тут, так мы никогда дело и не сделаем. Берись за ноги, и...

– Так, может, кончить их прямо тут? – предложил Резаный.

– Пачкаться... – возразил первый стражник. – Разве что ты хочешь придушить их. Я-то предпочитаю делать дело как велено, по-простому. Свезем их в Пустыню, как изменник говорит, там резанем, подманим червя... И следов не останется.

– Ну, пожалуй... да, пожалуй, ты прав, – согласился Резаный. Джессика наблюдала за ними, отмечая необходимое. Но кляп не позволял ей использовать Голос – к тому же не следовало забывать о глухом...

Резаный сунул бластер в кобуру, взял ее за ноги. Они подняли ее, как мешок с зерном, вынесли из комнаты и бросили на висящие в силовом поле носилки рядом с еще одним связанным человеком. Укладывая Джессику, они повернули ее набок, и в десяти сантиметрах от своего лица она увидала лицо сына. Пол был связан, но кляпа у него во рту не было. Его глаза были закрыты, он ровно дышал. Усыплен?

Стражники подхватили носилки, и веки Пола слегка приподнялись – темные щелки внимательно смотрели в ее лицо.

«Он не должен пытаться использовать Голос! – испугалась она. – Глухой!»

Пол закрыл глаза.

Он незаметно для окружающих выполнял дыхательные упражнения сосредоточения, успокаивая свое сознание и внимательно прислушиваясь к пленителям. Да, глухой стражник представлял собой проблему, но Пол ничем не выдавал охватившее его отчаяние. Успокаивающий бене-гессеритский ритуал, которому мать его научила, помогал Полу сохранять готовность, чтобы использовать любой шанс.

Пол рискнул еще раз слегка приоткрыть глаза и посмотреть на мать. Кажется, вреда ей пока не причинили – если не считать кляпа во рту.

Кто, интересно, сумел схватить ее? С ним самим все ясно – он лег, приняв данную доктором Юйэ капсулу, и проснулся

уже связанный, на носилках. Возможно, с ней случилось нечто подобное. Если следовать логике, предателем должен был быть Юйэ, но пока он решил не спешить с окончательным суждением: в голове просто не укладывалось, что суккский доктор может оказаться предателем.

Носилки слегка накренились – харконненские стражники выводили их сквозь двери дома в освещенную звездами ночь; один из силовых генераторов зацепился за косяк. Вот они пошли по песку – слышно было, как он шуршит под ногами. Над головой, заслоняя звезды, нависла тень – крыло орнитоптера. Носилки опустились на землю.

Глаза Пола привыкли наконец к темноте, и он увидел, как глухой стражник открывает дверцу кабины и заглядывает внутрь. На его лицо падал зеленоватый отсвет от приборной панели.

– Так что, нам этот топтер брать? – спросил он и обернулся, чтобы видеть губы второго.

– Изменник говорил, что именно он оборудован специально для работы в пустыне, – последовал ответ.

Резаный кивнул:

– Ладно, только ж это – штабная машина связи. Там, как этих двоих сунем, места будет только разве еще для двоих.

– Двоих хватит, – отозвался его собеседник, подставляя лицо слабому свету приборов, чтобы хорошо читались движения губ. – Мы теперь и сами о них позаботимся, Кайнет.

– Барон мне велел удостовериться во всем лично, – возразил Резаный.

– А чего ты беспокоишься? – спросил стражник, стоявший по другую сторону носилок. – Все будет нормально.

– Она – бене-гессеритская ведьма, – объяснил глухой. – Она опасна.

– А-а... – Стражник суеверно поднес кулак к уху. – Из этих, значит?.. Ясно.

Второй стражник фыркнул:

– Так что с того? Мы ж ее скормим червям. А я не думаю, чтоб даже бене-гессеритская ведьма имела власть над

песчаными червями! А, Циго? – Он подтолкнул приятеля локтем.

– Угу, – буркнул тот. Он вернулся к носилкам, взялся за плечи Джессики. – Давай, Кайнет. Хочешь посмотреть, чего с ними будет, – можешь лететь с нами.

– Как мило, Циго, что ты меня пригласил, – съязвил Резаный. Джессика почувствовала, что ее поднимают. Тень от крыла над ней повернулась, открывая звезды. Ее засунули на заднее сиденье, проверили кримскелловые путы и привязали к сиденью. Пола бросили рядом, его тоже прикрутили к спинке – и Джессика заметила, что сына связали обыкновенной веревкой.

Глухой Резаный, которого назвали Кайнет, уселся впереди. Стражник по имени Циго обошел орнитоптер и вскарабкался на другое переднее сиденье.

Кайнет захлопнул дверцу, склонился к приборам. Орнитоптер упруго взмахнул крыльями, взлетел и направился к югу, за Барьерную Стену.

Циго похлопал напарника по плечу:

– Слушай, ты бы обернулся, приглядел за этими...

– А ты знаешь, куда лететь? – спросил Кайнет, читая слова по губам.

– Мы же вместе слушали, что советовал изменник.

Кайнет развернул свое кресло. Джессика увидела слабый отблеск звезд на лучемете в его руке. Постепенно ее глаза привыкли – казалось, светлая внутренняя обшивка салона слабо флуоресцирует, – но покрытое шрамами лицо оставалось в тени. Джессика пошевелилась, чтобы попробовать ремни кресла, – оказалось, они затянуты не слишком туго. У правой руки она ощутила какую-то шероховатость – и поняла, что ремень разрезан почти до конца и лопнет от резкого рывка.

«Значит, кто-то подготовил орнитоптер для нас? – подумала она. – Но кто?»

Она медленно отодвинула свои связанные ноги от ног Пола.

– А ведь жаль так вот просто взять и прикончить такую красотку, – заметил Резаный. – У тебя, скажем, были когда-нибудь бабенки из высокородных? – Он повернулся к пилоту.

– Бене Гессерит вовсе не все из высокородных, – ответил тот.

– Но выглядят все сплошь как аристократки.

«Ему меня достаточно хорошо видно», – подумала Джессика. Она подтянула связанные ноги на сиденье и свернулась в клубочек изящно изломанных линий, посмотрела Резаному в глаза.

– Ну разве не хороша, а? – причмокнул Кайнет и облизнул губы. – Нет, как хочешь, а это прямое транжирство. – Он посмотрел на Циго.

– Ты думаешь о том, о чем, как я думаю, ты думаешь? – усмехнулся пилот.

– Так, а кто узнает? – сказал глухой. – Потом, после этого, конечно... – Он пожал плечами. – У меня аристократок еще не было. И вряд ли такой шансец еще когда выскочит. А?

– Только посмей коснуться моей матери, ты... – процедил Пол сквозь зубы, яростно глядя на Резаного.

– Ха! – загоготал пилот. – А щенок, оказывается, может гавкать! Ну, зато кусаться ему сейчас несподручно.

Джессика же подумала: Пол использовал слишком высокий тон. Но, может быть, это все же сработает. Дальше они летели в молчании.

«Несчастные глупцы, – думала Джессика, изучающе разглядывая стражников и припоминая слова барона. – Их убьют, едва только они доложат, что задание выполнено. Барону не нужны свидетели».

Орнитоптер накренился, выполняя поворот над южным гребнем Барьерной Стены, и Джессика увидела внизу бескрайние пески, освещенные луной.

– Хватит, пожалуй, – сказал пилот. – Изменник советовал оставить их где-нибудь на песке поблизости от Барьерной Стены, в любом месте. – Он направил машину по пологой

дуге вниз, к дюнам, остановил в воздухе над самой поверхностью песка.

Джессика увидела, что Пол начал ритмически дышать – опять успокаивающее упражнение. Он закрыл глаза и снова открыл. Джессика глядела на него – помочь ему она не могла. Он еще не полностью овладел искусством Голоса, и если ему не удастся...

Орнитоптер, мягко качнувшись, опустился на песок.

Джессика оглянулась назад, на север, где возвышалась Барьерная Стена, и увидела, как над ней мелькнули крылья.

«Кто-то летит следом за нами! – поняла она. – Но кто?.. – Мгновение спустя она поняла: – Конечно, это люди барона, которых он послал следить за этими двоими. И уж конечно, кто-нибудь следит и за шпионами!..»

Циго выключил роторы крыльев. Сразу же обрушилась тишина.

Джессика повернула голову. В окне за плечом Резаного она увидела тусклый свет встающей луны, стеклистые скалы, поднимающиеся из песка. Их испещрили проеденные песком борозды.

Пол откашлялся.

– Ну что, Кайнет, давай? – спросил пилот.

– Даже не знаю, Циго.

Циго повернулся:

– Да ты только взгляни!

Он потянулся к юбке Джессики.

– Вынь у нее кляп!

Джессика услышала, как прокатились в воздухе эти слова. Тон, тембр абсолютно правильны – резкие, повелительные. Может быть, тон мог быть чуточку ниже – но все равно должен был совпасть с психоспектром стражника.

Рука Циго дернулась к повязке на рту Джессики и потянула узел.

– Прекрати! – крикнул Кайнет.

– А, да заткнись ты, – отмахнулся Циго. – Руки-то у нее связаны. – Он развязал наконец узел, и повязка упала. Блестя глазами, он разглядывал Джессику.

Кайнет положил руку на плечо пилота:

– Слушай, Циго, незачем...

Джессика повернула голову, вытолкнула языком кляп. Она заговорила низким, глубоким голосом, в котором проскальзывали многообещающие нотки:

– Господа, вовсе незачем драться из-за меня!

Одновременно она плавно подвинулась в сторону Кайнета.

Стражники напряглись – Джессика увидела, что оба почувствовали необходимость именно драться за нее. Иных резонов для драки, собственно, и не требовалось. Они уже дрались, мысленно.

Она старалась держать лицо как можно выше, в слабом свете приборной доски – чтобы Кайнет мог читать по губам:

– Не нужно спорить.

Они еще дальше отодвинулись друг от друга, бросая осторожные взгляды.

– Стоит ли драки хоть одна женщина?

То, как она произнесла эти слова, – само ее присутствие! – окончательно убеждали в том, что уж кто-кто, а она-то, безусловно, стоит драки.

Пол сжал губы, заставил себя лежать молча. У него был только один шанс воспользоваться Голосом. Теперь все зависело от матери, чей опыт был настолько больше...

– Н-ну да, – пробормотал Резаный. – Вовсе незачем драться...

Его руки дернулись к горлу пилота. Но его удар наткнулся на сверкнувшую сталь, остановившую руку Кайнета и вонзившуюся в его грудь, завершая движение.

Резаный застонал и, пошатнувшись, упал, ударившись о дверцу кабины.

– За кого он меня держал, раз думал, что я не знаю такого трюка? – Циго выдернул из тела нож, сверкнувший в лунном свете.

– А теперь разберемся со щенком, – сказал он, склоняясь над Полом.

– Это лишнее, – пробормотала Джессика.

Циго остановился.

– Разве не лучше, чтобы я делала все добровольно? – спросила она, улыбаясь. – Дай мальчику шанс. Совсем маленький, какой может у него быть в Пустыне, там... Дай ему этот шанс, и... – она улыбнулась, – ты будешь очень хорошо вознагражден.

Циго посмотрел по сторонам, снова повернулся к Джессике.

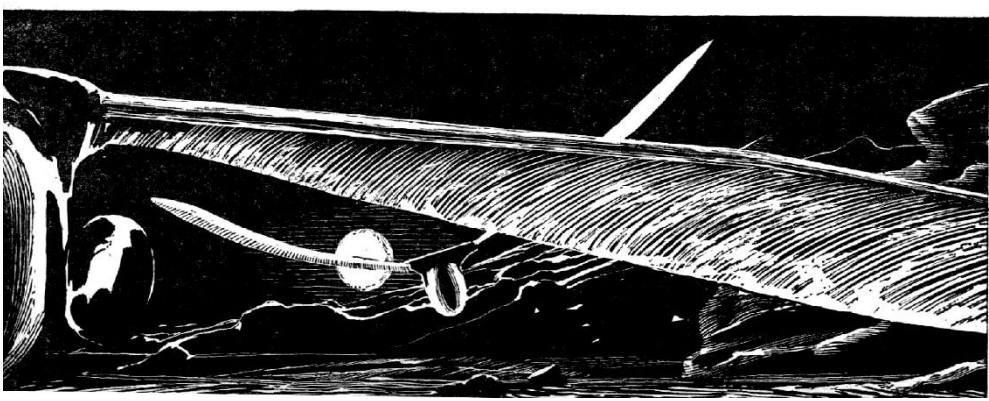
– Я слышал, что бывает с человеком в этой пустыне, – буркнул он. – Нож для мальчика – это почти что милость.

– Разве я прошу о многом? – умоляюще сказала Джессика.

– Ты меня хочешь обмануть, – пробормотал Циго.

– Я не хочу видеть смерть своего сына, – сказала Джессика. – Где же тут обман?

Циго просунулся назад, оперся локтем о ручку дверцы, схватил Пола и, протащив по сиденью, наполовину вытянул его из салона. Поднял нож.

– Ну, волчонок, что ты сделаешь, если я разрежу твои веревки?

– Он немедленно уйдет отсюда вон в те скалы, – ответила за сына Джессика.

– Ты это сделаешь, парень? – переспросил Циго. Голос Пола был в должной мере мрачным:

– Да.

Нож опустился, рассек путы на ногах. Пол почувствовал, как рука Циго легла ему на спину – вытолкнуть на песок, – притворился, будто его шатает, упал плечом на раму дверцы, развернулся – как будто для того, чтобы удержаться от падения, – и изо всех сил ударил правой ногой.

Движение носка ноги было нацелено с точностью, достойной всех лет его долгих тренировок. Словно все эти тренировки сосредоточились в единственном миге. В момент удара сработали почти все мышцы тела. Носок врезался в мягкое подреберье Циго, с ужасающей силой пробил печень, диафрагму и закончил движение, ударив и порвав правый желудочек сердца...

Издав захлебывающийся вскрик, стражник опрокинулся на сиденье. Пол не мог использовать руки – он упал на песок, перекатился через голову и вскочил на ноги, использовав импульс падения. Снова нырнул в кабину, схватил зубами нож и держал, пока мать перепиливала свои путы на руках. Затем она взяла у него нож и освободила его руки.

– Я могла бы справиться и сама, – сказала она. – Ему бы пришлось освободить меня. А это был неразумный риск.

– Я увидел шанс и воспользовался им, – ответил он.

Она услышала оставшиеся в его голосе нотки контроля, сказала:

– На потолке кабины нарисован родовой знак Юйэ.

Он поднял голову и тоже разглядел завитушку.

– Выйди из орнитоптера и осмотри его, – велела она. – Под сиденьем пилота что-то лежит, я почувствовала, когда нас вносили в машину.

– Бомба?

– Вряд ли. Тут что-то странное.

Пол выпрыгнул на песок, Джессика – за ним. Она повернулась, вытащила из-под сиденья сверток. При этом ноги Циго оказались у самого ее лица, а на свертке она ощутила влагу и поняла, что это – кровь пилота.

Напрасная потеря влаги, подосадовала она, поняв затем, что думает, как арракийка.

Пол огляделся вокруг, увидел скалу, поднимающуюся из песка, как берег из воды, изрезанные ветром каменные барьеры за этим «берегом». Оглянулся – мать достала из орнитоптера сверток и застыла, вглядываясь в сторону Барьерной Стены.

Проследив ее взгляд, он увидел еще один орнитоптер, спускающийся к ним по крутой дуге. Понял, что они просто не успеют выкинуть тела из машины и взлететь.

– Пол, беги! – крикнула Джессика. – Это Харконнены!

* * *

Арракис учит «пониманию ножа», учит относиться к жизни так: отрезать все несовершенное и незавершенное, говоря: «Вот теперь это совершенно и завершено – ибо кончается здесь».

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диба»

Человек в харконненском мундире, бежавший по коридору, резко остановился и уставился на Юйэ. Он сразу увидел и мертвое тело Мэйпс, и бесчувственное тело герцога, и неподвижно стоящего Юйэ. В правой руке человека был лучемет. Его окружала аура какой-то будничной жестокости, силы и странной спокойной уравновешенности, от которой по телу Юйэ прошла дрожь.

Да это же сардаукар, понял Юйэ. И, судя по виду, не менее чем башар. Скорее всего из личных гвардейцев Императора, присланных им для наблюдения за ходом событий. Он может надеть любую форму, но сардаукар есть сардаукар, этого не скроешь.

– Ты – Юйэ, – утвердительно сказал переодетый сардаукар. Он с любопытством рассматривал кольцо Суккской Школы, перехватившее волосы доктора, вытатуированный ромб на его лбу. Затем он посмотрел Юйэ в глаза.

– Да, я Юйэ, – признал доктор.

– Ты можешь быть теперь спокоен. Как только ты выключил силовые экраны, мы вошли внутрь. Мы полностью контролируем ситуацию. Это герцог?

– Да, это герцог.

– Он мертв?

– Только без сознания. Лучше вам его связать.

– Ты лечил и этих, прочих? – Он взглянул на тело Мэйпс.

– Увы, да... – пробормотал Юйэ.

– Увы?! – ухмыльнулся сардаукар. Он подошел, взглянул на Лето. – Так, стало быть, это и есть знаменитый Красный герцог?..

«Если бы я еще сомневался, кто он, – мелькнуло в голове у Юйэ, – эти слова рассеяли бы все сомнения. Только Император зовет Атрейдесов Красными герцогами».

Сардаукар нагнулся, срезал с мундира герцога эмблему с красным ястребом.

– Небольшой сувенир, – заявил он. – А где перстень с герцогской печатью?

– У него ее нет, – ответил Юйэ.

– Сам вижу! – рявкнул сардаукар. Юйэ напрягся, сглотнул.

«Если они нажмут на меня – допросят с помощью Правдовидицы, – они узнают все про кольцо... про подготовленный мною топтер... все пойдет прахом!»

– Герцог давал иногда свой перстень доверенному курьеру, в знак того, что приказ исходит от него самого, – осторожно соврал Юйэ.

– Видно, это были действительно очень доверенные курьеры, – пробормотал сардаукар себе под нос.

– Так вы его свяжете? – отважился напомнить Юйэ.

– А сколько он еще проваляется?

– Около двух часов. Я не мог так точно рассчитать его дозу, как сделал это для женщины и мальчика.

Сардаукар ткнул герцога ногой:

– Этого не стоило бояться, даже когда он был в сознании. А когда очнутся женщина и парень?

– Минут через десять.

– Так скоро?

– Мне сказали, что барон прибудет сразу вслед за своими людьми.

– Правильно сказали. А ты, Юйэ, подождешь снаружи. – Он холодно взглянул на Юйэ. – Ступай!

Юйэ взглянул на Лето:

– А как быть с...

– Его перевяжут хорошенько, как цыпленка для жаренья, и доставят к барону. – Сардаукар снова посмотрел на черный ромб на лбу доктора. – Тебя тут все узнают: ты будешь в

безопасности здесь. Ну все, предатель. Довольно болтать, у нас нет времени. Вон сюда уже идут наши.

«Предатель», – подумал Юйэ. Он опустил взгляд, прошел мимо сардаукара. Вот так история и запомнит его: Юйэ, предатель.

По дороге к выходу из дома он еще несколько раз натыкался на трупы и всякий раз останавливался, вглядываясь и боясь узнать Пола или Джессику. Но это все были солдаты в форме Дома Атрейдес или Харконнен.

Он вышел из парадных дверей в полыхающую пожаром ночь.

Харконненские охранники взяли оружие на изготовку, разглядывая Юйэ. Они зажгли пальмы вдоль дороги, чтобы осветить дом. Из оранжевых языков пламени поднимались черные клубы дыма от горючей жидкости, которой облили стволы пальм.

– А, да это предатель! – сказал кто-то.

– Барон скоро наверняка захочет полюбоваться на тебя, – бросил кто-то еще.

«Мне надо пойти к орнитоптеру, – думал Юйэ. – Я должен спрятать перстень с печатью там, где Пол найдет его».

Тут он испугался: Если Айдахо подозревает меня или если потеряет терпение – если он не дождется, если его не будет в нужном месте, Джессика и Пол погибнут. И не будет у меня даже малейшего утешения!»

Харконненский охранник отпустил его руку, велел:

– Поди встань вот там, подожди. Не путайся под ногами.

Юйэ вдруг увидел себя со стороны: вышвырнут, отброшен, стоит он посреди разрушения – ему не оставили ничего, и даже капли жалости нет для него.

Айдахо обязательно должен сделать все как надо, ему нельзя потерпеть неудачу!..

Еще один охранник налетел на него, рявкнул:

– С дороги, ты!..

«Даже выиграв с моей помощью, они презирают меня!» – подумал Юйэ. Его оттолкнули, он выпрямился, пытаясь сохранить хоть часть достоинства.

– Жди барона! – прорычал командир стражников.

Юйэ кивнул, побрел вдоль фасада с тщательно сыгранной ненарочитостью. Свернул за угол, куда не падал свет полыхающих пальм. Затем быстро – каждый шаг выдавал его волнение – он бросился на задний двор, где под блоком «влажной оранжереи» ждал орнитоптер. Его поставили туда, чтобы вывезти пленных Пола и его мать.

У распахнутых задних дверей дома дежурил охранник. Но он смотрел внутрь, в освещенный зал, где солдаты с грохотом переворачивали все вверх дном.

Как они уверены в себе!

Скрываясь в тенях, Юйэ обошел орнитоптер, осторожно открыл дверцу на противоположной от стражника стороне машины. Под передними сиденьями он нащупал спрятанный им там ранее фримпакет. Приоткрыл клапан упаковки, сунул внутрь герцогский перстень. Под его рукой прошуршал лист меланжевой бумаги – его записка; втиснул перстень в сложенный лист. Убрал руку, застегнул пакет.

Юйэ беззвучно прикрыл дверцу, подкрался обратно, к углу дома, и опять к главному входу, где пылали пальмы.

«Дело сделано», – подумал он.

Выйдя в свет горящих деревьев, запахнул плотнее плащ и уставился в огонь.

«Скоро я все узнаю. Скоро я увижу барона и все узнаю. А барон… на барона у меня есть зуб. Маленький зуб против барона…»

* * *

Существует легенда: в миг смерти герцога Лето Атрейдеса небеса над родовым его замком на Каладане прочертил метеор…

Принцесса Ирулан. «Введение в историю Муад'Диба для детей»

Барон Владимир Харконнен стоял у большого обзорного иллюминатора в рубке лихтера, где он устроил командный пост. За стеклом полыхала пожаром ночь над Арракином. Барон внимательно смотрел вдаль, где возвышалась Барьерная Стена. Там делало свое дело его секретное оружие.

Ствольная артиллерия.

Пушки били по пещерам, куда отошли люди герцога, чтобы принять последний бой. Размеренно вспыхивало рыжее пламя, и в этих коротких вспышках – столбы камня и песка. Верных герцогу солдат заживо хоронили там – им предстояло умереть от голода, словно пойманным в своей норе животным.

Барон явственно ощущал, как вздрагивает там, вдали, земля. Ритмическая дрожь передавалась ему сквозь металл корабля: брумм… брумм… Потом: БРУММ – брумм!

«Ну кто еще додумался бы вспомнить об артиллерии в наши дни силовых щитов? – мысленно усмехнулся он. – Но можно было догадаться, что они побегут в эти пещеры. Право, Император оценит сообразительность, с которой я сохранил жизни его и моих бойцов…»

Он подрегулировал один из небольших генераторов, поддерживавших его жирное тело. Его губы растянулись в улыбке, отчего многочисленные подбородки вздернулись.

«Жаль терять таких бойцов, как люди герцога, – подумал барон и улыбнулся еще шире, посмеиваясь над собой. – Но жалость должна быть жестокой!»

Он кивнул сам себе. Поражение по определению означает безвозвратные потери. Перед человеком, способным принимать правильные решения, лежала вся вселенная. А неуверенных в себе кроликов надо было найти и загнать в

норы – как иначе контролировать и разводить их? Барон представил себе своих солдат как пчел, атакующих кроликов.

«Медовым звоном гудит день, когда на тебя трудится довольно работящих пчел», – подумал он.

Позади открылась дверь. Барон рассмотрел отражение в темном стекле иллюминатора, прежде чем обернуться.

Вошел Питер де Вриз, за ним следовал Умман Куду. Начальник личной гвардии барона. За дверью суетились люди, виднелись бараньи лица стражников. В его присутствии они старательно напускали на себя такой тупой вид.

Барон обернулся.

Питер тронул указательным пальцем спадавшую на лоб прядь в обычном своем насмешливом салюте.

– Славные новости, милорд! Сардаукары доставили к нам герцога!

– Само собой, – отозвался барон своим гулким басом.

Он разглядывал мрачное, злодейское выражение на женоподобном лице своего ментата. И глаза – затененные щелочки сплошной синевы.

«Скоро мне придется отделаться от него, – подумал барон. – Он почти уже пережил свою полезность. Почти уже достиг момента, когда он станет опасен для меня. Однако прежде необходимо сделать так, чтобы народ Арракиса возненавидел его. Н-ну, а потом – потом они будут приветствовать моего Фейд-Рауту как своего спасителя».

Барон перевел взгляд на начальника своей гвардии – Уммана Куду. Острые скулы, подбородок словно туфля. Человек, которому барон мог доверять, ибо хорошо знал все его пороки.

– Прежде всего где изменник, выдавший мне герцога? – спросил барон. – Надо бы его наградить.

Питер изящно повернулся на носке, махнул стражнику снаружи.

Там задвигались темные силуэты. Вошел Юйэ. Его движения были скованны и вялы. Усы уныло свисали с красно-

лиловых губ. Лишь старые глаза выглядели живыми. Пройдя три шага, Юйэ по знаку Питера остановился, глядя через помещение на барона.

– А-ахх, вот и наш доктор Юйэ. Приветствую!

– Мое почтение, милорд барон...

– Мне сказали, вы все-таки подарили нам герцога.

– Я выполнил свою часть соглашения, милорд.

Барон взглянул на Питера. Тот кивнул. Барон вновь посмотрел на Юйэ.

– Стало быть, придерживаемся буквы договора, э? А я... – Он словно выплюнул: – Что я должен был сделать в ответ?

– Вы сами помните, что, милорд Харконнен.

Теперь Юйэ позволил себе думать. В его голове оглушительно отдавалось беззвучное тиканье часов. Он уже видел еле заметные знаки, выдававшие барона. Да, Уанна была мертва – и эти негодяи ничего не могли уже ей сделать. И это хорошо – иначе у них по-прежнему была бы узда для него. Поведение же барона указывало на то, что эта узда исчезла...

– Вы полагаете, я должен это помнить?

– Вы обещали освободить от страданий мою Уанну.

Барон покивал:

– Ах да. В самом деле. Теперь я вспомнил. Действительно, я обещал это. Собственно, именно так и удалось нам обойти имперское кондиционирование. Помнится, вы не могли вынести вида этой вашей бене-гессеритской ведьмы, корчащейся в болеусилителях Питера. Н-ну что же – барон Владимир Харконнен всегда держит свое слово. Я обещал, что избавлю ее от мучений и позволю тебе соединиться с ней. Да будет так! – Он махнул Питеру.

Синие глаза Питера остекленели. Его движение было совсем кошачьим – внезапным и плавным. Когтем сверкнул нож, вонзаясь в спину Юйэ.

Старик замер, вытянулся, не отрывая взгляда от лица барона.

– Вот ты и присоединишься к ней! – крикнул барон.

Юйэ стоял пошатываясь. Губы его шевельнулись; он говорил очень четко и словно бы нараспев:

– Ты… думал… ты… по… бе… дил… меня… Ты… ду… мал, я… не… знал, что́… я… купил… для… своей… Уанны.

Он упал. Не склонился, не обмяк, не осел. Упал, как падает срубленное дерево.

– Так присоединись к ней! – повторил барон. Но эти слова прозвучали как слабое эхо.

Слова и поведение Юйэ наполнили его дурными предчувствиями. Он резко переключил свое внимание на Питера, который как раз вытирал лезвие ножа куском ткани. Синие глаза светились удовлетворением.

«Вот, значит, как он убивает, когда делает это своими руками, – подумал барон. – Полезно знать такие вещи».

– Итак, он все-таки выдал нам герцога? – спросил барон.

– Да, милорд, разумеется, – ответил Питер.

– Ну так приведите его сюда!

Питер бросил взгляд на капитана гвардейцев – тот бросился выполнять приказ.

Барон опустил взгляд на тело Юйэ. Тело упало так, что казалось, оно не из костей и плоти, а из дуба.

– Никогда не верил предателям, – проговорил барон. – Даже и таким, которые превращены в предателей мной самим.

Он посмотрел в ночь за иллюминатором. Вся эта черная тишина снаружи принадлежала теперь ему, и он это знал. Артиллерия у Барьерной Стены уже замолчала: ставшие ловушками норы были завалены, пойманные звери обречены. Неожиданно барона поразила мысль, что он не может представить ничего прекраснее этой абсолютной черной пустоты. Если только не считать белого на черном. Серебристо-белого на черном. Молочно-белого, как изысканный фарфор.

Но неуверенность не оставляла его.

Что хотел сказать этот старый дурак доктор? Он скорее всего понимал, что его ждет. Но что он имел в виду, говоря о поражении? «Ты думал, что победил меня...»

Что он имел в виду?

Ввели герцога Лето Атрейдеса. Его руки были скованы цепью, орлиное лицо в грязи. На груди мундира зияла дыра – кто-то вырвал нашитый герб. С пояса тоже свисали оторванные лоскуты – поясной щит срывали, не расстегнув ремешки на мундире. С мясом. Безумные, остекленевшие глаза.

– Н-н-ну... – протянул барон. Он глубоко вдохнул и остановился в неуверенности. Понял, что заговорил слишком громко. Он так долго ждал этого мгновения – и вот оно утратило часть своей прелести!

Будь проклят чертов доктор – во веки веков!

– Я вижу, доброго нашего герцога накачали наркотиками, – заметил Питер. – Собственно, Юйэ так и поймал его – одурманил. – Питер повернулся к герцогу. – Это так, любезный герцог? Вы одурманены?

Голос шел откуда-то издалека. Лето чувствовал цепь на руках, ноющую боль в мышцах; чувствовал свои потрескавшиеся губы, горящие щеки, сухой вкус жажды во рту. Но звуки он слышал плохо – они доходили до него глухо, словно сквозь ватное одеяло. И он почти ничего не видел, только смутные тени.

– А что с мальчишкой? – спросил барон. – Есть новости?

Питер быстро облизнул губы.

– Ты что-то знаешь! – резко сказал барон. – Ну?

Питер посмотрел на начальника гвардейцев, снова на барона.

– Люди, которым дали — это поручение, милорд, они... э-э... их... э... нашли.

– И они доложили, что все в порядке?

– Они мертвы, мой барон.

– Естественно! Но я спрашиваю...

– Их нашли мертвыми, милорд.

Лицо барона потемнело.

– А женщина и мальчишка?

– Никаких следов, милорд. Но там успел побывать песчаный червь – как раз, когда происходил осмотр места происшествия... Быть может, все произошло именно так, как мы и хотели, – несчастный случай... вполне вероятно...

– Вероятности меня не устраивают, Питер. Ну а что насчет пропавшего топтера? Может ли это обстоятельство навести моего ментата на какие-нибудь мысли?

– В нем, несомненно, бежал кто-то из людей герцога. Убил нашего пилота и бежал.

– И кто же именно из людей герцога?

– Пилота убили очень чисто и тихо, милорд. Возможно, Хават. Или Халлек. Может быть, Айдахо. Или любой из других главных приближенных...

– Возможно, вероятно, может быть... – пробормотал барон и перевел взгляд на пошатывающегося, одурманенного герцога.

– Но мы владеем положением, милорд, – сказал Питер.

– Владеем?! А где тогда этот планетолог? Кинес?

– По крайней мере нам известно, где его искать. За ним уже послали наших людей, милорд.

– Не нравится мне что-то, как помогает нам этот слуга Императора, – пробормотал барон.

Ватное одеяло все еще окутывало герцога, глушило слова разговора. Но некоторые из этих слов прорывались в мозг герцога и словно вспыхивали там. «Женщина и мальчишка... никаких следов». Значит, Пол и Джессика спаслись! А участь Хавата, Халлека и Айдахо оставалась пока неизвестной. Значит, надежда еще есть...

– А где перстень с герцогской печатью? – требовательно спросил барон. – У него на пальце его нет!

– Сардаукар сказал, что герцог был без кольца, когда его взяли, милорд, – доложил капитан стражи.

– Поторопился ты убить доктора, – пробурчал барон. – Это была ошибка. Ты должен был доложить мне об этом,

Питер. А ты действовал слишком поспешно, и это может повредить нашему делу. «Вероятности!..» – передразнил он.

В мозгу герцога билась одна мысль: Пол и Джессика спаслись!.. И что-то еще. Да.

Сделка. Он почти... почти вспомнил...

Зуб!

Теперь он точно вспомнил часть этой сделки: капсула ядовитого газа, скрытая в искусственном зубе.

Кто-то велел ему помнить про зуб. Зуб... зуб был у него во рту. Он ощупал его языком. Все, что он должен сделать, – сильно надавить на него другим зубом...

Но еще рано!

Этот «кто-то» велел ждать, пока он не окажется совсем рядом с бароном. Но – кто?.. Он не мог вспомнить.

– Долго он еще будет в таком состоянии? – осведомился барон.

– Возможно, еще час, милорд.

– «Возможно», – передразнил барон и вновь отвернулся к темноте за стеклом. – Ладно. Я проголодался.

«Это барон, – думал Лето, – вот эта расплывчатая серая тень». Тень двигалась вперед и назад, качалась вместе с комнатой, которая сжималась и расширялась, становилась то светлее, то темнее, окутывалась мраком, и вновь свет заливал ее.

Время стало для герцога каким-то слоистым. Он всплывал через эти слои...

«Я должен подождать».

Стол. Тут стоял стол – его Лето видел отчетливо. И огромный, жирный человек на дальнем конце стола. И остатки трапезы перед ним. А сам Лето, оказывается, сидел напротив. Он ощутил кресло, цепи, ремни, привязывавшие к креслу его гудящее, онемевшее тело. Он понял, что прошло сколько-то времени – но сколько?

– Похоже, он приходит в себя, мой барон.

Шелковый голос. Это Питер.

– Вижу, Питер.

Гулкий бас. А это барон.

Окружающее постепенно приобретало четкие формы. Кресло под ним стало более жестким. Туже стали ремни.

Теперь он и барона видел достаточно четко. Лето следил за движениями его рук: барон все время что-то трогал, ощупывал – край тарелки, ручку ложки, жирный палец скользил по складкам подбородка...

Лето следил за движущейся рукой как зачарованный.

– Сейчас вы можете слышать меня, герцог Лето, – обратился к нему барон. – Я знаю, что можете. Так вот. Мы хотим узнать у вас – где ваша наложница и прижитый с нею ребенок?

Лето не пропускал ничего в его словах; но слова барона были для него огромным облегчением. Значит, это правда – им не удалось схватить Пола и Джессику.

– Мы не в игрушки играем! – пророкотал барон. – Вам лучше понять это.

Он склонился к Лето, изучая его лицо. Ах, как жаль, что нельзя решить дело с глазу на глаз, между ними двоими. То,

что кто-то еще видел человека королевской крови в таком положении, создавало дурной прецедент.

Лето чувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы. И, словно башня на равнине, стояла перед его внутренним взором вернувшаяся память о зубе. Внутри – капсула с ядовитым газом, выполненная в форме нерва… Он вспомнил, кто поместил это смертоносное оружие в его рот.

Юйэ.

Он смутно вспомнил виденное в наркотическом дурмане – мимо него тогда проволокли тело… Теперь он знал, что это был Юйэ.

– Слышите этот звук, герцог Лето? – спросил барон.

Лето только теперь осознал, что слышит странный захлебывающийся звук – кто-то кричал от невыносимой боли.

– Мы, видите ли, поймали одного из ваших людей, одетого под фримена, – объяснил барон. – Разгадать его было совсем просто: глаза, вы же сами знаете. Он утверждает, что якобы был послан к фрименам, чтобы шпионить за ними… но я достаточно долго прожил на этой планете, любезный кузэн. За этими пустынными оборванцами не шпионят, это чушь. Скажите мне – вам удалось купить их помощь? Вы отослали свою женщину и сына к ним?

Лето почувствовал, как страх сжимает его грудь. Если Юйэ послал их к людям Пустыни… их будут искать, пока не найдут.

– Ну-ну, – добродушно прогудел барон. – У нас мало времени – и до боли дойдет скоро. Прошу, любезный мой герцог, не доводите нас до этого. – Барон многозначительно посмотрел на стоявшего возле Лето Питера. – У Питера, конечно, здесь нет с собой всех необходимых инструментов – его арсенал остался дома… но я уверен, он сумеет что-нибудь сымпровизировать.

– Иногда импровизация работает всего лучше, мой барон.

Вкрадчивый, шелковый голос. Он звучал над самым ухом герцога.

– У вас, как я понимаю, был аварийный план, – сказал барон. – Так куда вы отослали женщину с мальчиком? – Он взглянул на руку Лето. – На вас нет кольца. Оно у мальчика?

Барон поднял взгляд от руки герцога к его глазам.

– Не хотите отвечать... – проговорил барон. – Зачем заставлять меня делать то, что мне делать не хотелось бы? Ведь Питер применит простые и прямые методы. Не могу не признать, что порой они действительно являются наиболее эффективными – но мне не нравится, что подобные методы придется применить к вам.

– Например, кипящее масло на спину. Или на веки, – предложил Питер. – Или на другие части тела. И особенно хорошо действует, когда объект не знает, куда попадет масло в следующий миг. Хороший метод, и есть некая своеобразная красота в узоре белых пузырей на обнаженной коже... не правда ли, барон?

– Это изысканное зрелище, – согласился барон, но голос его звучал очень кисло.

Эти щупающие пальцы!.. Лето глядел на жирные пальцы, на кольца и перстни, унизывающие пухлые, как у младенца, руки, ни на миг не прекращающие двигаться.

Крик боли, доносящийся сквозь дверь за спиной герцога, терзал его нервы. Кого они схватили, думал герцог. Неужели Айдахо?

– Поверьте, любезный кузэн, – повторил барон, – я бы не хотел доводить дело до этого.

– Представьте только, как нервные сигналы спешат-торопятся за помощью, которая не может прийти! – сказал Питер. – В этом есть своя прелесть, это просто художественно!

– Да, Питер, ты у нас настоящий художник, – прорычал барон. – А теперь, сделай милость, помолчи!

Лето вспомнил вдруг, как Гурни Халлек как-то при виде изображения барона процитировал: «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена богохульные».

– Мы напрасно теряем время, мой барон, – вмешался Питер.

– Возможно. – Барон кивнул. – Вы же сами понимаете, дорогой Лето, в конце концов вы скажете нам, где они. Какой-то уровень боли сломит вас. Я куплю вас болью.

«Скорее всего он прав, – подумал Лето. – Если бы не зуб... и то, что я просто не знаю, где они».

Барон подцепил ломтик мяса, сунул в рот, медленно прожевал и проглотил. Надо попробовать по-другому, подумал он.

– Полюбуйся-ка на этого святого, Питер. Он думает, что его нельзя купить.

При этом барон подумал: «Да! Смотри на него – считающего себя неподкупным. Смотри, как держат его миллионы акций – миллионы долей себя самого, продававшихся каждую секунду его жизни! Возьми его сейчас и потряси – он загремит, как пустая жестянка. Пуст! Распродан подчистую! Так какая разница – как он умрет теперь?..»

Крик за стеной смолк.

Барон увидел Уммана Куду. Капитан стражи появился в дверях и покачал головой. Пленник так и не дал нужной информации. Еще одна неудача!.. Всё. Хватит тянуть с этим дураком герцогом – с этим глупцом, не понимающим, какой ад может обрушиться на него – ад, находящийся на бесконечно малом от него расстоянии. Малом, как толщина нерва.

Эта мысль успокоила барона, поборола его нежелание подвергать пыткам особу королевской крови. Сейчас он представлял себя хирургом, делающим бесчисленные разрезы ножницами – он срезал маски с дураков, открывая спрятанный ад.

Все, все они кролики! И все пытаются спрятаться, завидев хищника.

Лето смотрел через стол и сам не понимал, чего ждет. Зуб быстро покончил бы со всем этим. Но... в общем, почти вся эта жизнь была хороша. Он обнаружил, что вспоминает

змея, реющего в перламутрово-голубом каладанском небе, Пола, радостно смеющегося при виде этого змея. И восход здесь, на Арракисе, – ярко окрашенные гряды Барьерной Стены за пыльным маревом...

– Скверно... – пробормотал барон. Он оттолкнулся от стола, легко поднялся – помогали поддерживавшие его тушу силовые генераторы – и заколебался на миг, заметив странную перемену в герцоге. Тот глубоко вдохнул, его челюсть напряглась, на ней вздулся бугорок мускула – так сильно Лето стиснул зубы.

«Как он боится меня!» – подумал барон.

А Лето, испугавшись, что барон может уйти от него, изо всех сил надавил на зуб-капсулу. Почувствовав, как он лопнул, открыл рот и резко выдохнул острощиплющий парок, вкус которого уже наполнил его рот. Барон вдруг уменьшился, стал удаляться – словно сужающийся тоннель раздел его и герцога. Над ухом Лето кто-то охнул. Тот самый «шелковый» голос. Питер. Значит, и ему досталось!

– Питер! В чем дело?

Рокочущий бас был где-то очень далеко.

В мозгу Лето опять шевельнулись воспоминания. Словно беззубый шепот старых ведьм. Комната, стол, барон, пара полных ужаса сплошь синих глаз – все смешалось вокруг, сжалось...

Там был еще человек с туфлеобразным подбородком – падающий игрушечный человечек. У него был сломанный, свернутый влево нос – словно маятник, отклонившись в сторону, застыл навсегда.

Лето услышал далекий грохот бьющегося фарфора. Далекий раскатистый бас. Сейчас его сознание было подобно бездонному сосуду, вобравшему все, что было когда-то: каждый крик... каждый шепот... каждое... молчание...

Последняя мысль... Лето увидел ее как бесформенное светлое пятно в лучах тьмы: «День, когда плоть обретает форму, и плоть, когда день обретает форму». Эта мысль

поразила его ощущением необыкновенной полноты – чувство, которое, он знал, невозможно объяснить.

И наступила тишина.

Барон стоял, прижавшись спиной к потайной двери – двери своего личного тайного выхода, устроенного позади стола. Он захлопнул ее, выскочив из полной трупов каюты. Кажется, вокруг суетилась охрана... «Неужели и я вдохнул это? – спросил он себя. – Что бы это ни было – неужели Лето достал и меня?!»

Постепенно он снова стал слышать звуки... и смог соображать. Кто-то кричал, приказывал... противогазы... дверь не открывать... включить вентиляцию на максимум...

«Все остальные упали почти сразу. А я еще на ногах! Я еще дышу! Ад побери... еще немного – и...»

Теперь он мог трезво оценить происшедшее. Его щит был включен – на малую мощность, но вполне достаточно, чтобы замедлить молекулярный обмен на границе силового поля. Кроме того, он уже вставал и оттолкнулся от стола... и еще – вскрик Питера, на который вбежал капитан стражи, прямо навстречу собственной гибели.

Случай да предупреждение, прозвучавшее во вскрике умирающего человека, – вот что его спасло.

Барон, разумеется, не чувствовал никакой благодарности к Питеру. Глупец сам виноват в своей гибели. И этот дурак капитан!.. Утверждал, что сканировал каждого, кого приводили к барону. Как же сумел этот герцог?.. Никакого предупреждения! Даже ядоискатель над столом не сработал, пока не стало поздно... Как?

«Впрочем, теперь уже это не важно, – подумал барон. Он уже вновь обрел уверенность в себе. – Просто следующий капитан стражи начнет с ответа на этот вопрос».

Он заметил, что суета усилилась, особенно за углом коридора, у второй двери в эту комнату смерти. Барон оторвался от своей двери, оглядел слуг вокруг. Они молча смотрели – ждали, что будет делать хозяин. Гневается ли? И как?..

Тут барон понял, что лишь несколько секунд прошло с того момента, как он выбежал из страшной комнаты.

Несколько стражников стояли, наведя оружие на дверь. Другие повернулись в сторону пустого зала, на звуки из-за угла справа от них.

Оттуда, из-за угла, быстро вышел, почти выбежал человек с противогазом, болтающимся на шее на завязках. Он внимательно смотрел на каждый ядоискатель – они висели под потолком вдоль коридора. Желтоволосый, плосколицый, с зелеными глазами, жесткими, резко очерченными линиями по сторонам толстогубого рта. Он походил на какое-то водное животное, по ошибке помещенное на сушу.

Барон, разглядев его, вспомнил и имя подошедшего: Нефуд. Йакин Нефуд. Капрал стражи. У него было пристрастие к семуте, комбинации наркотика и музыки, звучавшей в самых глубинах сознания. Такие вещи о людях всегда полезно знать.

Стражник остановился перед бароном, отдал честь.

– В коридоре все чисто, милорд. Я видел все снаружи и понял, что это какой-то ядовитый газ. Вентиляторы подавали воздух в вашу комнату из этих коридоров… – Он бросил взгляд на ядоискатель над головой барона. – Люди все на месте, никто не пытался скрыться. Мы сейчас дегазируем комнату. Какие будут приказания?

Барон узнал и голос – это он выкрикивал приказания. А этот капрал молодец, дело свое знает!

– Там, внутри, все мертвы? – спросил он.

– Да, милорд.

«Придется приспосабливаться», – подумал барон.

– Прежде всего – мои поздравления, Нефуд. С этого момента ты – капитан моей гвардии. И, надеюсь, ты извлечешь хороший урок из судьбы своего предшественника.

Барон наблюдал за изменяющимся выражением лица стражника, получившего неожиданное повышение. Нефуд знал, что теперь у него не будет недостатка в его семуте. Он кивнул:

– Милорд знает, что я всецело предан заботе о его безопасности.

– Знаю. Ну, к делу. Я думаю, у герцога что-то было во рту. Так вот ты узнаешь, что это было, как сработало, кто помог ему вооружиться подобным образом. И примешь все меры к тому, чтобы...

Он замолчал. Его мысль прервало какое-то смятение в коридоре, за спиной. Стража у дверей лифта на нижних ярусах фрегата пыталась задержать высокого полковника-башара, только что вышедшего из лифта.

Барон не мог вспомнить лицо башара. Узкое лицо, рот – точно разрез бритвой, глаза – два черных, как тушь, пятна.

– Руки прочь, стервятники, трупоеды! – прорычал башар, отбрасывая с дороги охрану.

«А, сардаукар...» – подумал барон.

Полковник-башар уверенно подошел к барону, выжидающе прищурившему глаза. Офицеры Корпуса сардаукаров стесняли его – все они казались ему родственниками герцога... покойного герцога. И как они позволяли себе говорить с бароном!..

Полковник-башар встал в полушаге от барона, упер руки в бедра. Охранники неуверенно крутились позади.

Барон заметил и то, что офицер не салютовал ему, и презрительное выражение на лице – и его неуверенность возросла. На планете был лишь один легион сардаукаров – десять бригад; но барон не обманывал себя. Этот легион вполне мог, повернув оружие против сил Харконненов, разгромить их.

– Скажите своим мальчикам, чтобы они не пытались мешать мне видеться с вами, барон, – прорычал он. – Мои парни привели к вам герцога Атрейдеса – прежде, чем мы с вами могли решить его судьбу. Мы обсудим ее сейчас!

«Я не могу потерять лицо перед своими людьми», – подумал барон.

– Так что же? – Барону удалось произнести эти слова холодно и спокойно, и он почувствовал гордость.

– Мой Император повелел мне проследить, чтобы его царственный родич умер без мучений, чисто и быстро, – объявил полковник-башар.

– Таков же был и приказ Его Величества мне, – солгал барон. – Вы же не думаете, что я могу ослушаться своего Императора?

– Я должен доложить моему Императору лишь то, что видел собственными глазами, – ответил сардаукар.

– Герцог уже мертв, – отрезал барон и махнул рукой, давая офицеру понять, что тот может идти.

Но полковник-башар не сдвинулся с места – стоял, глядя барону в лицо. Ни малейшее движение мускула или глаза не показывало, что он понял, что его отсылают.

– Как он умер? – резко спросил он.

«Это уже чересчур!» – подумал барон.

– От собственной руки, если вам так уж необходимо это знать, – огрызнулся барон. – Он принял яд.

– Я должен увидеть тело, – заявил полковник-башар. – И немедленно.

В притворном негодовании барон поднял глаза к потолку. Тем временем он лихорадочно обдумывал создавшееся положение.

Проклятие! Этот глазастый сардаукар увидит комнату прежде, чем удастся убрать следы происшедшего!..

Помешать этому было нельзя, понял барон. Сардаукар увидит все. Поймет, что герцогу удалось убить людей барона... что сам барон уцелел, судя по всему, чисто случайно. Остатки ужина на столе, мертвый герцог напротив, смерть и разрушение вокруг говорили слишком о многом.

И помешать этому нельзя!

– И задержать меня не удастся! – рявкнул полковник-башар.

– Никто вас и не задерживает, – ответил барон, глядя в обсидиановые глаза сардаукара. – Я ничего не скрываю от своего Императора. – Он кивнул Нефуду. – Покажи

полковнику-башару все, сейчас же. Проведи его в дверь, у которой ты стоял, Нефуд.

– Прошу вас сюда, сэр, – показал Нефуд.

Медленно, высокомерно сардаукар обошел барона, плечом вперед прошел сквозь толпу охранников.

«Невыносимо, – думал барон. – Теперь Император узнает о моем промахе! И поймет его как признак моей слабости!..»

Ужасно было понимать, что Император и его сардаукары одинаково презирали слабость. Барон прикусил губу, пытаясь утешить себя воспоминанием о том, что по крайней мере Император ничего не узнал о налете Атрейдесов на Гьеди Прайм и уничтожении харконненских складов с Пряностью.

Будь проклят этот скользкий герцог!

Барон глядел в спину уходящим – заносчивому надменному сардаукару и коренастому Нефуду, оказавшемуся таким полезным человеком.

«Надо приспосабливаться к обстоятельствам, – думал барон. – Придется опять поставить над этой чертовой планетой Раббана. И ничем его не ограничивать. Арракис должен быть готов принять моего Фейд-Рауту. Дьявол побери мерзавца Питера – дал себя убить прежде, чем я использовал его до конца!»

Барон вздохнул.

И надо будет, не откладывая, послать на Тлейлакс за новым ментатом. Уж, конечно, они уже подготовили его для меня!

Стражник рядом с ним кашлянул. Барон повернулся к нему:

– Я проголодался.

– Слушаю, милорд.

– И я хочу отвлечься, пока вы чистите комнату и выясняете все детали случившегося, – прогудел барон.

Стражник опустил глаза:

– Чем желал бы отвлечься милорд?

– Я буду в опочивальне, – сказал барон. – Так вот, пришли туда этого мальчишку, которого мы купили на Гамонте – ну

того, с очаровательными глазами. И вот что, дайте ему наркотик. У меня нет настроения бороться...

– Слушаю, милорд...

Барон развернулся и пошел своей подпрыгивающей походкой, вызванной поддерживавшим его тушу полем подвески, в сторону своих апартаментов. «Да, – думал он, – того парнишку с очаровательными глазами. Парнишку, так похожего на юного Пола Атрейдеса».

* * *

О моря Каладана!
О люди герцога Лето!
Пала его твердыня,
Пала навеки…
Из сборника «Песни Муад'Диба», сост. принцесса Ирулан

Полу казалось, что все его прошлое, все, что он испытал в жизни, обратилось в песок, клубящийся в песочных часах. Он сидел, обняв колени, подле матери, внутри крохотной палатки из ткани и пластика – дистителта, который нашелся вместе с фрименскими одеяниями (Пол и Джессика уже облачились в них) в спрятанной в топтере сумке.

Пол нисколько не сомневался в том, кто положил ранец под сиденье, кто направил машину с ними именно сюда.

Юйэ.

Доктор-предатель отправил их прямо в руки Дункана Айдахо.

Пол сидел, глядя сквозь прозрачную стенку в торце дистителта на освещенные луной скалы, окружавшие убежище, где их спрятал Айдахо.

«Прячусь, как ребенок – а ведь я теперь герцог!» – подумал Пол. Эта мысль раздражала – но от того, что они поступают лишь разумно, деться было некуда.

С его восприятием за ночь случилось нечто странное. Теперь он обостренно-ясно видел все происходящее вокруг

него, все случившееся с ним. И чувствовал, что не в силах остановить поток вливающейся в него информации, не в силах избавиться от той ледяной точности, с которой добавлялась каждая новая деталь к его знанию. Вся способность к расчету сосредоточилась в его обостренном восприятии. Это были способности ментата – и гораздо больше.

Пол вспомнил мгновения бессильной ярости, охватившей его, когда неизвестный орнитоптер вынырнул из тьмы и пошел на них, падая стремительно, как гигантский коршун, и ветер выл в его крыльях. В этот миг что-то случилось с разумом Пола. Орнитоптер скользнул на крыло, развернулся, пролетел над песчаным гребнем к бегущим фигурам – к матери и к нему самому, сел. Пол вспомнил запах горелой серы от скользнувших по песку обожженных трением полозьев, донесенный до них ветерком.

Мать повернулась, готовая принять разряд лучемета от харконненского наемника, – и увидела Дункана Айдахо. Тот распахнул дверцу машины, высунулся наружу и закричал:

– Скорее! След червя к югу!..

Но Пол, поворачиваясь, уже знал, кто пилотирует топтер. Мельчайшие детали – стиль полета, резкое приземление – детали столь неприметные, что даже мать их не разглядела, – эти детали точно сказали Полу, кто сидел в пилотском кресле.

В противоположном конце палатки шевельнулась Джессика, задумчиво проговорила:

– Я вижу лишь одно возможное объяснение. Харконнены держали заложницей жену Юйэ. Он ненавидел Харконненов! Я не могла ошибиться в этом. Да ты и сам прочел записку. Но почему он спас нас?

«Она поняла это только сейчас... и как плохо, как мало поняла!» – подумал Пол. Эта мысль была для него потрясением. Сам-то он понял это как нечто очевидное, уже читая записку, приложенную к герцогскому перстню с печатью.

«Не пытайтесь простить меня, – писал Юйэ. – Я не хочу вашего прощения. И без него тяжело мое бремя. Сделанное

мною – сделано без злобы, но и без надежды быть понятым. Это – мой тахадди-аль-бурхан, величайшее мое испытание. Посылаю вам герцогскую печать Атрейдесов в знак того, что написанное мною истинно. Когда вы будете читать эти строки, герцога Лето уже не будет в живых. Утешьтесь тем, что он, обещаю, умрет не один: тот, кого и вы и я ненавидим более всех на свете, умрет вместе с ним».

Ни обращения к адресату, ни подписи. Но они хорошо знали этот почерк – почерк Юйэ.

Вспомнив письмо, Пол вновь ощутил и горечь того момента. Нечто болезненно-чужое, происходящее вне его нового, пробужденного сознания. Он прочел о гибели отца, понял, что это правда, – но воспринял это лишь как новую информацию, которую следовало внести в память, а затем использовать.

«Я любил отца, – подумал Пол и понял, что это действительно так. – Я должен чувствовать скорбь. Я должен хоть что-то чувствовать!..»

Но все, что он чувствовал, было лишь понимание: это – важная информация.

Да, всего лишь факт, важный, но такой же, как и многие другие.

Все время его разум продолжал отстраненно накапливать впечатления, ощущения, рассчитывать и экстраполировать данные.

Полу вспомнились слова Халлека: «Настроение – это для животных или в любви... А сражаешься ты, когда возникает необходимость, а не по настроению».

«Вот, наверное, в чем дело, – подумал Пол. – Отца оплакивать я буду позже... когда будет для этого время».

Но он не чувствовал, чтобы холодная отчетливость его разума прервалась хоть на миг. Эта новая отчетливость была лишь началом, ощущал он, – и она росла. Его охватило чувство ужасного предназначения, впервые испытанное во время встречи с Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам. Во время испытания гом джаббаром. Правая рука –

рука, все еще помнившая ту боль, – заныла, он ощутил, как ее покалывает и дергает...

«Интересно, каково быть этим их Квисатц Хадерахом?» — подумал он.

– Я подумала было, что Хават опять проглядел и Юйэ вовсе не был Суккским доктором, – задумчиво проговорила Джессика.

– Он был тем, кем мы его считали, – ответил Пол, подумал: «Почему она так медленно осознает такие простые вещи?» Вслух же он сказал: – Если Айдахо не доберется до Кинеса, мы...

– Он – не единственная наша надежда, – перебила Джессика.

– Я хотел сказать не о том.

Она услышала в его голосе стальные, повелительные нотки и удивленно взглянула сквозь сумрак палатки на сына. Темный силуэт на фоне посеребренных луною скал, видневшихся сквозь прозрачную торцевую стенку диститента.

– Наверняка спасся еще кто-то из людей твоего отца, – сказала она. – Мы должны их собрать, найти...

– Нам придется рассчитывать только на себя, – жестко сказал Пол. – И наша первая забота – это фамильный ядерный арсенал. Мы должны получить его прежде, чем до него доберутся Харконнены.

– Вряд ли им удастся найти наше ядерное оружие, – возразила Джессика. – Вспомни, как оно спрятано!

– Мы не можем рисковать.

Она подумала: «Он рассчитывал угрожать планете и запасам Пряности фамильным атомным оружием. Шантаж – вот что у него на уме! Но если он решится... все, на что он сможет рассчитывать, – это бегство, отступничество, жизнь без имени...»

Слова матери вызвали у Пола мысль о людях, погибших в эту ночь. Это была уже мысль герцога. «Люди – вот истинная сила Великих Домов», – подумал Пол и вспомнил слова

Хавата: «Грустно расставаться с людьми, а место – это всего лишь место».

– За них сардаукары, – сказала Джессика. – Придется ждать, пока сардаукары не уйдут.

– Они думают, что поймали нас между Пустыней и сардаукарами, – ответил Пол. – Они хотят, чтобы не осталось никого из Дома Атрейдес. Тотальное уничтожение – вот их цель. Так что не стоит рассчитывать на то, что кто-то из наших спасется.

– Не могут же они бесконечно рисковать раскрыть роль Императора в случившемся!

– Разве?

– Но ведь хоть кто-то из наших людей спасется, и...

– Ты веришь, что кто-то может спастись?

Джессика отвернулась, испуганная горькой силой в голосе сына. В нем звучала точнейшая оценка шансов. Она почувствовала, что разум сына неожиданно сделал скачок и был теперь гораздо мощнее ее разума; теперь Пол в некоторых отношениях видел много больше, чем она. Джессика сама участвовала в формировании этого разума – но теперь вдруг ощутила страх перед ним. Она подумала о герцоге, о своем потерянном прибежище – и слезы обожгли ее глаза.

«Такова судьба, Лето, – подумала она. – Сказано: «Время любить и время скорбеть...» — Она положила руку на свой живот, сконцентрировала внимание на эмбрионе. – Вот во мне дочь Атрейдеса – та, которую мне было велено произвести на свет. Но Преподобная ошибалась: дочь не спасла бы моего Лето. Это дитя – всего лишь жизнь, которая среди смерти и разрушения тянется к будущему. И я зачала его, послушная инстинкту, а не приказу!..»

– Попробуй еще раз приемник на частотах коммуникационной сети, – предложил Пол.

«Разум работает, как бы ни хотели мы сдержать его», – подумала она.

Джессика достала маленький приемник, который оставил им Айдахо, щелкнула выключателем. Загорелся

зеленый огонек, из динамика раздался жестяной скрежет помех. Джессика уменьшила громкость, принялась шарить по частотам. Послышался голос – кто-то говорил на боевом языке Дома Атрейдес:

– ... назад и перегруппировались у обрыва. Федор сообщил, что в Карфаге не спасся никто, а Гильд-Банк разграблен.

«Карфаг! – подумала Джессика. – Харконненское гнездо...»

– Это сардаукары, – продолжал голос. – Осторожно – остерегайся сардаукаров в форме Атрейдесов. Они...

Рев перекрыл его слова. Затем настала тишина.

– Попробуй другие частоты, – сказал Пол.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросила Джессика.

– Я ожидал этого, – спокойно сказал Пол. – Они хотят, чтобы Гильдия обвинила в разрушении банка именно нас. А если против нас Гильдия – мы пойманы на Арракисе и не сможем покинуть его. Попробуй другие частоты.

Она взвесила его слова: «Я ожидал этого». Что с ним случилось?.. Помедлив, Джессика вновь занялась приемником. Она вращала ручку настройки, время от времени выхватывая из эфира обрывки, говорящие о происходящей битве. Голоса выкрикивали на боевом языке Дома Атрейдес: «Отступаем!..», «Попробуй перегруппироваться на...», «Заперты в пещере у...». И нельзя было ошибиться, слыша возбуждение победы в харконненской тарабарщине, звучавшей на других частотах. Резкие команды, боевые рапорты. Этого было недостаточно для Джессики, чтобы опознать и понять язык – но тон был ясен.

Харконнены победили.

Пол потряс сумку, прислушиваясь к плеску воды в двух литраках. Он глубоко вздохнул и сквозь прозрачную стенку палатки посмотрел на очертания скал, выделявшиеся на фоне усыпанного звездами неба. Левой рукой пощупал сфинктерный клапан, служивший входом в палатку.

– Скоро рассвет, – произнес он. – Мы можем ждать Айдахо еще день. Но не ночь. Вторую ночь мы тратить не можем. В Пустыне ходят ночью, а днем укрываются в тени.

Человеку без дистикомба, сидящему в тени, в Пустыне необходимо в день пять литров воды для сохранения веса тела, вспомнила Джессика. Она вдруг по-новому ощутила прильнувшую к коже гладкую мягкую ткань дистикомба. Теперь их жизни зависели от этой одежды.

– Если мы уйдем отсюда, Айдахо нас не найдет, – сказала она.

– Есть способы заставить говорить любого человека, – ответил Пол. – Если Айдахо не вернется к рассвету, придется учесть возможность того, что его схватили. Сколько, по-твоему, сможет он продержаться на допросе?..

Вопрос был, конечно, риторический, и она не ответила.

Пол поднял крышку сумки, достал руководство – микрокнигу, снабженную самосветящейся полоской для чтения в темноте и лупой. Зеленые и оранжевые буквы: литраки, дисititент, энергокапсюли, запасные катетеры, шноркель, бинокль, рempакет к дистикомбу, краскомет, карта укрытий, носовые фильтры, паракомпас, крюки Подателя, манки, «столб огня» ...

Сколько всего нужно, чтобы выжить в Пустыне!..

Наконец он отложил руководство в сторону, на пол палатки.

– Но куда нам идти? – спросила Джессика.

– Отец говорил как-то о мощи Пустыни, – задумчиво сказал Пол. – Без нее Харконненам не править этой планетой. Они и не правили ею никогда, и никогда не будут. Не будут – даже если в их распоряжении окажется десять тысяч легионов сардаукаров.

– Пол, не думаешь же ты, что...

– У нас достаточно тому доказательств, – покачал головой Пол. – Прямо здесь, в палатке. Сама она, затем эта укладка и ее содержимое, наконец, дистикомбы. Нам известно, что Гильдия требует немыслимую цену за вывод на

орбиту метеоспутников – цену, практически исключающую их покупку. Нам известно, что...

– При чем здесь метеоспутники? – перебила Джессика. – Они же не могут... – Она вдруг замолчала.

Пол своим новым сверхчутким восприятием считывал ее реакции, подмечал мельчайшие детали, просчитывал...

– Теперь ты и сама видишь, – утвердительно сказал он. – Спутники снимают все, что есть внизу. Им видно все. А в глубине Пустыни есть вещи, которые чужой видеть не должен...

– Ты хочешь сказать, что эту планету контролирует Гильдия?

Как медленен был ее разум!..

– Да нет же! – нетерпеливо воскликнул он. – Сами фримены! Это они платят Гильдии за свое спокойствие, а та не суется в их владения и других не пускает. И платят они той монетой, которая всегда в достатке у владеющих мощью Пустыни. Пряностью. Это – больше, чем прикидки во втором приближении по косвенным данным, это – точно вычисленный ответ. Будь в этом уверена.

– Пол, – проговорила Джессика, – ты же еще не ментат, как же ты можешь быть так уверен, что...

– Я никогда и не буду ментатом, – медленно ответил он. – Я – нечто другое... урод...

– Пол! Как ты можешь...

– Оставь меня!

Он отвернулся от нее к темноте за прозрачной стенкой. Почему я не могу почувствовать скорбь?.. Каждая частица его тела жаждала облегчения в слезах – но отныне ему не суждено было больше испытывать такое облегчение.

Никогда ранее Джессика не слышала такой тоски в голосе сына. Ей хотелось прикоснуться к нему, обнять, утешить, помочь – но она чувствовала, что ничего не может сделать. Он должен сам во всем разобраться, пережить все.

Светящаяся полоска на руководстве к фримпакету, лежащему на полу между ними, привлекла ее внимание.

Джессика подняла его, открыла титульный лист, прочла: «Наставление о Благодатной Пустыне, месте, исполненном жизни. Здесь – аят и бурхан Жизни. Верь, и Ал-Лат не сожжет тебя».

«Звучит как Книга Азхар, – подумала Джессика, вспоминая, как изучала Великие Тайны. – Работа Манипулятора Вероучений?.. Значит, и их присылали сюда...»

Пол достал из сумки паракомпас, положил обратно, сказал:

– Только подумай обо всех этих фрименских устройствах – имеющих, заметь, весьма специальное назначение. Удивительная сложность и продуманность. Согласись, цивилизация, создавшая подобное, скрывает глубины, о которых никто не подозревал.

Неуверенно, все еще встревоженная резкостью его голоса, Джессика вновь вернулась к книге. Рассмотрела рисунок – созвездие арракийского неба, «Муад'Диб, или Мышь», – сообщала подпись. Оттуда же Джессика узнала и запомнила, что «хвост» Мыши указывает на север.

Пол посмотрел в темноту, царившую в палатке. Движения матери едва можно было различить в слабом свете люминесцирующей полоски на руководстве. «Теперь, – подумал он, – пора выполнить просьбу отца. Именно сейчас, пока есть время для скорби. Позже скорбь будет помехой для нас». Эта холодная логика вдруг неприятно поразила его самого.

– Мама, – позвал он.

– Что?

Она услышала, как изменился его голос, – у нее вдруг похолодело внутри. Прежде она не слыхала в голосе сына такой стальной силы.

– Отец мой мертв, – сказал он.

Она обратилась внутрь себя, сопоставляя известные ей факты, и факты, и факты... как учит принимать информацию Путь Бене Гессерит. И чувство страшной потери охватило ее.

Джессика кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Однажды отец сказал мне, – проговорил Пол, – чтобы я передал тебе, в случае если что-то случится с ним, его слова. Он боялся – ты поверишь, что он в самом деле не верил тебе.

«Напрасное опасение!..» – подумала она.

– Он хотел, чтобы ты знала: он никогда не подозревал тебя, – продолжал Пол. Он объяснил ей, как все было, и добавил: – Отец хотел, чтобы ты знала, что он всегда тебе верил, во всем. Всегда любил. Он скорее усомнился бы в себе самом. И об одном лишь жалел – что так и не сделал тебя герцогиней, своей супругой.

Когда она смахнула слезы, в ее голове мелькнула мысль: «Напрасная трата воды» ... Однако эта мысль была лишь попыткой заглушить горе гневом. Лето, мой Лето! Какие страдания причиняем мы любимым!

Резким движением она погасила светящуюся полоску руководства. Рыдания сотрясали ее.

Пол слышал, как горюет мать. Но внутри себя чувствовал лишь пустоту.

«Во мне нет скорби, – подумал он. – Почему? Почему?..» Неспособность чувствовать горе казалась ему грехом или уродством.

– Время искать и время терять, – пронеслись в голове у Джессики слова Экуменической Библии, – время сберегать и время бросать; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру.

Между тем разум Пола продолжал работать с этой новой леденящей точностью. Он видел пути, легшие перед ним на этой враждебной планете. Не имея даже того предохранительного клапана, который дает нам сон, он фокусировал свое восприятие будущего – и видел его, как просчитанные наиболее вероятные варианты, – но он видел его и чем-то другим, особенным, таинственным чувством – словно бы разум его погрузился в некую среду, лишенную времени, и ощутил там ветры грядущего...

Резко, словно найдя наконец необходимый ключ, разум Пола поднялся на новый уровень восприятия. Он почувствовал, будто изо всех сил цепляется за этот уровень и, обретя неуверенную опору, оглядывается кругом. Он оказался словно бы внутри гигантского шара, от которого во все стороны разбегались тысячи путей… но это было бы лишь отдаленное подобие по-настоящему испытанных им чувств.

Однажды он видел, как бьется на ветру тонкий газовый платок. Теперь он воспринимал будущее так, словно оно само обвивалось вокруг чего-то столь же колеблющегося и непостоянного, как тот платок.

Он видел людей.

Ощущал жар и холод бесчисленных вероятностей.

Узнавал имена, названия, места, переживал бессчетные эмоции, впитывал информацию, проникавшую из миллионов неведомых источников.

У него было время исследовать, испытать и попробовать все, – но не придать испытанному какую-то форму…

Это был целый спектр вероятностей, от отдаленного прошлого до далекого будущего и от весьма вероятного до почти невероятного. Он видел и бесчисленные варианты собственной смерти. Он видел новые планеты, новые культуры.

И людей.

Людей.

Такие сонмы их, что нельзя счесть; однако его разум изучал их, сортировал…

Даже гильдиеров.

И он подумал: «Гильдия – вот кто примет нас. Моя странность не будет для нее чем-то чересчур необычным, напротив, они высоко оценят ее… и даже будут с гарантией снабжать меня Пряностью».

Но мысль о том, что всю свою жизнь он будет вести мчащиеся во Вселенной корабли, используя свой мозг для просчета возможных вариантов будущего, была ему отвратительна. Тем не менее это тоже был шанс, на крайний случай. И к тому же, именно увидев свое вероятное будущее в

варианте, связанном с Гильд-навигаторами, он осознал свою странность, а главное – понял ее.

«Нет, я обладаю иным типом предвидения, и я воспринимаю не то, что они. Я вижу возможные пути».

Это новое восприятие несло в себе и успокоение, и тревогу – многое в этом новом мире, открывшемся перед ним, уходило в глубину, тонуло, исчезало из поля зрения...

Чувство ушло так же быстро, как и пришло. Он осознал, что все пережитое прошло сквозь него за одно биение сердца!

Но за этот миг его сознание и восприятие были перевернуты и освещены каким-то новым, пугающим светом. Он повернулся, озираясь.

Ночь все еще заполняла палатку и укрытие в скалах. Мать все еще всхлипывала.

А он по-прежнему не чувствовал, горя... эта пустота отделилась от его разума, который продолжал размеренно работать – перебирал информацию, взвешивал, оценивал, вычислял, выдавал ответы, подобно тому, как происходит это у ментатов.

Теперь, знал он, у него был доступ к такому объему информации, как ни у кого до сих пор, но от этого не стало меньшим бремя этой пустоты внутри его. Что-то должно было вот-вот рухнуть. Словно затикал внутри часовой механизм бомбы. И хотел того Пол или нет, этот механизм продолжал непреклонно тикать. При этом он регистрировал малейшие изменения вокруг: едва заметные колебания влажности, ничтожное падение температуры, шорох насекомого, ползущего по стенке палатки, торжественное приближение зари, уже высветлившей клочок неба, видимый сквозь прозрачный торец дистителта.

Пустота внутри была невыносима. То, что он знал, как был запущен механизм, ничего не меняло. Посмотрев назад, в свое собственное прошлое, он мог увидеть, как все начиналось: тренировки, оттачивание природных способностей, утонченно подобранные нагрузки сложнейших дисциплин,

даже полученная в критический момент Экуменическая Библия... и наконец, в последнее время, – Пряность в больших дозах. И теперь он мог смотреть вперед, в будущее: самое пугающее направление! Но туда вело все, что случилось с ним.

«Я – монстр! – подумал он. – Урод!..»

– Нет... – сказал он. – Нет. Нет! НЕТ!!!

Он вдруг понял, что бьет кулаками по полу палатки. (А та странная новая его часть неумолимо считала: отметила эту вспышку как интересную информацию о его эмоциях и включила эту информацию в свои расчеты.)

– Пол!

Мать оказалась рядом – удерживала его руки. Лицо Джессики сероватым пятном вырисовывалось во мраке, он чувствовал ее взгляд.

– Что случилось, Пол? Что тебя мучает?

– Это ты!..

– Я, я, – успокаивающе сказала она. – Все хорошо, все в порядке...

– Что ты со мной сделала?! – горько спросил он.

Во внезапном озарении она поняла часть того, что он имел в виду, и ответила:

– Я родила тебя.

Инстинкт, проницательность и утонченное знание подсказали, что именно такой ответ нужен был, чтобы успокоить его. Он почувствовал ее руки, ласково сдерживающие его, увидел неясно очерченное в темноте ее лицо. (Некоторые наследственные черты ее лица были замечены его новым сознанием, включены в общую сумму данных, просчитаны, получившийся результат выдан и принят к сведению...)

– Отпусти меня, – резко сказал он. Она услышала сталь в его голосе и повиновалась.

– Может быть, скажешь все-таки, что случилось, Пол?

– Ты знала, что делаешь, когда тренировала меня?

В его голосе не осталось ничего детского, подумала она и ответила:

– Я надеялась – как все родители, – что ты вырастешь и станешь иным… лучше, чем я…

– Иным?

Она услышала горечь в его голосе.

– Пол, я…

– Тебе не сын был нужен! – закричал он. – А этот – Квисатц Хадерах! Бене Гессерит мужского пола!..

Ее словно оттолкнуло – так сильна была его горечь.

– Но, Пол…

– Ты спрашивала отца, хотел ли он этого?!

Она ответила ему мягко (и горе вновь ожило в ней):

– Кем бы ты ни был, Пол, но ты настолько же сын своего отца, насколько и мой.

– Да, но твое воспитание! Твои тренировки! Все то, что… разбудило… спящего…

– Спящего?

– Вот здесь. – Он дотронулся до своей головы, потом положил руку на грудь. – Здесь, во мне. И это все продолжается… продолжается… продол…

– Пол! – крикнула она, слыша, что он вот-вот сорвется в истерику.

– Послушай, – сказал он. – Ведь ты хотела, чтобы Преподобная Мать узнала о моих снах? Так вот послушай теперь сама, вместо нее. Только что я видел сон – наяву. Спал и бодрствовал. А знаешь почему?

– Успокойся, – сказала она. – Если что-то и…

– Это Пряность, – произнес он. – Она здесь всюду. В воздухе, в почве, в еде. Гериатрическая Пряность. Она подобна снадобью Правдовидиц – это яд!

Она замерла.

Он тихо повторил:

– Это яд. Тонкий. Коварный. Незаметный. И – необратимый. Причем он не убивает – разве только если прекратишь

принимать его. Теперь мы не можем покинуть Арракис, не взяв с собой часть его.

Спокойствие в голосе пугало и не оставляло места для возражений.

– Ты – и Пряность, – произнес Пол. – Пряность меняет всякого, кто принял достаточное ее количество. Однако благодаря тебе я смог воспринять эту перемену своим сознанием, и сознание мое изменилось. Для большинства она остается на подсознательном уровне, где ее можно заглушить. Я же ее вижу.

– Пол, ты...

– Я вижу ее! – повторил он.

Она услышала нотки безумия в его голосе и не знала, что ей делать.

Однако он снова заговорил, и сталь вновь появилась в его голосе.

– Мы здесь в ловушке.

«Да, мы здесь в ловушке», – мысленно согласилась она.

Она не могла не признать его правоту. Вся сила Бене Гессерит, любые хитрости, любая изобретательность – ничто не могло теперь освободить их от Арракиса. Пряность давала сильное привыкание. Тело ее узнало это гораздо раньше, чем сумел осознать разум.

«Значит, здесь суждено нам прожить всю свою жизнь, – подумала она, – на этой адской планете. Это место нам уготовано – если, конечно, мы сумеем ускользнуть от Харконненов. И все, что мне остается, – это быть племенной кобылой, сохраняющей важную генетическую линию для Плана Бене Гессерит».

– Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, – промолвил Пол. Теперь в его голосе звучала ярость. – А чтобы ты не просто выслушала, но услышала и поняла, что я знаю, о чем говорю, – скажу прежде, что мне известно. Ты родишь дочь, мою сестру, здесь, на Арракисе...

Чтобы подавить нахлынувший страх, Джессика уперлась руками в пол палатки, вжалась спиной в ее стенку. Она

знала, что ее беременность еще нельзя было заметить со стороны, и лишь бене-гессеритская подготовка позволила ей уловить первые, слабые знаки жизни, зарождающейся в ее теле, угадать пробуждение эмбриона, которому было всего несколько недель.

– Лишь для служения... – прошептала Джессика, пытаясь найти опору в девизе Бене Гессерит: «Мы живем лишь для служения».

– Так вот, – сказал Пол, – мы найдем свой дом среди фрименов. Там, где ваша Миссионария Протектива подготовила для нас убежище.

«Да, они подготовили для нас путь в Пустыню, – мелькнуло в голове Джессики. – Но откуда ему знать про Миссионарию Протектива?!» Ей становилось все труднее преодолеть страх перед подавляющей отчужденностью сына.

Он внимательно всматривался в темный силуэт матери и своим новым зрением видел ее страх и все ее реакции – словно Джессику озарял яркий свет. Он вдруг почувствовал сострадание к ней.

– Я не сумею даже начать рассказывать тебе все то, что случится здесь, – проговорил он. – Я даже самому себе не сумею пересказать это, хоть и видел все. Это чувство будущего... контролировать его я не могу. Оно просто происходит со мной, случается – и все. Ближайшее будущее – где-то на год вперед – я как-то различаю... оно похоже на... дорогу. Путь. Как Центральный проспект у нас, на Каладане. Коечего я не вижу... мест, скрытых в тени... словно дорога уходит за холм (тут он вновь подумал о вьющейся на ветру палатке) ... и у нее есть развилки...

Он замолчал – вновь на него нахлынуло ощущение видения. Не пророческий сон, не ощущение жизни, расширяющейся во все стороны подобно сброшенной звездной оболочке, раздвигающей ткань времени...

Джессика нащупала регулятор флуоресцентной полоски.

Тусклый зеленоватый свет отодвинул тени, уменьшил ее страх. Она увидела лицо Пола, его глаза, обращенные

внутрь. Джессика вспомнила, где видела похожие лица: на записях, сделанных в районах бедствий, на лицах детей, страдающих от голода или от страшных ран. Глаза словно ямы, узкая прорезь сжатых губ, запавшие щеки.

«Так выглядят люди, узнавшие о чем-то страшном… например, те, кого заставили осознать свою смертность», – подумала она. Да, он действительно больше не ребенок.

Но тут она начала понимать, что означают его слова, и это вытеснило из ее головы все прочее. Пол видел будущее – он видел путь к спасению!..

– Значит, мы можем скрыться от Харконненов! – выдохнула она.

– Харконнены, – хмуро усмехнулся он. – Выбрось из головы этих… душа каждого человека в их Доме искажена, весь их Дом – нарушение заповеди «не искази душу…».

Он внимательно рассматривал лицо матери, освещенное флуоресцентной полоской книги. Ее черты говорили многое.

– Почему ты сказал «каждого человека», или ты забыл, чему научила тебя Пре…

– А ты уверена, что знаешь, где проводить границу, и можешь определить, кто – человек, а кто нет? – прервал он ее. – Мы несем с собой свое прошлое. И, матерь моя, есть нечто, чего ты не знала и должна узнать – и мы тоже Харконнены, ты и я.

С ее разумом случилось что-то пугающее: он будто отключился, как будто пытался отгородиться от внешнего мира. Но голос Пола неумолимо звучал, увлекая ее за собой:

– Когда тебе приведется снова увидеть зеркало, рассмотри внимательно свое лицо – а пока посмотри на меня. Родовые черты видны достаточно ясно, если только ты не будешь закрывать на них глаза. Посмотри на мои руки, на мое сложение. Ну а если это тебя не убеждает – поверь мне на слово. Я был в будущем, я видел там записи, некое место… у меня есть все данные. Мы – Харконнены.

– Побочная ветвь, наверно? – с надеждой спросила она. – Отошедшая от их Дома? Так ведь, правда?.. Какой-нибудь двоюродный...

– Ты – дочь самого барона, – сказал он. Джессика зажала руками рот, а он продолжил: – Барон в молодости был весьма падок на удовольствия; и как-то раз он дал себя соблазнить. Но соблазнила его не кто-нибудь, а одна из сестер Бене Гессерит, одна из вас – для вашей генетической программы.

Его слова «одна из вас» прозвучали как пощечина. Но они подхлестнули ее разум – и, оценив полученную информацию, она не могла опровергнуть сына. Теперь многое стало ясно в ее собственном прошлом, разорванные концы сошлись, многое стало на свои места. Ее дочь, которую требовал от нее орден Бене Гессерит, была нужна вовсе не для прекращения старой вражды Атрейдесов и Харконненов. Ее рождение должно было закрепить некий генетический фактор, полученный в двух этих линиях... Да, но какой фактор? Она пыталась найти ответ – но не могла.

Словно читая ее мысли, Пол сказал:

– Они думали, что так получат меня поколение спустя. Но я – не то, чего они ожидали. И я пришел прежде времени. И они не знают этого.

И снова Джессика зажала руками рот.

Великая Мать! Да он же... Квисатц Хадерах!

Ей казалось, что она стоит перед ним нагая – а он пронизывает ее взглядом, от которого почти ничто не скроется. В этом, поняла она, и была причина ее страха.

– Ты думаешь, что я – Квисатц Хадерах, – произнес он. – Выбрось это из головы. Я – нечто иное. Нежданное и непредусмотренное.

«Я обязана сообщить об этом в одну из школ, – пронеслось у нее в голове. – Надо изучить Брачный Индекс, может быть, тогда станет ясно, что произошло...»

– Но они не узнают обо мне, пока не станет слишком поздно, – спокойно сказал он.

Она попыталась отвлечь его. Опустила руки, спросила:

– Мы найдем убежище среди фременов?

– У фременов есть поговорка, которую они приписывают Шаи-Хулуду, Старому Отцу-Вечности, – ответил он. – Так вот, они говорят: «Будь готов принять то, что дано тебе испытать».

И подумал: «Да, матерь моя. Среди фременов. И станут глаза твои – синими, и будет подле твоего прекрасного носа мозоль от трубки носового фильтра дистикомба..., и ты родишь мою сестру – святую Алию, Деву Ножа».

– Но... если ты – не Квисатц Хадерах... – проговорила Джессика, – то...

– Ты этого не знаешь, – кивнул он. – И не поверишь, пока не увидишь сама...

И мысленно ответил: «Я – семя».

Внезапно он понял, как плодородна земля, в которую упало это семя. И когда он понял это, то чувство ужасного предназначения вновь охватило его, просочившись сквозь пустоту в его душе. И он едва не задохнулся от горя.

Во время прозрения он увидел перед собой в будущем два главных пути. На одном ему предстояло сойтись лицом к лицу с черным бароном; они сталкивались, и Пол приветствовал его: «Привет, дед». Но от мысли об этом пути и том, что лежало перед ним на этом пути, ему стало дурно.

Второй же путь... Безвестность и существование во мраке – мраке, над которым вставали огненные пики насилия, – вот что лежало на том пути. Он увидел новую религию, религию воинов, увидел огонь, охватывающий Вселенную, видел черно-зеленое знамя Атрейдесов, реющее над легионами фанатиков, опьяненных меланжевым ликером. Среди них были Гурни Халлек и горстка людей его отца – увы, ничтожная горстка! – и каждый идущий под этими знаменами отмечен знаком ястреба из храма-усыпальницы его отца, Усыпальницы Головы Лето.

– Этим путем я идти не могу, – пробормотал он. – А старые ведьмы из этих твоих школ этого именно и хотят...

– Я не понимаю тебя, Пол, – жалобно сказала Джессика. Он не ответил, думал о семени – о себе, – думал, как это семя, думал и чувствовал новым сознанием – сознанием расы, которое впервые ощутил, как ужасное предназначение. Оказывается, он более не мог ненавидеть ни Бене Гессерит, ни Императора, ни даже Харконненов. Все они служили потребности расы обновить застоявшуюся кровь, освежить наследственность, смешать и переплести генетические линии в одном великом море… А для этого раса знала лишь один путь, древний, испытанный, надежный и сметающий все на своем пути. Джихад.

«Но я не могу идти этим путем!..» – в отчаянии подумал он.

И тут вновь он увидел внутренним взором усыпальницу головы своего отца и безумие насилия, осененное черно-зеленым знаменем.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его долгим молчанием.

– Так… дадут нам фримены убежище?

Он поднял взгляд, посмотрел сквозь зеленоватый полумрак палатки, освещенный люминофором книги, на ее лицо – патрицианские черты, отмеченные знаками вырождения, вызванного эндогамными браками.

– Да, – сказал он. – Есть и такая возможность. – Он кивнул. – Да. И они назовут меня… Муад'Диб и «Сокращающий путь». Да… они будут звать меня так.

И он закрыл глаза и подумал: «Теперь, о мой отец, я могу наконец оплакать тебя». И почувствовал слезы на своих щеках.

Книга II
Муад'Диб

Когда Падишах-Император, мой отец, узнал о гибели герцога Лето и о том, как именно он погиб, он пришел в такой гнев, в каком мы никогда его не видели ранее. Он обвинял мою мать и навязанное ему соглашение, обязавшее его возвести на трон сестру Бене Гессерит; обвинял Гильдию и старого негодяя барона – обвинял всех, кто ему попадался на глаза, не исключая и меня. Он кричал, что и я такая же ведьма, как и все прочие. Когда же я попыталась успокоить его, упирая на то, что это было сделано согласно древним правилам самосохранения, которым правители следовали с древнейших времен, он лишь фыркнул и спросил, уж не считаю ли я его слабым правителем, нуждающимся в такой защите. И тогда мне стало ясно, что не сожаление о гибели герцога так взъярило его, а мысль о том, чем могла обернуться для него эта гибель…

Вспоминая сейчас об этом, я думаю, что и мой отец мог обладать некоторым даром предвидения – ибо очевидно, что и его род, и род Муад'Диба имеют близкую наследственность, восходя к единому корню.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

– И вот время Харконнену убить Харконнена, – прошептал Пол.

Он проснулся на закате, в темном, герметически закрытом дистителте.

Он услышал, как от его шепота пошевелилась мать у противоположной стенки палатки.

Пол посмотрел на детектор близости на полу, чьи циферблаты подсвечивались в темноте зеленоватым светом люминофорных трубок.

– Скоро ночь, – проговорила мать. – Может быть, поднимешь противосолнечные экраны?

Только теперь Пол понял, что уже некоторое время она дышит по-иному, не так, как во сне, – значит, молча лежала во тьме, пока не убедилась, что он проснулся.

– Экраны здесь ни при чем, – отозвался он. – Была буря. Палатку занесло песком. Скоро я ее раскопаю.

– Значит, Дункан не прилетел.

– Нет.

Пол рассеянно потер герцогский перстень (он носил отцовский знак на большом пальце – великоват), и вдруг его охватила дрожь яростной ненависти к этой планете, к самой ее сущности. Эта планета помогла убить его отца.

– Я слышала, как началась буря, – сказала Джессика.

Бессодержательность ее слов помогла Полу немного успокоиться. Он вспомнил начало бури – он наблюдал его сквозь прозрачную стенку палатки. Сначала, будто холодный дождь, застучали песчинки по поверхности котловины, зазмеились песчаные вихорьки по земле, потом от них замутилось небо, стеной упал песчаный ливень. Он увидел, как меняется форма каменного шпиля напротив – стремительный порыв бури в одно мгновение засыпал его, превратив в низкий желтоватый курган. Ворвавшись в котловину, песок затянул небо тускло-бурым пологом – а затем палатку засыпало, и настала темнота.

Опорные дуги палатки скрипнули, приняв на себя вес песка, затем наступила тишина, нарушаемая лишь глухими свистящими вздохами помпы шноркеля, подававшего воздух с поверхности в дистител.

– Попробуй опять приемник, – предложила Джессика.

– Бесполезно, – ответил Пол.

Он нащупал водяную трубку, удерживаемую зажимом у воротника, глотнул теплой воды и подумал, что теперь начинается по-настоящему арракийская жизнь. Жизнь, зависящая от восстановленной воды, собранной из выделений тела… вода была совершенно безвкусной, но смягчила пересохшее горло.

Джессика услышала, как он пьет, почувствовала, как липнет к коже скользкая ткань дистикомба, но не поддалась своей жажде. Признать ее – значило окончательно проснуться к суровой реальности Арракиса, где приходится беречь каждую каплю влаги, собирать ничтожное

количество конденсата в водяные карманы диститента и жалеть о каждом выдохе в открытый воздух...

Насколько легче было бы вновь ускользнуть от реальности в сон!..

Но сегодня днем она видела иной сон... до сих пор, вспоминая его, она вздрагивала. Ей снилось, что она подставляет руки струящемуся песку, а песок сыплется, сыплется и заносит начерченное на песке имя: Герцог Лето Атрейдес. Она хочет поправить имя, но не успевает – первую букву засыпает прежде, чем она прочерчивает последнюю.

И песок все течет, все сыплется...

Сон завершился плачем-причитанием, который становился все громче и громче. Странный плач: какая-то часть разума осознавала, что это ее собственный голос – но детский, почти младенческий. От нее уходила какая-то женщина, чьи черты ускользали из памяти.

«Моя неизвестная мать, – поняла Джессика. – Та сестра Бене Гессерит, которая выносила меня и отдала меня Ордену – потому что так ей приказали. Интересно, радовалась ли она, что отделалась от харконненского ребенка?..»

– Их слабое место – Пряность, – проговорил Пол. – По ней и надо бить.

«Как он может сейчас думать об атаке?» – поразилась она.

– Здесь вся планета – сплошной склад Пряности, – возразила она. – Как здесь бить, куда?

Было слышно, как он завозился, потянул к себе по полу рюкзак.

– На Каладане это была власть на море и в воздухе – сила воздуха и сила моря. Здесь это должна быть власть в Пустыне и сила Пустыни. И ключ к ней – фримены.

Последние слова донеслись уже от сфинктерного клапана входа. Тренированное ухо Бене Гессерит услышало в его голосе горечь, направленную против матери.

«Всю жизнь его учили ненавидеть Харконненов, – подумала она. – И вот он узнает, что сам он – тоже Харконнен...

из-за меня. Как же мало он меня знает! Я была единственной женщиной герцога и приняла и его жизнь, и его ценности настолько, что ради них пошла против воли Бене Гессерит...»

Пол протянул руку, включил ленточный светильник диститента, и его зеленоватый свет наполнил тесное пространство под сводом палатки. Пол сел на корточки возле входного клапана, изготовив дистикомб к выходу в открытую пустыню: капюшон надвинут на лоб, ротовой и носовой фильтры на месте. Только узкая полоска лица и темные глаза остались открытыми – сверкнули, когда он на секунду обернулся к ней.

– Приготовься – открываю. – Из-под фильтра его голос прозвучал глухо.

Джессика тоже натянула фильтр, занялась капюшоном. Пол разгерметизировал входной клапан.

Как только клапан открылся, шуршащий песок потек в палатку – прежде чем Пол успел остановить его статическим уплотнителем.

Орудуя уплотнителем, Пол принялся расчищать проход – в стене песка образовалось и стало увеличиваться углубление. Он скользнул наружу – Джессика слышала, как он ползет по лазу к поверхности.

«Кто или что ждет нас наверху? – подумала она. – Харконненские солдаты и сардаукары? Хотя это – опасность, которую можно ожидать. Но есть еще и иные, неведомые...»

Она вновь подумала о статическом уплотнителе и прочих диковинных инструментах во фримпакете. И каждый из них показался ей вдруг олицетворением этих неведомых опасностей.

Затем она почувствовала дуновение ворвавшегося в палатку раскаленного воздуха с поверхности, тронувшего кожу между капюшоном и лицевым клапаном.

– Подай мне укладку, – негромко, осторожно попросил Пол. Джессика повиновалась; слышно было, как булькнула

вода в литраках, когда она потянула по полу рюкзак. На фоне звезд чернел силуэт сына.

– Давай, – сказал он и, нагнувшись, принял рюкзак и вытянул его наверх.

Теперь был виден только усеянный звездами круг. Казалось, оттуда на нее нацелились сверкающие острия какого-то оружия. Внезапно этот круг ночного неба прочертили яркие штрихи метеоритного дождя. Метеориты показались ей дурным предзнаменованием – тигровые полосы на шкуре неба, леденящая кровь, сверкающая могильная решетка. И она вдруг остро ощутила, как лезвием меча нависла над ними награда, обещанная за их головы.

– Поторопись, – позвал Пол. – Я хочу убрать палатку.

Струйка песка с шелестом просыпалась на ее левую руку.

«Сколько песчинок удержит рука?» – спросила она себя.

– Помочь? – спросил Пол.

– Не надо.

Она переглотнула сухим горлом и скользнула в лаз. Песок, уплотненный электрическим полем, сухо поскрипывал под руками. Пол нагнулся в лаз, подал руку. Теперь она стояла рядом с сыном на гладком пятачке озаренной звездным светом Пустыни. Оглядевшись, Джессика увидела, что песок почти до краев наполнил впадину – лишь верхушки скал выступали над его ровной поверхностью. Напрягая свое тренированное восприятие, она вслушивалась в окружающую тьму.

Топоток и писк каких-то мелких зверушек.

Хлопанье крыльев, крик.

Шорох сыплющегося песка, движение...

... это Пол сложил дистителт и вытянул его из песка.

Звезды давали ровно столько света, чтобы наполнить угрозой каждую тень. Джессика нервно покосилась на окружавшие их сгустки мрака.

«Темнота – это слепое напоминание о давно ушедших временах, – подумалось Джессике. – Вслушиваясь в нее, мы инстинктивно страшимся услышать вой стаи, охотившейся

некогда за нашими предками – так давно, что лишь в самых примитивных наших клетках сохранилась память об этом вое. Во тьме видят уши, видят ноздри...»

Пол приблизился, проговорил:

– Дункан сказал, что, если его схватят, он сумеет продержаться... примерно до этого времени. Не дольше. Надо уходить.

Он вскинул на плечи укладку, поднялся на низкую теперь скалистую кромку укрывшей их каменной чаши, перешел на склон, обращенный в открытую Пустыню.

Джессика механически следовала за ним – про себя она отметила, что теперь уже она следует за сыном...

«Вот, тяжелее горе мое всего песка морского, – звучало в ее голове. – Этот мир опустошил меня, отняв все, кроме одной, древнейшей цели – заботы о будущей жизни. Теперь я живу лишь для моего юного герцога и для еще не рожденной дочери...»

Она поднялась к Полу, чувствуя, как осыпается под ногами песок – словно хватает за ноги.

Пол глядел на север, туда, где за скалистыми грядами вставала далекая каменная стена.

Она напоминала древний линкор в звездном ореоле. Невидимая волна возносила длинный стремительный корпус, увенчанный бумерангами антенн, отогнутыми назад трубами, П-образной кормовой надстройкой.

Над силуэтом взметнулось оранжевое пламя. С неба вниз в это пламя ударила ослепительная пурпурная черта.

И еще одна!

И вновь оранжевый сполох бьет вверх!

Это было – словно там, вдали, шло морское сражение древних времен, словно артиллерийская канонада – и эта ужасающая картина заставила их замереть.

– Огненные столбы, – прошептал Пол.

Над далекими скалами поднялась гирлянда красных огней. Пурпурные штрихи рассекли небо.

– Это выхлопы реактивных турбин и лучеметы, – сказала Джессика.

Первая луна, красноватая из-за висящей в воздухе пыли, встала над горизонтом слева от них. Там еще виднелся хвост бури – пустыня словно кипела тучами песка.

– Похоже, это харконненские топтеры выслеживают нас с воздуха, – озабоченно проговорил Пол. – Видишь, как они прочесывают пустыню – хотят быть уверенными, что выжгли все, что там есть. Так вытаптывают гнездо каких-нибудь ядовитых насекомых...

– Гнездо Атрейдесов, – пробормотала Джессика.

– Надо найти укрытие, – сказал Пол. – Пойдем на север, придерживаясь скал. Если они поймают нас на открытом месте... – Он отвернулся, подгоняя лямки рюкзака. – Они бьют по всему, что движется.

Он сделал шаг по склону – и услышал шелест скользящего в воздухе орнитоптера, увидел темные силуэты машин над ними.

* * *

Отец сказал мне однажды, что уважение к истине лежит в основе всех почти систем морали. «Ничто не возникает из ничего», – сказал он. Глубокая мысль – если только понимать, сколь изменчивой может быть «истина».

Принцесса Ирулан. «Беседы с Муад'Дибом»

– Я всегда гордился тем, что вижу вещи такими, каковы они есть, – сказал Суфир Хават. – Это – проклятие всякого ментата. Невозможно не просчитывать поступающую информацию, невозможно остановиться.

В предрассветном сумраке можно было видеть, как сосредоточено старое обветренное лицо. Губы в пятнах от сафо сжаты в узкую прямую линию, от них пролегли тяжелые складки.

На песке, напротив Хавата, безмолвно сидел на корточках человек в свободном длинном одеянии. Слова старого ментата его явно не тронули.

Оба они сидели под скалой, козырьком нависавшей над широкой и неглубокой впадиной. Рассвет уже окрасил иззубренные верхушки скал в розовый цвет. Под козырьком было холодно – здесь задержался отставший от уходящей ночи сухой, пронизывающий холодок. Перед самым рассветом дул теплый ветерок, но сейчас вновь похолодало. Хават слышал, как стучат зубами немногочисленные уцелевшие солдаты.

Человек, напротив Хавата, был фримен. Он пришел к Хавату чуть только забрезжил «ложный рассвет». Он скользил, словно едва касаясь песка, сливаясь с дюнами. За его движениями, скрытыми полумраком и развевающимся одеянием, невозможно было уследить.

Фримен протянул руку, пальцем начертил на песке подобие чаши с выходящей из нее стрелкой.

– Там без счета харконненских дозоров, – сказал он. Поднял палец от рисунка, ткнул в сторону скал, откуда спустился Хават со своими бойцами.

Хават кивнул.

Да, их там много.

Но он все еще не понимал, что было нужно этому фримену – и это его беспокоило. Он привык, что ментат способен определить движущие мотивы поступков.

Только что он пережил худшую ночь в своей жизни. Он был в гарнизонном городке Тсимпо, одном из буферных форпостов Карфага, бывшей столицы планеты, когда начали поступать сообщения о нападении. Сначала он подумал, что это – просто рейд, что Харконнены пробуют силы противника.

Но сообщение приходило за сообщением, и они приходили все чаще.

Два легиона высадились в Карфаге.

Пять легионов – пятьдесят бригад! – атакуют главную базу герцога в Арракине.

Один легион – в Арсунте.

Две боевые группы – в Расколотых Скалах.

Затем сообщения стали более подробными: среди атакующих – имперские сардаукары, вероятно, два легиона. И стало ясно, что врагу точно известно, сколько и куда посылать войск. Совершенно точно! У них была превосходная разведка.

Потрясение и ярость Хавата возросли настолько, что еще немного – и он, как ментат, вышел бы из строя. Масштабы атаки сами по себе были как удар.

И вот он сидит здесь, под скалой в пустыне, кивает сам себе, словно дряхлый старик, кутается в драный и изрубленный мундир, словно пытаясь спрятаться от холодных теней.

Но сколько, сколько же их!..

Он всегда допускал, что враги наймут для налета или разведки боем лихтер Гильдии. Это было бы вполне в духе подобных междоусобиц Великих Домов. Лихтеры с грузом принадлежащей Дому Атрейдес Пряности взлетали и садились на Арракисе регулярно. И разумеется, Хават принял необходимые меры на случай атаки с фальшивого лихтера. Они не предполагали, что даже в большом, массированном нападении будет участвовать больше десяти бригад.

Но, судя по последним данным, десант на Арракис был высажен более чем с двух тысяч кораблей – и не только лихтеров; на планету опускались фрегаты, разведчики, мониторы, крашеры, десантные транспорты, грузобомбы…

Больше сотни бригад – десять легионов!

Стоимость подобного предприятия едва могла бы покрыть доход Арракиса от продажи Пряности за полвека! И то не наверняка.

«Я недооценил сумму, которую барон был готов истратить на эту войну, – горько подумал Хават. – Я обманул доверие моего герцога – и погубил его!»

И оставалось еще это предательство.

«Я сумею прожить еще достаточно, – думал он, стискивая кулаки, – чтобы увидеть, как ее удавят. Надо было убить ее, когда была еще возможность. Мог – и не убил!..» – Хават не сомневался, что их предала именно леди Джессика. Слишком хорошо вписывалась она в общую картину всех известных фактов.

– Ваш Гурни Халлек и часть его людей сейчас в безопасности – у наших друзей контрабандистов, – объявил вдруг фримен.

– Это хорошо.

Значит, Халлек сумеет унести ноги с этой адской планеты. Хоть кто-то спасется...

Хават оглянулся на свой маленький отряд. Горстка! Еще ночью у него было три сотни отборных бойцов. Теперь их осталось ровно двадцать – и половина из них ранены. Некоторые спали – стоя, опершись на скалу или раскинувшись на песке у ее подножия. Их последний орнитоптер – они использовали его как экраноплан для перевозки раненых – отказал уже перед самым рассветом. Они разрезали его лучеметами на куски и зарыли их, а затем сумели все же добрести до этого укрытия на краю котловины.

Лишь приблизительно мог Хават представить, где они находятся – километров двести к юго-востоку от Арракина, а основные пути между сиетчами Барьерной Стены лежали где-то южнее.

Фримен, сидевший напротив Хавата, откинул капюшон и шапочку дистикомба, открыв песчаного цвета шевелюру и бороду. Волосы были гладко зачесаны назад с высокого лба. Непроницаемо синие глаза – как и все фримены, он потреблял много меланжи. У левого угла рта усы и борода были словно запятнаны – здесь волосы свалялись, прижатые изогнутой трубкой, идущей от носовых фильтров.

Фримен вынул фильтры из ноздрей, поправил их, вставил на место и почесал шрам возле носа.

– Если собираетесь этой ночью пересечь впадину, – проговорил он, – не вздумайте включать щиты. Там, – он

развернулся на пятках и махнул рукой на юг, – в Стене есть проход, а до самого эрга тянутся открытые пески. А щиты могут привлечь… – он заколебался, словно подыскивая слово, – червя. Они нечасто заходят сюда, но к работающему щиту червь придет наверняка.

«Он сказал «червь», – отметил Хават. – А хотел сказать нечто другое. Но что? И что ему от нас нужно?»

Хават вздохнул. Он даже и не помнил, когда ему приходилось так уставать. Мышцы были так измотаны, что никакие энергетические таблетки уже не помогали.

Проклятые сардаукары!

С горьким осознанием собственной вины Халлек думал о воинах-фанатиках и интриге – да нет, настоящем предательстве Императора, воплотившемся в их вторжении. Впрочем, как ментат, он понимал, что у него практически нет шансов предстать с доказательствами этого предательства перед Высшим Советом Ландсраада – а больше никто и не мог бы восстановить закон и справедливость…

– Вы хотите попасть к контрабандистам? – спросил фримен.

– А это возможно?

– Путь долог…

«Фримены не любят говорить «нет» – так сказал ему както Айдахо…

– Ты мне так и не сказал, – мрачно проговорил Хават, – помогут твои люди моим раненым или нет?

– Они – ранены…

Тот же проклятый ответ! Опять и опять!

– Да знаем мы, что они ранены! – вспылил Хават. – Это не…

– Успокойся, друг, – остерег фримен. – Что говорят сами раненые? Разве нету меж ними таких, кто понимает водную нужду племени?

– О воде мы не говорили, – сказал Хават. – Мы…

– Понимаю тебя, – кивнул фримен. – Понимаю, отчего ты не хочешь говорить об этом... Они твои друзья и соплеменники. Но есть ли у вас вода?

– Недостаточно...

Фримен показал на мундир Хавата – сквозь прорехи виднелась опаленная кожа, – сказал:

– Вижу я, вас захватили врасплох в вашем сиетче – без дистикомбов. Значит, тебе, друг, теперь принимать Водяное решение...

– Можем мы заплатить за вашу помощь?

– У вас нет воды, – пожал плечами фримен. Он оглядел небольшую группу за спиной Хавата. – Сколькими ранеными вы можете пожертвовать?

Хават замолчал. Будучи ментатом, он чувствовал, что они, похоже, просто не понимают друг друга. Слова соединялись во фразы – но смысл ускользал. Что-то тут было не так.

– Я – Суфир Хават, – проговорил он, – и имею право говорить от имени моего герцога. Я могу дать тебе обязательство об уплате за твою помощь. И мне нужна небольшая помощь – всего-то чтобы мои люди уцелели достаточно долго, чтобы убить изменницу, полагающую ныне, что она за пределами правосудия...

– Так ты хочешь, чтобы мы приняли твою сторону в вендетте?

– С вендеттой я справлюсь и сам. Все, что мне надо, – это избавиться от ответственности за раненых, чтобы заняться этой вендеттой...

Фримен нахмурился:

– Как ты можешь отвечать за своих раненых? Они сами за себя отвечают. Ведь речь – о воде, Суфир Хават. Или хочешь ты, чтоб я сам, без тебя, принял то Водяное решение?

И фримен положил руку на скрытое под его плащом оружие. Хават напрягся. Измена?..

– Чего ты боишься? – спросил фримен.

«Эта мне фрименская прямота!» – подумал Хават и осторожно сказал:

– Моя голова ведь оценена...

– А-а, – отнял руку от оружия фримен. – Ты думаешь, мы продажны, как византийцы? Ты не знаешь нас. У Харконненов недостанет воды даже чтобы купить и самого малого ребенка из фрименов.

«Но у них хватило богатств, чтобы заплатить Гильдии за перевозку более чем двух тысяч боевых кораблей», – подумал Хават. Сама мысль о таких расходах ошеломляла!

– Мы оба сражаемся против Харконненов, – сказал Хават. – Разве не должны мы разделять все проблемы и тяготы войны?

– А мы их и разделяем, – сказал фримен. – Я видел, как вы бились с Харконненами. Хорошо бились. В иные времена хотел бы я, чтобы ты бился плечом к плечу со мною!..

– Так скажи, где моя рука может пригодиться тебе? – горячо сказал Хават.

– Кто знает? – промолвил фримен. – Сейчас повсюду – харконненские войска... Однако ты до сих пор так и не принял Водяного решения – и не передал его своим раненым.

«Я должен быть осторожен, – напомнил себе Хават. – Я явно не понимаю чего-то важного».

– Может, – сказал он, – ты покажешь мне путь? Путь, годный для Арракиса?

– Вот мысли чужака, – с легкой насмешкой сказал фримен и показал куда-то на северо-запад, за скальные вершины. – Мы же видели, как пришли вы ночью через пески. – Он опустил руку. – Вот ты расположил своих людей на сыпучем склоне дюны. А это – плохо. У вас нет ни дистикомбов, ни воды. Вам долго не продержаться.

– Да, нелегко дается жизнь на Арракисе, – признал Халлек.

– То правда. Но мы все же убивали Харконненов!

– А что вы делаете со своими ранеными? – напрямую спросил Хават.

– Разве не знает настоящий человек, когда его стоит спасать и когда нет? – поднял брови фримен. – Ведь твои раненые знают, что у вас нет воды. – Он повернул голову, искоса взглянул на Хавата. – Пришло время Водяного решения... И раненые, и здоровые должны теперь подумать о судьбе всего племени, о его будущем.

«Будущее племени, – подумал Хават. – Будущее племени Атрейдесов! А ведь в этом есть смысл...»

Он наконец заставил себя задать вопрос, которого избегал до сих пор. Боялся задать.

– Ты знаешь что-нибудь о моем герцоге – или о его сыне?

Непроницаемые синие глаза снизу вверх посмотрели в глаза Хавата.

– Что-нибудь?

– Какова их судьба?! – почти крикнул Хават.

– Судьба у всех одна, – неторопливо ответил фримен. – Герцог твой, говорят, уже принял ее. А что до Лисан аль-Гаиба, его сына... его судьба – в руках Лиета. А Лиет не сказал еще.

«Я мог и не спрашивать – я знал это и так». Он вновь взглянул на своих людей. Они уже все проснулись. И все слышали. Они смотрели вдаль, на пески, и по их лицам видно было, что они поняли: на Каладан возврата нет, а теперь потерян и Арракис.

Хават повернулся к фримену:

– А о Дункане Айдахо ты знаешь что-нибудь?

– Он был в Большом доме, когда отключился ваш щит, – ответил тот. – Это я знаю... но и только.

«Да, она отключила щит – и впустила Харконненов, – билось в голове у Хавата. – Я – я! – сидел спиной к двери! Но как могла она совершить это – когда это должно было повернуться и против ее сына?.. Но... кто поймет мысли гессеритской ведьмы... если их можно назвать человеческими мыслями...»

Хават попытался сглотнуть – горло пересохло.

– А о мальчике… когда ты узнаешь хоть что-нибудь о мальчике?

– Мы слишком мало знаем о том, что делается сейчас в Арракине, – не спеша ответил фримен. – Кто знает?..

– Но вы сможете узнать?..

– Возможно. – Фримен почесал рубец возле носа. – Скажи мне теперь, Суфир Хават: знаешь ли ты что-либо о большом оружии, которым пользовались Харконнены?

«Артиллерия, – горько подумал Хават. – Ну кто мог подумать, что они вспомнят о пушках в наш век силовых щитов?!»

– Ты говоришь об артиллерии, с помощью которой они засыпали в пещерах наших бойцов, – проговорил он. – Я знал о подобном оружии со взрывчатыми снарядами… теоретически.

– Кто укрылся в пещере, имеющей лишь один выход, заслуживает смерти, – отрезал фримен.

– Но зачем ты спрашиваешь об этом оружии?

– Так угодно Лиету.

«Это – то, что ему от нас нужно?» – подумал Хават. И вслух:

– Так ты пришел к нам за информацией о больших пушках?

– Лиет пожелал сам увидеть такое оружие.

– Чего же проще, – хмыкнул Хават. – Захватите одну пушку.

– Да, – кивнул фримен. – Мы и захватили. Спрятали ее там, где Стилгар сможет изучить ее для Лиета – и где Лиет сможет сам осмотреть ее, коль скоро будет на то его воля. Впрочем, не думаю я, что Лиету это будет интересно: неважное оружие. Не самая лучшая конструкция для Арракиса.

– Вы… захватили пушку?! – не веря своим ушам, переспросил Хават.

– Ну да, – ответил фримен спокойно. – Добрая была сеча. Мы потеряли лишь двоих, зато пустили воду, пожалуй, сотне их бойцов.

«Да ведь при каждой пушке были сардаукары! – мысленно закричал Хават. – А этот безумец из пустыни запросто говорит, что они потеряли лишь двоих – и это против сардаукаров!..»

– Мы бы и тех двоих не потеряли, – заметил фримен, словно читая его мысли, – если б не те, другие, что дрались за Харконненов. Среди них были отменные бойцы!

Один из людей Хавата подошел, припадая на раненую ногу, взглянул сверху вниз на сидящего на корточках фримена:

– Ты говоришь о сардаукарах?!

– Он говорит именно о сардаукарах, – устало кивнул Хават.

– Сардаукары, вот как! – сказал фримен, и в голосе его, кажется, зазвучало недоброе веселье. – Ага! Вот, значит, каковы они. Да, добрая выдалась ночка. Сардаукары, скажика! А какой легион? Вы знаете?

– Нет... не знаем, – ответил Хават.

– Сардаукары, – задумчиво пробормотал фримен. – А в харконненской форме! Вот странно, а?

– Значит, Император не хочет, чтобы знали, что он выступил против Великого Дома.

– Но вы-то знаете, что это – сардаукары.

– Да кто я такой? – горько спросил Хават.

– Ты – Суфир Хават, – спокойно напомнил фримен. – Ну что ж, мы бы это и так узнали в свое время: мы уже послали троих пленных к Лиету, чтобы его люди допросили их.

Адъютант Хавата медленно переспросил, не веря своим ушам:

– Вы... взяли в плен сардаукара?!

– Только троих, – отмахнулся фримен. – Очень уж хорошо дерутся.

«Ах, если б у нас было время привлечь на свою сторону фрименов! – горько подумал Хават. – Если б мы успели обучить и вооружить их!.. Великая Мать, какое войско б у нас было!..»

– Может, ты откладываешь решение, беспокоясь из-за Лисан аль-Гаиба? – спросил фримен. – Если так, то знай, что не будет ему вреда ни от кого и ни от чего, коль скоро он и впрямь Лисан аль-Гаиб. Итак, не думай пока о том, чему нет свидетельства.

– Я служил… Лисан аль-Гаибу, – проговорил Хават. – Его безопасность, конечно, заботит меня: ведь я присягал ему!

– Присягал на его воде?

Хават бросил взгляд на своего адъютанта, все еще недоверчиво разглядывающего фримена, и вновь повернулся к сидящему перед ним.

– Да, на его воде.

– Ты хочешь вернуться в Арракин – в место его воды?

– В… да. В место его воды.

– Так что ж ты не сказал сразу, что это – дело воды?.. – Фримен поднялся, плотнее вставил фильтры в нос.

Хават кивком велел адъютанту вернуться к остальным. Тот, устало пожав плечами, подчинился. Хават услышал, что бойцы принялись негромко обсуждать происходящее.

– К воде, – заявил фримен, – путь есть всегда.

Кто-то выругался за спиной Хавата.

– Суфир! – крикнул адъютант. – Арки умер.

Фримен прижал к уху кулак:

– Это знак! Союз воды!.. – Он прямо взглянул на Хавата: – Поблизости у нас есть место для приятия воды. Так я зову моих людей?..

Адъютант подошел к Хавату.

– Суфир, у пары наших остались жены в Арракине. Они… Ну да ты понимаешь, каково им теперь…

Фримен все еще держал сжатый кулак у уха.

– Так что же, Суфир Хават, – Союз воды? – требовательно переспросил он.

Мозг Хавата лихорадочно работал. Сам он уже понял, что скорее всего имел в виду фримен, но боялся того, как прореагируют скучившиеся под скальным козырьком люди, когда и они поймут смысл происходящего…

– Союз воды, – наконец сказал он решительно.

– Да соединятся наши племена, – отозвался фримен, опуская кулак.

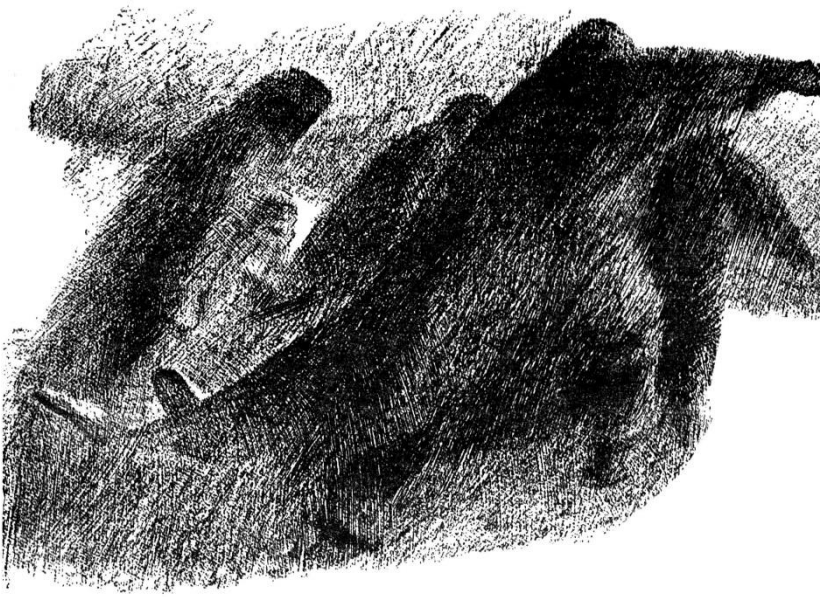
Словно по сигналу, к ним скользнули со скалы еще четверо фрименов, метнулись под козырек, завернули тело во что-то вроде савана, подняли его и бегом понесли вдоль скальной стены, направо. Их ноги вздымали клубы пыли. Все было кончено раньше, чем кто-либо из измученного отряда Хавата сумел сообразить, что происходит. Четверка, несущая, будто мешок, завернутый в ткань труп, скрылась за поворотом скальной стены.

Один из бойцов Хавата наконец опомнился:

– Эй, что это они делают с Арки?! – крикнул он. – Он же был...

– Они унесли его... чтобы похоронить, – сказал Хават.

– Фримены не хоронят своих мертвецов! – рявкнул боец. – С нами твои шутки не пройдут, Суфир! Мы-то знаем, что они делают! А Арки был один из...

– Рай обещан погибшему за дело Лисан аль-Гаиба, – произнес фримен. – Коли вы служите Лисан аль-Гаибу, как сами то сказали, к чему здесь крики скорби? Память об умершем такой смертью сохранится, доколе жива вообще людская память!

Но люди Хавата подступили к фримену, и их лица не сулили ничего доброго. Один из них даже схватился за лучемет, отнятый в бою с врагом.

– Стоять! – рявкнул Хават. Впрочем, он и сам с трудом подавлял слабость в мышцах, поднявшуюся при мысли о... – Эти люди с почтением относятся к нашим убитым. Обычаи у всех разные, а смысл один!

– Да они же хотят выжать из Арки всю воду! – возмущенно крикнул человек с лучеметом.

– Твои люди хотят присутствовать при церемонии? – осведомился фримен.

«Он даже не понимает, в чем дело!» – подумал Хават почти с отчаянием. Наивность фримена была просто пугающей.

– Они беспокоятся о своем мертвом товарище – он пользовался большим уважением, – объяснил Хават.

– Разумеется, мы отнесемся к вашему товарищу с тем же уважением, как если бы он был одним из нас, – кивнул фримен. – Меж нами – Союз воды. Мы знаем и блюдем обычаи. Плоть человека принадлежит ему самому, вода – племени.

Поспешно – потому что боец с лучеметом подошел еще на шаг – Хават спросил:

– Теперь вы поможете нашим раненым?

– О чем спрашивать – или не заключен Союз воды? – удивился фримен. – Мы сделаем для вас все, что делает племя для своих. Прежде всего дадим вам дистикомбы и все самое необходимое.

Человек с лучеметом заколебался.

Адъютант Хавата спросил:

– Мы что, покупаем помощь за... воду Арки?

– Мы ничего не покупаем, – отрезал Хават. – Мы присоединяемся к их племени.

– У всех – свои обычаи... – пробормотал кто-то. Хават позволил себе слегка расслабиться.

– А они помогут нам добраться до Арракина?

– Мы будем бить Харконненов, – ответил фримен. Ухмыльнулся и добавил: – И сардаукаров.

Он отступил на шаг, приставил согнутые ладони к ушам и откинул голову, прислушиваясь. Опустил руки, сказал:

– Орнитоптер. Спрячьтесь под скалу и не шевелитесь.

Хават махнул рукой, и его люди поспешили выполнить приказ. Фримен взял Хавата за руку, подтолкнул его к остальным:

– Сражаться будем, когда придет время войне, время битве.

Он пошарил под плащом, достал небольшую клетку и вынул из нее маленькое крылатое создание.

Хават узнал в нем крошечного нетопыря. Тот повернул голову – на Хавата глянули сплошь синие глаза. Как у фримена.

Фримен погладил зверька, успокаивая и, кажется, напевая что-то. Наклонил над ним голову и уронил с языка каплю слюны в открытый рот нетопыря. Нетопырь расправил крылья, но не взлетел с раскрытой ладони хозяина. Тогда фримен вынул маленькую трубочку, поднес ее к голове нетопыря и проговорил что-то в эту трубочку. Потом поднял создание на ладони, подкинул в воздух.

Нетопырь бесшумным зигзагом метнулся вдоль скальной стены и пропал из глаз.

Фримен сложил клеточку и снова запрятал под плащ. Вновь склонил вбок голову, прислушиваясь.

– Прочесывают плоскогорье по квадратам, – сообщил он. – Интересно, кого они ищут?..

– Они знают, в каком направлении мы отходили, – ответил Хават.

– Никогда не нужно думать, будто охотятся только за тобой одним, – покачал головой фримен. – Взгляни-ка на тот край котловины. Увидишь кое-что любопытное.

Время шло.

Кое-кто из людей Хавата начал шевелиться и перешептываться.

– Замрите и молчите, как испуганные животные! – прошипел фримен.

В этот момент Хават уловил на дальнем конце котловины движение – мелькающие облачка, рыже-бурые на рыже-буром.

– Мой маленький дружок доставил свое сообщение, – сказал фримен. – Он прекрасный гонец, что днем, что ночью. Жаль было бы потерять его.

Движение вдали замерло. На всем четырех-пятикилометровом пространстве раскаленного песка теперь не двигалось ничего – лишь колеблющиеся столбы горячего воздуха поднимались над этой огромной сковородкой.

– Ни звука теперь! – шепотом предупредил фримен.

Из пролома в противоположной стене вышла тяжелой поступью вереница темных фигур. Они шли прямо через котловину. Хавату они показались фрименами... только больно уж неуклюже шел их отряд по песку. Он насчитал шестерых, бредущих по дюнам.

Сверху-справа-сзади послышалось мерное хлопанье крыльев орнитоптера. Машина показалась над ними из-за скального гребня, это был орнитоптер из воздушного флота Атрейдесов, наспех перекрашенный в боевые цвета Харконненов, с намалеванными баронскими эмблемами. Топтер по плавной дуге снизился к идущим по дюнам.

Фигурки на гребне дюны остановились, замахали руками.

Топтер сделал круг над ними и по крутой спирали сел, подняв клубы пыли, прямо перед фрименами. Из него выскочили пятеро – Хават увидел мерцание отталкивающих

пыль щитов, узнал в движениях этих людей жесткую ловкость сардаукаров.

– Айе! На них эти идиотские щиты! – прошипел фримен над ухом Хавата. Он смотрел в сторону открытой южной стены впадины.

– Это сардаукары, – шепнул Хават.

– Хорошо!..

Сардаукары приближались, беря неподвижную группку фрименов в полукольцо. Солнце сверкало на клинках. Фримены же стояли рядом, словно бы не замечая приближающегося противника.

И вдруг из песка вокруг обеих групп взметнулись, словно выброшенные взрывом, фримены. Вот они у орнитоптера – вот в нем... Фигурки сошлись на гребне дюны, и пыльное облако скрыло их.

Наконец пыль осела. На песке остались стоять лишь фримены.

– Они оставили в топтере лишь троих, – сказал фримен. – Нам повезло. Думаю, нам удалось захватить машину неповрежденной.

Позади кто-то прошептал, пораженный:

– Но это ведь были сардаукары!..

– Ты тоже заметил, как они хорошо бились? – спросил фримен.

Хават сделал наконец глубокий вдох, ощутил опаленную пыль, жару, сушь. Голосом под стать этой суши он выговорил:

– Да, они хорошо дрались. Очень.

Захваченный топтер взлетел, резко взмахнув крыльями, и пошел на юг, поднимаясь по крутой дуге.

Значит, этим фрименам и топтер не в диковинку, отметил для себя Хават.

С далекой дюны фримен махнул квадратным зеленым флажком: раз и два.

– Еще летят! – крикнул фримен. – Ну, приготовьтесь. Я надеюсь, мы уйдем без новых неудобств.

«Неудобств!» – саркастически хмыкнул Хават, но ничего не сказал вслух.

Он увидел еще два топтера – они шли высоко, но теперь резко снизились, хотя на песке, как вдруг оказалось, больше не было ни одного фримена. Лишь восемь синих мазков – тела сардаукаров в харконненской форме – остались на месте недавней схватки.

Еще один орнитоптер прошел над скалой прямо над головой Хавата. Тот даже дыхание задержал при виде его – это был большой транспортно-десантный корабль. Он летел медленно, широко распахнув огромные крылья. Идет с полной нагрузкой – точно гигантская птица, возвращающаяся в свое гнездо.

С одного из снижающихся орнитоптеров ударил пурпурный лазерный луч, чиркнул по песку.

– Трусы!.. – проскрежетал фримен.

Транспортный орнитоптер опустился возле неподвижных синих фигурок. Его крылья полностью раскрылись, забили – аппарат старался мгновенно сбросить скорость и сесть.

Вдруг внимание Хавата привлекла вспышка света на юге – там блеснул в солнечных лучах металл. Это пикировал на турбинах, полностью сложив крылья, еще один аппарат. На фоне темного серебристо-серого неба расплавленным золотом светились реактивные струи. Словно серебряная стрела, мчался он к транспортнику, щит на котором был снят из-за вовсю плюющихся огнем лучеметов.

Топтер врезался в транспортную машину.

Котловина вздрогнула от взрыва. Со скальных стен покатились камни. Огненный гейзер ударил в небо оттуда, где только что были две машины, а сейчас бушевало пламя.

«Это был фримен, взлетевший в захваченном топтере, – пронеслось у Хавата. – Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить вражеский транспортник. Великая Мать, что за люди эти фримены».

– Разумный обмен, – прокомментировал фримен. – В транспорте было, наверно, человек триста. Ну, теперь надобно распорядиться насчет их воды – и подумать, как захватить другой орнитоптер.

Он уже вышел было из укрытия под скалой, как вдруг прямо перед ним со скал посыпались в замедленном падении, поддерживаемые силовыми поясами, люди в синей форме Харконненов. Спустя мгновение Хават понял, что это – сардаукары, успел разглядеть выражение боевой ярости, застывшее на жестких лицах, успел заметить, что на них нет щитов и у каждого в одной руке – нож, в другой – станнер.

Брошенный нож вонзился прямо в горло фримену – недавнему собеседнику Хавата, и тот упал лицом вниз. Хават успел только выхватить свой нож, но в этот миг в него вонзилась игла станнера – и мир вокруг исчез.

* * *

Да, Муад'Диб действительно мог видеть будущее, однако вы должны понять, что у этого его дара были границы. Сравните это со зрением: у вас есть глаза, но без света вы ничего не увидите. Находясь на дне ущелья, вы не увидите ничего за его пределами. Точно так же и Муад'Диб не всегда мог по собственной воле заглядывать в таинственную страну будущего.

Муад'Диб учит нас: единое лишь неверное решение в пророчестве или неверный выбор единого лишь слова могут полностью изменить и самое будущее. Он говорит: «Широко в видении время, будто врата; но, когда проходишь сквозь это видение – оно становится лишь узкой дверью». И он всегда отвергал искушение избрать ясный и спокойный путь, предупреждая: «…ибо такой путь ведет вниз, к застою».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Когда из тьмы над ними выплыли, планируя, орнитоптеры, Пол схватил мать за руку:

– Не шевелись! – почти крикнул он.

Но тут он увидел в лунном свете ведущую машину – то, как она сложила, приземляясь, крылья, ловкое, пожалуй, даже лихое движение рук пилота под колпаком.

– Это Айдахо, – выдохнул он.

Орнитоптеры спустились в котловину, словно птицы в гнездо. Еще не улеглась поднятая ими пыль, а Айдахо уже выскочил из кабины и мчался к ним. За ним скользили две фигуры в свободных фрименских одеждах. Одного Пол узнал – высокий, с бородой цвета песка, – Кинес.

– Сюда! – крикнул Кинес, поворачивая налево.

За его спиной другие фримены набросили на орнитоптеры маскировочные полотнища. В одну минуту машины превратились в гряду невысоких барханов.

Айдахо с разлету замер перед Полом, отдал честь:

– Милорд, поблизости отсюда у фрименов есть временное убежище, где мы можем...

– А там что такое? – перебил Пол, показывая за дальние холмы, где все еще сверкали огни дюн и секущие пустыню пурпурные лазерные лучи.

На круглом, спокойном лице Айдахо мелькнула нечастая на нем улыбка.

– Милорд... сир, я приготовил для них небольшой сюрп...

Слепящее белое пламя озарило Пустыню. Яркое, как солнце, отбросившее на камень окружающего котловину гребня резкие тени. В один миг Айдахо, схватив Пола за руку, а Джессику – за плечо, столкнул их со скалы вниз, на песок котловины. Они распростерлись на песке, а над ними прокатилась рокочущая волна, сотрясшая скалу, откуда они только что так стремительно спустились. Посыпались каменные обломки.

Айдахо сел, стряхивая с себя песок.

– Слава богу, это не наше фамильное ядерное... – проговорила Джессика. – Я-то было уже подумала...

– Так ты подсунул им включенный щит! – догадался Пол.

– И пребольшой, притом включенный на максимум! – радостно сообщил Айдахо. – Как только луч его задел... – Он развел руками.

– Субатомный синтез, – кивнула Джессика. – Опасное оружие!

– Какое оружие, миледи, – просто защита. Эти поганцы впредь дважды подумают, прежде чем опять нажмут спуск лучемета!..

К ним подошли фримены, прилетевшие вместе с Айдахо. Один из них негромко сказал:

– Друзья, нам надо укрыться.

Пол вскочил на ноги, а Айдахо помог встать Джессике.

– Этот взрыв, уж можно не сомневаться, привлечет к себе внимание, сир! – сказал Айдахо.

«Сир», – повторил про себя Пол.

Это слово так странно звучало, когда относилось к нему... «Сиром» всегда называли отца!

И опять он ощутил, как коснулось его чувство грядущего. Увидел себя, зараженного сознанием дикого народа, толкающего населенную людьми Вселенную к хаосу. Это видение столь потрясло Пола, что Айдахо пришлось вести его вдоль края котловины к скальному выступу, где фримены уже вкапывались в песок с помощью своих статических уплотнителей.

– Позвольте ваш рюкзак, сир, – сказал Айдахо.

– Мне не тяжело, Дункан.

– У вас нет щита, – настаивал тот. – Возьмите мой. – Он оглядел далекие скалы. – Не думаю, чтобы кто-нибудь опять принялся палить из лучеметов поблизости.

– Оставь щит себе, Дункан. Твоя правая рука – куда лучшая защита для меня.

Джессика, видя, как подействовала похвала, как Айдахо придвинулся ближе к Полу, подумала: «Как, однако, уверенно обращается с людьми мой сын!»

Фримен отодвинул камень, закрывавший лаз вниз, в скальное основание пустыни. Сверху вход прикрыли маскировочным полотнищем.

– Сюда, – сказал один из фременов и повел их вниз, во тьму, по крутым каменным ступеням.

Полотнище за спиной закрыло от них солнечный свет. Впереди загорелся другой – тусклый зеленоватый, озарив ступени, каменные стены, поворот налево. Теперь со всех сторон беглецов окружали фримены, которые слегка подталкивали их, словно торопясь укрыться. Они повернули, и перед ними открылся еще один марш лестницы, который привел в пещеру с грубо обтесанными стенами.

Кинес подошел, откинул капюшон джуббы. В зеленом свете маслянисто поблескивал высокий ворот дистикомба. Его длинные волосы и борода были в беспорядке. Синие, без капли белизны, глаза казались черными под густыми бровями.

В это мгновение Кинес думал: «Зачем помогаю я этим людям? За всю жизнь я не делал ничего опаснее – и это может обречь меня на смерть вместе с ними...»

Он в упор посмотрел на Пола. Перед ним стоял мальчик, только что вступивший в мужество, мальчик, прячущий скорбь и отбросивший все, кроме того, что он должен был принять на свои плечи, – герцогский титул и все, что с ним связано. И Кинес вдруг понял, что герцогство Атрейдесов все еще существует – и лишь благодаря этому подростку. И от этого нельзя было просто отмахнуться...

Джессика обежала взглядом пещеру, отмечая, как учит Бене Гессерит, все, что можно отметить. Лаборатория, и явно не военная. Все какое-то квадратное, сплошные углы и плоскости – на старинный манер.

– Вот, значит, одна из Имперских Экологических Испытательных Станций, которые отец хотел получить в качестве своих передовых баз, – сказал Пол.

«Отец хотел получить, – повторил про себя Кинес и снова поразился тому, что делает. – Не сглупил ли я, помогая им?

Зачем я это делаю? Сейчас было бы так просто схватить его и купить за него союз с Харконненами...»

Следуя примеру матери, Пол обвел взглядом помещение, отметив длинный рабочий стол, унылые каменные стены. На столе расставлены приборы – шкалы светятся, тускло отсвечивают экраны из металлической сетки, от которых отходят стеклянные трубки. Запах озона наполнял пещеру.

Несколько фрименов ушли куда-то за угол, и оттуда раздались новые звуки – закашлял двигатель, загудели, раскручиваясь, приводные ремни и редукторы.

В дальнем конце пещеры Пол разглядел ряды клеток с какими-то маленькими зверушками в них.

– Ты верно угадал, что это за место, – обратился к нему Кинес. – Но скажи, а как бы ты распорядился станцией, Пол Атрейдес?

– Использовал бы ее, чтобы сделать этот мир по-настоящему пригодным и достойным местом для людей, – не колеблясь, ответил Пол.

«Потому, наверно, я и помогаю им», – подумал Кинес.

Гудение машин постепенно утихло. В тишине резко прозвучал тонкий крик от одной из клеток. Он тут же умолк, как будто зверек смутился.

Пол вновь посмотрел на клетки. Теперь он разглядел, что в них сидят бурокрылые нетопыри. Из боковой стены выходила и тянулась вдоль клеток автоматическая кормушка.

Из скрытой части пещеры вернулся фримен, негромко сказал Кинесу:

– Лиет, силовые генераторы не действуют. Я не могу замаскировать нас от детекторов дальности.

– Сможешь починить?

– Быстро – нет. Детали, увы... – Фримен пожал плечами.

– Ясно, – сказал Кинес. – Что ж, придется обойтись без машин. Выдвиньте на поверхность заборники ручной помпы.

– Исполняем немедленно, – ответил фримен уже на ходу.

Кинес повернулся к Полу:

– Ты дал хороший ответ.

Джессика отметила, как свободно и сильно прозвучал его голос. Это был – королевский голос, голос, привыкший повелевать. И, конечно, она заметила это обращение – «Лиет». Значит, вот каков другой лик скромного планетолога, его фрименское «альтер эго». Лиет.

– Мы бесконечно признательны за вашу помощь, – сказала она.

– М-мм... посмотрим, – отозвался Кинес и кивнул одному из своих людей. – Шамир, кофе с Пряностью в мои апартаменты.

– Сию минуту, Лиет, – ответил тот.

Кинес кивнул на арку в стене:

– Прошу вас...

Принимая приглашение, Джессика позволила себе царственный кивок. Она заметила, как Пол сделал Айдахо знак, приказывая ему оставаться на страже.

Короткий, в пару шагов проход привел их к массивной двери, открывшейся в освещенную золотистыми плавающими лампами кубическую комнату. Проходя, Джессика провела рукой по двери и с изумлением ощутила под пальцами пласталь!

Пол вошел, сделал три шага и остановился, бросив на пол рюкзак. Услышал, как закрылась за спиной дверь, осмотрел комнату: куб с ребром метров в восемь, рыжевато-бурые каменные стены, справа к стене пристроены металлические шкафы с каталожными ящиками. В центре кабинета стоял низкий стол с крышкой молочного стекла, в толще которого блестели желтые пузыри. Вокруг стола – четыре кресла на силовой подвеске.

Кинес обошел Пола, отодвинул для Джессики кресло.

Та села, отметив, как сын изучает комнату.

Пол какие-то мгновения помедлил – не садился. Легкая неправильность в движении воздуха сказала ему, что где-то справа, позади шкафов, был потайной выход из комнаты.

– Может быть, присядешь, Пол Атрейдес? – пригласил Кинес.

«Как старательно он избегает произносить мой титул», – подумал Пол. Однако он сел и молча ждал, пока усядется Кинес.

– Ты понял, что Арракис может быть раем, – начал эколог. – Но, как сам видишь, Империя присылает сюда лишь своих головорезов да охотников за Пряностью!

Пол показал ему большой палец, на который он надел герцогский перстень.

– Ты видишь это кольцо?

– Да.

– Знаешь, что это означает?

Джессика обернулась и в упор посмотрела на сына.

– Твой отец лежит, мертвый, в руинах Арракина, – сказал Кинес. – Значит, ты, теоретически, – герцог.

– Я – солдат Империи, – резко ответил Пол, – так что теоретически я – головорез...

Лицо Кинеса омрачилось.

– Даже когда над телом твоего отца стоят сардаукары?

– Сардаукары – одно, а законный источник моей власти – совсем иное, – ответил Пол.

– Арракис сам решает, кому носить мантию вождя, – отрезал Кинес.

И Джессика, вновь повернувшаяся к нему, сказала себе: «В этом человеке – сталь, никем не укрощенная... а нам нужна сталь. Но Пол играет с огнем...»

Пол же произнес:

– Сардаукары лишь показывают, как боялся Император моего отца. А теперь я дам Императору причины бояться...

– Мальчик, – сказал Кинес, – есть вещи, которые ты не...

– Впредь, – оборвал его Пол, – называй меня «сир» или «милорд».

«Мягче надо, мягче!» – воскликнула про себя Джессика. Кинес уставился на Пола, и Джессика заметила в его лице одновременно восхищение и усмешку.

– Сир, – едва уловимо помедлив, произнес Кинес.

– Я стесняю Императора, – сказал Пол. – Я стесняю всех, кто хотел бы поделить Арракис как свою добычу. И пока я жив, я намереваюсь и впредь так их стеснять, чтобы застрять в их горле, словно кость, – чтобы они подавились и задохнулись!..

– Это все слова, – отмахнулся Кинес.

Пол в упор посмотрел на него. Наконец он заговорил:

– У вас есть легенда о Лисан аль-Гаибе, о Гласе из Внешнего Мира, о том, кто поведет фрименов в рай. У вас есть...

– Предрассудки! – буркнул Кинес.

– Возможно, – согласился Пол, – а может быть – и нет... Порой у предрассудков бывают странные корни и еще более странные плоды.

– У тебя есть план... Это-то мне, по крайней мере, ясно... сир.

– Могли бы твои фримены предоставить мне бесспорные доказательства того, что во всех этих делах замешаны сардаукары, переодетые в харконненскую форму?

– Пожалуй, да.

– Император, разумеется, вернет здесь власть Харконненам, – пояснил Пол. – Может быть, даже назначит правителем Зверя Раббана. Пусть. Но раз Император позволил себе увязнуть здесь так, что ему уже не скрыть свою вину, – пусть считается с возможностью представления Ландсрааду официального протеста. Пусть он ответит там, где...

– Пол! – воскликнула Джессика.

– Предположим, что Высший Совет Ландсраада примет твое дело к рассмотрению, – возразил Кинес. – Тогда возможен лишь один исход: тотальная война Империи и Великих Домов.

– Хаос, – кивнула Джессика.

– Но я, – сказал Пол, – представлю свое дело не им, а самому Императору. И предложу ему альтернативу хаосу.

– Шантаж? – сухо спросила Джессика.

– Ну, шантаж – это лишь один из инструментов политики, как ты сама объясняла, – ответил Пол, и Джессика услышала горечь в его голосе. – Дело в том, что у Императора нет сыновей. Только дочери.

– На трон метишь? – усмехнулась Джессика.

– Император не посмеет рисковать – тотальная война может взорвать Империю, – сказал Пол. – Сожженные планеты, всеобщий хаос – нет, на такой риск он не пойдет.

– Ты затеваешь отчаянную игру, – задумчиво сказал Кинес.

– Чего более всего боятся Великие Дома Ландсраада? – спросил Пол. – Больше всего они боятся именно того, что происходит на Арракисе – здесь и сейчас. Того, что сардаукары перебьют их поодиночке, одного за другим. Вот, собственно, почему и существует Ландсраад. Это – то, что сцементировало Великую Конвенцию. Лишь объединившись, Великие Дома могут противостоять силам Империи.

– Но они...

– Они боятся именно этого, – повторил Пол. – Арракис станет для них тревожным сигналом. Каждый из них увидит себя в моем отце – увидит, как волки отбивают овцу от стада и режут ее...

Кинес обратился к Джессике:

– Может сработать этот план?

– Я не ментат, – ответила Джессика.

– Но ты – из Бене Гессерит.

Она испытующе взглянула на него, затем произнесла:

– В его плане есть и сильные, и слабые стороны... как у любого плана на этом этапе. И всякий план зависит от исполнения не меньше, чем от замысла...

– «Закон есть высшая наука», – процитировал Пол. – Так начертано над воротами императорского дворца. Вот я и хочу показать ему, что такое закон.

– Главное же, я не уверен, что могу доверять тому, кто задумал подобное, – проговорил Кинес. – У Арракиса есть собственный план, который мы...

– Взойдя на трон, – спокойно сказал Пол, – я смогу мановением руки превратить Арракис в рай. Этой монетой я и собираюсь заплатить за вашу поддержку.

Кинес застыл.

– Моя преданность не продается, сир.

Пол в упор взглянул на него через стол, встретив холодный блеск синих – синих-на-синем – глаз. Он изучил властное выражение обрамленного бородой лица, и жесткая улыбка коснулась его губ.

– Хорошо сказано, – промолвил он. – Я приношу свои извинения.

Кинес посмотрел Полу в глаза и наконец произнес:

– Ни один из Харконненов никогда не признавал своих ошибок. Возможно, ты и не такой, как они, Атрейдес.

– Может быть, таковы уж недостатки их воспитания, – усмехнулся Пол. – Ты сказал, что твоя преданность не продается, но, думаю, есть у меня такая монета, которую ты согласишься принять. За твою преданность я предлагаю свою преданность. Целиком и полностью.

«Мой сын в полной мере обладает знаменитой искренностью Атрейдесов. У него есть это поразительное, граничащее с наивностью, чувство чести – и какое же это великое оружие!..»

Она видела, как потрясли Кинеса слова сына.

– Чепуха, – сказал Кинес. – Ты всего лишь мальчик, и...

– Я – герцог, – поправил Пол. – И я – Атрейдес. Атрейдесы никогда не нарушали такой клятвы.

Кинес сглотнул.

– Когда я говорю «целиком и полностью», – продолжал Пол, – я не делаю никаких оговорок. Я готов, если нужно, отдать за тебя жизнь.

– Сир! – вырвалось у Кинеса. Но теперь Джессика видела, что он обращается не к пятнадцатилетнему мальчику, а к мужчине – и к высшему. Теперь Кинес не иронизировал – королевское обращение значило именно то, что должно значить.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пола, – мелькнуло в голове у Джессики. – Как у Атрейдесов получается это – так легко, так быстро?..»

– Я вижу, что ты говоришь то, что думаешь, – сказал Кинес. – Однако Харкон...

Дверь за спиной Пола распахнулась от удара. Он резко обернулся – и увидел, что там идет бой. Слышались крики, звон стали, мелькали в проходе искаженные восковые лица.

Пол и Джессика метнулись к двери. Айдахо защищал проход; сквозь мерцание щита сверкали налитые кровью глаза. К Айдахо тянулись руки врагов, сверкающие дуги стали тщетно обрушивались на его щит. Оранжево сверкнуло пламя станнера, но щит отразил его стрелку. И казалось, что клинки Айдахо находятся одновременно всюду. С них срывались тяжелые красные капли.

Потом рядом с Полом вдруг оказался Кинес. Вдвоем они изо всех сил навалились на дверь. Пол в последний раз увидел Айдахо, отражавшего натиск целой толпы солдат в харконненских мундирах, запомнил его таким – резкие, рассчитанные движения, черные космы, в которых расцвел алый цветок смерти... затем дверь закрылась. Кинес с лязгом задвинул засовы.

– Похоже, я сделал выбор, – проговорил он.

– Кто-то успел засечь ваши машины, прежде чем они отключились, – сказал Пол. Он взял мать за руку, отвел ее от двери и увидел отчаяние в ее глазах.

– Я должен был заподозрить неладное с самого начала – когда нам не принесли кофе, – сказал Кинес.

– У тебя здесь есть потайной выход, – сказал Пол. – Воспользуемся им?

Кинес глубоко вздохнул:

– Эта дверь продержится минут двадцать – если они не применят лучемет.

– Они побоятся стрелять из лучемета – на случай, если с нашей стороны двери есть действующий щит, – уверенно сказал Пол.

– Это были сардаукары в харконненских мундирах, – прошептала Джессика.

Раздались мощные, ритмичные удары в дверь.

Кинес показал на металлические шкафы вдоль правой стены:

– Сюда.

Он подошел к первому шкафу, выдвинул ящик, покрутил в нем что-то. Все шкафы отошли в сторону наподобие двери, открыв черный зев тоннеля.

– Эта дверь тоже из пластали, – заметил Кинес.

– Вы хорошо приготовились к неожиданностям, – сказала Джессика.

– Мы восемьдесят лет жили под Харконненами, – ответил Кинес. Он провел их в темноту хода и закрыл вход.

Во мраке Джессика разглядела на полу перед собой светящуюся стрелу.

Сзади раздался голос Кинеса:

– Здесь мы расстанемся. Эта стена прочнее – она продержится не меньше часа. Идите вот по таким светящимся стрелкам – они будут гаснуть за вами. Стрелки проведут вас через лабиринт к другому выходу – там у меня спрятан топтер. Этой ночью в пустыне буря. Ваша единственная надежда – догнать ее, оседлать и лететь вместе с ней, на гребне. Мои люди проделывали такое, когда угоняли топтеры. Если вы продержитесь высоко на гребне – вы уцелеете...

– А что будет с тобой? – спросил Пол.

– Попробую уйти другой дорогой. Если меня и схватят... что же, я пока еще остаюсь Имперским Планетологом. Скажу, что был вашим пленником.

«Бежим, словно трусы, – подумал Пол. – Но что остается делать – мне надо выжить, чтобы отомстить за отца!..» Он обернулся к двери.

Джессика услышала это его движение.

– Дункан уже мертв, Пол. Ты же видел его рану. Ему уже не поможешь.

– Когда-нибудь они мне дорого заплатят за всех, – тяжело сказал Пол.

– Только если поспешишь сейчас, – отозвался из темноты Кинес, и Пол почувствовал его руку на плече.

– Где мы встретимся, Кинес? – спросил мальчик.

– Я прикажу фрименам разыскать вас. Путь бури известен... А теперь поторопитесь – и пусть Великая Мать дарует вам быстроту и удачу...

Они услышали стремительные шаги по неровному каменному полу во тьме – Кинес уходил.

Джессика нащупала руку Пола.

– Нам нельзя разойтись, – сказала она.

– Да.

Они прошли первую стрелку – та погасла, едва лишь они коснулись ее. Впереди зажглась другая.

Они прошли и ее и, как только она погасла, увидели вдали следующую.

Теперь они бежали.

«Планы внутри планов, и в них опять планы, и в них – новые планы, – подумала Джессика. – Не стали ли мы теперь сами частью чьих-то планов?»

Стрелки вели их, указывая повороты, мимо боковых ответвлений, еле различимых в слабом люминесцирующем свете. Некоторое время путь вел вниз, но затем начал неуклонно подниматься. Наконец они взбежали по ступеням, повернули и вскоре уперлись в стену с черной ручкой посредине. Пол повернул ее, и дверь стремительно распахнулась. Вспыхнули лампы, осветив высеченную в скале пещеру, посреди которой стоял на своих пружинистых амортизаторах орнитоптер. Дальше была гладкая серая стена с идеограммой «Выход» на ней.

– Интересно, куда пошел Кинес? – тихо спросила Джессика.

– Он поступил в точности так, как должен был поступить всякий хороший партизанский вожак, – ответил Пол. – Разбил нас на две группы и сделал так, что, даже если его

схватят, он не сможет сказать, где мы. Он просто не будет этого знать.

Пол ввел ее в зал с орнитоптером, отметил, что каждый их шаг поднимает облачка пыли.

– Никто не входил сюда уже очень давно, – сказал он.

– Он был так уверен, что фримены найдут нас, – заметила Джессика.

– Я тоже в этом уверен.

Пол отпустил ее руку, подошел к машине слева, открыл дверцу и уложил рюкзак на заднем сиденье, пристегнув его.

– Топтер экранирован от масс-детекторов, – деловито сообщил он. – На приборную панель вынесено дистанционное управление механизмом дверей и светом. Да, восемьдесят лет под Харконненами научили их ничего не упускать из виду.

Джессика прислонилась к другому борту, восстанавливая дыхание.

– Харконнены наверняка установили наблюдение за всем этим районом, – сказала она. – Они кто угодно, только не дураки.

Она обратилась к своему чувству направления и добавила, показывая направо:

– Буря, которую мы видели, в той стороне.

Пол кивнул. Ему не хотелось ничего делать. Он знал почему – но пользы от этого знания было мало. В какой-то момент этой ночью он направил линию своего решения в глубокую неизвестность. Он представлял себе окружавшую их область времени – но «здесь-и-сейчас» оставалось для него тайной. Словно он видел самого себя со стороны – спускающимся в долину и исчезающим из виду. Он знал, что из множества лежащих там путей лишь некоторые выведут Пола Атрейдеса наверх, к свету, но большинство путей уводило во мрак.

– Чем дольше мы будем ждать, тем лучше они успеют приготовиться, – напомнила Джессика.

– Забирайся внутрь и пристегнись, – ответил Пол. Затем сел в машину сам, все еще борясь с пугающей мыслью о том, что это – «слепая» земля, недоступная пророческому ви́дению. Внезапно он осознал, что все больше полагается на свои пророческие видения, и именно это ослабило его теперь, в момент действия. Не зря учили Бене Гессерит: «Если доверяешься только зрению, все остальные чувства слабеют». Теперь он понял это по-настоящему и обещал себе, что больше в эту ловушку не попадется, если останется жив.

Пол застегнул пристежные ремни, убедился, что и мать пристегнулась, проверил аппаратуру топтера. Поблескивал тонкий металлический каркас расправленных крыльев. Он тронул клавишу ретрактора – крылья сложились для старта на реактивной тяге, как учил его Гурни Халлек. Легко повернулась рукоятка стартера, двигатели ожили, и вспыхнули циферблаты на приборной панели. Затем негромко засвистели турбины.

– Готова? – спросил он.

– Да.

Он нажал дистанционный выключатель – и в пещере погас свет.

Их охватила тьма.

Он видел свою руку как темную тень над светящимися циферблатами. Затем включил механизмы дверей, и впереди раздался скрежет. Прошуршал осыпавшийся песок, его щек коснулся порыв пыльного горячего ветра. Он захлопнул дверь кабины, ощутив повышение давления.

В темноте открывшегося прямоугольного проема мерцали за пыльной завесой звезды. В их свете обозначился скальный карниз, а за ним – море песчаных волн.

Пол вжал в панель светящуюся клавишу. Хлопнули крылья, резким взмахом подняв орнитоптер из его гнезда. Огненные струи ударили из турбин, крылья приняли угол для набора высоты.

Джессика, не касаясь клавиш, прошлась рукой по дублирующему пульту и почувствовала, как уверенно сын ведет

машину. Она была одновременно испугана и возбуждена. Сейчас вся надежда – на выучку Пола. На его юность и быстроту...

Пол прибавил тягу. Топтер резко пошел вверх, вжав их в сиденья. Закрывая звезды, впереди вставала темная стена. Он увеличил площадь крыла и добавил энергии двигателям.

Еще несколько раз с силой ударили крылья, и они поднялись над посеребренными звездным светом вершинами скал. Красная от пыли Вторая луна встала над горизонтом справа, четко обрисовав силуэт бури.

Руки Пола замелькали над приборами. Крылья почти полностью ушли в корпус. Тяжесть навалилась на них, когда топтер вошел в крутой вираж.

– Позади реактивные выхлопы!

– Видел.

Он до отказа отжал сектор газа.

Словно вспугнутый зверь, топтер рванулся вперед, на юго-запад, к буре и обширному заливу песчаного океана. Под ними мелькнули ломаные тени – здесь скальное основание уходило под пески, а дальше тянулись лишь полукруглые гребни дюн.

А над горизонтом, словно чудовищная исполинская стена, вставала буря.

Что-то тряхнуло орнитоптер.

– Это взрыв! – выдохнула Джессика. – Они стреляют из чего-то вроде пушек или ракетных...

Неожиданно для нее Пол как-то по-звериному ухмыльнулся.

– Похоже, они не рискуют больше палить из лучеметов, – заметил он.

– Но у нас нет щитов!

– А откуда им это знать?..

Машину вновь тряхнуло.

Пол, изогнувшись, глянул назад.

– Только один из них может угнаться за нами, у остальных не хватит скорости, – сказал он.

Он вновь повернулся вперед – там росла стена бури, казавшаяся плотной, ощутимой, она угрожающе нависла над ними.

– Пусковые установки... ракеты... прочее древнее оружие – вот что мы непременно дадим фрименам, – прошептал Пол.

– Буря, – проговорила Джессика. – Может, лучше повернуть?

– А что та машина позади нас?

– Догоняет.

– Держись!..

Пол втянул крылья почти до отказа, и в крутом левом вираже вошел в обманчиво медленно кипящую стену, почувствовал, как ускорение оттягивает щеки.

Казалось, они просто вошли в пыльное облако, но оно становилось все плотнее и плотнее и наконец закрыло пустыню и луну... Кабина топтера погрузилась во мрак, озаряемый лишь зеленоватым светом приборов, за стенками шуршало и свистело.

Джессика вспомнила все ужасы, какие рассказывали про здешние бури, которые режут металл, точно масло, срывают с костей мясо, а затем истачивают самые кости. Почувствовала, как вздрагивает топтер под напором напитанного пылью ветра, игравшего машиной, пока Пол сражался с управлением. Вдруг он отключил энергию – и аппарат сразу вздыбился, его металл задребезжал, зашипел.

– Песок!.. – закричала Джессика.

В свете приборов она увидела, как Пол помотал головой:

– На такой высоте песка почти нет!..

Но она чувствовала, как их затягивает в этот песчаный Мальстрем[9].

---

[9] Мальстрем – знаменитые водовороты у Лофотенских островов (Норвегия). В переносном значении – мощный водоворот.

Пол расправил крылья на полный размах, услышал, как они заскрипели от напряжения. Он не сводил глаз с приборов и по наитию парил, набирая высоту, сражаясь за каждый метр.

Свист и вой за бортом стали тише.

Топтер начал крениться на левое крыло. Пол отдал все внимание светящемуся глобусу авиагоризонта и сумел-таки выровнять машину.

У Джессики было странное ощущение, будто они неподвижны, а движется все вокруг. Лишь стремительно текущие по остеклению буроватые струи да громкий шелест за обшивкой напоминали ей о бушующих вокруг силах.

«Скорость ветра – километров шестьсот – семьсот, – подумала она. В крови пылал адреналин. – Я не должна бояться, – начала она про себя литанию против страха Бене Гессерит, беззвучно выговаривая слова. – Ибо страх убивает разум...»

Постепенно ее долгая подготовка взяла верх.

Спокойствие и самообладание вернулись к ней.

– Мы ухватили тигра за хвост, – прошептал Пол. – Мы не можем спуститься, не можем сесть... и поднять машину выше я тоже вряд ли сумею. Придется нестись вместе с бурей, пока она не выдохнется.

Мгновенно ее спокойствие испарилось. Джессика почувствовала, как стучат ее зубы, стиснула их. Затем раздался тихий, спокойный голос Пола:

– «Страх убивает разум. Страх – есть малая смерть, влекущая за собой уничтожение. Но я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. А когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего – лишь я, я сам».

* * *

Что ты презираешь? Скажи, и я узнаю, кто ты: именно это определяет твою истинную суть.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб»

– Они мертвы, мой барон, – доложил капитан Йакин Нефуд, начальник баронской охраны. – И мальчишка, и женщина, без сомнения, мертвы.

Барон Владимир Харконнен сел в своей кровати с силовой подвеской. Его опочивальня размещалась в самом сердце севшего в Арракине фрегата, словно в яйце с многослойной скорлупой. Впрочем, в баронских апартаментах металл обшивки был скрыт тяжелыми драпировками, мягкой матерчатой обивкой, подушками и редкостными произведениями искусства.

– Это точно, – повторил капитан. – Они мертвы.

Жирное тело барона шевельнулось в силовой паутине постели, он уставился на эболиновую статую прыгающего мальчика в нише напротив. Сон исчез. Он поправил под толстой, в складках, шеей подушку со спрятанным внутри генератором подвески, и в свете единственного в опочивальне плавающего светильника перевел взгляд на стоящего в дверях капитана Нефуда – тот не мог переступить порог перекрытой пентащитом двери.

– Они, несомненно, мертвы, – вновь повторил охранник. Барон заметил, что глаза Нефуда все еще мутны от семуты.

Было очевидно, что бравый капитан был в глубоком наркотическом трансе, когда получил сообщение, и, успев только принять антидот, бросился сюда, к хозяину.

– У меня есть подробный рапорт, – пробормотал Нефуд.

«Пусть попотеет немного, – подумал барон. – Инструменты власти всегда надлежит держать отточенными и наготове. Сила и страх – вот что оттачивает и готовит их...»

– Ты сам видел тела? – прогудел барон. Нефуд замялся.

– Ну?

– Милорд... видели, как они нырнули в песчаную бурю... сила ветра – больше восьмисот километров в час... Никто не выйдет живым из такой бури, милорд! Никто и ничто! Погибла одна из преследовавших их наших машин...

Барон внимательно смотрел на Нефуда и отмечал, как у того нервно подергивается мускул на скуле, как двигается подбородок, когда Нефуд, волнуясь, сглатывает слюну.

– Так ты видел тела? – повторил барон.

– Милорд...

– Так что же ты явился сюда распускать перья и греметь доспехами?! – прорычал барон. – Чтобы сказать «несомненно» про то, чего точно не знаешь?! Может, надеешься, что я похвалю тебя за глупость, да еще и повышение дам?!

Лицо Нефуда побелело как мел.

«Смотрите на этого труса! Цыпленок! – думал барон. – И меня окружают сплошь такие вот никчемные болваны! Рассыпь я перед ним песок и скажи, что это зерно, – ведь примется клевать!..»

– Значит, вы пришли туда, следуя за этим Айдахо? – спросил барон.

– Да, милорд.

«Ишь как бодро отвечает!» – мысленно скривился барон и вслух спросил:

– Пытались, значит, бежать к фрименам?

– Да, милорд.

– Что еще ценного было в этом твоем... рапорте?

– Имперский планетолог Кинес замешан в этом деле, милорд. Айдахо встретился с Кинесом при весьма таинственных... я бы сказал – подозрительных обстоятельствах.

– И что дальше?

– Они... э-э... вместе поспешили в некое место в Пустыне, где, очевидно, скрывались мальчишка и его мать. Увлекшись погоней, несколько групп преследования угодили под взрыв – они попали из лучемета в силовой щит...

– Сколько мы потеряли?

– Я... э-э... не знаю пока точной цифры, милорд.

«Лжет, – подумал барон. – Потери явно слишком велики».

– Значит, этот имперский лакей Кинес затеял двойную игру, а?

– Отвечаю моей репутацией, барон.

«Скажите-ка – его репутацией!..»

– Так распорядись, пусть его убьют, – велел барон.

– Милорд! Позволю себе напомнить: Кинес – Имперский планетолог, слуга Его Вели...

– Ну так сделай так, чтобы это сошло за несчастный случай!

– Милорд, вместе с нашими бойцами в захвате этого фрименского гнезда участвовали и сардаукары, и Кинес в плену у них...

– Забери его. Скажи, что я желаю лично его допросить.

– А если они откажут?

– Не откажут, если ты будешь делать все как надо.

Нефуд сглотнул:

– Слушаю, мой барон.

– Он должен умереть, – прорычал барон. – Он посмел помогать моим врагам!..

Нефуд переступил с ноги на ногу.

– Что еще?

– Милорд, сардаукары захватили... двоих людей, которые могут представлять интерес для вас. И второй – это старший асассин покойного герцога.

– Хават? Суфир Хават?!

– Я сам видел пленного, милорд. Это Хават.

– Вот не думал, что такое возможно!

– Сообщают, что в него выстрелили из станнера, милорд. В Пустыне, где он не решался пользоваться щитом. Так что его взяли практически невредимым. Если мы сумеем заполучить Хавата – нам удастся неплохо позабавиться.

– Ты говоришь о ментате, – проворчал барон. – Ментатами не бросаются. Он говорил, что он думает о поражении? Знает ли он, насколько... нет, не может быть.

– Он сказал немного, милорд, но достаточно, чтобы понять, что предателем он считает леди Джессику.

– Ах-ххх…

Барон снова откинулся на подушки, размышляя.

– Ты уверен? – спросил он наконец. – Ты уверен, что его ненависть направлена прежде всего на леди Джессику?

– Он сказал так в моем присутствии, милорд.

– Так пусть он думает, что она жива.

– Но, милорд…

– Не перебивай. Пусть с Хаватом хорошо обращаются. Я запрещаю говорить ему о докторе Юйэ, истинном предателе. Упомяните как-нибудь, что доктор Юйэ пал, защищая герцога. В каком-то смысле это даже правда… А мы укрепим его подозрения в отношении леди Джессики.

– Конечно, милорд, но…

– Хават голоден? Хочет пить?

– Милорд, но Хават все еще в руках сардаукаров!..

– Ах да. Конечно. Но сардаукары не меньше моего хотят выкачать информацию из Хавата. Я заметил кое-что в наших союзниках, Нефуд. Они не слишком ревностны… по политическим мотивам. Я уверен, что это не случайно: очевидно, так хочет Император. Да. Я в этом уверен. Вот ты и напомнишь командиру сардаукаров, что я известен своим умением выжимать информацию из самых молчаливых субъектов…

Нефуд выглядел глубоко несчастным.

– Да, милорд.

– Скажешь командиру сардаукаров, что я намерен допросить Хавата и Кинеса вместе, устроив им очную ставку и используя одного против другого. Это он, я полагаю, поймет.

– Да, милорд.

– А когда мы заполучим обоих… – Барон покивал.

– Милорд, сардаукары наверняка потребуют, чтобы их наблюдатель присутствовал на всех… допросах.

– Я уверен, что мы сумеем изобрести способ отвадить всех нежеланных наблюдателей, Нефуд.

– Понимаю, милорд. Тогда с Кинесом и произойдет несчастный случай?

– И с Кинесом, и с Хаватом, Нефуд. Но по-настоящему погибнет лишь Кинес. А Хават мне нужен. Да. Ах-х, да.

Нефуд моргнул, сглотнул. Казалось, он хотел спросить о чем-то, но удержался.

– Хавату будут давать и еду, и питье, – распорядился барон, – с ним будут обращаться хорошо, проявлять симпатию. Но в его воду ты добавишь остаточный яд, разработанный покойным Питером де Вризом. И ты же проследишь, чтобы с этого момента он регулярно получал в пище противоядие… пока я не отменю это распоряжение.

– Противоядие, да… – Нефуд потряс головой. – Но…

– Не будь так глуп, Нефуд. Герцогу почти удалось убить меня с помощью этой капсулы с ядом в зубе. Газ, который он выдохнул, метясь в меня, лишил меня лучшего моего ментата – Питера. Так что мне нужна замена.

– Хават?

– Хават.

– Но…

– Ты хочешь сказать, что Хават полностью предан Атрейдесам? Это так, но все Атрейдесы мертвы. Мы же, так сказать, совратим Хавата. Следует убедить его, что он никак не виновен в поражении герцога, что оно – дело рук бене-гессеритской ведьмы. У него был слабый хозяин, чей разум был замутнен эмоциями. Ментаты, знаешь ли, высоко ценят умение вычислять, не отвлекаясь эмоциями, Нефуд. Вот мы и совратим нашего славного, грозного, неподкупного Суфира Хавата.

– Совратим его… Да, милорд.

– Прежний хозяин Хавата, к несчастью, был не слишком состоятелен и не мог поднять своего ментата к вершинам разума – что есть право ментата. Хават, несомненно, поймет, что в этом есть некая доля правды. Так, герцог не мог позволить себе нанять максимально эффективных шпионов, чтобы обеспечить своего ментата необходимой

информацией. – Барон поглядел на Нефуда. – Не будем себя обманывать, Нефуд: правда – это мощное оружие. Мы знаем, чем мы победили Атрейдесов; знает и Хават. Мы победили их своим богатством.

– Богатством. Да, милорд.

– Итак, мы совратим Хавата, – повторил барон. – Мы укроем его от сардаукаров. И мы будем держать в резерве… возможность в любой момент прекратить введение противоядия. Остаточный яд невозможно вывести из организма. И, Нефуд, Хавату незачем знать про этот яд. Противоядие не обнаруживается ядоискателем. Пусть себе Хават исследует свою пищу сколько хочет – даже следа яда он не обнаружит.

Глаза Нефуда расширились – он наконец понял.

– Отсутствие некоторых веществ бывает так же смертоносно, как и присутствие других, – усмехнулся барон. – Вот, скажем, отсутствие воздуха, а? Или воды. Отсутствие чего угодно, к чему мы привыкли и от чего зависим. – Барон многозначительно кивнул. – Ты понял, о чем я говорю, Нефуд?

Нефуд сглотнул:

– Да, милорд.

– А раз понял – займись делом. Разыщи командира сардаукаров и приступай.

– Сию минуту, милорд. – Нефуд поклонился, повернулся и поспешно удалился.

«Только представить – Хават на моей стороне! – подумал барон. – Сардаукары отдадут мне его. Если они что и заподозрят – так только что я хочу его – ментата! – уничтожить. Что ж, я помогу им впасть в такое заблуждение. Дурачье! Один из самых грозных ментатов во всей истории – ментат, которого научили убивать! – и они отдадут его мне, словно никчемную игрушку, которую не жаль и сломать. А я – я покажу им, на что годится такая игрушка!..»

Барон протянул руку под драпировку подле постели и нажал кнопку, вызывая своего старшего племянника, Раббана. Улыбаясь, откинулся назад.

И все Атрейдесы мертвы!

Дурак капитан прав, конечно. Ничто, попавшее в песчаную бурю Арракиса, не спасется. Во всяком случае, орнитоптер обречен… как и его пассажиры. Женщина и мальчишка мертвы. Взятки нужным людям, немыслимые расходы на доставку на планету достаточной для обеспечения подавляющего превосходства армии… хитроумные доносы, предназначенные лишь для ушей самого Императора, все тщательно продуманные интриги наконец принесли плоды.

Сила и страх – страх и сила!..

Барон уже ясно представлял, что будет дальше. Однажды Харконнен станет Императором. Не он сам, конечно, и вряд ли прямой его отпрыск. Но – Харконнен! Только, конечно, не Раббан, которого он сейчас вызвал. А – младший брат Раббана. Юный Фейд-Раута. Его ум и хитрость были по душе барону. Особенно же его… злобность.

Чудесный мальчуган. Через год-два – когда ему будет семнадцать – станет окончательно ясно, выйдет ли из него орудие, с помощью которого Дом Харконнен добудет трон…

– Приветствую вас, милорд барон…

За полем дверного щита баронской опочивальни стоял невысокий, полный, с широким лицом человек, в котором ясно проглядывали родовые черты Харконненов по мужской линии – близко посаженные глаза, массивные плечи. Он был жирноват, но еще достаточно гибок. Впрочем, было очевидно, что рано или поздно и ему придется поддерживать лишний вес генераторами силовой подвески…

«Мышцы вместо мозга – танк, да и только, – подумал барон. – Да уж, не ментат мой племянничек, далеко не… Не Питер де Вриз, хотя, возможно, для непосредственно стоящей перед нами задачи Раббан как инструмент даже ценнее… Если дать ему свободу действий… он сотрет в пыль все на своем пути. О, как же будут его ненавидеть на Арракисе!..»

– А, мой дорогой Раббан, – приветливо сказал барон, снимая пентащит со входа, впрочем, индивидуальный щит он одновременно и демонстративно перевел на полную

мощность. Он знал, что в свете плавающей лампы его мерцание будет хорошо заметно.

– Вы вызвали меня... – сказал Раббан, переступая порог. Он бросил взгляд на колеблющийся воздух вокруг барона, поискал плавающее кресло, не нашел.

– Встань поближе, чтобы я тебя лучше видел, – велел барон. Раббан подошел еще на шаг. Ясно, что чертов старик специально велел убрать все кресла – чтобы посетители стояли.

– Атрейдесы мертвы, – объявил барон. – Все до единого. Вот почему я вызвал тебя сюда, на Арракис. Эта планета снова твоя.

Раббан моргнул:

– Н-но... я думал, что вы хотите сделать Питера де Вриза...

– Питер тоже мертв.

– Питер?!

– Питер.

Барон вновь включил пентащит и перевел его в режим полного отражения любой энергии.

– Все-таки он вам надоел окончательно, а? – развязно спросил Раббан, но его голос в энергоизолированной комнате прозвучал тускло и безжизненно.

– Вот что я скажу тебе – и не собираюсь повторять, – прорычал барон. – Ты, похоже, позволил себе намекнуть, что я разделался с Питером так запросто, словно бы это был – так, пустячок? – Он прищелкнул жирными пальцами. – Вот такая мелочь, а?.. Так вот, племянничек: я не настолько глуп. И поверь, впредь я буду очень недоволен, если ты еще хоть раз словом или действием намекнешь, что я так глуп.

Казалось, Раббан начал косить сильнее обычного: он был испуган. Он-то знал, насколько далеко может зайти барон в гневе на членов собственной семьи. Правда, смертью дело кончалось редко – если такая смерть не сулила выгоды или виновный не чересчур напрашивался. Но семейные наказания могли быть весьма неприятны...

– Простите, милорд барон. – Раббан потупился, одновременно изображая покорность и скрывая гнев.

– Ты меня не обманешь, Раббан, – буркнул барон. Раббан, не поднимая глаз, сглотнул.

– Заруби на носу, – сказал барон, – никогда не уничтожай человека, не подумав, просто, так сказать, по законам войны. Если убиваешь – убивай для дела и знай, зачем именно!

Раббан вспыхнул:

– Но вы же убили изменника Юйэ! Я видел, как отсюда вынесли его тело – вчера, когда я прибыл.

Испугавшись звука собственных слов, Раббан уставился на дядю.

Но тот неожиданно улыбнулся.

– Я просто осторожен с опасным оружием. Доктор Юйэ был предателем, он выдал мне герцога. – Голос барона зазвучал с новой силой: – Я подчинил себе доктора Суккской школы! Внутренней Суккской школы! Ты слышишь, мальчик? Ты понимаешь, что это значит? Но это было чересчур опасное оружие, чтобы просто бросить его. Так что его я уничтожил, не бесцельно и хорошо продумав это действие...

– А Император знает, что вы сумели подчинить себе Суккского доктора?

«Вопрос прямо в точку, – мысленно скривился барон. – Неужели я недооценил племянничка?..»

– Император пока ничего не знает, – нехотя ответил он. – Но сардаукары ему обо всем доложат. Однако до того я, по каналам КООАМ, отправлю ему свой рапорт. И объясню, что мне посчастливилось найти доктора, который лишь изображал прошедшего Имперское кондиционирование. То есть фальшивого доктора, ясно? Поскольку каждый знает, что Имперское кондиционирование необратимо, – объяснение примут.

– Ах-х-х, понимаю, – пробормотал Раббан.

«Да уж, надеюсь, понимаешь, – проворчал про себя барон. – Надеюсь, ты понимаешь, что для нас жизненно важно, чтобы эта история осталась в тайне».

Внезапно барон изумился: «Зачем я сделал это? Зачем расхвастался перед этим дураком племянником, которого мне предстоит использовать и избавиться от него?..» Барон разозлился на себя. Было такое чувство, словно его предали.

– Это должно остаться в тайне, – проговорил Раббан. – Я понимаю.

Барон вздохнул.

– На этот раз ты получишь совсем иные инструкции относительно Арракиса, племянник. Когда ты правил тут раньше – я строго контролировал тебя. Теперь я требую лишь одного.

– Слушаю, милорд.

– Доходов.

– Доходов?

– Ты представляешь, Раббан, сколько нам пришлось затратить, чтобы доставить сюда такую армию? Ты хоть краем уха слыхал, сколько берет Гильдия за военные перевозки?..

– Дорого, да?

– Дорого?! – Барон ткнул в Раббана жирной рукой. – Если ты шестьдесят лет будешь сдирать с Арракиса каждый грош, который он может дать, ты едва-едва возместишь наши расходы!

Раббан открыл было рот, но снова закрыл, не в силах сказать хоть что-нибудь.

– «Дорого!» – передразнил барон с презрительной гримасой. – Проклятая монополия Гильдии на космические перевозки пустила бы меня по миру, не запланируй я эти расходы уже очень давно. Ты должен знать, что это именно мы, и только мы, оплатили всю операцию. Включая даже перевозку сардаукаров.

И – уже далеко не в первый раз – барон подумал о том, придет ли когда-нибудь время, когда можно будет как-нибудь обойти Гильдию, а то и вовсе обойтись без нее. Гильдия

хитра: сперва берет ровно столько, сколько можно взять без особых возражений клиента... ну а потом клиент оказывается у нее в руках, и уж тут – плати, плати и плати...

Причем всегда самые немыслимые запросы Гильдии связаны именно с военными операциями. «Наценка за риск», как называют это приторно-услужливые и скользкие агенты Гильдии. А стоит умудриться внедрить своего агента в Гильд-Банк – они подсовывают в ответ двух своих...

Невыносимо!

– Значит, доход, – повторил Раббан. Барон сжал руку в кулак:

– Дави, души, выжимай!

– И, пока мне удается выжимать из них доход, я волен в остальном делать все, что хочу?

– Абсолютно все.

– Пушки, которые вы привезли сюда, – с надеждой спросил Раббан, – нельзя ли их...

– Пушки я увожу, – отрезал барон.

– Но вы же...

– Эти игрушки тебе не понадобятся. Они были хороши как сюрприз – а теперь толку от них будет мало. Как металл они нужнее. Они бесполезны против щитов, Раббан. Все дело в неожиданности. Было нетрудно предсказать, что люди герцога укроются в пещерах. И наши пушки просто закупорили их там...

– Но фримены как раз не пользуются щитами.

– Можешь, если хочешь, оставить себе часть лучеметов.

– Да, милорд. И – я получаю свободу действий?

– До тех пор, пока можешь выжимать доход...

Раббан растянул губы в зловещей и самодовольной улыбке.

– Это я совершенно ясно понял, милорд.

– «Совершенно ясно» ты не понимаешь ничего, – пробурчал барон. – Так что давай договоримся с самого начала. Все, что ты понимаешь, все, что тебе нужно понимать, – это как

исполнять мои приказы. Ты когда-нибудь думал, что на этой планете живут пять миллионов человек?

– Разве милорд забыл, что я уже был здесь его регентом-сиридаром? И если милорд простит поправку – эта цифра скорее всего занижена. Очень трудно сосчитать все так вот разбросанное по впадинам и котловинам население. А если считать еще и фрименов...

– Фрименов учитывать не стоит!

– Простите, милорд, но сардаукары придерживаются противоположного мнения...

Барон помедлил, в упор глядя на племянника.

– Что ты об этом знаешь?

– Прошлой ночью, когда я прибыл, милорд уже изволил отдыхать. Я... э-э... взял на себя смелость связаться кое с кем из моих... э-э... прежних помощников. Они служили проводниками сардаукарам и сообщают, что к северо-востоку отсюда фрименская банда подстерегла в засаде отряд сардаукаров и полностью его уничтожила.

– Уничтожила отряд сардаукаров?!

– Да, милорд.

– Невероятно!

Раббан пожал плечами.

– Фримены уничтожили сардаукаров! – скривившись, повторил барон.

– Я лишь довожу до вас то, что мне доложили, – ответил Раббан. – Мне также сообщили, что все та же банда фрименов до того захватила знаменитого Суфира Хавата, любимца герцога...

– Ах-х-ххх...

Барон, улыбаясь, покивал.

– Я верю докладу, – сказал Раббан. – Вы просто не представляете, сколько хлопот доставляли эти фримены...

– Может быть. Только твои люди видели не фрименов. Это наверняка были обученные Хаватом бойцы Атрейдесов, переодетые фрименами. Это – единственное разумное объяснение.

Раббан снова пожал плечами:

– Ну, сардаукары, во всяком случае, сочли их фрименами. И уже начали погром с целью истребить всех фрименов поголовно.

– Вот и прекрасно!

– Но...

– Сардаукарам будет чем заняться. А мы скоро заполучим Хавата. Я знаю это! Я это чувствую! Ах, какой день! Какой день! Сардаукары гоняются по пустыне за никому не нужными шайками этого отребья – а мы получаем самый ценный трофей!

– Милорд... – Раббан нерешительно нахмурился. – Милорд, я всегда чувствовал, что мы недооцениваем фрименов, как их число, так и...

– Забудь о них, мальчик. Они не в счет. Нас должны заботить города, поселки... Ведь там живет много людей, а?

– Очень много, милорд.

– Вот они-то меня и беспокоят, Раббан.

– Беспокоят вас?..

– О... положим, о девяти десятых и говорить не стоит. Но во всяком стаде, знаешь ли... Например, Малые Дома и все такие прочие... люди с излишним самомнением, которые могли бы затеять что-нибудь опасное. К примеру, если кто-нибудь из них вырвется отсюда с историей о том, что здесь произошло, я буду в высшей степени недоволен. Ты имеешь представление о том, насколько я могу быть недоволен?..

Раббан только сглотнул.

– Прежде всего возьми заложника от каждого Малого Дома, – велел барон. – Все, что должны знать за пределами Арракиса, – это что произошла обычная междоусобная война двух Домов. И никаких сардаукаров, ясно? Герцогу, как положено, предложили четверть имущества и высылку – но бедняга погиб от несчастного случая прежде, чем успел принять мои условия. А ведь уже собирался их принять! Вот и всё. А любой слух о каких-то сардаукарах на Арракисе достоин лишь осмеяния.

– Как угодно Императору, – кивнул Раббан.

– Да, именно. Как угодно Императору.

– А что насчет контрабандистов?

А кто поверит контрабандистам? Их терпят – но им не верят. Впрочем, на всякий случай попробуй кое-кого из них подмазать... ну и принять другие необходимые меры. Не мне тебя учить – какие...

– Да, милорд.

– Итак, вот все мои инструкции относительно Арракиса, Раббан: доход – и твердая рука. Никакого снисхождения! Считай этих недоумков теми, кто они есть – рабами, которые завидуют своим хозяевам и только и ждут, чтобы представилась возможность для мятежа. И – ни намека на жалость или милосердие!..

– В одиночку – истребить население целой планеты? – спросил Раббан.

– Истребить? – Удивление барона выразилось в резком повороте его головы. – Кто сказал – истребить?!

– Н-ну... я понял так, что вы хотите заселить Арракис заново, и...

– Я, племянничек, приказал «выжимай», а не «уничтожай». Не расходуй людишек понапрасну – лишь приведи их к полной покорности. Ты должен стать хищником, мой мальчик.

Барон улыбнулся совсем по-детски – на пухлых щеках появились младенческие ямочки.

– Хищник никогда не останавливается. И ты не давай пощады, не останавливайся. Милосердие – это химера. Желудок отбросит его голодным урчанием; горло – хрипом жажды. Вот и будь всегда алчен, голоден и жаждущ, – барон погладил свое нежащееся в силовой подвеске тело, словно составленное из жировых шаров, – как я.

– Понимаю, милорд...

Раббан повел глазами по сторонам.

– Что-то еще неясно, племянник?

– Только одно, дядя: что сделать с планетологом, Кинесом?

– Ах да, Кинес.

– Ведь он – человек Императора, милорд. И имеет право поступать как сочтет необходимым и полную свободу перемещения. И к тому же он очень близок с фрименами… даже женат на фрименке.

– Кинес умрет до наступления завтрашней ночи.

– Опасное дело, милорд, – убивать слугу Императора.

– А как, по-твоему, удалось мне так быстро добиться всего, чего я добился? – Барон говорил тихо, но в его голосе ясно слышались не произнесенные вслух ругательства. – Кстати, нечего бояться, что Кинес покинет Арракис. Ты забыл – он же привык к Пряности.

– Да, правда…

– Кто знает – будет молчать, чтобы не лишиться Пряности, – сказал барон. – Кинес – умный человек и много знает…

– Я забыл, – кивнул Раббан.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец барон снова заговорил:

– Кстати. В первую очередь займешься возобновлением моих собственных запасов Пряности. Личный запас у меня неплох, но тот рейд герцогских сорвиголов – самоубийственный, надо сказать, рейд – лишил меня почти всей Пряности, предназначенной на продажу.

– Слушаюсь, милорд, – кивнул Раббан.

Барон улыбнулся.

– Завтра прямо утром соберешь всех, кто там еще остался от администрации, и объявишь им: «Наш Великий Падишах-Император повелел мне вступить во владение этой планетой и тем прекратить раздоры».

– Понял, милорд.

– Вот теперь я вижу, что ты действительно понял все, что требовалось. А сейчас оставь меня – я не выспался.

Барон отключил пентащит двери и проводил племянника взглядом. «Да, мозги как у танка, – думал барон, –

мышцы вместо мозгов. Когда он закончит разбираться с Арракисом, планета превратится в кровавую кашу. И вот тогда-то я и пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы он освободил народ от бремени, – и народ будет ликованием встречать своего избавителя. Фейд-Раута любимый, Фейд-Раута благословенный, в сострадании народу избавивший его от Зверя. Фейд-Раута, за которым пойдут – даже на смерть. А мальчик к этому времени научится искусству подавлять без вредных для себя последствий... Да, я уверен – нам нужен именно он. Он научится. И... какое прелестное тело. Да. Прелестный мальчик».

* * *

В пятнадцать лет он уже научился молчанию.
Принцесса Ирулан. «История Муад'Диба для детей»

...Борясь с рычагами орнитоптера, Пол осознал вдруг, что его разум перебирает сплетенные вокруг машины силы урагана и, много эффективнее разума ментата, просчитывает необходимые действия на основе раздробленной на мельчайшие частицы информации. Он чувствовал пылевые фронты, движения воздушных масс, турбулентности, смерчевые потоки...

Коробка кабины была освещена изнутри лишь зеленой люминесценцией циферблатов. Поток бурой пыли снаружи казался бесформенным – но его внутренняя сущность начала уже проглядывать сквозь струящуюся завесу.

Надо найти подходящий вихрь.

Пол уже давно заметил, что буря начала понемногу стихать – но она все еще бросала и вертела легкую машину. Пол дожидался нужного вихря.

И он пришел. Сначала это был вихревой вал, накативший и сотрясший топтер. Все в машине задребезжало.

Подавив страх, Пол круто развернул ее влево, положив на крыло.

Джессика заметила этот маневр только по глобусу авиагоризонта.

– Пол! – закричала она.

Вихрь мотал машину, пытался скрутить ее, поворачивал и тащил. Вдруг он подбросил топтер, точно гейзер, ударивший в дно, подбросил и поднял высоко вверх. Топтер завертелся – крылатая мошка в винтящемся пыльном столбе под лучами Второй луны.

Пол взглянул вниз и увидел этот столб пыльного горячего воздуха, извергнувший их. Увидел затухающую бурю – пыльная река, серебрящаяся в лунном свете, текла умирать в глубь Пустыни. Она уменьшалась – топтер продолжал подниматься с восходящим потоком.

– Вырвались, – выдохнула Джессика.

Пол вывел машину из потока и начал снижение, оглядывая ночное небо.

– От них мы ушли, – прокомментировал он.

Джессика чувствовала, как бешено стучит ее сердце, и заставила себя успокоиться, глядя вслед уходящей буре. Ее чувство времени говорило, что они мчались в сердце сплетения элементарных сил почти четыре часа – но часть ее сознания уверяла, что они провели в объятиях бури целую жизнь. Джессика чувствовала себя рожденной заново.

«Как в литании, – подумала она. – Мы встретили бурю лицом к лицу и не сопротивлялись ей. Буря прошла сквозь нас и вокруг нас. Она ушла – а мы остались».

– Не нравится мне, как крылья шумят, – сказал Пол. – У нас явно повреждения.

Через рукоятки управления он ощущал, как скрежещут истерзанные крылья. Да, от бури они вырвались – но способность предвидения еще не вернулась к нему. Перед ним попрежнему была тьма. И все же они спаслись, и Пол чувствовал, как дрожит в преддверии откровения...

Да, он действительно дрожал.

Ощущение было магнетическим. Пугающим. Вдруг он обнаружил, что все время думает о том, что вызвало к жизни это необычное предзнание, эту дрожь сверхвосприятия... Отчасти причиной было большое количество Пряности в арракийской пище. Но ему казалось, что не менее важна и литания – словно ее слова обладали собственной силой.

... Я не боюсь, я не буду бояться...

Причина и следствие: он выжил вопреки обрушившимся на них враждебным силам – и он чувствовал теперь, что стоит на грани того необычного восприятия... которого не было бы без магии литании.

В его голове зазвучали строки Экуменической Библии: Каких чувств не хватает нам, чтобы воспринимать окружающий нас иной мир?..

– Со всех сторон скалы, – сказала Джессика.

Пол не отвечал – посадка требовала внимания. Он потряс головой, чтобы прийти в себя. Он взглянул, куда указывала мать: впереди и справа из песка поднимались черные камни. Ветерок щекотал его лодыжки и крутил по кабине пыль – значит, где-то дырка, на память от бури...

– Лучше садись на песок, – посоветовала Джессика. – Крылья могут отказать при торможении...

Он кивком показал вперед, где лунный свет омывал побитые песком скалы:

– Сажусь вон у тех скал. Проверь пристежные ремни...

Она автоматически повиновалась. «У нас есть вода и дистикомбы, – думала она, – если сумеем найти в Пустыне пищу, продержимся довольно долго. Живут же тут фримены – что могут они, как-нибудь сможем и мы...»

– Как только остановимся, – отрывисто сказал Пол, – беги к скалам. Вещи я захвачу.

– Бежать?.. – Она замолчала и, поняв, кивнула. – Черви.

– Не просто черви, а наши друзья черви, – поправил он. – Они позаботятся о топтере: никаких следов посадки не останется.

«Как он все обдумал...» – мелькнуло у Джессики.

Они планировали, спускаясь все ниже... ниже... Внезапно плавное скольжение в небе превратилось в стремительный полет – ощущение скорости создали близкие теперь тени дюн и скалы, встающие из них подобно островам. Топтер с мягким толчком чиркнул фюзеляжем о гребень дюны, перелетел низинку и коснулся верхушки следующей дюны.

Он сбивает скорость, поняла Джессика и не могла не восхититься его умением и собранностью.

– Держись! – предупредил Пол.

Он потянул рычаг, тормозя крыльями – сначала мягко, плавно, потом все увеличивая угол. Почувствовал, как изогнулись крылья, как падает подъемная сила с изменением угла атаки. Ветер запел в отогнутых кроющих и маховых перьях.

Внезапно расшатанное бурей левое крыло вывернулось вверх и внутрь, хлопнув по борту орнитоптера. Машина шлепнулась на песчаный гребень и, кренясь влево и разворачиваясь, заскользила вниз. Ударившись о следующую дюну, она глубоко зарылась в нее носом, обрушив каскады песка. Левое, сломанное крыло оказалось внизу – топтер упал набок, – а правое задралось к звездному небу.

Пол рывком отстегнул ремни, потянулся наверх, через мать, открыл правую дверцу. В кабину ворвался песок, а с ним – сухой запах обожженного кремня. Пол схватил рюкзак с заднего сиденья, убедился, что мать уже освободилась от своих ремней. Затем она выбралась наружу, на металлическую обшивку топтера. Пол, волоча рюкзак за лямки, последовал за ней.

– Бегом! – приказал он, указывая на склон дюны, над которым высилась источенная песком каменная башня.

Джессика спрыгнула с топтера и, спотыкаясь и поскальзываясь на осыпающемся песке, побежала. Пол, тяжело дыша, следовал за ней. Наконец они выбрались на вершину песчаного гребня, плавным изгибом уходившего к скалам.

– По гребню! – скомандовал Пол. – Так быстрее...

Они побежали по осыпающемуся песку.

И тут заметили новый, постепенно нарастающий звук: шорох, шелест, сухое наждачное поскрипывание.

– Червь, – сказал Пол.

Звук нарастал.

– Быстрее! – задыхаясь, крикнул Пол.

Первый скальный выступ – словно пологий берег песчаного моря – был не больше чем в десятке метров, когда позади раздался хруст и скрежет металла.

Пол перебросил рюкзак в правую руку – при каждом шаге он хлопал его по ноге, – а левую руку дал матери. Она уже карабкалась по камню, усыпанному щебнем и окатанной песком и ветром мелкой галькой – по изогнутому каналу, прогрызенному ветром – захлебываясь сухим, колючим воздухом...

– Я не могу больше бежать, – задыхаясь, проговорила Джессика.

Пол остановился. Втолкнул ее в расщелину и обернулся к пустыне. Вдоль их скального острова быстро ползла продолговатая песчаная гора. В лунном свете были отчетливо видны рябь на песке, волны – и гребень движущейся горы, почти на уровне глаз Пола. До нее было около километра.

След червя – гряда низких пологих дюн – изгибался, делая петлю там, где они бросили разбитый орнитоптер.

Но червь прошел там, и не осталось даже следа орнитоптера.

Движущийся холм повернул в пустыню и пересек свой след, словно ища что-то.

– Да он больше гильдийского корабля, – потрясенно прошептал Пол. – Мне говорили, что в глубокой Пустыне встречаются большие черви, но я не представлял... насколько большие...

– Я тоже, – выдохнула Джессика.

Чудовищная тварь вновь отвернула от скал и, набирая скорость, по плавной дуге устремилась к горизонту. Они

вслушивались в звук его движения, пока зловещий шорох не растаял в тихом шелесте вечно подвижного песка.

Пол глубоко вздохнул, взглянул на посеребренные луной скалы. Процитировал по памяти «Китаб аль-Ибар»:

– «Путешествуй ночью, днем же укрывайся в густой тени».

Перевел взгляд на мать.

– До рассвета еще несколько часов. Идти сможешь?

– Погоди немного...

Пол сошел на усыпанный галькой и щебнем каменный «берег», вскинул на плечи рюкзак и подтянул лямки. Вынул паракомпас и принялся определять нужное направление.

– Хорошо, как только ты будешь в норме...

Она наконец оторвалась от скалы, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

– Куда пойдем?

– Вдоль хребта. – Он махнул рукой.

– В глубокую Пустыню...

– В Пустыню фрименов... – прошептал он. И замер, пораженный отчетливо вставшим перед ним образом давнего видения – видения, явившегося ему еще на Каладане. Да, он уже видел эту пустыню! Но не совсем так. Образ был чуточку иным, как будто образ, хранившийся в памяти, при наложении на реальность несколько отличался от нее. Словно это изображение сдвинулось и он, оставаясь неподвижным, видел его под другим углом.

«Вот оно что – в том видении с нами был Айдахо, – вспомнил он. – Но теперь Айдахо мертв...»

– Ты знаешь, куда нам идти? – Джессика неверно поняла его колебания.

– Нет, – ответил он. – Но это не важно. Пойдем.

Он расправил плечи под лямками и пошел расщелиной, проточенной песком в камне. Расщелина вывела их на ровную каменную поверхность, к югу переходившую в лестницу из скальных террас.

Дойдя до первой из этих ступеней, Пол вскарабкался наверх. Джессика следовала за ним.

Она видела, как путь превратился в череду препятствий, каждое из которых требовало внимания, – то это были занесенные песком углубления в камне, где их шаги замедлялись, то резавший руки отточенный ветрами карниз, то еще какое-нибудь препятствие, – и всякий раз приходилось решать: обходить или пытаться преодолеть?.. Рельеф задавал свой собственный ритм. Говорили они теперь только по необходимости, и голоса звучали хрипло от страшной усталости.

– Осторожно, тут песок осыпается...

– Не стукнись – карниз низкий...

– Не выходи из тени гребня – луна в спину, мы будем слишком заметны...

Наконец Пол остановился у изгиба каменной стены, взвалил, не снимая, рюкзак на узкий выступ.

Джессика прислонилась к стене подле него, радуясь передышке. Она услышала, как Пол сосет воду из трубки дистикомба, и тоже глотнула. Оборотная вода имела неприятный привкус – солоноватой была, что ли, – и Джессика вспомнила воду на Каладане. Взметнувшаяся ввысь струя огромного фонтана дугой обрамляет синеву неба... а она никогда не задумывалась о том, какое это богатство – столько воды... тогда она думала не о самой воде, а только о форме струи, ее блеске, звуке...

Остановиться... отдохнуть... отдохнуть по-настоящему...

Милосердие, подумала она, это возможность остановиться. Нет такой возможности – нет и милосердия.

Пол заставил себя оторваться от стены, повернулся и зашагал вверх по склону. Джессика со вздохом последовала за ним.

Потом они спустились на широкий карниз, огибавший гладкую скалу. Вновь их вел за собой рваный ритм неровного рельефа.

Всю сегодняшнюю ночь, казалось Джессике, все разнообразие заключалось лишь в размерах того, на что они наступали и за что хватались – скалы, камни, гравий и галька, песок – покрупнее и помельче, тончайшая пыльная пудра…

Эта пудра забивала носовые фильтры – то и дело приходилось их продувать. Мелкая галька и крупный песок на гладком камне катались под ногами – сделав неосторожный шаг, тут легко было упасть. Каменные осколки резали. А вездесущий песок, занесший каждую ямку, буквально хватал за ноги.

Внезапно Пол остановился на скальном карнизе и придержал мать, которая по инерции ткнулась в него и чуть не упала.

Он повел рукой налево. Проследив за его жестом, Джессика увидела, что в двух сотнях метров под обрывом, на который они вышли, начиналась Пустыня – застывший океан песчаных волн, посеребренных луной. Их гребни – углы и плавные изгибы, начерченные тенями по светлому песку, – убегали вдаль, к теряющимся в ночи очертаниям следующей скальной гряды.

– Открытая Пустыня, – прошептала она.

– Придется переходить тут, – отозвался он. – Далековато… – Его голос глухо звучал из-под фильтра-респиратора.

Джессика посмотрела налево, направо – но повсюду под ними был лишь песок.

Пол же глядел вперед – туда, где тени дюн неспешно следовали за быстрой арракийской луной.

– Километра три-четыре, – сказал он.

– Черви… – проговорила она.

– Наверняка.

Она вдруг особенно сильно почувствовала свою усталость, боль в мышцах, заглушающую все остальные чувства.

– Может быть, отдохнем и поедим?..

Пол скинул рюкзак, сел, прислонившись к нему. Джессике, чтобы сесть, пришлось опереться на его плечо. Потом она услышала, как он повернулся и роется в рюкзаке.

– Вот, возьми.

Он положил ей в руку две капсулы энергетика. Его ладони были очень сухими.

Джессика проглотила капсулы, запив их скупым глотком конденсата из трубки дистикомба.

– Выпей всю воду, – посоветовал Пол. – Это аксиома: хранить воду лучше всего в собственном теле… Это поддерживает и придает силы. Доверься своему дистикомбу…

Она послушно осушила водяные карманы, чувствуя, как ее силы и в самом деле прибывают. Как мирно, как покойно было сидеть здесь, понемногу сбрасывая усталость… Ей вспомнились слова, сказанные как-то воином-менестрелем Гурни Халлеком: «Лучше сухой песок в тишине и покое, чем дом, полный жертв и борьбы».

Джессика повторила эти слова вслух, для Пола.

– Так говаривал Гурни, – отозвался он.

Таким тоном, подумала Джессика, говорят о мертвых. И скорее всего, сказала она себе, бедный Гурни действительно погиб.

Те, кто служил Дому Атрейдес, или погибли, или были взяты в плен, или, как они, блуждали в безводной пустыне.

– У Гурни всегда была наготове подходящая цитата, – проговорил Пол. – Как сейчас слышу: «И реки сделаю сушею, и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее…»

Джессика зажмурилась – от того, как Пол процитировал древнюю книгу, к ее глазам подступили слезы. Немного погодя Пол спросил:

– Как ты… себя чувствуешь?

Она поняла, что вопрос относится к ее беременности.

– До рождения твоей сестры еще много месяцев. Я все еще… в форме.

Сказав это, она подумала, что говорит с сыном чересчур сухо, почти официальным тоном. Как сестра Бене Гессерит, приученная искать причины подобных странностей, она, поразмыслив, признала: «Я, оказывается, боюсь своего

сына; я боюсь его... странности; я боюсь того, что он может видеть в нашем будущем, и особенно того, что он может рассказать мне об увиденном...»

Пол, опустив капюшон на глаза, вслушивался в звуки ночных насекомых. Собственное молчание звенело в его легких. А в носу свербило... Пол потер нос, вынул фильтры и почувствовал густой запах корицы.

– Где-то поблизости выход меланжи, – сообщил он.

Ветерок точно гагачьим пухом гладил его щеки, шевелил складки бурнуса. Это был спокойный ветер, он не грозил бурей – Пол уже мог это чувствовать.

– Скоро рассвет, – сказал он. Джессика кивнула.

– Перейти участок открытого песка можно, – проговорил Пол. – Есть сравнительно безопасный способ. Фримены так делают...

– Но... а черви?

– Во фримпакете есть манок-колотушка. Если установить его здесь, он на некоторое время отвлечет червя.

Она смерила взглядом освещенную луной пустыню между ними и следующим скальным гребнем.

– «Некоторое время» – это достаточно, чтобы пройти четыре километра?

– Может быть. Если звуки нашей ходьбы не будут отличны от естественных звуков пустыни – иначе мы привлечем внимание червя.

Пол разглядывал открытую Пустыню, обращаясь к странной своей памяти о будущем и думая о загадочных намеках в руководстве фримпакета, связанных с манками и «крюками Подателя». И ему казалось странным, что мысли о червях вызывали у него лишь панический ужас. Он ощущал – это было где-то на краю его особого восприятия, – что червей следует уважать, а не бояться... если... если... Он потряс головой.

– То есть нельзя допускать ритмичный шум, – сказала Джессика.

– Что? Ага. Да. Если порвать ритм шагов… ведь песок должен и сам по себе оседать время от времени. Двигаться. Не может же червь бросаться на каждый звук. Но перед этим нам надо как следует отдохнуть.

Он посмотрел на гребень за песчаной полосой – вертикальные тени от луны на нем отмечали ход времени.

– Через час рассветет.

– Где мы проведем день? – спросила она. Пол, повернувшись, показал налево:

– Видишь, к северу обрыв поворачивает… Смотри, как он источен ветром; значит, это наветренная сторона. А раз так, там наверняка есть трещины, и достаточно глубокие.

– Так, может, пойдем? – спросила она. Пол встал и помог подняться матери.

– Ты достаточно отдохнула, чтобы осилить спуск? Я хотел бы подойти как можно ближе к краю песков, прежде чем поставить палатку.

– Ну ладно, довольно. – Она кивнула, предлагая ему снова идти впереди.

Он поколебался, потом поднял рюкзак, взвалил его на плечи и зашагал по гребню.

«Если бы у нас были генераторы подвески, – подумала Джессика, – все было бы совсем просто: мы бы спрыгнули с обрыва, и всё. Но, возможно, генераторы в открытой Пустыне тоже опасны и привлекают червей, как и щиты…»

Они подошли к великанской лестнице из уходящих вниз уступов, а дальше, за уступами, открывалась расщелина. Лунный свет и тени четко очерчивали ее края.

Пол шел первым, двигаясь осторожно, но быстро, почти торопливо – было очевидно, что лунный свет скоро исчезнет. Они спускались в мир сгущающейся тени. Вокруг едва угадывались уходящие в звездное небо скалы. Когда стены расщелины сошлись метров до десяти, перед ними оказался песчаный склон, уходящий вниз, во тьму.

– Будем спускаться? – шепотом спросила Джессика.

– Пожалуй…

Он ногой пощупал поверхность склона.

– Мы можем просто съехать вниз, – предложил он. – Я иду первым – а ты подожди, пока не услышишь, что я остановился.

– Только будь осторожнее, – попросила Джессика.

Он шагнул на откос, заскользил вниз – и съехал на почти ровный пол из плотного, слежавшегося песка. Вокруг возвышались скальные стены.

Сзади с громким шорохом вдруг обрушился песок. Пол попытался разглядеть в темноте склон, но поток песка едва не сбил его с ног. Затем песок успокоился, все стихло.

– Мама! – позвал он. Ответа не было.

– Мама!

Он бросил рюкзак, метнулся вверх по склону, оступаясь и скользя; он, словно обезумев, рыл и отбрасывал песок.

– Мама! – задыхался он. – Где ты, мама?!

Сверху обрушился новый поток песка, завалив его до бедер. Развернувшись, Пол сумел высвободиться.

«Она попала в обвал, – метались его мысли. – Ее завалило. Я должен успокоиться и подумать... Она не задохнется сразу – войдет в состояние бинду-остановки, чтобы снизить потребление кислорода. Ведь она понимает, что я буду ее откапывать...»

Пользуясь техникой Бене Гессерит, которой научила его мать, Пол сумел успокоить бешеное биение сердца и очистить разум, подобно тому, как вытирают грифельную доску – необходимо было зарегистрировать и осмыслить все случившееся в эти минуты. Каждое движение песка в оползне вновь прошло перед его глазами – как медленно тек песчаный поток по сравнению с долей мгновения, потребовавшейся ему, чтобы все вспомнить...

Наконец Пол пошел наискосок вверх по склону, осматривая и трогая песок. Отыскав стену расщелины и то место, где она поворачивала, он принялся копать, стараясь не потревожить склон и не вызвать новый обвал. Вот он почувствовал

ткань – пошарил по ней, нащупал руку. Осторожно он провел по руке, очистил лицо.

– Ты меня слышишь? – спросил он. Она не отвечала.

Он принялся копать с удвоенной силой, освободил ее плечи. Она была безвольно-податливой, но он уловил медленное биение сердца: бинду-остановка.

Раскопав ее до пояса, он завел ее руки себе на плечи, потянул – сперва медленно, а потом изо всех сил. Наконец песок подался. Он тянул все сильнее и быстрее, задыхаясь, из последних сил удерживая равновесие. Он уже выбежал на плотно утрамбованный пол внизу, неся мать на плечах, спотыкаясь – и тут весь песчаный склон поехал вниз с оглушительным шипением и шорохом, отраженным и усиленным скальными стенами.

Остановился он в самом конце расщелины – внизу, всего метрах в тридцати, начинались ряды марширующих к горизонту дюн. Осторожно Пол уложил мать на песок и негромко произнес кодовое слово, которое должно было вывести ее из каталептического состояния.

Она медленно приходила в себя, делая все более глубокие вдохи.

– Я знала, что ты меня найдешь, – проговорила Джессика. Он взглянул в сторону расщелины.

– Может, было бы лучше, гуманнее, если бы я тебя не откопал...

– Пол!

– Я... потерял рюкзак, – угрюмо сообщил он. – Он там, под тоннами песка. Тонны – это как минимум.

– У нас ничего не осталось?

– Там – запасы воды, дистителт... все самое необходимое. – Он похлопал по карману. – Паракомпас, правда, остался. – Ощупав сумку на поясе, добавил: – Вот еще нож, бинокль... Можно как следует рассмотреть место, где мы умрем.

В это мгновение солнце показалось над горизонтом – слева, за краем расщелины. На песке заиграли яркие краски.

Птицы проснулись в спрятанных в скалах гнездах, над пустыней зазвучал их хор.

Но Джессика видела лишь отчаяние в глазах Пола. С презрительной ноткой в голосе она сказала:

– Так-то тебя учили?

– Ты что, не поняла?! – крикнул он. – Все, что могло помочь нам выжить в Пустыне, – там, под песком!..

– Меня же ты нашел, – сказала Джессика, уже мягко, убеждающе.

Пол сел на корточки.

Он медленно оглядывал новую осыпь в расщелине, изучая неровности песка.

– Если бы мы могли как-то обездвижить участок склона и свод лаза, который пришлось бы прокопать в песке – может, и удалось бы дорыться до рюкзака. Если бы пропитать песок водой... но воды для этого у нас не... – Оборвав фразу на полуслове, он вдруг воскликнул: – Пена!

Джессика боялась пошевелиться, чтобы не нарушить ход его мыслей – видно было, что разум Пола работает в гиперрежиме.

Пол повернул голову к дюнам, не только всматриваясь, но и внюхиваясь. Определив направление, он уставился на темное пятно на песке внизу.

– Пряность, – сказал он. – У нее же сильная щелочная реакция! А у меня остался паракомпас, и в нем – кислотная батарея!..

Джессика села, привалившись к скале.

Пол, не обращая на мать внимания, вскочил на ноги и стал спускаться по утрамбованному ветром песку, скопившемуся под устьем расщелины.

Она смотрела, как он, ломая ритм шага, идет по песку: шаг... пауза... два шага... скользящий шаг... пауза... Ритма, который мог бы выдать Пола охотящемуся в песках червю, не было.

Добравшись до выхода Пряности, Пол нагреб ее горкой на полу плаща и таким же образом вернулся к расщелине.

Он высыпал Пряность перед Джессикой, опустился на корточки и, орудуя острием ножа, принялся разбирать паракомпас. Крышка отскочила.

Он снял кушак, разложил на нем части паракомпаса, вынул батарею. За нею последовал лимб – в корпусе прибора открылось отделение, напоминавшее чашку.

– Тебе понадобится еще и вода, – заметила Джессика. Пол набрал в рот воды из трубки дистикомба и выплюнул ее в опустевшее отделение паракомпаса.

«Если ничего не получится – пропала вода даром, – подумала Джессика. – Впрочем, тогда это уже не будет иметь никакого значения...»

Пол ножом взрезал корпус батареи, высыпал кристаллическую кислоту в воду. Пошел дымок, кристаллы растворились.

Джессика уловила движение наверху. Подняв голову, она увидела на краю расщелины несколько коршунов – усевшись в ряд, они смотрели вниз, на воду.

«Великая Мать! – подумала она. – Они чуют воду даже на таком расстоянии!..»

Пол снова закрыл паракомпас крышкой, оставив только отверстие на месте кнопки переключателя. Затем, взяв в одну руку переделанный прибор, в другую – горсть Пряности, Пол направился по склону вверх. Без кушака его бурнус слегка раздувался на ходу. Каждый шаг вызывал к жизни ручейки песка и пыли.

Наконец он остановился, бросил в паракомпас щепотку Пряности и потряс прибор.

Из отверстия на месте кнопки бурно поползла зеленая пена. Пол принялся поливать ею склон, водя паракомпасом по пологой дуге, ногами отбрасывая песок под ней и снова закрепляя пеной открывающийся песок...

Джессика подошла сзади:

– Помочь?

– Поднимись сюда и копай, – бросил он. – Придется прорыть метра три. Будем надеяться – получится...

В это время пена перестала течь.

– Быстро! – скомандовал Пол. – Неизвестно, сколько времени пена сможет удерживать песок!

Джессика встала рядом с сыном, а тот кинул в выпотрошенный паракомпас новую щепоть меланжи, встряхнул. Пена с новой силой начала извергаться из отверстия.

Пол поливал песок, создавая барьер против осыпи, Джессика руками рыла песок, отбрасывая его вниз по склону.

– Сколько еще? – задыхаясь, спросила она.

– Метра три, – ответил он. – Причем я определил место только приблизительно. Может, придется еще расширять эту яму...

Он шагнул в сторону, оскальзываясь на сыпучем песке.

– Ты давай рой наклонно, не отвесно.

Джессика повиновалась.

Яма постепенно углублялась. Ее дно уже достигло уровня дна расщелины – а рюкзака не было.

«Неужели я просчитался? – спросил себя Пол. – Все из-за меня: это я запаниковал, и все случилось от этого. Неужели это подорвало мои способности?»

Он заглянул в паракомпас. Оставалось меньше двух унций кислоты.

Джессика распрямила спину, отерла щеку вымазанной в пене рукой. Снизу вверх глянула на сына, их глаза встретились.

– Чуть выше, – сказал Пол. – Только осторожно...

Он засыпал в корпус прибора еще щепоть Пряности и стал поливать бурлящей пеной песок вокруг рук Джессики, которая принялась прокапываться вверх по склону. Со второго раза ей под руки попало что-то твердое. Медленно, осторожно она вытянула из песка лямку с пластиковой пряжкой.

– Стой, не тяни больше, – почти шепотом сказал Пол. – Пена кончилась.

Джессика посмотрела на него, не выпуская из рук лямку.

Пол швырнул опустевший паракомпас на дно ямы.

– Давай руку. Теперь слушай внимательно. Я выдерну тебя в сторону и вниз по склону. Только не выпускай лямку! Вряд ли новый оползень будет сильным, осыпь, кажется, стабилизировалась. Все, что нам нужно, – это чтобы твоя голова осталась на поверхности. Когда яму засыплет, я откопаю и тебя, и рюкзак.

– Поняла, – ответила она.

– Готова?

– Готова. – Она изо всех сил стиснула лямку.

Одним рывком Пол наполовину выдернул ее из ямы, стараясь держать ее голову как можно выше. Пенный барьер прорвался, и песок хлынул вниз. Когда его поток остановился, Джессика оказалась засыпанной по пояс, хотя левая рука и плечо остались в песке. Лицо защитила пола плаща Пола под подбородком. Плечо Джессики ломило от напряжения.

– Я держу рюкзак, – сказала она.

Пол медленно ввел пальцы в песок возле ее руки, нащупал лямку.

– Ну-ка, вместе, – сказал он. – Только постепенно, чтобы не порвать...

Пока они вытягивали рюкзак, ссыпалось еще немного песка. Наконец лямка показалась на поверхности, и Пол остановился, чтобы освободить из песка мать. Вдвоем они извлекли рюкзак из песчаной ловушки.

Через несколько минут они уже были на дне устья расщелины, так и держа рюкзак вдвоем. Пол посмотрел на мать. Ее лицо и одежда были покрыты пятнами зеленой пены. Кое-где на засохшую пену прилип песок. Было похоже, что ее забросали комьями мокрого, липкого зеленого песка.

– Ну и вид у тебя, – усмехнулся он.

– Думаешь, ты чище? – отозвалась она.

Они засмеялись было, но смех тут же оборвался.

– Это моя вина, – проговорил Пол. – Я был неосторожен. – Она пожала плечами (присохший песок посыпался с ее

одежды). – Я ставлю палатку, – решил Пол. – Стоит раздеться и вытряхнуть песок. – Он отвернулся и открыл рюкзак. Джессика кивнула – внезапно ощутив, что у нее не осталось сил, чтобы говорить вслух. – Смотри-ка, здесь в скале крепежные отверстия! – сказал Пол. – Кто-то уже ставил тут палатку...

«Почему бы и нет?» – подумала Джессика, отряхивая одежду. Место было подходящим для лагеря: между высоких скальных стен, а впереди, километрах в четырех, – еще стена; до песка достаточно далеко, чтобы укрыться от червей, – но не так далеко, чтобы к нему было тяжело спускаться...

Повернувшись, Джессика увидела, что Пол уже поставил диститент. Его ребристый купол сливался с камнем стен ущелья.

Пол подошел к ней, поднял бинокль, быстро подкрутил его, регулируя внутреннее давление, сфокусировал масляные линзы на противоположной стене – золотисто-бурые в лучах утреннего солнца скалы поднимались над песками.

Джессика смотрела, как Пол разглядывает этот апокалиптический ландшафт с его каньонами и песчаными реками.

– Там что-то растет, – сказал он.

Джессика достала из рюкзака второй бинокль, встала рядом с сыном.

– Вон там, – показал он, не отводя бинокль от глаз.

– Сагуаро, – сказала она. – Эта сухая штука...

– Поблизости могут быть люди.

– Может, тут просто была ботаническая станция? – предположила она.

– Вряд ли, мы слишком углубились на юг в Пустыню, – ответил он, опустил бинокль и почесал под носом, возле фильтров, – он почувствовал, как высохли и потрескались его губы, и особенно сильно ощутил во рту сухой вкус жажды. – Такое ощущение, что тут живут фримены, – добавил он.

– Ты уверен в их дружелюбии?

– Кинес, во всяком случае, обещал их помощь.

«Но эти люди Пустыни – народ отчаянный, – подумала она. – Потому что они каждый день сталкиваются с отчаянными ситуациями; я сегодня ощутила на себе отчаянность и отчаяние... Они могут убить нас ради нашей воды».

Она закрыла глаза и, усилием воли вытеснив образ Пустыни, вызвала видение Каладана. Это было еще до рождения Пола. Они – она и герцог Лето – были на отдыхе, путешествовали. Они летели над джунглями Юга, яркой листвой дикого леса, над рисовыми чеками в устьях рек. Среди зелени виднелись муравьиные тропы, по которым тянулись караваны, – носильщики несли грузы на шестах, поддерживаемых силовыми генераторами. А вдоль побережья качались на волнах белые лепестки тримаранов-дхоу...

Все ушло!

Джессика открыла глаза. Неподвижная пустыня в нарастающей жаре нового дня. Беспокойные демоны жары уже начали баламутить воздух над раскаленным песком. Каменная гряда за песчаным заливом, казалось, была видна через дешевое волнистое стекло.

Устье ущелья на миг занавесила песчаная дымка – маленький обвал сорвался с кручи, то ли от порыва утреннего ветра, то ли сбитый коршунами, которые один за другим начали сниматься с вершины. Когда пескопад прекратился, Джессика все еще слышала его шелест – и этот шелест становился все громче! Кто раз слышал этот звук, уже не мог забыть его.

– Червь, – прошептал Пол.

Он появился справа с тем непринужденным величием, которое нельзя было бы оставить без внимания. Огромная продолговатая гора, изгибающаяся при движении, разрезая песчаные волны, появилась в поле их зрения. Передняя часть горы слегка приподнялась, отвернула, пыля – точно дугообразная волна в воде, – и исчезла, уйдя куда-то влево.

Звук постепенно стих.

– Видел я космические фрегаты, что были поменьше… – прошептал Пол.

Она кивнула, не отрывая взгляд от пустыни. Там, где прошел червь, остался завораживающе ровный след. Унылобесконечный, тянулся он перед ними, словно маня за собой, под далекую линию горизонта.

– Когда отдохнем, – сказала Джессика, – продолжим твои занятия.

Он подавил внезапное раздражение.

– Мама, а тебе не кажется, что можно было бы обойтись и без…

– Вот ты сегодня ударился в панику, – строго сказала она. – Возможно, ты и знаешь свой разум и бинду-иннервацию лучше меня. Но вот свою прана-мускулатуру тебе еще изучать и изучать. Видишь ли, тело порой начинает действовать само по себе, независимо от своего хозяина. Я могу тут еще многому научить тебя. Ты должен научиться контролировать каждую мышцу, каждый нерв своего тела, научиться управлять ими. Тебе нужно повторить работу с руками. Начнем с мускулатуры пальцев, сухожилий кисти и чувствительности подушечек. – Она повернулась. – А теперь – ступай в палатку.

Он согнул и разогнул пальцы, наблюдая, как мать забирается в дистител, проползая через отверстие сфинктерного клапана. Кажется, он все равно не сумеет отговорить ее – она упорна в своем намерении. Придется подчиниться…

«Не знаю, что они со мной сделали, но и я сам кое-что сделал для этого», – подумал он.

Это надо же – повторить работу с руками!

Он посмотрел на свою руку. Какой беспомощной кажется она по сравнению с таким чудовищем, как этот червь…

* * *

Мы пришли с Каладана – райского мира для нашей, человеческой формы жизни. Там, на Каладане, не было нужды строить рай для тела или духа – перед нашими глазами была уже райская действительность. Но за нее мы заплатили ту цену, какой люди всегда расплачивались за райскую жизнь: мы стали слабыми, изнеженными, потеряли закалку.

Принцесса Ирулан. «Беседы с Муад'Дибом»

– Ты, значит, и есть тот самый знаменитый Гурни Халлек, – повторил его собеседник.

Халлек стоял в круглом, вырубленном в скале зале, оборудованном подо что-то вроде конторы, напротив сидящего за металлическим столом контрабандиста. На хозяине кабинета были фрименские одежды, но глаза не были такими беспросветно-синими, как у фрименов, выдавая, что ему нередко приходится есть инопланетную пищу. Помещение имитировало центральный командный пункт космического фрегата – на одной шестой стены размещались экраны интеркомов и внешнего обзора; с обеих сторон дугу экранов замыкали пульты управления вооружением; а стол выступал из противоположной стены.

– Я – Стабан Туек, сын Эсмара Туека, – представился контрабандист.

– Тогда я именно тебя должен благодарить за оказанную помощь, – поклонился Халлек.

– А-а, благодарность... – неопределенно сказал Туек. – Что ж, присаживайся.

Из стены, возле экранов, выдвинулось корабельного типа глубокое кресло, и Халлек со вздохом опустился в него. Он почувствовал, как устал. Теперь он видел свое отражение в темной поверхности экрана возле контрабандиста и скривил губы, заметив тяжелые линии на своем бугристом лице – следы усталости. Багровый шрам от чернильника на скуле тоже искривился от его гримасы.

Оторвавшись от отражения, Халлек взглянул на Туека. Да, он походил на отца – те же густые тяжелые брови, такие же рубленые черты…

– Твои люди сказали мне, что твой отец убит Харконненами, – проговорил Халлек.

– Может, Харконненами, а может – и предателями из ваших, – бросил Туек.

Гнев почти заставил Халлека забыть об усталости.

– Ты можешь назвать имя?

– У нас нет полной уверенности…

– Суфир Хават подозревал леди Джессику…

– М-м… Бене-гессеритская ведьма… возможно. Но Хават сейчас в руках Харконненов.

– Слышал. – Халлек глубоко вздохнул. – Похоже, без новых убийств не обойдется.

– Мы не предпримем ничего, что могло бы привлечь к нам внимание, – отрезал Туек.

Халлек замер:

– Как, а…

– Ты и все твои люди найдете среди нас убежище, – сказал Туек. – Ты говорил о благодарности? Прекрасно; можешь отработать свой долг. Нам нужны настоящие храбрецы. Хотя попытайся ты выступить против Харконненов – и мы не задумываясь уничтожим тебя.

– Но они же убили твоего отца!

– Возможно. Но даже если и так… Я отвечу тебе, как отвечал мой отец тем, кто сперва действует, а потом думает: «Камень тяжел, и песок весит немало; но гнев глупца еще тяжелее».

– Ты хочешь сказать, что спустишь им это с рук? – презрительно прищурившись, спросил Халлек.

– Такого я не говорил. Я лишь сообщаю, что не хочу ставить под удар наш договор с Гильдией. А Гильдия хочет, чтобы мы играли осторожно. Для того чтобы уничтожить врага, есть и другие методы…

– А-а…

– Вот именно – «а-а». Хочешь искать свою ведьму – ищи. Но я должен предупредить тебя, что скорее всего ты опоздал… к тому же мы сомневаемся, что предала именно она.

– Хават редко ошибался.

– Но все же ошибался. Например, дал себя заполучить Харконненам.

– Так, по-твоему, это он предатель?

Туек пожал плечами:

– Этот вопрос представляет скорее чисто академический интерес. Ведьма, как мы имеем основания полагать, мертва. Харконнены, по крайней мере, в этом убеждены.

– Ты, похоже, многое знаешь о Харконненах.

– Намеки, предположения, слухи и просто догадки.

– Нас семьдесят четыре человека, – проговорил Халлек. – Раз ты действительно хочешь взять нас к себе, то, значит, уверен, что герцог мертв.

– Видели его труп.

– А… мальчик? Молодой господин, Пол? – Халлек попытался сглотнуть, но горло перехватило.

– Согласно последним сведениям, он и его мать попали в пустынную бурю. Так что мало надежды даже на то, что найдутся хотя бы их кости…

– Значит, и ведьма мертва… все мертвы…

Туек кивнул.

– А вдобавок ко всему Зверь Раббан, как говорят, снова возьмет власть на Дюне в свои руки.

– Граф Раббан Ланкивейльский?

– Он самый.

Халлеку пришлось приложить немалое усилие, чтобы подавить вспышку ярости. Задыхаясь, он медленно сказал:

– К Зверю Раббану у меня есть свой счет. Я задолжал ему за смерть всей моей семьи… – Он провел пальцами по скуле. – И за это…

– Можно ли рисковать всем ради поспешного сведения счетов? – укоризненно сказал Туек. Он хмурился, глядя, как

ходят желваки на скулах Халлека, как обратился куда-то внутрь взгляд его полуприкрытых глаз.

– Д-да... я знаю, – выдохнул наконец Халлек.

– Итак, ты и твои люди можете оплатить вывоз вас с Арракиса, работая на нас. Есть много мест, куда...

– Я снимаю со своих людей все обязательства передо мной. Пусть решают сами. Но раз Раббан здесь – я остаюсь.

– Не уверен, что мы сможем тебя оставить – с такими-то настроениями...

Халлек в упор взглянул на контрабандиста:

– Ты сомневаешься в моем слове?

– Не-ет...

– Ты спас меня от Харконненов. Я был верен герцогу Лето за то же... Поэтому я остаюсь на Арракисе. С тобой... или с фрименами.

– Высказана мысль или нет – но она реальна и имеет силу, – сказал Туек. – А ты знаешь, что, оказавшись среди фрименов, можешь найти грань между жизнью и смертью слишком острой... и подвижной?

Халлек прикрыл на миг глаза – на него внезапно навалилась чудовищная усталость.

– «Где господь, который... вел нас по пустыне, по земле сухой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной?..» — пробормотал он.

– Не торопись – и день твоей мести придет, – сказал Туек. – Поспешность – орудие шайтана. Умерь свое горе; у нас есть все необходимое для того. Есть три вещи, способные успокоить сердце, – вода, зеленая трава и красота женщин. Халлек открыл глаза.

– Я предпочел бы, чтобы возле моих ног текла кровь Раббана Харконнена. – Он в упор посмотрел на Туека. – Ты думаешь, придет такой день?

– Я почти никак не связан с твоим будущим, Гурни Халлек. Все, что я могу, – это помочь тебе сегодня.

– Тогда я принимаю помощь – и остаюсь с тобой, пока ты не решишь, что пришло время мстить за твоего отца и всех, кто...

– Слушай, воин... – Туек перегнулся через стол, вытянув шею и жестко глядя на Халлека. Лицо контрабандиста закаменело. – Вода моего отца... За его воду я расплачусь сам. Собственным клинком.

Халлек ответил Туеку таким же взглядом в упор. В этот миг контрабандист напомнил ему герцога Лето: вождь, смелый, уверенный в себе, непоколебимый в своих поступках. Да, точно, как герцог Лето... до Арракиса.

– Ты хочешь, чтобы мой клинок был рядом с твоим? – спросил Халлек.

Туек откинулся на спинку кресла, расслабился, молча разглядывая Халлека.

– Ты считаешь меня воином? – настаивал Халлек.

– Во всяком случае, ты – единственный из приближенных герцога, кому удалось спастись, – ответил Туек. – Враг был гораздо сильнее, но ты боролся и отходил... Ты боролся с ним, как мы – с Арракисом.

– А?..

– Мы живем пока что в покорстве, Гурни Халлек, – объяснил Туек. – Наш враг – Арракис.

– Значит, «бей врага поодиночке» – так?

– Так.

– Это и фрименский принцип?

– Возможно.

– Ты сказал, что жизнь с фрименами может показаться мне слишком суровой. Ты имел в виду, что они живут в открытой Пустыне?..

– Кто знает, где живут фримены? Для нас Центральное плато – земля ничейная, пустая... Но я хочу поговорить с тобой еще вот о...

– Мне говорили, что Гильдия старается не водить свои меланжевые лихтеры над Пустыней, – сказал Халлек. – Но ходят слухи, что если все-таки лететь над Пустыней и знать,

где искать, – можно увидеть в некоторых местах островки зелени...

– Слухи! – скривился Туек. – Ну ладно. Так что ты выберешь – жизнь с нами или с фрименами? Мы живем в относительной безопасности; наш сиетч высечен в скале, у нас есть собственные хорошо укрытые котловины. Мы живем, в конце концов, как цивилизованные люди. А фримены... шайки бродяг и оборванцев, которых мы нанимаем как охотников за Пряностью...

– Но они могут убивать Харконненов.

– А результат? Уже сейчас за фрименами идет охота, как за дикими зверями. С лучеметами – они ведь не используют щиты. Их просто уничтожают. А почему? Потому, что они убивали Харконненов.

– Именно Харконненов? – спросил Халлек.

– Что ты имеешь в виду?

– Разве ты не слышал, что на стороне Харконненов, возможно, были сардаукары?

– Опять слухи...

– Но погром – это совсем не в стиле Харконненов. Слишком расточительно.

– Я верю только тому, что вижу своими глазами, – отрезал Туек. – Выбирай же, воин! Я – или фримены. Я могу обещать тебе убежище и возможность когда-нибудь пролить кровь нашего общего врага. Можешь в этом на меня положиться. Ну а фримены смогут предложить тебе лишь жизнь – жизнь преследуемого, жизнь дичи.

Халлек задумался – слова Туека звучали мудро и сочувственно. Но все же что-то его настораживало, а что – он и сам не понимал.

– Ты должен больше верить себе, – настойчиво сказал Туек. – Чьи решения помогли тебе в бою, если не твои собственные? Решай.

– Да, решать надо, – проговорил Халлек. – Так герцог и его сын мертвы?

– Харконнены считают, что мертвы. В подобных делах я склонен верить Харконненам… – Мрачная улыбка коснулась губ Туека. – Но в чем-либо ином – вряд ли.

– Тогда я принимаю решение, – сказал Халлек. Он в традиционном жесте поднял правую руку ладонью вверх, прижав большой палец. – Мой меч – твой меч.

– Я принимаю его.

– Хочешь ли ты, чтобы я постарался привлечь на твою сторону также и моих людей?

– Ты что, предоставишь им решать это самим?

– Они шли за мной – до сих пор. Но почти все они уроженцы Каладана. Арракис обманул их: они потеряли здесь все, кроме своей жизни. Поэтому я бы хотел, чтобы они могли решать сами…

– Разве теперь время миндальничать? Ведь они же шли за тобой.

– Иначе говоря, они тебе нужны.

– Мы всегда найдем дело для опытных бойцов. Особенно в такие времена.

– Ты принял мой меч. Хочешь ли ты, чтобы я убедил и своих людей?

– Я думаю, Гурни Халлек, что они пойдут за тобой.

– Надеюсь, что да.

– Уверен.

– Итак, я могу решать это сам?

– Решай.

Халлек не без труда встал из глубокого кресла – даже это небольшое усилие, оказывается, было слишком тяжело для него.

– Сейчас я бы хотел посмотреть, как они устроены и не нуждаются ли в чем-нибудь.

– Обратись к моему квартирмейстеру, – сказал Туек. – Его звать Дриск. Передай, что я велел проявить к вам максимум внимания. Чуть позже я подойду сам, а сейчас я прежде всего должен проследить за отправкой груза Пряности.

– С кем удача, тот всюду пройдет, – пробормотал Халлек.

– Всюду, – подтвердил Туек. – Надо сказать, в смутное время в нашем деле открываются просто редкостные возможности...

Халлек кивнул. Послышался тихий шелест. Гурни ощутил движение воздуха – рядом с ним открылся люк. Он повернулся и, пригнувшись, вышел.

Он оказался в зале, через которую незадолго до этого его с товарищами провели люди Туека. Длинное узкое помещение было высечено в скале – гладкие стены показывали, что тут применялись лучерезы. Потолок, следуя природному строению скалы и образуя надежный свод, уходил вверх достаточно высоко, чтобы обеспечить естественную циркуляцию воздуха в помещении. Вдоль стен тянулись закрытые шкафчики и стойки с оружием.

Не без гордости Халлек отметил, что те из его людей, кто был способен держаться на ногах, все еще стояли. Даже усталые, потерпевшие поражение, они не позволяли себе расслабиться. Среди них Халлек заметил также медиков контрабандистов, которые оказывали помощь раненым. По левую руку составили контейнеры-носилки, и возле каждого из тяжелораненых сидел кто-нибудь из людей Атрейдесов.

Это было в правилах Дома Атрейдес, с этого начиналось обучение воинов: «Мы заботимся о своих». И это правило, выдержав все, оказалось незыблемо.

Один из офицеров подошел к Халлеку, доставая из футляра его девятиструнный балисет. Резко отсалютовав, офицер сообщил:

– Командир, врачи сказали, что Маттаи безнадежен. Банка костей и органов здесь у них нет, только то, что необходимо для первой помощи. Так что Маттаи скоро умрет – и у него есть к вам просьба.

– Какая?

Офицер протянул ему балисет.

– Маттаи хотел бы услышать песню – чтобы она облегчила его уход. Он говорит, вы знаете, – он часто просил вас

ее спеть. – Лейтенант сглотнул. – Она называется «Моя женщина», сэр. Может быть, вы…

– Я знаю ее. – Халлек взял балисет, достал из паза на деке мультиплектр. Взял мягкий аккорд – оказывается, кто-то уже настроил инструмент. У него защипало в глазах, но он выбросил это ощущение из головы и повел мелодию, заставляя себя непринужденно улыбаться.

Несколько его людей и один из врачей контрабандистов склонились над носилками умирающего. Один из бойцов Атрейдесов негромко запел, легко ведя песню в контртон. Было видно, что песня хорошо знакома ему:

Женщина моя – у окна,
Нежных линий плавный изгиб.
Рук прекрасных живая волна
На квадрате светлом стоит,
За окном полыхает закат,
И струится изгиб нежных рук…
Жду вас, руки любимой моей,
Руки милой.
Обнимите нежней и теплей,
Руки милой…

Певец смолк и забинтованной рукой прикрыл веки человека на носилках.

Халлек завершил мелодию тихим, мягким аккордом.

«Теперь нас осталось семьдесят три», – подумал он.

* * *

Семейную жизнь в Ройял-Креш – «Королевских Яслях» – многие могут найти достаточно трудной для понимания, но все же я попытаюсь дать хотя бы самое общее представление об этом.

Я думаю, что у отца был лишь один настоящий друг – граф Хасимир Фенринг, генетический евнух и один из лучших бойцов Империи. Граф – это был вертлявый и довольно уродливый коротышка, но большой щеголь – привел как-то к отцу новую рабыню-наложницу. Мать попросила меня поглядеть за происходящим: нам всем приходилось шпионить за отцом, просто ради собственной безопасности. Разумеется, ни одна из наложниц, которых, согласно договору между Бене Гессерит и Гильдией Космогации, подарили моему отцу, не могла бы принести ему наследника – но интриги в этом направлении не прекращались никогда и даже угнетали своим однообразием. Нам же – матери, сестрам и мне – пришлось в совершенстве научиться избегать изощреннейших орудий убийства.

Возможно, ужасно говорить так о своем отце – но я отнюдь не уверена, что он был непричастен ко всем этим покушениям. Императорская семья, увы, не походит на обычные семьи.

Итак, новая рабыня оказалась рыжеволосой, как отец, гибкой и изящной. У нее были сильные мышцы настоящей танцовщицы, а ее подготовка, это было видно с первого взгляда, включала знание системы нейрообольщения. Отец долго рассматривал ее, обнаженную, и наконец сказал: «Нет, она чересчур красива. Пожалуй, лучше сохранить ее для подарка кому-нибудь…» Вы не сможете вообразить, какое смятение вызвало такое самоограничение в Ройял-Креш. Дело в том, что проницательность, коварство и способность к самоконтролю всегда были для нас главной угрозой.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Уже наступал вечер. Пол стоял возле диститента. Расщелина, где он разбил палатку, уже была затоплена тенью. Пол смотрел через песчаный пролив на скальную стену и прикидывал, не пора ли будить мать – она еще спала в палатке.

От устья расщелины вдаль бежали бесконечные складки дюн. Под катящимся к горизонту солнцем дюны отбрасывали жирные тени – словно под ними прятались клочья ночи.

Монотонность плоской равнины угнетала. Он попытался уцепиться глазами хоть за что-нибудь, но все было плоско и

неподвижно – кроме дрожащего марева раскаленного воздуха. Нигде ни былинки, которая могла бы дрогнуть от ветерка... лишь дюны и далекая стена под сверкающим серебристо-голубым небом.

«А что мы будем делать, если окажется, что это – вовсе не одна из заброшенных испытательных станций? – думал он. – Что, если там нет фрименов и замеченные нами растения – лишь случайность?»

В это время Джессика проснулась, повернулась на спину и сквозь прозрачную секцию посмотрела на сына. Он стоял к ней спиной – и что-то в его позе, фигуре напомнило ей его отца. Она ощутила, как волна горя вновь поднимается в ней – и отвернулась.

Наконец она смогла заняться собой – застегнула дистикомб, попила воды из кармана диститента, вышла и потянулась, прогоняя сон.

Не поворачиваясь, Пол проговорил:

– Какая тишина... Я поймал себя на том, что уже наслаждаюсь ею.

«Как его разум приспосабливается к окружающему», – подумала Джессика и припомнила одно из основополагающих утверждений учения Бене Гессерит: «Под воздействием стресса разум может отклониться в любую сторону, как в положительную, так и отрицательную, как верньер – от позиции «Включено» и до «Выключено»... Представьте себе это как спектр или шкалу, где на одном конце – полное отключение сознания, а на другом – гиперсознание. То, куда отклонится разум, во многом зависит от подготовки».

– А тут можно было бы неплохо жить, – сказал Пол.

Она попыталась увидеть Пустыню его глазами, попыталась представить все те лишения, которые Арракис принимал как должное, и гадала, какие варианты будущего видит ее сын.

«Здесь, – думала она, – человек может быть один, не боясь врага за спиной, не опасаясь охотников...»

Она подошла к сыну, подняла бинокль, подстроила масляные линзы и вновь оглядела противоположную стену. Да, действительно – сагуаро, еще какие-то колючки… а в их тени – низкая и редкая желто-зеленая трава.

– Я сворачиваю лагерь, – решил Пол.

Джессика кивнула, прошла к самому концу расщелины, откуда открывался более широкий вид, повела биноклем налево. Там сверкала белоснежная солончаковая котловинка. Белое поле – а в этом мире белый был цветом смерти. Но котловина говорила о другом: о воде. Когда-то эта искрящаяся белизна была скрыта водой… Джессика опустила бинокль, поправила бурнус и некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к тому, как позади Пол убирает палатку.

Солнце опускалось. Через соляную котловинку протянулись длинные тени. Над закатным горизонтом загорелись яркие полотнища цвета. Постепенно начала сгущаться темнота; угольно-черные тени казались пальцами ночи – она будто осторожно трогала Пустыню, прежде чем ступить на нее. Словно купальщица на краю холодной воды…

И вот занавес ночи опустился над песками. Вспыхнули звезды.

Джессика подняла к ним глаза. Подошел Пол – она почувствовала его движения. Ночь в Пустыне устремлялась ввысь – казалось, будто ты сам поднимаешься к звездам. Давящая тяжесть дня уходила. Лиц коснулся ночной ветерок.

– Скоро встанет Первая луна, – сказал Пол. – Я уже уложил рюкзак и поставил манок…

«Мы можем навсегда сгинуть в этом проклятом месте, – подумала Джессика. – Никто даже не узнает…»

Ветерок поднимал облачка песка, и песчинки били по лицу. Он нес запах корицы, который источала ночь.

– Чувствуешь запах? – спросил Пол.

– Даже через фильтры. Тут просто несметные сокровища – но воды здесь за них не купишь… – Она повела рукой. – Смотри: ни одного огонька.

– Фрименский сиетч, если он здесь есть, должен быть укрыт за теми скалами, – возразил он.

Над горизонтом по правую руку блеснула серебряная полоска: всходила Первая луна. Она поднялась; на ее диске отчетливо вырисовывался силуэт руки. Джессика внимательно оглядывала посеребренные лунным светом пески.

– Я поставил манок в самом глубоком месте нашей расщелины, – сообщил Пол. – Когда я зажгу свечу, у нас будет около тридцати минут.

– Тридцати минут?

– Ну да, прежде чем он начнет звать... ну... червя.

– О. Понятно. Я готова – идем?

Пол отошел – слышно было, как он поднимается к месту их дневки.

«Ночь – как тоннель, – думала Джессика, – дыра в завтра... если завтра наступит для нас. – Она потрясла головой, отгоняя тяжелые предчувствия. – Да что это я? Нельзя поддаваться мрачным мыслям – меня не тому учили!..»

Вернулся Пол, поднял рюкзак и зашагал вниз. Дойдя до первой дюны, он остановился, поджидая мать – и не оборачиваясь, слышал ее мягкие шаги. Мерные тихие звуки на языке Пустыни были опасными звуками...

– Надо идти без ритма, – озабоченно сказал Пол, припоминая, как ходят в Пустыне..., это была память и реальная, и провидческая... – Смотри, – сказал он. – Вот как фримены ходят по пескам...

Он ступил на наветренный склон дюны и пошел вдоль ее изгиба, подволакивая ноги.

Джессика следила за ним шагов десять, потом пошла следом, подражая походке сына. Она уловила принцип: надо стараться имитировать естественные звуки Пустыни, возникающие от подвижек песка... от ветра. Но мышцы не желали следовать ненормальной системе: шаг... шарканье... шарканье... шаг... пауза... шарканье... шаг...

Вокруг них расстилалось само Время. Скальная стена впереди, кажется, вовсе не приближалась, а та, что осталась за спиной, все так же возвышалась над ними.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп! – застучало сзади.

– Манок, – сквозь зубы пробормотал Пол.

Машинка стучала... и вдруг оказалось, что очень трудно не поддаться ее ритму, не шагать в такт ударам. Тумп... тумп... тумп... тумп...

Они шли по залитой луной котловине, и мерный стук пронизывал все вокруг вниз и вверх, вверх и вниз по осыпающимся склонам дюн: шаг... шарканье... пауза... шаг... По крупному песку, почти гальке, на котором оскальзываются ноги: шарканье... пауза... пауза... шаг...

Напряженно вслушиваясь, они ждали, что вот-вот послышится знакомый шорох.

Когда же этот звук наконец пришел, он был вначале так тих, что шаги его заглушили. Но звук, приближаясь с запада, нарастал... становился все громче... громче...

Тумп... тумп... тумп... тумп... – усердно долбил манок.

Оглушительный шорох затопил ночь. Обернувшись на ходу, они увидели огромный движущийся вал песка.

– Иди, – прошептал Пол. – Не оглядывайся!..

Сзади, от скал, раздался яростный шум, схожий со звуком обвала.

– Иди! – повторил Пол.

Он отметил, что теперь обе стены, и впереди, и сзади, были на одинаковом удалении.

А позади разъяренный червь крушил скалы, бился о них, и грохот сотрясал тьму.

Они все шли и шли. Мышцы ныли той же привычной болью, которая, казалось, растянулась в бесконечность. Но манящая стена впереди приближалась.

Джессика шла словно в пустоте, сконцентрировавшись только на том, чтобы идти: лишь сила воли заставляла ее передвигать ноги. Рот горел от жажды, но раздавшиеся за

спиной звуки не позволяли и думать остановиться – пусть даже на миг, чтобы попить воды из водяных карманов...

Тумп... Тумп...

Взрыв бешеной ярости позади с новой силой сотряс скалы, заглушив манок.

И все смолкло.

– Быстрее! – прошептал Пол.

Она кивнула, хотя и знала, что он не видит ее жеста, который был нужен ей самой – как бы дать понять мышцам, и без того измотанным до предела работой в противоестественном ритме, что от них потребуются еще большие усилия...

Стена впереди, несущая безопасность, уже закрывала звезды. У ее подножия тянулась полоса совершенно ровного песка. Пол ступил на песок, споткнулся – он очень устал – и, пытаясь удержать равновесие, почти впрыгнул на гладкую поверхность.

Гулкий удар сотряс песок.

Пол резко отпрыгнул в сторону, на два шага.

Бум! Бум!

– Барабанные пески! – придушенно воскликнула Джессика.

Пол ухитрился восстановить равновесие. Мельком оглянулся, успев охватить взглядом пески и скалы, – до них оставалось всего метров двести. А позади раздался шорох. Как ветер, как гул потока... в мире без воды.

– Беги! – закричала Джессика. – Пол, беги!

И они побежали.

Барабанный песок оглушительно рокотал под ногами. Миновав его предательскую полосу, они вылетели на мелкий гравий. Какое-то время бег казался отдыхом: по крайней мере в нем был нормальный ритм, это было естественное, понятное действие. Но песок и гравий словно хватали их за ноги. А страшный шорох приближался – казалось, на них надвигается буря.

Джессика споткнулась, упала на колени. Для нее не осталось ничего – лишь усталость, лишь звук позади, лишь ужас.

Пол рывком поднял ее.

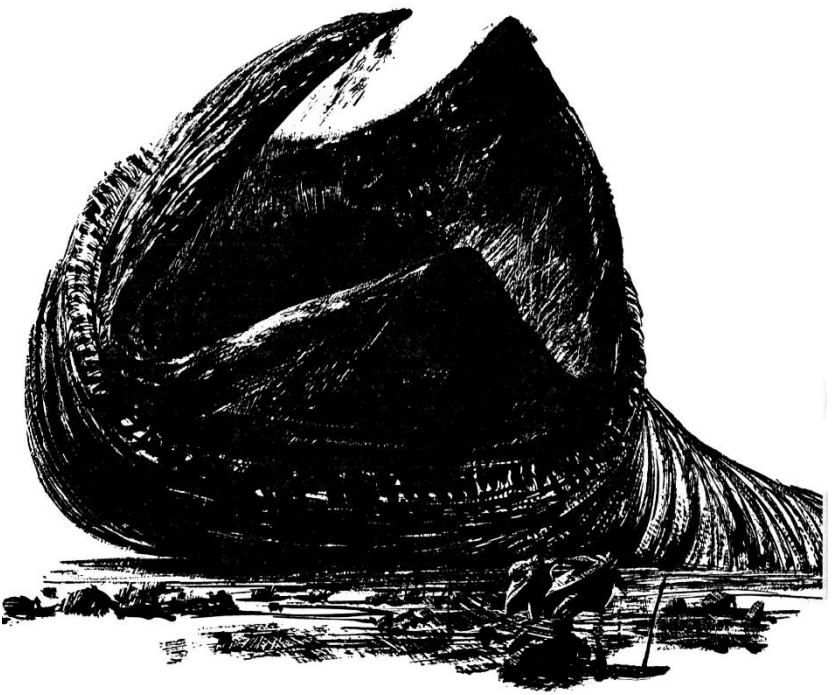
Впереди появился тонкий шест, торчащий из песка. Они миновали его, увидели следующий. Но Джессика поняла, что видит нечто необычное, лишь когда шесты остались позади.

А вот и еще один шест, изъеденный ветром и песком, торчит из щели в камне.

И еще один.

Скала!

Она почувствовала ее под ногами – твердая поверхность, а не вязкий песок. Стало легче бежать, у нее будто прибавилось сил. В каменной стене впереди темнела вертикальная тень – щель в скале. Они из последних сил рванулись к ней, забились внутрь.

А позади стих зловещий шорох.

Джессика и Пол обернулись.

Там, где кончались песчаные волны, метрах в пятидесяти от каменного «берега», над пустыней вставал серебристо-серый холм, и каскады песка срывались с него. Холм вздымался все выше... и вот в нем разверзлась чудовищная жаждущая пасть – черный круглый провал, и его края искристо блестели под луной.

Пасть искала их, тянулась к узкой расщелине, куда забились Джессика и Пол. На них обрушился густой запах корицы. Лунный свет сверкал на кристальных остриях зубов.

Огромный рот рыскал из стороны в сторону, то приближаясь к трещине, то откатываясь назад. Пол затаил дыхание. Джессика сжалась у стены, не в силах оторвать взгляд от ужасающего зрелища.

Ей пришлось собрать воедино все, чему учили ее в Бене Гессерит, чтобы совладать с древним ужасом, с наследственными страхами расовой памяти, готовыми затопить ее разум.

Пол чувствовал почти экстатический подъем. Только что он, переступив барьер времени, вступил на новую, тоже неизвестную ему территорию. Он чувствовал тьму впереди, непроницаемую для его внутреннего взора. Как будто какой-то его шаг был шагом в колодец... в провал меж волн, откуда будущее было невидимо для него. Все окружавшее его резко изменилось.

Но это ощущение слепоты, видение тьмы времени отчего-то не испугало его, но невероятно обострило все остальные чувства. Оказывается, он воспринимал и вбирал в себя до мельчайших подробностей вставшую из песков тварь, которая искала их. Пасть червя была огромна – метров восемьдесят в диаметре, не меньше... по краю ее сверкали изогнутые, как крисы, кристаллические зубы... могучее дыхание несло плотный запах корицы... менее различимые летучие запахи альдегидов... кислот...

Червь ткнулся в скалу над ними, закрыв лунный свет. В щель посыпался дождь из песка и щебня.

Пол толкнул мать глубже назад...

Корица!!!

Запах корицы окутывал его.

«Что общего у червя с Пряностью – с меланжей?» – спросил он себя. И припомнил, как Лиет-Кинес проговорился, намекнув на какую-то связь между червем и Пряностью...

Брумм!..

Откуда-то справа, издали, послышался сухой громовой раскат.

И снова:

Брумм!..

Червь ушел обратно в песок. Какой-то миг он лежал неподвижно. Кристаллы зубов разбрасывали вокруг лунные блики.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп!

«Еще манок!» – понял Пол.

Тоже справа.

По огромному телу чудовища прокатилась дрожь. Оно погрузилось глубже в песок; теперь над поверхностью оставалась лишь арка пасти, точно разверстый зев уходящего в песок тоннеля.

Песок зашуршал, зашелестел.

Червь еще глубже ушел в песок, начал разворачиваться. Теперь это снова был продолговатый песчаный холм, ползущий через дюны.

Пол вышел из укрытия, глядя, как катится грозная песчаная волна через пустыню на новый зов.

Вслед за ним из щели осторожно выбралась Джессика. Прислушалась.

Тумп... Тумп... Тумп... Тумп...

Наконец звук смолк.

Пол нашарил трубку своего дистикомба, глотнул водяной конденсат.

Джессика смотрела, как он пьет, но словно не видела – она еще не отошла от усталости и пережитого ужаса.

– Он точно ушел? – шепотом спросила она.

– Его кто-то позвал, – ответил Пол. – То есть не «кто-то». Фримены.

Понемногу она приходила в себя.

– Он огромен, чудовищен...

– Ну, не так огромен, как тот, что слопал наш топтер...

– А это действительно были фримены?

– Они пользовались манком.

– Почему они помогли нам?

– Может, они вовсе не помогали. Просто позвали червя.

– Но зачем?

Ответ был где-то рядом, на грани понимания... но так и не пришел. Было что-то... видение... что-то связанное с телескопическими, снабженными крюками небольшими штангами – «крюками Подателя».

– Зачем им звать червя? – повторила Джессика.

Ледяное дыхание страха коснулось разума Пола, и лишь с большим трудом удалось ему заставить себя отвернуться от матери и посмотреть вверх, на гребень стены.

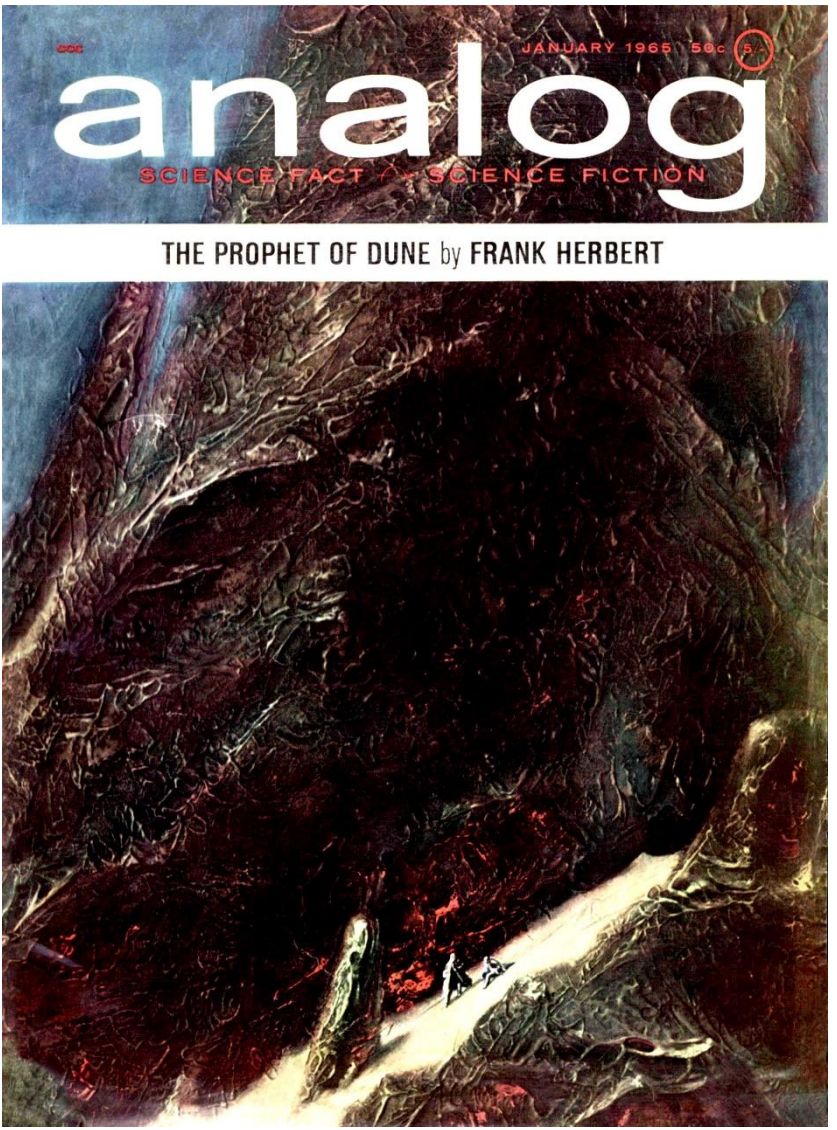
– Надо бы найти дорогу наверх еще до света. – Поднял руку, показал: – Помнишь, мы пробежали мимо шестов? Смотри, вон еще такие же.

Она проследила за его рукой. Действительно, шесты, изъеденные ветром, стояли вдоль почти незаметного узкого карниза, который высоко вверху изгибался и переходил в трещину.

– Шесты отмечают путь наверх, – сказал Пол. Он вскинул на плечи рюкзак, подошел к основанию стены. Полез вверх.

Джессика постояла, собираясь с силами, и последовала за ним.

Они карабкались по склону, следуя указательным шестам. Наконец карниз сузился до совсем уже крохотного выступа перед входом в темную расщелину.

Пол нагнул голову, заглянул в тень. Опора под ногами на узком карнизе была ненадежна, но он из осторожности медлил. В расщелине было темно, хоть глаз выколи. Правда, вверху, куда она уходила, горели звезды. Он прислушался, но не услышал ничего подозрительного: сыплется песок, негромко трещат насекомые, суетливо топочет какая-то

мелкота. Осторожно пошарив ногой, Пол ощутил припорошенную песком скалу. Он медленно, дюйм за дюймом, обогнул нависший над карнизом выступ и махнул матери – «за мной». Ухватил ее за полу и придержал, пока она обходила выступ.

Звезды смотрели в щель меж каменных стен. Пол почти не различал фигуру матери – так, смутный серый призрак, почти невидимое движение во мраке.

– Фонарик бы зажечь... – шепнул он. – Жаль, нельзя.

– У нас есть не только зрение, – напомнила Джессика.

Пол передвинул ногу дальше вперед, перенес на нее вес, пошарил второй ногой – и наткнулся на что-то. Подняв ногу, обнаружил, что это ступенька, и поднялся на нее. Протянул руку назад, поймал руку Джессики и потянул за собой.

Еще ступенька.

«Удобная и ровная, – добавила про себя Джессика. – Без сомнения, дело рук человека...»

Она поднималась вслед за почти невидимым сыном, ногой нащупывая ступени.

Стены постепенно сблизились – теперь лестница была узкой, еле пройти; плечи почти касались стен. Наконец она вывела их в узкое ущелье с ровным полом, которое, в свою очередь, открывалось в неглубокую, залитую лунным светом котловинку.

Пол вышел на край котловинки, огляделся и прошептал:

– Как красиво!..

Джессика, стоявшая за его плечом, могла лишь молча с ним согласиться.

Как бы она ни устала, как бы ни раздражали катетеры, носовые фильтры и наглухо застегнутый дистикомб, как бы она ни боялась и ни мечтала об отдыхе, – красота котловинки захватила ее.

– Как в сказке, – прошептал Пол. Джессика кивнула.

Перед ними расстилалась целая рощица пустынной растительности – кусты, кактусы, крохотные розетки зеленых листиков. Дул ветерок, и листья трепетали в лунном свете.

Стены котловинки по левую руку были зачернены тенью, справа – озарены луной.

– Наверняка тут живут фримены, – проговорил Пол.

– Да, такое количество растений без человеческого ухода не выживет, – согласилась она и, сняв колпачок с питьевой трубки, глотнула воды. Теплая, с еле заметным горьковатым привкусом влага смочила горло, сразу освежив ее. Когда она закрывала трубку, под колпачком захрустели попавшие в него песчинки.

Внимание Пола привлекло движение – справа от них, на расстилающемся внизу дне котловинки. Сквозь кусты дымника и поросль травы виднелся освещенный луной клин песка, а на нем – хоп, хоп, прыг-скок, хоп-скок, хоп – резвились какие-то крошечные зверушки.

– Мыши! – прошептал он.

Хоп-хоп-хоп – они то скрывались в тенях, то снова выпрыгивали на свет.

Беззвучная тень упала с неба на зверьков. Пронзительный птичий крик, хлопанье крыльев – и серая птица призраком поднялась над котловинкой с темным комочком в когтях.

Весьма своевременное напоминание, подумала Джессика.

Пол все смотрел в котловинку. Глубоко вздохнув, он почувствовал чуть резковатый запах шалфея, струящийся из ночной тьмы. Хищная птица… Он принял ее как реальность Пустыни, естественный порядок вещей в ней. После атаки хищника в котловинке наступила такая несказанная тишина, что казалось, слышно было, как льется на стоящие на страже кусты сагуаро и ощетинившегося зелеными копьями красочника молочно-голубой свет луны. И тихое пение этого света было, наверно, древнейшей, первозданной гармонией Вселенной.

– Пора, пожалуй, найти место для палатки, – нарушил наконец молчание Пол. – А завтра с утра попробуем найти фрименов, которые…

– Чаще всего незваные гости не слишком радуются, найдя фрименов! – прервал его слова тяжелый мужской голос, раздавшийся откуда-то сверху и справа. – Только, пожалуйста, не надо бежать, пришельцы, – добавил голос, когда Пол дернулся было обратно к проходу. – Если вы побежите, только растратите зря влагу своих тел.

«Им нужна вода нашей плоти!» – с ужасом подумала Джессика. Ее мышцы пришли в полную готовность, мгновенно преодолев усталость. Внешне, впрочем, это было невозможно заметить. Определив направление на голос, она невольно поразилась: вот это мастера! Даже она не слышала, как фримены подобрались так близко. Тут же она сообразила, что владелец голоса был неслышим потому, что звуки его движения были неотличимы от обычных звуков пустыни.

Второй голос откликнулся со стены котловины, слева:

– Кончай с этим, Стил. Берем их воду – и идем дальше. Времени до рассвета осталось немного.

Пол, не так хорошо, как мать, подготовленный к неожиданным опасностям, был раздосадован: он замер, он пытался даже бежать, он позволил панике, пусть даже на миг, захватить себя!.. Теперь он усилием воли заставил себя действовать так, как его учили: расслабиться, затем от настоящей расслабленности перейти к кажущейся и быть готовым в любой миг нанести удар в любом направлении.

Но он все еще чувствовал страх. И знал его причину: он по-прежнему не видел будущего... и того, что происходило сейчас, он раньше не видел... а их окружали фримены, которым нужна лишь вода двух беззащитных тел.

* * *

…Эта религиозная традиция фрименов является, таким образом, источником и основой учения, известного сегодня как «Столпы Вселенной»: и его Квизара Тафвид ныне – среди нас, неся все свои знамения, пророчества и свидетельства. Они несут нам мистический сплав веры, вышедший из горнила Арракиса; глубинную красоту этой веры лучше всего выражает волнующая музыка, основанная на старинных формах, но отмеченная знаком нового пробуждения. Кто не слыхал «Песнь Старца», кого не тронула она до глубины души?

Я влачил стопы свои в пустыне,
Где сонмы миражей дрожали и текли.
Я жаждал славы, я к опасности стремился,
Достичь пытался горизонтов Аль-Куляба —
И видел я, как сравнивает горы
Седое Время, тщась настичь меня.
И видел: воробьи примчались
Быстрей, чем волк в прыжке убийственном,
И сели на ветви древа юности моей.
Я слышал – в кроне стая их порскала,
Но растерзали меня
Их злые маленькие коготки и клювы…

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Человек полз через гребень дюны – пылинка под полуденным солнцем. На нем были лишь рваные лохмотья – все, что осталось от плаща-джуббы. Голое тело под прорехами было беззащитно перед жарой. Капюшон джуббы был оторван, но человек из полосы ткани от подола плаща сумел сделать себе тюрбан. Между витков тюрбана торчали клочья песочного цвета волос. Редкая бородка и густые брови были того же цвета. Под сплошь синими глазами оставалось еще темное пятно. Полоска свалявшихся волос на усах и бороде – тут проходила трубка дистикомба, от носовых фильтров к водяным карманам.

Человек замер на гребне, перебросив руки на осыпающийся склон. На его спине, на руках и ногах запеклась кровь; к ранам присохла корка серовато-желтого песка.

Человек медленно подтянул руки под себя, поднялся рывком и встал, пошатываясь. Даже это слабое, неловкое усилие сохраняло следы былой четкости и отточенности движений.

– Я – Лиет-Кинес, – хрипло произнес он, обращаясь к пустынному горизонту. Его голос был лишь слабой карикатурой на самое себя. – Я – планетолог Его Императорского величества, – продолжил он уже шепотом, – Планетный Эколог на Арракисе. Я – хранитель этой земли.

Он оступился, неловко упал на хрупкую спекшуюся корку, стянувшую склон дюны. Руки, пробив ее, бессильно погрузились в песок.

«Я – хранитель этого песка», – подумал он с горечью.

Он понимал, что почти бредит, что надо зарыться в песок – найти в нем относительно более прохладный слой и как-нибудь укрыться в нем; но он чувствовал также сладковато-тухлый запах эфиров: где-то под ним созревал, как нарыв,

карман премеланжевой массы. Кто-кто, а он лучше любого фримена знал, чем это чревато. Раз слышен запах премеланжевых масс, значит, давление газов в глубине стало критическим – близким к взрыву. Надо убираться отсюда…

Его руки слабо скребли песок. Внезапно пришла четкая, ясная мысль: «Подлинное сердце планеты – ее ландшафт… то, насколько мы заняты в этой основе цивилизации – агрикультуре…»[10]

Как странно, думал он, что мозг никак не может сойти с привычной колеи…

Харконненские солдаты бросили его здесь без воды, без дистикомба в расчете на то, что если не Пустыня, то червь покончит с ним. Кого-то забавляла мысль о том, что он будет медленно, в одиночку умирать – что его убьет собственная его планета.

«У Харконненов всегда были сложности с убийством фрименов, – усмехнулся он про себя. – Нас не так-то легко убить. Я сейчас должен был бы уже быть мертв… я действительно скоро умру… но экологом быть не перестану, не смогу».

– Первая, основная и наивысшая функция экологии – умение видеть последствия.

Звук этого голоса потряс его: ведь владелец голоса был давно мертв! Это был голос его отца, который занимал здесь должность планетного эколога до него и погиб в провальной воронке у Гипсовой Котловины.

– Да, ты, сынок, крепко влип, – сказал отец. – Но ты должен был заранее оценить возможные последствия, когда решился помочь сыну герцога.

«Я брежу», – подумал Кинес.

Голос, кажется, звучал откуда-то справа. Кинес, оцарапав лицо песком, повернул туда голову. Ничего, только воздух дрожит над изгибом песчаного склона, раскаленного полуденным солнцем.

---

[10] Агрикультура – сельское хозяйство.

– Чем больше жизни содержит система – тем больше в ней и ниш для жизни, – назидательно произнес отец. Сейчас голос звучал сзади и слева.

«Чего он кружит вокруг меня, – раздраженно подумал Кинес. – Он что, не хочет, чтобы я его увидел?..»

– Жизнь, таким образом, повышает способность окружающей среды поддерживать жизнь, – продолжал отец. – Поскольку жизнь делает питательные вещества более пригодными к употреблению. Она связывает в системе энергию через многочисленные химические связи между организмами...

«Да что же он все твердит одно и то же? – подумал Кинес. – Я знал все это, когда мне еще десяти не было!»

Пустынные коршуны – трупоеды, как большинство диких животных здесь, – уже кружили над ним. Кинес увидел тень, черкнувшую по песку подле его руки, и с усилием повернул голову так, чтобы видеть небо. Птицы виделись ему размытыми пятнами на серебристо-голубом небе. Как плавающие в вышине хлопья сажи.

– Обобщение – наша специальность, – сказал отец. – Проблему планетарных масштабов не очертить тонкой линией. Планетология – это искусство кроить и подгонять...

«Что он мне хочет сказать? Может быть, я не учел какие-то последствия?»

Его голова снова упала на песок, и сквозь вонь премеланжевых газов он ощутил запах опаленного камня. Где-то в уголке разума, где еще жила логика, возникла мысль: «Это стервятники; может быть, кто-нибудь из моих фременов заметит это и придет узнать, в чем дело...»

– Для каждого действующего планетолога важнейшим орудием являются люди, – поучал отец. – Ты должен насаждать в народе экологическую грамотность. Именно поэтому я разработал эту, совершенно новую, систему экологической нотации, экостенографии...

«Вот что! Он повторяет то, что уже говорил мне, когда я был ребенком!..»

Он почувствовал прохладу, но тот, все еще действующий уголок сознания деловито разъяснил: «Солнце в зените. На тебе нет дистикомба, ты перегрелся, и солнце высушивает твое тело».

Пальцы бессильно прочертили канавки в песке.

Даже дистикомба не оставили!..

– Наличие в воздухе влаги, – сообщил отец, – предотвращает слишком быстрое испарение таковой живыми организмами.

«Ну что он все говорит такие очевидные вещи?» – дивился Кинес.

Он попробовал думать о воздухе, насыщенном влагой, – дюны, поросшие травой... а там, внизу – открытая вода, широкий, полноводный арык, протянувшийся через пустыню, и деревья вдоль него... Он никогда не видел открытой воды, разве что на иллюстрациях. Открытая вода... вода для полива... он вдруг вспомнил: для орошения одного гектара земли в период вегетации необходимо пять тысяч кубометров воды.

– На Арракисе первой нашей целью будет создание травяного покрова на больших территориях. Мы начнем эту работу, используя мутированные засухоустойчивые травы. Связав влагу в дерне, мы перейдем к посадке лесов на холмах – а затем дело дойдет до создания открытых водоемов. Сначала небольших, вытянутых вдоль линий преобладающих ветров, с ветровыми ловушками и осадителями, которые отберут у ветра украденную им влагу. Мы, наверно, создадим настоящие сирокко – влажные ветры... но нам никогда не уйти от необходимости ставить ветровые ловушки.

«Вечно он читает мне лекции. Что бы ему наконец заткнуться? Он что, не видит, что я умираю?»

– И ты тоже, безусловно, погибнешь, как и я, – заверил отец, – если не уберешься немедленно с образующегося под тобой пузыря. Да-да, там, внизу – премеланжевый карман, и ты это и сам понимаешь. Ты ведь чувствуешь запах газов?

И понимаешь, что Маленькие Податели уже начинают выпускать воду в премеланжевую массу.

Мысль об этой воде в глубине сводила с ума. Он представлял ее, эту воду. Там, в пористых породах, запечатанная кожистыми телами полурастений-полуживотных, Маленьких Подателей, была вода. Чистейшая, прозрачная, свежая, – и она выливается сквозь тонкий пока разрыв в...

В премеланжевую массу!

Он вдохнул гнилостно-сладкий запах. Да, он заметно усилился.

Кинес заставил себя подняться на колени. Раздался резкий птичий крик, захлопали крылья.

«Это – Пустыня Пряности, – думал он. – Даже днем здесь должны быть фримены. Они обязательно увидят птиц и придут выяснить, в чем дело».

– Движение в среде – обязательное условие для животной жизни, – объявил отец. – Кочевые народы следуют этому принципу. Линия же движения зависит от потребности в воде, пище, минералах и другом сырье. Теперь мы должны контролировать это движение, приспосабливая его для наших целей.

– Заткнись, а? – пробормотал пересохшим ртом Кинес.

– Мы должны сделать на Арракисе то, что никогда еще не применялось к целой планете, – ответил отец. – Мы должны использовать человека в качестве созидательной экологической компоненты. Внедрять приспособленные к местным условиям земные формы. Тут – растение, там – животное и, наконец – человек, который преобразует водяной цикл и самый ландшафт.

– Заткнись!!!

– Именно линии движения дали нам ключ к пониманию связи между червями и Пряностью, – сообщил отец.

«Да, червь, – со внезапной надеждой подумал Кинес. – Податель всегда приходит при взрыве премеланжевого кармана. Но у меня же нет крюков! Как я взберусь без них на большого Подателя?..»

Он чувствовал, как отчаяние выпивает последние его силы. Вода так близко, всего в сотне метров под ним; и червь придет наверняка, но удержать его на поверхности и воспользоваться им не удастся!..

Кинес вновь упал ниц на песок, в продавленную им выемку. Песок обжег его левую щеку – правда, это ощущение словно пришло откуда-то издалека...

– Экосистема Арракиса организовалась на основе эволюции эндемических форм жизни, – вещал отец. – Не странно ли, что практически никто не поднял глаз от Пряности, не удивился тому, что при отсутствии крупных участков, занятых растительностью, в атмосфере поддерживается практически идеальное соотношение азота, кислорода и углекислого газа. Вот она перед вами, вся планета. Только смотрите и изучайте! Перед вами процесс – процесс жестокий, но это процесс. В нем есть разрыв? Значит, должно быть что-то, занимающее этот разрыв. Наука, собственно, и состоит из ряда фактов, которые, будучи объяснены, стали считаться очевидными. Я знал о Маленьких Подателях, населяющих глубины под песками, задолго до того, как увидел их.

– Пожалуйста, папа, хватит лекций! – прошептал Кинес.

Коршун сел на песок возле самой его руки. Кинес смотрел, как птица сложила крылья и, наклонив голову, одним глазом взглянула на него. Собрав последние силы, он слабо, хрипло крикнул. Коршун отпрыгнул шага на два, но продолжал рассматривать добычу.

– До сих пор, – сказал отец, – человек и все созданное им были кожной болезнью планет. Природа же всегда старается бороться с недугом, она уничтожает или инкапсулирует ее, – или включает ее в собственную систему так, как нужно ей самой.

Коршун пригнул голову, расправил крылья, хлопнул ими. И опять уставился на неподвижно вытянутую руку.

Сил крикнуть у Кинеса уже не было.

– Однако исторически сложившаяся система взаимного ограбления кончается здесь, на Арракисе, – сказал отец. –

Нельзя бесконечно красть у природы, не заботясь о тех, кто придет следом. Физические свойства планеты – основа ее экономики и политики; мы увидим их – и наш путь очевиден.

Он никогда не мог остановиться, заведя лекцию. Лекции, лекции – вечные лекции...

Коршун подпрыгнул на шаг ближе к безвольной руке Кинеса. Наклонил голову, взглянул оценивающе на тело, сперва одним глазом, потом другим.

– Арракис – планета монокультуры, – сказал отец. – Монокультура. Всего одна. Она обеспечивает правящему классу такую жизнь, какую во все времена вели правящие классы, в то время как внизу подбирала их объедки безликая масса недочеловеков-полурабов. Так вот, нас занимают именно эти массы и эти, так сказать, объедки. Они куда ценнее, чем кто-либо мог предположить.

– Я тебя не слушаю, так и знай, – прошептал хрипло Кинес. – Уходи...

И он опять подумал с надеждой: «Наверняка поблизости должны, должны быть мои фримены. Они придут хотя бы для того, чтобы проверить – не удастся ли поживиться здесь водой...»

– Итак, массы Арракиса узнают, что мы трудимся, чтобы земля здешняя изобиловала водами, – продолжал отец. – Разумеется, у большинства будут лишь полумистические представления о том, как мы собираемся сделать это. Многие, не осознающие проблемы ограничения веса, могут вообразить, что мы собираемся ввозить воду с какой-нибудь планеты, где она имеется в избытке. Что ж, пусть думают что угодно, пока они в целом верят нам.

«Вот сейчас... сейчас я встану и выскажу ему все, что о нем думаю, – подумал Кинес. – Вместо того чтобы помочь – стоит, поучает!..»

Птица подобралась еще на шаг ближе к руке. Чуть поодаль опустились на песок еще два коршуна.

– Религия и закон должны быть едины для всей этой нашей массы, – сказал отец. – Всякий акт неповиновения должен рассматриваться как грех и караться именно как таковой – наложением религиозной же кары. Это принесет двойную выгоду, укрепляя как повиновение, так и храбрость. Мы, заметь, должны опираться не столько на храбрость отдельных личностей, сколько на храбрость всего населения.

«И где же оно, это мое население?.. Как раз сейчас оно мне особенно нужно!» – сердито подумал Кинес. Он собрал остаток сил и двинул руку к ближайшему коршуну. Ему удалось сдвинуть ее сантиметра на полтора. Тот отпрыгнул к своим сородичам, готовый в случае чего тут же взлететь.

– Составленный нами график перейдет в природный феномен, – объявил отец. – Жизнь на планете подобна ткани, в которой переплетены многие тысячи нитей. Изменения флоры и фауны на первом этапе будут определяться исключительно сторонним физическим воздействием – нашим воздействием. Но по мере укрепления внесенные нами изменения начнут сами воздействовать на эти воздействия, нам придется еще разбираться с этим. Учти, что, контролируя лишь три процента энергии на поверхности планеты – только три! – мы сумеем превратить систему в самодостаточную и самообеспечивающую.

«Что же ты мне не поможешь? – устало спросил про себя Кинес. – Так всегда: ты подводишь меня именно тогда, когда ты мне нужнее всего...» Он хотел повернуться туда, откуда слышался голос отца, и хотя бы взглядом заставить его замолчать... упрекнуть его... но мышцы отказались повиноваться.

Коршун вновь пришел в движение. Осторожно, шажок за шажком, птица подобралась к Кинесу. Другие две делали вид, что не обращают внимания ни на будущего сотрапезника, ни на будущий обед.

Коршун остановился в шаге от руки Кинеса.

И в этот миг на Кинеса сошло озарение. Неожиданно он увидел такое будущее, такую возможность для Арракиса, которого отец не представлял. Вероятности, связанные с этим путем, переполняли его.

– Нет худшей беды для твоего народа, чем оказаться в руках Героя, – отрезал отец.

«Он читает мои мысли! – рассердился Кинес. – А... впрочем, пусть его».

Потом мысли его перешли на другое.

«Сообщения уже отправлены во все мои сиетчи, – подумал он с удовлетворением. – И ничто их не остановит. Если сын герцога жив, они найдут его и будут оберегать, как я велел. Они, правда, могут убить его мать. Но мальчика... мальчика спасут».

Коршун сделал еще шажок – теперь он мог клюнуть руку. Он наклонил голову набок, рассматривая безвольно простертое тело. Вдруг он замер, вздернул голову и, резко вскрикнув, взлетел в воздух вместе с другими птицами.

«Пришли! – закричал беззвучно Кинес. – Пришли мои фримены!»

И тут он услышал, как рокочут пески.

Этот звук знал любой фримен и без труда отличал от звука идущего червя или любого другого звука Пустыни. Где-то под ним премеланжевые массы вобрали достаточно воды и органики, выделенных Маленькими, и достигли критической стадии роста. Там, в глубине, возник и начал подниматься огромный пузырь двуокиси углерода. Это было как направленный вверх взрыв – и в эпицентре его возникла песчаная воронка, точно водоворот. В результате произойдет обмен – Пустыня выбросит наверх то, что образовалось в ее недрах, поглотит все, что было на поверхности в месте выброса.

Коршуны кружили над ним, разочарованно крича. Они-то знали, что происходит. Это знали все жители Пустыни.

«Я тоже житель Пустыни, пустынная тварь, – подумал Кинес. – Видишь, отец? Я житель Пустыни».

Он почувствовал, как пузырь приподнял его, лопнул, и пескопад охватил его, унося в прохладную тьму. На какой-то миг ощущение прохлады и влаги принесли благодатное облегчение. А потом, когда его планета убивала своего эколога, ему пришло в голову, что отец и другие ученые ошибались и основными принципами Вселенной были случайность и ошибка.

Даже коршуны согласились бы с ним.

* * *

Пророчество, предвидение… Как испытать их перед лицом вопросов, ждущих ответа? Сколько подлинного пророчества содержит «волна» предвидения (как называл свои видения сам Муад'Диб) – и насколько сам прорицатель воздействует на будущее, подгоняя его под собственные предвидения? А гармонические связи, улавливаемые в акте пророчества?..

Видит ли пророк само будущее – или же слабое место, щель, на которое можно воздействовать, используя слово или решение, подобно тому, как гранильщик бриллиантов раскалывает алмаз ударом резца, попав в верную точку?..

Принцесса Ирулан. «Мои размышления о Муад'Дибе»

«Берем их воду», – сказал человек, прячущийся во тьме.

Пол поборол страх, взглянул на мать. Опытным взглядом он увидел, что она незаметно изготовилась к бою, что ее мышцы напряжены для молниеносного удара.

– Жаль было бы просто убить вас, – сказал голос сверху.

«Это тот, который заговорил первым, – подумала Джессика. – Их по крайней мере двое – один справа, один слева».

– Цигноро хробоса сукарес хин манге ла пчагавас дой ме камавас на беслас леле пал хробас!

Это крикнул тот, что справа, обращаясь к товарищам на другой стороне котловины.

Полу его выкрик показался сплошной тарабарщиной, но Бене Гессерит обучали языкам, и Джессика узнала этот: чакобса, один из древних охотничьих языков. Человек, прячущийся над ними, предположил, что, возможно, это и есть те самые чужаки, которых они ищут.

Наступила неожиданная пауза. В это время над скалами встал и заглянул в котловину голубой, отливающий немного слоновой костью, ободок Второй луны.

Сверху, слева, справа послышался шорох, и в котловину скользнули темные тени.

«Да их целый отряд!» – подумал Пол, и по его спине пробежал внезапный холодок.

К Джессике подошел высокий человек в пятнистом бурнусе. Лицевой клапан капюшона был откинут в сторону – чтобы не мешал говорить. Луна освещала густую бороду, но само лицо и глаза скрывались в тени капюшона.

– Посмотрим, кто нам попался – джинны или люди?

Джессика услышала в его голосе спокойную усмешку и позволила себе каплю надежды. У него был голос человека, обладающего властью; именно он испугал их, раздавшись внезапно в ночи.

– Вроде бы люди все-таки, – проговорил фримен, отвечая сам себе.

Джессика заметила – не столько увидела, сколько почувствовала нож, спрятанный в складках его одежды. Вот тут она пожалела, что у них нет щитов.

– А говорить-то вы умеете? – с усмешкой спросил фримен. Джессика постаралась ответить с королевской надменностью в голосе и манерах. Медлить было нельзя, хотя она не успела еще оценить незнакомца, его культуру и слабости.

– Кто подкрался к нам, подобно разбойникам в ночи? – требовательно спросила она.

Голова под капюшоном бурнуса дернулась; затем фримен медленно расслабился – и это говорило о многом. Он прекрасно владел собой.

Пол отодвинулся от матери, чтобы они не представляли собой одну цель, и чтобы у каждого было пространство для боя.

Капюшон повернулся, следуя за движением Пола, и свет луны выхватил из тени часть лица: острый нос, блестящий

глаз («Какой темный, – подумала Джессика, – да, совсем без белка!») под тяжелой бровью, закрученный вверх ус.

– Парнишка вроде похож... – пробормотал фримен. – Вот что, если вы бежите от Харконненов, то, может статься, мы примем вас. Ну так как, мальчик?

Варианты мелькали в голове Пола: что это, ловушка? Или все-таки он говорит искренне? Тянуть было нельзя.

– А с чего бы это вам привечать тех, кто бежит от Харконненов?

– Ребенок, который думает и говорит как мужчина, – задумчиво проговорил высокий фримен. – Н-ну, что до твоего

вопроса, мой юный вали, то я не из тех, кто платит фай – водяную дань – Харконненам. Вот почему я могу и принять вас.

«Он знает, кто мы! – понял Пол. – И, судя по голосу, он что-то скрывает».

– Я Стилгар, фримен, – сказал собеседник. – Может, это сделает тебя поразговорчивее, мальчик?

«Тот самый голос», – подумал Пол, вспомнив тот Совет, на котором этот самый человек требовал тело своего товарища, убитого Харконненами.

– Да, Стилгар, я тебя знаю, – ответил он. – Я был с отцом на Совете, куда ты пришел за водой своего друга. Ты тогда еще взял с собой человека моего отца – Дункана Айдахо, вместо своего друга.

– Айдахо бросил нас, вернулся к своему герцогу, – сказал Стилгар.

Уловив нотку неприязни, Джессика изготовилась к бою.

Голос со стены напомнил:

– Стил, мы теряем время!

– Это – сын герцога, – отрезал Стилгар. – И он – тот, кого велел найти Лиет.

– Но... он же ребенок, Стил!

– Герцог был настоящим мужчиной. А этот паренек воспользовался манком, – возразил Стилгар. – Разве ты не видел, как смело пересек он путь Шаи-Хулуда?

Джессика поняла, что о ней даже не говорят. Приговор уже вынесен?

– У нас нету времени испытать его, – пытался протестовать человек наверху.

– А что, если он действительно Лисан аль-Гаиб? – спросил Стилгар.

«Он ждет знака! – поняла Джессика. – Знамения!»

– Ну а женщина? – настаивал голос сверху.

Джессика вновь подобралась: в этом голосе она слышала смерть.

– Да, женщина... – проговорил Стилгар. – Женщина – и ее вода.

– Ты ведь знаешь закон, – сказал фримен на стене котловины. – Кто не может жить в Пустыне...

– Довольно, – оборвал его Стилгар. – Времена меняются.

– Разве Лиет приказал нам это? – спросил его собеседник.

– Ты что, не слышал голос сейлаго, Джамис? – рассердился Стилгар. – Что ты ко мне прицепился?

«Сейлаго!» – подумала Джессика. Это уже было кое-что: язык Илма и Фикха; «сейлаго» – это нетопырь, небольшое летающее млекопитающее. «Голос сейлаго» – тоже ясно:

они получили дистранс-сообщение с приказом найти Пола и ее.

– Я только хотел напомнить тебе о твоем долге, друг Стилгар, – сказали сверху.

– Мой долг – думать о силе племени, – отрезал Стилгар. – И это – единственный мой долг. Я не нуждаюсь в напоминаниях о нем. Меня заинтересовал этот мальчик-мужчина. У него крепкое, плотное тело. Он не испытывал недостатка в воде. И он жил, не опаляемый Отцом-Солнцем. У него нет глаз ибада. Но при всем том он говорит и действует вовсе не как слабаки из чаш. И то же самое можно было сказать о его отце. Так как это возможно?

– Но не можем же мы препираться тут всю ночь! – пробурчал невидимый собеседник. – Если патруль...

– Я велел тебе замолчать, Джамис. Дважды я не приказываю.

Человек наверху замолчал, но было слышно, как он, перепрыгнув через расщелину, начал спускаться на дно котловины по левую руку от них.

– Голос сейлаго сообщил, что мы не прогадаем, если спасем вас, что вы стоите многого, – проговорил Стилгар. – Ну, что до этого крепкого мальчика-мужчины – допустим: он еще молод и может учиться. Но что касается тебя, женщина... – Он вопросительно посмотрел на Джессику.

«Так, я разобралась с его голосом и образом мышления, – подумала Джессика. – Теперь я могла бы управлять им – да одного слова хватило бы! – но он сильный человек... он куда ценнее для нас, не затронутый контролем, свободный в своих поступках... Посмотрим».

– Я мать этого мальчика, – напомнила она. – Своей силой, которой ты так восхищаешься, он отчасти обязан моему обучению.

– Сила женщины может оказаться беспредельной, – задумчиво сказал Стилгар. – Без сомнения, Преподобная Мать обладает такой беспредельной силой. Ты – Преподобная Мать?

Джессика решилась отбросить мысли о возможных последствиях этого вопроса и ответила правду:

– Нет.

– Ты обучена жить в Пустыне?

– Н-нет... но многие высоко оценивают мои знания.

– Мы сами судим, что ценно, а что нет.

– Всякий имеет право на собственные суждения, – сказала она.

– Хорошо, что ты понимаешь это, – сказал Стилгар. – Задерживаться здесь, чтобы испытать тебя, мы не можем. Понимаешь, женщина? Но мы не хотим, чтобы твоя тень преследовала нас. Я приму мальчика-мужчину, твоего сына. Он получит мое покровительство и убежище в моем племени. Но что касается тебя, женщина, – ты ведь понимаешь, что против тебя лично я ничего не имею? Но закон есть закон. Истисла, ради общего блага. Разве эта причина не достаточна сама по себе?

Пол сделал полшага к нему:

– О чем это ты?

Стилгар мельком взглянул на него, но обращался попрежнему к Джессике:

– Кто не был с детства обучен жизни здесь, может погубить все племя. Таков закон. Мы не можем позволить себе таскать с собой бесполезных...

Джессика, словно бы в обмороке, начала оседать на песок. Чего еще ждать от слабака инопланетянина... очевидная штука. Но очевидное замедляет реакцию. Требуется какое-то время, чтобы распознать незнакомое в знакомом. Вот его плечо опустилось, рука потянулась в складки одежд – за оружием, он повернулся, чтобы не упускать ее из виду, – и в этот миг она скользнула в сторону. Резкий поворот, взмах рук, взметнувшиеся и перепутавшиеся одежды – его и ее... и вот она уже стоит у скалы, а могучий фримен повержен, беспомощный, перед ней.

Еще когда Джессика начала свое движение, Пол отступил на пару шагов. Когда же она атаковала Стилгара, Пол

нырнул в густую тень. На его пути вырос бородатый фримен – пригнувшись, он бросился на Пола, выставив перед собой оружие. Пол нанес ему прямой удар в солнечное сплетение и тут же, отступив в сторону, свалил согнувшегося человека рубящим ударом сверху в основание черепа. Пока фримен падал, Пол успел освободить его от оружия.

В следующий миг Пол уже был в тени и полез по скале вверх, заткнув оружие за кушак. Хотя оно было незнакомой формы, Пол опознал его как метательное – что-то вроде механического пистолета. Еще одно напоминание о том, что здесь не используют щиты.

«Сейчас они будут заняты матерью и этим Стилгаром. Ничего, она с ним справится. А я должен занять выгодную позицию, с которой мог бы угрожать им, и так дать ей возможность уйти».

Внизу защелкали пружины; иглы засвистели вокруг, застучали по камням. Одна пробила полу бурнуса. Пол, прижимаясь к скале, обогнул уступ и оказался в узкой вертикальной щели. Уперся ногами в одну стенку, спиной – в другую и медленно, стараясь не шуметь, полез вверх.

Донесся рык Стилгара:

– Назад, вы, вши червеголовые! Она мне шею свернет, если вы подойдете ближе!

Кто-то сказал:

– Мальчишка сбежал, Стил! Что нам...

– Еще бы ему не сбежать! У, пескомозглые... Ух-х, да легче ты, женщина!..

– А ты скажи им, чтобы прекратили палить по моему сыну.

– Они уже прекратили, женщина. Парень смылся – как ты и хотела. Великие боги в глубинах! Что же ты сразу не сказала, что ты колдунья и воительница?

– Теперь вели им отойти, – скомандовала Джессика. – Вон туда, в котловину, чтобы я их видела... и лучше тебе сразу поверить, что я знаю, сколько их. – А сама подумала:

«Опасный момент. Но если он так умен, как мне кажется, – у нас есть шанс».

Пол, медленно карабкавшийся вверх, обнаружил узкую каменную полку – теперь можно было отдохнуть и осмотреться. Снизу снова послышался голос Стилгара:

– А что, если я откажусь?.. Как ты можешь быть... у-хх! Да хватит же, оставь меня, женщина! Мы тебе сейчас худого не сделаем. Великие боги! Если ты можешь этак скрутить сильнейшего из нас, ты стоишь вдесятеро дороже своего веса в воде!

«А теперь, – подумала Джессика, – испытание разума».

– Ты упомянул Лисан аль-Гаиба? – спросила она.

– Может, вы и правда люди из легенды, – проворчал Стилгар, – но я в это поверю не раньше, чем проверю! А пока все, что я знаю, – это что вы заявились сюда с этим глупцом герцогом, кого... ойй! Слушай, женщина! Ты меня хоть убей – он, конечно, был достойным и храбрым человеком и все такое, но соваться под харконненский кулак было глупостью!

После паузы Джессика наконец сказала:

– У него не было выбора. Но в любом случае обсуждать мы это не будем. А теперь вели своему человеку за теми кустами прекратить целиться в меня, не то я спервa избавлю мир от тебя, а после займусь им!

– Эй, ты! – взревел Стилгар. – Делай, как она велит!

– Но, Стил...

– Делай, как она велит, ты, червемордый, ползучий, песколовый кусок ящерицына дерьма! Или я сам помогу ей разнести тебя в клочки! Вы что, не видите – этой женщине цены нет! – Фримен, прятавшийся в кустах, встал и опустил оружие. – Ну вот, он послушался, – сказал Стилгар.

– А теперь, – сказала Джессика, – четко объясни всем своим людям, что ты собираешься со мной делать. Я не хочу, чтобы какой-нибудь горячий мальчишка наделал глупостей.

– Когда мы идем в поселки и города, нам приходится скрывать, кто мы, смешиваться с народом чаш и грабенов, – сказал Стилгар. – И мы не берем с собой оружия, ибо наши крисы священны. Но ты, женщина, владеешь каким-то колдовским искусством боя. Мы о таком только слышали, да и то многие сомневались, что это возможно. Однако теперь мы увидели это искусство своими глазами. Ты победила вооруженного фримена; и это — оружие, которое не обнаружит никакой обыск!

По людям в котловине прошло движение – слова Стилгара попали в цель.

– А что, если я соглашусь обучать вас... колдовским приемам?

– Мое покровительство тебе – так же, как и твоему сыну.

– Как я могу быть уверена, что это твое обещание не ложь?

Голос Стилгара потерял часть своей убедительности. Взамен в нем зазвучала резкая нотка:

– Здесь, в Пустыне, у нас нет бумаги для контрактов, женщина. И не бывает так, чтобы вечером мы дали обещание, которое собираемся нарушить на рассвете. Мужчина обещал – и это уже контракт. И, как вождь, я связываю своим словом и моих людей. Учи нас колдовским приемам боя – и, пока желаешь, будешь иметь убежище среди нас. И вода твоя смешается с нашей.

– Ты можешь говорить за всех фременов?

– Со временем, может, и смогу. А сейчас за всех фременов может говорить только мой брат, Лиет. Но я обещаю, что сохраню вашу тайну. Мои люди не упомянут про вас людям других сиетчей. Харконнены вернулись на Дюну во всеоружии, а герцог ваш мертв. Вас считают погибшими в буре Матери. Охотник не станет искать мертвую дичь.

«Да, это, кажется, гарантирует нам безопасность, – подумала Джессика. – Но у фременов неплохо налажена связь – что, если они пошлют сообщение...»

– Я полагаю, за наши головы назначена награда, – сказала она.

Стилгар промолчал, и она почти увидела его мысли, ощущая движения его мышц под руками. Наконец он ответил:

– Повторю еще раз: я дал слово от имени всего племени. Теперь мои люди знают тебе цену. Что могли бы дать нам Харконнены? Нашу свободу? Ха! Нет, ты – таква́, ты можешь дать нам больше, чем могла бы купить вся Пряность в харконненских сундуках!..

– Тогда я стану учить вас моему искусству боя, – объявила Джессика и сама почувствовала, что бессознательно произнесла эти слова с какой-то ритуальной напряженностью.

– Может, отпустишь меня наконец?

– Хорошо. – Джессика разжала захват и шагнула в сторону, не теряя из виду людей в котловине. «Это машад, предельное испытание. Но Пол должен знать о них правду, даже если мне придется заплатить за это знание жизнью».

В выжидательной тишине Пол перебрался чуть повыше, чтобы лучше видеть мать. Подтягиваясь, он вдруг услышал над собой тяжелое дыхание. Неизвестный затаился; в расщелине на фоне звездного неба обрисовалась смутная тень.

Стилгар закричал снизу:

– Эй, там! Хватит гоняться за парнем. Он сейчас сам спустится.

Из темноты сверху ответил не то мальчишеский, не то девчоночий голос:

– Но, Стил, он не может быть далеко от...

– Я сказал, Чани, оставь его! Слышишь, ящерицына дочь?

– Наверху тихо ругнулись и шепотом добавили: «Он назвал меня дочерью ящерицы!..» Но все-таки тень убралась.

Пол снова повернулся к котловине, нашел глазами Стилгара – серую тень рядом с матерью.

– Ну, все сюда! – скомандовал Стилгар и обернулся к Джессике: – А теперь спрошу я – а где гарантии, что ты выполнишь свою часть нашего уговора? Это ведь ты всю жизнь жила с бумажками, всякими там никчемными контрактами вроде...

– Мы, Бене Гессерит, умеем держать слово не хуже вас, – ответила Джессика.

Настала и долго тянулась тишина. Затем много голосов зашептались в темноте: «Бене-гессеритская ведьма!..»

Пол вытянул из-за кушака трофейное оружие, навел на темную фигуру Стилгара, но ни он, ни его люди не двигались с места. Не отрываясь все смотрели на Джессику.

– Всё точно – как в легенде... – прошептал кто-то.

– Нам передавали, что сообщила Шэдаут Мэйпс о тебе, – проговорил Стилгар. – Но это слишком важно, чтобы принять просто на веру, без испытания. Если ты и вправду та самая Бене Гессерит из легенды, чей сын поведет нас в рай... – Он пожал плечами.

Джессика вздохнула: «Значит, наша Миссионария Протектива даже устроила в этом аду своего рода религиозные предохранительные клапаны. Что ж... пригодятся. Они для того и придуманы». И произнесла:

– Провидица, которая принесла вам эту легенду, принесла вместе с ней прорицание карамы и иджаза – прорицание чуда и неизбежности пророчества – и я знаю это. Тебе нужен знак?

В свете луны было видно, как расширились его ноздри.

– У нас нет времени на обряды... – пробормотал он.

Джессика припомнила карту, которую Кинес показал ей, когда намечал пути для бегства. Как, казалось, давно это было!.. Да, так на той карте рядом с местом, обозначенным «Сиетч Табр», стояла пометка: «Стилгар».

– Хорошо, – согласилась она, – может, позже, когда мы придем в сиетч Табр.

Это его проняло, а Джессика подумала: «Знал бы он, какими фокусами мы пользуемся! А она была молодец, та

сестра из Миссионарии Протектива. Фримены превосходно подготовлены к тому, чтобы уверовать в нас».

Стилгар беспокойно шевельнулся:

– Пора идти.

Джессика кивнула – чтобы он понял, что это она дозволяет идти.

Он поднял глаза вверх – почти точно туда, где на карнизе прятался Пол.

– Эй, парень, можешь слезать. – Потом вновь повернулся к Джессике и сказал извиняющимся тоном: – Твой сын очень уж нашумел, пока лез туда. Ему придется еще многому научиться, чтобы не навести на нас беду. Впрочем, он еще молод...

– Я не сомневаюсь, что нам есть чему поучиться друг у друга, – ответила Джессика. – Кстати, взгляни, что там с твоим товарищем. Мой сын обошелся с ним грубовато, когда разоружал.

Стилгар резко обернулся, так что капюшон взметнулся за плечами.

– Где?

– А вон, за кустами, – показала она. Стилгар тронул двух своих людей за плечо:

– Посмотрите, что там. – Затем он осмотрел своих. – Нет Джамиса. – Он опять повернулся к Джессике. – Даже твой парень владеет приемами колдовского боя!

– Между прочим, мой сын не послушался твоего приказа спуститься, – заметила Джессика.

Двое посланных Стилгаром вернулись, поддерживая третьего, – тот, спотыкаясь и глотая ртом воздух, брел между ними. Стилгар усмехнулся:

– Значит, твой сын будет слушаться только тебя, а? Ну-ну. Порядок знает.

– Пол, можешь спуститься, – сказала Джессика.

Пол поднялся из своего укрытия в лунный свет, засунул фрименское оружие за кушак. Когда он поворачивался, от скалы перед ним отделился второй силуэт.

В лунном свете, лившемся с неба и слабо отраженном серым камнем, Пол увидал невысокую тонкую фигурку в свободных фрименских одеждах. На лицо падала тень от капюшона. Из складок бурнуса на Пола глядел ствол пружинного пистолета.

– Я – Чани, дочь Лиета. – Голос веселый, звонкий. Она, кажется, сдерживала смех. – Я бы не позволила тебе палить по нашим.

Пол сглотнул. А Чани повернулась к свету, и он увидал лицо эльфа с темными провалами глаз. Знакомые черты этого лица, которое являлось ему бесчисленное множество раз в его первых видениях, так поразили Пола, что он застыл неподвижно. Он вспомнил, как когда-то, бравируя в своей гневной запальчивости, описывал это лицо из сна Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийям. «Я когда-нибудь встречу ее!» – сказал он тогда.

И вот она въяви перед ним – но такая встреча ни разу не виделась ему.

– Ты шумел, как Шаи-Хулуд в ярости, – сообщила она. – И вдобавок ухитрился выбрать самый сложный подъем. Пошли, я покажу тебе, где спуститься полегче.

Он выбрался из расщелины и пошел за ней. Ее бурнус взметался, когда девчонка скользила через изломанные скалы. Она была как серна, легко скачущая по камням. Пол почувствовал, как к лицу прилила кровь... хорошо еще, что темно!

Что за девушка! Словно прикосновение судьбы. Пола захватила радостная волна.

Вскоре они уже стояли среди фрименов на дне котловинки. Джессика криво улыбнулась сыну, но обратилась к Стилгару:

– Да, нам полезно будет поучиться друг у друга. Надеюсь, ты и твои люди не в обиде на нас за случившееся. Мне показалось, что другого выхода нет. Ты был готов... совершить ошибку.

– Удержать человека от ошибки – это воистину небесный дар, – отозвался Стилгар. Он поднес левую руку к губам, а правой вытянул из-за пояса Пола оружие и бросил одному из своих спутников. – Когда заслужишь, парень, у тебя будет свой маулет.

Пол хотел было ответить, но сдержался, вовремя припомнив наставление матери: «Начало – пора деликатная, с ним нужно быть осторожным».

– У моего сына есть все необходимое оружие, – ответила за него Джессика и посмотрела Стилгару в глаза. Тот сразу вспомнил, как в руки мальчика попал пистолет... И оглянулся на фримена, побежденного Полом. Это был Джамис. Он стоял в стороне, опустив голову и затрудненно дыша.

– С тобой нелегко иметь дело, женщина, – сказал Стилгар. Потом протянул руку в сторону одного из своих людей и, щелкнув пальцами, велел:

– Кушти́ бака́ те.

(«Опять чакобса», – отметила Джессика.)

Тот немедленно подал вожаку два квадратных газовых платка. Стилгар пропустил их сквозь пальцы и повязал один на шее Джессики, под капюшоном, а второй таким же образом – на шее Пола.

– Ну вот, – сказал он, – теперь у вас есть платки-бакка. Если нам случится разойтись, вас всякий опознает как принадлежащих к сиетчу Стилгара. А об оружии поговорим в другой раз.

Он обошел своих людей, проверяя, готовы ли они, затем взвалил фримпакет Пола на одного из них.

«Бакка», – вспомнила Джессика, – это религиозный символ. «Бакка» – значит «плакальщик» ... Ясно, что тут какая-то символика, объединяющая племя. Но какая? Почему скорбь, оплакивание объединяют их?..

Стилгар подошел к девочке, так смутившей Пола.

– Чани, возьми этого мужчину-ребенка под свое крылышко и оберегай его.

Чани тронула Пола за руку:

– Ну, пошли, «мужчина-ребенок».

Пол сдержал раздражение и ответил:

– Мое имя – Пол, и лучше бы тебе...

– Мы дадим тебе имя, будущий мужчина, – ответил вместо нее Стилгар, – во время михны, на испытании акль.

«Испытании разума», – перевела про себя Джессика.

Она вдруг ощутила, что надо немедленно доказать превосходство Пола и его зрелость, – это ощущение перевесило всякие мысли об осторожности, и она резко воскликнула:

– Мой сын прошел испытание гом джаббаром!

По наступившей вдруг мертвой тишине стало ясно, что она поразила-таки их. Прямо в сердце.

– Да, многое нам предстоит узнать друг о друге, – проговорил Стилгар. – Но мы зря теряем время. Нельзя, чтобы лучи дневного солнца застигли нас в открытом месте.

Затем он подошел к поверженному Полом фримену:

– Идти можешь, Джамис?

Тот мрачно фыркнул в ответ:

– Просто он ударил неожиданно, и всё. Кто мог ждать от него такой прыти? Это случайность. А идти – чего, могу.

– Случайность тут ни при чем, – возразил Стилгар. – И слушай, Джамис, ты будешь отвечать за их безопасность вместе с Чани. Они – под моим покровительством.

Джессика посмотрела на Джамиса. Это его голос возражал Стилгару со стены. Он хотел их смерти. И Стилгар явно считал нужным подчеркнуть свой приказ специально для Джамиса.

Стилгар вновь внимательно оглядел свой отряд и жестом подозвал двоих.

– Ларус, Фаррух, – пойдете позади и проследите, чтобы следов не оставалось. Будьте особо внимательны – ведь с нами двое необученных новичков. – Он повернулся, указал рукой направление: через котловину. – Походной цепочкой с фланговым охранением – пошли! Нам надо поспеть в Пещеру Кряжей до рассвета!

Джессика шла нога в ногу со Стилгаром, пересчитывая людей. Сорок фременов, с ней и Полом – сорок два. Идут, как заправские солдаты, – даже эта девочка Чани.

Пол шагал позади Чани. Он уже позабыл, как разозлился на то, что девочка захватила его врасплох. Сейчас в его голове крутились слова матери: «Мой сын прошел испытание гом джаббаром». Руку кололо воспоминание о давней боли.

– Смотри, где идешь! – прошипела Чани. – Не зацепись за куст: оставишь нитку на ветке – выдашь нас!

Пол сглотнул, кивнул.

Джессика слушала, как движется отряд. Шаги свои и сына она различала... а фримены, сорок человек, шли, и не было слышно звуков, отличных от естественных звуков Пустыни. Их одеяния плыли во мраке, словно паруса призрачных лодок. И путь их лежал в сиетч Табр – сиетч Стилгара.

Она думала о самом слове – «сиетч». Старое слово, опять-таки из чакобса, и бесчисленные прошедшие века не изменили его. «Сиетч» – это «место сбора во время опасности». Только теперь, спустя какое-то время после стычки, она задумалась о том, что вытекало из значения слова и самого употребления древнего охотничьего языка.

– Хорошо идем, – заметил Стилгар. – С милостью Шаи-Хулуда мы-таки дойдем до Пещеры Кряжей к рассвету.

Джессика молча кивнула – берегла силы. Оказывается, она была вымотана до предела, и только сила воли как-то подавляла усталость... сила воли и гордость, призналась она себе. И воодушевление...

Она думала о том, как же ценны эти люди. Да, сегодня ей открылось немало нового о фременах.

Все они, весь народ, воспитаны как воины. Поистине бесценная находка для герцога-изгнанника!

* * *

Фримены всегда отличались чрезвычайно развитым свойством, которое древние называли «spannungsbogen» – то есть умение сдерживать себя и, ощутив желание, не спешить удовлетворить его.

Они подошли к Пещере Кряжей перед рассветом. Из котловины туда вела расщелина, такая узкая, что пришлось протискиваться боком. Стилгар назначил несколько человек в караул. Джессика проводила их взглядом, когда они полезли на скалы в слабом предутреннем свете.

Пол на ходу посмотрел вверх. Узкая расщелина, открывавшаяся в серовато-голубое небо, показывала пеструю шкуру планеты в поперечном разрезе. Но Чани не дала ему налюбоваться на эту картину – она, потянув его за рукав, поторопила:

– Давай побыстрее, а то уже совсем светло.

– А куда полезли те люди? – поинтересовался он.

– Первая дневная стража, – коротко ответила она. – Ну, шевелись!

Значит, снаружи выставляется караул, подумал Пол. Разумно. Но все-таки лучше бы подходить сюда, разбившись на мелкие группы: так меньше риск потерять весь отряд.

Вдруг он поймал себя на том, что думает уже как партизан, и вспомнил, как отец опасался, что Дом Атрейдес может стать партизанским – скрывающимся, гонимым, сражающимся в подполье...

– Да побыстрее же! – шепотом подгоняла его Чани.

Пол ускорил шаги. Позади посвистывала ткань фрименских одежд. Пол вдруг вспомнил сират из крохотной Экуменической Библии доктора Юйэ: «Се, рай одесную меня, и ад ошуюю меня, и Ангел Смерти следует за мною». Он несколько раз повторил цитату про себя.

Расщелина повернула и расширилась. Тут стоял Стилгар, пропуская своих людей в низкое отверстие в правой стене.

– Быстро! – прошипел он. – Если патруль нас заметит – мы тут окажемся как кролики в клетке!

Пол пригнулся и следом за Чани вошел в пещеру, освещенную сочившимся откуда-то сверху сероватым светом.

– Можешь выпрямиться, – усмехнулась Чани.

Он разогнулся и огляделся вокруг: обширная пещера, свод низкий – там, где они стояли, его можно было бы коснуться, подпрыгнув. Отряд Стилгара, теряясь в тенях, разошелся по пещере. Пол заметил, что мать встала у стены, изучающе рассматривая фременов. Он не мог не отметить, что она резко выделяется среди них, хотя и одета так же. В каждом движении – сила, изящество и благородство...

– Найди себе местечко для отдыха и постарайся не путаться под ногами... дитя-мужчина, – сказала Чани. – А вот твоя еда. – Она сунула ему в руку два маленьких свертка из листьев, густо пахнущих Пряностью.

Стилгар подошел к Джессике, встал позади нее и приказал стоявшим слева от них:

– Установите дверной клапан и не забывайте о водной дисциплине! – Он повернулся к другому фримену: – А ты, Лемиль, принеси плавающие лампы.

Затем Стилгар взял Джессику за руку:

– Я хочу кое-что показать тебе, колдунья...

И он повел ее куда-то за угол, откуда пробивался свет.

Джессика оказалась на широком карнизе. Сюда открывался еще один выход из пещеры, и это отверстие находилось высоко в скальной стене, возвышающейся над новой котловиной, километров десяти или пятнадцати в ширину. Со всех сторон котловину окружали высокие скалы. Там и тут виднелись островки скудной растительности.

И в это время над серой в предрассветном свете котловиной, над дальней ее стеной, поднялось солнце, вернув камням и песку их светло-бурый цвет. Арракийское солнце, казалось, выпрыгивает из-за горизонта...

«Это оттого, – подумалось ей, – что мы хотели бы удержать его за горизонтом: ночь безопаснее дня...»

Внезапно она ощутила укол тоски: ей захотелось увидеть радугу – здесь, над этим местом, не знающим дождей. И не узнающим никогда. «Я не должна давать волю подобным мечтаниям, – одернула она себя. – Это слабость, а я не могу больше позволять себе слабости».

Стилгар схватил ее за руку, показал на что-то в котловине:

– Смотри! Вот они – истинные друзы!

Она всмотрелась, заметила в котловине движение. Там, на дне, какие-то люди спешили укрыться в тени скальной стены. Несмотря на расстояние, движения их были отчетливо видны благодаря чистоте воздуха. Она достала из-под бурнуса бинокль, навела его на людей, сфокусировала масляные линзы. Как пестрые бабочки, мелькали платки на шее...

– Там – наш дом, – сказал Стилгар, – мы будем там следующей ночью. – Он, подергивая себя за ус, смотрел на котловину. – Мои люди задержались снаружи дольше положенного – работали. Значит, патрулей поблизости нет. Позже я дам им сигнал, чтобы готовились к встрече.

– У твоих людей отличная дисциплина, – заметила Джессика, опуская бинокль. Стилгар проводил бинокль взглядом.

– Они подчиняются закону безопасности племени, – ответил ей Стилгар. – Ему же подчинен и выбор вожака: предводитель должен быть самым сильным из всех. Тем, кто способен обеспечить племени воду и безопасность. – Он перевел взгляд на ее лицо.

Она ответила таким же внимательным, прямым взглядом, увидев обведенные темным глаза без белков, пыльную бороду и усы, изогнутую трубку носовых фильтров, сбегающую в дистикомб...

– Значит, победив тебя, я скомпрометировала тебя как предводителя?

– Ты не вызывала меня на поединок, – отмахнулся он.

– Но ведь важно, чтобы предводитель сохранял уважение своих людей.

– Ну, среди этих песчаных вшей нет никого, с кем бы я не справился, – ответил Стилгар. – Так что, победив меня, ты победила и каждого из них. Всех нас. Теперь они надеются выучиться у тебя… искусству твоего колдовского боя… а некоторые хотели бы знать, не собираешься ли ты бросить мне формальный вызов.

Она взвесила его слова.

– То есть не одержу ли я победу в формальном поединке?

Он кивнул:

– Я бы тебе этого не посоветовал – они не пойдут за тобой. Ты не из людей Пустыни, ты чужая нашим пескам. Они видели это во время ночного марша.

– Люди практического склада, – пробормотала она.

– Верно. – Он посмотрел в котловину. – Мы знаем, что нам нужно. Но здесь, так близко от дома, не многие сохраняют трезвость и глубину мысли. Слишком долго мы были в Пустыне. Надо было доставить вольным торговцам груз Пряности для проклятой Гильдии… да почернеют их лица навеки!

Джессика, которая было отвернулась от него, резко развернулась, снова посмотрела Стилгару в глаза.

– Гильдия?! При чем тут она? С чего это Гильдия получает вашу Пряность?

– Так велит Лиет, – мрачно сказал Стилгар. – Мы знаем, зачем это делается, но всё одно, горек вкус этой дани. Мы откупаемся от Гильдии поистине чудовищной платой, чтобы только в нашем небе не крутились эти поганые спутники – чтобы никто не мог видеть, что делаем мы с Арракисом.

Она тщательно взвешивала свои слова, потому что вспомнила: именно эту причину называл ей Пол, говоря о том, почему над Арракисом нет спутников.

– А что вы делаете с Арракисом такого, чего нельзя видеть?

– Мы изменяем его. Медленно, но, верно, мы изменяем его... Мы хотим, чтобы он стал по-настоящему пригодным для жизни людей. Наше поколение не увидит исполнения этой мечты, и дети наши не доживут до этого, и дети наших детей... и даже внуки их детей... но время это настанет. – Он обвел котловину затуманившимся взглядом. – Здесь будут открытая вода, и высокие зеленые растения, и люди будут спокойно ходить без дистикомбов.

Вот она, мечта Лиет-Кинеса, подумала она и сказала:

– Взятки – вещь небезопасная. Они имеют свойство расти...

– Они и растут, – подтвердил Стилгар. – Но медленный путь надежнее.

Джессика медленно оглядела котловину, пытаясь увидеть ее глазами Стилгара. Но видела только горчичного цвета пятно – далекие скалы. Над ними, кажется, что-то двигалось.

– Ах-х-х... – проговорил Стилгар.

Джессика решила было, что это – патрульный орнитоптер, но тут же поняла, что это мираж. Над песками дрожал второй пустынный ландшафт: пески, где-то вдали – какая-то колышущаяся зелень. А ближе... ближе шел прямо по поверхности огромный червь... и, кажется, на его спине она увидела фрименские плащи!..

Мираж исчез.

– Верхо́м оно, конечно, скорее было бы, – заметил Стилгар, – но мы не можем, разумеется, пустить Подателя в эту котловину. Так что ночью опять придется пешком...

Значит, Подателем они называют червя!

Она поняла, что́ следовало из слов Стилгара. Он сказал, что фримены не могут пустить червя в котловину. Значит, она в самом деле видела это в миражном мареве. Фримены на спине гигантского червя!.. Ей понадобилось все ее самообладание, чтобы не выдать потрясения.

– Пора возвращаться к остальным, – сказал Стилгар. – А то еще решат, что я тут подъезжаю к тебе с шашнями. И так

кое-кто уже завидует, что мои руки касались твоего чудесного тела в котловине Туоно, во время борьбы...

– Довольно! – оборвала его Джессика.

– Я ничего дурного в виду не имел, – кротко ответил Стилгар. – У нас в любом случае не принято брать женщину против ее воли... а уж с тобой... – Он пожал плечами. – С тобой и этот обычай просто, можно сказать, излишен.

– Тебе не следует забывать, что я была все же женщиной герцога, его официальной наложницей, – проговорила Джессика уже спокойнее.

– Как хочешь. Ну всё, пора закрыть и это отверстие, чтобы можно было отдохнуть от дистикомбов. Моим людям сегодня необходим хороший отдых, ведь завтра семьи не дадут им отдохнуть!

Они замолчали.

Джессика смотрела на солнце. Да, в голосе Стилгара звучало предложение больше чем просто помощи и покровительства. Ему нужна жена? Она вдруг подумала, что действительно могла бы занять место рядом со Стилгаром. И это раз и навсегда положило бы конец любым спорам о лидерстве – удачный союз подходящих друг к другу мужчины и женщины, и всё.

Но – что тогда будет с Полом? Кто их знает, фременов, какие тут у них правила усыновления и как строятся отношения детей и родителей. А не родившаяся еще дочь, которую она носит под сердцем последние несколько недель? Дочь покойного герцога?.. Она подумала о том, что может значить для нее это дитя, растущее внутри. Подумала о том, что побудило ее решиться на зачатие. Она знала – что. Она подчинилась тогда глубочайшему инстинкту, общему для всех живых существ, заглянувших в лицо смерти, – стремлению обрести бессмертие в потомстве. Да, ими – ею и Лето – овладел инстинкт продолжения рода.

Джессика взглянула на Стилгара, увидела, что он внимательно ее рассматривает. «Какова будет судьба дочери, родившейся здесь у жены такого человека? – спросила она

себя. – Не станет ли он препятствовать ей в том, что является необходимым для Бене Гессерит?»

Стилгар кашлянул. Он, казалось, понимал кое-что из того, что мучило ее.

– Для вождя главное – то, что его делает вождем: нужды его народа. Если ты научишь меня своим приемам, может прийти день, когда одному из нас придется бросить вызов другому. Я бы предпочел решить вопрос как-нибудь иначе.

– Как-нибудь? Разве есть разные пути?

– Сайядина, – ответил он. – Наша Преподобная Мать уже стара.

Их Преподобная Мать?!

Прежде чем она успела осознать его слова, он добавил:

– Я вовсе не навязываю себя в качестве мужа. Не прими это в обиду; ты в самом деле прекрасна и желанна. Но если ты станешь одной из моих женщин, кое-кто из молодежи решит, что я слишком озабочен плотскими удовольствиями и недостаточно – нуждами племени. Вот и сейчас, будь уверена, они и подслушивают, и подглядывают.

Он умеет взвешивать свои решения и думать об их последствиях, подумала она.

– Среди моих молодых кое-кто вступил в тот возраст, когда дух буен, – сказал Стилгар. – Сейчас лучше отпустить вожжи и не давать им серьезных поводов бросить мне вызов. Иначе мне придется кого-то покалечить, а то и убить. А вождю следует избегать этого – конечно, если можно отказаться от боя, не теряя чести. Ведь именно вождь делает толпу – народом. Вернее, в том числе и вождь. Он поддерживает уровень индивидуальности: если личностей мало, народ становится толпой.

Глубина его слов и то, что он говорил как ей, так и тем, кто подслушивал их разговор, заставили Джессику посмотреть на него новыми глазами. Он весьма умен, подумала она. Но где научился он искусству внутреннего равновесия?

– Закон, устанавливающий наши правила выбора вожака, разумен и справедлив, – сказал Стилгар. – Но из этого

не следует, что люди всегда нуждаются именно в справедливости. По-настоящему нам сейчас необходимо время для роста и укрепления наших позиций, для распространения нашего влияния на новые земли.

Каково его происхождение? Кто так воспитал его?..

– Стилгар, я недооценила тебя, – проговорила она.

– Я так и понял.

– Похоже, мы оба недооценили друг друга.

– Так покончим с этим, – предложил он. – Я хотел бы, чтобы мы были друзьями... и доверяли друг другу. Я хотел бы взаимного уважения, какое возникает в душе безо всякого там секса.

– Понимаю.

– Ты мне веришь?

– Я слышу искренность в твоих словах.

– У нас, – сказал он, – сайядина, если даже она и не является формальным лидером, окружена особым почетом. Она учит. Она поддерживает вот здесь силу господа... – Он коснулся своей груди.

А сейчас надо попробовать разобраться с их таинственной Преподобной Матерью, подумала она и сказала:

– Ты упомянул о вашей Преподобной Матери... а я вспомнила слова легенды и пророчества.

– Сказано, что дочь Бене Гессерит и дитя ее держат в руке своей ключи к нашему будущему, – сказал он.

– И ты считаешь, что это я и есть? – Она следила за выражением его лица, думая: «Как легко погубить молодой росток! Ибо начало – время больших опасностей».

– Мы пока не знаем, – ответил он.

Она кивнула, подумав: «Он – благородный человек. Хочет, чтобы я дала знак; но искушать судьбу, назвав мне этот знак, он не хочет».

Джессика повернула голову, посмотрела вниз, в котловину – в золотые и пурпурные тени, в дрожащее пыльное марево перед входом в их пещеру. Ее вдруг охватила кошачья осторожность. Она, безусловно, знала язык, которым

пользовалась Миссионария Протектива, знала, как применить к своим конкретным нуждам легенды, страхи и надежды... но она чуяла здесь какие-то серьезные изменения. Словно кто-то принес их к фрименам, наложив свой отпечаток на схемы, внедренные Миссионарией.

Стилгар снова кашлянул.

Она чувствовала его нетерпение и помнила, что день разгорается и фримены ждут – пора закрывать отверстие. Ей приходилось рискнуть. Она понимала, что ей необходимо: одна из дараль-хикман, школ перевода, которая дала бы ей...

– Адаб, – прошептала она.

Ей казалось, что разум ее перевернулся внутри. Она распознала это чувство, у нее даже часто забилось сердце. Это ощущение не имело ничего общего с учением Бене Гессерит; это могло быть лишь одно – а́даб, важное и требующее действия воспоминание, приходящее как бы само по себе, помимо воли. Тогда она отдалась этому чувству, предоставив словам литься самим по себе.

– Ибн-Кирта́иба! – начала она. – Там, где кончается песок... – Она выпростала руку из-под бурнуса, простерла ее величественным жестом, увидела, как расширились глаза Стилгара. Услышала близкий шелест одежд многих людей. – ... Вижу я фримена, фримена с Книгой Притчей, – нараспев говорила она. – И он читает к Ал-Лату, Солнцу, которому не покорился, которому бросил вызов и которое победил. Читает к Великим Саду Испытания – и вот что он читает:

Враги мои как стебли сломленные,
Заступившие путь буре.
Или не видел ты руку господню?
Вот, он послал на них мор,
Ибо злоумышляли на нас.
И вот, они – как птицы,
Рассеянные охотником.
А козни их – точно зерна отравы,

Отвергаемые всякими устами...
Ее пронизала дрожь, и рука ее упала.

Из темноты пещеры отозвались шепотом многие голоса:
– «И сотворенное ими разрушено».
– «Огнь господень – в сердце твоем». (Слава богу, теперь все пойдет своим чередом.)
– «Огнь господень пылающий», – прозвучал ответ.
Она кивнула:
– «Падут враги твои».
– «Би-ла кайфа́», – завершили они.
В наступившем молчании Стилгар склонился перед ней.
– Сайядина, – почтительно сказал он, – если дозволит Шаи-Хулуд, ты, может быть, сумеешь пройти в себе на стезю Преподобной Матери...

«Пройти в себе» — странно он выражается. Но все прочее вполне в духе языка Миссионарии... – подумала она, ощутив циничную горечь только что содеянного. – У нашей Миссионарии Протектива неудачи редки. Она приготовила место для нас в этой дикой глуши... Молитвы той салат сотворили нам убежище. Так что теперь... придется мне играть роль Аулии, Подруги Всевышнего... Сайядины, которой надо будет обманывать людей, в чьи души пророчества Миссионарии Бене Гессерит вошли настолько прочно, что даже жриц своих они называют «Преподобными Матерями» !..

Пол стоял подле Чани, в полутьме внутренней части пещеры. Он все еще ощущал вкус полученной от нее порции пищи – небольшой, обернутый в листья комок мешанины из птичьего мяса и крупы, приготовленной на меде с Пряностью. Положив его в рот, он понял, что никогда прежде ему не приходилось есть пищу с такой концентрацией Пряности, и даже испугался. Он-то знал, что может сделать с ним Пряность, – помнил еще, какая перемена постигла его под ее влиянием, отправив его разум в бурю пророческих видений...

– Би-ла кайфа, – прошептала Чани.

Он посмотрел на нее – и увидел тот благоговейный страх, с которым фримены внимали словам его матери. Только тот, которого звали Джамис, держался в стороне, скрестив руки на груди.

– Дуй йакха хин манге, – шепотом проговорила Чани, – дуй пунра хин манге. Два глаза есть у меня. Две ноги есть у меня.

И она потрясенно посмотрела на Пола.

Тот глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бурю в груди. Слова матери наложились на действие Пряности, и ему показалось, что ее голос взлетает и падает, словно тени от костра. А кроме того, он чувствовал налет цинизма в ее голосе – кто-кто, а он хорошо ее знал! – но сейчас ничто не могло уже остановить перемену, начавшуюся с этого кусочка пищи.

Ужасное предназначение!

Он уже чувствовал его – то сознание расы, от которого он никуда не мог уйти. Пришла знакомая обостренная, кристальная отчетливость. Нахлынул поток данных, сознание заработало с ледяной четкостью. Он осел на пол, прижался спиной к камню стены и позволил себе отдаться этой волне. А она несла его в то пространство, лишенное времени, откуда он мог видеть это время, лежащие перед ним возможные пути; туда, где веяли ветры грядущего... и ветры минувшего. Казалось, один его глаз устремлен в прошлое, другой – в настоящее... и еще один – в будущее; и так, тремя глазами, смотрел он на время, обращенное в пространство.

Он почувствовал, что есть опасность перегрузки, что можно «перегореть», – и постарался держаться за настоящее, за миг «сейчас», тот неуловимый миг, в который «то, что есть», окаменевало, превращаясь в вечное «было».

Стремясь охватить настоящее, он ощутил вдруг – впервые, – как в тяжелое постоянство временного потока вмешиваются его меняющиеся течения, волны, водовороты, валы, приливы и отливы – точно кипение прибоя, бьющегося о скалы. Этот образ подтолкнул его к новому пониманию

своего пророческого дара, и он увидел причину и «слепых зон», и ошибок в своих предвидениях. И это напугало его.

Предвидение, понял он, было озарением, но таким, которое воздействовало на то, что оно же и озаряло. Источник сразу и точной информации, и ошибок в ней. Вмешивалось что-то вроде принципа неопределенности Гейзенберга: для восприятия картины грядущего требовалась какая-то проникающая туда энергия, а эта энергия воздействовала на само грядущее – и изменяла его.

А видел он сопряжения событий в этой пещере, бурление бессчетного числа вероятностей, сходящихся здесь, – и самое, казалось бы, пустяковое действие вроде движения века, или неосторожно вырвавшегося слова, или даже одной-единственной песчинки, отброшенной с ее места, – воздействовало на гигантские рычаги, протянувшиеся через всю Вселенную и способные изменять ее. И он видел насилие... и исход его зависел от такого количества переменных, что малейшее движение резко меняло его.

Это видение ужаснуло его – хотелось застыть в неподвижности... но и это тоже было бы действием, действием со своими последствиями.

Бесчисленные варианты будущего изливались из этой пещеры. И, прослеживая эти ветвящиеся тропы, на большей части их видел он свой собственный труп и кровь, вытекающую из глубокой ножевой раны.

* * *

В тот год, когда мой отец, Падишах-Император, использовав гибель герцога Лето, вновь отдал Арракис Харконненам, ему исполнилось семьдесят два года, хотя выглядел он не более чем на тридцать пять. На людях он появлялся обычно в мундире сардаукара и черном шлеме бурсега, гребень которого украшал золотой императорский лев. Такое одеяние служило открытым напоминанием об источнике его могущества. Впрочем, он не был очень уж прям, и не всегда его намеки были столь явными. Когда он хотел, он просто лучился обаянием и искренностью; теперь я, однако, часто думаю, было ли в нем хоть что-то, что было бы в действительности тем же, чем казалось? Я думаю порой, что он постоянно сражался – чтобы вырваться из невидимой клетки. Не забывайте – он был Император, глава династии, истоки которой уходят во тьму веков. Но мы, Бене Гессерит, отказали ему в праве иметь законного сына-наследника. Не есть ли это величайшее поражение для любого правителя и во все времена?.. Мать моя покорилась решению Старших Сестер; леди же Джессика ослушалась их. Кто из них двоих был прав? На этот вопрос уже дала ответ сама история…

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Джессика проснулась во мраке пещеры. Она слышала, как вокруг шевелятся фримены, обоняла едкий запах дистикомбов. Внутреннее чувство времени говорило ей, что снаружи скоро наступит ночь, хотя в пещере было по-прежнему темно – ее затеняли пластиковые пологи, сохранявшие внутри влагу их тел.

Она поняла, что позволила себе впасть в полное расслабление, в тяжкий сон глубокой усталости. А это само по себе говорило о том, что ее подсознание доверилось Стилгару, решило, что среди его людей она в безопасности. Она повернулась в гамаке, который соорудили для нее из ее же бурнуса. Спустила ноги на каменный пол, натянула песчаные сапоги.

«Надо не забыть, что сапоги следует застегивать посвободнее в голенище – чтобы не затруднять прокачку дистикомба, – напомнила она себе. – Сколько же всего нужно запомнить!..»

Она все еще чувствовала во рту вкус утренней еды – кусочка птичьего мяса, смешанного с зерном и пряным медом, и все это завернуто в листья. Ей пришло в голову, что время тут перевернуто с ног на голову: ночь отдана дневным заботам, а днем отдыхают.

Ночь – укрывает, ночь – безопасна...

Она сняла бурнус со вбитых в стену каменного алькова гамачных крючьев; повертела его в темноте, нашла верх и надела.

Теперь ее мучила проблема – как дать знать в Бене Гессерит о двоих заблудившихся в песках беглецах, скрывающихся в арракийском убежище.

В глубине пещеры зажглись плавающие лампы. Она увидела деловитую суету фрименов и среди них – Пола, уже одетого. Его капюшон был откинут, открывая орлиный – типично атрейдесовский – профиль.

Как странно он вел себя перед сном, – подумала она. – Словно совершенно ушел в себя. Словно человек, вернувшийся из царства смерти и не вполне еще осознавший свое возвращение. Глаза полуприкрыты и будто остекленели – взгляд обращен внутрь себя. Она невольно вспомнила, как он предупреждал ее о том, что Пряность формирует привычку и зависимость. А может быть, есть и побочные эффекты? Вот он говорит, что Пряность как-то связана с его пророческими видениями, – а что именно видит, не говорит...

Стилгар вышел из теней справа, приблизился к группке, собравшейся под плавающими лампами. Джессика сразу обратила внимание на то, как он пощипывает бороду, как покошачьи сторожко держится.

Короткий страх пронзил Джессику – все ее чувства обострились, едва она ощутила напряжение, сгустившееся вокруг Пола. Скованные движения, явно ритуальные позы...

– Она – под моим покровительством! – загремел Стилгар.

Джессика узнала стоящего перед ним фримена – Джамис! А затем по напряженно застывшим плечам поняла, что Джамис в ярости.

Джамис, которого побил Пол!

– Ты знаешь закон, Стилгар, – говорил Джамис.

– Кому и знать, как не мне? – отвечал Стилгар примиряющим тоном – он, похоже, пытался загладить какую-то размолвку.

– И я требую поединка! – прорычал Джамис.

Джессика перебежала пещеру, схватила Стилгара за руку.

– Что это значит? – спросила она.

– Правило амталь, – пожал тот плечами. – Джамис настаивает на своем праве проверить вас – те ли вы, о которых говорит легенда...

– Она должна выставить за себя поединщика, – хмуро сказал Джамис. – Если он победит, стало быть, все правда. Но только сказано, – он обвел взглядом столпившихся соплеменников, – сказано, что «не будет ей нужды в поединщике из фременов», – а это может значить только одно: своего поединщика она приведет с собой.

«Да он хочет драться с Полом!» — ужаснулась Джессика.

Она отпустила руку Стилгара, шагнула вперед.

– Я всегда бьюсь за себя сама и потому не нуждаюсь в поединщике, – отрезала она. – Кажется, это должно быть ясно...

– Ты нам не указывай, что ты там делаешь и как! – заявил Джамис. – Во всяком случае, покуда мы не увидим более убедительных доказательств. Стилгар мог утром научить тебя что говорить. Он там, может, потискал тебя, сказал, что надо, – а ты задолбила и повторила нам без понятия, только чтоб обманом втереться к нам!..

«Я, конечно, могла бы убить его, – напряженно думала Джессика, – только не будет ли это противоречить их толкованию легенды?..» И она вновь поразилась тому, как были здесь искажены учения Миссионарии Протектива.

Стилгар посмотрел на Джессику и сказал – негромко, но так, чтобы те, кто стоял ближе к ним, услышали:

– У Джамиса на вас зуб, сайядина. Твой сын победил его, и...

– Это была случайность! – взорвался Джамис. – В котловине Туоно они напустили на меня чары – и сейчас я это докажу!

– ...и я сам его побеждал, – спокойно продолжил Стилгар. – Вот он и вызывает его на тахадди, чтобы отыграться заодно и на мне. Джамис слишком буен и слишком любит насилие для того, чтобы стать хорошим вождем. Слишком часто его обуревает гафла, смятение. На устах его – закон, а в сердце царит сарфа, отвергающая оный. Не-ет, вождя из него не выйдет. Я, правда, щадил его до сих пор, потому что он по буйности своей хорош в бою. Но когда его снедает такое вот кровожадное бешенство, он становится опасен и для своих!

– Стилгар-р-р! – прорычал Джамис.

Джессика поняла, Стилгар хочет взбесить Джамиса, чтобы тот вызвал его, а не Пола.

Стилгар повернулся к Джамису и попытался сказать мягко, успокаивающе (хотя ему было нелегко смирить свой рык):

– Подумай, Джамис, – он ведь еще мальчик. Он...

– Не ты ли называл его мужчиной? – возразил Джамис. – А если верить его матери, он прошел через испытание гом джаббаром. Смотри, его плоть крепка и полна, а воды у него!.. Ребята, которые несли его рюкзак, говорят, что в нем вода – литраками. Литраками! А мы высасываем насухо водяные карманы своих дистикомбов, едва в них проступят хоть капли!

Стилгар посмотрел на Джессику:

– Это правда? У вас есть вода?

– Да.

– Несколько литраков?

– Два.

– Как вы хотели распорядиться этим богатством?

Богатством? – подумала она и покачала головой, услышав холодок в его голосе.

– Там, где я родилась, вода падала с неба и широкими реками текла по земле, – сказала она. – Там были океаны, столь широкие, что нельзя увидеть другой берег. Меня не учили водной дисциплине – не было нужды. Так что мне просто не приходилось так думать о воде...

По толпе пронесся изумленный вздох.

– Вода с неба... Вода текла по земле... – повторяли все.

– А ты знала, что некоторые из нас, по несчастной случайности, потеряли всю воду из своих водяных карманов и им придется плохо до того еще, как мы дойдем до Табра нынче ночью?

– Откуда? – возразила Джессика, покачав головой. – Но раз они нуждаются в воде, пусть возьмут нашу.

– Ты именно так хотела поступить со своим богатством?

– Я хотела, чтобы вода сохраняла жизнь, – просто ответила Джессика.

– Тогда мы принимаем твое благословение, сайядина.

– Только ты нас своей водой не купишь, – прорычал Джамис. – И ты меня не заставишь вызвать тебя. Я-то вижу, что ты хочешь заставить меня драться с тобой прежде, чем я докажу, что прав!

Стилгар посмотрел Джамису в лицо.

– Ты все-таки собираешься вызвать на поединок ребенка? – негромко спросил он, но все услышали в его голосе смерть.

– Ее надо испытать, – упрямо сказал Джамис. – Через ее поединщика.

– Несмотря на то что она – под моим покровительством?

– Я взываю к правилу амталь, – заявил Джамис. – Это мое право!

Стилгар кивнул:

– Тогда знай: если тебя не зарежет парень, ты будешь отвечать уже моему ножу. И на этот раз я не стану сдерживать его, как прежде.

– Вы не можете так поступать, – возмутилась Джессика. – Ведь Пол всего лишь...

– Тебе не следует вмешиваться, сайядина, – сказал Стилгар. – О, уж я-то знаю, что ты можешь одолеть меня, а стало быть, и любого среди нас; но против всех разом тебе не выстоять. Поединок – будет: это амталь.

Джессика замолчала. В зеленоватом свете плавающих ламп она видела, как лицо Стилгара закаменело в демонической жестокости. Она перевела взгляд на Джамиса – тот что-то обдумывал. Надо было понять это раньше. Он – из думающих. Из тех, кто молчит и думает про себя... Надо было мне быть готовой к этому!

– Если ты сделаешь что-то с моим сыном, – проговорила она, – тебе придется иметь дело со мной. Я вызываю тебя. Сейчас. Я изрублю тебя в...

– Мама. – Пол шагнул к ней, тронул ее за рукав. – Может, если я объясню Джамису, как...

– «Объясню»! – фыркнул Джамис.

Пол замолчал, глядя на противника. Он не боялся Джамиса. Тот выглядел неуклюжим; и Пол так легко свалил его там, на песке... Но Пол все еще чувствовал в этой пещере бурление будущего, все еще помнил видение, в котором погибал от ножа. И было так мало путей, на которых он мог уцелеть!..

Стилгар сказал:

– Сайядина, ты должна теперь отойти...

– Прекрати звать ее сайядиной! – крикнул Джамис. – Это еще доказать надо! Ну знает она молитву. Так что? У нас ее каждый ребенок знает!

«Он говорил достаточно, и теперь у меня есть к нему ключ, – думала Джессика. – Я могла бы, одним словом, связать его. – Она поколебалась. – Но я не смогу остановить их всех!..»

– Да, ты мне ответишь! – сказала Джессика особым вибрирующим голосом с небольшим подвыванием и перехватом в конце.

Джамис посмотрел на нее с видимым страхом.

– Я покажу тебе, что такое – муки смерти, – продолжала она вещать тем же голосом. – Помни об этом, когда будешь драться! Ты испытаешь такие муки, что даже гом джаббар покажется тебе просто удовольствием. Ты будешь корчиться и извиваться в...

– Она хочет меня заколдовать! – задыхаясь, воскликнул Джамис. Он поднес к уху руку, сжатую в кулак, заслоняясь от порчи. – Я требую, чтобы она замолчала!

– Пусть будет так, – отозвался Стилгар. Он бросил на Джессику предупреждающий взгляд. – Если ты снова заговоришь, сайядина, мы будем знать, что ты колдуешь. И ты поплатишься за это жизнью. – Кивком он велел ей отойти.

Чьи-то руки взяли ее за локти, за плечи, потянули назад. В этих прикосновениях не было враждебности. Фримены отошли от Пола, лишь Чани что-то шептала ему, кивая время от времени в сторону Джамиса.

Фримены расступились, образовав кольцо. Принесли еще несколько плавающих ламп и включили их в режиме желтого света.

Джамис вступил в круг, сбросил бурнус и кинул его кому-то в толпе. Он стоял обтянутый дымчато-серым дистикомбом, местами залатанном, местами – в сборках и складках; дистикомб был хорошо подогнан. Наклонив голову, он потянул воду из трубки кармана; потом выпрямился, стянул дистикомб и бережно передал его кому-то. Теперь он ожидал поединка, одетый лишь в набедренную повязку. Кроме того, его ступни обтягивала на манер носков плотная ткань. В правой руке он сжимал крис.

Джессика смотрела, как Чани помогает Полу: вот она вложила ему в руку крис; Пол примерился к нему, прикидывая вес и балансировку. Джессика вспомнила – ведь Пол обучен управлению праной и бинду, нервами и мускулами. У

него великолепная, смертоносная школа фехтования, его учителями были такие люди, как Дункан Айдахо и Гурни Халлек, люди, о которых уже при жизни слагали легенды. Мальчик знал и хитрые, коварные приемы Бене Гессерит. Он был ловок и гибок. И, кажется, сейчас он спокоен и собран.

«Но ему же всего пятнадцать, и он без щита. Нет, я должна остановить это! Должен же быть какой-то способ...»

Она подняла глаза и встретила пристальный взгляд Стилгара.

– Ты не можешь тут ничего сделать, – тихо сказал он. – Ты должна молчать.

Она прикрыла рот рукой, а в голове ее бежали мысли: «Я посеяла страх в разуме Джамиса. Он замедлит его реакцию... как я надеюсь. О, если бы я могла молиться – молиться по-настоящему!..»

Пол тоже вошел в круг. На нем были только фехтовальные шорты-трико, которые он носил под дистикомбом. Он тоже сжимал в правой руке крис, но стоял на камне, присыпанном песком, босиком. Айдахо не раз предупреждал его: «Если не уверен в поверхности под ногами – лучше бейся босым». Кроме того, он продолжал обдумывать наставления Чани: «Джамис, парировав удар, слегка разворачивается направо вместе с ножом. Такая у него привычка, мы все это видели. И он будет метить в глаза, чтобы ударить в ту секунду, когда ты моргнешь. И еще: он умеет биться обеими руками, так что будь настороже – он в любой момент может поменять руку».

Но сильнее всего ощущал он свою подготовку и развитую до почти инстинктивного уровня реакцию, которые вбивали в него день за днем и час за часом в фехтовальном зале.

Вспомнил он и слова Халлека: «Хороший мастер ножа думает об острие, лезвии и гарде одновременно. Острием можно также и резать, лезвием – колоть; а гардой можно захватить клинок противника».

Пол посмотрел на крис. Гарды нет; только тонкое кольцо, обхватывающее рукоять перед лезвием и защищающее руку

своими приподнятыми краями. А кроме того, он сообразил, что не знает прочности клинка на излом и можно ли вообще его сломать...

Джамис медленно, боком пошел вправо по своему краю круга.

Пол пригнулся, подумал, что щита нет, а он привык биться окруженный его полем, поэтому приучен защищаться с максимальной быстротой, а вот атаковать – с рассчитанным замедлением, позволяющим проникнуть сквозь щит противника. Сколько ни учили его, что нельзя зависеть от щита, бездумно задерживающего скорость атаки, – а все-таки эта зависимость стала частью его.

Джамис выкрикнул ритуальный вызов:

– Да треснет твой нож и расколется!

Ага, значит, нож можно сломать, подумал Пол.

Он напомнил себе, что хотя Джамис и без щита, но, поскольку его и не учили бою со щитом, не было и соответствующих ограничений...

Пол посмотрел на противника. Тело Джамиса походило на иссохший скелет, обтянутый узловатыми веревками. В свете плавающих ламп его крис сверкал желтовато-молочными бликами.

Страх неожиданно пронзил Пола, он увидел себя: одинокий и голый, в тусклом желтом свете, в круге людей... Дар предвидения открывал ему бессчетные пути, указывал самые вероятные из них и решения, ведущие к ним. Но это было реальное сейчас – и бесконечное количество ничтожных как будто бы неудач могло привести к его гибели.

Здесь все что угодно могло повлиять на будущее. Например, кто-нибудь из зрителей кашлянет и отвлечет внимание. Мигнет светильник – и обманет метнувшаяся тень.

«Я боюсь», – признался себе Пол.

И он осторожно шел по кругу, оставаясь напротив Джамиса, безмолвно твердя литанию Бене Гессерит против страха: «... страх убивает разум...» Литания была как

холодный душ. Мышцы расслабились и пришли в настоящую готовность.

– Я омою мой нож в твоей крови! – яростно прорычал Джамис. Произнося последнее слово, он сделал выпад.

Увидев его рывок, Джессика едва подавила вскрик.

Но клинок Джамиса встретил лишь воздух, а Пол оказался у него за спиной, открытой для удара.

«Бей, Пол! Ну же!» – мысленно закричала Джессика.

Пол ударил. Его движение было превосходным: плавным, точным, текучим – но таким медленным, что у Джамиса было время ускользнуть, отступить и развернуться левым плечом чуть вперед.

Пол отступил, пригнулся, полуприсев.

– Ты сперва доберись до моей крови, – спокойно сказал он.

Джессика видела, что на реакциях сына сказывается привычка к бою со щитом. Да, его подготовка была палкой о двух концах. У мальчика – великолепная реакция, какую можно развить лишь в его возрасте; к тому же он натренирован так, как этим людям и не снилось. Но и в нападении сказывались тренировки и навык преодоления силового поля. Щит отражает слишком быстрые удары, его можно преодолеть лишь сравнительно медленным движением. Лишь хорошо владея собой, контролируя мышцы и обладая достаточной ловкостью, можно пройти поле...

А Пол-то это понимает? Он должен сообразить!..

И снова Джамис напал, сверкнув чернильно-синими глазами. Его тело, желто-восковое в свете плавающих ламп, метнулось вперед. Оно казалось смазанным, как на снимке.

И снова Пол ускользнул – и снова его контратака была слишком медленной.

И снова.

И снова.

Каждый раз удар Пола запаздывал на какой-то миг.

Тут Джессика увидела кое-что – и тут же взмолилась про себя, чтобы Джамис этого не заметил. Отражая удар, Пол

двигался так быстро, что невозможно было уследить... но всякий раз так, словно у него был щит, частично отражавший удары Джамиса.

– Да что он, играет с этим несчастным дураком, этот твой сын? – пробормотал Стилгар. Впрочем, он тут же замахал на нее: – Нет, нет, извини: ты должна молчать.

Двое на каменном полу пещеры кружили теперь один вокруг другого. Джамис выставил нож вперед, острием чуть вверх: Пол крался, пригнувшись и опустив клинок.

Джамис вновь прыгнул – и на этот раз вправо, куда Пол все время уклонялся от удара. Но вместо того, чтобы уйти от удара назад и в сторону, Пол встретил руку противника своим клинком. В следующее мгновение юноша отскочил влево, от души благодарный Чани за предупреждение.

Джамис отступил к краю круга, потирая руку с ножом. Выступила и почти тотчас же остановилась кровь. Он смотрел на Пола удивленно расширившимися темно-синими глазами, с новой опаской.

– Ага, ранен, – пробормотал Стилгар.

Пол снова пригнулся, изготовившись к новой схватке и спросил, как положено после первой крови (так его учили):

– Сдаешься?

– Ха! – только и ответил Джамис. По толпе фрименов прокатился ропот.

– Тихо! – перекрыл его голос Стилгара. – Парень просто не знает наших обычаев.

Полу же он объяснил:

– В тахадди так не бывает, парень. Он кончается только смертью одного из соперников.

Джессика увидела, как Пол судорожно сглотнул. Ему же никогда не приходилось убивать вот так, ножом в кровавом поединке! Сумеет ли он, сможет ли?

Пол медленно пошел по краю круга, следуя за движениями Джамиса. Его одолевали воспоминания о видениях будущего; его новое знание говорило, что слишком много

случайностей может повлиять на будущее, а потому ясно разглядеть это будущее он не мог.

В уравнениях было слишком много неизвестных – вот почему эта пещера была темным, расплывчатым пятном на его пути. Словно огромная скала посреди реки, и воды реки завихряются вокруг этой скалы в бурные водовороты.

– Кончай это, парень, – пробормотал Стилгар. – Не тяни.

Пол, положившись на свое преимущество в скорости реакции, осторожно пошел к центру круга.

Джамис же отступил. Только сейчас до него дошло, что он сошелся в круге тахадди не с обычным мягкотелым инопланетником, который стал бы легкой добычей фрименского криса.

Джессика видела тень отчаяния на его лице. Вот теперь он стал по-настоящему опасен. Он отчаялся и способен на что угодно. Он увидел, что столкнулся не с ребенком, пусть даже таким, как дети его народа, а с боевой машиной, рожденной для боя и с младенчества для боя тренированной. И теперь страх, посеянный мной, достиг пика...

Оказывается, ей было даже как-то жаль Джамиса. Впрочем, эта жалость была не так сильна, чтобы перевесить угрозу жизни сына.

«Джамис может сделать что угодно... даже предсказать нельзя что», – думала она. Воспринял ли Пол все это своим пророческим зрением?.. Но она увидела, как движется ее сын, увидела крупные горошины пота на его лбу и плечах, осторожность, сквозящую в текучем перекатывании его мускулов. И впервые она почувствовала – если не поняла – фактор неопределенности в пророческом даре Пола.

Теперь инициативу перехватил Пол. Он кружил вокруг противника, но не нападал. Он тоже заметил страх в глазах Джамиса. В его голове зазвучал голос Дункана Айдахо: «Когда видишь, что противник тебя боится, – дай страху взять над ним власть; дай ему время истомить твоего противника. Пусть страх станет ужасом: напуганный до ужаса человек становится врагом себе. Раньше или позже он, отчаявшись,

бросается в безоглядную атаку. Это опасный момент, но обычно можно положиться на то, что напуганный человек совершит роковую для себя ошибку. Мы же учим тебя вовремя замечать и использовать подобные ошибки».

В окружавшей бойцов толпе поднялся ропот.

«Они тоже думают, что Пол играет с Джамисом, как кошка с мышью, – подумала Джессика, – что он бессмысленно жесток».

Но в то же время она чувствовала, что толпа возбуждена и каждый в ней втайне наслаждается зрелищем. Ощущала она и стремительно растущее напряжение Джамиса.

Миг, когда это напряжение возросло настолько, что он не мог больше сдержать его, она увидела так же ясно, как и Джамис… и как Пол.

Джамис взвился в высоком прыжке и в стремительном финте ударил правой рукой. Пустой рукой. Крис в мгновение ока оказался у него в левой.

Джессика охнула.

Но Пол помнил предупреждение Чани: «Джамис умеет биться обеими руками». Это предупреждение и великолепная подготовка позволили ему отразить удар Джамиса, можно сказать, мимоходом, en passant[11]. «Следи за ножом, а не за рукой, которая его держит, – наставлял его не раз Гурни Халлек. – Нож опаснее руки, и он может оказаться и в правой, и в левой».

И еще: он заметил ошибку Джамиса. У того не слишком хорошо были разработаны ноги – почти на целую секунду дольше, чем надо, восстанавливал он равновесие после прыжка, которым пытался обмануть Пола, скрыв переброс ножа из руки в руку.

Если бы не мутно-желтый свет плавающих ламп и не чернильно-синие глаза зрителей, столпившихся вокруг, это вполне могло бы походить на урок в фехтовальном зале. Когда удавалось использовать собственное движение

[11] Кстати (французский).

противника, его щит – уже не препятствие... Пол молниеносным движением перебросил нож в другую руку, скользнул в сторону и ударил снизу вверх, подставив нож под грудь сгибающегося Джамиса. И отпрыгнул, глядя, как падает тело противника.

Джамис упал ничком, как тряпичная кукла, громко глотнул воздух и остался лежать неподвижно. Мертвые глаза казались бусинами темного стекла.

«Конечно, убивать острием – недостаточно артистично, – сказал как-то Полу Айдахо, – но, когда в бою представится такая возможность, пусть это соображение тебя не останавливает».

Фримены бросились внутрь круга, заполнили его, оттеснили Пола, сгрудились вокруг тела Джамиса. Во мгновение ока труп завернули в плащ, несколько фрименов подхватили его и бегом унесли куда-то в глубь пещеры.

Джессика начала пробиваться через толпу к сыну. Ей казалось, что она плывет в море закутанных в бурнусы и, прямо скажем, вонючих тел. Толпа была странно молчаливой.

Вот он, самый трудный момент. Он только что убил человека, убил, пользуясь абсолютным преимуществом в силе тела и силе духа. Нельзя, чтобы он учился наслаждаться такими победами...

Она протолкалась наконец в центр круга. Тут было свободно. Двое бородатых фрименов помогали Полу натянуть дистикомб.

Джессика окинула сына взглядом. Его глаза сияли; он тяжело дышал и позволял фрименам одевать себя, не особенно пытаясь помочь им.

– Выйти из поединка с Джамисом – и без единой царапины, – это... – пробормотал кто-то. – И кто!..

Чани стояла рядом, не отрывая глаз от Пола. Джессика не могла не заметить возбуждения и восхищения на миниатюрном, точно у эльфа, личике девушки.

«Надо сделать это сейчас же, и быстро», – подумала Джессика.

Вложив в голос и выражение лица максимум презрения, она произнесла:

– Н-нну – и как тебе нравится быть убийцей?

Пол застыл, точно от пощечины. Он столкнулся с ледяным взглядом Джессики, и его лицо потемнело от прилива крови. Он невольно посмотрел туда, где только что лежал Джамис.

Стилгар, вернувшийся из глубины пещеры, куда унесли труп, протолкался к Джессике и, пытаясь скрыть горечь в голосе, сказал Полу:

– Когда решишь, что пришло время вызвать на поединок меня, чтобы оспорить мое право на бурку вождя... не думаю, что тогда ты сможешь играть со мной так же, как только что с Джамисом.

Джессика видела, что ее слова и то, что сказал Стилгар, сильно подействовали на Пола. Впрочем, ошибка этих людей должна была пойти во благо. Она читала на лицах, окружавших их фременов... Восхищение, да. У некоторых – страх... а у некоторых – отвращение. Джессика взглянула на Стилгара, увидела в его лице покорность судьбе и поняла, какими глазами видел он поединок.

Пол посмотрел на мать.

– Ты же понимаешь, в чем дело... – тихо сказал он.

Она услышала в его голосе упрек, поняла, что он уже пришел в себя. Обведя фременов взглядом, она сказала:

– Полу не приходилось еще вот так, ножом, убивать человека.

Стилгар резко повернулся к ней, не скрывая недоверия.

– Я вовсе не играл с ним, – тихо сказал Пол. Он встал перед матерью, оправил одежду, вновь посмотрел на пятно крови Джамиса на каменном полу. – Я не хотел убивать его...

Джессика видела, как на лице Стилгара появляется и постепенно исчезает недоверие, сменяясь облегчением.

Стилгар дернул себя за бороду перевитой венами рукой, вздохнул. В толпе негромко заговорили.

– Так вот почему ты предложил ему сдаться, – проговорил Стилгар. – Теперь-то я понял. Наши обычаи отличны от твоих; впрочем, ты скоро поймешь, что они разумны. А я уж думал, что мы пригрели скорпиона… – Он поколебался и добавил: – И я больше не буду звать тебя «мальчиком» или «парнем».

В толпе кто-то крикнул:

– Надо дать ему имя, Стил!

Стилгар кивнул, огладил бороду.

– Вижу в тебе силу и крепость великую… подобно крепости, столп подпирающей. – Вновь пауза. – Итак, будешь среди нас зваться – Усул, сиречь Основание Столпа. И это будет твое тайное имя, имя для нас. Лишь люди из сиетча Табр будут пользоваться им, никто же иной знать его не должен… Усул.

– Доброе имя… имя силы… оно принесет нам удачу… – послышалось в толпе. Джессика почувствовала, что их приняли как своих – в том числе и ее, ведь ее поединщик победил. Ее признали как сайядину!

– Ну а теперь скажи нам, какое мужское имя ты желаешь носить открыто? – спросил Стилгар.

Пол взглянул на мать. Опять на Стилгара. Кое-что из происходящего – отрывки, фрагменты – он видел уже в своих пророческих видениях. Но были и кое-какие различия. И эти различия ощущались как нечто физическое – словно некое давление проталкивало его сквозь узкую дверь настоящего…

– А как у вас зовется такая маленькая мышка, она еще прыгает? – спросил Пол, вспомнив забавных скачущих зверьков – хоп, хоп! – в котловине Туоно. Рукой он изобразил шустрые скачки мышей.

В толпе хихикнули.

– Мы называем этого зверька Муад’Диб, – ответил Стилгар. Джессика ахнула. Это же было то самое имя, которое

называл Пол, когда говорил, что фримены примут его!.. Внезапно она ощутила страх. Она боялась своего сына – и боялась за него.

Пол сглотнул. Ему казалось, что он играет роль, уже бессчетное число раз сыгранную в голове... но... и тут были отличия. Ему казалось, что он сидит на головокружительной высоте – многое испытавший, обремененный гигантским знанием... но вокруг, со всех сторон, зияла пропасть.

И вновь вспомнились ему видения легионов, фанатично следующих за черно-зеленым знаменем Атрейдесов, огнем и мечом несущих через Вселенную имя своего пророка – Муад'Диба.

Этого не должно случиться, сказал он себе.

– Так ты хочешь взять себе это имя – Муад'Диб? – спросил Стилгар.

– Я – Атрейдес, – прошептал Пол и затем, уже громко, сказал: – Негоже мне совсем отрекаться от имени, данного мне отцом. Могу ли я взять себе имя Пол Муад'Диб?

– Да будет так: имя тебе – Пол Муад'Диб, – заключил Стилгар.

А Пол подумал: «Этого в моих видениях не было. Сейчас я поступил по-другому...»

Но он по-прежнему ощущал, что вокруг лежала бездна.

В толпе переглядывались и повторяли:

– Мудрость и сила... О большем и не попросишь... Да, все точно, легенда верна... Лисан аль-Гаиб... Лисан аль-Гаиб...

– Я должен кое-что сказать тебе о твоем новом имени, – обратился Стилгар к Полу. – Нас порадовал твой выбор. Муад'Диб мудр – он знает мудрость Пустыни. Муад'Диб сам создает для себя воду. Муад'Диб прячется от дневного солнца и выходит прохладной ночью. Муад'Диб плодовит, и племя его умножается на земле. Муад'Диба мы зовем «Наставник юношей». Да, это добрая основа, на которой можно строить свою жизнь, о Пол Муад'Диб, который среди нас зовется Усул. Мы приветствуем тебя!

Стилгар коснулся лба юноши ладонью, затем обнял его и прошептал: «Усул».

После Стилгара подошел еще один фримен, также обнял Пола и тихо назвал его новое имя. Один за другим фримены обнимали его и повторяли:

– Усул... Усул... Усул...

Он уже запомнил кое-кого по имени. Наконец подошла Чани – обнимая Пола, она прижалась к нему щекой и тоже назвала его новое имя.

Последним к Полу вновь подошел Стилгар.

– Вот, теперь и ты – бедуин Ихвана и наш брат, – произнес он. Затем в его лицо вернулась обычная жесткость, и он велел: – А сейчас, Пол Муад'Диб, подгони как следует свой дистикомб! – Бросив на Чани строгий взгляд, Стилгар добавил: – Чани! Мне не случалось еще видеть, чтобы носовые фильтры были у кого-нибудь подогнаны так же скверно, как у Пола Муад'Диба; кажется, я тебе велел присматривать за ним!

– У меня нет заготовок, Стил, – виновато сказала она. – Разве вот те, что были у Джамиса, но...

– Хватит!

– Тогда пусть возьмет один мой, – предложила она. – Я вполне обойдусь одним фильтром, пока...

– Ничего подобного, – отрезал Стилгар. – Я же знаю, что у кого-нибудь наверняка есть запасные. Эй, у кого-нибудь есть запасные фильтры? В конце концов, кто мы – отряд или шайка дикарей?

Со всех сторон протянулись руки. Стилгар выбрал четыре твердые волокнистые пробки и передал их Чани.

– Подгони их для Усула и сайядины.

Откуда-то сзади раздался голос:

– Как насчет воды, Стил? Вот у них там литраки в рюкзаке-то...

– Да, Фрок, я помню твою нужду, – кивнул Стилгар и взглянул на Джессику. Та кивнула. – Вскройте один литрак и распределите между нуждающимися, – распорядился

Стилгар. – Хранитель Воды... где Хранитель Воды? А, вот ты где. Шимум, отмерь сколько надо. Не больше, смотри. Вода – дар сайядины, в сиетче мы расплатимся с ней по полевым расценкам, за вычетом платы за переноску.

– А что такое «полевые расценки»? – спросила Джессика.

– Десять к одному, – ответил Стилгар.

– Но...

– Ты поймешь еще, что это мудрое правило.

В глубине толпы фримены, шурша одеждами, обернулись: раздавали воду.

Стилгар поднял руку – наступила тишина.

– Что касается Джамиса, – сказал он. – Приказываю провести полный обряд. Джамис был нашим товарищем и братом по Ихван-Бедуину. Нельзя отвернуться от того, кто доказал нашу удачу в поединке тахадди. Я сам поведу обряд... на закате, когда тьма покроет его.

Пол, услышав эти слова, ощутил вдруг, что вновь проваливается в бездну... в «слепую зону». Тут не было прошлого, не было будущего... кроме... кроме... да. Где-то впереди по-прежнему вилось черно-зеленое знамя Атрейдесов... сверкали окровавленные клинки джихада над легионами фанатиков.

«Этому не бывать, – сказал он себе. – Я не могу допустить этого».

* * *

«Господь сотворил Арракис для укрепления верных».
Принцесса Ирулан. «Мудрость Муад'Диба»

В царящем в пещере молчании Джессика слышала, как скрипит песок на каменном полу под ногами фременов. Издали доносились птичьи крики – Стилгар уже объяснил, что это перекликаются его часовые.

Со входов в пещеру уже сняли пластиковые клапаны-герметизаторы. Джессике было видно, как ползут по карнизу у входа и по котловине внизу вечерние тени. Чувствовалось, как уходит день, унося сухую жару. Она знала, что скоро ее тренированное восприятие даст ей чувство, которое, несомненно, есть у фрименов, – умение ощущать малейшие колебания влажности воздуха.

Как поспешно они застегнули дистикомбы, едва открыли вход!

В глубине пещеры кто-то затянул ритуальный распев:

И́дхар ракх хэ,
Аур и́дхар хи джарэн хэ!..

(Джессика перевела про себя: «Вот пепел, и вот корни!»)

Начался погребальный обряд.

Она смотрела на арракийский закат, разложивший в небе свой многокрасочный пасьянс. А ночь меж тем уже принялась потихоньку выпускать из-под дальних скал и дюн темные щупальца теней.

Жара, впрочем, все еще обволакивала пустыню.

Эта жара заставила ее вновь подумать о воде – и о том, что, как она увидела, эти люди научились чувствовать жажду лишь тогда, когда они могли себе это позволить.

Жажда.

Она вспомнила озаренные луной волны каладанского прибоя, сбрасывающие на скалы свои пенные одежды... вспомнила о напоенном влагой ветре. А сейчас ветерок, теребивший складки ее одежд, опалял открытую кожу лба и щек. Новые носовые фильтры мешали – она еще не привыкла к ним; а трубка, сбегающая по щеке в дистикомб, унося собранную фильтрами влагу дыхания, не давала забыть себя – раздражала.

А сам дистикомб! Просто парилка, ванна из пота...

«Ты будешь чувствовать себя в дистикомбе лучше, когда организм приспособится к меньшему уровню влаги в нем», – обещал Стилгар.

Он, конечно, был прав – только сейчас костюм не становился удобнее от его правоты. Неосознанно она могла думать только о воде... о влаге, о влаге вообще — поправила она себя.

Влага – понятие более тонкое и вместе с тем более общее.

Она услышала шаги, обернулась. Из глубины пещеры подошел Пол, за которым по пятам следовала Чани, девочка с лицом эльфа.

«Вот еще что, – сказала себе Джессика. – Надо будет предупредить Пола относительно их женщин. Ни одна из этих женщин Пустыни не может стать женой герцога. Наложницей – возможно. Но не женой».

Потом она обратила мысли на себя. Насколько же въелось в нее воспитание! «Я могу думать о брачных нуждах правителя, забывая о том, что сама была наложницей, не женой! И все же я была гораздо больше, чем наложницей».

– Мама...

Пол остановился перед ней, Чани – пообок с ним.

– Мама, ты знаешь, что они там делают?

Джессика посмотрела ему в глаза – темные пуговицы под капюшоном.

– Думаю, что знаю.

– Чани мне показала... потому что я, говорят, должен все видеть и дать согласие... чтобы взвесили воду.

Джессика посмотрела на Чани.

– Они взяли воду из тела Джамиса, – объяснила Чани. Ее тонкий голос звучал слегка в нос – из-за носовых фильтров. – Таков закон. Плоть принадлежит человеку. Но вода его тела – собственность всего племени... кроме тех случаев, когда человек погиб в поединке.

– Они говорят, что эта вода – моя, – мрачно сказал Пол.

Отчего-то это вдруг насторожило Джессику.

– Вода поединка принадлежит победителю, – объяснила Чани. – Это потому, что приходится биться без дистикомбов и полагается возместить победителю потерю воды.

– Не нужна мне его вода, – пробормотал Пол. Ему казалось, что он – часть множества картин, одновременно мерцающих перед его внутренним взором… даже голова кружилась от их мелькания. Он не знал еще точно, что будет делать, но в одном был уверен: он не хочет воды, выпаренной из тела Джамиса!

– Но это же… вода, – растерянно проговорила Чани.

Джессика поразилась тому, как она произнесла это слово – вода. Как много смысла вкладывала она в него! Вспомнилась одна из аксиом Бене Гессерит: «Способность к выживанию есть умение выплыть в незнакомой воде». И она подумала: «Пол и я – мы обязаны научиться находить в этих незнакомых водах глуби́ны и течения… если мы, конечно, намерены выжить».

– Ты примешь эту воду, – сказала Джессика.

Она уже говорила как-то таким тоном: был случай, она вот так же велела Лето принять крупную сумму, которую ему предложили за помощь в довольно сомнительном предприятии. Потому что деньги должны были послужить укреплению власти Атрейдесов.

На Арракисе деньгами была вода; она была здесь дороже любых сокровищ. Это-то она поняла!

Пол промолчал. Он понял, что сделает так, как велит мать. И не потому, что она приказала; нет, сам ее тон заставил его передумать. Отказаться от этой воды значило бы нарушить обычаи фременов.

Полу вспомнились слова из Четыреста семьдесят шестой Калимы Экуменической Библии, подаренной Юйэ.

– «Из вод положено начало всякой жизни», – процитировал он.

Джессика изумленно взглянула на сына. «Откуда ему известна эта цитата? – спросила она себя. – Он же не изучал таинства…»

– Да, так сказано, – кивнула Чани. – Джудихар мантене: написано в Шах-нама, что вода была первым из сотворенного.

Отчего-то (она не могла понять, отчего именно, и это беспокоило ее сильнее, чем само ощущение) Джессика вздрогнула.

Она отвернулась, чтобы скрыть смятение – как раз вовремя, чтобы увидеть момент заката. Уходящее за горизонт солнце расплескало по небу буйные краски.

– Время настало!

Это раскатился по пещере могучий голос Стилгара.

– Сражено оружие Джамиса; и Джамиса призвал Он, Шаи-Хулуд, Который установил фазы для лун, что день ото дня худеют и становятся наконец подобны поникшим и иссохшим побегам. – Голос Стилгара стал тише. – Так было и с Джамисом.

В пещере воцарилось молчание.

В темной глубине ее Джессика видела Стилгара, двигавшегося там серой призрачной тенью. Она снова посмотрела наружу – на котловину опускалась ночная прохлада.

– Пусть подойдут друзья Джамиса.

За спиной Джессики прошло движение – фримены закрыли вход занавесью. В глубине пещеры загорелся под сводом одинокий плавающий светильник. Его тускло-желтое сияние высветило движущиеся фигуры; слышался шелест длинных одежд.

Чани шагнула к свету, словно он притягивал ее.

Джессика склонилась к уху Пола и прошептала, пользуясь семейным кодовым языком:

– Следи за ними и делай всё, как они. Похоже, это будет простая церемония умиротворения тени Джамиса.

Это будет нечто гораздо большее, подумал Пол. В глубине сознания он ощутил какое-то тягостное, щемящее чувство... словно он пытался ухватить, остановить что-то, ускользающее от него.

Чани скользящим движением вернулась к Джессике, взяла ее за руку:

– Пойдем, сайядина: нам до́лжно сидеть отдельно.

Пол проводил их взглядом и остался один. Он чувствовал себя брошенным.

Тут к нему подошел фримен, вешавший занавесь.

– Идем, Усул.

Пол безропотно пошел за ним. Сейчас же его втолкнули в собравшийся вокруг Стилгара круг. Стилгар стоял под светильником подле покрытой плащом угловатой груды, лежащей на каменном полу.

По знаку Стилгара фримены опустились на пол, шурша одеяниями. Пол тоже присел, разглядывая Стилгара: плавающая лампа над головой превращала глаза вождя в пару черных провалов и ярко высвечивала зеленый платок на его шее. Затем внимание Пола переключилось на груду покрытых плащом предметов у ног Стилгара. Среди прочего там угадывался гриф балисета.

– Дух покидает во́ды тела, когда встает Первая луна, – нараспев начал Стилгар. – Ибо так сказано. Когда этой ночью увидим мы Первую луну – кого призовет она?

– Джамиса, – ответил хор голосов.

Стилгар повернулся кругом, оглядел лица собравшихся.

– Я был другом Джамису, – объявил он. – Когда у Дыр-в-Скале на нас коршуном падал топтер, Джамис успел втянуть меня в укрытие.

Он склонился над грудой вещей и поднял плащ:

– Беру этот плащ как друг Джамиса и по праву вождя.

Он набросил плащ на плечи и выпрямился.

Теперь Пол видел, что было сложено под плащом: лоснящийся серый дистикомб, помятая фляга-литрак, платок, на котором лежала небольшая книжечка, рукоять криса без клинка, пустые ножны, сложенный рюкзак, паракомпас, дистранс, манок, груда металлических крючьев с кулак величиной, кучка чего-то, напоминавшего камешки,

завернутые в кусок ткани, пучок перьев... и балисет, пристроенный возле рюкзака.

Значит, Джамис играл на балисете, мелькнуло в голове у Пола. Инструмент напомнил ему о Гурни Халлеке... и обо всем, что ушло, погибло, исчезло навсегда. Пол вспомнил свои видения и понял, что на некоторых вероятностных линиях он мог еще встретиться с Халлеком, но таких было мало, и они лежали как бы в тени. Это смутило его и озадачило; фактор неопределенности делал сам факт пророчества чрезвычайно странным. Как это следует понимать? Может быть, нечто, что я сделаю... нечто, что, возможно, сделаю, погубит Халлека?.. Или, наоборот, вернет его к жизни?.. Или...

У Пола перехватило дыхание, он потряс головой, приходя в себя.

Стилгар вновь склонился над грудой.

– Это – женщине Джамиса и часовым, – объявил он. Камешки и книга исчезли в складках его бурнуса.

– Право вождя, – нараспев откликнулись фримены.

– Знак, представляющий кофейный прибор Джамиса, – сказал Стилгар, демонстрируя тонкий диск зеленого металла. – В ознаменование того, что по возвращении в сиетч этот прибор с соблюдением должных церемоний перейдет к Усулу.

– Право вождя, – отозвался хор.

Наконец, Стилгар взял рукоять криса и, выпрямившись, поднял ее над головой.

– Для Погребальной равнины, – произнес он.

– Для Погребальной равнины, – повторил хор.

Джессика, сидевшая напротив Пола, кивнула: она узнала древний источник, из которого брал начало обряд, и подумала: «Граница между невежеством и знанием, дикостью и культурой – воистину она начинается с того, насколько достойно мы обращаемся со своими мертвыми... – Она взглянула на Пола. – Поймет ли он это? Сообразит ли, что делать?..»

– Мы все здесь друзья Джамиса, – сказал Стилгар. – И мы не воем над нашими мертвыми, как стая гарваргов[12].

Встал седобородый фримен, сидевший по левую руку от Пола.

– Я был другом Джамиса, – сказал он. Затем подошел к груде вещей и взял дистранс. – Когда в осаде при Двух Птицах у нас вышла почти вся вода, Джамис разделил со мной свою воду. – Сказав это, седобородый вернулся на свое место в круге.

«Неужели и я должен буду объявить себя другом Джамиса и взять что-то из его вещей? – подумал Пол. Он увидел, как лица окружающих повернулись на миг к нему – и снова обратились к центру круга. – Да, они именно этого и ждут!..»

Встал другой фримен – этот сидел напротив Пола, – подошел к груде вещей, взял паракомпас.

– Я был другом Джамису, – сказал он. – Когда у Излучины Обрыва нас настиг патруль и меня ранили, Джамис сумел отвлечь врага, и раненым удалось спастись. – Он вернулся на свое место.

И вновь лица повернулись к Полу. Он увидел в них ожидание – и опустил глаза. В этот момент кто-то толкнул его локтем и прошипел:

– Ты что, хочешь навлечь на всех нас гибель?!

Да как же мне назвать его своим другом?!

И еще одна фигура поднялась по ту сторону круга; и когда свет упал на лицо, затененное капюшоном, он узнал мать. Она взяла себе платок Джамиса.

– Я была другом Джамису, – сказала она. – Когда дух его увидел, чего требует Истина, он покинул тело, дабы сохранить моего сына. – Она села.

В этот момент Пол вспомнил презрение, каким обдала его мать после поединка: «И как тебе нравится быть убийцей?..» Он увидел, что все вновь смотрят на него – с гневом и страхом. Ему вспомнился отрывок из фильмокниги

[12] Вервольфов, оборотней.

«Культы мертвых», показанный матерью на одном из занятий. Теперь он знал, что делать.

Он медленно поднялся.

По кольцу фрименов прокатился вздох.

Выйдя в центр круга, Пол почувствовал, что его «я» словно уменьшилось. Словно он потерял часть себя самого... и искал теперь ее здесь. Он склонился к груде вещей и взял балисет. Тихо загудела струна, задев за что-то.

– Я был другом Джамису, – прошептал Пол.

Он ощутил, как слезы жгут его глаза. Усилием воли повысил голос:

– Джамис... научил меня, что... когда... убиваешь... за это приходится платить. Я жалею, что не успел лучше узнать Джамиса.

Как слепой, он добрался до своего места в круге, подавленно опустился на каменный пол.

Кто-то прошептал потрясенно:

– Он пролил слезы!..

И по кругу прокатилось:

– Усул отдает свою влагу мертвому!..

Чьи-то пальцы недоверчиво коснулись его щеки. И вновь – потрясенный, благоговейный шепот.

Слыша этот шепот, Джессика осознала, насколько невероятными должны были быть для фрименов слезы. Она прочувствовала эти слова: «Он отдает влагу мертвому». Да, слезы воистину были даром миру теней. И, без сомнения, они были священны.

Ничто еще на этой планете не утверждало для нее с такой очевидностью, какой невероятной ценностью была здесь вода. Ни продавцы воды, ни иссушенная кожа аборигенов, ни дистикомбы, ни правила водной дисциплины. Вода была веществом куда более ценным, чем любое другое; вода была самой жизнью, и потому ее окружала масса обрядов, ритуалов и символов.

Вода.

– Я касался его щеки! – прошептал кто-то. – Я ощутил Дар!..

В первый миг Пола напугали пальцы, касавшиеся его лица. Он стиснул холодный гриф балисета – струны врезались в ладонь. Но затем он увидел лица – широко раскрытые, потрясенные глаза.

Но вот руки оставили его; погребальный обряд возобновился. Только теперь Пола окружало небольшое пространство: фримены почтительно расступились вокруг него.

Обряд завершился негромким распевом:

Полной луны лик зовет
с высоты —
Шаи-Хулуда пред собой
узришь ты.
Ночь красна, и в небе мрак,
застит мгла —
лег в крови ты, смерть в бою
тебя взяла.
Мы взываем к луне;
она кругла —
счастье и удачу нам
луна дала.
Что мы ищем, то найдем
при луне
на сухой, на каменистой
земле.

У ног Стилгара оставался раздутый мешок. Стилгар присел, опустил ладони на этот мешок, кто-то подошел и присел подле него. Пол разглядел лицо в тени капюшона – это была Чани.

– У Джамиса было тридцать три литра, семь драхм и три тридцать вторых драхмы воды племени, – произнесла Чани. – Вот, я благословляю эту воду в присутствии сайядины. Экериакаири, – се вода, филлисин-фоласи – вода Полу

Муад'Дибу! Киви акари, и не более, накалас! Накелас! да будет измерено и сочтено, укаир-ан! биением сердца, джан-джан-джан, нашего друга... Джамиса.

Во внезапно наступившей гробовой тишине Чани обернулась, глядя на Пола. Выдержав паузу, она продекламировала:

– Где буду я пламенем, да будешь ты углем; где буду я росой, да будешь ты водою.

– Би-ла кайфа, – нараспев откликнулся хор.

– Отходит эта вода Полу Муад'Дибу, – сказала Чани. – Да хранит он ее для племени, да бережет от небрежения и утраты. Да будет он щедр в час нужды. Да оставит он ее племени ради его блага, когда придет срок!

– Би-ла кайфа, – отозвался хор.

«Я должен принять эту воду», – подумал Пол. Он медленно поднялся, подошел и встал возле Чани. Стилгар отступил на шаг, уступая ему место, осторожно принял у него балисет.

– На колени, – сказала Чани.

Пол опустился на колени.

Чани подвела его руки к бурдюку, приложила их к его гладкой упругой поверхности.

– Племя доверяет тебе эту воду, – сказала она. – Джамис покинул ее. Прими же ее с миром!

Она встала, помогла подняться Полу.

Стилгар вернул балисет и протянул на раскрытой ладони горсточку металлических колец. Пол рассмотрел их: все разного размера, насколько можно судить в тусклом свете плавающей лампы.

Чани поддела самое большое на палец, объявила:

– Тридцать литров.

Затем она так же одно за другим показала Полу все кольца, называя их значение:

– Два литра, литр; семь мерок по одной драхме каждая; одна мерка в три тридцать вторых драхмы. Всего тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

Нанизав на палец, она показала их все Полу.

– Принимаешь ли ты их? – спросил Стилгар.

Пол сглотнул, кивнул:

– Да.

– Позже, – сказала Чани, – я покажу тебе, как завязывать их в платок так, чтобы они не звенели и не выдали тебя, когда необходима тишина. – Она протянула руку.

– Может быть, ты… подержишь их пока у себя? – спросил Пол.

Чани изумленно взглянула на Стилгара.

Тот улыбнулся:

– Пол Муад'Диб, чье имя Усул, не знает пока наших обычаев, Чани. Возьми их – без всякого обязательства, кроме лишь обязательства хранить мерки, пока не научишь его, как следует носить их.

Она кивнула, вытянула из-под бурнуса полоску ткани и навязала на нее кольца, хитро оплетая их узлами, и наконец спрятала в кошель под бурнусом.

«Что-то я ляпнул не то», – подумал Пол. Он почувствовал, что фримены втихую развеселились; его поступок явно их позабавил. Внезапно память о виденном в пророчествах подсказала: предложение женщине водяных колец-мерок входит в ритуал ухаживания, это почти что брачное предложение.

– Хранители воды, – позвал Стилгар.

Шурша одеяниями, фримены поднялись с пола. Вперед выступили двое, приняли бурдюк. Стилгар подхватил плавающую лампу и, освещая ею путь, повел всех куда-то в темную глубину пещеры.

Пол, шедший следом за Чани, смотрел на маслянисто-желтые блики на каменных стенах, на мечущиеся тени и ощущал подъем вокруг себя – подъем и молчаливо-торжественное ожидание, предвкушение чего-то необыкновенного.

Джессика, которую кто-то возбужденно потянул за собой, шла в конце процессии, стиснутая со всех сторон

фременами. Усилием воли она подавила минутную панику. Она-то узнала кое-что в этом ритуале, узнала искаженные слова чакобса и бхотани-джиб – и она знала, какая безудержная ярость может вспыхнуть в такие вот безобидные как будто моменты...

«Джан-джан-джан, – повторила она про себя. – Иди-иди-иди...»

Словно детская игра, в которую взялись играть взрослые... позабывшие правила.

Стилгар остановился возле желтой каменной стены. Нажал на какой-то выступ – и стена беззвучно повернулась, как дверь, уйдя вглубь; открылся неправильной формы проем. Стилгар шагнул в него, за ним последовали остальные. Проходя мимо сотовидной решетки, он ощутил дуновение прохладного воздуха, струившегося от нее.

Пол вопросительно посмотрел на Чани, потянул ее за рукав.

– Там был влажный воздух! – сказал он.

– Ш-ш-ш, – одернула она его.

Но фримен, шедший следом, негромко объяснил:

– Сегодня ночью ветровая ловушка собрала много влаги. Это Джамис посылает нам знак, что удовлетворен!

Джессика миновала потайную дверь, услышала, как та захлопнулась за ней. Она видела, что фримены замедляли шаг около решетки, – а приблизившись к ней сама, ощутила влажное дуновение.

Ветровая ловушка, подумала она. Где-то на поверхности укрыта ловушка, направляющая воздух сюда, в прохладу пещер. И влага, которая в нем содержится, выпадает росой...

Они прошли сквозь еще одну дверь – над ней тоже была решетка-соты. Пол и Джессика отчетливо почувствовали влагу в ветерке, подувшем в спину.

Лампа, которую нес шедший во главе процессии Стилгар, вдруг опустилась ниже уровня голов, маячивших перед Полом. Через несколько шагов он почувствовал под ногами ступени, уходившие налево и вниз. Свет отражался от стен,

пробивался между голов, скрытых капюшонами. Процессия уходила вниз по спиральной лестнице.

Джессика ощущала, как нарастает в окружающих напряжение, как все более полной становится тишина, охватывающая фременов в присутствии воды. Это было как вход в храм...

«Я видел это место во сне», – вспомнил Пол.

Мысль эта и ободряла, и несла в себе отчаяние. Где-то вдали на этом пути прорубали себе кровавую дорогу по Вселенной орды фанатиков – во имя его. Черно-зеленый стяг Атрейдесов станет символом кровавого ужаса.

А дикие, воющие легионы будут кидаться в бой с боевым кличем: «Муад'Диб!»

«Это не должно случиться, – думал он, – я не могу допустить этого».

Но он по-прежнему чувствовал свое ужасное предназначение – и знал, как непросто остановить колесницу Джаггернаута, набирающую скорость. И если даже он умрет вот сейчас – все совершится точно так же, но уже через мать и не рожденную пока сестру. Разве что смерть всего отряда, включая его самого и его мать, могла бы остановить движение к кровавому безумию.

Пол огляделся. Отряд растянулся в шеренгу. Его прижали к невысокому барьеру, высеченному из самой скалы. А за ним в свете лампы в руках Стилгара блестела совершенно гладкая, темная поверхность воды. Она простиралась куда-то вдаль, в густые черные тени. Метрах в ста с трудом можно было различить дальнюю стену пещеры.

Джессика ощутила, как стянувшаяся от высыхания кожа на лбу и щеках вновь становится упругой во влажном воздухе. Бассейн, лежавший перед ней, был глубок – она чувствовала его глубину и лишь с большим трудом удерживалась от того, чтобы окунуть туда руки.

Слева от нее раздался плеск. Она посмотрела вдоль полускрытой тенями цепочки фременов, увидела стоящих рядом Стилгара и Пола, хранителей воды, опустошающих

свою ношу в бассейн через водомер, походивший на круглый серый глаз, выглядывающий над кромкой бассейна. Она видела, как движется светящаяся стрелка, отсчитывая литры, драхмы и доли драхм, вылитые в водоем; даже отсюда было ясно видно, что, когда стрелка замерла, она показывала тридцать три литра, семь и три тридцать вторых драхмы.

«Какая точность!» – восхитилась Джессика. Кроме того, она заметила, что вода не смачивает соприкасающиеся с ней части счетчика. И в этом она увидела ключ к основному принципу фрименской технологии: стремление во всем добиться совершенства.

Джессика протиснулась вдоль парапета к Стилгару. Ей уступали дорогу с какой-то непринужденной учтивостью. Она заметила, что взгляд Пола обращен внутрь себя, однако тайна этого гигантского подземного водоема занимала все ее мысли.

Стилгар посмотрел на нее.

– Некоторые из нас остро нуждались в воде, – сказал он. – Но, войдя сюда, они бы и не подумали коснуться этой воды. Ты это знаешь?

– Охотно верю, – ответила она.

Он перевел взгляд на бассейн.

– Тут у нас больше тридцати восьми миллионов декалитров, – сообщил он. – Вода надежно укрыта от Маленьких Подателей; мы прячем и храним ее.

– Сокровищница, – пробормотала Джессика.

Стилгар поднял лампу, заглянул Джессике в глаза.

– Больше, чем сокровищница. У нас есть тысячи таких тайников. И лишь очень немногие из нас знают их все. – Он склонил голову набок, лампа высветила желтым пол-лица и бороду. – Слышишь?

Они затихли, прислушиваясь.

Зал был наполнен гулкими щелчками падающих капель водяного конденсата из ветровой ловушки. Весь отряд, заметила Джессика, зачарованно слушал этот звук. И только

Пол думал о чем-то своем и казался отстраненным от всех остальных.

Полу звук падающих капель казался тиканьем убегающих мгновений. Он ощущал, как проходит сквозь него время, мгновения, безвозвратно исчезающие в прошлом. Настал миг для какого-то решения, он знал это – но не мог даже шевельнуться.

– Исчислено, сколько воды нам необходимо. Когда мы ее накопим – мы изменим облик Арракиса.

И по отряду прокатился приглушенный отклик:

– Би-ла кайфа.

– Мы свяжем дюны зеленой травой, – говорил Стилгар, и его голос постепенно усиливался. – Деревьями и подлеском привяжем воду к земле.

– Би-ла кайфа, – отозвались фримены.

– Год за годом будут уменьшаться шапки полярных льдов, – продолжал Стилгар.

– Би-ла кайфа, – повторили фримены нараспев.

– И мы сотворим из Арракиса мир, который по-настоящему будет нашим домом; растают полярные льды, в умеренном поясе разольются озера, и лишь глубокая Пустыня останется для Подателя и его Пряности.

– Би-ла кайфа.

– И ни один человек не будет более нуждаться в воде; и всякий сможет свободно черпать из колодца или пруда, из озера или канала. Вода побежит по арыкам и напоит поля; и всякий будет брать ее невозбранно, достаточно будет лишь протянуть руку.

– Би-ла кайфа.

Джессика почувствовала, что это не просто слова, а какой-то религиозный обряд, и не могла не отметить собственное инстинктивное благоговение. «Они заключили союз со своим будущим, – думала она. – У них есть вершина, на которую надо взойти. Это – мечта ученого... и эти простые люди, крестьяне, так вдохновились ею!..»

Она вспомнила Лиета-Кинеса, имперского планетарного эколога, человека, слившегося с аборигенами, – и вновь подивилась на него. Да, это была мечта, способная увлечь за собой, захватить души; и за этой мечтой она чуяла руку эколога. Мечта, за которую люди с готовностью пойдут на смерть. И это давало ее сыну еще один необходимый компонент успеха – народ, у которого есть цель. Такой народ легко можно воодушевить, зажечь единым порывом... и фанатизмом. Из него можно отковать меч, которым Пол отвоюет свое законное место.

– Теперь мы покинем это место, – сказал Стилгар, – и дождемся восхода Первой луны. Когда Джамис выйдет на эту свою последнюю дорогу, и мы пойдем к дому.

Тихо перешептываясь, люди неохотно последовали за своим вождем – вдоль каменного парапета водоема и вверх по лестнице.

А Пол, следовавший за Чани, почувствовал, что миг жизненно важного решения миновал – он упустил возможность сделать решительный шаг, и теперь собственный миф поглотит его. Он знал, что уже видел это место – в пророческом сне на далеком Каладане; но теперь он заметил и некоторые новые детали, не увиденные во сне. Он вновь задумался о пределах своего дара. Словно бы он мчался с волной времени, то у подножия ее, то на гребне, а вокруг вздымались и падали другие волны, открывая и вновь пряча все то, что несли на своей поверхности.

И через все эти картины он по-прежнему видел пылающий вдали джихад – точно утес, возвышающийся над прибоем.

Отряд вышел в первую пещеру; миновали последнюю дверь и наглухо ее задраили. Затем погасили свет, сняли пластиковые герметизаторы с выходов из пещеры. Открылись сияющие над ночной пустыней звезды.

Джессика вышла на сухой, горячий карниз у входа в пещеру, взглянула на звезды. Они, казалось, сияли над самой головой – огромные, яркие. Затем вокруг нее зашевелились.

Позади кто-то настраивал балисет. Послышался голос Пола – он тихонько напевал без слов, задавая тон и подкручивая колки. В голосе сына звучала насторожившая ее грусть.

Из темной глубины пещеры послышался негромкий голос Чани:

– Расскажи мне о водах своего родного мира, Пол Муад'Диб.

И ответ Пола:

– В другой раз, Чани. Я обещаю тебе.

Какая грусть!

– Это хороший балисет, – заметила Чани.

– Очень хороший, – вздохнул Пол. – Как ты думаешь, Джамис не будет против, если я им попользуюсь?

«Он говорит о мертвом в настоящем времени», – изумленно подумала Джессика – и ее встревожило скрытое значение этого.

Вмешался мужской голос:

– Он сам любил порой сыграть, Джамис-то.

– Тогда сыграй нам какую-нибудь из ваших песен, – попросила Чани.

«Сколько женского очарования в этом детском голосе, – подумала Джессика. – Я должна предостеречь Пола относительно их женщин... и не откладывая».

– Вот песня, сложенная моим другом, – сказал Пол. – Я думаю, его уже нет в живых... его звали Гурни. Он называл ее своей вечерней песней.

Фримены притихли, слушая звучный мальчишеский тенор Пола, поднявшийся над звоном струн балисета.

Это ясное время мерцающих углей —
Золотое сияние солнца, тонущего в сумерках.
Смятенные чувства, отчаянья мрак —
Вот спутники воспоминаний...

Джессика почувствовала, как музыка отдается в ее душе – языческая, гудящая звуками, пробуждающая желание в ее теле. Она слушала песню, напряженно замерев.

Ночь – покой, жемчугами усеянный…
Ночь – для нас!
И радость сверкает, ею навеяна,
В глуби твоих глаз.
Любовь, цветами увенчана,
В наших сердцах…
Любовь, цветами увенчана,
Переполнила нас.

Отзвучал последний аккорд, и несколько мгновений в воздухе воспоминанием о нем звенела тишина. «Почему он спел песню любви этой девочке? Ребенку?» – спросила она себя, чувствуя вдруг безотчетный страх: она ощутила, как жизнь течет вокруг нее, и она потеряла контроль за ее течением. «Но почему, почему он выбрал именно эту песню? – думала она. – Порой интуиция подсказывает верное решение. Так почему он это сделал?»

Пол молча сидел во мраке. Единственная холодная мысль владела им: «Моя мать – враг мне. Это она влечет меня к джихаду. Она родила и воспитала меня. И она – враг мне».

* * *

«Понятие прогресса служит нам защитным механизмом, укрывающим нас от ужасов грядущего».

Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»

В свой семнадцатый день рождения Фейд-Раута Харконнен убил на семейных играх своего сотого гладиатора. По случаю праздника на родовую планету Дома Харконнен, Гьеди Прайм, прибывали наблюдатели от императорского

двора – граф Фенринг и леди Фенринг, его официальная наложница, которые и были приглашены вечером в золотую ложу над треугольной ареной, дабы наблюдать бой вместе с ближайшими родственниками виновника торжества.

В ознаменование дня рождения на-барона и в напоминание всем прочим Харконненам, а также подданным, что именно Фейд-Раута является официально объявленным наследником баронства, на Гьеди Прайм был объявлен праздник. Старый барон особым указом повелел отдыхать от забот сутки напролет, и с превеликими трудами в Харко, престольном городе Дома Харконнен, изобразили веселую, праздничную атмосферу: на домах развевались флаги, а фасады домов вдоль Дворцового Проспекта сияли свежей краской.

Правда, в стороне от парадного проспекта граф Фенринг и его спутница ненароком увидели кучи мусора, обшарпанные бурые стены домов, отражающиеся в лужах, опасливо суетящихся жителей.

Сам баронский дворец с его голубыми стенами выглядел безукоризненно – до ужаса безукоризненно; но граф и его леди видели, чего это стоило. На каждом шагу маячили стражники, и их оружие поблескивало тем особенным блеском, который говорил опытному глазу, что без дела оно не скучает. Даже во дворце нельзя было пройти из одной зоны в другую, миновав пропускные пункты стражи. Походка и осанка слуг выдавали их военную подготовку… и еще то, как внимательно-внимательно смотрели их глаза.

– Чувствуешь напряженность? – промычал граф своей спутнице на их тайном языке. – Наш барон, похоже, начинает ощущать, какую цену ему пришлось в действительности заплатить, чтобы уничтожить герцога Лето!

– Напомнить тебе легенду о фениксе? – ответила та. (Тет-а-тет они были на «ты».)

Они стояли в приемном зале дворца, ожидая сигнала к началу семейных игр. Зал был невелик, метров сорок на двадцать, но наклонные пилястры по стенам и слегка

изогнутый потолок создавали иллюзию гораздо более просторного помещения.

– А-а, вот и сам барон, – заметил граф.

Барон шествовал по залу как бы скользя и переваливаясь – той особенной походкой, какую требовало управление гигантской тушей, поддерживаемой силовой подвеской. Жирные щеки тряслись, силовые поплавки перекатывались под оранжевой мантией. Сияли перстни, унизывавшие толстые пальцы, и драгоценные опафиры, которыми было расшито баронское одеяние.

Пообок барона шел Фейд-Раута. Черные кудри были завиты мелкими колечками – над угрюмыми глазами эти лихие завитки казались неуместно веселыми. На нем была черная куртка в обтяжку, такие же брюки, лишь слегка расклешенные внизу, и мягкие низкие башмаки, обхватывающие маленькие ступни.

Леди Фенринг отметила осанку юноши и крепкие мышцы, играющие под тканью, и подумала: «Этот не позволит себе разжиреть...»

Барон остановился перед ними, хозяйским жестом взял Фейд-Рауту за руку и представил:

– Мой племянник, на-барон Фейд-Раута Харконнен. – И, повернув младенчески-розовое жирное лицо к племяннику: – Граф и графиня Фенринг, о которых я говорил.

Фейд-Раута с приличествующей любезностью склонил голову, а затем уставился на леди Фенринг – золотоволосую, гибкую, изящную. Прекрасную фигуру обливало серо-бежевое платье – без украшений, но превосходно сшитое. Затем Фейд-Раута встретил взгляд ее зеленовато-серых глаз. Она просто лучилась тем типично Бене-Гессеритским безмятежным спокойствием, которое всегда несколько раздражало молодого наследника дома Харконнен.

– У-м-м-м-м-м-ах-м-м-м, – протянул граф, изучающе разглядывая Фейд-Рауту. – Приятный и аккуратный молодой человек, э, не так ли, моя – хм-м-м... моя дорогая?.. – Граф взглянул на барона. – Любезный барон, вы изволили

упомянуть, что говорили о нас этому приятному молодому человеку. Любопытно знать, что же именно вы ему сказали?

– Я говорил своему племяннику о том, с каким уважением относится к вам Император, граф Фенринг, – поклонился барон, подумав: «Обрати на него особое внимание, Фейд! Убийца, который ведет себя точно кролик, – самая опасная разновидность!»

– Ну, разумеется! – покивал граф, улыбаясь своей спутнице.

Фейд-Рауте поведение и слова графа показались почти вызывающими. Еще немного – и он, казалось, сказал бы нечто открыто оскорбительное. Юноша перевел взгляд на графа: коротышка и на вид слабак. Лицом похож на куницу: явный проныра и вообще скользкий тип. Огромные темные глаза; на висках – седина. А повадки!.. Движение рукой или поворот головы говорили одно, и тут же – реплика, означающая прямо противоположное! Совершенно невозможно понять, о чем граф думает на самом деле.

– Ум-м-м-м-ах-х-х-хм-м-м, право же, редко доводится встречать такую, мм-м-м, прямо скажем, аккуратность, – любезно сказал граф, обращаясь к жирному баронскому плечу. – Разрешите, э-э, поздравить вас с таким, хм-м-м, удачным выбором и прекрасной подготовкой вашего, э-э-э, наследника. Вполне, хм-м-м, в духе господина барона, если мне будет позволено так выразиться.

– Вы чересчур любезны, – поклонился барон. Однако Фейд-Раута по глазам дяди понял, что тот не вполне принял любезность графа и хотел бы сказать нечто противоположное.

– Ваша ирония, мм-м-м, заставляет предположить, что вас посетили некие, хм-м-мм, глубокие мысли, – сказал граф.

«Вот опять! – подумал Фейд-Раута. – Прозвучало как оскорбление – а придраться не к чему; а значит, и требовать от него удовлетворения никак нельзя...»

Манера графа говорить была невыносима – Фейд-Рауте все время казалось, что его уши забиты не то кашей, не то радиопомехами: ум-м-ммэх-х-х-хм-м-м-мм! Фейд-Раута заставил себя вновь переключиться на леди Фенринг.

– Мы, э-э, отнимаем слишком много времени у этого молодого человека, – светски улыбнулась она. – Насколько я знаю, сегодня ему предстоит выступить на арене.

«Гуриями императорского гарема клянусь, она просто прелесть!» – подумал Фейд-Раута и пообещал:

– Сегодня я убью противника в вашу честь, миледи. С вашего позволения, я объявлю об этом, выйдя на арену.

Она посмотрела на него все так же невозмутимо. Но ее слова прозвучали как удар кнута:

– Я не даю вам такого позволения.

– Фейд! – одернул барон племянника. Вот чертенок сумасшедший! Он что, хочет напроситься на поединок с этим сановным убийцей?!

Граф, впрочем, только улыбнулся и изрек:

– Хм-м-м-ум-м-м.

– Да, Фейд, тебе действительно пора готовиться к выходу на арену, – с нажимом сказал барон. – Тебе надо отдохнуть – и постарайся не рисковать сегодня по-глупому, ладно?

Фейд-Раута склонился в поклоне, но его лицо потемнело от негодования.

– Да, дядя. Я уверен, что все будет так, как вам угодно. – Затем он поклонился графу Фенрингу: – Мое почтение, мой граф. – К леди: – Мое почтение, миледи.

Затем повернулся и поспешно покинул зал, лишь мимоходом бросив взгляд на столпившихся у двойных дверей гостей из Младших Домов.

– Он еще так молод, – вздохнул барон.

– Ум-м-м-ах, и в самом деле – хммм, – согласился граф.

Леди же Фенринг подумала: «И это тот молодой человек, о котором говорила Преподобная Мать?! Это его генетическую линию мы должны сберечь?»

– У нас еще час до начала, – сказал барон. – Может быть, мы сможем поговорить еще кое о чем, граф? – Он склонил свою огромную голову вправо. – Нам есть что обсудить. – А сам подумал: «Что ж, посмотрим, каким образом сумеет этот мальчик на побегушках у Императора передать порученное ему и при этом ничего не сказать напрямую. Что было бы, конечно, глупостью».

Граф обратился к своей спутнице:

– Ум-м-м-м-а-х-х-х-хм-м-м, дорогая, вы, мм-м, извините нас, ах-х-х, надеюсь?

– Каждый день, а порой и каждый час приносит изменения, – ответила она. – Мм-м-м-м. – И она мило улыбнулась барону, прежде чем повернуться. Шурша длинными юбками, она быстро, но с поистине королевским достоинством направилась к двойным дверям в дальнем конце зала.

При ее появлении, заметил барон, представители Младших Домов замолчали, провожая ее глазами. «Бене Гессерит! – подумал барон. – Право, Вселенная стала бы куда более приятным местом без них!»

– Тут, слева, между двух колонн, устроен шатер тишины, – показал барон. – Мы могли бы побеседовать там, на опасаясь, что нас подслушивают. – Ступая своей скользяще-раскачивающейся походкой, он провел графа под конус звукогасителя. В тот же миг звуки просторного зала стихли и словно бы отдалились.

Граф подошел вплотную к барону, и оба повернулись лицом к стене, чтобы разговор нельзя было прочитать по губам.

– Нам решительно не нравится то, как вы выставили сардаукаров с Арракиса, – начал граф.

«Так он все-таки говорит напрямую!» – изумился барон.

– Сардаукаров нельзя было оставлять там дольше, не рискуя, что прочие узнают, как Император помогал мне, – возразил он вслух.

– Однако ваш племянник Раббан, кажется, не слишком усерден в решении фрименского вопроса.

– И чего же еще хочет Император? – спросил барон. – На Арракисе вряд ли осталось больше горстки фременов. Южная Пустыня вовсе не пригодна для жизни, а северную регулярно вычищают наши патрули.

– А кто сказал, что Южная Пустыня непригодна для жизни и необитаема?

– Как это кто? Да ваш же собственный планетолог, дорогой мой граф!

– Но доктор Кинес мертв.

– Увы, да... какая жалость, право...

– У нас есть доклад об облете некоторых южных районов, – сказал граф. – Так вот, кое-где замечена растительность.

– Гильдия наконец согласилась на наблюдение за Арракисом с орбиты?

– Вы же и сами прекрасно знаете, барон: Император не может легально установить надзор за Арракисом.

– Ну а я не могу пойти на такие расходы. И кто же в таком случае совершил этот ваш облет?

– Один... контрабандист.

– Вам кто-то солгал, граф, – покачал головой барон. – Контрабандисты не более способны летать в южных районах, чем люди Раббана. Бури, статические заряды в песке и все такое прочее. Сами знаете. А навигационные маяки выходят из строя быстрее, чем их успевают ставить.

– О статике поговорим в другой раз, – холодно сказал граф.

«Ах-х-х», – протянул барон про себя. И вслух, требовательно:

– Значит, вы обнаружили какую-то ошибку?

– Если речь идет об ошибках, то для самооправдания места уже не остается, – изрек граф.

«Нарочно ведь пытается меня разозлить!» – подумал барон. Чтобы успокоиться, ему пришлось сделать два глубоких вдоха. Он чуял запах собственного пота; кожа под сбруей силовой подвески вдруг зачесалась.

– Не может быть, чтобы Император выражал недовольство по поводу гибели наложницы герцога и мальчишки, – пробормотал барон. – Они бежали в Пустыню… была буря…

– О да. Удивительно много произошло несчастных случаев в последнее время, – согласился граф. – И таких удобных для вас…

– Мне не нравится ваш тон, граф, – свел брови барон.

– Одно дело – гнев, совсем иное – насилие, – сказал граф. – Кстати, хотелось бы вас предупредить: если несчастный случай произойдет со мной, то все Великие Дома немедленно узнают обо всем, что вы натворили на Арракисе. Они давненько косо на вас посматривают – подозревают, что вы нечисто играете. Ваши дела…

– А какие, собственно, дела? – пожал плечами барон. – Все, что я могу припомнить за последнее время, – это доставка на Арракис нескольких легионов сардаукаров…

– И вы полагаете, что могли бы шантажировать этим Императора?

– Ну что вы. И подумать не посмел бы.

Граф улыбнулся:

– В любом случае найдутся командиры сардаукаров, которые признаются, что действовали без всяких приказов – так, захотелось подраться с этой вашей фрименской сволочью.

– У многих подобное признание вызвало бы кое-какие сомнения, – возразил барон. Но угроза была нешуточной. Неужели сардаукары действительно настолько вымуштрованы?

– И еще: Император желает произвести ревизию ваших счетов, – сказал граф.

– Когда угодно.

– Вы… э-э… не возражаете?

– Отнюдь. Я готов на любую самую тщательную проверку моей деятельности как члена Совета директоров КООАМ…

«Пусть облыжно обвинит меня, – думал барон, – обвинение не подтвердится; я предстану перед ними наподобие

Прометея и объявлю во всеуслышание: внемлите, дескать, – вот я оклеветан! Засим, пусть его обвиняет меня в чем хочет, даже и по делу. Великие Дома не поверят обвинителю, единожды солгавшему...»

– Н-да, не сомневаюсь, что все ваши отчетности выдержат любую проверку, – пробормотал граф.

– Позвольте спросить, а почему это Император так заинтересован в уничтожении фрименов?

– Желаете сменить тему? – Граф пожал плечами. – Истребить фрименов хотят сардаукары, а не Император. Скажем так: им нужна практика в искусстве убивать..., и они терпеть не могут оставлять дело несделанным.

«Он что, хочет запугать меня – напомнить, что опирается на этих кровожадных убийц?» – подумал барон и ответил:

– Некоторое количество убийств всегда идет на пользу делу, но надо же было когда-то и остановиться. Кто-то же должен добывать Пряность.

Граф издал короткий лающий смешок.

– Вы что, всерьез верите, будто сумеете взнуздать фрименов?

– Для использования их слишком много, – пожал плечами барон, – главное же в том, что ваша резня взволновала остальное население Арракиса. Но тут мы подходим к следующему пункту: я обдумываю другой вариант решения арракийской проблемы, дорогой Фенринг. Не могу не отметить, что наш Император достоин благодарности: ведь это его идеи вдохновили меня.

– Э-э-э?

– Видите ли, граф, я действительно вдохновлялся примером императорской каторжной планеты – Салусы Секундус.

Глаза графа сверкнули, он вперился в барона.

– И какая же может быть связь между Арракисом и Салусой Секундус?

Барон отметил настороженное внимание в глазах графа и ответил:

– Пока – никакой...

– Пока?

– Согласитесь, что в самом деле есть возможность обеспечить Арракис адекватным количеством рабочих рук – а именно путем превращения его в каторжную планету.

– А вы ожидаете увеличения числа заключенных?

– Да была тут некоторая заварушка, – признался барон. – Мне пришлось довольно круто обойтись с подданными, Фенринг. В конце концов, вам прекрасно известно, чего стоила мне перевозка наших соединенных войск на Арракис кораблями проклятой Гильдии. Вы же понимаете, что эти деньги должны были откуда-то взяться.

– Я бы не советовал вам использовать Арракис как каторжную планету без дозволения Императора, барон.

– Само собой разумеется, – ответил барон, удивляясь, с чего бы вдруг в голосе Фенринга появился такой неприятный ледок.

– И вот еще что, – сказал граф. – Нам стало известно, что ментат герцога Лето, Суфир Хават, жив и находится у вас на службе.

– Не мог же я позволить себе выбросить на ветер такого ценного человека.

– Итак, вы солгали командующему экспедиционным Корпусом сардаукаров, когда сообщили о смерти Хавата.

– Это невинная ложь, любезный граф. Просто не хотелось препирательств с этим служакой.

– А Хават в самом деле был предателем?

– Бог мой, нет, разумеется! Это все фальшивый доктор... – Барон вдруг почувствовал, что у него взмокла шея. – Поймите, Фенринг: я остался без ментата, как вам известно. А я никогда не оставался без ментата... Это в высшей степени неудобно.

– И как же вы сумели склонить Хавата к сотрудничеству?

– Его герцог погиб. – Барон выдавил улыбку. – А опасаться Хавата нечего. Ему введен латентный яд. С пищей он регулярно получает противоядие. Без противоядия яд подействует – и через несколько дней Хават умрет.

– Отмените противоядие, – спокойно распорядился граф.

– Но Хават полезен!

– И знает слишком много такого, чего не должна знать ни одна живая душа.

– Не вы ли говорили, что Император не боится разоблачений?

– Не советую шутить со мной, барон!

– Когда я увижу такой приказ, скрепленный императорской печатью, я выполню его, – отрезал барон. – Приказ, но никак не вашу прихоть.

– По-вашему, это прихоть?

– А что же еще? Император, между прочим, тоже кое-чем мне обязан, Фенринг. Я избавил его от беспокойного герцога.

– Не без помощи некоторого количества сардаукаров...

– А где бы еще нашел Император такой Великий Дом, который одел бы этих сардаукаров в свою форму, чтобы скрыть роль Его Величества в этом деле?

– Он и сам задавался этим вопросом, дорогой барон... правда, несколько иначе расставляя акценты.

Барон внимательно посмотрел в лицо Фенрингу, обратил внимание на закаменевшие мышцы на скулах – граф явно с трудом сдерживал себя.

– Ну-ну, право... – проговорил барон. – Надеюсь, Император не думает, что сможет действовать и против меня в полной секретности?..

– Во всяком случае, он надеется, что в этом не возникнет необходимости.

– Неужели Император мог подумать, что я ему угрожаю?! – Барон добавил в голос подобающую меру гнева и горечи. «Ну-ка, пусть попробует обвинить меня в этом! Да я тогда сам сяду на трон – все еще бия себя в грудь и вопия о том, как меня очернили и оклеветали!..»

Очень сухо и отчужденно граф произнес:

– Император верит тому, что видит.

– И Император посмеет обвинить меня в измене перед всем Советом Ландсраада? – спросил барон затаив дыхание. Он с надеждой ждал ответа «да».

– Слово «посмеет» к Императору неприменимо.

Барон резко повернулся в своей силовой подвеске, чтобы скрыть охватившие его чувства. «Это может случиться еще при моей жизни! Ну, Император!.. Да пусть он только выдвинет такое обвинение! Потом... где надо – подмазать, где надо – надавить; потом – Великие Дома объединятся под моим знаменем, как крестьяне, что в поисках защиты сбегаются к сеньору... Ведь больше всего на свете Великие Дома боятся именно того, что Император начнет натравливать на них своих сардаукаров, уничтожая один Дом за другим поодиночке...»

– Император искренне надеется, что вы не дадите ему повод обвинить вас в измене, – сказал граф.

Очень трудно было не дать иронии прозвучать в ответе, оставив лишь обиду. Но барону это удалось.

– Я всегда был абсолютно лояльным подданным. И ваши слова ранят меня сильнее, чем я мог бы выразить.

– Ум-м-м-м-ах-хм-м-м, – протянул граф.

Барон кивнул, не оборачиваясь. Чуть погодя он сказал:

– Пора на арену.

– Действительно, – согласился граф.

Выйдя из-под шатра тишины, они бок о бок пошли к представителям Младших Домов, по-прежнему толпившимся у дверей. Где-то медленно раскатился удар колокола: двадцать минут до начала.

– Младшие Дома ждут, что вы поведете их, – кивнул граф на толпу.

«Двусмысленности... двусмысленности...» – подумал барон.

Он поднял голову, в очередной раз любуясь новыми талисманами, повешенными по сторонам входа в зал, – бычьей головой и писанным маслом портретом Старого Герцога Атрейдеса – отца покойного Лето. Непонятно почему

эти трофеи наполнили его какими-то недобрыми предчувствиями. Интересно, а какие мысли будили эти талисманы в герцоге Лето – когда висели в его замке, сперва на Каладане, а потом на Арракисе? Портрет забияки отца – и голова убившего его быка...

– Человечество знает одну только... м-м-м... науку, – проговорил граф, когда они с бароном возглавили шествие и

вышли из зала в приемную – узкую комнату с высокими окнами и узорным полом, выложенным белой и пурпурной плиткой.

– И что же это за наука? – спросил барон.

– Это, ум-м-м-а-ах, наука недовольства, – объяснил граф.

Представители Младших Домов позади, с бараньим выражением на лицах прислушивавшиеся к беседе принципала с сановником, подобострастно засмеялись. Впрочем, их смех тут же был заглушен гулом моторов: пажи распахнули двери на улицу – там выстроились в ряд наземные машины, над которыми трепетали на ветру флажки.

Барон возвысил голос, перекрывая возникший шум:

– Надеюсь, мой племянник не разочарует вас сегодня, граф Фенринг.

– Я, ах-х-х, с нетерпением, у-м-м, предвкушаю это, хм-м-м, зрелище, – ответил граф. – Ведь, ах-х, в «процесе вербаль» всегда необходимо, ум-м-м-ах, принимать во внимание вопросы, ах-х, родства.

Барон от неожиданности застыл – и ему пришлось скрыть это, якобы оступившись на первой ступеньке лестницы. «Procés verbal» – донесение о преступлении против Империи!

Но граф хохотнул, превращая скрытую угрозу в шутку, и похлопал барона по руке.

Всю дорогу до арены барон, откинувшись на подушки своей машины (подушки тоже были пуленепробиваемыми), искоса рассматривал графа, сидевшего рядом с ним, и размышлял, почему императорский «мальчик на посылках» счел необходимым отпустить такую именно шутку в присутствии представителей Младших Домов. Ясно было, что Фенринг редко позволяет себе делать то, что не считает необходимым, или произносит два слова там, где можно обойтись одним, или бросается фразами, лишенными скрытого смысла.

Он получил ответ на свой вопрос, когда они уже расселись в золотой ложе над треугольником арены. Трубили

трубы, вились вымпелы, зрительские ряды были забиты до отказа.

– Дорогой барон, – прошептал граф, склоняясь к самому уху барона, – вы ведь знаете, что Его Величество не дал пока официального одобрения вашему выбору наследника, не правда ли?..

Потрясенному барону показалось, будто он опять очутился в шатре тишины. Он уставился на Фенринга и как будто даже не видел леди Фенринг, которая прошла сквозь ряды стражи в их ложу.

– Именно поэтому я и здесь, – тихо продолжал граф. – Император велел мне выяснить, насколько достойного преемника вы себе выбрали. А вряд ли найдется место лучше, чем арена, выявляющая истинное лицо человека, обычно скрываемое под маской, а?

– Император обещал, что я смогу свободно выбрать себе наследника! – проскрежетал барон.

– Посмотрим, – ответил Фенринг, поворачиваясь, чтобы приветствовать леди Фенринг. Та опустилась в кресло, улыбаясь барону; затем она перевела взгляд на посыпанную песком арену, куда как раз вышел затянутый в трико и жилет Фейд-Раута. Правая рука в черной перчатке сжимала длинный кинжал, в левой юноша держал короткий нож. Левая перчатка была белой.

– Белый цвет означает яд, черный – чистоту, – пояснила леди Фенринг графу. – Любопытный обычай, дорогой, не правда ли?

– Ум-м-м-м, – согласился граф.

С семейных галерей послышались восторженные выкрики, и Фейд-Раута остановился, приветствуя зрителей и оглядывая их ряды, – кузены, кузины, полубратья, наложницы и нисвои. Орущие розовые рты, яркое колыхание одежды и знамен.

Фейд-Раута подумал вдруг, что все эти лица одинаково оживятся при виде крови раба-гладиатора, при виде его собственной крови. Впрочем, он, разумеется, нисколько не

сомневался в исходе сегодняшнего боя. Тут была одна только видимость опасности, и все-таки...

Фейд-Раута поднял клинки, подставив их солнечным лучам, салютовал на три стороны арены – на старинный манер. Короткий нож, который сжимала обтянутая белой перчаткой рука (белый – цвет яда), первым скользнул в ножны. За ним последовал большой кинжал из «черной» руки – только сегодня «чистый» клинок чистым не был. Его секретное оружие, которое должно было принести сегодня полную и абсолютную победу: яд на черном клинке.

Он включил щит, а потом замер на несколько мгновений, прислушиваясь к знакомому ощущению: кожа на лбу будто стянулась, подтверждая, что защита задействована.

Это был по-своему волнующий момент, и Фейд-Раута тянул его, как старый актер, кивая своим бандерильерам и в последний раз опытным взглядом проверяя их снаряжение – шипастые сверкающие браслеты, крюки и дротики с развевающимися голубыми лентами.

Затем он дал знак музыкантам.

Грянул медленный, гремящий древней пышностью марш, и Фейд-Раута повел подручных на комплимент[13] к баронской ложе. На лету поймал брошенный ему церемониальный ключ.

Музыка смолкла.

В резко упавшей тишине он отступил на два шага, высоко поднял ключ и объявил:

– Я посвящаю этот бой... – и он нарочно помедлил, с удовольствием представляя себе, что думает в этот миг барон (юный болван хочет все-таки, несмотря ни на что, посвятить бой леди Фенринг – и вызвать скандал!), – ...своему дяде и патрону, барону Владимиру Харконнену! – закончил Фейд-Раута. И с наслаждением увидел, как вздохнул облегченно любимый дядюшка.

---

[13] Комплимент: в цирке и театре – поклон зрителям, рассчитанный на аплодисменты.

Снова зазвучала музыка – теперь это был быстрый марш; Фейд-Раута с командой подручных трусцой побежали к преддвери, сквозь которую мог пройти только тот, у кого был идентификатор. Фейд-Раута гордился тем, что он никогда еще не пользовался «выходом предусмотрительности» и почти никогда не прибегал к помощи подручных, отвлекающих гладиатора. Тем не менее было неплохо знать, что и запасной выход, и подручные наготове на случай непредвиденной ситуации. Особые планы порой бывали связаны с особыми опасностями…

И снова на арену опустилась тишина.

Фейд-Раута повернулся к красной двери, из которой должен был появиться гладиатор.

И не простой гладиатор.

Изобретенный Суфиром Хаватом план был восхитительно прост и едва ли не бесхитростен, как думал Фейд-Раута. Раб не будет одурманен, и в этом и есть опасность. Но вместо наркотика в подсознание гладиатора было введено кодовое слово, которое в нужный момент иммобилизует его мышцы, Фейд-Раута мысленно повторил это слово, произнеся его без звука, одними губами: «Подонок!» Зрители-то подумают, что кто-то провел на арену неодурманенного раба, чтобы тот убил на-барона. Причем все тщательно сфабрикованные улики укажут на главного надсмотрщика…

Загудели сервомоторы, поднимающие красную дверь.

Фейд-Раута сконцентрировал все свое внимание на двери. Первый момент был во многом решающим. То, как гладиатор выходил на арену, о многом говорило опытному глазу. Все гладиаторы перед выходом должны были получать элакку, появляться на арене подготовленными для убийства… но все равно приходилось следить, как гладиатор держит нож, как готовится к защите, обращает ли внимание на зрителей. Скажем, посадка головы могла дать намек и на его манеру защиты и нападения.

Красная дверь резко распахнулась.

Из нее выбежал высокий мускулистый человек с гладковыбритой головой и темными, глубоко запавшими глазами. Морковный цвет кожи говорил, казалось бы, о том, что раб получил наркотик – но Фейд-Раута знал, что это краска. На рабе были зеленые шорты-трико и красный пояс полущита; стрелка на нем указывала влево, показывая, что с этой стороны гладиатор укрыт силовым полем. Кинжал он держал как меч, острием от себя; было видно, что это – опытный боец. Теперь он медленно шел к центру арены, держась к Фейд-Рауте и его помощникам, стоящим у преддвери, защищенным левым боком.

– Что-то не нравится мне вид этого парня, – заметил один из бандерильеров. – Вы уверены, что он получил наркотик, милорд?

– Ты же видишь цвет, – коротко ответил Фейд-Раута.

– Да, но держится он как боец, – возразил другой ассистент.

Фейд-Раута сделал два шага вперед, рассматривая раба.

– Что у него с рукой? – спросил кто-то.

Фейд-Раута посмотрел на кровавую царапину на левом предплечье раба. Потом на его руку: раб указывал ею на рисунок, который он сделал кровью на левом бедре своего зеленого трико. Еще влажный рисунок изображал стилизованный силуэт ястреба.

Ястреба!

Фейд-Раута поднял взгляд и встретил запавшие, обведенные темными кругами глаза, горящие ненавистью.

«Это же один из бойцов герцога Лето, захваченных нами на Арракисе! – мелькнуло в голове Фейд-Рауты. – Вовсе не простой гладиатор!..» По спине на-барона пробежал неприятный холодок. А что, если у Хавата свои виды на сегодняшний бой? Хитрость внутри хитрости, а в ней – еще хитрость и еще?.. а вина падет только на главного надсмотрщика!

Старший бандерильер сказал ему на ухо:

– Милорд, он мне решительно не нравится. Может, воткнуть ему в правую руку бандерилью-другую?

– Я сам. – Фейд-Раута взял у помощника два длинных тонких дротика с заершенными наконечниками, взвесил их в руке, проверяя балансировку. Обычно бандерильи тоже смазывали элаккой, но сегодня наркотика на них не было. Скорее всего старший бандерильер поплатится за это жизнью… впрочем, все это входило в план.

«Вы выйдете из этого испытания героем, – убеждал его Хават. – Вы убьете своего гладиатора в честном поединке и несмотря на измену. Главного надсмотрщика казнят, а его место займет ваш человек!»

Фейд-Раута сделал еще пять шагов к центру арены, театрально растягивая сцену и одновременно пристально изучая противника. К этому времени, по его расчетам, знатоки на трибунах должны были уже сообразить, что что-то не так. Цвет кожи гладиатора был таким, каким ему и следовало быть у одурманенного элаккой человека, но стоял он твердо и не дрожал. Наверняка зрители уже перешептываются: «Смотрите, как он стоит! Он должен быть возбужден, должен нападать или отступать – а он ждет и бережет силы! А он ведь не должен ждать!»

Фейд-Раута чувствовал, как растет его собственное волнение. «Пусть даже Хават замыслил измену, с этим рабом я справлюсь. К тому же в этот раз отравлен длинный клинок, а не короткий. Об этом не знает даже Хават».

– Хэй, Харконнен! – крикнул раб. – Ты приготовился к смерти?

Мертвая тишина упала на арену. Рабы никогда не бросали вызов!

Теперь Фейд-Раута хорошо видел глаза гладиатора, сверкающие холодной яростью отчаяния. Он видел и то, как тот стоял – свободно, но наготове. И мышцы наготове… для победы. Рабский «телеграф» донес до гладиатора послание Хавата: у тебя будет реальный шанс убить на-барона. Тут тоже все было по плану.

Узкая улыбка раздвинула губы Фейд-Рауты. Он поднял бандерильи. То, как держался гладиатор, обещало успех их плану.

– Хэй! Хэй! – снова выкликнул раб, подступая еще на два шага.

«Теперь-то уж никто на трибунах не заблуждается на его счет!» – мелькнуло в голове Фейд-Рауты.

Ведь к этому времени вызванный наркотиком страх должен был уже почти сковать гладиатора. Каждое движение должно было говорить одно – раб знает, что надежды для него нет, победить он не может. Он должен быть напуган рассказами о ядах, которые молодой на-барон выбирал для клинка в «белой» руке. На-барон никогда не убивал быстро; он любил демонстрировать редкостные яды и мог, например, стоя над корчащейся жертвой, показывать зрителям любопытные побочные эффекты. А в этом рабе страх был, да – но не ужас.

Фейд-Раута высоко поднял бандерильи и кивнул, почти приветствуя противника.

Гладиатор атаковал.

Его выпад и защита были безукоризненны, едва ли не лучше всего, с чем приходилось сталкиваться Фейд-Рауте. Удар был точно рассчитан – еще на волос в сторону, и клинок рассек бы сухожилия на ноге на-барона.

Фейд-Раута танцующим движением отскочил в сторону, а в предплечье раба осталась торчать бандерилья. Крючковатые зубья наконечника глубоко засели в теле – теперь гладиатор мог бы выдернуть бандерилью только вместе с сухожилиями.

По галереям прокатилось дружное «ах!..».

Этот звук воодушевил Фейд-Рауту.

Он прекрасно представлял себе, что испытывает сейчас дядюшка, восседающий в ложе с Фенрингами. Вмешаться в поединок он не мог: при свидетелях приходилось считаться с приличиями. События же на арене барон мог истолковать только совершенно однозначно – как угрозу себе.

Раб отступил назад, зажал нож в зубах и примотал бандерилью к руке ее же лентой.

– Я и не чувствую этой иголки! – крикнул он и снова пошел левым боком вперед, подняв кинжал. Он изогнул тело назад, чтобы максимально прикрыться щитом. Это тоже не ускользнуло от внимания зрителей. Из семейных лож послышались восклицания. Ассистенты Фейд-Рауты тоже кричали – спрашивали, не нужна ли их помощь. Но Фейд-Раута жестом велел им оставаться у преддвери.

«Я им устрою такое представление, какого они еще не видели! – думал Фейд-Раута. – Не просто убийство практически беззащитного раба, во время которого можно спокойно сидеть и обсуждать достоинства стиля. Это их проймет до самых кишок... А когда я стану бароном, они будут помнить этот день – и бояться меня».

Фейд-Раута медленно отходил перед наступающим покрабьи противником. Под ногами поскрипывал песок. Он слышал, как тяжело хватает воздух раб, чувствовал запах собственного пота и более слабый запах крови раба.

На-барон отступил еще немного, развернулся вправо, изготовил вторую бандерилью. Раб отскочил в сторону. Фейд-Раута сделал вид, будто оступился. На галереях вскрикнули.

Раб опять бросился вперед.

«Боги, что за боец!» – мелькнуло в голове Фейд-Рауты, когда он ушел от удара. Его спасла только юношеская ловкость – но второй дротик вонзился в дельтовидную мышцу правой руки раба. Галереи разразились восторженными криками.

«А, теперь они мной восхищаются!» – подумал Фейд-Раута. Как и предсказывал Хават, в голосах зрителей звучал буйный восторг. На-барон мрачно усмехнулся про себя, вспомнив слова ментата: «Враг, которым восхищаешься, страшит больше».

Фейд-Раута быстро отошел к центру арены – здесь его было лучше видно всем зрителям. Он изготовил длинный кинжал и, пригнувшись, ждал атаки раба.

Тот не заставил себя ждать. Помедлив лишь столько, сколько было необходимо, чтобы прикрутить к руке вторую бандерилью, он устремился за своим врагом.

«Пусть, пусть семейка полюбуется, – думал Фейд-Раута. – Я их враг, и пусть они запомнят меня вот таким...»

Он вытащил и короткий нож.

– Я не боюсь тебя, харконненская свинья! – крикнул гладиатор. – Все ваши пытки – ничто для мертвого. А я могу умереть от собственного клинка прежде, чем надсмотрщик прикоснется ко мне! И я захвачу тебя с собой!

Фейд-Раута криво ухмыльнулся и выставил длинный клинок – отравленный.

– Попробуй-ка вот это! – сказал он, делая выпад коротким ножом.

Гладиатор развернул свои клинки «ножницами», приняв на них в захват нож на-барона. Нож, который сжимала рука в белой перчатке и, значит, тот, который, по традиции, должен был быть отравлен.

– Ты издохнешь, Харконнен! – воскликнул, задыхаясь, гладиатор.

Они, напряженно борясь, боком двигались по арене. Щит Фейд-Рауты коснулся гладиаторского полущита, и в месте соприкосновения вспыхнуло голубоватое свечение. Запахло озоном от работы силовых генераторов.

– Издохнешь от собственного яда! – прорычал раб.

Он понемногу начал поворачивать затянутую в белое руку, приближая к врагу острие отравленного, как он думал, клинка.

Ну, пусть посмотрят, подумал Фейд-Раута и ударил длинным кинжалом. И ощутил, как тот попал на примотанную к руке противника бандерилью, не причинив тому никакого вреда.

На мгновение Фейд-Раута почувствовал отчаяние. Кто бы мог подумать, что заершенные дротики помогут рабу – а они послужили ему дополнительной защитой. И как он силен! Короткий клинок – собственный клинок! – неумолимо

приближался, и Фейд-Рауте невольно пришло в голову, что умереть ведь можно и на чистом, неотравленном клинке…

– Подонок!.. – выдохнул он.

Кодовое слово. Заложенная в подсознание программа сработала, мышцы раба расслабились. Лишь на миг, но Фейд-Рауте этого было достаточно. Он оттолкнулся от противника, открыв между ним и собой достаточно места для длинного клинка, который метнулся вперед и прочертил алую линию на груди раба. Этот яд начинал действовать мгновенно, вызывая – сначала – сильную боль. Раб отшатнулся назад, спотыкаясь, попятился.

«Пусть любуются родственнички! – думал ликующе Фейд-Раута. – Пусть-ка обдумают увиденное: этот раб пытался повернуть против меня клинок, который он считал отравленным. Заодно пусть поразмыслят, как попал на арену этот раб и кто подготовил его к попытке так вот убить меня. И пусть навсегда запомнят, что им никогда не удастся угадать, в какой руке у меня отравленный клинок!..»

Фейд-Раута стоял молча и неподвижно, наблюдая за замедленными движениями раба, в которых проступали нерешительность и колебание. На лице у него ясно для всех было написано: смерть. Раб знал, что с ним сделали, и знал как: яд был не на том клинке.

– Ты!.. – простонал гладиатор.

Фейд-Раута отступил, чтобы не мешать смерти. Парализующий наркотик в составе яда еще не полностью подействовал, но замедленные движения гладиатора говорили, что он уже делает свое дело.

Раб, пошатываясь, двинулся вперед, как будто его тянула невидимая нить. Один медленный, неуверенный шаг, другой, третий… Каждый шаг был единственным во Вселенной для умирающего раба. Он все еще сжимал нож, но его острие дрожало.

– Од… наж… ды… кто-то… из нас… убьет… тебя… – выдохнул он.

Его рот печально скривился. Он осел, затем тело его напряглось, и он рухнул на песок лицом вниз, откатившись от Фейд-Рауты. В гробовой тишине Фейд-Раута подошел к телу и носком своего мягкого башмака перевернул его на спину, чтобы зрители могли насладиться видом судорожных гримас, вызванных ядом. Но гладиатор был мертв – в его груди торчал его же собственный нож.

Несмотря на разочарование, Фейд-Раута испытал даже какое-то восхищение. Каких же усилий стоило рабу преодолеть паралич, чтобы убить себя! Но вместе с восхищением пришло и понимание: вот чего действительно стоит бояться.

То, что делает человека сверхчеловеком, – ужасно.

Фейд-Раута не успел додумать эту мысль, как услышал взрыв ликования на галереях. Зрители самозабвенно кричали и хлопали.

Он повернулся и поднял взгляд.

Да, все ликовали. Кроме барона, который сидел, напряженно обдумывая что-то, взявшись за подбородок. И кроме Фенрингов. Граф и его леди пристально смотрели на Фейд-Рауту, пряча свои мысли и чувства под улыбками.

Граф Фенринг повернулся к своей наложнице:

– Ах-х-х-ум-м-м... находчивый, ум-м-м, молодой человек. Э-э, м-м-м-ах, не правда ли, дорогая?

– Да, и его, ах-х-х, синаптические реакции весьма быстры, – согласилась та.

Барон посмотрел на нее, на графа, опять на арену. В его голове стучало: «Если можно так близко подобраться к кому-то из моих родичей... – Ярость начала вытеснять гнев. – Нынче же ночью главный надсмотрщик будет зажарен на медленном огне... ну а если окажется, что граф и его наложница как-то в этом замешаны...»

Фейд-Раута видел, что в баронской ложе произошел обмен репликами, но, конечно, ничего не слышал. Все звуки утонули в доносившемся со всех сторон ритмичном топоте и крике:

– Го-ло-ву! Го-ло-ву! Го-ло-ву! Го-ло-ву!

Барон нахмурился, видя, с каким выражением повернулся к нему Фейд-Раута. С трудом скрывая свое бешенство, барон вяло махнул в сторону стоящего над поверженным рабом племянника. «Пусть отдадут мальчику голову. Он заслужил ее, вскрыв предательство главного надсмотрщика».

Фейд-Раута видел этот жест. «Они считают, что эта голова – подходящая награда для меня! Что ж, я покажу им, что думаю об этом!»

Он увидел помощников, приближающихся с анатомической пилой, чтобы отделить почетный трофей, и жестом велел им удалиться. Фейд-Раута сердито повторил свой жест, склонился над телом и сложил руки гладиатора под рукоятью торчащего у него в груди ножа. Затем выдернул нож и вложил его в бессильные ладони.

Это заняло всего несколько секунд. Затем Фейд-Раута выпрямился и подозвал помощников.

– Похороните этого раба, как он есть, с ножом в руках, – велел он. – Он заслужил это.

В золоченой ложе граф наклонился к уху барона.

– Великолепный жест, – сказал он. – Подлинное рыцарство. У вашего племянника есть не только храбрость, но и умение держать себя.

– Но он оскорбляет публику, отказываясь от головы, – проворчал барон.

– Вовсе нет, – возразила графиня Фенринг, поднимаясь и оглядывая галереи.

Барон залюбовался линией шеи. Как великолепно лежат на ней мышцы! Совсем как у мальчика.

– Им понравился поступок вашего племянника, – улыбнулась леди Фенринг.

Наконец и в самых верхних рядах поняли, что сделал Фейд-Раута, увидели, что слуги уносят тело невредимым. Барон следил за зрителями. Да, она сказала верно. Люди, словно обезумев, восторженно кричали, топали и хлопали друг друга по спине, по плечам.

Барон устало произнес:

– Я должен объявить большой праздник. Нельзя отпускать их вот так – возбужденных, с нерастраченной энергией. Они должны видеть, что я разделяю их восторг...

Он махнул страже, и слуга над ложей приспустил и вновь поднял оранжевый харконненский вымпел. Раз, и другой, и третий. Сигнал к празднику.

Фейд-Раута пересек арену, вернул кинжалы в ножны и, опустив руки, встал перед золотой ложей. Перекрывая неутихающий рев толпы, он крикнул:

– Празднуем, дядя?

Шум начал понемногу стихать: зрители увидели, что правитель говорит с племянником-победителем.

– Да, Фейд! Праздник в твою честь! – крикнул в ответ барон. И в подтверждение велел повторить сигнал.

Напротив ложи были отключены барьеры предусмотрительности. Какие-то молодые люди спрыгивали на арену и бежали к Фейд-Рауте.

– Вы распорядились снять предбарьеры, барон? – спросил граф.

– Ничего, никто не причинит парню вреда, – отмахнулся барон. – Он сегодня герой!

Первый из бегущих достиг Фейд-Рауты, поднял его на плечи и понес вокруг арены.

– Нынче ночью он мог бы бродить по самым бедным трущобам Харко без оружия и без щита, – сказал барон. – Они разделят с ним последний кусок и последний глоток, лишь бы оказаться рядом с благородным победителем.

Барон с усилием поднял себя из кресла, перенес вес на силовую подвеску.

– Прошу простить меня. Совершенно безотлагательные дела требуют моего присутствия. Стража проводит вас во дворец.

Граф тоже поднялся, поклонился:

– Разумеется, барон. Мы с нетерпением предвкушаем праздник. Я, ах-х-х-мм-м-м, никогда еще не видел праздника у Харконненов.

– Да, – сказал барон, – праздник... – Он повернулся. Стража окружила его плотным кольцом, и он вышел из ложи через свой личный выход.

Капитан стражи поклонился графу:

– Какие будут приказания, милорд?

– Мы, пожалуй, ах-х, подождем, пока разойдется, мм-м-м, толпа.

– Слушаю, милорд. – Прежде чем повернуться, охранник отступил в поклоне на три шага.

Граф Фенринг склонился к своей леди и на их тайном мычащем языке спросил:

– Ты видела, разумеется?

Она ответила, пользуясь тем же кодом:

– Мальчишка знал, что гладиатор будет одурманен. В какой-то момент он действительно испугался. Но не удивился.

– Все было подстроено, – сказал он. – Весь этот спектакль.

– Несомненно.

– И тут пахнет Хаватом.

– И еще как.

– Сегодня я требовал, чтобы барон уничтожил Хавата...

– Это была твоя ошибка, дорогой.

– Теперь я и сам это вижу.

– Похоже, довольно скоро у Харконненов может оказаться новый барон.

– Если Хават задумал именно это...

– Да, это стоит проверить, – кивнула леди Фенринг.

– Молодым легче будет управлять.

– Нам – да... после сегодняшней ночи.

– Думаю, ты не ожидаешь особых проблем и соблазнишь его без труда... моя маленькая племенная кобылка?

– Конечно, любимый. Ты же видел, какими глазами он смотрел на меня.

– Да. И теперь я понимаю, почему нам надо сохранить его гены.

– Разумеется. И нам придется установить над ним контроль. Я заложу на глубинных уровнях его подсознания необходимые кодовые фразы, с помощью которых мы сможем в нужный момент согнуть его, воздействуя на его прана– и бинду-систему.

– И мы покинем планету как можно скорее. Как только ты будешь уверена в успехе.

Ее передернуло.

– Ни минуты лишней! Я никак не хотела бы вынашивать ребенка в этом ужасном месте.

– Чего только не приходится делать во имя человечества, – вздохнул граф.

– Тебе легко говорить...

– Тем не менее и мне пришлось перебороть кое-какие старые предрассудки, – заметил граф. – Даже не старые – вечные.

– Бедненький. – Она потрепала его по щеке. – Но ты же знаешь, это – единственный надежный способ сохранить генетическую линию.

– Я прекрасно понимаю, что мы делаем и для чего, – сухо ответил он.

– Не думаю, что мы потерпим неудачу, – сказала она.

– «Вина начинается с ощущения неудачи», – напомнил граф.

– При чем здесь вина? – возразила она. – Гипнолигация[14] психики Фейд-Рауты, его ребенок в моем чреве – и домой.

– Этот его дядя, – пробормотал граф. – Тебе приходилось когда-либо видеть настолько искаженную душу?

– Свиреп, свиреп, – ответила она. – Но племянничек вполне может перещеголять дядюшку.

– Спасибо за это все тому же дядюшке. Подумать только, кем мог бы стать этот парнишка при другом воспитании –

[14] От «ligare» – «связывать» (лат.).

например, если бы его воспитывали в духе Кодекса Атрейдесов...

– Да, грустно, – согласилась она.

– Если бы можно было сохранить и юного Атрейдеса, и этого парня! Судя по всему, что я слышал о Поле Атрейдесе, – чудесный был парнишка, великолепный результат хорошей наследственности и правильного воспитания. – Он покачал головой. – Впрочем, не стоит тратить скорбь на неудачников. Как говорится, пусть неудачник плачет.

– У Бене Гессерит есть поговорка... – начала леди Фенринг.

– У вас по любому поводу есть поговорка! – отмахнулся граф.

– Но эта тебе понравится, – пообещала она. – Вот послушай: «Не записывай человека в покойники, пока сам не увидел труп. И помни, что даже тогда можно ошибиться».

* * *

Во «Времени размышлений» Муад'Диб говорит нам, что по-настоящему образование его началось лишь тогда, когда он впервые столкнулся с тяготами арракийской жизни. Он учился шестовать песок, читая по шестам надвигающиеся изменения погоды, он учился понимать колючий язык ветра, иглами впивающегося в кожу; узнавал, как зудит нос от песчаной чесотки и как собирать и сохранять бесценную влагу, которую теряет тело. Когда же глаза его вобрали в себя синеву ибада, он познал суть чакобсы.

Предисловие Стилгара к книге принцессы Ирулан «Муад'Диб, Человек»

Отряд Стилгара, возвращавшийся в сиетч с двумя подобранными в пустыне беглецами, поднялся из котловины под ущербным светом Первой луны. Развевались полы бурнусов – фримены почуяли запах дома и заторопились. Серая предрассветная полоска была ярче всего над теми зубцами

изломанного горизонта, которые во фрименском «календаре горизонтов» отмечали середину осени, капрок – месяц Козерога.

Подножие скального барьера было усеяно сухими листьями, принесенными ветром (тут их и собирали дети сиетча), но шаги фрименов Стилгара были неотличимы от естественных звуков ночной пустыни. Разве только изредка оступавшиеся Пол и Джессика выдавали себя.

Пол стер со лба запекшуюся с потом пыль. В этот миг кто-то подергал его за рукав, и он услышал шепот Чани:

– Ты что, забыл, что я тебе говорила? Капюшон надо натянуть на лоб до самых глаз! Ты теряешь влагу!

Кто-то позади шепотом призвал к молчанию:

– Пустыня слышит вас!

Где-то высоко над ними в скалах чирикнула птица.

Отряд остановился, и Пол почувствовал повисшее в воздухе напряжение. Через камень передалось тихое постукивание – не громче, чем могли бы прозвучать прыжки мыши. И снова – короткий, тихий птичий крик.

По отряду прошло движение. Снова протопала по песку мышь, и снова чирикнула птица.

Отряд продолжал подниматься по скальной расщелине, но теперь фримены шли затаив дыхание. Это насторожило Пола. Кроме того, он заметил, что фримены как-то странно посматривают на Чани, а та словно ушла в себя.

Теперь они ступали по скале. Шелестели полы одежд. Фримены, казалось, позволили себе слегка расслабиться, но между ними и Чани по-прежнему лежала какая-то дистанция.

Пол шагал за казавшейся тенью фигурой, стараясь не отставать, – вверх по ступенькам, поворот, опять ступеньки, в открывшийся перед ними туннель, мимо двух дверей с влагоизоляцией и, наконец, по узкому, высеченному в желтом камне коридору, освещенному шарами плавающих ламп.

Фримены вокруг откидывали капюшоны, вынимали носовые фильтры и глубоко, облегченно дышали. Кто-то даже вздохнул. Пол поискал взглядом Чани, но та куда-то исчезла. Со всех сторон его плотно окружала толпа закутанных в бурнусы людей, кто-то толкнул его и сказал:

– Извини, Усул. Ну, толпа! Вот так всегда.

С левой стороны к Полу повернулось узкое бородатое лицо – Фарок, вспомнил Пол. Темные круги вокруг глубоко посаженных темно-синих глаз и сами глаза казались в желтом свете еще темнее.

– Сбрось капюшон, Усул, – сказал Фарок. – Ты дома.

Он помог Полу расстегнуть застежки капюшона, освободил вокруг него немного места, работая локтями.

Пол выдернул из носа фильтры, откинул маску со рта. На него обрушился царивший здесь тяжелый запах немытых тел, побочных продуктов переработки отходов, кислая вонь

затхлого жилья, а надо всем этим царил крепкий аромат Пряности.

– Чего мы ждем, Фарок? – спросил Пол.

– Я думаю, мы ждем Преподобную Мать. Ты же слышал сообщение. Бедная Чани...

«Бедная Чани», – повторил про себя Пол. Он опять огляделся, пытаясь найти ее, а заодно и мать, которая тоже запропастилась куда-то в этой толчее.

Фарок глубоко вдохнул воздух сиетча.

– Запахи дома... – проговорил он.

Пол видел, что Фарок и в самом деле наслаждается этой кошмарной вонью. Фримен говорил о «запахах дома» без малейшей иронии. Где-то неподалеку кашлянула мать.

– Да, богат запах твоего сиетча, Стилгар. Судя по нему, вы много работаете с Пряностью... делаете бумагу... пластик... и, кажется, химическую взрывчатку, верно?

– И ты узнала все это только по запаху? – изумился кто-то. А Пол понял, что мать говорит это специально для него – чтобы он скорее смирился с ударом по его обонянию.

Где-то впереди поднялось движение, по отряду прокатился глубокий вздох – люди втягивали воздух и задерживали дыхание. Приглушенные голоса повторяли: «Так это правда – Лиет мертв!..»

Лиет, подумал Пол и вспомнил: Чани – дочь Лиета. Детали мозаики складывались в картину. Лиетом фримены звали планетолога.

Пол взглянул на Фарока:

– Это тот самый Лиет, которого звали еще Кинес?

– Лиет один! – сухо ответил Фарок.

Пол повернулся, невидяще посмотрел в чью-то спину под бурнусом. Итак, Лиет-Кинес мертв...

– Очередная харконненская подлость, – с ненавистью прошептал кто-то. – Они представили это несчастным случаем... якобы после аварии топтера он сгинул в Пустыне...

Пола жег гнев. Человек, который стал им другом, который спас их от харконненских убийц, который разослал

своих фрименов искать в Пустыне двоих беглецов... этот человек стал еще одной жертвой Харконненов!..

– Усул жаждет мести? – спросил Фарок.

Но раньше, чем Пол успел ответить ему, кто-то негромко позвал, и отряд, унося его с собой, двинулся вперед, в более просторный зал. Пол оказался лицом к лицу со Стилгаром и незнакомой женщиной, одетой в свободное ниспадающее одеяние – ярко-оранжевое с зеленым. Руки женщины до плеч были открыты – дистикомба на ней не было, а кожа была светло-оливковая. Черные волосы над высоким лбом, зачесанные назад, подчеркивали острые скулы, орлиный нос и глубину темно-синих глаз. Женщина повернулась к нему, и Пол увидел в ее ушах золотые кольца, на которых были нанизаны «водяные мерки».

– Что, и вот этот одолел моего Джамиса? – яростно спросила она.

– Тихо, Хара, – одернул ее Стилгар. – Джамис виноват сам – это он объявил тахадди-аль-бурхан.

– Да он же мальчишка! – возмущенно сказала она и, звеня кольцами, резко потрясла головой. – Подумать только – моих детей сделал сиротами другой ребенок! Нет, это была случайность!

– Усул, сколько тебе лет? – спросил Стилгар.

– Пятнадцать стандартных, – ответил Пол.

Стилгар обвел глазами своих людей:

– Кто-нибудь из вас рискнет бросить мне вызов?

Никто не ответил. Тогда Стилгар снова посмотрел на женщину:

– А я сам не вызвал бы его, по крайней мере пока не овладею его искусством боя.

Она тоже посмотрела вождю в глаза:

– Но...

– Ты видала новую женщину, которую Чани повела к Преподобной Матери? – медленно сказал Стилгар. – Так вот, она – сайядина-нисвой и мать этого парня. И мать, и сын в совершенстве владеют искусством колдовского боя.

– Лисан аль-Гаиб! – прошептала потрясенная женщина и с благоговением посмотрела на Пола.

Опять эта легенда, подумал тот.

– Возможно, – сдержанно сказал Стилгар. – Впрочем, это пока не проверено... – Он обратился к юноше: – Усул, по нашим законам теперь ты в ответе за женщину Джамиса – вот за нее – и за двоих ее сыновей. Его йали... то есть его жилище, – теперь твое. К тебе переходит его кофейный прибор... и вот она. Его женщина.

Пол разглядывал женщину. «Почему она не горюет о муже? – думал он. – Почему в ней нет ненависти ко мне?» Тут он увидел вдруг, что все фримены внимательно на него смотрят, ожидая чего-то.

Кто-то прошептал:

– У нас есть еще дела. Скажи скорее, как ты принимаешь ее!

Стилгар пояснил:

– Как ты возьмешь ее – как женщину или как служанку?

Хара подняла руки, повернулась вокруг себя:

– Я еще молода, Усул. Говорят, что я выгляжу не старше, чем когда я жила с Джоффом... Это до того, как Джамис его убил.

Джамис убил соперника, чтобы получить ее, решил Пол. А вслух спросил:

– Если я возьму ее как служанку – могу я потом, когда-нибудь, изменить это решение?

– У тебя на это есть год, – ответил Стилгар. – А после того она свободна и вольна сама решать для себя... впрочем, и ты можешь освободить ее, когда пожелаешь. Но, как бы то ни было, весь этот год ты отвечаешь за нее... и всегда на тебе останется также и часть ответственности за ее сыновей.

– Принимаю ее как служанку, – объявил Пол.

Хара топнула ногой, возмущенно передернула плечами:

– Но я же молода!

А Стилгар, одобрительно посмотрев на Пола, сказал:

– Осмотрительность – большое достоинство для того, кому суждено быть вождем.

– Но я же молода! – повторила возмущенная Хара.

– Замолчи, женщина, – оборвал ее Стилгар. – Что должно быть, то будет. Проводи Усула в его жилище и следи, чтобы у него всегда была смена свежей одежды и место отдыха.

– О-о-охх, – только и ответила Хара.

Пол уже достаточно изучил ее, пользуясь приемами Бене Гессерит, чтобы составить о ней кое-какое представление. Он также чувствовал нетерпение фрименов, понимал, что они с Харой всех задерживают. Он не знал, можно ли спросить, где сейчас мать и Чани; впрочем, Стилгар явно нервничал, и Пол решил, что такой вопрос был бы ошибкой.

Поэтому он просто повернулся к Харе и, тоном и вибрациями в голосе усиливая ее страх и почтительное волнение, приказал:

– Веди меня в жилище, Хара! А о твоей молодости поговорим в другой раз.

Она отступила на два шага, бросив на Стилгара испуганный взгляд.

– У него колдовской голос, – сипло пробормотала она.

– Стилгар, – сказал Пол, – я в неоплатном долгу перед отцом Чани. Если я могу что-то...

– Это решит Совет, – ответил Стилгар. – Ты сможешь сказать ему об этом. – Он кивнул, давая понять, что все свободны, и вышел сам. За ним последовали остальные.

Пол взял Хару за руку – рука у нее была холодная и дрожала.

– Я не обижу тебя, Хара, – мягко сказал он. – Ну, покажи мне свой дом. – Он говорил теперь с успокаивающими нотками в голосе.

– Ты ведь не выгонишь меня через год? – спросила она. – Я ведь и сама знаю, что уже не так молода, как когда-то...

– Пока я жив, у тебя всегда будет место рядом со мной, – ответил он, выпуская ее руку. – Так, где наше жилище?

Она повернулась и повела его по коридору. Дойдя до перекрестка с широким, освещенным подвешенными через равные промежутки желтыми шарами ламп, они свернули направо. Пол был гладким, чисто выметенным.

Пол поравнялся с ней, взглянул на орлиный профиль.

– Так ты не испытываешь ко мне ненависти, Хара? – спросил он.

– Почему я должна ненавидеть тебя?

Она кивнула каким-то детям, глазевшим на них из бокового прохода (пол там был выше, чем в том коридоре, по которому шли они с Харой). За спинами детей маячили сквозь полупрозрачные занавески фигуры взрослых.

– Но я... победил Джамиса.

– Стилгар сказал, что обряд соблюден и ты – друг Джамиса. – Она искоса посмотрела на Пола. – Стилгар сказал еще, что ты отдал влагу мертвому. Это правда?

– Да.

– Это больше, чем сделаю... чем могу сделать я.

– Разве ты не оплачешь его?

– Оплачу, когда придет время плача.

Они миновали арку. За ней Пол увидел ярко освещенное помещение, мужчин и женщин, работающих у каких-то машин, установленных на станинах-амортизаторах. Казалось, они очень торопятся.

– Что они делают? – спросил Пол.

Она глянула через плечо на арку.

– Это пластиковое производство. Они спешат закончить норму перед тем, как мы уйдем. Для посадок нам нужно много влагосборников...

– Уйдем?..

– Ну да. Пока эти убийцы не перестанут преследовать нас или пока наша земля не будет очищена от них.

Пол споткнулся: этот миг... он вспомнил вдруг какой-то фрагмент... картинка из его пророческих видений... но она была какой-то не такой, смещенной, как предмонтажная

склейка фильма. Кусочки «пророческой памяти» не вполне совпадали с реальностью.

– Сардаукары охотятся за нами, – сказал он.

– Они немногое найдут, разве что один-два покинутых сиетча, – ответила она. – И еще – еще они найдут в песках свою смерть. Многие из них.

– А это место они найдут?

– Найдут, наверно.

– И мы тратим время на... – он мотнул головой в сторону оставшегося уже далеко позади цеха, – на производство... влагосборников?

– Посадки ведь не прекращаются.

– Кстати, что такое влагосборники?

Она потрясенно посмотрела на него:

– Вас что, ничему не учат... там, откуда ты пришел?

– О влагосборниках, во всяком случае, – не учат.

– Хай! – изумленно воскликнула она, сумев вложить в короткое междометие целую фразу.

– Ладно, все-таки что это такое?

– А как, по-твоему, могут существовать все кусты и травы в этом эрге, когда мы уходим отсюда? Каждое растение с особым бережением высажено в лунку, заполненную гладкими кусочками хромопласта яйцевидной формы. На свету они белеют. Если взглянуть с высоты, можно увидеть, как они блестят. Белый цвет отражает. Но когда Праотец-Солнце покидает небосклон, влагосборники в темноте вновь становятся прозрачными. И очень быстро остывают. Тогда на поверхности конденсируется влага из воздуха. Эта влага стекает на дно лунки, поддерживая жизнь растения.

– Влагосборники... – пробормотал он, пораженный красивой простотой решения.

– В подобающее время я опла́чу Джамиса, – сказала она, как будто этот вопрос не давал ей покоя. – Он был хорошим человеком, хоть и скорым на гнев. Хорошим добытчиком. А с детьми – просто чудо! И не делал различия между сыном Джоффа, моим первенцем, и своим собственным. Они для

него были равны. – Она искательно посмотрела на Пола. – А ты... а для тебя, Усул?

– Перед нами такая проблема не стоит.

– Но если...

– Хара!

Он сказал это так резко, что она отпрянула.

Они миновали еще один ярко освещенный зал.

– А тут что делают?

– Чинят ткацкое оборудование. Но сегодня ночью оно должно быть уже демонтировано. – Хара махнула рукой на уходящий влево тоннель. – А там, подальше, – производство пищи и ремонт дистикомбов. – Взглянув на Пола, она добавила: – Твой-то комб на вид еще новый. Но если надо что-то починить, так я сумею неплохо справиться. Я время от времени работаю в цеху...

Теперь навстречу им попадались люди, а дверные проемы слева и справа встречались все чаще. Прошла целая вереница мужчин и женщин, нагруженных тяжело булькающими тюками, от которых исходил сильный запах Пряности.

– Нашей воды они не получат, – сказала Хара. – И Пряность им не достанется, уж будь уверен!

Пол смотрел на проемы в стенах тоннеля, замечая ковры на высоких порогах, комнаты, драпированные яркими тканями, горы подушек на полу. При их приближении сидевшие там замолкали и провожали их откровенно любопытными взглядами.

– Все удивляются, как ты победил Джамиса, – пояснила Хара. – Думаю, когда мы переселимся в новый сиетч, тебе придется еще доказывать свою силу.

– Я не люблю убивать, – ответил он.

– Стилгар так и сказал, – пробормотала она, однако в ее голосе звучало недоверие.

Впереди послышался новый звук: хор пронзительных тонких голосов нараспев повторял что-то. Они подошли к новому проходу, гораздо более широкому, чем все

предыдущие. Пол замедлил шаг, заглянул внутрь. Там на устилавших пол бордовых коврах сидели, скрестив ноги, дети – комната была полна ими.

У доски, висевшей на дальней стене, стояла женщина, закутанная в желтую тогу, с указкой-проектором в руке. Доска была испещрена рисунками – кругами, углами, треугольниками и кривыми, волнистыми линиями и квадратами, дугами, рассеченными параллельными линиями. Женщина указывала то на один, то на другой рисунок – так быстро, как только могла переводить луч указки, – а дети хором называли условные знаки, стараясь поспеть за движением руки.

Пол прислушивался на ходу.

– Дерево, – звучали детские голоса, – дерево, трава, дюна, ветер, гора, холм, огонь, молния, скала, скалы, пыль, песок, жара, укрытие, жара, полный, зима, холод, пустой, эрозия, лето, пещера, день, напряжения, луна, ночь, капрок, песчаный прилив, склон, посадки, связующее вещество!..

– И в такое время у вас учатся? – удивился Пол.

Лицо ее омрачилось, в голосе послышалась горечь:

– Лиет говорил, что в обучении нельзя терять ни минуты. Лиет умер, но мы не можем забывать его и его наставлений; ибо таков путь чакобсы...

Она подошла к проему в левой стене коридора, раздвинула полупрозрачные оранжевые шторы и отошла в сторону, пропуская Пола.

– Твой йали ждет тебя, Усул.

Пол стоял, не решаясь переступить порог. Он вдруг ощутил, что не хочет оставаться один на один с этой женщиной. Он чувствовал, что теперь его окружает чужая жизнь и войти в нее можно, лишь приняв ее идеи и ценности как данность. Это фрименский мир хотел поймать его, уловить в сети своих путей. И в этих сетях, на этих путях, его ждал, он знал это, безумный джихад, война за веру. Война, которой надо было избежать любой ценой.

– Это твой йали, – повторила Хара. – Чего же ты ждешь?

Пол кивнул и шагнул вперед. Отвел в сторону (с противоположного от Хары края) штору, почувствовав, что в ткань вплетены металлические волокна. Они вошли в короткий коридор, а затем оказались в большой, метров шесть на шесть, квадратной комнате. Полы устелены толстыми синими коврами, синие с зеленым драпировки закрывают камень стен, а под затянутым желтой тканью потолком покачиваются отрегулированные на мягкий желтый свет плавающие лампы.

Все вместе создавало подобие древнего шатра.

Хара встала перед ним, подбоченясь левой рукой, и изучала его лицо.

– Дети сейчас у подруги, – сказала она. – Они придут позже.

Пол чувствовал себя неловко и, чтобы скрыть смущение, огляделся вокруг. Тонкие занавеси справа прикрывали вход в другую комнату, побольше, со сложенными вдоль стен горами подушек. Из воздуховода тянуло легким ветерком – сама вентиляционная решетка была хитроумно замаскирована узором драпировок.

– Хочешь, чтобы я помогла тебе снять дистикомб? – спросила Хара.

– Нет... спасибо.

– Может, принести поесть?

– Да.

– В соседней комнате – дверь в туалет-регенератор, – показала она. – Удобно пользоваться им, когда не носишь дистикомб.

– Ты говорила, что мы должны будем покинуть сиетч, – вспомнил Пол. – Разве не надо собирать вещи и всякое такое?

– Успеем, когда придет время, – спокойно ответила она. – Пока что эти мясники еще не добрались до нашей зоны...

Она опять нерешительно посмотрела ему в лицо.

– В чем дело? – строго спросил он.

– Твои глаза – не глаза ибада, – проговорила Хара. – Это так странно и необычно... и притом их и непривлекательными не назовешь.

– Принеси поесть, – буркнул он. – Я проголодался.

Она улыбнулась ему понимающей женской улыбкой, от которой Полу стало немного не по себе.

– Я – твоя служанка, – сказала она, грациозно повернулась и поднырнула под плотные занавеси, за которыми открылся на миг еще один узкий проход. Потом занавеси опять упали.

Пол, сердясь на себя, откинул тонкую занавеску и прошел направо, в большую комнату. Мгновение он стоял в нерешительности. Он думал, где Чани... Чани, потерявшая отца.

«Это у нас общее», – подумал он.

Со стороны «улицы» – внешнего коридора – раздался протяжный крик, приглушенный занавесями. Потом крик повторился – теперь кричавший отошел дальше. И опять... Наконец, Пол понял, что это просто выкликают время. Действительно, он же не видал здесь часов...

Тут он почувствовал слабый запах горящих веток креозотового кустарника, пробивавшийся сквозь вездесущую вонь сиетча. Пол осознал, что уже немного привык к этому насилию над своим обонянием.

Он вновь подумал о матери. О том, как войдет она в изменяющуюся, путающуюся картину будущего... и какое место отведено там для его не рожденной еще сестры. Изменчивые струи времени плясали вокруг. Пол резко потряс головой и постарался сосредоточиться на признаках, говоривших о глубине и силе, принимающей его фрименской культуры.

Культуры, не лишенной некоторых... странностей.

Но в пещерах, в этой комнате... было нечто, расходившееся с его пророческими видениями куда сильнее, чем все, с чем он сталкивался уже на этой планете.

Здесь, например, не было ядоискателя. И в пещерном укрытии он тоже не заметил никаких признаков его применения. И тем не менее он чуял запахи ядов в сложном коктейле здешней вони. Сильных ядов и широко распространенных.

Прошуршали занавеси. Пол подумал, что это вернулась с едой Хара, и обернулся. Но в дверном проеме с откинутой драпировкой стояла не Хара, а двое мальчишек, наверное, девяти и десяти лет, жадно разглядывавшие его. У каждого висел на поясе маленький крис в форме кинжала – мальчики держали руки на рукоятях своих ножей.

И Пол вспомнил, что о фрименах рассказывают, что их дети сражаются так же яростно, как и взрослые.

* * *

Руки машут, торопятся губы – Мысли кипят в потоке слов, А глаза пожирают, жадностью пышут; Вот оно – «я» воплощенное, Остров самовлюбленности.

Описание из учебника принцессы Ирулан «Муад'Диб»

Фосфоресцентные трубки под сводами бросали тусклый свет на толпу, собравшуюся в пещере, позволяя оценить истинные ее размеры... да, она была больше Залы собраний в школе Бене Гессерит, прикинула Джессика. Здесь собралось не меньше пяти тысяч человек; Джессика и Стилгар стояли над всеми – на каменном уступе.

Подходили все новые и новые люди. В воздухе стоял гул множества голосов.

– Пришлось оторвать твоего сына от отдыха, сайядина, – сказал Стилгар. – Хочешь ли ты, чтобы он разделил с тобой решение?

– Может ли он изменить его?

– Конечно, воздух, рождающий твои слова, исходит из твоих легких, но...

– Я уже решила.

Но на самом деле она все еще сомневалась. Не лучше ли все-таки воспользоваться случаем и, прикрывшись Полом, выйти из опасной игры? К тому же нельзя забывать и о нерожденной дочери. Как известно, что опасно матери, угрожает и дочери...

Вышли, покряхтывая и сгибаясь под тяжестью скатанных ковров, несколько мужчин. Сбросили свою ношу на каменный пол уступа, подняв клубы пыли.

Стилгар взял ее за руку и провел в акустическую раковину, замыкавшую сзади их каменный балкончик. Он показал Джессике на каменную скамью в фокусе каменной воронки.

– Здесь сядет Преподобная Мать, но пока ее нет, ты можешь присесть и отдохнуть.

– Я лучше постою, – ответила Джессика.

Наблюдая, как фримены раскатывают ковры, застилая балкон, она время от времени бросала взгляды на толпу внизу. Теперь там было не меньше десяти тысяч человек.

И люди все подходили и подходили!

Она знала, что пустыня наверху уже залита красным закатным светом, но тут, в огромном пещерном зале, царил вечный полумрак. Это подземное пространство было переполнено людьми, пришедшими посмотреть, как она будет рисковать своей жизнью.

Справа от нее толпа расступилась, пропуская Пола; по обе стороны от него шли два мальчика – у обоих был невероятно важный вид. Они держали руки на рукоятях своих ножей и грозно хмурили брови, бросая внимательные взгляды на людей, стеной стоявших по сторонам прохода.

– Сыновья Джамиса. Они стали теперь сыновьями Усула, – объявил Стилгар. – Мальчики весьма серьезно отнеслись к роли телохранителей... – Он улыбнулся Джессике. Она поняла, что вождь фременов пытается ободрить ее, и почувствовала благодарность к нему. Но не думать о предстоящем ей – не могла.

«У меня нет выбора – я должна сделать это. Если мы хотим завоевать себе место среди фрименов, мы должны сделать это, не откладывая...»

Пол поднялся к ней на уступ, дети остались внизу. Остановившись перед Джессикой и Стилгаром, он взглянул сперва на вождя, потом на мать.

– Что здесь происходит? Я думал, меня позвали на Совет!

Стилгар поднял руку, призывая к молчанию. Указал налево – там толпа тоже расступилась, освобождая проход. По нему к возвышению шла Чани. На маленьком лице застыла скорбь. Вместо дистикомба она надела оставлявший открытыми руки синий хитон, который был ей очень к лицу, под левым локтем был повязан зеленый платок.

Зеленый – цвет траура, вспомнил Пол. Он понял это, когда сыновья Джамиса сказали ему, что не носят зеленого, поскольку признали его, Пола, как отца-опекуна.

– Ты правда Лисан аль-Гаиб? – спросили они его напрямик. И Пол, услышав за их вопросом далекий рев воинов джихада, не ответил, задав вместо этого встречный вопрос и выяснив, что старшего зовут Калеф и ему десять лет; он – сын Джоффа. А младшего зовут Орлоп, ему восемь, и он – сын Джамиса.

Странный был день... Он попросил мальчиков охранять его – отгонять любопытствующих. Ему нужно было время – подумать, вспомнить свои пророческие видения и попытаться измыслить путь избежать джихада...

Сейчас, стоя подле матери, он вглядывался в толпу. Да может ли какой бы то ни было план предотвратить дикое буйство фанатичных легионов?..

За Чани следовали еще четыре женщины, которые несли на носилках какую-то старуху.

Джессика пристально разглядывала ее, не обращая внимания на Чани. Древняя, высохшая, морщинистая... На старухе было длинное черное одеяние; откинутый назад капюшон открывал тугой узел седых волос и тощую шею.

Носильщицы бережно подняли свою ношу на уступ. Чани помогла старухе встать.

«Вот, значит, их Преподобная Мать», – подумала Джессика.

Старуха подошла к ней, ковыляя и тяжело опираясь на плечо Чани. Казалось, под ее черным одеянием было не тело, а какие-то палки. Несколько долгих мгновений старуха смотрела на Джессику снизу вверх. Наконец она хрипло прошуршала:

– Значит, ты – действительно Она... – Старуха кивнула головой на тонкой шее; Джессике показалось, что она вот-вот отвалится. – Шэдаут Мэйпс была права, когда жалела тебя...

– Мне ничья жалость не нужна, – быстро, даже резко ответила Джессика.

– Посмотрим, посмотрим, – прошелестела старуха. Она обернулась к толпе с удивившим Джессику проворством. – Ну, Стилгар, скажи им!

– Надо ли сейчас? – отозвался тот.

– Мы – люди Мисра, – проскрипела старуха. – С тех пор как предки наши бежали с аль-Урубы-на-Нилоте, мы познали и бегство, и смерть. И молодые идут вперед, чтобы народ наш не умер.

Стилгар глубоко вздохнул, сделал два шага вперед.

Джессика физически ощутила тишину, опустившуюся на толпу. Сейчас в пещере было уже тысяч двадцать человек – и все они стояли молча, почти не шевелясь. От этого она вдруг почувствовала себя маленькой... и это настораживало ее.

– Сегодня же ночью нам придется покинуть этот сиетч, так долго укрывавший нас, и уйти дальше, на юг Пустыни, – начал Стилгар, и его могучий голос разнесся над обращенными вверх лицами; акустическая раковина позади усилила его голос.

Но толпа молчала.

– Преподобная Мать сказала мне, что не переживет еще одного хаджра, – проговорил Стилгар. – Уже было время, когда мы жили без Преподобной Матери. Но негоже людям искать новый дом, когда нет с ними наставницы...

Теперь толпа зашевелилась. По ней прокатился шепот, волнение.

– И вот, дабы такого не случилось, – продолжал Стилгар, – наша новая сайядина, Джессика, владеющая колдовским искусством, согласилась сейчас пройти через обряд. Она попытается проникнуть в глубь себя, чтобы мы не остались без силы нашей Преподобной Матери.

«Джессика, Владеющая Колдовским Искусством», – повторила Джессика беззвучно. Она увидела, как широко раскрылись глаза Пола, увидела, что вопросы переполняют его – но он сдержался и промолчал. Слишком уж странным, чужим было все вокруг.

«Если я умру в этом испытании – что будет с ним?» – спросила себя Джессика, чувствуя, как опасения вновь охватывают ее.

Чани подвела Преподобную Мать к каменной скамье в глубине акустической раковины и вернулась к Стилгару.

– А чтобы мы не потеряли все, если Джессику, Владеющую Колдовством, постигнет неудача, – объявил Стилгар, – Чани, дочь Лиета, будет теперь посвящена как сайядина! – Он отступил в сторону.

Из глубины акустической раковины, усиленный ею, послышался голос старухи – резкий, высокий шепот:

– Чани вернулась из своего хаджра – Чани видела во́ды!

– Она видела во́ды, – прошелестела в ответ толпа.

– И я посвящаю дочь Лиета и объявляю ее сайядиной! – все таким же хриплым и резким шепотом продолжила старуха.

– Мы принимаем ее, – отозвалась толпа.

Пол почти не слышал ритуальных слов. Все его мысли были сосредоточены на словах Стилгара о его матери. Если ее постигнет неудача?..

Он обернулся, глядя на ту, которую называли тут Преподобной Матерью: высохшее морщинистое лицо, неподвижный взгляд бездонно-синих глаз. Казалось, любой, даже самый слабый ветерок может повалить или унести ее – но было в ней что-то такое, отчего верилось: даже если она встанет на пути кориолисовой бури, бешеный ветер не посмеет тронуть ее. Старуху окружала такая же аура власти, какую заметил он у Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, подвергшей его мучительному испытанию, гом джаббаром.

– Я, Преподобная Мать Рамалло, чьим голосом говорят многие, говорю вам, – провозгласила старуха. – Найдено, что Чани достойна стать сайядиной.

– Достойна, – подтвердил хор голосов.

Старуха кивнула:

– Даю ей серебряное небо, золотую Пустыню с ее сияющими скалами и зеленые поля, которые раскинутся здесь в будущем. Все это я даю сайядине Чани. А дабы помнила она, что отныне она – служанка всем нам, поручается ей прислуживать в Обряде Семени. Да свершится все по воле Шаи-Хулуда... – Поднялась и упала худая рука, похожая на бурую палку.

Джессика ощутила, как затягивается вокруг нее петля обряда, как течение ритуала уносит ее туда, откуда назад повернуть невозможно. Она посмотрела на вопрошающее лицо Пола – и приготовилась встретить испытание.

– Пусть выйдут вперед хранители воды, – сказала Чани, и лишь очень внимательные заметили бы в ее еще детском голосе нотку неуверенности.

В этот миг Джессика ощутила, что опасность уже пришла. Опасность чувствовалась в напряженном молчании толпы.

Среди людей внизу открылся новый проход – на этот раз извилистый. Группа фрименов пошла по нему из глубины пещеры к возвышению. Они шли парами, и каждая пара

несла небольшой кожаный бурдюк раза в два больше человеческой головы, колышущийся с тяжелым бульканьем.

Двое идущих впереди подняли свою ношу на покрытый коврами уступ, сложили у ног Чани и отступили назад.

Джессика посмотрела на бурдюк, потом на принесших его фременов. Их капюшоны, отброшенные на спину, открывали длинные волосы, скрученные в тугой валик под затылком. Черные провалы глаз смотрели прямо и бесстрастно.

От бурдюка исходил густой запах корицы, облаком окутывая Джессику. «Пряность?» – подумала Джессика.

– Принесли ли вы воду? – спросила Чани.

Ей ответил тот Хранитель воды, что стоял слева, – человек с багровым шрамом, пересекавшим переносицу. Он кивнул и произнес:

– Мы принесли воду, сайядина, но мы не можем пить ее.

– Есть ли в ней семя? – продолжала ритуал Чани.

– В ней есть семя, – отвечал фримен.

Чани встала на колени, склонилась над колышущимся бурдюком, сложила на нем руки.

– Благословенны вода и семя ее, – провозгласила она.

Обряд, оказывается, был знаком Джессике. Она бросила взгляд назад, на Преподобную Мать Рамалло. Глаза старухи были закрыты, она сгорбилась на своей скамье, словно ее одолел сон.

– Сайядина Джессика, – позвала Чани.

Джессика обернулась к девушке.

– Вкушала ли ты ранее благословенную воду? – спросила Чани. И, прежде чем Джессика успела что-либо сказать, сама же ответила: – Но нет, ты не могла вкушать от благословенной воды, ибо ты – иномирянка и как таковая была лишена этого блага.

По толпе пронесся вздох, зашелестели одежды. От этого звука, показалось Джессике, зашевелились волоски на ее шее.

– Сбор был велик, и Податель нашел свою гибель, – возгласила Чани, развязывая свитую улиткой трубку, прикрепленную к горловине колышущегося бурдюка.

Теперь опасность просто бурлила вокруг – Джессика кожей ощущала ее. Взглянув на Пола, она увидела, что тот захвачен таинственным обрядом, но глаза его прикованы к Чани.

«Видел ли он этот миг в грядущем? – мелькнуло в голове Джессики. Она положила руку на живот, где жила сейчас нерожденная дочь. – Имею ли я право рисковать и ее жизнью?..»

Чани протянула трубку Джессике:

– Вот – Вода Жизни, та, что дороже обычной воды; вот – Кан, вода, освобождающая душу. И если ты способна быть Преподобной Матерью, то она откроет тебе всю Вселенную. Да свершится теперь воля Шаи-Хулуда!

Джессика разрывалась между обязанностями перед Полом и перед нерожденной дочерью. Ради Пола она, конечно, должна была принять трубку и выпить содержимое бурдюка – но, когда она склонилась к предложенной ей трубке, чувства предупредили ее об опасности.

От бурдюка исходил горьковатый запах, схожий с запахом некоторых знакомых ей ядов. Не совсем такой, но похожий.

– Теперь ты должна испить отсюда, – сказала Чани.

Отступать уже нельзя, напомнила себе Джессика. Но ей не вспоминалось ничего из уроков Бене Гессерит, что могло бы помочь ей в эту минуту.

«Что же это? – недоумевала Джессика. – Спиртное? Наркотик?..»

Она приняла трубку, вдохнула коричный аромат, вспомнила опьянение Дункана Айдахо. «Это и есть пряный ликер?» – спросила она себя. Взяла в рот трубку и осторожно потянула, сделав совсем крохотный глоток. Горьковатый напиток отдавал Пряностью и слегка пощипывал язык.

Чани сжала бурдюк. Струя жидкости ударила в нёбо, и Джессика невольно проглотила ее. Она сдерживалась изо всех сил, пытаясь сохранить спокойствие и достоинство.

– Принять «малую смерть» тяжелее, чем самую смерть, – проговорила Чани, глядя на Джессику. Она, казалось, чего-то ждала.

Джессика также смотрела на Чани, не выпуская трубки изо рта. Вкус Пряности переполнял ее, окутывая ноздри, нёбо, щеки, даже глаза. Теперь он казался остро-сладким.

И прохладным...

Чани вновь влила в Джессику душистую жидкость.

Какой нежный вкус...

Джессика разглядывала личико Чани – в нем проступали черты Лиет-Кинеса; со временем они должны проявиться отчетливее.

«Они мне дают наркотик!» – подумала Джессика. Но наркотик, не похожий ни на один известный ей, – а ведь обучение Бене Гессерит включало умение распознавать наркотики по вкусу...

Черты лица Чани внезапно ярко высветились – так отчетливо увидела теперь ее Джессика.

Наркотик!

Молчание вихрилось вокруг Джессики. Каждой клеточкой тела она чувствовала, что с ней происходит нечто... огромное. Она ощутила себя наделенной сознанием крохотной пылинкой, меньше любой элементарной частицы, но частицы, наделенной способностью самостоятельно двигаться и воспринимать окружающее. В какой-то миг перед нею словно распахнулся занавес – она в неожиданном озарении осознала что-то вроде психокинетического продолжения самой себя. Она была пылинкой – и не только. Пещера по-прежнему оставалась тут, вокруг нее. Пещера – и люди. Она чувствовала их: Пол, Чани, Стилгар, Преподобная Мать Рамалло.

Преподобная Мать!

Ведь еще в школе шептались, что не все переживают посвящение в Преподобные Матери… что наркотик убивает некоторых претенденток.

Джессика сконцентрировала внимание на Преподобной Матери Рамалло. Только теперь она осознала, что время словно остановилось, замерло вокруг нее.

«Почему застыло время?» – спросила она себя. Застыли вокруг напряженные лица, замерла повисшая неподвижно пылинка над головой Чани.

Ожидание…

И, как откровение, как взрыв, пришел ответ. Ее собственное время остановилось, чтобы спасти ее жизнь!

Сосредоточившись на психокинетическом продолжении своего, «я», Джессика заглянула в себя – и сразу натолкнулась на загадочное ядро… на бездонный черный провал, от которого она инстинктивно отпрянула.

«Это и есть то место, куда мы не можем – не смеем! – заглянуть. То самое место, о котором с такой неохотой говорят Преподобные Матери. То самое место, куда может смотреть один лишь Квисатц Хадерах…»

Поняв это, Джессика почувствовала себя немного увереннее и вновь решилась сконцентрироваться на новом психокинетическом продолжении себя. Она стала крохотной пылинкой и принялась искать источник опасности, вторгшейся в нее.

И обнаружила его в проглоченном наркотике.

Молекулы наркотика вели в ее теле свой стремительный броуновский танец – такой быстрый, что даже «застывшее время» не могло остановить его. Пляшущие частицы… Она начала распознавать знакомые структуры, атомарные связи: атом углерода, дрожащая спиральная структура… молекула глюкозы. Затем она натолкнулась на целую цепь молекул – и узнала белковую группу… да, метил-протеинового типа.

А-аах!

Она беззвучно вздохнула про себя, поняв природу яда.

Используя свои психокинетические силы, она вошла внутрь молекулы… подвинула атом кислорода и помогла присоединиться к цепочке еще одному углеродному атому; переместила одну кислородную связь… водородную…

Преобразование распространялось по молекулам яда: происходила каталитическая реакция с быстро расширяющейся реакционной поверхностью.

Застывшее время вновь начало приходить в движение. Джессика ощутила, что ее губ мягко коснулась трубка бурдюка, приняв каплю влаги.

Чани берет ее как катализатор, чтобы преобразовать яд в бурдюке, подумала Джессика. Зачем?..

Кто-то помог ей сесть. Она увидела, как к ней подвели Преподобную Мать Рамалло и бережно усадили на устланный коврами уступ рядом с Джессикой. Сухая ладонь опустилась на ее шею.

Вдруг еще одна психокинетическая точка вспыхнула в ее сознании. Джессика попыталась вытолкнуть ее, но та все приближалась… приближалась…

И они соприкоснулись!

Это было полное единство. Она была двумя людьми одновременно. Не телепатия – но единое сознание.

Общее со старой Преподобной!

Теперь, правда, Джессика видела, что Преподобная вовсе не считает себя старой. Общему внутреннему взору предстал образ: юная девушка, веселая и нежная.

Девушка внутри общего сознания улыбнулась:

«Да, я такова!»

Джессика могла только принять ее слова, но не ответить.

«Скоро и ты обретешь все это, Джессика», – сказал образ Рамалло-девушки внутри ее.

Это галлюцинация, подумала Джессика.

«Кто-кто, а ты должна понимать, что это не галлюцинация, – возразило видение. – Ну, все, не сопротивляйся мне – давай скорее! У нас не так много времени. Мы… – Долгая пауза, а затем: – Отчего ты не сказала, что беременна?!»

Джессике удалось найти тот голос, которым можно было говорить внутри сознания:

«Почему?»

«Да ведь ЭТО изменило вас обеих! Великая Мать, что мы наделали!»

Джессика ощутила, как ее внутренний взор заставили «повернуться» – и увидела еще одну точку, кого-то третьего. Эта точка металась, обезумев, вперед, назад... кружила... Она излучала чистый ужас.

«Тебе придется быть сильной, – проговорил в ее сознании голос Преподобной Матери. – Благодари судьбу, что носишь дочь! Мужской зародыш погиб бы от этого. Ну... осторожно, мягко... коснись сознания своей дочери. Стань ею. Слейся с ее сознанием. Прими ее страх... утешь ее... используй свое мужество и свою силу... мягче... мягче...»

Та, другая, мечущаяся и барахтающаяся точка была теперь совсем рядом. Джессика заставила себя прикоснуться к ней...

Излившийся оттуда ужас почти захлестнул ее.

Тогда она применила единственное известное ей средство: Я не должна бояться, ибо страх – убийца разума...

Литания принесла облегчение, почти покой. Вторая точка притихла, словно прижавшись к Джессике.

«Слова не помогают», – подумала Джессика и заставила себя ограничиться простыми эмоциями, сосредоточиться на них и излучать на точку любовь, покой, ощущение теплых, защищающих объятий.

Страх уменьшился.

Вновь возникло чувство присутствия Преподобной Матери Рамалло; теперь Джессика ощутила тройное общее сознание – два активных, третье – лишь впитывающее, лежащее неподвижно.

«Время торопит, – произнесла внутри общего сознания Преподобная. – А мне надо многое передать тебе! И хотя я не знаю, сможет ли твоя дочь воспринять все это и не

потерять разум, я должна это сделать, ибо нужды племени – превыше».

«Что...»

«Молчи и воспринимай!»

Перед Джессикой стремительно стали разворачиваться воспоминания... Это напомнило ей работу сублиминального проектора, работающего на самом пороге восприятия, на лекциях в школе Бене Гессерит... только еще быстрее, с ослепляющей скоростью.

Но... все было необычайно отчетливым.

Она узнавала каждое воспоминание, приходящее к ней. Вот любовник – сильный, бородатый, с темными фрименскими глазами; и Джессика знала, как он силен и как ласков, и все это промелькнуло в мгновение ока, всплыв из памяти Преподобной Матери Рамалло.

Уже некогда было думать о том, что все это может сделать с ее нерожденной дочерью. Она успевала лишь воспринимать и запоминать. Воспоминания обрушились на Джессику – рождения, жизни, смерти, важные события и пустяки – время, охваченное одним взглядом.

«Почему запомнилось, как сыплется песок с обрыва?» – спросила она себя.

Слишком поздно поняла Джессика, что происходит, – старуха умирала и, умирая, переливала в нее свою память, как можно было бы перелить воду из одной чашки в другую. И, умирая, Преподобная оставила свою жизнь от мига своего зачатия в памяти Джессики и покинула ее сознание.

«Я так долго ждала тебя, – еле слышно прошептала умирающая, покидая сознание Джессики. – Вот моя жизнь...»

Да, вся ее жизнь была тут. Даже миг смерти...

«Теперь я – Преподобная Мать», – поняла Джессика.

И измененное сознание сказало ей, что она в самом деле стала тем, чем должна быть Преподобная Мать. Яд-наркотик изменил ее.

В Бене Гессерит, она знала, это происходит не совсем так. Правда, в таинства ее не посвящали, но она знала.

Впрочем, конечный результат был тот же.

Джессика почувствовала, что третья точка – ее дочь – все еще касается ее внутреннего сознания, потянулась к ней – но та не откликнулась.

Чувство страшного, чудовищного одиночества овладело Джессикой, когда он осознала, что с ней произошло. Она увидела свою жизнь замедленной, а все, что ее окружает, ускорилось, и стала видна подвижная игра связей вокруг...

Ощущение сознания, стянутого в подвижную точку, таяло, уходило по мере того, как тело освобождалось от угрозы яда. Но она все еще чувствовала ту, другую точку, касалась ее с чувством вины за то, что случилось по ее вине с дочерью.

Я, я сделала это – бедная моя, маленькая, даже не сформировавшаяся еще доченька! Это я толкнула тебя в этот мир, и без всякой защиты!..

И тогда от второй точки отражением ее собственных чувств, которыми она утешала дочь, к ней пришел тонкий ручеек любви и утешения.

Но, прежде чем Джессика успела ответить, ее охватил адаб – сильное воспоминание, требующее какого-то действия... да, надо что-то делать... Она попыталась понять – что именно, но измененный ею наркотик одурманивал ее, сковывая чувства.

«Я могла бы изменить и это, – подумала она, – могла бы убрать наркотическое воздействие и обезвредить это вещество...»

Но она поняла, что такой поступок был бы ошибкой. «Я прохожу обряд единения с ними».

И теперь она знала, что положено сделать.

– Вода получила благословение, – сказала Джессика. – Смешайте воды, и пусть все они пройдут превращение; да вкусит от них каждый и да воспримет это благословение!

Пусть катализатор делает свое дело, подумала она. Пусть люди пьют – и пусть их сознания станут ближе друг к другу

на время. Теперь наркотик не опасен… теперь, когда Преподобная Мать преобразовала его.

Но адаб не отступал – продолжал требовать от нее чего-то. Да, ей надо было сделать еще что-то… Вот только из-за наркотика было очень трудно сосредоточиться.

А-а… старая Преподобная Мать!..

– Я встретилась с Преподобной Матерью Рамалло, – произнесла Джессика. – Она ушла, но не оставила нас. И пусть память ее будет почтена обрядом.

«Интересно, откуда я знаю эти слова?» – спросила она себя. И поняла, что они пришли из иной памяти – той, которую дала ей Мать Рамалло и которая стала отныне частью самой Джессики. Правда, чего-то еще не хватало…

«Пусть веселятся, пусть устроят свою оргию, – сказал меж тем голос этой чужой памяти. – Жизнь дает им так мало радостей… Да и к тому же нам с тобой нужно время для знакомства – прежде чем я опущусь в глубины твоей памяти и буду появляться уже в твоих воспоминаниях… Я уже чувствую, как меня тянет к ним. Аххх… да твоя собственная память просто полным-полна интереснейших вещей! Многого я и вообразить не могла…»

И эта вошедшая в нее память раскрылась, показывая Джессике колодец, который вел к новым Преподобным Матерям – и внутри каждой скрывалась ее предшественница! Казалось, им нет и не будет конца.

Джессика невольно отшатнулась, испугавшись, что она потеряется в этом океане единой памяти. Но колодец не закрылся; судя по нему, фрименская культура была куда старше, чем она могла предположить…

Перед ней предстали фримены с Поритрина – изнежившиеся, размякшие на этом мягком мире, ставшие легкой и желанной добычей для имперских набегов. Налетчики могли тут жать, не сея, хватать людей и затем основывать колонии на Бела Тегейзе и Салусе Секундус…

О, как они кричали и стенали тогда!..

Где-то в глубине колодца раздался отчаянный призрачный вопль: «Они запретили нам хадж!..»

И Джессика увидела там, в глубине, тесные клетушки и бараки для рабов; и как отбирали рабов, и разделяли их, и разлучали и заселяли Россак и Хармонтеп. Лепестками чудовищного цветка раскрываются перед ней сцены жестокости и ярости.

И она увидела нить, тянущуюся из прошлого от сайядины к сайядине – сперва из уст в уста, вплетенная в распевы песен Пустыни; затем – после открытия на Россаке ядовитого зелья – пропущенная через сознание их собственных, фрименских Преподобных Матерей... и вот наконец обратившаяся в орудие утонченной силы здесь, на Арракисе, когда была открыта Вода Жизни.

А в глубине колодца кричал, задыхаясь, чей-то голос: «Никогда не простим! Никогда не забудем!»

Но внимание Джессики захватила Вода Жизни. Она увидела ее источник: то были жидкие выделения умирающего песчаного червя – Подателя. Увидела она в своей новой памяти и то, как его убивают... и едва не задохнулась от изумления.

Гигантскую тварь утопили!..

– Мама... с тобой все в порядке?

Голос Пола пробился в ее сознание, и ей пришлось с трудом вырываться из своего внутреннего мира, чтобы посмотреть на сына. Она не забыла своего долга перед ним... но он так мешал ей сейчас!..

«Я похожа на человека, лишенного дара осязания, не чувствовавшего своих рук с рождения, – и вот осязание не просто дано, а навязано ему!»

Эта мысль зацепилась за ее сознание.

И вот я говорю: «Смотрите! У меня есть руки!» Но люди вокруг спрашивают только: «Что такое «руки»?»

– С тобой все в порядке? – повторил Пол.

– Да...

– Мне можно пить это? – Он показал на бурдюк в руках Чани. – Они хотят, чтобы я выпил.

Она поняла скрытый смысл его слов: он обнаружил яд в первоначальном содержимом бурдюка и боялся за нее. И Джессика вновь подумала о границах дара предвидения у ее сына. Его вопрос говорил о многом...

– Да, пей спокойно, – ответила она, – яд преобразован.

И она взглянула на Стилгара за спиной сына. Стилгар, склонившись, внимательно смотрел на нее.

– Теперь мы знаем, что ты – настоящая, – сказал Стилгар, не отводя от нее внимательных темных глаз.

Она уловила скрытое значение и здесь... но ее чувства были одурманены. Как тепло... как покойно... Какое благое дело сотворили фримены, опустив ее в это всеобъемлющее братство...

Пол видел, как наркотик овладевает матерью.

Он мысленно оглядел свою память – неизменное уже прошлое, текучие линии вероятностей будущего. Он словно пробегал внутренним взором по застывшим мгновениям; но понять смысл мгновений, выхваченных из потока времени, было очень сложно.

Наркотик... он уже понял о нем кое-что и понимал, что тот делает с матерью. Но в этом знании не было естественного, ритмичного взаимного отражения.

Он вдруг понял, что одно дело – видеть прошлое в настоящем; но подлинное испытание провидца – умение распознать прошлое в грядущем.

Вещи изо всех сил старались быть не тем, чем они кажутся.

– Ну, выпей, – скомандовала Чани и помахала трубкой бурдюка перед его носом.

Пол выпрямился, взглянул на Чани. В воздухе пахло карнавальным весельем. И он понимал, что случится, если он выпьет пряное зелье, ведь основой и квинтэссенцией его было то самое вещество, которое так изменило его. Он вновь увидит время – время, обратившееся в пространство; дар

бросит его на головокружительную вершину – но не даст понимания...

Стилгар из-за спины Чани поторопил:

– Пей, парень. Ты задерживаешь обряд.

Пол прислушался к голосам фременов. Теперь раздавались дикие выкрики: «Лисан аль-Гаиб!», «Муад'Диб!» Он опустил взгляд на мать. Она, похоже, мирно спала сидя – ее дыхание было ровным и глубоким. Вдруг пришли слова – из будущего, которое было его одиноким прошлым: «Она спит, покоясь в Водах Жизни».

Чани дернула его за рукав.

Пол взял трубку в рот, услышал, как закричали вокруг люди. Жидкость хлынула в его горло – Чани сжала бурдюк. Крепкий аромат кружил голову.

Чани взяла у него трубку, передала бурдюк в руки, протянувшиеся снизу, из толпы. Пол не мог оторвать глаз от ее руки – от зеленой траурной повязки...

Когда он выпрямился, Чани, проследив его взгляд, сказала:

– Я могу оплакивать его даже в радости Вод. И это – то, что принес нам он... – Она вложила свою руку в его, повела вдоль уступа. – У нас с тобой есть общее, Усул. Мы оба потеряли отцов – из-за Харконненов. Харконнены убили их...

Пол послушно шел за ней. Ему казалось, что его голова отделилась от тела и затем встала на место... но как-то не так. Ноги сделались будто резиновыми и остались где-то далеко внизу.

Они вошли в узкий боковой проход, тускло освещенный настенными светильниками. Наркотик уже начал действовать, разворачивая время как раскрывающийся цветок. Когда они повернули в следующий полутемный тоннель, ему пришлось схватиться за Чани, чтобы не упасть. Через ткань он ощутил ее тело, одновременно крепкое, упругое и мягкое, – и почувствовал, как вскипает его кровь. Это чувство, соединившись с действием наркотика, сливающего прошлое и

будущее с настоящим, давало необычное ощущение тройного, тринокулярного зрения...

– Я... я знаю тебя, Чани, – прошептал он. – Мы сидели на обрыве над песками, ты плакала, и я тебя успокаивал. И мы обнимались в сумраке сиетча. И мы... – Он начал терять только что обретенный фокус своего зрения-во-времени, попытался потрясти головой, но споткнулся.

Чани помогла ему удержаться на ногах и, отведя тяжелые плотные занавеси, ввела Пола в желтый, теплый уют семейного жилья. Низкие столики, подушки, мягкое ложе – расстеленные на полу одеяла, покрытые оранжевой тканью.

Пол как-то осознал, что они наконец остановились, что Чани смотрит ему в лицо и глаза ее полны безмолвного страха.

– Ты должен объяснить мне... – прошептала она.

– Ты – Сиха́йя, – сказал он. – Весна Пустыни...

– Когда племя разделяет Воду, приобщается к ней, – проговорила она, – мы вместе. Все мы. Мы... разделяем. Я чувствую... других внутри себя... но я боюсь разделять это с тобой.

– Почему?

Он попытался сконцентрировать внимание на ней, но прошлое и будущее врывались в настоящее и застили его взор. Он видел ее в бесчисленных окружениях, обличьях, во множестве мест...

– В тебе есть что-то пугающее... – проговорила она. – Когда я увела тебя оттуда... я сделала это потому, что поняла, что этого хотят все. Ты... подавляешь. Ты... заставляешь нас видеть разное... такое...

Он заставил себя говорить отчетливо:

– Что ты видишь?

Чани опустила взгляд на свои руки.

– Я вижу дитя... у себя на руках. Это наш ребенок... мой и твой. – Она прикрыла рукой рот. – Откуда, откуда я знаю каждую черточку твоего тела?

И у них есть толика твоего дара, сказало его сознание, только они его подавляют, потому что он их страшит.

В миг прояснения он увидел, как дрожит Чани.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Усул… – прошептала она, вздрагивая.

– В будущее спрятаться нельзя, – мягко сказал он. Его охватила жалость. Он притянул ее к себе, погладил по голове. – Чани… Чани… не бойся…

– Усул, помоги мне! – не то вскрикнула, не то всхлипнула она.

И в миг он ощутил, как наркотик заканчивает в нем свою работу – срывает завесы, скрывающие далекое облачное кипение будущего.

– Ты так спокоен… – изумленно сказала Чани.

Он ощутил себя в центре своего восприятия; во все стороны расстелилась диковинная страна времени, уравновешенная – и кипящая, узкая – и раскинувшаяся необъятной сетью, охватившей бесчисленные миры и силы. Натянутый канат, по которому надо пройти. И раскачивающиеся качели или провисшая проволока, на которой надо удержаться…

С одной стороны он видел Империю, Харконнена по имени Фейд-Раута, рвавшегося навстречу ему подобно смертоносному клинку; сардаукаров, исходящих со своей планеты, несущих погром на Арракис; Гильдия смотрит на это сквозь пальцы и плетет свои заговоры и интриги; а Бене Гессерит продолжает селекцию, согласно своей генетической программе… Все они нависали над горизонтом подобно грозовой туче – и их сдерживали всего лишь фримены и их Муад’Диб… спящий гигант, которого фримены выбрали своим вождем в безумном джихаде, катящемся через Вселенную…

Пол ощутил себя в самом центре. В точке опоры, на которой вращалась вся эта невероятная махина. Он шел по тончайшей нити мира, и у него была его толика счастья, ибо была рядом Чани.

Он видел все это впереди – время относительного покоя в тайном сиетче, мгновения мира меж бурь насилия.

– И нет иного места для мира... – прошептал он.

– Усул, ты плачешь!.. – проговорила потрясенная Чани. – Усул, опора моя, сила моя – ты отдаешь влагу мертвым? Но чьим?..

– Мертвым, которые не умерли еще, – ответил он.

– Тогда пусть живут, пока есть у них время!

Сквозь наркотический туман он ощутил ее правоту, притянул ее к себе по-варварски крепко.

– Сихайя! – прошептал он. Она коснулась его щеки.

– Я больше не боюсь, Усул, посмотри. Когда ты держишь меня так, я вижу то же, что и ты...

– Что ты видишь? – спросил он и взглядом потребовал ответа.

– Я вижу, как в момент затишья меж бурь мы дарим друг другу любовь; ибо это то, для чего мы созданы.

Наркотик вновь овладел им. Сколько раз ты дарила мне покой, утешение и забвенье! Он заново ощутил этот ярчайший свет, озаривший воображаемый пейзаж времени; ощутил, как становится воспоминаниями его будущее; ощутил нежность плотской любви, объединение и слияние душ, мягкость – и неистовство.

– Ты сильная, Чани, – проговорил он еле слышно. – Будь со мной.

– Я всегда буду с тобой, – ответила она и поцеловала его в щеку.

Книга III
Пророк

Никто и никогда не был близок с моим отцом – ни мужчина, ни женщина, ни ребенок. Единственным человеком, чьи отношения с Падишах-Императором можно было бы назвать дружескими, был граф Хасимир Фенринг, спутник Императора с детства. Оценить его дружбу можно прежде всего по позитивным моментам; так, ему удалось погасить подозрения, возникшие было в Ландсрааде после арракийских событий. Как говорила мне моя мать, это обошлось графу больше чем в миллиард соляриев, потраченных на взятки – Пряностью; а кроме того, ему пришлось сделать и множество других подарков: рабыни, должности, титулы, почести… А другим крупным свидетельством его дружеских чувств к отцу, на этот раз, так сказать, негативным, был отказ убить человека – хотя он мог бы сделать это и хотя мой отец дал ему приказ – убить…

Сейчас я расскажу о том, как это было…

Принцесса Ирулан. «Граф Фенринг: биографический очерк»

Барон Владимир Харконнен в ярости вырвался из своих апартаментов. Он мчался по коридору, пересекая столбы предвечернего света, падавшие из высоких окон, и на бегу его жирное тело тряслось и колыхалось в сбруе силовой подвески. Он миновал свою личную кухню, библиотеку, малую приемную и влетел в лакейскую переднюю, где слуги уже предавались вечернему отдыху.

Капитан стражи Йакин Нефуд сидел, поджав ноги, на диване в дальнем углу комнаты. Плоское лицо его ничего не выражало – результат действия семуты; звучало жутковатое завывание семутной музыки. Собственная свита Нефуда окружала его, готовая исполнять приказы своего начальника.

– Нефуд! – взревел барон.

Слуги подскочили.

Нефуд поднялся. Его лицо, хотя и все еще оцепеневшее от семуты, побледнело от страха.

– Милорд барон... – произнес Нефуд, и если его голос не дрожал, то только благодаря семуте.

Барон огляделся: такие же безумно-спокойные и неподвижные лица. Он вновь повернулся к Нефуду и шелковым голосом спросил:

– Как долго ты возглавляешь мою охрану, Нефуд?

Нефуд дернул кадыком:

– С самого Арракиса, милорд... уже почти два года.

– И всегда распознавал грозящие мне опасности, оберегая меня?

– То было единственным моим желанием, милорд...

– Раз так – где Фейд-Раута? – прорычал барон.

Нефуд дернулся.

– М-милорд?..

– Может быть, ты считаешь, что Фейд-Раута не представляет для меня опасности? – Голос барона снова сделался шелковым.

Нефуд облизнул губы. Замутненные семутой глаза немного прояснились.

– Фейд-Раута сейчас в казармах рабов, милорд.

– С девками, конечно, а? – Голос барона дрожал от еле сдерживаемой ярости.

– Но, сир, может, он только...

– Молчать!

Барон сделал еще шаг вперед, отметив, как отшатнулись от Нефуда слуги, пытаясь как-то отгородиться от объекта хозяйского гнева.

– Разве я не приказывал тебе, чтобы в любой момент ты точно знал, где находится на-барон? – спросил барон, подступая еще ближе. – Разве ты забыл, что в твои обязанности входит знать всё, что говорит на-барон – и кому он это говорит? – И он сделал еще шаг. – Разве не велел я тебе докладывать мне всякий раз, когда он идет в казармы, в блоки рабынь?

Нефуд сглотнул. Его лоб покрылся испариной.

Барон сказал – теперь очень ровным, почти совсем лишенным выражения голосом:

– Разве я не говорил всего этого?

Нефуд только кивнул.

– И разве я не велел тебе проверять всех мальчиков-рабов, посылаемых ко мне… и что ты обязан делать это лично… и только лично?

Нефуд снова кивнул.

– Ты, случайно, не заметил на бедре у сегодняшнего мальчишки такого, знаешь, шрамика? – спросил барон. – Или, может, ты…

– Дядя!

Барон резко развернулся и вперил взгляд в остановившегося в дверях Фейд-Рауту. Поспешность, с которой племянничек появился здесь и которую он не сумел скрыть, говорила о многом. У Фейд-Рауты была собственная система слежки – он следил за ним, за бароном!..

– В моих апартаментах валяется труп, – проговорил барон, касаясь рукоятки скрытого под одеждой станнера и в который раз радуясь, что во всем баронстве ни у кого не было более мощного щита.

Фейд-Раута покосился на двоих стражников, застывших справа, и кивнул им. Стражники оторвались от стены и затрусили по коридору к баронским апартаментам.

«Значит, эти двое, а? – подумал барон. – Да, этому юному злодею еще учиться и учиться: с конспирацией у него слабовато. Заговоры – это искусство…»

– Надо полагать, когда ты покинул казармы, там все было в порядке, Фейд? – поинтересовался барон.

– Я там играл в хеопс с главным надсмотрщиком, – объяснил Фейд-Раута. А сам подумал: «Что же пошло не так? Ясно, что мальчишка, которого мы подсунули дядюшке, убит. Но ведь он идеально подходил для этого дела! Сам Хават не мог бы сделать лучший выбор. Мальчишка был великолепен!..»

– Значит, играл в пирамидальные шахматы, – повторил барон. – Как мило. И выиграл?

– Я… э… да, дядя. – Фейд-Раута боролся со все усиливающимся беспокойством.

Барон щелкнул пальцами.

– Нефуд, хочешь вернуть мое благорасположение?

– Но что я сделал, сир? – дрожащим голосом спросил Нефуд.

– А, это уже не важно, – махнул рукой барон. – Но ты слышал: Фейд обыграл в хеопс главного надсмотрщика. Слышал?

– Д-да… сир.

– Так вот: возьми троих людей и ступай к главному надсмотрщику, – распорядился барон. – И не забудь гарроту: придушишь его. Когда сделаешь, принеси сюда труп: я хочу посмотреть, как ты исполнил приказ. Нельзя же держать на службе таких скверных шахматистов!..

Фейд-Раута побледнел и шагнул к дяде:

– Но, дядя, я…

– Потом, Фейд, – отмахнулся барон. – Потом.

Двое стражников, посланных в баронские апартаменты, прошли мимо входа в переднюю, таща за собой тело мальчика. Его руки волочились по полу. Барон проводил их взглядом.

Нефуд подошел к хозяину.

– Вы желаете, чтобы я убил главного надсмотрщика теперь же, милорд?

– Да, – кивнул барон. – Теперь же. И кстати, когда освободишься, добавь-ка к своему перечню и этих двоих, которые только что прошли. Мне не понравилось, как они несли тело. Надо все-таки такие вещи делать аккуратно!.. Их трупы тоже покажешь, – деловито закончил барон.

– Милорд, что я не так… – пробормотал Нефуд, но Фейд-Раута оборвал его:

– Делай, как велит твой господин, Нефуд!

«Все, на что я могу теперь надеяться, – это самому выйти сухим из воды», – решил он.

«Отлично, – подумал барон. – По крайней мере парень умеет проигрывать, и притом с минимальными потерями. – Тут барон улыбнулся про себя. – И, кроме того, он знает, как доставить мне удовольствие, и преловко отводит от себя мой гнев. Понимает, что мне придется его сохранить. Кому другому мог бы я оставить бразды… когда придет срок? У меня нет больше никого и вполовину столь же способного. Но он должен еще многому научиться! А пока он учится, я должен себя обезопасить».

Нефуд знаком позвал за собой стражников и вышел.

– Проводи меня в мои покои, Фейд, – ласково попросил барон.

– Как прикажете, – поклонился Фейд-Раута. «Я попался», – подумал он.

– Иди вперед, – махнул рукой на дверь барон.

Лишь короткое колебание выдало страх Фейд-Рауты. «Неужели я проиграл совершенно?» – спросил он себя. «Вот как сунет мне отравленный нож в спину… медленно так, чтобы пройти щит! Неужели он уже обзавелся другим наследником?..»

Вот-вот, пусть подрожит немножко, – с удовольствием думал барон, – идя за спиной племянника. «Он, конечно, сменит меня на троне – но тогда, когда этого захочу я. Я не позволю ему разрушать сделанное мной!»

Фейд-Раута пытался идти не спеша. Кожа у него на спине съежилась – тело ожидало удара. Мышцы то собирались в тугой комок, то немного расслаблялись…

– Слыхал новости с Арракиса? – спросил барон.

– Нет, дядя. – Фейд-Раута заставил себя не оборачиваться. Они повернули в коридор, ведущий из крыла для слуг в главную часть дворца.

– У фременов объявился новый пророк или какой-то там религиозный лидер, – проговорил барон. – Они зовут его Муад’Диб. Довольно забавное имя: на их языке оно означает

«мышь». Впрочем, я велел Раббану оставить их религиозные дела в покое: чем бы дитя ни тешилось...

– Весьма интересно, дядя, – вежливо сказал Фейд-Раута, сворачивая в коридор, ведущий в апартаменты барона; сюда мало кого пускали.

«Что это он завел речь о религии? – думал он. – Или это какой-то тонкий намек?..»

– Разумеется, весьма интересно, – подтвердил барон.

Они вошли в баронские покои и через приемную – в спальню. Тут были видны некоторые следы борьбы: плавающая лампа висит не на своем месте, подушка – на полу, на столике у кровати лежит кольцами лента, вылетевшая из катушки суггестофильма – «колыбельная».

– План был придумал не глупо, – начал барон. Он, не уменьшив мощность поля своего щита, остановился, глядя на племянника. – Но и недостаточно умно. Ну вот скажи мне, Фейд, отчего ты не попробовал убить меня сам? Возможностей у тебя было предостаточно.

Фейд-Раута нащупал за спиной кресло на силовой подвеске, сел, мысленно пожав плечами: садиться барон не предлагал... «Надо вести себя смелее», – подумал он.

– Вы же сами учили меня, что я никогда не должен пачкать собственные руки.

– А, конечно, – покивал барон. – Иначе как сказать перед Императором, что не делал этого? Ведьма у трона будет слушать твои слова и определять, правдивы они или нет... Да, в самом деле. Я тебя предупреждал об этом.

– А почему бы вам самому не купить себе гессеритку? – спросил Фейд-Раута. – Вы никогда не покупали их. А ведь с Правдовидицей подле вас...

– Ты знаешь мои вкусы! – отрезал барон.

Фейд-Раута некоторое время смотрел на дядю, потом отважился продолжить:

– И тем не менее гессеритка была бы весьма полезна для...

– Я – им – не доверяю! – прорычал барон. – И не пытайся перевести разговор!

– Как вам будет угодно, дядя, – мягко сказал Фейд-Раута.

– Помнится, несколько лет назад на арене… – проговорил барон, – против тебя выпустили раба, который должен был тебя убить. Во всяком случае, такое сложилось впечатление. А на самом деле?

– Это было так давно, дядя. В конце концов я…

– Не уходи от ответа, пожалуйста, – сказал барон, и по напряжению в его голосе Фейд-Раута понял, что он едва сдерживается. «Он все знает», – промелькнула мысль, – иначе не спрашивал бы».

– Да, дядя. Это был трюк. Я хотел скомпрометировать вашего главного надсмотрщика.

– Весьма умно, – одобрил барон. – И смело. Кажется, тот гладиатор едва не убил тебя, так?

– Да.

– Ах, тебе бы тонкости под стать храбрости – был бы ты грозен и непобедим… – Барон покачал головой. В который уже раз после того страшного дня на Арракисе жалел он об утрате Питера. Да, ментат был действительно хитер и дьявольски тонок. Правда, это его не спасло… Барон опять покачал головой. Да, порой рок был действительно загадочен и непредсказуем в своих поворотах…

Фейд-Раута оглядел спальню, изучая следы борьбы. Как же справился дядюшка с рабом, которого они так тщательно подготовили?..

– А, думаешь, как я его одолел? – усмехнулся барон. – Извини, Фейд, но я хотел бы сохранить в тайне кое-что из моего секретного арсенала. Так, знаешь, просто чтобы пожить спокойно на старости лет. Хорошо? И, пожалуй, лучше нам воспользоваться случаем и заключить сделку.

Фейд-Раута уставился на дядю. «Сделка! Значит, он все-таки собирается оставить меня наследником! Иначе – какие там были бы сделки… Сделки – это для равных. Или почти равных…»

– Какую сделку, дядя?

Фейд-Раута невольно почувствовал гордость, что ему удалось сохранить голос спокойным и рассудительным и не выдать переполнявшего его восторга.

Заметил то, как Фейд-Раута сдерживает себя, и барон. Он кивнул.

– Да, Фейд, ты – хороший материал. А хорошим материалом я не разбрасываюсь. А вот ты упорно не хочешь понять, насколько ценен для тебя я. Вот это... – он обвел рукой спальню со следами борьбы, – это было глупостью. А за глупость я никого не награждаю...

«Да к делу же, дурак ты старый!» — сердито подумал Фейд-Раута.

– Ты, похоже, считаешь меня сейчас старым дураком, – сказал барон. – Придется переубедить тебя.

– Вы говорили о сделке.

– Ах, нетерпеливая молодость! – вздохнул барон. – Ну хорошо. Вот суть сделки: ты прекратишь эти дурацкие покушения на мою жизнь. А в свою очередь я, когда ты будешь готов, уступлю тебе трон. Я отрекусь от него и займу место твоего советника. А власть отдам тебе.

– Вы... отречетесь, дядя?

– Все еще считаешь меня дураком, да? – сказал барон. – И, разумеется, в твоих глазах мое предложение только подтверждает это твое мнение, а? Ты что же думаешь – я клянчу? Прошу? Осторожнее, Фейд! Этот старый дурак заметил иглу, которую ты вживил в бедро мальчишки. Как раз в том месте, на которое я бы положил руку, а? Легкий нажим и – щелк! Отравленная игла в руке у старого дурака. Ах-х, Фейд, Фейд!..

Барон укоризненно покачал головой, думая: «Причем этот фокус сработал бы, не предупреди меня Хават. Ну да пусть парень думает, что это я сам разгадал заговор; впрочем, в каком-то смысле так и было. Ведь это я спас Хавата на Арракисе. А парню не помешает немного больше уважения к моим способностям».

Фейд-Раута молчал, напряженно думая. Он не обманывает? Правда собирается отречься? А почему бы и нет? Я, конечно, унаследую ему, если только буду осторожен. Он же не будет жить вечно... Может, и правда глупо было пытаться ускорить... это».

– Так вы говорите, что это сделка, – сказал он. – Ну а гарантии?

– Как мы сможем верить друг другу, а? – переспросил барон. – Н-ну, что касается тебя, Фейд, за тобой будет следить Суфир Хават. В этом я доверяю его способностям ментата. Ты, надеюсь, понимаешь меня?.. Что же до меня самого – тут тебе придется просто поверить мне на слово. Но, с другой стороны, я ведь не могу жить вечно – не так ли, Фейд? Кроме того, не пора ли тебе наконец начать догадываться, что я знаю кое-что, что и тебе знать не помешало бы... что ты должен знать.

– Хорошо, я пообещаю вам... а вы? – спросил Фейд-Раута.

– Для начала – оставлю тебя в живых, – хмыкнул барон.

Фейд-Раута вновь внимательно оглядел дядю.

«Хавата он ко мне приставит! Интересно, что бы он сказал, узнав, что это Хават устроил ту штуку с гладиатором, которая стоила ему главного надсмотрщика? Пожалуй, заявил бы, что я пытаюсь оболгать Хавата. Не-ет, добрый Суфир как хороший ментат, уж конечно, предусмотрел и такую возможность...»

– Ну и что ты скажешь на это? – спросил барон.

– А что я могу сказать? Конечно, я согласен, – ответил Фейд-Раута. «Хават! Значит, он ведет двойную игру... играет на себя, да? Или он переметнулся к дядюшке из-за того, что я не посоветовался с ним в деле с этим мальчишкой-рабом?..»

– Ты ничего не сказал о моем решении приставить к тебе Хавата, – заметил барон.

Слегка раздувшиеся ноздри выдали гнев молодого человека. Сколько лет само имя Хавата было сигналом опасности

для Харконненов… а теперь у него новое значение: по-прежнему опасен.

– Хават – опасная игрушка, – ответил он наконец.

– Игрушка? Не будь глупее, чем ты есть. Я знаю, что такое Хават и как им управлять. У Хавата, Фейд, слишком сильные эмоции. Человек без эмоций – вот кого следует опасаться по-настоящему. А сильные эмоции… ах, право, на них так удобно играть!

– Дядя, я вас не понимаю.

– Заметно. – На этот раз вздрогнувшие веки выдали негодование Фейд-Рауты. – Ты не понимаешь и Хавата, – добавил барон.

«Ты-то будто его понимаешь!» — сердито подумал Фейд-Раута.

– Кого винит Хават за сложившиеся обстоятельства? – спросил барон. – Меня? Разумеется. Но, служа Атрейдесам, он многие годы, раз за разом, одерживал надо мной верх – пока не вмешался Император. Вот как он все это видит. Теперь его ненависть ко мне – это так, между прочим. Привычка. И он верит, что в любой момент может опять обыграть меня. Только пока он в это верит – он проигрывает сам. Ибо я направляю его, куда нужно мне – против Императора.

По мере того, как Фейд-Раута осознавал это, его лоб прорезали напряженные морщины, плотно сжимались губы.

– Против… Императора?! – выдохнул он.

«Ну-ка пусть племянничек распробует вкус этих слов: «Его Императорское Величество Фейд-Раута Харконнен»! Пусть прикинет, чего это стоит. Уж конечно, куда больше, чем жизнь старого дядюшки, который как раз и может помочь этой мечте осуществиться!»

Фейд-Раута медленно провел языком по пересохшим губам. Может ли быть, что старый дурак говорит правду? Наверняка же здесь скрывается больше, чем кажется!

– А… а при чем тут вообще Хават? – спросил он.

– А Хават думает, что использует нас для мести Императору.

– И что будет, когда он осуществит эту месть?

– Дальше этого он и не думал. Хават – человек, созданный для служения, причем сам он этого о себе не знает.

– Я многому научился у Хавата, – признал Фейд-Раута и сам понял вдруг, насколько это соответствует истине. – Но чем больше я от него узнаю, тем больше понимаю, что мы должны от него избавиться… и очень скоро.

– Тебе не нравится, что он будет следить за тобой?

– Он и так следит за всеми.

– И он может посадить тебя на трон. Хават – тонкая штучка. Он опасен. Хитер. Но все же я пока не стану отменять антидот, который он получает с пищей. Видишь ли, Фейд, меч ведь тоже опасен. Но для этого меча у нас есть ножны: яд в его теле. Стоит только не дать противоядия – и смерть сделает его безопасным…

– Это похоже на арену, – заметил Фейд-Раута. – Финт внутри финта, и в нем еще финт. Надо следить, куда поворачивается гладиатор, куда смотрит, как держит нож…

Он кивнул сам себе: его слова явно понравились дяде. Впрочем, про себя на-барон подумал: «Как арена – это точно. И острием клинка тут служит ум!»

– Видишь теперь, как я тебе нужен, – сказал барон. – Нет, племянничек, я тебе еще пригожусь.

«Да, мечом работают, пока он не затупится», – подумал Фейд-Раута.

– Да, дядя, – кивнул он.

– Ну а теперь мы пойдем в казармы рабов, – сказал барон. – Оба. В крыло удовольствий. И я буду смотреть, как ты сам, своими руками, убьешь там всех женщин.

Лицо Фейд-Рауты потемнело.

– Дядя, вы…

– Ты примешь это наказание и усвоишь кое-что, – отрезал барон.

Фейд-Раута встретил насмешливый, почти издевательский взгляд барона. «Да, я запомню эту ночь, – сказал он себе. – А с ней я буду помнить и те… другие ночи».

– Ты не можешь отказаться, – проговорил барон.

«А если бы отказался – что бы ты сделал, старик?» — подумал Фейд-Раута. Но он знал, что за отказом последовало бы другое наказание, может быть, более изощренное. Более жестокий способ согнуть его.

– Нет, Фейд, я тебя знаю, – покачал головой барон. – Ты не откажешься.

«Ладно, – подумал Фейд-Раута. – Ты мне пока еще нужен, я это понял. Сделка заключена. Но придет время, и я уже не буду в тебе нуждаться. И тогда... когда-нибудь...»

* * *

Глубоко в подсознании людей укоренилась поистине извращенная потребность в разумно устроенной, логичной и упорядоченной Вселенной. Но дело в том, что реальная Вселенная всегда, пусть на один шаг, опережает логику.

Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»

«Да, случалось мне сидеть перед многими правителями Великих Домов... но борова толще и опаснее, чем этот, мне видеть не приходилось!» — сказал себе Суфир Хават.

– Можешь говорить со мной прямо, Хават, – прогудел барон. Он откинулся на спинку своего плавающего кресла, но глазки, утопавшие в складках жира, буравили Хавата.

Старый ментат опустил взгляд на стол между собой и бароном Владимиром Харконненом, отметив богатство узора. Даже и это следовало учитывать, общаясь с бароном, – как и красную обивку его личной комнаты для совещаний и висящий в воздухе слабый аромат трав, скрывавший тяжелый мускусный запах.

– Ты же не забавы ради посоветовал мне предупредить Раббана? – сказал барон.

Обветренное лицо Хавата оставалось бесстрастным, не отразив отвращения, которое он испытывал в этот момент.

– Я о многом догадываюсь, милорд, – ответил он.

– Вижу. Н-ну хорошо... тогда скажи мне, каким образом Арракис вписывается в твои догадки относительно Салусы Секундус? Мне недостаточно просто твоего утверждения о том, что Императора раздражает всякая попытка провести какую-то параллель между Арракисом и его таинственной планетой-тюрьмой. Так вот, я отправил Раббану это предупреждение сразу же только потому, что курьеру надо было отбыть именно на этом хайлайнере. Допустим. Но теперь я должен получить объяснения!

Он чересчур много болтает, подумал Хават. То ли дело был герцог Лето, который движением брови или руки мог передать мне все необходимое. Или взять Старого Герцога – тот мог целое предложение вложить в интонацию, с которой произносил одно только слово... А этот – тупая туша! Уничтожить его – это значит облагодетельствовать человечество...

– Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу самое полное, обстоятельное и исчерпывающее объяснение, – заявил барон.

– Вы чересчур просто говорите о Салусе Секундус, – заметил Хават.

– Подумаешь! Исправительно-каторжная колония, только и всего, – отмахнулся барон. – На Салусу Секундус вся Галактика отсылает самую последнюю сволочь. Отребье. Ну и что еще надо знать об этой дыре?

– Хотя бы то, что условия существования на каторжной планете тяжелее, чем где-либо, – ответил Хават. – Вы, надо полагать, знаете, что уровень смертности у новичков превышает шестьдесят процентов. Что Император, как только может угнетает их. Вы знаете все это – и не задаете никаких вопросов?..

– Император не позволяет Великим Домам инспектировать его каторгу, – проворчал барон. – Так, зато и он не заглядывает в мои темницы.

– И всякое любопытство относительно Салусы Секундус, как бы это сказать... э-э... – Хават приложил узловатый палец к губам, – не поощряется.

– Надо полагать, ему нечем гордиться на этой планете!

Хават позволил легкой улыбке коснуться его темных губ. Он посмотрел на барона, и его глаза сверкнули в свете плавающих ламп.

– И, значит, вы ни разу не задумывались, где Император берет своих сардаукаров?

Барон выпятил пухлые губы, что придало ему вид надувшегося ребенка. С раздражением в голосе он сказал:

– Н-ну... он набирает рекрутов... то есть все знают про наборы... вот и берет из новобранцев, наверное...

– Ф-фа! – фыркнул Хават. – То, что рассказывают о военных успехах сардаукаров, не относится к простым слухам... верно? Это – рассказы немногих уцелевших в схватках с ними. Так?

– Сардаукары – великолепные бойцы. Кто сомневается? – возразил барон. – Однако я полагаю, что и мои легионы...

– Туристы-отпускники по сравнению с императорскими сардаукарами, – скривился Хават. – Или, может, вы думаете, я не понимаю, почему Император обрушился на Дом Атрейдес?

– В эту тему тебе лучше не углубляться, – предупредил барон.

«Возможно ли, что он сам не знает истинных причин, побудивших Императора к этой операции?» — удивился Хават.

– Мне следует углубляться в любую тему, коль скоро она относится к моим обязанностям, – возразил Хават. – Не для того ли вы меня и взяли на службу? Я ведь ментат, а от ментата нельзя скрывать информацию и нельзя ограничивать его в направлении расчетов.

Целую минуту барон пристально смотрел на Хавата и наконец пробурчал:

– Ну давай, ментат. Выкладывай.

– Падишах-Император ударил по Дому Атрейдес потому, что военачальники герцога, Гурни Халлек и Дункан Айдахо, сумели сформировать и обучить войска, вернее, совсем небольшое для начала войско из бойцов, практически ни в чем не уступающих сардаукарам. А некоторые бойцы были даже лучше их! Более того, герцог имел полную возможность увеличить это войско и добиться, чтобы оно стало столь же сильным, как Императорский Корпус сардаукаров.

Барон долго обдумывал эту новость. И наконец поинтересовался:

– А при чем здесь Арракис?

– Арракис здесь при том, что он является потенциальным источником рекрутов, прошедших самую суровую школу выживания.

Барон потряс головой:

– Уж не фрименов ли ты имеешь в виду?

– Именно фрименов.

– Ха! Стоило же посылать Раббану предупреждение! После сардаукарских погромов и притеснений Раббана – сколько их могло уцелеть? Какая-то горстка!

Хават молча смотрел на него.

– Не больше горстки, – повторил барон. – Да только за истекший год Раббан уничтожил тысяч шесть!

Хават продолжал молча его разглядывать.

– А за год до того – девять тысяч, – добавил барон. – И сардаукары постарались: до их вывода с планеты они, я думаю, истребили тысяч двадцать!

– А каковы потери войск Раббана за те же два последних года? – осведомился Хават.

Барон потер свои многоярусные подбородки.

– Хм... ну да, действительно, он все время требует пополнений и рекрутов набирает в довольно широких масштабах. Его вербовщики сулят такие немыслимые блага...

– Для круглого счета – тысяч тридцать, не правда ли?

– Не многовато ли? – усомнился барон.

– Отнюдь, – возразил Хават. – Я умею читать между строк отчетов Раббана не хуже вашего. И вы, несомненно, разобрались в моих отчетах по информации от наших агентов...

– Арракис – планета суровая, – свел брови барон. – Одни только бури могут причинить...

– Мы оба знаем цифры, в которых выражаются потери от бурь, – ответил Хават.

– Ну а если он действительно потерял тридцать тысяч? Что из того? – побагровев от гнева, спросил барон.

– По вашим подсчетам, – продолжал Хават, – за два года он уничтожил пятнадцать тысяч фрименов, потеряв вдвое больше. Вы утверждаете, что сардаукары истребили еще двадцать тысяч или, может быть, немного больше. А я видел их транспортные декларации на вылет с Арракиса. Если они действительно убили двадцать тысяч, то их потери составили пять к одному. Может быть, стоит все-таки заметить эти цифры и понять, о чем они говорят, мой барон?

Нарочито холодно барон уронил:

– Это – твоя работа, ментат. Так что они значат, эти цифры?

– Я уже сообщал вам данные отчета Дункана Айдахо по сиетчу, который он посещал, – напомнил Хават. – Все сходится. Если у них хотя бы двести пятьдесят таких общинсиетчей, то фрименское население планеты составит не менее пяти миллионов человек. А согласно моим оценкам, таких сиетчей по крайней мере вдвое больше! На такой планете население вынуждено рассредотачиваться.

– Десять миллионов?!

От изумления щеки и подбородки барона дернулись.

– По меньшей мере десять.

Барон поджал пухлые губы. Маленькие глазки в упор разглядывали Хавата. Интересно, подумал он, неужели это действительно результаты расчетов, а не блеф? Как же это никто и не заподозрил?..

– Мы даже не повлияли сколько-нибудь заметно на прирост населения, – добавил Хават. – Мы только, так сказать,

отбраковали слабейших, дав сильным возможность стать еще сильнее. Все как на Салусе Секундус!

– Салуса Секундус! – рявкнул барон. – Да при чем тут императорская каторжная планета?!

– Кто пережил Салусу Секундус, тот становится куда крепче и выносливее большинства остальных, – пояснил Хават. – Добавьте сюда хорошую военную подготовку – самую лучшую – и...

– Чушь! Если следовать твоим аргументам, я могу набирать в свою армию фрименов – после того как они претерпели притеснения от моего племянника!

Хават спокойно спросил:

– А ваши войска никогда не испытывают от вас притеснений?

– Ну... в общем, я... но...

– Притеснение притеснению рознь, – развил мысль Хават. – Ваши солдаты живут куда лучше прочих ваших подданных, а? И они видят, какая неприятная альтернатива есть у них службе в армии барона, а?

Барон замолчал, глядя в одну точку. Какие открывались возможности! Неужели Раббан помимо воли создал для Дома Харконнен такое могучее оружие?

Наконец он сказал:

– Но как можно полагаться на верность подобных солдат? Вот ты бы как ее обеспечил?

– Я брал бы их небольшими группами, не больше взвода, – начал Хават, – вытащил бы их из прежних условий, то есть освободил бы от угнетения. Изолировал бы с инструкторами, причем инструкторы должны понимать своих подопечных; лучше всего, если инструкторы в прошлом сами претерпели все то же самое. Затем я бы напичкал их таинственными, почти мистическими историями о том, что мир, где им пришлось столько испытать, на самом деле был тайной базой подготовки сверхлюдей. Сверхбойцов. Таких, как они. И наконец, все это время я показывал бы им, что могут

заслужить эти сверхвоины: роскошь, красавиц, жизнь во дворцах... все, что они пожелают.

Барон кивнул:

– Так сардаукары и живут.

– Спустя какое-то время рекруты начинают верить, что существование Салусы Секундус оправданно, поскольку она произвела их – элиту, соль расы. Последний рядовой Корпуса сардаукаров живет во многих отношениях не хуже членов Великих Домов.

– Какая идея!.. – прошептал возбужденно барон.

– Вот вы уже и разделили мои подозрения, – кивнул Хават.

– Но с чего все началось? – спросил барон.

Ах да. Действительно, как возник Дом Коррино? Было ли какое-то население на Салусе Секундус до того, как Император послал туда первые тюремные транспорты? Даже герцог Лето, кузен Императора по женской линии, не знал ответов на эти вопросы. Такие вопросы не приветствуются...

Глаза барона сверкали.

– Да, они превосходно охраняют эту тайну! Они сделают все что угодно, чтобы...

– И кроме того, что еще стоит так охранять? Какую тайну? Что у Падишах-Императора есть каторжная планета? Это всем известно, что...

– Граф Фенринг! – перебил вдруг барон.

Хават замолчал и, удивленно нахмурясь, посмотрел на барона:

– Что – граф Фенринг?

– На дне рождения моего племянника несколько лет назад, – объяснил барон, – был этот расфранченный попугай Императора – граф Фенринг; он присутствовал там в качестве официального наблюдателя и для того, чтобы... э-э... заключить некую деловую договоренность между мною и Императором...

– И что?

– Я... э-э... в разговоре упомянул что-то о своих планах превратить Арракис в планету-тюрьму. И Фенринг...

– Что именно вы сказали ему? – перебил Хават.

– Что именно? Ну... это было достаточно давно, и...

– Милорд барон, если вы хотите использовать меня с максимальной эффективностью, вы должны снабжать меня соответствующей информацией. Разговор записывался?

Лицо барона потемнело от гнева.

– Ты ничем не лучше Питера! Я не люблю, когда...

– Питера у вас больше нет, милорд, – напомнил Хават. – Между прочим, что именно с ним случилось все-таки?

– Он стал чересчур фамильярным и слишком многого от меня хотел, – объяснил барон.

– И вы меня уверяли, что не бросаетесь полезными людьми, – заметил Хават. – Вы хотите тратить мои силы на угрозы и увертки?.. Итак, мы остановились на том, что вы сказали графу Фенрингу.

Барон медленно взял себя в руки. Ну, придет еще время, думал он, припомню я тебе твои манеры. Да. Ох и припомню!..

– Минуточку... – проговорил он, вспоминая беседу в приемном зале. Он мысленно представил себе шатер тишины – это помогло.

– Значит, я сказал что-то вроде: «Уж Император-то знает, что немного насилия и убийств всегда шло на пользу делу. Я имел в виду потери в рабочей силе. А потом я сказал что-то насчет возможных вариантов решения арракийской проблемы – и что каторжная планета Императора вдохновила меня на попытку состязаться с ним в организации подобного учреждения...

– Ведьмина кровь! – выругался Хават. – А что Фенринг?

– Тут-то он и начал спрашивать меня о тебе.

Хават откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

– Вот, значит, почему они начали так следить за Арракисом, – проговорил он. – Что ж, сделанного не воротишь. – Он

открыл глаза. – Сейчас Арракис наверняка набит шпионами. Два года!..

– Но не могло же мое вполне, кажется, невинное замечание...

– В глазах Императора ничего «невинного» не бывает! Какие распоряжения вы отдали Раббану?

– Я всего лишь велел ему научить Арракис бояться нас...

Хават покачал головой.

– Теперь у вас осталось только два выхода, – сказал он. – Или перебить местных жителей – истребить всех поголовно! – или...

– Уничтожить всю рабочую силу?!

– Если, конечно, вы не предпочитаете, чтобы Император и те Великие Дома, которые он сможет привести за собой, пришли сюда и выскоблили Гьеди Прайм, как пустой черепок!

Барон некоторое время смотрел на своего ментата.

– Он не посмеет! – сказал он наконец.

– Вы так думаете?

Губы барона дрогнули.

– А... второй выход?

– Отрекитесь от своего любезного племянника, барон. От Раббана.

– Отре... – Барон осекся и уставился на Хавата.

– Не посылайте ему больше пополнений. Вообще никакой помощи. Не отвечайте на его запросы – только в том смысле, что-де вы прознали, как жестоко он управляет Аракисом, и намерены исправить дело – так скоро, как будет возможно. А я обеспечу перехват нескольких посланий императорскими шпионами.

– Но как же Пряность, доходы, как...

– Требуйте с него положенные поступления в казну, но будьте осторожнее в формулировках. Требуйте фиксированные суммы. Мы можем...

Барон поднял руки ладонями вверх.

– Да как же я могу быть уверен, что этот хорек, мой племянник, не...

– Разве у нас нет больше шпионов на Арракисе?.. Вот и скажите Раббану – или он будет выполнять ваши требования по поставке Пряности, или вы его смените.

– Я знаю своего племянника, – хмуро возразил барон. – Он после этого только усилит давление на население.

– Разумеется! – перебил его Хават. – А нам и нельзя резко прекращать это давление! Все, чего вы хотите, – умыть руки. И пусть Раббан устраивает вам вашу Салусу Секундус. Не нужно даже посылать туда заключенных: к его услугам все местное население. Если Раббан тиранит народ, чтобы добыть столько Пряности, сколько вы требуете, Император вряд ли станет подозревать, что у вас есть иные причины. Пряность – вполне достаточный повод, чтобы поджаривать на медленном огне всю планету. Разумеется, барон, вы ни словом, ни действием не покажете, что есть и другая причина.

Барон не сдержал восхищенной нотки в голосе.

– Ах, Хават, и хитер же ты! А как нам потом воспользоваться плодами усилий Раббана?

– Это как раз самое простое, барон. Ежегодно повышайте – ненамного – план по Пряности. Вскоре ситуация станет критической, производство упадет. Тогда вы сможете снять Раббана и лично отправиться на Арракис... чтобы исправить положение.

– Всё так, – сказал барон. – Но должен признать, все это начало меня утомлять. Я готовлю другого... кандидата, который управлял бы Арракисом.

Хават разглядывал жирное круглое лицо. Затем старый воин-шпион медленно покивал:

– Фейд-Раута. Вот, значит, в чем причина всех этих притеснений. Вам тоже не занимать хитрости, мой барон... Пожалуй, мы можем объединить оба плана. Да. Ваш Фейд-Раута придет на Арракис как их спаситель и сможет завоевать популярность.

Барон улыбнулся, а про себя подумал: «Любопытно, а как все это вписывается в собственные планы Хавата?»

Хават, видя, что разговор окончен, поднялся и вышел из кабинета, задрапированного красной тканью. Он думал. Слишком много неизвестных: в каждом расчете по Арракису – неизвестные. В частности, этот новый религиозный вождь, о котором сообщал скрывавшийся среди контрабандистов Гурни Халлек – этот Муад'Диб или как его там...

«Может, не стоило советовать барону оставить их религию в покое, дать ей распространяться как ей угодно – даже среди населения впадин и грабенов... – сказал он себе. – Но, с другой стороны, угнетение ведет к подъему религиозных чувств, это общеизвестно...»

Он припомнил доклады Халлека по фрименской боевой тактике. А ведь тут за версту пахнет самим Халлеком... и Айдахо... и даже им, Хаватом...

«Может быть, Айдахо спасся?» — подумал он.

Но это был пустой вопрос. Он не задумывался, а не мог ли выжить сам Пол: он знал, что барон убежден в смерти всех Атрейдесов. Бене-гессеритская ведьма была орудием барона – тот сам признал это. А это значило конец для всех – даже и для ее сына.

«Какую же ядовитую ненависть питала она к Атрейдесам! – подумал он. Почти точно такую, какую питаю я к барону. Но сумею ли я нанести столь же смертельный и окончательный удар?»

* * *

Во всякой вещи скрыт узор, который есть часть Вселенной. В нем есть симметрия, элегантность и красота – качества, которые прежде всего схватывает всякий истинный художник, запечатлевающий мир. Этот узор можно уловить в смене сезонов, в том, как струится по склону песок, в перепутанных ветвях креозотового кустарника, в узоре его листа. Мы пытаемся скопировать этот узор в нашей жизни и нашем обществе и потому любим ритм, песню, танец, различные радующие и утешающие нас формы. Однако можно разглядеть и опасность, таящуюся в поиске абсолютного совершенства, ибо очевидно, что совершенный узор – неизменен. И, приближаясь к совершенству, все сущее идет к смерти.

Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»

Пол Муад'Диб вспомнил, как ел пищу, обильно сдобренную Пряностью. Он ухватился за воспоминание – это была зацепка; держась за него, он понимал, что сейчас видит сон.

«Я – театр, где развиваются события... – думал он. – Я – жертва неполного ви́дения, жертва сознания расы и ее ужасной цели...»

Но он не мог отделаться от страха, что как-то превысил свои силы и затерялся во времени, так что смешались будущее и настоящее... нельзя было отличить их друг от друга... Это походило на расстройство зрения и проистекало – он понимал это – от постоянной необходимости сохранять пророческие видения в памяти; а память сама по себе неотъемлемо принадлежала прошлому.

«Чани приготовила мне поесть», – сказал он себе.

Но Чани была далеко на юге, в холодной стране с горячим солнцем, ее тайно переправили в один из новых укрепленных сиетчей вместе с их сыном, Лето Вторым.

...Или этому лишь предстояло случиться в будущем?

Нет, напомнил он себе: ведь Алия-Странная, его сестра, отправилась туда же вместе с матерью и Чани. Это в двадцати манках к югу отсюда, и они поехали в паланкине Преподобной Матери, на спине дикого Подателя.

При одной мысли о поездке на гигантском черве его передернуло. И тут же он спросил себя: «Но Алия – родилась ли уже Алия?»

Он стал вспоминать: «Я пошел с раззией; мы устроили налет на Арракин, чтобы вернуть воду наших убитых; и в пепле погребального костра я нашел останки отца; и взял его череп, и положил его в основание каменного кургана, сложенного, по фрименскому обычаю, над перевалом Харг..».

...Или и этому лишь предстояло совершиться?

Мои раны – реальность, сказал себе Пол. Мои шрамы – реальность... Гробница отца – тоже реальность.

Все еще в полусне он вспомнил, как Хара, вдова Джамиса, однажды вбежала к нему и сообщила, что в коридоре только что был поединок. Это случилось еще во временном сиетче – до отправки на юг, в глубокую Пустыню, детей и женщин. Хара стояла в дверях, ведущих во внутреннюю комнату, и черные крылья ее волос были подхвачены сзади цепочкой с нанизанными на нее водяными кольцами. Он стояла, отведя в сторону дверные занавеси; и она сказала, что Чани только что убила кого-то.

Да, это было, сказал себе Пол, это было в действительности, а не пришло виде́нием из будущего. Это было – и не изменится вовек.

Он вспомнил, как вылетел в коридор. Чани стояла там под желтыми светильниками, в ярко-синем халате с откинутым капюшоном; на лице эльфа – напряженное выражение. Она убирала крис в ножны, а несколько фрименов торопливо удалялись с ношей.

Пол припомнил еще, как сказал себе тогда: «Сразу видно, когда они несут труп».

Водяные кольца Чани – в сиетче их носили открыто, нанизанными на шнурок на манер ожерелья – зазвенели, когда она обернулась к нему.

– Чани, что случилось?

– Просто разделалась тут с одним. Он пришел вызвать тебя на поединок, Усул.

– И ты убила его?

– Ага. А что, надо было оставить его для ножа Хары? С этим и она бы сладила.

(Судя по лицам зрителей, окружавших место стычки, слова Чани им понравились, вспомнил он. Даже Хара расхохоталась.)

– Да, но он хотел вызвать меня!

– Ты же научил меня приемам колдовского боя...

– Да, конечно, но тебе не следовало...

– Я родилась в Пустыне, Усул, и знаю, с какой стороны берутся за крис.

Он сдержал гнев и постарался говорить как можно убедительнее:

– Может, все это и так, Чани. Однако...

– Я уже не ребенок, что ловит скорпионов на свет ручного шарика, Усул! Я давно не занимаюсь детскими играми!

Пол сердито смотрел на нее, пораженный странной яростью за ее внешним спокойствием.

– Он не стоил того, чтобы ты с ним дрался, Усул, – сказала Чани. – Много чести – прерывать ради подобной дряни твои размышления!

Она подошла совсем близко, искоса посмотрела ему в лицо и прошептала так, чтобы слышал только он:

– И потом, любимый: когда станет известно, что желающий вызвать тебя может нарваться на поединок со мной и принять позорную смерть от женщины Муад'Диба, охотников испытать тебя станет куда меньше!

Да, сказал себе Пол, это действительно случилось. Это – истинное прошлое... И она была права – число желающих испытать в поединке новый клинок племени сошло тогда почти на нет.

Откуда-то извне мира его снов пришло ощущение движения и крик ночной птицы.

Я сплю... Это все Пряность в еде...

Но чувство покинутости не оставляло его. Может быть, подумал он, моя Рух действительно каким-то образом ускользнула в тот мир, где, согласно фрименским верованиям, она и вела свое истинное существование, – в алам альмитхаль, мир фрименских притчей, метафизический мир подобий, где не действуют никакие физические ограничения?.. И при мысли о таком мире его охватил страх: ведь там, где нет ограничений, нет и ничего, на что мог бы опереться его мятущийся разум. В мире мифов он не мог сориентироваться, не мог сказать себе: «Я есть я, потому что я здесь».

Мать говорила как-то: «Люди делятся – во всяком случае, часть их – по тому, как они о тебе думают».

Я просыпаюсь, сказал себе Пол. Ибо это действительно было; мать в самом деле говорила это. Леди Джессика, которая была теперь Преподобной Матерью фрименов, сказала эти слова, и они навсегда вошли в реальность...

Джессика, Пол знал это, опасалась религиозной связи между ним и фрименами. Ей, например, очень не нравилось, что и фримены, и жители грабенов, упоминая Муад'Диба, говорили просто – Он. И Джессика неустанно изучала, что происходит в племенах: посылала шпионить своих сайядин, собирала воедино их доклады и обдумывала их.

Однажды она привела ему очередное изречение Бене Гессерит: «Когда религия и политика едут в одной колеснице, ездоки начинают считать, что теперь ничто не сможет преградить им путь. Тогда они убыстряют скачку и гонят все быстрее и быстрее. Они отбрасывают самую мысль о препятствиях – и забывают, что мчащийся сломя голову обычно замечает пропасть, лишь когда становится слишком поздно».

Пол вспомнил, как сидел в покоях матери – во внутренней комнате с темными драпировками, затканными сюжетами фрименской мифологии. Он сидел и слушал ее, а она, как всегда, ни на миг не прекращала следить за окружающим – даже когда не поднимала глаз от пола. В уголках губ появились морщинки, но волосы по-прежнему блестели

полированной бронзой. Широко поставленные глаза, правда, потеряли свой зеленый цвет – их уже залила синева ибада.

– Религия фрименов простая и вполне практическая, – заметил он.

– В вопросах религии ничего простого не бывает, – остерегла Джессика.

Но Пол все еще ощущал угрожающее им обоим темное будущее впереди, и внезапный гнев снова обжег его. Он, впрочем, ответил только:

– Религия объединяет наши силы. В этом ее смысл.

– Да ведь ты нарочно культивируешь здесь этот дух, – обвиняюще произнесла Джессика. – Ты просто не прекращаешь внушать им это!

– Ты меня этому и научила, – парировал Пол.

Они в тот день много спорили. То был еще день обряда обрезания маленького Лето. Пол понимал некоторые причины недовольства матери. Она, например, так и не смогла принять его раннюю женитьбу на Чани. Но, с другой стороны, Чани родила сына Атрейдеса – и Джессика не сумела оттолкнуть вместе с матерью и ребенка.

Под его взглядом Джессика наконец неловко пошевелилась и проговорила:

– Ты меня, наверно, считаешь плохой матерью.

– Что ты!

– Я же вижу, как ты смотришь на меня, когда я с твоей сестрой. Но ты не понимаешь. Она...

– Да нет же. Я знаю, почему Алия так отличается от всех, – пожал он плечами. – Она была еще частью тебя, она жила в тебе, когда ты изменила Воду Жизни. И она...

– Что ты можешь об этом знать!

Пол внезапно почувствовал, что не может выразить словами видения, пришедшие к нему извне времени, и сказал только:

– В общем, я не считаю тебя плохой матерью.

Она, заметив, как он расстроен, наклонилась к нему:

– Послушай, сын...

– Да?

– Я все-таки люблю твою Чани. И принимаю ее.

...Да, все это было на самом деле. Это была реальность, а не видение – незавершенное, готовое измениться в родовых корчах при появлении на свет из чрева времени...

Эта уверенность помогла ему крепче ухватиться за мир. Кусочки реальности начали проникать сквозь сон в его разум. Внезапно он осознал, что находится в хайреге – пустынном лагере. Чани поставила палатку на самом мелком песке – чтобы было помягче. Значит, Чани рядом. Чани, его душа, его сихайя, Чани, нежная и прекрасная, как весна Пустыни. Чани, только что вернувшаяся из пальмовых рощ юга.

Теперь он вспомнил и одну из песен Пустыни, которую она спела ему перед сном.

О душа моя!
Не стремись этой ночью в рай —
И, клянусь тебе Шаи-Хулудом,
Ты придешь туда,
Покорившись моей любви.

А потом она пела ту песню, которую поют влюбленные, когда идут, взявшись за руки, по пескам; и ритм ее был точно песок дюн, осыпающийся под ногами.

Расскажи мне об очах твоих,
И я расскажу тебе о сердце твоем.
Расскажи мне о стопах твоих,
И я расскажу тебе о руках твоих.
Расскажи мне о снах твоих,
И я расскажу тебе о пробужденье твоем.
Расскажи мне о желаньях твоих,
И я расскажу тебе о том,
В чем нуждаешься ты.

В соседней палатке кто-то перебирал струны балисета. И он вспомнил Гурни Халлека; он как-то заметил лицо Халлека, мелькнувшее в отряде контрабандистов. Но Гурни его не видел – не мог видеть и даже слышать о нем, чтобы даже случайно не навести Харконненов на след убитого ими герцога.

Впрочем, манера, игравшего быстро подсказала ему, кто это на самом деле: Чатт-Прыгун, командир федайкинов – бойцов-смертников, охранявших Муад'Диба.

Мы – в Пустыне, вспомнил наконец Пол. В Центральном эрге, куда не заходят харконненские патрули. Я здесь, чтобы пройти пески, подманить Подателя и самому взобраться на него – чтобы стать наконец настоящим фрименом.

Теперь он почувствовал маулет и крис на поясе; физически ощутил окружавшую его тишину.

То была та особая предрассветная тишина, когда ночные птицы уже смолкли, а дневные создания не возвестили еще о своей готовности встретить своего врага – солнце.

«Ты должен будешь ехать при свете дня, дабы Шаи-Хулуд увидел тебя и знал, что в тебе нет страха, – объяснял Стилгар. – А потому сегодня мы изменим распорядок и выспимся ночью».

Пол тихо сел в полумраке дистителта. Расстегнутый дистикомб не облегал тело, а висел достаточно свободно. Но, хотя он и старался не шуметь, Чани его услышала.

Из темноты в дальнем углу палатки донесся ее голос:

– Любимый, еще не рассвело.

– Сихайя, – сказал он, и в его голосе зазвенел счастливый смех.

– Ты называешь меня весной Пустыни, – проговорила Чани, – но сегодня я – как стрекало погонщика. Ведь я – сайядина, назначенная наблюдать за точным исполнением обряда.

Пол принялся затягивать застежки дистикомба.

– Ты мне как-то прочла слова из Китаб аль-Ибара, – вспомнил он. – Ты сказала: «Вот женщина – она поле твое; итак, иди и возделывай его».

– Я – мать твоего первенца, – кивнула Чани.

В сером свете Пол увидел, что она, в точности повторяя его движения, застегивает дистикомб, готовясь к выходу в открытую пустыню.

– Тебе следует отдохнуть как можно лучше, – сказала она.

Пол услышал любовь в ее голосе и слегка поддразнил:

– Сайядина-наблюдательница не должна предупреждать или предостерегать готовящегося к испытанию.

Она скользнула к нему, коснулась рукой его щеки:

– Я сегодня – не только наблюдательница, но и женщина!

– Надо было тебе передать эту работу кому-нибудь другому.

– Ну нет, ждать куда хуже. Так я хоть рядом с тобой.

Пол поцеловал ее ладонь, потом приладил лицевой фильтр, повернулся и с треском открыл входной клапан. Ворвавшийся в палатку прохладный ночной воздух Пустыни был не совсем сухим – в нем чувствовалась влага, которая с рассветом превратится в редкие, крохотные капли росы. Ветерок принес с собой запах премеланжевой массы, которую вчера обнаружили к северо-востоку отсюда; а где премеланжевая масса, там, как он теперь знал, и червь неподалеку.

Пол выполз через сфинктерный клапан, встал на песок и потянулся. Небо на востоке уже отсвечивало зеленоватым перламутром. Вокруг поднимались палатки, замаскированные под небольшие дюны. Слева от себя Пол заметил движение. Это был часовой, и он тоже увидел Пола.

Они все понимали, с какой опасностью ему предстоит столкнуться сегодня. Каждый из них в свое время прошел через это. Каждый фримен. Поэтому сейчас они оберегали его право на несколько минут одиночества – чтобы он успел подготовиться к испытанию.

«Сегодня я должен сделать это».

Пол подумал о власти, которую получил, когда фримены начали бороться с погромами. О стариках, которые посылали молодежь к нему, чтобы перенять приемы «колдовского боя»; о стариках, которые теперь внимательно выслушивали его на Совете и следовали его планам, а затем вознаграждали его наивысшей у фременов похвалой: «Твой план удался, Муад'Диб».

И при этом даже худшие из фременских бойцов могли сделать то, на что он пока не решался. Пол прекрасно понимал, что его авторитет вождя не может не страдать от этого.

Он еще ни разу не ездил на черве.

Вернее, он, разумеется, ездил с остальными – в учебные походы и в налеты. Но сам – никогда. И до тех пор, пока он не оседлает червя сам, пределы его мира будут зависеть от других. Ни один настоящий фримен не может допустить такого. Пока он не овладеет этим искусством сам, даже бескрайние земли Юга, начинавшиеся манках в двадцати от эргов, были для него недоступны – разве что он велит подать паланкин и поедет так, как пристало лишь Преподобной Матери, да еще больным и раненым.

Он вспомнил внутреннюю борьбу, пережитую ночью. Какая странная параллель: если он одолеет Подателя, его власть укрепится; если сумеет овладеть своим внутренним взором – тоже... Но пока все, что лежало впереди, было закрыто как бы тучами, и только Великая Смута, охватившая всю Вселенную, кипела там.

Различие путей, которыми он постигал Вселенную, не давало ему покоя. Как сочетались точность и поразительная приблизительность! Он видел Вселенную как она есть, in situ, живущей и меняющейся. Но «теперь», входя в реальность, начинало жить своей собственной жизнью, развиваться, обретая собственные черты. Ужасное же его предназначение оставалось. Сознание расы оставалось. И джихад грозно полыхал впереди, кровавый и беспощадный...

Чани вышла к нему, встала, обхватив себя за локти, взглянула искоса – как всегда, когда она старалась определить его настроение.

– Расскажи мне еще раз о водах твоего родного мира, Усул, – попросила она.

Он понял, что Чани пытается отвлечь его, ослабить напряжение перед смертельно опасным испытанием. Светало, и некоторые федайкины уже сворачивали палатки.

– Лучше ты расскажи мне о сиетче и о моем сыне, – улыбнулся Пол. – Как он, наш Лето, – уже взял в свои руки власть в доме? Матерью моей уже командует?

– И Алией тоже, – улыбнулась она в ответ. – А как растет! Великаном будет!

– Как там, на Юге? – спросил он.

– Научишься ездить – сам увидишь.

– Но я хотел бы сперва увидеть все твоими глазами.

– Там очень одиноко, – ответила она.

Он коснулся платка-нежони, повязанного на ее лбу под капюшоном дистикомба.

– Почему ты не хочешь говорить про сиетч?

– Я уже все рассказала. Нам одиноко там без наших мужчин. Это – место для работы. Мы работаем в цехах и гончарной мастерской. Делаем оружие, шестуем пески, чтобы предсказывать погоду, собираем Пряность – много кого приходится подкупать... Кроме того, вокруг – дюны, которые надо засадить и закрепить. Еще мы делаем ткани, ковры, заряжаем аккумуляторы. Разумеется, воспитываем детей – племя не должно терять свою силу...

– Неужели там нет ничего хорошего?

– Как – нет? А дети?.. Мы выполняем все обряды. Еды у нас вдоволь. Время от времени женщины ездят на Север, чтобы разделить ложе с мужчиной. Жизнь должна продолжаться...

– А моя сестра, Алия... приняло ли ее племя?

Чани повернулась лицом к нему и в свете разгорающегося утра посмотрела ему в глаза.

– Об этом лучше поговорим в другой раз, любимый.

– Сейчас.

– Тебе надо беречь силы для испытания…

Кажется, он коснулся больного места: ее голос прозвучал отстраненно.

– Неизвестность и недосказанность тоже заставляют волноваться, – возразил он ей.

Помедлив, она кивнула.

– Пока… случаются еще недоразумения, – неохотно начала она. – Алия слишком… необычна. Женщины боятся ее, потому что ребенок, едва не младенец, говорит о… вещах, которые должны бы знать только взрослые. Они не понимают то… изменение, происшедшее с ней во чреве матери… изменение, сделавшее Алию такой… отличной от всех.

– Значит, недоразумения? – переспросил он и подумал: «Не зря у меня были видения о проблемах вокруг Алии и…»

Чани взглянула на разгорающийся горизонт.

– Некоторые женщины пошли даже к Преподобной Матери. Они требовали, чтобы она изгнала демона из своей дочери, и цитировали Писание – «да не потерпите вы, чтобы ведьма жила меж вами».

– И что же ответила им мать?

– Напомнила им закон и выпроводила их, весьма сконфуженных. Она сказала: «Если Алия и вызывает у вас беспокойство, то причиной тому – неспособность предвидеть и предупредить случившееся с ней». И попыталась объяснить им, как случилось, что преображенная Вода Жизни подействовала на Алию в ее чреве. Но женщины сердились, потому что она пристыдила их, и ушли, сердито ворча.

«С Алией всегда будут сложности…» — подумал он.

Колючий песок, пахнущий премеланжевой массой, коснулся открытых участков кожи.

– Эль-саяль – песчаный дождик, приносящий утро… – пробормотал он.

В сероватом свете утра он оглядел пески: земля, не знающая жалости, песок – мир в себе, песок, сливающийся с песком...

На юге, где еще не разошлась ночная тьма, сверкнула сухая молния – последняя буря наэлектризовала пески, в них накопился сильный статический заряд. Гром послышался с сильным запозданием.

– Голос, украшающий землю, – сказала Чани.

Люди один за другим вылезали из палаток. Подошли часовые, дежурившие за скалой. Приказывать не требовалось – все шло по заведенному издревле распорядку.

«Как можно меньше приказывай, – учил его отец... когда-то... очень давно... – Раз прикажешь – «делайте то-то и то-то», и потом всегда придется приказывать о том же».

Фримены инстинктивно следовали этому правилу.

Хранитель воды начал утренний молитвенный распев, добавив к нему слова, открывающие ритуал посвящения в наездники Пустыни.

– Мир – лишь пустая оболочка, и все в мире смертно, – читал он нараспев, и голос его плыл над дюнами. – Кто отвратит десницу Ангела Смерти? И свершится установленное Шаи-Хулудом...

Пол слушал. Он, конечно, заметил, что этими же словами начиналась смертная песнь федайкинов; воины-смертники распевали ее, кидаясь в бой.

«Может быть, и сегодня здесь сложат каменный курган, чтобы отметить еще одну смерть, – подумал он. – И проходящие мимо фримены будут останавливаться, и каждый добавит по камню к этому кургану, и вспомнит Муад'Диба, погибшего здесь...»

Такая возможность тоже была на одной из вероятностных линий будущего, расходящихся из той точки пространства-времени, где он находился сейчас. Неопределенность видений мучила его. Чем больше боролся он со своим ужасным предназначением, чем больше старался не допустить джихад, тем большее смятение охватывало его пророческое

видение. Будущее казалось ему бурной рекой, несущейся в пропасть, – а за нею все было закрыто туманом...

– Стилгар идет, – сказала Чани. – Любимый, я должна теперь отойти. С этой минуты я только сайядина, наблюдающая за обрядом, чтобы потом все было верно занесено в Хроники. – Она взглянула на него снизу вверх, и на миг самообладание изменило ей. Впрочем, она тут же взяла себя в руки. – Когда испытание закончится, я сама приготовлю тебе завтрак, – пообещала она и отвернулась.

Стилгар подошел к ним. При каждом его шаге мелкий, как тонкая мука, песок взлетал легкими облачками из пыльных луж. Он не сводил с Пола неукротимого взгляда обведенных тенью глаз. Его лицо с угловатыми обветренными скулами, с черной бородой, выбивавшейся из-под лицевого клапана дистикомба, казалось высеченным из камня.

Стилгар нес знамя Пола – черно-зеленое полотнище с водяной трубкой дистикомба на древке. Это знамя уже стало легендой среди фрименов. Не без гордости Пол подумал: «Я теперь не могу сделать ни одного пустяка без того, чтобы он тут же не превратился в легенду. Они все заметят: как я простился с Чани, как приветствовал Стилгара... каждый мой сегодняшний шаг. Буду я жить или погибну – в любом случае это войдет в легенду. Но я не могу умереть – ибо тогда останется только легенда, и ничто не сможет остановить джихад».

Стилгар воткнул древко знамени в песок рядом с Полом, встал, опустив руки. Синие-в-синем глаза смотрели спокойно и сосредоточенно. Это напомнило Полу, что и его собственные глаза тоже начала затягивать синяя дымка ибада. Пряность...

– Они запретили нам хадж! – провозгласил с ритуальной торжественностью Стилгар.

Пол, как учила Чани, ответил:

– Кто смеет отказать свободному фримену в праве идти или ехать, куда он пожелает?

– Я – наиб, – продолжил Стилгар, – и враг никогда не возьмет меня живым. Я – опора треножника смерти, несущего гибель всем нашим врагам.

Наступила пауза.

Пол оглядел фременов, неподвижно стоявших за спиной Стилгара. Каждый в этот миг повторял про себя слова молитвы. И он подумал: вот народ, чья жизнь состоит из непрерывных сражений и убийств, каждый день которого исполнен лишь ярости и скорби – и никто из них даже представить себе не мог, что явится нечто и заменит эти чувства... Единственно – мечта, которой поделился с ними незадолго до гибели Лиет-Кинес. Поделился – и смог заразить ею и самого Пола, и его мать.

– Где Господь, Который вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной? – вопросил Стилгар.

– Он вечно пребудет с нами, – хором, нараспев произнесли фримены.

Стилгар расправил плечи, подошел вплотную к Полу и понизил голос:

– Не забудь, чему я тебя учил. Действуй прямо и просто, не вздумай фокусничать. У нас дети впервые вскакивают на червя в двенадцать. Ты больше чем на шесть лет старше, и ты не был рожден для нашей жизни. Тебе не нужно сейчас поражать нас своей смелостью; мы знаем, что ты храбр. Все, что ты должен сделать, – это подманить Подателя, вскочить на него и проехать некоторое расстояние.

– Не забуду, – ответил Пол.

– Ну, смотри. Я учил тебя и не хотел бы, чтобы ты осрамил меня.

Он вытащил из-под плаща пластиковый шест около метра длиной. С одного конца шест был заострен, на другом была закреплена заводная пружинная трещотка.

– Я сам подготовил для тебя манок. Он в полном порядке. Бери.

Пол принял манок, ощутил теплый, гладкий пластик.

– Твои крючья у Шишакли, – продолжал Стилгар. – Он вручит их тебе, когда ты поднимешься вон на ту дюну. – Он показал рукой. – Вызови большого Подателя, Усул. Веди нас!

В его голосе звучала не только ритуальная торжественность, но и тревога за друга.

В этот миг солнце словно выпрыгнуло из-за горизонта. Небо сразу же приняло серебристый серо-голубой цвет – это обещало день необычайно сухой и жаркий даже для Арракиса.

– Приходит палящий день, – провозгласил Стилгар уже совершенно торжественным тоном. – Ступай, Усул, и оседлай Подателя, и отныне странствуй в песках, как подобает вождю людей.

Пол отсалютовал своему знамени – ветер стих, и черно-зеленое полотнище неподвижно обвисло – и повернулся к дюне, на которую указал Стилгар: грязно-бурые склоны, S-образный гребень. Остальные уже уходили в противоположную сторону и поднимались на дюну, под склоном которой укрывался их лагерь.

Перед Полом оставался только один человек – Шишакли, взводный командир федайкинов. Его лицо было закрыто, между капюшоном и лицевым клапаном виднелись только раскосые глаза.

Шишакли протянул ему два тонких, похожих на хлысты прута, каждый был метра полтора длиной, со сверкающим крюком из пластали на конце. Второй конец был утолщенным и шероховатым для надежного захвата.

– Это мои собственные крючья, – хрипло пробасил Шишакли. – Они меня ни разу не подводили.

Пол кивнул, сохраняя молчание, как велел обычай. Взял крючья, обошел Шишакли и продолжил подъем к гребню дюны. На самом верху он остановился, оглянулся: его отряд рассыпался по пескам, точно вспугнутая мошкара. Впечатление усиливали развевающиеся на ходу полы одежд. Теперь Пол остался один. Он стоял на песчаном гребне, и перед ним раскинулась Пустыня. До самого горизонта,

плоского и неподвижного. Стилгар выбрал хорошую дюну: она была выше остальных, и с нее было дальше видно.

Наклонившись, Пол глубоко воткнул шест манка в наветренный склон, где песок был плотнее, и, значит, стук манка передавался по нему лучше. Несколько секунд он медлил, в последний раз вспоминая полученные уроки и думая о предстоящем деле – поистине деле жизни или смерти.

Как только он отпустит стопор, манок застучит. Где-то в песках гигантский червь, Податель, услышит этот стук и придет на него; пользуясь похожими на хлысты крючьями, учили Пола, можно вскарабкаться вверх по крутому боку червя. Червь сам поможет ему: пока крюк оттягивает назад передний край одного из кольцевых сегментов его тела, открывая более нежную плоть колючему песку, животное не уйдет под поверхность и, более того, извернется так, чтобы открытый участок оказался насколько возможно дальше от песчаной поверхности.

Я – наездник Пустыни, сказал себе Пол.

Он глянул на крючья в левой руке и подумал, что, для того чтобы заставить Подателя поворачивать и двигаться в нужную сторону, надо только передвигать эти крючья по краю сегмента гигантского тела. Он видел, как это делается. Ему помогали вскарабкаться на червя для коротких тренировочных поездок. Раз захваченного червя можно было гонять, пока тот не обессилеет и не встанет неподвижно в песках. Тогда приходилось подманивать свежего.

Как только он пройдет испытание, он получит право совершить поездку за двадцать манков к югу, чтобы отдохнуть и восстановить силы в краю женщин и детей, укрытых от погромов среди новых пальмовых рощ, в тайных сиетчах под землей.

Он поднял голову и взглянул на юг, напомнив себе, что в испытании есть два неизвестных: неукрощенный червь, вызванный из просторов эрга, и сам новичок испытуемый...

«Тщательно оцени подходящего к тебе Подателя, – наставлял Стилгар. – Стой достаточно близко, чтобы вскочить на него, но не настолько, чтобы он тебя проглотил».

Он решительно отщелкнул стопор. Трещотка завертелась, и по пескам разнесся размеренный стук: тумп… тумп… тумп…

Он выпрямился, оглядел горизонт, помня слова Стилгара: «Тщательно следи за направлением его движения, просчитай его путь. Помни: червь редко подходит к манку незаметно. Но все равно будь настороже и слушай: часто ты услышишь приближение червя прежде, чем увидишь его».

Вспомнил он и предупреждение Чани – ночью в палатке ее одолел страх за него, и она шепотом повторила: «Когда выберешь позицию близ пути Подателя – стой абсолютно неподвижно! Даже думай, как маленькая дюна. Укройся плащом – и стань ею, стань песчаным холмиком снаружи и внутри».

Пол медленно оглядывал горизонт, слушал и ждал появления знака червя – все как учили.

И он пришел с юго-востока: далекое шипение, песчаный шорох. Затем он увидел вдали в утреннем свете, бросавшем длинные тени, след быстро идущего червя – никогда еще он не видал Подателя таких гигантских размеров и даже не слыхал о таком. В нем было не меньше полулиги в длину, а песчаная волна перед головой чудовищной твари казалась настоящей движущейся горой.

«Я не видал ничего подобного ни в реальности, ни в своих видениях», – подумал Пол. И побежал наперерез – занять позицию для перехвата червя, полностью поглощенный предстоящим испытанием.

* * *

«Контролируйте выпуск денег и суды; все же прочее оставьте толпе». Так советует вам Падишах-Император. И он же учит: «Если хотите иметь прибыли – вы должны править». Да, в его словах есть правда. Но, спрашиваю я себя, кто есть толпа – и кем правят?»

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся». Приводится текст тайного послания Муад'Диба Ландсрааду

Джессике пришла нежданная мысль: «Пол, может быть, именно сейчас проходит испытание. Они хотели скрыть это от меня – но это же ясно...»

«И Чани вот уехала по какому-то загадочному делу...»

Джессика сидела в покоях для отдыха: выдалась тихая минутка между ночными уроками. Комната была уютная, хотя и не такая большая, как та, которую ей предоставили в сиетче Табр незадолго до того, как они бежали, спасаясь от погрома. Но и тут на полу лежали толстые ковры, мягкие подушки, под рукой – низкий кофейный столик, многоцветные драпировки на стенах и плавающие лампы под потолком, льющие мягкий желтоватый свет. Разумеется, комната насквозь пропиталась едким, кисловатым запахом фрименского сиетча. Только теперь этот запах ассоциировался у нее с безопасностью.

И все-таки она знала, что эти стены никогда не станут родными для нее, что она никогда не сумеет преодолеть чувство отчужденности. Напрасно пытались ковры и драпировки скрыть суровость этих каменных стен...

Из коридора доносились слабые, приглушенные стенами и расстоянием звуки барабанов, металлическое бряцание, хлопки в ладоши. Это, знала Джессика, праздновали рождение ребенка. Скорее всего родила Субийя – по времени срок ее. И, конечно, скоро этого синеглазого ангелочка принесут к Преподобной Матери – к ней – для благословения. Кроме того, она знала, что ее дочь, Алия, конечно, будет на празднике и ей подробно все расскажет.

А для ночной поминальной молитвы время еще не пришло. Да никто бы и не начал праздник рождения ребенка обрядом оплакивания тех, кто был захвачен в рабство на Поритрине, на Бела Тегейзе, на Россаке, на Хармонтепе.

Джессика вздохнула. Конечно, она понимала, что на самом деле старается сейчас отвлечься от мыслей о сыне и об угрожающих ему смертельных опасностях – ямах-ловушках с отравленными шипами, харконненских рейдах (впрочем, в последнее время харконненские войска все реже отваживались на набеги – фримены поубавили им прыти с помощью данного Полом оружия, навсегда оставив в Пустыне довольно много и топтеров, и самих харконненских вояк). А еще были и естественные опасности Пустыни – Податели, жажда, пыльные провалы...

Она хотела было велеть подать кофе, но остановилась, задумавшись над давно занимавшим ее парадоксом: насколько фримены в своих сиетчах жили лучше, чем пеоны грабенов; а с другой стороны, во время хаджров в Пустыне фрименам приходится выносить куда больше, чем любому из рабов Харконненов...

Занавеси подле нее раздвинулись, в образовавшуюся щель просунулась темная рука, поставила на столик чашку и исчезла. От чашки поднимался аромат кофе, щедро сдобренного Пряностью.

«С праздничного стола», – подумала Джессика.

Она взяла чашку и принялась прихлебывать из нее, улыбаясь. «В каком другом обществе во всей известной Вселенной, – спросила она себя, – мог бы некто, занимающий столь же заметное положение, без опаски пить неизвестно кем приготовленный и неизвестно кем поданный напиток? Теперь-то я, конечно, могла бы изменить внутри себя любой яд. Но подавший мне кофе об этом не знает!»

Она допила кофе. Горячий, вкусный напиток придал ей сил и бодрости.

И еще, подумала она. Ну в каком еще обществе так непринужденно и естественно оберегали бы ее покой и уединение – даритель лишь подал подарок, а сам и не показался! И сам подарок был послан ей с любовью и уважением – и лишь с крошечной толикой страха.

Да, и еще одна сторона случившегося. Стоило ей подумать о кофе, и он тут как тут. Но телепатия здесь ни при чем. Это все – «тау», единство общины сиетча, компенсация за то, что Пряность – пусть слабый, но все-таки яд. Большинству было недоступно просветление, сошедшее на нее благодаря Пряности; их этому не учили и к этому не готовили. Их разум отвергал то, что не мог понять. Но все же зачастую община вела себя как единый организм и ощущала себя таковым.

Мысль о «совпадениях» им даже в голову не приходила.

«Прошел ли Пол испытание в песках? – снова спросила себя Джессика. – Удалось ли ему? Он должен суметь, но даже с лучшим может произойти несчастный случай. На то он и случай...»

Как же трудно – ждать!

Главное – это скука. Ждешь, ждешь... и постепенно тебя одолевает скука ожидания!

А ожидание занимало в их жизни немало места.

Мы здесь уже больше двух лет, думала она, и придется ждать по крайней мере еще вдвое дольше, прежде чем мы

сможем попытаться отбить Арракис у харконненского управителя. У Мудир Нахъя. У Зверя Раббана.

– Преподобная?..

Голос за занавесью принадлежал Харе, второй женщине дома Пола.

– Да, Хара, войди.

Занавеси раздвинулись, Хара скользнула внутрь. На ней были сандалии для ношения в сиетче и красно-желтый халат с короткими, открывавшими руки почти до плеч рукавами. Черные волосы разделены посередине пробором, гладко зачесаны назад и смазаны маслом – точно надкрылья какого-то жука. Хищное, словно вытянутое вперед лицо напряженно нахмурено.

За ней вошла Алия – девочка чуть старше двух лет.

Увидев дочь, Джессика, как часто, бывало, поразилась сходству Алии с Полом в том же возрасте: тот же серьезный, вопросительный взгляд, те же темные волосы, тот же упрямый рот. Но были и отличия – из-за них большинству взрослых становилось не по себе в присутствии Алии. Девчушка-малышка, не так давно начавшая даже ходить, вела себя со взрослым спокойствием и уверенностью. Взрослых шокировало, когда она смеялась над тонкой игрой слов, двусмысленными каламбурами, которыми перебрасывались мужчины и женщины. А иногда Алия своим шепелявым голоском, не всегда внятным из-за неокрепшего еще мягкого нёба, вставляла такие лукавые замечания, которые подразумевали жизненный опыт отнюдь не двухлетнего младенца…

Хара, не без раздражения вздохнув, тяжело опустилась на подушки, исподлобья взглянула на девочку.

– Алия, подойди, – поманила Джессика дочь.

Та подошла к матери, тоже села на подушку, ухватила ее руку. Телесный контакт, как всегда, восстановил и контакт сознаний, существовавший между ними еще до рождения Алии. То были не общие мысли у обеих, не ТП – хотя и такое случалось, если Алия прикасалась к матери в момент, когда Джессика преобразовывала меланжевый яд для церемоний.

Но это – это было нечто большее, непосредственное восприятие другой живой искры, острое чувство единства на уровне нервной системы, делавшее их и эмоционально единым целым.

Джессика в формальной манере, подобающей в обращении с домашними ее сына, обратилась к Харе:

– Субах-уль-кахар, Хара, – как чувствуешь ты себя этой ночью?

В том же традиционно формальном ключе та ответила:

– Субах-ун-нар – у меня все в порядке в эту ночь.

Она произнесла приветственную формулу почти без выражения и снова вздохнула.

Джессика почувствовала, что Алия смеется про себя.

– Гханима́ моего брата мною недовольна, – объяснила она, слегка шепелявя.

Джессика, разумеется, не могла не отметить, что Алия назвала Хару «гханима». Так у фрименов назывался добытый в бою трофей, причем обычно такой предмет, который более не использовался по первоначальному, прямому назначению, – так, безделушка и на память о победе. К примеру, наконечник копья, подвешенный к занавеске в качестве грузика.

Хара метнула на девочку сердитый взгляд:

– Не нужно меня оскорблять, дитя. Я свое место помню.

– И что ты на этот раз натворила, Алия? – спросила Джессика.

За нее ответила Хара:

– Сегодня она не только отказалась играть с другими детьми, но и влезла, куда...

– Я спряталась за занавеской и смотрела на рождение ребенка Субийи, – объясняла Алия. – Это мальчик. Он все кричал, кричал... Ну у него и легкие! Ну и когда я увидела, что он покричал достаточно...

– Она подошла и коснулась его! – возмущенно сказала Хара. – И он замолчал, а ведь всякий знает, что фрименский ребенок должен как следует выкричаться, если он в сиетче,

– потому что он больше не должен будет кричать или плакать, чтобы не выдать нас во время хаджра.

– А он и выкричался, – сообщила Алия. – Я только хотела прикоснуться к его искорке… ну, к жизни. Только и всего. А когда он ощутил меня, он больше не хотел плакать.

– Разговоров прибавится, – пробурчала Хара.

– Но ребенок Субийи здоров? – спросила Джессика. Она видела, что Хара чем-то сильно встревожена.

– Здоровее не бывает, – ответила Хара. – И все знают, что Алия ему не повредила. И, в общем, не рассердились, что она его трогала. Тут другое… – Хара пожала плечами.

– Все дело в странности моей дочери? – спросила Джессика. – В том, что она говорит не как ребенок ее лет и знает вещи, по возрасту ей не положенные, например, образы из прошлого…

– Ну откуда ей знать, например, как выглядел какой-то там ребенок на Бела Тегейзе?!

– Так он же похож! – возмущенно сказала Алия. – Мальчик Субийи в точности как сын Митхи, что родился перед самым уходом…

– Алия! – строго сказала Джессика. – Я же тебя предупреждала!

– Но, мама, я же сама видела и…

Джессика покачала головой – на лице Хары было написано сильное беспокойство. «Кого же я родила? – спросила себя Джессика. – Она уже в миг рождения знала столько же, сколько я… даже больше – все, что открылось с помощью Преподобной Матери в коридорах прошлого…»

– Дело не только в том, что она сказала, – мрачно проговорила Хара. – Тут и другое: ее упражнения, например: сядет и уставится в скалу, и только один какой-нибудь мускул дергается, возле носа, или на пальце, или…

– Бене-гессеритские упражнения, – кивнула Джессика. – Ты же знаешь про них, Хара. Надеюсь, ты не собираешься отказывать моей дочери в наследственности?

– Тебе известно, Преподобная, что для меня такие вещи ничего особенного не значат, – ответила Хара. – Но люди-то шепчутся… Я чувствую опасность. Они говорят, что твоя дочь – демон, что другие дети отказываются с ней играть, что она…

– У нее слишком мало общего с другими детьми, – сказала Джессика. – Какой она демон! Просто она…

– Конечно, она не демон!

Джессика поразилась, с какой горячностью Хара сказала это. Она перевела взгляд на Алию. Девочка как будто совершенно ушла в свои мысли – как будто… ждала чего-то. Джессика вновь обернулась к Харе.

– Я уважаю домашних моего сына, – сказала Джессика (а Алия пошевелилась у нее под рукой). – Ты можешь открыто говорить со мной обо всем, что тебя тревожит.

– Недолго мне быть в его доме! – ответила Хара. – Я ждала до сих пор ради своих сыновей, ради всего, чему они научились, как сыновья Усула. Это немного, но это все, что я могла им дать, – ведь все знают, что я не делю ложе с твоим сыном.

Алия, теплая в полудреме, опять шевельнулась под рукой матери.

– Но тем не менее ты могла бы стать хорошей подругой и помощницей моему сыну… – сказала Джессика. И добавила про себя, потому что не переставала думать об этом: только не женой. А от этой мысли было, конечно, недалеко и до другой, более важной, что как заноза постоянно мучила ее: в сиетче уверенно говорили, что союз ее сына с Чани стал уже настоящим супружеством.

«Я-то люблю Чани…» – подумала Джессика. И тут же напомнила себе, что любви, может быть, придется уступить дорогу политическим соображениям… вопросам короны. Монархи, как известно, редко женятся по любви.

– Думаешь, я не знаю, что ты готовишь для сына? – продолжала Хара.

– Ты о чем? – строго спросила Джессика.

– Ты хочешь объединить все племена под Его рукой.

– Разве это плохо?

– Я вижу опасность для него… и Алия – часть этой опасности.

Алия теснее прижалась к матери. Теперь она открыла глаза и внимательно смотрела на Хару.

– Я же смотрела на вас, – сказала та. – Как вы касаетесь друг друга. И Алия для меня – родная плоть, ведь она сестра тому, кто как брат мне. Я присматривала за ней и берегла ее с тех пор, когда она была совсем крошкой. С той самой раззии, после которой мы укрылись здесь. И я многое видела…

Джессика кивнула. Она чувствовала, как в Алие нарастает тревога.

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – продолжала Хара. – Как с первого дня она понимала все, что мы говорим ей. А разве знал свет другого ребенка, который бы в столь раннем детстве так знал и соблюдал водную дисциплину? И разве был, когда ребенок, чьими первыми словами к няньке было бы: «Я люблю тебя, Хара»?

Хара прямо посмотрела на Алию.

– Почему, как ты думаешь, я терплю все ее подковырки и оскорбления? Потому что знаю, что на самом деле она на меня худа не держит!

Алия подняла глаза на мать.

– Да, Преподобная, я тоже умею думать, – сказала Хара. – Я сама могла бы стать сайядиной. И что я видела – то видела.

– Хара… – Джессика пожала плечами. – Я не знаю, что сказать… – И она поразилась собственным словам, потому что это буквально была чистая правда: она не знала, что сказать.

Алия выпрямилась, развернула плечики. Джессика поняла – время ожидания прошло. Алией владело сложное чувство, смесь решимости и грусти.

– Мы совершили ошибку, – сказала Алия. – Теперь нам нужна Хара.

– Это случилось во время Обряда Семени, – проговорила Хара. – Когда ты, Преподобная, преобразовывала Воду Жизни: когда Алия еще жила, нерожденная, в твоем чреве.

«Нам нужна Хара?» — удивленно повторила про себя Джессика.

– А кто еще может поговорить с людьми, помочь им хотя бы начать понимать меня? – ответила девочка.

– И что ты хочешь, чтобы она сделала? – спросила Джессика.

– Она уже знает, что ей делать.

– Я расскажу им правду, – сказала Хара, и ее лицо показалось вдруг им старым и грустным. Оливковая кожа собралась в хмурые морщинки на лбу, а в острых чертах проглянуло настоящее колдовство. Хара стала похожа на ведьму. – Я скажу им, что Алия только притворяется маленькой девочкой, а на самом деле и не была ею никогда.

Алия покачала головой. По ее щекам потекли слезы, и Джессика ощутила волну ее печали, как свою собственную печаль.

– Я знаю, что я урод... – прошептала Алия. Взрослые слова и интонация из детских уст прозвучали подтверждением горькой истины.

– Никакой ты не урод! – оборвала ее Хара. – Кто посмел сказать тебе такое?!

Джессика вновь поразилась яростной силе голоса Хары и готовности, с какой она бросилась на защиту Алии. И Джессика поняла – Алия рассудила верно: Хара им нужна. Племя поймет ее слова и чувства, ибо было очевидно, что она любит Алию, как свое собственное дитя.

– Так кто это сказал?! – повторила Хара.

– Никто.

Уголком материнской абы Алия вытерла слезы. Разгладила смятый и промокший край ткани.

– Ну так и ты не говори такого! – велела Хара.

– Да, Хара.

– Ну а сейчас, – сказала Хара, – можешь все рассказать мне. Чтобы я рассказала другим. Итак, что с тобой случилось?

Алия сглотнула, подняла взгляд на мать.

Джессика кивнула.

– Однажды я проснулась, – проговорила Алия. – Это было как пробуждение ото сна, вот только я не помнила, чтобы засыпала перед этим. Я была в каком-то теплом, темном месте. И я – испугалась.

Слушая шепелявящий голосок дочери, Джессика вспомнила тот день, огромную пещеру…

– Когда я испугалась, – продолжала девочка, – я попыталась выбраться из этого места; но выхода не было. Потом я увидела искорку… то есть не совсем увидела. Эта искорка была прямо там, со мной, мы были вместе; и я ощутила эмоции, исходившие от нее… она меня утешала, успокаивала, обещала, что все будет хорошо. Это была моя мать.

Хара вытерла глаза и ободряюще улыбнулась Алие. Но все-таки глаза фрименки диковато поблескивали – хотя казалось, будто Хара хочет и глазами слушать рассказ Алии.

Что можем мы знать о том, что думает она – с ее уникальным опытом, воспитанием и наследственностью?.. – подумала Джессика.

– Но как только я успокоилась и почувствовала себя в безопасности, – рассказывала Алия, – появилась еще одна искра… тут-то все и случилось. Этой третьей искрой была Преподобная Мать. Она… передавала маме многие жизни… все, что у нее было… и я была с ними и все видела… все-все. И потом все кончилось, и я была уже всеми ими, и еще другими, и самой собой… только мне пришлось очень долго искать себя. Там было слишком много других.

– Это было жестоко, – проговорила Джессика, – никто не должен так пробуждаться к жизни. Но всего поразительнее то, что ты сумела принять все, что с тобою случилось!..

– А что мне оставалось? – пожала плечиками Алия. – Я не знала, как оттолкнуть все это или спрятать свое сознание…

или закрыть его, отгородиться... всё просто случилось... всё это...

– Но мы же не знали... – пробормотала Хара. – Когда мы давали твоей матери Воду, чтобы она изменила ее, мы не знали, что она уже носит под сердцем тебя...

– Не печалься об этом, Хара, – сказала Алия. – Да и мне себя жалеть не стоит. В конце концов, тут и порадоваться можно: я ведь Преподобная Мать. У племени, значит, две Препо...

Она замолчала и, склонив голову, прислушалась.

Хара, сидевшая на пятках рядом с ней, откинулась назад, пораженно уставилась на Алию, затем подняла взгляд на Джессику.

– Неужели ты даже не подозревала? – спросила Джессика.

– Ш-ш-ш, – поднесла палец к губам Алия.

Из-за занавеси, отделявшей комнату от коридора сиетча, доносился далекий ритмичный напев. Он стал громче. Теперь были слышны слова: «Йа! Йа! Йаум! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах! Йа! Йа! Йаум! Му зейн валлах!»

Хор приблизился, прошествовал мимо входа в йали, голоса наполнили все комнаты. Постепенно звук удалился.

Когда он почти затих, Джессика начала обряд, скорбно возвестив:

– То было в рамадан, и апрель стоял на Бела Тегейзе.

– Семья моя сидела в нашем бедном дворике, – подхватила Хара, – и воздух был умыт влажной пылью фонтанной струи. И простирало ветви дерево, и портигюли висели на них, круглые и яркие, только руку протяни. Стояла корзина, полная мишмиша и баклавы, и рядом – кувшины с либаном – все добрая пища и питье. Мир был над нашими садами и пастбищами, и мир в домах наших, и был мир по всей земле.

– Итак, полна счастья была жизнь, покуда не явились враги, – продолжила Алия.

– Кровь стыла в жилах от криков друзей моих, – сказала Джессика – и почувствовала, как сквозь все жизни, вливши-еся в ее память, приходят кровавые воспоминания.

– «Ла, ла, ла», – стенали женщины, – опять вступила Хара.

– И вот ворвались в мой муштамаль налетчики и броси-лись на нас; кровь капала с их клинков, и то была кровь наших мужчин, – снова была очередь Джессики.

Они замолчали, как замолчали люди по всему сиетчу, во всех его помещениях, вспоминая и не давая угаснуть дав-нему горю.

Наконец Хара произнесла слова, завершавшие ритуал, и эти слова прозвучали так жестко, как Джессике не приходи-лось еще их слышать:

– Никогда не простим и никогда не забудем.

В задумчивой тишине, наставшей после этих слов, они услышали неясные голоса людей, шелест множества одежд. Джессика почувствовала, что за занавесью кто-то стоит.

– Преподобная?..

Женский голос. Джессика узнала его – Тартар, одна из жен Стилгара.

– В чем дело, Тартар? – спросила Джессика.

– Дурные вести, Преподобная...

У Джессики сжалось сердце от страха за сына.

– Пол, – выдохнула она.

Тартар развела занавеси и вошла. Прежде чем занавеси упали, Джессика успела заметить, что в передней толпится народ. Она посмотрела на Тартар: невысокая смуглая жен-щина в черном с красными узорами платье; ноздри раздува-ются, открывая натертые носовыми фильтрами мозоли; сплошь синие глаза в упор смотрят на нее.

– Так что случилось? – требовательно спросила Джес-сика.

– Весть из песков, – ответила Тартар, – Усул сегодня встречается с Подателем – сегодня испытание... да, сегодня. Молодежь уверена, что он не может не справиться, и

говорит, что еще до заката он станет наездником Пустыни. И парни собираются на раззию. Они поедут на север и встретят там Усула. Затем они собираются заставить Усула бросить вызов Стилгару и взять власть над всеми племенами.

Копить воду, засаживать дюны зеленью, медленно, но верно заменять свой мир – всего этого им уже недостаточно, подумала Джессика. Маленькие набеги, маленькие – но наверняка, этого им больше недостаточно. Теперь, когда Пол и я обучили их стольким вещам... Они почувствовали свою силу – и рвутся в бой.

Тартар переступила с ноги на ногу, кашлянула.

Нам известно, как важно осторожное ожидание, думала Джессика, но мы знаем и опасность, скрытую в слишком долгом ожидании: можно потерять чувство цели...

– Парни говорят – если Усул не вызовет Стилгара, он трус, – добавила Тартар и опустила глаза.

– Вот, значит, как... – пробормотала Джессика и подумала: Хорошо, что я видела, как это назревает. И Стилгар тоже.

Тартар опять прочистила горло.

– Даже мой брат, Шоаб, говорит то же самое, – сказала она. – Они не оставят Усулу выбора.

Значит, пришел этот час. И Полу придется самому разбираться с этим: Преподобная Мать не смеет вмешиваться в вопросы преемственности власти.

Алия высвободила руку из пальцев матери и сказала:

– Пойду с Тартар, послушаю парней. Может, можно сделать что-нибудь.

Джессика посмотрела на Тартар, но ответила дочери:

– Ну, иди. Расскажешь все мне, как только сможешь.

– Мы не хотим, чтобы так случилось, Преподобная, – сказала Тартар.

– Мы не хотим, – согласилась Джессика. – Племени нужны все его силы. – Она взглянула на Хару: – А ты с ними пойдешь?

Хара ответила на непроизнесенную вслух часть вопроса:

– Тартар не допустит, чтобы с Алией что-то случилось. Она же знает, что скоро мы с нею обе будем женами одного человека. Мы уже поговорили, Тартар и я. – Хара бросила взгляд на Тартар, опять посмотрела на Джессику. – Мы друг друга поняли.

Тартар протянула Алие руку:

– Поторопимся. Парни уже выходят.

Они вышли. Невысокая женщина вела ребенка за руку – но казалось, что это ребенок ведет ее.

– Если Пол Муад'Диб убьет Стилгара – это не пойдет племени на пользу, – сказала Хара. – Конечно, раньше власть передавалась именно так; но теперь времена изменились.

– Они и для тебя изменились, – заметила Джессика.

– Не думаешь же ты, что я сомневаюсь в исходе такого поединка, случись он? – спросила Хара. – Разумеется, Усул победил бы.

– И я о том же, – кивнула Джессика.

– А ты думаешь, мои личные чувства вмешиваются в мои суждения. – Хара покачала головой, и водяные кольца у нее на шее звякнули. – Как ты ошибаешься! Может быть, ты думаешь, что я ревную к Чани из-за того, что не я – избранница Усула?

– Ты выбираешь сама – как можешь, – ответила Джессика.

– Я жалею Чани, – сказала Хара.

Джессика напряглась:

– Что ты имеешь в виду?

– Я же знаю, что ты думаешь о Чани. А думаешь ты, что она не может быть женой твоему сыну.

Джессика откинулась назад, на подушки, расслабилась. Пожала плечами:

– Может быть.

– Возможно, ты и права, – продолжала Хара, – и если ты права, то удивительного найдешь ты союзника: саму Чани. Она хочет лишь того, что лучше всего для Него.

Джессика сглотнула – у нее неожиданно перехватило горло.

– Чани очень дорога мне, – проговорила она. – Она не могла бы...

– Грязные какие ковры тут у тебя, – перебила Хара и опустила глаза к полу, избегая взгляда Джессики. – Оно и понятно: вон сколько народу топчется тут все время. Почаще бы надо их чистить...

* * *

В рамках ортодоксальной религии избежать влияния политики невозможно. Борьба за власть пронизывает все: обучение, воспитание и правила жизни в ортодоксальной общине. И из-за этого давления руководители такой общины или общества рано или поздно неизбежно встают перед не имеющим альтернатив выбором: или скатиться к окончательному оппортунизму ради сохранения своей власти, или же быть готовыми пожертвовать даже и собственной жизнью во имя ортодоксальной этики.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб: вопросы религии»

Пол стоял на гребне песчаного моря чуть в стороне от линии движения гиганта Подателя. «Я не должен ждать его, как контрабандист, – с нетерпением, дрожа от возбуждения и страха, напомнил он себе, – я должен быть частью самой Пустыни».

Теперь червь был всего в нескольких минутах от него, наполняя утренний воздух шипением и скрежещущим шелестом расступающегося перед ним песка. Чудовищные зубы в подобном пещере провале пасти походили на лепестки невероятного цветка. Запах Пряности затопил все вокруг.

Дистикомб он теперь ощущал как свою вторую кожу, да и о носовых фильтрах и лицевом клапане-респираторе почти не думал. Сказывалась школа Стилгара – утомительные тренировки в песках.

– На сколько надо отступать от линии хода Подателя, считая по его радиусу, на гравийном песке? – спрашивал Стилгар.

Пол ответил правильно:

– Полметра на каждый метр диаметра. То есть на расстояние радиуса.

– Зачем?

– Чтобы не затянуло в песковорот при его прохождении и в то же время – чтобы успеть добежать до червя и вскочить на него.

Ты уже ездил на меньших – тех, которых выращивают для получения Семени и Воды Жизни. Но во время испытания ты будешь иметь дело с настоящим диким червем, со Стариком Пустыни. Такой требует к себе уважения!

Теперь стук манка почти заглушался шелестом и скрежетом приближающегося червя. Пол глубоко дышал – горьковатый запах песка пробивался даже через фильтры. Дикий червь – Податель, Старик Пустыни, Шаи-Хулуд – уже возвышался над ним, надвигался, казалось, прямо на него. Вздымающиеся передние сегменты отбрасывали песчаную волну – вот-вот она захлестнет Пола по колено...

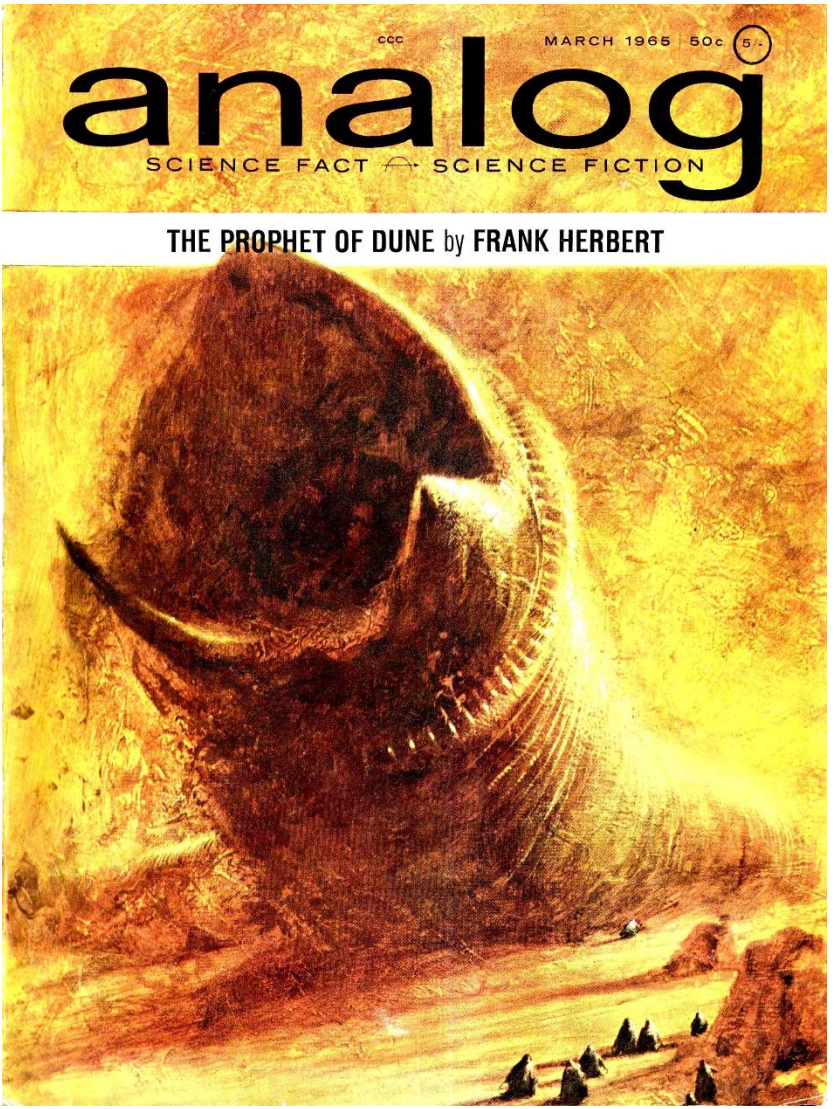
«Иди, иди сюда, дивное чудовище, – думал он. – Иди. Ты услышал мой зов. Иди. Иди ко мне».

Волна песка мягко приподняла его, поднятая с поверхности пыль обдала с ног до головы. Пол устоял; весь мир был теперь сосредоточен для него в этой движущейся мимо изогнутой стене, окутанной пылью, в составленной из сегментов ползущей скале... Разделявшие сегменты линии отчетливо виднелись на боках гигантской твари.

Пол поднял крючья, примерился, изогнувшись, сделал бросок; почувствовал, что крючья «взяли» червя и держат. Тогда он прыгнул вперед, уперся ногами в эту нависшую над ним стену, перенеся вес на крючья. Это был самый ответственный момент, пик испытания: если он вонзил крючья правильно, в передний край кольцевого сегмента, так,

чтобы оттянуть его, червь не может перекатиться и раздавить его.

Червь замедлил ход. Он прошел там, где только что стоял манок, стук прекратился. Затем медленно червь развернулся так, чтобы раздражающие его колючки оказались

наверху, как можно дальше от песка, оберегая открывшуюся нежную оболочку.

Теперь Пол оказался на самой «спине» червя, на самой высокой точке. Он ощутил возбуждение, почувствовал себя владыкой, оглядывающим свою империю. Он подавил – не без труда – желание подпрыгнуть, а лучше – развернуть, например, червя, чтобы показать, что он, Пол, повелитель гиганта.

Он понял в этот момент, почему Стилгар как-то предупреждал его не уподобляться тем зарвавшимся, чересчур лихим парням, которые затевали игры с этими чудовищами, делали на спине червя стойку на руках, выдергивали оба крючка и снова вонзали их, прежде чем червь успевал сбросить дерзкого наездника.

Оставив один крюк воткнутым, Пол отцепил второй и перенес его ниже; когда он надежно закрепил его и проверил, он перенес первый еще ниже второго. Червь снова извернулся, и одновременно повернул, и, вздымая облако тонкой песчаной пыли, направился туда, где ждали все остальные.

Пол увидел их, бегущих к червю, карабкающихся вверх с помощью крючьев, они теперь не захватывали края сегментов, пока не поднимались на самый верх. Наконец весь отряд выстроился позади Пола в три ряда, держась крючьями за кольца панциря.

Стилгар, лавируя между ними, подошел к Полу, проверил, как держат крючья, взглянул на улыбающееся лицо своего ученика.

– Что – сделал, а? – крикнул Стилгар, перекрывая скрип и шелест песка. – Так ты думаешь? Все в порядке, да? – Он выпрямился. – Только вот что я тебе скажу: так себе сделал! Мальчишка двенадцати лет – и тот лучше справился бы! Ты что, не видел – слева от того места, где ты встал, были барабанные пески? Поверни червь – и тебе было бы некуда отойти!

Улыбка исчезла с лица Пола.

– Я видел барабанные пески.

– Так что же ты не дал нам сигнала, чтобы кто-нибудь встал на подхвате? Это и на испытании допускается.

Пол сглотнул, повернулся лицом к ветру.

– Обиделся, что я сказал об этом? – спросил Стилгар. – Это мой долг. Я обязан думать о том, как ценна твоя жизнь для всего племени. Если бы ты ступил на барабанные пески – червь повернул бы на звук!

Как ни был сердит Пол, он понимал, что Стилгар прав. Все же ему понадобились не меньше минуты и вся подготовка, полученная от матери, чтобы вернуть себе спокойствие.

– Извини, – сказал он наконец. – Этого не повторится.

– Если место не очень удобное, всегда бери помощника, чтобы он взял Подателя, если тебе самому это не удается, – наставительно сказал Стилгар. – Помни: мы всегда работаем вместе. В этом – наша сила; когда мы вместе, мы можем быть уверены в успехе. Так вместе, а? – Он хлопнул Пола по плечу.

– Вместе, – согласился Пол.

– Ну а теперь, – голос Стилгара сразу стал жестче, – покажи, как управляешься с Подателем. На какой мы стороне?

Пол взглянул на чешуйчатую поверхность кольца под ногами; оценил форму и размер чешуй, заметил то, как справа они увеличивались, а слева уменьшались. Он, разумеется, знал, что червь, как правило, передвигается одной и той же стороной вверх. А с возрастом эта сторона становилась практически постоянной «спиной» червя. Нижние пластины чешуи укрупнялись, становились толще, темнее, тяжелее. На крупном черве «спинные» пластины можно было отличить по одному только размеру.

Перебросив крючья, Пол передвинулся левее. Он дал знак стоявшим с краю открывать сегменты червя, чтобы тот, поворачиваясь «спиной» кверху, не свернул с курса. Когда же червь извернулся, Пол махнул рулевым – те вышли из ряда и заняли свои места впереди.

– Аш! Хаийй-йо! – издал он традиционный клич. Левый рулевой приоткрыл сегмент со своей стороны.

Податель, поискав величественную дугу, развернулся, стараясь уберечь обнажившуюся нежную плоть. Завершив круг, червь оказался головой к югу; тогда Пол скомандовал:

– Гейрат!

Рулевой отпустил крюк, и червь продолжил движение по прямой.

– Очень хорошо, Пол Муад'Диб, – похвалил Стилгар. – Из тебя выйдет еще наездник, если потренируешься как следует!

Пол нахмурился: разве не он первым вскочил на червя?

Позади кто-то рассмеялся, и весь отряд принялся скандировать, несколько раз подбросив к небу имя Пола:

– Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

От хвостовых сегментов донесся стук – заработали стрекалами погонщики. Червь начал набирать скорость, и одежды ездоков захлопали на ветру. Скрежет, сопровождавший движение червя, усилился.

Пол обернулся, оглядел свой отряд, нашел Чани и, не отрывая от нее взгляда, спросил Стилгара:

– Так что – я теперь наездник Пустыни или нет, Стил?

– Хал йаум! Воистину ты наездник отныне!

– И я могу сам выбирать курс?

– Таков обычай!

– И отныне я также фримен, родившийся сегодня здесь, в эрге Хаббанья. До этого дня – я не жил! Я был ребенком – до этого дня!

– Ну, не то, чтобы совсем ребенком, – возразил Стилгар, подтягивая уголок капюшона, который дергал и оттопыривал встречный ветер.

– Но словно какая-то пробка отгораживала от меня мир; и вот она выдернута!

– Да, этой пробки больше нет.

– И я пойду на Юг, Стилгар. За двадцать манков. Я хочу видеть землю, которую мы создаем; землю, которую доселе я видел лишь чужими глазами.

«И я увижу своего сына и всю свою семью, – подумал он. – Мне нужно время, чтобы обдумать будущее, что подобно прошлому для моей памяти. Подходит буря, и, если я не буду в той точке, из которой сумею управлять ею и успокоить ее, – придет хаос».

Стилгар окинул его спокойным, оценивающим взглядом. Пол продолжал смотреть на Чани, видя, как растет интерес в ее глазах и как возбуждение от его слов охватывает весь отряд.

– Но люди хотели бы сходить с тобой в набег на один из харконненских поселков во впадине – это всего в одном манке отсюда, – возразил Стилгар.

– Федайкины не раз уже ходили со мной в набеги, – ответил Пол. – И будут ходить со мной в бой, пока хоть один из Харконненов дышит арракийским воздухом!

Стилгар внимательно смотрел на него, и Пол понял, что вождь видит происходящее через призму воспоминаний о том, как возглавил сперва свой сиетч, Табр, а потом, после гибели Лиет-Кинеса, – и Совет Вождей.

Ему уже доложили о волнениях среди молодых фрименов, подумал Пол.

– Хочешь собрать всех вождей? – спросил Стилгар.

У молодых парней, стоявших позади, засверкали глаза.

Покачиваясь на ходу, они внимательно следили за беседой. Пол заметил и беспокойство в глазах Чани, то, как она переводит взгляд со Стилгара, приходившегося ей дядей, на Пола – своего мужчину.

– Ты и не догадываешься, чего я хочу, – проговорил он, подумав: «Я не могу отступать. Я должен взять их всех в свои руки».

– Сегодня ты – мудир отряда наездников, – сказал Стилгар, и в его голосе прорезалась ледяная официальность. – Как ты собираешься распорядиться этой властью?

Нам нужно время – расслабиться и спокойно все обдумать, подумал Пол.

– Идем на юг, – ответил он.

– Даже если я прикажу повернуть на север, когда закончится день?

– Идем на юг, – повторил Пол.

Стилгара охватило чувство неизбежности. Он с достоинством запахнул плотнее свой плащ.

– Сход будет, – объявил он. – Я разошлю гонцов.

«Он решил, что я хочу бросить ему вызов, – подумал Пол. – И он знает, что против меня ему не выстоять».

Пол опять повернулся к югу и, подставляя неприкрытые лицевым клапаном скулы встречному ветру, думал о том, как необходимость воплощается в принятые решения...

Им не понять, каково это.

Но он знал, что никакие соображения не заставят его свернуть с пути. Он обязан оставаться там, куда придется центр бури, которую он видел в будущем. Придет момент, когда эту бурю можно будет усмирить – если он будет находиться вблизи центрального узла, чтобы разрубить его в нужный миг.

Если только это возможно – я не стану вызывать его, думал Пол. Если есть другой способ избежать дороги к джихаду...

– Сделаем вечером привал для ужина и молитвы в Птичьей пещере, что в хребте Хаббанья, – сказал Стилгар. Он одним крюком вцепился в шкуру червя, чтобы удержаться на колышущемся теле гиганта, а свободной рукой указал на встающий на горизонте невысокий скальный барьер.

Пол посмотрел в ту сторону. Каменные складки барьера напоминали застывшие волны. Ни клочок зелени, ни цветок не смягчали суровый пейзаж. А дальше начинался путь в южную Пустыню – эта дорога занимала не меньше десяти дней и ночей, Подателя быстрее двигаться не заставишь.

Двадцать манков!

Этот путь уводил далеко за пределы мест, где можно было встретить харконненские патрули. Пол знал, как они доберутся до цели, – он не раз видел это во сне. Однажды наездники заметят, что горизонт окрашен как будто немного другим цветом – изменение настолько небольшое, что можно подумать, что желаемое выдаешь за действительное, – а потом перед ними появится и новый сиетч.

– Устраивает ли мое решение Муад'Диба? – перебил Стилгар мысли Пола. Нотка сарказма в его голосе была едва заметна, но уши фрименов, привыкшие различать малейшие оттенки птичьих голосов или сообщений, звучащих в писке сейлаго, отметили этот сарказм – и теперь все ждали реакции Пола.

– Стилгар слышал, как я поклялся в верности ему, когда федайкины проходили посвящение, – проговорил тот. – Мои воины-смертники знают – то была честная клятва. Или Стилгар сомневается в ней?

В голосе Пола звучала настоящая боль, и, слыша ее, Стилгар опустил глаза.

– Усул – мой товарищ по сиетчу; и в нем я не усомнюсь никогда, – ответил наконец он. – Но ты также – Пол Муад'Диб, герцог Атрейдес, и ты – Лисан аль-Гаиб, Глас из Внешнего Мира. А этих людей я даже не знаю...

Пол отвернулся от него к встающему из-за пустынного горизонта хребту Хаббанья. Червь под ними был все еще силен и бодр. Он мог пройти вот так вдвое большее расстояние, чем любой другой, когда-либо оседланный фрименами. Пол знал это. Ни одна история из тех, что рассказывают детям, не могла быть достойным описанием этого Старика Пустыни. Это начало новой легенды, подумал Пол.

Сильная рука сжала его плечо.

Пол взглянул на руку, потом на ее обладателя. На него глянули темные глаза Стилгара, обрамленные капюшоном и маской.

– Тот, кто стоял во главе сиетча Табр до меня, – сказал Стилгар, – был мне другом. Мы делили с ним многие опасности. Много раз спасал я его жизнь… а он – мою.

– И я друг тебе, Стилгар, – ответил Пол.

– Никто в этом не сомневается. – Стилгар убрал руку, пожал плечами. – Но так уж повелось…

Стилгар, понял Пол, был фрименом до мозга костей – настолько, что иного пути он не видел. У фрименов новый вождь либо принимал бразды правления из мертвых рук своего предшественника, либо убивал сильнейшего противника из людей своего племени, если старый вождь погибал в Пустыне. Так стал наибом и сам Стилгар.

– Сойдем с Подателя на глубоком песке, – сказал Пол.

– Да, – кивнул Стилгар. – Отсюда мы дойдем до пещеры и пешком.

– Мы достаточно долго ехали на нем – так что он зароется в песок и будет день-два отдыхать и дуться на нас.

– Ты – мудир этой поездки, – ответил Силгар. – Скомандуешь, когда мы… – Он замолчал, глядя на небо на востоке.

Пол резко обернулся, проследил за взглядом Стилгара. Пряность окрасила его глаза синевой, и небо казалось темным сквозь нее – и на фоне глубокой лазури отчетливо мерцала ритмически вспыхивающая точка.

Орнитоптер!

– Небольшой топтер, один, – отметил Стилгар.

– Разведчик, возможно, – предположил Пол. – Как ты думаешь, они нас увидели?

– На таком расстоянии мы для них – просто идущий по поверхности червь. – Стилгар махнул рукой. – Прыгаем и рассыпаемся по песку!

Наездники начали спускаться со спины гиганта – спрыгивали и тут же укрывались с головой плащами, исчезали, сливаясь с песком. Пол приметил, где спрыгнула Чани.

Наконец на спине червя остались только двое – Пол и Стилгар.

– Кто первым вскочил на червя, прыгает последним, – сказал Пол.

Стилгар кивнул, соскользнул вниз, подстраховываясь крючьями, спрыгнул в песок. Пол подождал, пока червь отойдет на достаточное расстояние от места, где сошли остальные наездники, и освободил крючья. С червем, который сохранял еще достаточно сил, это был особенно опасный момент.

Гигант, почувствовав, что крючья и стрекала больше не беспокоят его, начал уходить в песок. Пол легко побежал по его широкой «спине» к хвосту и, тщательно выбрав момент, прыгнул, приземлился в беге, пробежал, как учили, по склону дюны, вызвав песчаный оползень, и, укрывшись плащом, дал песку засыпать себя.

Теперь оставалось только ждать...

Осторожно повернувшись, Пол через щелочку в складках плаща взглянул на небо. То же самое, знал он, сделали сейчас все его спутники.

Сначала он услышал мерное биение крыльев и только потом увидел топтер. Негромко свистя турбинами, машина промчалась над ним и по пологой дуге ушла в сторону хребта.

«Никаких опознавательных знаков», – отметил Пол.

Топтер скрылся за хребтом Хаббанья. Над песками раздался птичий крик, затем еще один.

Стряхнув песок, Пол встал, поднялся на гребень дюны. Его отряд растянулся в цепочку – Пол сразу увидел Стилгара и Чани.

Стилгар махнул в сторону хребта. Отряд собрался и, ломая ритм, двинулся скользящими шагами, которые не привлекут внимания червя. Стилгар подошел к Полу, быстро скользя по уплотненному ветром песчаному склону.

– Это контрабандисты, – сказал он.

– Похоже, – подтвердил Пол. – Только вот для контрабандистов они слишком уж глубоко забрались в Пустыню.

– Патрули и контрабандистам мешают, – пожал плечами Стилгар.

– Но, если они забрались сюда – они могут залететь и еще глубже.

– Пожалуй...

– Нехорошо, если они увидят то, что можно увидеть, залетев слишком глубоко в Пустыню. Контрабандисты приторговывают и информацией.

– Они, наверно, ищут Пряность, – предположил Стилгар.

– А значит, где-то неподалеку их ждут краулер и крыло, – сказал Пол. – Пряность у нас есть. Она и будет наживкой: распыляем ее по песку и ловим контрабандистов – сколько попадется. Они должны усвоить, что здесь – наша земля; кстати же, нашим бойцам надо осваивать новое оружие.

– Вот это – слова Усула! – ухмыльнулся Стилгар. – Усул – он думает, как настоящий фримен!

Но Усулу придется уступить дорогу – не ему принимать решения, соизмеримые с ужасным предназначением... – подумал Пол.

Буря приближалась.

* * *

Когда закон и долг сливаются в единое целое, соединенные религией, – тогда человеку не дано действовать с полным осознанием себя. Он становится чем-то чуть меньшим, чем личность.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб: Девяносто девять чудес Вселенной»

Грузолет-матка с меланжевым комбайном контрабандистов на подвеске в окружении нескольких топтеров вынырнул из-за дюнной гряды, словно пчелиная царица со своим роем. Они шли к одному из скальных хребтов, вставших из песков миниатюрными копиями Барьерной Стены. Недавняя буря начисто смела песок с каменных склонов.

В прозрачном пузыре рубки краулера Гурни Халлек склонился вперед, подстроил масляные линзы бинокля и

оглядел местность внизу. За грядой он заметил темное пятно; оно вполне могло оказаться меланжевым выбросом, поэтому он послал орнитоптер на разведку.

Топтер покачал крыльями, подтверждая получение приказа, оторвался от роя, подлетел к пятну и закружил над ним, опустив детекторы к самому грунту. Почти сразу, хлопнув крыльями, он сделал «бочку» и описал круг: сигнал экипажу комбайна, что Пряность обнаружена.

Гурни Халлек убрал бинокль в футляр – он знал, что сигнал разведчика замечен. Хорошее местечко. Хребет – это все-таки защита. Конечно, здесь – глубокая Пустыня и засада маловероятна... И все-таки... Халлек приказал пролететь над хребтом и осмотреть его сверху. Распорядился, чтобы топтеры сопровождения барражировали вокруг выброса – не слишком высоко, чтобы сделать их менее заметными для харконненских детекторов.

Впрочем, он сомневался, что патрули забираются так далеко на юг. Здесь все еще были владения фрименов.

Гурни проверил вооружение (и в очередной раз ругнул судьбу, которая исключала здесь использование щитов: следовало всеми силами избегать того, что может привлечь червя). Потирая лиловый шрам от чернильника на скуле, он осматривал местность... пожалуй, безопаснее повести разведывательную партию через скалы. Проверка с высадкой – самый надежный вариант. Когда харконненские войска и фримены рады всякому случаю вцепиться друг другу в глотку, лишних предосторожностей не бывает...

Здесь-то его больше беспокоили фримены. Они были не прочь продать вам столько Пряности, сколько вы могли купить, но, если вас угораздит попасть туда, где, по их мнению, вам было не место, – они становились настоящими дьяволами. А в последнее время проявляли и поистине дьявольскую хитрость.

Хитрость, коварство и ловкость этих туземцев в ведении войны в последнее время сильно беспокоили Халлека. Они проявляли такое искусство, с каким ему редко приходилось

сталкиваться, а ведь его учили лучшие бойцы во Вселенной – и потом еще закаляли битвы, в которых выживали лишь лучшие из лучших.

Гурни окинул взглядом пустынный ландшафт. Откуда же это беспокойство? Может, его причина – виденный ими червь?.. Но то было по другую сторону хребта.

В рубку просунулась голова: капитан фабрики, одноглазый старый пират с густой бородой, синими глазами и молочно-белыми зубами. Такая необычайная белизна зубов тоже была характерна для употреблявших Пряность.

– Кажется, месторождение богатое, – сообщил капитан. – Я сажаю грузолет?

– Да, у самого подножия хребта, – распорядился Халлек. – Я высажусь со своими людьми, а вы пойдете на гусеницах к выбросу. Мы должны осмотреть скалы...

– Ясно.

– В случае чего, – добавил Халлек, – спасайте фабрику. Мы всегда сможем воспользоваться топтерами.

– Слушаюсь, сэр, – козырнул капитан комбайна и скрылся в люке.

Гурни вновь оглядел горизонт. Приходилось считаться с возможностью того, что фримены поблизости и заметят нарушителей своих владений. Фримены с их суровостью и непредсказуемостью действительно серьезно беспокоили его. Но уж слишком хорошо вознаграждался риск. Отсутствие наблюдателей в воздухе и вынужденное радиомолчание тоже спокойствия не прибавляли.

Грузолет с краулером повернул, делая заход на посадку; гусеницы мягко коснулись песка у подножия хребта.

Гурни откинул прозрачный колпак, отстегнул привязные ремни. В тот миг, когда огромная машина остановилась, он уже выскочил наружу – захлопнул за собой крышку, перелез через гусеничный блок и сетчатое ограждение. За ним из носового люка спустились пять человек из его личной гвардии. Остальные кинулись отсоединять

транспортные крепления. Оставив фабрику на песке, грузолет взмыл вверх и принялся кружить над ней на малой высоте.

В ту же минуту краулер рванулся вперед, к темному пятну меланжевого выброса на песке.

По крутой дуге спустился и сел рядом топтер, за ним другой, третий. Из них высыпал взвод бойцов Гурни, а машины тут же поднялись и зависли невысоко над песком.

Гурни потянулся – проверил, как слушаются мышцы затянутого в дистикомб тела. Фильтр-маску он не надел – она так и болталась сбоку; конечно, так при дыхании терялась влага, зато ничто не заглушало голос. Вдруг понадобится отдать приказ, крикнуть... Он начал подниматься на скалы, осматривая местность и примечая все: скатанную ветром гальку, и гравийный песок под ногами, и запах Пряности в воздухе.

Вот где базу бы устроить на крайний случай, подумал он. Может, прямо сейчас спрятать тут кое-какие припасы?

Он глянул назад: его люди, следуя за ним, рассыпались в цепь. Хорошие бойцы и славные парни – даже те, новые, которых он не успел еще проверить в бою. Хорошие, да. Во всяком случае, им не надо все время объяснять, что делать. И конечно, ни над кем не дрогнет воздух, преломленный силовым полем. Среди них нет трусов, готовых навесить на себя щит даже в Пустыне и приманить червя, который отнял бы у них Пряность.

С высоты Гурни увидел в полукилометре от скал пятно выброса и краулер, подходящий к его границе. Он посмотрел на прикрывающие его топтеры и грузолет: все правильно, высота не слишком большая. Он кивнул сам себе и продолжил подъем.

И в этот миг хребет словно превратился в действующий вулкан.

Двенадцать огненных стрел, двенадцать ревущих огненных струй ударили снизу в топтеры и грузолет. Со стороны краулера донесся скрежет раздираемого металла. А на

скалах вокруг неведомо откуда возникло множество воинов в капюшонах, и они уже вступили в бой.

Гурни успел подумать только: «Рогами Великой Матери клянусь! Ракеты! Они осмелились применить ракеты!..»

А в следующий миг перед ним уже оказался пригнувшийся для броска человек в капюшоне и с крисом в руке. Еще двое стояли на скалах слева и справа. Гурни мог видеть только глаза противника – лицо закрыто капюшоном и лицевым клапаном бурнуса песочного цвета; но поза, то, как он изготовился к бою, выдавали опытного и хорошо обученного бойца. А глаза – сплошная синева. Глаза фримена из глубокой Пустыни.

Гурни, не отрывая взгляда от криса противника, потянулся к собственному ножу. Раз они отважились на ракеты – у них наверняка есть и другое оружие дальнего боя, стрелковое, например. Надо было быть осторожнее. Судя по звуку, по крайней мере часть его воздушного прикрытия сбита. А сзади слышалось тяжелое дыхание людей, звуки боя.

Глаза противника Гурни проследили движение руки

бывшего приближенного герцога к ножу и вновь столкнулись с его взглядом.

– Оставь клинок в ножнах, Гурни Халлек, – велел фримен. Гурни замер. Даже приглушенный маской, голос казался странно знакомым.

– Ты знаешь мое имя?!

– Со мной тебе нож не нужен, Гурни, – продолжал фримен. Он выпрямился и вернул свой крис в спрятанные под бурнусом ножны. – Прикажи своим людям прекратить бессмысленное сопротивление.

С этими словами фримен отбросил назад капюшон и отстегнул лицевой клапан.

Гурни взглянул на лицо противника – и окаменел. В первый момент ему показалось, что перед ним стоит призрак герцога Лето. Чтобы понять наконец, кто же это, ему потребовалось некоторое время.

– Пол... – прошептал он, потом повторил уже громче: – Это в самом деле Пол?

– Не веришь своим глазам? – усмехнулся Пол.

– Но ведь говорили, что вы... что ты погиб! – выдохнул Гурни, делая шаг вперед.

– Прикажи своим сдаться, – велел Пол, махнув в сторону скал, где кипел бой.

Гурни повернулся; ему было трудно отвести взгляд от лица Пола. Он увидел, что лишь кое-где продолжалось сопротивление: укрытые капюшонами пустынники, казалось, были всюду. Краулер неподвижно застыл на песке, и на нем тоже стояли фримены. Ни одного орнитоптера над ними не было.

– Прекратить сопротивление! – закричал Халлек. Он вдохнул поглубже, сложил ладони рупором. – Эй! Это Гурни Халлек! Всем прекратить сопротивление!

Сражавшиеся медленно, неохотно остановились, удивленно поворачиваясь к нему.

– Это – друзья! – крикнул Гурни.

– Ничего себе друзья! – отозвался кто-то. – Да они половину наших перебили!

– Это ошибка! – крикнул в ответ Гурни. – Хватит, не усугубляйте ее!

Он вновь повернулся к Полу, взглянул в синие-на-синем глаза юноши.

Губы Пола тронула улыбка, но в ней была жесткость, сразу напомнившая Гурни самого Старого Герцога, деда Пола. Затем Гурни заметил и кое-что новое, чего не было раньше ни в одном из Атрейдесов: сухая жилистость, задубевшая кожа, настороженность и расчетливость во взгляде – казалось, Пол взвешивает все, на что падает его взгляд.

– Говорили, ты погиб... – повторил Гурни.

– Можно ли было придумать лучшее прикрытие?..

Эта фраза, понял Гурни, заключала в себе все извинения за то, что его, верного Гурни, бросили одного, заставили поверить, что его юный герцог... его друг... погиб; других извинений от этого молодого фримена не дождешься. Осталось ли в нем хоть что-то от мальчика, которого он когда-то учил искусству боя?..

Но Пол шагнул к Гурни... у него вдруг защипало в глазах.

– Гурни...

Все произошло словно само собой – они обнимались, хлопали друг друга по спине. Действительно, живое тело, не призрак!..

– Ах, мальчик! Мальчик! – повторял Гурни, и Пол вторил ему:

– Гурни, старина! Мой Гурни!

Наконец они разжали объятия, опять принялись жадно разглядывать друг друга. Гурни глубоко вздохнул:

– То-то я смотрю, фримены развоевались! Я мог бы и догадаться, отчего так возросло их военное искусство. Они все время действуют так, словно я сам помогал им планировать операции... Если бы я только знал! – Он потряс головой. –

Если бы ты как-нибудь дал мне о себе знать, мальчик! Меня бы ничто не остановило – я бы бегом прибежал и...

Взгляд Пола – жесткий, взвешивающий взгляд – остановил его. Гурни снова вздохнул:

– Ну да, я понимаю. Кое-кто, конечно, заинтересовался бы, с чего это Гурни Халлек вдруг сорвался и побежал куда-то, а кое-кто не ограничился бы вопросами и захотел бы доискаться ответов.

Пол кивнул, оглядел замерших в ожидании фременов. Его федайкины смотрели на происходящее с любопытством и одобрением. Затем он вновь повернулся к Халлеку. В этой встрече со своим учителем фехтования он видел доброе предзнаменование, знак, что он на верном пути и все будет хорошо...

Да, теперь с Гурни рядом со мной я смогу!..

Пол перевел взгляд вниз, на контрабандистов:

– За кого твои люди, Гурни?

– Они – контрабандисты, – пожал плечами Халлек. – Где выгода, там и они.

– С нами-то особо не разживешься... – задумчиво протянул Пол. В это мгновение он увидел, что Гурни подает ему едва заметный знак пальцами правой руки, знакомый с детства кодовый сигнал: среди контрабандистов были люди, которых следовало опасаться и которым не стоило доверять.

Пол потянул себя за губу, словно в задумчивости, – «понял», – посмотрел наверх, на скалы, где стояли на страже фримены. Там был и Стилгар – Пол сразу же вспомнил, что эту проблему еще предстоит решать, и радость его несколько поубавилась.

– Стилгар, – сказал он, – это Гурни Халлек, о котором я тебе не раз рассказывал. Он заведовал вооружениями в Доме моего отца; он один из моих наставников в фехтовании и старый мой друг. И на него можно положиться во всем.

– Я слышал, – коротко ответил Стилгар. – Ты – его герцог.

Пол вгляделся в темный силуэт Стилгара, стоявшего на скале над ним. Что заставило его произнести эти слова – «ты

– его герцог»? И – вот эта почти незаметная интонация, словно на самом деле Стилгар хотел сказать что-то иное. Это совсем не похоже на Стилгара – вождя фременов, который привык говорить то, что думал.

Мой герцог! – повторил про себя Гурни и по-новому взглянул на юношу. Да, раз Лето мертв, титул переходит к Полу.

Вся картина фременской войны на Арракисе выглядела теперь совершенно по-другому для него. Мой герцог! Гурни почувствовал, как в нем оживает нечто давно умершее и похороненное… Поэтому он лишь частью сознания воспринял приказ Пола разоружить контрабандистов до допроса.

Однако, услышав, что те начали протестовать, Гурни вспомнил о своих обязанностях командира. Он резко повернулся.

– Вы что, оглохли? – рявкнул он. – Это – законный герцог Арракийский, правитель планеты! Повинуйтесь ему!

Ворча, контрабандисты подчинились.

Пол наклонился к Халлеку и шепнул:

– Вот бы никогда не подумал, что ты можешь попасться на эту удочку, Гурни!

– Поделом мне, – отозвался Гурни. – Могу поспорить, что слой Пряности здесь – не больше песчинки толщиной. Просто наживка…

– Ты выиграл… – ответил Пол, наблюдая за разоружением контрабандистов. – Среди них есть еще люди моего отца?

– Нет. Нас далеко разбросало… Притом только немногие присоединились к свободным торговцам – большинство предпочло заработать, сколько нужно для оплаты дороги, и убраться с Арракиса.

– Но ты остался.

– Я остался.

– Потому что здесь Раббан, – утвердительно сказал Пол.

– Я решил, что у меня не осталось ничего, кроме мести, – проговорил Гурни.

Необычно звучащий отрывистый крик раздался с вершины скалы. Гурни взглянул наверх и увидел фримена, размахивающего шейным платком.

– Податель идет, – сказал Пол. Он поднялся на одну из скал – Гурни шел за ним, – повернулся к юго-востоку. На полпути к горизонту двигался продолговатый холм – червь. За ним над песком поднимались облака пыли. Гигант шел через дюны прямо к скалам.

– Довольно большой, – заметил Пол.

Фабрика-краулер внизу, лязгая, развернулась на гусеницах, словно огромный жук, поползла в скалы.

– Жаль, грузолет сохранить не удалось, – вздохнул Пол.

Гурни посмотрел на него, перевел взгляд назад, где дымились обломки сбитых фрименскими ракетами топтеров и грузолета. Он вдруг с болью подумал о погибших людях – своих людях – и сказал:

– Отец твой сильнее сожалел бы о том, что не смог спасти людей.

Пол жестко взглянул на него – и опустил глаза. Спустя несколько секунд он произнес:

– Да, Гурни. Они были твоими товарищами. Я понимаю. Но пойми и ты – для нас это были нарушители границ наших владений и чужаки, которые могли бы увидеть лишнее.

– Я это понимаю достаточно хорошо, – вздохнул Гурни. – Но теперь мне интересно посмотреть, что же такого лишнего мы могли бы тут увидеть.

Пол поднял глаза и увидел хорошо памятную ему усмешку, напоминавшую волчий оскал, натянувшую кривой лиловый шрам на челюсти…

Гурни кивком указал на пустыню под ними. Повсюду видны были фримены, занятые какими-то своими делами. Как ни странно, никто не казался обеспокоенным приближением червя.

С дюн за полосой присыпанного меланжей песка, послужившего приманкой для контрабандистов, раздался

ритмичный стук. Казалось, он отдается в ногах, передаваясь по земле. Гурни увидел, что фримены мгновенно рассыпались по песку вдоль пути, которым шло к скалам чудовище.

Червь скользил словно гигантская песчаная рыба. Он поднимался над песками и вновь уходил под сыпучие волны; кольца его перекатывались, огромное тело струилось. А в следующий миг Гурни, стоя на своей скале, увидел и то, как фримены ловят червя: крюковой ловко прыгнул вперед, гигант повернул, а затем весь отряд забрался наверх по его крутым, поблескивающим чешуей бокам.

– Вот, например, одна из тех вещей, которые вы не должны были видеть, – заметил Пол.

– Ходили, конечно, слухи, легенды, – пробормотал Гурни. – Но эта штука – не из тех, в которые легко поверить с чьих-то слов, не увидев своими глазами. – Он покачал головой. – Все живущие на Арракисе страшатся этих чудовищ, а для вас черви – верховые животные!..

– Помнишь, как отец говорил о силе Пустыни? – спросил Пол. – Так вот она! Вся планета – наша: и ни буря, ни зверь и ничто другое – не преграда для нас.

«Для нас! – подумал Гурни. – Для него «мы» – это фримены. И он говорит о себе как об одном из фременов...»

И Гурни вновь посмотрел в глаза Пола, залитые глубокой фременской синевой. Собственные глаза Халлека тоже тронула синева; но контрабандистам были доступны инопланетные продукты, и по глубине синей окраски можно было судить о положении контрабандиста среди вольных торговцев: чем она бледнее, тем богаче человек. По отношению же к слишком отуземившимся контрабандистам употреблялось выражение «помечен Пряностью» – с несколько неодобрительным оттенком...

– Было время, мы не рисковали ездить на Подателе при свете дня в этих широтах, – продолжал Пол. – Но теперь у Раббана не так много авиации, чтобы отслеживать каждое пятнышко в песках... – Он взглянул на Гурни. – И твои

топтеры были для нас большой неожиданностью. Можно сказать, потрясением.

Мы... для нас...

Гурни потряс головой, отгоняя непрошеные мысли.

– Ну, не столько мы для вас, сколько вы для нас, – ответил он.

– А что говорят о действиях Раббана в деревнях и впадинах? – поинтересовался Пол.

– Ну, например, что Раббан так укрепил поселения в грабенах, что вам не удастся нанести им серьезный урон. Что им надо лишь сидеть внутри своих укреплений, пока вы не растратите все силы на бесплодные попытки атак.

– Иначе говоря, они связаны. Загнаны за свои стены?

– В то время как вы свободны в своих передвижениях.

– Разве не этому ты меня учил? – усмехнулся Пол. – Они потеряли инициативу – а кто потерял инициативу, тот проиграл войну.

Гурни понимающе улыбнулся.

– Наши враги там, где я и хочу их видеть. – Пол посмотрел на Халлека. – Ну, Гурни, присоединишься ты ко мне, чтобы нам вместе завершить эту войну?

– Присоединюсь? – изумился Халлек. – Милорд, я никогда и не покидал свою службу! Это вы... ты покинул меня... покинул одного, заставив поверить в свою смерть. И я, оказавшись один, позволил себе некоторую передышку – ждал, когда смогу продать свою жизнь за подходящую цену. За жизнь Раббана.

Пол молчал, смущенный порывом старого друга.

К ним по камням взбежала женщина. Ее глаза, которые только и виднелись в щели между капюшоном и лицевым клапаном, метнулись от Пола к его спутнику и обратно. Она остановилась перед юным Атрейдесом – и Гурни не мог не заметить, что стоит она чересчур близко к Полу и держит себя так, будто имеет на него особые права.

– Чани, – представил Пол, – это Гурни Халлек. Помнишь, я рассказывал?

Она бросила еще один взгляд на Халлека:

– Помню.

– Куда поехали наши на Подателе? – спросил Пол.

– Никуда, просто отвели его в сторону на время, чтобы мы успели спасти оборудование.

– Ладно, тогда... – Пол замолчал, принюхиваясь к воздуху.

– Поднимается ветер, – кивнула Чани.

Со скал окликнули:

– Эй, внизу! Ветер идет!

Гурни заметил, что фримены заторопились. Чего не сумел червь, сделал ветер – спугнул их. Краулер въехал на пологий каменный склон. Перед ним вдруг открылся проход в скалах – а когда машина скрылась внутри, камни вновь сошлись так плотно, что никто и не угадал бы здесь замаскированные ворота.

– И много у вас таких тайников? – полюбопытствовал Гурни.

– Много, и еще столько, да полстолька, да четверть столька... – ответил Пол рассеянно и обернулся к Чани. – Отыщи Корбу, скажи – Гурни предупреждает, что некоторым в команде контрабандистов верить нельзя.

Она снова посмотрела на Гурни, потом на Пола, кивнула – и побежала вниз, прыгая с камня на камень с ловкостью газели.

– Это – твоя женщина. – Гурни не спрашивал.

– И мать моего первенца, – улыбнулся Пол. – В Доме Атрейдес появился новый Лето.

Гурни только глаза раскрыл.

Пол критически озирал суету вокруг. Южное небо затянуло бурой пеленой; время от времени налетали порывы ветра, закручивая пыльные карусели вокруг людей.

– Застегнись, – бросил Пол, надевая маску и затягивая капюшон.

Гурни подчинился. Отличная все-таки вещь – эти фильтры...

Через маску голос Пола звучал глухо:

– Так кому из своих людей ты не доверяешь, Гурни?

– Да есть у меня там новички, – ответил Халлек. – Инопланетники... – Он на минуту замолчал, осознав вдруг, как легко назвал он их этим словом – «инопланетники».

– Ну-ну? – подбодрил Пол.

– ...Так вот, это не обычные искатели удачи, какие приходят к нам, – сказал Халлек. – Какие-то слишком... жесткие. Крепкие. Злые.

– Харконненские шпионы? – предположил Пол.

– Нет, милорд. Я думаю, не на Харконненов они работают. По-моему, это люди Императора. Салусой Секундус от них несет, вот что...

Пол метнул на него острый взгляд:

– Сардаукары?

Гурни пожал плечами:

– Возможно. Впрочем, они хорошо замаскированы.

Пол кивнул. Как, однако, легко Гурни стал прежним верным вассалом Дома Атрейдес!.. Хотя нет... не совсем прежним. Арракис и его обломал.

Два фримена в затянутых капюшонах появились из-за разбитой скалы, стали подниматься по склону. Один из них нес на плече большой сверток.

– Где сейчас мои люди? – спросил Халлек.

– В безопасности, прямо под нами, – ответил Пол. – Тут у нас пещера, называется Птичья. После бури решим, что с ними делать.

Сверху позвали:

– Муад'Диб!

Пол повернулся на голос и увидел, что фримен-караульный машет рукой, подзывая его.

Гурни, изменившись в лице, уставился на Пола:

– Так это ты – Муад'Диб?! Это ты – «неуловимый ветер песков»?!

– Ну да, так меня называют фримены, – подтвердил Пол.

Гурни отвернулся. Его охватили недобрые предчувствия. Половина его людей легла в песках, остальные взяты в плен. До подозрительных новичков ему дела нет – но там есть и неплохие люди, даже друзья. Он чувствовал ответственность за них. «После бури решим, что с ними делать...» Пол так и сказал. То есть Муад'Диб. Гурни вспомнил, что рассказывали про Муад'Диба, про этого их Лисан аль-Гаиба... велел заживо содрать кожу с захваченного харконненского офицера и натянуть ее на барабан... его окружают бойцы-смертники, федайкины, бросающиеся в бой с Песней Смерти на устах...

...которого зовут просто «Он» ...

Два фримена поднялись наконец к ним и легко вскочили на уступ рядом с Полом. Один из них, с совсем темным лицом, доложил:

– Все в порядке, Муад'Диб. Нам теперь тоже лучше спуститься в пещеру.

– Хорошо.

Гурни обратил внимание на тон темнолицего. Это был полуприказ-полупросьба. Видимо, это – Стилгар, еще один герой новых фрименских легенд.

Пол взглянул на сверток в руках второго фримена:

– Что здесь, Корба?

Вместо него ответил Стилгар:

– Мы нашли это в краулере. На нем инициалы твоего друга, а внутри его – балисет. А ты не раз рассказывал, какой искусный музыкант твой Гурни Халлек.

Гурни изучал лицо Стилгара, примечая бороду, немного выбившуюся из-под маски, ястребиный взгляд, тонкий нос.

– Твой товарищ умеет думать, мой господин... Спасибо, Стилгар.

Стилгар кивнул Корбе – тот передал сверток Халлеку и сказал:

– Благодари своего господина герцога. Мы принимаем тебя только потому, что он за тебя.

Гурни принял сверток. Жесткие нотки в словах Стилгара озадачили его. Фримен вел себя почти вызывающе. Ревность? В самом деле, вот явился некий Гурни Халлек, знавший Пола еще до Арракиса. В круг тех, старых, друзей Стилгару уже не войти никогда...

– Я хотел бы, чтобы вы двое стали друзьями, – произнес Пол.

– Имя фримена Стилгара славится широко, – поклонился Гурни. – Почту за честь иметь среди друзей всякого, кто несет гибель Харконненам.

– Пожмешь ли ты руку моему другу Гурни Халлеку, Стилгар? – спросил Пол.

Стилгар медленно протянул руку, стиснул мозолистую от рукояти меча ладонь Гурни.

– Немногие не знают имени Гурни Халлека, – улыбнулся он и отпустил руку. Затем обернулся к Полу: – Сейчас ударит буря.

– Идем, – ответил Пол.

Вслед за Стилгаром они двинулись через скалы по прихотливо изогнутой тропке, прорезанной в камне. Наконец они вышли в затененную нависающими скалами расщелину, откуда через низкий проход попали в пещеру. Фримены поспешно затянули за ними входной клапан. В свете плавающих ламп открывался широкий подземный зал с куполообразным потолком, приподнятой над полом платформой у одной из стен и ведущим с нее куда-то вглубь проходом.

Пол вскочил на нее и повел Гурни прямо в этот проход. Остальные покинули первый зал через другой проход, прямо напротив. А Пол и Гурни миновали комнату, которую можно было назвать прихожей, и из нее попали в следующую, со стенами, задрапированными темно-бордовой тканью.

– Тут мы сможем немного поговорить наедине, – сказал Пол. – Фримены не будут нам...

В этот миг снаружи донеслись тревожные удары гонга, затем – крики и лязг оружия. Пол метнулся наружу – через прихожую, к подиуму большого зала. Гурни, выхватив нож, кинулся за ним.

В пещере кипела схватка. На миг Пол замер, оглядывая дерущихся, отличая бурнусы и бурки фрименов от одежд их противников. Выглядели они вполне обычно для контрабандистов – но оборонялись, разбившись на тройки, спина к спине.

Такая манера боя – это просто-таки клеймо Императорских сардаукаров.

Один из федайкинов заметил Пола, и боевой клич прогремел под сводами пещеры:

– Муад'Диб! Муад'Диб! Муад'Диб!

Но не только этот федайкин заметил Пола. В юношу метнули тяжелый черный нож. Пол уклонился – нож лязгнул о камень за его спиной. Кинув взгляд через плечо, Пол увидел, что Гурни подобрал нож.

К этому времени фримены уже заметно потеснили тройки сардаукаров.

Гурни показал Полу на извив тончайшей желтой линии – имперский цвет, – на золотого увенчанного льва и фасетчатый глаз на яблоке рукояти.

Да, сомнений нет. Сардаукары.

Пол выступил вперед, на край площадки. К этому моменту внизу осталось лишь трое сардаукаров, тела остальных и тела нескольких фрименов лежали на полу грудами окровавленного тряпья.

– Стойте! – крикнул Пол. – Герцог Пол Атрейдес приказывает вам остановиться!

Сражающиеся замерли в нерешительности.

– Вы, сардаукары! – обратился Пол к уцелевшим противникам. – По чьему приказу угрожаете вы законному правителю планеты, правящему герцогу Арракийскому? – И тут же, видя, как стягивается кольцо фрименов вокруг сардаукаров: – Стоять, я сказал!

Один из окруженной тройки выпрямился.

– Кто сказал, что мы сардаукары? – спросил он.

– Вот этот нож! – Пол взял у Гурни нож и высоко поднял его.

– Тогда кто подтвердит, что ты и есть правящий герцог? – настаивал боец.

Пол обвел рукой своих федайкинов:

– Они. А кроме того, твой же Император даровал управление Арракисом Дому Атрейдес. Я — это Дом Атрейдес.

Сардаукар замолчал, беспокойно озираясь.

Пол рассматривал его. Высокий, плосколицый, с белым шрамом на левой щеке. В его поведении сквозили ярость – и смущение; но в нем видна была и та самая гордость, без которой любой сардаукар показался бы голым, – с нею же он выглядел бы одетым даже и без единой нитки на теле.

Пол посмотрел на одного из командиров федайкинов.

– Корба, как случилось, что они сохранили оружие?

– У них были спрятаны ножи в потайных карманах за спиной, – виновато объяснил тот.

Пол обвел глазами убитых и раненых на полу пещеры и вновь посмотрел на Корбу. Говорить было нечего и незачем. Корба потупился.

– Где Чани? – спросил Пол. Затаив дыхание, он ждал ответа.

– Стилгар увел. – Корба кивнул на второй выход и тоже посмотрел на тела на полу. – Я виноват, Муад'Диб.

– Сколько было сардаукаров, Гурни? – обратился к нему Пол.

– Десять.

Пол легко спрыгнул с подиума на пол, прошел к отвечавшему ему сардаукару и остановился на расстоянии удара.

Федайкины подобрались: они очень не любили, когда он вот так подвергал себя опасности; ибо фримены желали сохранить мудрость Муад'Диба.

Не оборачиваясь, Пол спросил:

– А наших сколько пострадало?

– Четверо ранены, двое убиты, Муад'Диб, – ответил Корба.

Позади сардаукаров появились Чани и Стилгар. Пол вновь повернулся к старшему из противников и посмотрел ему в глаза – глаза чужака-инопланетника, глаза с неприятно белесыми белками.

– Как твое имя? – резко произнес он. Сардаукар напрягся, посмотрел вправо-влево.

– И не пытайся, – покачал головой Пол. – Мне ясно, что тебе приказали найти и уничтожить Муад'Диба. Уверен, что именно вы предложили поискать Пряность в глубокой Пустыне.

Сзади раздался изумленный вздох Халлека. Пол улыбнулся краешком губ.

Кровь бросилась в лицо сардаукару.

– Но ты нашел больше чем просто Муад'Диба, – продолжал Пол. – Семеро твоих людей убиты; у нас – лишь двое. Три к одному – недурно, во всяком случае, против сардаукаров, а?

Сардаукар приподнялся на носках, но фримены качнулись вперед, и он снова замер.

– Я спросил, как твое имя, – повторил Пол и приказал, пользуясь Голосом: – Назови свое имя!

– Капитан Арамшам, императорский сардаукар! – отрапортовал тот, челюсть его изумленно отвалилась. Он в смятении смотрел на Пола. Теперь пещера уже не казалась ему укрывищем варваров, и всю спесь с него как рукой сняло.

– Ну-ну, капитан Арамшам, – проговорил Пол. – Дорого дали бы Харконнены, чтобы узнать то, что теперь знаешь ты. А Император! Чего бы он только не дал за сведения об Атрейдесе, уцелевшем вопреки его предательству!..

Капитан вновь огляделся по сторонам – на двух оставшихся бойцов. Пол почти видел, как ворочаются мысли в его голове. Да, «сардаукары не сдаются» – но Император должен знать об этой угрозе!

Все еще используя Голос, Пол велел:

– Капитан, сдавайтесь!

Сардаукар, стоявший по левую руку от капитана, без предупреждения ринулся на Пола, но его остановил сверкнувший в руке его же собственного командира нож. С ножом в груди нападавший рухнул на пол.

Капитан повернулся ко второму бойцу.

– Только мне здесь решать, что лучше отвечает интересам Его Величества, – объявил он. – Ясно?

Плечи его подчиненного поникли.

– Бросай оружие, – приказал капитан. Сардаукар подчинился.

Капитан вновь повернулся к Полу.

– Я убил ради тебя своего друга, – произнес он. – Не забудь это.

– Вы – мои пленники, – ответил Пол. – Вы сдались. Живые или мертвые – не важно.

Он жестом приказал взять сардаукаров и поманил к себе Корбу, обыскивавшего пленных.

Когда фримены увели пленных сардаукаров, Пол склонился к Корбе.

– Муад'Диб, – проговорил тот, – я подвел тебя. Я...

– Вина тут моя, Корба, – не дал ему закончить Пол. – Надо было предупредить тебя, что и где искать. Запомни этот случай на будущее – тебе еще придется, я думаю, обыскивать сардаукаров. И вот еще что: следует помнить, что у каждого из них есть один-два фальшивых ногтя на ноге; в сочетании с другими деталями, замаскированными на теле, они составляют достаточно эффективный передатчик. Фальшивые зубы у них тоже есть. В волосах у них наверняка спрятан кусок шигакорда, такого тонкого, что его почти невозможно нащупать, не зная о нем; но он достаточно прочен для того, чтобы не только удушить человека, но и отрезать ему голову этой удавкой. Когда обыскиваешь сардаукара, осмотри его, просвети его, изучи все тело в отраженных и проникающих лучах, сбрей каждый волосок на голове и на теле... и все-таки, можешь не сомневаться, всего ты не обнаружишь.

Он посмотрел на Гурни, который подошел поближе.

– Тогда, наверное, лучше их просто прикончить, – предложил Корба.

Пол, не отводя взгляда от Гурни, покачал головой:

– Нет. Я хочу, чтобы они бежали.

Гурни непонимающе уставился на него:

– Но, сир… Пол…

– Да?

– Твой человек прав. Убейте их немедленно. Уничтожьте все следы. Вы же опозорили Императорских сардаукаров! Если Император узнает об этом – он не успокоится, пока не разорвет вас на мелкие кусочки и не развеет пепел по ветру!

– Положим, это Императору навряд ли удастся, – неторопливо и холодно ответил Пол. Во время разговора с капитаном что-то изменилось внутри его, оформились некоторые мысли.

– Гурни, – обратился он к другу, – много ли гильдиеров вокруг Раббана?

Тот выпрямился, прищурил глаза:

– Это вопрос не…

– Так много ли их? – резко повторил Пол свой вопрос.

– Да Арракис просто кишит агентами Гильдии. Скупают Пряность так, словно во всей Вселенной нет ничего дороже. А иначе почему бы мы сунулись так далеко в…

– Это и есть самая большая ценность Вселенной, – отрезал Пол. – Для них по крайней мере. – Он посмотрел на подходящих Стилгара и Чани. – И мы — ее хозяева, Гурни.

– Ее хозяева – Харконнены! – возразил Гурни.

– Настоящий хозяин ценности тот, кто может ее уничтожить, – изрек Пол и, жестом остановив Халлека, который хотел сказать что-то еще, кивнул Стилгару и Чани.

Левой рукой Пол подал Стилгару сардаукарский нож.

– Ты живешь ради блага племени, – начал он. – Смог бы ты выпустить вот этим ножом кровь моей жизни?

– Ради блага племени – да, – проворчал Стилгар.

– Ну так возьми этот нож и сделай это.

– Ты что – вызываешь меня? – резко спросил Стилгар.

– Когда бы я бросил тебе вызов, – ответил Пол, – я бы встал перед тобой без оружия и дал бы тебе убить меня.

Стилгар резко, коротко втянул в себя воздух.

– Усул! – воскликнула Чани. Она взглянула на Халлека, потом опять на Пола.

Пока Стилгар думал, что ответить, Пол снова обратился к нему:

– Ты – Стилгар, ты – воин. Но вот когда сардаукары устроили тут драку, ты не был в первом ряду сражавшихся. Ты прежде всего подумал о том, чтобы защитить Чани.

– Она моя племянница! – огрызнулся Стилгар. – Но если бы я хоть на миг усомнился в том, что твои федайкины способны справиться с этими подонками...

– Так почему ты в первую очередь подумал о Чани? – настаивал Пол.

– Не о ней!

– Вот как?

– О тебе, – признался Стилгар.

– И ты думаешь, что мог бы поднять на меня руку? – мягко спросил Пол.

Стилгар задрожал.

– Таков обычай... – пробормотал он.

– Но есть и другой обычай, – напомнил Пол. – Принято убивать пойманных в Пустыне чужаков-инопланетников и забирать их воду как дар Шаи-Хулуда. А ты вот как-то нарушил его – сохранил жизнь двум таким чужакам. Моей матери и мне.

Стилгар молча глядел на Пола. Его сотрясала дрожь. Подождав ответа, Пол сказал:

– Обычаи меняются, Стил. Ты, как видишь, и сам их менял. – Стилгар опустил взгляд на желтую эмблему на ноже в своей руке. – Когда я займу свой престол в Арракине, когда я буду там герцогом и Чани будет со мной – неужели, ты думаешь, у меня найдется время вникать в дела сиетча Табр? Ты вот, к примеру, разве забиваешь себе голову семейными

делами каждого йали своего сиетча? – Стилгар упорно продолжал рассматривать нож. – Или ты думаешь, что я хочу отсечь свою правую руку?

Стилгар медленно поднял взгляд.

– Так что же, – почти крикнул Пол, – ты думаешь, что я хочу лишить племя твоей силы и твоей мудрости?!

Стилгар тихо сказал:

– Юношу моего племени, которого я знаю по имени, я мог бы, будь на то воля Шаи-Хулуда, сразить в поединке. Но как я могу поднять руку на Лисан аль-Гаиба?! И ты знал это, когда вручал мне нож.

– Знал, – согласился Пол.

Стилгар разжал пальцы. Нож лязгнул о каменный пол.

– Обычаи меняются, – повторил он.

– Чани, – распорядился теперь Пол, – отправляйся за моей матерью и привези ее сюда: нам понадобится ее совет...

– Но ты же говорил, что мы все едем на Юг! – возразила Чани.

– Я был не прав, – ответил Пол. – Харконненов на Юге нет. И война ждет нас в ином месте.

Чани только глубоко вздохнула, принимая новость как подобает дочери Пустыни, принимающей все, что приходится принимать в этой жизни, неразрывно сплетенной со смертью.

– Передашь ей – и только ей – известие: Стилгар признает меня герцогом Арракийским, но надо сделать так, чтобы и молодежь приняла это и не полезла в драку.

Чани взглянула на Стилгара.

– Делай, как он велит, – буркнул Стилгар. – Мы-то с тобой знаем, что в поединке он бы меня одолел... да я и не смог бы поднять на него руку... даже для блага племени.

– Я вернусь вместе с твоей матерью, – сказала Чани.

– Нет, пришли ее одну, – возразил Пол. – Инстинкт Стилгара не подвел: я сильнее, когда знаю, что ты вне опасности. Так что ты останешься в сиетче.

Чани начала было протестовать, но умолкла.

– Сихайя моя, – нежно произнес Пол. А повернувшись направо, встретился с горящим взглядом Гурни.

С того момента, как Пол упомянул о своей матери, Гурни перестал воспринимать разговор юноши со старшим фрименом.

– Тогда, в ночь набега, Айдахо спас нас... – задумчиво проговорил Пол; его мысли были о предстоящей разлуке с Чани. – Теперь мы...

– А что случилось с самим Дунканом, милорд? – перебил Гурни. Но он сейчас думал не о Дункане Айдахо.

– Погиб: он ценой своей жизни выиграл для нас время.

Так, значит, ведьма жива! – думал он. – Одна из тех, кого я поклялся уничтожить даже ценой своей жизни. Она жива! И герцог Пол явно не подозревает, какое чудовище дало ему жизнь. Что за дьявольская злоба! Выдать Харконненам его отца!..

Пол прошел мимо него, вспрыгнул на подиум. Оглянувшись, он увидел, что убитых и раненых уже унесли. Вот и еще одна глава в легендах о Муад'Дибе, с горечью подумал он. Я даже не обнажил свой крис – но по всей Пустыне пойдут рассказы о том, как я один одолел двадцать сардаукаров...

Гурни, не чувствуя пола под ногами, вышел вслед за ним и Стилгаром. Пещера, залитая желтоватым светом плавающих ламп, не существовала более для него. Только – ярость.

«Проклятая ведьма еще жива – а кости тех, кого она предала, засыпаны в тесных могилах. Не-ет, прежде чем я убью ее, Пол должен узнать всю правду о ней».

* * *

Как часто гнев заставляет людей отринуть то, что говорит им внутренний голос!

Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»

Фримены, собравшиеся в общем зале пещеры, чувствовала Джессика, были охвачены тем самым чувством, которое было памятно ей со дня поединка Пола с Джамисом. Слышались негромкие, но возбужденные голоса; тут и там возникали небольшие группы, обсуждая что-то.

Джессика вышла из апартаментов Пола на подиум, спрятав в складки одежды цилиндрик с сообщением. Она уже успела отдохнуть после долгого путешествия с Юга, хотя попрежнему досадовала, что Пол не разрешает пользоваться захваченными топтерами.

– Мы пока еще не в состоянии контролировать воздушное пространство, – объяснял Пол, – и не можем позволить себе зависеть от привозного топлива. К тому же мы должны беречь и машины, и горючее для того дня, когда нам понадобятся все ресурсы.

Сам Пол стоял у подиума в окружении молодых воинов. Тускловатый свет плавающих ламп придавал происходящему ощущение нереальности. Все это напоминало бы большой прием – если бы не вездесущий запах, не шорох ног по камню и не шепот.

Джессика смотрела на сына, удивляясь, что тот еще не показал ей свой сюрприз – Гурни Халлека. Это имя напомнило ей о прошлом, о днях любви... об отце Пола.

Стилгар, окруженный личными бойцами, стоял у противоположной стены, сохраняя молчаливое достоинство.

Нам никак нельзя потерять этого человека, подумала Джессика. План Пола должен удаться. Иначе... иначе нас ждет огромная трагедия.

Она молча спустилась с подиума, прошла мимо Стилгара, не глядя на него, и приблизилась к Полу. Фримены один за другим замолкали, расступаясь перед ней.

Она понимала, что это молчание – знак почтительного страха перед Преподобной Матерью. Но в этом молчании был и невысказанный вопрос.

Молодежь при ее приближении отошла в стороны, образовав свободное пространство вокруг Пола, и это новое к нему отношение опять обеспокоило ее. «Все, кто ниже тебя, неизбежно завидуют твоему положению» — это была аксиома Бене Гессерит. Но ни на одном лице не было и тени зависти. Ореол религиозного почитания удерживал людей в некотором отдалении. И она вспомнила другую аксиому: «Пророки редко умирают своей смертью...»

Пол посмотрел на нее.

– Время настало, – произнесла Джессика, подавая ему цилиндрик с сообщением.

Один из тех отошедших было парней набрался духу и, взглянув на Стилгара, обратился к Полу:

– Это точно, время настало. Наконец-то. Ты думаешь вызвать его? Люди могут подумать, что ты трус... если...

– Кто тут сказал слово «трус»?! – рявкнул Пол, и рука его легла на рукоять криса.

Напряженное молчание опустилось на группу молодежи, затем разлилось по всей пещере.

– Надо кое-что сделать, – решительно сказал Пол. Говоривший отшатнулся. Пол, раздвигая толпу, подошел к подиуму, легко вскочил на него, повернулся к фременам и, призывая к тишине, поднял руку.

– Так сделай, сделай! – крикнули из толпы.

Этот выкрик вызвал ропот и перешептывание.

Пол дождался тишины – она наступила не сразу, в толпе покашливали, шаркали ногами... Наконец все стихло. Пол опустил руку и заговорил так, что звук отдавался по всей пещере:

– Вы устали ждать.

Ему вновь пришлось дожидаться, когда стихнут возбужденные возгласы.

Да, они действительно устали ждать, подумал Пол. Он покачал на ладони цилиндрик, думая о том, что содержит в себе этот невинный с виду предмет. Джессика уже показала ему сообщение и рассказала, как его перехватили у харконненского курьера.

А сообщеньице-то было ясным, Раббана предоставляли самому себе. Он не мог отныне рассчитывать ни на помощь, ни на подкрепления!

Пол возвысил голос:

– Вы думаете: вот пришло время, когда я должен вызвать Стилгара на бой и сменить его во главе наших войск! – Прежде чем кто-либо успел ответить ему, Пол яростно закричал: – По-вашему, Лисан аль-Гаиб настолько глуп?!

Наступила ошеломленная тишина.

Он принимает роль религиозного вождя, подумала Джессика. Да, ему придется сделать это.

– Но таков обычай! – выкрикнул кто-то.

Пол сухо ответил, прощупывая эмоциональный настрой толпы:

– Обычаи меняются.

Из угла донесся сердитый крик:

– Мы сами решим, что нам менять!

Послышался одобрительный гул – многие в толпе соглашались с крикнувшим.

– Как хотите, – ответил Пол.

И Джессика услышала, что он использует Голос, как она его учила.

– Вы скажете все, что хотите, – объявил Пол. – Но сначала буду говорить я – а вы меня выслушаете.

Стилгар с бесстрастным лицом прошел к ним вдоль подиума.

– Это ведь тоже обычай, – сказал он. – На Совете может быть выслушан любой фримен. А Пол Муад'Диб – фримен!

– Благо племени – прежде всего, так? – спросил Пол.

Стилгар ответил все тем же ровным голосом и с тем же достоинством:

– Конечно. Им мы выверяем каждый свой шаг.

– Хорошо... – протянул Пол. – Если так, ответьте: кто командует бойцами нашего племени? И кто правит всеми племенами, всеми бойцами – через инструкторов, которых мы обучили приемам колдовского боя?

Пол помедлил немного, оглядывая толпу, но никто ему не ответил. Наконец он продолжил:

– Может быть, ими распоряжается Стилгар?.. Но он сам отрицает это. Тогда, может, это я? Сам Стилгар порой исполняет мои приказы, и старейшины, мудрейшие из мудрых, прислушиваются ко мне на Совете!

В толпе зашевелились – но опять никто не ответил.

– Так. Тогда, может быть, правит моя мать? – Пол указал на Джессику, стоявшую в черном церемониальном одеянии у края подиума. – И Стилгар, и все другие вожди спрашивают ее совета почти по всякому важному делу. И вам всем это известно. Но – странствует ли Преподобная Мать в песках? Водит ли она воинов в раззию на Харконненов?

Большинство фременов, кого мог видеть Пол, задумались, наморщив лбы; но многие еще роптали.

Ох, с огнем он играет – очень уж опасный способ выбрал! – с беспокойством подумала Джессика. Впрочем, она помнила о цилиндрике и значении заключенного в нем послания. И, конечно, она понимала, чего добивается Пол: дойти до самых корней неуверенности, уничтожить их, и тогда всё прочее последует само собой.

– Итак, никто не желает признавать вождя без вызова и поединка? – продолжал между тем Пол.

– Обычай такой! – снова крикнул кто-то.

– Хорошо, но какова наша цель? – спросил Пол. – Сбросить Раббана, это харконненское чудовище, и превратить планету в место, где мы и наши семьи благоденствовали бы среди изобилия воды? Это наша цель – да или нет?

– Так вот по цели же и средства – цель трудная, и средства суровые! – ответил голос из толпы.

– Неужели ты привык ломать свой нож перед боем? – осадил его Пол. – То, что я сейчас скажу, – факт, а не хвастовство и не вызов: среди вас никто, и Стилгар в том числе, не выстоит против меня в поединке. Стилгар это сам признал. Он это знает – как и каждый из вас.

В толпе опять заворчали.

– Многие из вас встречались со мной в учебном бою, – указал Пол. – Так что вы знаете, что я не хвастаю зря. Я говорю это потому, что все мы знаем – это правда, и я был бы глупцом, если бы не видел, что это так. Ведь я начал учиться этому колдовскому бою куда раньше, чем вы, а учителя мои были куда крепче любых бойцов, с которыми вы сталкивались. Как бы иначе, вы думаете, я одолел Джамиса? Ведь тогда я был в возрасте, в котором ваши мальчишки все еще сражаются лишь в играх!

Он умело пользуется Голосом, подумала Джессика, но с этим народом одним Голосом не обойдешься. К словам у них неплохой иммунитет, и одолеть их интонациями... Ему надо увлечь их логикой.

– А теперь, – объявил Пол, – мы добрались до главного. Вот! – Он поднял цилиндрик, размотал ленту с сообщением. – Это перехвачено у харконненского курьера, и в подлинности сообщения сомнений нет. Оно адресовано Раббану. До его сведения доводится, что в пополнениях ему отказано, что добыча Пряности упала намного ниже установленной нормы, что он обязан выжимать из Арракиса Пряность, обходясь наличными силами.

Стилгар приблизился к Полу.

– Ну, кто уже понял, что это значит? – спросил Пол. – Стилгар вот сразу сообразил!

– Они отрезаны! – выкрикнул кто-то.

Пол затолкал цилиндрик и само сообщение в кушак. Затем снял с шеи витой шнурок из шигакорда и показал всем висевший на нем перстень.

– Вот этот перстень принадлежал моему отцу! – провозгласил он. – И я поклялся, что не надену его, пока не буду

готов повести мои войска по Арракису и вернуть его себе по праву, как свой законный феод!

И он надел кольцо и сжал кулак.

На пещеру опустилась тишина.

– Кто правит здесь? – вопросил Пол, вскинув сжатую в кулак руку. – Я правлю здесь! Я правлю каждым дюймом Арракиса! И здесь мой феод – не важно, подтвердит это Император или нет. Он дал его моему отцу, а я унаследовал его!

Оценивая реакцию толпы, он покачался с носка на пятку.

«Еще немного», – подумал он.

– Есть люди, которые займут на Арракисе высокие места: Империи придется принять мои условия! – продолжал Пол. – И Стилгар – один из таких людей. И это не потому, что я хочу откупиться от него. И не из благодарности, хотя я, как и многие из вас, обязан ему жизнью. Нет! А потому лишь, что он мудр и силен; потому, что он умеет управлять своим сиетчем, опираясь на свой разум, а не на одни только обычаи. Неужели же вы считаете меня глупцом, способным отсечь свою правую руку и бросить в луже крови тут, на полу пещеры, – и всё затем, чтобы развлечь вас зрелищем?!

Пол обвел толпу взглядом.

– Кто здесь посмеет сказать, что я – не законный правитель Арракиса? Или мне придется, доказывая это, перерезать всех вождей фрименов в эрге?

Стилгар вопросительно посмотрел на Пола.

– Стану ли я сам подрывать наши силы – в то самое время, когда они нам всего нужнее? – спросил Пол. – Вот я – ваш правитель; и я говорю вам: настало время нам прекратить убивать друг друга, время обратиться против истинных наших врагов – Харконненов, обрушиться на них всей своей мощью!

Стилгар молниеносно выхватил крис и, воздев его, возгласил:

– Да здравствует герцог Пол Муад'Диб!

Множество голосов слились в единый рев, сотрясший каменные своды пещеры и подхваченный эхом. Многоголосый хор гремел:

– Йа хъя чаухада! Муад'Диб! Муад'Диб! Йа хъя чаухада!

Джессика повторила про себя: «Да здравствуют воины Муад'Диба!» Да, все прошло именно так, как задумали они втроем со Стилгаром.

Постепенно крики затихли. Когда вновь наступила тишина, Пол повернулся к Стилгару и приказал:

– На колени!

Тот немедленно подчинился.

– Дай мне свой крис.

Стилгар подал крис Полу.

«Этого в нашем плане не было!» — подумала Джессика.

– Повторяй за мной, Стилгар, – велел Пол и начал произносить слышанную от отца присягу введения в должность. – «Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...»

– Я, Стилгар, принимаю этот нож из рук моего герцога...

– «И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог».

– И туда я направлю его, куда укажет мне мой герцог.

Джессика, вспомнив Лето, едва сдержала слезы. Но потом тряхнула головой. Мне ясны причины. И я не должна так волноваться.

– «И будет этот клинок служить моему герцогу и гибели врагов его, доколе струится кровь в моих жилах», – закончил Пол.

Стилгар медленно и торжественно повторил и эти слова.

– Поцелуй крис, – велел Пол.

Стилгар повиновался, а затем, следуя фрименскому обычаю, поцеловал и руку, держащую крис. Затем по знаку Пола он убрал клинок в ножны и поднялся на ноги.

По толпе прокатился потрясенный вздох. Кто-то проговорил:

– Сказано в пророчестве: «Бене Гессерит укажет нам путь, и Преподобная Мать увидит его».

Из дальнего угла кто-то отозвался:

– Она указывает нам путь через своего сына!

– Знайте, – заключил Пол, – этим племенем водительствует Стилгар, и никто да не усомнится в его власти. Я говорю устами Стилгара; и что говорит он, то говорю я.

«Мудро, – подумала Джессика. – Вождь, конечно, не должен терять лица перед теми, кем правит».

– Этой же ночью отправь гонцов и разошли сейлаго, – тихо распорядился Пол, повернувшись к Стилгару. – Я созываю Сбор. После этого приведешь Чатта, Корбу, Отхейма и еще пару командиров – сам смотри кого – ко мне в комнату. Надо обсудить план битвы, чтобы было с чем выступить перед вождями на Сборе.

Пол кивком подозвал мать, они вместе сошли с подиума и сквозь толпу направились по центральному коридору к своим комнатам. Из толпы к Полу тянулись руки, слышались выкрики:

– Муад'Диб, нож мой будет направлен туда, куда укажет Стилгар!

– Веди нас в бой, Пол Муад'Диб!

– Зальем этот мир кровью Харконненов!

Джессика, наблюдая за настроением толпы, почувствовала: их оружие – фримены – отточено. Они готовы к сражению и рвутся в бой, они воодушевлены до предела.

Во внутреннем покое своих апартаментов Пол усадил мать, сказал ей: «Подожди» и, раздвинув занавеси, нырнул в боковой проход.

«Должно быть, он сейчас приведет Гурни Халлека», – подумала Джессика и сама удивилась тому, какие смешанные чувства ее обуревали. С Гурни и его музыкой были связаны воспоминания о многих приятных часах на Каладане... но это было до Арракиса. Там, на Каладане, жил кто-то другой, не она. За прошедшие с тех пор неполных три года она стала совсем другим человеком. Увидеть теперь Гурни – значит, как бы закрепить происшедшую перемену...

Кофейный сервиз Пола – изящные чашки-бокальчики из сплава серебра и ясмия, – унаследованный им от Джамиса,

стоял справа от Джессики на низком столике. Она рассматривала сервиз, думая о многих и многих руках, касавшихся его. Уже месяц Чани подавала Полу кофе только в нем.

Что может эта дочь Пустыни, кроме как подавать ему кофе? – с горечью подумала Джессика. Она не дает ему ни могущества, ни родства с Великим Домом… А у Пола есть лишь один действительно надежный шанс – породниться с влиятельным Великим Домом… а может быть, даже и с Императорским. Есть же в конце концов у Императора принцессы на выданье – и все как одна воспитанницы Бене Гессерит.

Джессика представила себе, как покидает суровый Арракис и меняет его на могущество и безопасность жизни матери принца-консорта. Она обвела взглядом тяжелые драпировки, прикрывавшие каменные стены высеченной в скале комнаты. Вспомнила, как попала сюда – целый караван гигантских червей, одни с паланкинами, другие с вьючными платформами, груженные всем необходимым для войны.

Но пока Чани жива, Пол не сумеет понять, чего требует от него долг. Она родила ему сына – и этого ему довольно…

Ей вдруг захотелось увидеть внука, так похожего на своего деда. На ее Лето… Джессика прижала ладони к щекам, пытаясь ритуальными дыхательными упражнениями успокоить эмоции и очистить разум. Затем склонилась к полу – это тоже помогало подчинить тело разуму.

В качестве командного пункта Пол выбрал Птичью пещеру – и вряд ли его выбор можно было оспорить. Место было идеальным. К северу отсюда лежал Ветровой Перевал, в котловине за которым находился хорошо защищенный поселок, окруженный высокими скалами. Этот поселок – ключевой элемент целого сектора харконненской обороны, центр технического обеспечения, ремонта и снабжения. Здесь жили техники, инженеры и ремесленники.

За занавесями кто-то кашлянул. Джессика выпрямилась, глубоко вздохнула и сделала медленный выдох.

– Войдите, – произнесла она.

Резко отбросив занавеси, Гурни Халлек ворвался в комнату. Она успела только бросить взгляд на его лицо и отметить какое-то странное выражение, – и в следующий миг Гурни оказался за ее спиной, мускулистой рукой зажал ее шею и вздернул на ноги.

– Гурни, что ты делаешь, сумасшедший?! – вскрикнула она.

В следующий миг она ощутила, как к спине прикоснулось острие ножа. Это прикосновение холодом обожгло ее – она осознала, что Гурни действительно готов ее убить. Но почему?! Она искала хоть какую-нибудь причину – такие, как Гурни, не предают. Но в намерениях его сомневаться не приходилось. Разум лихорадочно заработал, ей противостоял противник, одолеть которого было трудно. Опытный убийца, знающий о Голосе и умеющий ему сопротивляться, знающий все боевые приемы, хитрости и уловки. Мастер убийств. Орудие, которое она сама помогала оттачивать изощренными приемами Бене Гессерит.

– Что, ведьма, думала, что отделалась от нас, а? Ускользнула?.. – прорычал Гурни.

Она не успела еще понять, о чем он, как занавеси вновь разошлись, и появился Пол.

– Вот и он, ма... – Увидев, что происходит, Пол замолк.

– Стойте на месте, милорд! – велел Гурни.

– Какого... – Пол не смог даже договорить, только головой потряс.

Джессика попыталась сказать что-то, но рука лишь сильнее сжала ее горло.

– А ты, ведьма, будешь говорить, когда я тебе позволю! – рявкнул Гурни. – Причем ты только одно скажешь – чтобы твой сын слышал. И поверь, я вгоню этот нож в твое сердце, если замечу малейшее сопротивление... Итак, пусть твой голос остается ровным и монотонным. Не напрягай мышцы. Веди себя очень осторожно, если хочешь выиграть еще

несколько мгновений жизни… а можешь мне поверить, у тебя остались именно секунды…

Пол шагнул вперед:

– Гурни, старик, да что это тебе…

– Стойте на месте! – оборвал его Халлек. – Еще шаг – и она мертва!

Рука Пола скользнула к рукояти ножа. Тихим голосом, в котором звучала смерть, он проговорил:

– Лучше тебе объясниться, Гурни.

– Я поклялся убить того, кто предал твоего отца! – Гурни яростно выплевывал слова. – Как вы… как ты думаешь – мог я забыть о человеке, который спас меня из харконненских подземелий, дал мне свободу, жизнь и честь?! Который дал мне свою дружбу – самое дорогое из всего?! И вот предательница – под моим ножом, и никто не помешает мне…

– Гурни, сильнее ошибиться ты не мог, – покачал головой Пол.

А Джессика подумала: Так вот в чем дело! Какая чудовищная ирония судьбы!

– Ошибаюсь?! – взвыл Гурни. – Ну так пусть она сама скажет! И не забывает при этом, что я давал взятки, шпионил, обманывал – и все ради того, чтобы подтвердить это обвинение! Я даже купил – за семуту – капитана баронской охраны, и значительную часть этой истории я знаю от него!

Все-таки его захват чуточку ослаб. Но раньше, чем Джессика сумела что-то сказать, Халлеку ответил Пол:

– Предатель – Юйэ. Это точно, Гурни. Свидетельства тому исчерпывающи и неоспоримы. То был Юйэ. Не важно, почему ты заподозрил мою мать – а это, повторяю, не более чем пустое подозрение. Но если ты причинишь ей зло… – Пол вытянул крис из ножен, выставил его перед собой, – … тогда я убью тебя.

– Юйэ был кондиционированным медиком, допущенным к работе в правящем Доме, – яростно возразил Гурни. – Как же он мог предать?!

– Я знаю способ преодолеть кондиционирование, – ответил Пол.

– А доказательства?!

– Здесь у меня их нет. Они – в сиетче Табр, это далеко к югу отсюда, но если...

– Это трюк! – прорычал Гурни, и его рука с новой силой сжалась на горле Джессики.

– Не трюк и не обман, Гурни, – ответил Пол, и такая печаль прозвучала в его голосе, что у Джессики сжалось сердце.

– Но я сам видел сообщение, перехваченное у харконненского агента! – воскликнул Гурни. – И там определенно говорилось о...

– И я его видел, – перебил Пол. – Отец показал его мне и объяснил, почему он был уверен в том, что это не более чем харконненская уловка, цель которой – заставить герцога подозревать любимую женщину.

– А! – выдохнул Гурни. – Но ты не...

– Замолчи, – велел Пол – и в спокойной монотонности его голоса прозвучала большая сила приказа, чем Джессике когда-либо приходилось слышать.

Он овладел Великим контролем, подумала Джессика. Рука Гурни на ее шее задрожала. Неуверенно шевельнулся нож за ее спиной...

– Да, ты подкупал, шпионил и обманывал; но вот чего ты не делал – так это не слышал, как рыдала ночами моя мать, потеряв своего герцога. Ты не видел, каким огнем горят ее глаза, когда она говорит о смерти для Харконненов.

Так он слушал тогда! – Глаза Джессики застилали слезы.

– Чего ты не сделал, – продолжал Пол, – так это не вспомнил ни разу уроки, полученные тобой в харконненских темницах и казармах для рабов. И ты еще с такой гордостью говорил о дружбе с моим отцом! Да разве не понял ты разницу между Атрейдесами и Харконненами – не понял настолько, что до сих пор не научился узнавать харконненские уловки по одному их зловонию? Или не усвоил ты, что Атрейдесы

платят за верность любовью, а харконненская монета – ненависть? Как же ты не сумел понять, в чем самая суть этого предательства?!

– Н-но... а Юйэ?.. – пробормотал Гурни.

– Доказательство, о котором я упомянул, – это собственноручно написанное Юйэ письмо, где он признается в совершенном предательстве, – ответил Пол. – Клянусь тебе в том моей любовью к тебе – любовью, которую я буду питать, даже если придется убить тебя, и ты ляжешь здесь, на полу, мертвым.

Слушая сына, Джессика чувствовала восхищение – какая собранность, какая проницательность разума!..

– У отца было настоящее чутье на верных друзей, – продолжал Пол. – Не всякому давал он свою любовь, но при этом не ошибся ни разу. А слабость его была в недопонимании природы ненависти: он считал, что тот, кто ненавидит Харконненов, не сможет его предать... – Пол взглянул на мать. – Она знает это. Я передал ей слова отца, его завещание... он велел сказать, что всегда верил ей и ни на миг в ней не усомнился.

Джессика почувствовала, что теряет контроль над собой, и прикусила губу, стараясь справиться с эмоциями. По напряженно-формальному тону сына она поняла, чего стоили ему эти слова. Ей захотелось подбежать к нему, прижать его голову к груди... чего она никогда не делала. Но рука, обвившаяся вокруг ее шеи, перестала дрожать, а острие ножа вновь неподвижно уперлось ей в спину.

– Один из самых ужасных моментов в жизни ребенка, – сказал Пол, – это миг потрясения – миг, когда он понимает, что между его отцом и матерью существуют отношения, внутрь которых ему доступа нет. Он никогда не сможет разделить с ними эту любовь. Это потеря. Это – первое осознание факта, что мир – это не ты, а то, что окружает тебя, и что ты одинок в нем. Ты сознаешь, что это правда, и не можешь уйти от нее. Я слышал, как отец говорил о матери. Она – не предатель, Гурни, и не может быть им.

Джессика почувствовала, что может говорить, и сказала:

– Отпусти меня, Гурни.

Она не использовала Голос, не играла на слабости Гурни – но рука его упала. Джессика подошла к Полу и стала рядом, не прикасаясь к нему.

– Пол, – сказала она, – жизнь знает и иные потрясения. Так, я сейчас вдруг поняла, как жестоко я использовала тебя, пытаясь управлять тобой, согнуть тебя, и все это ради того, чтобы направить тебя по тому пути, который я сама выбрала для тебя... пути, который я должна была выбрать, потому что так уж меня учили... если это хоть как-то меня оправдывает. – Она проглотила комок в горле, заглянула сыну в глаза. – Пол... я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Нет, не так... Обещай мне – ты сам должен выбрать путь своего счастья. Твоя женщина из Пустыни... женись на ней, если хочешь. И не дай никому и ничему помешать тебе. Но главное – сам выбирай свой путь. Я...

Она замолчала, услыхав за спиной невнятное бормотание.

Гурни!

Увидев, что Пол смотрит через ее плечо, повернулась и Джессика.

Гурни стоял все там же, он только нож убрал в ножны, да еще распахнул на груди бурнус, открыв серую, лоснящуюся ткань дистикомба стандартного выпуска – контрабандисты покупали эту модель во фрименских сиетчах.

– Вонзи свой нож в мое сердце! – еле выговорил он. – Рази, прошу – и покончим с этим! Я покрыл позором свое имя! Я предал своего герцога! О, лучше...

– Да замолчи ты, – сказал Пол. – Гурни уставился на него. – А теперь застегнись и кончай валять дурака, – проворчал Пол. – На сегодня я уже, кажется, сыт глупостями по горло.

– Убей меня, говорю я! – взвыл Гурни в неистовстве.

– Тьфу... – вздохнул Пол. – Я-то думал, хоть ты меня лучше знаешь. Да что вы меня все – идиотом считаете?! И

почему я должен повторять эту комедию с каждым человеком, который мне нужен?!

Гурни перевел взгляд на Джессику и жалким, безнадежным и умоляющим голосом – так не похоже на старину Гурни! – попросил:

– Ну тогда вы, миледи… пожалуйста… вы меня убейте.

Джессика подошла к нему, положила руки ему на плечи.

– Гурни, отчего ты настаиваешь, чтобы Атрейдесы убивали тех, кого любят?

Она мягко вытянула из пальцев Халлека края бурнуса и застегнула их.

Гурни, совершенно сломленный, выдавил:

– Но… я… я же…

– Ну да. Ты думал, что делаешь это ради Лето, – сказала Джессика, – и за это я могу лишь восхвалить тебя…

– Госпожа моя!.. – простонал Гурни и, уронив голову, зажмурил глаза, пытаясь сдержать вскипающие слезы.

– Давай будем считать все случившееся небольшим непониманием между старыми друзьями, – сказала Джессика, и Пол услышал в ее голосе успокаивающие, утешающие нотки. – Ну всё-всё, теперь всё уже позади, и мы можем только радоваться, что больше такое непонимание, между нами, не повторится.

Гурни открыл блестящие, мокрые глаза и преданно посмотрел на нее.

– Гурни Халлек, которого я запомнила, был искуснейшим мастером клинка и струн, – продолжала Джессика. – Он был лучшим исполнителем на балисете, которого я знала и которым восхищалась. Может быть, этот Гурни Халлек помнит, как любила я слушать, когда он пел для меня?.. Ты сохранил свой балисет, Гурни?

– У-у меня теперь новый, – пробормотал Гурни. – Он с Чусука – чудесный инструмент, звучит, как подлинный Варота, правда, подписи на нем нет. Я склонен полагать, что это работа одного из учеников Вароты, который… – Он

умолк. – Но что это я, миледи! Что я могу сказать?! Вот мы болтаем о...

– Вовсе не болтаем, Гурни, – возразил Пол, подошел к матери и встал, глядя в лицо Гурни. – Это не болтовня, а то, что приносит радость друзьям. И я прошу тебя – сыграй нам. Планы битвы могут и подождать немного. Все равно до завтра мы не выступим.

– Я... я сейчас принесу балисет, – заторопился Гурни. – Он там, в коридоре. – Он выскочил в коридор, только занавески взметнулись.

Пол коснулся руки матери, ощутил, как она дрожит.

– Уже всё, мама, – сказал он.

Она, не поворачивая головы, искоса взглянула на него:

– Всё?..

– Ну да. Гурни...

– Гурни?.. Ах... да. – Она опустила глаза.

С шорохом разошлись занавеси – вернулся Гурни с балисетом. Не глядя в глаза Полу и Джессике, он принялся настраивать инструмент. Драпировки глушили эхо, и балисет звучал негромко и задушевно, даже интимно.

Пол усадил мать на подушки, она откинулась на толстые драпировки. Его внезапно поразило, что она выглядит сильно состарившейся – Пустыня превратила ее кожу в пергамент, проложила морщины в уголках, залитых синевой глаз.

Как она устала, подумал он. Мы должны как-то облегчить ее ношу.

Гурни взял аккорд.

Пол глянул на него:

– Извини, Гурни, мне надо кое-что срочно сделать. Подожди здесь...

Гурни кивнул. Он был уже где-то далеко, может быть, под ласковым небом Каладана, а на горизонте кучерявились тучки, обещая дождь...

Пол заставил себя повернуться, вышел в боковой проход, отбросив тяжелые занавеси.

За его спиной Гурни начал мелодию, и Пол помедлил немного, слушая приглушенную песню.

Сады вокруг, виноградники,
Гурии полногрудые,
И до края чаша полна...

Почему же твержу я о битвах,
О горах, истершихся в пыль?
Предо мною распахнуто небо
И богатства свои рассыпает:
Собери лишь! – но что же
Мысли мои – о засаде
И о яде в чаше литой?
Что же годы меня одолели?
Манят руки любви
И сулят красоту нагую,
Мне сулят наслаждения рая —
Что же я вспоминаю раны,
Что грехи беспокоят былые,
Отчего мой сон так тревожен?..

Из-за угла появился курьер-федайкин. Его капюшон был отброшен за плечи, а завязки дистикомба свободно болтались на шее – значит, он только что из Пустыни.

Пол жестом остановил его, отошел от входа в комнату и подошел к вестнику.

Тот поклонился, сложив перед собой руки – так обычно приветствовали Преподобную Мать или сайядину, исполняющую обряды.

– Муад'Диб, вожди уже начали прибывать на Сбор, – проговорил он.

– Так скоро?

– Это те, за которыми Стилгар послал раньше – когда думали, что...

– Ясно. – Пол оглянулся туда, откуда раздавались звуки балисета. Старая песня, которую так любила мать, странное сочетание радостной мелодии и печальных слов. – Стилгар скоро подойдет сюда вместе со всеми остальным. Покажешь им, где их ожидает мать.

– Хорошо, Муад'Диб, я буду ждать здесь.

– Да... да, пожалуйста.

Пол оставил федайкина у входа, а сам зашагал к месту, какое было в каждой подобной пещере, у подземного водохранилища. Там, в прочной камере, содержали небольшого – не длиннее девяти метров – шаи-хулуда. Окружавшие червя каналы с водой не давали ему ни расти, ни бежать. Податель, как только отделялся от «маленьких», всеми силами избегал воды – для него это был яд. А утопление Подателя – величайший секрет фрименов, так как при этом выделялось вещество, объединявшее их, – Вода Жизни, яд, преобразовать который могла только Преподобная Мать.

Решение пришло к Полу, когда он столкнулся со смертельной опасностью, грозившей матери. Ни одна из временных линий, виденных им, не содержала угрозы от Гурни Халлека. Будущее – туманное, темное будущее, в котором Вселенная неслась в кипящий водоворот, – окружало его, словно пелена призрачного мира.

Я должен видеть, повторял он.

К этому времени его организм уже выработал некоторый иммунитет к Пряности, и пророческие видения все реже посещали его... и были они все более смутными. Решение казалось очевидным.

Я сам утоплю червя. И тогда мы увидим, действительно ли я – Квисатц Хадерах, способный пережить испытание, которому подвергаются Преподобные Матери.

* * *

И так случилось на третий год Пустынной войны, что лежал Пол Муад'Диб один в Птичьей пещере, во внутренних покоях под коврами кисва. И так лежал, как мертвый, связанный откровениями Воды Жизни, и существо его было унесено за пределы времен ядом, дарующим жизнь. И так исполнено было пророчество о том, что Лисан аль-Гаиб может быть сразу и жив, и мертв.

Принцесса Ирулан. «Собрание легенд Арракиса»

Выходя из котловины Хаббанъя в предрассветной мгле, Чани слышала, как посвистывают крылья орнитоптера, который, доставив ее сюда, улетел теперь в укрытие в Пустыне. Охранники, держась на почтительном расстоянии от нее, рассыпались веером, проверяя, нет ли какой опасности в скалах, и заодно предоставляя женщине Муад'Диба и матери его первенца возможность пройтись одной: как она и попросила их.

«Зачем он вызвал меня? – думала она. – Ведь раньше он говорил, что я должна оставаться на Юге с маленьким Лето и Алией».

Она подобрала бурнус и, легко перепрыгнув каменный порожек, начала подъем по крутой тропке – только тот, кто был привычен к жизни в Пустыне, мог бы отыскать эту тропу в темноте. Из-под ног покатились мелкие камешки, но Чани шла, словно танцуя, с привычной легкостью.

Быстрый подъем одновременно освежал и слегка пьянил, кружил голову, помогая очиститься от страхов, вызванных молчаливой отстраненностью эскорта и тем, что за ней послали один из бесценных топтеров. Но ее сердце радостно билось от близости встречи с Полом Муад'Дибом, с ее Усулом. По всей Пустыне гремело боевым кличем – «Муад'Диб! Муад'Диб!» – но это не было имя отца ее сына и нежного любовника. Она и называла-то его иначе.

Впереди над скалами воздвигалась долговязая фигура – махала рукой, призывая поторапливаться. Чани заспешила. Действительно, утренние птицы уже перекликались и

поднимались в небо, приветствуя приближающуюся зарю. Над восточным горизонтом занялась бледная полоска рассвета.

Человек впереди был не из тех, кто сопровождал ее. «Отхейм, что ли?» — подумала Чани, замечая знакомые жесты и манеру держаться. Подойдя ближе, она действительно узнала широкое, плоское лицо одного из командиров федайников. Капюшон Отхейма был откинут, а лицевой фильтр не затянут – подобная небрежность говорила о том, что он вышел в пустыню совсем ненадолго, на несколько минут.

– Скорее! – прошептал он, повернулся и повел Чани вниз, по неприметной расщелине, к замаскированному входу в пещеру. – Скоро совсем рассветет, – продолжал он так же шепотом, придерживая для нее входной клапан. – Харконнены, не иначе как доведенные до крайности, взялись патрулировать некоторые участки Пустыни. А мы сейчас никак не можем себе позволить быть обнаруженными.

Они оказались в узком боковом входе в Птичью пещеру. Зажглись плавающие лампы. Отхейм, обходя вперед Чани, сказал только:

– За мной. И поспеши.

Они быстро прошли уводящий вглубь коридор, миновали еще одну герметическую дверь-клапан и, пройдя сквозь закрытый занавесями проем, оказались в помещении, которое в те дни, когда в этой пещере просто устраивали дневки во время хаджров через Пустыню, служило альковом Преподобной Матери. Сейчас пол был застелен коврами, горами лежали подушки. Каменные стены были прикрыты гобеленами с изображениями красного ястреба. Низкий походный стол у стены был завален бумагами – исходивший от них аромат Пряности говорил о происхождении материала: фримены делали бумагу из отходов переработки меланжи.

Преподобная Мать сидела напротив входа, и, кроме нее, в комнате никого не было. Она взглянула на вошедших тем

самым, обращенным в себя, взором, от которого бросало в дрожь непосвященных.

Отхейм сложил ладони и почтительно доложил:

– Я привел Чани, Преподобная.

Поклонившись, он вышел. А Джессика подумала: «Как мне сказать Чани об этом?..»

– Как мой внук? – спросила она вслух.

«Ритуальное приветствие... – подумала Чани, и ее страхи вновь вернулись к ней. – Где же Муад'Диб? Отчего он меня не встретил?»

– Он здоров и весел, о мать моя, – ответила Чани. – Я оставила его и Алию на попечение Хары.

«Мать...» — повторила про себя Джессика. – Да, у нее, конечно, есть право так меня называть, обращаясь с формальным приветствием. Ведь она подарила мне внука».

– Я слышала, из сиетча Коануа прислали в подарок ткани? – сказала она.

– Очень красивые, – кивнула Чани.

– Алия передала для меня что-нибудь?

– Ничего. Но в нашем сиетче теперь все спокойно, и люди понемногу привыкают к ее новому статусу...

«Да что она тянет? – напряженно думала Чани. – Случилось что-то важное – раз уж прислали за мной топтер, дело действительно срочное. А мы тут разводим церемонии...»

– Надо распорядиться часть этой новой ткани пустить на одежду для маленького Лето, – сказала Джессика.

– Как скажешь, о мать моя. – Чани опустила глаза. – Есть ли вести о сражениях?

Она старалась, чтобы лицо оставалось бесстрастным и не выдало Джессике, что на самом-то деле она спрашивает о Муад'Дибе...

– Новые победы, – сообщила Джессика. – А Раббан послал к нам осторожные предложения перемирия. Его гонцы вернулись обратно к хозяину без своей воды... Раббан даже облегчил тяготы для жителей некоторых деревень во

впадинах. Но с этим он опоздал – люди поняли, что Раббан пошел на это из страха перед нами.

– Все идет так, как и предсказывал Муад'Диб, – кивнула Чани. Она смотрела в лицо Джессике, пытаясь сдержать страх. «Я назвала его имя, но она никак не отреагировала. Конечно, трудно прочесть эмоции на гладком камне, который она называет лицом... но сейчас оно какое-то совсем уж застывшее. Да что с ней?! Что случилось с моим Усулом?!»

– Ах, сейчас бы вновь оказаться на Юге, – задумчиво сказала Джессика. – Оазисы были так прекрасны, когда мы уезжали... как не мечтать о времени, когда вся земля будет цвести так же!..

– Да, там прекрасно, – согласилась Чани. – Но сколько скорби в этой красоте...

– Скорбь – цена победы, – заметила Джессика.

«Она меня к скорби готовит?!» — спросила себя Чани. Вслух она сказала:

– Так много женщин сейчас живут без мужей. Когда они узнали, что меня вызвали на север, без ревности не обошлось...

– За тобой послала я, – сказал Джессика.

Чани почувствовала, как бешено колотится сердце. Ей хотелось зажать уши руками – так боялась она услышать то, что прозвучит дальше. Все же ей удалось заставить голос звучать ровно:

– Но письмо было подписано «Муад'Диб» ...

– Эту подпись поставила я. В присутствии его ближайших сподвижников и помощников. Мера, вызванная необходимостью.

«Она храбрая – женщина моего сына, – подумала Джессика. – Так держится, хотя ей страшно... Да. Похоже, она – именно тот, кто теперь нам нужен».

Действительно, покорность судьбе звучала в голосе Чани почти незаметно, когда она сказала:

– Теперь ты можешь сказать... то, что должна.

– Ну хорошо. Ты мне нужна, чтобы помочь вернуть Пола к жизни! – сказала Джессика, мысленно похвалив себя: «Да, я это сказала именно так, как надо: «вернуть к жизни». Теперь она знает, что Пол жив, но в большой опасности...»

Лишь один миг понадобился Чани, чтобы прийти в себя.

– Что я могу сделать? – спросила она. И хотя на самом деле ей хотелось броситься к Джессике, схватить ее, трясти – «Отведите меня к нему!» – она молча ждала ответа.

– Подозреваю, – проговорила Джессика, – что Харконненам удалось подослать сюда своего агента, чтобы отравить Пола. Иного объяснения я просто не вижу. Причем яд какой-то странный, необычный. Я исследовала его кровь всеми возможными способами, самыми тонкими – и никаких следов отравы!

Чани все-таки не сдержалась и бросилась к Джессике, упала на колени:

– Яд?! Он страдает? Я могу что-то...

– Он без сознания, – ответила та. – Жизненные процессы замедлены настолько, что регистрируются лишь с помощью самой тонкой техники. Я содрогаюсь от одной мысли о том, что его мог бы обнаружить кто-то другой, не я. Не имеющий опыта в подобных делах принял бы его за мертвого...

– Но у тебя наверняка были иные причины помимо простой любезности, – сказала Чани. – Я ведь знаю тебя, Преподобная. Так что, по-твоему, я могу сделать такого, чего не сделать тебе?

«Да, она храбрая, красивая и – ах-х, такая наблюдательная и умная, – подумала Джессика. – Какая бы из нее вышла сестра Бене Гессерит!..»

– Чани, – проговорила Джессика, – может быть, ты мне, не поверишь, но я и сама не знаю толком, почему я послала за тобой. Интуиция, если хочешь. Просто вдруг пришло в голову: «Надо послать за Чани...»

В первый раз Чани увидела печаль на лице Джессики, страдание в ее обращенном вглубь взгляде.

– Я сделала всё, что могла, – сказала Джессика. – И это «всё» настолько выходит за пределы того, что обычно понимается под понятием «всё возможное», что тебе и представить трудно было бы. Но... у меня ничего не вышло.

– А этот его старый товарищ, Халлек, – задумчиво сказала Чани, – он не может оказаться предателем?

– Только не Гурни, – отрезала Джессика.

В этих трех словах была целая история. Чани словно сама увидела все размышления, все доводы «за» и «против», все испытания, тесты и проверки, все воспоминания о неудачах в прошлом, которые в конце концов и привели к этому выводу.

Чани рывком поднялась на ноги, выпрямилась, расправила пятнистый походный бурнус.

– Веди меня к нему, – сказала она.

Джессика тоже встала, повернулась и вышла в дверь за занавесями по левую руку.

Чани пошла за ней; они оказались в помещении, некогда использовавшемся как склад. Теперь же каменные стены были скрыты тяжелыми драпировками. Пол лежал у дальней стены на походном матрасе. Прямо над его головой висела в воздухе плавающая лампа, освещавшая лицо; тело было по грудь укрыто черной тканью, руки лежали поверх этого покрывала, вдоль туловища. Обнаженная кожа казалась восковой и какой-то затвердевшей. Он был совершенно неподвижен.

Чани с трудом подавила желание кинуться к нему, упасть на грудь... Вместо этого она вспомнила о своем сыне, о Лето. И поняла, что некогда и Джессика пережила подобный миг – когда ее мужчине угрожала смерть, она должна была думать о спасении сына. Ощутив вдруг, насколько они близки, Чани схватила Преподобную Мать – мать ее Усула – за руку. Джессика в ответ тоже стиснула ее руку – больно...

– Он жив, – проговорила Джессика. – Можешь поверить мне – жив. Но нить его жизни столь тонка, что ее трудно даже заметить. Иные вожди поговаривают даже, что не

Преподобная Мать, а просто мать говорит во мне; что сын мой умер уже, а я не хочу отдать его воду племени.

– Как долго он уже… вот так? – выдавила Чани. Она осторожно высвободила свое запястье из рук Джессики и сделала несколько шагов вперед.

– Три недели. – Голос Джессики звучал безжизненно. – Почти неделю я пыталась вернуть его к жизни. Встречи, обсуждения, совещания – наконец, я решилась вызвать тебя. К счастью, федайкины мне подчиняются, не то я не могла бы отсрочить… – Джессика провела языком по пересохшим губам, глядя, как Чани подходит к Полу.

А Чани склонилась над ним, разглядывая мягкую бородку – почти что юношеских пух, – окаймлявшую лицо Пола, гладила взглядом высокий лоб, линию бровей, крепкий нос, закрытые глаза – сейчас, в этом оцепенелом сне, его лицо выглядело очень спокойным, мирным.

– Как он получает питание? – спросила она, не отводя взгляда от Пола.

– Телу его надо так мало, что до сих пор он обходился без пищи.

– Многим известно о случившемся?

– Только ближайшие его советники, некоторые вожди, федайкины, да еще, разумеется, тот, кто его отравил.

– Кого вы подозреваете?

– Мы пока не хотим расследования, – ответила Джессика.

– А что говорят федайкины?

– Федайкины верят, что Пол пребывает в священном трансе, накапливая силы перед решительными сражениями. Это я подбросила им эту мысль.

Чани опустилась на колени подле тела Пола. И сразу же ощутила, что воздух возле самого его лица какой-то другой… но эта была всего лишь Пряность, вездесущая Пряность, запахом которой была пропитана вся жизнь фримена. И все же…

– Вы не были привычны к Пряности от рождения; как ты думаешь – не мог ли его организм восстать против ее избытка в пище? – предположила Чани.

– Аллергических реакций нет, – ответила Джессика.

Она закрыла глаза – ей хотелось отгородиться от происходящего; к тому же она вдруг поняла, насколько устала. «Сколько же я не спала? – спросила она себя. – Не помню. Слишком долго...»

– Когда ты изменяешь в себе Воду Жизни, – спросила Чани, – ты ведь для этого пользуешься... внутренним восприятием. А им ты пользовалась, чтобы исследовать Его кровь?

– Да. Нормальная фриженская кровь. Совершенно приспособленная к пище с высоким содержанием меланжи и к жизни здесь.

Чани опустилась на пятки. Страхи вновь охватили ее, но она, глядя в лицо Полу, подавила их, вытеснила. Этому приему она научилась, наблюдая за Преподобными Матерями. Время можно было заставить служить разуму. Надо было полностью сконцентрироваться...

Наконец Чани сказала:

– Здесь есть Податель?

– Конечно, и не один, – устало ответила Джессика. – Мы теперь обязательно держим несколько Подателей. Для победы нужно благословение, а каждый обряд перед походом...

– Но Пол Муад'Диб обычно сам не принимал участия в этих обрядах, – заметила Чани.

Джессика отрешенно кивнула, вспомнив противоречивые чувства, которые питал Пол к Пряности и к порождаемому ею пророческому дару.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросила она.

– Говорят...

– Слишком много говорят, – горько сказала Джессика.

– Скажи, чтобы мне принесли непревращенную Воду Подателя, – распорядилась Чани.

Слыша повелительный тон, Джессика замерла было, но, видя сосредоточенность молодой женщины, ответила только:

– Сейчас.

Она вышла – позвать хранителя воды. Чани сидела, не сводя глаз с Пола.

«Если бы только он сделал именно это! – думала она. – Он вполне мог решиться испытать это...»

Джессика опустилась на колени возле Чани и протянула простой кувшин, из тех, которыми пользовались на полевых стоянках. Ноздри Чани защекотал острый запах яда. Она обмакнула палец в жидкость и поднесла его к носу Пола.

Тот слегка сморщил переносье, ноздри его медленно расширились.

Джессика ахнула.

Чани прикоснулась теперь смоченным в Воде пальцем к верхней губе спящего.

Он глубоко, прерывисто вздохнул.

– Что это? – жестко спросила Джессика.

– Тихо, – сказала Чани. – Сейчас преобразуй немного святой Воды. Быстро!

Джессика не стала задавать вопросы – по голосу Чани она поняла, что та знает, что делает.

Поднеся к губам кувшин, Джессика отпила крошечный глоток.

Глаза Пола распахнулись. Он посмотрел на Чани.

– Нет нужды превращать Воду, – выговорил он слабо, но твердо.

Джессика, держа глоток во рту, почувствовала, что ее тело почти автоматически преобразует яд. В легком душевном подъеме, который всегда сопровождал процесс, она ощутила исходящий от Пола свет жизни.

И в этот миг она поняла.

– Ты выпил священной Воды! – выдохнула она.

– Всего каплю, – пробормотал Пол. – Совсем немного... одну капельку.

– Как ты мог решиться на такую глупость?! – гневно спросила Джессика.

– Он твой сын, – напомнила Чани. Джессика метнула на нее яростный взгляд.

Губ Пола коснулась слабая улыбка – теплая и понимающая.

– Слушай, что говорит моя возлюбленная, – сказал он. – Слушай, мама. Она знает!

– Что могут сделать другие – должен сделать и он, – объяснила Чани.

– Когда я принял эту каплю – ощутил ее вкус, запах, плотность; когда я понял, что эта капля делает со мной, тогда я понял, что могу сделать то, что сделала ты, – сказал Пол. – Эти ваши прокторы Бене Гессерит столько твердят о Квисатц Хадерахе – но они даже отдаленно представить себе не могут, в скольких местах я побывал. За эти несколько минут я... – Он замолчал, озадаченно нахмурился. – Чани?.. Как ты здесь оказалась? Ты же должна быть... Почему ты здесь?..

Он попытался приподняться на локтях, но Чани мягко уложила его обратно.

– Пожалуйста, лежи, мой Усул, – сказала она.

– Я чувствую себя таким слабым, – пожаловался он. Обвел взглядом комнату. – Как долго я... здесь?

– Ты три недели был в коме. Такой глубокой, что казалось, искра жизни тебя покинула, – объяснила Джессика.

– Н-но... я же выпил ее только минуту назад и...

– Для тебя минуту, – возразила Джессика. – Для меня – три недели страха.

– Только одна капля – но я преобразовал ее, – сказал Пол. – Я преобразовал Воду Жизни!..

И, прежде чем Чани или Джессика могли остановить его, он окунул руку в кувшин, который они поставили на пол у изголовья, поднес сложенную ковшиком ладонь к губам, роняя капли Воды, – и выпил.

– Пол! – простонала Джессика.

Он схватил ее за руку, улыбнулся (это походило на ухмылку черепа) – и послал к ней свое сознание.

Это было не то мягкое, охватывающее чувство единения, которое она разделила когда-то с Алией и старой Преподобной... но это был контакт: они разделили все чувства, все ощущения... этот контакт потряс ее, и она почувствовала себя такой слабой, что внутренне сжалась, в страхе перед ним закрывая свое сознание.

Вслух он сказал:

– То место, в которое нельзя проникнуть... Место, в которое не смеют взглянуть Преподобные Матери... Покажи мне его!

Испугавшись даже самой мысли об этом, она замотала головой.

– Покажи мне его! – приказал он.

– Нет!

Но она не могла никуда деться от него. Буквально оглушенная его пугающей, невероятной силой, она закрыла глаза и сосредоточилась на темном, запретном месте в глубине сознания.

Сознание Пола протекло вокруг и сквозь нее – и устремилось во тьму. На краткий миг Джессика успела заглянуть туда прежде, чем ее сознание в ужасе отпрянуло. Увиденное заставило ее трепетать, хотя она сама не знала – почему... Мир, где яростно и беспрерывно дул ветер, сверкали искры, пульсировали световые круги и кружили среди огней белые раздувшиеся фигуры – их увлекал клубящийся мрак и дувший ниоткуда ветер...

Наконец она открыла глаза. Пол смотрел на нее. Он все еще держал ее за руку, но пугающая связь между ними исчезла. Она подавила дрожь... оказывается, она действительно дрожала. Пол выпустил ее руку. Словно убрали опору, поддерживавшую ее, словно выбили костыль – она пошатнулась и упала бы, не поддержи Чани.

– Преподобная! – встревожилась Чани. – Что случилось?

– Устала... – прошептала Джессика. – Так устала...

– Сюда, – приговаривала Чани. – Садись сюда.

Она помогла Джессике сесть на подушки и опереться о стену.

Прикосновения сильных, молодых рук были удивительно приятны, успокаивали. Джессика прильнула к Чани.

– Он действительно видел… Воду Жизни? – спросила Чани, осторожно высвобождаясь.

– Да, видел… – прошептала Джессика. У нее все еще кружилась голова, разум не мог успокоиться после контакта. Так чувствуют себя люди, которые долгие недели провели в бурном море и наконец ступили на твердую землю: кажется, что она продолжает покачиваться под ногами. Джессика ощутила внутри себя старую Преподобную Мать… и всех остальных… они пробудились и спрашивали: «Что это было? Что случилось? Что это за место?..»

И на все это накладывалось осознание того, что ее сын – Квисатц Хадерах, Тот, Который может быть сразу во многих местах. Сбывшаяся мечта Бене Гессерит. И понимание это ее не успокаивало…

– Так что произошло? – настаивала Чани.

Джессика только покачала головой.

Пол проговорил:

– В каждом из нас есть древняя сила, которая берет, и другая древняя сила, которая дает. Мужчине не слишком сложно заглянуть туда, где обитает берущая сила, но почти невозможно встретиться лицом к лицу с силой дающей, не изменяя свою природу. С женщиной дело обстоит, наоборот.

Джессика подняла взгляд. Оказывается, Чани слушает Пола, а глядит на нее.

– Ты понимаешь меня, мама? – спросил Пол.

Она смогла только кивнуть.

– И эти силы внутри нас пришли из такой глубокой древности, что они вошли в каждую клеточку нашего тела. Эти силы и создают нас. Ты можешь сказать себе: «Да, я вижу, как это происходит». Но затем ты заглядываешь в глубь себя и предстаешь перед этими силами – силами своей

жизни, предстаешь без всякой защиты и тогда только понимаешь, какая опасность тебе грозит. Ты видишь, что эта сила может захлестнуть и побороть тебя. Величайшая опасность для Дающего – это берущая сила; величайшая опасность для Берущего – сила дающая. И столь же легко потерпеть поражение от этих сил тому, кто дает, сколь и тому, кто берет.

– А ты, сын мой, – спросила Джессика, – сам ты из тех, кто дает, или из тех, кто берет?

– Я – центр равновесия, – ответил Пол, – и я не могу давать, не забирая, и не могу брать, не...

Он замолчал, глядя на стену справа от себя.

Чани ощутила, как ее щеки коснулся сквознячок. Она повернулась, успев заметить, как падает занавеска входа.

– Это был Отхейм, – сказал Пол. – Подслушивал!

От этих слов на Чани словно повеяло пророческим даром Пола... она увидела то, чему предстояло случиться, так, словно это уже случилось. Отхейм разнесет увиденное и услышанное. Каждый, кто услышит от него эту историю, передаст ее дальше, и покатится она по земле точно пожар. «Пол Муад'Диб – не как прочие люди, – будут говорить тут и там. – Больше сомневаться не приходится. Он – мужчина, но может глядеть в глубины Воды Жизни, как Преподобная Мать; воистину Он – Лисан аль-Гаиб!»

– Ты видел будущее, Пол, – сказала Джессика. – Откроешь ли ты увиденное?

– Не будущее, – возразил он. – Я видел Настоящее.

Он с усилием сел и отмахнулся от Чани, которая бросилась было ему помогать.

– Космос над Арракисом кишит кораблями Гильдии.

Джессика вздрогнула – таким уверенным был его голос.

– Там – сам Падишах-Император, – добавил Пол, глядя на каменный потолок комнаты. – А с ним – его любимая Правдовидица и пять легионов сардаукаров. И старый барон Владимир Харконнен тоже там, и с ним – Суфир Хават, а еще – семь кораблей, и в них – все, кого он сумел поставить под

ружье. И там с ними – готовые подключиться к игре силы, представляющие каждый из Великих Домов, стервятники… все ждут.

Чани покачала головой, не в состоянии отвести взгляд от Пола. Его отстраненность, ровный, невыразительный голос, взгляд, словно проникавший сквозь нее, – все ужасало ее и повергало в смятение.

Джессика попыталась сглотнуть пересохшим горлом, выговорила:

– Чего они ждут?

Пол посмотрел на нее:

– Ждут от Гильдии разрешения к высадке. Того, кто совершит посадку без разрешения, Гильдия оставит на планете навсегда.

– Гильдия защищает нас? – спросила Джессика.

– Защищает нас! Да Гильдия же сама всё устроила: распустила всяческие слухи о том, что мы делаем, а затем снизила тарифы на межзвездные перевозки настолько, что даже беднейшие Дома смогли добраться сюда – и теперь висят над нами и дождаться не могут, когда можно будет приступать к грабежу.

Джессика поразилась горьким ноткам в его голосе. Нет, она не сомневалась в его словах – они звучали так же убежденно, как и в ту ночь, когда он открыл перед ней путь в будущее, который привел их к фрименам.

Пол глубоко вздохнул и проговорил:

– Мама, тебе придется преобразовать для нас некоторое количество Воды. Нам нужен катализатор. А ты, Чани, разошли разведчиков… пусть ищут премеланжевую массу. Затем, если мы поместим определенное количество Воды Жизни над карманом премеланжевой массы… Вы знаете, что тогда произойдет?

Джессика обдумывала его слова – и вдруг поняла, что он имеет в виду.

– Пол!.. – выдохнула она.

– Вода Смерти, – медленно сказал он. – И это будет цепная реакция. – Он указал себе под ноги. – Она посеет смерть среди Маленьких и разрушит вектор жизненного цикла, связывающий Пряность и Подателей. А без них – без Пряности ли, без Подателей ли – Арракис превратится в настоящую пустыню.

Чани зажала рукой рот – кощунство, исходившее из уст Пола, лишило ее дара речи.

– Кто может уничтожить некую вещь, тот ее и контролирует по-настоящему, – объяснил Пол. – А мы можем уничтожить Пряность!

– Но что останавливает Гильдию? – прошептала Джессика.

– Они ищут меня, – ответил Пол. – Вдумайся! Лучшие навигаторы Гильдии, которые способны, заглядывая в будущее, находить безопасный курс для стремительных хайлайнеров, – все ищут меня... и не могут найти. Как они дрожат! Как трепещут! Они знают, что я завладел их тайной! – Пол протянул перед собой согнутую лодочкой руку с блестевшими в ней каплями. – Без Пряности они слепы!

Чани смогла наконец заговорить:

– Ты говоришь, что видишь Настоящее!

Пол вновь откинулся на спинку, мысленно оглядывая раскинувшееся перед ним Настоящее, протянувшееся и в будущее, и в прошлое. Озарение, которое принесла Пряность, уже уходило, и он с трудом удерживал в сознании картину путей Времени.

– Итак, идите и делайте, как я велел, – сказал он. – Будущее теперь для Гильдии так же смутно, как и для меня. Линии видения сужаются. И все фокусируется здесь. Вокруг Пряности...

Они и раньше не осмеливались вмешиваться, потому что, вмешавшись, могли утратить и то, чем уже обладали. Но теперь они в отчаянии, ибо все пути ведут во тьму.

* * *

И вот настал день, когда Арракис стал как бы ступицей в колесе Вселенной, и колесо то было готово повернуться.

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

– Ты посмотри только на эту штуку! – прошептал Стилгар. Пол лежал рядом с ним в скальной щели высоко на гребне Барьерной Стены, приложив глаз к окуляру фрименского телескопа с масляными линзами. Телескоп был наведен на котловину, где, сверкая в лучах рассветного солнца, стоял межзвездный лихтер. Впрочем, на затемненной его стороне еще светились желтые иллюминаторы. Вдали холодно блестел под северным солнцем Арракин.

Но не лихтер так поразил Стилгара, видел Пол, а сооружение, для которого гигантский корабль служил всего лишь опорным столбом. Огромное, напоминающее шатер, многоэтажное здание радиусом не менее тысячи метров состояло из положенных внахлест полос веерола. Здесь временно размещались пять легионов сардаукаров, и здесь же расположил свою ставку Его Императорское Величество, Падишах-Император Шаддам IV.

Гурни Халлек, пригнувшийся слева от Пола, сообщил:

– Я насчитал девять уровней. Похоже, Его Величество решил не ограничивать себя горсткой сардаукаров...

– Пять легионов, – отозвался Пол.

– Светает, – прошептал Стилгар. – Нравится тебе это или нет, но ты сейчас на виду, Муад'Диб. Пора уходить в скалы.

– Я здесь в безопасности, – отмахнулся Пол.

– Корабль оснащен метательными орудиями, – напомнил Гурни.

– Они полагают, что у нас есть щиты, – усмехнулся Пол. – А тратить снаряды на трех неопознанных людей они не будут, даже если и заметят.

Повернув телескоп, Пол оглядел стены котловины: изрытые оспинами скалы, осыпи, отмечавшие пещеры, которые

стали братскими могилами стольких бойцов его отца... Он вдруг подумал о том, какая глубокая справедливость в том, что тени погибших воинов Дома Атрейдес будут взирать с высоты своих гробниц на то, что произойдет в котловине... Форты и поселки за Барьерной Стеной, отбитые у Харконненов, находились теперь в руках фрименов или же были отрезаны от главных сил – подобно ветвям, отсеченным от ствола и теперь умирающим. Все владения Дома Харконнен ограничивались теперь этой котловиной!

– Они могут предпринять вылазку на топтерах, – возразил Стилгар. – Если заметят нас.

– Ну и пусть, – ответил Пол. – Все равно нам сегодня не один их топтер придется сжечь... и потом, как мы знаем, надвигается буря.

Он перевел телескоп на дальний конец взлетного поля Арракинского космодрома, где стояли в ряд харконненские фрегаты. Слабый ветерок играл полотнищем флага КООАМ. Гильдия, видимо, вконец впала в отчаяние, раз позволила сесть этим двум группам, а всех прочих оставила в резерве. Гильдия напоминала человека, который пальцем ноги пробует, насколько горяч песок, прежде чем ставить палатку.

– Да что ты еще нового рассчитываешь увидеть? – спросил Гурни. – Пора прятаться: буря действительно приближается.

Пол вновь повернул телескоп на гигантский металлический шатер.

– Даже женщин захватили, – пробормотал он. – И слуг не забыли, лакеев-камердинеров... Ах, Император, Император... как же вы самоуверенны!

– Кто-то идет сюда, – сказал Стилгар. – Наверно, Отхейм и Корба возвращаются.

– Ну ладно, Стил, – вздохнул Пол. – Уходим.

Но напоследок он еще раз взглянул в телескоп – на ровное дно котловины, сверкающий металлом шатер, молчаливый город, корабли с харконненскими наемниками. Потом

он отполз назад, за скалу, и его место у телескопа занял один из фрименских дозорных.

Пол вышел в неглубокую нишу в скальной стене. Фримены укрыли ее прозрачной маскировочной тканью. Справа, возле прохода, стояла аппаратура связи. Федайкины, собравшиеся здесь, ждали приказа Муад'Диба к атаке.

Из потайного хода появились двое и обратились к часовым.

Пол кивнул Стилгару на вновь прибывших:

– Стил, узнай, с чем они пришли.

Стилгар направился к вошедшим. Пол присел на корточки возле стены, разминая мышцы, встал. За это время Стилгар уже успел переговорить с пришедшими и отослал их обратно. Пол подумал о том, как длинен этот высеченный в скале проход – отсюда и до самого дна котловины.

– Что случилось такого важного, что нельзя было послать сейлаго? – спросил Пол.

– Птичек берегут до битвы, – ответил Стилгар. Он озабоченно посмотрел на аппаратуру связи, на Пола. – Даже при работе направленным лучом это опасно, Муад'Диб. Они могут запеленговать эти штуки и по побочному излучению...

– У них скоро не останется на это времени, – усмехнулся Пол. – Так что нового?

– Мы выпустили наших сардаукарчиков возле Старого Пролома, на Западном Венце, пониже отсюда, и сейчас они направляются к своему хозяину. Ракетные установки и все прочие метательные орудия расставлены по позициям. Люди размещены согласно твоим приказаниям. Словом, все как обычно.

В едва проникающем сквозь маскировочную ткань свете Пол оглядел своих бойцов. Ему казалось, что время тянется невыносимо медленно – словно насекомое, ползущее по голой скале.

– Придется нашим сардаукарам прогуляться пешком, – сказал Пол, – прежде чем они смогут вызвать транспорт. За ними следят?

– Следят, конечно, – ответил Стилгар.

Гурни, стоявший за спиной Пола, кашлянул.

– Может, пора уйти в более безопасное место?

– Безопасных мест тут нет, – отрезал Пол. – Как прогноз – погода благоприятная?

– На нас идет праматерь всех бурь, – ответил Стилгар. – Ты что, разве сам не чувствуешь, Муад'Диб?

– Конечно, изменения в воздухе есть, – согласился Пол, – но шестование все-таки надежнее.

– Буря будет здесь через час, – уверенно сказал Стилгар. Он кивком указал на проем, выходивший на шатер-великан Императора и харконненские фрегаты. – Они это тоже знают. Видишь, ни одного топтера в небе. Все убрано и надежно принайтовано. Их друзья на орбите информируют об изменении погоды.

– Были еще пробные вылазки?

– Нет, пока они сидят тихо. Я думаю, выжидают – хотят выбрать подходящее время.

– Теперь время будем выбирать мы, – жестко сказал Пол.

Гурни взглянул наверх и ворчливо уточнил:

– Если они позволят.

– Их флот останется на орбите, – возразил Пол.

Гурни покачал головой.

– У них не будет выбора, – напомнил Пол. – Мы можем уничтожить Пряность. На такой риск Гильдия не пойдет.

– Отчаявшиеся люди бывают всего опаснее, – сказал Гурни.

– А мы что – разве не отчаялись? – спросил Стилгар.

Гурни мрачно поглядел на него.

– Просто ты не жил мечтой всех фременов, – остерег его Пол. – Стил сейчас думает о всей той воде, которую он потратил на взятки и подкуп, а значит – о лишних годах, отдаляющих день, когда Арракис расцветет. Он не...

Гурни не то застонал, не то зарычал.

– Отчего он так мрачно настроен? – поинтересовался Стилгар.

– Он всегда такой перед битвой, – объяснил Пол. Гурни медленно, по-волчьи, осклабился, над прикрывавшим подбородок воротником-чашкой сверкнули зубы.

– Мрачен я оттого, – сказал он, – что мне жалко все те харконненские душонки, которые мы сегодня отправим на тот свет нераскаянными.

Стилгар хмыкнул:

– Можно подумать, что я слышу федайкина.

– А Гурни у нас прирожденный боец-смертник, – отозвался Пол, а сам подумал: «Да, пусть они позабавятся шуточками и болтовней – перед тем как мы столкнемся с силой, собравшейся там, на равнине...»

Он взглянул на проем в каменной стене, а когда его взгляд вернулся к Халлеку, трубадур-воин опять был угрюм и задумчив.

– «Беспокойство отнимает силы», – напомнил ему Пол. – Это ты меня так учил, Гурни.

– Мой герцог, – ответил Гурни, – меня беспокоит главным образом атомное оружие. Если вы примените его, чтобы пробить взрывом брешь в Барьерной Стене...

– Нет, Гурни, – прервал его Пол, – они там, наверху, не решатся в ответ применить атомное оружие против нас. Не посмеют... по той же самой причине, какая не дает им рискнуть запасами Пряности, которую мы пригрозили уничтожить.

– Однако запрет на применение...

– Запрет! – фыркнул Пол. – Страх, а не запрет не дает Домам закидать друг друга ядерными зарядами. Великая Конвенция говорит прямо и недвусмысленно: «Применение атомного оружия против людей карается уничтожением планеты». Что касается нас – мы намерены взорвать Барьерную Стену – не людей.

– Очень уж тонкий момент, – заметил Гурни. – Тут грань провести не так просто...

– Ну, крючкотворы там, наверху, радостно ухватятся за эту тонкую грань, – возразил Пол. – Жечь эту планету они не могут. И давай больше не будем об этом.

Он отвернулся, желая на самом деле чувствовать такую уверенность. Помолчав немного, он снова обратился к Стилгару:

– А что горожане? Вышли на позиции?

– Да... – пробормотал Стилгар. Пол взглянул на него:

– А тебе что покоя не дает?

– Всегда считал, что городским доверять по-настоящему нельзя, – буркнул Стилгар.

– Я, между прочим, сам был когда-то горожанином, – напомнил Пол.

Стилгар застыл, его лицо потемнело от прилившей крови.

– Муад'Диб знает, что я не имел в виду...

– Я знаю, что ты имел в виду. Но в испытании человека не по тому судят, что он мог бы сделать, по твоему мнению, а по тому, что он делает в действительности. В этих горожанах – фрименская кровь. Просто они не научились еще свободе. Но мы их научим.

Стилгар кивнул и покаянно ответил:

– От привычки, укоренившейся за целую жизнь, нелегко избавиться, Муад'Диб. На Погребальных Равнинах мы научились презирать горожан...

Пол взглянул на Гурни – тот изучающе рассматривал Стилгара.

– А объясни-ка нам, Гурни: зачем бы это сардаукарам надо было выгонять этих горожан из домов?

– Старый трюк, мой герцог. Они хотели, чтобы нас обременяли беженцы.

– Партизанская война так давно считается неэффективной, что наши правители успели забыть, как ей противодействовать, – усмехнулся Пол. – Так что сардаукары в этот раз сыграли нам на руку. Хватали женщин в городе – развлечения ради; украсили свои штандарты головами тех, кто

пытался протестовать. И возбудили против себя яростную ненависть горожан, большинство из которых в противном случае смотрели бы на предстоящую битву просто как на досадную помеху, пусть даже и помеху серьезную… и как просто на возможную смену их хозяев. Так что сардаукары позаботились о рекрутах для нас, Стилгар.

– Горожане прямо рвутся в бой, – признал Стилгар.

– Их обиды свежи, и ненависть не затенена ничем, – ответил Пол. – Вот почему мы используем их как силы первого удара.

– Страшно подумать, сколько из них тут ляжет, – пробормотал Гурни.

Стилгар кивнул, соглашаясь.

– Их предупредили, что шансов у них мало, – ответил Пол. – Но они знают и то, что каждый убитый ими сардаукар – это еще один враг, который не причинит вреда нам. Понимаете, друзья, теперь им есть за что умирать. Они почувствовали себя народом. Они – пробуждаются!

От наблюдателей у телескопа донеслось невнятное восклицание. Пол метнулся к амбразуре.

– Что там? – спросил он.

– Великое смятение, Муад'Диб, – почему-то шепотом ответил наблюдатель. – У этого огромного металлического шатра все так и забегали. От Западного Венца приехала наземная машина. Точь-в-точь ястреб влетел в гнездо скальных куропаток.

– Так-так, – сказал Пол, – прибыли наши пленные.

– Они включили щит по всему периметру посадочного поля, – доложил наблюдатель. – Я вижу, как воздух дрожит даже за складами, где хранилась Пряность.

– Теперь они знают, кто воюет против них, – сказал Гурни. – Пусть харконненские твари трепещут, пусть страх разъедает их, ибо Атрейдес жив и идет на них!

Обращаясь к федайкину у телескопа, Пол распорядился:

– Следи за флагштоком на корабле Императора. Если там поднимут мое знамя…

– Этого не будет, – перебил Гурни.

Пол, видя озадаченное выражение на лице Стилгара, пояснил:

– Если Император признает мои притязания – он даст знать об этом, вновь подняв над Арракисом знамя Дома Атрейдес. В этом случае мы реализуем второй план и выступим только против Харконненов. Сардаукары не станут вмешиваться и предоставят нам самим разобраться друг с другом.

– У меня, конечно, нет опыта во всех этих инопланетных штучках, – проговорил Стилгар. – Однако я сомневаюсь, что...

– Не нужен опыт, чтобы догадаться, что они сделают, – проворчал Гурни.

– На большом корабле поднимают новый флаг, – сообщил наблюдатель. – Желтый... с черно-красным кругом в центре.

– Ловко, – усмехнулся Пол. – Флаг КООАМ!

– Тот же флаг, что и над остальными кораблями, – заметил наблюдатель.

– Не понимаю, – сказал Стилгар.

– В самом деле ловко, – подтвердил Гурни. – Подними он флаг Атрейдесов, ему пришлось бы придерживаться обязательств, которые это на него налагает. Слишком много свидетелей! Он мог поднять флаг Харконненов, и это было бы ответом прямым и ясным. Однако же нет: он вывешивает эту кооамовскую тряпку! Иначе говоря, он сообщает тем, наверху, – Гурни поднял палец туда, где над Дюной висел на орбите флот, – что он там, где прибыль. И что ему все равно, кто правит планетой – Атрейдесы или кто-нибудь еще.

– Сколько осталось времени до того, как буря дойдет до Барьерной Стены? – спросил Пол.

Стилгар посовещался с одним из федайкинов и доложил:

– Это будет совсем скоро, Муад'Диб. Раньше, чем мы ожидали. Поистине идет прапраматерь всех бурь... может быть, она даже сильнее, чем ты хотел бы.

– Это – моя буря, – промолвил Пол и, видя безмолвное, смешанное со страхом благоговение на лицах слышавших его федайкинов, добавил: – Пусть от этой бури содрогнется весь мир – и тогда она не будет сильнее, чем мне надо. Она ударит фронтом прямо по Стене?

– Почти. Можно сказать, да, – ответил Стилгар.

Из хода, ведущего вниз, в котловину, вынырнул гонец, подошел к Полу, доложил:

– Патрули отходят, Муад'Диб. И харконненские, и сардаукары.

– Думают, что буря нанесет в котловину слишком много песка и ухудшит видимость, – заметил Стилгар. – И полагают, что то же самое и к нам относится!..

– Скажи канонирам – пусть наметят цели и установят наводку заранее, до того, как видимость ухудшится, – распорядился Пол. – Они должны разбить нос каждого из этих кораблей сразу, как только буря уничтожит щиты... – Он подошел к стене, отогнул край камуфляжной ткани и посмотрел в небо. На темном его фоне уже вились песчаные шлейфы. Пол отпустил маскировку и добавил: – Стил, пора отсылать людей вниз.

– А ты разве не спустишься? – спросил Стилгар.

– Я пока побуду тут с федайкинами.

Стилгар, глянув на Гурни, только многозначительно пожал плечами и направился к скале, скрывшись в тенях.

– Кнопку заряда, которым мы откроем Барьерную Стену, я оставляю на тебя, Гурни, – сказал Пол. – Сделаешь?

– Конечно.

Пол жестом подозвал одного из командиров федайкинов:

– Отхейм, отводи наши дозоры от зоны взрыва. К началу бури там никого не должно остаться.

Федайкин коротко поклонился и вышел вслед за Стилгаром.

Гурни, взглянув в амбразуру, велел наблюдателю у телескопа:

– Следи получше за Южной Стеной. До самого взрыва она останется без прикрытия.

– Разошли сейлаго с оповещением о времени, – распорядился Пол.

– К Южной Стене движутся наземные машины, – доложил наблюдатель. – С некоторых из них ведется огонь из метательных орудий – прощупывают... Согласно твоему приказу все наши люди пользуются личными щитами. Вот, машины остановились.

В наступившей тишине Пол услышал, как свистят маленькие смерчики над ними – предвестники приближающейся бури. Сквозь отверстия маскировочной ткани начал сеяться песок; затем резкий порыв ветра рванул маскировку и сдернул ее с укрытия.

Пол махнул своим федайкинам, чтобы те укрылись, и подошел к фременам у аппаратуры связи, стоявшей возле входа в тоннель. Гурни последовал за ним. Пол склонился к связистам.

Один из них сказал:

– Идет не «прапраматерь» – прапрапраматерь всех бурь, Муад'Диб!

Пол бросил взгляд на темнеющее небо и приказал:

– Гурни, убирай наблюдателей с Южной Стены!

Ему пришлось повторить приказ – шум бури вырос настолько, что приходилось кричать во весь голос.

Пол надел фильтр-маску, затянул капюшон дистикомба.

Гурни возвратился.

Пол тронул его за плечо, показал на кнопку взрывателя на стене тоннеля позади связистов. Гурни подошел к ней и, держа на кнопке руку, повернулся к Полу.

– Связи нет! – крикнул связист. – Слишком сильные помехи! Буря!..

Пол кивнул, не сводя взгляда с часового циферблата. Наконец он обернулся к Гурни, поднял руку и вновь перевел взгляд на циферблат. Стрелка завершала последний круг...

– Давай! – крикнул Пол и резко взмахнул рукой.

Гурни вдавил кнопку до отказа.

Казалось, не меньше секунды прошло, прежде чем дрогнул пол под ногами. Раскатистый гул взрыва слился с ревом бури, на миг перекрыв его.

Федайкин-наблюдатель подбежал к Полу, держа свой телескоп под мышкой.

– Стена взорвана, Муад'Диб! Буря ворвалась в пролом и ударила прямо по ним – и наша артиллерия уже ведет огонь! – прокричал он.

Пол представил себе, как катится по зажатой горами долине песчаная стена, напитанная статическим электричеством, – и рокочущие заряды разрушают все силовые щиты врага.

– Буря!.. – прокричал кто-то. – Пора в укрытие, Муад'Диб!

Пол пришел в себя, ощутил, как песчинки иглами колют открытые щеки. Мы начали... и это всё неизбежно, подумал он. Положив руку на плечи связисту, он крикнул ему:

– Бросай аппараты! В тоннеле стоит второй комплект!..

Он почувствовал, что его тащат: федайкины столпились вокруг, защищая своего вождя. Они втолкнули его в тоннель, где было несколько тише, повернули за угол, попали в тесную комнатку, освещенную плавающими под потолком лампами. Отсюда вел еще один тоннель.

В этой комнатке за дублирующим комплектом аппаратуры связи сидел еще один фримен.

– Сильные помехи! – сказал он, увидев вошедших. – Сплошная статика.

В комнатку ворвался вихорек, мгновенно заполнив воздух крутящейся песчаной пылью.

– Закройте тоннель! – скомандовал Пол. Внезапно замерший в неподвижности воздух свидетельствовал о выполнении приказания. – Проход в котловину не обрушился? – спросил он.

Один из федайкинов выбежал и, вернувшись, доложил:

– После взрыва обрушилось немного камня, но инженеры говорят, что проход не перекрыт. Сейчас они расчищают завалы лазерами.

– Пусть руками поработают! – возмутился Пол. – Там же включенные щиты!..

– Ничего, Муад'Диб, – возразил федайкин, – они осторожно...

Но все же повернулся и вышел передавать приказ.

Связисты, дежурившие снаружи, протиснулись мимо, таща свою аппаратуру.

– Я им передал твой приказ оставить оборудование, Муад'Диб! – воскликнул один из федайкинов.

– Сейчас люди нам дороже оборудования, – с упреком сказал Пол. – Очень скоро мы не будем испытывать нужды в оборудовании – либо потому, что получим его куда больше, чем сможем использовать, либо потому, что нам уже не понадобится никакое оборудование.

Гурни Халлек подошел к Полу.

– Я слышал, что путь вниз открыт, – сказал он. – Мы здесь слишком близко к поверхности. Как бы Харконнены не контратаковали!

– Им сейчас не до этого, – усмехнулся Пол. – Как раз сейчас они вдруг обнаружили, что лишились и щитов, и возможности взлететь с планеты.

– Как бы то ни было, новый командный пункт готов, милорд, – сказал Гурни.

– Пока что он не нужен, – сказал Пол. – На этом этапе операция будет разворачиваться и без моего участия. Нам же надо ждать...

– Принимаю сообщение, Муад'Диб! – крикнул связист. Он потряс головой, прижал наушник рукой. – Очень сильные помехи!..

Он начал писать в блокноте, время от времени останавливаясь и покачивая головой.

Федайкины отошли, уступая место, и Пол заглянул через плечо в блокнот связиста:

«Налет... на сиетч Табр... пленных... Алия (пропуск) ... семьи (пропуск) убиты, и... они (пропуск) ... сына Муад'Диба».

Связист опять потряс головой.

Пол поднял голову, встретился со взглядом Гурни.

– Сообщение неразборчиво, – пробормотал Гурни. – Помехи ведь... Мы не можем знать, что...

– Мой сын мертв, – глухо сказал Пол – и сам понял, что это правда. – Мой сын мертв... а Алия схвачена... она – их заложник.

Он чувствовал себя опустошенным – лишь оболочка человека, лишенная эмоций. Все, чего он касался, приносило гибель и горе. Точно болезнь... которую он может разнести по всей Вселенной.

Он чувствовал в себе умудренность старца – умудренность, порожденную объединенным опытом бесчисленных вероятных жизней. И казалось ему, что кто-то внутри него хихикает, потирая руки.

И Пол подумал: «Как же мало знает Вселенная, что такое настоящая жестокость!»

* * *

И вот встал тогда Муад'Диб пред ними и сказал: «Погибшей мы считали ее, взятую в плен; но она жива. Ибо семя ее – мое семя, и голос ее – мой голос. И она видит глубочайшие уровни вероятности, пронизывает взором сущность вещей. Истинно говорю вам: в долину незнаемого и непознаваемого проникает взор ее, и то – благодаря мне».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Барон Владимир Харконнен стоял, потупив глаза в аудиенц-зале – овальном селамлике в самом сердце гигантского шатра Падишах-Императора. Искоса посматривая по сторонам, барон изучал зал с металлическими стенами и тех, кто был в нем: нукеров, пажей, гвардейцев-стражников, отряд дворцовых сардаукаров, стоящих «вольно» вдоль стен под

окровавленными и разодранными боевыми знаменами – трофейными, единственным украшением зала.

Справа, отдаваясь в высоком коридоре, раздались выкрики:

– Дорогу! Дорогу Его Величеству!

Падишах-Император Шаддам IV вышел в сопровождении свиты и остановился, ожидая, когда внесут его трон. Барона он игнорировал – как, впрочем, и остальных собравшихся в селамлике.

Барон же никак не мог игнорировать особу Его Величества и изучал его лицо, надеясь обнаружить хотя бы намек на причину этой аудиенции.

Император стоял неподвижно, выпрямившись – стройный, элегантный, в серой форме сардаукаров с золотым и серебряным шитьем.

Узкое лицо и ледяные глаза живо напомнили барону покойного герцога Лето: тот же самый взгляд хищной птицы. Правда, Император был не брюнет, а рыжий, и заметить это не мешал даже эбеново-черный шлем бурсега с золотой короной, венчающий его голову.

Пажи внесли трон и поставили на предназначенное для него возвышение – массивное кресло, вырезанное из цельного куска хагальского кварца. Прозрачное, голубовато-зеленое, оно было словно пронизано языками золотого пламени. Император сел.

Старуха в черной абе с низко надвинутым капюшоном отделилась от свиты и заняла место за троном, положив костлявую руку на кварцевую спинку. Выглядывавшее из-под капюшона лицо было физиономией карикатурной ведьмы, как их обычно рисуют: запавшие глаза и щеки, необычайно длинный нос, кожа в старческих пятнах, вены сеткой охватывают тощую шею и руки.

Барон при виде ее едва сумел сохранить внешнее спокойствие. Само присутствие Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, Правдовидицы Императора, говорило о важности этой аудиенции. Тогда барон отвернулся от нее и попытался

догадаться о цели аудиенции по составу свиты. Там были два агента Гильдии – один высокий и толстый, второй – низенький и тоже толстый, оба с непроницаемо-тусклыми серыми глазами. Среди придворных стояла также высокая белокурая женщина с точеными чертами лица; зеленые глаза смотрели словно сквозь барона. Дочь Императора, принцесса Ирулан – говорили, ее обучают Пути Бене Гессерит высшего уровня посвящения.

– Приветствую вас, любезный барон.

Император наконец соизволил заметить его. У повелителя обитаемой Вселенной был баритон, и он прекрасно владел своим голосом: приветствие прозвучало как отторжение...

Барон низко поклонился и прошел вперед, остановившись, как полагалось, в десяти шагах от подножия трона.

– Я прибыл по вашему повелению, Ваше Величество.

– «По повелению!..» – фыркнула старуха.

– Оставьте, Преподобная Мать, – с укором сказал ей Император; впрочем, он улыбнулся, явно забавляясь замешательством барона. Затем монарх спросил: – Прежде всего скажите мне – куда вы отправили своего любимца, этого Суфира Хавата?

Барон оглянулся по сторонам, мысленно выругал себя за то, что явился сюда без охраны. Не то чтобы от его бойцов было много пользы при схватке с сардаукарами. И все-таки...

– Итак? – снова спросил Император.

– Он улетел уже пять дней назад, и все это время его здесь не было, Ваше Величество. – Барон бросил взгляд на агентов Гильдии. – Он должен был приземлиться на базе контрабандистов и попытаться внедриться в лагерь этого фрименского фанатика Муад'Диба.

– Невероятно! – воскликнул Император.

Рука ведьмы, похожая на птичью лапу, коснулась плеча Императора. Старуха склонилась к нему и что-то шепнула.

Император кивнул.

– Вы сказали – пять дней, барон? Скажите, отчего вы не обеспокоились его отсутствием?

– Но я обеспокоен, Ваше Величество! Обеспокоен!

Император, выжидая, продолжал в упор смотреть на барона. Преподобная Мать рассмеялась кудахтающим смешком.

– Я имею в виду, Ваше Величество, – пояснил барон, – что Хават все равно умрет через несколько часов. – И он объяснил все о латентном – остаточном – яде и о необходимости постоянно давать противоядие.

– Весьма умно придумано, барон, – похвалил Император. – Н-ну, а где же ваши племянники – Раббан и юный Фейд-Раута?

– Приближается буря, Ваше Величество, и я отправил их проверить периметр нашей обороны. На случай, если фримены попытаются атаковать под прикрытием песка.

– Периметр. – Император протянул слово так, словно оно было кислым на вкус. – Здесь, в котловине, буря будет не слишком сильной; а этот фрименский сброд не отважится напасть, пока здесь я и пять легионов моих сардаукаров!

– Конечно, Ваше Величество, – согласился барон. – Но даже излишняя осторожность вряд ли является серьезным проступком! Можно ли порицать за нее?

– Ах-х-х... – протянул Император. – Порицать... Значит, я не вправе даже говорить о том, сколько времени отняла у меня эта бессмысленная суета вокруг Арракиса? О том, как сгинули в этой дыре почти все доходы КООАМ? О том, наконец, что мне пришлось отложить множество важных государственных и дворцовых дел, а часть из них – даже и отменить, и все из-за этой дурацкой истории?..

Барон, напуганный монаршим гневом, опустил глаза. Его раздражала мысль о переплете, в который он попал: один и связан по рукам и ногам Конвенцией и правилом «Диктум фамилиа»!

«Он что, намерен убить меня? – думал барон. – Он не посмеет! Слишком много свидетелей – на орбите следят за

событиями все прочие Великие Дома, и они только и ждут повода как-нибудь урвать свою долю, воспользовавшись заварушкой на Арракисе!..»

– Заложников хоть взяли? – проворчал Император.

– Бесполезно, Ваше Величество, – ответил барон. – Эти сумасшедшие фримены служат по каждому пленному погребальный обряд и затем уже считают его мертвым.

– Вот как? – удивился Император.

Барон разглядывал металлические стены селамлика и думал об окружавшем их гигантском шатре из веерола. Эта великанская конструкция говорила о таком безмерном богатстве, что сама мысль о нем ошеломляла даже барона. Он таскает за собой пажей и бесчисленных лакеев, своих женщин и их прислугу – парикмахеров, декораторов, прочих... всех этих прихлебателей императорского двора. Все здесь – и, как всегда, льстят и прислуживаются, интригуют и «разделяют тяготы войны» с Императором... а ему они нужны как свидетели истории. Чтобы увидели, как Император решит арракийский вопрос, а затем – слагали стихи о битвах и превозносили подвиги тех, кто будет в них ранен...

– Возможно, вы просто брали не тех заложников? – прервал его размышления Император.

Он что-то узнал, понял барон. Страх ледяным камнем лежал в его желудке. Мысль о еде – о еде! – была невыносимой. Но ощущение холодной, давящей тяжести было так похоже на голод, что он даже заворочался в своей сбруе силовой подвески, борясь с желанием приказать подать есть... Только вот кто бы тут стал исполнять его приказы?..

– У вас нет никаких предположений относительно личности Муад'Диба? – спросил Император.

– Да наверняка какой-нибудь сумасшедший умма, – осторожно пожал плечами барон. – Фрименский фанатик. Религиозный авантюрист... Вашему Величеству известно, что подобные плевелы часто вырастают на задворках цивилизованного мира...

Император быстро глянул на свою Правдовидицу и вновь повернулся к барону, буравя его недобрым угрюмым взглядом.

– И других сведений об этом Муад'Дибе у вас, значит, нет? – спросил он.

– Да просто какой-то сумасшедший, – буркнул барон. – Так фримены все ненормальные.

– Неужели?

– Его бойцы бросаются в бой с именем Муад'Диба. Женщины кидают в нас своих младенцев и затем сами бросаются на наши клинки, чтобы дать мужчинам шанс атаковать нас. У них нет... нет... они воюют не по правилам!

– Ах, даже так... – протянул Император, и барон ясно услышал насмешку в его голосе. – Н-ну, любезный барон, а удосужились ли вы обследовать южные полярные области Арракиса?

Барон, изумленный внезапной сменой темы, поднял глаза на Императора.

– Но... но, Ваше Величество, вам же известно – эти земли необитаемы, там хозяйничают бури и черви. В южных широтах даже Пряности нет!

– И, конечно, вам не приходилось слышать, что с меланжлихтеров там замечали участки растительности?

– Такие сообщения время от времени поступают. По некоторым было предпринято расследование. Обнаружили несколько кустов и потеряли много орнитоптеров. Слишком дорогое удовольствие, Ваше Величество! Юг – не место для человека, там долго не выжить.

– Так-так. – Император щелкнул пальцами. За троном, слева, открылась дверь, и два сардаукара ввели девочку лет четырех. На ней была черная аба с откинутым капюшоном; из-за воротника выглядывали отстегнутые трубки и уплотнители дистикомба. Синие фрименские глаза сияли на круглом личике. Кажется, она совсем не боялась – зато барон, взглянув на ее лицо, отчего-то почувствовал себя очень неуютно.

Даже старая гессеритка, когда девочка шла мимо нее, отшатнулась и сделала охранительный знак. Вид ребенка явно потряс старуху.

Император откашлялся и хотел что-то сказать – но малышка заговорила первой. У девочки был тонкий, еще слегка шепелявый, но очень ясный голосок.

– Так вот, значит, он, – проговорила она и подошла к краю возвышения, на котором стоял трон. – Правду сказать, так и ничего особенного – просто перепуганный жирный старик, у которого нет сил даже стоять самому. Без этих помочей!

Было так странно слышать подобные фразы из уст ребенка, что барон, несмотря на гнев, онемел и уставился на девочку. Может, это просто карлица? – промелькнуло у него в голове.

– Любезный барон, – промолвил Император, – позвольте представить вам сестру Муад'Диба.

– Сест... – Барон поперхнулся и повернулся к своему сюзерену. – Я не понимаю.

– Я тоже проявляю иногда излишнюю, может быть, осторожность, – пояснил Император. – Мне доложили, что в вашей необитаемой южной полярной зоне наблюдаются явные признаки человеческой деятельности.

– Но это невозможно! – воскликнул барон. – Черви... там же открытые пески до самого...

– Похоже, они научились как-то уживаться с червями, – пожал плечами Император.

Девочка уселась на край возвышения подле трона и заболтала ногами. Она осматривала селамлик с явным удовольствием – и с необыкновенно уверенным видом.

Барон тупо смотрел на болтающиеся ножки под черной тканью – оказывается, девочка была обута в сандалии.

– К несчастью, – сказал Император, – я послал туда только пять десантно-транспортных топтеров со сравнительно небольшой ударной группой, имеющей целью захватить пленных для допроса. Должен признаться, что десанту

едва удалось уйти оттуда, захватив всего трех пленных и оставив там четыре машины из пяти. Причем заметьте, барон: мой отряд был разгромлен противником, состоящим по большей части из женщин, детей и стариков. А это вот дитя командовало одним из контратаковавших отрядов.

– Вот видите, Ваше Величество! – горячо подхватил барон. – Видите, какие они!

– Я поддалась, чтобы меня захватили, – объяснила девочка. – Потому что не хотела прийти к брату с вестью о гибели его сына.

– Лишь горстке моих людей удалось унести ноги, – сказал Император и вдруг закричал: – Унести ноги! Слышите, вы?!

– Да мы бы и их порешили, – заверила девочка, – если бы не огонь.

– Сардаукары применили двигатели вертикального хода топтеров как огнеметы, – пояснил Император. – Поистине решение отчаяния – но только это и дало им уйти, да еще и с тремя пленными. Заметьте это себе, дорогой барон, – мои сардаукары были вынуждены в беспорядке отступить перед женщинами, детьми и стариками!

– Мы должны атаковать всеми силами, – хрипло сказал барон. – Мы должны истребить всех...

– Хватит! – рявкнул Император, подавшись вперед. – Вы что, за дурака меня считаете?! Стоять тут с идиотски невинным видом и твердить...

– Ваше Величество, – перебила его старая Правдовидица. Император только отмахнулся:

– И вы говорите, что не имели представления ни о населении юга, обнаруженном нами, ни о боевых качествах этих людей? – Император поднялся с трона. – За кого вы меня принимаете, барон?

Барон отступил на два шага. «Это все Раббан! Это он меня подставил! Раббан...»

– А это фальшивое столкновение с герцогом Лето, – промурлыкал Император, снова садясь. – Как превосходно вы играли, барон!

– Ва… Ваше Величество! – взмолился барон. – О чем вы…

– Молчать!!!

Старуха снова дотронулась до плеча Императора и шепнула ему что-то.

Девочка перестала болтать ногами и попросила:

– Пугни его еще, Шаддам. Нехорошо, конечно, радоваться, но уж больно приятно смотреть, ничего с собой поделать не могу!

– Тихо, дитя. – Император наклонился вперед, положил руку на головку ребенка и вперил тяжелый взгляд в барона. – Итак, возможно ли это? Неужели вы и впрямь такой простак, как считает моя Правдовидица? Вы что, не узнаете эту девочку – дочь вашего союзника герцога Лето?

– Не был отец его союзником, – сердито сказала девочка. – Мой отец мертв, а эта харконненская скотина видит меня впервые.

Барон мог только яростно смотреть на нее. Наконец он сумел выдавить:

– Кто…

– Я – Алия, дочь герцога Лето и леди Джессики, сестра герцога Муад'Диба, – объяснила девочка. Она соскользнула на пол селамлика. – А мой брат обещал, что нацепит твою голову на древко своего боевого штандарта; я думаю, он так и сделает!

– Помолчи, дитя, – оборвал ее Император. Он откинулся на спинку трона и, поглаживая подбородок, изучал барона.

– Я приказам Императора не подчиняюсь, – возразила Алия. Она повернулась, посмотрела снизу вверх на Преподобную Мать. – Вот она знает.

Император оглянулся на Преподобную:

– О чем это она?

– Этот ребенок – воплощенный грех и мерзость! – прошипела старуха. – Ее мать заслужила такую кару, какой не

видел мир! Смерть! Да никакая смерть не будет слишком быстрой ни для этого «ребенка», ни для той, что ее выродила! – Старуха ткнула в Алию костлявым пальцем. – Вон! Пошла вон из моего разума!

– Тэ-Пэ? – прошептал Император, глядя на Алию. – Великая Мать...

– Вы не понимаете, Ваше Величество! – воскликнула старуха. – Телепатия тут ни при чем! Она внутри моего сознания! Она – как те, другие, что были до меня, те, что дали мне свою память! Она там – в моем сознании! Этого быть не может – но это есть!..

– Какие «те, другие»? – сердито спросил Император. – Что это за бред?

Старуха выпрямилась, опустила руку.

– Я и так сказала слишком много; но главное – «ребенок», который на самом деле не ребенок, должен быть уничтожен. Еще с давних времен существует предостережение, говорящее нам о том, как опасна подобная ей, и о том, что рождения ее допустить нельзя! Но мы преданы одной из нас, отступницей!..

– Что ты болтаешь, старуха, – пренебрежительно сказала Алия. – Ты не знаешь, как это случилось, а бормочешь чепуху подобно глупцу, который не видит ничего дальше своего носа. – Алия закрыла глаза, глубоко вздохнула и задержала дыхание.

Старая Преподобная Мать застонала и пошатнулась.

Алия открыла глаза.

– Вот как это было, – сказала она. – Космическая случайность... к которой, и ты приложила руку.

Преподобная Мать подняла руки, как бы отталкивая Алию.

– Да что, наконец, происходит? – не выдержал Император. – Дитя, ты что, правда, можешь проецировать мысли в чужое сознание?

– Ничего похожего, – помотала головой Алия. – Коль скоро я рождена не так, как ты, то и думаю не так, как ты.

– Убейте ее, – пробормотала старуха, вперив запавшие старческие глаза в Алию, и схватилась за спинку трона, чтобы не упасть. – Убейте…

– Помолчи, – велел Император, разглядывая Алию. – Дитя, а можешь ты общаться таким образом со своим братом?

– Мой брат знает, что я здесь, – ответила Алия.

– Ты можешь передать ему, чтобы он сдался – в обмен на твою жизнь? – спросил Император.

Алия невинными глазами посмотрела на него:

– Нет, этого я не сделаю.

Барон, пошатываясь, шагнул вперед и встал рядом с Алией.

– Ваше Величество! – взмолился он. – Поверьте, я ничего не знал о…

– Перебейте меня еще раз, – сказал Император, – и больше вы уже никого и никогда перебить не сможете…

На барона при этом он даже не посмотрел, продолжая разглядывать Алию из-под полуприкрытых век.

– Значит, не сделаешь… Тогда попробуй прочесть в моих мыслях, что я сделаю с тобой, если ослушаешься меня.

– Я тебе сказала уже, что я мыслей не читаю, – ответила Алия. – Вот их спроси! – показала она на двоих гильдиеров.

– Не слишком умно идти против меня, – нахмурился Император. – Даже и в мелочах ты не должна мне противоречить.

– Мой брат идет, – возразила Алия, – а перед Муад'Дибом и Император будет трепетать, ибо с Муад'Дибом – сила его правоты, и небеса улыбаются ему!

Император вскочил на ноги:

– Шутка зашла слишком далеко. Я сотру в пыль и твоего брата, и всю эту плане…

Селамлик сотрясся, и тяжелый рокот ударил по нему. Позади трона, где селамлик примыкал к императорскому кораблю, с потолка внезапно обрушился каскад песка.

Короткое ощущение стягивающейся кожи подсказало присутствующим, что включился очень мощный и крупный щит.

– Я же говорила – мой брат идет, – заметила Алия.

Император стоял перед троном, прижимая к уху радиофон, захлебывавшейся скороговоркой докладывавший о происходящем. Барон отступил на два шага назад; сардаукары занимали посты у дверей.

– Поднимемся на орбиту и перегруппируемся, – объявил Император. – Барон, примите мои извинения. Эти сумасшедшие в самом деле напали на нас под прикрытием шторма. Что же, мы покажем им гнев Императора!.. – Он показал на Алию. – А эту отдайте буре.

При этих словах Алия, изображая испуг, побежала от Императора.

– Пусть буря возьмет что сумеет! – закричала она, обернувшись.

И попала прямо в руки барона!

– Я ее поймал, Ваше Величество! – заревел барон радостно. – Убить ее сразу – и-ииииии!..

Взвизгнув, барон уронил ее на пол. Правой рукой он стискивал левую кисть.

– Извини, дед, – спокойно сказала Алия, – но это был гом джаббар Атрейдесов.

Девочка встала и бросила на пол длинную черную иглу.

Барон упал. Выпученными от ужаса глазами он уставился на красную царапину на левой ладони.

– Ты... ты...

Он перевалился на бок и замер – безвольная туша, повисшая в нескольких дюймах от пола на бесполезном теперь силовом поле. Голова откинулась, рот был широко открыт.

– Они действительно сумасшедшие, – зло сказал Император. – Ну, быстро! Все на корабль! Мы очистим эту планету от...

Слева что-то сверкнуло, и от стены мячиком отскочила шаровая молния. Послышался треск, когда огненный шар коснулся металлического пола. Запахло сгоревшей изоляцией.

– Щит! – закричал один из сардаукаров. – Внешний щит не выдержал! Они...

Его слова утонули в металлическом грохоте. Стена позади Императора – обшивка его корабля – сотряслась и заходила ходуном.

– Они отстрелили нос корабля! – крикнул кто-то.

Селамлик заполнился клубящейся пылью. Скрытая ее завесой, Алия побежала к ведущей наружу двери.

Император круто повернулся, жестом указал своим людям на люк, открывшийся в броне корабля, и махнул офицеру сардаукаров, спешившему через пыльную мглу к своему повелителю.

– Мы будем защищаться здесь! – приказал он.

Гигантский шатер вновь содрогнулся. В дальнем конце приемного зала с грохотом распахнулись двойные двери. Внутрь ворвались песок, ветер и громкие крики. На секунду

в проеме мелькнула фигурка в черном одеянии – это Алия выскочила наружу, намереваясь подобрать где-нибудь нож и, как предписывало ее фрименское воспитание, прирезать сколько получится харконненских солдат или раненых сардаукаров. Дворцовые сардаукары в зеленовато-желтой мгле бросились к выбитым дверям и выстроились в дугу, выставив оружие: они прикрывали отход Императора.

– Спасайте себя, сир! – закричал их командир. – Быстрее в корабль!

Но Император стоял в одиночестве возле своего трона и показывал рукой на двери. Взрыв выбил сорокаметровый участок внешней стены шатра, и теперь через двери селамлика было видно штормящее песчаное море, над которым низко висела клубящаяся туча песка. Сквозь пастельную мглу сверкали разряды статического электричества, накопленные этой тучей, и вспыхивали фонтаны искр – это разряжались силовые щиты бойцов. Вся равнина кишела сражающимися; сардаукары отбивались от прыгающих и крутящихся волчком противников в длинных одеждах – казалось, неизвестные враги были принесены сюда бурей и теперь спрыгивали с ее лохматящейся песчаными вихрями спины.

Но не на них указывала рука Императора.

Из пыльной пелены показались странные и жуткие движущиеся формы. Они выгибались огромными дугами, сверкали венцами кристаллических зубцов, окружающих чудовищные провалы пастей… Сплошной стеной на императорскую ставку шли песчаные черви. И каждый из них нес на спине отряд фрименов. Сила Пустыни шла в бой. С шорохом, почти заглушающим шум бури, шли они, выстроившись в клин, разрезавший сечу, и бились на ветру свободные одежды наездников.

Они надвигались на уменьшившийся вдруг металлический шатер, и дворцовые сардаукары потрясенно взирали на них. Впервые за всю историю Корпуса сардаукаров эти

неустрашимые бойцы были охвачены ужасом, ибо их разум отказывался вместить эту невероятную атаку титанов.

Но те, кто спрыгивал с чудовищных тварей, были всё же людьми, и их клинки, взблескивающие в зловещем желтоватом свете, тоже были понятны и привычны. Теперь перед сардаукарами был противник, укладывающийся в то, чему их учили, и солдаты Императора бросились в бой. И люди сходились в схватке, и сшибались клинки – а отборные сардаукары, телохранители Императора, втолкнули своего повелителя в корабельный люк, захлопнули и заперли его массивную дверь и приготовились умереть перед нею, ибо они были щитом Императора.

В корабле было сравнительно тихо, и эта тишина оглушала. Перед Императором возникли придворные с широко раскрытыми от страха глазами; его старшая дочь раскраснелась от возбуждения; старая Правдовидица стояла черной тенью, низко опустив капюшон. Наконец он нашел лица, которые искал. Лица агентов Гильдии.

Гильдиеры были, разумеется, в своих серых, без украшений, мундирах – серый цвет очень подходил к их спокойствию, такому странному среди кипящих вокруг эмоций.

Высокий прикрывал рукой лицо. Как раз в тот момент, когда Император повернулся к нему, кто-то случайно толкнул гильдиера под локоть, и Император увидел его глаз. Агент потерял одну контактную линзу, и теперь был виден не прикрытый сероватой маскировкой темно-синий глаз, и синева была такой густой, что глаз казался почти черным.

Низенький гильдиер протолкался ближе к Императору и озабоченно проговорил:

– Мы не знаем, как все повернется...

Высокий, вновь прикрыв глаз, холодно заметил:

– Но и Муад'Диб не может этого знать.

Эти слова вывели Императора из оцепенения. Он с видимым усилием сдержался, чтобы не сказать что-нибудь презрительное – ибо не надо было обладать способностью гильд-навигатора видеть основные вероятности близкого

будущего, чтобы догадаться о том, что скоро произойдет на равнине... Неужели эти двое стали настолько зависимы от своей «семьи», что разучились пользоваться глазами и разумом?..

– Преподобная, – сказал Император, – мы должны что-то придумать. Нужен план...

Старуха откинула капюшон и устремила на Императора немигающий взгляд. Они прекрасно понимали друг друга и без слов; им оставалось одно, последнее оружие, и они оба знали это – предательство.

– Вызовите графа Фенринга, – сказала Преподобная Мать.

Падишах-Император кивнул и жестом приказал одному из придворных выполнять это распоряжение.

* * *

Был он воин и мистик, чудовище и святой, лис и сама воплощенная невинность, меньше, чем бог, но больше, чем человек. Нельзя мерить Муад'Диба обычной меркой. В миг своей славы он увидел уготованную ему смерть, однако принял опасность и лицом встретил измену. Вы скажете, он сделал это из чувства справедливости. Хорошо. Но – чьей справедливости?

Не забывайте: мы говорим сейчас о Муад'Дибе, о том самом Муад'Дибе, который приказывал обтягивать боевые барабаны кожей врага. О Муад'Дибе, который простым мановением руки отмахнулся от всего, что было связано с его герцогским прошлым, от всех обычаев, законов и условностей, говоря лишь: «Я – Квисатц Хадерах, и этой причины довольно».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

В вечер победы они с триумфом ввели Пола Муад'Диба во дворец губернатора Арракина – тот самый дворец, который заняли Атрейдесы, придя на Дюну. Раббан недавно отремонтировал здание, и сражение его почти не затронуло, хотя горожане успели уже кое-что разграбить. Мебель в главном зале была перевернута и частью разбита.

Пол быстрыми шагами вошел в зал через парадные двери, Гурни Халлек и Стилгар шли на шаг позади него. Их эскорт рассыпался по Большому залу и принялся приводить его в порядок, приготовляя место для Муад'Диба. Один взвод проверял дворец на предмет ловушек.

– Я помню, как мы с твоим отцом впервые вошли в этот зал, – проговорил Гурни. Он обвел взглядом потолочные балки и высокие узкие окна. – И тогда мне тут не понравилось, а уж теперь и подавно. Во всяком случае, в одной из наших пещер было бы намного безопаснее.

– Вот слова настоящего фримена, – заметил Стилгар, и холодная улыбка Муад'Диба не ускользнула от его внимания. – Может, все же передумаешь?

– Это место – символ, – строго сказал Пол. – Тут жил Раббан. Заняв дворец, я всем показываю, что победил окончательно. Отправь людей осмотреть всё здание, но пусть они ни к чему не прикасаются. Пусть только убедятся, что Харконнены не оставили тут своих людей или свои игрушки.

– Как прикажешь, – ответил Стилгар, но в его голосе прозвучало отчетливое недовольство; однако он, разумеется, подчинился.

Появившиеся связисты тут же принялись разворачивать свое оборудование у гигантского камина. Фримены, пополнившие поредевшие в битве ряды федайкинов, встали на часах вдоль стен зала. Слышалось бормотание, часовые подозрительно оглядывали диковинное для них помещение. Вдобавок это место слишком долго было логовом врага, чтобы можно было вот так просто прийти сюда и чувствовать его своим.

– Гурни, отправь эскорт за Чани и моей матерью, – распорядился Пол. – Чани уже знает... о нашем сыне?

– Мы послали сообщение... милорд.

– Податели из котловины уже вывели?

– Да. Буря уже почти прошла.

– Какой она нанесла ущерб?

– По оси – на посадочном поле и в складах на равнине – ущерб причинен весьма значительный, – ответил Гурни. – Как бурей, так и сражением.

– Надо полагать, все же не настолько значительный, чтобы нельзя было поправить за деньги.

– Если не считать жизни погибших... милорд, – поклонился Гурни, и в его голосе прозвучал упрек, словно Гурни спрашивал: когда это было, чтобы Атрейдес думал прежде об имуществе, чем о людях?

Но Пол был целиком сосредоточен на своем внутреннем зрении и разрывах в стене времени, которая все еще лежала на его пути. И сквозь каждый разрыв катился в его будущее ревущий джихад...

Он вздохнул, пересек зал, приметив кресло у противоположной стены. Это было кресло из столовой – может быть, когда-то в нем сидел отец. Впрочем, сейчас это было всего лишь кресло, предмет, на который можно было сесть, чтобы справиться с усталостью и скрыть ее от людей. Он уселся, оправил полы бурки, укрыв ноги, распустил дистикомб у горла.

– Император все еще сидит в своем разбитом корабле, – сказал Гурни.

– Ну и пусть пока сидит – подержите его там немного, – отмахнулся Пол. – А Харконненов нашли?

– Еще не всех убитых осмотрели, милорд.

– Что ответили с кораблей? – Пол дернул головой, указывая вверх.

– Пока ничего, милорд.

Пол вздохнул, устало откинулся на спинку кресла и наконец сказал:

– Приведите мне какого-нибудь сардаукара из пленных. Надо отправить Императору послание – пора обсудить условия.

– Да, милорд.

Гурни повернулся, жестом подал сигнал одному из федайкинов, который тут же занял пост возле Пола.

– Гурни, – прошептал Пол, – с тех самых пор, как мы с тобой опять вместе, я не слышал еще от тебя ни одной цитаты, подходящей к случаю... – Он увидел, что Гурни напряженно сглотнул и его лицо закаменело.

– Если угодно, милорд... – проговорил Гурни, прочистил горло и произнес: – «И победа в день тот стала скорбью для всего народа; ибо услышали люди, как скорбит царь о сыне своем».

Пол прикрыл глаза, вытесняя скорбь из сознания: ей придется подождать своего часа, как некогда ждала скорбь об отце. Сейчас же он был поглощен открытиями этого дня. О вероятностях будущего, о том, что в них теперь соединятся и его будущее, и будущее Алии. О скрытом в глубинах его сознания присутствии Алии...

И это было самое странное из всех проявлений его видения во времени. «Я встала на пути твоего будущего, – говорила Алия внутри, – чтобы лишь ты один мог слышать мои слова. Даже ты так не можешь, брат мой. Это хорошая игра, по-моему! И... да, знаешь, я убила нашего деда – выжившего из ума старого барона. Он почти и не почувствовал боли».

Затем – молчание. Внутренним зрением он ощутил ее уход из своего сознания.

– Муад'Диб!

Пол открыл глаза, увидел черную бороду Стилгара, темные глаза, еще горевшие огнем битвы.

– Вы нашли тело старого барона, – сказал Пол.

Стилгар опешил.

– Откуда ты знаешь? – прошептал он. – Мы только что нашли его труп в той огромной металлической штуке, которую соорудил Император!

Пол оставил вопрос без ответа – он увидел, как возвращается Гурни, а с ним – два фримена, поддерживающих пленного сардаукара.

– Вот один из них, милорд, – сказал Гурни, знаком останавливая конвойных и сардаукара шагах в пяти от Пола.

Пол заметил, что глаза пленника словно остекленели – в них застыло пережитое потрясение. Через все лицо, от переносья до угла рта, тянулся синий кровоподтек. Это был блондин с классическими, точно высеченными из мрамора чертами лица, из тех, которые обычно занимали офицерские должности в Корпусе сардаукаров. Впрочем, на его рваном мундире не было никаких знаков отличия, если не считать золотых мундирных пуговиц с императорской короной да полуоторванного галуна на лампасах.

– Это, по-моему, офицер, милорд, – сказал Халлек. Пол кивнул:

– Я – герцог Пол Атрейдес. Ты понимаешь это?

Сардаукар молча и неподвижно смотрел на него.

– Отвечай, – велел Пол, – не то твой Император может умереть.

Сардаукар мигнул, судорожно сглотнул.

– Так кто я? – спросил Пол.

– Вы – герцог Пол Атрейдес, – хрипло ответил сардаукар.

Полу он показался слишком уж покорным – но, с другой стороны, сардаукаров никогда не готовили к таким передрягам. Они не знали поражений – а привычка к одним лишь победам сама по себе может стать слабостью. Эту мысль он отложил – ее следовало обдумать как следует и внести соответствующие изменения в программу подготовки своих войск.

– Я хочу, чтобы ты передал Императору мое послание, – сказал Пол. И заговорил, согласно древним формулам: – Я, Герцог из Великого Дома, правитель императорской крови, даю слово и клянусь, согласно Великой Конвенции: коль скоро Император и его люди сложат оружие и явятся ко мне сюда, то я стану сохранять их жизни хотя бы ценой собственной жизни. – Пол поднял левую руку с герцогским перстнем на пальце. – Клянусь этим знаком.

Сардаукар облизнул губы, взглянул на Гурни.

– Да, – сказал Пол. – Кто, кроме Атрейдеса, мог бы требовать верности от Гурни Халлека и приказывать ему?

– Я доставлю ваше сообщение, – сказал сардаукар.

– Отведите его на наш передовой командный пункт и отправьте на корабль, – распорядился Пол.

– Да, милорд. – Гурни сделал знак конвоирам, и все четверо вышли.

Пол повернулся к Стилгару.

– Прибыли Чани и твоя мать, – сообщил тот. – Чани попросила некоторое время не беспокоить ее – она хочет побыть наедине со своим горем. Преподобная же Мать уединилась в «колдовской комнате»; причины тому я не знаю.

– Моя мать тоскует о планете, которую скорее всего больше не увидит, – сказал Пол. – О мире, где вода падает с неба, а растения столь густы, что меж ними трудно пройти.

– Вода с неба... – шепотом повторил Стилгар.

В этот миг Пол увидел, как Стилгар из гордого фрименского наиба на глазах превращается в создание Лисан аль-Гаиба, воплощающее преклонение и покорность. Этот могучий человек уменьшился в один миг – и на Пола снова повеяло призрачным ветром джихада.

Я увидел, как друг становится почитателем...

Пол вдруг ощутил резкий приступ одиночества. Он оглядел зал и впервые заметил, как замирают и тянутся к нему часовые, едва только он появляется среди них. Он почувствовал невидимое соперничество – каждый федайкин втайне надеялся, что Муад'Диб заметит и отличит его.

Муад'Диб, от которого исходит благословение, сказал он про себя, и это была самая горькая мысль в его жизни. «Они чувствуют, что я должен взять трон, – подумал он. – Но они не могут понять, что я делаю это, единственно чтобы предотвратить джихад...»

Стилгар кашлянул:

– Раббан тоже мертв...

Пол только кивнул.

Часовые-федайкины справа от него расступились и стали «смирно», открыв проход для Джессики.

Она была в своей черной абе и шла той особой фрименской походкой, которая вызывала в памяти скольжение фримена по песку; но Пол заметил, что сам дворец вернул ей что-то из ее прошлого, из времени, когда она была официальной наложницей правящего герцога. В ней вновь видна была прежняя властность, во всяком случае, часть ее.

Джессика встала перед сидящим в кресле Полом, взглянула на него сверху вниз. Она видела, как он устал и как старается скрыть свою усталость, – но не чувствовала сострадания. Она, казалось, была сейчас вообще не способна на какие-либо эмоции по отношению к сыну.

Войдя в Большой зал, Джессика удивленно подумала, почему он кажется ей каким-то не таким, каким она его запомнила. Он был чужим, словно она никогда не была здесь, никогда не проходила по нему со своим возлюбленным Лето, никогда не встречала здесь пьяного Дункана Айдахо – никогда, никогда, никогда...

Должно было бы существовать слово, антонимичное слову «адаб» – «воспоминание, приходящее само и требующее действий, самодостаточное и сильное»; нужно слово, означающее воспоминания, отрицающие сами себя...

– Где Алия? – спросила она.

– На улице, конечно, – ответил Пол. – Делает то же, что и все порядочные фрименские дети: добивает раненых врагов и отмечает их трупы для команд водосборщиков.

– Пол!!!

– Но ты должна понять, что она это делает по доброте души, – объяснил он. – Не правда ли, странно, как мы порой не можем осознать скрытое единство доброты и жестокости?

Джессика свела брови, пораженная переменой в сыне. Неужели это сделала с ним смерть его ребенка? – подумала она, а вслух сказала:

– Люди рассказывают о тебе странные вещи, Пол. Они говорят, что ты обладаешь всеми теми особыми

способностями, о которых говорит легенда: от тебя-де ничего не скроешь, ты можешь видеть то, что не дано видеть другим...

– И гессеритка еще говорит о легендах? – усмехнулся он.

– Да, я порядком приложила к тебе руку, – признала Джессика. – Но ты не должен ожидать от меня, что...

– Как бы тебе понравилось прожить миллиарды миллиардов жизней? – спросил Пол. – Вот тебе и материал для легенд! Подумай только обо всем этом опыте, о мудрости, которую опыт дает. Но мудрость закаляет любовь – и умеряет ее; и она придает новую форму ненависти. Как можно говорить о жестокости, не изведав всей глубины жестокости и доброты?.. Ты должна бы меня бояться, мама. Я – Квисатц Хадерах.

Джессика попыталась сглотнуть, но у нее пересохло в горле. Наконец она выговорила:

– Ты как-то отрицал, что ты Квисатц Хадерах...

Пол покачал головой.

– Я больше ничего не могу отрицать. – Он посмотрел ей в глаза. – Сейчас придут Император и его люди. Я жду объявления с минуты на минуту. Будь возле меня. Я хочу, чтобы мы с тобой хорошенько их разглядели: с ними – моя будущая невеста.

– Пол! – воскликнула Джессика. – Не совершай ошибку, которую сделал когда-то твой отец!

– Она принцесса, – объяснил Пол. – И она – мой ключ к трону, и не более того. И никогда она не станет ничем большим. Ты говоришь – ошибка? Ты думаешь, из-за того, что я есть то, чем ты меня сделала, я не могу желать мести?

– Ты желаешь отомстить даже невинным? – спросила Джессика и подумала: «Он по крайней мере не должен повторить мои ошибки».

– Невинных нет больше, – отрезал Пол.

– Скажи это Чани, – посоветовала Джессика и повела рукой в сторону прохода, ведущего во внутренние покои дворца.

Чани вошла в зал; по бокам от нее выступали два фрименских телохранителя, но она, казалось, не замечала их. Капюшон и шапочка дистикомба были отброшены назад, фильтр-маска отстегнут. Она неуверенной походкой подошла к Джессике и встала рядом.

Пол увидел слезы на ее щеках: она отдает воду мертвому. Он почувствовал острый укол скорби – но это было так, словно он мог ощущать эту скорбь лишь через присутствие Чани.

– Он мертв, любимый, – проговорила Чани. – Наш сын мертв...

Пол поднялся, стараясь ничем не показать свое отчаяние, коснулся щеки Чани, ощутив влагу на ней.

– Его не заменить, – сказал он, – но у нас еще будут сыновья. Это обещает тебе Усул!

Он мягко отстранил ее и жестом подозвал Стилгара.

– Слушаю, Муад'Диб, – сказал Стилгар.

– Они идут сюда с корабля – Император и его люди, – сказал Пол. – Собери пленных в центре зала. Держать их в десяти метрах от меня, если я не прикажу иначе.

– Слушаю, Муад'Диб.

Стилгар повернулся. Пол услыхал возбужденный шепот фрименов: «Видите? Он знал! Никто не говорил ему – а он знал!»

Теперь в самом деле можно было услышать шаги императорской свиты и один из маршей Корпуса сардаукаров, который сопровождавшая своего повелителя дворцовая гвардия тихонько напевала себе под нос для поддержания духа. Гурни Халлек, сказав что-то Стилгару, подошел к Полу со странным выражением в глазах.

Неужели я потеряю и его? – подумал Пол. Потеряю, как потерял Стилгара, и друг станет поклонником, верующим?

– У них нет метательного оружия, – доложил Гурни. – Я лично проверил.

Он оглядел зал, заметил сделанные приготовления.

– Фейд-Раута Харконнен тоже с ними, – добавил он. – Не впускать?

– Пусть входит.

– Там еще люди Гильдии. Они требуют каких-то особых привилегий. Угрожают введением эмбарго против Арракиса. Я им сказал, что передам Муад'Дибу их требования.

– Пусть угрожают...

– Пол! – прошептала сзади Джессика. – Это же Гильдия!

– Вот я сейчас у нее клыки и выдерну, – пообещал Пол.

И он подумал о Гильдии. О силе, которая так долго специализировалась в одном деле, что стала в конце концов паразитом, не способным существовать самостоятельно. Они никогда не осмеливались поднять меч... а теперь были уже и не в состоянии сделать это. Они могли бы захватить Арракис, когда осознали опасность использования «просветляющего» меланжевого наркотика Гильд-навигаторами. Да, они могли пойти на это, пережить день своей славы – и погибнуть. Вместо этого они предпочли жить моментом – плавать в своих безбрежных межзвездных морях в надежде, что по смерти старого хозяина появится новый и они по-прежнему будут жить его соками... Гильд-навигаторы с их ограниченным даром предвидения совершили фатальную ошибку: они решили всегда держаться спокойного и безопасного курса. А такой курс неизменно ведет в болото застоя.

Что ж, пусть посмотрят на своего нового хозяина и прикинут, смогут ли паразитировать на нем.

– И еще там с ними старая Преподобная Мать Бене Гессерит, которая утверждает, что она – старый друг твоей... вашей матери.

– У моей матери нет друзей в Бене Гессерит.

Гурни вновь оглядел зал и склонился к самому уху Пола:

– С ними Суфир Хават, милорд. Я не сумел переговорить с ним наедине, но он с помощью наших старых знаков передал мне, что работал на Харконненов, думая, что вы погибли. И он дал знать, что должен остаться пока с ними.

– И ты оставил Хавата с этими…

– Он сам так хотел… И я решил, что так будет лучше всего. Если… что-то не так, он все равно в пределах нашей досягаемости. Если же он по-прежнему верен нам – у нас есть пара ушей во вражеском лагере.

Пол вспомнил о вероятностных линиях будущего, увиденных им в пророческих видениях. Среди них была и такая, где Суфир Хават нес на встречу с ним отравленную иглу – Император велел ему пустить это оружие в ход против «этого самозваного герцога» …

Стражи у входа разошлись, образовав короткий живой коридор, сверкающий копьями и клинками. В наступившей тишине был хорошо слышен посвист широких одежд и шорох песка, нанесенного с улицы в залы дворца.

Падишах-Император Шаддам IV шел первым. Его шлем бурсега где-то потерялся, и рыжие волосы торчали во все стороны точно перья – монарх не успел привести себя в порядок. Левый рукав мундира лопнул по внутреннему шву; на Императоре не было ни пояса, ни оружия – но величие по-прежнему окружало его, словно невидимый кокон силового поля, заставлявший всякого держаться на почтительном расстоянии.

Но копья фременов опустились крест-накрест перед ним, остановив повелителя Галактики там, где приказал Пол. Свита и спутники Императора столпились позади – мозаика ярких цветов и лиц с застывшим на них потрясением, озвученная лишь неуверенным шарканьем ног.

Пол обежал взглядом эту группу – заметил женщин, пытавшихся скрыть следы слез; холуев и прихлебателей, явившихся на Арракис насладиться победой сардаукаров и празднествами – и онемевших теперь от поражения. Увидел птичьи глаза Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийям, яростно сверкающие из-под черного капюшона, а подле старухи – худого, угрюмого Фейд-Рауту Харконнена.

Время выдало мне его лицо, подумал Пол.

Затем он перевел взгляд дальше – там, позади Фейд-Рауты, его внимание привлекло подвижное лицо, напоминающее о ловкой, изящной, но хищной ласке. Лицо, которое он раньше ни разу не видел ни в пророческих снах, ни наяву. Но лицо, которое, казалось ему, он должен бы знать; лицо, в котором было что-то пугающее.

Почему я чувствую страх перед этим человеком? Пол склонился к матери и шепотом спросил:

– Кто это там, левее Преподобной Матери, – вон тот, опасный с виду?..

Джессика взглянула и вспомнила лицо, украшавшее досье из тех, что в архивах Дома Атрейдес относились почти к настольным книгам.

– Граф Фенринг, – тихо ответила она. – Тот самый, который занимал этот дворец перед нами. Генетический евнух... и убийца.

«Мальчик на побегушках у Императора», – вспомнил Пол. И эта мысль была почти потрясением: самого Императора он не раз видел на бесчисленных ветвящихся путях, ведущих в будущее, но граф Фенринг ни разу не промелькнул в его пророческих видениях.

Тут же Полу пришло в голову, что он множество раз видел в паутине вероятностных линий свое мертвое тело, но сам момент своей смерти – ни единого раза. Может быть, я не мог увидеть этого человека как раз потому, что это он убьет меня? – пришло ему в голову. И эта мысль пробудила самые дурные предчувствия.

Он заставил себя оторваться от Фенринга и перевел взгляд на оставшихся в живых сардаукаров, офицеров и рядовых; на лицах прославленных воинов Дома Гинац застыли горечь и отчаяние. Некоторые на миг задерживали его внимание: кое-кто из офицеров тайком озирался, пытаясь разобраться в том, какие меры безопасности приняты хозяином и нельзя ли, как-нибудь исхитрившись, превратить поражение в победу.

Наконец взгляд Пола остановился на зеленоглазой блондинке с чеканными чертами высокородной патрицианки, излучающими поистине классическую надменность. Никаких признаков слез, никаких следов перенесенного поражения. Тут и спрашивать было нечего, Пол сразу опознал ее – принцесса самых высоких королевских кровей, дочь Правящего Дома, Бене Гессерит, все всякого сомнения, получившая великолепную подготовку. Лицо, которое многое множество раз глядело на него из будущего: Ирулан.

Вот он – мой ключ.

По сбившейся толпе гостей-пленников прошло движение. Показалась знакомая фигура: Суфир Хават – знакомый шрам на поллица, испятнанные губы, морщины, сутулые плечи – знаки подошедшей старости, ослабившей тело бойца...

– Ага, вот и Хават, – негромко сказал Пол. – Не держите его, Гурни.

– Милорд?.. – переспросил Гурни.

– Не держите его, – повторил Пол.

Гурни кивнул.

Копье фримена поднялось и опустилось за спиной неловко шагнувшего вперед Хавата. Покрытые сеткой склеротических жилок слезящиеся глаза изучали Пола, оценивали его.

Пол тоже сделал шаг навстречу – и сразу почувствовал напряженное ожидание среди людей Императора.

Хават посмотрел на Джессику.

– Леди Джессика, – проговорил он, – лишь сегодня узнал я, как был неправ и несправедлив к вам. Вам не нужно прощать меня...

Пол ждал – но его мать молчала.

– Суфир, дружище, – сказал он, – сам видишь, я не поворачиваюсь спиной к двери!

– Во Вселенной слишком много дверей, – серьезно ответил Хават.

– Разве я не сын своего отца? – спросил Пол.

– Скорее уж ты похож на отпрыска своего деда, – хриплым, стариковским голосом ответил Хават. – Что вся манера, что взгляд...

– Но я – сын своего отца, – возразил Пол. – И вот я говорю тебе: ты можешь потребовать в уплату за долгие годы верной службы нашему Дому всё, что ты только можешь пожелать. Всё. Абсолютно всё, Суфир. Тебе нужна моя жизнь, Суфир?.. Она твоя, бери. – Пол шагнул вперед, не поднимая рук. Он видел, как понимание загорается в глазах Хавата.

Он понял, что я знаю об измене, подумал Пол.

И он понизил голос так, чтобы его слышал один лишь Хават:

– Суфир, я говорю правду. Если ты хочешь убить меня – рази...

– Все, чего я желал, мой герцог, – это лишь хоть раз вновь встать подле тебя, – промолвил Хават. И лишь в этот миг Пол почувствовал, какое усилие требовалось старику, чтобы не упасть. Пол подхватил Суфира под плечи, поддержал его, чувствуя, как дрожат мышцы под его ладонями.

– Тебе очень больно, друг мой? – спросил Пол.

– Больно, мой герцог, – признался Хават. – Но мне теперь хорошо... – Он полуобернулся в объятиях Пола, протянул руку в сторону Императора – ладонью вверх, показывая крохотную иглу, зажатую меж пальцев. – Видите, Ваше Величество? – воскликнул он. – Видите эту предательскую иглу? Да неужто вы хоть на миг подумали, что я, который отдал всю свою жизнь служению Дому Атрейдес, теперь дал бы ему меньше?!

Пол пошатнулся – старик обмяк в его руках. Пол узнал тяжесть смерти; в том нельзя было ошибиться, чувствуя, как обвисает безвольное, быстро тяжелеющее тело. Пол бережно опустил Хавата на пол, выпрямился и жестом велел своей охране унести тело.

Пока его приказ выполнялся, мертвая тишина навалилась на зал.

Теперь на лице Императора появилось выражение страха. Он ждал смерти; ужас наполнил его глаза, никогда прежде не знавшие этой эмоции.

– Ваше Величество... – проговорил Пол и заметил, как напряглось в изумленном внимании лицо принцессы. Его слова были произнесены так, как умели лишь знающие Путь Бене Гессерит, со сложными атоналями, наполнившие титулование бесконечным презрением. Действительно – настоящее гессеритское воспитание.

Император откашлялся и произнес:

– Быть может, мой уважаемый родич полагает, что держит теперь все в своих руках?.. Но большего заблуждения, право, быть не может. Вы же нарушили Конвенцию, применив ядерное оружие против...

– Против естественных деталей рельефа, – любезно объяснил Пол. – Скалы преграждали мне путь – а я спешил на встречу с вами, Ваше Величество, – дабы получить от вас объяснения относительно некоторых ваших действий.

– В эту минуту, – холодно сказал Император, – на орбите Арракиса находится мощная армада – объединенная армада Великих Домов. И стоит мне сказать одно лишь слово, как...

– Ах да, – вспомнил Пол, – чуть было не забыл о них... – Он поискал глазами в императорской свите, нашел двоих гильдиеров и негромко сказал в сторону, обращаясь к Гурни: – Это вот и есть агенты Гильдии – два жирных типа в сером?

– Да, милорд.

– Ага. Ну вы, оба, – палец Пола уперся в гильдиеров, – быстро убирайтесь отсюда и передайте, чтобы этот ваш флот летел восвояси. Засим будете ждать моего разрешения, прежде чем...

– Гильдия не подчиняется твоим приказам! – рявкнул более высокий гильдиер. Он и его товарищ протолкались к барьеру из копий – по кивку Пола эти копья поднялись. Двое в сером выступили за кольцо охраны, высокий поднял руку и объявил: – Я полагаю, вы заработали эмбарго своим...

– Если я услышу от любого из вас еще хоть одну глупость, – ледяным голосом сказал Пол, – я отдам приказ, который остановит добычу Пряности на Арракисе… навсегда.

– Вы с ума сошли?! – проговорил, отступая, потрясенный гильдиер.

– Стало быть, вы понимаете, что я в состоянии осуществить эту угрозу? – спросил Пол.

Гильдиер несколько мгновений смотрел в пространство, наконец он встряхнулся и ответил:

– Да, вы в состоянии это сделать… но вы не должны.

– А-а-ах… – протянул Пол и кивнул: – Вы ведь оба – Гильд-навигаторы, не так ли?

– Да!

Низенький гильдиер проговорил:

– Вы тогда ослепите и себя самого – а нас всех обречете на медленную смерть. Да вы представляете себе, что это такое – лишиться Пряности, когда привычка приобретена?..

– Око, взирающее в будущее и выбирающее верный курс, закроется навеки, – задумчиво произнес Пол. – Гильдия погибнет. Человечество превратится в крохотные изолированные общины – островки в океане пустоты… Знаете, а ведь я мог бы сделать это реальностью из простой прихоти… или, скажем, от скуки.

– Может быть, обсудим этот вопрос наедине, – поспешно предложил высокий гильдиер. – Я уверен, что мы в состоянии найти компромисс, который…

– Передайте своим людям на орбите, – перебил Пол, – пусть убираются. Мне надоели эти бессмысленные препирательства. Так вот: если флот немедленно не покинет орбиту Арракиса, нам просто не о чем будет говорить… – Он кивнул на своих связистов у стены. – Можете воспользоваться нашей аппаратурой.

– Но сначала мы должны обсудить это! – запротестовал высокий. – Не можем же мы просто…

– Выполняйте! – рявкнул Пол. – Власть уничтожить нечто есть подлинный и абсолютный контроль над ним… Ты

же признал, что я обладаю такой властью. Поэтому мы не станем ничего обсуждать, и я не собираюсь идти на какие-либо компромиссы. Вы будете исполнять то, что я велю, – или испытаете немедленные последствия неповиновения.

– Он сделает это!.. – пробормотал низенький гильдиер. И Пол увидел, как ужас объял обоих.

Агенты Гильдии медленно пошли к аппаратуре связи.

– Они подчинятся? – негромко спросил Гурни.

– Они способны видеть будущее, хотя и очень ограниченно – только прямо перед собой, – ответил Пол. – И глядя вперед, видят лишь глухую стену, которая встанет перед ними в случае неповиновения. И каждый Гильд-навигатор в каждом из кораблей над нами видит ту же стену... Они подчинятся.

Пол обернулся к Императору:

– Когда вам позволили занять трон вашего отца, единственным условием было, чтобы поток Пряности не иссякал. Вы обманули их ожидания, Ваше Величество. Вы догадываетесь о последствиях?..

– Мне никто не позволял занять...

– Хватит валять дурака! – рявкнул Пол. – Гильдия – та же деревня на реке: им нужна вода, но они могут лишь взять из реки столько, сколько в состоянии потребить, и не больше; перегородить реку и полностью контролировать ее они не могут – тогда все заметят, что они берут у реки, и рано или поздно это приведет к катастрофе. Поток Пряности – вот река Гильдии, а плотину на ней возвел я. Но – такую плотину, какую нельзя разрушить, не уничтожив реку.

Император растерянно провел рукой по рыжим волосам, посмотрел на спины гильдиеров.

– Даже ваша Правдовидица, ваша гессеритка – и та трепещет, – добил Пол. – Есть множество других ядов, пригодных для дел Преподобных Матерей, но – после того, как в игру включаются Пряность и меланжевый ликер, – все они теряют силу.

Старуха плотнее запахнула свои бесформенные черные одежды и выбралась из толпы к самому частоколу федайкинских копий.

– Приветствую Преподобную Мать Гайю-Елену Мохийям, – проговорил Пол. – Давно же мы не встречались – помните Каладан?..

Та посмотрела мимо него на его мать:

– Да, Джессика, я вижу, что твой сын – это и вправду ОН. За это тебе простится даже твоя мерзостная дочь.

Пол подавил приступ холодной ярости и внешне спокойно одернул старуху:

– У тебя нет и никогда не было права прощать что-либо моей матери!

Старуха вперила в него глаза, встретив жесткий взгляд.

– Что ж, попробуй на мне свои трюки, старая ведьма! – сказал Пол. – Ну, где твой гом джаббар? Попытайся взглянуть туда, куда ты не осмеливаешься смотреть, – и ты увидишь там меня! Я буду смотреть на тебя оттуда.

Старуха опустила глаза.

– Или тебе нечего мне сказать? – сурово спросил Пол.

– Я ведь первой засвидетельствовала, что ты человек, – пробормотала она. – Не забудь этого... не запачкай память об этом...

Пол возвысил голос:

– Посмотрите на нее, друзья! Вот перед вами Преподобная Мать Бене Гессерит, терпеливая в долгом деле. Она и ее сестры ждали – ждали девяносто поколений, чтобы гены сложились в должную комбинацию, которая в сочетании с определенными условиями породила бы того единственного человека, вокруг которого строились их планы... Смотрите, смотрите! Теперь она знает – девяносто соитий породили этого человека. И вот он – я... однако... я... никогда... не стану... делать... того, что нужно ей!

– Джессика! – завопила старуха. – Вели ему замолчать!

– Сама вели, попробуй, – ответила Джессика.

Пол бросил на старую Преподобную Мать яростный взгляд.

– За ту роль, которую ты сыграла во всем этом, – сказал он, – я бы охотно велел тебя удавить... И ты никак мне не помешала бы! – добавил он резко, видя, как она закаменела от ярости. – Но, по-моему, куда лучшим наказанием будет, если я оставлю тебя доживать твои годы без возможности коснуться меня или хоть в чем-то склонить на выполнение ваших планов!..

– Джессика, что ты наделала?! – простонала старая Правдовидица.

– В одном вам не откажешь, – продолжал Пол. – Вы увидели часть того, что необходимо расе... но как плохо увидели вы это! Вы думаете контролировать генетику расы скрещиванием и отбором немногих «лучших», согласно вашему «основному плану»! Как же мало вы понимаете...

– Ты не смеешь говорить о подобных вещах! – прошипела старуха.

– Молчать! – рявкнул Пол, и это короткое слово, казалось, материализовалось в нечто плотное, метнувшееся в воздухе от него к Преподобной Матери, и это «нечто» было послушно воле Пола.

Старуха отшатнулась, почти упав на руки стоявших позади. Ее лицо потеряло всякое выражение и побелело от силы полученного психического удара.

– Джессика, – прошипела она. – Джессика...

– Я запомнил твой гом джаббар, – сказал Пол. – Помни и ты: одним лишь словом я могу убить тебя!

Фримены в зале понимающе переглянулись. Разве не говорила легенда: «И слово его будет нести смерть и гибель вечную всякому, кто пойдет против дела праведных»?

Теперь Пол повернулся к высокой принцессе, стоящей подле своего венценосного отца. Не сводя с нее взгляда, он обратился к Императору:

– Ваше Величество, мы с вами оба знаем выход из создавшейся ситуации...

Император метнул взгляд на дочь и воззрился на Пола.

– И ты смеешь?.. Ты! Авантюрист без рода и племени, никто, выскочка из дикой...

– Вы уже признали меня своим «уважаемым родичем» ... Так что довольно вздора.

– Я твой государь, – напомнил Император.

Пол взглянул на гильдиеров – те стояли теперь у передатчика лицом к нему. Один из них кивнул Полу.

– Я ведь могу и заставить, – заметил Пол.

– Но ты... вы... не осмелитесь! – как-то скрежещуще сказал Император.

Пол только молча смотрел на него.

Принцесса коснулась руки отца.

– Отец, – проговорила она шелковисто-мягким, успокаивающим голосом.

– Не пробуй на мне свои штучки, – буркнул Император и посмотрел на нее. – Тебе не нужно делать это, дочь. У нас есть еще ресурсы, которые...

– Но этот человек достоин быть твоим сыном, – сказала принцесса.

Старая Преподобная Мать, к которой вернулось самообладание, низко склонилась к Императору и зашептала на ухо.

– Она просит за тебя, – заметила Джессика.

Пол все смотрел на золотоволосую принцессу. Тихо он спросил у матери:

– Это ведь Ирулан, старшая, да?

– Да.

Чани приблизилась к Полу с другой стороны, спросила:

– Ты хочешь, чтобы я ушла, Муад'Диб?

Он взглянул на нее:

– Ушла? Я больше никогда не отпущу тебя от себя.

– Но... нас ничто не связывает... больше.

Несколько долгих мгновений он смотрел на нее... наконец сказал:

– Всегда говори мне только правду, моя сихайя. – Она хотела ответить, но он приложил палец к ее губам. – То, что нас связывает, никогда и никому не порвать, – прошептал он. – А теперь, прошу, смотри внимательно – я хочу после увидеть все твоими глазами.

Все это время Император и его Правдовидица тихо, но горячо спорили о чем-то.

Пол обратился к матери:

– Она напоминает ему, что в их соглашение входило посадить на трон дочь Бене Гессерит и они готовили к этому именно Ирулан.

– Они так планировали? – удивилась Джессика.

– А разве это не очевидно? – пожал плечами Пол.

– Я-то вижу это, – фыркнула Джессика. – И мой вопрос должен был только напомнить тебе, что не тебе учить меня тому, что ты узнал от меня же!

Пол искоса глянул на нее, заметил холодную улыбку на ее губах и отвернулся.

Гурни Халлек склонился между ними:

– Позвольте напомнить, милорд... в этой компании есть один из Харконненов. – Он кивнул на темноволосого Фейд-Рауту, прижатого к барьеру из копий. – Вон, видите, тот косоглазый, слева. В жизни не видел более злодейской рожи! А ведь вы обещали мне как-то...

– Спасибо, Гурни, – кивнул Пол.

– Это на-барон... то есть теперь, когда старый Харконнен умер, уже барон, – добавил Гурни. – И он вполне сойдет для меня...

– А ты с ним справишься, Гурни?

– Милорд шутить изволит!..

– Пожалуй, Император уже достаточно долго спорит со старой ведьмой – как думаешь, мать?

– Вполне, – кивнула та.

Пол громко обратился к Императору:

– Ваше Величество, мне кажется, среди ваших людей есть Харконнен?

Император повернулся к нему с поистине королевским высокомерием.

– Я полагал, что мое окружение находится под защитой вашего слова, герцог, – произнес он.

– Я хотел лишь уточнить, – ответил Пол. – Мне интересно, входит ли Харконнен официально в вашу свиту или же из трусости прячется за ее спины?

Император улыбнулся, словно прикидывая что-то.

– Всякий, допущенный к моей особе, становится членом моей свиты.

– Итак, у вас есть герцогское слово, – подтвердил Пол, – но Муад'Диб – это дело совсем другое. ОН может и не согласиться с вашим определением свиты... Дело в том, что мой друг Гурни Халлек хотел бы убить одного из Харконненов. И если он...

– Канли! – крикнул Фейд-Раута, наваливаясь на охрану. – Это твой отец объявил эту вендетту, Атрейдес! Ты называешь меня трусом, а сам прячешься за своих женщин и хочешь выставить против меня своего слугу!

Старая Правдовидица начала было шептать что-то на ухо Императору, но тот оттолкнул ее:

– Канли, вот как? У канли есть свои, и весьма строгие, правила!

– Пол, прекрати это! – сказала Джессика.

– Милорд, – взмолился Гурни, – вы же обещали мне, что придет день и я отомщу Харконненам!

– Ты уже отомстил им сегодня, – возразил Пол, чувствуя охватывающую его отрешенность. Он откинул капюшон, сбросил бурнус и передал его матери вместе с поясом и крисом; принялся расстегивать дистикомб. Вся Вселенная сошлась в фокусе на этой точке и этой минуте.

– Это излишне, Пол, – сказал Джессика. – Есть и более простые способы...

Пол стянул дистикомб, вытянул крис из ножен в руках матери.

– Знаю, – спокойно ответил он. – Яд, асассин... любое из добрых старых средств.

– Но вы обещали мне Харконнена! – прошипел Гурни, и Пол увидел бешенство в глазах старика и то, как набух и натянулся шрам от чернильника. – Вы должны мне его, милорд!..

– Разве ты пострадал от них больше, чем я? – спросил Пол.

– Моя сестра, – прохрипел Гурни. – Годы, которые я провел в рабстве...

– Мой отец, – ответил Пол. – Мои добрые друзья и соратники. Суфир Хават и Дункан Айдахо, годы в изгнании – без титула, без помощи... и еще: теперь это уже канли, и ты не хуже меня знаешь законы вендетты.

Плечи Халлека поникли.

– Милорд, если эта свинья... он же не более чем скотина, которую вы бы просто пнули ногой, прогоняя с дороги, и затем сменили бы осквернённую обувь... Считайте меня палачом, если иначе нельзя, позвольте мне сделать это – но только сами не...

– Муад'Дибу не нужно делать этого, – согласилась Чани.

Он взглянул на нее и увидел страх в ее глазах.

– Но герцог Пол Атрейдес должен сделать это, – сказал он.

– Это же харконненская скотина! – прохрипел Гурни.

Пол мгновение колебался – не открыть ли ему, что и он тоже имеет Харконненов среди своих предков. Но наткнулся на жесткий взгляд матери и сказал только:

– Однако это существо, кем бы оно ни было, имеет внешность человека и, следовательно, достойно какого-то человеческого отношения.

Гурни скрипнул зубами:

– Если он хотя бы пальцем...

– Прошу тебя, держись в стороне, – сказал Пол, взвесил крис на ладони и осторожно отодвинул Гурни с дороги.

– Гурни! – Джессика коснулась руки Халлека. – В таком настроении он похож на своего деда. Не мешай ему – это единственное, чем ты можешь ему помочь. (И подумала: Великая Мать! Какая ирония судьбы!)

Император изучал Фейд-Рауту: массивные плечи, крепкие мышцы… Повернулся к Полу – по-юношески стройный, худощавый, гибкий; тело не такое иссушенное, как у жителей Арракиса, но ребра хоть пересчитывай, бедра узкие, под кожей – ни капли жира, так что видно каждое движение мышц.

Джессика склонилась к Полу и сказала – так, чтобы слышал он один:

– Одно слово, сын… Иногда Бене Гессерит особым образом обрабатывают опасных людей, внедряя в их подсознание кодовое слово при помощи обычных методов стимулирования-наказания. Чаще всего это слово – «урошнор». Если и этого готовили так же – а я почти уверена в этом, – то, стоит ему услышать это слово, и его мускулатура расслабится, тогда…

– Не желаю никаких особых преимуществ над этим, – отрезал Пол. – Дай мне пройти.

Гурни обратился к Джессике:

– Не пойму, зачем ему это? Уж не хочет ли, чтобы его убили и так сделаться мучеником и жертвой? Может, эти фрименские предрассудки вконец затуманили его разум?..

Джессика спрятала лицо в ладонях: она и сама не могла понять, почему Пол так повел себя. Она чуяла витающую в воздухе смерть и догадывалась, что преображенный Пол вполне способен и на такое… Все в ней поднялось на защиту сына, но сделать она ничего не могла.

– Так что, предрассудки все-таки? – настаивал Гурни.

– Молчи, – одернула его Джессика. – Молчи и молись.

Лица Императора коснулась мимолетная улыбка.

– Если Фейд-Раута… член моей свиты… согласен, – промолвил он, – я освобождаю его от всех и всяких ограничений и предоставляю ему самому решать, как поступать. – Он

повел рукой в сторону федайкинов. – У кого-то из вашего сброда сейчас мой пояс и короткий меч. Если Фейд-Раута желает, он может сразиться с вами моим клинком...

– Желаю, – отозвался Фейд-Раута, и Пол увидел на его лице нескрываемую злобную радость.

Он чересчур самоуверен. Это преимущество я могу принять...

– Подать меч Императора! – скомандовал Пол. – Положите его на пол вон там... – Он показал ногой. – Отодвиньте весь этот императоров сброд к стене – дайте место Харконнену...

Замелькали одежды, зашуршали шаги, зазвучали негромкие команды и протестующие возгласы – федайкины бросились исполнять приказ. Гильдиеры остались стоять у аппаратуры связи – они хмурились в явной нерешительности.

Они привыкли смотреть в будущее, подумал Пол. А в этом месте и в этом времени они слепы... как и я.

И он взглянул туда, где дули ветры времени, взглянул и увидел вихрь; и око этой бури, центр ее, был именно здесь и теперь. Все, даже самые крошечные возможности обхода были закрыты; здесь лежал, готовый родиться, джихад; здесь таилось сознание расы, которое некогда он ощущал как собственное ужасное предназначение. Здесь было довольно причин, чтобы призвать Квисатц Хадераха или Лисан аль-Гаиба или даже обратиться к половинчатым, колченогим планам Бене Гессерит... Человеческая раса осознала, что впала в спячку, увидела, что застой затянул ее, и стремилась теперь навстречу буре, зная, что она перетрясет и перемешает застоявшиеся гены и позволит выжить лишь сильным, родившимся от удачных комбинаций... В этот миг все человечество было словно единым организмом, охваченным почти сексуальным жаром – жаром, перед которым не могли бы устоять никакие преграды.

И Пол увидел, как жалки и беспомощны были любые его потуги изменить хоть что-то. Он-то надеялся побороть

джихад внутри себя – но джихад неминуем. Даже и без него ринутся с Арракиса его легионы. Все, что им требуется, – легенда, а он уже стал легендой. Он указал им путь, он дал им оружие, которое сделало их сильнее даже самой Гильдии – Гильдия не могла существовать без Пряности…

Его охватила горечь поражения. И сквозь отчаяние он увидел, что Фейд-Раута уже освобождается от рваного мундира, оставшись в фехтовальных шортах с широким кольчужным поясом.

Вот он, кульминационный пункт. Здесь, сейчас, после этой битвы разойдутся тучи, закрывающие будущее. Разойдутся, озаренные лучами славы… Если я погибну здесь – они скажут, что я принес себя в жертву, чтобы мой дух повел их. Если же я уцелею – скажут, что никто и ничто не может противостоять Муад'Дибу.

– Готов ли Атрейдес? – вопросил Фейд-Раута, согласно древнему ритуалу канли.

Но Пол предпочел ответить ему по-фрименски:

– Да треснет и расщепится твой клинок! – и ткнул в меч Императора на полу, жестом предлагая противнику подойти и взять его.

Не отводя глаз от Пола, Фейд-Раута подобрал меч – вернее, большой нож, – взвесил его в руке, чтобы примериться к весу и балансировке. В нем бурлило волнение. Вот схватка, о которой он мечтал: мужчина против мужчины, умение против умения, и никаких щитов! Он уже видел перед собой дорогу к власти. Император наверняка вознаградит того, кто прикончит беспокойного смутьяна герцога! Может быть, наградой станет эта его гордячка дочь и какая-то доля власти. А герцог, деревенщина, авантюрист с задворков Галактики, уж, конечно, не соперник Харконнену, обученному тысячам уловок и приемов в тысячах же боев на гладиаторской арене. А этот мужлан, разумеется, и не догадывается, что в бою его встретит не только нож…

Ну-ка, посмотрим, спасешься ли ты от яда! – весело подумал Фейд-Раута. Он отсалютовал Полу императорским клинком и произнес:

– Готовься к смерти, глупец!

– Начнем, кузен? – спросил Пол и мягко, по-кошачьи, двинулся вперед, не отводя взгляда от клинка противника. Он шел, пригнувшись в низкой стойке, и молочно-белый крис казался продолжением его руки.

Они кружили подле друг друга, и под босыми ногами шуршал песок на каменном полу.

– Ах, как ты чудно танцуешь, – издевательски произнес Фейд-Раута.

Он болтлив, подумал Пол. Еще одна слабость. Перед молчащим противником он начинает нервничать.

– Надеюсь, ты получил отпущение грехов? – усмехнулся Фейд-Раута.

Но Пол по-прежнему кружил в полном молчании.

А старая Преподобная Мать, наблюдавшая за поединком от стены, куда согнали императорскую свиту, чувствовала, как ее трясет. Юный Атрейдес назвал Харконнена «кузен» – это могло значить лишь одно: он знал об их родстве. Это как раз понять несложно, он же Квисатц Хадерах... Но эти слова приковали ее внимание к тому единственному обстоятельству, которое имело сейчас для нее значение.

Могла погибнуть вся генетическая программа Бене Гессерит!

Она увидела часть того, что видел Пол: Фейд-Раута может убить, но не победить. Но была и вторая мысль, которая едва не свалила ее с ног. В смертельном поединке – возможно, в поединке, который закончится гибелью обоих, – сошлись двое, бывшие конечными звеньями в долгой и дорогой программе. И если погибнут оба – останется лишь бастард, незаконнорожденная дочь Фейд-Рауты, еще совсем младенец, и эта мерзостная Алия, ребенок-монстр...

– А то, может, у вас тут есть только дикие языческие обряды? – язвительно спросил Фейд-Раута. – Хочешь, Правдовидица Императора приготовит твой дух к дальнему пути?

Пол только улыбнулся. Он был полностью наготове, вытеснив все посторонние мысли, и крадучись шел вправо.

Фейд-Раута прыгнул, сделав выпад правой рукой, – но в момент прыжка клинок, сверкнув в воздухе, мгновенно перелетел в левую руку.

Пол легко ушел от удара, заметив небольшое замедление, характерное для привычки сражаться с силовым щитом. Правда, привычка к щиту сказывалась не так сильно, как со многими другими бойцами; видимо, Фейд-Рауте уже приходилось иметь дело с лишенными щита противниками.

– Атрейдес так и будет бегать или наконец начнет драться? – спросил Фейд-Раута.

Пол, не отвечая, возобновил кружение по залу. Он вспомнил слова, сказанные когда-то Дунканом Айдахо в фехтовальном зале на Каладане: Первые моменты боя изучай противника. Так ты, конечно, можешь потерять возможность быстрой победы – но изучение противника есть залог успеха. Поэтому не жалей времени на изучение противника – будешь увереннее.

– Думаешь, эти танцы продлят тебе жизнь? – ухмыльнулся Фейд-Раута. – Ну-ну!

Он остановился и выпрямился.

Пол увидел уже достаточно для предварительной оценки противника. Фейд-Раута шагнул влево, открыв правое бедро, словно обшитые кольчугой короткие фехтовальные брюки могли закрыть его бок целиком. Это было движение человека, привыкшего к щиту и к клинку в каждой руке.

Или же... Пол на мгновение заколебался, эти брюки были не тем, чем казались.

Слишком уж уверенным выглядел Харконнен – а ведь его противник еще сегодня возглавлял войска, наголову разгромившие легионы сардаукаров...

Фейд-Раута заметил это колебание и осклабился:

– К чему оттягивать неизбежное? Ты только немного задержишь меня, но не помешаешь вступить в законное владение этим комком грязи, Арракисом!

Или это действительно пружинная игла, думал Пол, хитро запрятанная. Брюки кажутся совершенно целыми...

– Почему ты молчишь? – спросил Фейд-Раута.

Пол продолжил движение по кругу. Он позволил себе холодно улыбнуться, услышав нотки неуверенности в голосе противника, – молчание начинало действовать Фейд-Рауте на нервы.

– Улыбаешься, да? – проговорил Фейд-Раута и, не договорив, снова прыгнул.

Пол, ожидавший небольшой задержки удара, едва не пропустил его. Клинок обрушился на него сверху вниз и оцарапал его левую руку. Усилием воли он подавил боль – значит, понял он, предыдущая задержка была лишь трюком. Да, соперник оказался сильнее, чем он ожидал.

Предстоит столкнуться с хитростями внутри хитростей, скрытых хитростями...

– Это твой же Суфир Хават меня кое-чему научил, – похвастался Фейд-Раута. – Ему я обязан тем, что первым пустил тебе кровь... Жаль, что старый дурак не дожил до этого мига, верно?

А Пол вспомнил слова Айдахо: «Ожидай лишь того, что можно встретить в бою. Тогда ничто не захватит тебя врасплох».

И оба вновь закружили в низкой стойке, настороженно следя друг за другом.

Пол заметил, что его противник вновь оживился. С чего бы это? Неужели эта царапина так много значит для Фейд-Рауты? Разве что на ней яд, но откуда? Ведь его люди тщательно осмотрели и проверили ядоискателем клинок. Они слишком хорошо знали свое дело, чтобы упустить настолько очевидную вещь...

– Слушай-ка, – вновь заговорил Фейд-Раута. – Кто тебе та женщина, с которой ты говорил? Ну, та малышка? Твоя цыпочка, а? Как ты думаешь, а моего внимания она заслуживает?

Пол молчал – внутренним зрением он исследовал рану и кровь, коснувшуюся лезвия. Он сразу обнаружил следы снотворного – наркотик был, конечно, занесен клинком Императора. Приказал телу изменить метаболизм и перестроить молекулы наркотика, но... Они приготовили клинок со снотворным... Снотворное! Ядоискатель на него не реагирует, но такой штуки достаточно, чтобы замедлить мышечную реакцию. Да, поистине у его врагов были наготове планы внутри планов и внутри других планов – сплошь коварство!

Фейд-Раута опять прыгнул, ударил с лета.

Пол с застывшей улыбкой сделал чуть замедленный выпад, словно наркотик начал действовать, но в последний миг он сделал резкий нырок и встретил руку Фейд-Рауты острием криса.

Фейд-Раута ушел в сторону, перебросил оружие в левую руку. Но побледневшая на скулах кожа выдала его боль.

Пусть теперь и он поволнуется, подумал Пол. Пусть подумает о яде...

– Предательство! – крикнул Фейд-Раута. – Он отравил меня! Я чувствую яд в руке!

Пол впервые за время поединка ответил ему:

– Всего лишь капелька кислоты. Плата за наркотик на императорском клинке.

Фейд-Раута овладел собой и ответил такой же холодной улыбкой, левой рукой взмахнул клинком в шутовском салюте. Но его глаза сверкали яростью.

Пол перебросил крис в левую руку, чтобы правильно повернуться к противнику. И они вновь закружили по залу.

Фейд-Раута начал понемногу приближаться к Полу. Он высоко держал свой нож; в раскосых глазах и в том, как он стиснул челюсти, читалось озлобление. Он ударил вправовниз, и оба соперника сошлись в ближнем бою, клинок к клинку.

Пол, остерегаясь правого бедра Фейд-Рауты, где, как он подозревал, была скрыта отравленная пружинная игла, заставил Фейд-Рауту развернуться левым боком. И почти

пропустил иглу, которая выскочила из-под пояса. Только движение корпуса Фейд-Рауты предупредило его, и острие не достало до тела всего какой-нибудь миллиметр.

На левом бедре!

Да, коварство в коварстве внутри коварства, напомнил себе Пол. Используя навыки, развитые подготовкой Бене Гессерит, он прогнулся, пытаясь обмануть Фейд-Рауту, но из-за необходимости все время уклоняться от иглы на бедре противника потерял равновесие, оступился и в следующий миг оказался на полу, а Фейд-Раута навалился на него.

– Видел, что на моем бедре? – шепнул ему Фейд-Раута. – Это твоя смерть... глупец!

И он стал поворачиваться, подводя иглу.

– Эта штука парализует твои мышцы, а мой нож докончит дело! – объяснил он. – И никто ничего не обнаружит!

Пол напрягся. Он слышал, как в глубинах его мозга бесчисленные предки кричат, приказывая ему произнести кодовое слово – остановить Фейд-Рауту и спасти себя.

– Я не сделаю этого! – выдохнул он.

Фейд-Раута удивленно замер – на какую-то долю секунды. Но ее было довольно, чтобы Пол заметил плохо уравновешенное напряжение в мышцах ног противника, – и в следующий миг они поменялись местами. Теперь Фейд-Раута оказался под ним, задрав только правую ногу, и не мог повернуться, потому что игла на левом бедре засела в полу.

Пол высвободил левую руку – собственная кровь помогла ему, сделав руку скользкой. Нанес удар крисом снизу под челюсть Фейд-Рауте. Клинок вошел в мозг – Фейд-Раута дернулся и обмяк, но лег не навзничь, а вполоборота – игла, застрявшая в полу, все еще удерживала его.

Глубоко дыша, чтобы успокоиться, Пол оттолкнулся от трупа и поднялся на ноги. Он встал над мертвым телом с крисом в руке и нарочито медленно перевел взгляд на Императора, стоявшего у противоположной стены.

– Ну вот, Ваше Величество, – произнес Пол. – Еще одним человеком меньше в вашем войске. Хотите еще поиграть

словами, притворяться и высокомерничать? Или обсудим то, чему должно случиться? Короче говоря: ваша дочь выходит за меня и Дому Атрейдес тем самым открывается дорога к трону.

Император повернулся, посмотрел на графа Фенринга. Серые глаза встретились с зелеными. Эти двое так давно и хорошо знали друг друга, что одного взгляда им было достаточно.

Убей этого выскочку, хотел сказать Император. Да, этот Атрейдес молод и находчив, но он также устал и в любом случае не соперник тебе. Вызови его... ты знаешь, как это делается. Убей его.

Фенринг медленно перевел взгляд на Пола.

– Сделай это! – прошипел Император.

Граф смотрел на Пола и видел его так, как учила его пользоваться зрением его леди Марго, – по-гессеритски. Он видел тайну и скрытое пока величие юного Атрейдеса.

«Да, я мог бы убить его», – сказал себе граф. И он знал, что это было правдой.

Но что-то остановило графа, и он только мельком подумал о своих преимуществах – скрытности, хитрости – и о том, что его побуждения были не ведомы никому.

Пол воспринял часть всего этого через бурлящие вихри времени и понял наконец, почему никогда не видел Фенринга на вероятностных линиях будущего. Фенринг был одним из тех, кто мог бы стать, но так и не стал Квисатц Хадерахом. Почти Квисатц Хадерах, искалеченный ошибкой в генетической структуре. Евнух, чей талант целиком ушел на скрытность и хитрость... Пол ощутил глубокое сострадание к графу. Это было первое братское чувство за всю его жизнь...

Фенринг, уловивший чувства Пола, произнес:

– Я вынужден отказаться, Ваше Величество.

Шаддама IV охватила ярость. Он, раздвинув свиту, подошел к Фенрингу и с размаху ударил его в челюсть.

Лицо графа потемнело от прилившей крови. Он посмотрел прямо в глаза Императору и нарочито невыразительным голосом проговорил:

– Мы были друзьями, Ваше Величество. И только ради этой дружбы я забуду о том, что вы ударили меня.

Пол кашлянул.

– Так мы говорили о троне, Ваше Величество, – напомнил он.

Император обернулся.

– Трон мой! – рявкнул он.

– Я предоставлю вам трон на Салусе Секундус, – сказал Пол.

– Я сложил оружие и пришел сюда, доверившись вашему слову! – закричал Император. – А вы осмеливаетесь угрожать...

– Вы в безопасности рядом со мной, – сказал Пол. – Атрейдес обещал это вам. Но Муад'Диб приговаривает вас к изгнанию на вашу тюремную планету... впрочем, не страшитесь, Ваше Величество: я приложу все имеющиеся в моем распоряжении силы, чтобы сделать Салусу Секундус удобнее. Поверьте, она станет планетой-садом, мягкой и уютной.

Поняв скрытое значение слов Пола, Император вперил в Пола яростный взор.

– Ну вот, теперь мы видим истинные мотивы...

– Видим, – согласился Пол.

– А что Арракис? – поинтересовался, раздувая ноздри, Император. – Еще одна планета-сад, мягкая и уютная?

– Муад'Диб дал слово фрименам, – ответил Пол. – Здесь потекут под открытым небом воды и зазеленеют оазисы, обильно дарящие плодами. Но, конечно, мы не забудем и о Пряности... Поэтому на Арракисе всегда будет существовать Пустыня... и яростные бури, и тяготы, закаляющие человека, мужа и воина. У нас, фрименов, есть пословица: «Бог создал Арракис для укрепления верных». Нельзя же идти против воли Божьей!

Старая Правдовидица, Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийям, по-своему прочла скрытый смысл слов Пола. Она увидела джихад и воскликнула:

– Ты не можешь напустить этих людей на Галактику!..

– Вспомни-ка лучше сардаукаров, – ответил Пол. – Те, конечно, были просто миротворцы...

– Но ты не можешь... – прошептала она.

– Ты же Правдовидица, – усмехнулся Пол. – Так обрати взор на собственные слова...

Он посмотрел на принцессу и снова на Императора.

– Так что лучше вам не тянуть, Ваше Величество.

Император потрясенно взглянул на дочь. Та коснулась руки отца и мягко сказала:

– К этому ведь меня и готовили, отец.

Тот только глубоко вздохнул.

– Делать нечего... – пробормотала старая Правдовидица.

Император, вспомнив про свое достоинство, выпрямился.

– Кто будет вести переговоры за тебя, родич? – спросил он.

Пол обернулся. Увидел мать – та, опустив глаза, стояла подле Чани, окруженная фрименской охраной. Он подошел к ним, ласково взглянул на Чани.

– Я... понимаю, – прошептала она. – Если так надо... Усул...

Пол, слыша в ее голосе скрываемые слезы, погладил ее по щеке.

– Ничего не бойся, моя сихайя, – прошептал он. Потом опустил руку и повернулся к матери: – Ты будешь говорить от моего имени, мама, и Чани с тобой. У нее есть мудрость и зоркие глаза... Кроме того, истинно сказано, что никто не торгуется лучше фримена. Она будет смотреть на меня глазами своей любви, она будет думать о своих будущих сыновьях и о том, что им будет нужно. Ты уж прислушивайся к ней...

Джессика услышала в голосе сына трезвый, жесткий расчет и подавила дрожь.

– Какие твои инструкции? – деловито спросила она.

– Все акции Императора в компании КООАМ в качестве приданого, – просто ответил он.

– Все?! – Джессика была так потрясена, что едва могла говорить.

– Его надо раздеть до нитки, – объяснил Пол. – Затем я требую титул графа и директорское кресло в КООАМ для Гурни Халлека плюс в качестве ленного владения Каладан. Вообще все уцелевшие люди Дома Атрейдес получат титулы и соответствующую власть. Все до последнего солдата.

– А фримены? – спросила Джессика.

– Фримены – мои, – ответили Пол. – И все, что они получат, – они получат из рук Муад'Диба. Начну со Стилгара – пусть будет губернатором Арракиса... но это может подождать.

– А я? – снова спросила Джессика.

– А ты чего хочешь?

– Каладан, наверно... – Она помедлила, глядя на Гурни. – Не знаю. Нет, я стала почти совсем фрименкой... и Преподобной Матерью. Мне нужна возможность подумать в покое...

– Ну, что-что, а это-то я тебе могу обещать, – усмехнулся Пол. – И вообще все, что ты можешь получить от меня или от Гурни...

Джессика кивком поблагодарила его, почувствовав вдруг себя старой и утомленной. Она посмотрела на Чани.

– А что ты дашь наложнице государя?

– Мне титулов не нужно, – быстро ответила Чани. – Умоляю тебя – ничего мне не давай.

Пол посмотрел ей в глаза и вдруг вспомнил, как она стояла с маленьким Лето на руках – с их сыном, погибшим в этой бойне.

– Клянусь, – прошептал он, – что тебе и не понадобится никакой титул. Та женщина будет моей женой, а ты только

наложницей – это все политика, и мы должны сейчас подумать об установлении мира и о том, чтобы войти в число Великих Домов Ландсраада. Придется соблюдать их правила. Но эта принцесса никогда не получит от меня ничего, кроме моего имени. Ни ребенка, ни прикосновения, ни единого мига желания.

– Это ты сейчас так говоришь, – прошептала в ответ Чани. Она посмотрела на высокую принцессу.

– Ты что, до сих пор так плохо знаешь моего сына? – шепнула Джессика. – Посмотри на эту гордую, высокомерную принцессу. Говорят, у нее писательские амбиции. Будем надеяться, она найдет утешение в литературе, потому что ей не приходится рассчитывать на большее. – Джессика горько усмехнулась. – Подумай об этом, Чани: у принцессы будет имя и титул, но на деле она будет менее чем наложницей – ни единого мига нежности не будет она знать от того, с кем свяжут ее брачные узы. Но мы, Чани, – мы, которые называемся наложницами, – войдем в историю как истинные жены!

* * *

Пол Муад'Диб, Император-ментат, и сестра его Алия окружены таким количеством легенд, что под покровом их трудно разглядеть живых людей. Но в конце концов существовал же мужчина по имени Пол Атрейдес и женщина, звавшаяся Алией. И они жили и совершали поступки в пространстве и времени. Пусть пророческие способности уводили их обоих за пределы привычной людям Вселенной, все равно они принадлежали к числу людей, и случавшиеся с ними реальные события оставляли реальный след в реальной Вселенной. Чтобы понять Императора и сестру его, придется усвоить, что падение их стало бы катастрофой для всего человечества. И поэтому эта работа посвящается не Муад'Дибу, не Алие… она посвящается их наследникам, – всем нам.

Посвящение к Изречениям Муад'Диба, скопированное с Мемориальных таблиц Культа Духа Махди

Время правления Муад'Диба породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории человечества. Некоторые из них противились исступленному сектантству. Но нельзя отрицать – человек этот пробудил религиозное кипение на многих мирах.

Конечно же, именно судьба его воплотила в себя ход истории, со всеми идеальными и идеализированными моментами. Человек, которого звали Полом Атрейдесом, принадлежал к древнему и великому роду. Он обладал глубочайшими познаниями в прана-бинду; мать его, леди Джессика, обучила сына всему, что знают сестры Бене Гессерит – в том числе тщательнейшему контролю за нервами и мускулами. Более того, его воспитали ментатом, а значит, интеллект его превосходил все возможности греховных компьютеров, которыми пользовались древние.

И все же в первую очередь Муад'Диб был Квисатц Хадерах – в нем достигла своей вершины генетическая программа, на которую Сестры потратили тысячелетия.

И этот Квисатц Хадерах – тот, кто мог присутствовать «сразу во многих местах», – пророк, через которого сестры Бене Гессерит намеревались управлять судьбами рода людского… этот человек стал Императором Муад'Дибом и взял в жены дочь побежденного им Падишах-Императора.

Поразмыслите над парадоксом – миг высшей славы уже таит в себе грядущее падение. Вы читали труды историков и представляете последовательность фактов. Вольные фримены Муад'Диба наголову разбили войско Падишах-Императора Шаддама IV. Они взяли верх над его личной гвардией – сардаукарами, над союзными силами Великих Домов, над войсками Харконненов и наемниками, оплаченными Ландсраадом. Муад'Диб сумел поставить на колени Гильдию Космогации, а потом возвел свою сестру Алию на престол духовной власти, которую сестры Бене Гессерит давно считали своим наследственным достоянием.

Он сумел сделать все это, но не только это.

Квизарат Муад'Диба раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную. Да, джихад полыхал целых двенадцать лет, но по истечении их фанатики Муад'Диба покорили его власти чуть ли не все человечество.

Все это стало возможным лишь потому, что власть над Арракисом – эту планету чаще называют Дюной, – позволила новому Императору овладеть предельной ценностью империи: гериатрической Пряностью, или меланжей… ядом, дающим жизнь.

Вот вам один ингредиент идеальной истории – вещество, что противодействует времени. Нет меланжи – и сестры Бене Гессерит уже не способны проявлять свою власть над человеческой психикой, над человеком. Нет меланжи – и Гильдия Космогации не в силах водить корабли через пространство. Нет меланжи – и миллионы и миллионы подданных империи умрут без привычного дурмана.

Без меланжи не мог пророчествовать и сам Пол Муад'Диб.

Теперь нам понятно, что миг наивысшего взлета уже предвещал падение. И ответ неизбежен: точное и всеобъемлющее знание будущего сулит смерть.

В разных исторических трудах вы прочтете, что Муад'Диб пал жертвой заговора, объединившего Гильдию, сестер Бене Гессерит и сведущих в науке, но аморальных Бене Тлейлаксу, прибегнувших к помощи лицеделов. Кое-кто во всем обвиняет шпионов в окружении Муад'Диба. Многие кивают на Таро Дюны, так помешавшее провидческому оку Муад'Диба. Иные доказывают, что Императора вынудили прибегнуть к услугам гхолы – трупа, которому была возвращена жизнь, чтобы погубить Муад'Диба. И забывают, что этим гхолой стал Дункан Айдахо, приближенный Атрейдесов, погибший, спасая жизнь юного Пола.

Кое-кто обращается к каббале Квизарата, возглавлявшегося Корбой Панегиристом. Шаг за шагом раскрывают они план Корбы, возжелавшего сделать из Муад'Диба мученика и возложить вину за это на Чани – фрименку-наложницу Императора.

Разве можно подобными методами объяснить все известные факты? Нельзя! Только учитывая смертоносную природу пророческого дара, можно понять истинную причину падения такой огромной и зоркой силы.

Будем же надеяться, что настоящее откровение послужит уроком новым историкам.

Бронсо Иксианский. Анализ истории Муад'Диба.

* * *

Между людьми и богами нет резкой грани: люди становятся богами, а боги превращаются в людей.

«Афоризмы Муад'Диба»

Затевая свой гибельный заговор, Скитале, лицедел тлейлаксу, не мог отделаться от прискорбного и неуместного сочувствия.

Без удовольствия обрекаю я Муад'Диба на горести и на смерть, говорил он себе.

Подобное благородство приходилось таить от соучастников. Впрочем, чувства эти всего лишь свидетельствовали, что, как и положено тлейлаксу, лицедел неосознанно отождествлял себя с жертвой, не с нападающими.

Погрузившись в безмолвное раздумье, Скитале держался поодаль. Прочие спорили о психическом яде. Разговор шел жаркий и колкий, но вежливый, в тоне безличного сопереживания, что подобает адептам великих школ, если речь идет об основных догмах.

– Когда вы сочтете, что проткнули его насквозь, – именно тогда обнаружится, что он даже не ранен!

Говорила старая Гайя-Елена Мохийам – Преподобная Мать ордена Бене Гессерит и хозяйка на Валлахе IX. Худая фигура старой ведьмы в черных одеждах покоилась в плавающем кресле слева от Скитале. Откинутый на спину капюшон ее абы открывал морщинистое лицо под серебряной шапкой волос. Из глубоких глазниц на обтянутом кожей черепе остро блестели глаза.

Все говорили на языке мирабхаса. Гласные соединяли фаланги пригнанных друг к другу согласных. Этот речевой инструмент позволял передавать известные эмоциональные тонкости. Навигатор Гильдии Эдрик как раз сделал Преподобной Матери насмешливый словесный реверанс – очаровательный образец вежливой колкости.

Скитале поглядел на посла. Тот плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от лицедела. Контейнер располагался прямо в центре прозрачного купола, сооруженного Бене Гессерит специально для этой оказии.

Гильдиер казался рыбой в водах странного моря. Удлиненная фигура его несколько напоминала еще человеческую, несмотря на перепончатые ступни и огромные мембраны ластообразных кистей. Клапаны бака попыхивали бледным оранжевым дымком, пахло гериатрической Пряностью, или меланжей.

– Если мы решимся идти этим путем, глупость погубит нас, – проговорила четвертая из присутствующих, пока еще только потенциальная союзница. «Принцесса Ирулан, жена – всего лишь официально, – напомнил себе Скитале, – их общего врага». Красавица стояла возле бака с Эдриком. Высокая и белокурая, в великолепном одеянии из голубого китового меха и изысканно подобранной шляпке. В ушах ее поблескивали золотые диски. Держалась она с надменностью, как и подобает высшей знати, но сосредоточенная безмятежность ее свидетельствовала о самоконтроле, воспитанном Бене Гессерит.

От языковых и физиогномических нюансов мысли Скитале перешли к другим тонкостям – к месту, где они находились. Купол окружали холмы, покрытые подтаявшим снегом, в синих влажных лужах отражались лучи небольшого голубого солнца, медленно ползущего по меридиану.

Почему именно здесь? – раздумывал Скитале. Бене Гессерит ничего не делали случайно. Например, прозрачный купол выбран потому, что всякое замкнутое помещение могло бы вызвать у гильдиера нервозность. Подверженность Гильд-навигаторов клаустрофобии на любой планете объяснялась привычкой к просторам открытого космоса, в котором они обитали от самого рождения.

Но сооружать такое здание только для удобства Эдрика… впрочем, этот жест словно подчеркивал слабость Гильдии.

Так что же здесь, думал Скитале, припасено для меня?

– А вам, Скитале, разве нечего сказать? – удивилась Преподобная Мать.

– Вы хотите втянуть и меня в эту дурацкую болтовню? – спросил Скитале. – Отлично. Мы имеем дело с мессией…

потенциальным. На такого не нападешь в лоб. Мученическая кончина его будет нашим поражением.

Взоры собравшихся были обращены на него.

– Вы видите опасность лишь в этом? – требовательно скрипучим голосом произнесла Преподобная Мать.

Скитале пожал плечами. Для этой встречи он выбрал простодушную круглую физиономию, жизнерадостную, с выпяченными губами, и пухлое тело. Внимательно приглядевшись ко всем остальным, он понял, что инстинктивно выбрал идеальное обличье. Только он один из присутствующих был способен изменять черты лица и телосложение. Человек-хамелеон, лицедел. Облик этот как бы позволял остальным относиться к нему свысока.

– Ну? – настаивала Преподобная Мать.

– Считайте, что молчание доставляло мне удовольствие, – произнес Скитале. – Оно лучше пустой перепалки.

Преподобная Мать откинулась назад; Скитале заметил, что она заново оценивает его. Все присутствующие глубочайшим образом были тренированы в прана и бинду, все умели управлять мышцами и нервами своего тела в недостижимой для простых людей мере. Но контроль лицедела Скитале над своим телом в такой же мере превосходил возможности собравшихся; к этому добавлялось особое симпатическое умение, глубокое проникновение мима – он умел имитировать не только внешность других людей, но и личность.

Позволив Преподобной заново приглядеться к нему и пересмотреть первоначальное впечатление, Скитале проговорил:

– Яд! – Слово это он произнес с обертонами, обозначавшими, что лишь он один, и никто более, понимает глубинный смысл этого слова.

Гильдиец шевельнулся, из шарика громкоговорителя, кружившего вокруг угла контейнера над головой Ирулан, послышался его голос:

– Но мы ведь говорим о психическом яде, не о физическом.

Скитале рассмеялся. В мирабхаса смех означает полное изничтожение оппонента, но он не старался сдерживаться.

Ирулан с тонким пониманием усмехнулась, но сузившиеся глаза Преподобной Матери говорили о зарождающемся гневе.

– Немедленно прекратите! – резко приказала она.

Скитале умолк, но теперь внимание всех было привлечено к нему: Эдрик сердито молчал, Преподобная Мать гневалась и приглядывалась, озадаченная Ирулан казалась заинтересованной.

– И как это друг наш Эдрик осмелился предположить, – начал Скитале, – что двое ведьм-гессериток, посвященных во все тайные козни Ордена, не освоили до тонкости искусства обмана?

Мохийам отвернулась и стала смотреть на стылые холмы родной планеты сестер Бене Гессерит. «Начинает понимать, – подумал Скитале. – Хорошо. Ирулан – дело другое...»

– Так вы с нами, Скитале, или же нет? – спросил Эдрик, поглядывая на него своими крошечными красными крысиными глазками.

– Дело не во мне и не в моем участии, – произнес Скитале, не отводя глаз от Ирулан. – Вы, принцесса, сейчас размышляете о том, стоило ли проделать столь дальний путь и подвергаться такому риску.

Соглашаясь, она кивнула.

– И все, чтобы обменяться банальностями с гуманоидной рыбой и поспорить с жирным лицеделом-тлейлаксу.

Покачав головой, она шагнула прочь от угла емкости, в которой шевелился Эдрик, – подальше от слишком уж густого облака испарений меланжи. Воспользовавшись удобным мгновением, Эдрик отправил в рот очередную таблетку. «Ест Пряность, дышит ею... и еще пьет ее», – подумал Скитале. Он понимал, что это неизбежно – Пряность обостряет восприятие навигатора, позволяет ему водить лайнеры

Гильдии на сверхсветовых скоростях. Обостренным Пряностью внутренним оком навигатор должен отыскать такое будущее, в котором кораблю не грозит беда. Но теперь Эдрик чувствовал иную опасность, против которой бессильно даже предвидение, – привычный костыль навигатора.

– Похоже, я напрасно прилетела сюда, – произнесла Ирулан.

Преподобная Мать повернулась и открыла глаза, сделавшись вдруг странно похожей на ящерицу.

Скитале перевел взгляд от Ирулан в сторону навигатора, приглашая принцессу разделить его точку зрения. Эдрик должен казаться ей отвратительным, Скитале видел это: и дерзкий взгляд навигатора, и его руки и ноги чудовища... посреди клубов оранжевого газа. Не говоря уже о его сексуальных наклонностях – нелегко, должно быть, сочетаться с таким существом, партнершу оттолкнет уже генератор поля, создавший для Эдрика невесомость.

– Принцесса, – произнес Скитале, – Эдрик с нами, а потому пророческое око вашего мужа станет менее зорким. Мы надеемся, что даже этот разговор избегнет его внимания.

– Надеемся, – подчеркнула Ирулан.

Преподобная Мать кивнула и сказала, вновь прикрыв глаза:

– Даже сами посвященные плохо понимают природу собственного предвидения.

– Я Полный Гильд-навигатор и обладаю всей положенной силой.

Преподобная открыла глаза. На этот раз она с характерным для сестры Бене Гессерит напряженным вниманием прощупывала лицедела взглядом. Она взвешивала в нем все до последней малости.

– Нет, Преподобная Мать, – вкрадчиво сказал Скитале, – я не столь прост, как мое обличье.

– Мы не понимаем природы второго зрения, – произнесла Ирулан. – Здесь есть один момент. Эдрик утверждает, что мой муж не может видеть, знать и предвидеть всего, в

чем участвует навигатор. Но как далеко распространяется влияние гильдийца?

– Во Вселенной есть вещи и существа, которые проявляются для меня лишь в последствиях своего бытия, – проговорил Эдрик, и его узкий рыбий рот сжался в тонкую линию. – Я знаю, где они были… тут… там… где-нибудь еще. Как водные жители тревожат спокойные воды, так и пророк мутит время. Я знаю, где бывал ваш муж, но никогда не видал ни его самого, ни людей, по-настоящему преданных ему, разделяющих его цели. Таким покровом адепт закрывает своих друзей от других провидцев.

– Но Ирулан-то не принадлежит к числу ваших сторонников, – отвечал Скитале, глянув искоса на принцессу.

– Но всем понятно, что заговор может состояться только в моем присутствии, – настаивал Эдрик.

В интонации, используемой мирабхаса для описания механизмов, Ирулан произнесла:

– Это вполне очевидно; всему находится применение.

Неплохо! Она поняла, что от навигатора много не получишь, подумал Скитале.

– Будущее можно изменить, – сказал он, – не забывайте этого, принцесса.

Ирулан бросила взгляд на лицедела.

– Люди, преданные Полу и разделяющие его цели, – проговорила она, – фримены из его легионов, вот кто эти люди! Я видела, как он пророчествовал перед ними, слышала их восторженные вопли: «Махди! Муад'Диб!»

Она поняла, подумал Скитале, что предстала перед судом, и наш приговор может погубить ее или сохранить ей жизнь. Наконец-то она увидела ловушку, расставленную нами.

Взгляд Скитале на мгновение встретился с глазами Преподобной Матери, и он почувствовал странную уверенность, что и она разделяет его мнение об Ирулан. Гессеритки, конечно же, накачали свою принцессу нужными знаниями, придумали ей и ложь во спасение. Но какими бы

подробными ни бывали инструкции Ордена, всегда наступал такой миг, когда сестрам Бене Гессерит оставалось полагаться лишь на собственную подготовку и инстинкты.

– А я, принцесса, прекрасно знаю, чего вы добиваетесь от Императора, – заметил Эдрик.

– Кто же не знает этого? – возразила Ирулан.

– Вам хотелось бы основать новую династию, – продолжал Эдрик, словно бы не слыша ее. – Но этого не будет, если вы не примкнете к нам. Даю вам слово пророка. Император вступил в брак с вами из политических соображений, но вы никогда не делили с ним ложе.

– Так пророк еще и любитель подглядывать за постельными сценами? – отпарировала Ирулан.

– Кто не знает, что Император неразлучен со своей наложницей-фрименкой, чего не скажешь о его отношениях с супругой-принцессой, – отрезал Эдрик.

– Но она никак не может родить ему наследника, – возразила Ирулан.

– Рассудок всегда покоряется эмоциям, – пробормотал Скитале. Чувствуя приближение гнева Ирулан, он постарался, чтобы его предостережение возымело эффект.

– И она не принесет ему наследника, – с выверенным спокойствием в голосе произнесла Ирулан, – потому что в пищу ей тайно подмешивают противозачаточное средство. В чем я еще должна признаться перед вами?

– Безусловно, Императору лучше не знать об этом, – улыбнувшись, промолвил Эдрик.

– Ну, для него у меня давно заготовлена вполне правдоподобная ложь, – произнесла Ирулан. – Хотя он и чувствует истину, но бывает такая ложь, которой даже ясновидец поверит легче, чем правде.

– Принцесса, вам приходится выбирать, – произнес Скитале, – и, если вы поймете наши мотивы, вам станет спокойнее.

– Пол справедлив ко мне, – отвечала она, – я заседаю в его совете.

– И все-таки за те двенадцать лет, что вы пробыли его консорт-принцессой, – ни крохи тепла… – снова кольнул Эдрик.

Ирулан затрясла головой.

– Он низверг с трона вашего отца руками своей пресловутой фрименской орды, заставил вас выйти за себя замуж – только чтобы закрепить за собой трон, – но так и не увенчал вас короной императрицы.

– Принцесса, Эдрик пытается поймать вас на эмоциях, – произнес Скитале, – не правда ли, интересно?

На круглой физиономии лицедела она заметила дерзкую улыбку и в ответ удивленно подняла брови. Теперь – Скитале был убежден в этом – принцесса вполне уверилась в том, что, если она поддастся на уговоры Эдрика, тот своей пророческой силой укроет ее от ясновидения Пола. Однако стоит ей повременить с согласием…

– А вам не кажется, принцесса, что Эдрик стремится сыграть в заговоре уж слишком большую роль?

– Но я ведь говорил уже, что соглашусь с любой разумной точкой зрения, если таковые будут здесь высказаны.

– И кто же будет оценивать? – скептически осведомился Скитале.

– Не хотите же вы, чтобы принцесса улетела обратно, так и не присоединившись к нам, – буркнул Эдрик.

– Он хочет, чтобы ее присоединение к нам было искренним, – проворчала Преподобная Мать. – И в наших взаимоотношениях нам следовало бы воздержаться от интриг.

Ирулан, заметил Скитале, приняла внешне расслабленную, удобную для размышления позу, убрала руки в рукава платья. Наверняка обдумывает предложенную Эриком приманку: стать основательницей династии. К тому же следует поразмыслить над тем, как заговорщики собираются обезопасить себя от нее. Ирулан предстоит взвесить многое.

– Скитале, – наконец проговорила Ирулан, – говорят, что у вас, тлейлаксу, странный кодекс чести: вы всегда оставляете своим жертвам возможность спастись.

– Да, если только они сумеют ее обнаружить, – согласился Скитале.

– А я тоже жертва? – спросила Ирулан.

Скитале коротко хохотнул.

Преподобная Мать фыркнула.

– Принцесса, – негромко, доверительным тоном, сказал Скитале, – но вы и так уже с нами. Разве это не вы доносите старшим сестрам Ордена обо всем происходящем в Императорском дворце?

– Полу известно, что я переписываюсь со своими учителями, – отвечала она.

– Но разве не вы поставляете им материалы для пропаганды против вашего Императора? – произнес Эдрик.

Не «нашего», подумал Скитале, – «вашего» Императора. Ирулан слишком опытная гессеритка, чтобы не заметить подобной оговорки.

– Все дело в существующих силах и в их приложении, – проговорил Скитале, пододвигаясь поближе к емкости, где плавал гильдиец. – Мы, тлейлаксу, уверены, что во всей Вселенной есть только ненасытная алчущая материя, а энергия – единственное, на что можно положиться. И она обучается. Вы слышали мои слова, принцесса: энергия обучается. Это мы и называем силой.

– Но вы не убедили меня в том, что мы сумеем победить Императора.

– Мы даже и себя самих не убедили в этом, – отвечал Скитале.

– Куда ни посмотришь, – отвечала Ирулан, – всюду сила его противостоит нам. Он – Квисатц Хадерах, тот, кто присутствует одновременно во многих местах. Он – Махди, и его желания превращаются в закон для послушных миссионеров Квизарата. Он – ментат, чьи возможности превосходят величайшие достижения древних компьютеров. Он – Муад'Диб, по одному слову которого легионы фрименов вырезают население целых планет. Он – пророк, перед

которым открыто грядущее. Он – обладатель того уникального набора генов, в котором так нуждается Бене Гессерит...

– Все эти его атрибуты мы знаем, – перебила ее Преподобная Мать, – знаем еще, что таким же набором генов обладает и его отвратительная сестрица Алия. Но оба они все-таки люди. А это значит, что у них есть слабости.

– Каковы же человеческие слабости Императора и пророка? – спросил лицедел. – Не таятся ли они в религиозной сути джихада? Можно ли обратить против Императора его Квизарат? И прочна ли гражданская власть Великих Домов? Способен ли конгресс Ландсраада на большее, чем пустой шум?

– Вспомните о Картеле негоциантов и перевозчиков товаров, – произнес Эдрик, поворачиваясь в баке. – КООАМ – это бизнес, а бизнес там, где выгода.

– Не следует забывать и о матери Императора, – напомнил Скитале. – Насколько мне известно, леди Джессика не отлучается с Каладана, но часто сносится со своим сыном.

– Предательница, – ровным голосом произнесла Мохийам, – если бы только можно было отказаться от этих рук, которыми я выпестовала ее...

– Наш заговор предъявляет к участникам строгие требования, – сказал Скитале.

– Ну, все мы больше, чем заговорщики, – возразила Преподобная Мать.

– О да, – согласился Скитале. – Еще бы, мы полны энергии и учимся на ходу. Это делает нас единственной надеждой человечества, его спасителями, – проговорил он в тоне абсолютной убежденности, что в устах тлейлаксу являлось предельной насмешкой.

Только одна Преподобная Мать оценила языковую тонкость.

– Почему же? – спросила она, обращаясь к Скитале.

Прежде чем лицедел успел ответить, Эдрик прочистил горло и произнес:

– Зачем заниматься сейчас философской чепухой? Любой вопрос, если достаточно долго докапываться до сути, сводится к одному и тому же: «Почему это происходит?» Политика, религия и торговля сходятся в конце концов к одному: в чьих руках сила. Альянсы, картели, союзы лишь гоняются за миражами, пока речь не идет о власти. Все прочее – ерунда, как должно быть ясно любому мыслящему существу.

Скитале пожал плечами: жест предназначался одной Преподобной Матери. На вопрос ответил Эдрик. Похоже, напыщенный дурак гильдиец – слабое звено в заговоре. Чтобы убедиться, что Преподобная Мать понимает это, Скитале проговорил:

– Внимательно слушая учителя, приобретаешь познания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

– Принцесса, – с нажимом сказал Эдрик. – Выбирайте. Судьба назначила вас своим орудием, тончайшим и…

– Приберегите свою лесть для тех, на кого она сможет подействовать, – ответила Ирулан. – Вы упоминали психическую отраву, призрак которой сокрушит Императора. Объясните.

– Атрейдес победит сам себя! – прокаркал Эдрик.

– Хватит загадок, – отрезала Ирулан. – Что еще за призрак?

– Для призрака у него весьма необычный облик, – ответил Эдрик, – он обладает именем и плотью. Тело его некогда принадлежало знаменитому воину и откликалось на имя Дункан Айдахо. Теперь же его…

– Айдахо мертв, – отвечала Ирулан. – Пол часто горевал по нему в моем присутствии. Он сам видел, как сардаукары моего отца сразили Айдахо…

– Даже терпя неудачи, – возразил Эдрик, – сардаукары вашего отца не теряли головы. Представим себе, что один из их командиров узнал погибшего и потому поступил мудро. Что он мог сделать? Есть способы использования тел,

обладающих такими воинскими умениями, если только действовать быстро.

– Значит, это гхола тлейлаксу, – прошептала Ирулан, искоса поглядев на Скитале.

Почувствовав на себе ее взгляд, Скитале обратился к своему искусству лицедела – очертания лица и фигуры его вдруг расплылись, плоть потекла, принимая новый облик. Перед принцессой вдруг оказался худощавый мужчина, круглолицый, со слегка приплюснутыми чертами лица. Высокие скулы словно подпирали слегка раскосые глаза, черные волосы были взъерошены.

– Таков облик этого гхолы, – пояснил всем Эдрик, показывая на Скитале.

– То есть он – просто еще один лицедел? – спросила Ирулан.

– Подобное лицеделам не по силам – они не могут длительно сохранять принятый облик. Нет, предположим лучше, что наш сообразительный командир сардаукаров подготовил труп Айдахо для аксолотль-баков. Разве это нецелесообразно? Ведь эти плоть и нервы принадлежали одному из лучших фехтовальщиков в истории человечества, советнику Атрейдесов и военному гению. Не правда ли – потеря, ведь все это можно сохранить и использовать, если воссоздать Айдахо в качестве инструктора сардаукаров.

– Но я ничего не слышала об этом, а ведь я была среди тех, кому отец доверял.

– Ах-хх... тогда принцесса была молода, и отец ее, потерпев поражение, буквально через несколько часов продал свою дочь победителю – вами пришлось расплатиться с новым Императором, – произнес Эдрик.

– Это – с телом – и впрямь было сделано? – резко спросила она.

С мерзким самодовольством Эдрик продолжал:

– Предположим далее, что наш мудрый командир сардаукаров, понимая необходимость спешить, немедленно отослал Бене Тлейлаксу сохраненное тело Айдахо. Далее

предположим, что и командир, и его люди погибли прежде, чем успели доложить обо всем вашему отцу, который все равно не смог бы этим воспользоваться. И факт остался незамеченным, ведь труп Айдахо – только плоть, оказавшаяся в руках тлейлаксу. Переправить же его можно было только на лайнере. А мы, гильдийцы, всегда знаем, что перевозят на наших кораблях. И раз мы узнали об этом, разве не следовало и нам проявлять мудрость – приобрести этого гхолу для подарка Императору?

– Вы, конечно, так и поступили, – утвердительным тоном сказала Ирулан.

Скитале вновь принял вид простодушного толстяка и добавил:

– Да, мы поступили так, как сообщил сейчас наш старинный друг.

– Какой психологической обработке был подвергнут Айдахо? – спросила Ирулан.

– Айдахо? – переспросил Эдрик, поглядев на тлейлаксу. – Скитале, разве мы покупали у вас Айдахо?

– Мы продали вам существо по имени Хейт, – ответил Скитале.

– Действительно, Хейт, – подтвердил Эдрик. – А почему вы его продали нам?

– Потому что однажды нам случилось вырастить своего собственного Квисатц Хадераха, – проговорил Скитале.

Быстро повернув голову, Преподобная Мать укоризненно поглядела на него.

– Вы не говорили нам об этом.

– А вы и не спрашивали, – отвечал Скитале.

– И как вы одолели этого вашего Квисатц Хадераха? – спросила Ирулан.

– Существо, затратившее всю жизнь, чтобы воплотить собственное представление о себе, скорее предпочтет умереть, чем превратиться в собственную противоположность.

– Я не понимаю... – начал Эдрик.

– Он покончил с собой, – буркнула Преподобная.

– Внимательнее слушайте меня, Преподобная, – предупредил Скитале, воспользовавшись интонацией, гласящей: ты не объект для секса, никогда не была объектом для секса, не можешь быть объектом для секса.

Тлейлаксу ожидал реакции на вызывающий тон. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев не должен помешать ей понять, что, зная отношение Сестер к продолжению рода человеческого и его генетике, тлейлаксу, конечно же, не мог сделать подобного выпада. Однако дерзость его отдавала площадной бранью, что вовсе не свойственно тлейлаксу.

Поспешно используя успокоительные возможности мирабхаса, Эдрик попытался сгладить ситуацию.

– Скитале, вы ведь говорили нам, что продали Хейта только потому, что разделяли наши намерения.

– Эдрик, помолчите, пока я не разрешу вам говорить, – сказал Скитале. А когда гильдиец начал было протестовать, Преподобная Мать отрезала:

– Заткнитесь, Эдрик!

Эдрик отодвинулся в глубь емкости, нервно дергая конечностями.

– Никакие наши преходящие эмоции не имеют даже малейшего отношения к решению насущной проблемы, – произнес Скитале, – они только мешают мыслить. Что можем испытывать мы, кроме страха, который, собственно, и заставил нас собраться?

– Мы понимаем это, – отвечала Ирулан, оглядываясь на Преподобную Мать.

– И все мы должны понимать опасность, связанную с ограниченностью нашей защиты, – проговорил Скитале. – Оракул не может предотвратить того, что выше его понимания.

– А вы предусмотрительны, Скитале, – произнесла Ирулан.

«Нельзя, чтобы она догадалась, насколько предусмотрителен... – подумал Скитале. Потом, когда все закончится, в

нашем распоряжении окажется Квисатц Хадерах, которого можно будет контролировать. Все прочие ничего не получат».

– Откуда же у вас взялся Квисатц Хадерах? – спросила Преподобная Мать.

– Мы экспериментировали с разнообразными чистыми субстанциями, – отвечал Скитале. – С абсолютным добром и злом. Полный негодяй, получающий наслаждение только от причиняемой им людям боли и ужаса, может послужить любопытным объектом для познания.

– А ваши тлейлаксу случайно не поработали над старым бароном Харконненом, дедом Императора? – спросила Ирулан.

– Мы тут ни при чем, – отрезал Скитале. – Просто творения самой природы зачастую не менее смертоносны, чем наши. Собственные произведения мы помещаем в условия, в которых их удобно изучать.

– Я не позволю третировать себя! – запротестовал Эдрик. – Разве не я защищаю это сборище от...

– Видите? – перебил его Скитале. – И это его верные суждения нас укрывают? Хотелось бы знать, какие...

– Я хочу немедленно обсудить способ передачи Хейта Императору, – настаивал Эдрик. – На мой взгляд, Хейт является воплощением старого морального кодекса, который Атрейдес усвоил еще в юности на своей родной планете. Можно предположить, что Хейт позволит Императору расширить свой взгляд на мораль, очертить и положительные, и отрицательные моменты в религии и жизни.

Скитале улыбнулся, окинув компаньонов благодушным взглядом. Все шло в соответствии с его ожиданиями. Старуха Преподобная орудовала эмоциями, как ятаганом. Ирулан идеально подходила для своей несостоявшейся роли – неудачливая креатура Бене Гессерит. Эдрик – всего лишь шапка-невидимка, не более: он только скрывает собравшихся от Императора. Теперь навигатор лишь угрюмо молчал в ответ на общее невнимание.

– Так, значит, этот Хейт должен отравить психику Пола? – спросила Ирулан.

– Примерно так, – ответил Скитале.

– А Квизарат?

– Легкий перенос ударения, наплыв эмоций – и зависть превращается во вражду.

– А КООАМ?

– Будут кругленькие дивиденды.

– А для прочих группировок?

– Одна из них получит название правительства, – ответил Скитале. – Слабейшие будут аннексированы во имя морали и прогресса. Оппозиция умрет в собственных сетях.

– И Алия?

– Гхола Хейт нацелен не только на Императора, – произнес Скитале, – сестра его теперь как раз в том самом возрасте, когда ее может увлечь обаятельный мужчина, специально для этого подготовленный. Мужество воина и разум ментата будут неотразимы для Алии.

Мохийам позволила себе приоткрыть древние глаза в знак изумления.

– Гхола-ментат? Это опасно!

– Чтобы получить точные результаты, ментат должен использовать безукоризненные исходные данные. А что, если Пол попросит у гхолы объяснений... что скажет Хейт о цели нашего дара? – произнесла Ирулан.

– Хейт будет говорить правду, – сказал Скитале, – это все равно ничего не изменит.

– То есть вы оставляете Полу лазейку для спасения? – спросила Ирулан.

– Ментат! – пробормотала Мохийам.

Скитале глядел на Преподобную Мать, ощущая таящуюся под всеми эмоциями древнюю ненависть. Со времен Джихада Слуг, который стер думающие машины с лица Вселенной, компьютеры пользовались недоверием. Издревле подобное отношение переносилось и на компьютеры в человеческом облике.

– Мне не нравится, как ты улыбаешься, – резко произнесла с интонацией предельной откровенности Мохийам, яростно глядя на Скитале.

Скитале ответил в той же манере:

– Мне дела нет до того, что приятно вам. Но мы вынуждены сотрудничать. Это очевидно. – Он поглядел на гильдийца. – Разве не так, Эдрик?

– Ты преподаешь болезненные уроки, – отвечал Эдрик. – Должно быть, ты хотел дать всем понять, что я не стану восставать против общего мнения моих собратьев по заговору.

– Ну, видите, оказывается, его можно научить, – произнес Скитале.

– Но я понимаю и еще кое-что, – проворчал Эдрик. – Атрейдес монопольно владеет Пряностью. Без нее я не могу заглянуть в будущее. И Бене Гессерит не сумеют отличить правду от лжи. У всех есть запасы, но они тают... Меланжа – драгоценнейшая из монет.

– Ну, у нашей цивилизации она не единственная, – отвечал Скитале. – Или закон спроса и предложения перестал работать?

– Ты собираешься украсть эту тайну, – прохрипела Мохийам. – А ведь в его распоряжении планета, охраняемая обезумевшими фременами!

– Фримены дисциплинированны, вымуштрованы и невежественны, – отвечал Скитале. – Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знание опасно.

– Ну а мне-то что останется? «Смогу я дать начало новой династии?» – спросила Ирулан.

В ее голосе все услышали согласие, но только Эдрик позволил себе улыбнуться.

– Что-нибудь да останется, – ответил Скитале. – Что-нибудь.

– Правлению Атрейдесов придет конец, – бросил Эдрик.

– Не могу не отметить, что ваше предсказание сделано лицом, куда менее одаренным пророческими

способностями, чем Император, – произнес Скитале. – У них с сестрой, как говорят фримены, «мектуб ал-миллах».

– «Слова начертаны солью», – перевела Ирулан.

И при звуках ее голоса Скитале понял, какую западню Бене Гессерит уготовили ему – прекрасную и умную женщину, которой он никогда не сможет обладать. Ну, что же, подумал он. Быть может, я когда-нибудь сниму с нее копию...

* * *

Каждой цивилизации приходится противодействовать лишенной рассудка силе, способной противиться любому сознательному намерению общества, восстать против него и обмануть.

Теорема тлейлаксу; не доказанная

Сев на кровати, Пол принялся расстегивать Пустынные сапоги. Они припахивали затхлой смазкой, облегчавшей действие пяточных насосов. Было уже поздно. Этой ночью он затянул прогулку и обеспокоил любящих его. По общему мнению, ночные гуляния были опасны, но с подобными опасностями справиться было легко. Пола ночные скитания инкогнито по улицам Арракина развлекали.

Он забросил сапоги в угол под единственный в комнате плавающий светильник и принялся за уплотнения дистикомба. Боги внизу, как он устал! Усталость сковывала мышцы, но только не ум. Повседневная суета за стенами цитадели наполняла его глубочайшей завистью. Что в этом безликом копошении жизни может заинтересовать Императора, но... сама возможность пройтись по улицам города, не привлекая ничьего внимания, казалась теперь ему подлинной привилегией. Проходить мимо галдящих паломников, слышать, как фримен костерит продавца: «У тебя потные руки!..»

Улыбнувшись воспоминанию, Пол выскользнул из дистикомба.

Оставшись нагим, он ощущал странное родство со своим миром. Дюна теперь стала олицетворенным парадоксом: миром осажденным и одновременно средоточием власти. Впрочем, вечная осада, рассудил Пол, – неизбежная участь любой власти. Он глядел на зеленый ковер, грубая шерсть колола ступни.

Улицы по щиколотку засыпал песком ветер, задувавший поверх Барьерной Стены. Ноги идущих толкли песок в мелкую пыль, забивавшую фильтры дистикомба. Запах ее чувствовался даже теперь, после вентиляторов, сдувавших пыль с входящих в порталы его цитадели. Кремнистый запах навевал воспоминания о Пустыне.

Другие времена... другие опасности.

Если сравнить с прежними днями, нынешние ночные прогулки его были вполне безопасными, но вместе с дистикомбом он словно облачался в саму Пустыню. Костюм этот со всеми хитроумными устройствами для сохранения влаги до тонкостей контролировал его мысли, возвращал движениям Пустынный ритм, точнее, отсутствие ритма. Пол ощущал себя вольным фрименом. В этом костюме он становился чужаком в собственном городе. Надев его, Пол отказывался от безопасности дворца и брал на вооружение прежние привычки и мастерство бойца. Паломники и горожане, проходя мимо, опускали глаза: «диких» не задевали из чистого благоразумия. Если у Пустыни было лицо, то для горожан это было лицо фримена, скрытое за лицевым и носовым фильтрами.

На самом же деле опасаться приходилось лишь встречи с теми, кто еще по старым временам, с дней, когда он сам жил в сиетче, может узнать его по походке, по запаху тела или по глазам. Так что вероятность встретить врага была невелика.

Шелест дверных занавесей и внезапный луч света прервали его размышления. Вошла Чани, в руках ее был кофейный сервиз на платиновом блюде. За ней услужливо следовали два плавающих шара-светильника, они сразу же

метнулись на положенные места: один в изголовье их постели, другой повис над головой Чани, чтобы освещать ей работу.

В движениях Чани ощущалась не подвластная возрасту сила, хрупкая, замкнутая в себе и ранимая. Хлопоты ее над кофейным сервизом напомнили Полу первые дни их совместной жизни. Смуглый эльф, которого пощадили годы… если, конечно, не обращать внимания на уголки лишенных белков глаз: такие морщинки фримены Пустыни именовали «следами песчинок».

Едва она приподняла крышку кофейника за ручку, выточенную из хагарского изумруда, как оттуда вырвалось облако пара. Кофе еще не был готов, он понял это по движению, которым она опустила крышку. Серебряный кофейник – округлая фигурка беременной женщины – достался Полу как гханима, трофей. Когда он сразил его обладателя в поединке. Джамис – так его звали… Да, Джамис. Странное бессмертие заслужил этот фримен своей смертью. Или же он понимал, что смерть неизбежна, и стремился именно к такому концу?..

Чани расставила чашки синего фарфора, прислугой рассевшиеся вокруг величественного кофейника. Их было три: для них обоих, а третья – всем прежним владельцам.

– Вот-вот заварится, – произнесла она.

Чани подняла на него глаза, и Пол вдруг подумал: каким-то он видится ей? Не останется ли он по-прежнему экзотическим чужаком?

…Пусть тело его жилисто, как и положено жителям Пустыни, но все-таки воды в нем больше, чем подобает фримену. Был ли он еще для нее тем Усулом – так его назвало племя, – который взял ее по законам фрименского тау, пока они еще скрывались в Пустыне?

Пол посмотрел на свое тело: твердые мышцы, ни жиринки… прибавилось несколько шрамов – в общем, таким он и был двенадцать лет назад, когда стал Императором. Глянув в стоящее на полке зеркало, он увидел себя – «глаза

Ибада», синие-на-синем глаза фримена, знак привыкания к Пряности, и крючковатый фамильный нос Атрейдесов. Истинный внучек родного деда, погибшего на арене для развлечения подданных.

Полу припомнилась одна из фраз старика: «Правитель, как и пастух, полностью отвечает за покорившихся ему. Когда-нибудь от него потребуется жест, выражающий самозабвенную любовь к своему стаду. Даже если он только насмешит весь народ».

Люди до сих пор с теплым чувством вспоминали о нем.

«А чем я прославил имя Атрейдесов? – спросил себя Пол. – Напустил на овец волка?»

На миг ему представился весь разгул кровавого насилия, творящегося его именем.

– И живо в постель! – властно скомандовала Чани абсолютно немыслимым, с точки зрения его верноподданных, тоном, доведись им услышать эти слова.

Он покорно растянулся на спине, подложив руки под голову, завороженный привычными движениями Чани.

Его вдруг поразила сама их комната. Подданные никогда не признали бы в ней Императорскую опочивальню. Желтый свет колеблющихся в силовом поле светильников шевелил тени разноцветных стеклянных кувшинов, расставленных Чани на полке. Пол молча припоминал их содержимое: сухие ингредиенты Пустынных лекарств, мази, благовония, памятные, священные для них мелочи: щепотка песка из сиетча Табр, локон их первенца, погибшего так давно... уже двенадцать лет назад. Невинная жертва, подвернувшаяся под руку убийцам в битве, сделавшей его Императором.

Густой аромат кофе с Пряностью поплыл по комнате. Пол глубоко вдохнул, взгляд его упал на желтую чашу, стоявшую возле подноса, на котором Чани заваривала кофе. В ней были земляные орешки. Неизбежный ядоискатель водил над столом своими суставчатыми лапками. Вид аппарата пробудил в нем раздражение. Тогда, в Пустыне, фримены прекрасно обходились без него!

– Кофе готов! – воскликнула Чани. – Ты голоден?

Сердитое отрицание утонуло в визге лихтера, уносящего Пряность в космос с недалекого Арракинского космодрома.

Чани видела, что он сердится, но все же разлила кофе и поставила чашку возле его руки. Она уселась в ногах постели, откинула покрывало и принялась растирать его ступни, утомленные ходьбой в дистикомбе. Негромко, с обманчивой непринужденностью, она начала:

– А теперь поговорим о ребенке, которого добивается Ирулан.

Глаза Пола широко открылись. Он внимательно поглядел на Чани.

– Ирулан вернулась с Валлаха только два дня назад, – сказал он. – И уже успела у тебя побывать?

– Мы разговаривали не о ее обидах, – ответила Чани.

В мгновенной вспышке, способом Бене Гессерит, которому мать научила его, пренебрегая запретами Ордена, Пол заставил свой разум обследовать Чани. Он не любил применять эти методы. Причина его привязанности к Чани частично крылась и в этом: ему редко приходилось в отношениях с ней прибегать к этому утомительному искусству. В соответствии с правилами хорошего тона, принятыми среди фременов, Чани всегда избегала нескромных вопросов. Ее интересовали практические предметы. Например, факты, касающиеся положения ее мужчины: надежна ли опора в совете, лояльны ли его легионы, на что способны союзники и чего от них ожидать. В памяти ее укладывались длиннейшие перечни имен и сложно переплетенных подробностей. Она могла мгновенно назвать главную слабость любого известного ей врага, возможные действия всех известных противников, боевые планы их предводителей, оснащение и производительность основных отраслей промышленности.

Так почему же, подумал Пол, она завела разговор про Ирулан?

– Я расстроила тебя, – сказала Чани, – я не хотела.

– А чего ты хотела?

Она застенчиво улыбнулась и проговорила:

– Когда сердишься, милый, не скрывай этого.

Пол вновь привалился к деревянному изголовью.

– Так ты считаешь, что мне следует удалить ее от себя? – спросил он. – Теперь от нее немного пользы. И мне вовсе не нравится все, что кроется за этими поездками к Сестрам.

– Ее нельзя удалять, – ответила Чани, продолжая растирать его ноги, и деловито добавила: – Ты столько раз говорил, что она позволяет тебе поддерживать контакт с врагами, что их планы ты читаешь по ее поступкам.

– Откуда твоя заинтересованность в ее желании забеременеть?

– Если подобное произойдет, планы врагов расстроятся, и сама Ирулан окажется в неловком положении.

По прикосновению ее рук он почувствовал, чего стоят ей эти советы. В горле набух комок. Он тихо сказал:

– Чани, родная, я поклялся тебе, что не взойду на ее ложе. Ребенок даст ей слишком много власти. Или ты добиваешься, чтобы она сместила тебя?

– Откуда? У меня нет места!

– Да нет же, сихайя, весна моя Пустынная. Откуда эта внезапная забота об Ирулан?

– Забота моя о тебе, не о ней! Если она понесет потомка Атрейдесов, сообщники усомнятся в ее искренности. Чем менее наши враги будут доверять ей, тем меньше пользы им от нее будет.

– Рождение ее ребенка может означать твою смерть, – возразил Пол. – Сама знаешь все эти интриги. – Он обвел рукой утонувшую в недрах цитадели комнату.

– У тебя должен быть наследник, – глухо произнесла она.

– Ах-х!.. – протянул он.

Так вот оно что: раз у Чани нет детей, следует привлечь другую женщину. Почему бы тогда не Ирулан? Вот и весь ход размышлений Чани. Но все должно совершиться в результате акта любви, на всякие искусственные методы в

империи наложено было строжайшее табу. Решение Чани – решение истинной фременки.

Пол по-новому увидел ее лицо. Он и так знал черты Чани лучше, чем свои собственные. Он видел ее и горящей страстью, и в покое сна, знал в гневе, в страхе, в горе.

Он закрыл глаза, и Чани вновь представилась ему девушкой – весна пробуждающаяся, ручейком журчащая возле него. Вдруг припомнившееся обаяние ее юности заворожило его. Ему предвиделась эта улыбка – сперва застенчивая, а потом тревожная, – словно она старалась вырваться из его видения.

Рот Пола вдруг пересох. На миг ноздрей его коснулся дым пожарища, что ждет впереди. Внутренний голос из какого-то другого видения все твердил ему: освободись... освободись... освободись... Слишком долго подсматривал ты тайны вечности, внимал голосам камней и чужой плоти. С того самого дня, когда Пол впервые ощутил собственное ужасное предназначение, он вглядывался в будущее, искал в нем мирный уголок для себя.

Такой путь существовал, конечно... Он был уверен в этом, хоть и не понимал его сути – загадочное будущее, недвусмысленно требовавшее от него одного: освободись, освободись, освободись!

Открыв глаза, Пол увидел перед собой решительное лицо Чани. Она перестала растирать ему ноги и застыла неподвижно – истинная фременка. Родное лицо под синей косынкой нежони, она часто носила ее в их личных покоях. Теперь оно воплощало решительность, древние мысли... чуждые мысли. Тысячелетиями фременские женщины привыкали делить своего мужчину с другими – пусть не всегда мирно, но по крайней мере без губительных последствий. Сейчас этот таинственный фременский процесс происходил в Чани.

– Истинного и желанного мне наследника родишь ты, – ответил он.

– Ты это видел? – спросила она, явно подразумевая его провидческие способности.

И уже далеко не в первый раз Пол задумался: как же наконец объяснить ей все тонкости пророчества – бесчисленность линий судеб, что сплетались в сплошную ткань перед его умственным взором. Он вздохнул, вспомнив вдруг, как когда-то пригоршнями черпал воду из речки, как утекала она между пальцев. Пол еще помнил ощущение воды на своем лице. Но разве можно умыться в водах времени, взбаламученных сонмом пророков?

– Значит, ты не видел этого, – уверенно заключила Чани.

Будущее он теперь мог увидеть лишь напрягая душу и тело до истощения, безвозвратно растрачивая жизненные силы, и ничего, кроме горя, оно теперь не сулило. Пол знал, что снова попал сейчас между двух гребней – во впадину между волнами, терзавшую разум и томившую чувства.

Укрыв его ноги, Чани произнесла:

– Наследника Дома Атрейдес нельзя доверять случаю... нельзя полагаться на единственную женщину.

«Так могла бы сказать моя мать, – подумал Пол. – Или леди Джессика тайно поддерживает связь с Чани? Она всегда в первую очередь думает о Доме Атрейдес. Так воспитали ее сестры Бене Гессерит, и мать не может отказаться от этого даже теперь, когда все ее силы обращены против Ордена».

– Так, значит, ты подслушивала наш разговор с Ирулан, – обвиняющим тоном проговорил он.

– Да, я подслушивала, – согласилась она, глядя в сторону.

Пол припомнил встречу с Ирулан. Он только вошел в семейную гостиную и успел заметить неоконченную работу на ткацком станке Чани. В помещении кисло воняло червем, зловещий запах скрывал вездесущий коричный аромат меланжи. Кто-то пролил здесь непреобразованную меланжевую эссенцию на коврик, пропитанный меланжей. Вещества эти несовместимы, и эссенция разъела ковер. Только маслянистые пятна отмечали на пластмелде место, где он

недавно лежал. Пол уже собирался послать за кем-нибудь из женщин, чтобы прибрались, но в этот момент Хара, жена Стилгара и ближайшая подруга Чани, скользнула внутрь и сообщила... о приходе Ирулан.

Разговор пришлось вести в этом зловонии, и он все не мог отделаться от нехорошего чувства. Фрименская примета сулила беду: дурной запах – жди несчастья.

Впустив Ирулан, Хара вышла.

– Здравствуй, – произнес Пол.

На Ирулан было платье, отороченное серым китовым мехом. Она расправила его, провела ладонью по волосам. Пол видел, что Ирулан удивлена его мягким тоном. Заранее приготовленные гневные слова следовало заменять на ходу.

– Ты пришла сообщить мне, что Сестры потеряли последние представления о нравственности? – произнес он.

– Подобные словесные забавы небезопасны, – бросила она.

– Опасность и забавы трудно совместимы, – усмехнулся он. Сокровенные его знания, полученные от Бене Гессерит, говорили: она охотно бы не приходила к нему. Пол заметил на миг отразившийся на ее лице страх и понял: Ирулан пришлось взяться за дело вопреки ее собственному желанию.

– И они все время требуют слишком много от принцессы Императорского Дома.

Ирулан замерла в неподвижности, и Пол отметил, что она подчинила свои чувства безжалостному контролю воли. Тяжелый груз, подумал он и удивился, обнаружив, что его предвидение ничего не говорило ему о возможности такого будущего.

Ирулан медленно расслабилась. Нельзя поддаваться страху, нельзя отступать, решила она.

– Ты все время заказываешь одну и ту же погоду, – сказала она, обхватив себя руками и поежившись. – Сухо, сегодня была песчаная буря. Неужели ты не разрешишь нам дождя?

– Ты пришла сюда не для речей о погоде, – ответил Пол. Он почувствовал себя утопающим в двусмысленности сказанного. Не пытается ли Ирулан намекнуть о чем-то таком, о чем ее воспитание запрещает говорить открыто? Похоже, так и есть. Пол ощутил себя лишенным опоры: нужно немедленно выбираться на твердую почву.

– Я хочу ребенка, – объявила она.

Он отрицательно качнул головой.

– У меня своя жизнь! – резко произнесла Ирулан. – Если понадобится, я сама отыщу отца для моего ребенка. Я наставлю тебе рога, и посмей хоть в чем-нибудь обвинить меня.

– Наставляй сколько хочешь, – отвечал он, – но никаких детей.

– И как же ты меня остановишь?

С исполненной предельной доброты улыбкой он произнес:

– Если дойдет до этого, я немедленно прикажу удавить тебя.

На миг Ирулан потрясенно умолкла, а Пол ощутил, как Чани прислушивается за тяжелыми занавесями, отделявшими их личные апартаменты.

– Я все-таки твоя жена, – прошептала Ирулан.

– Давай не будем играть в эти глупые игры, – ответил он. – Ты ведь играешь сейчас, исполняешь роль, и не более. Мы оба знаем, кто моя жена.

– А я – так, просто удобство, – горько откликнулась Ирулан.

– Я не хочу быть с тобой жестоким.

– Ты сам выбрал меня.

– Не я, – отвечал он, – судьба. Твой отец. Сестры Бене Гессерит. Гильдия, наконец. А теперь они вновь тебя выбрали. Для чего они тебя выбрали, Ирулан?

– Но почему же я не могу родить тебе ребенка?

– Потому что ты на эту роль не подходишь.

– Это мое право – родить наследника престола! Мой отец был...

– Твой отец был и остается зверем. Ты сама знаешь, что он потерял всякий контакт с человечеством, которым должен был править.

– Разве его ненавидели больше, чем ненавидят тебя? – взорвалась она.

– Неплохой вопрос, – отвечал он, сардонически усмехаясь уголками губ.

– А еще говоришь, что не хочешь быть жестоким со мною.

– Вот потому-то я и согласен, чтобы ты имела любовника. Только пойми правильно: пусть будет любовник, но никаких побочных детей. Такого ребенка я не признаю. Я не стану запрещать тебе любовных связей – пока ты остаешься осмотрительной и бездетной. В сложившихся условиях просто глупо действовать иначе. Только не вздумай злоупотреблять моим доверием. Речь идет о троне, и я определяю, кто унаследует его. Не сестры Бене Гессерит, не Гильдия, а я. Этого права я добился, сокрушив легионы сардаукаров твоего отца на равнине под Арракином.

– Ты сам выбрал свою судьбу, – ответила Ирулан, резко повернулась и вылетела из гостиной.

Заново припомнив всю стычку, Пол сосредоточился на мыслях о Чани, сидевшей на их ложе. Понимал он и двойственность своего отношения к Ирулан, понимал и фрименскую правоту Чани. В иных обстоятельствах обе женщины вполне могли быть подругами.

– И что ты решил? – спросила Чани.

– Никакого ребенка, – ответил он.

Чани указательным и большим пальцами левой руки изобразила символ криса, священного ножа фрименов.

– Может дойти и до этого, – согласился он.

– Почему ты считаешь, что ребенок не поможет разрешить проблему Ирулан?

– Предположить такое мог бы только дурак.

– Дорогой мой, я вовсе не дура.

Пол почувствовал, как в нем поднимается гнев.

– Этого я тебе никогда не говорил. Но сейчас речь не о сентиментальном романе, сочиненном писателями. Ирулан – самая настоящая принцесса, воспитанная среди всех гнусных интриг Императорского двора. Строить козни для нее столь же естественно, как строчить свои дурацкие истории!

– Любимый, они вовсе не дурацкие.

– Возможно, ты права, – Пол подавил свой гнев и взял ее за руку. – Извини. Просто у этой женщины на уме одни заговоры... заговор в заговоре. Если я уступлю хотя бы одной из ее претензий, то этим только поощрю ее на другие.

– Разве не я это тебе всегда говорила? – ласковым голосом ответила Чани.

– Говорила, конечно. – Пол пристально посмотрел на Чани. – Тогда что же ты хочешь сказать мне еще?

Она прилегла возле него и приникла головой к плечу.

– Они уже решили, как им бороться с тобой, – проговорила она. – От Ирулан просто разит тайными замыслами.

Пол погладил ее по голове.

Чани умела отсеять несущественные детали.

Вновь прихлынуло ощущение ужасной судьбы, кориолисовой бурей оно терзало глубины души, сотрясая все его существо. Тело его ведало многое, что еще не открывалось сознанию.

– Чани, любимая, – прошептал он, – если бы ты знала, чего бы только я не дал за то, чтобы покончить с джихадом и помешать Квизарату сделать из меня бога.

– Но ты мог бы прекратить все это одним только словом, – затрепетав, сказала она.

– О нет. Даже если я умру, одно мое имя поведет их вперед. Стоит только подумать, что имя Атрейдесов связано со всей этой религиозной бойней...

– Но ты же – Император! Ты же...

– Я просто украшение – фигура на носу корабля. Если тебе навязали роль божества, отказаться от нее ты не властен. – Он с горечью усмехнулся. Из будущего на него

глядели еще не родившиеся династии. Он ощущал, как гибнет в оковах судьбы его человеческая сущность и остается только одно имя. – Я был избран, – прошептал он. – Может быть, еще при рождении… но уж меня-то, во всяком случае, не спросили… Я был избран.

– А ты отвергни это избрание, – ответила она.

Он крепче обнял ее за плечи.

– В свое время, любимая. Дай мне еще хоть чуточку времени.

Слезы щипали его глаза.

– Вернемся в сиетч Табр, – сказала Чани, – в этом каменном шатре столько лишних хлопот.

Он кивнул, прижавшись подбородком к гладкой косынке, прикрывавшей ее волосы. Как всегда, от нее пахло Пряностью.

Сиетч. Слово древнего языка чакобса поглотило его внимание: укрытие, надежное и спокойное место во времена бед. Слова Чани заставили его затосковать по просторам Пустыни, где любой враг виден издалека.

– Племена ждут возвращения Муад'Диба, – сказала она и подняла голову, чтобы видеть его лицо. – Ты наш.

– Я принадлежу своей миссии, – прошептал он.

Он подумал о джихаде, о дрейфе генов через парсеки и парсеки, разделяющие звезды, о видении, сулившем окончание бойни. Сумеет ли он заплатить за это все, что должен? Тогда угаснет ненависть, подернется пеплом, словно костер… уголек за угольком. Но… о! Цена будет страшной!

«Я не хотел быть богом, никогда не хотел, – думал он. – Я просто хотел исчезнуть, как блистающая росинка с наступлением утра. Я хотел быть не с ангелами и не с проклятыми… просто быть – хотя бы и по чьему-то недосмотру».

– Так мы возвращаемся в сиетч? – настаивала Чани.

– Да, – прошептал он, подумав: Пора платить.

Глубоко вздохнув, Чани вновь прижалась к нему.

Я просто увиливаю, подумал он. Любовь и джихад правят мною. Что такое одна жизнь, пусть беспредельно любимая,

рядом с бесчисленными жизнями, которые унесет джихад? Как можно сравнивать одно-единственное горе со страданиями миллионов?

– Любимый?.. – вопросительно начала Чани.

Он прикрыл ладонью ее губы.

«Что, если отступить, – думал он, – сбежать, пока я еще способен на это, забиться в дальний уголок пространства? Бесполезно, джихад возглавит и призрак его.

Что ответить? – думал он. – Как объяснить ей прискорбную и жестокую глупость рода людского? Разве поймет даже она?

Как бы мне хотелось сказать им: «Эй, вы! Глядите, реальность не может больше меня удержать. Вот! Я исчезаю! Ни замысел человеческий, ни козни людские не заманят меня более в эту ловушку. Я сам ниспровергаю основанную мною религию! Вот миг истинной славы! Я свободен!»

Пустые слова!»

– Вчера у подножия Барьерной Стены видели большого червя, говорят, длиннее ста метров. Такие гиганты теперь не часто заходят сюда. Вода отпугивает их. Я так считаю. Уже принялись говорить, что он приходил звать Муад'Диба обратно в Пустыню. – Она ущипнула его. – Чего смеешься?

– И не думаю.

Застигнутый врасплох упрямым фрименским суеверием, Пол почувствовал, как вдруг сжалось сердце: его захлестнул адаб – воспоминание, что приходит само собой. Он вспомнил детскую на Каладане, темную ночь среди каменных стен... Видение! Это было одно из первых. Ум его словно нырнул теперь в это видение, и словно сквозь туманную дымку он увидел цепочку фрименов в одеждах, пропыленных Пустыней. Проходя мимо расщелины в высоких скалах, они уносили с собой длинный, обернутый в ткань сверток.

Тогда Пол услышал собственные слова:

– Все это было так невозможно прекрасно, и ты была прекраснее всего...

Адаб отпустил его.

– Ты вдруг замолк и замер, – шепнула Чани. – Что с тобой? – Пол поежился, сел и отвернулся. – Ты сердишься, потому что я ходила на край Пустыни? – спросила Чани. Не говоря ни слова, он покачал головой. – Я пошла туда только потому, что хочу ребенка, – произнесла Чани.

Пол не мог говорить. Грубая власть забытого видения не отпускала его. Ужасное предназначение! В этот миг вся жизнь его была дрогнувшей ветвью, с которой слетела птица... птица по имени Случай. Свободная воля.

«Я сдался искушению, подчинился пророческому дару», – подумал он.

Он видел, что подобное искушение в конце концов оставит перед ним только один путь. Может быть, видение не предсказывает будущее? Может быть, оно само его создает? Или же вся жизнь его мотыльком запуталась в паутине, а паук-грядущее подступает все ближе и ближе, шевеля хищными жвалами?

Припомнилась аксиома Бене Гессерит: прибегнув к помощи грубой силы, становишься бесконечно уязвимым для еще больших сил.

– Я знаю, ты сердишься, – произнесла Чани, тронув его за руку. – Я знаю, что племена возвращаются к старым обрядам, к кровавым жертвоприношениям, но я не принимала в них участия.

Пол глубоко, с дрожью, вздохнул. Поток видения разлился, оставив ровную обширную гладь, под которой струились неподвластные ему титанические силы.

– Ну, пожалуйста, – умоляла его Чани, – я хочу ребенка, нашего ребенка. Разве это ужасно?

Пол погладил ее руку, которой она прикоснулась к нему, отодвинулся. Выбравшись из постели, он погасил плавающие лампы, подошел к окну над балконом, отодвинул шторы. Глубокой Пустыне не было пути сюда, только запахом могла она дотянуться до покоев Императора. Прямо перед его глазами уходила в небо высокая стена. Косые полосы лунного света легли на обнесенный стенами сад, неусыпные

деревья шелестели широкими влажным листьями. Сквозь листву поблескивала гладь пруда. В тени угадывались яркие цветы. На миг он увидел этот сад глазами фримена: чуждое и страшное место, опасное безумным расточительством влаги.

Он вспомнил продавцов воды, чью торговлю он подорвал своими щедрыми раздачами. Они ненавидели его. Он убил прошлое. А были и другие, копившие жалкие гроши, чтобы купить потом на них драгоценную воду, – они тоже его ненавидели: за то, что он изменил древний путь. По велениям Муад'Диба менялась экология планеты, и люди сопротивлялись переменам. Не самонадеянно ли думать, гадал он, что я и впрямь распоряжаюсь всей планетой – решаю, где, как и чему расти на ней? Но даже если бы это и было возможным, как быть со Вселенной? Не опасается ли и она чего-то подобного с его стороны?

Резким движением он задернул занавеси. В темноте он обернулся к Чани, почувствовал: она ждет его. Водные кольца ее позвякивали, словно колокольчики на кружках для подаяния у пилигримов. Устремившись на звук, он нашел ее протянутые к нему руки.

– Любимый, – шепнула она, – это я тебя расстроила?

И обхватила его руками, защищая от будущего.

– Нет, не ты, – отвечал он. – Ох... не ты.

* * *

Явление в мир лучемета и силового щита, двух видов оружия, обреченных на взрывное взаимоуничтожение, несущее гибель и нападающему, и обороняющемуся, определило структуру отраслей оружейной промышленности. Не станем вдаваться в особую роль атомной технологии. Верно, что любая из Семей, стоящих у власти в нашей Империи, способна уничтожить не менее пятидесяти планетарных баз других семейств. Да, этот факт вызывает определенное беспокойство. Но у всех давно уже готовы планы осуществления сокрушительного возмездия. Ключи от этой силы в руках Гильдии и Ландсраада. Меня же заботит развитие человека как самостоятельного вида оружия. Здесь мы имеем в настоящее время неограниченное поле деятельности, интересовавшее до сих пор лишь немногих.

Муад'Диб. Из лекции в Военном колледже. «Хроники Стилгара»

Стоящий на пороге своего дома старик глядел на гостя синими-на-синем глазами. Во взгляде этом читалось привычное недоверие Пустынного люда ко всем незнакомцам. Щетинистая белая борода не могла прикрыть горьких морщин у рта. Дистикомба на нем не было, утечка влаги через дверной проем его вовсе не беспокоила – это говорило о многом.

Скитале поклонился, приветствуя соучастника условным жестом.

Где-то за спиной старика захлебывались атональные диссонансы семутной музыки – словно рыдал ребенок. Вид старика не обнаруживал признаков наркотического опьянения, значит, к семуте привык здесь не он. Порок весьма неожиданный для Дюны, подумал Скитале, отнюдь не рассчитывавший обнаружить здесь подобной утонченности.

– Привет издалека, – начал Скитале с улыбкой на плоском лице, выбранном для этого случая. Он вдруг подумал, что старику черты его могут показаться знакомыми. Кое-кто из фрименов постарше мог еще помнить Дункана Айдахо.

Выбранный облик, только что так радовавший его, мог оказаться ошибкой. Но Скитале не смел менять здесь лицо.

Он беспокойно оглядывался то вправо, то влево. Почему этот старик все держит его на пороге?

– Ты знал моего сына? – спросил наконец тот.

По крайней мере это было одним из отзывов. Скитале отвечал, как положено, внимательно наблюдая за всем, чтобы не пропустить малейшего признака опасности. Место ему не нравилось – короткая тупиковая улочка кончалась этим домом. Вокруг были жилища, выстроенные для ветеранов джихада. Этот пригород Арракина уходил в Котловину Империи за Тайемаг. Ровную и гладкую поверхность стен из бурой пластали нарушали только темные контуры плотно подогнанных дверей. Кое-где были нацарапаны непристойности. Как раз возле открытой двери надпись мелом объявляла, что некий Берис вернулся на Арракис с гнусной болезнью, лишившей его признаков мужественности.

– Ты пришел не один? – спросил старик.

– Один, – отвечал Скитале.

Старик кашлянул, все еще не оставляя дурацкую нерешительность. Вся опасность и крылась в подобных контактах. У старика могли найтись свои причины для колебаний. Впрочем, час был выбран правильно. Солнце стояло почти над самой головой. Жители квартала, наглухо закупорив двери, проводили самую жаркую часть дня в дремоте.

«Или же старика тревожит новый сосед?» – думал Скитале. Соседский дом принадлежал Отхейму, бывшему федайкину, воину-смертнику Муад'Диба. Биджас, карлик-тлейлаксу, дожидался у Отхейма своего часа.

Скитале поглядел на старика, заметил пустой рукав, отсутствие дистикомба. В манере держаться чувствовалась привычка командовать. Перед ним был далеко не рядовой участник джихада.

– Могу ли я узнать имя своего гостя? – спросил старик.

Скитале подавил вздох облегчения. Слова говорили, что его в конце концов принимают.

– Я – Заал, – отвечал он, называя выбранное для этой встречи имя.

– А я – Фарук, – отвечал старик, – бывший башар Девятого легиона. Что тебе говорит это имя?

Чувствуя угрозу в его словах, Скитале ответил:

– Ты был рожден в сиетче Табр, под рукой Стилгара.

Фарук расслабился, отступил в сторону.

– Добро пожаловать в мой дом.

Скитале вступил на вымощенный синими изразцами пол тенистого атриума. На стенах искрился выложенный из блестящих кристаллов узор; свет, лившийся из прозрачных фильтров, был неярок и серебрист, как при полной Первой Луне. За его спиной входная дверь улеглась в уплотнительные пазы.

– Мы были благородным народом, а не изгоями, – говорил Фарук, провожая гостя в крытый дворик. – Жили мы тогда не в поселках, не в этих грабенах. У нас был настоящий сиетч в скалах Барьерной Стены, за хребтом Хаббанъя. Один червь, переходом в один манок, мог донести нас в Кедем, в глубокую Пустыню.

– Все было иначе, – согласился Скитале, догадавшийся теперь, почему старик принял участие в заговоре: он тосковал по былому, по прежним временам и путям.

Они вступили в дворик. Фарук все старался преодолеть неприязнь к гостю: глаза того были лишены синевы Ибада, а Вольный Народ не доверял таким людям. Чужаки, как утверждали фримены, вечно ухитряются своим бегающим взглядом увидеть то, чего им не положено.

Когда они вошли, музыка семуты смолкла. На смену ей пришел перезвон балисета, за девятиструнным аккордом полились чистые звуки мелодии… песню эту любили в Нараджийских мирах.

Когда глаза привыкли к полумраку, Скитале увидел юношу, сидевшего, скрестив ноги, на невысоком диване справа под аркой. Глазницы его были пусты. Со сверхъестественной чувствительностью слепого он запел, едва Скитале поглядел на него. Зазвенел высокий приятный голос:

А ветер все дул и унес песок,
Сдул землю и небеса,
И всех людей!
Кто Он, этот ветер?
Деревья стоят, шелестя листвой.
Раньше здесь пили мужи.
Зачем, я увидел столько миров,
Столько мужей?
Столько деревьев?
И этот ветер?

Прежде у этой песни были совсем другие слова, подумал Скитале. Фарук отвел его подальше от молодого человека – под арку на противоположной стороне, показал на разбросанные по плиткам пола подушки. На изразцах пола были изображены морские твари.

– Вот подушка, на которой в сиетче однажды сидел сам Муад'Диб, – сказал Фарук, указывая на круглый черный контур. – Теперь она ждет тебя.

– Я в долгу перед тобой, – отвечал Скитале, опускаясь на мягкую черную горку. Он улыбался. Фарук был мудр. Он умел показать свою верность, даже внимая двусмысленным песням и тайным вестям. Кто может отрицать ужасающие способности тирана-Императора?

Размеренно произнося слова, чтобы не нарушать ритма музыки, Фарук спросил:

– Не мешает ли тебе пение моего сына?

Скитале прислонился спиной к прохладному столбу, поглядел на певца:

– Мне нравится музыка.

– Мой сын потерял глаза в боях за Нарадж, – проговорил Фарук. – Его вылечили, но лучше бы он там и остался. Женщины нашего народа не станут глядеть на него. Впрочем, разве не забавно, что на Нарадже у меня есть внуки, которых я могу так и не увидеть? Знаешь ли ты, Заал, миры Нараджа?

– В дни моей юности я выступал там в труппе лицеделов, – отвечал Скитале.

– Значит, ты – лицедел, – проговорил Фарук. – Меня удивило твое лицо. Оно напомнило мне человека, которого я знал когда-то.

– Дункана Айдахо?

– Да, его. Мастера-фехтовальщика Императора.

– Говорили, что он погиб.

– Так говорили, – согласился Фарук. – Неужели ты действительно мужчина? О лицеделах говорят, что... – он передернул плечами.

– Все мы гермафродиты Яддаха, – отвечал Скитале, – пол наш меняется по желанию. Сейчас я мужчина.

Фарук задумчиво закусил губу и произнес:

– Не хочешь ли подкрепиться? Воды? Или охлажденных фруктов?

– Достаточно беседы, – ответил Скитале.

– Воля гостя – закон, – поклонился Фарук, усаживаясь лицом к гостю на другую подушку.

– Благословен еси Абу д'Дхур, Отец Бесконечных Дорог Времени, – произнес Скитале, думая: «Вот! Я все сказал ему: я пришел от навигатора Гильдии и пользуюсь его покровительством».

– Трижды благословен, – ответил Фарук, ритуальным жестом складывая руки на коленях. Натруженные, покрытые венами кисти.

– Издалека видишь только общие контуры, – начал Скитале, намекая, что хотел бы поговорить о цитадели Императора.

– Но тьму и зло не примешь за их противоположность, как бы далеко они от тебя ни были. – Ответ Фарука заключал совет не торопиться.

«Почему?» – подумал Скитале. Но спросил только:

– Как твой сын потерял зрение?

– Защитники Нараджа воспользовались камнежогом, – отвечал Фарук. – Сын мой оказался совсем рядом. Проклятое

атомное оружие! Камнежог тоже следовало бы запретить законом.

– Это отвечало бы букве закона, – согласился Скитале и подумал: «Камнежог на планетах Нараджа! Нам не сообщали об этом. Но зачем старик завел здесь речь об этом оружии?»

– Твои хозяева предлагали мне купить для него искусственные глаза тлейлаксу, – продолжал Фарук, – но в легионах говорят, что такие глаза порабощают его владельца. Сын сказал тогда, что глаза эти – металл, а он из плоти, сочетать то и другое греховно!

– Но предмет должен отвечать своему назначению, – проговорил Скитале, стараясь направить разговор в нужную ему сторону.

Сжав губы, Фарук кивнул:

– Говори прямо, что тебе нужно, – сказал он, – приходится доверять вашему навигатору.

– Ты когда-нибудь был в Императорской цитадели?

– Я был там на пиру в годовщину победы на Молиторе. Было холодно, несмотря на самые лучшие иксианские обогреватели. Еще бы, в сплошном-то камне! Ночь мы провели на террасе Храма Алие. Он насадил там деревья из многих миров, ты это знаешь. Все башары были облачены в лучшие одеяния зеленого цвета, повсюду были расставлены столики – вместо общего стола. Мне многое там не понравилось. Пришли инвалиды на своих костылях. Неужели наш Муад'Диб не знает, сколько людей ради него стали калеками?

– Тебе не понравился пир? – спросил Скитале, зная, что оргии фременов подогревались меланжевым пивом.

– Все было так не похоже на привычное слияние душ, – кивнул Фарук, – в сиетче это было иначе. Там нас объединяло тау. На пиру развлекали рабыни, мы вспоминали раны и битвы.

– Так, значит, ты был в этой каменной громаде, – гнул свое Скитале.

– Муад'Диб вышел к нам на террасу, – продолжал Фарук, – пожелал нам удачи по обряду Пустыни – это в таком-то месте!

– Знаешь ли ты, где расположены его личные апартаменты? – спросил Скитале.

– Где-то в самой сердцевине, глубоко внизу, – отвечал Фарук. – Говорят, они с Чани там, в недрах своей твердыни, живут по обычаям странников Пустыни. В большой зал он является лишь для аудиенций. Там много приемных и залов для совещаний. Целое крыло отведено его телохранителям, есть и помещения для церемоний, и ходы сообщения. А в глубинах под этой крепостью, на самом ее дне, он содержит окруженного водой оцепенелого червя, чтобы всегда можно было отравить его. Там он и взирает на будущее.

«Сказки перемешаны с фактами», – подумал Скитале.

– Правительственные чиновники сопровождают его повсюду, – ворчал Фарук. – Клерки с помощниками, помощниками помощников и их помощниками. Доверяет он лишь таким, как Стилгар, тем, кто был ему близок в прошлые дни.

– Но не тебе, – вставил Скитале.

– Он и думать забыл о моем существовании, – проговорил Фарук.

– А как он входит и выходит из этого сооружения? – спросил Скитале.

– Говорят, что на внутренней стене есть небольшая посадочная площадка для топтера, – ответил Фарук. – Муад'Диб никому не доверяет управление топтером, когда садится там. Надо знать, как подлетать к этому месту, при малейшей неточности аппарат разобьется об отвесную стену и рухнет в эти проклятые сады.

Скитале кивнул. Почти наверняка так оно и было. Еще одна предосторожность. Сами-то Атрейдесы всегда были превосходными пилотами.

– И дистрансы его носят люди, – возмущался Фарук. – Так замарать человека – вживлять людям модуляторы! Голос

человека должен принадлежать ему одному. Позор передать чье-то послание, спрятанное в твоих словах.

Скитале передернул плечами. Все политики теперь использовали дистранс. Никто не мог сказать заранее, какие преграды встанут на пути между отправителем и адресатом. Дистранс позволил обойтись без шифров, в нем все определялось тончайшими оттенками естественных звуков, запечатленных во всей своей сложности.

– Даже его налоговые службы пользуются тем же методом, – жаловался Фарук. – В мое время дистранс вживляли только низшим животным.

Но финансовую информацию и следует держать в тайне, подумал Скитале. Сколько правительств пало, когда народы их вдруг обнаруживали действительные масштабы богатства властей.

– И как же в когортах фрименов относятся теперь к джихаду? – спросил Скитале. – Может быть, им не нравится, что из Императора делают бога?

– Большинству все равно, – отвечал Фарук, – в основном они думают о джихаде так же, как и сам я когда-то относился к нему... Муад'Диб дал нам испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство. Эта хибара посреди грабена, – Фарук обвел рукой свое жилище, – оценивается в шестьдесят лид Пряности. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить не мог ничего подобного этой роскоши. – Он с осуждением качнул головой.

В аркаде напротив слепой юноша стал наигрывать на балисете любовную балладу.

Девяносто контаров, думал Скитале, странно. Огромное богатство. «Хибара» Фарука на многих мирах покажется дворцом. Но все относительно... и контар тоже. Интересно, знает ли сам Фарук, откуда взялась эта мера веса, которой взвешивают Пряность? Наверняка он даже не задумывался о том, что земной верблюд мог поднять лишь контар с половиной. Фарук, конечно же, даже не слыхал ни о Золотом Веке Земли, ни о верблюдах.

Со странной интонацией, следуя голосом за мелодией балисета, Фарук произнес:

– Был у меня крис, водяные кольца на десяток литров, копье, что принадлежало прежде отцу, кофейный прибор, бутылка красного стекла, такая древняя, что никто в сиетче не знал, когда она была сделана. И доля в добыче Пряности. Я был богат, но даже не ведал об этом. Было у меня две жены. Одна, пусть и не красавица, была дорога мне, вторая, упрямая и глупая, телом и лицом походила, зато на ангела. Я был наиб среди фременов, наездник Пустыни, покоритель червя и хозяин песков.

Юноша, напротив, подхватил сложный ритм речи Фарука и вплел его в мелодию, пристукивая по деке балисета.

– Сам того не ведая, я знал многое, – говорил Фарук. – Знал, где Маленькие Податели стерегут воду в недрах Пустыни. Знал, что предки мои приносили девственниц в жертву Шаи-Хулуду... Это Лиет-Кинес заставил их бросить этот обряд. Напрасно послушались они его!.. И я видел, как сверкают драгоценности в пасти червя... У души моей было четверо врат, и я знал их.

Задумавшись, он умолк.

– А потом явился Атрейдес со своей матерью-колдуньей, – проговорил Скитале.

– А потом явился Атрейдес, – согласился Фарук. – Тот самый, который звался Усулом среди людей сиетча. Наш Муад'Диб, наш Махди! И когда он призывал нас к джихаду, я был среди тех, кто спрашивал: что нужно мне в этих дальних краях? За кого стану я там сражаться? Родни там у меня нет, но другие мужчины, умные и молодые, друзья-приятели с самого детства, ушли и возвратились, а потом начался разговор о колдовском могуществе этого «спасителя» из Атрейдесов. Да, он воевал с нашими врагами, харконненцами. Его благословил Лиет-Кинес, обещавший нам рай на нашей планете. Говорили, что этот самый Атрейдес явился, чтобы преобразить этот мир и нашу Вселенную, и что в руках его ночью расцветает золотой цветок...

Фарук поднял руки, поглядел на ладони.

– Люди показывали на Первую Луну и говорили: душа его там. Его и называли Муад'Дибом. Я не понимал тогда, о чем речь.

Опустив руки, он поглядел через дворик на сына.

– В голове моей не было дум. Только забота о сердце, пузе и чреслах.

Музыка стала громче.

– Знаешь ли ты, почему я подался в джихад? – Старые глаза жестко глядели на Скитале. – Я слыхал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь, среди дюн. У нас нет морей. Люди Дюны никогда не знали моря. У нас были только ветровые ловушки. Мы все собирали воду для великой перемены, которую сулил Лиет-Кинес... Той великой перемены, которую Муад'Диб совершил мановением руки. Я могу себе представить канал, в котором вода течет по пустыне. Значит, могу представить и реку. Но море...

Фарук глядел вверх на прозрачный потолок, словно пытаясь разглядеть за ними Вселенную.

– Море, – повторил он негромко. – Мой ум даже представить не мог его величия. Но я знал людей, которые утверждали, что видели подобное чудо. И я решил, что они лгут, но все-таки хотел убедиться в этом сам. Тогда-то я и записался в поход.

Юноша взял громкий финальный аккорд и затянул новую песню в странном неровном ритме, подыгрывая себе на балисете.

– И ты нашел свое море? – спросил Скитале.

Фарук молчал, и Скитале подумал, что старик не расслышал. Звуки балисета накатывались и разбивались волнами прибоя.

– Однажды был закат, – медленно проговорил Фарук. – Как на картинах старых мастеров. Красный, как моя бутылка. А еще золотой... и синий. Было это в мире, который зовется Энфейль, там я вел свой легион к победе. Мы шли

по горному ущелью, и воздух уже изнемогал от воды. Я едва мог дышать. И вдруг внизу оказалось то самое, о чем говорили друзья: вода, вода – и ничего, кроме воды. Мы спустились. Я вошел в воду и пил. Горькая вода, неприятная. Мне потом было нехорошо от нее. Но чудо это навсегда запомнилось мне.

Скитале чувствовал, что и сам разделяет осенившее старого фримена чудо.

– Потом я погрузился в воды этого моря, – говорил Фарук, глядя на плитки пола, на морских тварей. – Из воды я поднялся другим человеком... Мне казалось, что могу припомнить даже такое, чего никогда не знал. Я озирался вокруг глазами, которые смогли бы тогда увидеть все... да, все. На волнах раскачивалось тело убитого – нам оказывали сопротивление. А еще поблизости на воде качалось бревно, огромный ствол дерева. Закрывая глаза, я и сейчас вижу его. Один конец был черным – обугленным. А еще в воде плавала какая-то желтая тряпка – грязная, рваная. Я глядел на все это и понимал, почему они здесь. Мне было предначертано их увидеть.

Медленно повернувшись, Фарук заглянул в глаза Скитале.

– Сам знаешь, Бог еще не закончил творить Вселенную, – проговорил он.

Болтлив, но глубок, подумал Скитале и сказал:

– Понимаю, море произвело на тебя глубокое впечатление.

– Ты – тлейлаксу, – проговорил Фарук, – ты видел много морей, а я – только одно, но о морях я знаю такое, что не было открыто тебе.

Скитале почувствовал странное беспокойство.

– Матерь Хаоса рождена была в море, – проговорил Фарук. – Наш квизара тафвид стоял рядом, когда я вышел из вод, промокший до нитки. Он не входил в волны. Он стоял на песке... на мокром песке, а возле него толпились те немногие из моих воинов, кто разделял его страх. Он смотрел

на меня такими глазами… он понимал – я узнал такое, чего ему уже не узнать. Я приобщился к морю, и это испугало его. Море исцелило меня от джихада, кажется, он понял это.

Скитале вдруг осознал, что музыка давно умолкла. И рассердился на себя за то, что не помнил мгновения, когда затих балисет.

И словно все это имело отношение к его воспоминаниям, Фарук произнес:

– Охраняются все ворота. В цитадель Императора не попасть.

– Это ее слабость, – проговорил Скитале.

Фарук напряженно вытянул шею, ожидая продолжения.

– Путь внутрь существует, – пояснил Скитале, – и по большей части люди, в том числе и сам Император, как мы надеемся, не подозревают об этом… Что может послужить нам на пользу. – Он потер губы, чувствуя чужеродность выбранного им облика. Молчание музыканта встревожило Скитале; не означает ли оно, что сын Фарука передал всю необходимую информацию сжатой в музыкальные фразы? Теперь она была запечатлена в нервной системе самого Скитале, и в нужный момент ее можно будет извлечь оттуда с помощью дистранса, вживленного в кору надпочечников. Если сообщение действительно завершено – он уже несет в себе неизвестные фразы, словно сосуд, наполненный сведениями: именами заговорщиков, всеми условными фразами – каждой подробностью заговора на Арракисе… ценная информация.

Эти знания позволяли им одолеть Арракис, захватить песчаного червя, увезти его за пределы власти Муад'Диба, начать производство меланжи на иной планете. Теперь монополию можно было разрушить, обрекая этим на падение Муад'Диба. Да, зная все это, можно было сделать многое.

– Женщина здесь, – проговорил Фарук. – Ты хочешь ее видеть?

– Я уже видел ее, – отвечал Скитале. – И внимательно изучил. Где она?

Фарук щелкнул пальцами.

Юноша поднял ребек, приложил к нему смычок. Струны зарыдали, исторгая музыку семуты. Словно привлеченная ею, из двери позади музыканта показалась молодая

женщина в синем платье. Бездонно-синие «глаза Ибада» на ее лице застыли в наркотическом отупении. Фрименка привыкла к Пряности, но теперь ее поглотил и инопланетный порок. Сознание ее утопало в восторгах среди мелодий семуты, затерялось далеко-далеко.

– Дочь Отхейма, – проговорил Фарук. – Мой сын дал ей наркотик, надеясь, что так он обретет женщину из Народа, несмотря на свою слепоту. Только это оказалась бесплодная победа. Тот выигрыш, на который он рассчитывал, достался семуте.

– Ее отец знает?

– Она сама ничего не подозревает. Сын мой придумал любовные воспоминания, что связывают их. В забытье она считает их своими. Ей кажется, что она любит его. Ее семья тоже верит в это. Все они в гневе, потому что сын мой – калека, но мешать им не станут.

Музыка постепенно умолкла.

Подчиняясь жесту музыканта, молодая женщина уселась возле него и нагнулась, чтобы расслышать его шепот.

– Что ты делаешь с ней? – спросил Фарук.

Скитале вновь оглядел дворик:

– Кто еще находиться в этом доме?

– Мы все перед тобой, – отвечал Фарук. – Но ты не сказал еще мне, зачем тебе женщина? Мой сын хочет знать это.

Скитале поднял правую руку, словно собираясь ответить, – и блестящая иголка, вылетев из рукава, вонзилась в шею Фарука. Ни крика, ни звука, никто не шелохнулся. Через минуту Фарук будет мертв, но пока старик еще сидел, оцепенев под действием яда.

Потом Скитале медленно поднялся на ноги и подошел к слепому музыканту. Тот еще что-то шептал женщине, когда вторая игла нашла и его.

Скитале взял женщину за руку, мягко потянул, поднимая с пола, изменив свой внешний вид прежде, чем она подняла на него глаза.

– Что случилось, Фарук? – спросила она.

– Мой сын устал, пусть отдохнет, – проговорил Скитале. – Пойдем, выйдешь через заднюю дверь.

– Мы так хорошо поговорили, – произнесла она, – кажется, я убедила его купить глаза у тлейлаксу. Они вновь сделают его мужчиной.

– Сколько раз я уже говорил это? – спросил Скитале, подталкивая ее к двери.

Голос его, с гордостью подумал Скитале, в точности соответствовал обличью. Голос старика фримена… он уже умер, конечно.

Скитале вздохнул. Он ведь действительно испытывал сочувствие к своим жертвам, да и они не могли не знать, что находятся в опасности. А теперь следует предоставить последний шанс женщине.

* * *

Во время своего становления империи не страдают отсутствием целей. Только когда к ним приходит стабильность, цели теряются, уступая место утратившему смысл ритуалу.

Принцесса Ирулан. «Избранные речения Муад'Диба»

Совещание Императорского совета не ладилось. Алия сразу почувствовала, что напряженность успела, как следует окрепнуть. Это было заметно по тому, как Ирулан старалась не смотреть на Чани, Стилгар нервно перекладывал бумаги, Пол хмуро глядел на Корбу, Верховного Квизара Тафвид.

Алия села в конце золотого стола. В окнах, выходящих на балкон, пылало полуденное солнце.

Корба, замолкший, когда она появилась, вновь обратился к Полу:

– Я хочу сказать, сир, что теперь богов стало меньше, чем прежде.

Закинув голову, Алия расхохоталась. Черный капюшон ее абы соскользнул с головы: синие-на-синем «глаза

Ибада», овальное лицо матери под шапкой бронзовых волос, широкий полногубый рот.

Выступивший на щеках Корбы румянец был едва ли ярче его оранжевого одеяния. Он яростно поглядывал на Алию – кипящий гневом гном, сердитый и лысый.

– А знаешь ли ты, что говорят о твоем брате? – дерзко спросил он.

– Могу сказать, что говорят о твоем Квизарате, – парировала Алия. – Вы не слуги бога, вы – шпионы его.

Корба взглядом попросил поддержки у Пола и произнес:

– Мы посланы заповедью Муад'Диба – дабы знал он правду о людях своих, а они о нем.

– Шпионы, – повторила Алия.

Корба, надувшись, умолк.

Пол посмотрел на сестру, удивляясь, почему она принялась дразнить Корбу. Он вдруг заметил, какой женственной сделалась Алия, в первом цветении невинной юности. Непонятно было, как он ухитрялся до сих пор не замечать этого. Ей было пятнадцать, нет, почти шестнадцать: Преподобная Мать – девственница, невинная жрица, объект трепетного поклонения суеверных масс – Алия, Дева Ножа.

– Сейчас не время и не место для легкомысленных выходок твоей сестрицы, – заметила Ирулан.

Не обращая внимания на выпад, Пол кивнул Корбе.

– Площадь полна паломников. Выйди и возглавь их молитву.

– Но они ожидают вас, милорд, – отвечал тот.

– Надень тюрбан, издали никто не догадается, – отмахнулся Пол.

Заставив себя подавить раздражение, вызванное подобным пренебрежением, Ирулан смотрела, как покорно повиновался Корба. Она вдруг тревожно подумала: что, если Эдрик не в силах спрятать ее от Алии? В чем можно быть уверенным, когда речь идет о его сестре?

Стиснув руки на коленях, Чани через стол глядела на дядю своего, Стилгара, первого министра Пола. Кто знает,

не снедает ли старого фрименского наиба вечная тоска по простой жизни Пустынных сиетчей? Черные волосы Стилгара начинали седеть, но глаза под тяжелыми веками зоркости не потеряли. «Дикий» ... в бороде его еще был заметен след от трубки дистикомба.

Потревоженный взглядом Чани, Стилгар оглядел Палату Совета.

Сквозь выходящее на балкон окно был виден Корба. Он благословлял толпу, простерев к ней руки, и вечернее солнце озаряло его багровыми отблесками. На миг Стилгару показалось, что придворный квизара тафвид распят в огненным колесе. Корба опустил руки, видение исчезло, но потрясение не проходило. Мысли Стилгара обратились к раболепным просителям, ожидавшим в приемном зале, ко всей ненавистной помпе, окружавшей трон Муад'Диба.

«Разговаривая с Императором, всякий стремится обнаружить его ошибки и слабости, – подумал Стилгар. – Святотатство. Но уж таков человек».

Корба вернулся, и вместе с ним в Зал Совета ворвался далекий гул толпы.

Дверь балкона с глухим стуком легла на уплотнение, пригасив доносящиеся снаружи звуки.

Пол внимательно глядел на священнослужителя. Корба уселся по левую руку его, озираясь остекленевшими глазами фанатика. Миг религиозный власти всегда приносил ему упоение.

– Дух посетил нас, – произнес он.

– Благодари за это господа, – отвечала Алия.

Губы Корбы побелели.

Пол посмотрел на сестру, озадаченный мотивами ее поступков. Невинная внешность ее обманчива, он прекрасно понимал это. Она ведь тоже плод генетической программы Бене Гессерит, как и он сам. У нее тоже гены Квисатц Хадераха. Но между ними всегда было таинственное различие – ведь когда мать их, леди Джессика, преобразила в себя яд меланжи, Алия была еще крохотным эмбрионом,

маленьким зародышем в материнском чреве. Мать и дочь стали Преподобными одновременно. Но одновременность не означает идентичности.

Алия рассказывала ему, как в единый страшный миг она обрела сознание, как в память ее хлынули все несчетные жизни, которые мгновенно проживала тогда ее мать.

– Я была и нашей матерью, и всеми остальными сразу, – говорила она. – Еще не доношенная и не рожденная, я стала старухой.

Алия почувствовала, что Пол думает о ней, и улыбнулась брату. Выражение его лица смягчилось. «Действительно, на Корбу нельзя смотреть без улыбки, – подумал он. – Что может быть забавнее воина-смертника, ставшего жрецом?»

Стилгар зашелестел бумагами:

– Если повелителю угодно, – обратился он к Полу, – рассмотрим срочные дела, не допускающие промедления.

– Тупайльский договор? – спросил Пол.

– Гильдия требует, чтобы мы подписали его вслепую, не имея информации об истинном расположении планет Тупайльской Антанты, – проговорил Стилгар. – Кое-кто из делегатов Ландсраада поддерживает их.

– Что в этом неотложного? – спросила Ирулан.

– Это решает мой Император, – отвечал Стилгар. В строгой формальности ответа консорт-принцесса услышала всю его недоброжелательность по отношению к ней.

– Мой повелитель и муж, – обратилась Ирулан к Полу, требуя внимания.

Подчеркивать различия в титулах в присутствии Чани, подумал Пол, – это слабость со стороны Ирулан. В подобные минуты он вполне разделял неприязнь Стилгара к принцессе, хотя сочувствие и умеряло эмоции. Бедная пешка в руках сестер Бене Гессерит.

– Да? – ответил Пол.

Ирулан бросила на него взгляд.

– А если задержать отгрузку меланжи?

Чани неодобрительно покачала головой.

– Мы действуем с осторожностью, – ответил Пол. – Тупайле остается местом убежища для потерпевших поражение Великих Домов. Это символ последней надежды, последний приют для всех наших подданных. Если место нахождения убежища становится явным – оно перестает быть безопасным.

– Раз они умеют прятать людей, – пробасил Стилгар, – значит, прячут еще что-нибудь. Армию, например, или попытки развести песчаного червя...

– Нельзя загонять людей в угол, – произнесла Алия, – если ты хочешь, чтобы они соблюдали мир. – К собственному прискорбию, она оказалась вовлеченной в общий спор.

– Значит, десять лет переговоров ушли впустую, – произнесла Ирулан.

– Никакое действие моего брата не совершается впустую, – ответила Алия.

Ирулан взяла стилос[15], костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Пол видел, как она боролась с эмоциями методом Бене Гессерит: ушедший в себя взгляд, ровное дыхание. Он едва ли не слышал, как твердит она слова литании. Наконец она произнесла:

– И чего же мы добились?

– Нам удалось вывести из равновесия Гильдию, – ответила Чани.

– Необходимо избежать явной конфронтации, – подчеркнула Алия. – У нас нет желания убивать. Знамя Атрейдесов уже достаточно запятнано кровью.

Она понимает, думал Пол. И почему только они с такой симпатией и ответственностью относятся к этой вздорной вселенной, обители драчливых идолопоклонников, к ее бурным восторгам и тихому блаженству покоя? Может быть, мы должны защитить людей от них самих, подумал он. От ничтожных занятий и пустой болтовни. Они требуют от меня слишком многого. Горло его перехватило. Сколько

[15] Приспособление для письма.

будет еще потерь? Сыновей, надежд? Стоит ли всего этого будущее, открывшееся ему в видении? Кто в далеком будущем напомнит живущим: если бы не Муад'Диб, вас не было бы!

– Отказом в меланже ничего не достигнешь, – произнесла Чани. – Просто навигаторы Гильдии потеряют способность ориентироваться в пространстве и времени. А твои гессеритки не смогут отличить правду от лжи. Многие просто умрут до срока. Расстроятся коммуникации. И кто будет виноват в этом?

– Ну, до этого не дойдет, они не допустят, – ответила Ирулан.

– Разве? – спросила Чани. – С чего бы это? Ведь не Гильдию же станут винить? Она подчеркнуто продемонстрирует свое бессилие.

– Мы подпишем договор, как он есть, – решил Пол.

– Милорд, – произнес Стилгар, не поднимая глаз от стола, – всем нам в голову приходит один и тот же вопрос.

– Да? – Пол внимательно посмотрел на старого фримена.

– Вы обладаете известными... силами, – произнес Стилгар. – Разве вы не можете обнаружить миры Антанты без помощи Гильдии?

«Силами! – подумал Пол. – Стилгар мог бы сказать прямо: ты ведь знаешь будущее... значит, можешь обнаружить в грядущем и тот путь, что ведет к Тупайле!

Пол глядел на золоченую поверхность стола. Вечно одно и то же: как объяснить необъяснимое? Разве поймут они естественную неполноту этого странного дарования? И как вообще может человек, чье сознание ни разу не преображала Пряность, воспринимать реальность, не содержащую конкретных сенсорных ощущений?

Он посмотрел на сестру. Та смотрела на Ирулан. Ощутив его взгляд, Алия кивнула в сторону принцессы. Ах-хх... да, любой их ответ непременно попадет в одно из специальных посланий Ирулан сестрам Бене Гессерит. Они все еще пытаются подыскать ключи к своему Квисатц Хадераху.

Но Стилгар заслуживал ответа, Ирулан тоже... в некоторой степени.

– Непосвященные пытаются видеть в предвидении будущего следствие естественного закона, – проговорил Пол, положив руки перед собой. – С равным успехом можно утверждать, что так говорит с нами небо. И что способность прозревать будущее гармонично укладывается в суть человека. Другими словами, предсказание будущего естественным образом определяется подхватившей нас волной настоящего. Конечно же, способность эта маскируется в естественное обличье. Но силой нельзя пользоваться, заранее определив свои цели и намерения. Знает ли щепка, куда несет ее волна? Пророчество не подчиняется причинно-следственным законам. Причины превращаются в возможности или условия, место слияния, встречи различных течений. Допуская возможность предвидения, разум вынужден принимать несовместимые концепции. И потому он отвергает их, а отвергая, становится частью процесса реализации будущего.

– То есть ты не можешь этого сделать? – переспросил Стилгар.

– Если бы я попытался отыскать Тупайле подобным образом, – ответил Пол, глядя прямо на Ирулан, – это скорее всего помогло бы ей укрыться от моего взора.

– Хаос! – пожаловалась Ирулан. – Никакой системы, логики.

– Я же сказал, что эта способность не подчиняется естественному закону, – пожал плечами Пол.

– Значит, твое предвидение не беспредельно? Ты не все можешь увидеть? – настаивала Ирулан.

Но, прежде чем, Пол успел ответить, Алия произнесла:

– Дорогая Ирулан, предвидение безгранично, но бессистемно. Вселенная вовсе не обязана быть упорядоченной.

– Но он говорил...

– Разве может даже брат мой описать границы беспредельного, если они ускользают от разума?

Не надо было Алие говорить это, подумал Пол. Ирулан встревожится. Сознание ее осторожно, она во всем ищет четких границ. Взгляд его обратился к Корбе, тот сидел в позе почтительного поклонения и с трепетом фанатика «внимал всей душой». Теперь и Квизарат осведомлен. Как же – еще одна тайна пророка! Еще один повод к благоговению? Естественно.

– Итак, подписываем договор в его нынешнем виде? – спросил Стилгар.

Пол улыбнулся. По мнению Стилгара, дальнейшие разговоры о силах пророков были излишни. Стилгар всегда стремился к победе, не к истине. Мир, справедливость, твердая валюта – на трех этих китах зиждется вселенная Стилгара, и ему нужен объект реальный и ощутимый – подпись под договором.

– Я подпишу, – ответил Пол.

Стилгар взял другую папку.

– По последним сообщениям командиров полевых частей, в Иксианском секторе возобновилась агитация за конституцию. – Старый фримен поглядел на Чани, та пожала плечами.

Ирулан, сидевшая, закрыв глаза ладонями в мнемоническом трансе, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пола.

– Иксианская конфедерация обещает покорность, но их послы оспаривают размер имперского налога, который...

– Они хотят ограничить волю Императора рамками закона, – произнес Пол, – и кто же собирается править мной: КООАМ или Ландсраад?

Стилгар извлек из папки записки на бумаге-инстрой.

– Этот меморандум один из наших агентов отослал прямо с закрытого заседания фракции меньшинства КООАМ в Ландсрааде. – Ровным голосом он зачитал текст:

– «Следует воспрепятствовать претензиям трона, рвущегося к самовластию. Мы должны поведать всем правду об Атрейдесе, о том, как маневрирует он между тремя

основами – законодательством в лице Ландсраада, религиозной санкцией и бюрократической эффективностью». – Он убрал записку в папку.

– Конституция... – пробормотала Чани.

Пол взглянул на нее, потом на Стилгара... подумал: «Итак, джихад выдыхается, но не настолько быстро, чтобы я сумел уцелеть». Мысль эта вызвала эмоциональную реакцию. Он вспомнил первое видение, открывшее ему ужасы будущего джихада, охватившие его смятение и отвращение. После ему случалось видеть и более кошмарные видения. Вечное насилие повсюду. Своими глазами видел он, как в порыве воинского мистицизма сметают любое сопротивление мстители-фримены. Джихад приобретал новый вид. К счастью, его бытие недолговечно – миг в сравнении с вечностью, – но за ним уже маячили новые кошмары, затмевавшие все, что свершилось.

И все творится моим именем, думал Пол.

– Быть может, лучше даровать им видимость конституции, – предложила Чани, – не реализовывая ее.

– Обман – один из инструментов правителя, – согласилась Ирулан.

– У любой власти есть границы. Воспользоваться им всегда надеются многие из тех, кто добивается конституций.

Почтительно склонившийся Корба выпрямился:

– Мой господин?..

– Да? – отозвался Пол. Вот оно! Именно Корба может испытывать тайные симпатии к надуманной власти закона.

– Конституция может иметь религиозную окраску, – начал Корба, – если обещать кое-что верным...

– Нет! – отрезал Пол. – Будет приказ Совета. Регистрируешь, Ирулан?

– Да, милорд, – отвечала она прохладным тоном, еще раз выражая недовольство ролью секретаря, которую выполняла по его приказу.

– Конституция приводит к окончательному произволу, – начал диктовать Пол. – Окаменелая структура обретает

власть над обществом. Конституция пробуждает дремлющие социальные силы. Они равно сокрушают высоких и низких, любое достоинство и всякую личность. Конституции нестабильны, они неуравновешенны, в них отсутствуют ограничения. И будучи верны Нашему решительному и постоянному стремлению ограждать Наш народ, Мы настоящим запрещаем конституцию как таковую. Дано в Совете сего числа – ставь дату и все такое прочее.

– А как реагировать на озабоченность иксианцев величиной налога, милорд? – спросил Стилгар.

Пол заставил себя оторваться от задумчивого и недовольного лица Корбы и произнес:

– Что ты предлагаешь, Стил?

– Налоги следует контролировать, сир.

– За мою подпись на Тупайльском договоре, – продолжил Пол, – Гильдия уплатит согласием Иксианской конфедерации на наши налоги. Конфедерация торгует, используя корабли Гильдии. Они заплатят.

– Очень хорошо, милорд. – Стилгар извлек новую папку, прокашлялся. – Отчет Квизарата по Салусе Секундус. Отец Ирулан проводит маневры… отрабатывает высадку своего легиона.

На шее Ирулан внезапно задергалась жилка.

– Ирулан, – обратился к ней Пол, – ты до сих пор продолжаешь настаивать, что легион твоего отца – всего лишь игрушка в руках старика?

– Что можно сделать с одним легионом? – спросила она, искоса взглянув на него.

– Например, погибнуть, – ответила Чани.

– А обвинят меня, – согласился Пол.

– Многие из моих командиров закипели бы гневом, если бы только подобное стало известно.

– Но это же всего лишь полиция! – возразила Ирулан.

– Полиция не занимается маневрами, – произнес Пол. – И я хочу, чтобы в одном из твоих посланий отцу в самое

ближайшее время оказалось бы четкое и недвусмысленное изложение моего мнения по этому деликатному вопросу.

Она потупилась.

– Да, милорд. Надеюсь, что этого хватит. Впрочем, из отца выйдет хороший мученик.

– М-мм, – протянул Пол, – без моего приказа сестра не станет извещать своих командиров.

– Нападение на моего отца сулит и другие неприятности, кроме военных, – добавила Ирулан. – Люди и так уже начинают не без сожаления вспоминать о его правлении.

– Когда-нибудь ты наконец зайдешь слишком далеко, – смертельно серьезным фрименским тоном произнесла Чани.

– Довольно вам! – приказал Пол.

Он взвешивал выпад Ирулан... всеобщая ностальгия. Ах, конечно же, в словах ее слышалась правда! Ирулан опять доказала свою истинную цену.

– Бене Гессерит прислали официальное прошение, – произнес Стилгар, берясь за очередной документ. – Они обращаются к Императору по поводу сохранения его наследственной линии.

Чани искоса бросила взгляд на папку, словно в ней крылось нечто смертельно опасное.

– Отошли Сестрам обычные извинения, – отвечал Пол.

– Зачем же? – возразила Ирулан.

– Быть может... пришла пора обсудить этот вопрос, – произнесла Чани.

Пол отрицательно покачал головой. Никому не следует знать, что он еще не решился платить свою часть всей цены.

Но Чани было трудно остановить.

– Я побывала у молитвенной стены родного сиетча Табр, – сказала она. – У врачей тоже. Я преклонила колени в Пустыне, обратив свои помыслы к глубинам, в которых обитает Шаи-Хулуд... Но, – она пожала плечами, – ничего не помогает.

Ни наука, ни суеверие не помогли ей, думал Пол. И я тоже не помогу. Зачем ей знать, что случится, если она

родит его – наследника Дома Атрейдес? – Он поглядел вдоль стола и увидел сочувствие в глазах Алие. Огонек сочувствия не вдохновлял его. Или же и она тоже видела эти ужасные перспективы?

– Господин мой знает, какими опасностями для государства чревато отсутствие у него наследника, – примешивая масляные интонации к Голосу Бене Гессерит, произнесла Ирулан. – Подобные вещи трудно обсуждать, учитывая их деликатность, но этот вопрос нельзя более откладывать. Император не только мужчина. Он – символ государственной власти. В случае его смерти может разразиться гражданская война, если не будет наследника. Если ты действительно заботишься о своем народе, престол нельзя оставлять без наследника!

Пол отодвинулся от стола, встал и подошел к балкону. За окнами ветер прижимал к земле дым городских очагов. На фоне темно-синего неба серебрился мелкий песок, по вечерам осыпавшийся с высот Барьерной Стены. Он глядел на юг, на горы, укрывавшие город от кориолисовых ветров, и думал: почему же сердцу его не дано покоя?

Совет молчаливо ожидал: все видели, насколько он близок к гневу.

Пол почувствовал, как время обрушивается на него. Он пытался заставить себя вернуться к уравновешенности многих вариантов... может быть, удастся повлиять на будущее.

Освободиться... освободиться... освободиться, думал он. Что, если взять Чани и вместе с нею искать убежища на Тупайле? Имя его останется. Джихад найдет себе новую, еще более грозную опору... Тогда его будут винить и в этом. Он вдруг испугался: потянувшись к чему-то новому, он неизбежно выронит свою главную драгоценность... ведь даже легкий шорох его движений способен повергнуть Вселенную в хаос, а обломки разлетятся во все стороны, так что потом не найти ни кусочка.

Внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяниях хаджа. Словно ползет, извиваясь, за

проводнико-марракинцем большая змея. Вид толпы напомнил Полу, что приемный зал уже полон. Паломники! Их благочестивые странствия давали Империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками. И они все шли, шли и шли.

«Как это мне удалось растормошить всю Вселенную? – мысленно удивился он. – Ах, нет же, все вышло само собой. Все это заложено в генах, столетиями накапливалось напряжение, чтобы разрядиться в недолгом пароксизме».

Движимые глубочайшим религиозным чувством, люди искали надежды на воскресение. Здесь и кончалось паломничество: «Арракис – место возрождения, место упокоения».

Старые зануды-фримены не переставали твердить, что планета привлекает пилигримов ради их воды.

«Так чего же на самом деле ищут паломники?» – думал Пол.

Они твердят, что здесь священное место. Но людям давно уже следовало понять, что во Вселенной нет Эдема для души, нет для нее Тупайле. Арракис они именовали местом тайн, где неведомое находит свое объяснение. Здесь завязывается связь между этим миром и следующим. Но все они отбывали восвояси удовлетворенными, и это пугало Пола.

«Что они здесь находят?» – спрашивал он себя.

Часто в религиозном экстазе они наполняли улицы какими-то странными птичьими криками. Фримены так их и называли: «перелетные птицы». Те немногие, кто встретил здесь свою смерть, объявлены были «окрыленными душами».

Вздохнув, Пол подумал о том, что с каждой новой планеты, покоренной его легионами, немедленно начинает извергаться вереница паломников – в благодарность за мир, данный им Муад'Дибом.

«Повсюду мир, – думал он. – Почти повсюду... Только не в сердце моем».

Ему казалось, что какая-то часть его сущности погружена в зябкую, промозглую мглу, не имеющую предела. Мощью пророка сокрушил он прежнее представление о Вселенной. Он потряс весь ранее безопасный космос, заменил благополучие джихадом. Он победил и перехитрил человеческий мир своим умением предвидеть будущее, но... Вселенная, похоже, перехитрила его.

Планету, по которой ступали его ноги, он повелел превратить в рай, сделать сад из Пустыни. И она жила, билось ее сердце, она отвечала, как человек: строптивица сопротивлялась, не покорялась, ускользала...

На ладонь его легла рука. Он искоса глянул вниз – Чани смотрела на него встревоженными глазами. Она словно впитывала его взглядом... шепнула:

– Пожалуйста, любимый, не противься велению твоего духа-рух. – Ее сочувствие как бы перетекало из ладони, давало ему опору.

– Сихайя... – шепнул он.

– Надо скорей отправляться в Пустыню, – негромко проговорила она.

Он стиснул ее руку, отпустил, вернулся к столу и встал перед ним.

Чани села на свое место.

Крепко сжав губы, Ирулан глядела в разложенные перед Стилгаром бумаги.

– Ирулан предлагает себя в качестве матери наследника престола, – сказал Пол, посмотрев на Чани, потом на Ирулан, не поднимавшую глаз. – Всем известно, что она не испытывает ко мне любви.

Ирулан застыла.

– Политические аргументы мне ясны, – начал Пол, – но меня заботит мнение людей. Хочу сказать, что если бы действия консорт-принцессы не определялись приказами сестер-гессериток, если бы в основе ее предложения крылось не властолюбие, моя реакция, возможно, была бы другой.

Но тщательно взвесив последствия, я отклоняю ее предложение.

Ирулан глубоко, со всхлипом, вздохнула.

Усаживаясь на место, Пол подумал, что в его присутствии выдержка никогда еще так не отказывала ей. Наклонившись к ней, он сказал:

– Ирулан, мне в самом деле искренне жаль.

Яростно блеснув глазами, Ирулан вздернула подбородок.

– Твоей жалости мне не требуется! – прошипела она и, повернувшись в сторону Стилгара, спросила:

– Ну, что там еще спешного и неотложного?

Не отводя глаз от Пола, Стилгар сказал:

– Еще один вопрос, милорд. Гильдия вновь просит разрешения направить на Арракис свое посольство.

– Что, из этих? Кто-то из уродов Глубокого Космоса?.. – с фанатической ненавистью в голосе произнес Корба.

– Надо полагать, да, – подтвердил Стилгар.

– К вопросу этому следует отнестись с предельной осторожностью, милорд, – предупредил Корба. – Совет наибов не одобрит появления полноправного гильдиера на Арракисе. Они оскверняют землю, которую попирают...

– Они обитают в контейнерах и не прикасаются к почве, – ответил Пол, давая раздражению проявиться в голосе.

– Тогда наибы могут сами взяться за урегулирование вопроса, милорд, – продолжал Корба.

Пол бросил на него яростный взгляд.

– Они же прежде всего фримены, – настаивал тот. – Мы еще не забыли, что именно Гильдия возила сюда притеснителей. И как они выжимали с нас выкуп, Пряность, за молчание о наших секретах. Они обирали нас...

– Довольно, – отрезал Пол, – или ты считаешь, что я забыл? – И словно смысл его собственных слов вдруг дошел до него, Корба сначала нечленораздельно забормотал, а потом проговорил:

– Простите, мой господин. Я вовсе не хотел сказать, что вы не фримен. Я не...

– Они пришлют сюда навигатора, – сказал Пол. – А Гильд-навигатор шагу не сделает, если заподозрит опасность.

Пересохшим от внезапного страха ртом Ирулан выговорила:

– Так ты... видел прибытие навигатора?

– Конечно же, я не видел самого навигатора, – ответил Пол, подражая ее интонации. – Но я видел, где он был и куда направился. Пусть они пришлют навигатора. У меня найдется дело и для него.

– Как прикажете, – отозвался Стилгар.

Пряча улыбку рукой, Ирулан думала: Значит, верно. Наш то... Император... не видит навигатора. Они не видят друг друга. Заговор останется в тайне.

* * *

И вновь начинается драма.

Слова Императора Пола Муад'Диба при вступлении на Львиный Престол

Через потайное окошко Алия следила за двигавшимся по огромному приемному залу посольством Гильдии.

Резкий полуденный свет серебрил верхние окна, зеленые, синие и молочно-белые плитки мозаичного пола, изображавшего ручей, заросший водяными растениями, среди которых там и тут мелькали яркие очертания птиц и животных.

Гильдийцы ступали по плиткам, словно охотники, выслеживающие добычу в незнакомых им джунглях. Серые, черные, оранжевые одеяния в обманчивом беспорядке окружали прозрачный контейнер, в котором в клубах оранжевой дымки плавал навигатор-посол. Несомый гравиполями контейнер неслышно плыл вперед, направляемый двумя

прислужниками в серой одежде, словно прямоугольный корабль, входящий в док.

Прямо под Алией на высоком подножье высился Львиный Престол. Голова Пола была увенчана новой короной с символами рыбы и кулака. Шитые золотом царственные облачения укрывали его тело. Вокруг Императора трепетало свеченье щита. Телохранители двумя рядами стояли вдоль лестницы и прохода. Двумя ступенями ниже по правую руку от Пола замер Стилгар в белом одеянии, перепоясанном желтой веревкой.

Она чувствовала, что Пол испытывал сейчас такое же, как и она, возбуждение, хотя едва ли кто-нибудь, кроме нее, мог бы заметить это. Внимание Императора было приковано к облаченному в оранжевое одеяние прислужнику, чьи слепо поблескивавшие металлические глаза глядели прямо вперед. Он шагал возле переднего правого угла контейнера, словно охранник. Плоское лицо, кудрявые черные волосы... вся фигура его, каждый жест были такими знакомыми.

Дункан Айдахо!

Это не мог быть Дункан Айдахо, и тем не менее это было так.

Память, переданная матерью крохотному зародышу во время преобразования Пряности, давала Алие возможность с помощью рихани-декодировки распознать Айдахо в любом обличье, Пол видел Айдахо – она это знала, – Дункана он помнил со всей бесконечной благодарностью детства и юности.

Это был Дункан.

Алия поежилась. Ответ был только один. Перед ними гхола тлейлаксу, существо, созданное из мертвой плоти оригинала, – человека, который отдал свою жизнь, спасая Пола. Плоть, вышедшая из аксолотль-баков.

Гхола выступал настороженной походкой мастера-фехтовальщика. Он остановился, едва контейнер с послом застыл в десяти шагах от ступеней, ведущих к трону.

Способом Бене Гессерит – куда деваться – Алия ощутила волнение Пола. Он более не смотрел на это создание, вдруг возникшее из прошлого. Но и не глядя, всем своим существом чувствовал его присутствие. Напряженно кивнув послу Гильдии, Пол произнес:

– Нам говорили, что тебя зовут Эдрик. Мы приветствуем твое присутствие при дворе и надеемся, что сможем по-новому понять друг друга.

Развалившийся посреди клубов оранжевого дыма навигатор отправил в рот оранжевую капсулу с меланжей и тогда лишь поглядел на Пола. Крошечный транслятор, кружив-ший вокруг уголка его контейнера, сперва разразился покашливанием, а потом сухим бесстрастным голосом ответил:

– Простираюсь перед моим Императором и прошу разрешения представить верительные грамоты и вручить небольшой подарок.

Помощник передал свиток Стилгару, тот, хмурясь, проглядел его, а потом кивнул Полу. Оба они повернулись к гхоле, терпеливо выжидавшему у подножия трона.

– Конечно же, мой Император уже увидел наш дар, – произнес Эдрик.

– С удовольствием принимаем верительные грамоты, – проговорил Пол. – Объясни смысл подарка.

Эдрик колыхнулся в контейнере, обратившись лицом к гхоле.

– Вот человек по имени Хейт, – четко назвал он имя, – по нашим данным, его история весьма любопытна. Его убили здесь, на Арракисе... Серьезная рана в голову потребовала многих месяцев регенерации. Потом тело продали Бене Тлейлаксу, как тело мастера фехтования, адепта школы Гинац. Нам стало известно, что это Дункан Айдахо, приближенный вашего отца. И мы купили его, полагая, что такой дар действительно достоин Императора. – Эдрик посмотрел на Пола. – Сир, разве это не Айдахо?

В коротком ответе Пола слышалась сдержанность и осторожность.

– Похож.

«Неужели Пол увидел в нем что-то, скрытое от меня, – гадала Алия. – Нет! Это Дункан!..»

Человек по имени Хейт стоял спокойно и невозмутимо, металлические глаза его глядели вперед, словно речь шла не о нем.

– Наши сведения абсолютно точны. «Это Айдахо», – сказал Эдрик.

– Теперь его зовут Хейт, – проговорил Пол, – любопытное имя.

– Сир, незачем нам гадать о смысле имен, которые дают тлейлаксу, – проговорил Эдрик. – Имя легко изменить, имя, данное ему тлейлаксу, не имеет значения.

Дело рук тлейлаксу, думал Пол, в этом вся проблема. Бене Тлейлаксу почти не интересовались нравственной сутью явления. В их философии добро и зло имели странный смысл. Так что же заложили они в возрожденную плоть Айдахо – с умыслом или по прихоти?

Пол взглянул на Стилгара, заметил на лице фримена суеверный трепет. Чувство это читалось и на бородатых физиономиях фрименов-стражей. Конечно же, размышляют о мерзких повадках гильдиеров и святотатцев-тлейлаксу, создателей кощунственных гхол.

Повернувшись к гхоле, Пол произнес:

– Хейт, одно ли у тебя имя?

Смуглое лицо гхолы озарила ясная улыбка. Невыразительные металлические глаза его обратились к Полу.

– Так меня называют, мой господин, – Хейт.

Алия вздрогнула возле потайного окошка. Голос этот принадлежал Айдахо, таким он был запечатлен в ее клетках.

– Если это угодно милорду, – добавил гхола, – могу сказать, что голос его доставляет мне удовольствие. Бене Тлейлаксу объяснили мне: подобное означает, что мне приходилось слышать голос милорда... прежде.

– Но сам ты не уверен в этом? – спросил Пол.

– Я не знаю ничего о моем прошлом, сир. Мне объяснили, что я не могу помнить свою прошлую жизнь. След ее сохранился только в генетическом коде. Остались ниши, в которых могут уложиться давно знакомые вещи. Голоса, места, еда, лица, звуки, действия... меч в руке, рукоятки управления топтером.

Заметив, сколь внимательно прислушивается к разговору гильдиец, Пол спросил Хейта:

– Понимаешь ли ты, что подарен мне?

– Мне уже объяснили.

Пол откинулся назад, положив ладони на подручья трона.

«В долгу ли я перед плотью Дункана? – размышлял он. – Человек этот умер, спасая мою жизнь. Но сейчас передо мной не Айдахо – гхола». И все же это тело и этот разум и научили Пола пилотировать топтер, как если бы крылья аппарата росли из его собственных плеч, а в бою он полагался на умение, которое со строгостью и тщанием было передано ему Айдахо. Гхола, плоть, в которой ложь мешается с истиной, но как... и не разобрать. Воспоминания будут влиять на отношение к нему. Дункан Айдахо. Это не мертвая маска, а подвижная, меняющаяся личность, скрывающая своими знакомыми чертами то, что тлейлаксу заложили в ее глубины.

– Какую службу можешь ты выполнить для нас? – спросил Пол.

– Что прикажет милорд, если это будет мне по силам.

Алию, следившую за происходящим со своего наблюдательного поста, тронула застенчивость гхолы. Она не ощущала в нем никакой фальши. Новый Дункан Айдахо изнутри светился невинностью. Конечно, оригинал был забиякой, далеко не чуждым плотских удовольствий. Плоть очистилась... Что написали на этом чистом листе тлейлаксу?

Она почувствовала вдруг, что дар этот опасен. Работа тлейлаксу. А их творения всегда обнаруживали

возмутительное отсутствие моральных ограничений. Действиями тлейлаксу могло руководить одно лишь любопытство. Они похвалялись, что, имея необработанный человеческий материал, могут создать из него что угодно – дьявола или святого. Они торговали ментатами-убийцами. И сумели сделать убийцей врача, одолев запреты школ Сукк. Среди товаров их числилась услужливая челядь, покладистые игрушки для любой разновидности секса, солдаты, генералы, философы… изредка попадались даже моралисты.

Пол повернулся, взглянул на Эдрика:

– Какое обучение прошел этот дар? – спросил он.

– С разрешения милорда, – начал Эдрик, – тлейлаксу показалось любопытным сделать этого гхолу ментатом и философом-дзенсуннитом – этим они рассчитывали усовершенствовать его фехтовальное мастерство.

– Им это удалось?

– Не знаю, милорд.

Пол взвешивал ответы гильдийца. Чувство правды подсказывало ему: Эдрик не лжет, он уверен, что перед ними Айдахо. Пол знал – воды времени, которые мутил своим присутствием пророк-навигатор, предвещали опасность… но не открывали ее природы. Хейт. Это имя, данное тлейлаксу, сулило беду. Пол почувствовал искушение отвергнуть подарок. Но как только осознал это, понял, что не сможет воспользоваться этим путем. Дом Атрейдес в долгу перед этой плотью… и враги знали об этом.

– Философ-дзенсуннит, – задумчиво молвил Пол, глядя на гхолу. – Успел ли ты уже обдумать свою роль в жизни и мотивы поступков?

– Я со смирением подхожу к своей службе, сир. И разум мой чист, он отмыт ото всех императивов, важных для прежней моей жизни.

– Как ты хочешь, чтобы тебя называли: Хейт или Дункан Айдахо?

– Милорд может звать меня как угодно ему, ведь мое имя – это не мое «я».

– Но для твоего слуха приятно имя Дункана Айдахо?

– Должно быть, так меня и называли, сир. Имя кажется мне подходящим. Но... есть в нем кое-что любопытное. Впрочем, за любым именем, по-моему, кроется и приятное, и неприятное.

– А что доставляет тебе наибольшее удовольствие? – спросил Пол.

Гхола неожиданно усмехнулся в ответ:

– Отыскивать в людях признаки моего прошлого бытия.

– И ты замечаешь их сейчас?

– О да, милорд. Вот Стилгар – его раздирают подозрительность и восхищение. В прошлом он был мне другом, но плоть гхолы отталкивает его. Вы же, милорд, восхищались человеком, которым я был... и доверяли ему.

– Очищенный разум... – сказал Пол. – Как может очищенный разум связать себя долгом по отношению к нам?

– Долгом, милорд? Очищенный разум принимает решение, будучи окружен неизвестными величинами и без учета причин и следствий. Где же здесь долг?

Пол нахмурился. Типично дзенсуннитское высказывание – загадочное и исчерпывающее, проистекающее из отрицания объективной функции рассудка. «Без учета причин и следствий!» Такие слова поражают. «Неизвестные величины?» – они содержатся в любом решении, даже в провидческом озарении.

– А ты не хотел бы, чтобы тебя называли Дунканом Айдахо? – спросил Пол.

– Жизнь строится на различиях, милорд. Выберите для меня имя, какое будет угодно вам.

– Пусть останется полученное тобой от тлейлаксу, – ответил Пол. – Хейт – это имя будет напоминать мне об осторожности.

Склонившись, Хейт отступил на шаг.

«Как он смог понять, что аудиенция окончена? – удивилась Алия. – Я знаю это, потому что знаю моего брата.

Очевидных для незнакомца признаков не было. Неужели это понял заключенный в гхоле Дункан?»

Пол повернулся к послу.

– Для посольства выделены апартаменты. Мы желаем иметь частную беседу с тобой при первой же возможности. Я пришлю за тобой. Далее, хочу уведомить тебя, прежде чем ты услышишь эту весть из недостоверного источника и в искаженном виде, что Гайя-Елена Мохийам – Преподобная Мать Бене Гессерит – снята с доставившего тебя лайнера. Это было сделано по нашему повелению: ее присутствие на твоем корабле будет одним из предметов наших переговоров.

Мановением левой руки Пол отпустил послов.

– Хейт, останься, – обратился он к гхоле.

Помощники посла попятились, толкая в обратную сторону контейнер. Эдрик стал оранжевым силуэтом в оранжевом газе – глаза, рот, плавно движущиеся конечности.

Пол следил за гильдийцами, пока последний не вышел из зала... наконец тяжелые двери захлопнулись.

«Ну вот и все, – подумал Пол. – Я принял дар – гхолу. Наживку, подготовленную тлейлаксу, – в этом сомнения быть не могло. Быть может, и старая карга – Преподобная Мать – играет такую же роль». Наступило время Таро, о котором он знал еще по первым видениям. Проклятое Таро! Оно замутило воды времени так, что он, пророк, не видел грядущего даже на час вперед. Но не все рыбины попадаются, иной удается сорваться с крючка, подумал он. Таро и помогало, и мешало ему. Он не видел будущего, но его наверняка не могли видеть и остальные.

Гхола ждал, наклонив голову набок.

Стилгар повернулся, шагнул в сторону, закрывая собой от Императора гхолу, и проговорил на чакобса – на древнем охотничьем языке их дней в сиетчах:

– Сир, уже сама эта тварь в контейнере заставляет меня испытывать гадливость, но подарок!.. Отошлите его!

На том же языке Пол отвечал:

– Не могу.

– Айдахо умер, – запротестовал Стилгар, – это не Айдахо. Разрешите, я возьму его воду для племени.

– Стил, гхола – моя проблема. Займись пленницей. Охранять ее должны люди, которых я учил противостоять Голосу.

– Не нравится мне это, сир.

– Я буду осторожен, Стил. Тебе тоже следует помнить об осторожности.

– Ну хорошо, сир, – ответил Стилгар, спускаясь вниз от подножия трона. Проходя мимо Хейта, он понюхал воздух.

Зло да будет обнаружено по вони его, подумал Пол. Что же, пусть Стилгар успел водрузить черно-зеленое знамя Атрейдесов на доброй дюжине миров, но в душе своей по-прежнему остался суеверным фрименом, издалека видящим любое коварство.

Пол вглядывался в дар.

– Дункан, Дункан, – прошептал он. – Что они с тобой сделали...

– Дали мне жизнь, милорд, – отвечал Хейт.

– Но зачем же они все это сделали: обучали тебя и подарили мне? – спросил он.

Хейт поджал губы, потом ответил:

– Они надеются погубить вас моими руками.

Жуткая откровенность. Но чего же еще следует ожидать от ментата и дзенсуннита в одном лице? Ментат, даже будучи гхолой, вынужден говорить только правду... этого требует и внутренний покой дзенсуннита. Живой и разумный компьютер, разум и нервы его предназначены для выполнения функций расчетных устройств, преданных анафеме в давние времена. Но как дзенсуннит Хейт будет честен вдвойне... если только тлейлаксу не умудрились встроить в эту плоть ничего еще более странного.

Зачем ему, например, металлические глаза? Тлейлаксу все хвастают, что эти их устройства лучше естественных. Только, как ни странно, сами их не используют.

Пол глянул вверх – на потайное окошко Алие, ему хотелось немедленно увидеть ее, посоветоваться, ведь чувств сестры не замутняли благодарность и долг.

Он вновь посмотрел на гхолу. Отнюдь не легкомысленный дар. Честен в самых опасных вопросах.

Им безразлично – знаю я или нет, что это оружие направлено против меня, думал Пол.

– А как я могу защититься от тебя? – спросил Пол. Разговор шел прямой, без императорского «мы»: так он разговаривал бы с тем, прежним Айдахо.

– Отошлите меня, милорд.

Пол покачал головой.

– Как ты должен погубить меня?

Хейт взглянул на охрану, немедленно обступившую Пола, едва вышел Стилгар, повернулся. Обвел зал взглядом, вновь обратив к Полу металлические глаза, кивнул.

– В этом зале человек удаляется от людей, – проговорил Хейт. – Все здесь исполнено мощи, которую можно переносить лишь памятуя, что всему когда-то приходит конец. Не пророческий ли дар привел вас в этот зал, милорд?

Пол побарабанил пальцами по подлокотникам трона. Ментат требовал исходных данных, но вопрос встревожил Пола.

– Я оказался здесь… по собственной воле, – но не всегда благодаря прочим моим… способностям.

– Собственная воля, – произнес Хейт, – закаляет мужа. Но если нагреть металл и оставить его медленно остывать, он вновь станет мягким.

– Пускаешь пыль мне в глаза, дзенсуннит? – спросил Пол.

– Сир, дзенсуннитам некогда заниматься надувательством и обманом.

Пол провел языком по губам, глубоко вздохнул, приводя мышление в спокойствие, как подобает ментату. Ответы были сплошь отрицательными. Зачем ему, презрев осторожность, принимать странный подарок – гхолу? Нет, не так. Почему тлейлаксу сделали именно ментата-дзенсуннита?

Философия... слова... размышления... внутренний поиск... Данных не хватало.

– Необходима информация, – пробормотал он.

– Факты, в которых ощущает потребность ментат, не липнут к нему сами, словно цветочная пыльца к одежде праздного гуляки на лугу, – отвечал Хейт. – Свою пыльцу следует собирать с тщанием, рассматривать через сильную лупу.

– Ты должен научить меня дзенсуннитской риторике, – заметил Пол.

Металлические глаза коротко блеснули.

– Быть может, милорд, именно это и запланировали тлейлаксу.

«Чтобы ослабить мою волю идеями и словами?» – думал Пол.

– Идей следует опасаться, лишь когда они становятся действиями, – произнес он вслух.

– Отошлите меня, сир, – сказал Хейт голосом прежнего Дункана Айдахо, полным заботы о «молодом хозяине».

Голос и покорил Пола. Знакомый голос... он не мог с ним расстаться, хотя бы он и исходил из уст гхолы.

– Ты останешься, – приказал он. – Будем осторожны – и ты, и я.

Хейт почтительно склонился.

Пол поглядел вверх, на скрытое там окошко, взглядом умоляя Алию заняться подарком и выудить его секреты. Гхолами-призраками пугают детей. Он не думал, что когда-нибудь и ему придется встретиться с подобным существом. Чтобы понять этого гхолу, надо встать выше всего, выше сострадания... Пол не знал, окажется ли способным на это. Дункан... Дункан. Есть ли хоть кроха того Айдахо в этой искусно сработанной плоти? Да и не плоть это вовсе, – это только телесный саван. Мертвый Айдахо навсегда остался лежать на полу пещеры, а здесь смотрел металлическими глазами только его призрак. В этой возрожденной плоти уживались два существа, и одно из них таило в себе угрозу, скрывая свою силу за незабвенной внешностью.

Закрыв глаза, Пол позволил себе припомнить давнишние видения. Любовь переплеталась с ненавистью, из волн, поднимаемых ими в разбушевавшемся хаосе чувств, нечему было встать скалой, чтобы дать ему оглядеться посреди сумятицы бури.

«Почему в своих прежних откровениях я не видел обновленного Дункана Айдахо? – спросил он себя. – Кто или что может спрятать грядущее от пророка?.. Вероятно, только другой провидец».

Открыв глаза, Пол произнес:

– Хейт, а пророческими способностями ты обладаешь?

– Нет, милорд.

В голосе его слышалась искренность. Впрочем, гхола может не знать, что на самом деле владеет этой способностью, хотя незнание ограничивало бы его возможности ментата. Что же замыслили эти тлейлаксу?

Прежние видения вздымались вокруг Пола. Придется ли ему все же выбрать ужасный путь? Искаженное время содержало намеки на роль гхолы в этом страшном будущем. Неужели ему не остается выхода, что бы он ни делал?

Освободись... освободись... освободись... – звучало в душе Пола.

Вверху, над головой Пола, Алия, подперев подбородок рукой, глядела из окна на гхолу. Магнетизм, исходивший от этого существа, успел захватить ее. Реставраторы тела, тлейлаксу, вернули ему юность, даже невинность, столь притягательную для нее. Она словно слышала безмолвную мольбу брата. Если беспомощен оракул, приходится обращаться к обычным шпионам и прочим повседневным орудиям власти. Но ее озадачило невесть откуда взявшееся нетерпение, с которым она собиралась приступить к делу. Ей хотелось быть рядом с этим мужчиной... прикоснуться к нему.

Он опасен... для нас обоих, подумала Алия.

* * *

Излишне тщательный анализ искажает истину.
Древнее фрименское изречение

– Преподобная Мать, я просто содрогаюсь, видя вас в подобной ситуации, – произнесла Ирулан.

Она остановилась прямо у двери в камеру, оглядывая помещение привычным способом Бене Гессерит. Трехметровый куб вырезан был внутри пронизанных прожилками бурых скал, на которых стояла крепость Пола. Из мебели в ней находилось одно лишь плетеное кресло, занятое теперь Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам, да матрац под коричневым покрывалом, на котором была разложена новая колода карт Таро Дюны. Умывальник с водным счетчиком висел над фильтрующей раковиной, у стены стоял фрименский туалет с водными уплотнениями и влагоперерабатывающими устройствами. Четыре плавающие лампы за решетками по углам помещения бросали в комнату желтый свет. Далеко не роскошные палаты...

– Ты известила о случившемся леди Джессику? – спросила Преподобная Мать.

– Конечно... только она и пальцем не шевельнет против воли своего первенца, – ответила Ирулан. Она поглядела на карты. Власти отворачивали свой лик от просителей. Карта «Великий Червь» лежала под «Песками удаленными». Требуется терпение. Стоило прибегать к Таро, чтобы понять это!..

Снаружи через окошко из метастекла за ними следил охранник. Ирулан понимала: за их встречей следят и по-другому. А потому тщательно продумала весь разговор, прежде чем осмелилась спуститься к Преподобной. Она могла бы и не соваться сюда, но в этом крылась своя опасность...

Перекладывая карты, Преподобная Мать погрузилась в праджна-медитацию. И хотя она была почти уверена, что

Арракис живой ей не оставить, занятие это возвращало известное спокойствие. Мутная вода останется мутной для любого – и для пророка тоже. И, конечно, всегда оставалась Литания против страха.

Ей надо было еще тщательно взвесить все свои действия, в результате которых она оказалась в этой камере. Мрачные подозрения бродили в ее голове, и карты Таро намекали… Неужели Гильдия рассчитывала на ее заточение?

В салоне лайнера ее поджидал квизара тафвид в желтых одеждах. Округлое невозмутимое лицо его с глазами-бусинами выдубили бури и солнце Арракиса. Оторвав свой взгляд от чашки со сдобренным Пряностью кофе, поданной услужливым стюардом, он взглянул на Преподобную, поставил чашку, а потом спросил:

– Ты – Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам?

Воспоминание об этих словах оживило события в ее памяти.

Горло ее сразу стиснул непреодолимый страх. Как мог кто-нибудь из прислужников Императора узнать о том, что она здесь, на лайнере?

– Нам стало известно, что ты на борту, – произнес квизара тафвид. – Разве ты забыла, что лишена права ступать на священную планету?

– Но я не собиралась сходить на Арракисе, – возразила она, – я нахожусь в свободном пространстве, путешествую на лайнере Гильдии.

– Такой вещи, как «свободное пространство», мадам, не существует. – В его голосе она слышала ненависть и подозрение. – Муад'Диб правит повсюду, – наставительно проговорил он.

– Но я же направляюсь не на Арракис, – повторила она.

– Все направляются на Арракис, – возразил он. На мгновение ей даже показалось, что он вот-вот процитирует какую-нибудь банальность из мистических наставлений для пилигримов – тысячи их прибыли с этим кораблем.

Но квизара тафвид извлек из-под одеяний золотой амулет, поцеловал его, потом приложил ко лбу, потом к уху, прислушался. Затем убрал амулет на прежнее место.

– Тебе приказано собираться и отправляться со мной на Арракис.

– Но у меня дела…

Тогда она и заподозрила в предательстве Гильдию… но Император и сестра его тоже могли проявить свои трансцендентные силы. В конце концов Гильд-навигатор мог и сплоховать – что, если ему все же не удалось скрыть заговорщиков от пророческого взора Императора?

Отвратительная Алия безусловно наделена могуществом Преподобной Матери Ордена. И что происходит, когда к этому могуществу добавляются такие же силы, какими наделен ее брат?..

– Немедленно! – отрезал квизара.

Все существо ее протестовало, она так не хотела снова оказаться на проклятой иссушенной солнцем планете, на которой эта бунтовщица Джессика предала Орден. На планете, укравшей у них Пола Атрейдеса, Квисатц Хадераха, результат кропотливых тысячелетних трудов.

– Немедленно, – согласилась она.

– Торопись, – произнес квизара. – Когда Император приказывает, подданные повинуются.

Значит, приказ исходил от самого Пола!

Она было подумала, не обратиться ли с протестом к Командир-навигатору, но явная тщетность этого остановила ее. Что тут может сделать Гильдия?

– Император обещал казнить меня, если я вновь ступлю на Дюну, – в последней надежде проговорила она. – Ты это знаешь. А значит, подписываешь мне смертный приговор, забирая меня отсюда.

– Разговоры бесполезны, – отвечал квизара, – так предначертано.

Вот каким словом называется теперь воля Императора. Предначертано! Так изрек Священный Правитель,

прозревающий будущее. Пусть свершится предначертанное. Ведь он это видел уже, разве не так?

Напоминая себе самой паучиху, запутавшуюся в собственной паутине, она повиновалась.

Паутина превратилась в камеру… куда только что вошла Ирулан. Она чуточку постарела со времени их последней встречи на Валлахе IX. Новые морщинки залегли возле глаз, новые горести, ну что же… пора проверить, сохранила ли эта сестра верность своим обетам.

– Мне случалось жить и в худших помещениях, – отвечала Преподобная Мать. – Тебя прислал Император? – И пальцы ее шевельнулись как бы в волнении.

Ирулан заметила жест и пальцами же ответила, вслух говоря:

– Нет, я явилась сразу же, как только узнала о вашем появлении здесь.

– А Император не разгневается? – спросила Преподобная Мать. Пальцы ее настаивали, требовали, повелевали.

– Пусть. Вы были моей наставницей в Ордене, как и наставницей его матери. Или он надеется, что и я отвернулась от вас, как это сделала она? – Пальцы Ирулан уговаривали, извинялись.

Преподобная вздохнула. Внешне вздох узницы относился к собственной участи, на деле же это была скорбь о судьбе Ирулан. Все тщетно. С помощью этого орудия – Ирулан – больше нельзя надеяться сохранить драгоценные гены Императора Атрейдеса. Красота красотой, но красавица-принцесса имеет важный порок. Под покровом сексуальной привлекательности кроется плакса-проныра, для которой слова важнее дел.

Но Ирулан – одна из Сестер, а Орден умеет извлекать пользу и из самых слабых своих представительниц.

Под прикрытием разговора о более съедобной пище и более удобном ложе, Преподобная Мать прибегла к своему арсеналу средств убеждения и отдала распоряжение:

подумать о родственном браке и о том, как свести брата с сестрой. (Этот приказ едва не доконал Ирулан.)

«Но ведь и у меня должен быть шанс!» – настаивали ее пальцы.

«Шанс у тебя был», – возразила Преподобная. В остальном инструкции ее касались подробностей: не сердится ли иногда Император на свою наложницу? Уникальные способности обрекают его на одиночество. Так с кем он может общаться, рассчитывая, что его поймут? Только с сестрой. И она, в свой черед, одинока в той же мере, как и он сам. Насколько глубоки основы их общности? Придется подстроить возможность их сближения, интимных встреч. Нужно организовать устранение наложницы! Горе разрушает любые моральные барьеры!

Ирулан возражала: «В случае смерти Чани подозрения сразу же падут на консорт-принцессу. Появилась новая проблема: Чани полностью перешла на древнюю диету фременов, способствующую беременности, и добавлять контрацептивы в ее пищу теперь невозможно. А отсутствие этих уже привычных средств сделает организм Чани еще более восприимчивым к оплодотворению».

Преподобная Мать вспыхнула гневом и с трудом сдерживала его, быстро перебирая пальцами. Почему Ирулан не начала прямо с этого? Откуда подобная тупость? Ведь если Чани понесет и родит сына, Император провозгласит его своим наследником!

Ирулан возражала: она, конечно, понимает опасность, но все-таки в этом случае сохраняются драгоценные гены.

«Проклятая дура!» – бушевала Преподобная Мать. Разве можно даже представить, какую путаницу и какой хаос может внести Чани, влив в жилы наследника Пола дикую фременскую кровь! Ордену нужна чистокровная линия! К тому же наследник укрепит амбиции Пола, побудит его к новым действиям для консолидации империи. Лишнее препятствие для заговорщиков.

Оправдываясь, Ирулан поинтересовалась, каким, собственно, путем может она помешать Чани питаться, как принято в подобных случаях среди фременов.

Но Преподобная была не в духе. Ирулан получит новые точные указания. Если же Чани все-таки забеременеет, в еду ее и питье можно добавить средства, приводящие к выкидышу. Ну или же… убить ее в конце концов! Дети ее любой ценой не должны оказаться на троне.

«Но, если эти снадобья обнаружатся, последствия могут быть столь же серьезными, как и в случае прямого покушения на жизнь наложницы», – возразила Ирулан. И сама только мысль об убийстве в данном случае вызывает в ней трепет.

«Значит, Ирулан боится?» – осведомилась Преподобная Мать. Движения ее пальцев выражали презрение.

Ирулан раздраженно ответила, что знает себе цену, – где еще Орден сыщет такого агента в Императорском доме? Или подобная ценность ни к чему заговорщикам? Значит, они в состоянии позволить себе пожертвовать ею? А кто будет потом шпионить за Императором? Или в Семье успели завербовать нового агента? Конечно, в этом случае ею можно воспользоваться в последний раз, а потом выбросить за ненадобностью.

На войне, возразила Преподобная Мать, у всякой ценности своя цена. Дом Атрейдес не должен закрепиться на троне, худшего быть не может. Сестры не могут пойти на такой риск. Уж лучше вообще потерять гены Атрейдесов. Если дети Пола унаследуют трон, планы Сестер придется отложить на столетия.

Ирулан согласилась с этим, но все равно не могла отделаться от ощущения, что ее, консорт-принцессу, решили попросту истратить… пусть и на что-то очень важное. И все ли, что нужно, ей известно о гхоле?

В свой черед, Преподобная Мать пожелала узнать, не решила ли Ирулан, что в Орден поступают одни только дуры.

Когда же это принцессе забывали сообщить хоть каплю того, что ей положено знать?

Это был, собственно, не ответ, а попытка уклониться от ответа, как мгновенно поняла Ирулан. Значит, ей скажут лишь то, что необходимо.

«Откуда тогда уверенность в том, что гхола действительно может победить Императора?» – поинтересовалась Ирулан.

«С тем же успехом можно спрашивать, смертельно ли употребление Пряности», – огрызнулась Преподобная Мать.

В ее укоризне содержался тонкий намек. Наставница-Преподобная давала Ирулан понять, что о сходстве между гхолой и Пряностью ей давно уже следовало бы догадаться. Меланжа бесценна, но ее цена – привыкание. Люди, принимавшие ее, жили дольше – на годы, случалось, на целые десятилетия, – но наркотик этот попросту отправлял к смерти кружным путем.

Гхола тоже имеет смертельную ценность.

Возвращаясь к Чани, Преподобная Мать жестами объяснила: «Нет более очевидного способа предотвратить появление нежелательного ребенка, чем убить его потенциальную мать, пока она даже не зачала его».

Конечно, думала Ирулан, если идешь на расходы, следует извлечь максимум удовольствия из затраченной суммы.

Темные глаза Преподобной отливали голубизной – сказывалось употребление меланжи, – они внимательно глядели на Ирулан, измеряя, выжидая, отмечая мельчайшие детали.

«Она видит меня насквозь, – с горечью подумала Ирулан. – Она обучала меня и внимательно следила за мною. И прекрасно знает, на какого рода решения толкает меня, и видит, что и я понимаю это. Она только наблюдает, какой ценой дастся мне решение. Хорошо же, отвечу, как принцесса и гессеритка».

Выдавив улыбку, Ирулан выпрямилась и обратилась к начальным строкам Литании против страха: «Я не боюсь, я не должна бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его...»

Когда спокойствие возвратилось, она подумала: «Ну и пусть... пусть себе жертвуют мною. Я покажу им, чего стоят принцессы. Хотя бы тем, что Сестры получат за меня больше, чем ждут».

И обменявшись с Преподобной несколькими словесными банальностями, Ирулан удалилась.

Когда она вышла, Преподобная Мать вернулась к прерванным раздумьям над Таро, разложив карты «огненным вихрем». Из Большого Аркана сразу же вышел Квисатц Хадерах, карта эта соединялась с Восьмеркой Кораблей – сивиллой, одураченной и преданной. Недоброе предзнаменование, у врагов оставались скрытые возможности.

Отвернувшись от карт, она с тревогой подумала: «Неужели Ирулан все-таки погубит их?»

* * *

В глазах фрименов она неразрывно связана с Землей, полубогиня-хранительница, защищающая племена всей своей губительной мощью. Для них она – Преподобная Преподобных. Как полагают паломники, она возвращает мужчинам утраченную мужскую силу, исцеляет бесплодие… а еще она для них ментат навыворот. В ней воплощена достигающая предела тоска человека по тайне. Она – живое свидетельство того, что у логики есть свои ограничения, границы, вне которых она бессильна. Она – воплощение абсолютной напряженности. Дева и девка одновременно – она остроумна, вульгарна, жестока… прихоти ее губительны, словно кориолисова буря.

Из отчета принцессы Ирулан о Святой Алие, Деве Ножа

Черная фигура Алии застыла, как часовой, на южной платформе посвященного ей храма, Святилища Оракула, – фримены Пола воздвигли храм рядом с крепостью.

Эту часть своей жизни она ненавидела, но не знала, как уклониться, не погубив сразу всех. Число паломников – проклятье на их безумные головы! – день ото дня умножалось. Двор храма уже был заполнен ими. Повсюду сновали торговцы, ворожеи, гаруспики[16], гадатели жалким подражанием Полу Муад'Дибу и его сестре зарабатывали свои гроши.

Разносчики вовсю торговали колодами Таро Дюны в красных и зеленых упаковках. Алия не переставала удивляться: кто только выбросил эти штуки на рынок Арракина? Почему интерес к Таро вспыхнул именно теперь? Чтобы замутить будущее? Пряность наделяла каждого, кто принимал ее, некоторой способностью к предвидению. Ну а фримены всегда особенно отличались этим. Случайно ли, что сейчас они повсюду бормочут о приметах и знамениях? Она решила при первой же возможности заняться этим вопросом.

С юго-востока задувал ветер, легкий бриз, укрощенный громадным каменным валом. Кромка скал Барьерной Стены оранжево светилась сквозь легкую пыльную пелену, отражая лучи опускавшегося к горизонту солнца. Горячий ветер тронул ее щеки, напомнив о родных песках, об открытых и безопасных просторах.

Остатки сегодняшней толпы уже спускались с широких ступеней нижнего портика, выложенных зеленым камнем, люди шли по одному и группами, кое-кто задерживался поглядеть на сувениры и амулеты на лотках уличных торговцев, заводил разговор с заклинателями. Паломники, просители, городской люд, фримены, торговцы… неровной цепочкой возвращались они к центру города по обсаженной пальмами аллее.

Взгляд Алии отыскал фрименов, отметил суеверное преклонение на их лицах, дикарскую привычку держаться в стороне ото всех. В них была сила ее, и всегдашний источник

[16] Предсказатели будущего по внутренностям животных (первоначально у этрусков, затем у римлян).

угрозы. Они по-прежнему ловили гигантских червей для путешествий, удалого развлечения и жертвоприношений. Пилигримов с иных миров они презирали, городской люд – жителей низин и грабенов – еле-еле терпели, а циничных, с их точки зрения, уличных торговцев яро ненавидели… Вольного или, как говорили в городах, «дикого» фримена не стоило задирать нигде, даже в святилище Алии. В святых местах, конечно, никакой резни не случалось, просто потом где-нибудь находили тела…

Над толпой клубилась пыль. Кремнистый запах щекотал ноздри Алии, внушая ей ностальгию по просторам Пустыни. Воспоминания только обострились после появления гхолы. Сколько удовольствий приносили эти бесхитростные дни, когда брат ее еще не взошел на трон… находилось время на шутки, на всякие мелочи, можно было позволить себе просто насладиться прохладным утром или закатом… Сколько же тогда его было – времени… времени… времени… Даже опасности были тогда добрыми – смерть приходила известным путем. И не было необходимости вечно напрягать свои силы – заглядывать в будущее, за туманную пелену, в разрывах которой лишь изредка теперь проглядывало грядущее.

…Вольные фримены правильно говорили: есть четыре вещи, которые не спрячешь, – любовь, дым, столб пламени и мужчина, шагающий по бледу – каменистой Пустыне.

С внезапным отвращением Алия отступила с террасы в сумеречные помещения храма, прошла вдоль балкона, тянувшегося вдоль роскошного Зала Пророчеств. Под ногами ее скрипел песок. Вечно эти просители наносят его в Святые Палаты. Не обращая внимания на прислугу, охрану, вездесущих сикофантов – жрецов Квизарата, она направилась по спиральному коридору наверх, в собственные апартаменты. Оказавшись среди диванов и толстых ковров работы Пустынных мастериц, она отпустила фрименских амазонок, отобранных Стилгаром для ее охраны. Или скорее надзора! Бормоча возражения, они удалились: ее они все-таки

боялись больше, чем Стилгара. Алия сбросила с себя всю одежду – оставив только крис на шнурке, – отправилась принимать ванну.

Теперь Алия ощущала – он близок, этот таинственный мужчина из будущего; она всегда знала, что он ждет ее, но увидеть не могла. А потому злилась, что при всем своем пророческом даре не могла представить себе во плоти этот призрак. Лишь изредка он отбрасывал тень на иные жизни, известные ей. Случалось, что по ночам, когда невинность томило желание, Алия угадывала неясный силуэт, он все время прятался за размытым горизонтом, и ей все казалось, что, если хорошенько захотеть, она увидит его. Так и таился он, незримый, не давая ей покоя… свирепый, опасный и аморальный.

В ванной комнате ее окутал влажный теплый воздух. Привычку эту она обнаружила среди воспоминаний бесчисленных Преподобных Матерей, жемчужным ожерельем нанизанных на нить ее сознания. Вода, теплая вода ласкала ее кожу. Вокруг утопленной в пол ванны на зеленых плитках играли красные рыбки… как в море. Здесь было столько воды, что в недавнем прошлом фримены пришли бы в ярость, узнав, что подобное изобилие расходуется – на омовение человеческой плоти!

Он близок.

Смесь сладострастия со стыдливостью, думала она. Плоть ее алчет мужчину. Для Преподобной Матери, распоряжавшейся тауоргиями сиетчей, в сексе не было тайн. Общее сознание тау, всей его сущности в нужный момент могли предоставить ей любую подробность.

Ощущение близости исходило от плоти, ищущей другую плоть.

Жажда действия победила расслабленность, приносимую теплой водой.

Резко поднявшись из ванны, нагая Алия, оставляя за собой влажные следы, перебежала в тренировочный зал, примыкавший к ее спальне. Длинный зал был заставлен

разными хитрыми приспособлениями, с помощью которых адепты Бене Гессерит настраивались на предельную физическую и умственную готовность. Там были мнемонические усилители, иксианские «числовые мельницы», используемые Сестрами для развития чувствительности пальцев рук и ног, синтезаторы запахов и температурных полей, усилители тактильного восприятия, системорегистраторы – их применяли, чтобы избежать образования ненужных привычек, тренажеры коррекции альфа-ритма, блинк-синхронизаторы, чтобы совершенствовать восприятие света, тьмы и цветов спектра.

Собственной рукой ее вдоль одной из стен десятисантиметровыми буквами мнемонической краской была начертана цитата из «Кредо» Бене Гессерит:

«До нас процесс обучения засорялся инстинктами. Мы же научились тому, как следует учиться. Предшественники наши страдали узостью взгляда, огражденного рамками одной только жизни. Им и в голову не приходило начинать исследования в расчете на пятьдесят или более поколений. О возможности осуществления тотальной тренировки мышц и нервов никто не помышлял».

Вступив в тренировочный зал, Алия мельком заметила собственное многоликое отражение в хрустальных призмах. Тренировочный манеж. Длинный меч дожидался ее на подставке напротив спарринг-манекена. Алия подумала: придется сегодня попотеть, потрудиться до изнеможения... чтобы утомилась плоть и очистился ум.

Меч привычно лег в ее руку. Левой рукой она выхватила крис из висевших на груди ножен, и, держа его на изготовку, кончиком меча нажала на кнопку включения. Немедленно ожившее поле щита спарринг-манекена медленно и твердо отодвинуло ее руку.

Засверкали призмы, спарринг-манекен скользнул влево.

Меч Алии следовал за ним; девушке часто казалось, что манекен живет собственной жизнью. Но это были всего лишь сервомоторы и сложные контуры, умело отвлекающие

глаза от опасности, чтобы обмануть и тем самым научить. Сложная машина копировала ее собственные реакции, как анти-я; двигалась, отвечая ее движениям, мерцала светом на призмах, нападала и защищалась.

Из призм навстречу ей разом ударили отражения мечей, но только один был настоящим; она отразила удар и, преодолевая сопротивление щита, кончиком меча коснулась спарринг-манекена. Ожил огонек маркера, замерцали огни в призмах… лишь еще более отвлекая внимание.

Машина уже атаковала с новой скоростью – чуть побыстрее, чем прежде.

Она отразила удар, и дерзко шагнув в опасную зону, поразила устройство ножом.

В глубине призм засветилось уже два огонька.

Автомат задвигался быстрее, выдвинулся вперед, словно притянутый движениями ее тела и кончика меча.

Атака – удар – контрудар.

Атака – удар – контрудар.

Загорелось уже четыре маркера, машина становилась опаснее, с каждым огоньком труднее было понять, где находится истинный клинок.

Пять огней.

На обнаженном теле ее сверкали бисеринки пота. Она существовала теперь во Вселенной, границами были ее собственный меч, меч мишени, ее босые ноги, переступающие по полу фехтовального зала… Нервы и мышцы – движения против движения.

Атака – удар – контрудар.

Шесть огней… семь.

Восемь!

Она никогда еще не отваживалась на спарринг на этом уровне.

Внутри ее тела забившийся в угол разум скулил и молил прекратить безрассудство. Машина вместе со всеми ее призмами и мишенью не ведает осторожности… она не думает, она не испытывает угрызений совести. И клинок в ней

самый настоящий… иначе в тренировке нет смысла. Его острие способно и ранить, и убивать. Лучшие фехтовальщики Империи прекращали схватку при семи огоньках.

Девять!

Высший восторг охватил Алию. Атакующий нож и спарринг-манекен мелькали перед глазами, сливаясь в мерцающий морок. Собственный меч словно ожил в руке. Она превратилась в антимашину. Не она орудовала клинком – меч властвовал над всем ее телом.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то мелькнуло возле плеча, и, замедленное щитом, ударило в выключатель. Огни померкли. Призмы и спарринг-манекен замерли.

Разгневанная вторжением Алия резко обернулась, успев на ходу лишь осознать невероятное мастерство, с которым был сделан бросок. Он был выверен до непостижимой точности, к щиту нож подошел с нужной скоростью: чуть быстрее – и щит отразил бы его, чуть медленнее – и нож бы не попал в цель.

Но он ударил прямо в миллиметровый выступ мишени – а ведь манекен сиял уже одиннадцатью огнями!

Алия поняла, что начинает успокаиваться, словно в ней, как на спарринг-манекене, начинают гаснуть огни. Кто бросил этот нож, было понятно.

Пол стоял в дверном проеме, в трех шагах позади него – Стилгар.

Осознав собственную наготу, Алия подумала, что следовало бы прикрыться, потом сочла подобную мысль смешной. Что глаза уже видели, то из памяти просто так не сотрешь. И она медленно опустила нож в ножны на шее.

– Так я и знала, – произнесла она.

– Надеюсь, что ты представляешь, насколько это опасно, – бросил Пол. Он оглядел ее, стараясь уловить все реакции лица и тела. Разрумянившуюся кожу, влажные пухлые губы. Она встревожила его женственностью, прежде Пол не

замечал ничего подобного в своей сестре. Он даже подумал, как странно вдруг обнаружить в ком-то столь близком незнакомое свойство, так не укладывающееся в привычную схему взаимоотношений, казавшуюся уже неизменной.

– Это же просто безумие, – еле выдохнул Стилгар, становясь рядом с Полом.

За гневными словами слышалось благоговение, Алия видела трепет в его глазах.

– Одиннадцать огней, – Пол покачал головой.

– Я дошла бы и до двенадцати, если бы ты не вмешался, – ответила она, уже начиная бледнеть под его пристальным взглядом. – Зачем же в этой проклятой штуке столько огней, если их нельзя использовать?

– И это сестра Бене Гессерит спрашивает меня о причинах, по которым система остается не ограниченной в усложнении своих действий? – проговорил Пол.

– Но ты-то, я уверена, и за семь не заходил, – ответила она, вновь начиная сердиться. Этот изучающий взгляд уже начинал досаждать ей.

– Однажды, – отвечал Пол, – Гурни Халлек застукал меня на десяти. Последовало наказание, достаточно унизительное, и я даже теперь не скажу, что он сделал. Кстати, об унижениях...

– Надеюсь, в следующий раз вы будете предупреждать о своем приходе, – перебила его Алия, скользнув мимо Пола в спальню. Там она накинула просторное серое одеяние и принялась расчесывать волосы перед зеркалом на стене. Кожа ее была потной, она ощутила вдруг грусть, словно после соития... Ей захотелось опять принять ванну и лечь спать.

– Зачем вы явились? – спросила она.

– Милорд, – проговорил Стилгар совершенно необычным тоном, и Алия внимательно взглянула на него.

– Мы пришли по предложению Ирулан, каким бы странным оно ни показалось тебе. Она считает, а у Стила есть подтверждение, что наши враги собираются...

– Милорд! – еще более резко бросил Стилгар.

Алия продолжала смотреть на старого наиба, а брат ее вопросительно повернул голову. Что-то в старом фримене заставило ее подумать о том, насколько он первобытен. Стилгар верил в близость мира сверхъестественного. И мир этот говорил со старым язычником простым языком, не позволяя тому усомниться. Мир естественный и свирепый, он не поддавался контролю, в нем напрочь отсутствовали общепринятые в империи моральные принципы.

– Да, Стил, – ответил он. – Ты сам хочешь сказать ей о цели нашего прихода?

– Сейчас не время говорить об этом, – отвечал Стилгар.

– Отчего же, Стил?

Тот не отводил глаз от Алии.

– Сир, или вы ослепли?

С чувством неловкости Пол обернулся к сестре. Из всех его помощников лишь один Стилгар осмеливался разговаривать таким тоном, но и старый фримен, дерзая на это, применялся к обстоятельствам.

– Ей же необходим мужчина! – выпалил Стилгар. – И у нас будут неприятности, если не выдать ее замуж, и побыстрее.

Алия отвернулась, пряча внезапно раскрасневшееся лицо. «Как он умудрился достать меня», – удивилась она. Даже самоконтроль Бене Гессерит не в силах был предотвратить такую реакцию. Как это удалось Стилгару, ведь он не знаком с тайнами Голоса? Она была недовольна собой и потому сердилась.

– Послушайте Стилгара Великого! – отвечала она, отвернувшись от обоих мужчин, слыша строптивость в своем голосе, но не в силах воспротивиться ей. – «Наставления старого фримена девицам!»

С глубочайшим достоинством в голосе Стилгар произнес:

– Я люблю вас обоих, поэтому и говорю. Если бы я был слеп настолько, чтобы не замечать, что связывает мужчин и женщин, то не смог бы и стать вождем среди фременов. Для

этого не требуется никаких сверхъестественных способностей.

Взвесив слова Стилгара, Пол вновь обратился к оценкам… в том числе и собственной чисто мужской реакции на наготу сестры. Да – в Алие была заметна чувственность, что-то яростно распутное. Что заставило ее заняться тренировками обнаженной? И еще так отчаянно и бездумно рисковать жизнью. Одиннадцать огней в призмах фехтовального автомата! Безмозглое устройство в этот миг показалось ему древним чудовищем. Все властители использовали такие машины, но в этом оставался намек на древнюю безнравственность. Да, когда-то подобные устройства управлялись компьютерами и обладали искусственным интеллектом. Джихад Слуг покончил с этим, но не смог уничтожить ауру «аристократического порока», исходящую от подобных устройств.

Конечно же, Стилгар прав. Алие пора подыскать мужчину.

– Я этим займусь лично, – произнес Пол. – Мы с Алией обсудим этот вопрос позже, с глазу на глаз.

Алия обернулась, внимательно посмотрела на Пола. Зная механику его рассудка, она отдавала себе отчет в том, что решение это принято ментатом – уложившим в должном порядке все несчетные кусочки информации. Осознание это было бесповоротным – столь же неизбежным, как движение. Выводы ментатов отражали в себе часть высшего порядка Вселенной – грозного и неотвратимого.

– Сир, – начал Стилгар, – быть может…

– Потом! – отрезал Пол. – Это не единственная наша проблема.

Прекрасно понимая, что она не может соперничать с братом в том, что касается логики, Алия способом Бене Гессерит заставила себя отвлечься от событий нескольких последних минут.

– Значит, тебя прислала Ирулан? – произнесла она, ощущая опасность, таящуюся в самой этой мысли.

– Косвенно, – ответил Пол. – По ее сведениям, Гильдия намеревается похитить песчаного червя.

– Они хотят выкрасть небольшого червя, чтобы попытаться перенести меланжевый цикл на какую-нибудь дальнюю планету, – произнес Стилгар. – Значит, обнаружили подходящий для этого мир.

– Это значит еще, что им помогают фримены, – добавила Алия. – Как может чужак поймать червя?

– Ах-хх, это-то ясно без слов, – отвечал Стилгар.

– Ничего подобного, – отвечала Алия, рассерженная подобной тупостью. – Пол, ты, конечно...

– Гниль распространяется, – перебил ее Пол. – Мы давно знаем об этом. Но выбранной ими планеты я не видел. И это тревожит меня. Если они...

– Только это тебя тревожит? – бросила Алия. – Просто навигаторы Гильдии прячут ее от тебя, как и Тупайльские убежища.

Стилгар открыл и снова закрыл рот. Он был потрясен и поглощен ощущением, что оба его идола вдруг обнаружили святотатственную слабость.

Почувствовав его беспокойство, Пол произнес:

– Да, проблема не терпит промедления! Алия, меня интересует твое мнение. Стилгар предлагает разослать патрули по всей открытой Пустыне, усилить охрану сиетчей. Быть может, мы сумеем тогда засечь место посадки и предотвратить...

– Даже если их прикрывает Гильд-навигатор? – спросила Алия.

– Они идут на все, не так ли, – согласился Пол, – поэтому я здесь.

– Значит, они видели нечто, скрытое от нас с тобой? – спросила Алия.

– Именно.

Алия кивнула, вспомнив опять о новой игре – о Таро Дюны. Опасения возвратились.

– Набросили на нас покрывало, – проговорил Пол.

– С необходимым количеством патрулей, – начал Стилгар, – мы можем предотвратить...

– Предотвратить нельзя ничего... и никогда... – произнесла Алия. Ей не нравилась ограниченность Стилгара, не позволявшая фримену заметить важные подробности. Таким Стилгара она не помнила.

– Придется исходить из того, что червя они добудут, – произнес Пол. – Но вот сумеют ли они наладить меланжевый цикл на другой планете – это другой вопрос. Одного обладания червем для этого мало.

Стилгар переводил взгляд от брата к сестре. Экологические познания были глубоко впечатаны в его память всей жизнью в сиетче, он понимал, что пойманный червь может выжить лишь на кусочке Арракиса – с песчаным планктоном, с Маленькими Подателями и всем прочим. Гильдия взялась за нелегкое, но все же реальное дело. Или причины его тревоги коренятся в ином?

– Значит, в своих видениях ты не видишь действий гильдийцев? – осведомился Стилгар.

– Проклятие! – взорвался Пол.

Алия видела, как по лицу Стилгара пробегают тени мыслей. Старый фримен скован верой в сверхъестественное. Магия! Магия! Увидеть будущее – да это все равно что украсть священный огонь из храма. Как это опасно и... привлекательно, пусть дерзкий и рискует погубить свою душу. Из бесформенных и опасных теней смельчак может принести опору и могущество. Но теперь Стилгар начал ощущать и другие силы, еще более грозные – там, за неизведанным горизонтом. Королева-колдунья и друг-пророк обнаружили опасную слабость.

– Стилгар, – произнесла Алия, пытаясь удержать его, – ты стоишь в ложбине между двух дюн. А я на гребне. Я вижу то, что тебе не видно. В том числе и горы, скрывающие далекие страны.

– Но есть и такое, что укрыто даже от вас, – возразил Стилгар, – вы оба всегда это говорили.

– Всякая сила ограниченна, – произнесла Алия.

– А опасность ведь может прийти из-за гор, – отозвался Стилгар.

– Конечно, – согласилась Алия.

Стилгар кивнул, не отводя глаз от лица Пола.

– Но всякому, кто придет из-за гор, придется идти по песку.

* * *

Кто может затеять в этой Вселенной игру более безрассудную, чем властелин, попытавшийся править, опираясь на пророчества?.. Мы считаем себя недостаточно мудрыми и отважными, чтобы рискнуть на это. Изложенные ниже детали, насколько это возможно, поясняют действия правительства в той мере, в какой это безопасно. Воспользуемся для удобства определением Бене Гессерит, считающим миры источниками наследственности, местом рождения учений и учителей, местопребыванием всего существующего. И мы не стремимся править – мы стремимся использовать эти генетические возможности, чтобы учиться, чтобы освободить себя от ограничений, налагаемых интересами общества и правительством.

«Оргия как инструмент государственного правления». Руководство Гильд-навигатора, глава третья

– Не здесь ли умер ваш отец? – спросил Эдрик, прикоснувшись тонким лучом световой указки к выложенному искрящемуся драгоценными камнями знаку на одной из рельефных карт, украшавших приемную, Пола.

– Это гробница, в которой покоится его череп, – ответил Император, – отец мой погиб пленником на фрегате Харконненов, здесь, в котловине под нами.

– Ах да, теперь я припоминаю, – проговорил Эдрик, – и он убил своего кровного врага, старого барона Харконнена.

Надеясь, что движения его не выдают даже кроху того ужаса, который вселяли в него маленькие и замкнутые помещения, Эдрик развернулся в своем контейнере лицом к

Полу, сидевшему на длинном диване, сером с черными полосами.

– Барона убила моя сестра, – сухо поправил его Пол. – Перед битвой при Арракине.

«Зачем нужно этой человекоподобной рыбе, – подумал он, – бередить старые раны именно теперь?»

Навигатор, похоже, начинал проигрывать в долгой битве с собственными нервами. Движения его потеряли былую плавность. Крошечные глаза Эдрика метались… высматривали, взвешивали. Единственный провожатый его стоял в приемной неподалеку от выстроившейся вдоль стены стражи, слева от Пола.

Помощник этот – жирный, толстошеий увалень, равнодушно озиравшийся по сторонам, – смущал Пола. Он шествовал, подталкивая вперед скользящий на силовой подвеске контейнер с Эдриком, а в походке его угадывалась поступь душителя.

Скитале, назвал его Эдрик, Скитале, адъютант.

Пусть внешность помощника буквально кричала: «Это тупица!», но глаза выдавали его – они осмеивали все, на что падал их взгляд.

– Вашей наложнице, кажется, понравилось представление лицеделов, – проговорил Эдрик. – Рад, что сумел доставить ей небольшое удовольствие. На нее просто приятно было посмотреть, когда вся труппа разом изобразила ее черты.

– А что слышно о гильдийцах, дары приносящих? – спросил Пол, вспоминая представление, данное здесь же, в Большом Зале. Лицеделы то выступали в обличье карт Таро Дюны и кружили по залу, то, как бы случайно сливались в огненном вихре, то распадались на группы древних гадальных сочетаний. Следующим номером чередой проследовали властители – короли и императоры, лики с древних монет – официальные и строгие, но как бы текучие. Были и шутки: сам Пол, то есть его копия, а потом Чани, длинная череда одних только Чани, от одного края сцены до другого.

Прошествовал и Стилгар – настоящий Стилгар при этом ежился и ворчал, остальные смеялись.

– Наши дары подносятся с наилучшими намерениями, – принялся возражать Эдрик.

– Насколько же добры эти самые намерения? По словам вашего гхолы, он предназначен, чтобы погубить нас.

– Погубить вас, сир? – с абсолютной невозмутимостью отвечал Эдрик. – Разве можно погубить бога?

Вошедший на этих словах Стилгар бросил свирепый взгляд на стражу: она находилась много дальше от Пола, чем следовало бы.

– Все хорошо, Стил, – Пол остановил Стилгара движением руки, – всего лишь дружеская пикировка. А почему бы не пододвинуть контейнер с послом поближе к моему дивану?

Мгновенно взвесив последствия, Стилгар подметил, что контейнер, хотя и окажется возле Пола, заслонит его от рослого помощника...

– Все хорошо, Стил, – повторил Пол, кодовым жестом руки подтверждая приказ.

С явным неудовольствием Стилгар пододвинул емкость поближе. Ему не нравился даже густой запах Пряности, в котором словно купался контейнер. Он остановился возле угла его под кружащимся репродуктором, через который доносились слова Гильд-навигатора.

– Убить бога? – переспросил Пол. – Интересно, но кто же это решил, что я бог?

– Те, кто поклоняется вам, – улыбнулся Эдрик, глядя в упор на Стилгара.

– Неужели и вы в это верите? – спросил Пол.

– Сир, речь не о том, во что я верю, – отвечал Эдрик, – но со стороны многим кажется, что вы вознамерились объявить себя богом. Кое-кто мог бы задуматься – в силах ли смертный дерзнуть на подобное... и уцелеть?

Пол изучал гильдийца. Отвратительное, но сметливое создание. Пол и сам задавал время от времени этот вопрос.

Конечно, сам-то он видел достаточно временных перспектив, сулящих вещи похуже, чем святотатство. Куда хуже. Но чтобы и навигатор мог углядеть в будущем подобные подробности… Зачем ему знать? Чего хочет добиться Эдрик подобной дерзостью? Мысли Пола замелькали: за этим ходом кроется связь с тлейлаксу; недавняя победа джихада на Симбу сказывается на действиях Эдрика; проглядывают верования Бене Гессерит.

Мозаика из множества фрагментов информации сливалась в мысли; на расчетный транс ушло секунды три, не более.

– Не оспаривает ли навигатор открывшегося в предвидениях? – спросил Пол, увлекая Эдрика в область, где тот несилен.

Навигатор вдруг встревожился, но быстро взял себя в руки, разразившись длинным афоризмом:

– Ни один разумный человек не станет сомневаться в словах пророка. Люди прибегали к оракулам с древнейших времен. В сети пророчеств можно запутаться в самый неожиданный момент. К счастью, в нашей Вселенной действуют и прочие силы.

– Неужели они сильнее предвидения? – наступал Пол.

– Если бы людям дано было одно только предвидение и на него приходилось бы полагаться во всем, – оно бы само себя уничтожило, поскольку обращалось бы само к себе, постепенно вырождаясь.

– Так всегда и бывает с людьми, – согласился Пол.

– В лучшем случае пророческий дар опасен, – отвечал Эдрик, – даже если удастся не спутать видения будущего с галлюцинациями!

– Неужто мои видения всего лишь галлюцинации? – с притворной печалью спросил Пол. – Или же ты имеешь в виду, что галлюцинируют верующие в меня?

Ощущая растущую напряженность, Стилгар на шаг пододвинулся к Полу, не отрывая глаз от висящего в контейнере гильдийца.

– Сир, вы искажаете мои слова, – запротестовал Эдрик, и в словах его ощущалась странная угроза.

«Неужели покушение? – думал Пол. – Прямо здесь? Они не осмелятся. Или же, – тут он бросил взгляд на стражу, – те, кто оберегает меня, обернутся врагами?»

– Вы обвиняете меня в злом умысле, по-вашему, я плету какие-то козни, чтобы стать богом? – тихо произнес Пол, так, чтобы его слышали только Стилгар и Эдрик. – В злом умысле?..

– Быть может, я неудачно выбрал слова, – запротестовал Эдрик.

– Весьма показательная оговорка; она свидетельствует, что вы всегда ждете от меня худшего.

Эдрик повернул голову и с опаской покосился на Стилгара.

– Сир, люди всегда ждут худшего от могущественных и богатых. По этому признаку всегда можно узнать аристократа: он обнаруживает лишь те пороки, которые способствуют его популярности.

Лицо Стилгара передернулось.

Подняв глаза на старого фримена, Пол прочитал на лице его возмущение. Как смеет этот гильдиец так разговаривать с Муад'Дибом?

– По-моему, вы не шутите, – утвердительно сказал Пол.

– Шучу, сир?

Пол вдруг почувствовал, что рот его пересох. В комнате сразу стало слишком много людей, слишком уж много легких вдыхало воздух. В самом запахе меланжи от контейнера Эдрика чудилась опасность.

– И кто же мой соучастник в подобном сговоре? – будничным тоном произнес Пол. – Не Квизарат ли?

Эдрик пожал плечами, оранжевые вихри заклубились возле его головы. Стилгар его более не беспокоил, но фримен все еще яростно глядел на навигатора.

– Или же вы хотите сказать, что все миссионеры моих святых Орденов лгут... все до единого? – настаивал Пол.

– В каждом конкретном случае это зависит от степени собственной заинтересованности и искренности, – отвечал Эдрик.

Стилгар опустил руку за пазуху, к крису.

Качнув головой, Пол произнес:

– Значит, вы и меня обвиняете в неискренности?

– Сир, слово «обвинять» мне кажется здесь неуместным.

«Смел же!» – подумал Пол и сказал:

– Уместно это слово или нет, но вы утверждаете, что и мои епископы, и сам я всего лишь честолюбивые бандиты.

– Честолюбивые, сир? – Эдрик вновь поглядел на Стилгара. – Чем больше власти заключено в руках одного человека, тем более отдаляется он от прочих людей. Властелины постепенно теряют всякое представление о действительности... и тогда власть их рушится.

– Мой господин, – скрипнул зубами Стилгар, – вы посылали людей на казнь за меньшее!

– Так это людей, – отозвался Пол, – а перед тобой посол Гильдии.

– Он обвиняет вас в святотатстве и лжи! – воскликнул Стилгар.

– Меня интересует его манера мышления, – сказал Пол. – Сдержи гнев и будь наготове.

– Как велит Муад'Диб.

– Скажи тогда, навигатор, – спросил Пол, – как могли бы мы осуществить эту гипотетическую затею – при невообразимых расстояниях, на протяжении длительного времени, тем более что у нас нет возможности приглядеть за каждым храмом и священником Квизарата?

– Что для вас время? – спросил Эдрик.

Стилгар озадаченно нахмурился. «Муад'Диб часто говорил, что прозревает через покровы времени, – думал он. – Не это ли имеет в виду гильдиец?»

– Надувательство такого масштаба немыслимо, рано или поздно обман лопнет, – бросил Пол. – Пойдут расколы,

ереси… сомнения, признания во лжи… И всё – конец вселенской афере.

– Чего не спрячет государственная религия и собственные интересы, покроет правительство, – проговорил Эдрик.

– Ты испытываешь пределы моего терпения? – спросил Пол.

– Или в моих аргументах имеются очевидные изъяны? – возразил Эдрик.

«Напрашивается на нож, – размышлял Пол. – Предлагает себя в качестве жертвы? Зачем?»

– Я лично предпочитаю легкий цинизм, – испытующим тоном проговорил Пол. – Вижу, ты явно искушен во всей лжи и уловках правителей, в двусмысленных речах властелинов. Язык – твое оружие, им ты испытываешь мою броню.

– Легкий цинизм, – отвечал Эдрик, растягивая тонкий рот в улыбке. – Все правители во все времена циничны в том, что касается религии. Ведь религия тоже оружие. И оружие еще более мощное, когда религия и власть объединяются.

Пол вдруг притих, ощутив необходимость в величайшей осторожности. К кому обращается Эдрик? Чертовски умно и тонко, намеки и этот скрытый юмор. Посол словно бы стремится подчеркнуть: они с Полом – двое посвященных, которым открыты просторы, неведомые простым смертным. С невольным смятением Пол понял, что вся эта риторика предназначалась вовсе не ему, а Стилгару, страже, рослому помощнику посла, наконец.

– Эта религиозная мана[17] была мне навязана, – отвечал Пол, – я ее не добивался.

А сам подумал: «Хорошо, пусть этот рыбочеловек решит, что остался победителем в словесном поединке!»

– Тогда почему же вы не разоблачили обман, сир? – спросил Эдрик.

[17] Сверхъестественная сила, полинез.

– Увы, не в силах, – отвечал Пол, внимательно вглядываясь в лицо Эдрика. – Из-за сестры. Ведь она и в самом деле богиня. И держись осторожнее в ее присутствии, не то она сразит насмерть взглядом.

Насмешливая улыбка сменилась на лице Эдрика смятением.

– Я говорю вполне серьезно, – продолжал Пол, наблюдая за послом. Стилгар согласно кивал.

Бесцветным тоном Эдрик ответил:

– Сир, вы подорвали мою веру в вас. Не сомневаюсь, что таково и было ваше намерение.

– Не слишком полагайся на то, что тебе известны мои намерения, – отвечал Пол, давая знак Стилгару, что аудиенция окончена.

Стилгар в ответ жестом же спросил, следует ли убить Эдрика. Пол ответил повелительным отрицанием, чтобы Стилгар не вздумал проявлять инициативу.

Скитале, помощник Эдрика, подошел к заднему углу контейнера, легонько толкнул его к двери. Оказавшись напротив Пола, он вдруг поглядел на него смеющимся взглядом и спросил:

– Не угодно ли будет господину моему выслушать?

– Да, в чем дело? – отвечал Пол, отметив мгновенную реакцию Стилгара на опасность, которую мог представлять этот человек.

– Некоторые утверждают, – проговорил Скитале, – что люди льнут к Императорской власти потому лишь, что пространство бесконечно. Они чувствуют себя одинокими, если их не объединяет символ. Для любого человека Император – это прежде всего нечто конкретное. Можно посмотреть на него и сказать: глядите, вот он, Тот, что объединяет нас. Быть может, милорд, и религия преследует ту же самую цель.

Мило улыбнувшись, Скитале еще раз подтолкнул контейнер с Эдриком. Так они оставили приемную. Эдрик

покоился в своем контейнере с закрытыми глазами. Навигатор словно вдруг выдохся, вся энергия как будто оставила его.

Пол глядел в удалявшуюся спину Скитале, удивляясь его словам. Интересная личность этот Скитале, подумал он. Пока он говорил, казалось, что это не один человек, а несколько, словно бы наследственность его принадлежала нескольким личностям.

– Странно все это, – проговорил Стилгар, ни к кому не обращаясь.

Едва стража сомкнулась за Эдриком и его сопровождающим, Пол поднялся с дивана.

– Странно, – повторил Стилгар. На виске его билась жилка.

Пригасив свет, Пол подошел к окну, выходившему в угол между двух утесов – стен его крепости. Где-то внизу поблескивали огоньки, казавшиеся отсюда пигмеями, рабочие переносили огромные блоки пластмелда для починки фасада Храма Алии – недавняя буря обрушила на него сокрушительный удар.

– Глупо, Усул, впускать подобного гостя в эти палаты, – проговорил Стилгар.

Усул, подумал Пол. Мое имя в сиетче. Стилгар напоминает, что командовал мною когда-то, что спас меня от смерти в Пустыне.

– Почему ты это сделал? – спросил Стилгар откуда-то из-за спины Пола.

– Данные, – отвечал Пол. – Мне необходимы данные для расчетов.

– Разве это не опасно – встречать такую угрозу только лишь силами ментата?

Точно подмечено, подумал Пол.

Расчеты ментата конечны по природе. Разве можно выразить безграничное в рамках, налагаемых любым языком? Однако и от ментата есть польза. Так он и ответил Стилгару.

– Что-нибудь всегда остается снаружи, – произнес Стилгар. – А кое-что вообще лучше там и держать.

– Или же внутри, – согласился Пол. На миг он смирился со своими ограничениями как оракула и ментата. Это снаружи. А внутри крылся чистейший ужас. Как защититься от себя самого? Конечно, они добиваются, чтобы он сам погубил себя, – но это просто ничто перед еще более жуткими перспективами.

Размышления его прервали торопливые шаги. Корба-квизара влетел в дверь, на миг мелькнув черным силуэтом в ослепительном свете. Внутрь приемной его словно метнула какая-то сила, но ощутив царившую в ней задумчивость, он почти немедленно замер на месте. В руках его были катушки шигакорда. Они поблескивали в лучах солнца странными крохотными самоцветами. Круглые бриллианты мгновенно погасли, едва рука стражника притворила дверь.

– Вы здесь, милорд? – спросил Корба, вглядываясь в полумрак.

– В чем дело? – ответил вопросом Стилгар.

– Стилгар?

– Мы оба здесь. В чем дело?

– Я обеспокоен приемом, оказанным этому гильдийцу.

– Обеспокоен? – переспросил Пол.

– Люди говорят, милорд, что вы кланяетесь нашим врагам.

– И это все? – произнес Пол. – Это те самые ленты, которые я просил тебя принести? – Он показал на катушки шигакорда в ладонях Корбы.

– Ленты... Ох! Да, милорд! Это те самые истории. Вы будете их просматривать здесь?

– Я видел их. Они необходимы Стилгару.

– Мне? – не без обиды удивился тот. Жест Пола показался ему капризом. Истории! Стилгар дожидался Пола, чтобы обсудить логическую цепь действий, необходимых для покорения Забулона. Разговор прервал своим визитом посол. А теперь еще Корба с этими историческими материалами!

– Интересно, насколько ты знаешь историю? – задумчиво произнес Пол, обращаясь к тонущему в полумраке силуэту старого друга.

– Мой господин, я могу назвать каждый мир, на котором обитал мой народ в своих скитаниях. Я знаю пределы Имперской…

– А Золотой Век? Землю? Ты не интересовался ими?

– Землю? Золотой Век? – Озадаченный Стилгар рассердился. Зачем вдруг Полу взбрели на ум стариннейшие из мифов? Разум Стилгара еще был полон информации о Забулоне, представленной штабными ментатами: две сотни и еще пять десантных фрегатов, тридцать легионов, вспомогательные батальоны, миротворческие силы, миссионеры Квизарата… Необходимые припасы (цифры были словно перед глазами), еда, меланжа… оружие, обмундирование, медали… урны праха погибших… некоторое количество специалистов: пропагандисты низшего уровня, клерки, бухгалтеры… шпионы… и шпионы среди шпионов.

– Я прихватил и синхронизатор, милорд, – заметил Корба. Он почувствовал напряженность и обеспокоился.

Стилгар покачал головой из стороны в сторону. Синхронизатор? Зачем Полу понадобилось, чтобы к проектору присоединили мнемоническое устройство? К чему искать какие-то конкретные сведения в исторических материалах? Это же дело ментата! Как всегда, Стилгар вновь ощутил глубокое предубеждение: опять эти искусственные приспособления! Подобные мероприятия всегда смущали его душу: в потоке фактов вечно обнаруживалась информация, о которой он и не подозревал.

– Сир, я пришел к вам с расчетами для Забулона! – начал Стилгар.

– Да на дегидрацию все забулонские расчеты! – отрезал Пол, воспользовавшись непристойным фрименским словечком, означавшим, что речь идет о такой воде, к которой нельзя прикоснуться, не замаравшись.

– Мой господин!

– Стилгар, – начал Пол, – тебе абсолютно необходимо обрести внутреннее равновесие, которое можно обрести, лишь учитывая долгосрочные эффекты. Корба принес с собою все те крохи информации о древних временах, которые уцелели после Бутлерианского джихада. Начнем с Чингисхана.

– Чингисхана? Кто-нибудь из сардукаров, милорд?

– Нет, он жил задолго до них. Он истребил… миллиона четыре людей.

– О, для этого требуется соответствующее оружие, сир. Лучеметы или…

– Стил, сам он не убивал. Он тоже воевал чужими руками. Тоже рассылал свои легионы, как и я. Вот еще один император, о котором ты должен помнить. Его звали Гитлер. Этот погубил уже больше тридцати миллионов. Неплохо для того времени.

– Тоже руками легионов? – спросил Стилгар.

– Да.

– Не слишком впечатляющие цифры, милорд.

– Отлично, Стил. – Пол поглядел на катушки шигакорда в руках Корбы. Тот стоял, мечтая только об одном: бросить все и убежать отсюда. – Вот другие цифры: по весьма умеренным оценкам, я истребил шестьдесят один миллиард людей, уничтожил всю жизнь на девяноста планетах, полностью деморализовал еще пять сотен миров. Я истребил последователей сорока религий, существовавших от…

– Это же неверные! – запротестовал Корба. – Неверные все до одного!

– Нет, – возразил Пол, – они верили…

– Господин мой изволит шутить, – дрожащим голосом отвечал Корба. – Десяти тысячам миров джихад принес ослепительный свет.

– Не свет – навел тьму кромешную, – отвечал Пол. – После джихада Муад'Диба человечество будет приходить в себя сотню поколений. Трудно представить, чтобы люди не осознавали этого, – лающий смешок вырвался из его горла.

– Что так развеселило Муад'Диба? – спросил Стилгар.

– Я вовсе не радуюсь. Просто мне представился император Гитлер с подобными словами на устах. Конечно же, и ему они приходили в голову.

– Но ни у одного правителя еще не было такой мощи, – принялся возражать Корба. – Кто осмелится противостоять вам? Ваши легионы уже контролируют известную Вселенную и все...

– Легионы контролируют? – спросил Пол. – Интересно, сами они знают об этом?

– А вы, сир, повелеваете своими легионами, – перебил Стилгар Императора. По тону его чувствовалось, что он внезапно осознал собственное место в длинной цепи наделенных властью, ведь вся эта мощь подчинялась его руке.

Направив таким образом мысли Стилгара в желательном направлении, Пол обратил все свое внимание к Корбе.

– Положи записи сюда, на диван.

Когда Корба повиновался, Пол произнес:

– Как проходит прием, Корба? Моя сестра полностью контролирует ситуацию?

– Да, милорд, – осторожным тоном отвечал Корба. – Чани следит за всем через потайное окошко. Она опасается, что среди гильдийцев могут затесаться сардаукары.

– Не сомневаюсь в ее правоте, – проговорил Пол. – Шакалы сбиваются в стаю.

– Баннерджи, – Стилгар назвал имя шефа безопасности Императора, – уже выражал опасения, что они могут попытаться проникнуть в запретные апартаменты Цитадели.

– Они уже рискнули?

– Нет еще.

– Однако в парке имела место некоторая сумятица, – проговорил Корба.

– Какого рода? – требовательным тоном бросил Стилгар.

Пол кивнул.

– Незнакомцы, – произнес Корба, – они входили и выходили, мяли растения, шептались... мне доносили о кое-каких возмутительных высказываниях.

– Например? – спросил Пол.

– Ну, скажем, «так вот как расходуются наши налоги?». Мне сказали, что эту фразу произнес сам посол.

– Это неудивительно, – проговорил Пол. – В садах было много чужаков?

– Несколько дюжин, милорд.

– Баннерджи расставил около дверей отборную стражу, милорд, – заговорил Стилгар. С этими словами он повернулся. Единственный оставшийся светильник осветил половину его лица. В скудном свете черты друга сразу напомнили Полу что-то из их Пустынных времен. Он не стал припоминать обстоятельства – все внимание его было обращено на лицо Стилгара. На туго обтянутом кожей лице фримена отражались едва ли не все мысли, проскальзывающие в уме. Ныне он сомневался... его беспокоило необъяснимое поведение Императора.

– Мне не нравится вторжение в сады, – проговорил Пол. – Одно дело вежливо встретить гостей... посольство все-таки, но это...

– Я распоряжусь, чтобы всех их выдворили, – вызвался Корба. – Немедленно!

– Подожди! – приказал ему Пол, едва Корба стал поворачиваться к выходу.

Во внезапно наступившей тишине Стилгар переступил так, чтобы видеть лицо Пола. Сделано было великолепно. Пол просто восторгался тем, как это делают фримены. Никакой прямолинейности, гибкость, хитрость и ловкость, к которым примешивается уважение к личности, порожденное необходимостью.

– Сколько сейчас времени? – спросил Пол.

– Почти полночь, сир, – отвечал Корба.

– Иногда я думаю, Корба, что я и есть самое совершенное из моих творений, – сказал Пол.

– Сир! – В голосе Корбы слышалась боль.

– А ты чувствуешь трепет передо мной? – спросил Пол.

– Пол Муад'Диб, звавшийся Усулом в нашем сиетче, – начал Корба, – тебе известна моя преданность...

– А ты не ощущаешь себя апостолом? – продолжал Пол.

Корба не понял его, но тон истолковал правильно.

– Мой Император знает, что совесть моя чиста.

– Шаи-Хулуд, спаси нас! – пробормотал Пол.

Невысказанные вопросы развеял свист, раздавшийся вдруг за дверью в зале. Свист умолк после резкой команды.

– Корба, мне кажется, ты переживешь все это, – проговорил Пол и увидел огонек понимания в глазах Стилгара.

– Но в садах чужаки, сир, – напомнил ему Стилгар.

– Ах да, – усмехнулся Пол. – Пусть Баннерджи выставит всех, Стил. Корба поможет.

– Я, сир? – Лицо Корбы выражало глубокое беспокойство.

– Кое-кто из моих друзей уже позабыл, что раньше они назывались Вольным Народом, – обратился Пол к Корбе, слова свои предназначая Стилгару. – Запомни тех, кого Чани назовет сардаукарами, и прикажи убить всех. Сделай это. Пусть все будет сделано тихо, без ненужного шума. Не следует забывать, что законы веры и власти не сводятся к простому выполнению договоров и обрядов.

– Повинуюсь воле Муад'Диба, – прошептал Корба.

– А расчеты для Забулона? – спросил Стилгар.

– Завтра, – отвечал Пол. – Когда в садах не останется чужаков, объяви, что прием закончен. Партия сыграна, Стил.

– Понимаю, милорд.

– Уверен в этом, – отвечал Пол.

* * *

Вот бог поверженный лежит – он пал, и низко пал.
Мы для того и строили повыше пьедестал.

Эпиграмма тлейлаксу

Алия сидела, уперев руки локтями в колени, положив на кулаки подбородок, и разглядывала останки: эти несколько источенных песком и ветром костей и лохмотья плоти недавно принадлежали молодой женщине. Остальное – руки, голову, верхнюю часть тела – сожрала кориолисова буря. Песок вокруг был теперь покрыт следами врачей и следователей, высланных по указанию ее брата. Все они уже разошлись, рядом с ней оставалась одна лишь похоронная команда – они стояли чуть в стороне. Хейт – среди них, ожидая, пока она завершит свое таинственное исследование.

Золотистое солнце струило теплый полуденный свет, как и положено в этих широтах.

Тело обнаружили несколько часов назад с низколетящего курьерского топтера – приборы вдруг зарегистрировали слабый водяной след, там, где влаги не должно быть и в помине. После сообщения на место прибыли эксперты. Они узнали… что женщине этой было около двадцати лет, что она – фременка и привержена семуте… Умерла она здесь, в Пустыне, от тонкого яда, изготовленного тлейлаксу.

Смерть в Пустыне для фременов естественна. Но семута… – такое случалось так редко, что Пол послал ее проследить за всем так, как учила их мать.

Алия чувствовала, что ничего не достигла, только сгустила облако тайны, и без того уже охватившее здесь все. Услышав, как гхола провел ногой по песку, она поглядела на него. Лицо гхолы было обращено вверх, к эскорту, стаей ворон кружившему над ними.

Бойся Гильдии, дары приносящей, думала Алия.

Похоронный топтер вместе с ее собственным стояли на песке возле скалистого выступа позади гхолы. Мельком

глянув на крылатые машины, Алия едва подавила в себе желание скорее взлететь… оказаться подальше от этого места.

Но Пол решил, что она сумеет увидеть нечто, сокрытое от прочих. Она поежилась в дистикомбе. После проведенных в городе месяцев он казался неудобным. Она посмотрела на гхолу, подумала: что, если он догадался о каких-нибудь обстоятельствах странной смерти? Завиток его курчавых волос выбивался из-под капюшона дистикомба. Рука ее так и тянулась заправить волосы на место.

Словно бы ощутив ее мысль, гхола обратил к ней поблескивавшие металлом глаза. Она затрепетала под пристальным его взором и отвернулась.

Фрименка умерла от яда, называемого «глоткой ада».

Фрименка. Привыкшая к семуте.

Она разделяла беспокойство Пола, вызванное сочетанием этих фактов.

Похоронная команда терпеливо ждала. В трупе оставалось уже слишком мало воды, сберегать было нечего, можно не торопиться. И еще – они верили, что Алия тайным знанием читает судьбу той, кому принадлежали эти останки.

Но озарения не было.

И в глубине души рос гнев на этих простофиль. Вот они – результат проклятой ложной религиозности. Конечно же, и она сама, и ее брат – не народ. Власть должна пребывать на высотах. Об этом позаботились и Бене Гессерит, потрудившиеся над наследственностью Атрейдесов. Свою лепту добавила и их мать, наставившая своих детей в знании Пути…

И Пол еще более усугубил этот отрыв от обычных людей.

Преподобные Матери пробудились в памяти Алии, вспышками адаба заговорили: «Тихо, маленькая! Ты есть ты. Потому тебе и дано кое-что».

Дано!

Она жестом подозвала гхолу.

Он встал перед нею, внимательный и терпеливый.

– И что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Скорее всего мы никогда не узнаем, кто она, – отвечал он, – нет ни зубов, ни головы, они исчезли. Разве что руки... но ее генетические характеристики едва ли где-нибудь зарегистрированы.

– А яд тлейлаксу? – продолжала она. – Что из этого следует?

– Подобные яды покупают многие люди.

– Верно. Но от этой почти ничего не осталось, нечего восстанавливать, с тобой было иначе.

– Даже если бы вы решили доверить это тлейлаксу, – ответил он.

Она кивнула, встала:

– Теперь отвези меня в город.

В воздухе, когда нос аппарата уже обратился к северу, она произнесла:

– Ты пилотируешь совершенно как Дункан Айдахо.

Он бросил на нее испытующий взгляд:

– Мне уже говорили об этом.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила она.

– О многом.

– Не смей, шайтан побери, уклоняться от вопроса!

– Какого вопроса?

Она яростно посмотрела на него.

Встретив ее взгляд, он передернул плечами.

Жест Дункана, подумала она. И хриплым обвиняющим тоном произнесла:

– Я просто хотела услышать твое мнение, взвесить собственные соображения и сопоставить их. Гибель этой молодой женщины смущает меня.

– Я думал не об этом.

– О чем же?

– О том странном чувстве, которое я испытываю всякий раз, когда слышу разговоры о том, кем я, возможно, был.

– Возможно?

– Тлейлаксу хитры...

– Не настолько. Ты был Дунканом Айдахо.

– Весьма вероятно. Это лежит на поверхности.

– Итак, ты становишься эмоциональным?

– В известной степени. Я чувствую нетерпение. Я волнуюсь. Меня просто трясет, и я едва сдерживаюсь. В голове моей… вспыхивают какие-то картинки.

– И что же?

– Они слишком быстро гаснут. Просто какие-то вспышки… Похожие на память.

– А для тебя они представляют интерес?

– Конечно же. Любопытство подталкивает, но я словно иду против ветра. Я думаю: что, если я не тот, за которого меня принимали? И мне не нравится эта мысль.

– И это все, о чем ты думаешь?

– Вы это лучше знаете, Алия.

Как смеет он обращаться ко мне по имени? Обдумывая его слова, она чувствовала, как вскипает и отступает гнев, – на бьющую из обертонов его голоса возмутительную мужскую самоуверенность. На щеке ее дернулся мускул. Она стиснула зубы.

– Там внизу не Эль-Кудс? – спросил он, коротко качнув крылом и мгновенно вспугнув всю стаю эскорта.

Она поглядела вниз на тени, скользящие по взгорью возле перевала Харг, на скалу и укрывавшую череп ее отца пирамиду на ней… Эль-Кудс – святое место.

– Это святое место, – отвечала она.

– Надо будет когда-нибудь посетить его, – промолвил он, – возле останков твоего отца меня могут посетить воспоминания.

Вдруг она впервые поняла, как сильна в нем потребность узнать, кем он был. Это желание было для гхолы главным. Она поглядела назад, на скалы. Утес обрывался прямо в море песка… коричневым обрывом скала, словно корабль, разрезала дюны.

– Вернись назад, – приказала она.

– А эскорт…

– Развернись и проскользни под ними. Они последуют за нами.

Он повиновался.

– Ты и в самом деле верно служишь моему брату? – спросила она, когда топтер лег на новый курс, а эскорт пристроился следом.

– Я служу Атрейдесам, – отвечал он формальным тоном.

Рука его поднялась, упала, почти в точности повторяя принятое на Каладане приветствие. Лицо его стало скорбным. Он глядел вниз, на гробницу, высящуюся среди скал.

– Что с тобой? – спросила она.

Губы его шевельнулись. Ломким, напряженным голосом он произнес:

– Он был… он был, – и слеза скользнула вниз по щеке.

Фрименское благоговение заставило Алию примолкнуть. Он отдает воду мертвым! Она с сочувствием тронула его щеку пальцем, ощутив отданную влагу.

– Дункан, – прошептала она.

Руки его словно прилипли к рукояткам управления, взгляд не отрывался от пирамиды.

Она повторила громче:

– Дункан!

Он сглотнул, качнул головой, сверкнув на нее металлическими глазами.

– Я… почувствовал… руку… на моих плечах, – выдавил он. – Я чувствовал! Руку! – Он справился с горлом. – Это был… друг. Это был… мой друг.

– Кто?

– Не знаю. Я думаю, это был… Не знаю.

Перед Алией замигал огонек вызова, капитан эскорта желал знать, зачем они возвращаются в Пустыню. Взяв микрофон, она пояснила, что они просто поклонились гробнице ее отца. Капитан напомнил ей, что уже поздно.

– Теперь прямиком в Арракин, – сказала она, опуская в гнездо микрофон.

Глубоко вздохнув, Хейт заложил вираж обратно на север.

– Так значит, это была рука отца, не так ли? – спросила она.

– Быть может.

В голосе его слышались интонации ментата, оценившего вероятности, она видела, что он уже взял себя в руки.

– Понимаешь ли ты, насколько я знаю своего отца? – спросила она.

– Только догадываюсь.

– Тогда слушай, – произнесла она. И коротко объяснила, что обрела сознание Преподобной еще до рождения, что воспоминания бесчисленных жизней запечатлены в ее нервных клетках... пусть случилось все это после смерти отца.

– Я знаю его таким, каким его знала моя мать, – проговорила она. – До всех мельчайших подробностей. В какой-то мере я сама – моя мать. Я помню все, что происходило с ней до того момента, когда она выпила воду жизни и вошла в транс переселения душ.

– Ваш брат кое-что уже объяснил мне.

– Он говорил об этом? Почему?

– Я спрашивал его.

– Почему?

– Ментату необходима информация...

– Ох, – она поглядела на зализанные ветром очертания Барьерной Стены, на расщелины и рытвины в истерзанном камне.

Заметив направление ее взгляда, он произнес:

– Очень уж внизу открытое место.

– Зато здесь легко скрываться, – проговорила она и поглядела на него. – Пустыня похожа на человеческий ум... со всеми его укромными закоулками.

– Ах-хх, – отвечал он.

– Ах-хх? И что значит твое «ах-хх»? – Она вдруг рассердилась на него по совершенно непонятным причинам.

– Вам хотелось бы знать, что таится в моей голове, – проговорил он без тени сомнения в голосе.

– Почему ты решил, что я еще не разобралась в тебе, прибегнув к предвидению? – требовательно спросила она.

– А вам это удалось? – спросил он с искренним интересом.

– Нет!

– Значит, возможности сивилл не беспредельны.

Он казался довольным, и это пригасило гнев Алии.

– Чему ты радуешься? «Разве ты не чтишь мою мощь?» – спросила она. Но и для собственных ушей словам ее не хватало уверенности.

– Все ваши знамения и предзнаменования я чту гораздо в большей степени, чем вы думаете, – отвечал он. – Я присутствовал на вашей утренней службе.

– И какой смысл ты углядел в ней?

– Вы очень искусно манипулируете символами, – отвечал он, вглядываясь в приборы управления, – фирменный знак сестер Бене Гессерит, я бы сказал. Но как это часто случается с ведьмами… вы стали беспечны в обращении с собственной силой.

Внезапно испугавшись, она буркнула:

– Как ты смеешь?

– Я смею гораздо больше, чем предполагали мои создатели, – отвечал он. – А потому я остаюсь с вашим братом.

Алия вглядывалась в стальные шары, служившие ему глазами: ничего человеческого в них, не было. Капюшон дистикомба скрывал его щеки. Губы были плотно сжаты. В них угадывалась сила… и решительность. В словах его слышалась надежность – он действительно был способен и на большее. Так мог сказать и сам Дункан Айдахо. Или же тлейлаксу сумели вложить в него больше, чем рассчитывали… или же это просто обман, часть его подготовки?

– Объясни свои слова, гхола.

– Познай себя, разве не такова ваша заповедь? – спросил он.

Алия заметила вновь радость на его лице:

– Эй, ты, не пытайся играть в слова со мной! – бросила она, потянувшись рукой за пазуху к рукояти криса. – Почему тебя подарили брату?

– Ваш брат рассказывал, что вы следили за приемом, – ответил он, – значит, вы слышали мой ответ.

– Повтори еще раз... для меня!

– С моей помощью его хотят погубить.

– Это слова ментата?

– Ответ вам уже известен, – проговорил он. – Дар этот не нужен. Ваш брат и так уже сам губит себя.

Не выпуская из пальцев рукояти ножа, она взвешивала его слова. Речи сомнительные, но в голосе слышится искренность.

– Тогда зачем же им это понадобилось? – осведомилась она.

– Быть может, тлейлаксу решили поразвлечься. Кроме того, неоспоримо, что Гильдия запрашивала у них именно меня.

– Зачем?

– По той же причине.

– И в чем же мы небрежны?

– В том, как вы используете собственные возможности, – парировал он.

Ответ его разил в самое сердце, в самые глубины его. Отняв руку от ножа, она спросила:

– А почему ты считаешь, что брат мой губит себя?

– Ох, девочка! Где же твои таинственные силы? Разве ты не способна подумать?

Сдерживая гнев, она ответила:

– Подумай за меня, ментат.

– Отлично. – Он обежал взглядом эскорт, вновь поглядел вперед. За северной кромкой Барьерной Стены показался край Арракинской равнины.

– Вот симптомы, – начал он. – Твой брат содержит официального панегириста, который...

– Это дар от фрименских наибов.

– Странный подарок… – проговорил он, – зачем друзьям окружать его подобострастью и лестью? Неужели вы сами не слышали слов панегириста: «Муад'Диб, просвети люди своя! Уммарегент, Император наш! Воды его драгоценны и изобильны, как фонтан неиссякающий. Счастье, расточаемое им, пьют души всех людей во Вселенной». Тьфу!

Алия невозмутимым тоном ответила:

– Если я передам твои речи нашей фрименской охране, они тебя изрубят в лапшу.

– Пожалуйста.

– Мой брат правит согласно божественно установленному порядку.

– Зачем говорить то, во что вы и сами не верите?

– Что ты знаешь о моей вере? – Вдруг оказалось, что, невзирая на все знания и навыки Бене Гессерит, она не в силах подавить дрожь. Слова гхолы подействовали на нее неожиданным образом.

– Вы же только что приказали ментату взяться за расчеты, – напомнил он.

– Никакому ментату не может быть ведомо, во что я верю! – И она дважды глубоко, с дрожью, вздохнула. – Как ты смеешь судить нас?

– Судить? Ни в коей мере.

– Ты и представить себе не можешь всех наших познаний!

– Во-первых, вас обоих учили править, – отвечал он, – в вас воспитывали жажду власти. Вас обучили видеть насквозь все уловки политики, все глубокие тайны религии и войны. Естественный закон? Что в нем естественного? Этот миф паразитирует на истории человечества! Это же призрак, привидение! Он и нематериален, и нереален. Или вы считаете, что «естественный закон» обрел воплощение в вашем джихаде?

– Это пустая трескотня, ментат, – отвечала она.

– Я слуга Атрейдесов и нелжив в словах.

– Слуга? У нас нет слуг, только ученики!

– И я учусь – постижению, – отвечал он, – детка, запомните это и...

– Не смей называть меня деткой! – отрезала она, выдвинув крис наполовину из ножен.

– Поправка введена. – Он посмотрел на нее, улыбнулся и вновь взялся за управление и пилотирование. Возведенная среди утесов Цитадель Атрейдесов уже виднелась вдали – они подлетали к северным пригородам Арракина. – Безусловно, вы существо древнее, но воплощенное в теле, едва вышедшем из детства, – проговорил он. – И теперь тело это волнует вновь обретенная женственность.

– Просто не знаю, почему я тебя слушаю, – буркнула она, роняя крис обратно в ножны и вытирая вдруг вспотевшую ладонь об одежду. Фрименская скаредность немедленно возмутилась: напрасная трата влаги!

– Вы слушаете меня лишь потому, что знаете, как глубоко я предан вашему брату, – отвечал он. – И мои поступки для вас и понятны, и объяснимы.

– В тебе нет ни понятного, ни объяснимого. Кажется, ты – самое сложное существо из всех, кого я знаю. Как узнать, что могли тлейлаксу встроить в тебя?

– Намеренно или по ошибке, – произнес Хейт, – они наделили меня способностью изменяться.

– Опять дзенсуннитские притчи, – обвиняющим тоном сказала она. – Да, мудрец изменяет себя, а глупец живет лишь для того, чтобы умереть. – Передразнивая его, она повторила: «Учусь постижению...»

– Человек не может различить причин озарения и его сути.

– Что за новая загадка?

– Я разговариваю с пробуждающимся разумом.

– Я все расскажу Полу.

– Он уже слышал почти все это.

Не скрывая любопытства, она произнесла:

– Интересно. И несмотря на это, ты еще жив... и свободен? Что же он ответил?

– Он расхохотался и ответил: «Люди не будут повиноваться бухгалтеру. Им нужен повелитель, который будет защищать их от всех перемен». Но он согласился со мной в том, что представляет собою основную угрозу для собственной империи.

– Почему он заговорил об этом?

– Я сумел убедить его в том, что понимаю все его трудности и способен помочь.

– Ну и что же ты пообещал ему?

Гхола молчал, бросив топтер на подветренное крыло, чтобы опуститься на крышу цитадели возле охранников.

– Я требую, чтобы ты все рассказал мне.

– Я не уверен, что вы поймете…

– Ну, это решать не тебе! Повелеваю, немедленно говори!

– Позвольте мне сперва приземлиться, – отвечал гхола. Не дожидаясь согласия, он выпустил главные посадочные опоры и, затормозив широко раскрытыми крыльями, опустился на ярко-оранжевую площадку, поднятую над крышей.

– А теперь – говори! – приказала Алия.

– Я сказал ему, что иногда нет ничего сложнее, чем продлевать собственное существование.

Она покачала головой:

– Это же… это же…

– Горькая пилюля, – закончил он за нее.

– Горькая чушь!

– У величайшего из владетельных графов и у презреннейшего из наемных серфов одни и те же проблемы. И ты не наймешь никого, кто решил бы их за тебя, будь он даже ментат. В писаниях и в чужих свидетельствах напрасно искать готовых ответов. И некому перевязать рану: ни слуге, ни ученику. Человек должен залечить ее сам, прежде чем у всех на глазах истечет кровью.

Она резко отвернулась от него, успев при этом понять, что таким образом выдает собственные чувства. Как без

хитростей Голоса, без прочих ведьмовских штучек сумел он проникнуть в ее психику? Как он смог совершить такое?

– И что ты посоветовал ему? – прошептала она.

– Судить, наводить порядок.

Алия взглянула на охранников, отметив, как терпеливо они ожидали, соблюдая строгий порядок.

– Дарить правосудие... – прошептала она.

– Да нет же! – отрезал он. – Я просто предложил ему судить, руководствуясь одним лишь принципом.

– А именно?

– Поддерживать друзей и губить врагов.

– Иначе говоря, судить несправедливо.

– А что есть справедливость? При столкновении двух сил каждая бывает по-своему правой. Император всегда может явить свою волю: если конфликт нельзя предотвратить, его можно разрешить.

– Как?

– Простейшим способом: принимая решения.

– В пользу друзей и против врагов.

– Но разве в этом не чувствуется стабильность? Людям нужен порядок, каким бы он ни был. Все мы узники, рабы собственных страстей; все видят, что война стала развлечением для богатых. Понимание подобных закономерностей опасно. В этом нарушение порядка.

– Я обязана предупредить своего брата: ты слишком опасен, а потому тебя следует уничтожить, – сказала она, оборачиваясь лицом к гхоле.

– Я уже предлагал ему это, – согласился он.

– А опасен ты потому, – произнесла она, тщательно выверяя слова, – что овладел собственными страстями.

– Ну уж вовсе не поэтому. – И, прежде чем Алия могла шевельнуться, гхола взял ее за подбородок и прикоснулся губами к ее губам.

Поцелуй короткий и нежный. Он отодвинулся... потрясенная Алия глядела на него, не обращая внимания на

ухмылки, которые прятали старавшиеся держаться невозмутимо охранники.

Алия тронула свои губы пальцем, поцелуй оказался знакомым. Она знала эти губы... пусть грядущее старательно скрывало от нее их обладателя. Задыхаясь, она проговорила:

– Пожалуй, стоило бы приказать содрать с тебя кожу.

– Потому что я опасен?

– Потому, что слишком многое позволяешь себе!

– Я ничего не позволяю себе. Я просто беру то, что мне предлагают. И радуйтесь, Алия, что я беру не все, что мне предлагают. – Открыв дверцу, он выскользнул наружу. – Пойдем, мы и так уже здесь слишком долго дурачимся. – Он направился к куполу за посадочной платформой – ко входу в здание.

Алия выскочила и побежала следом, стараясь попадать ему в шаг.

– Я ему все скажу, все, – и что ты сказал, и что сделал!

– Отлично, – он отворил перед ней дверь.

– Он прикажет, чтобы тебя казнили.

– Почему же? Из-за одного поцелуя, который я хотел получить? – Он последовал за ней, чуть поторопив ее своим движением. Дверь затворилась.

– Поцелуя, который ты хотел получить? – в негодовании вскричала она.

– Ну, хорошо, Алия. Поцелуя, которого ты хотела. – Обойдя ее, он шагнул к лифту – шахте с опускающимся полом.

И словно бы это движение вдруг обострило все ее чувства, она вдруг поняла, в чем его обаяние, – в полнейшей правдивости. Да, я хотела этого поцелуя, мысленно согласилась она. Действительно хотела.

– Ты правдив и потому опасен! – буркнула она, отправляясь за ним.

– Вижу, ты возвращаешься на стезю мудрости, – проговорил он, не изменяя шага, – ни один ментат не сформулировал бы эту мысль точнее. А теперь скажи, что открылось тебе там, в Пустыне?

– Не могу объяснить причины, – сказала она, – но я все думала о лицеделах. Почему?

– Потому-то брат и отправил тебя в Пустыню, – проговорил он, кивая головой. – Не забудь рассказать ему об этой навязчивой мысли.

– Но почему, – удивилась она, – при чем здесь лицеделы?

– Там осталась мертвая женщина, – проговорил он, – скорее всего, среди фрименок пропавших не числится...

* * *

Я все думаю, какая это радость – жить, но едва ли я смогу спуститься когда-нибудь к глубинам своего существа, к корням этой плоти, чтобы познать, кем я был. Да, корень там. И смогу ли я что-нибудь сделать, чтобы отыскать его, – это еще сокрыто в грядущем, но что по силам человеку, по силам и мне. Любой мой поступок способен опустить меня к этим глубинам.

«Гхола рассказывает»; комментарии Алии

Утопая в оглушительном запахе Пряности, он тщетно старался заглянуть в глубь себя в пророческом трансе. Пол видел луну – она пульсировала, удлинялась, дергалась. С ужасным шипением звезды гасли в водах безграничного моря. И луна тонула в глубинах его – как мраморный шарик, выброшенный ребенком.

Утонула.

Луна не садилась, он понимал это. Она исчезла, и не стало луны. И земля трепетала в ужасе, словно перепуганное животное. Страх не отпускал его.

Пол резко сел с широко раскрытыми глазами, но часть его все еще глядела туда, где тонула луна... Перед глазами его была только решетка из пластали, через которую свежий воздух проникал в его личные апартаменты. Он знал, что находится внутри огромной рукотворной скалы – его Цитадели. Но внутри его самого – падала луна.

Наружу! Наружу!

За решеткой ослепительными лучами сиял полдень Арракина. Внутри же царила черная ночь. Благоухание цветов в саду на крыше ласкало ноздри, но никакие ароматы не могли вернуть обратно ночное светило.

Опустив ноги на холодную поверхность пола, Император глядел сквозь решетку. Изящная арка мостика из кристалл-стабилизированного сплава золота с платиной, усыпанная огненными самоцветами с далекого Кидона. Мостик уводил во внутренние галереи, мимо фонтана над прудом, поросшим водяными цветами, каплями крови, алевшими на ровной изумрудной глади.

Глаза его впитывали увиденное… но не было выхода из меланжевой тюрьмы.

Как страшно – видеть, как гибнет луна.

Видение сулило чудовищную потерю… личную. Или же это под тяжестью собственных притязаний рухнула созданная им цивилизация.

Луна… луна… зачем ты упала?..

Муть, взбаламученную Таро, удалось успокоить лишь огромной дозой меланжевой эссенции. Но перед глазами была только падающая луна и страшный путь, известный ему из первых видений. Чтобы наконец захлебнулся джихад, чтобы затих этот вулкан, извергающий потоки крови, он должен дискредитировать себя самого.

Освободись… освободись… освободись…

Запах цветов, доносящийся из сада, напомнил ему о Чани. Он тосковал… руки ее, объятия несли любовь, давали забвение. Но даже любви Чани не справиться с этим видением. Да и что вообще скажет его фременка, если он объявит ей, что наконец выбрал свою смерть. И почему, раз уж смерть вообще неизбежна, он решил отнестись к ней как подобает аристократу и покончить все счеты с жизнью в пору расцвета, пренебрегая остающимися годами? Разве это не благородно: умереть прежде, чем иссякнет воля?

Он встал, подошел к двери в решетке и вышел на балкон над цветами и лианами сада. Во рту было сухо, как во время перехода через Пустыню.

Луна… луна, где ты, луна?

Он думал о словах Алии, она рассказала ему о найденном среди песков теле фременки, поддавшейся семуте! Событие это укладывалось в ненавистную цепь.

Ну что может взять человек у Вселенной, думал он. Ведь она всегда дает ему сама и лишь то, что считает необходимым.

Витая, с отбитым краем раковина из морей Матери-Земли лежала на низком столе у поручня балкона. Тронув ее переливчатую поверхность, он попытался мысленно заглянуть назад. Яркие луны играли в радужном перламутре. Он оторвал взгляд. Радуга стояла в облаках пыли возле серебряного солнца.

Мои фримены называют себя «детьми Луны».

Он положил раковину, прошел вдоль балкона. Кошмарная луна не давала надежды на спасение. Он подумал о мистическом смысле видения. Пряность все еще не выпускала из своей хватки его, обессилевшего пророка.

К северному подножию воздвигнутого по его воле утеса из пластали жались низкие здания правительственных служб. Пешеходные дорожки на крышах полны были людей. И словно ветерок нес их мимо дверей, стен, изразцовых узоров. Люди сливались с мозаикой – они были его мозаикой, деталями узора! Зажмурив глаза, он мог различить силуэты, ставшие фигурками неподвижного фриза.

Но пала луна и исчезла.

Накатило... город этот сделался странным символом его Вселенной. Дома его возведены на равнине, где фримены резали сардаукаров. Кровопролитная битва забылась, все затопил суматошный и крикливый бизнес.

Держась поближе к краю балкона, Пол завернул за угол. Теперь перед ним оказался пригород, дома его прятались между скал, пыль покрывала их. Спереди высился Храм Алии, черно-зеленые полотнища ниспадали по стенам, скрывая знак луны – символ Муад'Диба.

Упала луна.

Пол провел рукой по лицу и глазам. Его столица, символ его власти, угнетала Императора. Он с презрением подумал о собственных колебаниях: подобная нерешительность в ком-нибудь другом вызвала бы его гнев.

Он терпеть не мог свой город!

Ярость, порожденная скукой, билась в глубинах его разума, подталкивала к решениям, которых нельзя было избежать. Он-то знал, каким путем придется ему идти. Сколько раз он видел его. Видел! Когда-то, очень давно, он казался себе изобретателем праведной власти. Но все вернулось на круги своя. Грандиозный и уродливый нарост на обществе словно навсегда запомнил собственную форму. Мни его, изменяй как угодно обличье, но только выпустишь из рук – раз, и он обрел прежний вид. Силы, правящие людьми, всегда были неподвластны ему.

Пол глядел вдаль поверх крыш. Какие сокровища, какие богатства, сколько жизней таилось под ними! Красно-белые и раззолоченные крыши, пятна листвы. Зелень, дар Муад'Диба и вод его. Он глядел на сады и рощи под открытым небом, что были пышнее, чем в сказочном Ливане.

– Муад'Диб тратит воду, словно безумец, – говорили фримены.

Пол закрыл руками лицо.

Луна упала.

Уронив ладони, он обвел столицу прояснившимся взором. Эти строения... варварская пышность имперской архитектуры. Громадные здания поблескивали крышами под лучами солнца. Колоссы! Любой архитектурный каприз, порожденный сумасбродкой-историей, можно было отыскать внизу. Плоские равнины террас, площади размером с небольшой городок, парки, дома с усадьбами – окультуренный им ландшафт.

Тут шедевр, там пышная и наглая безвкусица. Впечатления сменяли друг друга: вот древняя аркада из баснословного Багдада. Вот купол, о котором только мечтали в мифическом Дамаске, или арки, что могли родиться лишь в

слабом тяготении Атара. И все это сливалось воедино в несравненном великолепии. Гармония башен и странных глубин.

Луна! Луна! Луна!

Разочарование не отпускало его. Сознание масс, потоки разума в его Вселенной. Они вздымались огромными валами прилива. Он ощущал влияние далеких миграций на человечество: все их вихри, токи, течения генов, которых не остановить никаким воздержанием… бессилию и проклятьям они тоже не подвластны.

И что есть джихад Муад'Диба перед всем этим? Он минует в мгновение ока. По течению времени скользили и сестры Бене Гессерит, но и они тонули в потоке, подобно ему самому, несмотря на искусные манипуляции с генетикой человека. Видение падавшей луны нужно было еще сопоставить с другими видениями, с другими легендами. Во Вселенной умирают и гаснут даже вечные звезды.

И что такое одна луна перед ликом Вселенной?

Где-то в глубинах его крепости, вдалеке, так что городской шум временами заглушал музыку, затренькал десятиструнный рубаб. Он пел песни джихада, пел о тоске по женщине, оставшейся на Арракисе:

Бедра ее – дюны, скругленные ветром,
И в глазах – полдневное пламя.
Две косы, по спине змеятся.
Ах-хх, сколько в них водяных колец!
Руки мои помнят ее кожу
Благоуханную, словно розы и амбра.
И глаза исполнены воспоминаний.
И опять опаляет меня белое пламя любви.

От песни ему стало совсем тошно. Дурацкие чувства, пошлая музыка… погрязшие в сентиментальности людишки. Поди-ка, спой ее источенному Пустыней трупу, который видела Алия.

В тени за балконной решеткой кто-то шевельнулся. Пол мгновенно обернулся.

Гхола выступил вперед под жаркое солнце. Металлические глаза его поблескивали.

– Передо мной Дункан Айдахо или некто по имени Хейт? – осведомился Пол.

Гхола остановился в двух шагах.

– А что предпочтет господин мой?

В голосе его слышалась осторожность.

– Игры дзенсуннитов, – с горечью проговорил Пол. – «Смысл, скрытый внутри смысла...» Так что бы мог сказать или сделать философ-дзенсуннит, чтобы хоть на йоту изменить открывающуюся перед нами реальность?

– Господин мой обеспокоен.

Пол повернулся к далеким обрывам Барьерной Стены, к ее источенным ветром аркам и бастионам, в которых нетрудно было углядеть жутковатую пародию на его город. Сама природа изволит шутить над ним! Погляди-ка, мол, на что я способна. Он заметил в дальней гряде расщелину, по которой стекал вниз песок, и подумал: Там! Именно в этом месте мы били сардаукаров!

– Так что же беспокоит моего повелителя? – спросил гхола.

– Видение, – хрипло шепнул Пол.

– Ах-хх, когда тлейлаксу впервые пробудили меня, и ко мне тоже приходили видения. Я не знал покоя, я был одинок... еще не понимая того. Тогда я не понимал. И видения ничего не открывали мне. Тлейлаксу объяснили мне, что причиной тому плоть, и такому подвержены все люди и гхолы – простая хворь, не более.

Пол обернулся и поглядел прямо в бесстрастные глаза гхолы, запавшие в глазницы шарики стального цвета. Какие видения открывались им?

– Дункан... Дункан... – шепнул Пол.

– Меня зовут Хейт.

– Я видел, как пала луна, – проговорил Пол, – она сгинула. Исчезла с великим шипением. Земля содрогнулась.

– Вы опьянены временем, сир, – отвечал гхола. – Вы поглотили слишком много его.

– Спрашиваю у дзенсуннита, отвечает ментат! – усмехнулся Пол. – Что же, отлично! Пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй и сведи в простые слова, готовые к погребению.

– Действительно, к погребению, – отвечал гхола. – Вы спасаетесь от смерти и укрываетесь в следующем миге, не желая жить здесь и сейчас. Что гаданье? Разве в нем опора для Императора?

Знакомая родинка на подбородке словно заворожила Пола.

– Стараясь существовать в этом будущем, – произнес гхола, – вы делаете его материальным. Хотите ли вы, чтобы оно стало реальным?

– Если я пойду путем моего видения, я останусь жив, – пробормотал Пол. – Почему ты считаешь, что я хочу жить в таком будущем?

Гхола пожал плечами.

– Вы требовали от меня общего решения.

– Разве сущность Вселенной состоит из событий? – проговорил Пол. – Разве есть в ней окончательный ответ? Разве каждое решение не порождает новых вопросов?

– Вы уже поглотили столько времени, что оно породило в вас иллюзию бессмертия, – проговорил гхола. – Даже ваша империя, государь мой, просуществует свое время и неизбежно падет.

– Довольно вещать про обгорелые алтари, – буркнул Пол. – Хватит богов и мессий. Предсказать падение моей собственной власти можно без сверхъестественных способностей. На это способен последний поваренок на кухне. – Он покачал головой. – Луна упала!

– Следует возвратить разум свой к началу, – отвечал гхола.

– Не этим ли ты должен погубить меня? – задумчиво спросил Пол. – Ты должен мешать мне собрать воедино мои думы.

– Как можно собрать воедино хаос? – спросил гхола. – Мы, дзенсунниты, говорим: «Не копи – в этом высшая бережливость». Что можно собрать, не собрав себя самого?

– Меня бесит это видение, а ты еще несешь эту бессмыслицу! – сердито выкрикнул Пол. – Ну что ты знаешь о предвидении?

– Мне приходилось видеть и пророчествующих оракулов, – возразил гхола, – а еще и тех, кто ищет предзнаменования и знаки, определяющие их судьбу. Они боятся того, чего ищут.

– Ну, моя-то луна упала взаправду, – прошептал Пол. И судорожно вздохнул. – Она падала… падала…

– Люди всегда опасаются того, что двигается как бы само по себе, – объяснил гхола. – Вы боитесь собственных сил. Того, что попадает вам в голову из ниоткуда. А что выпадает из нее? Куда отправляется?

– Твои утешения усеяны шипами, – пробурчал Пол.

Лицо гхолы вдруг словно озарил свет. На миг он стал истинным Дунканом Айдахо.

– Утешаю чем могу, – мягко проговорил он.

Пол удивился. Неужели гхола почувствовал скорбь, которую его разум отвергает? Неужели и Хейту открываются собственные видения?

– У моей луны было имя, – прошептал Император.

И вновь позволил видению овладеть им. Все существо его корчилось, кричало, но губы безмолвствовали. Он боялся заговорить, ведь голос мог выдать его. В том ужасном грядущем не было Чани. Не было ее, стонавшей в его объятиях, ее, в чьих глазах горело желание, не было чарующего голоса, лишенного, к счастью, всех этих утонченных ведьмовских штучек… Не было! Вся эта сладкая плоть вернулась в землю, стала песком и водой!

Пол медленно отвернулся к площади перед Храмом Алии. По дороге процессий ко входу в храм приближались три бритоголовых пилигрима. Они торопились, пригнув головы, пряча лица от полуденного ветра. Один прихрамывал, подволакивая левую ногу. Обогнув угол, они исчезли из вида.

И луна его исчезла. И эти... Но видение все еще было перед ним. В ужасном предназначении его не оставалось сомнений.

* * *

Плоть сдается, думал он. Вечность забирает свое назад. Да, нашим телам недолго бороздить эти воды, попляшем в опьянении собой и любовью, выдумаем пару странных идеек, а потом каюк – время, бери нас! Что сказать?

Вышло так, пожил… и все, исчез, но ведь – жил!

Что проку просить у солнца пощады. «Ламентации Муад'Диба»; из «Комментариев» Стилгара

Один-единственный миг, одна-единственная ошибка могут стоить жизни – напомнила себе Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам.

Она ковыляла вперед с абсолютно непринужденным видом, окруженная кольцом охранников-фрименов. Как раз позади нее шел глухонемой – она знала это, – не подверженный влиянию Голоса. Без сомнения, он должен был убить ее при малейшем поводе – если она даст его.

Почему Пол призвал ее? – удивлялась она. Или он собирается вынести ей приговор? Она вспомнила тот давнишний день, когда она испытывала его... ребенка... Квисатц Хадераха. Уже тогда он был глубок.

К чертям его мать на всю вечность! По ее вине эта генетическая линия потеряна для Бене Гессерит.

При ее приближении все разговоры под сводами коридоров смолкали. Перед ней словно бежало повеление

Императора. Пол услышит это молчание. И он заранее узнает о ее прибытии, прежде чем о ней объявят. Уж себя-то она не обманывала: он был сильнее ее.

Проклятый!

Она сожалела, что возраст уже наложил на нее свою печать: ноют суставы, реакция замедлилась, и мышцы – вовсе не те хлысты, какими были когда-то. Сегодня был долгий день, долгой была и жизнь. И весь сегодняшний день она посвятила Таро Дюны, безуспешно стараясь отыскать хоть какое-нибудь указание на собственную участь. Но карты молчали.

Обогнув угол, стража ввела ее в очередной из казавшихся бесконечными сводчатых коридоров. За треугольниками окон из метастекла вились на подпорках лианы с индиговыми цветами, заходящее солнце бросало глубокие тени. Под ногами мозаика: водяные твари дальних планет. Всюду напоминания о воде. Богатство… роскошь.

По залу расхаживали облаченные во фрименские одеяния фигуры, люди бросали косые взгляды и узнавали… чувствовалось напряжение.

Преподобная Мать сосредоточила внимание на короткой стрижке шедшего впереди стража – юное тело, розовые морщинки у края воротника.

Колоссальные размеры Цитадели начинали производить впечатление даже на нее. Коридоры… переходы. Из открытой двери слева донеслись звуки тимбура и флейты, негромкая древняя музыка. В полумраке блеснули синие-на-синем фрименские глаза. Она просто чуяла, как бродит в генах этого народа фермент легендарных бунтов прошлого. Какая потеря, какая потеря: и все этот дурак – Атрейдес. Как смел он пренебречь драгоценностью, носимой им в чреслах! Квисатц Хадерах! Безусловно, рожденный до времени, но реальный, как и его мерзкая сестра… в ней таилась опасная неизвестность. Дикая Преподобная Мать, воспитанная вне ограничений, налагаемых Орденом, не испытывающая никакой лояльности к генетической программе Бене Гессерит. Без

сомнения, она обладала теми же силами, что и брат, и не только ими.

Размер Цитадели теперь уже угнетал Преподобную. Неужели коридоры так и не кончатся? Все здесь свидетельствовало о колоссальной физической мощи. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой истории не видела еще подобного рукотворного колосса. В одном погребе этого сооружения можно было бы уместить дюжину древних городов!

Они миновали овальные двери, на створках мерцали огни. Преподобная Мать признала иксианское изделие: пневматическую транспортную систему. Зачем тогда ее заставили так далеко идти?.. Ответ был прост – чтобы она успела почувствовать трепет перед Императором, не дать ей подготовиться к встрече с ним.

Небольшой намек, впрочем, согласовывавшийся с прочими тонкими признаками: тем, как сопровождающие ее выбирали слова, обращаясь к ней «Преподобная Мать», и тем, как они явно обнаруживали смущение, смахивающее на примитивное опасение перед колдовством. Эти холодные Пустынные залы, в которых не было даже запаха... все вместе много говорило Бене Гессерит.

Пол надеялся что-то получить от нее.

Она постаралась скрыть облегчение. Можно будет поторговаться. Нужно только нащупать необходимый рычаг и опробовать его прочность. Подобными рычагами сдвигались и объекты поболе этой Цитадели. Прикосновением пальца можно перевернуть целую цивилизацию.

Преподобная Мать припомнила слова Скитале: «Если существо уже стало кем-то, оно умрет, но не превратится в собственную противоположность».

Коридоры, по которым ее вели, постепенно и незаметно становились шире – тонкая игра арок, полуколонн, и треугольники окон незаметно стали продолговатыми, подчеркивая эффект. Наконец впереди нее в дальнем конце высокой приемной показались огромные двустворчатые двери.

Она успела заметить, что двери эти весьма велики, но, когда осознала, насколько они громадны, еле успела справиться с изумлением. Они были не менее восьмидесяти метров высотой и вполовину того шириной.

Когда они приблизились, створки мягко стронулись с места, открывая проход, – для этого были предусмотрены соответствующие механизмы. Опять иксианская работа. И через раскрывшийся колоссальный проем вместе с конвоем вступила она в Великую Приемную Императора Пола Атрейдеса, Муад'Диба, «перед ликом которого ничтожен любой». Теперь она видела материальное воплощение этого изречения.

Двигаясь к далекому трону, Преподобная Мать подмечала архитектурные тонкости, впечатлявшие, пожалуй, не менее, чем размеры зала. В нем могла бы разместиться цитадель любого правителя древней и новой истории человечества. Подобный размах говорил о многом. Конструкция зала была великолепной. Балки и контрфорсы, удерживавшие стены и далекий куполообразный потолок, наверняка превосходили все, что создано руками человека. Во всем ощущался инженерный гений.

В дальнем конце зал как-то незаметно сужался, чтобы не подавлять своими размерами трон Пола, находившийся на возвышении. Человеку с нетренированным восприятием фигура Пола сперва должна была казаться во много раз больше, чем на самом деле. Даже цвет давил на незащищенную психику: зеленый трон Пола целиком был выточен из громадного хагальского изумруда. Этот цвет – символ жизни, а по фрименским поверьям он обозначал траур. Шептали, что сидящий на троне может заставить возрыдать любого. Жизнь и смерть сливались в едином символе – подчеркивая единство в противоположностях.

Позади трона ниспадали драпировки – дымчато-оранжевые, тускло-золотые, с коричными вкраплениями, напоминавшими зерна меланжи: гобелены Пустынь Дюны.

Очевидная для посвященного глаза символика, как молотом, сокрушала профанов.

Даже время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать считала минуты, за которые сможет доковылять до трона. Требовалось время, чтобы внушить вошедшему должное смирение. И вину перед безграничной мощью, придавливавшей входящего. Долгий путь к подножию престола начинал человек, но оканчивала букашка.

Императора окружали помощники и адъютанты, хитроумно расставленные вокруг престола, около четырех стен замерла домашняя стража… и эта кощунственная тварь, Алия, стояла чуть пониже престола. На следующей ступеньке ниже ее – Стилгар, лакей Императора; справа от него на первой ступеньке снизу замерла одинокая фигура: гхола, возрожденная плоть Дункана Айдахо. Среди охранников было много фременов постарше – бородатых наибов с мозолями от трубки дистикомба возле носов, на поясах их – крисы в ножнах, маула-пистолеты, даже несколько лучеметов. Чрезвычайно доверенные люди, подумала она, ведь Император явно при щите! Вокруг него мерцало поле. Один только выстрел из лучемета – и на месте огромной цитадели останется огромная яма.

Ее конвой остановился шагах в десяти от подножия трона и расступился, чтобы Императору можно было видеть ее. Преподобная не заметила ни Чани, ни Ирулан, и удивилась: Пол никогда не проводил важных аудиенций без них обеих.

Пол задумчиво и безмолвно кивнул ей головой.

Она сразу же решила захватить инициативу.

– Итак, великий Пол Атрейдес решил вызвать к себе опальную…

Пол сухо улыбнулся, отметил: старуха понимает, что мне кое-что от нее нужно. Иначе и быть не может… при всех ее знаниях. Он признавал ее силу. Гессеритки не делались Преподобными Матерями случайно.

– Быть может, обойдемся без словесного фехтования? – спросил он.

«Неужели все окажется настолько просто?» – удивилась она и спросила:

– Чего ты хочешь?

Стилгар шевельнулся, бросил взгляд на Пола. Его не устраивало подобное обращение к Императору.

– Стилгар советует мне отослать тебя прочь, – отвечал Пол.

– А не убить? – переспросила она. – Прежде наибы фременов не имели привычки миндальничать.

Стилгар, хмурясь, проговорил:

– Иногда приходится говорить вовсе не то, что думаешь. Это называется дипломатией.

– Оставим тогда и дипломатию, – отвечала она. – Зачем было заставлять старуху идти в такую даль?

– Следовало показать, насколько бессердечным я могу быть, – отвечал Пол, – чтобы ты сумела понять и мое великодушие.

– И ты осмеливаешься прибегать к такой чуши, имея дело с проктором Бене Гессерит? – спросила она.

– В крупных делах – свои мерки, – отвечал он.

Нерешительно она взвесила его слова. Значит... он может и устранить ее... если она... что она?

– Говори, чего ты хочешь от меня, – буркнула она.

Алия поглядела на брата, кивнула в сторону драпировок за троном. Аргументы Пола были известны ей, но она их не одобряла, совершенно не одобряла. Дикое пророчество, так сказать. Ее просто мутило от нежелания участвовать в этой сделке.

– Осторожно разговаривай со мною, старуха, – проговорил Пол.

Он назвал меня старухой, еще когда был всего лишь юнцом, думала Преподобная. Значит, он хочет напомнить мне о моем участии в его прошлом? И принятое мною прежде решение должно быть изменено? Необходимость решать

тяжко придавливала ее к земле… даже колени дрожали. Мышцы стенали от усталости.

– Путь оказался дальним, – сухо заметил Пол, – я вижу, ты устала. Продолжим в моих апартаментах позади престола. Там ты сможешь сесть. – Сделав рукой сигнал Стилгару, Император встал.

Стилгар и гхола помогли ей подняться и повели следом за Полом в проход, прикрытый драпировками. Теперь она поняла, зачем ему понадобилось принимать ее в зале, – немая сцена предназначалась для наибов и стражи. Значит, он опасается их. А теперь… теперь он выражал благосклонность, лукавил с ней, с адептом Бене Гессерит. Играл ли? Она почувствовала, что следом за ней кто-то идет, обернулась и увидела Алию. Глаза юной особы были задумчивы и сердиты. Преподобная Мать поежилась.

Личные апартаменты, ожидавшие их в конце коридора, оказались двадцатиметровым кубом из пластали, освещенным желтыми плавающими лампами. Стены прикрывали оранжевые гобелены, словно в сиетче в открытой Пустыне. Диваны, мягкие подушки, слабый запах меланжи. Хрустальные графины с водой на низком столе. Такое крошечное помещение после огромного зала.

Пол усадил ее на диван и встал рядом, изучая древнее лицо, – стальные зубы, глаза, что прятали много больше, чем выдавали… Он указал на графин. Она отрицательно качнула головой, уронив на лоб прядь седых волос.

Тихим голосом Пол произнес:

– Я хочу выкупить у тебя жизнь моей возлюбленной.

Стилгар прочистил горло.

Алия поигрывала рукоятью ножа, висящего на ее груди.

Гхола оставался у двери, с безразличным видом что-то разглядывая над головой Преподобной Матери.

– А ты видел, что я покушаюсь на ее жизнь? – буркнула Преподобная Мать. Все внимание ее теперь было уделено гхоле – он смутно беспокоил ее. Почему именно он

показался ей источником угрозы? Ведь он – инструмент заговорщиков.

– Что от меня хочешь ты, мне известно, – уклонился он от прямого ответа на ее вопрос.

Значит, он пока только лишь подозревает, подумала она, переводя взгляд на носки собственных туфель, выглядывавшие из-под края ее одеяния. Черные туфли и черная аба обнаруживали уже следы заточения: пятна, мятая ткань. Подняв подбородок, она встретилась с яростным взором Пола. Воодушевление овладело ею, она постаралась спрятать его за прищуренными глазами, поджала губы.

– И чем ты собираешься платить? – спросила она.

– Вы получите мое семя, не меня самого, – произнес Пол. – Ирулан будет изгнана после искусственного осеменения.

– Как ты смеешь! – яростно вспыхнула Преподобная.

Стилгар на полшажка переступил вперед.

Гхола рассеянно улыбался, Алия внимательно глядела на него.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой запреты Ордена, – проговорил Пол. – И не желаю слушать о грехах, мерзостях и предрассудках прошлых джихадов. Вы получите мое семя для ваших нужд, но ребенок Ирулан не сядет на мой престол.

– Твой престол! – фыркнула она.

– Мой.

– И кто же родит императорского наследника?

– Чани.

– Она же бесплодна.

– Она в тягости.

Потрясение ее выдал невольный вздох:

– Ты лжешь! – отрезала она.

Подняв руку, Пол остановил рванувшегося Стилгара.

– Мы только два дня как узнали об этом.

– Но Ирулан...

– Только искусственным образом. Таково мое условие.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лицо.

Проклятие! Так бросаться наследственностью! Гнев кипел в ее груди. И учение Бене Гессерит, и заповеди Джихада Слуг запрещали подобный поступок... Не надо марать высочайшие устремления человечества. Никакая машина не может функционировать подобно человеческому уму. И ни слово, ни дело не должно даже намекать, что человека можно выводить селекцией, подобно животным.

– Каково твое решение? – спросил Пол.

Она качнула головой. Гены, драгоценные гены Атрейдесов, они были важнее всего. Необходимость была сильнее всех запретов. Сестры в соединении двух тел видели не только сперму и яйцеклетку. Они старались уловить душу.

Теперь Преподобная Мать понимала тонкую глубину предложения Пола. Он собирается заставить Бене Гессерит совершить поступок, который вызовет всеобщее осуждение... если обнаружится. Как могут они объявить об этом отцовстве, если его будет отрицать Император? Гены Атрейдесов такой монетой можно купить, но Сестры не смогут добиться трона.

Она быстро обвела взглядом комнату, вглядываясь в каждое лицо: Стилгар теперь невозмутимо ожидал, гхола застыл, углубившись в себя. Алия следила за гхолой... и Полом, – тая гнев.

– Таково твое единственное предложение? – спросила она.

– Да, единственное.

Она поглядела на гхолу, заметила легкое подергивание мускулов на щеке. Эмоция?

– А теперь, гхола, – проговорила она, – скажи, следовало ли делать подобное предложение? А уж коли оно сделано, следует ли мне принимать его? Выполняй обязанности ментата.

Металлические глаза повернулись к Полу.

Обратившись к Преподобной, гхола вновь потряс ее – на этот раз улыбкой.

– Предложение не хуже покупаемого объекта, – отвечал он. – Здесь обмен ведется на уровне – жизнь за жизнь. Высокая цена.

Отбросив со лба прядку медных волос, Алия проговорила:

– А что еще кроется в такой сделке?

Преподобная Мать не желала даже глядеть на Алию, но слова эти горели в ее мозгу. Да, в них крылись глубокие последствия. Конечно же, сестра эта – мерзость, но ей нельзя отказывать в праве на титул Преподобной со всем, что проистекает отсюда. Гайя-Елена Мохийам вдруг ощутила себя не одной, а комком многих крошечных личностей. Они бодрствовали, все Преподобные Матери, память которых впитала она, становясь Жрицей Ордена. Алия находится в том же положении.

– Что еще? – спросил гхола. – Еще можно только удивляться, почему ведьмы-гессеритки не прибегают к методам тлейлаксу.

Гайя-Елена Мохийам и все Преподобные Матери поежились. Да, тлейлаксу делали мерзкие вещи. Но если допустить искусственное осеменение, следующий шаг – контролируемую мутацию – сделают уже тлейлаксу.

Следя за бушующими эмоциями, Пол вдруг почувствовал, что все эти люди ему незнакомы. Он уже не знает их. Даже Алию.

Алия сказала:

– Если мы пустим гены Атрейдесов в реку Бене Гессерит, кто может знать, что получится?

Гайя-Елена Мохийам резко обернулась, встретилась глазами с Алией. И на миг обеих Преподобных словно соединила единая мысль: что замышляют тлейлаксу? Гхола – их творение. И не он ли подсказал этот план Полу? И не обратится ли теперь Император прямо к Бене Тлейлаксу, предлагая им эту сделку?

Ощущая двусмысленность и неопределенность собственного положения, она отвела глаза от Алии. И напомнила себе: любой из Сестер собственные умения всегда грозили опасностью; высшая власть над собой и людьми искушала их гордостью и тщеславием. Любая сила обманчива. И некоторые могут решить, что одолеют любую преграду, в том числе собственное невежество.

Но среди дел Бене Гессерит есть наиважнейшее, напомнила она себе. Пирамида поколений, на вершине которой стоял Пол Атрейдес... и мерзкая сестра его. Малейшая ошибка, и пирамиду придется возводить вновь, начиная отбор по параллельным линиям, пользуясь субъектами, лишенными самых важных характеристик.

Контролируемые мутации, размышляла она. Неужели тлейлаксу и в самом деле прибегают к ним? Соблазн!.. Она тряхнула головой, чтобы отделаться от подобных дум.

– Ты отвергаешь мое предложение? – спросил Пол.

– Я еще не решила, – отвечала она.

И она вновь поглядела на сестру. Оптимальный брачный партнер для этой девицы погиб... убит Полом. Остается еще одна возможность... которая еще более укрепит в отпрыске необходимые характеристики. Пол посмел предложить Сестрам прибегнуть к животному способу для завершения программы. Решится ли он заплатить настоящую цену за жизнь Чани? Пойдет ли на связь с собственной сестрой?

Пытаясь выгадать время, Преподобная Мать произнесла:

– Поведай же мне, о безукоризненный образец святости, как сама Ирулан отнесется к твоему предложению?

– Ирулан сделает, как вы ей прикажете, – проворчал Пол.

Верно, подумала Мохийам. И бестрепетно намекнула:

– Кстати, Атрейдесов – двое.

Мгновенно уловив, что крылось за этими словами, Пол почувствовал, как побагровело его лицо:

– Поосторожнее, – бросил он.

– А тебе, значит, можно делать подобные предложения Ирулан? – спросила она.

– Разве не для этого вы ее готовили? – ответил вопросом Пол.

Да, готовили, думала Мохийам. Ирулан не медяк. На что еще можно потратить ее?

– И ты возведешь ребенка Чани на трон? – спросила Преподобная.

– На мой трон, – ответил Пол, глядя на Алию, стараясь понять, все ли следствия из предложения Мохийам видела сестра. Странно притихшая, она стояла, зажмурив глаза. С какой внутренней силой ведет она разговор? Алия стояла, но его самого словно уносило куда-то. Она оставалась на берегу и все дальше и дальше удалялась от Пола.

Преподобная Мать наконец приняла решение и сказала:

– Столь важный вопрос нельзя решать в одиночку. Я должна снестись с Советом на Валлахе. Ты позволишь?

Словно ей необходимо мое разрешение! – подумал Пол и ответил:

– Хорошо, согласен. Но не тяните. Я не могу ждать сложа руки, пока вы там размышляете.

– Будете ли вы обращаться к Бене Тлейлаксу? – резким тоном вторгся в разговор гхола.

Глаза Алии внезапно широко распахнулись – словно бы разбуженная опасным гостем, она смотрела на гхолу...

– Пока я не решил, – произнес Пол. – И при первой же возможности я отправлюсь в Пустыню. Наш ребенок рожден будет в сиетче.

– Мудрое решение, – одобрил Стилгар.

Алия не хотела даже глядеть на него. Брат ошибался. Она ощущала это каждой клеточкой своего тела. Сам Пол не может не знать этого. Почему он выбрал именно эту тропу?

– Бене Тлейлаксу предлагали уже свои услуги? – спросила Алия. Она почувствовала, как замерла Мохийам в ожидании ответа.

Пол покачал головой.

– Нет. – И обернулся к Стилгару: – Стил, распорядись, чтобы послание Преподобной ушло на Валлах.

– Непременно, милорд.

Стилгар подозвал стражу и вышел, следуя за старухой. Пол молча глядел в сторону. Он видел, что Алия не решается спросить его о чем-то. Но так и не обратившись к нему, она повернулась к гхоле.

– Ментат, – сказала она, – будут ли тлейлаксу просить милости у моего брата?

Гхола пожал плечами.

Тлейлаксу? – позволил себе отвлечься Пол. Нет... не так. Вопрос Алии говорил, что она не видит других вариантов. Ну что же, у каждой сивиллы собственные возможности, и у пророка тоже. Разве сестра одно и то же со своим братом? Скитания... Скитания... Вздрогнув, он отвлекся от собственных мыслей, чтобы услышать обрывки разговоров:

... должен знать, что тлейлаксу...

... полнота данных всегда...

... следует проявить здоровую осторожность...

Пол повернулся к сестре, привлекая ее внимание. Он понимал, что она заметит следы слез на лице его и удивится... Пусть удивляется. Удивление не грех. Он взглянул на гхолу, но перед глазами был Айдахо. Грусть и сочувствие боролись в его душе. Интересно, какими видят их эти металлические глаза?

У зрения и слепоты много ступеней, думал Пол, вспоминая фразу из Экуменической Библии: «Каких же еще чувств надо вам, чтобы увидеть невидимый мир вокруг вас?»

Органом каких чувств были эти металлические глаза?...

Ощутив горькую печаль брата, Алия подошла к нему. Благоговейным жестом фриженки коснулась слезинки на щеке его и проговорила:

– Не надо горевать о ближних, прежде чем они оставили нас.

– Прежде, – прошептал Пол. – Скажи мне, сестренка, что такое – «прежде»?

* * *

«Я уже сыт по горло и богами, и их жрецами! Неужели думаете, что собственный мир непонятен мне? – Хейт, что следует из имеющихся данных? – Греховные обряды мои проникли в сердце потребностей человека. Люди и едят теперь по милости Муад'Диба! Любят ради меня, рождаются во имя мое… улицу переходят, благодаря за это Пророка. Даже балку в захудалом домишке на каком-нибудь Шри-Танге не станут менять, не испросив благословения у жрецов Муад'Диба».

Книга Обличений из «Хроники Хейта»

– Ты многим рискуешь, являясь ко мне в это время, – произнес Эдрик, бросив яростный взгляд на лицедела через стенки контейнера.

– Насколько же слабосильно и узко твое разумение! – ответил Скитале. – И кто же, по-твоему, явился с визитом в твой дом?

Эдрик нерешительно вглядывался в объемистое тело, тяжелые веки, припухшее лицо. Было рано, и метаболизм Эдрика после ночного отдыха еще не перестроился на полное потребление меланжи.

– Надеюсь, по улице ты шел не с этой физиономией? – спросил Эдрик.

– Среди моих обличий сегодня были и совершенно не запоминающиеся.

Этот хамелеон решил, что смена шкуры защитит его ото всех неприятностей, необычайно отчетливо понял Эдрик. И вновь подумал: а что, если его участие в заговоре не скрывает соучастников от прочих пророков… Сестры Императора, например?

Эдрик качнул головой, взбаламутив оранжевый газ во всем контейнере, и произнес:

– Зачем ты здесь?

– Наш дар должен быстрее перейти к решительным действиям, – объявил Скитале.

– Это невозможно.

– Следует отыскать способ, – настаивал Скитале.

– Почему?

– Мне не нравится течение дел: Император пытается разделить нас. Он уже обратился с предложением к Бене Гессерит.

– Ах, это...

– Это! И вы обязаны заставить гхолу немедленно...

– Сделали его вы, тлейлаксу. Какие рекомендации нужны вам от меня? – Эдрик умолк, пододвинулся к прозрачной стенке контейнера. – Или же вы солгали, и дар этот предназначен для иного?

– Чем солгали?

– Ты ведь утверждал, что гхола – оружие, которое нужно просто направить в цель... И когда гхола обретет хозяина, нам не придется уже вмешиваться.

– Ну, действия всякого гхолы можно ускорить, – отвечал Скитале. – Для этого достаточно просто поинтересоваться прежней личностью его.

– И к чему это приведет?

– Он станет действовать в соответствии с нашими целями.

– Но Император все-таки ментат, а потому мудр и логичен, – возразил Эдрик, – он может просто догадаться о наших мотивах... или его сестра. Если она обратит все свое внимание на...

– Что же, ты не в силах укрыть нас от его сестры? – спросил Скитале.

– Речь не о пророках, – отвечал Эдрик. – Я опасаюсь логики, нюха шпионов и ищеек империи, ее мощи и власти над Пряностью, ее...

– Перед мощью Императора не обязательно испытывать трепет – если помнить, что она конечна, – отвечал Скитале.

Навигатор начал возбужденно извиваться, размахивая конечностями, словно некий диковинный тритон. Скитале подавил отвращение. Гильдиец был облачен в свой обычный темный комбинезон, на поясе вздувались емкости для всяких мелочей. И все же при движении он казался нагим.

Виной тому эти плавательные движения, рассудил Скитале, и вновь поразился странной связи, собравшей таких различных заговорщиков. Они попросту несовместимы друг с другом. В этом кроется слабость их замысла.

Возбуждение Эдрика утихло. Он видел Скитале сквозь оранжевую дымку перед глазами. Каким ходом запасся лицедел, чтобы успеть вовремя спасти собственную шкуру? Поступки тлейлаксу были непредсказуемы. Недобрый знак.

Нечто в голосе и действиях навигатора свидетельствовало, что гильдиец боится сестры Императора куда больше, чем самого Муад'Диба. Мысль эта встревожила Скитале. Неужели заговорщики не знают об Алие чего-то важного? Сумеет ли один гхола погубить и брата, и сестру?

– Знаешь ли ты, что говорят об Алие? – принялся прощупывать почву Скитале.

– Что ты хочешь сказать? – Человек-рыба вновь казался обеспокоенным.

– Что у философии и культуры еще не было такой покровительницы, – ответил Скитале. – Радость и красота в едином...

– Ни радость, ни красота не вечны, – возразил Эдрик. – Мы погубим обоих Атрейдесов. Культура! Да они насаждают ту культуру, которая помогает им править! Красота! Их красота порабощает. Они создают вокруг себя грамотное невежество, ведь это легче всего. Атрейдесы ничего не оставляют на волю случая. Ковать оковы – вот дело, привычное для их рук, Атрейдесы только сковывают и порабощают. Но всякий раб однажды да восстанет!

– Сестра может выйти замуж и родить, – проговорил Скитале.

– Что нам до сестры? – спросил Эдрик.

– Пару ей может подобрать Император, – пояснил Скитале.

– Пусть выбирает. Для этого уже слишком поздно.

– Будущего не выдумать, – предостерег его Скитале. – Ты не творец его, но и Атрейдес тоже. – Он кивнул. – Не следует рассчитывать на многое.

– Мы не из тех, кто легкомысленно болтает о творении, – запротестовал Эдрик. – Довольно того, что мы не принадлежим к сброду, пытающемуся сделать Муад'Диба мессией. Что за чушь? Зачем ты задаешь такие вопросы?

– Это не я, – отвечал Скитале, – вся эта планета задает такие вопросы.

– Планеты не разговаривают.

– Согласен – все, кроме этой.

– Неужели?

– Она говорит о творении. Песок, выпадающий по ночам, твердит эти слова.

– Это песок-то?

– Когда ты пробуждаешься утром, глазам твоим каждый раз предстает новый мир – девственная гладь, на которой еще никто не оставлял следа.

Девственная гладь, думал Эдрик. Творение? Его вдруг охватило беспокойство. Этот тесный контейнер, давящие стены вокруг... каменная темница угнетала его.

Следы на песке.

– Ты говоришь как фримен, – произнес Эдрик.

– Да, мысль эта принадлежит Вольному Народу, и она достаточно поучительна, – согласился Скитале. – Они говорят, что Джихад Муад'Диба оставляет свои следы во Вселенной, подобно фримену, ступающему по пескам. И следы эти подобны жизни человека.

– Так ли?

– Но всегда приходит ночь, – ответил Скитале, – а с ней ветер.

– Да, – согласился Эдрик. – Джихад не вечен. Муад'Диб использовал свой джихад и...

– Нет, – возразил Скитале. – Это не он использовал джихад – это джихад воспользовался им. По-моему, Муад'Диб прекратил бы его, если б только мог.

– Если б только мог? Для этого-то нужно всего…

– Ох, перестань! – бросил Скитале. – Как остановить эпидемию ментатизма? Она передается от личности к личности через парсеки. Она заразна, невероятно заразна. К тому же поражает человека в самое уязвимое место, и так переполненное останками прежде перенесенных подобных хворей. Кому по плечу остановить эту чуму? Даже у Муад'Диба не было противоядия. Корни этой болезни уходят в хаос. Кто может приказывать хаосу?

– Значит, и ты заразился? – спросил Эдрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, удивляясь страху в словах Скитале. Или же лицедел успел предать их? Он не мог заглянуть в будущее, проверить, так ли это. Грядущее бурлило мутным ручьем, клокотало на камнях-пророках.

– Мы все уже заражены ею, – отвечал Скитале, напоминая себе, что интеллект Эдрика, увы, ограничен. Как бы намекнуть, чтобы гильдиец понял?

– Но ведь когда мы уничтожим его, – проговорил Эдрик, – зараза…

– Следовало бы оставить тебя в невежестве, – усмехнулся Скитале, – но долг не позволяет. К тому же это опасно для всех нас.

Эдрик дернулся, взмахнул перепончатой ногой, остановился, всколыхнув облака оранжевого газа.

– Странные речи, – неуверенно сказал он.

Более спокойным тоном Скитале проговорил:

– Да, власть Муад'Диба уже готова взорваться, развалиться на части, которые будут разлетаться столетиями! Разве ты не видишь этого?

– Гильдии приходилось иметь дело с религиями, – запротестовал Эдрик. – И если новая…

– Это же не просто религия! – попытался растолковать Скитале, подумывая, что сказала бы Преподобная Мать, если бы оказалась свидетельницей суровой трепки, которую ему пришлось задать собрату-заговорщику. – Эта государственная религия – нечто совершенно иное. Муад'Диб

повсюду насажал своих квизара тафвид, и они подменили собой былые правительства. Эта власть не имеет постоянных представительных органов, не имеет посольств. И то и другое подменяют епископы, которым и принадлежит власть. Люди завистливы.

– Но пока их ничто не соединяет, с ними легко справиться поодиночке, – отозвался Эдрик с самодовольной усмешкой, – стоит отрубить голову, и тело упадет на…

– У этого тела две головы, – заметил Скитале.

– Сестра… которая может выйти замуж.

– Которая выйдет замуж.

– Скитале, мне не нравится этот тон.

– А мне не нравится твое невежество.

– Ну и что, если она выйдет замуж. Как это скажется на наших планах?

– Это скажется на целой Вселенной.

– Но ведь они вовсе не уникальны. И я сам, например, обладаю известными силами.

– Ты младенец рядом с ними. Ползешь на четвереньках там, где они бегут.

– И все же они неуникальны!

– Не забывай, гильдиер, что мы, тлейлаксу, некогда сами породили Квисатц Хадераха. Существо, способное лицезреть весь спектакль, разворачивающийся во времени. Это неотъемлемое свойство его, нельзя надеяться на собственную безопасность, угрожая ему. Муад'Дибу, конечно, известно, что удар будет нанесен по его Чани. Значит, мы должны действовать быстрее, чем он. Свяжись с гхолой, заставь его действовать. Я сказал, как это сделать.

– А если я не смогу?

– Тогда перуны Муад'Диба поразят нас.

* * *

О червь пожирающий,
Устоишь ли против стремления необоримого?
Плоть и дыхание влекут, бессчетнозубого
В землю начал, дабы
Сокрушить чудищ, в пламени пляшущих.
Нет обличья у многоликого,
Что укрыло бы. пламень желания,
Жар божественный, яд устремления.

«Гимн Червю» из «Книги Дюны»

Пол хорошенько пропотел в тренировочном зале, фехтуя с гхолой крисом и коротким мечом. Он теперь стоял у окна, глядел на площадь перед храмом и пытался представить себе, что делается с Чани в лазарете. Утром ей стало плохо, шла шестая неделя беременности. Врачей лучше тех, что уже суетились вокруг нее, попросту не существовало. Они известят его, если что-нибудь произойдет.

В полуденном небе над площадью нависали темные пылевые тучи. Такую погоду фримены звали «грязной».

Когда же наконец придет весть от врачей? Секунды осторожно крались мимо него, не решаясь обеспокоить своим присутствием.

Ожидание... ожидание... И Бене Гессерит еще ничего не ответили с Валлаха. Естественно, не без умысла.

Все это он уже видел... когда-то. Но теперь он отгораживал свое сознание от пророчества, желая быть просто рыбой, скользящей в водах времени не по собственной воле, а повинуясь могучим течениям и не сопротивляясь судьбе.

Гхола звенел оружием, разглядывал его. Пол вздохнул, протянул руку к поясу и выключил щит. Как и всегда, по коже волной пробежали мурашки.

Когда придет Чани, придется встретить ее гнев лицом к лицу, думал Пол. Пока еще ему отпущено достаточно времени, чтобы примириться с тем, что его умолчание продлило ей жизнь. Разве он был не прав, предпочитая Чани

наследнику? Ах-хх, по какому праву он решил это за нее? Дурацкая мысль. Нечего было и колебаться, зная альтернативу: застенки, пытки, горе... и все остальное, куда худшее.

Он услышал, как отворилась дверь, раздались шаги Чани.

Пол повернулся.

Лицо Чани дышало убийством. Все прочее: золотое одеяние, подбиравший его широкий фрименский пояс, ожерелье из водяных колец, рука на бедре, возле ножа, внимательный взгляд, мгновенно обежавший комнату, – только подчеркивало грозу на лице.

Когда она оказалась рядом, Пол раскрыл объятия и привлек ее к себе.

– Кто-то, – выдохнула она, уткнувшись носом в его грудь, – все это время потчевал меня контрацептивом... пока я не перешла на новую диету. Будут сложности с родами.

– Но есть же какие-то средства? – спросил он.

– Опасные. Я знаю, кто давал мне этот яд! И возьму ее кровь!

– Сихайя, – шепнул он, еще крепче прижимая ее к себе, чтобы унять внезапную дрожь. – Ты же понесла. Разве этого не довольно?

– Сейчас моя жизнь просто сгорает, – отвечала она, – будущие роды определяют теперь всю мою жизнь. Врачи сказали мне, что все жизненные процессы ужасно ускорились. Я должна есть, есть и есть... Пряность тоже – во всех видах – есть и пить. Я убью ее за это!

Пол притронулся губами к ее щеке.

– Нет, моя сихайя, ты никого не убьешь, – и подумал: «Любимая, Ирулан продлила твою жизнь. Роды принесут тебе смерть».

Горе грызло кости его, и жизнь утекала... в черную пустоту.

Чани отодвинулась от него.

– Ее нельзя простить!

– Кто говорил о прощении?

– А тогда почему мне нельзя просто убить ее?

Вопрос откровенный, чисто фрименский, и Пол едва сумел подавить истерическое желание расхохотаться, с трудом выдавив взамен:

– Это ничего не исправит.

– Ты видел это?

И то, что он видел, мгновенно предстало перед его умственным взором. У Пола заныло под ложечкой.

– Видел... видел... – пробормотал он. Все вокруг до мельчайших подробностей укладывалось в будущее, которое буквально парализовало его. Слишком часто он видел все это; какие-то цепи приковали его к этому будущему, которое сладострастным суккубом[18] наваливалось на него. Горло стиснула внезапная сухость. Значит, ведьмин зов проклятого пророческого дара наворожил ему наконец сегодняшний день, не ведающий пощады?

– Говори, что ты видел, – потребовала Чани.

– Не могу.

– А почему я не должна убивать ее?

– Потому что я прошу тебя об этом.

Он смотрел, как она реагировала на его слова. Так песок поглощает воду, впитывает и скрывает. Найдется ли хоть одна капля повиновения под этой гневной, раскаленной поверхностью? – думал он. И теперь только понял, что жизнь в Императорской Цитадели совершенно не изменила Чани. Очередная остановка на долгом пути по Пустыне, отдых с любимым... Она не утратила ничего, дарованного ей Пустыней.

Отстранив его, Чани смотрела на гхолу, ожидавшего возле многоугольника, выложенного на полу тренировочного зала.

– Ты фехтовал с ним? – спросила она.

– Да, мне это нравится.

---

[18] Демон женского пола, вступающий в связь с мужчинами.

Она глянула на многоугольник, перевела взгляд на металлические глаза гхолы.

– А мне – нет.

– Враги не прибегнут к насилию, он не нападет на меня, – проговорил Пол.

– Ты видел это?

– Этого я не видел.

– И откуда ты знаешь?

– Ну, это не только гхола, но еще и Дункан Айдахо.

– Его сделали Бене Тлейлаксу.

– Они сделали больше, чем предполагали.

Она качнула головой. Кончик шарфа-нежони лег на воротник ее платья.

– Он – гхола, и этого тебе не изменить.

– Хейт, – повернулся к гхоле Пол, – являешься ли ты орудием, созданным для моего уничтожения?

– Если изменятся суть и природа настоящего, будущее тоже изменится, – отвечал гхола.

– Это не ответ, – возразила Чани.

Пол возвысил голос:

– Хейт, как я умру?

В искусственных глазах блеснули искорки.

– Говорят, милорд, вы умрете от избытка власти и денег.

Чани застыла.

– Как он смеет так разговаривать с тобою?

– Ментат говорит правду, – проговорил Пол.

– А Дункан Айдахо был тебе истинным другом? – спросила она.

– Он отдал за меня жизнь.

– Но все знают, – шепнула Чани, – что гхола не становится тем человеком, которым когда-то был.

– Не хотите ли вы обратить меня? – поднял брови гхола, глядя на Чани.

– Что он имеет в виду? – удивилась та.

– Обратить в свою веру, или повернуть обратно... – проговорил Пол, – но пути назад не существует.

– Каждый человек несет в себе собственное прошлое, – заметил Хейт.

– И каждый гхола? – спросил Пол.

– Некоторым образом, милорд.

– Тогда скажи, что осталось от прошлого в глубине твоей плоти? – спросил Пол.

Чани видела, как вопрос этот взволновал гхолу. Ладони его сжались в кулаки, движения стали порывистыми. Она поглядела на Пола, удивляясь: зачем ему это? Или же есть способ преобразить это создание в того, прежнего человека?

– Случалось ли прежде, чтобы гхола вспоминал свое истинное прошлое? – спросила Чани.

– Этого пытались добиться, и не однажды, – отвечал Хейт, не подымая глаз. – Но ни один гхола никогда не обрел свою прежнюю память.

– Но ты жаждешь этого, – проговорил Пол.

Гладкие глаза гхолы в упор смотрели на Императора.

– Да!

Тихим голосом Пол начал:

– Если есть способ...

– Эта плоть, – проговорил гхола, словно в странном приветствии взметнув руку ко лбу, – не есть плоть моего рождения. Она... восстановлена. Это всего лишь форма. Такое по силам и лицеделам.

– Ну, не совсем, – отвечал Пол, – к тому же ты не лицедел.

– Совершенно, верно, милорд.

– Что же определяет форму твоего тела?

– Наследственная информация, записанная в исходных клетках.

– Где-то существует, – сказал задумчиво Пол, – пластиковая штуковина, помнящая форму тела Дункана Айдахо. Говорят, что древние пытались заниматься этими вещами еще до Джихада Слуг. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что взяла она от оригинала?

Гхола пожал плечами.

– А что, если это был не Дункан Айдахо? – спросила Чани.

– Это был он.

– Почему ты в этом уверен? – спросила она.

– Он похож на Дункана совершенно во всем. Я не могу представить себе такой силы, что могла бы точно, без искажений, без устали выдерживать эту форму изо дня в день.

– Мой господин! – запротестовал Хейт. – То, что мы не можем чего-либо представить, еще не делает такую вещь невозможной. Как гхола, я могу оказаться вынужден сделать такое, чего бы не сделал, будучи просто человеком!

– Теперь видишь? – спросил Пол, внимательно глядя на Чани.

Она кивнула.

Пряча глубокую печаль, Пол отвернулся. Он подошел к двери на балкон, отодвинул шторы. В наступившей мгле вспыхнуло освещение. Он потуже запахнулся в одеяние, прислушиваясь к тому, что творилось у него за спиной.

Тишина.

Он обернулся. Чани стояла как в трансе, не отводя глаз от гхолы.

Хейт же, как показалось Полу, спрятался в какую-то из внутренних каморок собственного существа, в месте, подобающем гхоле.

Чани повернулась на звуки шагов Пола. Она все еще не могла отделаться от ощущения: слова Пола на какой-то миг сделали гхолу полнокровным живым человеком. На миг она перестала бояться его, он вдруг превратился в личность, которая была достойна ее восхищения. Теперь она поняла, зачем все это потребовалось Полу. Он хотел, чтобы она заметила мужчину во плоти гхолы.

Она поглядела на Пола.

– И таким-то мужем был этот Дункан Айдахо?

– Да, таким он и был. И есть ныне.

– А он позволил бы Ирулан остаться в живых? – спросила Чани.

Впитывается вода, да неглубоко, подумал Пол, но произнес только:

– Если бы я приказал ему.

– Не понимаю, – сказала она, – ведь и тебе не следовало бы сердиться?

– Я уже сердит.

– Не похоже. Ты какой-то грустный.

– Да, немного. – Он закрыл глаза.

– Ты – мой мужчина, – вздохнула она. – Я так давно знаю тебя, но вдруг оказалось, что не понимаю.

Полу вдруг представилось, что он спускается в глубь длинной пещеры. Плоть его двигалась, ноги переступали сами собой, но мысли были далеко.

– Я и сам не понимаю себя, – прошептал он и, открыв глаза, обнаружил, что Чани нет рядом.

Она проговорила откуда-то из-за спины:

– Любимый мой, я больше не буду спрашивать, что ты видел. С меня хватит того, что я рожу тебе долгожданного наследника.

Он кивнул и отозвался:

– Это я знаю уже давным-давно. – Он обернулся к ней. Чани казалась такой далекой…

Взяв себя в руки, она положила ладонь на живот.

– Есть хочется… Врачи сказали, что теперь мне придется есть в три-четыре раза больше, чем прежде. Я боюсь, любимый. Все идет слишком быстро.

Слишком, мысленно согласился он. Плод сам понимает, что следует поспешить.

* * *

Дерзость Муад'Диба проявляется в том, что знал он с самого начала путь свой, но ни разу не сошел с него. Яснее всего сказал об этом он сам: «Говорю вам: пришло время моего испытания, и покажет оно глубину служения моего». Так сплетал он все воедино, чтобы и друг, и враг поклонялись ему. Поэтому и только поэтому взывали его апостолы: «Боже, спаси нас от прочих путей, которые Муад'Диб укрыл под водами своей жизни». Даже представить себе эти «прочие пути» можно лишь с глубочайшим отвращением.

Из «Йиам-эль-Дин», Книги Суда

Весть принесла молодая женщина – имя ее, лицо и семья были известны Чани, потому-то она и миновала преграды, расставленные Имперской службой безопасности.

Чани лишь назвала ее имя начальнику охраны Императора по имени Баннерджи, устроившему встречу вестницы с Муад'Дибом. Офицер руководствовался чистой интуицией и заверениями молодой женщины, что отец ее в дни, предшествовавшие джихаду, принадлежал к числу смертников Императора, ужасающих федайкинов. Иначе он, скорее всего, не счел бы необходимым обращать внимание на ее утверждение, что весть предназначена для ушей одного лишь Муад'Диба.

Перед аудиенцией женщину, конечно же, и просветили, и обыскали в личных апартаментах Пола. А потом, не выпуская из ладони ножа, Баннерджи повел ее за руку.

Почти в полдень вступили они в это странное жилище, в котором обиход фримена дополнялся роскошью наследственной знати.

Три стены его были завешаны гобеленами, типичными для хайрега, – изящными вышивками на темы мифов Пустыни. Четвертую стену занимал обзорный экран – ровная серебристо-серая поверхность его поднималась за овальным столом, на котором находились одни только фрименские

песочные часы, встроенные в оррерий[19] – этот иксиканский гравимеханизм объединял макеты лун и солнц Арракиса в классическую Триаду Червя.

Стоявший возле стола Пол смотрел на Баннерджи. Этот офицер попал на службу безопасности из фрименских констеблей, добившись места лишь собственным умом и преданностью, хотя анкету его портило происхождение из контрабандистов, о чем говорила сама фамилия. Крепкий мужчина, чуть ли не толстый. Черные пряди хохолком экзотической птицы ниспадали на казавшийся влажным лоб. Синие-на-синем глаза его могли, не меняя выражения, невозмутимо взирать и на сцены блаженства, и на корчи мук. Чани и Стилгар доверяли ему. Пол знал, что, если он прикажет удавить напросившуюся в гости девицу, Баннерджи немедленно исполнит приказ.

– Сир, вот девушка с вестью, – проговорил Баннерджи. – Госпожа Чани говорила, что предупредила вас.

– Да, – коротко кивнул Пол.

Как ни странно, девушка на него не глядела. Внимание ее было поглощено оррерием. Смуглая, среднего роста, закутанная в одежды, роскошная ткань и простой покрой которых свидетельствовали о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из той же ткани. Руки ее прятались в складках платья. Пол подумал – должно быть, они стиснуты в кулаки. Это соответствовало характеру. Все в ней вообще соответствовало характеру, в том числе и одежда: последние остатки былой роскоши, прибереженные для подобной оказии.

Пол жестом велел Баннерджи отступить. Тот нерешительно повиновался. Девушка шевельнулась, грациозно шагнула вперед. Но глаза ее глядели в сторону.

Пол кашлянул.

---

[19] Астрономический инструмент, демонстрирующий движение планет, механическая модель планетной системы; иногда планетарий.

Только теперь девушка подняла взгляд. Синие глаза ее округлились, выражая точным образом отмеренный трепет. Странное личико с узким подбородком, сдержанный рот. Глаза над высокими скулами казались слишком большими. Но было в ней нечто безрадостное, свидетельствующее о том, что улыбка – редкая гостья на этом лице. В уголках глаз желтела легкая дымка – или от раздражения песком, или из-за привязанности к семуте.

Все, как и должно быть.

– Ты попросила, чтобы я принял тебя, – проговорил Пол.

Теперь настал миг высшего испытания девичьего обличья.

Скитале воспроизвел все, что мог, – облик, манеры, пол, голос. Но эту девушку Муад'Диб знал в дни своей жизни в сиетче. Пусть она была только ребенком тогда, но их с Муад'Дибом объединял одинаковый образ жизни. Некоторых тем следовало избегать в разговоре. Скитале не приходилось еще исполнять более сложной роли.

– Я – Лихна, дочь Отхейма, сына Бериаль-Диба.

Девушка выговорила имена тихо, но твердо.

Пол кивнул. Он уже понял, каким образом этот лицедел сумел обмануть Чани. Если бы не знания Бене Гессерит, если бы не паутина дао, которой его пророческое зрение окутывало его, такое обличье, возможно, ввело бы в заблуждение и его самого.

Тренировка позволила подметить некоторые ошибки. Девушка казалась старше, чем следовало; голосовые связки явно были перенапряжены; посадка головы и плеч буквально на йоту отличались от непринужденной осанки фрименской женщины. Но кое-что было сделано просто отменно: богатое платье кое-где подштопано, выдавая истинное положение дел, черты лица сымитированы безупречно. Значит, лицеделу понравилась эта роль.

– Отдохни в моем доме, дочь Отхейма, – отвечал Пол обычным фрименским приветствием, – я рад тебе, как воде после дневного перехода.

Только легчайшее удовлетворение этим очевидным доверием отразилось на физиономии лицедела, выдавая его самоуверенность.

– Я принесла весть, – проговорила девушка.

– Вестник человека все равно что сам человек, – отвечал Пол.

Скитале тихо вздохнул. Все пока шло хорошо, но наступал важный момент: Атрейдеса следовало подтолкнуть в нужную сторону. Свою фрименку-наложницу он должен потерять в таких обстоятельствах, когда винить в этом будет некого. Кроме себя самого, всесильного Муад'Диба. Следует заставить его сперва осознать собственное падение, а потом принять предложение тлейлаксу.

– Я дым, который разгоняет ночную дремоту, – сказал Скитале, воспользовавшись кодовой фразой федайкинов, означавшей: я несу плохие известия.

Пол с трудом сохранял спокойствие, он казался себе нагим, душа его бродила в темноте, скрытой от всех видений. Этого лицедела укрывал могучий оракул. Только краешки этой ситуации были ведомы Полу. Он знал только, чего ему не следует делать. Лицедела нельзя было убивать. Это вело к будущему, которого следовало избегать любой ценой. Может быть, и в этой тьме отыщется тропинка, которая выведет его из кошмара.

– Говори свою весть, – произнес Пол.

Баннерджи шагнул в сторону так, чтобы видеть лицо девушки. Она, казалось, впервые заметила рукоятку ножа под ладонью офицера безопасности.

– Невинный не верит во зло, – проговорила она, глядя на Баннерджи.

Ах-х, великолепная работа, думал Пол. Так сказала бы и настоящая Лихна. Острая жалость на миг пронзила его – к истинной дочери Отхейма, убитой и выброшенной в пески. Не время для подобных эмоций, нахмурился он.

Баннерджи внимательно глядел на девушку.

– Мне было приказано тайно передать эту весть, – проговорила она.

– Почему? – резким голосом спросил Баннерджи.

– Так пожелал отец.

– Это мой друг, – отвечал Пол. – Или я не фримен? Мой друг может слышать все, что предназначено для моих ушей.

Скитале в девичьем обличье подобрался. Обычай фрименов… или ловушка?

– Император вправе устанавливать собственные законы, – ответил он. – Вот моя весть: отец мой хочет, чтобы ты пришел к нему вместе с Чани.

– Зачем ему Чани?

– Она твоя женщина и сайядина. По законам наших племен, это водяное дело. Она должна подтвердить, что отец мой говорит по фрименскому обычаю.

Значит, в заговоре участвуют и фримены, думал Пол. Это соответствовало тем событиям, что скоро последуют. И у него не было выхода, оставалось только идти этим путем.

– О чем будет говорить твой отец? – спросил Пол.

– О заговоре против тебя, о заговоре среди фрименов.

– Почему же он сам не принес сюда эту весть? – потребовал ответа Баннерджи.

Она глядела на Пола.

– Он не может этого сделать. Заговорщики подозревают его. Он не дойдет до дворца.

– А он не мог поделиться подробностями с тобой? – спросил Баннерджи. – Иначе зачем еще рисковать собственной дочерью?

– Детали запечатлены в дистрансе, который откроется для одного Муад'Диба, – проговорила она. – Мне известно лишь это.

– Почему он не послал этот дистранс? – спросил Пол.

– Это человек, – отвечала она.

– Тогда я приду, – проговорил Пол, – но только один.

– Чани должна прийти вместе с тобой.

– Чани в положении.

– Разве беременные фременки отказываются ходить?

– Мои враги травили ее тонким ядом, – отвечал Пол. – Ее ждут трудные роды. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скитале сумел овладеть собой, странные эмоции отразились на девичьем лице: гнев и разочарование. События невольно напомнили ему: у каждой жертвы должен быть путь к спасению. Заговор не провалился, нет. Атрейдес увяз в сетях, ведь он уже стал самим собой. И скорее погибнет, чем превратится в собственную противоположность. Так было с Квисатц Хадерахом тлейлаксу. Так будет и с ним. А потом... гхола.

– Разреши мне самой попросить Чани об этом, – попросила девушка.

– Я решил, – отвечал Пол. – Вместо нее будешь сопровождать меня ты.

– Но я не сайядина обрядов!

– Разве ты не подруга Чани?

«Попался! – подумал Скитале. – Неужели он заподозрил? Нет... Просто он осторожен, как подобает фримену. И к тому же контрацептив – это факт. Хорошо, существуют и другие пути».

– Отец не велел мне возвращаться, – продолжил Скитале, – он сказал, чтобы я просила убежища у тебя. Он сказал, что ты не будешь рисковать мною.

Пол кивнул. Абсолютно достоверно. Он не мог отказать ей в убежище. Ей, фременке, покорной слову отца.

– Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, – ответил Пол. – Расскажи нам, как идти к твоему отцу.

– А ты уверен, что можешь доверять жене Стилгара?

– Я знаю это.

– А я – нет.

Пол поджал губы, потом спросил:

– Твоя мать жива?

– Моя истинная мать ушла к Шаи-Хулуду. Но приемная жива и заботится об отце. Зачем она?

– Она из сиетча Табр?

– Да.

– Я помню ее, – проговорил Пол. – Она заменит Чани.

Он дал знак Баннерджи.

– Пусть помощники отведут Лихну, дочь Отхейма, в подходящее для нее помещение.

Баннерджи кивнул. Помощники. Слово это означало, что вестницу следует поместить под усиленный надзор. Он взял ее за руку. Девушка воспротивилась.

– Как ты пойдешь к моему отцу? – спросила она.

– Как идти, расскажешь Баннерджи, – отвечал Пол. – Он мой друг.

– Нет! Отец не велел! Не могу!

– Баннерджи?.. – обратился Пол к офицеру.

Тот помедлил. Пол видел, что Баннерджи роется в своей энциклопедической памяти, благодаря которой он стал доверенным лицом Императора.

– Я знаю проводника, который может отвести вас к Отхейму, – ответил наконец Баннерджи.

– Я пойду один, – отрезал Пол.

– Сир, если вы...

– Этого ведь хочет Отхейм, – проговорил Пол, едва скрывая иронию.

– Сир, это слишком опасно, – возражал Баннерджи.

– Даже Императорам приходится порой рисковать, – отвечал Пол. – Я принял решение. Повинуйся.

Баннерджи не без колебаний вывел лицедела из комнаты.

Пол отвернулся к пустому экрану. Ему казалось, что на него с высоты вот-вот свалится скала.

Сказать Баннерджи, кто эта вестница? – спросил он себя. Нет! В видении он не делал этого. Любые отклонения от видения лишь усугубляют насилие. Только бы успеть отыскать ось, на которой все крутится, чтобы вырвать себя из видения.

Если только она существует...

* * *

Какой бы экзотический вид ни принимала цивилизация, каких высот развития ни достигло бы общество, какой сложной ни становилась бы связь людей и машин, всегда наступает момент кульминации сил, когда дальнейшее направление развития человечества, само будущее его оказываются зависящими от простых поступков отдельных личностей.

Из Богокниги Тлейлаксу

На высоком пешеходном мостике между Цитаделью и зданием Квизарата Пол начал прихрамывать. Солнце садилось, и в длинных тенях ему легче было скрыться, но внимательный взгляд всегда мог высмотреть в его походке какую-нибудь особенность и узнать его. Щит был на нем, но Пол не включал его: помощники считали, что мерцание поля только вызовет подозрения.

Пол посмотрел налево. Песчаные облака, как разрезные жалюзи, перегородили небо. Воздух за фильтрами дистикомба казался столь же сухим, как посреди хайрега.

Конечно, он был не один, десница службы безопасности вовсе не расслабилась с тех пор, когда он перестал прогуливаться по ночам в одиночку. Высоко над головой как бы случайно пролетали орнитоптеры с приборами ночного видения и контрольными приемниками, следящими за укрытым в его одеянии передатчиком; проверенные люди патрулировали улицы. Прочие разбредались по городу, рассмотрев и запомнив Императора в его фрименском обличье: дистикомб, Пустынные сапоги-тимаги. Грим делал его кожу более темной, за щеки были вставлены пластиковые вкладыши. Слева у подбородка торчала трубка дистикомба.

С противоположного края мостика Пол оглянулся назад. Около каменной решетки, скрывавшей вход в его апартаменты, что-то шевельнулось. Конечно же, Чани. «Пошел искать песка в Пустыне», – говорила она в таких случаях.

Ничего не знает, думал он. Приходилось выбирать меньшее из страданий, но теперь уже даже самое малое становилось непереносимым. В последний раз тау чуть не выдало

все его чувства. К счастью, она неправильно их истолковала... Она-то думала, что страхи его вызваны неизвестностью.

Если бы только не знать ни о чем, думал он.

Он сошел с моста и вошел в верхний коридор. Повсюду там были плавающие лампы, торопились по делам люди. Квизарат не дремал. Внимание Пола привлекли таблички над дверьми, прежде он не обращал на них внимания: «Скорая торговля», «Ветровые конденсаторы и дистиллирующие устройства», «Перспективные пророчества», «Испытания Веры» ...

Надо всем этим можно было повесить одну общую табличку – «Распространение бюрократии».

В его Вселенной само собой зарождалось новое существо: чиновник гражданский и религиозный. Вступая в Квизарат, он чаще всего был новообращенным. Ключевые посты занимали фримены, зато эти кишмя кишели во всех нишах пониже. Они могли позволить себе меланжу – и как свидетельство богатства, и в гериатрических целях. Они держались в стороне от властей: Императора, Гильдии, Бене Гессерит, Ландсраада, правящего семейства и Квизарата. Рутина и отчетность были их истинными божествами. Им служили ментаты, они пользовались изощренными системами ведения документации. Целесообразность была главным понятием в их катехизисе. И на словах всякий из них открещивался от идей, против которых выступил Джихад Слуг. Да, машина не может быть подобием человеческого разума. Но на деле любой из них явно предпочитал машины людям, статистику личности и общий подход личным контактам, требующим воображения и инициативы.

Выходя на пандус с другой стороны здания, Пол услышал, как зазвонили колокола, созывая на вечернюю службу в Храм Алии.

В тревожном перезвоне колоколов странным образом слышалась вечность.

Располагавшийся по ту сторону заполненной народом площади храм еще не успел потерять новизну, и обряды его были придуманы недавно. Но что-то в этом здании, высящемся на краю Арракинской впадины, свидетельствовало о противоположном. Быть может, потому что песок и ветер уже начинают точить камень и пластик, или потому, что прочие сооружения словно жались к нему. Храм казался древним, исполненным тайн и традиций.

Пол отдался напору толпы. На этом настоял единственный оказавшийся неподалеку сопровождающий. Быстрое согласие Пола вовсе не обрадовало службу безопасности. Еще менее того – Стилгара; больше всех беспокоилась Чани.

Несмотря на обступившую толпу, он ощущал странную свободу в движениях, его старательно обходили, не задевая; горожан и паломников учили правильно обходиться с фрименами. И он держался как человек из глубокой Пустыни. Такие легко вспыхивают гневом.

К ступеням храма подходили быстрее, напор толпы даже увеличивался. Теперь окружавшим трудно было избегать столкновений с ним и отовсюду неслись ритуальные извинения: «Прошу прощения, благородный господин. Увы, я был неловок», «Простите, почтеннейший, но такой давки я еще не видел», «Извиняюсь, святой человек, какой-то грубиян подтолкнул меня».

После первых извинений Пол уже не обращал внимания на последующие. За ними не было ничего, кроме ритуального страха. Ему даже подумалось – как далеко ушел он от родного Каладанского замка! Где впервые поставил он ногу на путь, что привел его на эту людную площадь, в столицу планеты, находящейся в невероятной дали от Каладана? И вступал ли он на эту тропу вообще? Разве хоть однажды в жизни действия его определялись только одной причиной? Сложные мотивы, комплексы побуждений действовали на него; подобного переплетения реальности не ведал никто из людей во всей истории человечества. Пола все преследовало ощущение, что он может еще уклониться от поджидающей

его в конце концов участи... но толпа валила вперед и с легким головокружением он подумал, что заблудился, потерял свой собственный путь по жизни.

Толпа несла его вверх по ступеням под портик храма. Голоса приумолкли. Запахло страхом – едким и кислым, как пот.

Псаломщики-аколиты уже начали службу. Простой речитатив их заглушал прочие звуки – перешептывание, шелест одежд, шарканье ног, покашливание, – гимн говорил о Дальних Краях, которые в священном трансе посещает Великая Жрица.

Она едет, на великих червях пространства
Сквозь бури и ураганы
В страну тишины и покоя.
И хранит уснувших у логова змей,
Облегчает жар Пустыни,
Прячет, нас в прохладной тени.
Это блеск белых зубов ее
Ведет нас в ночи,
Это пряди волос ее
Уводят нас в небо;
Благоухание, ароматы цветочные
Окружают ее.

«Балак! – по-фрименски подумал Пол. – Будь осторожен! Она может быть разгневана».

Вдоль стен портика высился ряд светящихся трубок, выполненных в форме свечей. Они мерцали, тем самым пробуждая древние воспоминания в душе Пола... так и было задумано. Хитроумный замысел, атавизм. Пол ненавидел себя: ведь и он приложил руку к этому обману.

Через высокие металлические двери толпа втекала в огромный неф, во мраке его высоко над головой играли огоньки, вдали ярко светился алтарь. Пляшущие огни за этим обманчиво простым сооружением из черного дерева,

украшенным изображениями на темы фрименских мифов, в сочетании с полем преддвери[20] создавали впечатление северного сияния.

Семь рядов служек, выстроившихся под этим призрачным занавесом, обретали совершенно странный вид: чернели их одежды, белели лица, в едином порыве открывались и закрывались рты.

Пол вглядывался в окружавших его пилигримов, вдруг позавидовав их сосредоточенности, страстному ожиданию откровений, которых сам он и слышать не мог без зевоты. Паломники же словно обретали здесь нечто таинственное и целительное, сокрытое для него.

Он попытался подвинуться поближе к алтарю, но на руку его вдруг легла чья-то ладонь. Пол мгновенно обернулся, встретил испытующий взгляд старика-фримена – синие-насинем глаза под кустистыми бровями, в них светилось узнавание. В мозгу Пола вспыхнуло имя – Разир. Он помнил этого фримена еще по временам жизни в сиетче.

Пол понимал, что в окружении толпы окажется совершенно беспомощным, если Разир попытается напасть на него.

Старик пододвинулся ближе, рука его под вытертым песком одеянием, конечно же, сжимала рукоять криса. Пол постарался насколько возможно изготовиться к защите. Старик наклонил голову к уху Пола и шепнул: «Мы пойдем вместе с ними».

Кодовый сигнал. Сопровождающий. Пол кивнул.

Разир отодвинулся, повернулся к алтарю.

– «Она грядет с востока, – возглашали аколиты. – Солнце стоит за ее спиною. Ничто не скроется от нее. Ослепительный свет солнца все откроет ее глазам, от которых ничто не утаится: ни свет, ни тьма».

Поверх голосов застонал ребаб, пение замолкло, настало молчание. В наэлектризованном возбуждении толпа

[20] Преддверь, или «выход предусмотрительности», – запасной выход, защищенный силовым щитом.

продвинулась вперед на несколько метров. Теперь все сбились в тугую массу, дыхание людей смешалось с густым запахом Пряности.

– Шаи-Хулуд пишет на чистом песке! – провозгласил хор.

Пол вдруг ощутил, что даже у него, как и у всех прочих, перехватило дыхание. В тенях позади сверкающей преддвери тихо вступил женский хор:

– Алия... Алия... Алия...

Пение становилось все громче и вдруг умолкло.

А потом нежные, как заря, голоса завели:

Она усмиряет бури,
Глаза ее истребляют врагов,
Терзают неверных.
От шпилей Туоно,
Где брезжит рассвет,
Где текут чистые воды,
Видна ее тень.
В летнюю жару она
Дарует нам хлеб и млеко
Прохладное, благоухающее травами,
Ее глаза испепеляют врагов,
Терзают угнетателей
И проницают все тайны.
Она – Алия... Алия... Алия... Алия.

Голоса медленно смолкли. Пола замутило. Что же мы наделали, подумал он. Алия пока еще только юная ведьма, но вот-вот повзрослеет и станет еще страшнее.

Духовная атмосфера этого храма терзала его. Какая-то его часть была заодно со всеми здесь собравшимися, но другая противилась, отвергая услышанное, и противоречие было мучительным. Он словно утопал в собственном неискупном грехе. Вселенная за пределами храма необъятна. Разве способен один человек в придуманном ритуале

охватить весь необъятный простор... объединить людей единым верованием, доступным для каждого?

Пол поежился.

Вселенная всегда противостояла ему. Она так и стремилась выскользнуть из его хватки, принимала несчетные обличья, чтобы обмануть его. Вселенная никогда не примет формы, которую он будет придавать ей.

Глубокое молчание охватило храм.

Из тьмы за играющей радугой выступила Алия. На ней были желтые одежды, расшитые зелеными узорами – фамильным цветом Атрейдесов, – желтизна символизировала золотое солнце, зелень же – смерть, которая порождает жизнь. Полу вдруг показалось, что Алия предстала перед ним одним, только ради него одного. Он глядел над толпой на собственную сестру. Ту, что была его сестрою. Он знал и весь ритуал, и истоки его, но никогда еще не случалось ему стоять здесь вместе с паломниками, глядеть на нее их глазами. И чувствуя таинственность сего, Пол понял, что она – часть противостоящей ему Вселенной.

Аколиты поднесли Алии золотую чашу-потир.

Она подняла чашу.

Пол знал, что в ней – непреобразованная меланжа, тонкий яд, благословение оракула.

Не отводя глаз от потира, Алия заговорила. Голос ее журчал ручейком, ласкал уши, как серебряный колокольчик.

– В начале все мы были пусты, – начала она.

– Не ведали ни о чем, – отозвался хор.

– И мы не знали той Силы, что обитает повсюду и во всех временах, – продолжила Алия.

– Не знали, не ведали, – откликнулся хор.

– Вот Сила, – проговорила Алия, приподнимая потир.

– Она дарует нам счастье, – пел хор.

И горе, думал Пол.

– Она пробуждает душу, – говорила Алия.

– Рассеивает сомнения, – звенел хор.

– Слова убивают нас, – продолжила Алия.

– Сила исцеляет, – отозвался хор.

Приложив потир к губам, Алия отпила.

К собственному удивлению, Пол понял, что он затаил дыхание, как и все вокруг него. Как самый простой паломник. И хотя он до тонкостей знал, что именно ощущает сейчас Алия, всеобщее тау захватило его. Он вдруг вспомнил, как течет по телу этот огненный яд. Как потом замирает время, как восприятие стягивается в точку, преобразующую яд. Он вновь вспомнил, как пробуждаешься среди безвременья, ощущая, что все возможно. Он знал все, что сейчас чувствует Алия. Но и не знал этого: тайна застилала глаза.

Затрепетав, Алия опустилась на колени.

И Пол охнул вместе с завороженными паломниками. И кивнул сам себе. Дымка тайны начинала развеиваться. Посреди всеобщего благоговения он успел позабыть, что каждое видение принадлежит тем, кто ищет, тем, кто еще в пути, тем, кто вглядывается во тьму, не умея отличить действительности от малого случая. Люди жаждут абсолюта, но не могут достичь его.

И в жажде своей теряют сегодняшнее.

В миг преобразования яда Алия пошатнулась.

Пол ощущал, что какая-то трансцендентная сущность твердит ему: «Погляди! Сюда! Понимаешь теперь, чего ты не заметил?..» В этот момент он словно смотрел чужими глазами, ощущая здесь ритм и фантазию, невозможные ни для художника, ни для поэта. Все было прекрасно и исполнено жизни, и ослепительный свет высветил все пресыщение властью... его собственной властью.

Алия заговорила. Усиленный репродукторами, голос ее грохотал под сводами нефа.

– Светлая ночь, – провозгласила она.

Стон волной понесся над паломниками.

– Ничто не укроется во тьме этой ночи! – продолжила Алия. – Какой редкостный свет – эта тьма! На нее нельзя смотреть! Чувствам не понять ее. Словам не описать ее. – Голос Алии стал тише. – Но перед нами пропасть. И она несет

в чреве своем все, чему предстоит еще быть. Ах-хх, какое сладостное насилие!

Пол почувствовал, что ждет от сестры чего-то, какого-то знака, предназначенного лишь ему одному. Дела или слова, мистического знака или заклинания, которым она словно стрелу наложит его на свой космический лук. Капелькой ртути трепетал этот миг в его сознании.

– Будет печаль, – нараспев проговорила Алия. – Помните, что все, что есть вокруг нас, – лишь начало, вечное начало. Миры еще не покорены. И голос мой отзовется в возвышенных судьбах. И вы посмеетесь над прошлым, и забудете эти слова: за всеми различиями кроется единство.

Подавив разочарование, Пол глядел на склонившую голову Алию. Она ничего не сказала ему, он ждал напрасно. Собственное тело вдруг показалось ему пустой скорлупкой, шкуркой, сброшенной насекомым в Пустыне.

И другие ощущают это, думал он. Вокруг беспокойно зашевелились. Слева от Пола в нефе скорбно и неразборчиво вскрикнула женщина.

Алия подняла голову, и Пол с легким головокружением понял, что словно бы смотрит в ее остекленевшие глаза с расстояния в несколько дюймов.

– Кто призывает меня? – спросила Алия.

– Я, – закричала женщина... – Это я, Алия! Помоги мне, о Алия! Мне сказали, что сын мой погиб на Муритане. Он оставил меня? И я никогда больше не увижу сына?.. Это правда, скажи мне?

– Не иди назад по песку, – нараспев отвечала Алия. – Ничто не гибнет. Все возвращается, но ты можешь не узнать того, кто вернется.

– Я не поняла, Алия, – стенала женщина.

– Ты живешь в воздухе, но не видишь его, – резко ответила Алия. – Или ты ящерица? Твой голос – голос фрименки. Разве зовут фримены своих мертвых обратно? Что нам надо от них, кроме воды?

В центре нефа мужчина в богатом красном плаще закричал, воздев вверх обе руки так, что рукава плаща упали вниз, открыв тонкое полотно рубашки.

– Алия, – закричал он. – Мне предлагают сделку. Согласиться ли?

– Ты пришел сюда попрошайничать? – отвечала Алия. – Хочешь найти золотую чашу – встретишь кинжал.

– Меня попросили убить человека, – бухнул голос справа, в котором слышались интонации жителя сиетча. – Соглашаться ли? А если соглашусь, сложится ли все удачно?

– Конец и начало едины, – отрезала Алия. – Разве я еще не говорила об этом? Ты пришел не за этим. Ты уже сомневаешься – раз явился сюда и задал этот вопрос!

– Она сегодня не в духе, – пробормотала женщина, стоявшая рядом с Полом, – я еще не видела ее такой гневной.

Она знает, что я здесь, подумал Пол. Неужели видение разгневало ее? И ярость эта направлена против меня?

– Алия, – обратился к ней человек, стоявший прямо перед Полом. – А скажи-ка всем этим деловым и мягкосердечным людям, сколько еще суждено править твоему брату!

– За этот уголок неведомого ты можешь заглянуть сам, – огрызнулась Алия. – Твои предрассудки на твоем языке. Ты пьешь воду и живешь под крышей потому, что брат мой оседлал змея хаоса.

Яростным жестом запахнув плащ, Алия повернулась и исчезла во тьме под блистающей радугой.

Аколиты завели заключительный напев, но ритм ускользал от них. Неожиданное завершение службы выбило всех из привычной колеи. В толпе поднялся ропот. Вокруг беспокойно и неудовлетворенно зашевелились.

– А все этот дурак со своим бизнесом, – пробормотала та же самая женщина. – Ханжа!

Что увидела Алия? Какую дорогу в грядущем?

Здесь сегодня что-то вышло не так, оракул так и не заговорил. Обычно Алия долго отвечала на вопросы. Да, все они вымаливали пророчество. Он слышал это много раз, сам

следил за всем из мглы за алтарем. Что же не сложилось этим вечером?

Старый фримен потянул Пола за рукав, кивнул ему в сторону выхода. Толпа уже начинала тесниться в ту сторону. Пол последовал за общим движением, рука сопровождающего держала его за рукав. Он чувствовал, что в теле его воплотилась некая сила, более не поддающаяся контролю. И он перестал быть существом – осталась одна тишина, которая двигалась сама по себе. Только в самой сердцевине этого не-существа еще нашлось ему место, и старик вел его по улицам города таким путем, что сердце леденело от скорби.

«Нужно узнать у Алии, что она увидела, – подумал он. – Я видел это много раз. Но Алия не возвысила голоса... значит, она тоже видела альтернативы».

* * *

Рост доходов в моей Империи не должен отставать от роста промышленного производства. В этом суть моего правления. И никакого дисбаланса во взаимных расчетах. По одной причине – я так приказываю. Я хочу подчеркнуть этим мою власть. В моем домене я верховный потребитель энергии, и останусь им даже после кончины. Экономия – вот мое правление.
Приказ Императора Муад'Диба Совету

– Здесь я оставлю тебя, – сказал старик, снимая руку с рукава Пола. – Там справа, вторая дверь от конца. Ступай с Шаи-Хулудом, Муад'Диб... и не забывай, что был Усулом.

Проводник Пола исчез во тьме.

Люди из службы безопасности следят за ними. И явно выжидают удобного момента, чтобы схватить старика и отвести его в место допроса. Пол знал это. И надеялся, что старому фримену удастся скрыться.

Над головой уже мерцали звезды, дальний свет Первой луны угадывался за Барьерной Стеной... Но здесь не открытая Пустыня, здесь звезды не путеводны. Старик привел его в один из новых пригородов – лишь это успел заметить Пол.

Улицу покрывал густой слой песка, нанесенного ветром с подступающих дюн. Тусклый свет одинокого уличного светильника освещал дальнюю часть улицы, давая понять, что перед ними тупик.

В воздухе стоял густой запах – вонял сортир, конечно, это был туалет со влагопоглотителем, но, должно быть, крышка прилегала неплотно и пропускала, кроме вони, еще и слишком много воды. Сколь беспечны стали его люди, подумал Пол. Теперь все миллионеры... позабыты те дни, когда на Арракисе могли убить человека, получив в уплату всего восьмую часть воды его тела.

«Что же я медлю, – думал Пол. – Вторая дверь от дальнего конца. Это я знаю и сам, без всяких слов. Но роль следует сыграть не фальшивя. Поэтому... я колеблюсь...»

В угловой части дома, справа от Пола, послышались звуки ссоры. Женский голос громко костерил кого-то:

– В новую пристройку просачивается пыль! Что, по-твоему, вода падает с неба? Когда пыль входит, уходит вода.

«Помнят еще». – думал Пол.

Он двинулся дальше, и звуки ссоры за спиной утихли вдали.

«Вода с неба!» – усмехнулся он.

Фрименам уже случалось видеть такое чудо на других мирах. Некогда он и сам его видел, а потом повелел, чтобы так было и на Арракисе, но воспоминания о дожде словно принадлежали другому человеку. Да, дождь, так это зовется. На миг ему вспомнился ливень под небом его родного мира, заряженные электричеством серые густые тучи в небе Каладана, крупные капли, растекающиеся на окнах. Ручейки, бегущие вниз с карнизов. Ливневая канализация сбрасывала воду в мутную реку, бурлившую возле садов Семьи, деревья в них блестели влажной корою.

Ногой Пол зацепил невысокий песчаный нанос... – словно к пятнам его детских сапог на миг налипла влажная глина. А потом он вновь оказался в песках, в пыльной, продутой всеми ветрами мгле. И будущее грозно нависало

над ним. И вечная сушь теперь казалась ему обвинением. Это ты виноват! Люди стали невозмутимыми наблюдателями, следят вокруг сухими глазами и рассказывают друг другу. А все свои проблемы решают силой... только силой... и еще более превосходящей силой, ненавидя каждый эрг ее.

Под ногами оказались грубые плиты. Он помнил их по видению. Справа темный прямоугольник двери... черный на темной стене. Дом Отхейма, дом Судьбы... отличавшийся от соседних лишь ролью, которую выбрало для него Время. Неожиданное место, слишком обыкновенное, чтобы оказаться увековеченным в анналах истории.

На стук дверь отворилась. Стал виден освещенный тусклым зеленым светом атриум. Из приотворенной двери выглянул карлик с лицом древнего старца на теле ребенка. Прежде подобного наваждения он не видел.

– Значит, вы пришли, – проговорило наваждение. Карлик без всякого трепета шагнул в сторону, расплывшись в злорадной улыбке. – Входите, входите!

Пол колебался. В его видении не было карлика, но прочее совпадало до мельчайших подробностей. Подобные редкие несоответствия не меняли видений. Однако отличие порождало надежду. Он оглянулся на молочный диск луны, жемчужиной повисший над дальними скалами. Луна томила его. Как же она упала?

– Входите же, – настаивал карлик.

Пол вошел, дверь с глухим стуком легла на уплотнения за его спиной. Карлик прошел вперед, чтобы показать путь. Шлепая огромными ступнями по полу, он отворил изящную резную дверцу в крытый дворик.

– Они ждут вас, сир.

Сир, думал Пол. Значит, он знает меня.

Но, прежде чем Пол смог обдумать свое открытие, карлик исчез в боковом проходе. Надежда дервишем кружилась в голове Пола. Он шел через дворик. В помещении было сумрачно и тоскливо, в нем чувствовалось поражение и болезнь. Атмосфера этого дома угнетала его. Или он должен

избрать поражение в качестве меньшего зла? И как далеко он успел зайти по этому пути?

Сквозь узкую дверь в дальней стене пробивался свет. Пол, стараясь не обращать внимания на давящий вкус воздуха, на ощущение внимательного чужого взгляда, перешагнул порог. Маленькая комната, голая по фрименским меркам – драпировки покрывали лишь две стены. Напротив двери, под самым красивым гобеленом, на карминно-красных подушках сидел какой-то человек; за проемом в левой, голой, стене царил сумрак – там, среди теней, смутно виднелся женский силуэт.

Пол ощутил, что запутывается в сетях видений. Так оно должно было быть... но откуда взялся карлик? В чем разница?..

Он использовал все свои чувства, в едином гештальте вбирая в себя комнату. Да, обстановка бедная – но видно было, что хозяева изо всех сил пытаются поддерживать достойный вид комнаты. Карнизы и крюки на оголенных стенах показывали, что и тут прежде висели драпировки; Пол напомнил себе, что паломники платили невероятные суммы за подлинные фрименские изделия. Те из них, что побогаче, считали изготовленные в Пустыне гобелены настоящим сокровищем – лучшим отличием совершившего хадж пилигрима.

Свежая алебастровая побелка оголенных стен, казалось, бросает Полу обвинение. Гобелены на других двух стенах, протертые до основы, лишь усиливали чувство вины.

Справа от входа на стене висела узкая полка, занятая целым рядом портретов. Большинство из них изображали бородатых фрименов, некоторые из которых были в дистикомбах с болтающимися катетерными трубками, а на других портретах имперские мундиры сверкали на фоне экзотических пейзажей иных миров. Чаще всего пейзажи были морскими.

Фримен, восседавший на подушках, откашлялся, привлекая внимание Пола. Это был Отхейм, точно такой, как в

видении – исхудавшая птичья шея, которая, казалось, едва выдерживает тяжесть массивной головы. Изуродованное лицо – вся левая сторона под слезящимся глазом состоит из пересекающихся шрамов, хотя справа кожа не повреждена, а синий-на-синем фриженский глаз смотрит прямо и зорко. Неповрежденную половину лица отделял от изуродованной длинный крючковатый нос.

Подушка, на которой сидел Отхейм, лежала в центре вытертого ковра – тот казался бурым, но был сплетен из темно-бордовых и золотистых нитей. Потертые ткани подушки кое-где подштопаны, но все металлические предметы в комнате начищены до блеска – и рамки портретов, и окантовка полки, и подножие низкого стола.

Кивнув живой половине лица Отхейма, Пол заговорил:

– Счастья тебе и твоему обиталищу, – так приветствовали друг друга друзья, люди одного сиетча.

– Значит, я снова вижу тебя, Усул, – произнес племенное имя дрожащий старческий голос. Тусклый глаз на изуродованной половине лица задвигался над пергаментной, изборожденной шрамами кожей. Эта сторона лица была покрыта седой щетиной, вниз свисали редкие пряди волос. Рот Отхейма раскрылся, блеснули зубы из серебристого металла.

– Муад'Диб всегда отвечает на зов своих федайкинов, – отвечал Пол.

Женщина возле двери шевельнулась:

– Так болтает Стилгар.

Она вышла на свет, копия Лихны, изображенной лицеделом, только постарше. Пол припомнил, что жены Отхейма были сестрами. Волосы ее поседели, нос заострился, словно у ведьмы. Пальцы ее были покрыты мозолями от прядения. В былые времена фриженки гордились ими, но заметив его взгляд, она спрятала руки в складках бледно-синего платья.

Пол вспомнил ее имя – Дхури. Но к ужасу своему, он помнил ее ребенком, не такой она была в видении. Во всем

виноват ее голос, попробовал убедить себя Пол. Было в нем что-то детское.

– Видишь, я здесь, – ответил Пол. – Разве мог бы я прийти сюда без согласия Стилгара? – Он обернулся к Отхейму. – На мне долг воды, Отхейм. Распоряжайся мною.

Так и принято было разговаривать в сиетче со своими.

Отхейм кивнул трясущейся головой, слишком тяжелой для тонкой шеи. Приподняв покрытую пятнами левую руку, он указал на изуродованное лицо.

– Пузырчатку я поймал на Тарах елле, Усул, – проскрипел он. – Сразу же после нашей победы. – И зашелся в припадке кашля.

– Скоро племя заберет его воду, – вздохнула Дхури. Она подошла к Отхейму, заложила за его спину подушки, поддержала за плечо, пока не прошел приступ. Пол заметил, что она не так стара, как показалось ему вначале: потерянные надежды кривили рот ее, горечь залегала в глазах.

– Я пришлю докторов, – проговорил Пол.

Дхури обернулась, уперевшись рукой в бедро.

– Были у нас всякие врачи, не хуже, чем те, которых ты можешь прислать. – Она выразительно поглядела на голую стенку слева от себя.

Дорогие врачи, подумал Пол.

Он чувствовал, что, словно водоворот, видение поглотило его, но заметил и некоторые различия. Как воспользоваться ими? Время вышило на канве немного иные узоры, но фон ковра был прискорбно знакомым. И с ужасающей уверенностью ощутил он, что любая попытка вырваться из настоящего приведет к еще более жестокому насилию. Мощь обманчиво неторопливого тока времени угнетала его.

– Говори, чего ты хочешь от меня, – пробормотал он.

– А если Отхейм нуждается просто в том, чтобы рядом с ним сейчас был друг? – спросила Дхури. – Разве федайкин может доверить свою плоть незнакомцам?

Мы были своими в сиетче Табр, напомнил себе Пол, и она имеет право укорять меня за явную черствость.

– Я сделаю все, что могу, – проговорил Пол.

Новый приступ кашля сотряс тело Отхейма. Когда он окончился, фримен выдохнул:

– Предательство, Усул! Фримены замышляют против тебя. – Он безмолвно пожевал губами. Струйка слюны вытекла из уголка рта.

Дхури утерла ему рот краем платья, Пол видел негодование на ее лице – такая трата влаги.

Разочарование и гнев охватили вдруг Пола. Чтобы Отхейма ждала такая судьба! Федайкины заслуживают лучшего. Но выбора не оставалось ни для смертника, ни для его Императора. В этой комнате они шли по лезвию бритвы Оккама. Легкий неверный шажок сулил кошмары, ждущие не только их самих, но все человечество. Даже для тех, кто замыслил погубить их.

Заставив себя успокоиться, Пол поглядел на Дхури. Выражение бесконечной тоски, с которой она смотрела на Отхейма, придало сил Полу. Чани никогда не будет глядеть на меня такими глазами, сказал он себе.

– Лихна говорила о вести, – промолвил Пол.

– Мой карлик, – проскрипел Отхейм. – Я купил его... на... на... забыл где. Это человек-дистранс. Игрушка, брошенная тлейлаксу. В нем имена... всех предателей.

Отхейм умолк, сотрясаясь всем телом.

– Ты говоришь о Лихне, – произнесла Дхури, – когда ты появился, мы поняли, что она добралась благополучно. Если ты думаешь об этом грузе, который Отхейм вручает тебе, его цена – безопасность Лихны. Бери карлика, Усул, и ступай.

Подавив дрожь, Пол закрыл глаза. Лихна! Настоящая дочь ее погибла в Пустыне, тело, подточенное семутой, отдано песку и ветру.

Открыв глаза, Пол сказал:

– Ты бы мог прийти ко мне в любой момент, чтобы...

– Отхейм держался в сторонке, чтобы его не причислили к тем, кто ненавидит тебя, Усул. В южном конце улицы

находится дом, где собираются твои враги. Поэтому и мы перебрались сюда.

– Тогда зови карлика и уходим, – отвечал Пол.

– Ты плохо слушал, – заметила Дхури.

– Отведешь карлика в надежное место, – промолвил Отхейм с неожиданной силой в голосе. – В нем единственный список предателей. Никто не заподозрит этого; все думают, что он развлекает меня.

– Мы не уйдем, только ты и карлик. Все знают... как мы бедны. И мы сказали, что продаем карлика. Тебя примут за покупателя. Это единственный шанс.

Пол помнил, что в видении он оставил дом, узнав имена предателей, но неведомым образом. Значит, карлика укрывал оракул. Должно быть, подумал он, каждый человек помечен судьбой, и цель его жизни определяется всеми наклонностями, всем воспитанием и обучением. С того самого часа, когда джихад избрал его, он чувствовал на себе его ужасающую мощь. Она властно вела его к заранее намеченной цели. И любые помыслы о том, что собственной волей... все, что он мог, – раскачивать изнутри свою клетку! Видит!

Теперь он вслушивался в тишину дома: их было четверо – Дхури, Отхейм, карлик и он сам. Он видел страх и напряженность в своих компаньонах, ощущал наблюдателей – и свою собственную охрану – в топтерах над головою... и этих самых – за соседней дверью.

Я ошибся, надежды нет, думал Пол. И одно только слово «надежда» вызвало вдруг бурную вспышку этой эмоции... может быть, не поздно поправить...

– Зови карлика, – сказал он.

– Биджас! – позвала Дхури.

– Ты зовешь меня? – Карлик шагнул в комнату из дворика с легкой озабоченностью на лице.

– Биджас, у тебя теперь новый хозяин, – сказала Дхури. Поглядев на Пола, она произнесла:

– Можешь звать его... Усул.

– Усул – подножие столпа, – перевел Биджас. – Как это Усул может быть подножием, когда это я – под ногами у всех и, стало быть, нету никого подножнее меня?

– Он всегда так разговаривает, – извинился Отхейм.

– Я не говорю, – отозвался Биджас, – я использую речевую машину. Пусть она скрипит и стонет, но все-таки она моя.

Игрушка, сработанная тлейлаксу, думал Пол, ученая и бойкая бестия. Бене Тлейлаксу не бросаются подобными ценностями. Он повернулся и внимательно поглядел на карлика. Круглые глаза, синие, как у фримена, безмятежно встретили его взгляд.

– Ну, Биджас, какими же еще талантами ты обладаешь? – спросил Пол.

– Я знаю, когда наступает пора уходить, – отвечал тот. – Таким даром обладают немногие из мужей. Есть время оканчивать... когда доброе начало положено. Пора начинать уходить, Усул.

Пол вновь обратился к воспоминанию: карлика в видении не было, но слова вполне соответствовали ситуации.

– У двери ты назвал меня «сир», – ответил Пол, – значит, ты знаешь, кто я?

– Сир, вы же сир с головы до пят, – ухмыляясь, отвечал Биджас, – и сиром являетесь в большей степени, чем основанием столпа – усулом. Вы – Император. Пол Муад'Диб Атрейдес. И одновременно мой собственный палец. – Он поднял указательный палец на правой руке.

– Биджас! – осадила его Дхури. – Не искушай судьбу.

– Какую судьбу? Свой только палец, – визгливо возразил Биджас. Он показал на Усула. – Я указываю пальцем на Усула. Разве мой палец не совмещается с ним? Или же он отражает нечто более фундаментальное? – Он поднес палец к глазам, насмешливо повертел им, потом произнес. – Ах-хх, вы правы, это всего только палец.

– Он любит пустую трескотню, – озабоченным тоном проговорила Дхури. – Потому-то его тлейлаксу и бросили.

– Я не нуждаюсь в покровительстве, – возразил Биджас, – но тем не менее у меня новый покровитель. Загадочны деяния пальца... – Странно яркими глазами он поглядел на Дхури и Отхейма. – Слаба связь между нами, Отхейм. Пара слезинок – и в путь. – Огромные ступни карлика шаркнули об пол, он повернулся к Императору:

– Ах-хх, патрон! Как долго мне пришлось искать вас!

Пол кивнул.

– Усул будет добр ко мне? – спросил Биджас. – Вы ведь знаете – я личность. Личности могут обладать разной величиной... и обличьем. И это – одно из обличий. Я слаб телом, но могуч речью; меня легко прокормить и трудно насытить. Опустошайте меня, но внутри все равно останется больше, чем вложили люди.

– У нас нет времени на твои дурацкие загадки, – буркнула Дхури. – Вам следовало бы уже идти.

– Я просто нашпигован загадками, – ответил Биджас. – И не все дурацкие. Если пора уходить – значит, следует уйти. Так, Усул? Дхури говорит правду, и мои способности позволяют мне слышать это.

– Так ты чувствуешь правду? – спросил Пол, решив в точности выдержать время, отмеренное видением. Все лучше, чем вносить возмущения, этим усугубляя последствия. Отхейм должен еще сказать кое-что, иначе время потечет еще более ужасающим путем.

– Я чувствую настоящее, – отвечал Биджас.

Пол заметил, что карлик нервничает. Неужели человечек представляет себе, что случится? Или же Биджас – сам себе оракул?

– Ты спросила о Лихне? – внезапно проговорил Отхейм, поглядев на Дхури единственным здоровым оком.

– Лихна в безопасности, – отвечала Дхури.

Пол опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. В безопасности!.. Испепеленные останки, погребенные в тайной могиле.

– Хорошо, – проговорил Отхейм, принимая жест Пола за знак согласия. – Хоть что-то доброе посреди всего зла. Усул, мне не нравится мир, который мы создаем, ты это знаешь? Лучше было оставаться в Пустыне и враждовать с одними Харконненами.

– Тонкая грань отделяет порой врага от друга, – заметил Биджас. – Там, где кончается эта грань, нет ни конца, ни начала. Все, заканчиваем, друзья мои. – Он подошел к Полу, переваливаясь с ноги на ногу.

– Что же это такое – чувствовать настоящее? – тянул время Пол, заставляя карлика нервничать.

– Настоящее! – трепеща, проговорил Биджас. – Настоящее! Настоящее! – Он потянул Пола за рукав. – По-настоящему – нам пора уходить! Вот настоящее!

– Ах ты, погремушка, пустой болтун, – проговорил Отхейм, здоровым глазом не без симпатии глядя на Биджаса.

– Сигнал к отправлению может подать даже погремушка, – отвечал Биджас. – Слезы тоже. Давайте же отправляться, пока на это еще есть время, пока есть еще время для начала!

– Биджас, чего ты боишься? – спросил Пол.

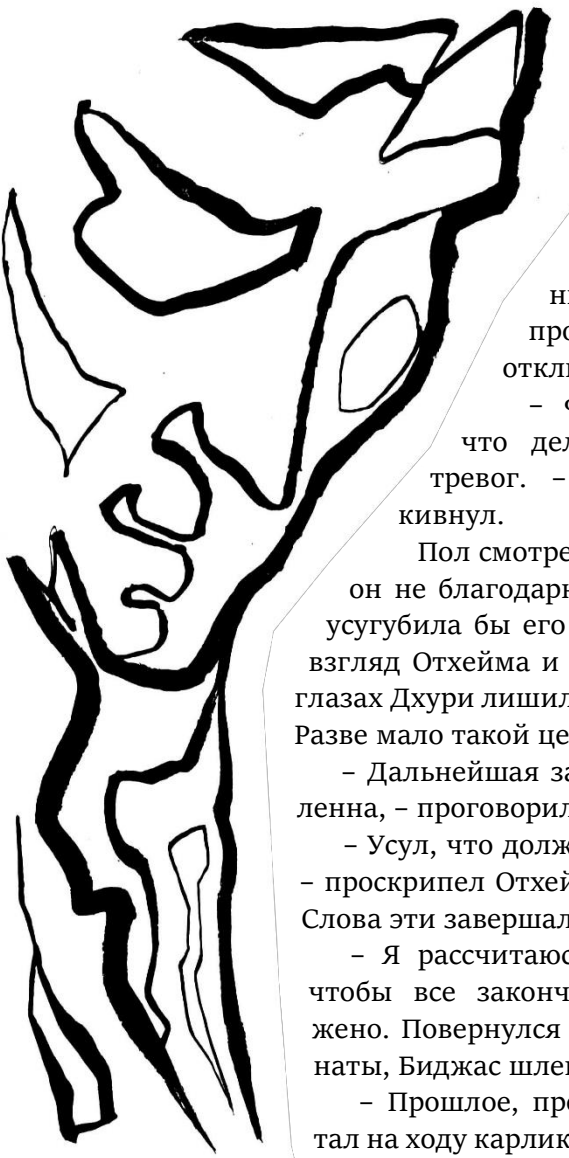
– Я чувствую, как ищет меня дух, – пробормотал Биджас. Пот выступил на его лбу, щека дергалась. – Я боюсь того, кто не думает, у кого нет тела, кроме моего, и оно укрывается в самом себе. Я боюсь того, что вижу, и того, чего не вижу.

Карлик провидит будущее, думал Пол. Значит, и Биджасу открыта судьба оракула. Но разделит ли карлик участь оракула? И насколько велик его дар? А не мог ли он увидеть тех, кто затеял Таро Дюны? Или кого-то еще более великого? Сколь многое открылось ему?

– Идите-ка лучше, – проговорила Дхури, – Биджас прав.

– Каждая минута, которую мы теряем здесь, – отвечал Биджас, – продлевает... продлевает настоящее!

Каждая минута, которую я теряю здесь, отодвигает мою вину, думал Пол. Ядовитое дыхание червя, клубы пыли, в которых блестели зубы, уже охватило его. Это было давно,

но он словно обонял этот запах. Он просто ощущал, как ждал его червь – «могила Пустыни».

– Неспокойные времена, – проговорил он, ища отклика у Отхейма.

– Фримена ведомо, что делать во времена тревог. – Отхейм нервно кивнул.

Пол смотрел на Дхури. Ждал он не благодарности, она только усугубила бы его груз, но горький взгляд Отхейма и острая жалость в глазах Дхури лишили его решимости. Разве мало такой цены?

– Дальнейшая задержка бессмысленна, – проговорила Дхури.

– Усул, что должен делать, делай, – проскрипел Отхейм. Пол вздохнул. Слова эти завершали видение.

– Я рассчитаюсь, – ответил он, чтобы все закончилось как положено. Повернулся и вышел из комнаты, Биджас шлепал сзади.

– Прошлое, прошлое... – бормотал на ходу карлик. – Пусть прошлое останется в прошлом и погибнет, где суждено. Грязный был день.

* * *

Необходимо скрывать от себя насилие, замышляемое нами относительно других людей. Лишить человека жизни или одного только часа из нее – разница только в количестве. Ты подвергаешь насилию, значит, расходуешь его энергию. Свои коварные намерения можно скрыть изощренными эвфемизмами, но любое применение силы основывается на одном и том же положении: «я потребляю твою энергию».

Приложение к Приказу Совета. Император Пол Муад'Диб

Первая луна уже высоко поднялась над городом, когда Пол, окруженный мерцанием щита, вышел из тупика. Ветер сдувал со скал песок, гнал пыль по узкой улочке, Биджас моргал и прикрывал глаза.

– Надо спешить, – бормотал карлик. – Спешить! Спешить!

– Ты предчувствуешь беду? – спросил Пол.

– Я знаю.

Пол вдруг почувствовал близкую опасность, и одновременно из двери ближайшего дома появился человек и присоединился к ним.

Биджас съежился и заверещал.

Но это был не кто иной, как Стилгар, он шагал, словно военная машина, наклонив вперед голову.

Пол торопливо объяснил, какую ценность представляет собой карлик, передал Биджаса Стилгару. И сразу события словно заторопились. Стилгар, как было в видении, понесся вперед, увлекая Биджаса, агенты безопасности обступили Пола. Повинуясь приказам, к следующему за принадлежащим Отхейму дому заспешили его люди. Тени скользили по стенам.

Лишние жертвы, думал Пол.

– Пленники нужны нам живыми, – прошипел один из офицеров охраны.

Слова эти он уже слышал: видение и реальность совпадали с точностью до доли секунды. Орнитоптеры опускались вниз, по одному пересекая диск луны.

Тьма над городом и на улицах его кишела солдатами Империи.

Прочие звуки вдруг растаяли в негромком шипении, звук превратился в рев, сопровождаемый свистом, и терракотовый свет ударил в звездное небо, затмевая луну.

И звуки эти, и свет Пол помнил по первым своим кошмарам, и сразу ощутил странное чувство – исполнилось. Все шло своим чередом.

– Камнежог! – завопил кто-то.

– Камнежог! – послышалось со всех сторон. – Камнежог!.. камнежог!..

Зная, что должен сделать это, Пол прикрыл лицо рукою, нырнул за выступ стены. Слишком поздно, конечно.

Там, где только что был дом Отхейма, высился столб огня, слепящая струя пламени возносилась к небесам. В грязном свете его, превращающем весь мир вокруг в жуткий барельеф, метались и улепетывали людские фигуры, судорожно хлопая крыльями, разлетались орнитоптеры.

И все вокруг понимали: уже слишком поздно.

Почва под ногами Пола раскалялась. Топот вокруг стих – больше никто не пытался бежать, все попадали на землю – и каждый понимал, что бежать некуда. Все уже свершилось. Остается лишь дождаться, пока камнежог выгорит до конца. От излучения не убежать, оно уже проникло в их плоть, и последствия вот-вот проявятся. Что еще может натворить это оружие, знали только те, кто применил его, решившись нарушить Великую Конвенцию.

– Боги... Камнежог... – лепетал кто-то неподалеку. – Я... не... хочу... быть... слепым.

– А кто хочет? – откликнулся хриплый голос поодаль.

– Тлейлаксу продадут много глаз, – буркнул кто-то неподалеку от Пола. – А теперь – заткнись и жди!

Все ждали.

Пол молчал, размышляя о том, что может натворить это оружие. Если атомного топлива окажется слишком много, оно может проплавить кору планеты. Магматический слой на Дюне залегал достаточно глубоко, но это лишь увеличивало опасность. Вырываясь на волю, расплавленные породы могли расколоть даже планету, оставив на ее месте в пространстве облако мертвых камней и клочья безжизненной плоти.

– Похоже, притихает, – заметил кто-то.

– Просто зарывается глубже, – объяснил Пол, – лежите. Стилгар пришлет помощь.

– Стилгар ушел?

– Ушел.

– Земля жжется, – пожаловался кто-то.

– Они посмели применить ядерное оружие! – возмущался кто-то неподалеку.

– Звук затихает, – сказал кто-то.

Не обращая внимания на слова, Пол кончиками пальцев ощупывал землю. Он ощущал раскатистый рокот... звук уходил глубже... глубже.

– Глаза! – завопил кто-то. – Ничего не вижу!

Этот был ближе, чем я, подумал Пол. Он поднял голову – конец тупика был еще виден. Правда, словно сквозь туман. Только изжелта-красное пятно светилось на том месте, где были дома Отхейма и его соседа. Темные стены окружающих домов по одной рушились в раскаленную яму.

Пол поднялся на ноги. Он почувствовал, что камнежог угас, под ногами воцарилась тишина. Тело его стало влажным, дистикомб скользил по коже – он не мог поглотить сразу столько влаги. Воздух отдавал жаром и серой.

Пол как раз оглядывал поднимавшихся на ноги солдат, когда дымка разом превратилась во мглу. Призвав на помощь память о видениях, он повернулся и пошел – по

единственной дороге, оставленной ему Временем. Он вошел в видение так плотно, что оно уже не могло ускользнуть. Он почувствовал, что знает это место, помнит его по многим прошлым видениям. Действительность слилась с пророчеством.

Вокруг ругались и стонали солдаты, ощущая пришедшую слепоту.

– Держитесь! – выкрикнул Пол. – Помощь вот-вот прибудет!

Жалобы не умолкали, и он добавил:

– Это говорит Муад'Диб! Я приказываю всем держаться! Помощь уже на подходе!

Наступило молчание.

А потом ближайший из охранников, как это и было в видении проговорил:

– Неужели здесь сам Император? Кто-нибудь видит его? А?

– У всех нас больше нет глаз, – отвечал Пол. – Мои глаза они тоже забрали, как и ваши. Взяли глаза, но не зрение. Я вижу вас всех. Как вы теснитесь возле грязной стены, как держитесь за нее. Мужайтесь. Стилгар возвращается вместе с друзьями.

«Твок-твок» – слышались взмахи крыльев приближающихся орнитоптеров. Раздались торопливые шаги многих ног. Пол глядел на спешащих друзей, соизмеряя звуки с видением.

– Стилгар, – крикнул Пол, махнув рукой. – Сюда!

– Благодарение Шаи-Хулуду, – отозвался Стилгар, подбегая к Полу. – Ты не... – в наступившем безмолвии лишь пророческое зрение позволяло Полу следить за Стилгаром, за той мукой, с которой он глядел на изувеченные глазницы друга и Императора. – О, мой господин, – простонал Стилгар. – Усул... Усул... Усул...

– Что камнежог? – выкрикнул один из новоприбывших.

– Выгорел, – отвечал Пол погромче. Он показал рукой. – Бегите туда. Спасайте всех, кто уцелел там... поближе. Живее! – Он вновь повернулся к Стилгару.

– Неужели вы видите, мой господин? – изумленным тоном проговорил Стилгар. – Неужели это возможно?

Вместо ответа Пол провел пальцем по щеке Стилгара и, ощутив слезу, проговорил:

– Не время, дружище, тратить на меня влагу. Я еще жив.

– Но глаза!

– Они смогли ослепить только мое тело, но не меня, – отвечал Пол. – Ах, Стил, я словно очутился в апокалиптическом сне. И все мои действия так отвечают ему, что вот-вот мне станет скучно жить – все будущее я знаю уже наперед.

– Усул, я не... я не...

– И не пытайся понять. Просто прими. Я – не здесь, я – в каком-то мире неподалеку от нашего. Он похож на наш как две капли воды. Мне даже не нужно проводника. Я вижу все вокруг. Каждое движение, выражение на твоем лице... Пусть у меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар резко качнул головой.

– Сир, следует скрыть вашу рану от...

– Мы не будем скрывать ничего, – отвечал Пол.

– Но закон...

– Стил, мы живем по кодексу Атрейдесов. Пусть закон фрименов гласит: слепой да останется в Пустыне, но он применим только к слепым. А я не слеп. Вся моя жизнь – арена борьбы между злом и добром. Мы с вами живем в поворотной точке истории, и у каждого своя роль.

В наступившем молчании Пол услышал слова раненого, которого вели мимо.

– Ужасно, – стонал он. – Огонь, буря огня...

– Никого из них не отведут в Пустыню, – произнес Пол. – Слышишь меня, Стил?!

– Слышу, милорд.

– Купите всем новые глаза за мой счет.

– Будет исполнено, милорд.

Уловив трепет в голосе Стилгара, Пол произнес:

– Я буду на командном топтере. Распоряжайся здесь.

– Да, милорд.

Пол обошел Стилгара и направился по улице. Видение подсказывало ему все: все детали, каждую неровность почвы, каждое лицо. На ходу он отдавал распоряжения, обращался к людям из своего окружения, называл их по именам, подзывал к себе тех, кто имел отношение к сокровеннейшим сторонам деятельности правительства. И он чувствовал, как трепет охватывает всех за его спиной, слышал их испуганные перешептывания.

– Его глаза!

– Но он же видел, называл по имени!

Оказавшись в командном топтере, Пол выключил личный щит, потянулся к микрофону, выхватил его из руки ошеломленного связиста, торопливо один за другим отдал несколько приказов, вложил микрофон обратно в руку офицера. Обернувшись, Пол подозвал к себе специалиста по оружию, энергичного и блестящего, принадлежавшего к новой уже породе фрименов, лишь смутно припоминавших жизнь в сиетчах.

– Они воспользовались камнежогом, – проговорил Пол.

После мгновенной паузы молодой человек откликнулся:

– Мне уже сообщили об этом, сир.

– Конечно. Ты понимаешь, что это значит?

– Безусловно, он был снаряжен атомным зарядом.

Пол кивнул и представил себе, как мечется сейчас разум молодого человека. Атомное оружие запрещено Великой Конвенцией. Когда обнаружат покушавшегося, его ждет возмездие объединенных сил всех Великих Домов. Сразу забудутся прежние раздоры, перед лицом новой опасности и древних страхов они потеряют всякое значение.

– Камнежог нельзя изготовить, не оставив следов, – проговорил Пол, – подбери необходимые приборы и отыщи место, где он был сделан.

– Немедленно, сир, – бросив на Пола последний испуганный взгляд, офицер заторопился его выполнять.

– Мой господин, – обратился к Императору откуда-то из-за спины его связист, – ваши глаза...

Пол обернулся, потянулся в глубину кабины, нащупав рукоятку, перестроил командный передатчик на свою частоту.

– Вызовите Чани, – приказал Пол. – Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду у нее.

Собирают силы, подумал Пол, подмечая страх в запахе пота, наполнявшем кабину.

* * *

Он покинул тебя, Алия,
Покинул лоно небес. Свят, свят, свят!
Огненные пески
Перед тобой, Господин наш,
Ты, который видит
Без глаз.
Демон думал оборотъ его!
Святой! Трижды Святой!
Выбрал он муки!

«Луна падает». «Песни Муад'Диба»

После семи дней лихорадочной суеты Цитадель охватило неестественное спокойствие. Было утро, повсюду сновали люди, но они перешептывались, склоняясь друг к другу, и ходили буквально на цыпочках. Топот сменившегося караула нарушил тишину, но, встретив осуждающие взгляды, вошедшие притихли, подобно прочим.

Вокруг слышались разговоры о камнежоге:

– А он говорил, что огонь был сине-зеленого цвета и пах адом.

– Дурак твой Элпа! Он сказал, что скорее покончит с собой, чем воспользуется глазами тлейлаксу.

– Не нравится мне все, что говорят об этих глазах.

– Муад'Диб прошел мимо меня и окликнул по имени.

– Как он видит, не имея глаз?

– Люди покидают нас, вы слыхали? Повсюду страх. Наибы сказали, что собираются в сиетче Макаб на Великий Совет.

– Что они сделали с Панегиристом?

– Я видел, как его вели в палату, где заседают наибы. Представляете себе, Корба под арестом!

Чани поднялась в этот день рано, ее смутила тишина в Цитадели. Проснувшись, она обнаружила, что Пол сидит возле нее, пустые глазницы его обращены были к дальней стене их спальни. Всё, пораженное избирательным воздействием камнежога, все омертвевшие глазные ткани были удалены. Впрыскивания и мазь позволили сохранить плоть вокруг глазниц, но ей казалось, что излучение проникло глубже.

Едва она села на постели, накатил волчий голод. Чани набросилась на пищу, которую теперь ставила на ночь возле кровати – меланжевый хлеб с жирным сыром.

Пол указал на пищу:

– Любимая, поверь, способа избавить тебя от всего этого просто не существовало.

Чани подавила невольную дрожь, когда его пустые глазницы обратились прямо к ней. Она решила не задавать больше вопросов. Он говорил так странно: Я был крещен песком – это стоило мне умения верить. Кто теперь предлагает веру? Кому нужен такой товар?

Что он хотел сказать этим?

Он не желал даже слышать о глазах тлейлаксу, хотя щедрой рукой приобретал их для всех, разделивших его участь.

Утолив голод, Чани выскользнула из постели, посмотрела на Пола, заметила, как он устал. Около рта залегли строгие складки. Темные волосы стояли дыбом, взъерошенные во сне, который не исцелял. Он казался таким хищным,

таким далеким. Они засыпали и просыпались рядом – но это ничего не меняло. Она заставила себя обернуться, шепнула:

– Любимый… любимый…

Он потянулся вперед, притянул ее назад в постель и поцеловал в щеку.

– Скоро мы вернемся в родную Пустыню, – прошептал он, – осталось сделать лишь кое-какие мелочи.

Она затрепетала, – так непреклонны были его слова.

Прижимая ее к себе, он бормотал:

– Не бойся меня, сихайя моя. Не надо думать о тайнах, думай о любви. В ней нет тайн. Жизнь рождает любовь. Разве ты не чувствуешь этого?

– Да.

Она приложила ладонь к его груди, принялась подсчитывать сердцебиения. Любовь его взывала к ее духу, сердцу дикой фрименки, буйной и бурной дикарки. Магнетизм слов обволакивал ее.

– Я могу обещать кое-что, любимая, – сказал он. – Наше дитя будет править колоссальной империей, перед которой моя покажется ничтожной. И будет в ней такая жизнь… и искусство, и возвышенные…

– Но мы с тобой здесь и сейчас! – запротестовала она, подавив сухой всхлип: – И я… мне кажется, что нам с тобой осталось совсем мало времени.

– Любимая, впереди вечность.

– Это у тебя может быть вечность. А у меня есть только сейчас.

– Это и есть вечность. – Он погладил ее лоб.

Она прижалась к нему, приникла губами к шее. Прикосновение заставило шевельнуться новую жизнь в ее чреве.

Пол тоже ощутил это движение. Положив руку на живот Чани, он проговорил:

– Ах-хх, юный повелитель Вселенной, подожди своего часа. Пока еще мое время.

Она снова удивилась: почему он всегда говорит о единственном ребенке? Разве медики не сказали ему? Она

попыталась припомнить... интересно, об этом они никогда не говорили. Конечно же, он и сам должен знать, что у нее будут близнецы. Она вновь не решалась сказать об этом. Он и так должен знать. Он ведь все знает. Все знает о ней... Руками... ртом... всем телом.

Наконец Чани проговорила:

– Да, милый. Сегодня и есть вечность, и нет ничего, кроме нее. – Чани поплотнее зажмурила глаза, чтобы только не видеть его пустых глазниц, чтобы не низвергнуться из рая прямо в ад. Какова бы ни была рихани-магия, которой он выверял их жизнь, плоть его оставалась истинной и ласки реальными.

Когда они встали и принялись одеваться, она проговорила:

– Если бы только люди знали о твоей любви!

Но его настроение уже переменилось.

– Политика не делается на любви, людей не интересует любовь. В ней столько хаоса. Людям нравиться деспотизм. Избыток свободы порождает хаос. Зачем он людям? Другое дело – заставить деспотизм казаться привлекательным.

– Но ты же не деспот! – возразила она, повязывая на голову нежони. – Просто твои законы справедливы.

– А, законы... – бросил он. И подошел к окну, отодвинул шторы, словно мог выглянуть из окна. – Что есть закон? Контроль? Закон просеивает хаос, и что же остается? Ясность? Закон – высший идеал, основа нашей природы. Но не надо слишком внимательно приглядываться к нему. Попробуй только, – сразу отыщешь рационализированные интерпретации, казуистику законников, удобные прецеденты... ясность, другое имя которой – смерть.

Чани крепко сжала губы. Она не могла отрицать ни мудрости мужа, ни проницательности, однако подобные настроения пугали ее. Он обратился в глубь себя, и Чани чуяла битвы в его сердце. Словно бы обратившись к фрименскому изречению: «Никогда не забудем, никогда не простим», – он сек и сек себя жестокими словами.

Она подошла к нему и тоже посмотрела в окно. Дневная жара уже гнала прохладу, принесенную северным ветром. На этих широтах ветер расписывал небо охрой, смело покрывал хрустальные листы неба золотыми и пурпурными мазками. Высоко над головой холодные порывы океанскими волнами разбивались о Барьерную Стену, взметая фонтаны пыли.

Пол чувствовал возле себя теплое тело Чани. На миг он позволил себе забыть видение. Он мог просто стоять, зажмурив глаза. Но время не хотело остановиться. И впереди была тьма – без слез и без звезд. Лишившись зрения, он потерял ощущение материальности Вселенной, и наконец, оставалось лишь изумление – как это звуки могут вместить в себя всю его жизнь? Все вокруг воплощалось в одни только звуки, к которым добавлялись немногие ощущения... ворсистый ковер под рукой, мягкая кожа Чани. Он поймал себя на том, что вслушивается в ее дыхание.

Разве можно быть уверенным в том, что всего лишь вероятно, думал он. Разум запоминает возможности, и каждому мигу бытия отвечает столько вероятностей, которым не суждено воплотиться. И его невидимая суть не только помнила все несбывшееся былое. Тяжесть прошлого в любой момент была готова поглотить его.

Чани прижалась к его руке.

Прикосновение ее тела вдруг оживило его собственную плоть – мертвое тело, увлекаемое водоворотами времени. Он истекал памятью... ведь перед его пророческим зрением прошла целая вечность. Видеть вечность... ее прихоти и причуды, и безграничность. Лживое бессмертие пророка несло возмездие: грядущее и прошлое сливались для него воедино.

И вновь из черной пропасти восстало видение и охватило Пола.

Оно было его глазами. Оно двигало его мышцы и вело непреклонной рукой к следующему моменту, к следующему

часу, к следующему дню… пока наконец ему не начало казаться, что он пленник мгновения.

– Пора идти, – проговорила Чани. – Совет…

– Мое место займет Алия.

– Она знает, что делать?

– Знает.

День Алии начался с сумятицы на плац-параде под ее окнами. Там с шумом, грохотом и всякой суетой появился батальон охраны. Она начала кое-что понимать, лишь когда узнала арестованного – Корбу Панегириста.

Завершая свой утренний туалет, она иногда подходила к окну и следила за растущим внизу нетерпением. Взгляд ее время от времени обращался к Корбе. Она пыталась вспомнить его бородатым и неотесанным командиром третьей волны в битве при Арракине. Теперь это было невозможно. Нынешний чистюля и франт был облачен в роскошное шелковое одеяние с Парато. Глубокий разрез на груди открывал белоснежную сорочку с рюшами и расшитый зелеными самоцветами жилет. Пурпурный пояс охватывал тело под грудью. Сквозь прорези в рукавах его одеяния ниспадали волны зеленого и черного бархата.

Появилась горстка наибов, чтобы проследить за участью брата-фримена. Они-то и вызвали весь шум – завидев их, Корба разразился громкими протестующими воплями. Алия переводила взгляд с одного фрименского лица на другое, пытаясь припомнить их молодыми. Прошлое утонуло в настоящем. Прежние аскеты стали теперь гедонистами, позволявшими себе удовольствия, которые мало кто из них мог бы вообразить раньше.

Алия видела, как время от времени они с опаской поглядывают на дверь в палату, за которой состоится Совет. Наибы думали о Муад'Дибе, который видит без глаз, о новом проявлении его загадочных сил. По закону фрименов, слепого следовало оставить в Пустыне, вода его принадлежала Шаи-Хулуду. Но Муад'Диб видел, даже потеряв глаза. А еще – они по-прежнему не любили строений и не могли

чувствовать себя в безопасности в доме, построенном на поверхности земли. Вот в пещере, в глубинах скал – только там они могут расслабиться. Только не здесь, перед новым лицом Муад'Диба, ждущим там, за дверьми.

Собираясь спуститься вниз к собравшимся, она обратила внимание на письмо, оставленное ею на столике возле двери – свежую весточку от матери. Невзирая на всеобщее почтение к Каладану – месту рождения Пола, леди Джессика подчеркивала, что отказывается сделать собственную планету объектом хаджа.

«Без сомнения, сын мой определил целую эпоху в истории, – писала она, – но даже сознавая это, я не могу признать подобный повод оправданием для нашествия толп всякого сброда».

Прикоснувшись к письму, Алия ощутила странное чувство контакта. Этот листок бумаги побывал в руках ее матери. Письмо – вещь весьма архаичная, но оно создает столь прочное единение, как ничто другое. Послание это, написанное на боевом языке Атрейдесов, не смог бы прочитать никакой чужак.

Думы о матери вновь возжгли в душе Алии привычное пламя. В миг преображения воздействие Пряности перепутало и смешало личности матери и дочери, временами Алия думала о Поле как о собственном сыне. Это ощущение общности позволяло ей даже представить собственного отца в качестве возлюбленного. Призрачные тени клубились в мозгу... люди-вероятности.

Спускаясь по пандусу в прихожую, где ждали ее амазонки-телохранительницы, Алия на ходу проглядывала письмо.

«Вы создаете опаснейший из парадоксов, – писала Джессика. – Правительство не может утверждать свою власть, будучи в то же время религиозным. Опыт религии требует спонтанности, а ее-то и подавляют законы. Вы не можете править, не прибегая к законам. В результате ваши законы вытесняют и мораль, и всякое самосознание, и тогда встанут

на место той самой религии, прибегая к которой, вы надеетесь править. Только благодать и духовный подвиг могут породить священный ритуал, сопряженный с высокой моралью. С другой стороны, правительство можно считать культурной формацией, особенно подверженной сомнениям, вопросам и разногласиям. И я предвижу – настанет день, когда ритуал вытеснит веру, а символизм заменит собою мораль».

В прихожей густо пахло кофе с Пряностью. Едва Алия вошла, четыре амазонки в зеленых мундирах мгновенно вскочили и направились следом за нею широким и уверенным шагом, юные и ретивые. С жестокими лицами одержимых, они словно излучали этот свойственный фременам дух насилия: народ этот способен был убивать непринужденно, не ощущая за собой вины.

«Хоть в этом я отличаюсь от них, – думала Алия. – К имени Атрейдесов и без того пристало довольно грязи».

Ее появление не осталось незамеченным. Едва она вступила в нижний коридор, ожидавший здесь паж понесся вперед, чтобы вызвать стражу в полном составе. Мрачный и темный коридор был освещен лишь несколькими неяркими светошарами. Вдруг на дальнем конце его широко распахнулись двери в парадный двор, и ослепительный сноп солнечных лучей ударил ей в лицо. За дверьми теснилась охрана, посреди них стоял Корба, а позади, за всеми ними, пылало солнце.

– Где Стилгар? – бросила Алия.

– Уже внутри, – отвечала одна из ее амазонок.

Алия первой ступила в палату. Это была одна из наиболее роскошных приемных цитадели. Вдоль одной стены тянулся высокий балкон, уставленный мягкими креслами. Оранжевые шторы были раздвинуты, из высоких окон напротив балкона лился свет. За окнами был сад с фонтаном. В заднем конце палаты, справа от Алии, находилось возвышение с единственным массивным креслом.

Подойдя к возвышению, Алия оглянулась и увидела, что галерея уже заполнилась наибами.

Домашняя стража занимала свободные пространства под балконом. Среди них расхаживал Стилгар, время от время бросая тихое слово, короткий приказ. Он ничем не обнаруживал, что заметил появление Алии.

Корбу ввели, усадили на подушки возле низкого стола, неподалеку от подножия трона. Невзирая на изысканные одежды, Панегирист казался теперь сонным и вялым стариком, кутавшимся от холода. За спиной его замерли двое стражников.

Когда Алия уселась, Стилгар приблизился к возвышению.

– Где Муад'Диб? – спросил он.

– Брат мой распорядился, чтобы я председательствовала как Преподобная Мать.

После этих слов на галерее среди наибов поднялся шум протеста.

– Молчать! – скомандовала Алия. Во внезапной тишине она произнесла: – Или закон фременов не предписывает Преподобным Матерям решать вопросы, касающиеся жизни и смерти?

Когда серьезность слов ее дошла до слушателей, наибы примолкли, но Алия видела среди них гневные лица. Она мысленно перечислила их, чтобы вспомнить в Совете: Хобарс, Раджифири, Тасмин, Сааймид, Умбу, Легг... в этих именах был и кусочек Дюны: сиетч Умбу, впадина Тасмин, ущелье Хобарс...

Она обернулась к Корбе.

Заметив это, Корба приподнял подбородок и проговорил:

– Я протестую и заявляю о собственной невиновности!

– Стилгар, прочти обвинение!

Стилгар извлек скатанный свиток буроватой меланжевой бумаги, шагнул вперед. И начал торжественно читать, чуть нараспев, подобно стихам. Его голос придавал четкость и окончательность резким словам.

«...в том, что ты замышлял совместно с предателями покушение на Господина нашего, Императора; в том, что тайно встречался с врагами государства; в том, что...»

Корба с негодующим видом затряс головой.

Алия задумчиво внимала, опершись подбородком о левый кулак. Правая рука ее лежала на подлокотнике. Формальности по кусочку выпадали из ее памяти, оставляя только чувство тревоги.

«...Наши почтенные традиции... поддержка легионов и всего Вольного Народа... Насилие по Закону карается насилием... Величие Императорской особы... нарушение всех прав...»

«Чепуха! – думала она. – Чепуха! Целиком чепуха... Чепуха... Чепуха...»

Стилгар закончил:

– «... И в настоящем виде предлагаю суду это обвинение».

В наступившем молчании Корба качнулся вперед, вытянув шею, впиваясь руками в колени. Шея со вздутыми жилами напряглась, словно он готовился к прыжку. Он заговорил, и язык его мелькал между зубами.

– Ни словом, ни делом не преступал я фрименских законов. По праву я желаю встать лицом к лицу с обвинителем!

Незамысловатый протест, подумала Алия.

Но она видела, что слова Корбы оказали существенное воздействие на наибов. Они знали Корбу. Он был одним из них. И чтобы сделаться наибом, сумел проявить и храбрость, и осторожность. Конечно, Корба лишен блеска, но он надежен. Не из тех, что командовали джихадом, – просто хороший и надежный интендант. Не рыцарь-паладин, конечно, но наделен древней добродетелью фримена: нужды племени превыше всего.

Вспомнились горькие слова Отхейма, переданные ей Полом. Алия окинула взглядом галерею. Любой из них мог представить себя на месте Корбы, а некоторые имели на то

причины. Но и ни в чем не повинный наиб опасен ничуть не менее, чем этот злоумышленник.

Корба тоже ощущал это.

– Кто обвиняет меня? – резко спросил он. – По праву фримена я требую поединка с обвинителем.

– Что, если ты сам обвиняешь себя? – бросила Алия.

И, прежде чем он успел справиться с собой, мистический ужас на мгновение лег на лицо Корбы. И любой мог прочесть на нем: могущества Алии достаточно, чтобы обвинять его: и обвинения эти пришли из царства теней, из Алам аль-Митхаль.

– Кое-кто из фременов помогает нашим врагам, – продолжила Алия. – Они разрушают водяные ловушки, они взрывают арыки, отравляют посадки, грабят хранилища.

– А ныне... они посмели выкрасть червя из Пустыни Его, отправить в другие миры!

Голос этот знали все... Муад'Диб. Пол вошел через дверь, раздвигая плечами охрану, и подошел к Алии. Провожавшая его Чани осталась у края комнаты.

– Мой господин... – проговорил Стилгар, не поднимая глаз к лицу Пола.

Пол обвел галерею пустыми глазницами, перевел взгляд на Корбу.

– Ну, Корба, где же твои хвалы?

На галереях послышалось бормотанье, оно становилось громче, доносились отдельные слова и фразы: «... Закон о слепых... обычай фременов... в Пустыню... кто нарушает!..»

– Кто смеет говорить, что я слеп? – рявкнул Пол, обратившись лицом к галерее. – Не ты ли, Раджифири? Я вижу, ты сегодня в золотом кафтане. На синей рубахе под ним видна уличная пыль; ты ведь всегда был неряхой.

Раджифири выставил руку перед собой, пытаясь тремя пальцами – «козой» – оградиться от зла.

– Обрати к себе свои пальцы! – крикнул Пол. – Мы знаем, где кроется зло! – и он вновь обернулся к Корбе. – Я вижу вину на лице твоем.

– Вина не моя! Может быть, я имел дело с виновными, но… – И Корба умолк, бросив испуганный взгляд на галерею.

На ходу поняв брошенный Полом намек, Алия встала, спустилась с возвышения, подошла к краю стола, за которым сидел Корба. Безмолвно, знающим взглядом смотрела она на Корбу.

Тот отвел глаза, задергался, оглядываясь на галерею.

– Чьи глаза ты ищешь? – спросил Пол.

– Вы же слепы! – выпалил Корба.

На миг Пол почувствовал жалость к нему. Верховный Квизара Тафвид впутался в сеть видения столь же плотно, как и все остальные.

– Чтобы видеть тебя, не нужно глаз, – проговорил Пол. И принялся описывать Корбу: каждое движение, каждый испуганный, молящий взгляд, обращенный к наибам.

Отчаяние овладело Корбой.

Алия видела, что он может сломаться в любую секунду. И на галерее это должны понимать тоже, думала она. Кто его соучастники? Она глядела на лица наибов, подмечая малейшие движения невозмутимых физиономий… гнев, страх, неуверенность… и вину.

Пол умолк.

В жалкой попытке заставить голос звучать гордо Корба выдавил:

– И кто же обвиняет меня?

– Отхейм, – отвечала Алия.

– Отхейм умер! – запротестовал Корба.

– Откуда ты знаешь? – осведомился Пол. – Через собственных шпионов? Ах, конечно же, все мы знаем про твоих посыльных и шпионов. Нам известно, кто доставил сюда камнежог с Тарахелла.

– Для защиты Квизарата! – завопил Корба.

– Ну и как же он попал в руки предателей? – спросил Пол.

– Его украли, и мы… – Корба глотнул и умолк. Взгляд его лихорадочно метался справа налево. – Все знают, что

голосом моим говорила любовь к Муад'Дибу. – Он поглядел на галерею. – Разве может мертвец обвинять фримена?

– Голос Отхейма не умер, – отвечала Алия и остановилась, когда Пол прикоснулся к ее руке.

– Отхейм прислал нам свой голос, – продолжил Пол. – Он называет имена, он говорит о предателях, называет места их сходок и время. Разве ты не видишь, Корба, на Совете наибов кое-кого не хватает? Где Меркур и где Фаш? И Кеке Хромого сегодня нет с нами. Еще Таким... где он?

Корба водил головой из стороны в сторону.

– Они улетели с Арракиса, повезли краденого червя, – отвечал сам себе Пол. – И даже если я сейчас освобожу тебя, Корба, Шаи-Хулуд заберет твою воду за участие во всем этом. А знаешь, почему я тебя не освобожу? Вспомни-ка о тех мужчинах, которых ты лишил глаз, о них – лишенных моего внутреннего зрения. У них ведь есть семьи, Корба, и друзья... Куда ты спрячешься от них?

– Но все случилось по чистой случайности, – молил Корба. – И во всяком случае они получат от тлейлаксу... – Он осекся.

– Кто знает, не поработят ли металлические глаза своего хозяина? – спросил Пол.

Наибы на галерее зашептались, прикрывая ладонями рты. Теперь они уже куда прохладнее взирали на Корбу.

– Так, значит, для обороны Квизарата, – проговорил Пол, возвращаясь к мольбе Корбы, – отлично. Вот устройство, которое излучает гамма-лучи, разрушает землю и выжигает глаза тем, кто окажется возле него. Ну и как ты, Корба, желал использовать его для защиты Квизарата? Или твои квизара тафвид мечтают выжечь глаза всем, у кого они еще есть?

– Ну, из любопытства, милорд, – молил Корба. – Древний закон разрешает лишь Семьям владеть атомным оружием, но ведь Квизарат повиновался... повиновался...

– Повиновался тебе, – отозвался Пол. – Действительно любопытно.

– Пусть меня обвиняет лишь голос, но пусть он обвинит меня в лицо! – отвечал Корба. – У фримена есть на это право.

– Сир, это так, – проговорил Стилгар.

Алия остро глянула на него.

– Закон есть закон, – настаивал Стилгар, ощущая ее возражения. И принялся цитировать законы фременов, сопровождая их содержание собственными комментариями.

Алия слушала Стилгара со странным чувством, как будто слышит его слова, прежде чем он произносит их. Как может он быть настолько простодушным? Никогда еще Стилгар не казался ей столь консервативно преданным традиционному закону Дюны. Выставив вперед подбородок, он агрессивно рубил слова. Неужели и вправду в нем нет ничего, кроме этой глупой помпезности?

– Корба – фримен, и будет судим по закону Пустыни, – заключил свою речь Стилгар.

Алия отвернулась, поглядела на сад и тени на его ограде. Она чувствовала разочарование. История затянулась – дело шло к полудню. Что дальше? Корба расслабился. Панегирист являл собой вид человека, оскорбленного несправедливыми обвинениями, ведь все его дела диктовались одной любовью к Муад'Дибу. Она поглядела на Корбу, с удивлением подметила на лице его ехидное самодовольство.

Он словно бы получил весть, подумал она. Так ведет себя человек, если слышит крики друзей: «Держись! Держись! Помощь близка!»

На какой-то миг они было овладели всей ситуацией… информация карлика, сведения о других заговорщиках, имена доносчиков. Но критический момент миновал. Стилгар?.. Конечно, нет. Она обернулась, поглядела на старого фримена.

Тот без трепета встретил ее взгляд.

– Благодарю тебя, Стил, – проговорил Пол, – за то, что ты напомнил нам о Законе.

Стилгар качнул головой. Подойдя поближе, он беззвучно прошептал одними губами, так, чтобы только им было понятно:

– Я выжму его досуха и позабочусь обо всех последствиях.

Пол кивнул, дал знак стражникам, стоявшим за Корбой.

– Отвести Корбу в самую надежную камеру, – приказал он, – не пускать никого, кроме защитника. Я назначаю защитником Корбы Стилгара.

– Я сам выберу себе защитника! – крикнул Корба.

– Или ты сомневаешься в честности и справедливости решений Стилгара?

– О нет, милорд, но...

– Увести его! – рявкнул Пол.

Стражники подняли Корбу с подушек, повели его к выходу. Наибы, бормоча, начали расходиться. Из-под галереи выступили прислужники, задернули оранжевые шторы. В палате воцарился оранжевый полумрак.

– Пол... – начала было Алия.

– К насилию можно обратиться, – отвечал он, – только когда все будет под нашим полным контролем. Благодарю, Стил. Ты великолепно сыграл свою роль. Я уверен, Алия, ты приметила тех наибов, которые помогали ему. Они не могли не выдать себя.

– Так вы уже все заранее подготовили? – осведомилась Алия.

– Прикажи я убить Корбу на месте, наибы не стали бы возражать, – проговорил Пол, – но затевать формальное рассмотрение дела, не прибегая к праву Пустыни, – тут они увидели угрозу собственным прерогативам. Алия, кто из наибов поддерживает его?

– Я уверена, что Раджифири, – негромким голосом отвечала она. – И Саайид, но...

– Точный перечень передашь Стилгару, – распорядился Пол.

Алия глотнула пересохшей глоткой, разделяя в этот миг общий трепет перед Полом. Она-то знала, каким образом можно видеть без глаз, но точность его внутреннего зрения смущала ее... Видеть все и в таких подробностях! Она ощущала, как собственной персоной мерцает перед его внутренним взором в том полупредельном времени, которое связано с реальностью только поступками и словами. Все они в видении были перед ним как на ладони!

– Время вашей утренней аудиенции, сир, – напомнил Стилгар. – Собрались многие... любопытные... испуганные.

– Ты боишься, Стил?

Старый фримен едва слышно шепнул в ответ:

– Да.

– Ты мой друг, и тебе нечего бояться меня, – произнес Пол.

Стилгар глотнул.

– Да, милорд.

– Алия, аудиенцию даешь ты, – распорядился Пол. – Стилгар, командуй.

Возле огромных дверей послышался шум. Толпу вытеснили из полутемного зала, чтобы вошли официальные лица. Все происходило своим чередом: домашняя стража локтями расталкивала просителей, облаченных в яркие одеяния, а просители пытались протолкнуться поближе, кричали, ругались, размахивали прошениями. На расчищенное стражей пространство вышел распорядитель. В руках его был перечень избранных, тех, кому разрешено предстать перед престолом. Распорядитель – жилистый фримен по имени Текрубе – держался с усталым и несколько ироничным видом, гордо задирая бритую голову с кустистыми бакенбардами.

Алия двинулась к нему, давая возможность Полу и Чани скрыться через коридор за возвышением. Подметив испытующий взгляд, который он метнул в спину Пола, она подавила секундное недоверие к Текрубе.

– Сегодня я говорю за брата, – объявила она. – Пусть просители подходят по одному.

– Да, госпожа, – отвечал тот и начал распоряжаться.

– Я помню такое время, когда ты не могла обмануться в намерениях своего брата, – проговорил Стилгар.

– Меня отвлекли, – отвечала она. – В тебе что-то вдруг так странно и драматически переменилось. Что случилось, Стил?

Стилгар подобрался. Конечно, переменилось… но странно и драматически? Подобная точка зрения ему даже не приходила в голову. Драма – ведь вещь сомнительная. Драмы разыгрывают заезжие актеры, люди сомнительной преданности и еще более сомнительной добродетели. Враги империи вечно с драматическим усердием пытаются соблазнить ее население. Корба оставил фременскую добродетель и развел драму в своем Квизарате. И он умрет за это.

– Какая-то извращенная мысль, – проговорил Стилгар. – Или ты не доверяешь мне?

Расстроенный голос его смягчил выражение на лице Алии, но не тон.

– Тебе известно, что это не так. Я всегда была согласна с братом: если дело попало в руки Стилгара, мы можем спокойно забыть все обстоятельства этого дела.

– Почему же ты говоришь, что я… изменился?

– Ты сделал первый шаг на пути неповиновения брату, – отвечала она. – Я вижу это на лице твоем. И надеюсь, что твое ослушание не погубит вас обоих.

К ней уже приближался первый из ходатаев и просителей. Она отвернулась прежде, чем Стилгар успел ей ответить. Впрочем, на лице его читалось все то, о чем писала ей мать. Мораль и совесть уступали место Закону.

«Вы создаете смертельно опасный парадокс», – вспомнилось Алии.

* * *

Тибана писал апологии сократического христианства, он был, вероятно, уроженцем Анбуса IV и жил в восьмом-девятом веке до воцарения Дома Коррино, скорее всего во второе правление Даламака. Сохранилась лишь малая часть написанного им, откуда и взята эта фраза: «Сердца всех людей обитают в одних и тех же джунглях».

Ирулан, из «Книги Дюны»

– Ты – Биджас, – произнес гхола, вступая в крохотную каморку, где карлика содержали под стражей. – Меня зовут Хейт.

За гхолой следовал целый отряд дворцовой стражи: вечерняя смена караула. Пока они пересекали внутренний двор, порыв ветра принес песок, он жалил лица, заставлял прикрывать глаза и торопиться. Было слышно, как снаружи в коридоре они обмениваются шутками, обычно сопровождающими ритуал смены часовых.

– Ты не Хейт, – отвечал карлик. – Ты – Дункан Айдахо. Я видел, как твою мертвую плоть погружали в бак и как извлекали из него тебя – живого и готового для обучения.

Гхола глотнул, горло его вдруг пересохло. Яркие шары плавающих ламп словно тускнели здесь, на фоне зеленых гобеленов. Но на лбу карлика были заметны капли пота. В нем чувствовалась странная целостность, словно бы проступало сквозь кожу предназначение, заложенное в него тлейлаксу. Под маской труса и болтуна угадывалась сила.

– Муад'Диб поручил мне выяснить у тебя, что намереваются здесь сделать тлейлаксу с твоей помощью, – произнес Хейт.

– Тлейлаксу, тлейлаксу, – запел карлик, – я и есть тлейлаксу, дурень ты этакий! Кстати, и ты тоже.

Хейт глядел на карлика. А Биджас, казалось, светился харизматической бодростью, заставлявшей наблюдателя вспоминать о древних идолах.

– Слышишь голоса стражи? – спросил Хейт. – Они охотно удавят тебя по моему приказу.

– Хай! Хай! – воскликнул Биджас. – Экий заносчивый дуралей, а еще говоришь, что явился искать истину.

Хейт вдруг ощутил, что ему вовсе не нравится внутренняя невозмутимость, проступавшая на лице карлика.

– Быть может, я ищу всего лишь свое будущее.

– Неплохо сказано, – отвечал Биджас. – Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два вора, их можно не представлять друг другу.

– Значит, мы с тобой воры? – переспросил Хейт. – И что же мы крадем?

– Мы не воры – мы игральные кости, – отвечал Биджас, – и ты хочешь подсчитать числа, нанесенные на моих гранях. А я – на твоих. И что я вижу? У тебя два лица.

– Ты и в самом деле видел меня в баках тлейлаксу? – преодолев странную нерешительность, спросил Хейт.

– Я же сказал, – отозвался карлик и вскочил на ноги. – Нам пришлось побороться за тебя – с тобой. Плоть не хотела возвращаться назад!

Хейту вдруг показалось, что он очутился в кошмарном сне, привидевшемся вовсе не ему самому и не ему подвластном, но, если он вдруг забудет про это, – неминуемо затеряется в закоулках чужого ума.

Биджас с хитрым выражением на лице склонил голову набок, обошел вокруг гхолы, глядя на него снизу вверх.

– Когда ты волнуешься, в тебе проступают былые черты, – проговорил Биджас. – Ты – тот самый преследователь, который не хочет догонять свою жертву.

– Ну а ты – оружие, нацеленное в Муад'Диба, – отвечал Хейт, поворачиваясь, чтобы уследить за карликом. – Что ты задумал?

– Ничего! – отвечал Биджас, вдруг остановившись. – Вот тебе простой ответ на несложный вопрос.

– Или ты метишь в Алию, – спросил Хейт, – не так ли?

– Во Вселенной повсюду ее зовут Хоут, Чудовищной Рыбой. Но почему это я ощущаю, как вскипает твоя кровь, когда ты говоришь про нее?

– Так значит, они зовут ее Хоут... – протянул гхола, пытаясь что-нибудь прочесть в чертах лица Биджаса. Странными были речи карлика.

– Она шлюха-девственница, – продолжал Биджас, – она остроумна, вульгарна и понятна, несмотря на ужасающие глубины ее существа; она жестока в своей доброте, бездумна и мудра, созидая, она несет разрушения, подобно кориолисовой буре.

– Итак, ты пришел держать речь против Алии, – проговорил Хейт.

– Против? – спросил карлик, опускаясь на подушку возле стены и ухмыляясь. Это сразу сделало его похожим на большеголовую ящерицу. – Не-ет. Я пришел сюда, чтобы ее телесная красота завлекла меня в ловушку...

– Нападать на Алию – значит нападать и на ее брата, – отвечал Хейт.

– Это настолько очевидно, что можно даже и не заметить, – отвечал Биджас, – в сути своей Император и сестра его являются единой двойственной личностью, две половинки которой, женская и мужская, обращены спиной друг к другу.

– Подобные речи мы слыхали от фрименов глубокой Пустыни, – сердито сказал Хейт, – от тех самых, кто возобновил кровавые жертвоприношения Шаи-Хулуду. Почему ты повторяешь эту бессмыслицу?

– И ты смеешь говорить, что это бессмыслица? – возразил Биджас. – Ты, сразу человек и маска на лице человека? Аххх, естественно, откуда игральным костям знать, сколько очков на них выпало. Я забыл про это. А ты запутался вдвойне – ведь ты прислуживаешь этому двойному созданию. Чувства твои уводят прочь от истины, ум – лучший проводник. Воспользовался бы им!

– И ты проповедуешь тем, кто стережет тебя, эту ложь о Муад'Дибе? – негромким голосом спросил Хейт. Он чувствовал, что разум его опутан речами карлика.

– Это они сами проповедуют! – отвечал Биджас. – И молятся. А почему бы и нет? Все мы должны молиться. Разве мы живем не в тени, которую отбрасывает на нас это существо, ужаснее которого не порождала Вселенная?

– Ужаснее которого...

– Собственная мать не желает жить на одной планете с ними.

– Почему ты не говоришь прямо? – спросил Хейт. – Ты ведь знаешь, у нас есть разные способы хорошенько повысспросить тебя. Мы сумеем узнать ответ... только другим способом.

– Но я ответил тебе! Разве я не сказал уже, что миф этот реален? А я – разве я ветер, что несет смерть в своем брюхе?.. Нет! Я – это слова! Но слова, подобные молнии, что бьет из песка в темное небо. Я сказал: задуем лампу! Настал день! А ты говоришь: дай мне фонарь, чтобы я не проглядел приход дня.

– Ты играешь со мной в опасные игры, – отвечал Хейт. – Или ты думаешь, что мне не понятны дзенсуннитские выверты? Ты за собой оставляешь отпечатки следов, словно птица на влажной глине.

Биджас хихикнул.

– Почему ты смеешься? – возмутился Хейт.

– Потому, что у меня есть зубы, а я хочу, чтобы их не было, – выдавил Биджас, смеясь. – Не будет зубов, нечем будет скрежетать.

– Теперь я понял: твоя цель – это я, – отвечал Хейт, – ты метишь в меня.

– И я попал в самое яблочко! – веселился Биджас. – Разве можно промазать в такую большую мишень? – Он кивнул, словно в подтверждение собственных слов. – А теперь я спою тебе. – И он зажужжал под нос монотонную мелодию, с привизгом повторяя немногие такты и слова.

Хейт напрягся, странная боль пробежала волной по позвоночнику. Он глядел на лицо карлика, в его юные глаза на древнем лице. Казалось, что глаза эти словно повисли в

центре паутинной сети морщин, белыми линиями разбегавшихся в стороны к впалым вискам. Какая огромная у него голова... И все прочие черты только окружали теперь пухлый рот, извергавший монотонный шум. Звук этот напомнил Хейту древние ритуалы, воспоминания не одного человека – народа, древние слова и обычаи, позабытый смысл мельком услышанного бормотания. Сейчас здесь вершилось нечто жизненно важное в кровавой игре идей на просторах времени.

В напев карлика вплетались символы, словно яркий свет били они из древней тьмы, освещая века существования человечества.

– Что ты делаешь со мной? – задыхаясь, выдавил Хейт.

– Просто играю на тебе, – отвечал Биджас, – ты и есть тот самый инструмент, на котором меня учили играть. Я назову тебе другие имена предателей из числа наибов. Вот Бикурос и Кахийт. Числится среди них и Джедида, который был секретарем у Корбы, и Абумоджандис, помощник Баннерджи... Не исключено, что один из них сейчас уже пронзает ножом твоего Муад'Диба.

Хейт только мотал головой из стороны в сторону. Говорить было слишком трудно.

– Мы с тобой как два брата, – произнес Биджас, прерывая свое жужжание. – В одном баке выросли, я был первым, ты – младший.

Металлические глаза Хейта вдруг словно ожгло внезапной болью. Все вокруг погрузилось в мерцающую красную дымку. Все ощущения отошли далеко, оставив только одну боль, и все вокруг виднелось как бы сквозь пелену, как через помутневшее от песка стекло. Все стало случайным, и только случай правил над бездушной материей. Даже собственная воля превратилась в нечто неопределенное. И она затаилась где-то внутри его, не дыша, не издавая ни звука, так что не сыщешь и с фонарем.

С ясностью, порожденной отчаянием, он прорвал эту дымку усилием воли. Все внимание его столбом огня било

прямо под ноги Биджаса. И глаза его постигали суть карлика, слой за слоем: купленный интеллект, а под ним страхи, желания, стремления… и наконец, сердцевину: сущность, управляемую символами.

– Мы на поле боя, – сказал Биджас, – можешь говорить.

Команда эта развязала его язык, и Хейт ответил:

– Ты не сможешь заставить меня убить Муад'Диба.

– Я слыхал, как Бене Гессерит говорят, что во Вселенной нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего неизменного, но каждый день – а случается, и каждый час – несет перемены.

Хейт тупо мотал головой из стороны в сторону.

– Ты поверил, что глупый Император и есть наша цель, – произнес Биджас. – Как же плохо ты понимаешь наших хозяев – тлейлаксу. Гильдия и Бене Гессерит считают, что мы производим изделия. На самом деле мы создаем услуги и инструменты. Все, от войны до бедности, может послужить инструментом. Война полезна: она ведь так эффективна. Она стимулирует метаболизм. Она усиливает правительства. Она перемешивает наследственность и наделяет жизнестойкостью, как ничто другое во всей Вселенной. Лишь те, кто знает цену войне и платит ее, обладают решимостью…

Странно спокойным голосом Хейт отвечал:

– Интересные речи ведешь ты, и я вот-вот поверю в месть Провидения. Как же пришлось преобразовать твое прежнее тело, чтобы создать тебя?.. Наверняка получилась бы занимательная история… с еще более увлекательным эпилогом.

– Великолепно! – пропел Биджас. – Ты нападаешь, значит, у тебя есть сила воли и решимость.

– Ты пытаешься пробудить во мне желание убивать, – задыхаясь, проговорил Хейт.

Биджас отрицательно качнул головой.

– Пробудить – согласен, но не насилие. Тебя учили ясности, так ты сам говорил. И я должен пробудить в тебе ясность восприятия, Дункан Айдахо.

– Хейт!

– Дункан Айдахо. Искуснейший из убийц, любовник многих женщин, солдат-меченосец. Правая рука Атрейдесов на поле боя. Дункан Айдахо.

– Прошлое нельзя пробудить.

– Ты уверен?

– Прежде это никогда не удавалось.

– Интересно, но наши хозяева даже слышать не хотят, что может найтись нечто такое, чего нельзя сделать. Они всегда ищут способ: нужный инструмент, точку приложения силы, услуги нужных...

– Ты скрываешь свое истинное предназначение. Прячешь его за бессмысленными словами!

– В тебе сокрыт Дункан Айдахо, – отвечал Биджас, – и все его сознание откроется тебе... или твоим эмоциям, или бесстрастному рассудку... но оно покорится. И сознание его возвратиться из тьмы былого, окружающей каждый твой шаг. Оно рядом и правит тобой, даже когда ты не даешь ему воли. Дункан Айдахо – внутри тебя, он существует, и когда сознание его сфокусируется, ты покоришься.

– Тлейлаксу думают, что я все еще их раб, но я...

– Тихо, раб! – привизгивая особенным образом, бросил Биджас.

И Хейт обнаружил, что застыл в покорном молчании.

– Ну вот мы и добрались до самой основы, – удовлетворенно проговорил Биджас, – и я знаю – ты это понял. Такие слова управляют тобой... думаю, это вполне достаточно.

Хейт ощущал выступивший на лбу пот, чувствовал, как дрожат руки и грудь, но не в силах был пошевелиться.

– Однажды, – продолжал Биджас, – к тебе придет Император. Он скажет: ее больше нет. И лицо его будет воплощать горе. Он будет отдавать воду мертвым, так все здесь называют слезы, а ты ответишь моим голосом: «Господин! О, господин мой!»

Челюсти и шею Хейта сводило, он едва покачивал головой из стороны в сторону.

– И ты скажешь: «У меня весть от Биджаса, – карлик скорчил рожу. – Бедный Биджас, безумный Биджас… пустой барабан, на котором выбивают дробь сообщений, сути которых он не понимает… но стукни по Биджасу, и он загрохочет. – Он снова принялся гримасничать. – Ты думаешь, я ханжа, Дункан Айдахо? Нет! И я могу горевать. Но пришло время менять мечи на слова.

Икота сотрясла Хейта.

Биджас хихикнул.

– Ах, спасибо, Дункан. Ах, спасибо! Вот потребности тела и спасут нас. В жилах Императора течет кровь Харконненов. И он сделает все, что мы потребуем от него. Так что станет ваш Император нашим молотком и будет чеканить слова, что будут приятным звоном отдаваться в ушах наших хозяев.

Хейт моргал, удивляясь, насколько оживленным казался карлик, злобным и мудрым одновременно. Откуда в Атрейдесах кровь Харконненов?

– Вспомни-ка лучше о Звере Раббане, злодее Харконнене, и вспомни свой гнев, – промолвил Биджас. – В гневе ты всегда был подобен фременам. Если слов не хватает, то уж меч-то всегда под рукой. Вспомни муки, на которые Харконнены обрекли твою семью. Знай: по матери твой драгоценный Пол и есть настоящий Харконнен. Ну, когда тебе было трудно убить Харконнена?

Горькое разочарование одолевало гхолу. Или гнев? Почему эти слова вызывают гнев?

– Оххх, – стонал Биджас, – ах-хх, хах! Клик-клик. Вот и еще кое-что. Тлейлаксу предлагают сделку твоему драгоценному Полу Атрейдесу. Наши хозяева восстановят его возлюбленную. Некоторым образом, это будет твоя сестра – тоже гхола.

Хейту внезапно почудилось, что он оказался в мире, где нет ничего, кроме стука его собственного сердца.

– Да, гхола! – повторил Биджас. – И плоть гхолы будет плотью его возлюбленной. Она будет рожать ему детей. Она

будет любить его одного. Мы можем даже улучшить оригинал, если он этого захочет. Разве хоть однажды дана была человеку возможность вернуть к жизни умершую любовь? Да он просто уцепится за наше предложение!

Биджас кивнул, прикрывая веками глаза, словно от усталости:

– Он смутится... и когда он задумается, ты подберешься поближе. И ударишь! Два гхолы будут у нас, не один! Этого хотят наши хозяева! – Карлик откашлялся, снова кивнул и велел: – Теперь говори.

– Я не сделаю этого, – отвечал Хейт.

– А вот Айдахо сделал бы, – проговорил Биджас. – Тебе не предоставится более удобной возможности отмстить этому потомку Харконненов. Не забывай этого. Ты предложишь ему возможность улучшить возлюбленную, дать ей вечную нежность, нестареющую любовь. А потом предложишь им обоим убежище – а сам будешь подбираться все ближе – на планете где-нибудь за пределами империи. Подумай только! Вернуть любимую к жизни. Не плакать, а в уединении и любви доживать свои годы.

– Дорогой подарочек, – осторожно заметил Хейт. – Он спросит и о цене?

– Скажешь ему, что придется отказаться от всех претензий на божественность и дискредитировать Квизарат. А еще, еще ему придется отдать – себя самого и свою сестру.

– И всего-то? – насмешливо спросил Хейт.

– Естественно, ему придется отказаться и от всей своей доли в КООАМ.

– Естественно.

– И, если ты не подберешься еще достаточно близко, чтобы ударить, говори ему, как восхищены тлейлаксу полученным от него уроком: они не знали еще об истинных возможностях религии. Скажи ему, что тлейлаксу завели целый департамент по подготовке религий на разные нужды.

– Очень умно придумано, – заметил Хейт.

– Ты считаешь себя свободным, думаешь, что вправе не слушать меня и насмешничать, – проговорил Биджас, хитро прищурясь и наклоняя голову набок. – Не спорь.

– Они хорошо сработали тебя, маленькое животное, – скривился Хейт.

– И тебя тоже, – отозвался карлик. – И ты скажешь, чтобы он поторопился. Плоть распадается, ее нужно будет срочно поместить в криогенный бак.

Хейт почувствовал, что заблудился в этой путанице явлений, вдруг ставших незнакомыми. Карлик был столь самоуверен! Но и в логике тлейлаксу должен был отыскаться порок. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаса, но... Что – но? Логика (сеть) объект... Очевидные мысли так легко принять за верные! Или логика тлейлаксу искажена?

Биджас улыбался, словно прислушиваясь к внутреннему голосу.

– А теперь, – сказал он, – ты все забудешь, но, когда придет пора, вспомнишь. Он скажет: «Ее больше нет». И Дункан Айдахо проснется.

Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт заморгал, ощутив, что его вдруг перебили на какой-то важной мысли или на половине фразы. Что это было? Кажется, они говорили... о целях?

– Ты хочешь запутать меня, а потом управлять мною, – сказал он наконец.

– С чего ты взял? – спросил Биджас.

– Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

– И не подумаю.

– Что ты пытаешься выполнить моими руками?

– Доброе дело, – отвечал Биджас. – Одно доброе дело.

* * *

Силы предвидения не могут отразить последовательности реальных событий иначе как в самых чрезвычайных обстоятельствах. Оракул выхватывает отдельные звенья событий из исторической цепи. Вечность движется, она одинаковым образом действует и на оракула, и пришедшего к нему просителя. Пусть подданные Муад'Диба сомневаются в величии Императора и его пророческом даре. Пусть они отрицают его мощь. Пусть – но да не усомнятся они в Вечности!

Из «Священных Заветов Дюны»

Хейт видел, как Алия покинула свой храм и направилась через площадь. Охрана теснилась вокруг, пытаясь свирепыми минами замаскировать полноту плоти, порожденную спокойной и сытой жизнью.

В лучах полуденного солнца яркими вспышками гелиографа замелькали крылья топтера над храмом; аппарат принадлежал к Императорской гвардии и нес на фюзеляже знак Муад'Диба – кулак.

Хейт вновь посмотрел на Алию. Здесь, в городе, она выглядела чужеродным телом, подумал он. Да, Алия принадлежала Пустыне, беспредельным просторам ее. Пока он следил за ее приближением, странная мысль пришла ему в голову: Алия казалась задумчивой, лишь когда улыбалась. Виноваты в этом глаза, решил он, припоминая, какой была она на приеме по случаю прибытия посла Гильдии: стройная и горделивая посреди всей этой суеты... ее дерзкие речи, обращенные к изысканно облаченным людям обоего пола. Алия была тогда в белом... ослепительное, яркое одеяние воплощало всю ее чистоту. Он глядел из окна, пока она пересекала внутренние сады для официальных приемов, шла вокруг пруда с его певучими фонтанами, сквозь заросли высокой травы прерий к белому бельведеру.

Все не так... совсем не так. Она принадлежала Пустыне.

Хейт порывисто вздохнул. Тогда он потерял Алию из вида, теперь тоже. Он ждал ее, стискивая и разжимая кулаки. И что за нелепый разговор вышел у него с Биджасом!..

Он слышал, как свита Алии прошествовала по коридору мимо комнаты, в которой он находился. Алия удалилась в семейные апартаменты.

Он пытался сосредоточиться на том, что его встревожило. То, как шла Алия через площадь? Да. Она шла словно жертва, спасающаяся от хищника. Он вышел на соединяющийся с семейными апартаментами балкон, прячась от солнца за навесом из пластали, пробрался вперед и остановился в тени. Алия стояла возле балюстрады и глядела куда-то за храм.

Он проследил за ее взглядом – Алия смотрела вдаль, за город. Прямоугольники, цветные пятна, дальние движения, звуки. Здания сверкали, контуры их дрожали в мареве. Раскаленный воздух плясал над крышами. Напротив, возле храма, в тупике между массивных стен мальчишка стучал мячом о стену. Мячик ударялся о стену и отлетал – туда-сюда...

Алия тоже видела мяч. Взгляд ее был прикован к нему – вперед-назад... вперед-назад. Словно это сама она билась о стены коридоров времени.

Прежде чем оставить храм, она приняла колоссальную дозу меланжевого зелья – никогда прежде она не рисковала подобным образом. И ей было страшно – уже сейчас, хотя эффект еще не начал сказываться.

«Почему я сделала это?» – спрашивала она себя.

Но находясь среди многих угроз, приходилось идти на риск. Приходилось. Лишь таким образом можно было рассеять мглу, которой Таро Дюны затмило будущее. Существовала преграда, и ее нужно было взломать. Действия ее определялись необходимостью; она хотела увидеть, куда идет ее брат, устремив вперед невидящий взор.

Знакомая меланжевая фуга начинала звучать в сознании. Алия глубоко вздохнула, стараясь обрести хотя бы хрупкое спокойствие, сосредоточенное и отстраненное.

Второе зрение способно сделать из человека опасного фаталиста, думала она. К несчастью, в пророчестве нет

«спускового крючка», его невозможно рассчитать. С видениями нельзя манипулировать, как с формулами. В них приходится погружаться, рискуя жизнью и разумом.

В резких тенях на примыкающем балконе шевельнулась фигура. Гхола! Обострившимся восприятием Алия увидела его с невероятной ясностью… смуглое живое лицо с блестящими металлическими глазами. В нем встречались ужасающие противоположности, они сталкивались, налетая с противоположных сторон. Он был сразу и тенью, и ослепительным светом… Процесс, давший новую жизнь мертвой плоти… произвел нечто невероятно чистое… и невинное.

Именно невинное!

– И давно ты здесь, Дункан? – спросила она.

– Значит, теперь я Дункан? – осведомился он. – Почему?

– Ты не должен спрашивать меня, – отрезала она.

Глядя на него, она удивлялась, как сумели тлейлаксу настолько отшлифовать свое создание и ничего не упустить из виду.

– Только боги могут так рисковать, – проговорила она, – совершенство опасно для смертного.

– Дункан умер, – возразил гхола. – Я – Хейт.

Она вглядывалась в эти искусственные глаза, гадала – что они видят. Вблизи в них были заметны крошечные выемки, колодцы тьмы, черневшие в сверкающем металле. Фасетки, как у насекомого. Вселенная искрилась вокруг и покачивалась. Она удержала равновесие, упершись рукой в прогретую солнцем ограду. Ах-хх, как быстро течет по телу меланжа.

– Вам плохо? – спросил Хейт. Он пододвинулся ближе, стальные глаза внимательно глядели на нее.

«Кто это говорит? – удивилась она. – Дункан Айдахо? Или же ментат-гхола… а может быть, философ-дзенсуннит? Или простая пешка в руках тлейлаксу, куда более опасная, чем любой из навигаторов Гильдии? Брат ее знал об этом».

И она снова посмотрела на гхолу. Теперь он был пассивен, в нем дремало нечто: гхола был словно насыщен ожиданием и силами, превосходящими доступное человеку.

– Как дочь собственной матери, я во многом принадлежу сестрам Бене Гессерит, – отвечала она, – ты не забыл про это?

– Я помню.

– Я пользуюсь их знаниями, думаю, как они. Часть моего существа признает священную необходимость выполнения генетической программы – и всю значимость... ее продуктов.

Она заморгала, ощущая, как часть сознания ее уносится потоками времени.

– Говорят, что Бене Гессерит никогда не оступаются, – сказал он, только теперь заметив, как побелели ее пальцы, впившиеся в ограду балкона.

– Неужели я оступилась? – спросила она.

Гхола видел, как глубоко она дышит, чувствовал напряжение в каждом движении, заметил слегка остекленевшие глаза.

– Когда споткнешься, легко восстановить равновесие, надо лишь подпрыгнуть и перескочить через то, что легло на твоем пути.

– Это сестры Бене Гессерит споткнулись, – отвечала она, – и хотят восстановить равновесие, перепрыгнув через моего брата. Они хотят ребенка... ребенка Чани или моего.

– Ты понесла?

Чтобы ответить на этот вопрос, она с трудом отыскала свое положение во временном пространстве. Понесла? Где? Когда?

– Я вижу... моего ребенка, – прошептала она.

Отступив от края балкона, она обернулась к гхоле: белое, как соль, лицо и горькие глаза – два кружка расплавленного свинца... Он отвернулся от света, чтобы видеть ее в голубых тенях.

– И что же... ты видишь такими глазами? – прошептала она.

– То же, что и все вокруг, – отвечал он.

Слова его звенели в ушах, сознание напряглось. Она словно бы тянулась через всю Вселенную... прочь из нее... наружу, но время спутывало ее цепкой лианой.

– Ты приняла Пряность – огромную дозу, – понял он.

– Почему я не вижу его? – пробормотала в ответ Алия. Лоно творения не выпускало ее. – Скажи мне, Дункан, почему я не вижу его?

– Кого?

– Я не вижу отца собственных детей. Я затерялась в тумане Таро Дюны. Помоги мне.

Логика ментата немедленно выдала ответ, он медленно сказал:

– Сестры Бене Гессерит хотят кровосмешения. Ваш брак с братом позволит закрепить генетические...

Стон сорвался с ее губ.

– Яйцо во плоти, – выдохнула она. Нахлынул озноб, сменился жаром. Невидимый супруг из самых мрачных снов! Плоть, соединившаяся с плотью ее, невидимая взгляду пророчицы. Неужели дойдет до этого?

– Ты рискнула принять опасную дозу? – вновь спросил он. Нечто внутри его смертельно скорбело: дочери Атрейдесов грозит смерть... И Пол в горе обратится к нему, извещая о смерти принцессы.

– Ты и не знаешь, какими путями ухватывают грядущее, – отвечала она, – иногда я вижу себя... но сама себе мешаю. Я не могу заглянуть в будущее через себя. – Она склонила голову, замотала ею из стороны в сторону.

– Сколько Пряности ты приняла? – повторил он.

– Пророческий дар противен природе, – сказала она, поднимая голову, – разве это тебе не известно, Дункан?

Негромко, как маленькому ребенку, он опять задал тот же вопрос:

– Скажи, сколько Пряности ты приняла? – и левой рукой взял ее за плечо.

– Механика слов столь неуклюжа, столь примитивна и двусмысленна, – отвечала она, ускользая из-под его руки.

– Ты должна сказать, – настаивал он.

– Погляди на Барьерную Стену, – указала она и содрогнулась; там, куда указывала ее рука, скалы рушились под напором невидимых волн. Она отвела глаза, поглядела на лицо гхолы, черты его изменялись: старели, молодели... снова старели... и опять становились молодыми. Он был подобен самой жизни, уверенной в собственной бесконечности. Она хотела бежать, но он схватил ее за левое запястье.

– Я немедленно вызываю доктора, – проговорил он.

– Нет! Вот-вот придет видение! Я должна узнать!..

– Ты немедленно идешь к себе, – строго сказал гхола.

Она глядела на его руку. Плоть их соприкасалась, из руки его словно бил ток, пугавший и соблазнявший ее. Рывком она высвободилась, задыхаясь, проговорила:

– Вихрь не удержишь!

– Тебе нужен врач! – отрезал он.

– Как ты не понимаешь! – чуть ли не в отчаянии возразила она. – Я не вижу всего, одни только дергающиеся и колышущиеся обрывки. Я должна вспомнить будущее. Как ты не понимаешь этого?

– Что мне будущее, если ты умрешь? – отвечал он, мягко подталкивая ее к семейным апартаментам.

– Слова... слова, – бормотала она, – я не могу объяснить. Одно следует из другого... но, если нет причины, нет и следствия. Мы не можем оставить Вселенную, какой она была. Сколько бы мы ни пытались, все время возникает провал.

– Ложись, – скомандовал гхола.

Как он туп, подумала она.

Ее охватили прохладные тени. Мышцы собственного тела извивались червяками. Она не ощущала под собой твердого ложа. Только пространство. Все прочее не было материальным. Ложе истекало телами – ее собственными.

Время множилось, напрягалось, и она не могла выделить хоть что-то единое. Вокруг было время, оно шевелилось, вся Вселенная уползала то назад, то вперед… во все стороны сразу.

Оно не вещественно, объяснила себе Алия. Его нельзя обойти, стать под ним. И нет места для точки опоры.

Вокруг нее сновали люди. Множество неизвестных держало ее за левую руку. Она посмотрела, как течет ее плоть, вдоль прикоснувшейся руки поглядела на жидкую массу лица: Дункан Айдахо! Глаза были… не те. Но это был Дункан: мальчик-мужчина-подросток-мальчик-мужчина-подросток. И каждая черта лица его выдавала тревогу о ней.

– Не бойся, Дункан, – прошептала она.

Он стиснул ее руку, кивнул и сказал:

– Лежи смирно.

В голове его крутилось: она не должна умереть! Не должна! Женщины Дома Атрейдес не должны умирать! Он резко тряхнул головой. Мысли эти противоречили логике ментата. Смерть необходима, чтобы могла продолжаться жизнь.

Гхола любит меня, думала Алия.

И мысль эта стала опорой в море времени. Знакомое лицо, а за ним… комната. Она узнала одну из спален в апартаментах Пола.

Застывшая и неизменная фигура что-то делала с трубкой, вставляя ее в горло Алие. Она попыталась сдержать спазм рвоты.

– Вовремя успели, – произнес голос семейного врача. – Надо было раньше вызвать меня. – В словах его угадывалась подозрительность. Трубка змеей выползала из ее горла.

– Я сделаю ей инъекцию снотворного, – сообщил врач. – И пришлю сюда кого-нибудь из ее собственных прислужниц.

– Я останусь с ней, – сказал гхола.

– Это неприлично! – возразил медик.

– Останься… Дункан, – прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы она поняла, что он слышит ее.

– Госпожа, – проговорил врач, – лучше, если…

– Я сама знаю, что лучше, – возразила она. От слов горло саднило.

– Госпожа моя, – укоризненно сказал медик, – вам прекрасно известно, что слишком много меланжи принимать опасно. Я могу предположить, что вам его подложили в…

– Ты глуп, – задыхалась она. – Откуда, по-твоему, берутся видения? Я прекрасно знала, что принимала и почему. – Она схватилась рукой за горло. – Оставь нас. Быстро!

Врач пропал из виду, заявив на прощание:

– Я обязан предупредить вашего брата.

Почувствовав, что врач вышел, Алия всем вниманием обратилась к гхоле. Теперь видение уже маячило перед ней: субстрат, на котором сверху коркой медленно нарастало настоящее. Она видела, как гхола двигается на волнах времени, теперь уже не загадочный, ставший обыденным и привычным.

Он – средоточие всего, думала она, в нем и гибель, и спасение.

И она содрогнулась, понимая, что наконец ей открылось то, что давно провидел ее брат. Слезы сами собой обожгли глаза. Она резко тряхнула головой. Никаких слез! Капли эти – просто пустая трата влаги, им не место в строгом течении пророческого ви́дения. Пола нужно остановить. Однажды, только однажды, она сумела забежать дальше его во времени и оставила свой голос там, где еще должен был пройти брат. Нити паутины грядущего сходились к нему, словно лучи света к фокусу линзы. Пол находился в самой сердцевине лучей и знал об этом. Он удерживал все линии событий, не позволяя ни одной из них отклониться в сторону или тем более вырваться.

– Почему? – пробормотала она. – Это ненависть? Или Пол хочет в отместку поразить само Время? Это ненависть, Хейт?..

Услыхав свое имя, гхола отозвался:

– Простите, госпожа?..

– Если бы я только могла выжечь все это из своего сердца! – выкрикнула она. – Я никогда не хотела быть иной.

– Пожалуйста, Алия, – бормотал гхола. – Успокойся, усни.

– Как я хотела бы уметь смеяться, – прошептала она. Слезы текли по ее щекам. – Но я сестра Императора, и брату моему поклоняются как богу. Люди боятся меня. А я не хотела этого.

Он стер слезы с ее щек.

– Я не хочу быть частью истории, – прошептала она. – Я хочу, чтобы меня любили... я хочу любить.

– Тебя любят, – отвечал он.

– Ах... верный, верный Дункан, – прошептала она.

– Пожалуйста, не зови меня этим именем.

– Но это твое имя, – отвечала она, – а верность – редкий и дорогой дар. Впрочем, ее можно продать... не купить – только продать.

– Мне не нравится твой цинизм, – нахмурился он.

– Пошли к чертям твою логику! Это – правда!

– Спи, – сказал он.

– Ты меня любишь, Дункан? – спросила она.

– Да.

– Это случайно не ложь? – спросила она. – Не та ложь, в которую проще поверить, чем в правду? Почему я боюсь поверить тебе?

– Ты боишься того иного, что скрыто во мне, как боишься иного, скрытого в тебе самой.

– Ты же мужчина, не только ментат, – огрызнулась она.

– Я и ментат, и мужчина.

– Раз так – сделаешь ли ты меня своей женщиной?

– Я сделаю все, что прикажет любовь!

– И дашь мне свою верность?

– И верность.

– Ею ты и опасен, – проговорила она.

Эти слова смутили его. Ни лицо, ни мышцы тела этого не выдавали, но она знала, ведь в видении он волновался. Она чувствовала, что запомнила только части видения, что ей следует постараться припомнить все. Там, в тенях пространства, таилось еще одно восприятие, оно словно бы не имело отношения к органам чувств и возникало в голове само собой, рождало боль.

Эмоция!.. Да, эмоция! Она возникла в видении не сама по себе, а как следствие, но эмоция эта позволяла Алие найти причину. Ее охватила сложная смесь туго свитых воедино страха, любви и горя. И они наполняли видение, сливаясь в единую маску, огромную и первобытную.

– Дункан, не отпускай меня, – прошептала она.

– Спи, – отвечал он, – не пытайся противиться сну.

– Я должна... должна объяснить. Пол решил стать наживкой в расставленной им ловушке. Он служит силе и ужасу. Насилие... обожествление... словно оковы охватывают его. Он потеряет... все. И горе погубит его.

– Ты говоришь про Пола?

– Они хотят, чтобы он погубил себя собственными руками, – задыхалась Алия, выгибаясь всем телом. – Его ждет огромное горе, страшное горе. Они хотят лишить его любви, – Алия села на постели. – Они создают такую Вселенную, в которой сам Пол не захочет жить. В которой он не сможет позволить себе жить!..

– Кто они?

– Он сам в первую очередь! Ох, ты так туп! Он – часть схемы. И сейчас уже слишком поздно... Слишком поздно... слишком поздно.

И пока она говорила, видение тускнело... за слоем слой. А потом собралось в комок – прямо позади пупка. Тело и ум разделялись, сливались среди древних видений, – все двигалось, двигалось, двигалось. Алия почувствовала, как бьется сердце ребенка, еще не зачатого ею. Меланжа все еще несла ее по волнам времени. Она понимала, дитя это пока не родилось, и только в одном была уверена – ребенок

пробудится к жизни столь же рано, как и она сама, он тоже обретет сознание еще до рождения.

* * *

Существует предельный уровень силы, которой может воспользоваться даже могущественнейший, не погубив при этом себя. И в определении этой границы проявляется степень истинного артистизма, которым правительство может быть наделено. Ошибка в применении силы – грех, который несет за собой фатальные последствия. Закон не может являться орудием мести, его нельзя отдать в залог, закон не может оградить себя от мучеников, которых сам и порождает. Нельзя угрожать кому бы то ни было безнаказанно.

«Муад'Диб – о Законе». «Из Комментариев Стилгара»

За ущельем над Пустыней возле сиетча Табр занималось утро, но Чани была без дистикомба, и потому чувствовала себя неуютно. Грот, ведущий ко входу в сиетч, был скрыт вверху среди скал, чуть позади нее.

Пустыня... Пустыня... Ей уже казалось, что Пустыня сопровождала ее повсюду. Словно она не вернулась домой, а просто обернулась – и увидела ее за спиною.

Она ощутила болезненные схватки в животе. Роды скоро. Усилием воли она справилась с болью, стараясь продлить свое одиночество в Пустыне.

Земля покоилась в рассветной тиши. Повсюду среди дюн и террас Барьерной Стены пролегли длинные тени. Над высоким откосом блеснул луч солнца, осветил блеклый ландшафт под вылинявшим синим небом. Пейзаж вполне соответствовал отвратительному цинизму, терзавшему ее с того самого мгновения, когда она узнала о слепоте Пола.

«Зачем мы явились сюда?» – думала она.

Это не хаджр, путешествие ищущих. Полу нечего было искать здесь, разве что он старался найти надежное место, где она могла бы спокойно родить. Но для подобного путешествия он выбрал странных спутников: Биджаса, карлика-

тлейлаксу; гхолу Хейта, живые останки Дункана Айдахо; Эдрика, посла-навигатора Гильдии; Гайю-Елену Мохийам, Преподобную Мать Бене Гессерит, которую он явно от всей души ненавидел; Лихну, странную дочь Отхейма, которую держали под пристальным наблюдением бдительной стражи. Но были и свои: Стилгар, дядя ее и наиб вместе с любимой женой Харой… Ирулан… Алия.

Вой ветра в скалах наводил печальные думы. День принес свои краски: желтую, бурую, серую.

Зачем ему эта странная компания?

На расспросы ее Пол отвечал:

– Мы забыли, что словом «компания» первоначально обозначалась именно группа путешественников. Так что мы и есть компания.

– Но какая им цена?

– Вот! – усмехнулся он, обращая к ней свои жуткие пустые глазницы. – Мы забыли про ясность и цельность существования. И когда нечто нельзя разлить, закупорить, растолочь, свалить в кучу… если нельзя на худой конец просто указать пальцем на него как на вещь, – оно не имеет для нас никакой цены.

Тогда она с обидой ответила:

– Я вовсе не это имела в виду.

– Ах, драгоценнейшая моя, – проговорил он, пытаясь утешить ее, – у нас столько денег и так мало жизни! Я глупый, упрямый, злой…

– Не наговаривай на себя.

– И ты тоже права. Но и мои ладони посинели от времени. Мне кажется… мне кажется – я все время пытался изобрести жизнь, не подозревая, что она уже существует.

И он тронул ее живот, прикоснулся к дремлющей жизни.

Припомнив это, она положила на живот обе ладони и поежилась, сожалея о том, что просила Пола привезти ее сюда.

Пустынный ветер донес зловоние от посадок, окаймлявших дюны у подножия утеса. Фрименское суеверие: дурной запах предвещает скверные времена.

Обернувшись лицом к ветру, она заметила, что из песков у края посадок выставился червь. Подобно бушприту дьявольского корабля он высунулся из песка… а потом почуял воду, несущую смерть его роду, и повернул, оставляя за собой длинный изогнутый холм.

Теперь Чани ненавидела эту воду, как и Пустынный червь. Вода, некогда душа Арракиса, стала ядом. Вода несла гибель. Только Пустыня оставалась по-прежнему чистой.

Внизу показался рабочий отряд фрименов. Они поднимались к среднему входу в сиетч, и она увидела, что ноги их были облеплены влажной грязью.

Это у фрименов-то!

Над головой ее дети сиетча запели утреннюю песнь. Голоса их заставили ее ощутить время, устремляющееся вдаль подобно коршуну, несомому ветром. Она поежилась.

Какие бури видел Пол своими пустыми глазницами?

Она ощущала, что он полон злости и сходит с ума от усталости.

Небо превратилось в серый хрусталь, пронизанный алебастровыми лучами. Поднятый ветром песок чертил на небе хаотические узоры. Ослепительная полоска, белевшая на юге, привлекла к себе ее взор. Насторожившись, она вспомнила примету: забелеет небо с юга, значит, разверзлась пасть Шаи-Хулуда. Надвигалась буря, близился сильный ветер. Уже чувствовалось первое дуновение: легкие песчинки начинали покалывать щеки. Ветер нес запах смерти, запах воды, текущей в арыках, влажного песка, кремня. Вода… из-за нее Шаи-Хулуд и послал эту кориолисову бурю.

В расщелину, где стояла Чани, в поисках укрытия от непогоды влетели коршуны. Перья их были буры, как скалы, лишь крылья снизу отливали красным цветом. Душа ее устремилась за ними; им-то было где укрываться, но где же спрятаться ей самой?

– Госпожа, идет буря!

Она обернулась, увидела, что это гхола зовет ее от верхнего входа. Фрименские суеверия охватили ее. Чистая

смерть, вода, возвращенная племени, – это она понимала. Но... это вот... отобранное у смерти...

Поднятый ветром песок уже сек по лицу, румянил щеки. Она бросила косой взгляд на устрашающую стену пыли, встающую на небе. Пустыня вскипала под ветром, дюны словно превращались в песчаное море, бьющее в берега, так говорил ей когда-то Пол. Она медлила, ощущая преходящую сущность Пустыни. Что для вечности этот бурлящий песок!..

Песчаный прибой уже громыхал о скалы.

Буря начинала превращаться в нечто поистине всеобъемлющее, все звери и птицы попрятались, и над песком неслись только звуки, бил в скалы песок, выл ветер, дробью барабанили в скалу валуны... вдруг издали раздался характерный звук – где-то, невидимый отсюда, гулко вскинулся из песка, из обрушенного бурей бархана, песчаный червь – извернулся и, спасаясь, нырнул в свои сухие глубины.

Жизнь отмеривала минуты, но за эти мгновения Чани успела ощутить, как пылинкой несется в космосе эта планета, песчинкой в иных волнах.

– Поспешим, – произнес гхола, оказавшийся рядом.

Она чувствовала в голосе его страх и заботу о ее безопасности.

– «Ветер слижет плоть с ваших костей», – процитировал гхола, словно ей нужно было объяснять, что такое песчаная буря.

Заботливость его помогла преодолеть внезапный суеверный страх перед созданием тлейлаксу, и Чани позволила гхоле проводить себя вверх по каменной лестнице внутрь сиетча.

Они миновали поворотную заглушку, закрывавшую вход. Служители аккуратно затворили дверь, затянув влагосохраняющие уплотнения.

Сразу нахлынули запахи сиетча, пробуждавшие воспоминания. Пахло жильем: испарениями тел, закупоренных в дистикомбы, кислыми эфирами рекламационных туалетов,

пищей… еще припахивали кремнем работающие машины. И повсюду – вездесущий запах Пряности, повсюду меланжа.

Она глубоко вздохнула.

– Это дом.

Гхола отнял ладонь от ее руки, отодвинулся в сторонку, терпеливо ожидая, словно его выключили за ненадобностью. И все же… он наблюдал.

Чани медлила у входа, ей мешало что-то непонятное, незнакомое, не имевшее имени. Тут и в самом деле был ее дом. В детстве она била здесь скорпионов в свете плавающих ламп. Но что-то переменилось…

– Не хотите ли сразу отправиться прямо в собственные апартаменты, госпожа? – предложил гхола.

Схватки, словно только и дожидались этого приглашения, снова скрутили ее живот. Чани попыталась скрыть боль…

– Госпожа… – мягко напомнил о себе гхола.

– Почему Пол опасается за меня, боится моих родов? – спросила она.

– Это естественные опасения.

Она приложила ладонь к покрасневшей щеке.

– Но он не опасается за детей!

– Госпожа, он не может подумать о ребенке, не припомнив вашего первенца, убитого сардаукарами.

Она вглядывалась в плоское лицо, ничего не выражающие металлические глаза. Действительно ли перед ней Дункан Айдахо? Может ли это создание быть другом? Правду ли говорит гхола?

– Вам нужно к врачам, – настойчиво сказал гхола. Чани снова почувствовала в его голосе беспокойство о ней. Она вдруг ощутила, что разум ее остался без всякой защиты, открытый любым впечатлениям.

– Хейт, я боюсь, – прошептала она, – где мой Усул?

– Государственные дела задерживают его, – прошептал гхола.

Она кивнула, представив себе весь этот правительственный аппарат, сопровождавший их на целой стае орнитоптеров. И вдруг поняла, что встревожило ее: в сиетче пахло иными мирами. Клерки и слуги Императора принесли запах собственной пищи, духов и одежды. Чуждые ароматы пробивались сквозь привычные запахи сиетча.

Скрывая горький смешок, Чани осадила себя. Присутствие Муад'Диба изменило даже запах дома. Муад'Диб изменяет все, чего коснется!..

– Он не смог освободиться... есть неотложные дела, – произнес гхола, неправильно определив причину ее колебаний.

– Да... да, понимаю. Я сама летала в этом рое.

Припоминая полет из Арракина, она невольно призналась себе, что и не рассчитывала уцелеть. Пол настоял на том, что сам будет пилотировать топтер. И – слепой – привел машину к сиетчу. После этого она уже и не знала, может ли он удивить ее чем-нибудь еще.

Боль стянула живот.

Гхола заметил, как она вздохнула, как напряглись ее щеки и проговорил:

– Пришло ваше время?

– Я... да. Началось.

– Больше медлить не следует, – решительно сказал гхола и, взяв ее за руку, повлек за собой по коридору.

Почувствовав, что Хейт запаниковал, она попыталась придержать его:

– Время еще есть.

Он словно не слышал:

– Дзенсунниты рекомендуют при родах, – говорил он, ускоряя шаги, – максимально собравшись, ждать, не имея цели... Не следует противиться тому, что происходит. Сопротивляться – значит заранее готовиться к поражению. Попытки добиться цели – это ловушка; избегай ее. Только так ты обретешь желаемое.

С этими словами они вступили в ее покои. Подтолкнув ее вперед за занавеси, гхола выкрикнул:

– Хара! Хара! У Чани началось! Зови врачей!

Сразу забегали слуги. И в суете этой Чани успела вновь ощутить себя изолированным островком спокойствия… но боль возвратилась.

Оказавшись выставленным наружу, Хейт обдумал собственные поступки – и не мог не удивиться им. Он словно покоился во времени, в той точке его, где любая истина не абсолютна. И паника была причиной всех его поступков, он понимал это. Не потому, что Чани могла умереть, нет, а потому, что Пол тогда придет к нему, исполненный горя…

Любимая его… ушла… ушла…

Из ничего не получится что-то, напомнил себе гхола. Откуда же такой страх?

Ощутив, что его способности ментата вдруг притупились, он испустил долгий прерывистый вздох. Тень легла на его разум. Во мраке, охватившем душу, он чувствовал лишь, что ждет, ждет какого-то абсолютного звука… пугающего треска ветки в джунглях, за спиной…

Вздох сотряс его тело. Опасность на сей раз миновала.

Понемногу приводя в порядок свои силы и постепенно преодолевая ментальные барьеры, он впал в ментат-транс. Хейт вынудил себя к этому, такой способ не лучший, но необходимость заставила. Внутри его призрачными тенями задвигались люди. Он только транслировал всю информацию, с которой знакомился. Существо его наполнили вероятности. Рядами шествовали они, а мозг сравнивал, оценивал…

На лбу гхолы выступил пот.

Нечеткие мысли как пушинки уплывали во тьму. Незамкнута система. Ментат не мог функционировать, не сознавая, что данные его образуют такую систему. Ограниченному знанию не охватить бесконечный объем. Поэтому разум должен слиться с бесконечностью… на мгновение.

В памяти словно вспыхнуло… перед ним сидел Биджас, озаренный каким-то внутренним огнем.

Биджас!

Почему этот карлик имеет какое-то отношение к нему?

Хейту казалось, что он балансирует на краю бездонной пропасти, просчитывая свои действия вперед, анализируя все последствия.

– Принуждение! – задохнулся он. – Я запрограммирован, чтобы вынудить его...

Посыльный в синей одежде миновал Хейта, помедлил и спросил:

– Вы что-то сказали, господин?

Глядя в сторону, гхола буркнул:

– Я сказал все.

* * *

Жил-был мудрец, катись, слеза, —
Раз он шагнул на песок,
И пламя выжгло ему глаза
И опалило висок.
Тогда он узнал, что навек ослеп,
Но вовсе не возрыдал.
Просто он будущее прозрел,
Решил – и святым стал.

Детские стихи из «Истории Муад'Диба»

Пол стоял над сиетчем. Пророческое зрение говорило, что сейчас ночь, и лунный свет обрисовывает гробницу на вершине, по левую руку от него. Место было полно воспоминаний, первый его сиетч, тот самый, где они с Чани...

Не надо думать о Чани, одернул он себя.

Открывавшееся ему видение свидетельствовало о переменах вокруг. Вдалеке справа появилась пальмовая роща, серебристо-черная линия арыка пересекала дюны, наметенные сегодняшней бурей.

Вода, текущая посреди Пустыни!

Пол подумал о водах иного мира, о реке на его родной планете – Каладане. Тогда он даже понять не мог, что

подобный поток – сокровище, даже если это просто мутные воды, текущие через засыпанную песком котловину. Сокровище.

Сзади, осторожно кашлянув, подошел помощник. Пол не глядя протянул ладонь к увеличительной планшетке с одним листом металлобумаги на ней. Движение это было неспешным, как поток в канале посреди песка. Видение все текло, но Полу все больше не хотелось двигаться вместе с ним.

– Прошу простить, сир, – проговорил помощник. – Это договор с Симбуле... необходима ваша подпись!

– Я и сам могу прочесть! – отрезал Пол и черкнул в нужном месте – «Атрейдес, Импер». Потом вложил планшетку прямо в протянутую руку помощника, чем еще более усугубил состояние благоговейного трепета, в котором тот находился.

Помощник буквально бежал.

Пол отвернулся. Уродливая Пустыня! Он представил себе эту землю утопающей в лучах жаркого солнца, раскаленной, покрытой песчаными осыпями, темными пыльными провалами. И смерчики гонят по камням крохотные охристые дюны. Но и богата была эта земля, вытекавшая из узких щелей на необъятные просторы, выметенные бурями, раскинувшиеся между зализанными ветрами утесами, опрокинутыми хребтами.

И земля эта жаждала воды... и любви.

Жизнь когда-нибудь придаст этим недобрым просторам красоту, наполнит движением. Так говорила сама Пустыня. Контраст между тем, что есть, и тем, что будет, леденил его. Ему хотелось повернуться к помощникам. Крикнуть им – если вам так необходимо чему-то молиться, поклоняйтесь жизни – всей, целиком... до последней мельчайшей твари. Все мы связаны воедино этой красою!

Они не поймут. Здесь, в Пустыне, им было не по себе. Тут взгляд их не могла порадовать пляска зеленых ветвей.

Сжав кулаки, он прижимал руки к бокам, пытаясь вырваться из видения. Бежать, бежать бы от собственных дум. Собственный разум, подобно зверю, пришел, чтобы пожрать его. Тяжесть слишком многого знания давила на него...

В отчаянии Пол обратил свои мысли ввысь.

Звезды!

Воодушевление мгновенно рассеялось, едва он представил себе пространство... безграничный простор над его головой, исполненный звезд. Только безумец способен предположить, что может править хотя бы малой каплей необъятного космоса. Вот и он сам даже не начал еще осознавать количество подданных в его собственной империи.

Подданных? Нет – врагов и почитателей. Кому из них интересно то, что выходит за пределы узких рамок привычных верований? Разве хоть один человек способен вырваться из тисков собственных предрассудков? Даже он, Император, не справился с этим. Он жил и старался прибрать все к собственным рукам, созидал свою маленькую Вселенную по собственному подобию. Но возмутившийся космос наконец одолел, и Пол понимал, что гибнет под натиском безмолвных валов.

«А плевать мне теперь на Дюну! – думал он. – Вот тебе моя влага!»

Вот и его миф, искусно сотканный им из воображения, лунного света, любви... из молитв, что старше Адама... из серых утесов и пурпурных теней, из стенаний целого моря мучеников... и его миф пришел к своему концу. Когда волны отхлынут, берега Времени останутся пустыми и чистыми, и лишь песчинки воспоминаний будут кое-где поблескивать на них. Неужели вот эта пыль и была золотым творением человечества?

Шорох песка по скале известил его о том, что гхола присоединился к нему.

– Ты сегодня избегаешь меня, Дункан, – заметил Пол.

– Вам не следует звать меня так, это опасно, – остерег его гхола.

– Я знаю.

– Я... пришел предупредить вас, милорд.

– Я знаю.

И рассказ о заклятии, которое наложил на него Биджас, сам собой вырвался у гхолы.

– А знаешь ли ты природу заклятия? – спросил Пол.

– Насилие.

Тогда-то Пол наконец ощутил, что оказался именно там, куда вел его путь с самого начала. И замер, оцепенев. Некогда джихад охватил его и направил по своему пути, с тех пор ужасная тяжесть грядущего так и не выпустила его.

– Дункан не нападет на меня, – прошептал Пол.

– Но, сир...

– Скажи, что ты видишь сейчас вокруг нас? – попросил Пол.

– Мой господин?..

– Пустыня... какая она сегодня?

– Но разве вы не видите ее?

– У меня ведь нет глаз, Дункан.

– Но...

– У меня есть только пророческое зрение, – отвечал Пол, – я отдал бы что угодно, чтобы не иметь его. Я ведь умираю, Дункан; умираю от знания будущего, или ты не понял этого?

– Быть может... страшное не случится, – проговорил гхола.

– Что? Разве я могу усомниться в собственном предсказании? Тысячу раз я видел, как они воплощаются в жизнь. Люди называют дар – моей силой! Кара это! Из-за этого дара я даже не могу уйти из жизни там, где обрел ее!

– Мой господин, – пробормотал гхола. – Я... Это не... молодой хозяин, вы не... я... – Он умолк.

Ощущая смятение собеседника, Пол спросил:

– Как ты назвал меня, Дункан?

– Что? Что? Я... на миг, я...

– Ты назвал меня «молодым хозяином».

– Я… да.

– Так всегда звал меня Дункан. – Пол протянул руку, прикоснулся к лицу гхолы. – Или и этому тебя научили тлейлаксу?

– Нет.

Пол опустил руку.

– И что же?

– Это сделал… я сам.

– Ты служишь двоим хозяевам?

– Быть может.

– Освобождайся от гхолы, Дункан.

– Как?

– Ты – человек, так и будь человеком.

– Я гхола.

– Но плоть твоя – человеческая. И Дункан таится в ней.

– Да, в ней кроется нечто.

– Я не знаю, как ты сделаешь это, – проговорил Пол. – Но ты сумеешь.

– Вы предсказываете?..

– К шайтану предсказания!

Пол отвернулся. Видение неслось вперед, оно уже расползалось дырами, но его нельзя было остановить.

– Мой господин, если вы…

– Тихо! – Пол поднял руку. – Слышишь?

– Что, милорд?

Пол покачал головой. Дункан не слыхал. Или ему пригрезился этот звук? Его племенное имя доносилось из Пустыни, откуда-то… издалека:

– Усул!.. Уууууу-уууул!..

– Что это, милорд?

Пол покачал головой. Он чувствовал обращенные к нему глаза. Там, в ночных тенях знали, что он здесь. Что-то? Нет, кто-то.

– Все это было просто чудесно, – прошептал он. – Но ты была прекраснее всего.

– Что вы сказали, милорд?

– Это еще будет, – пробормотал Пол.

Бесформенная Вселенная над его головой плясала, повинуясь его пророческому зрению. Он сумел извлечь могучую ноту, долго будут еще отдаваться отзвуки эха!

– Я не понимаю, милорд, – произнес гхола.

– Фримен умирает, если его надолго увезти из Пустыни, – промолвил Пол. – Они зовут это «водной болезнью». Разве не странно?

– Очень странно.

Напрягая память, Пол старался припомнить дыхание Чани ночью, рядом с ним. «Разве будет мне утешение?» – думал он. Но сумел вспомнить только раздраженную Чани за завтраком перед самым отлетом в Пустыню. Она нервничала и тревожилась.

– Зачем на тебе опять эта старая куртка? – возмутилась она, заметив на нем под фрименской одеждой черный мундир с красным ястребом. – Ты же Император!

– Даже у Императора может быть любимый костюм, – возразил он.

По непонятной для него причине слова эти вызвали слезы на глазах Чани. Всего второй раз за всю свою жизнь она нарушала фрименский закон.

Теперь во тьме Пол судорожно стирал со щек непрошеную влагу. «Зачем влага мертвым?» – думал он. Лицо под рукой казалось одновременно и чужим, и знакомым. Ветер холодил влажную кожу. На миг промелькнула надежда, исчезла. Откуда этот комок в груди? Съел, должно быть, что-то не то. Но другая часть его души все горевала, отдавала воду мертвым! Ветер колол песком щеки. Высохшая теперь кожа, несомненно, принадлежала ему самому. Но чья же была эта дрожь?

И тогда они услышали горестные вопли, доносившиеся издалека, из глубин пещеры. Вопли становились громче... громче...

Гхола резко повернулся: на землю внезапно лег луч света – кто-то широко распахнул уплотняющие завесы на входе. И

в свете он увидел человека с застывшей ухмылкой на лице… Нет, не ухмылкой! Лицо искажала гримаса горя! Лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним валила толпа, и все смолкли, увидев Муад'Диба.

– Чани… – начал Тандис.

– Мертва, – прошептал Пол. – Я слышал ее зов.

Он обернулся к сиетчу. Пол знал это место. Здесь ему негде было спрятаться. Рвущееся к концу видение выхватило из тьмы всю толпу. Он видел Тандиса, ощущал горе федайкина, наполнявшие его страх и гнев.

– Она ушла, – проговорил Пол.

Слова эти донеслись до гхолы из ослепительного ореола. Они жгли его грудь, хребет, глазницы под металлическими глазами. Он почувствовал, как правая рука его потянулась на пояс… к ножу. Собственные мысли вдруг показались странными. И разрозненными. Он ощущал себя куклой, и руки, и ноги его дергались, повинуясь веревочкам, протянутым из этого ужасного ореола. Он двигался, повинуясь чужим желаниям, неведомо чьим велениям. Веревочки дергали руки, ноги, челюсть его.

Во рту что-то хрустело. Вновь и вновь повторяясь:

Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. В этот миг он наконец овладел собственным голосом и хрипя выдавил:

– Беги! Беги, молодой хозяин!

– Нет, мы не побежим, – отвечал Пол. – Мы пойдем с достоинством и выполним все, что надлежит сделать.

Мускулы гхолы были сведены, он задрожал, пошатнулся.

«…что надлежит сделать!» – эти слова возникли в его мозгу словно всплывшая на поверхность огромная рыба… «что надлежит сделать!..» – ах, как напоминали они слова Старого Герцога, деда Пола. Молодой хозяин кое-что унаследовал от старика… Что надлежит сделать!

Слова начали разворачиваться в сознании гхолы. Он почувствовал, что живет двумя жизнями сразу. Хейт/Айдахо/Хейт/ Айдахо… Он словно превратился в стоячую

волну относительных существований, единую и единственную. И вдруг воспоминания былого хлынули в его ум. Он впитывал их, по-новому понимая и уже образуя новую сущность. Новая личность забирала власть. Объединение двух сознаний грозило конфликтом, но события вынуждали их к временному согласию. Молодой хозяин нуждается в нем.

Тогда все и свершилось. Он обрел в себе Дункана Айдахо и не забыл все, что знал Хейт. Все познания гхолы словно улеглись в голове его, озаренные пламенем. Ореол распался, он сбросил заклятье тлейлаксу.

– Будь поближе, Дункан, – проговорил Пол, – мне придется положиться на тебя во многом. – Но Айдахо застыл, словно в трансе, и Пол вновь окликнул его: – Дункан!

– Да, я теперь Дункан.

– Конечно! И ты только что вернулся назад. Пора в сиетч.

Ступая в ногу, Айдахо шел вслед за Полом. Все как в прежние времена – и вовсе не так. Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что они ему дали. Знания дзен-суннита позволяли ему справиться с потрясением, умение ментата позволяло обрести равновесие. Отбросив все страхи, он поднялся над их причиной. Все сознание его содрогалось: вот он был мертв и ожил.

– Сир, – начал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, – эта женщина, Лихна, утверждает, что ей нужно вас видеть. Я велел ей подождать.

– Спасибо, – проговорил Пол. – Роды...

– Я говорил с врачами, – сказал Тандис, ступая в ногу, – они сказали, что у вас родилась двойня, дети живы и здоровы.

– Двойня? – Пол споткнулся, но устоял, ухватившись за руку Айдахо.

– Мальчик и девочка, – проговорил Тандис. – Я их видел. Хорошие фрименские дети.

– Как... как она умерла? – выдавил Пол.

– Мой господин? – Тандис наклонился ближе.

– Чани? – спросил Пол.

– Это роды, милорд, – хрипло проговорил Тандис. – Врачи сказали, что тело ее просто иссушила скорость... Я не понял, что они имели в виду, но так они говорили.

– Отведи меня к ней, – прошептал Пол.

– Мой господин?

– Отведи меня к ней.

– Мы туда и идем, милорд. – И вновь Тандис наклонился к его уху. – Почему в руках вашего гхолы обнаженный нож?

– Дункан, убери нож, – приказал Пол. – Время насилия миновало.

Произнеся эти слова, Пол чувствовал только, что ему принадлежит голос, но не ощущал ни горла, ни губ, ни языка. Двое младенцев? В видении была только девочка. Но все прочее складывалось знакомым путем. И некто чувствовал горе и гнев. Некто. Сознание полонило Таро, жуткая карточная игра-гадание, и – пророчествуя, он просадил в нее жизнь.

Двое младенцев!

Его вновь пошатнуло. Чани, Чани, думал он. Не было другого пути. Чани, любимая, верь мне, такая смерть была для тебя легче... и добрее. Иначе наши дети стали бы заложниками, а тебя содержали бы в клетке среди рабов и обвиняли в моей смерти. А так... так мы погубим врагов и спасем детей.

Детей?

И он вновь пошатнулся.

Я допустил это, думал он. И я должен чувствовать собственную вину.

Впереди в пещере поднялся шум. Шум усиливался, так было и в видении. Да, та же самая неизбежность, – даже когда детей двое.

Чани умерла, напомнил он себе.

Когда-то в прошлом, которое он еще делил с другими, это будущее ухватило его. И гнало, гнало его вперед в ущелье, и стены его сходились все ближе. И теперь было видно, что они смыкаются впереди. Так было в видении.

«Чани мертва. И я должен отдаться горю».

Но в видении было иначе.

– Алию уже вызвали? – спросил он.

– Она с подругами Чани, – отвечал Тандис.

Пол чувствовал, как раздвигаются, вжимаются в стены перед ним люди, давая пройти. Молчание шествовало впереди него. Шум начинал затихать. Сиетч словно дышал единым чувством. Он хотел бы не видеть этих людей... Но видение показывало ему их лица, на каждом были написаны одни и те же чувства. И лица были исполнены безжалостного любопытства. Да, они скорбели, но за всем проступала жестокость. Им было интересно наблюдать, как становится немым говорящий, а мудрец превращается в глупца. Разве шуты не апеллируют всегда к людской жестокости?

Не караул у гроба и не толпа скорбящих...

Душа Пола молила о передышке, но видение влекло его дальше. Осталось недолго, напомнил он себе. Черная тьма без единого видения ожидала его впереди: место, где видение вытеснялось виной и горем, место, где упала луна.

Он вступил в эту тьму, пошатнулся и упал бы, если бы рука Айдахо, в нерушимой надежности своей разделявшего его горе, не подхватила его.

– Сюда, – сказал Тандис.

– Осторожнее, сир, – произнес Айдахо, помогая перейти через порог. Лица Пола коснулись занавеси. Айдахо остановил его. Только теперь Пол ощутил комнату: высеченное в скале помещение, каменные стены, скрытые гобеленами.

– Где Чани? – прошептал Пол.

– Здесь, Усул, – отвечал ему голос Хары.

Пол с дрожью вздохнул. Он боялся, что тело ее уже отнесли в рекламационные, где фримены извлекали из тела воду, принадлежащую племени. Так ли это было в видении? Слепота уже угнетала его.

– Где дети? – спросил Пол.

– Они тоже здесь, милорд, – ответил Айдахо.

– Просто прекрасные близнецы, Усул, – проговорила Хара, – мальчик и девочка, видишь? Вон они оба в колыбельке.

Двое детей! – не переставал удивляться Пол. В видении была только дочь. Он оторвался от руки Айдахо, осторожно шагнул вперед на голос Хары, наткнулся на твердую поверхность. Ощупал руками – колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за левую руку.

– Усул? – это была Хара. Она опустила его ладонь в колыбель. Нежный-нежный комочек плоти. Теплый! Ребрышки подымало дыхание.

– Это сын твой, – прошептала Хара. Она передвинула его руку. – А вот – твоя дочь. – Пальцы ее дрогнули. – Усул, теперь ты взаправду ослеп?

Он знал, о чем она думает: Слепой должен быть оставлен в Пустыне. Племена не отягощали себя балластом.

– Отведи меня к Чани, – попросил Пол, словно не замечая вопроса.

Хара развернула его, направила влево.

Теперь-то наконец Пол ощутил, что Чани мертва. Он вступил в ту ненавистную ему Вселенную, и собственная плоть ныне мешала ему. Всякий вздох ранил его душу. Двое детей. Он подумал: неужели его занесло в тот временной коридор, где пророческое зрение более не вернется к нему?.. Впрочем, это неважно.

– Где мой брат? – послышался за спиной голос Алии. Пол ощутил, как она рванулась к нему, как забрала его руку из ладони Хары.

– Я должна переговорить с тобой! – прошипела Алия.

– Подожди немножко, – ответил Пол.

– Ни секунды! Речь идет о Лихне.

– Я знаю, – отвечал Пол, – погоди минутку.

– У тебя нет минуты!

– У меня их много.

– Но не у Чани!

– Молчи! – приказал Пол. – Чани умерла, – и он прикрыл рукой рот сестры, чтобы заглушить возражения. – Молчи, приказываю тебе! – Почувствовав покорность ее, он отнял руку. – Опиши мне все, что ты сейчас увидишь, – проговорил он.

– Пол! – Разочарование и слезы слышались в ее голосе.

– Не обращай внимания, – проговорил он. И постаравшись насколько возможно обрести внутреннее спокойствие, заставил себя обратиться к пророческому зрению. Да, все так и было. Тело Чани лежало на циновке в круге света. Кто-то расправил на ней белую одежду, пытаясь прикрыть кровь от родов. Теперь все равно... он не мог оторвать своих глаз от лица ее, спокойствием своим отражавшего вечность.

Пол отвернулся, но Чани оставалась перед его глазами. Она ушла и не вернется вовеки. И все теперь пусто: земля, воздух... вся Вселенная. Такое отмерено ему наказание... Ему хотелось плакать, но слезы не шли. Или он уже слишком долго пробыл фрименом? Смерть Чани требовала от него влаги.

Поблизости пискнул ребенок, на него шикнули. Звук этот опустил пелену тьмы на видение. Вот она – другая Вселенная, думал он. Двое детей.

Из какого-то позабытого транса выплыла неясная мысль. Он снова попытался вызвать разумом непокорное зрение пророка, но не сумел. Перед внутренним оком его не проплыло и клочка видения. Он понимал, что теперь отвергает будущее... любое.

– Прощай, сихайя моя! – прошептал он.

Откуда-то из-за спины послышался резкий и настойчивый голос Алии.

– Я привела Лихну!

Пол обернулся.

– Это не Лихна, – ответил он. – Это лицедел. Лихна мертва.

– Так говорит и он сам, – произнесла Алия.

Пол медленно повернулся на голос сестры.

– Я не удивлен тем, что ты жив, Атрейдес. – Голос был похож на голос Лихны, но только похож, словно говорящий пользовался голосовыми связками девушки, не заботясь более о правдоподобности. Пола даже удивила странная честность, угадывавшаяся в этих словах!

– Не удивлен? – спросил Пол.

– Я – Скитале, лицедел-тлейлаксу, и хотел бы кое-что выяснить, прежде чем предлагать сделку Атрейдесу. Возле тебя находится гхола или Дункан Айдахо?

– Дункан Айдахо, – отвечал Пол, – но я ни о чем не стану торговаться с тобой.

– Я думаю, ты ошибаешься, – возразил Скитале.

– Дункан, – бросил Пол в сторону. – Если я попрошу, ты убьешь этого тлейлаксу?

– Да, милорд. – В голосе Айдахо слышалась едва сдерживаемая ярость берсерка.

– Подожди! – произнесла Алия. – Ты ведь не знаешь, от чего отказываешься.

– Знаю, увы, слишком хорошо знаю, – отвечал Пол.

– Значит, это и впрямь Дункан Айдахо, – помощник Атрейдесов, – проговорил Скитале. – Итак, мы сумели найти нужную кнопку! Гхола может вспомнить собственное прошлое. – Пол услышал шаги. Кто-то коснулся его левого рукава. Голос Скитале раздавался чуть сзади: – Что ты помнишь из своего прошлого, Дункан?

– Всё. Даже детство. И еще тебя – возле бака, когда меня извлекали оттуда, – отвечал Айдахо.

– Чудесно, – восторженно выдохнул Скитале. – Изумительно!

Голос его перемещался. Видение бы! – твердил себе Пол. Слепота так мешала сейчас. Опыт Бене Гессерит твердил, что сейчас Скитале безумно опасен, но Пол мог только слышать голос, угадывать за спиной тень движения.

– Вот это дети Атрейдесов? – спросил Скитале.

– Хара! – вскричал Пол. – Не подпускай ее к детям.

– Эй, оставайтесь на местах! – крикнул Скитале. – Все! Предупреждаю. Лицеделы могут разить быстрее, чем вы подозреваете. И нож мой успеет забрать их жизни прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Пол почувствовал, как кто-то коснулся его правого рукава… скользнул в сторону.

– Алия, – приказал Скитале, – хватит!

– Я виновата, – простонала Алия, – я виновата!

– Ну, Атрейдес, – обратился к нему Скитале, – начнем торг?

Пол услышал за спиной хриплое ругательство. Горло его на мгновение стиснул невольный страх – так ужасен был голос Айдахо. Только бы он выдержал! Иначе Скитале убьет детей!

– Чтобы заключить сделку, надо иметь, что продать, – начал Скитале. – Не так ли, Атрейдес? Хочешь обнять живую Чани? Мы, тлейлаксу, сделаем ее заново. Это, правда, будет гхола, Атрейдес. Но она будет помнить всё! Но поспешим, пусть твои друзья внесут сюда криогенный бак, чтобы сохранить ее плоть.

«Снова слышать голос Чани, – подумал Пол. – Вновь ощутить ее присутствие возле себя. Ах-хх, вот почему они подарили мне гхолу – Айдахо… чтобы я знал, насколько копия может быть похожей на оригинал. А теперь сулят полное восстановление личности… но за свою цену. И я, наверное, останусь орудием в руках тлейлаксу. Вместе с Чани… В вечной тревоге за жизнь детей, снова под угрозой заговора Квизарата…»

– Каким же способом вы вернете Чани память? – спросил Пол, стараясь сохранять спокойствие в голосе. – Заставив убить одного из ее собственных детей?

– Мы воспользуемся тем способом, который удовлетворит нас, – отвечал Скитале. – Ну, что скажешь в ответ, Атрейдес?

– Алия, – сказал Пол, – займись переговорами с этой тварью. Я не могу торговаться с тем, кого не вижу.

– Мудрое решение, – торжествовал Скитале. – Ну, Алия, и что же ты предложишь мне от лица своего брата?

Пол опустил голову, заставляя себя обрести глубочайшее спокойствие. И вдруг прямо перед глазами он заметил – видение?.. Нет, не совсем. Рядом с ним был нож. Вот оно!

– Дай мне немного подумать, – проговорила Алия.

– Мой нож может и потерпеть, – проговорил Скитале, – но не плоть Чани. Постарайся не слишком затянуть свои размышления.

Пол вдруг понял, что моргает. Этого не могло быть... но тем не менее! Он ощущал глаза. И видел... он глядел из какого-то непонятного места... взгляд его дергался из стороны в сторону. Вот! Перед глазами появился нож. Потрясенный, не веря себе, Пол понял. Он видел глазами одного из своих детей! Он видел нож Скитале из колыбели, нож блестел совсем рядом. Да – Пол видел и себя самого. Он неподвижно стоял, опустив голову, ни для кого не опасный, позабытый всеми в комнате.

– Начнем с того, что вы откажетесь от всей своей доли в КООАМ, – предложил Скитале.

– Всей? – переспросила Алия.

– Всей.

Видя себя самого из колыбели, Пол потянулся к ножу на поясе. Он ощущал странную двойственность. Тщательно высчитал расстояние, угол. Другого шанса не будет. И как положено Бене Гессерит, он подготовил все свое тело, словно заводя пружину для единственного движения, вмещавшего все... праджна требовала объединенного действия всех мышц в едином усилии.

Крис вылетел из его руки, сверкнув молочным блеском, и вонзился в правый глаз Скитале, ударил, отбросив голову лицедела назад. Вскинув вверх руки, Скитале отшатнулся к стене, нож его взлетел к потолку, звякнул об пол. Ударившись о стену, Скитале рухнул; смерть наступила прежде, чем тело коснулось пола.

Все еще теми глазами из колыбели, Пол увидел потрясенные лица, обращенные к нему, слепцу. А потом Алия метнулась к колыбели и закрыла от него комнату.

– Ох, они в безопасности, – выдохнула Алия, – все в порядке.

– Мой господин, – прошептал Айдахо. – И вот это тоже было частью вашего видения?

– Нет. – Он махнул Айдахо рукой. – Но так лучше.

– Прости меня, Пол, – проговорила Алия, – но когда эта тварь сказала, что может... оживить...

– Есть цена, которую Атрейдес платить не может, – отвечал Пол. – И ты знаешь это.

– Знаю, – вздохнула она. – Но искушение...

– Кто не знал искушений? «Вот и я...» – горько сказал Пол.

Он отвернулся ото всех, добрался до стены, припал к ней лицом, пытаясь понять, что он сделал. И, главное, как? Как? И эти глаза в колыбели! Он был словно на грани потрясающего откровения.

«Это мои глаза, отец», – затрепетали перед его внутренним взором слова.

– Сын! – отвечал Пол, тихо, чтобы никто не слышал. – Ты... сознаешь?

«Да, отец. Погляди!»

Головокружение заставило Пола теснее прижаться к стене. Он чувствовал себя вывернутым и опустошенным. И собственная жизнь промелькнула мимо него. Он увидел собственного отца. И стал им. А потом дедом и прадедом – всеми, что жили до него. Сознание его мчалось от пращура к пращуру – по безумному коридору жизней всех его предков по мужской линии.

«Как?» – безмолвно спросил он.

Неясно проступили слова и растаяли, словно им трудно было удержаться в сознании. Пол вытер уголок рта. Он вспомнил, как пробудилось сознание Алие в чреве леди Джессики. Но сейчас... ведь не было воды жизни, не было

меланжи… или была, но он не знал об этом? Может быть, Чани и была так голодна из-за этого? Или, быть может, просто такова наследственность его рода, предвиденная Преподобной Гайей-Еленой Мохийам, результат генетической программы Бене Гессерит?

И Пол чувствовал, что лежит в колыбели, а Алия воркует над ним. Руки ее утешали. Огромное лицо глядело прямо на него. Алия повернула ребенка, и он увидел свою соседку… худенькую малышку, исполненную той силы, которая передается обитателями Пустыни по наследству. Эта головка в густых темно-рыжих кудрях! Она открыла глаза перед его взором. Эти глаза! Из них глядела Чани… леди Джессика. И не только они… множество жизней…

– Погляди-ка, – сказала Алия. – Они глядят друг на друга.

– Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, – отвечала Хара.

– Ну, я-то ведь могла, – возразила Алия.

Пол медленно высвобождался из этой бесконечной цепи сознаний. И вновь оказался у своей Стены плача. Айдахо осторожно тронул его за плечо.

– Мой господин?

– Пусть сын мой в честь деда зовется Лето, – произнес Пол, выпрямляясь.

– Во время именования, – проговорила Хара, – я стану возле тебя как подруга матери и назову это имя.

– А моя дочь, – продолжал Пол, – пусть зовется Ганима.

– Усул! – запротестовала Хара. – Ганима… это имя принесет неудачу.

– Оно спасло тебе жизнь, – напомнил Пол. – Да, моя сестра дразнила тебя, ну и что? Пусть моя дочь зовется Ганимой, добычей битвы.

Пол услышал, как позади скрипнули колеса: это на каталке повезли тело Чани. Медленно начался речитатив водного обряда.

– Халь Йаум! – воскликнула Хара. – Я должна уйти, ведь мне надлежит удостовериться в священной истине и стоять

возле подруги, уходящей в последний путь. Вода ее принадлежит племени.

– Вода ее принадлежит племени, – пробормотал Пол. Он слышал, как удаляются шаги Хары. Потянувшись, он тронул руку Айдахо. – Дункан, отведи меня в мои апартаменты.

Оказавшись там, он мягко высвободился. Настало время побыть одному. Но не успел Айдахо выйти, как возле двери послышалась какая-то возня.

– Господин! – закричал от двери Биджас.

– Дункан, – велел Пол. – Пусть он сделает два шага вперед. Если сделает третий – убей его.

– Слушаюсь, – отвечал Айдахо.

– Значит, это Дункан? – спросил Биджас. – Настоящий Дункан Айдахо?

– Да, – согласился Айдахо. – Я все вспомнил.

– Значит, план Скитале удался?

– Скитале умер, – отвечал Пол.

– Но я жив и план вместе со мной, – возразил Биджас. – Клянусь баком, в котором я вырос! Это возможно! И теперь я сам узнаю свое прошлое – все свои прошлые жизни. Нужен лишь спусковой крючок.

– Крючок? – спросил Пол.

– Принуждение, – полным ярости голосом проговорил Айдахо. – Они заставляли меня убить тебя. Расчет ментата: они поняли, что ты прежде был для меня сыном, которого у меня никогда не было. И Дункан не мог убить вас, и чтобы не допустить этого, взял контроль над телом гхолы. Но план мог и сорваться. Скажи мне, карлик, если бы план не удался… что бы вы сделали, если бы я убил его?

– О, мы предложили бы сделку сестре… Но нынешний вариант лучше.

Пол прерывисто вздохнул. Он слышал, как плакальщицы спускались в глубины… к нижним залам, где вода мертвых возвращалась племени.

– Еще не поздно, милорд, – настаивал Биджас. – И вы получите назад свою любимую. Мы восстановим ее. Конечно,

в виде гхолы. Но на этот раз мы предлагаем полную реставрацию. Не послать ли слуг с криогенным баком за телом вашей возлюбленной?

Теперь ему было гораздо труднее. Пол уже истратил столько сил в борьбе с первым искушением тлейлаксу. И словно впустую! Снова ощутить рядом с собой Чани...

– Останови его! – приказал он Айдахо на боевом языке Атрейдесов. Он слышал, как Айдахо шагнул к двери.

– Господин! – взвизгнул карлик.

– Если ты любишь меня, – продолжал Пол на боевом языке, – заклинаю тебя, убей его прежде, чем я соглашусь...

– Нееееее... – завопил Биджас.

Голос его захлебнулся в ужасном бульканье.

– Вот я и сделал одно доброе дело, – пробормотал Айдахо.

Пол наклонил голову, прислушался. Плакальщиц не было слышно. Он представил себе древний фрименский обряд, свершаемый ныне в глубинах сиетча... там, в траурном зале, племя возвращало себе свою воду.

– Не было выбора, не было... – проговорил Пол. – Ты понимаешь, Дункан?

– Понимаю.

– Есть такие вещи, которых не выдержать никому из людей. Слишком долго я плутал в лабиринтах вариантов грядущего, мне казалось, я его создаю, а это оно создавало меня.

– Мой господин, не надо...

– В этой Вселенной не всякая задача имеет ответ, – горько сказал Пол. – И ничего нельзя сделать. Абсолютно ничего.

Говоря это, Пол ощутил, как разрывается его связь с видением. Его разум словно пытался сжаться, съежиться, укрываясь от бесчисленных вероятностей. Утраченное пророческое зрение превратилось в ветер, дующий над бесконечным простором.

* * *

Мы говорим, что Муад'Диб удалился в края, где человек не оставляет следов на песке.

Предисловие к Катехизису Квизарата

Канава с водой служила границей посадок, принадлежащих сиетчу. За ней подымался скальный уступ, а потом под ногами Айдахо оказалась Пустыня. В ночном небе высились скалы, среди которых укрывался сиетч Табр. Очертания их инеем серебрились в свете обеих лун. Сад спускался к самой воде.

Айдахо остановился на краю Пустыни, поглядел на цветущие ветви, повисшие над тихой водой, на четыре луны: две в воде, две над нею. Дистикомб скользил по коже, запах влажного кремня достигал ноздрей, несмотря на все фильтры. Ветер зловеще шелестел ветвями сада. Айдахо вслушивался в ночь. У края воды в траве шуршали кенгуровые мыши, коршуновая сова промелькнула и исчезла в тени утесов, ветер донес из открытой Пустыни шипящий шорох осыпающегося песка.

Айдахо повернулся на шум.

На озаренных луною дюнах ничто не шевелилось.

Сюда Пола отвел Тандис. А потом вернулся, чтобы доложить обо всем. Как положено фримену, Пол ушел в Пустыню.

– Он был слеп... по-настоящему слеп, – словно бы оправдываясь, говорил Тандис. – До того он обладал внутренним зрением, он говорил, что видит... но...

И пожал плечами. Слепых фременов оставляют в Пустыне. Пусть Муад'Диб – Император, но он же и фримен. Разве не он завещал, чтобы фримены охраняли и воспитывали его детей? Как и подобает истинному фримену.

Айдахо видел перед собою кости Пустыни, посеребренные лунным светом ребра скал, выступали из песка, за ними начинались дюны.

«Нельзя было оставлять его ни на минуту, – сожалел Айдахо. – Я ведь понимал, что он замыслил».

– Он сказал мне, что будущее не нуждается теперь в его физическом присутствии, – возражал Тандис. – Вступив на пески, он крикнул: «Теперь я свободен!»

«Шайтан бы их побрал!» – думал Айдахо.

Фримены отказались посылать спасателей. И топтеры. Это противоречило бы всем древним обычаям.

– К Муад'Дибу придет червь, – пояснили они. И завели напев об ушедших в Пустыню, о тех, чья вода шла к Шаи-Хулуду:

– Матерь песка, отец Времен, Жизни начало – пусть он придет, пусть явится и пройдет путем своим...

Усевшись на плоский камень, Айдахо глядел в Пустыню. Ночь схоронила следы, нельзя было понять, куда ушел Пол.

«Теперь я свободен».

Айдахо громко проговорил эти слова, удивленный звуками своего голоса. На миг он отвлекся, вспомнив, как на Каладане взял Пола с собой на приморский базар, тот был еще совсем мал. Ослепительно сверкало солнце, лучи его отражала вода, повсюду грудами были навалены на продажу дары моря. Айдахо вспомнил Гурни Халлека, треньканье балисета... радость и смех. Стихи увлекли его, словно раба, напомнили о былом счастье.

Гурни Халлек. Гурни винил бы в этой трагедии его.

Музыка в памяти стихла.

Он вновь вспомнил слова Пола: «Есть во Вселенной и такие загадки, что не имеют ответа».

«Как умрет Пол в этой Пустыне? – размышлял Айдахо. – Погибнет ли он быстро, убитый червем? Или его медленно убьет солнце? Там, в сиетче, некоторые из фрименов начали поговаривать, что Муад'Диб никогда не умрет, что он уже вступил в тот мир Рух, где одновременно существовали все возможные варианты грядущего, и что отныне он будет пребывать в Алам аль-Митхаль, вечно странствовать там и после прекращения существования плоти...

Он умрет, а я ничем не могу предотвратить этого», – думал Айдахо.

Дункан уже начинал усматривать в подобной смерти изысканность: умереть, не оставив следа… ничего вообще… так, что вся планета станет ему надгробием.

«Ментат, разреши собственные загадки», – подумал он.

Вдруг припомнились слова – ритуальные фразы лейтенанта федайкинов, расставлявшего караул возле колыбели детей Муад'Диба.

– Да будет караульный офицер помнить долг…

Напыщенное пустословие возмущало его. Власть совратила фременов, как она совращала любого. В Пустыне умирал человек, великий человек, но речи продолжались… продолжались.

Что случилось, думал он, кто сокрыл ясный смысл покровом всей этой чепухи? Должно быть, в тех забытых краях, где создавалась империя, его завалили камнями, засыпали песком, чтобы не откопали случайно. Ум его по привычке ментата жаждал решений. Там блистали познания… Словно волосы Лорелеи… так, должно быть, светились они, завлекая зачарованного морехода в изумрудные пещеры.

Вздрогнув, Айдахо очнулся от неподвижной задумчивости.

«Ну вот! – думал он. – Чтобы не видеть собственной неудачи, прячусь в себя».

Мгновение несостоявшегося погружения задержалось в его памяти. Анализируя, Дункан ощущал, что жизнь его становится больше самой Вселенной. Пусть истинная плоть его оставалась в изумрудной пещере конечного бытия, но бесконечное все же посетило ее.

Айдахо встал. Он чувствовал, что Пустыня очистила его душу. Ветер поднимал песок, шуршал им по листьям сада. В ночном воздухе запахло сухой и колючей пылью. Полы его плаща хлопали в такт внезапным порывам ветра.

Где-то там, на просторах Пустыни бушевала мать-буря, вздымая шипящие вихри пыли... исполинский песчаный червь обретал силу, способную отделить плоть от костей.

«И он соединится с Пустыней, – думал Айдахо. – Пустыня наполнит его».

Эта дзенсуннитская мысль прохладной водой омыла его разум. Он знал – Пол не остановится на пути. Атрейдес не может полностью покориться судьбе, даже представляя ее неизбежность во всей полноте.

И в пророческом порыве Айдахо подумал, что люди грядущего будут говорить о жизни Пола, как о воде. Пусть вся жизнь его утопала в пыли – вода всюду будет сопутствовать памяти о нем. Плоть его потонула, скажут они, но сам он уплыл.

За спиною Айдахо кто-то кашлянул.

Айдахо повернулся, увидел Стилгара на мостике через арык.

– Его никогда не найдут, – проговорил Стилгар, – но потом – разыщет каждый.

– Пустыня забирает его, делает из него бога, – отвечал Айдахо. – И все же он был здесь чужаком. Он принес на эту планету чуждую ей воду.

– У Пустыни свои законы, – возразил Стилгар. – Мы приветствовали его, назвали своим Махди, своим Муад'Дибом, дали ему тайное имя – Основа Столпа, Усул.

– И все же он не был рожден фрименом.

– Это ничего не меняет, он стал нашим – и стал окончательно. – Стилгар положил руку на плечо Айдахо. – Все мы, люди, чужаки в этом мире. Так, старый друг?

– Ты у нас мудрец, Стил, а? Глубокая мысль...

– По мне – достаточно глубокая. В своих скитаниях мы загадили всю Вселенную. Муад'Диб дал нам хоть что-то чистое. Люди запомнят джихад его уже хотя бы за это.

– Он не сдастся Пустыне, – уверенно проговорил Айдахо. – Да, не сдастся, пусть он и слеп. Он человек чести и принципа. Таким его воспитывали Атрейдесы.

– И вода его выльется на песок, – проговорил Стилгар. – Идем, – он мягко потянул за собой Айдахо. – Алия вернулась и спрашивает тебя.

– Она была с тобой в сиетче Макаб?

– Да, – помогала кнутом сгонять в караван размякших наибов. Теперь они повинуются ее приказам… как и я сам.

– Каким приказам?

– Она распорядилась казнить предателей.

Превозмогая головокружение, Айдахо поднял глаза на утес.

– Каких предателей?

– Гильдиера, Преподобную Мать Мохийам, Корбу… еще кое-кого.

– И ты убил Преподобную Мать?

– Да. Муад'Диб распорядился, чтобы этого не делали, – он пожал плечами, – но я ослушался его, и Алия знала, что я так и поступлю.

Айдахо вновь поглядел в Пустыню, ощущая себя целостной личностью, способной разглядеть все, что создано Полом. Стратегия суждений, – так называлось это в учебниках Атрейдесов.

Народ подчиняется правительству, но и покорные массы влияют на властелина. Интересно, подумал он, представляли ли эти самые массы хоть в малой мере, что творилось их руками?

– Алия… – проговорил Стилгар, снова откашливаясь, – ей нужны твои утешения.

– Значит, она и есть правительство, – пробормотал Айдахо.

– Регент, не более того.

– «Фортуна проходит повсюду» – так говорил ее отец, – пробормотал Айдахо.

– Все мы вступаем в сделку с завтрашним днем, – молвил Стилгар. – Ты идешь? Ты нужен там. – В голосе его слышалась неловкость. – Она… расстроена. То ругает брата, то плачет.

– Я скоро приду, – пообещал Айдахо. Он слушал, как удалялись шаги Стилгара. Потом встал, обратил лицо к ветру, и песчинки забарабанили по дистикомбу.

Сознание ментата проектировало последствия в будущее. Возможности ошеломляли его. Пол сумел создать вихрь, обладавший такой силой, что преградить ему путь не мог никто.

Бене Тлейлаксу и Гильдия своим участием в заговоре скомпрометировали себя. Квизарат потрясен предательством Корбы и других высших сановников. А последний поступок Пола, предельная покорность его обычаям Вольного Народа обеспечила верность фрименов и ему самому, и его Дому. И он стал навечно одним из них.

– Пол ушел! – сдавленным голосом проговорила Алия. Почти неслышно она подобралась к тому месту, где стоял Айдахо. – Дункан, каким же дураком он был!

– Не говори так! – резко ответил он.

– Это же говорит вся вселенная, – возразила она.

– С чего бы, во имя любви небесной?

– Не небесной, а из любви к моему брату.

Проницательность дзенсуннита ограничивало его восприятие.

Он чувствовал, что после смерти Чани Алию не посещали видения.

– Странная эта любовь, – проговорил он.

– Любовь? Дункан, ему надо было только шагнуть в сторону! И пусть вся вселенная рушится за его спиной. Он был бы жив... а вместе с ним Чани!

– Тогда... почему он не пошел на это?

– Ради любви небесной, – прошептала она. И уже громче добавила: – Пол всю свою жизнь старался избежать джихада и обожествления. Теперь он хотя бы вырвался из всего этого. Он выбрал такой путь.

– Ах да... он все знал, – Айдахо в удивлении качал головой. – Даже про смерть Чани. Его луна упала.

– Теперь видишь, Дункан, каким он был дураком.

Горе вновь стиснуло горло Айдахо.

– Какой глупец! – задыхалась Алия, теряя самообладание. – И он будет жить, а мы все умрем.

– Алия, не надо...

– Это горе, – проговорила она, – всего только горе. А знаешь, что еще я должна сделать ради него? Я должна спасти жизнь принцессы Ирулан. Этой!.. Слышал бы ты, как она горюет! Рыдает, отдает воду мертвому; клянется, что любила его и не знала этого. Во всем винит Сестер и клянется, что всю свою жизнь посвятит воспитанию детей Пола.

– Ты веришь ей?

– От нее просто разит добродетелью...

– Ах-х, – пробормотал Айдахо. Итоговая картина разворачивалась перед ним, как полотно: отступничество принцессы лишало Орден последнего оружия против наследников Пола.

Алия зарыдала, приникла к нему, спрятав лицо на груди.

– О, Дункан! Нет его, нет!..

Айдахо прикоснулся губами к ее волосам.

– Ну, пожалуйста, – прошептал он. Их горе было подобно двум сливающимся ручейкам.

– Ты мне нужен, Дункан, – рыдала она. – Люби меня.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

Подняв голову вверх, она взглянула в посеребренное луной лицо.

– Я знаю. Любовь всегда узнает любовь.

От этих ее слов он содрогнулся, словно отстраняясь от прежнего себя. Шел сюда за одним, а обрел другое. Словно бы попал в комнату, полную знакомых, чтобы понять с опозданием, что не знает никого из них.

Отодвинувшись, она взяла его за руку.

– Пойдем, Дункан.

– Куда прикажешь, – отвечал он.

И она повела его через арык, во тьму к подножию скалы и убежищу в ней.

Эпилог

И не вернется народу его вода,
В горьком запахе погребальных залов
Не преклоняй колен и не молись,
Тебе не освободить ума от корысти;
А он был святым дураком,
Золотой скиталец, вечно живущий
На грани рассудка.
Захоти – и он предстанет перед тобой.
Багрец покоя и царственная белизна
Спустились в мир наш волею его.
И вот – спокойный взгляд, а там
Грядет из сверкающих звездных джунглей
Таинственный пророк, слепой и грозный,
Орудие пророческих сил,
Чей голос звучит, вечно!
И Шаи-Хулуд, он ждет его, он ждет
На том берегу, где разлученных соединяет вечность
В возвышенном томлении любви.
И он шагает сквозь бесконечный лабиринт Времени.
И осыпается дурацкое обличье его видений.

Гимн гхолы

* * *

Учение Муад'Диба стало ристалищем схоластики, суеверий и разврата. Он же учил умеренной жизни, философии, с которой человек мог противостоять тяготам вечно изменчивой Вселенной. Человечество, учил Муад'Диб, развивается, и процесс этот не кончится никогда, поскольку зиждется он на изменчивых принципах, известных одной лишь Вечности. Но как, скажите вы мне, может развращенный ум пользоваться такой сущностью?

Слова ментата Дункана Айдахо

На толстом красном ковре, покрывающем влажный пол пещеры, вдруг заплясало пятно света. Он падал как бы ниоткуда, казалось, этот зайчик существует сам по себе на колючем ворсе ковра. Беспорядочно перемещаясь, становясь то круглым, то овальным, пятно, стремительно изогнувшись, переползло на зеленое одеяло, свисавшее с лежанки.

Под зеленым одеялом спал младенец, он был совсем по-детски круглолиц, рот был очень большим – в мальчике не было присущей фременам скупости черт, как, впрочем, не было и водянистой полноты, столь характерной для выходцев из того мира. Пятно света скользнуло по глазам ребенка, и маленькая фигурка шевельнулась. Свет исчез.

Теперь в пещере раздавалось только тихое дыхание и едва слышное падение капель с козырька на поставленную у входа бочку.

В темноте снова блеснул свет, теперь он был явно сильнее на несколько люменов, со светом появился и его источник – проем входа в пещеру, на фоне которого замаячила фигура в капюшоне. Луч света, словно принюхиваясь, снова начал стремительно рыскать по углам и сводам. В этой пляске таилась какая-то угроза, тревожное недовольство. Обогнув спящее дитя, свет пробежал по забранной

решеткой воздушной отдушине, потом по складкам золотисто-зеленых занавесей, скрадывавших грубые каменные стены.

Свет мигнул и погас. Раздался предательский шелест плаща, и фигура мужчины в капюшоне застыла под сводчатым потолком входа. Каждый, кто был знаком с обычаями сиетч Табр тотчас догадался бы, что это Стилгар, наиб сиетча, опекун и страж высокородных близнецов-сирот, которым предстояло унаследовать мантию своего отца – Пола Муад'Диба. Стилгар был частым ночным гостем в пещере брата и сестры, заходя сначала в покои Ганимы, а потом в примыкавшую к ним спальню Лето.

Я старый дурак, – подумал Стилгар.

Он провел пальцами по холодной гладкой поверхности светового проектора, прежде чем спрятать его в сумку, подвешенную к поясу. Этот проектор невыносимо раздражал Стилгара, постоянно напоминая о своей магической власти над ним. Проектор был тончайшим инструментом, главным прибором империи, умевшим обнаруживать присутствие людей и животных. Сейчас в королевских покоях не было никого, кроме мирно спящих детей.

Уж кто-кто, а Стилгар знал, что его собственные мысли и чувства были куда сильнее проектора. В опекуне горел неугасимый внутренний свет. Этот свет направлял все движения души Стилгара; вот и сейчас дьявольский внутренний луч высвечивал все зло его сильной натуры. Прямо перед ним лежит мальчик, воплощавший магнетическую мечту о вселенском величии. Вот они: преходящие богатства, светская власть и сильнейший мистический талисман – божественная копия религиозного наследия Муад'Диба. В этих двойняшках – Ганиме и Лето – сконцентрировалась мощь, внушавшая благоговение. Пока жили эти дети, в них жил физически умерший Муад'Диб.

То были не просто девятилетние дети – то была первородная сила, предмет поклонения и страха. То были дети Пола Атрейдеса, ставшего Муад'Дибом, Махди Всех

Фрименов. Муад'Диб взорвал ход истории; фримены начали межпланетный джихад, неся с собой неистовый пыл веры и утверждая во всех обществах свои власть и господство. Око новой власти было вездесущим, след, оставленный ею, стал поистине неизгладимым.

Но ведь дети Муад'Диба состоят из плоти и крови, – подумал Стилгар. – Двумя ударами кинжала я могу остановить биение их сердец, и вода их вернется к их племени.

При этой мысли его своенравный ум пришел в смятение:

Убить детей Муад'Диба!

Годы, однако, приучили Стилгара к интроспекции. Он знал, откуда идут эти страшные мысли – от левой руки проклятья, а не от правой руки благодати. Аят и бурхан Жизни – вот две величайшие тайны для Стилгара. Когда-то он исполнялся величайшей гордости, думая о том, что он – фримен, что Пустыня – его друг, что его планета – Дюна, а не Арракис, как ее именуют все имперские звездные карты.

Как все было просто, когда Мессия был лишь мечтой, – думал между тем Стилгар. – Обретя Махди, мы растворили в мирах вселенной наши мессианские надежды. Все народы, познавшие ярмо джихада, мечтают теперь о своих вождях.

Стилгар вгляделся в темноту спальни:

Если мой кинжал освободит те народы, примут ли они меня как мессию?

Было слышно, как Лето беспокойно зашевелился в постели.

Стилгар тяжело вздохнул. Он не был знаком с дедом Атрейдесом, чьим именем нарекли этого ребенка, но многие говорили, что именно старому Атрейдесу был обязан Муад'Диб своей нравственной силой. Но не может ли случиться так, что это врожденное качество правоты покинет последнее поколение? Стилгар был не в состоянии ответить на этот вопрос.

Он думал: Сиетч Табр принадлежит мне. Я правлю здесь, – я, наиб фрименов. Без меня не было бы никакого Муад'Диба. И эти двойняшки… их мать, Чани, – моя кровная

родственница, а значит, в жилах детей течет и моя кровь. Я причастен ко всему этому – я, Муад'Диб, Чани и все прочие... Но что сделали мы со своим миром?

Стилгар так и не смог понять, почему его охватили эти мысли и по какой причине вызвали они такое сильное чувство вины. Он зябко поежился под просторным плащом. Действительность совсем не походила на мечту. От былой дружественной Пустыни, простиравшейся некогда от полюса до полюса, осталась едва ли половина. Казавшийся мифом, но ставший действительностью зеленый рай вызвал у Стилгара мгновенную вспышку недовольства. Да, это не мечта и не сладкий сон. Планета изменилась, и он изменился вместе с ней. Он стал тоньше, чем прежний вождь сиетча. Теперь Стилгар познал многое: силу государственной власти и тяжелую ответственность принятия самых, казалось бы, незначительных решений. Но все же, но все же... Стилгар чувствовал, что эта душевная и психологическая тонкость есть не что иное, как хрупкий внешний покров, под которым скрывалась железная сердцевина прошлого простого и определенного опыта. И эта сердцевина взывала к его существу, требовала переоценки ценностей.

Течение мыслей Стилгара было нарушено утренними звуками пробуждавшегося сиетча. В пещерах послышалось движение. Щек Стилгара коснулось дуновение утреннего ветерка – люди начали выходить из-под сводов в предрассветную мглу. Ветерок шептал о беспечности и о непрестанном беге вечного времени. Обитатели пещер напрочь забыли о жесткой экономии воды. Да и зачем беречь воду, если во Фримене часто идет дождь, на небе постоянно видны облака, а в старых вади то и дело гибнут люди, застигнутые потоками воды? Раньше в языке Дюны не было слова утонуть. Но теперь нет и самой Дюны, есть Арракис... и наступило утро нового, полного хлопот и дел дня.

Стилгар подумал: Сегодня на нашу планету возвращается Джессика, мать Муад'Диба и бабка царственных близнецов. Но почему она решила закончить свое добровольное

изгнание именно сейчас, сменив негу и надежность Каладана на опасности Арракиса?

Были и другие опасения: почувствует ли она сомнения Стилгара? Эта женщина – ясновидящая Бене Гессерит, воспитанница Общины Сестер, посвященная в самые глубокие таинства, полноправная Преподобная Мать. Такие женщины обладают невероятным чутьем, а потому опасны. Не прикажет ли она ему броситься на собственный нож, как приказала когда-то Умме, защитнику Лиет-Кинеса?

Подчинюсь ли я этому приказу? – подумал Стилгар.

На этот вопрос не было ответа, но Стилгар думал уже о Лиет-Кинесе, планетологе, которому первому пришла в голову мысль превратить Пустынную Дюну в цветущий оазис, в какой она в конце концов и превратилась. Лиет-Кинес был отцом Чани. Не будь его, не было бы ни мечты, ни Чани, ни близнецов. Эта хрупкая цепочка снова вызвала недовольство.

«Каким образом мы встретились здесь?» – спросил себя Стилгар. – Каким образом соединились? Для какой цели? Не мой ли долг положить этому конец и разрушить эту великую комбинацию?

Стилгар ощутил великое и страшное искушение. Он в состоянии сделать этот выбор, отречься от любви и семьи ради того, что должен совершить наиб: принять смертельно опасное решение ради сохранения племени. Но какое же это будет предательство и мерзость! Убить детей! Однако это были не простые дети. Конечно, они ели земную простую пищу, участвовали в празднествах, бродили по Пустыне и играли в те же игры, что и все дети фрименов, но... но они же заседали в Имперском Совете. Дети в столь нежном возрасте были настолько мудры, что заседали в Совете. Да, это дети во плоти, но было в них что-то древнее, устрашающие простого смертного генетическая память и знания, внушенные их теткой Алией и унаследованные самостоятельно, – и это невидимой, но прочной стеной отделяло близнецов от прочих смертных.

Долгими бессонными ночами Стилгар пытался постичь природу этой избранности близнецов и их тетки; много раз пробуждался он среди ночи, мучимый этими мыслями, приходил в покои царственных детей и застывал на пороге решения. Но сегодня Стилгар осознал причину своих сомнений. Неспособность принять решение – это тоже решение. Эти близнецы и их тетка были разбужены от векового сна еще в утробе матери, когда на них снизошли знание и память предков, и причиной всему было пристрастие к зелью, пристрастие матерей – госпожи Джессики и Чани. Госпожа Джессика родила сына, Муад'Диба, до того, как вкусила зелья. Алия же явилась после этого. Теперь-то, по зрелом размышлении, это стало совершенно ясно. Бесчисленные поколения генетического отбора, направленного Бене Гессерит, сошлись на Муад'Дибе, но Общине Сестер даже в страшном сне не могло привидеться кровосмешение. О, Сестры знали об этой возможности и боялись ее как огня, называя не иначе как Мерзостью. Этот факт вызывал ни с чем не сравнимое отвращение у Стилгара. Мерзость. О, у них были основания так рассуждать. И если бы Сестры объявили, что Алия есть воплощение Мерзости, то же самое должны они были сказать и о Чани, вкусившей зелья. Тело Чани было напоено зельем, и ее гены стали полезным дополнением к генам Муад'Диба.

Ум Стилгара пришел в смятение. Нет никаких сомнений в том, что близнецы не пойдут путем своего отца. Но куда пойдут они? Мальчик говорил, что способен стать своим отцом и доказал это. Будучи еще младенцем, Лето показал, что знает нечто, что могло быть известно только Муад'Дибу. Кто знает, может быть, в необъятных глубинах памяти ребенка ждали своей очереди и другие предки, знания и опыт которых составят величайшую опасность для всего рода человеческого?

Мерзость, говорят сестры-колдуньи Бене Гессерит. Но тем не менее все они домогаются генофонда вверенных ему детей. Сестры хотят незапятнанного плотским

вожделением соединения спермы и яйца. Не потому ли так поспешно возвращается госпожа Джессика? Она порвала с Общиной Сестер, чтобы воссоединиться со своим супругом принцем, но молва утверждала иное – она возвращается, чтобы утвердить путь Бене Гессерит.

Я могу положить конец этой мечте, этому кошмарному сновидению, – подумал Стилгар. – Это же невероятно просто.

Он удивился тому, как вообще подобные мысли могут прийти ему в голову. Разве дети Муад'Диба виноваты в том, что действительность уничтожает чаяния других людей? Нет. Эти дети не что иное, как линза, фокусирующая свет, оттеняющий новые формы Вселенной.

Все еще охваченный смятением ум Стилгара обратился к прежним верованиям фременов. Грядет заповедь Божья; не ищи торопить ее. Бог покажет путь; и найдутся те, кто свернет с него.

Больше всего ужасала Стилгара религия, которую возвестил Муад'Диб. Зачем они сделали из Муад'Диба бога? Зачем было обожествлять человека из плоти и крови? Золотой Эликсир Жизни Муад'Диба породил бюрократического монстра, чудовище, коему не было никакого дела до людских бед и забот. Власть и религия объединились, нарушение закона стало не только преступлением, но и грехом. Дух святотатства начинал куриться над каждым, кто подвергал сомнению правительственные эдикты. Любой мятеж вел к очищающему адскому огню и всеобщему праведному осуждению.

Но ведь те, кто издавал эдикты, были всего лишь людьми.

Стилгар грустно покачал головой, на замечая слуг, вошедших в прихожую царских покоев для отправления своих утренних обязанностей.

Стилгар провел пальцами по ножнам висевшего на поясе кривого ножа, символа утраченного прошлого, и подумал о том сочувствии, которое не раз охватывало его по

отношению к мятежникам, чьи отчаянные попытки восстаний подавлялись его же собственными приказами. Стыд и смятение вновь окатили Стилгара горячей удушливой волной: как бы хотелось ему избавиться от них, вернувшись к простоте холодной разящей стали! Но Вселенная не движется назад. Жизнью движет великая сила, выдвинутая в серое Ничто несуществующего. Убить близнецов можно, но это вызовет лишь сотрясение Ничто, которое отдастся катастрофическим эхом в истории человечества, породив новый хаос и заставив людей искать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул и прислушался. Да, новый день начался. Слуги – это олицетворение порядка, связанного с близнецами Муад'Диба. Слуги переходят от одного действия к другому, побуждаемые сиюминутной необходимостью.

Надо подражать им, – подумал Стилгар, – и пусть приходит то, что приходит.

«Я тоже слуга, – сказал он себе, – слуга Бога, милостивого и всепрощающего Бога». – Он вспомнил слова: «Определенно, Мы надели ошейник на их выи до самого подбородка, чтобы они подняли головы; Мы поставили перед ними стену, и Мы поставили стену позади них; и Мы покрыли их, чтобы они не видели».

То были слова старой религии фременов.

Стилгар мысленно кивнул себе.

Видеть, уметь предвосхитить наступающий момент, как это умел Муад'Диб, пронзая своим сверхъестественным зрением время и помогая людским делам, превращая их в свершения. Так находилось новое поприще для принятия решений. Но если с тебя снимут ошейник, то не будет ли это бичом Божьим? То будет новая сложность, которую не разрешить простому смертному.

Стилгар снял руку с ножа, но в пальцах продолжало пульсировать живое воспоминание о нем. Но лезвие, поразившее некогда Змею Пустыни, осталось в ножнах. Теперь

Стилгар знал, что не обнажит его, чтобы убить близнецов. Во всяком случае, не теперь. Он принял решение. Надо сохранить ту доблесть, которой он всегда гордился: верность. Лучше те сложности, о которых знаешь, чем недоступные пониманию. Лучше настоящее, чем сны о будущем. Горький вкус во рту сказал Стилгару, насколько пустыми и суетными могут быть сны.

Нет! Довольно снов!

* * *

ВОПРОС: «Видел ли ты Проповедника?»
ОТВЕТ: «Я видел песчаного червя».
ВОПРОС: «Что это за Змея?»
ОТВЕТ: «Она дает нам воздух, которым мы дышим».
ВОПРОС: «Тогда зачем истребляете вы ее землю?»
ОТВЕТ: «Потому что Шаи-Хулуд (обожествленный Змей) приказывает нам делать это».

Харк аль-Ада. «Загадки Арракиса»

По фрименскому обычаю юные Атрейдесы поднимались с постели за час до рассвета. Просыпаясь от едва слышной суеты прислуги, дети, словно чувствуя друг друга сквозь разделявшую их стену, одновременно зевали и потягивались, слыша, как слуги готовят завтрак в передних покоях. Завтрак состоял из простой каши с финиками и орехами, приправленной специальной сывороткой. Под потолком передних покоев висели желтые круглые светильники, мягкий свет которых лился под сводчатые входы в спальни. При этом неярком свете дети торопливо одевались, прислушиваясь друг к другу. По взаимному согласию наследники Муад'Диба носили одежды, противостоявшие иссушающим ветрам Пустыни.

Но вот царственные близнецы вышли в передние покои; прислуга сразу притихла, и это не укрылось от внимания Лето и Ганимы. Все сразу обратили внимание на то, что

поверх серого костюма Лето надел с черным кантом пелерину. На сестре красовалась зеленая пелерина. У ворота пелерина была застегнута золотыми застежками – ястребами Атрейдесов с глазами из красных рубинов.

Разглядев все это великолепие, Хара, одна из жен Стилгара, не смогла сдержаться.

– Вижу, вы приоделись в честь приезда бабушки.

Лето не спеша принял из рук служанки миску с кашей и только после этого взглянул в темное, иссеченное морщинами лицо Хары.

– Почему вы не думаете, что мы приоделись в свою честь? – спросил мальчик, покачав головой.

Хару не смутило язвительное замечание.

– У меня такие же голубые глаза, как и у вас, – произнесла она без всякой дрожи в голосе.

Ганима громко рассмеялась. Хара в своем репертуаре – женщина никогда не упускала случая проявить фрименскую задиристость. Вот и сейчас она имела в виду: «Вы, конечно, царевич, мой мальчик, но у нас с вами одинаковые глаза – у них нет белков, а это знак пристрастия к зелью. Какому фримену нужна большая честь?»

Лето улыбнулся, сокрушенно покачав головой.

– Хара, любовь моя, если бы ты была чуть-чуть помоложе и не была бы женой Стилгара, то я сделал бы тебя своей женой.

Нисколько не удивившись легкости своей маленькой победы, Хара сделала знак остальным слугам продолжить приготовления к важным дневным делам.

– Ешьте свой завтрак, – строго сказала она. – Сегодня вам понадобятся силы.

– Так ты признаешь, что мы не слишком хороши для встречи бабушки? – с полным ртом каши спросила Ганима.

– Не бойтесь ее, Гани, – ответила Хара.

Лето проглотил кашу и испытующе взглянул на Хару. Эта женщина дьявольски, по-простонародному умна – она

сразу поняла, что кроется за пикировкой об изяществе одежды.

– Поверит ли она в то, что мы боимся ее? – спросил мальчик.

– Похоже, что нет, – ответила Хара. – Когда-то она была нашей Преподобной Матерью, и уж я-то знаю, каковы ее повадки.

– Как оделась Алия? – спросила Ганима.

– Я еще не видела ее, – коротко отрезала Хара и отвернулась.

Лето и Ганима обменялись заговорщическими взглядами и вышли под центральный свод, заговорив на древнем наречии, известном им от рождения.

– Итак, сегодня приезжает бабушка, – сказала Ганима.

– И это сильно беспокоит Алию, – откликнулся Лето.

– Кто же станет радоваться, уступая такую власть?

В ответ Лето тихо рассмеялся. Это был смех зрелого мужчины, который до странности не вязался со столь юным телом.

– Да, но и это еще не все.

– Ты думаешь, что глаза ее матери увидят то, что видим мы?

– А почему бы и нет? – спросил Лето.

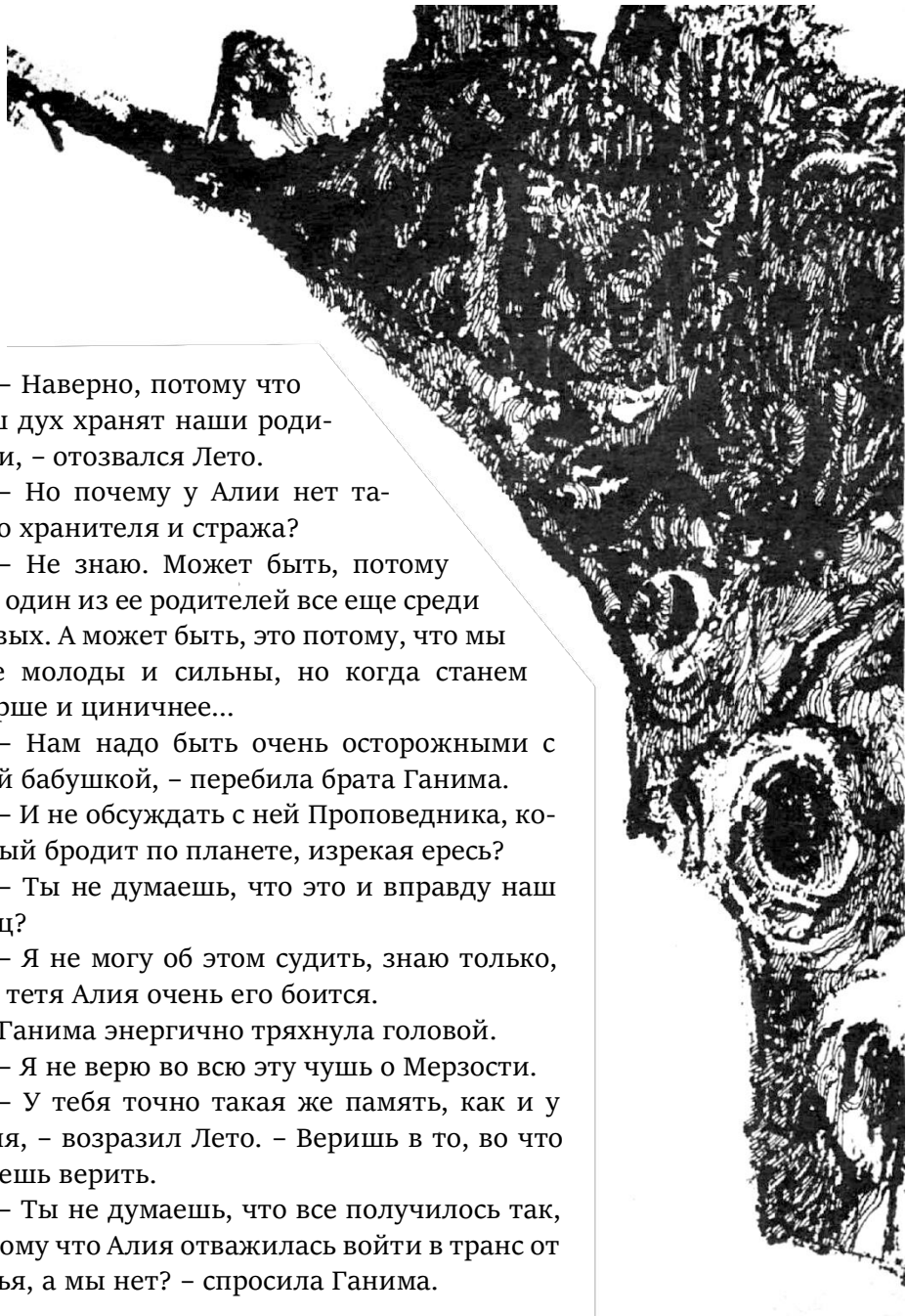
– Да... Наверное, именно этого и боится Алия.

– Конечно, кто знает о Мерзости больше, чем ее воплощение?

– Но мы можем и ошибиться, – возразила Ганима.

– Мы не ошибаемся, – сказал Лето и процитировал отрывок из книги Бене Гессерит: – «С полным разумением и основываясь на ужасном опыте видим мы то, что называем предсуществующей Мерзостью. Ибо кто знает, какая маска из нашего проклятого и злонравного прошлого может овладеть живой плотью?»

– Я знаю ту историю, – ответила Ганима. – Но если это правда, то почему мы не страдаем от внутреннего зла?

– Наверно, потому что наш дух хранят наши родители, – отозвался Лето.

– Но почему у Алии нет такого хранителя и стража?

– Не знаю. Может быть, потому что один из ее родителей все еще среди живых. А может быть, это потому, что мы еще молоды и сильны, но когда станем старше и циничнее...

– Нам надо быть очень осторожными с этой бабушкой, – перебила брата Ганима.

– И не обсуждать с ней Проповедника, который бродит по планете, изрекая ересь?

– Ты не думаешь, что это и вправду наш отец?

– Я не могу об этом судить, знаю только, что тетя Алия очень его боится.

Ганима энергично тряхнула головой.

– Я не верю во всю эту чушь о Мерзости.

– У тебя точно такая же память, как и у меня, – возразил Лето. – Веришь в то, во что хочешь верить.

– Ты не думаешь, что все получилось так, потому что Алия отважилась войти в транс от зелья, а мы нет? – спросила Ганима.

– Именно так я и думаю.

Они замолчали, влившись в поток людей, выходивших из центральных ворот. В сиетче Табре было прохладно, но костюмы хорошо согревали, и дети отбросили назад сберегающие тепло капюшоны, обнажив рыжеволосые головы. Лица их несли отпечатки одних и тех же генов – большие рты и широко расставленные глаза, в которых нельзя было отличить белки от синих радужек.

Лето первым заметил приближение их тетки Алии.

– Она идет, – предостерегающе произнес Лето, переходя на боевой язык Атрейдесов.

Алия предстала перед детьми, и Ганима кивнула тетке.

– Военная добыча приветствует блистательную родственницу, – Ганима говорила теперь на языке чакобса, подчеркивая значение своего имени – «Военная добыча».

– Как видите, возлюбленная тетя, – вмешался в разговор Лето, – мы готовимся к встрече с вашей матушкой.

Алия была одной из немногих при многолюдном дворе, кто не выказывал ни малейшего удивления, слыша взрослые разумные речи царственных детей. Она по очереди посмотрела на них своими горящими глазами.

– Лучше бы вы оба придержали свои строптивые языки, – сказала она.

Бронзовые волосы Алии ниспадали с затылка двумя золотистыми полукружьями, изящный овал лица искажала хмурая мина, губы большого самодовольного рта были сжаты в тонкую нить. В углах глаз с синими белками затаились тревожные лучи морщин.

– Я уже предупреждала вас, как надо себя вести, – сказала Алия. – Вы знаете, почему это надо, не хуже, чем я.

– Мы знаем ваши причины, но, вероятно, вы можете не знать наших, – произнесла Ганима.

– Гани! – взорвалась Алия.

Лето горящим взглядом посмотрел на тетку.

– Сегодня не тот день, когда нам надо прикидываться глупо улыбающимися младенцами!

– Никто и не требует, чтобы вы глупо улыбались, – возразила Алия. – Но мы думаем, что с вашей стороны было бы не мудро провоцировать у бабушки опасные мысли. Со мной соглашается Ирулан. Кто знает, какую роль возьмет на себя госпожа Джессика? В конце концов она – Бене Гессерит.

Лето удивленно покачал головой: Неужели Алия не понимает наших подозрений? Может быть, дело зашло слишком далеко? – Он незаметно вгляделся в лицо тетки,

отмечая на ее лице генетическую стигму – знак крови ее деда по материнской линии. Барон Владимир Харконнен был не из приятных людей. Подумав, Лето ощутил внутреннее беспокойство – это был и его предок.

– Госпожа Джессика знает, как править, – сказал он вслух.

Ганима согласно кивнула.

– Почему она решила приехать именно сейчас?

Алия нахмурилась:

– Может быть, она просто хочет повидать своих внуков?

Ты очень на это надеешься, дорогая тетушка. Но, черт возьми, похоже, что дело не только и не столько в этом, – подумала Ганима.

– Она не может править здесь, – проговорила Алия. – С нее вполне достаточно Каладана.

– Когда наш отец отправился умирать в Пустыню, он оставил вас регентшей, – умиротворяюще заговорила Ганима. – Он...

– Вы можете на что-то пожаловаться? – перебила девочку Алия.

– Это был мудрый выбор, – Лето поддержал линию сестры. – Вы были единственной, кто был рожден равной нам.

– Говорят, что моя мать вернулась в Общину Сестер, – сказала Алия, – а вы оба знаете, что думает Бене Гессерит о...

– Мерзости, – подсказал Лето.

– Да, – процедила сквозь зубы Алия.

– Как говорится, ведьма – всегда ведьма, – подлила масла в огонь Ганима.

Сестрица, ты играешь в опасные игры, – подумал Лето, но не стал нарушать начатую игру.

– Наша бабушка, в отличие от других женщин подобного рода, очень простой человек, – сказал он. – Вы, тетя, имеете доступ в ее память и несомненно знаете, чего следует ожидать.

– Простота! – воскликнула Алия, тряхнула головой и, оглядев запруженную людьми галерею, снова посмотрела на близнецов. – Если бы моя мать не была сложной натурой, ни вас, ни меня не было бы сейчас здесь. Я должна была быть ее перворожденной дочерью и ничего этого... – она судорожно повела плечами. – Еще раз предупреждаю вас, будьте сегодня особенно осторожны... Вот и моя охрана.

– Вы все еще считаете, Алия, что нам не стоит сопровождать вас в космопорт? – спросил Лето.

– Ждите меня здесь, – ответила женщина. – Я сама привезу ее.

Лето переглянулся с сестрой.

– Вы много раз говорили нам, что память, которую передали нам наши предки, бесполезна до тех пор, пока мы на своей плоти не почувствуем, что она означает. Только тогда память воплощается в реальность. Моя сестра и я верим в это. Мы предвидим, что с приездом бабушки дела могут принять опасный оборот.

– Продолжайте верить в это, – ответила мальчику Алия. Повернувшись, она под защитой охранника направилась к Государственному выходу, где ее ждал орнитоптер.

Ганима вытерла непрошеную слезу.

– Вода для мертвых? – шепнул Лето, беря сестру под руку.

Ганима тяжело вздохнула, думая, как она смотрела на свою тетку, все наперед зная из накопленной предками памяти.

– Это было от дурманного зелья? – спросила она, наперед зная ответ.

– Не можешь предположить ничего лучшего?

– Нет просто для того, чтобы поспорить. Но почему ни наш отец... ни даже наша мать не поддались искушению?

Лето изучающе взглянул на сестру:

– Ты не хуже меня знаешь ответ. Их личности уже устоялись, когда они прибыли на Арракис, а дурман от зелья –

ну... – Он пожал плечами. – Они родились в этом мире, не владея памятью предков. Однако Алия...

– Почему она не поверила в предостережения Бене Гессерит? – спросила Ганима, покусывая нижнюю губу. – У Алии та же информация, что и у нас, так почему она ее не обдумала?

– Ей уже приписали Мерзость, – ответил Лето. – Тебе не кажется, что это искушение – попытаться быть сильнее, чем все эти...

– Нет, не кажется, – содрогнувшись, ответила Ганима и отвернулась. Стоило только воззвать к генетической памяти, как предупреждения Бене Гессерит живо зазвучали в ее ушах. Предрожденные, становясь взрослыми, усваивали дурные обычаи, а возможная причина этого... Ганима снова содрогнулась.

– К сожалению, среди наших предков было немало предрожденных, – сказал Лето.

– Да, возможно, это так.

– Но мы... Ах да, все тот же старый вопрос, на который нет ответа: действительно ли мы имеем доступ ко всему файлу опыта любого из наших предков?

Чувствуя собственное внутреннее смятение, Лето понимал, как сильно тревожит этот разговор сестру. Они часто обсуждали этот вопрос, но так и не пришли ни к какому выводу.

– Мы должны как можно дольше оттягивать момент, когда она захочет подвергнуть нас трансу, – сказал Лето. Надо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не передозировать зелье.

– Для транса доза должна быть уж очень велика, – сказала Ганима.

– Наверно, у нас очень большая толерантность, – произнес Лето. – Посмотри, сколько требуется Алии.

– Как мне ее жаль, – заговорила Ганима. – Соблазн зелья коварный и тонкий, он постепенно обволакивает ее до тех пор, пока...

– Да, она жертва, – заговорил Лето, – Мерзости.

– Мы можем ошибиться.

– Верно.

– Я всегда думаю о том, что следующая память предка, к которой я получу доступ, будет той, которая...

– Прошлое не дальше от тебя, чем подушка.

– Нам надо воспользоваться приездом бабушки и обсудить с ней этот вопрос.

– Ее память постоянно меня к этому побуждает, – признался Лето.

Ганима выдержала его прямой взгляд.

– Большое знание никогда не приводит к простым решениям, – сказала она.

* * *

Чьим только не был сиетч Пустыни на краю —
Хозяином был Лиет, был Кинес,
И Стилгар был, и Муад'Диб,
И снова Стилгар.
Давно наибы спят в песке,
Но сиетч стоит вовеки.

Из фрименской песни

Расставшись с близнецами, Алия почувствовала, как сильно колотится ее сердце. Несколько секунд она испытывала мучительное желание вернуться к детям и просить их о помощи. Что за идиотская слабость! Воспоминание о ней преисполнило женщину предостерегающим спокойствием. Неужели эти близнецы осмелились практиковать предзнание? Должно быть, путь, поглотивший их отца, оказался для детей слишком соблазнительным – транс дурмана с его обостренным видением будущего вьется перед глазами, как флаг на переменчивом ветру.

Почему я не могу прозреть будущее? – не переставала удивляться Алия. Как я ни старалась, оно всегда ускользало от меня.

Надо было заставить близнецов заглянуть в будущее, сказала она себе. Их бы увлекло такое предприятие – детское любопытство и возможность путешествия сквозь тысячелетия – из этого можно было бы сотворить чудо.

Когда-то и у меня было такое любопытство, – подумала Алия.

Охранники отодвинули водный створ Государственного входа в сиетч и отошли в сторону, давая дорогу Алии. Она вышла на посадочную площадку, где уже ждал орнитоптер. Ветер дул из Пустыни, небо заволокла пыль, но погода все же оставалась ясной. Выйдя на дневной свет после тусклых желтых светильников, Алия начала думать о другом.

Почему госпожа Джессика возвращается именно сейчас? Неужели до Каладана дошли слухи о ее Регентстве...

– Нам надо спешить, госпожа, – охранник изо всех сил старался перекричать шум ветра.

Алия позволила охраннику помочь ей подняться в орнитоптер и машинально закрепила ремень безопасности, но мысли ее были далеко.

Почему именно сейчас?

Крылья орнитоптера задрожали, и машина взмыла в воздух. Алия почувствовала свою силу, которой подчиняется такая физическая мощь... Но как же хрупка и ненадежна эта сила, как она хрупка!

Почему теперь, когда ее планы уже так близки к завершению?

Пыль, висевшая в воздухе, рассеялась, и яркий солнечный свет озарил густую зелень там, где раньше была только выжженная зноем земля.

Я проиграю, если не научусь прозревать будущее. О, какое чудо могла бы я свершить, обладай я тем даром, каким владел Пол! Я бы не стала мучиться от той горечи, которое несет с собой видение предзнания.

Мучительное желание потрясло Алию. Ну почему она не может отказаться от власти, стать такой, как все, – страдающей самой блаженной слепотой, живущей в гипнозе неполноценной жизни. Но нет! Она из рода Атрейдесов и не может, как другие, испытывать шок от самого факта рождения новой жизни. Она из рода властелинов, жертва проникающего в глубины веков знания, порожденного пристрастием матери к зелью.

Но почему мать возвращается именно сегодня?

Как ей не хватает Гурни Халлека – преданного слуги, безобразного лицом наемного убийцы, верного и прямодушного, музыканта, который с равной легкостью мог убить человека и теми же руками извлекать божественные звуки из своего девятиструнного балисета. Поговаривали, что он был любовником матери, и это стоило раскопать – такими сведениями можно воспользоваться как удобным рычагом воздействия на нее.

Желание быть, как другие, исчезло без следа.

Надо уговорить Лето испытать транс дурманного зелья.

Она вспомнила, как спросила Лето, как мальчик относится к Гурни Халлеку. Лето, почувствовав подвох, ответил: «Халлек верен «слепо». А потом добавил: «Он обожал… моего отца».

Тогда Алия уловила какое-то колебание в ответе мальчика. Вместо «моего отца» Лето едва не произнес «меня». Да, временами генетическую память трудно бывает оторвать от уз живой плоти. Гурни Халлек не сделал этот процесс легче.

Губы Алии тронула жестокая усмешка.

После смерти Пола Гурни предпочел вернуться на Каладан вместе с госпожой Джессикой. Его возвращение многое запутает. Прибыв на Арракис, Гурни добавит собственные сложности к уже существующим. Халлек верно служил отцу Пола – и здесь четко прослеживается последовательность от Лето Первого и Пола к Лето Второму. Селекционная программа Бене Гессерит вывела другую, ответвляющуюся,

линию – от Джессики и Алие к Ганиме. Гурни может в этой ситуации оказаться бесценным помощником, запутав идентичности заинтересованных лиц.

Интересно, что он станет делать, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он ненавидит всеми фибрами души?

Улыбка на губах Алии обратилась вовнутрь. В конце концов, близнецы еще дети – дети, у которых бесчисленное множество родителей, память которых принадлежит им, но не только и исключительно им. Несомненно, близнецы сейчас будут стоять у внешнего ограждения сиетча Табра и наблюдать след приземления корабля Джессики на берегу Арракина. Неужели горящая отметина на небе сделает прибытие Джессики реальным для ее внуков?

Мать, конечно, поинтересуется, как идет их обучение, – подумала Алия. – Но стоит ли рассудком вмешиваться в учение прана-бинду? Я скажу ей, что дети учатся самостоятельно, и процитирую слова внука: «Из всех ответственностей, лежащих на властителе, самая тяжкая – это необходимость наказывать… но наказывать только тогда, когда жертва сама напрашивается на это».

В этот момент в голову Алие пришло, что если она сумеет отвлечь Джессику проблемами близнецов, то все остальные смогут избежать пристального внимания матери.

Это можно сделать без особого труда. Лето очень похож на Пола. А, собственно говоря, почему нет? Он мог стать Полом в любой момент по своему усмотрению. Даже Ганима обладала этой поразительной способностью.

Ведь я точно так же могу стать матерью и всеми другими, кто разделил с нами свои жизни.

Она отвлеклась от тяжелых мыслей и окинула взором протянувшийся внизу Защитный Вал: Каково ей было покинуть теплый, безопасный, изобилующий водой Каладан и вернуться на Арракис, в эту Пустыню, где был убит ее возлюбленный герцог, а сын погиб мученической смертью?

Зачем Госпожа Джессика возвращается именно сейчас?

Никакого определенного ответа на этот вопрос у Алии не было. Она могла проникнуть в «я» других людей, но как только индивидуальные опыты расходились своими путями, то пропорционально множились и мотивы поступков. Суть решений была в тех поступках, которые совершали индивиды. Для предрожденных – причем много раз

предрожденных – Атрейдесов это было высшей реальностью, столь же осязаемой, как телесные предметы, это было каждый раз подлинное рождение во плоти; то было подлинное отчуждение бытия, подобно тому, как родившаяся плоть отчуждается от материнского лона, начав самостоятельно дышать и двигаться, взяв у матери многие знания.

Алия не находила ничего странного в том, что любит и ненавидит свою мать одновременно. То была необходимость, не оставлявшая места чувству вины и обвинениям. Где границы любви и ненависти? Надо ли винить Бене Гессерит за то, что они назначили Джессике вполне определенный путь? Вина и обвинение становятся расплывчатыми, когда пропитывают тысячелетия. Общине Сестер надо было породить Квисатц Хадераха – мужское соответствие Преподобной Матери... и даже больше того: Квисатц Хадерах

должен был стать сверхчеловеком с необычайной восприимчивостью, умом и способностью быть одновременно во множестве мест. В этой селекционной игре госпожа Джессика была лишь разменной пешкой, у которой хватило безрассудства влюбиться в своего партнера, которому она была предназначена. По желанию своего возлюбленного герцога она родила сына, а не дочь, как-то было предусмотрено Общиной Сестер.

Она предоставила мне родиться после того, как стала пристрастной к зелью! А теперь они не хотят меня. Они меня боятся, и у них есть на это очень веские основания...

Пол был Квисатц Хадерахом, но он явился на одно поколение раньше, чем следовало, – в плановый расчет Сестер вкралась ошибка, и теперь перед Бене Гессерит возникла другая проблема: воплощение Мерзости, в которой присутствовали драгоценные гены, предназначенные для столь многих будущих поколений.

Краем глаза Алия заметила какую-то тень и подняла голову. Сопровождающая ее охрана приготовилась к посадке. Алия тряхнула головой, отгоняя ненужные и странные мысли. Что проку думать о прошедших жизнях и перебирать старые ошибки, увеличивая их груз? Сейчас новое время – время новых поколений.

Дункан Айдахо использовал всю свою мудрость и знания, оценивая приезд Джессики. Он применил свой, подобный вычислительной машине, ум – свой особый дар – для этой труднейшей цели и сказал, что Джессика возвращается, чтобы забрать близнецов в Общину Сестер. Еще бы, ведь близнецы тоже носители драгоценных генов. Вероятно, Дункан прав. Такая задача – вполне достаточный повод для того, чтобы Джессика вырвалась из своего добровольного затворничества на Каладане. Если Сестры приказали... Да и зачем еще может мать вернуться на планету, полную страшных и болезненных воспоминаний?

– Посмотрим, – пробормотала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши ее личного посадочного ангара. Сердце Алии было преисполнено самых мрачных предчувствий.

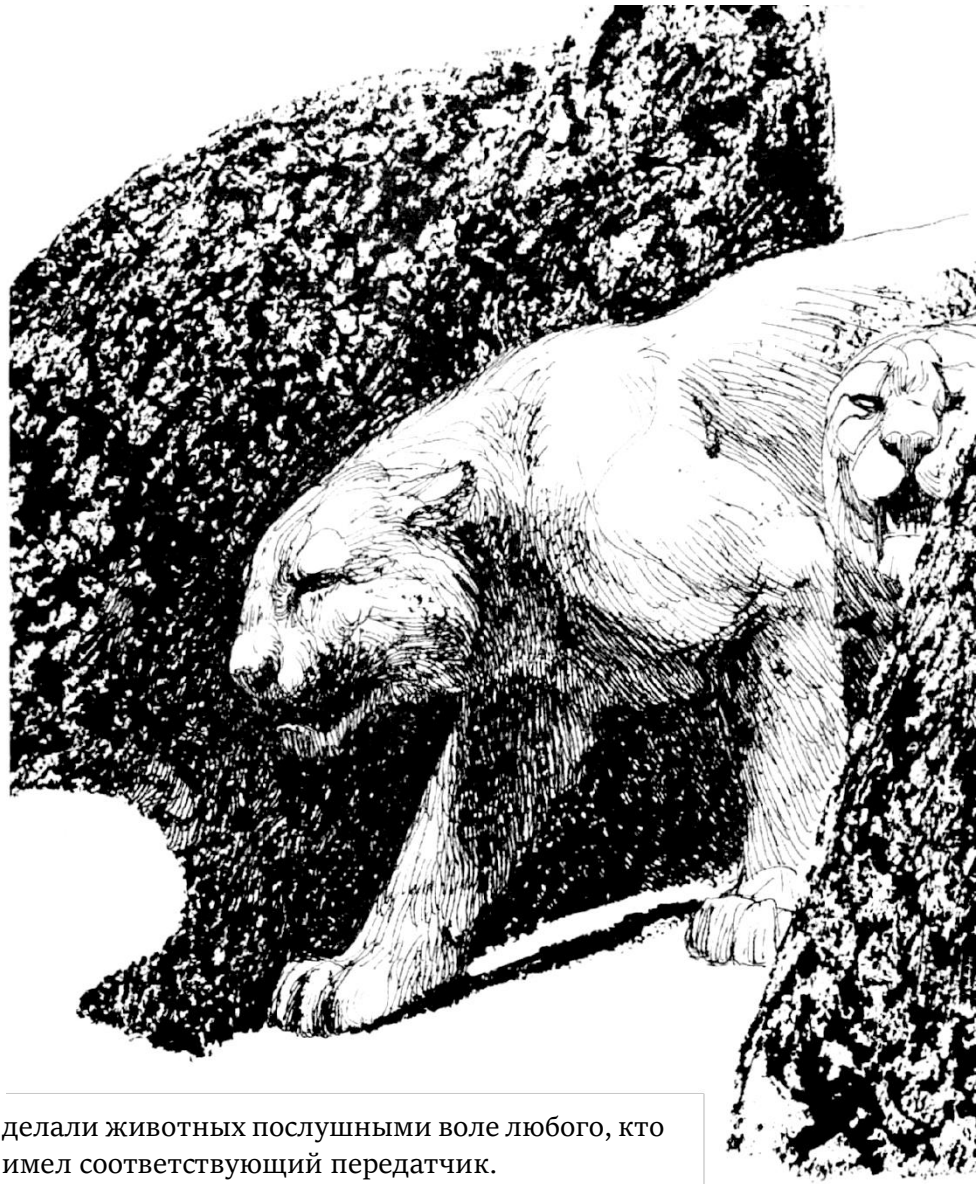
* * *

Меланжа (me'-lange, ma'lanj) происхождение неясно (считается, что это слово – производное от террофранкского melange): а. Смесь приправ; б. Трава, произрастающая в Арракисе (Дюне) и обладающая гериатрическими свойствами, впервые описана Яншуфом Ашкоко, королевским ботаником и химиком в царствование Шаккада Мудрого; в. Арракинская меланжа, произрастающая только в песках Арракиса, с ней связаны пророческие способности Пола Муад'Диба (Атрейдеса), первого Махди фременов; в последнем значении применяется космическими навигаторами и Бене Гессерит.

Царский словарь, пятое издание

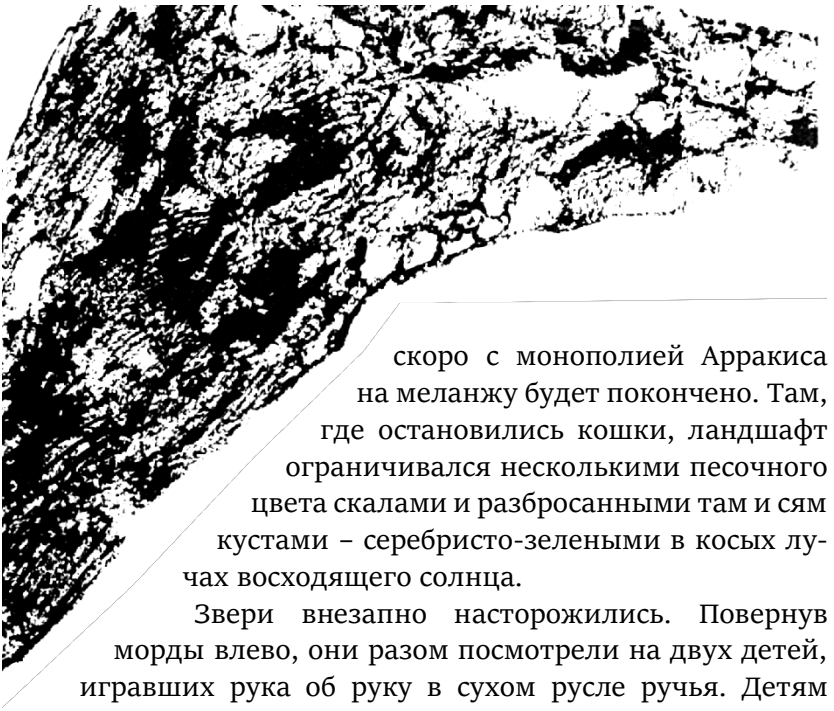
Две крупные кошки неслышно и легко неслись по каменистой гряде в предрассветной мгле. Это еще не была охота – просто обход владений и осмотр территории. Кошки назывались лазанскими тиграми и были завезены на планету Салуса Секундус почти восемь тысяч лет назад. Генетические манипуляции стерли некоторые черты, присущие предковым земным формам, но зато снабдили кошек новыми. У зверей остались длинные клыки. Морды широкие, глаза широко расставленные, живые и умные. Большие лапы служили хорошей опорой на неровной каменистой почве, когти длиной более десяти сантиметров спрятаны, а давление кожных складок постоянно затачивало их так, что концы когтей отличались остротой бритвы. Шерсть гладкая и слегка коричневатая – покровительственный окрас в песках Пустыни.

Эти кошки отличались от своих предков еще кое-чем: сервостимулятором, который имплантировался в их головной мозг, когда они еще были котятами. Эти стимуляторы

делали животных послушными воле любого, кто имел соответствующий передатчик.

Было холодно, и из пастей остановившихся кошек валил густой пар. Вокруг расстилалась бесплодная увядшая равнина, на которой росли колючки, завезенные с Арракиса, – это порождало мечту о том, что

скоро с монополией Арракиса на меланжу будет покончено. Там, где остановились кошки, ландшафт ограничивался несколькими песочного цвета скалами и разбросанными там и сям кустами – серебристо-зелеными в косых лучах восходящего солнца.

Звери внезапно насторожились. Повернув морды влево, они разом посмотрели на двух детей, игравших рука об руку в сухом русле ручья. Детям было по девять-десять стандартных лет; они были рыжеволосы и носили одинаковые серые костюмы и бурки, скрепленные на голове и вороте золотыми застежками Дома Атрейдес в виде ястребов. Звонкие голоса были хорошо слышны кошкам. Лазанские тигры хорошо знали правила игры, им уже приходилось в нее играть, однако сейчас они оставались неподвижными, ожидая команды передатчика на начало охоты.

На каменистом гребне позади кошек появился какой-то человек. Некоторое время он молча наблюдал открывшуюся перед ним сцену: дети и тигры. На человеке была надета черно-серая форма сардаукара, на металлической пластинке было выгравировано имя: Левенбрех, адъютант башара. На груди висел сервопередатчик с удобно расположенными по обе его стороны ключами.

Кошки не повернули голов при появлении человека – они знали о его приближении по звуку и запаху. Левенбрех

прокрался поближе к кошкам и отер лоб. Было холодно, но дело предстояло слишком жаркое, и на коже человека выступила испарина. Снова светлые бесстрастные глаза внимательно посмотрели на кошек и детей. Заправив влажную прядь светлых волос под шлем, человек тронул ларингофон:

– Кошки их видят.

Ответ прозвучал в динамиках, закрепленных за ушами человека:

– Мы их видим.

– Начинать? – спросил Левенбрех.

– Они сделают это без охотничьей команды? – поинтересовался голос.

– Они готовы, – ответил Левенбрех.

– Отлично. Сейчас мы посмотрим, хватит ли четырех тренировок.

– Скажите мне, когда будете готовы.

– В любой момент.

– Тогда начнем, – произнес Левенбрех.

Он коснулся пальцами красного ключа на правой стороне передатчика, предварительно сняв с него защитный колпачок; потом Левенбрех переместил руку на черный ключ, расположенный под красным, на случай если звери кинутся на него. Но кошки не обратили на мужчину ни малейшего внимания; все их внимание было отдано детям, к которым звери начали тихо подкрадываться по расщелине между гребнями. Лапы скользили по камням с ловким, поистине кошачьим изяществом.

Левенбрех опустился на корточки, наблюдая за развитием событий, зная, что за сценой следят в Укрытии принца с помощью Всевидящего Ока.

Кошки убыстрили шаг, затем кинулись к жертвам огромными прыжками. Дети, ни о чем не подозревая, взбирались на низкую скалу, в воздухе громким эхом отдавался их беззаботный смех. Один из них поскользнулся, второй оглянулся и увидел кошек. Протянув руку навстречу

неожиданным забавным пришельцам, он громко воскликнул: «Смотри!»

Дети с интересом смотрели на приближающихся тигров. Так они и стояли, когда кошки одновременно поразили их, перекусив горла. Дети умерли мгновенно. Кошки принялись за еду.

– Отозвать их? – спросил Левенбрех.

– Пусть заканчивают. Они очень хорошо сработали. Я знал, что они справятся, эта пара превосходна.

– Лучшая из всех, которых я когда-либо видел, – согласился Левенбрех.

– Вот и хорошо. Мы высылаем за тобой транспорт. Все, отключаемся, конец связи.

Левенбрех встал и потянулся, стараясь не смотреть в ту сторону, где поблескивал окуляр Всевидящего Ока. Это око транслировало то, что произошло, в ставку башара, расположенную на зеленой лужайке Капитолия. Левенбрех улыбался. За такую работу он получит повышение. Он уже видел отличия батора на своей шее, или бурсега… Когда-нибудь он станет башаром. Люди, которые верно служат в корпусе Фарад'на, внука покойного Шаддама Четвертого, неплохо продвигаются по службе. Когда принц займет принадлежащий ему по праву трон, то перед ним, Левенбрехом, откроются блестящие перспективы – баронство или даже графство в мирах огромной галактической империи. Все это будет… когда исчезнут близнецы Атрейдесы.

* * *

Фримены должны вернуться к своей первоначальной вере, к своему гению в образовании человеческой общности; они должны вернуться к своим истокам, к своему прошлому, откуда были усвоены уроки выживания в борьбе с Арракисом. Единственным делом фрименов должно быть открытие души для внутреннего учения. Мир Империи, Совета Земель и Конфедерации ничего полезного не сообщит фрименам, но только лишит их души.

Проповедь у Арракина

Госпожа Джессика видела, что практически вся плоская серовато-коричневая посадочная площадка, на которую приземлился ее корабль, корпус которого потрескивал после немыслимых космических перегрузок, была, словно океаном, залита массой людей. Их, как показалось Джессике, было не меньше полумиллиона, и только треть из них составляли пилигримы. Люди были охвачены благоговейным молчанием, ожидая выхода Госпожи и ее сопровождения.

До полудня оставалось еще два часа, но пыль в воздухе над толпой ослепительно сверкала, обещая нестерпимый зной.

Джессика коснулась пальцами своих медно-рыжих, кое-где тронутых сединой волос, прикрытых накидкой – абой – знаком Преподобной Матери. Джессика понимала, что выглядит не лучшим образом после столь долгого путешествия, к тому же черный цвет абы не слишком шел ей. Но когда Джессика жила здесь, она не расставалась с накидкой. Госпожа тихо вздохнула – должно быть, значение накидки фримены не забыли. Она еще раз вздохнула: путешествие не пошло ей на пользу, к тому же давил груз воспоминаний – о былом путешествии с Каладана на Арракис с ее герцогом, который против своего желания был вынужден принять этот лен.

Медленно, испытывая приобретенную в Бене Гессерит способность обнаруживать мельчайшие нюансы чужого настроения, Джессика обвела взглядом людское море. Тускло-серые капюшоны плащей фрименов из Пустыни;

белые одежды пилигримов с отметинами бичей на плечах; группки богатых купцов с непокрытыми головами, щеголявших в легких одеждах, демонстрируя свое презрение к жаркому воздуху Арракиса. Была здесь и делегация Общества Веры – закутанные в зеленые одежды люди, сплотившиеся в единую группу, огражденную от других видимой святостью.

Как только Джессика оторвала взгляд от толпы, ей вспомнилась другая сцена – сцена их встречи, когда она с возлюбленным герцогом впервые прибыла на Арракис. Когда это было? – Да, прошло больше двадцати лет. – Она не любила вспоминать прошлое – оно напоминало о себе тяжелыми ударами сердца в груди. Время лежало в душе мертвым грузом, и Джессике казалось, что тех лет, что она провела вне Арракиса, просто не было.

Опять в пасти дракона, – подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у покойного Шаддама Четвертого. Судорога истории надолго запечатлелась в умах и верованиях людей.

Охрана и сопровождавшие Джессику лица беспокойно засуетились, и она снова вздохнула. Должно быть, они ожидают Алию, которая почему-то задерживается. Но вот появилась и она – охрана, словно клин, рассекала перед ней толпу встречавших.

Джессика еще раз окинула взглядом местность. На вышке космопорта появился балкон для молитвы. Далеко на левом краю поля стояла высокая башня, воздвигнутая Полом. Он называл ее «сиетчем над песками». Та было самое высокое строение из когда-либо возведенных человеческими руками. Внутри стен этого здания могли поместиться целые города, а Алия расположила здесь свою мощнейшую организацию – Общество Веры, созданное на костях ее брата.

Должно быть, это подходящее место, – подумалось Джессике.

Алия и ее свита достигли выхода с посадочной полосы и застыли в ожидании. Джессика тотчас узнала массивного, кряжистого Стилгара. А это кто? Боже избави, это же принцесса Ирулан, прячущая свою необузданную дикость в соблазнительном теле. Золотистые волосы развевались на своенравном ветру. Ирулан не постарела ни на один день; ее присутствие здесь надо понимать как публичное оскорбление. Впереди всех стояла Алия, бесстыдно молодая, с глазами, устремленными к выходу с посадочной площадки. Джессика, плотно сжав губы, всмотрелась в лицо дочери. Тяжелое чувство пронзило все тело Джессики, в ушах зазвучало биение ее собственной бурной жизни. Слухи оказались правдой! Какой ужас! Ужас! Алия сбилась с верного пути. На лице дочери ясно читалось: Мерзость!

Оправившись от потрясения, Джессика поняла, насколько сильно она надеялась, что слухи окажутся ложными.

«Но что с близнецами?» – спросила она себя. – Они тоже пали?

Медленно, как подобает матери бога, Джессика выступила вперед, оставив позади заранее проинструктированную свиту. Это были решительные минуты. Джессика стояла одна на виду у всей громадной толпы. За ее спиной нервно кашлянул Гурни Халлек – он возражал против безрассудного выхода: «На тебе нет даже щита! О женщина, ты сошла с ума!»

Однако самым ценным качеством Гурни было врожденное умение подчиняться. Он скажет, что думает, но подчинится. Вот и сейчас, возмутившись, он покорился.

Толпа издала едва слышный звук, похожий на шуршание ящерицы в песках, когда Джессика выступила вперед. Она воздела руки в благословении, принятом среди первосвященников Империи. С небольшой задержкой, но тем не менее практически одновременно гигантская толпа опустилась на колени. Даже официальная делегация.

Наметанным глазом Джессика отметила тех, кто меньше других спешил упасть на колени. Она знала, что не только ее глаза заметили это, – сзади были верные люди, как и ее тайные агенты в толпе. Эти люди уже знали, где и кто задержался с изъявлением покорности.

Джессика все еще стояла с поднятыми руками, когда вперед выступили Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо Джессики и встречающей элиты, которая смотрела на свиту Преподобной Матери выпученными от изумления глазами, и смешались с агентами, которых опознали по нарукавным знакам. Все вместе они быстро двинулись по узким проходам между павшими на колени людьми. Некоторые из тех, кто помедлил, почуяли опасность и попытались спастись бегством. С этими поступали просто – брошенный нож или удавка вершили скорый суд и расправу. Других просто поднимали с колен, связывали руки, сковывали ноги и уводили.

Не обращая внимания на происходящее, Джессика продолжала протягивать руки, благословляя покорную толпу и без труда читая мысли людей: «Преподобная Мать возвращается, чтобы выполоть сорняки. Будь благословенна мать Господа!»

Когда все было кончено – мертвые тела распростерлись на песке, а схваченные были уведены в камеры башни, – Джессика опустила руки. Все происшедшее заняло не больше трех минут. Преподобная понимала, что вероятность того, что Гурни и его люди расправились с вожаками, очень мала, и что среди схваченных вряд ли находились самые опасные смутьяны – такие люди обычно осторожны и предусмотрительны. Конечно, среди арестованных могут оказаться вместе с обманутыми и одураченными какие-нибудь интересные экземпляры.

Джессика опустила руки. Люди, облегченно вздохнув, поднялись с колен.

Джессика, словно ничего особенного не произошло, проследовала мимо встречавших, обошла дочь и призвала к

себе Стилгара. Черная борода, торчавшая из-под капюшона, была помечена седыми пятнами, но глаза были такими же внимательными, живыми и беспощадными, как во времена их первой встречи в Пустыне. Стилгар понимал значение того, что произошло, и одобрял действия женщины. Он был настоящий наиб, вождь, способный к принятию кровавых решений. Первые же его слова подтвердили это.

– Приветствую вас, госпожа. Всегда приятно видеть решительные и эффективные действия.

По лицу Джессики мелькнуло некое подобие улыбки:

– Закройте порт, Стил. Никто не должен уйти, пока мы не допросим задержанных.

– Мы с Гурни уже все сделали, госпожа, – ответил Стилгар. – Его люди все понимают с полуслова.

– Значит, нам помогали ваши люди.

– Да, некоторые из них.

В его ответе Джессика уловила недомолвку и кивнула.

– Вы хорошо изучили меня в старые годы, Стил.

– Когда-то вам было очень больно говорить со мной, госпожа, но теперь уцелевшие расскажут все.

Вперед выступила Алия, и Стилгар отошел в сторону. Мать осталась стоять лицом к лицу с дочерью.

Зная, что нет никакого смысла прятать то, что ей известно, Джессика даже не пыталась сдерживаться. Алия могла читать малейшие нюансы чужих мыслей, как всякий адепт Общины Сестер. По одному поведению Джессики дочь давно уже должна была понять, что увидела и почувствовала мать. Они были враги, для которых определение смертельные затрагивало лишь поверхность.

В качестве самой простой и подходящей к случаю реакции Алия выбрала гнев.

– Как вы осмелились спланировать такую акцию, не посоветовавшись предварительно со мной? – процедила сквозь зубы Алия, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика ответила со всей возможной мягкостью:

– Как ты только что слышала, Гурни не стал посвящать меня в весь план. Мы предполагали...

– А ты, Стилгар! – недослушав мать, Алия повернулась к наибу. – Кому ты верен?

– Я принес присягу детям Муад'Диба, – твердо ответил Стилгар. – Мы старались отвратить от них опасность.

– Почему же ты не испытываешь по этому поводу радости... дочь моя?

Алия моргнула, быстро взглянула на мать, подавила поднявшуюся в душе бурю и даже смогла обнажить в улыбке белоснежные зубы.

– Я испытываю радость, матушка, – сказала она, и, к своему неописуемому удивлению, вдруг почувствовала, что действительно радуется. Да что там – она просто счастлива, что все наконец открылось и между ней и матерью нет больше страшных тайн. Момент страха прошел, и Алия поняла, что равновесие сил не изменилось.

– Мы обсудим все подробности в более удобное время, – сказала Алия, обращаясь одновременно к матери и Стилгару.

– Конечно, конечно, – подтвердила Джессика, движением руки давая понять, что вопрос исчерпан, и повернулась к принцессе Ирулан.

Несколько мгновений Джессика и принцесса внимательно смотрели друг на друга – две воспитанницы Бене Гессерит, порвавшие с Общиной Сестер по одной и той же причине – из-за любви, любви к мужчинам, которые были теперь мертвы. Эта принцесса безнадежно любила Пола, стала его женой, но не сумела стать подругой, а теперь живет только ради детей, которых родила Полу его фрименская наложница Чани.

Первой заговорила Джессика:

– Где мои внуки?

– В сиетче Табр.

– Я понимаю, здесь слишком опасно.

Ирулан позволила себе едва заметный кивок. Она видела перепалку между Джессикой и Алией, но истолковала ее так, как ей накануне говорила регентша: «Джессика вернулась в лоно Общины Сестер, а мы обе знаем, что у Сестер есть планы касательно детей Пола». Ирулан никогда не была истинным адептом Бене Гессерит – ее больше ценили только за то, что она – дочь Шаддама Четвертого, слишком гордая, чтобы выставлять напоказ свои способности. Вот и теперь она выбрала поведение, которое никак не подчеркивало ее подготовку.

– В самом деле, Джессика, – сказала Ирулан, – надо было все же проконсультироваться предварительно с Императорским Советом.

– Мне следует думать, что вы не доверяете Стилгару? – спросила Джессика.

Ирулан хватило мудрости понять, что этот вопрос не требует ответа. Она была страшно рада, что священники, не сумев сдержать верноподданнического нетерпения, ринулись к госпоже. Ирулан переглянулась с Алией, подумав: Джессика, как всегда, спесива и уверена в себе! Аксиома Бене Гессерит на эту тему гласила: «Высокомерие годится только на то, чтобы возвести крепостную стену, за которой прячутся сомнения и страх». Истинно ли это в отношении Джессики? Конечно, нет. Значит, это просто поза. Но с какой целью она это делает? Вопрос очень беспокоил Ирулан.

Священники с шумом завладели матерью Муад'Диба. Некоторые хватали ее за руки, другие низко кланялись, почтительно произнося слова приветствия. Наконец, главные священники – по принципу «первые да станут последними» – с заученными улыбками стали говорить Пресвятой Преподобной Матери, что официальная церемония Просветления состоится в Убежище – старой цитадели, построенной Полом.

Джессика посмотрела на двоих священников и нашла их отталкивающими. Одного звали Джавид – это был молодой человек с угрюмым лицом и круглыми, детскими щеками, в

затененных, глубоко посаженных глазах таилась подозрительность. Второго звали Зебаталеф – то был второй сын наиба, которого когда-то знавала Джессика, о чем он не преминул ей сообщить. Этого было просто вычислить: веселье в соединении с беспощадностью, худое аскетическое лицо, заросшее светлой бородой, глаза выдают тайное волнение и большие знания. Джавид был гораздо опаснее: муж Совета, обладавший магнетической силой, но одновременно – Джессика не могла подобрать более подходящего слова – отталкивающий. У него был странный акцент, Джавид говорил с сильным фрименским выговором, словно священник был выходцем из какого-то немыслимого захолустья.

– Скажи мне, Джавид, – спросила Джессика, – откуда ты?

– Я простой фримен, сын Пустыни, – ответил священник: каждое слово выдавало лживость этого утверждения.

Зебаталеф вмешался в разговор с напористой и почти шутовской вежливостью.

– Нам есть что вспомнить, госпожа. Я был одним из первых, вы знаете, кто познал святость и высокое предназначение миссии вашего сына.

– Но вы, насколько я помню, не были его федайкином, – ответила Джессика.

– Нет, госпожа. Я занимался более философским делом – изучал богословие, чтобы стать священником.

И тем спасал свою шкуру, – подумала его собеседница.

– Нас ждут в Убежище, – напомнил Джавид.

Заданный все с тем же странным акцентом вопрос требовал ответа.

– Кто нас ждет?

– Совет Веры – все те, кто хранит светлое имя и деяния вашего святого сына, – сказал Джавид.

Джессика оглянулась через плечо, увидела, как Алия улыбается Джавиду, и спросила:

– Этот человек – один из твоих поверенных, дочь моя?

Алия кивнула.

– Он рожден для великих деяний.

Но Джессика заметила, что Джавид не слишком доволен вниманием к своей персоне, и решила приказать Гурни взять этого священника на заметку. Гурни оказался легким на помине. Он подошел к Джессике и доложил, что задержанные готовы к дознанию. Халлек передвигался развалистой походкой сильного человека, быстро оглядывая все вокруг, под одеждой при каждом движении перекатывались могучие мышцы, хотя с виду Гурни казался совершенно расслабленным – этому искусству научила его Джессика по способу прана-бинду, изобретенному Бене Гессерит. Казалось, Гурни состоит из одних отвратительных рефлексов, это был убийца, страшный человек, но Джессика любила его и ставила выше всех остальных смертных. Лицо Гурни пересекал обезображивающий багрово-синий шрам, но лицо телохранителя смягчилось улыбкой, когда он увидел Стилгара.

– Отлично сработано, Стил, – сказал он. Мужчины в знак приветствия взялись за руки по-старинному фрименскому обычаю.

– Просветление, – напомнил Джавид, тронув Джессику за руку.

Джессика подалась назад и, тщательно подбирая слова и модуляции хорошо поставленного голоса, произнесла специально для большего эмоционального воздействия на Джавида и Зебаталефа:

– Я вернулась на Дюну, чтобы повидать внуков, так стоит ли переводить время на всякий религиозный вздор?

Реакция Зебаталефа была вполне предсказуемой: от растерянности он открыл рот, в глазах появился испуг – священник был потрясен, он переводил глаза с одного слушателя на другого, задавая каждому немой вопрос: Религиозный вздор! Какой же эффект произведут эти слова, произнесенные матерью мессии?

Джавид полностью оправдал опасения Джессики. Рот его сначала плотно сжался, но потом священник с трудом растянул их в принужденной улыбке. Однако глаза оставались холодными, и он не стал обводить глазами невольных

слушателей и свидетелей происшедшего. Джавид прекрасно знал всех участников и их роли. Знал он и тех, за кем надо было с этой минуты неусыпно наблюдать. Только спустя секунду Джавид вдруг перестал улыбаться, поняв, что улыбкой выдал себя с головой. Домашние уроки Джавида не пропали даром, он знал о способностях Джессики проникать в чужие мысли. Короткий судорожный кивок послужил косвенным признанием этой способности Преподобной Матери.

Джессика мгновенно взвесила все «за» и «против». Стоит подать Гурни едва заметный знак рукой – и Джавида можно считать покойником. Для вящего страха это можно проделать прямо здесь, или оттянуть смерть на более поздний срок, обставив все как несчастный случай.

Она задумалась: Когда мы пытаемся скрыть наши сокровенные побуждения, каждая черточка наша выдает нас. Учение Бене Гессерит готовило своих адептов к тому, чтобы они умели читать книгу плоти. Ум Джавида весил немало: если заполучить его на свою сторону, то можно будет проникнуть в среду священников Арракиса. К тому же это человек Алии.

Джессика заговорила:

– Моя свита должна быть немногочисленной, но одно вакантное место в ней есть. Джавид, вы присоединитесь к нам. Зебаталеф, прошу меня простить, но… Да, Джавид… я посещу эту… церемонию, если уж вы так настаиваете.

Джавид позволил себе глубокий вздох и, понизив голос, произнес:

– Да будет воля матери Муад’Диба, – он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом снова на Джессику. – Мне доставляет боль необходимость оттягивать вашу встречу с внуками, но, увы, государственные соображения…

Хорошо. Он, кроме всего прочего, еще и деловой человек. Если подобрать нужную сумму, то мы наверняка сможем его купить, – подумала Джессика. Она чувствовала радость от того, что он настоял на ее участии в церемонии. Эта

маленькая победа добавит ему авторитет в глазах его сотоварищей, и они оба это прекрасно понимали. Пусть Просветление станет платой за будущую службу.

– Надеюсь, вы позаботились о транспорте, – сказала Джессика.

* * *

Я даю тебе хамелеона Пустыни; его способность сливаться с песком скажет тебе все, что надлежит знать о корнях экологии и основаниях сохранения личности.

Книга рассеяния племен из «Хроники Хаита»

Лето играл на балисете, подаренном ему выдающимся исполнителем на этом инструменте – Гурни Халлеком – на день рождения. Гурни прислал балисет, когда Лето исполнилось пять лет. За четыре года практики мальчик добился определенных успехов, однако ему по-прежнему не давались две боковые струны. Балисет успокаивал, хотя навевал грусть, и это не ускользнуло от внимания Ганимы. Лето, освещенный косыми лучами заходящего солнца, сидел на выступе скалы, отрог которой защищал сиетч Табр от беспощадного ветра Пустыни. Мальчик молчал, задумчиво и нежно перебирая струны.

Ганима стояла за спиной брата; вся ее маленькая фигурка выражала протест. Она очень не хотела выходить на улицу, после того как Стилгар сообщил, что бабушка задерживается в Арракине. Ганиме особенно не хотелось выходить потому, что приближалась ночь. Девочка решила поторопить брата.

– Ну что? – спросила она.

Вместо ответа брат принялся наигрывать другую мелодию.

Сегодня впервые Лето вдруг осознал, что инструмент был сработан на Каладане выдающимся мастером. Врожденная память наполняла Лето ностальгией по прекрасной

планете, где правили потомки Атрейдесов. Надо было лишь с помощью музыки разрушить внутренний барьер, расслабиться... и в душе мальчика начала звучать живая память тех времен, когда Гурни с помощью этого самого балисета отвлекал от тяжких дум своего друга и подопечного – Пола. Когда балисет звучал в его руках, Лето все больше и больше проникался ощущением физического присутствия отца. С каждой секундой мальчик все больше и больше сливался с звучащим инструментом, все существо Лето возвысилось до полного владения балисетом, хотя мускулы девятилетнего мальчика не могли следовать за этим внутренним знанием.

Сама того не замечая, Ганима начала нетерпеливо притоптывать ногой в такт музыке.

Лето напряженно сжал губы и попытался играть древнюю песню, настолько древнюю, что Гурни не мог о ней знать. Эта песнь родилась, когда фримены осваивали свою пятую планету. Слова говорили о Зестунни, они исходили из глубин генетической памяти, в то время как пальцы Лето неуверенно нащупывали мелодию.

Прекрасная форма природы
Чудесной обладает сутью,
Которую иные зовут упадком.
Через его великолепные врата
Входит в мир новая жизнь.
В молчании льются тайные слезы.
Они не что иное, как влага души:
Это они несут новую жизнь
К боли бытия —
И отделяясь от видения,
Которое лишь смерть делает цельным.

Лето через плечо оглянулся на Ганиму. Его нисколько не удивило, что сестра знает песню и проникнута ее лирикой, но брат внезапно почувствовал трепет и благоговение перед тем, насколько сплетены их с сестрой жизни. Один из них

мог умереть, но остаться живым в сознании другого – настолько они были близки. Мальчик был настолько напуган величием этой сети, соединявшей его с Ганимой, что поспешно отвел глаза. В этой сети, однако, были разрывы, и Лето знал это. Страх его еще более возрос от того, что именно в эту минуту возник еще один такой разрыв. Брат почувствовал, что их жизни начинают отчуждаться друг от друга: Как могу я сказать ей о том, что происходит только и исключительно со мной?

Он всмотрелся в Пустынный ландшафт, глядя на барханы – высокие, похожие на полумесяц, подвижные дюны, которые, подобно волнам, перекатывались по Арракису. То был Кедем, Внутренняя Пустыня, в барханах которой в нынешнее время редко можно было встретить гигантских червей. Заходящее солнце окрасило дюны в кровавый цвет, пылавший на краях черных теней. С багрового неба, завладев вниманием Лето, стремительно упал ястреб, схватив со скалы куропатку.

Прямо внизу на плоской земле Пустыни в изобилии росли зеленые деревья, для полива которых частью по каналам, частью по огромным трубам текла вода с вершины скалы, на которой реяло зеленое знамя Атрейдесов.

Вода и зелень.

То был новый символ Арракиса: вода и зелень.

Похожий по форме на граненый бриллиант, оазис, расстилавшийся под выступом скалы, напомнил Лето о далеких временах фрименов. С утеса внизу раздался звонкий крик ночной птицы, что еще больше усилило это чувство. Лето понял, что душа его переживает сейчас древнее дикое прошлое.

Nous avons change tout cela, – подумал он, легко перейдя на древний земной язык, которым они с Ганимой иногда пользовались для задушевных бесед. – «Мы все это изменили». – Он глубоко вздохнул. – Oublier je ne puis. «Я не умею забывать».

За оазисом была видна земля, которую фримены называли Пустошью; на этой земле ничто не росло, она никогда не плодоносила. Вода и экологический план озеленения разительно изменили облик Пустоши. Теперь на Арракисе были мягкие холмы, покрытые шелковистой зеленью лесов. Леса на Арракисе! Новое поколение с трудом могло представить себе древние дюны, которые скрывались под ними. Для юных глаз не было ничего потрясающего в плоских листьях деревьев. Однако в Лето сейчас говорил древний фримен, обеспокоенный изменениями.

– Дети недавно рассказывали мне, что теперь даже у поверхности трудно отыскать песчаную форель, – сказал он.

– И что это должно означать? – спросила Ганима; в голосе ее прозвучало раздражение.

– Все меняется слишком быстро, – ответил Лето.

На утесе вновь прокричала птица, ночь упала на Пустыню внезапно, словно ястреб на куропатку. Ночью у мальчика обострялась генетическая память – все дремавшие в нем прошлые жизни давали о себе знать, но у Ганимы не было таких просветлений, хотя она разделяла обеспокоенность брата и старалась ему сочувствовать. Лето почувствовал, как сестра нежно коснулась рукой его плеча.

Балисет издал гневный аккорд.

Как сказать Ганиме о том, что с ним происходит?

В его голове бушевали войны, воспоминания о давно прервавшихся жизнях, происходили страшные катастрофы, любовные томления, мелькали цвета различных мест и разные лица... погребенное в глубинах души горе и утраченные радости. Он слышал весенние элегии на планетах, которые давно перестали существовать, видел буйство зелени и пляску света, стоны и крики, мольбы о помощи, глухой ропот толп людей, живших в незапамятные времена.

Наступало самое тяжелое время – начало ночи под открытым небом.

– Может быть, вернемся домой? – спросила Ганима.

Он отрицательно покачал головой, и сестра поняла, что брата охватили чувства, глубину которых она не могла постичь.

«Почему я так приветствую наступление ночи?» – спрашивал себя Лето. Он не почувствовал, как Ганима сняла руку с его плеча.

– Ты прекрасно знаешь, что заставляет тебя так переживать, – сказала она.

В ее голосе послышался ласковый упрек. Конечно, он знал. Ответ был очевиден и объяснялся знанием: Это великое известное-неизвестное колышет меня, словно волну. Гребни волн прошлого несли его словно на доске по поверхности волнующегося моря. Лето обладал памятью отца, предзнания, наложенного на все остальные проявления жизни, но Лето хотел большего – он хотел знать все прошлое без изъятия. Он жаждал этого всей душой. Эти воспоминания о прошлом таили в себе великую опасность. Теперь Лето полностью отдавал себе в этом отчет и должен был разделить новое знание с сестрой.

Пустыня озарилась неверным светом взошедшей Первой Луны. Лето внимательно смотрел на застывшие волны песка, уходившие в бесконечность. Слева, почти на расстоянии вытянутой руки, лежала скала Спутник, которой песчаные бури придали форму гигантской змеи, уползавшей в песок Пустыни. Пройдет время – и ветры сровняют с землей сиетч Табр, и только кто-то, похожий на Лето, сохранит о нем память. Мальчик почему-то не сомневался, что тот человек будет похож на него.

– Почему ты так пристально рассматриваешь Спутник? – спросила Ганима.

В ответ Лето только пожал плечами. Вопреки запретам слуг и охранников дети часто ходили на Спутник. Они нашли там потайное убежище, и теперь Лето понял, почему оно так манило их к себе.

Внизу поблескивали воды канала, по поверхности которых изредка пробегала рябь – то плескалась рыба, которую

фримены разводили в искусственных водоемах, чтобы истребить песчаную форель.

– Я стою между рыбой и червем, – пробормотал Лето.

– Что?

Он повторил свою фразу громче.

Ганима прикрыла рот рукой, начиная прозревать, что именно движет ее братом. Именно так вел себя их отец; просто ей надо было внимательнее смотреть в себя и сравнивать.

Лето вздрогнул. Память, которая повела его по местам, где никогда не бывала его плоть, ответила на вопросы, которые он не задавал. На гигантском экране, развернувшемся перед его мысленным взором, Лето видел, как развертывались картины событий и давно ушедших в небытие отношений. Песчаный червь Дюны не сможет пересечь водный поток: вода – яд для него. Однако вода была известна здесь еще с доисторических времен. Белые гипсовые кратеры говорили о давно исчезнувших озерах. Источники пробивали себе дорогу с глубины, но их забивала песчаная форель. Лето ясно видел, как именно все это происходило, предвидя, что случится из-за вмешательства человека в экологию планеты.

– Я знаю, что случилось, Ганима, – едва слышно произнес Лето.

Она низко склонилась к его лицу:

– Что, что?

– Песчаная форель...

Он замолчал, и Ганима удивилась его упоминанию о гаплоидной фазе развития песчаного червя, но не стала торопить брата.

– Песчаная форель, – повторил он, – была занесена сюда из каких-то других мест. Раньше эта планета изобиловала водой. Форель размножилась до таких пределов, что экосистема Дюны не смогла с ней справиться. Песчаная форель забила собой источники воды и превратила планету в

Пустыню… Они сделали это, чтобы выжить. Только в сухом месте форель может превратиться в песчаного червя.

– Песчаная форель?

Ганима покачала головой. Она не сомневалась в словах брата, но ей очень не хотелось спускаться в те глубины сознания, где Лето почерпнул эту информацию. Песчаная форель? – подумала она. Ганима вспомнила, как в своей нынешней плоти и в других она, будучи ребенком, играла с песчаной форелью, заманивая ее в ловушки, а потом убивая водой. Было очень трудно представить себе, что такие мелкие твари могли быть причиной столь грандиозных планетарных событий.

Лето кивнул своим мыслям. Фримены всегда разводили хищных рыб в водоемах. Песчаные форели всегда препятствовали накоплению воды у поверхности почвы планеты; поэтому рыбы и плавали в канале, который протекал под ногами. Тела песчаных червей могли выдерживать небольшие количества воды, она, как и в клетках человеческой плоти, составляла небольшую часть их тел, но если воды становилось много, то в обмене веществ песчаных червей происходили взрывоподобные изменения и в их организмах начинала накапливаться меланжа, который фримены в мельчайших дозах использовали для своих оргий. Меланжа вызывала у людей вспышки сверхъестественного прозрения. Чистый концентрат меланжи перенес Пола Муад'Диба сквозь стены Времени, но не было в мире человека, который осмелился бы повторить его опыт.

Ганима физически ощутила дрожь, которая охватила брата.

– О чем ты думал? – спросила она.

Но Лето не мог остановиться – поток откровений продолжал литься.

– Чем меньше становится песчаной форели, тем экологическая трансформация планеты…

– Конечно, они сопротивляются, – заговорила сестра. Ганима начала понимать страх Лето, против воли проникаясь его возбуждением.

– Исчезнут песчаные форели, исчезнут и черви, – сказал он. – Надо предупредить племена.

– Не будет больше зелья, – предположила Ганима.

Все эти простые слова означали высочайшую степень общей опасности, которую брат и сестра видели во вмешательстве человека в древний миропорядок Дюны.

– Алия прекрасно это знает, – сказал Лето, – поэтому и злорадствует.

– Ты уверен в этом?

– Абсолютно.

Теперь сестра точно знала, что так беспокоит брата; от этого знания по спине ее пробежал холодок.

– Племена не поверят нам, если Алия станет все отрицать, – произнес Лето.

Это утверждение касалось главной проблемы бытия близнецов: какой фримен поверит в мудрость девятилетних детей? Алия же, все больше и больше проникая в тайну чужих душ, будет играть на этом.

– Нам надо убедить Стилгара, – сказала Ганима.

Не сговариваясь, брат и сестра повернули головы и вгляделись в залитую лунным светом Пустыню. Теперь они смотрели на нее совершенно другими глазами, осененные внезапно снизошедшим знанием. Никогда раньше тонкое взаимодействие природы и пытающегося изменить ее человека не было для них столь очевидным. Лето и Ганима почувствовали себя интегральной частью динамической, поразительно точно уравновешенной системы. Новый взгляд произвел переворот в их сознании. Как говорил Лиет-Кинес, Вселенная – это место, где популяции животных ведут между собой постоянный, ни на миг не прерывающийся диалог. Гаплоидные форели говорили сейчас с близнецами, словно люди.

– Племена поймут угрозу воде, – сказал Лето.

– Но это касается не только воды. Это… – Ганима замолчала, поняв глубинный смысл слов брата. Вода была абсолютным символом мощи Арракиса. В своих корнях фримены оставались специализированным, если можно так выразиться, видом, выжившим в условиях жестокой Пустыни, ведущими специалистами жизни в условиях постоянного стресса. Как только на планете стало много воды, произошел странный перенос символа, хотя люди продолжали понимать и чувствовать свой древний долг.

– Ты имеешь в виду угрозу мощи, – поправила она Лето.

– Конечно.

– Но поверят ли они нам?

– Если они увидят, что происходит, если почувствуют нарушение равновесия…

– Равновесие, – произнесла Ганима и тут же повторила мысль, которую неоднократно высказывал их отец: – Равновесие – это то, что отличает людей от черни.

Ее слова пробудили в нем память об отце.

– Экономика против красоты – это старо, как Шеба, – Лето вздохнул и, подняв голову, посмотрел на Ганиму. – Я начал видеть сны предзнания, Гани.

Она судорожно втянула в себя воздух.

Лето между тем продолжал говорить:

– Когда Стилгар сказал, что бабушка задержится, то я уже знал это наперед. Но теперь я могу сказать, что и другие сны подозрительны мне.

– Лето, – тихо сказала Ганима, покачав головой и опустив глаза. – К нашему отцу это пришло позже. Не думаешь ли ты, что…

– Мне снилось, что я заперт в тесном шкафу, потом был сон о том, как я бегу по дюнам, – заговорил он. – Потом я был в Якуруту.

– Яку… – Ганима запнулась и откашлялась. – Это старый миф!

– Это место существует, Гани! Я должен найти человека, которого называют Проповедником и о многом его спросить.

– Ты думаешь, что это… наш отец?

– Спроси об этом у самой себя.

– Это очень похоже на него, – согласилась Ганима, – но…

– Мне не нравится многое из того, что мне предстоит сделать, но сегодня я впервые по-настоящему понял отца.

Девочка поняла, что сейчас ей нет места в его мыслях.

– Может быть, Проповедник – просто старый мистик.

– Я молю Бога, чтобы так оно и оказалось, – прошептал Лето. – О, как я надеюсь на это!

Он подался вперед и встал. Балисет загудел от этого движения.

– Пусть он окажется всего лишь Гавриилом без рога, – Лето молча вперил взор в освещенный призрачным лунным светом Пустынный ландшафт.

Ганима посмотрела в ту же сторону. На краю рощи у ворот сиетча светились гнилушки, окаймляя чистый силуэт дюн. В Пустыне кипела жизнь, которая никогда не затухала, даже тогда, когда Пустыня казалась спящей. Ганима чувствовала, что ее слушают какие-то неведомые твари. Откровения Лето преобразили ночь в глазах Ганимы. Это был момент прозрения, момент отыскания устоявшегося порядка в непрестанных изменениях, мгновение, в которое каждый человек чувствует свое земное прошлое – прошлое, которое неистребимо в памяти рода людского.

– Но почему Якуруту? – спросила она, и обыденность ее тона поколебала волшебное настроение.

– Почему?.. Не знаю. Когда Стилгар рассказал мне, как они убивали людей, а потом объявили то место запретным, наложив на него табу, я думал так же, как ты. Но теперь оттуда исходит опасность… но там живет и Проповедник.

Ганима не откликнулась, не стала просить, чтобы Лето рассказал ей что-то еще, понимая, как много это сказало брату об охватившем ее ужасе. Этот путь ведет к Мерзости,

и оба – брат и сестра – понимали меру опасности. Страшное слово повисло между ними, когда Лето встал и они направились к входу в сиетч. Мерзость.

* * *

Вселенная принадлежит одному Богу. Они – одно; их целостность – мерило всех отчуждений и разделений. Преходящая жизнь, даже исполненная самосознания и разума, та жизнь, которую называют научной, есть не что иное, как только хрупкая вера в отдельную частицу целого.

Комментарии КЭП, Комиссии Экуменических Преобразований

Халлек пользовался едва заметными движениями рук для передачи важных сообщений, вслух говоря при этом о совершенно посторонних вещах. Ему сразу не понравилось маленькое помещение, которое священники выбрали для проведения церемонии. Гурни понимал, что комната напичкана шпионской аппаратурой. Но пусть они попробуют расшифровать неуловимые сигналы. Атрейдесы пользовались этой тайной системой общения на протяжении многих веков, но человечество за это время не придумало ничего более мудрого.

Снаружи наступила ночь, но в помещении не было окон, и оно круглые сутки освещалось шаровидными лампами, развешанными по углам на потолке.

«Многие из тех, кого мы взяли, – люди Алии», – жестами сообщил Джессике Халлек, вслух говоря о том, что расследование продолжается.

«Ты это предвидел», – ответила тайным кодом Джессика. Она кивнула и заговорила:

– Я надеюсь, что вы представите мне полный отчет о расследовании, Гурни.

– Конечно, госпожа, – ответил Халлек. Его пальцы снова заработали: «Есть и еще кое-что, и это кое-что очень меня тревожит. Мы вводили допрашиваемым психотропные

средства, и многие из них говорили о Якуруту. Стоило им произнести это название, как они тотчас умирали».

«Запрограммированная остановка сердца?» – знаками спросила Джессика и продолжила вслух:

– Вы отпустили кого-нибудь из задержанных?

– Да, несколько очевидных олухов, – ответил Гурни, однако его пальцы говорили другое: «Мы подозреваем, что это сердечная компульсия, но полной уверенности пока нет, вскрытие еще не закончено. Я решил, что вы должны знать обо всем, поэтому и явился так скоро».

«Мы с герцогом всегда думали, что Якуруту – это только красивая легенда, вероятно, основанная на каких-то реальных фактах», – пальцы Джессики работали автоматически; она сумела подавить боль, вызванную упоминанием давно умершего возлюбленного.

– Вам угодно что-нибудь приказать, госпожа? – вслух осведомился Халлек.

Вслух Джессика ответила, что Гурни может вернуться на взлетную площадку и заканчивать дела, а потом вернуться с подробным докладом о результатах, однако руки ее передали другое сообщение:

«Возобнови связи со знакомыми контрабандистами. Если Якуруту существует, то эти люди добывают себе пропитание продажей зелья. Нет более надежного рынка для него, чем контрабандисты».

Халлек склонил голову и ответил кодом:

«Я уже занялся этим вопросом, госпожа. – Инстинкт охранника и телохранителя возобладал, и Гурни закончил на привычной ноте. – Будьте осторожны здесь. Алия – ваш враг, а большинство священников на ее стороне».

«Но не Джавид, – ответили пальцы Джессики. – Он ненавидит Атрейдесов. Сомневаюсь, что кто-то может это обнаружить, кроме адепта, но я отчетливо это вижу. Он плетет заговор против Алии, но она об этом не подозревает».

– Я выделил для вас дополнительную охрану, – вслух произнес Гурни, стараясь не замечать огонек недовольства,

вспыхнувший в глазах Джессики. – Я уверен, что некоторая опасность все же существует. Вы проведете ночь здесь?

– Нет, позже мы отправимся в сиетч Табр, – ответила она и подумала, не стоит ли отказаться от дополнительной охраны, но промолчала. Инстинктам Гурни стоит доверять. На собственном опыте в этом убедился не один властитель из рода Атрейдесов, как к своему удовольствию, так и на собственной шкуре. – У меня будет еще одна встреча – с Мастером Новициации, а потом я с радостью покину это место.

* * *

И увидел я другого зверя, восставшего из песка, и были у него два рога, похожих на агнчие, но в пасти сверкали клыки и изрыгал зверь пламя, как дракон, и светился зверь огнем и жаром и шипел по-змеиному.

Библия Вильгельма Оранского

Он называл себя Проповедником, и среди жителей Арракиса распространился сверхъестественный страх, что это вернулся из Пустыни считавшийся умершим Муад'Диб. Он мог остаться в живых, ибо кто из смертных видел воочию его мертвое тело? Да и кто вообще видел тела людей, которых взяла Пустыня? Но все-таки – неужели это Муад'Диб? Однако до сих пор не нашлось ни одного старца, который выступил бы вперед и сказал: «Да, это Муад'Диб. Я видел и узнал его».

Но все же... как и Муад'Диб, Проповедник был слеп. Его пустые черные глазницы были обезображены шрамами от ожогов, причиненных огнеметом для выжигания камней. Его голос был грубоватым и надтреснутым, одно звучание его трогало неведомые струны в глубине души любого человека и взывало к истине. Многие заметили это. Проповедник этот был страшно тощ, лицо его было изборождено морщинами, а волосы белы от седины. Но такое бывало со всеми, кто подолгу жил в Пустыне. Пусть каждый сын Пустыни посмотрит на себя – ему не нужны будут другие

доказательства. Но был и еще один предмет спора. У Проповедника был провожатый – молодой парень, фримен, который утверждал, что работает у слепца за плату. Никто не знал, из какого он сиетча. Некоторые спорили, что Муад'Диб, способный прозревать будущее, не нуждался в поводыре, который мог понадобиться ему только в минуты отчаяния и тоски. Им возражали, что, видимо, это время наступило, и теперь великому Муад'Дибу нужен поводырь, и это знали все.

Однажды зимним утром Проповедник появился на улицах Арракина, загорелая, переплетенная темными венами рука его лежала на плече молодого поводыря. Этот поводырь, который называл себя Ассаном Тариком, вел своего подопечного по кремнистой пыли с живостью и ловкостью истинного жителя Пустыни, который мгновенно замечает любое препятствие.

Люди заметили, что Проповедник носит поверх Пустынного костюма обычную бурку. Такие бурки делали в отдаленных сиетчах Пустыни по старинному образцу. Одет Проповедник был отнюдь не в рубища, которые столь часто носят в наши дни бродячие фанатики. Носовой раструб, через который под одежду подавался увлажненный выдох, был заплетен в косу невиданного черно-красного цвета. Маска костюма, закрывавшая нижнюю половину лица, была заткана зеленым полотном с отметинами песчаных бурь Пустыни. Всем своим обликом Проповедник производил впечатление пришельца из прошлого Дюны.

В то утро, когда улицы были заполнены толпами, многие заметили слепца. Трудно было не обратить внимание на это шествие – слепой фримен был необычайной редкостью. Закон фременов отдавал слепых во власть Шаи-Хулуда. Буква этого Закона, хотя его уже не столь ревностно почитали в мягкие новые времена, когда на планете наступило изобилие воды, осталась тем не менее неизменной. Слепец должен стать даром Шаи-Хулуду. Незрячих выводили в Пустыню, где их пожирали большие черви. Когда это бывало

сделано – а предания о таких событиях существовали во всех городах, – то слепых пожирали самые большие черви: их называли Старцами Пустыни. Таким образом, слепой на улице возбуждал немалое любопытство, и свидетели останавливались, чтобы поглазеть на странную пару, шествующую по улице.

Парню-поводырю было на вид около четырнадцати стандартных лет, на нем был модифицированный защитный костюм; лицо оставалось открытым для иссушающего ветра Пустыни. У поводыря были тонкие черты лица, голубые глаза, затуманенные зельем, небольшой вздернутый нос и наивные глаза, выражавшие полную невинность, которая в юности служит отличной маской цинизма. В противоположность поводырю, слепой шел вперед широкими шагами человека, который за долгие годы жизни привык либо ходить пешком, либо ездить на приученных червях. Голова его была высоко поднята, а шея была почти неподвижна – весьма характерная для слепых осанка. Шея его сгибалась, только когда Проповедник поворачивал голову в сторону интересующего его звука.

Рассекая толпу, странная пара проследовала к огромным ступеням, ведущим к громадному сооружению – Храму Алии, достойному сопернику Убежища Пола. Поднявшись по ступеням, Проповедник и его юный поводырь остановились на третьей площадке, где паломники, совершавшие хадж, ожидали утреннего открытия гигантских ворот. Проема этих ворот с лихвой хватило бы на постройку в нем самого величественного из храмов древних религий. Говорили, что, пройдя через эти ворота, душа паломника уменьшалась до размеров пылинки, способной пройти на небо сквозь игольное ушко.

На краю третьей площадки Проповедник оглянулся, словно мог своими пустыми глазницами видеть праздную толпу обитателей города. Некоторые из них были одеты в искусную имитацию защитных костюмов, хотя те были сшиты из декоративной ткани. Проповедник видел

паломников, только что сошедших с космического корабля, а теперь ожидавших своей очереди припасть к святыне, чтобы обеспечить себе место в раю.

На площадке было весьма шумно: здесь толпились последователи Духовного Культа Махди с живыми ястребами, приученными издавать «зов к небу». Между паломниками сновали продавцы еды, громко предлагавшие свой товар. Продавалась здесь и всякая всячина – торговцы изо всех сил старались перекричать друг друга. Один торговец предлагал одежды, к которым прикасался сам Муад'Диб. Другой продавал флаконы с водой из сиетча Табр, где жил Муад'Диб. В разноголосом гомоне толпы диалекты галактического языка смешивались с гортанными звуками языков внешнего кольца, покоренного Империей. Выделялись яркие одежды гимнастов и плясунов с планет тлейлаксу, показывавших свое искусство. Встречались худые и изможденные, полные и одутловатые лица. Слышалось шарканье тысяч подошв о рубчатые плиты площадки. Периодически гомон покрывал пронзительный крик исступления: «Муа-а-ад'Диб! Муа-а-ад'Диб! Приими восхождение моей души! О ты, присный Богу, приими мою душу! Муа-а-ад'Диб!»

Два бродячих актера в толпе за несколько монет разыгрывали сценку из популярного «Диспута между Правоверным и Леандграхом».

Склонив голову, Проповедник внимательно слушал шутовскую перепалку.

Актеры, городские жители средних лет, усталыми голосами обменивались репликами. По требованию Проповедника поводырь описал их внешность. Артисты выглядели нелепо и неуклюже в своих мешковатых одеждах, даже отдаленно не напоминающих строгие защитные костюмы Пустыни, но даже эти просторные лохмотья не могли скрыть их нездоровых, отечных тел. Ассан Тарик нашел это забавным, однако Проповедник строго упрекнул его за это.

Один из актеров, игравший роль Леандграха, заканчивал свою реплику:

– Ба! Ухватить Вселенную может лишь чувствующая рука. Именно эта рука приводит в движение твой драгоценный мозг и все, что он производит. Ты увидишь, что ты сотворил, ты сам станешь чувствующим только после того, как рука сделает свое дело.

Публика зааплодировала.

Проповедник втянул ноздрями воздух, и нос его ощутил богатейшую палитру запахов: дешевая синтетика плохо скроенных костюмов, разнообразные духи и дезодоранты, кремниевая пыль Пустыни, дух незнакомой экзотической пищи и аромат курений, которые возожгли тем временем в Храме Алии. Эти курения по строго рассчитанной траектории растекались по площадкам гигантской лестницы. Мысли Проповедника, словно в зеркале, отразились на его лице: Мы дошли до этого, мы, фримены!

По толпе на лестнице и площадках прошло какое-то движение. У подножия лестницы появились Песочные Танцоры. Две трети из них были связаны друг с другом толстыми веревками. Они танцевали свой танец уже много дней, дойдя до последней ступени экстаза. Они неистово дергались и извивались в такт таинственной музыке, на их губах пузырилась пена. Треть же, бегая взад и вперед, увлекала за собой остальных веревками, словно кукол в театре марионеток. Одна из этих кукол внезапно пришла в себя и остановилась. Вся толпа в нетерпении замерла – все знали, что сейчас произойдет.

– Я ви-и-идел! – громко вскричал пришедший в себя Танцор. – Я ви-и-идел!

Дико вращая глазами, человек пытался удержаться на месте, изо всех сил сопротивляясь натяжению веревок.

– Там, где простирается этот город, будут пески!

Ответом был громкий хохот зрителей. Смеялись даже новые паломники, только жаждущие обращения и просветления.

Это было слишком для Проповедника. Он поднял вверх руки и крикнул голосом, которому позавидовал бы погонщик песчаных червей:

– Тише!

Площадь послушно замерла при этом громовом кличе.

Проповедник простер худую руку по направлению к Танцорам. Толпу охватило жуткое чувство того, что слепец отчетливо их видит.

– Вы что, не слышали этого человека? Вы все богохульники и идолопоклонники! Все! Религия Муад'Диба – это не сам Муад'Диб. Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас! Вы будете погребены песком.

Сказав это, он опустил руки, положил ладонь на плечо поводыря и сказал:

– Уведи меня из этого места.

Неизвестно, что именно подействовало на толпу: слова ли Проповедника «Он отвергает идолопоклонство и отвергает вас!» или нечеловеческая, сверхъестественная интонация, которой могли научить только Бене Гессерит. То был голос, который источал едва заметные, но оттого не менее мощные флюиды. Возможно, сыграл роль мистический ореол храма, где жил, дышал и ходил Муад'Диб, но из притихшей толпы раздался трепетный голос, полный религиозного благоговения:

– Неужели это сам Муад'Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, открыл сумку, висевшую под буркой, и извлек оттуда то, что немедленно узнали стоявшие поблизости от него. Это была высушенная в знойных песках человеческая рука. Такие напоминания о бренности человека частенько находили в Пустыне, и люди считали, что это сообщения Шаи-Хулуда. Эта рука была иссушена и сжата в кулак, с противоположной стороны виднелась выбеленная солнцем и зноем кость, изборожденная песчаными бурями.

– Я принес Руку Бога, и это все, что я принес! – громовым голосом воскликнул Проповедник. – Я говорю от имени длани Божьей. Я – Проповедник.

Некоторые подумали, что это была рука Муад'Диба, но другие были как громом поражены ужасным повелевающим голосом – вот так Арракис узнал имя этого человека, которое он пожелал сказать. Но то был не последний раз, когда народ слышал этот голос.

* * *

Есть такое общепринятое мнение, дорогой мой Георад, что в употреблении меланжи есть естественная добродетель. Возможно, что это истина. Однако в глубине души меня обуревают глубокие сомнения в том, что каждое употребление меланжи приобщает человека к добродетели. Кажется мне, что некоторые люди из неверных побуждений и превратного понимания пользуют меланжу, бросая вызов Богу. Говоря словами Экуменона, такие люди уродуют свою душу. Они снимают сливки с меланжи, думая, что таким образом приобщаются благодати. Они отвращаются от своих сотоварищей, вредят божественному и злонамеренно искажают значение этого обильного дара, нанося себе урон, который человек не в силах возместить. Чтобы стать заодно с естественной добродетелью меланжи, быть во всех отношениях безупречным и исполниться чести, нельзя допускать расхождения между словом и делом. Если же действия твои приводят к дурным последствиям, то судить тебя надо за последствия, а не за объяснение причин, их вызвавших. И именно за это следует осудить Муад'Диба.

Педантическая ересь

Небольшая комната была пропитана запахом озона. Размеры помещения скрадывались еще больше тусклым светом лампы и голубовато-серым светящимся экраном следящего монитора. На экране шириной в один метр и высотой в шестьдесят сантиметров во всех подробностях была видна бесплодная, окруженная горами долина. На первом плане виднелись два лазанских тигра, доедавших окровавленные останки. Позади зверей на склоне холма стоял стройный

человек в форме Сардаукарской гвардии с надписью «Левенбрех» на воротнике. На груди сардаукара висела сервомеханическая панель управления.

Напротив экрана стояло анатомическое кресло, в котором сидела светловолосая женщина неопределенного возраста, одетая в просторное, скрывающее фигуру, отороченное золотой каймой платье. Лицо женщины сужалось к подбородку, красивые руки судорожно сжимали ручки кресла. Женщина, не отрываясь смотрела на экран монитора. Рядом с креслом стоял плотный мужчина в бронзово-золотистой форме сардаукарского адъютанта башара старой Империи. Седеющие волосы коротко подстрижены, лицо – бесстрастно.

Женщина коротко кашлянула.

– Все, как вы говорили, Тиеканик, – сказала она.

– Вы могли сразу на меня положиться, принцесса, – хриплым низким голосом отозвался адъютант.

Она улыбнулась, почувствовав напряжение в его интонациях, и спросила:

– Скажите, Тиеканик, моему сыну пойдет имя императора Фарад'на Первого?

– Этот титул очень подойдет ему, принцесса.

– Я спрашиваю не об этом.

– Возможно, ему не очень понравится способ, которым будет добыт его… э-э-э… титул.

– Знаете… – Принцесса повернула голову и сквозь полумрак комнаты вгляделась в лицо офицера. – Вы преданно служили моему отцу, и не ваша вина в том, что трон достался Атрейдесам. Но я понимаю, что острота этой потери так же много значит для вас, как и…

– Принцессе Венсиции угодно дать мне особое задание? – спросил Тиеканик. Голос остался хриплым, но теперь в нем появилась военная четкость.

– У вас есть плохая привычка перебивать меня.

Мужчина улыбнулся, обнажив ряд безукоризненных зубов, сверкнувших в свете экрана.

– Временами вы напоминаете мне вашего отца, – произнес он. – Всегда длинная преамбула, прежде чем дать щекотливое... э-э-э... поручение.

Принцесса резко отвернулась, чтобы скрыть гнев; спросила:

– Вы действительно думаете, что эти лазанские звери вернут моему сыну трон?

– Это очень возможно, принцесса. Вы должны признать, что для этих двух кошек двое атрейдесовских бастардов не более чем лакомое блюдо. А уж когда близнецы исчезнут... – Он пожал плечами.

– Естественным наследником автоматически становится внук Шаддама Четвертого, – заговорила принцесса. – Правда, это произойдет, если мы сумеем отвести возражения фрименов, Совета Земель и тех из Атрейдесов, которые, возможно, останутся...

– Джавид уверяет меня, что он и его люди легко справятся с Алией. Госпожу Джессику я не считаю наследницей Атрейдесов. Кто там еще?

– Совет Земель и Галактический Совет поддержат того, кто больше заплатит, – произнесла женщина, – но как быть с фрименами?

– Мы опутаем их религией Муад'Диба!

– Это легче сказать, чем сделать, Тиеканик.

– Ясно, – проговорил мужчина, – мы опять возвращаемся к нашему старому спору.

– Дом Коррино творил и не такие злодеяния, чтобы захватить власть.

– Но, чтобы такое... Это же религия Махди!

– Мой сын относится к вам с большим уважением, – сказала принцесса после недолгого молчания.

– Принцесса, я жду не дождусь того дня, когда Дом Коррино вернет себе по праву принадлежащий ему трон. Так же думают все сардаукары, оставшиеся здесь, на Салусе. Но если вы...

– Тиеканик! Эта планета называется Салуса Секундус. Не впадайте в небрежность, свойственную нынешней Империи, не скатывайтесь в дурной тон. Полные названия, полные титулы, внимание к мельчайшим деталям! Именно эта атрибутика выпустит в песок Арракиса кровь Атрейдесов. Каждая деталь, Тиеканик!

Он понимал, чего хочет принцесса достичь этой атакой. Это было частью арсенала уловок, усвоенного принцессой у ее сестры Ирулан. Однако Тиеканик тотчас почувствовал, что почва уходит из-под его ног.

– Вы слышите меня, Тиеканик?

– Я внимательно слушаю вас, принцесса.

– Я желаю, чтобы вы взяли под контроль религию Муад'Диба, – сказала она.

– Принцесса, за вас я пойду в огонь и в воду, но это...

– Это приказ, Тиеканик!

Он судорожно проглотил слюну и начал внимательно смотреть на экран. Тигры закончили свою кровавую трапезу и, лениво развалившись на песке, вылизывали передние лапы.

– Это приказ, Тиеканик, вы меня поняли?

– Слушаю и повинуюсь, принцесса. – Тон Тиеканика не изменился ни на йоту.

Она тяжко вздохнула.

– О, если бы был жив мой отец...

– Да, принцесса.

– Не дразни меня, Тиеканик. Я понимаю, что для тебя это не слишком хорошо пахнет, но если бы ты подал пример...

– Он может не последовать за мной, принцесса.

– Он последует. – Принцесса помолчала и ткнула пальцем в экран: – Этот Левенбрех может стать помехой и создать проблемы.

– Проблемы? Каким образом?

– Сколько людей знает о тиграх?

– Сам Левенбрех – он их тренер... пилот транспорта, вы и, конечно... – Тиеканик ударил себя в грудь.

– А покупатели?

– Они ничего не знают. Чего вы опасаетесь, принцесса?

– Мой сын очень догадлив.

– Сардаукары не выдают тайн, – сказал Тиеканик.

– Мертвые тоже, – принцесса нажала красную кнопку под экраном.

Лазанские тигры лениво поднялись, посмотрели на Левенбреха и огромными прыжками понеслись к вершине холма.

Левенбрех, сохраняя поначалу полное спокойствие, повернул ключ, однако кошки продолжали свой бег. Потеряв самообладание, Левенбрех, лихорадочно продолжал поворачивать ключ. Поняв бесплодность этих попыток, он потянулся к ножу на поясе, но было поздно. Мощная лапа ударила его в грудь и повалила на землю, человек не успел коснуться ее, когда второй тигр вонзил свои клыки в шею Левенбреха. Тело его дернулось и застыло.

– Внимание к деталям, – многозначительно произнесла принцесса. Повернувшись к Тиеканику, она похолодела и напряглась – адъютант башара достал нож. Однако тревога женщины была напрасной – мужчина взял оружие за лезвие и протянул его принцессе.

– Может быть, вы воспользуетесь моим ножом, чтобы проявить внимание и к другим деталям, – сказал он.

– Вложите оружие в ножны и не будьте дураком! – принцесса пришла в ярость. – Иногда, Тиеканик, вы пытаетесь...

– Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших.

– Из моих лучших, – поправила она его.

Не в силах унять дрожь, Тиеканик вздохнул и спрятал нож.

– Что будет с пилотом? – поинтересовался он.

– Погибнет в катастрофе, – ответила принцесса. – Вы посоветуете ему принять все меры предосторожности при доставке зверей обратно к нам, и когда вы прибудете на место... – Женщина выразительно посмотрела на нож.

– Это приказ, принцесса?

– Да.

– После этого я должен буду упасть на нож, не так ли, принцесса, или вы сами позаботитесь о деталях?

Принцесса заговорила с деланым спокойствием, но в голосе ее таилась угроза.

– Тиеканик, если бы я не была уверена, что вы по первому моему приказу броситесь на нож, то вы не стояли бы рядом со мной – с оружием.

Он поперхнулся и посмотрел на экран. Кошки снова ели.

Принцесса же, не отрываясь смотрела на Тиеканика. Помолчав, она заговорила.

– Кроме того, вы сообщите покупателям, чтобы они больше не доставляли нам детей, похожих на интересующих нас.

– Как прикажете, принцесса.

– Не говорите со мной таким тоном, Тиеканик.

– Слушаюсь, принцесса.

Губы женщины вытянулись в узкую полоску.

– Сколько у нас осталось костюмов?

– Шесть наборов вместе с защитными костюмами и обувью, на всех вещах геральдические знаки Атрейдесов.

– Хорош ли материал?

– Материал годится для царского наряда, принцесса.

– Внимание к деталям, – сказала она. – Одежду надо послать на Арракис в дар нашим царственным кузенам. Это будут дары моего сына, вы поняли меня, Тиеканик?

– Я все понял, принцесса.

– Пусть он составит приличествующее случаю письмо. Надо написать, что эти скромные одежды в знак своей преданности Дому Атрейдес или что-нибудь в этом роде.

– А случай?

– Пусть это будет день рождения, или праздник, или еще что-нибудь. Это я предоставляю вам, Тиеканик. Я полностью доверяю вам, мой друг.

Он молча смотрел на принцессу.

Лицо его стало жестким.

– Вы точно хотите это знать? Но на кого я еще могу положиться, кроме вас, после смерти моего мужа?

Тиеканик пожал плечами, думая о том, что принцесса пытается опутать его своей сетью. Ни в коем случае нельзя сближаться с ней, как это, по-видимому, сделал Левенбрех.

– Да, Тиеканик, еще одна деталь.

– Слушаю вас, принцесса.

– Моему сыну пора учиться править. Скоро придет время, когда ему надо будет взять в руки меч. Вы знаете, когда настанет этот момент, и, как только он наступит, немедленно известите меня.

– Повинуюсь, принцесса.

Женщина откинулась на спинку кресла и испытующе посмотрела на Тиеканика.

– Я вижу, что вы не одобряете мои действия, но для меня это не важно до тех пор, пока вы будете помнить урок Левенбреха.

– Он был чудесным дрессировщиком, но вполне заменимым человеком, принцесса.

– Это совсем не то, что я хотела сказать!

– Нет? Но тогда... я не понимаю.

– Армия, – изрекла принцесса, – состоит из сменных частей. Вот в чем заключается урок Левенбреха.

– Взаимозаменяемых частей, – проговорил Тиеканик, – включая высшее командование.

– Без высшего командования нет смысла содержать армию, Тиеканик. Поэтому займитесь религией Махди и обращением моего сына.

– Я не стану медлить, принцесса. Полагаю, что вы не хотите, чтобы я пожертвовал военными искусствами ради этой... э-э-э... религии?

Принцесса резко встала и, обойдя Тиеканика, словно неодушевленный предмет, направилась к двери.

– Вы слишком часто начинаете испытывать мое терпение, Тиеканик. – С этими словами она вышла.

* * *

Перед нами стоит дилемма: либо мы оставляем почитающуюся непогрешимой теорию относительности, либо расстаемся с верой в нашу способность точно и воспроизводимо предсказывать будущее. В самом деле, проблема знания будущего порождает массу вопросов, ответить на которые, принимая общепринятые допущения, невозможно, если только исследователь, во-первых, не поставит наблюдателя вне времени и, во-вторых, не сведет к нулю всякое движение. Если вы принимаете теорию относительности, то должны признать, что в ее рамках время и наблюдатель находятся в строго определенном взаимодействии; в противном случае в расчеты вкрадываются неточности. Может, таким образом, показаться, что точное предсказание будущего невозможно в принципе. Но как тогда объяснить то, что люди находят за пределами видимых целей уважаемых ученых? Как в таком случае можем мы объяснить феномен Муад'Диба?

Лекции о предзнании, Харка аль-Ада

– Мне надо кое-что сказать тебе, хотя я понимаю, что мои слова напомнят о многих опытах нашего совместного прошлого, а это может принести тебе определенный вред.

Джессика помолчала и посмотрела на Ганиму, стараясь понять, какое впечатление произвело на девочку ее предупреждение.

Они сидели вдвоем на низких подушках в покоях сиетча Табр. Потребовалось немалое искусство, чтобы устроить эту встречу наедине, и Джессика не была уверена, что это искусство потребовалось от нее одной. Ганима проявляла недюжинную способность к предчувствию и обостренному пониманию.

Прошло почти два часа после восхода солнца, время приветствий и восторгов осталось позади. Джессика успокоила неистовое биение сердца и постаралась сосредоточить внимание на грубых стенах покоев, украшенных темными занавесями и желтыми подушками. Напряжение тем не менее росло, и впервые за многие годы Джессика вспомнила литанию против страха, усвоенную в Бене Гессерит.

«Я не должна бояться. Страх убивает ум. Страх – это маленькая смерть, которая несет с собой полное оцепенение. Я

смело встречу свой страх. Пусть он охватит меня и пройдет через меня. И только когда он пройдет, я обращу свой внутренний взор на его путь. Там, где прошел страх, не остается ничего. Остаюсь только Я».

Мысленно повторив литанию, Джессика, успокоившись, глубоко вздохнула.

– Иногда это помогает, – сказала вдруг Ганима. – Я имею в виду литанию.

Джессика прикрыла глаза, чтобы скрыть то потрясение, которое вызвала у нее поразительная способность девочки к инсайту. Уже много лет не приходилось Джессике встречать людей, которые могли бы читать ее сокровенные мысли. Такое понимание и проникновение смущали еще больше, поскольку таились за маской детского личика.

Встретив свой страх, Джессика открыла глаза. Теперь она поняла источник этого страха: Я боюсь за своих внуков. У детей не было ни одной стигмы Мерзости, которая столь явно проступала в облике Алии, однако Лето проявлял пугающую скрытность. Именно поэтому его Джессика под благовидным предлогом исключила из этой встречи.

Повинуясь внезапному импульсу, Джессика отбросила эмоциональную маску, защитный барьер, понимая при этом, что от него в данном случае мало пользы. Она не делала этого с тех времен, когда общалась со своим возлюбленным герцогом, и испытала одновременно облегчение и боль. Оставались факты, которые невозможно устранить ни молитвой, ни литанией. От упрямых фактов не спасешься позорным бегством. Их нельзя игнорировать. Стихия видения Пола видоизменилась и коснулась его детей. В пустоте Ничто есть магнетическое притяжение; над головами детей сгущались тучи зла и досадного неумения пользоваться властью.

Ганима, наблюдая за игрой чувств на лице бабушки, поняла, что Джессика отбросила всякую осторожность.

Синхронно, как автоматы, внучка и бабушка взглянули в глаза друг другу, и между ними начался обмен мыслями, разговор без слов, но исполненный глубокого смысла.

Джессика: Я хочу, чтобы ты видела мой страх.

Ганима: Теперь я вижу, что ты любишь меня.

Это был момент наивысшего взаимного доверия.

Джессика заговорила вслух:

– Когда твой отец был еще ребенком, я привезла на Каладан Преподобную Мать, чтобы испытать его.

Ганима кивнула. Память об этом была жива в сознании девочки.

– Мы, Бене Гессерит, принимали все меры предосторожности, чтобы быть уверенными в том, что дети, которых мы воспитываем, – люди, а не животные. По внешним же признакам не всегда можно об этом судить.

– Так вас учили, – сказала Ганима, и память захлестнула ее: старая Бене Гессерит, Гайя-Елена Мохийам, прибывшая в Замок Каладана с гом джаббаром и ящиком жгучей боли. Рука Пола (а сейчас рука Ганимы) корчилась от невыносимой боли, а стоявшая рядом старуха спокойным голосом говорила о неминуемой смерти при попытке выдернуть руку из ящика. И какое могло быть сомнение в неминуемой смерти, если к детской шее была приставлена смертоносная игла. Старческий голос между тем продолжал свое объяснение:

«Ты слышал о животных, которые перекусывают свои лапы, попав в капкан. Но так поступают именно животные. Человек должен остаться в ловушке, пережить боль, презирая смерть и отгоняя ее возможностью убить самого охотника, расставляющего капканы, и тем отвести угрозу от своего рода».

Ганима, вспоминая страшную боль, исступленно затрясла головой. Огонь! Огонь! Пол видел, как кожа сворачивается и чернеет, плоть трескается и отделяется от обугленных костей. Но все это было видением – рука осталась

невредимой. Однако при одном воспоминании об этом ужасе на лбу Ганимы выступил холодный пот.

– Конечно, ты можешь помнить об этом событии то, что не могу помнить я, – сказала Джессика.

В какой-то момент, увлеченная притяжением памяти, Ганима увидела бабушку в совершенно ином свете: насколько глубоко эта женщина была закалена ранними формами обучения у Бене Гессерит! Но это породило еще больше вопросов о причинах возвращения Джессики на Арракис.

– Было бы неразумно повторять такие испытания на тебе или твоем брате, – заговорила Джессика. – Вы же знаете суть этих испытаний. Но я должна признать, что вы – люди и не станете использовать во вред унаследованные вами силы и способность повелевать.

– Но совершенной уверенности у тебя нет, – возразила Ганима.

Джессика поняла, что барьеры снова водворились на место и убрала их, спросив:

– Ты хочешь поверить в мою любовь к вам?

– Да, – ответила Ганима и подняла руку, видя, что Джессика собирается говорить. – Но эта любовь не остановит тебя при необходимости уничтожить нас. Я даже знаю основание: «Лучше пусть человек-животное погибнет, нежели будет плодить себе подобных». Это особенно верно, если человек-животное носит имя Атрейдесов.

– Во всяком случае, ты – человек, – выпалила Джессика. – Я доверяю своим инстинктам в этом отношении.

Ганима почувствовала искренность в тоне бабушки.

– Но в Лето ты не уверена.

– Нет.

– Мерзость?

Джессика, потеряв дар речи, смогла только кивнуть в ответ.

– Пока еще нет, – заговорила Ганима. – Мы оба сознаем эту опасность, мы же видим Алию.

Джессика прикрыла ладонями глаза: Даже любовь не может защитить нас от непрошеных фактов. Она знала, что любит дочь вопреки жестокой судьбе и своей роли в ней: Алия, о, Алия! Прости меня за то, что мне придется убить тебя!

Ганима судорожно выдохнула.

Джессика опустила руки: Я могу оплакивать свою возлюбленную дочь, но сейчас у меня другие задачи.

– Так вы поняли, что произошло с Алией?

– Мы с Лето видели, как это случилось, и были бессильны помешать, хотя обсуждали многие возможности.

– Ты уверена, что твой брат чист?

– Да.

Невозможно было отринуть спокойную уверенность в голосе Ганимы, и Джессика поверила ей.

– Как вам удалось этого избежать?

Ганима рассказала, что они с Лето избегали меланжевого транса, и это отличало их от Алии. На этом была выстроена теория о том, как уйти от Мерзости. Рассказала Ганима и о снах Лето, и о его желании посетить Якуруту.

Выслушав внучку, Джессика кивнула головой.

– Алия принадлежит к Дому Атрейдес, и это создает немало проблем.

Ганима замолчала и вдруг до нее дошло, что бабушка оплакивает своего герцога так, словно он умер только вчера, что она будет хранить память о нем, несмотря на все угрозы и жизненные перипетии. Личная память о герцоге охватила Ганиму, острота потери смягчилась пониманием.

– Теперь, – голос Джессики стал резким и отчетливым, – поговорим о Проповеднике. Вчера я услышала некоторые тревожные подробности во время этого проклятого Просветления.

Ганима пожала плечами.

– Возможно, это...

– Пол?

– Да, но мы не видели его и не можем утверждать это.

– Джавид смеется над этими россказнями, – сказала Джессика.

Ганима заколебалась, но потом спросила:

– Ты доверяешь этому Джавиду?

Губы Джессики тронула жестокая усмешка:

– Не больше, чем ты.

– Лето говорит, что Джавид смеется не над теми вещами.

– Довольно о смехе Джавида, – произнесла Джессика. – Меня больше интересует, насколько серьезно вы относитесь к тому, что мой сын вернулся в таком обличье?

– Мы бы сказали, что это возможно. А Лето... – У Ганимы вдруг пересохло во рту, когда она вспомнила тот страх, который так недавно стискивал ее грудь, но она переступила через страх и рассказала Джессике о снах Лето, связанных с предзнанием.

Охваченная грустью и болью, Джессика принялась раскачиваться на подушке из стороны в сторону.

– Лето сказал, что должен найти Проповедника и убедиться... – сказала Ганима.

– Да... Конечно. Мне не следовало уезжать отсюда, я проявила недопустимое малодушие.

– Зачем ты обвиняешь себя? Ведь ты дошла до предела. Я знаю это, и Лето тоже. Мне кажется, что об этом знает и Алия.

Джессика потерла рукой горло:

– Да, вся проблема заключается именно в ней.

– Это очень странно, но она притягивает Лето, словно магнит, – сказала Ганима. – Именно поэтому я помогла тебе встретиться со мной наедине, без него. Он согласен, что для Алии нет спасения, но хочет быть рядом с ней, чтобы изучить ее. И... это очень меня беспокоит. Когда я пытаюсь заговорить с ним об этом, он засыпает...

– Она соблазняет его?

– Нет-нет! – Ганима энергично тряхнула головой. – Но он чувствует какую-то странную эмпатию по отношению к Алие. И... во сне он часто произносит слово Якуруту.

– Опять! – Джессика сразу вспомнила слова Гурни о заговорщиках, собравшихся в космопорте.

– Иногда я боюсь, что это именно Алия побуждает Лето искать Якуруту, – продолжала Ганима. – Я сама склонна думать, что это всего лишь легенда. Но ты, конечно, ее знаешь.

Джессика содрогнулась:

– Ужасная история! Просто ужасная!

– Что мы должны делать? – спросила Ганима. – Я боюсь проникать в свою память, во все свои прошлые жизни...

– Я тоже хочу предостеречь тебя от этого, ты не должна рисковать...

– Это может случиться помимо моей воли и боязни риска. Откуда мы можем знать, что в действительности случилось с Алией?

– Нет! Ты можешь уберечься от этого обладания, – Джессика с трудом выдавила из себя это слово. – Значит... Якуруту, да? Я послала Гурни найти это место – если оно, конечно, существует.

– Но как он сможет... О, я же забыла о контрабандистах.

Джессика была поражена до немоты еще одним примером способности Ганимы проникать во внутренний мир других людей. Боже мой! Как это странно, – подумала Джессика, – что эта юная плоть способна вместить в себя всю память Пола, по меньшей мере до того момента, когда в его сперматозоиде произошло отделение от прошлых воспоминаний. Это было вторжением в самую интимную часть личности, против которой восстало все примитивное и древнее, что было в душе Джессики. В тот же миг она погрузилась в абсолютное и непоколебимое суждение Бене Гессерит: Мерзость! Однако в этом нежном создании было столько сладости, готовности пожертвовать собой во имя брата, что Джессика не смогла удержаться от чувства умиления.

Мы – одна жизнь, протянутая в темное будущее, – подумала женщина. – Мы – одна кровь. Она преисполнилась решимости принять на себя ответственность за те события, которые последуют за их с Гурни решением. Лето надо

разлучить с Ганимой и воспитывать в полном соответствии с требованиями Общины Сестер.

* * *

Я слышу, как завывает ветер, дующий в Пустыне, вижу, как восходят зимние луны, подобные кораблям, плывущим в пустоте. Им приношу я свою клятву: Я буду решителен и овладею искусством правления. Я овладею своей унаследованной памятью о прошлом и стану надежным ее хранилищем. Я прославлюсь более своей добротой, нежели знанием. Лицо мое будет светить во времени вечно, пока пребудет род людской.

Клятва Лето, по Харку аль-Ада

Будучи совсем юной, Алия Атрейдес посвятила много времени практике транса прана-бинду, стараясь защитить свою сокровенную личность от посягательств всех прочих. При этом она знала, что основная трудность заключается в невозможности избежать употребления меланжи в тесном пространстве сиетча. Меланжа была всюду: в пище, воде, воздухе и даже в ткани платка, куда она выплакала по ночам немало слез. Очень рано познала Алия смысл сиетчских оргий, во время которых участники пили мертвую воду червей. Во время оргий фримены освобождались от накопленного давления генетической памяти, после чего могли отрицать само ее существование. Алия видела, как ее подруги становились зомби во время таких оргий.

Для нее самой не существовало ни такого освобождения, ни отрицания. Сознание пришло к ней задолго до физического рождения. С этим осознанием явилось апокалиптическое знание условий своего существования: запертая в чреве матери, она с трагической неизбежностью входила в соприкосновение с масками всех своих предков и всех, кто так или иначе посмертно через мертвую росу передавал душу госпоже Джессике. Еще до рождения Алия знала все, что надлежит знать Преподобной Матери Бене Гессерит – плюс многое, многое другое обо всех прочих.

В этом знании содержалось признание чудовищной реальности – Мерзости. Тотальность этого знания высасывала из Алии все силы. Предрожденное не ушло после рождения. Она продолжала сражаться с призраками своих предков на протяжении всего детства, одержав в этой битве временную пиррову победу. У Алии была собственная личность, но не было иммунитета против случайного вторжения тех, кто в своей рефлектированной жизни проходил сквозь ее душу.

Такой в один прекрасный день стану и я, – думала Алия, и холодок бежал по ее спине. Идти и распадаться в течение жизни ребенка, ею же самой порожденного, постоянно вторгаясь и проникая в сознание, чтобы по крупице приобретать опыт.

Страх украл у нее детство. Страх продолжался и позже, в юности. Алия отважно сражалась с ним, не зовя никого на помощь. Да и кто смог бы понять, как помочь ей? Уж во всяком случае не мать, которая никогда не могла освободиться от железного диктата Бене Гессерит: предрождение равнозначно приобщению к Мерзости.

Потом наступила та роковая ночь, когда ее брат один ушел в Пустыню искать смерти, предавая себя Шаи-Хулуду, как требует того от слепых закон фременов. Через месяц Алия вышла замуж за оружейника Пола Дункана Айдахо, чей дух был возрожден из мертвых искусством тлейлаксу. Мать вернулась на Каладан, Алия стала официальным опекуном близнецов Пола.

Она стала регентшей.

Груз ответственности отодвинул страх на второй план, и она широко распахнула свою душу проходившим сквозь ее душу жизням, спрашивая их совета, погружаясь в транс зелья в поисках указующих видений.

Кризис наступил в ничем не примечательный день месяца Лааб, ясным утром в Убежище Муад'Диба, когда холодный ветер дул с полюса. Алия все еще носила желтый цвет, цвет траура и чистого, непорочного солнца. В последние недели она все больше и больше силилась отделаться от

внутреннего голоса матери, которая настаивала на приготовлениях к празднику, центром которого должен был стать храм.

Самосознание Алии стало понемногу ослабевать… В конце концов оно превратилось в безликое требование, понудившее Алию заняться разработкой законодательства Атрейдесов. Внутренние жизни напирали все сильнее, и каждая из них требовала хотя бы момента в сознании. Алия почувствовала, что под ее ногами разверзается бездонная пропасть, из которой во множестве, словно тучи прожорливой саранчи, поднимались чужие лица. Чтобы не сойти с ума, Алие пришлось сконцентрировать свое внимание на одном из этих лиц, похожем на звериную морду – то был барон Харконнен. В страшной ярости Алия издала бешеный крик, чтобы перекричать разноголосый гомон – это на время вернуло ей покой.

В то утро Алия, как обычно, решила прогуляться перед завтраком по саду на крыше Убежища. Чтобы и на этот раз выиграть внутреннюю битву, она сосредоточила все свое знание на напутствии Чоды Дзенсунни:

«Сойдя со ступени лестницы, можно упасть и вверх!»

Однако утренний свет, озарявший утесы Защитного Вала, постоянно отвлекал ее внимание. Отвернувшись от Защитного Вала, Алия уперлась взглядом в траву, покрытую ночной росой. В каплях отражалась сама Алия, словно раздробившаяся на тысячу маленьких зеркал.

От этого множества у Алии закружилась голова. Ей представилось, что каждое отражение несет одно из лиц внутреннего множества.

Алия попыталась подумать о том, что означает роса на траве, как далеко зашла экологическая трансформация Арракиса. Произошло потепление климата этих северных широт; в атмосфере возросло содержание углекислого газа. Она напомнила себе, сколько гектаров земли будет в этом году засажено деревьями, а ведь каждый зеленый гектар требует для полива тридцать семь тысяч кубических футов воды.

Однако попытки сосредоточиться на мирских заботах были тщетны – перед внутренним взором, словно стая акул, продолжали кружиться эти проклятые другие.

Алия с силой прижала ладонь ко лбу.

На закате предыдущего дня храмовая стража привела к ней на суд заключенного, некого Эссаса Паймона, маленького темного человечка, который для отвода глаз торговал всякой мелочью и предметами религиозного культа в Небриосе. В действительности Паймон был агентом Межпланетного суда чести, в задачу шпиона входил сбор сведений о ежегодном урожае дурмана. Алия уже собиралась отправить его в темницу, но узник начал громко протестовать, крича о несправедливости Атрейдесов. Эта дерзость могла стоить ему смертного приговора через повешение, но Алия была поражена его отвагой. Она сурово заговорила с ним с высоты своего трона, стараясь запугать узника и выведать больше, чем смогли узнать от арестованного дознаватели.

– Почему межгалактическому суду так важно знать, каков урожай зелья? – спросила Алия. – Скажи нам, и мы, может быть, пощадим тебя.

– Я собираю кое-что сам, – ответил Паймон, – ровно столько, сколько требует рынок. Я не знаю, что происходит дальше с моим урожаем.

– И из-за этих жалких грошей ты вмешиваешься в наши королевские планы? – вкрадчиво поинтересовалась Алия.

– Но королей никогда не интересует, что у нас тоже могут быть свои планы, – отпарировал узник.

Принцесса была пленена таким мужеством.

– Эссас Паймон, будешь ли ты работать на меня?

Темное лицо заключенного осветилось белозубой усмешкой:

– Вы без малейших колебаний собирались упрятать меня в подземелье. Какие новые ценные качества вы во мне открыли, что предлагаете продать их вам?

– Ты обладаешь простой и практической ценностью – мужеством и отвагой, – ответила Алия, – поэтому я предлагаю

тебе самую высокую цену. Я заплачу тебе больше, чем кто-либо другой в Империи.

И тут Эссас оценил свои услуги в такую сумму, что Алия лишь рассмеялась и предложила более разумную плату, добавив, что такие деньги он никогда и ни от кого не получал.

– И, естественно, я кладу на чашу весов твою жизнь, которая для тебя тоже, наверно, представляет большую ценность.

– По рукам! – воскликнул Паймон, и по сигналу Алии его увели к Мастеру Договоров Зиаренко Джавиду.

Час спустя, когда Алия собиралась покинуть Дворец Правосудия, в зал торопливо вошел Джавид и сообщил, что стража подслушала, как Эссас пробормотал строки из католической библии: «Maleficos non patieris vivere».

«Ты не должен будешь терпеть живых ведьм» – перевела с латинского Алия. Так вот какова благодарность! Этот мерзавец замыслил покушение на ее жизнь! В приступе ярости, какой Алия не испытывала никогда в жизни, она приказала немедленно казнить Паймона и послать его тело в храм – пусть его вода служит хотя бы священникам!

Всю ночь Алию преследовало во сне темное лицо узника.

Она пустила в ход все свои ухищрения, чтобы избавиться от этого преследования, читала наизусть строки Бу Джи из Фрименской Книги Креоса: «Ничего не произошло! Ничего не произошло!» Но Паймон мучил ее всю ночь до самого утра этого головокружительного дня; она неотвязно видела его лицо в одной из капель росы.

Женщина-стражница позвала Алию завтракать. Алия вздохнула и пошла к двери, скрытой за низкой живой изгородью из мимозы. Как мал, в сущности, выбор между двумя преисподними: крик стражницы или крик в душе Алие – какие это бессмысленные звуки, подобные шороху песка в часах. У принцессы появилось страстное желание прекратить все мучения ударом ножа.

Не обратив внимания на зов, Алия посмотрела на Защитный Вал. Бахада оставил широкую вымоину, которая,

словно изломанный веер, покрывала владения принцессы. Перед взором Алии расстилалась песчаная дельта, которую неискушенный взгляд мог бы принять за реку со спокойным и гладким течением, но в действительности это было то самое место, где ее брат взорвал Стену атомным зарядом Атрейдесов и на песчаных червях ворвался в город, отняв престол у своего предшественника Шаддама Четвертого. Теперь вдоль стены протекал широкий канал, ставший неодолимой преградой для песчаных червей. Черви боятся соприкосновения с водой – она для них яд.

Хорошо было бы иметь такой барьер в голове, – подумала Алия.

От этой мысли усилилось головокружительное чувство отчуждения от реальности.

Песчаные черви! Песчаные черви!

Услужливая память представила целую галерею выдающихся червей: Могущественный Шаи-Хулуд, демиург фрименов, смертельно опасный зверь глубин Пустыни, в чьих выделениях содержалось бесценное зелье. Как странно, что это могучее животное выросло из плоской и сухой песчаной форели, подумала Алия. Они, эти форели, подобны множеству роящихся в ее голове образов. Соединившись концом в конец, песчаные форели образовывали вокруг почвы планеты живую цистерну; они несли воду, без которой не мог жить вектор песчаных червей. Здесь была прямая аналогия, которая не укрылась от Алии: некоторые из других несли с собой силу, способную убить ее самое.

Стражница снова позвала Алию, на этот раз в голосе женщины послышалось нетерпение.

Алия в гневе обернулась и махнула рукой.

Стражница послушно исчезла, правда, довольно громко хлопнув дверью.

Как только раздался стук двери, Алия снова оказалась во власти всего того, что она с такой страстью хотела отринуть от себя. Чужие жизни хлынули в сознание, как морской прилив. Каждая жизнь стремилась протиснуться в ее сознание

– это была целая туча лиц. Некоторые из них были поражены чесоткой, другие – грубые, покрытые черными тенями; виднелись рты, похожие на мокрые губки. Сонмище лиц захлестывало, призывало сдаться и окунуться в этот нескончаемый поток.

– Нет, – неистово зашептала Алия. – Нет… нет… нет…

Она неминуемо бы упала на дорожку, но рядом оказалась скамья, на которую Алия опустилась. Она попыталась сесть, но не смогла и всем телом вытянулась на холодном пластике, по-прежнему шепча слово «нет».

Волна образов продолжала захлестывать ее разум.

Она чувствовала, что ее душа настроена на каждый вопль из этой толпы, которая шумела внутри нее. Это была какофония просьб и требований выслушать или просто обратить внимание: «Я, я! Нет, я!» Алия поняла, что, если она действительно обратит внимание хоть на одного из этих призраков, – она погибнет. Надо выделить одно лицо, одно-единственное и удержаться на плаву с помощью эгоцентризма, разделенного с другим человеком, который, в свою очередь, разделит с ней ее существование.

– Предзнание вытворяет с тобой такие штучки, – прошептал чей-то голос.

Она закрыла уши руками, думая: «Я не предзнающая! Транс не помогает мне!»

Но голос продолжал настаивать: «Он сработает, если ты ему поможешь».

– Нет, нет, – шептала Алия.

В ушах ее зазвучали и другие голоса.

– Я, Агамемнон, твой предок, требую аудиенции!

Она с такой силой сжала уши, что живая плоть ответила ей болью.

Чей-то голос, дурацки хихикая, спросил:

– Знаешь, кто получился из Овидия? Нет? Это так просто. Он же вылитый Джон Бартлетт!

В том состоянии, в котором находилась Алия, все имена были лишены какого бы то ни было смысла. Ей хотелось

кричать, но в невообразимом гомоне она бы не услышала собственного голоса.

Из дома снова вышла стражница, посланная старшей служанкой, посмотрела поверх живой изгороди, увидела лежащую Алию и громко сказала:

– А, так она отдыхает. И то правда, она так плохо спала прошлой ночью. Заха, утренняя сиеста будет ей очень полезна.

Алия не слышала стражницу. В ее мозгу, отдаваясь под сводом черепа, зазвучала развеселая песня: «Мы старые шальные птички, ура!» Я схожу с ума, – подумала Алия. – Я теряю разум.

Ноги Алии судорожно дернулись, ступни стукнулись о скамью. О, если бы она могла владеть своим телом, то тотчас бы бросилась бежать куда глаза глядят. Надо бежать, иначе эти голоса настолько овладеют ее душой, что она навсегда ее потеряет. Но мышцы не повиновались Алие. Ей, которая движением бровей могла ниспровергнуть Империю, не повиновалось собственное тело!

В голове Алии усмехнулся чей-то голос:

– Существует точка зрения, детка, согласно которой каждый случай нового творения является катастрофой, – баситый голос рокотал прямо за глазницами, усмешка словно издевалась над священническими интонациями собственного голоса. – Милое дитя, я помогу тебе, но и ты должна будешь помочь мне.

Звук голоса едва не потерялся на фоне жужжащего гомона толпы. Стуча зубами, Алия с трудом выдавила из себя:

– Кто..., кто?..

В сознании возникло лицо. Лицо улыбалось и было таким жирным, что его можно было принять за младенческое, если бы не горящие вожделением глаза. Алия подалась назад, но достигла только того, что в поле ее зрения попало тело – огромное, жирное тело, одетое в просторную одежду, из-под которой выступали портативные суспензории, поддерживавшие неимоверные складки жира.

– Видишь ли, – снова зарокотал бас, – это твой дед по материнской линии. Ты меня знаешь. Я – барон Владимир Харконнен.

– Но… ты же давно умер, – едва не задохнулась Алия.

– Ну конечно же, моя дорогая! Большинство из тех, кто осаждает тебя сейчас, тоже давным-давно мертвы. Но никто из них не хочет и не может тебе помочь. Они тебя просто не понимают.

– Уходи, – умоляюще произнесла Алия. – О, прошу тебя, уходи.

– Но тебе нужна помощь, внучка, – не согласился барон.

Как поразительно он выглядит, – прикрыв веки и разглядывая огромную фигуру, подумала Алия.

– Я прямо-таки жажду помочь тебе, – льстиво увещевал барон. – Другие дерутся между собой, чтобы завладеть твоей душой целиком. Каждый хочет управлять тобой. Но я… Я хочу занять в твоей душе только маленький уголок.

Другие жизни в сознании Алии снова подняли гвалт. Прилив снова начал захлестывать Алию, когда она вдруг услышала голос матери. Ведь она жива, – подумалось принцессе.

– Молчать! – скомандовал барон.

Собственное желание Алии усилило команду, громко прозвучав под сводами сознания.

Наступившая тишина омыла Алию, словно холодной водой. Женщина почувствовала, как начинает замедляться ее пульс. Раздался успокоительный голос барона.

– Ну что? Вместе мы непобедимы. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе.

– Что… что ты от меня хочешь взамен? – прошептала Алия.

Жирное фатоватое лицо стало грустным.

– Ах, моя дорогая внучка, – сказал он. – Я хочу всего-навсего несколько простых удовольствий. Позволь мне хотя бы немного прикоснуться к твоим чувствам. Никто об этом не узнает. Пусть я почувствую хотя бы маленький уголок

этих чувств, например, когда ты с любовником. Разве это не малая цена?

– Д-да.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворенно хрюкнул барон. – Взамен я могу очень многое для тебя сделать. Я могу давать тебе советы, помогать тебе рекомендациями. Ты будешь непобедима внутри и снаружи. Ты сметешь со своего пути всякую оппозицию. История забудет твоего брата и восславит тебя. Тебя ожидает великое будущее.

– Ты... не позволишь... другим одержать верх?

– Они не устоят против нас! Поодиночке они нас раздавят, но вместе мы им покажем. Сейчас я продемонстрирую. Слушай.

Барон замолчал, исчез и его образ. Ни одной памяти, ни одного образа, ни одного голоса не появилось в сознании.

Дрожа всем телом, Алия с облегчением вздохнула.

Вместе со вздохом явилась мысль. Она как будто была ее собственной, но позади нее слышались тихие голоса:

– Старый барон был воплощением зла. Он убил твоего отца. Он убил бы и тебя с Полом. Барон пытался это сделать, но у него ничего не вышло.

Раздался голос барона, хотя его лица не было видно:

– Конечно, я бы убил тебя. Разве ты не стояла на моем пути? Но этот спор кончился. Ты победила, дитя мое. Теперь ты – новая истина.

Алия кивнула, слегка поцарапав при этом движении щеку о шероховатую скамейку.

В его словах есть рациональное зерно, – подумала женщина. Старое предписание Бене Гессерит вполне согласовывалось со словами барона: «Цель спора – изменить природу истины».

Да... именно так Бене Гессерит истолковал бы слова барона.

– Точно! – воскликнул барон. – Кроме того, я мертв, а ты жива. Мое существование очень хрупко. Я лишь суть памяти

внутри тебя. Я полностью подчинен тебе и прошу лишь крошечную мзду за те глубокие советы, которые могу дать тебе.

– Что бы ты посоветовал мне сейчас? – спросила Алия.

– Ты очень обеспокоена приговором, который вынесла вчера, – ответил барон. – Ты сомневаешься в том, что слова Паймона были верно переданы тебе. Возможно, Джавид увидел, что Паймон угрожает прочности его позиций при твоей особе. Разве не это сомнение терзает тебя?

– Д-да.

– Твое сомнение основано на точном наблюдении, не так ли? Джавид проявляет все больше интимности в отношении тебя. Это заметил даже Дункан, не правда ли?

– Ты же знаешь, что правда.

– Так вот и возьми Джавида в любовники и…

– Нет!

– Ты беспокоишься о Дункане? Но твой муж – духовный мистик. Его не тронут действия плоти, они не принесут ему ни малейшего вреда. Разве ты иногда не чувствуешь, как он далек от тебя?

– Н-но он…

– Духовная часть Дункана поймет, надо ли ему знать о том инструменте, с помощью которого был устранен Джавид.

– Устра…

– Ну конечно! Опасные инструменты надо использовать, но потом их выбрасывают, чтобы они не стали слишком опасными.

– Тогда… почему… я хочу сказать…

– Ах ты, тупица! В этом уроке содержится большая ценность.

– Не понимаю.

– Ценности, моя дорогая внучка, принимаются в зависимости от их успеха. Преданность Джавида должна быть безусловной, его восприятие твоей власти – абсолютным, а его…

– Мораль этого урока переходит…

– Не будь такой тупой, внучка! Мораль должна всегда основываться на практичности. Вспомни о Цезаре и прочих. Победа бесполезна, если она не приносит исполнения сокровенных желаний. Разве тебя не привлекает мужественность Джавида?

Алия едва не задохнулась – настолько была ненавистна сама мысль сделать это признание, к которому ее принудила полная обнаженность перед внутренним наблюдателем.

– Д-да.

– Очень хорошо! – Фраза прозвучала в мозгу женщины очень игриво. – Вот теперь мы начинаем понимать друг друга. Когда он станет беспомощным, лежа в твоей постели, убежденный в том, что ты его рабыня, заведи шутливый разговор и спроси его о Паймоне. При этом больше смейся. Когда же он признается в обмане, возьми нож и воткни его между ребер Джавида. Поток крови может многое добавить к удовлет...

– Нет, – горячо зашептала Алия. Во рту у нее пересохло от ужаса. – Нет... нет... нет...

– Тогда я сам сделаю это за тебя, – не сдавался барон. – Это надо сделать; ты сама это признаешь. Если ты все устроишь, то я предлагаю временное помутнение...

– Нет!

– Твой страх так прозрачен, внучка. Мое управление твоими чувствами может быть лишь временным. Есть и другие, которые могут имитировать то совершенство, с которым... Но ты и сама все знаешь. Со мной люди сразу догадаются о моем присутствии.

Ты знаешь, что делает Закон фрименов с такими одержимыми. Они подлежат казни. Да – даже ты, но я не хочу, чтобы это произошло. Я сам позабочусь о Джавиде, а когда все будет кончено, отойду в сторону. Тебе надо только...

– Это будет еще один добрый совет?

– Он избавляет тебя от опасного инструмента. И, детка, он устанавливает рабочие отношения между нами,

отношения, которые научат тебя правильно судить в будущем, что...

– Научат меня?

– Естественно!

Алия прижала пальцы к глазам и стала думать, прекрасно отдавая себе отчет в том, что каждая ее мысль становится достоянием присутствующего в ней барона, а порожденные им мысли могут восприниматься ею как ее собственные.

– Зря ты так волнуешься, – льстиво проговорил барон. – Этот Паймон уже...

– То, что я сделала, было несправедливо! Я была утомлена, а надо было найти доказательства...

– Ты поступила совершенно правильно! Твой суд не может основываться на такой глупой абстракции, как Атрейдесово понятие о равенстве. Именно оно заставило тебя ворочаться всю ночь, а не смерть Паймона. Ты приняла правильное, хорошее решение! Он был еще одним опасным инструментом, а ты действовала в интересах сохранения порядка в вверенном тебе обществе. Вот достойное основание суда, а не эта бессмысленная справедливость. Нигде в мире нет равной для всех справедливости. Любое общество рухнет, если попытаться проводить в нем идею всеобщего равенства.

Алия почувствовала удовольствие от похвалы в адрес своего приговора, но испытала потрясение от аморальности аргументов.

– Равенство Атрейдесов... было... – она отняла ладони от глаз, но веки остались прикрытыми.

– Все твои духовные судьи должны знать об этой ошибке, – продолжал поучать барон. – Решения должны быть взвешенными в том, что касается их пользы в достижении упорядоченного общества. Цивилизации прошлого в огромном количестве терпели крушение, именно наталкиваясь на скалу равной справедливости. Эта глупость уничтожает естественную иерархию, которая гораздо более важна.

Любой индивид имеет значение только в свете своего отношения к твоему тотальному обществу. Пока общество не упорядочено в логической последовательности, в нем никто не может найти себе места – ни низшие, ни высшие. Да, да, внученька! Ты должна быть суровой матерью своему народу. Твоя обязанность – хранить порядок.

– Все, что делал Пол…

– Твой брат умер неудачником.

– Но о тебе можно сказать то же самое!

– Верно… но со мной произошел несчастный случай, который я не мог предусмотреть. Ладно, давай теперь займемся Джавидом, как я тебе говорил.

Она почувствовала, как против ее воли тело наливается приятным теплом. Она подумала: Если это будет сделано, то только для того, чтобы поставить Джавида на место. Нет нужды убивать его. Дурак все расскажет и так… в моей постели.

– С кем вы разговариваете, госпожа? – спросил женский голос.

В какой-то момент ошеломленная Алия подумала, что это один из ее внутренних голосов, но потом поняла, что это не так, и открыла глаза. Начальница амазонской гвардии Зияренка Валефор стояла возле скамьи и, озабоченно нахмурившись, смотрела на свою повелительницу.

– Я говорила со своими внутренними голосами, – сказала Алия и села. Она чувствовала себя отдохнувшей после того, как какофония внутренних голосов наконец смолкла.

– С внутренними голосами, о, я поняла госпожа. – Глаза Зияренки блеснули уважением. Все знали, что Святая Алия пользуется для совета внутренними источниками, недоступными другим смертным.

– Приведи Джавида в мои апартаменты, – приказала Алия. – Мне надо обсудить с ним один очень важный вопрос.

– В ваши апартаменты, моя госпожа?

– Да, в мои личные покои.

– Как прикажете, госпожа. – Амазонка отправилась выполнять приказ.

– Одну минуту, – окликнула ее Алия. – Мастер Айдахо уже уехал в сиетч Табр?

– Да, госпожа. Он уехал еще до рассвета, как вы и велели. Вы хотите, чтобы я послала…

– Нет, Зия, этим я займусь сама. Кроме того, никто не должен знать, что Джавид у меня. Приведешь его сама. Это очень серьезное дело.

Амазонка положила ладонь на рукоятку кинжала:

– Госпожа, если существует угроза…

– Да, угроза существует, и сердцем ее является сам Джавид.

– О, моя Госпожа, может быть, не следует приводить…

– Зия, не думаешь ли ты, что я не способна самостоятельно справиться с этим человеком?

На губах амазонки заиграла улыбка волчицы:

– Простите меня, госпожа. Я сейчас приведу Джавида в ваши личные покои, но… Госпожа, с вашего разрешения, я поставлю стражу у дверей.

– У дверей будешь только ты.

– Слушаю и повинуюсь, госпожа. Я иду.

Алия мысленно кивнула себе, глядя, как Зияренка задом пятится к дверям. Охрана Алии не любила Джавида. Это еще один балл ему в минус. Однако он очень ценен, очень. У него ключ к Якуруту, а это то самое место…

– Наверно, вы были правы, барон, – прошептала женщина.

– Ты сама увидишь! – хрюкнул знакомый голос. – Ах, какое удовольствие будет служить тебе, дитя мое, а ведь это только начало…

* * *

Истории народов пронизаны иллюзиями, которые активно поддерживают господствующие религии: злые люди никогда не процветают; только храбрые заслуживают награды; честность – лучшая политика; действия весомее слов; добродетель всегда побеждает; доброе деяние заключает награду в себе самом; плохого человека можно исправить; религиозные талисманы защищают от одержимости демонами; только мужчины понимают значение древних таинств; богатые обречены на несчастье…

Сборник инструкций «Missionaria protectiva»[21]

– Меня зовут Мюриз, – отрекомендовался сухощавый фримен.

Он сидел на ноздреватом камне в пещере, освещаемой трепещущим светом фитильной лампы, выхватывавшим из темноты влажные стены и черные провалы дыр, служившими входом в пещеру. От одного из таких лазов доносились равномерные удары капающей с потолка воды. Эта капель, которую можно было принять за ипостась нынешнего фрименского рая, не вызывала ни малейшего восторга у шестерых связанных мужчин, смотревших на Мюриза. В помещении висел неистребимый запах плесени и смерти.

В отверстии входа появился подросток приблизительно четырнадцати стандартных лет от роду, вошел в помещение и встал по левую руку от Мюриза. На ноже сверкнул желтый блик лампы, когда мальчик указал кончиком лезвия на каждого из шести связанных.

Указав рукой на подростка, Мюриз сказал:

– Это мой сын, Ассан Тарик, он готов пройти испытание мужества.

Мюриз откашлялся и осмотрел шестерых пленников. Они сидели на камнях большим полукругом вокруг хозяина, надежно связанные канатами, прочно схватывавшими лодыжки. Руки были связаны за спиной. На концах веревок

[21] «Защита миссионеров» (лат.). – Примеч. пер.

были петли, накинутые на шеи узников. Защитные костюмы были разрезаны на горле.

Мужчины не отвели взглядов, когда Мюриз посмотрел на них. На двоих пленниках были свободные одежды городских жителей Арракина; кожа их была светлее, чем у их товарищей по несчастью, чьи грубые черты и широкая кость изобличали в них истинных сынов Пустыни.

Мюриз и сам был похож на них, но его глаза были посажены настолько глубоко, что в них даже не отражался тусклый свет фитильной лампы. Сын был неоформившейся копией отца – на его по-детски плоском лице отражалось кипение обуревавших его чувств.

– У нас, Отверженных, существует особый ритуал посвящения в мужчины, – сказал Мюриз. – Настанет день, когда мой сын примет должность судьи в Шулохе. Мы должны убедиться в том, что он способен исполнять свой долг. Наши судьи не имеют права забывать Якуруту и день нашего отчаяния. Крализек, Тайфуноборец, вечно жив в наших сердцах.

Все это было произнесено ровным, ритуальным тоном.

– Ты поступаешь несправедливо, угрожая нам и связав, как пленников. «Мы мирно направлялись на умму», – сказал один из городских жителей.

Мюриз согласно кивнул:

– Вы шли туда в поисках личного религиозного пробуждения? Вот и хорошо. Вы переживете такое пробуждение.

– Если мы… – начал было пленник, но его перебил другой фримен – уроженец Пустыни.

– Молчи, глупец! Это же похитители воды. Мы думали, что уничтожили эту нечисть.

– Это старая история, – промолвил в ответ городской.

– Якуруту – это больше чем просто история. – Мюриз кивнул в сторону сына. – Я только что представил вам Ассана Тарика. Я – арифа – единственный здесь судья, и мой сын тоже научится распознавать демонов. Старые способы всегда лучше новых.

– Именно поэтому мы попали в глубину Пустыни, – запротестовал городской житель. – Мы избрали древний способ и путешествовали с...

– С наемными проводниками, – перебил его Мюриз, указывая рукой на темнокожих пленников. Он снизу вверх взглянул на сына. – Вы хотели купить путь на небо? Ассан, ты готов?

– Я много думал о той ночи, когда пришли те люди и начали убивать наш народ, – сказал Ассан. В голосе его звучало неимоверное напряжение. – Они должны отдать нам воду.

– Твой отец дает тебе шестерых из них, – произнес Мюриз. – Их вода отныне принадлежит нам. Их тени – твои; твои хранители – отныне и навсегда. Их тени предупредят тебя о появлении демонов. Они станут твоими рабами, когда ты перейдешь в Алам аль-Митхаль. Что скажешь, сын мой?

– Благодарю тебя, отец, – сказал Ассан и выступил вперед. – Я принимаю звание мужчины среди Отверженных. Эта вода – наша вода.

Произнеся формулу, юноша пересек пещеру и приблизился к пленникам. Начав с крайнего левого, он хватал узника за волосы и вонзал кинжал под подбородок, доставая до мозга, проливая при этом очень мало крови. Только один из пленников – городской житель – жалобно кричал при этом. Остальные встретили смерть мужественно, произнеся перед ударом ритуальную фразу: «Смотри, как мало ценю я свою воду, когда ее забирает животное!»

Когда все было кончено, Мюриз хлопнул в ладоши. Вошедшие слуги унесли тела в покои мертвых, где они смогут питаться своей водой.

Мюриз встал и посмотрел на сына, который, тяжело дыша, смотрел, как слуги выносят трупы казненных.

– Теперь ты мужчина, – сказал Мюриз. – Вода наших врагов будет питать рабов. Да, вот что еще, сын мой...

Ассан Тарик с готовностью обернулся и бросил взгляд на отца. На лице юноши появилась натянутая улыбка.

– Проповедник не должен знать об этом, – сказал Мюриз.

– Понимаю, отец.

– Ты хорошо это сделал. Те, кто становится на пути Шулоха, не должны жить.

– Все по твоему слову, отец.

– Тебе можно доверить важные дела, – промолвил Мюриз, – и я горжусь тобой.

* * *

Самый сложно устроенный человек может стать примитивным. В реальности это означает, что может измениться образ жизни этого человека. Старые ценности теряют свою силу, снижаясь до уровня окружающих растений и животных. Новое существование требует рабочих знаний о том, как функционирует все это сложное переплетенное множество – то, что именуется словом природа. Оно же требует уважения внутренней силы этой природной системы. Человек, приобретший такие рабочие знания с уважением, и называется примитивным. Конечно, верно и обратное – примитивный человек может стать сложным, но это сопровождается катастрофической психологической ломкой.

«Комментарии Лето», Харк аль-Ада

– Как мы можем быть столь уверены? – спросила Ганима. – Ведь это очень опасно.

– Но мы же все проверили, – возразил Лето.

– На этот раз все может быть по-другому. Что, если...

– Перед нами открыт только этот путь, – сказал Лето. – Согласись, что мы не можем пойти путем приема зелья.

Ганима в ответ только вздохнула. Ей не нравилась эта словесная пикировка, но она понимала, какая нужда давит на брата. Знала она и страшный источник собственного неприятия. Достаточно было одного взгляда на Алию, чтобы понять всю опасность внутреннего мира.

– Ну что? – спросил Лето. Ганима снова вздохнула.

Скрестив ноги, брат и сестра сидели в одном из своих потайных мест возле узкой расселины в скале, с которой отец и мать часто любовались заходом солнца в бледе. После ужина прошло два часа – предполагалось, что в это время близнецы занимаются телесными и духовными упражнениями. Сегодня брат и сестра решили поупражнять гибкость ума.

– Я попробую сделать это один, если ты откажешься помогать мне, – сказал Лето.

Ганима отвернулась и принялась с преувеличенным вниманием рассматривать влажную перегородку расселины. Лето вперил взор в Пустыню.

Они говорили на языке столь древнем, что даже название его стерлось из памяти поколений. Язык придал их общению ту интимность, в которую не смог бы проникнуть ни один посторонний. Даже Алия, которая сумела каким-то образом избежать ловушек внутреннего мира, смогла бы понять в этом языке всего лишь несколько слов.

Лето вдохнул воздух, напоенный душным запахом фрименского пещерного сиетча, который существовал некогда в этом природном алькове. Гомон сиетча и влажная жара его уже давно исчезли, и брат с сестрой чувствовали от этого большое облегчение.

– Я согласна, что нам нужно руководство, – сказала Ганима. – Но если мы...

– Гани, нам нужно нечто большее, чем руководство, нам нужна защита.

– Возможно, такой защиты просто не существует, – сестра взглянула брату в глаза, блестевшие хищным блеском. Глаза были полным контрастом безмятежным чертам спокойного лица.

– Нам надо любым способом избежать одержимости, – сказал Лето, при этом он использовал инфинитив древнего языка, форму строго нейтральную в залоге и времени, но очень активную в усилении значения.

Ганима, верно истолковала слова брата.

– Мох'пвиум д'ми хиш паш мох'м ка, – ответила она. – Вместилище моей души есть вместилище тысячи душ.

– И даже больше, – возразил Лето.

– Зная об опасности, можешь ей противостоять, – это было утверждение, а не вопрос.

– Вабун'к вабунат! – сказал он. – Поднимаясь, ты поднимаешься!

Лето чувствовал, что его выбор является очевидной необходимостью. Если уж делать это, то делать активно. Надо допустить прошлое в настоящее и направить его в будущее.

– Муриат, – тихо произнесла Ганима. – Это должно быть сделано с любовью.

– Конечно. – В знак согласия Лето взмахнул рукой. – Мы посоветуемся, как наши родители.

Ганима молчала, стараясь справиться с комом в горле. Повинуясь неясному инстинкту, она смотрела на юг, на сероватые силуэты дюн, готовые раствориться в вечерних закатных сумерках. Именно туда ушел отец на свою последнюю прогулку.

Лето смотрел со скалы вниз на зеленый оазис сиетча. Теперь, в сумерках, все было серым, но мальчик знал форму и цвета оазиса: медно-красные, золотистые, красные, желтые и рыжие окаймляли скалы по границе зеленых насаждений. За границей скал широким поясом раскинулись разлагающиеся остатки жизни Арракина, убитой привезенными неведомо откуда растениями и избытком воды. Теперь этот пояс был границей Пустыни.

Ганима заговорила:

– Я готова, мы можем начинать.

– Да, будь все проклято! – Он шагнул вперед, коснулся руки сестры, чтобы смягчить грубость. – Пожалуйста, Гани, спой песню. Мне будет легче.

Ганима подошла к брату, обняла его левой рукой за пояс, глубоко вдохнула и прочистила горло. Ясным и звонким голосом она запела песню, которую мать часто пела отцу:

Я отплачу тебе за тот подарок, что ты мне дал;
Я окроплю тебя сладкой водой.
Воцарится жизнь в этом тихом месте:
Любовь моя, ты будешь жить во дворце,
Враги твои обратятся в ничто.
Мы пройдем вместе тот путь,
Что проторила для нас любовь.
Я укажу тебе верный путь,
Ведь тот дворец – моя любовь к тебе...

Тишина Пустыни, в которой даже шепот казался криком, чистый голос Ганимы возымели магическое действие на Лето – мальчику показалось, что он погружается в неведомые глубины, становясь своим отцом, чья память расстилала перед его взором ковер прошлого бытия.

«На краткий миг я должен стать Полом», – сказал себе Лето. – Рядом со мной не Гани; это моя возлюбленная Чани, чьи мудрые советы не раз спасали нас обоих.

Ганима, со своей стороны, с пугающей легкостью приняла маску своей матери. Женщинам такое перевоплощение дается легче, чем мужчинам, но таит гораздо большую опасность.

В голосе Ганимы появилась ласковая хрипотца:

– Посмотри туда, любимый!

Первая луна заливала Пустыню призрачным светом, а по небу протянулся оранжевый огненный шлейф. Корабль, доставивший на Арракис госпожу Джессику, улетал к далеким созвездиям с грузом дурманящей приправы.

Ранящее душу воспоминание пронзило сердце мальчика, ласковыми колокольчиками зазвучало в его голове. В какое-то мгновение Лето почувствовал себя герцогом Джессики. В груди заныло от любви и боли.

Я должен быть Полом, – напомнил он себе.

Трансформация обрушилась на Лето своей пугающей двойственностью. Было похоже, что он превратился в темный экран, на который был спроецирован образ отца.

Мальчик одновременно чувствовал свою и отцовскую плоть – этот дуализм грозил раздавить.

– Помоги мне, отец, – прошептал Лето.

По изображению прошла мимолетная рябь, и вот уже в сознании Лето возникло другое впечатление, при этом его собственное «я» стояло в стороне, наблюдая за происходящим.

– Мое последнее видение еще не прошло, – сказал Лето голосом Пола и повернулся к Ганиме. – Ты знаешь, что я видел в последний раз?

Ганима коснулась рукой его щеки:

– Ты пошел в Пустыню умирать, любимый? Ты это сделал?

– Может быть, я действительно пошел умирать, но то видение... Разве это не было достаточным основанием для того, чтобы остаться жить?

– Даже слепым?

– Даже слепым.

– Куда ты мог уйти?

Отец судорожно вздохнул:

– В Якуруту.

– Мой возлюбленный, – слезы заструились по щекам Ганимы.

– Муад'Диб, герой, должен быть низвержен, иначе это дитя не сможет вырвать нас из хаоса.

– Золотой Путь, – сказала Ганима. – Это нехорошее видение.

– Это единственно возможное видение.

– Алия потерпела неудачу тогда...

– Совершеннейшую. Ты же видела запись.

– Твоя мать вернулась слишком поздно. – На детском личике девочки появилось мудрое выражение Чани. – Но не может ли быть другого видения? Возможно, если...

– Нет, любимая, это дитя не может прозреть будущее, а потом в целости и сохранности вернуться обратно.

Тело отца снова потряс глубокий судорожный вздох, и Лето почувствовал страстное желание отца прожить во плоти еще одну жизнь, опять принимать живые решения и... Сколь отчаянна нужда исправить прошлые ошибки!

– Отец! – позвал Лето, и зов эхом отдался под сводом его черепа.

Это был глубинный волевой акт, в ходе которого мальчик почувствовал медленное, тягучее освобождение от внутреннего присутствия отца, исчезновение ощущений и расслабление мышц.

– Любимый, – прошептал позади голос Чани, и отец остановился. – Что случилось?

– Постой, не уходи, – умоляюще произнес Лето своим немного охрипшим голосом. – Чани, ты должна сказать нам, как избежать того, что случилось с Алией.

Ответил на этот вопрос Пол. Он говорил с трудом, делая долгие паузы.

– В этом нет определенности. Вы... видели то... что почти... произошло... со мной.

– Но Алия...

– Ею овладел проклятый барон!

От волнения у Лето пересохло в горле:

– Он... я...

– Он есть в тебе... но... я... мы не можем... иногда мы чувствуем... друг друга, но ты...

– Ты не можешь читать мои мысли? – спросил Лето. – Ты будешь знать, если... он...

– Иногда я способен чувствовать твои мысли... но я... мы живем только в вашем сознании, мы существуем только... посредством его отражения... Нас создает ваша память. Это опасно... память слишком точна. И те из нас... те из нас, кто любил власть... кто добивался ее... любой ценой... у того память более точна.

– Она сильнее? – прошептал Лето.

– Сильнее.

– Я знаю твое видение, – сказал Лето. – Слишком хорошо, чтобы дать ему завладеть мною. Я стану тобой.

– Только не это!

Лето кивнул сам себе, ощущая то грандиозное усилие, с которым отец старался удалиться из его памяти, понимая все тяжкие последствия неудачи. Любая одержимость приближала одержимого к Мерзости. Узнавание придавало такому человеку обновленное чувство силы, он начинал с особой остротой ощущать свое тело и проникал в глубокое осознание прошлых ошибок, совершенных самим собой и предками. Было в таком видении и нечто неопределенное, что ослабляло способность чувствовать – и сейчас Лето убедился в этом. В какой-то момент искушение в нем вступило в схватку со страхом. Плоть обладает способностью превращать меланжу в видение будущего. Приняв зелье, можно дышать будущим и срывать покровы с Времени. Лето охватил соблазн, которому было трудно противостоять, он сцепил руки и погрузился в состояние прана-бинду. Плоть отрицала искушение. Плоть несла в себе глубокое знание, унаследованное от Пола. Те, кто хочет прозреть будущее, подобно мелким игрокам, надеются сорвать легкий куш на завтрашних скачках. Вместо этого они оказываются пожизненными пленниками, знающими наперед каждый удар своего сердца и все свои муки... Последнее видение Пола указывало достойный выход из этой ловушки, и Лето знал, что теперь у него нет иного выхода – он должен следовать тем же путем.

– Радость жизни и ее красота связаны с тем фактом, что жизнь способна удивлять, – сказал он.

Возле уха Лето раздался тихий голос:

– Я всегда знала эту красоту.

Обернувшись, мальчик всмотрелся в глаза сестры, блестевшие в лунном свете. Это смотрела на него Чани.

– Мама, ты должна уйти.

– Ах, какое искушение! – произнесла она и поцеловала его.

Он оттолкнул ее.

– Ты примешь жизнь своей дочери?

– Это так легко... это до глупости легко, – ответила она.

Лето, чувствуя, как его начинает охватывать паника, вспомнил, с каким трудом образ отца покидал его плоть. Неужели Ганима потерялась в том мире наблюдателей, откуда и он смотрел и слушал, учась у образа отца?

– Я буду презирать тебя, мама, – сказал он.

– Другие не будут меня презирать, – ответила она. – Будь моим возлюбленным.

– Если я это сделаю... ты знаешь, во что вы оба тогда превратитесь, – сказал он. – Мой отец начнет презирать тебя.

– Он не начнет.

– Но я начну!

Из горла Лето непроизвольно вырвался резкий звук. В этом звуке сплелись все обертоны, унаследованные Полом от матери-колдуньи.

– Не говори так, – простонала она.

– Я буду тебя презирать.

– Пожалуйста... прошу тебя, не говори так.

Лето потер шею, ощутив, что снова обрел власть над своими мышцами.

– Он будет презирать тебя. Он снова отвернется от тебя и уйдет в Пустыню.

– Нет... нет...

В отчаянии она беспрерывно из стороны в сторону качала головой.

– Ты должна уйти, мама, – твердо произнес Лето.

– Нет... нет... – Однако в голосе не было уже былой силы и убежденности.

Лето всмотрелся в лицо сестры – как подергиваются его мышцы! Плоть отражала страсти, бушующие в душе.

– Уходи, – прошептал он. – Уходи.

– Не-е-ет...

Лето схватил ее за руку, ощутил дрожь, сотрясавшую тело сестры. Она извивалась всем телом, стараясь вырваться, но он крепко удерживал ее, шепча: «Уходи, уходи».

Все последнее время Лето ругал себя за то, что вовлек Гани в игру в родителей. Они часто занимались этим, но в последнее время Ганима начала сопротивляться. Верно, что женщины слабее мужчин при вторжении в их внутренний мир, понял он. Именно на этом основаны страхи сестер Бене Гессерит.

Шли часы, но тело Ганимы продолжало дрожать и дергаться, сотрясаемое внутренней битвой, однако она окрепла настолько, что смогла вступить в спор. Лето услышал, как Ганима разговаривает с образом в своем сознании.

– Мама... пожалуйста... – И снова: – Ты же видела Алию! Ты станешь такой же?

Наконец Ганима немного обмякла и приникла к брату.

– Она поняла и уходит.

Лето погладил сестру по руке.

– Гани, я очень виноват перед тобой, очень виноват. Я никогда больше не буду просить тебя о таких вещах, прости меня, прости.

– Мне нечего тебе прощать, – сказала она, ее голос прерывался, как после тяжелой физической нагрузки. – Мы научились очень нужным вещам.

– Она многое сказала тебе, – проговорил Лето. – Мы обсудим это потом.

– Нет. Мы сделаем это сейчас. Ты был прав.

– Мой Золотой Путь?

– Твой проклятый Золотой Путь!

– Логика бесполезна, если ее не подкрепить конкретными данными, – сказал он. – Но я...

– Бабушка приехала, чтобы проследить за нашим образованием и посмотреть, не заражены ли мы.

– То же самое говорит и Дункан. Нет ничего нового в...

– ...простых вычислениях, – согласилась Ганима; голос ее окреп, она отстранилась от брата и оглядела освещенную

предрассветными сумерками Пустыню. Эта внутренняя битва… эти знания стоили им ночи. Королевским гвардейцам, патрулирующим ограду, придется сегодня объясняться с начальством. Ничего, Лето побеспокоится, чтобы у них не было неприятностей.

– Тонкости люди чаще всего постигают только с возрастом, – сказал Лето. – Но чему обучаемся мы с помощью возраста тех, кто является нам в образах памяти?

– Вселенная, которую мы наблюдаем, это не застывшая в своем физическом облике Вселенная, – отозвалась Ганима. – Мы не должны воспринимать бабушку как бабушку вообще.

– Это было бы опасно, – согласился брат. – Но мой вопр…

– Есть и еще кое-что, кроме восприятия тонкостей, – продолжала Ганима. – В нашем сознании должно остаться место, где мы должны хранить то, что не можем предвидеть. Вот почему мать так много сказала мне о Джессике. В последние минуты, когда мы были в полном контакте, она очень многое мне сказала.

Ганима тяжело вздохнула.

– Мы знаем, что она наша бабушка, – заговорил Лето. – Вчера ты провела с ней несколько часов. Именно поэтому…

– Если мы допустим это, наше знание будет определять наше к ней отношение, – сказала Ганима. – Именно об этом предупредила меня мама. Один раз она процитировала бабушку и… – Ганима прикоснулась к руке Лето, – и я, словно эхо, услышала где-то на заднем плане голос бабушки.

– Предупредила тебя, – промолвил Лето. – Неужели в этом мире не на что положиться?

– Самые смертельные ошибки проистекают из устаревших допущений, – сказала Ганима. – Вот что не уставала повторять мама.

– Но это же Бене Гессерит чистой воды.

– Если… Если Джессика снова вернулась в Общину Сестер…

– ...то для нас в этом заключается главная опасность, – закончил Лето мысль сестры. – В нас течет кровь Квисатц Хадераха – мужской ипостаси Бене Гессерит.

– Они не оставят своих поисков, – сказала Ганима, – но они могут оставить нас. Они нас покинут, и инструментом послужит бабушка.

– Но это совсем другой путь, – возразил Лето.

– Да, они могут соединить нас, как супругов, но они не могут не знать, что такое спаривание приведет к рецессивным осложнениям.

– Эту возможность они даже не должны обсуждать.

– Особенно с бабушкой. Мне очень не нравится такой выход.

– Мне тоже.

– Однако не впервые королевскую родословную пытаются подправить...

– На меня такое решение действует отталкивающе, – содрогнувшись, произнес Лето.

Уловив это движение, она замолчала.

– Сила, – произнес он.

Брат и сестра были настолько сильно охвачены одними и теми же мыслями и чувствами, что Ганима тотчас поняла, о чем думал Лето.

– Сила Квисатц Хадераха потерпит фиаско, – согласилась с братом девочка.

– Если ее использовать таким образом, – сказал он.

В этот момент за спинами детей взошло солнце – день вступил в свои права, дохнув на Лето и Ганиму зноем. Растения под скалами обрели цвет. Серо-зеленые остроконечные листья отбрасывали длинные тени в лучах взошедшего солнца. Косой серебристый свет окрасил оазис у подножия утеса зеленью, перемежающейся золотистыми и пурпурными тенями.

Лето встал и потянулся.

– Итак, Золотой Путь. – Ганима обращалась в равной степени к себе и к брату, зная, как преломилось последнее видение отца в сознании Лето.

За увлажняющими занавесями послышался шорох и голоса.

Лето перешел на древний язык, который служил брату и сестре для тайного общения.

– Л'ии ховр самис см'кви овр самит сут.

Именно таким было решение, которое они приняли с полным сознанием того, что совершают. В дословном переводе это означало: Мы пойдем вместе по смертному пути, хотя только один, вероятно, сможет вернуться, чтобы рассказать о нем.

Ганима тоже встала, и они направились в сиетч. Придворные стражи при виде приближающихся королевских близнецов поднимались и падали ниц. Брат и сестра проследовали в свои покои. Толпа расступалась перед ними, люди обменивались многозначительными взглядами со стражниками. Проводить ночи в уединении скал над Пустыней – было древним обычаем святых фрименов. Все, исповедующие Умму, практиковали такие бдения. Этим занимались Пол Муад'Диб и... Алия. Теперь настала очередь королевских близнецов.

Лето первым заметил изменившееся поведение толпы и сказал об этом Ганиме.

– Они не знают, что мы решили для них, – произнесла девочка. – Они действительно этого не знают.

– Чтобы знать, нужны благоприятные обстоятельства, – сказал Лето, по-прежнему пользуясь древним тайным языком.

Ганима некоторое время молчала, формулируя свою мысль:

– Будущий траур по брату или сестре должен быть вполне реален – следует даже возвести надгробье. Сердце должно спать до тех пор, пока его не разбудят.

На древнем языке это утверждение было несколько свернутым, полным местоименных дополнений, отделенных от инфинитива, что позволяло каждой части фразы жить как бы своей отдельной жизнью, причем каждая часть имела свой особый, отчетливый смысл с тонкими, едва заметными отношениями между ними. Выразить эту мысль можно было так: «Они с Лето, отправляясь в путь, рисковали жизнью – фигурально или в действительности, что, в сущности, одно и то же. Результатом будет смерть, похожая на «ритуальное похоронное умерщвление». Часть фразы содержала обвинение в адрес выжившего: действовать от имени живущего. Любой ошибочный шаг сорвет весь план целиком, и поход Лето по Золотому Пути кончится ничем.

– Очень деликатно сказано, – согласился с сестрой Лето. Он раздвинул занавеси, и они вошли в свою переднюю.

Прислуга, занимавшаяся своими делами, отвлеклась от них только на мгновение, пока близнецы шли к проходу, ведущему в апартаменты госпожи Джессики.

– Ты не Осирис, – напомнила брату Ганима.

– Я даже не буду пытаться им быть.

Ганима взяла Лето за руку и заставила его остановиться.

– Алия дарсатай хаунус м'смов, – предупредила она.

Лето внимательно посмотрел в глаза сестры. От деяний Алии очень дурно пахло, и бабушка не могла не учуять этот запах. Мальчик понимающе улыбнулся сестре. Она использовала смесь древнего языка с фрименским суеверием, призывая древнее племенное знамение. М'смов, гнилостный запах летней ночи, считался предвестником смерти от рук демонов. Изида же была богиней демонов смерти у народа, на чьем языке говорили сейчас близнецы.

– Мы, Атрейдесы, имеем репутацию храбрецов, – сказал Лето.

– Смелостью мы завоюем то, что нам нужно, – поддержала его сестра.

– Или станем просителями перед регентшей, – добавил Лето. – Алия будет очень этому рада.

– Но наш план... – непроизвольно вырвалось у девочки.

Наш план, – подумал брат. – Она полностью приняла его.

– Наш план тяжел, как работа на поливе.

Ганима оглядела переднюю, которую они только что миновали, и вдохнула душный утренний запах. Все чувства были обострены ощущением причастности к вечному началу. Ей нравилось, как Лето пользуется древним языком. Работа на поливе. Это было обещание. Он назвал их план именем черной сельскохозяйственной работы, такой же, как удобрение, ирригация, прополка, пересадка и подрезка. По воззрениям фрименов, те же работы выполнялись и на том свете – только там они касались возделывания души.

Ганима внимательно изучала брата, пока они в нерешительности стояли в проходе, вырубленном в скале. Девочке все больше и больше становилось очевидно, что Лето действует на двух уровнях: во-первых, следует по Золотому Пути, явившемуся в его видении и видении отца и, во-вторых, взял, с ее согласия, бразды правления в выработке весьма опасного мифа, который и породил этот план. Это очень напугало Ганиму. Было ли в видении Лето что-то такое, чего она не смогла с ним разделить в своем внутреннем знании? Мог ли Лето увидеть себя обожествленным, чтобы вести народ к возрождению в качестве сына своего бога-отца? Культ Муад'Диба выродился, перебродил под действием дурных поступков Алии и правления военизированной касты священников, захвативших власть у фрименов. Лето хотел возрождения.

Он что-то от меня скрывает, – подумала Ганима.

Она вспомнила, что он рассказывал ей о своем сне. То была столь яркая, цветная реальность, что после такого сна Лето несколько часов находился в состоянии какого-то оглушения. Он говорил, что сон всегда был одним и тем же:

«Я – на песке, залитом ярким дневным светом, но солнца нет. Потом до меня доходит, что я сам – солнце. Мой свет сияет, как Золотой Путь. Поняв это, я покидаю свою оболочку. Обернувшись, я хочу посмотреть сам на себя, увидеть,

каков я – солнце. Но оказалось, что я не солнце. Не настоящее солнце. Я изображен на песке, как детский рисунок человечка: палочки – глазки, палочки – ручки и палочки – ножки. В левой руке я держу скипетр – и это настоящий скипетр в отличие от символической фигурки, которая его держит. Скипетр начинает двигаться, и это приводит меня в ужас. Я чувствую, что просыпаюсь, хотя я знаю, что еще сплю. Я понимаю, что закован в доспехи, которые движутся вместе с кожей. Я не могу видеть доспехи, но хорошо чувствую их. Ужас улетучивается, потому что доспехи придают мне силы десяти тысяч человек».

Пока Ганима смотрела на Лето, тот попытался пойти дальше к покоям Джессики, однако Ганима осталась стоять на месте.

– Этот Золотой Путь может оказаться ничуть не лучше любого другого, – сказала она.

Лето потупил взор и посмотрел на каменный пол прохода. К Ганиме с удвоенной силой вернулись ее прежние сомнения.

– Я должен это сделать, – просто сказал он.

– Алия – одержимая, – произнесла Ганима. – То же самое может случиться и с нами. Может быть, это уже произошло, только мы ничего не замечаем.

– Нет, – он отрицательно покачал головой, поднял взгляд и посмотрел в глаза сестры. – Алия сопротивлялась. Это придало силу тем, кто находился внутри нее. Они победили ее с помощью ее же силы. Мы осмелились проводить поиск внутри себя, мы обнаружили там древние языки и древние знания. Мы – амальгама всех жизней, которые существуют внутри нас. Мы не сопротивляемся, мы движемся вместе с ними. Именно этому ночью научил меня отец. Именно этому я должен был научиться.

– Он ничего не сказал о том, что находится внутри меня.

– Ты слушала маму. Это то, что мы...

– Я почти растворилась.

– Ты все еще сильно ощущаешь ее присутствие?

– Да... но я думаю, что теперь она охраняет меня своей любовью. Ты был очень хорош, когда спорил с ней. – Ганима снова подумала об образе матери внутри себя и продолжила: – Наша мама существует теперь в Алам аль-Михтале вместе с другими. Мне кажется, что она вкусила плодов ада. Теперь я могу слушать ее без страха. Что же касается других...

– Да, – сказал Лето. – А я слушал отца, но мне кажется, что в действительности я следовал советам нашего деда, именем которого назвали и меня. Наверно, мне было легко его слушать по этой причине.

– Он не посоветовал тебе поговорить о Золотом Пути с бабушкой?

Лето помолчал, пока мимо не прошел слуга с завтраком для госпожи Джессики. В воздухе распространился густой запах зелья.

– Она живет и в нас, и в своей плоти, – сказал Лето. – Ее совета можно спросить дважды.

– Я не буду этого делать, – запротестовала Ганима. – Я не хочу снова так сильно рисковать.

– Тогда я сделаю это сам, – решил Лето.

– Мне казалось, что мы сошлись во мнении, что она вернулась в Общину Сестер.

– Все так. Бене Гессерит в начале ее пути, собственные творения в середине и опять Бене Гессерит в конце. Но помни, что в ней тоже течет кровь барона Харконнена, причем у нее этой крови больше, поэтому они ближе друг другу и она делит с ним нечто большее, чем мы.

– Это очень мелкая формулировка, – возразила Ганима. – К тому же ты не ответил на мой вопрос.

– Не думаю, что упомяну Золотой Путь.

– Я могу это сделать.

– Гани!

– Нам не нужны больше боги Атрейдесов! Надо оставить место человеку!

– Разве я когда-нибудь это отрицал?

– Нет. – Она глубоко вздохнула и отвернулась. Из передней выглянул слуга, привлеченный шумом спора, но не понявший ни одного слова древнего языка.

– Мы должны это сделать, – сказал Лето. – Если мы потерпим неудачу и не сможем действовать, то нам останется только упасть на ножи.

При этом Лето использовал фрименское выражение, означавшее «отдать свою воду в племенную цистерну».

Ганима снова посмотрела на брата. Она была вынуждена с ним согласиться, но чувствовала себя загнанной в ловушку. Оба понимали, что день расплаты ждет их на пути, и день этот неотвратим, что бы они ни сделали. Ганима знала об этом, причем ее знание было неимоверно усилено данными, полученными от памяти других, обитавших в ее душе, но теперь девочка боялась той силы, которую она сообщила чужим душам, пользуясь данными их опыта. Эти души прятались в закоулках ее сознания, как демоны, притаившиеся в густых зарослях.

Все они были таковы, за исключением ее матери, которая сохранила силу своей плоти, но отказалась от нее. Ганима все еще дрожала от этой внутренней борьбы. Она давно бы сдалась этим другим, если бы не сила убеждения Лето.

Лето сказал, что из этой ловушки только один выход – Золотой Путь. За исключением болезненного понимания того, что он что-то утаивает из своих видений, Ганима могла положиться на искренность брата. Он нуждался в ее плодотворном сотрудничестве для улучшения плана.

– Нас будут проверять, – сказал он, понимая, в чем сомневается сестра.

– Но не с помощью же зелья.

– Может быть, и так. Во всяком случае, нас проверят в Пустыне и в Суде Одержимых.

– Ты никогда не говорил о Суде Одержимых! – обвиняющим тоном проговорила Ганима. – Это тоже часть твоего сна?

Лето старательно откашлялся, в душе проклиная случайно вырвавшееся слово.

– Да.

– Значит, мы станем одержимыми?

– Нет.

Ганима подумала о Судилище – этом древнем фрименском суде, по окончании которого часто происходили загадочные смерти. Кроме того, с их планом были связаны и другие сложности. Путь может привести их к тем границам, при переступании которых человек теряет контроль над собой и становится безумным.

Понимая, куда клонятся ее мысли, Лето сказал:

– Власть всегда привлекает психопатов. Вот чего нам надо избежать в наших душах.

– Ты уверен, что мы не станем… одержимыми?

– Нет, если сотворим Золотой Путь.

– Я не стану рожать твоих детей, Лето, – сказала Ганима, все еще преисполненная сомнений.

Лето тряхнул головой, отогнал случайные предательские слова и произнес на формальном королевском языке:

– Сестра моя, я люблю тебя больше, чем самого себя, но в моей любви нет чувственной нежности.

– Хорошо, тогда давай вернемся к другому спору, прежде чем идти к бабушке. Нож, вонзенный в грудь Алие, мог бы очень неплохо решить все проблемы.

– Верить в это – значит верить в то, что можно пройти по глине и не оставить следов, – сказал он. – Кроме того, Алия вряд ли предоставит кому бы то ни было такую возможность.

– Все вокруг говорят о Джавиде.

– Неужели у Дункана уже прорезались рога?

Ганима пожала плечами:

– Одна порция яда, две порции яда.

То был ранжир, по которому властители во все времена делили придворных по степени их опасности для правителя.

– Мы должны сделать это моим способом, – сказал Лето.

– Другой способ может быть чище.

По тону ее ответа брат понял, что сестра подавила свои сомнения и согласилась с его планом. Это понимание не принесло ему счастья. Он машинально посмотрел на свои руки, чтобы убедиться, не прилипла ли к ним грязь.

* * *

Вот в чем заключалось достижение Муад'Диба: он рассматривал подсознание каждого индивида как банк совокупной памяти, восходящей к первичной клетке – источнику всеобщего бытия. Каждый из нас, говорил он, может измерить расстояние, отделяющее его от этого общего происхождения. Придя к такому выводу, Муад'Диб принял смелое решение. Он поставил себе задачу интегрировать генетическую память в процесс оценки текущих событий. Таким образом ему удалось прорвать завесу Времени, соединив прошлое и будущее в единое целое. Свое творение Муад'Диб воплотил в сыне и дочери.

Завет Арракиса, Харк аль-Ада

Фарад'н расхаживал по оранжерее отцовского королевского дворца, глядя, как все короче становится его тень. Солнце планеты Салуса Секундус стремительно поднималось к зениту. Принцу приходилось непроизвольно удлинять шаг, чтобы не отставать от сопровождавшего его башара.

– Меня не оставляют сомнения, Тиеканик. Нет слов, конечно, трон очень привлекателен. – Он помолчал и тяжело вздохнул. – Но у меня так много других интересов.

Тиеканик, только что пришедший в себя после жестокого спора с матерью Фарад'на, искоса поглядывал на юношу, отмечая, что к восемнадцати годам в его чертах начинает проступать мужественность. В мальчике все меньше оставалось от Венсиции. Взрослея, Фарад'н становился похожим на старого Шаддама, который больше интересовался своими личными проблемами, нежели королевскими обязанностями.

Именно это в конечном счете и стоило ему трона. Владыка не должен быть мягким.

– Вы должны сделать выбор, – сказал Тиеканик. – О, несомненно, надо оставить время и для личных интересов, но все же...

Фарад'н задумчиво пожевал нижнюю губу. Он находился здесь по обязанности, и это тяготило и подавляло его. С гораздо большим удовольствием он отправился бы сейчас в скалистый заповедник, где проводились опыты с песчаными форелями. Осуществлялся проект огромной значимости: речь шла о том, чтобы отнять у Атрейдесов монополию на зелье, после чего могло произойти все что угодно.

– Вы уверены, что близнецы будут... устранены?

– Этого нельзя сказать наверняка, но перспективы неплохие, мой принц.

Фарад'н пожал плечами. Убийство – обычное явление в жизни королей. Язык двора изобиловал всяческими тонкостями и намеками, обозначавшими способы убрать с дороги того или иного важного противника. Одним словом, можно было дать понять, следует ли подсыпать яд в воду или добавить его в пищу. Принц думал, что Потриды будут устранены с помощью яда. Эта мысль отнюдь не приводила Фарад'на в восторг. Близнецы были по всем признакам очень интересной парой.

– Нам придется ехать на Арракис? – спросил Фарад'н.

– Это лучшее, что можно предпринять для усиления нашего влияния.

Фарад'н явно хотел задать какой-то вопрос, но Тиеканик не мог понять, какой именно.

– Меня кое-что беспокоит, – сказал Фарад'н, приближаясь к углу живой изгороди и подойдя к фонтану, окруженному гигантскими черными розами. Было слышно, как в кустах ножницами работают садовники.

– Я слушаю вас, мой принц, – произнес Тиеканик.

– Эта... э-э... религия, которую вы исповедуете...

– В этом нет ничего странного, мой принц, – заговорил Тиеканик, надеясь, что сумел сохранить твердость голоса. – Эта религия обращается ко мне как к воину. Она очень подходит для сардаукара. (Последнее, во всяком случае, было чистой правдой).

– Д-да, но моя мать тоже увлеклась ею.

Чертова Венсиция! – подумал Тиеканик. – Она сделала своего сыночка подозрительным.

– Меня не очень заботит то, что думает по этому поводу ваша мать, – сказал Тиеканик. – Религия – сугубо личное дело. Возможно, она полагает, что это поможет вам вернуть трон.

– Так я и думал, – сказал Фарад'н.

У парня острый ум! – подумал Тиеканик.

– Разберитесь сами в этой религии, и вы поймете, чем она меня привлекает, – сказал он вслух.

– Но, однако... проповеди Муад'Диба? В конце концов, он же Атрейдес.

– На это могу сказать только одно: неисповедимы пути Господни.

– Ясно. Но скажите мне, Тиек, почему вы просите меня пойти с вами прямо сейчас? Обычно в это время дня вы выполняете те или иные приказания моей матери.

Тиеканик остановился возле каменной скамьи между фонтаном и гигантскими розами. Шум воды успокоил его, башар собрался с мыслями и заговорил.

– Мой принц, я сделал одну вещь, которая, видимо, не понравится вашей матери, – произнес он вслух, подумав при этом, что если Фарад'н ему поверит, то дьявольский план Венсиции, пожалуй, сработает. Доставить сюда проклятого Проповедника. Да она просто сумасшедшая. А какова цена!

Тиеканик замолк в ожидании ответа.

– Так что вы сделали, Тиек? – поинтересовался принц.

– Я доставил сюда специалиста по онейромании, – ответил башар.

Фарад’н устремил на собеседника проницательный взгляд. Некоторые старые сардаукары играли в игры с толкованием снов, это увлечение еще больше распространилось после поражения, которое они потерпели от Верховного Сновидца Муад’Диба. Они думали, что в сновидениях смогут найти обратный путь к славе и власти. Но Тиеканик всегда чурался таких игр.

– Это не похоже на вас, Тиек, – сказал Фарад’н.

– Тогда я могу говорить только о моей новой религии, – проговорил сардаукар, отвернувшись к фонтану. Этот разговор о религии послужит основанием для того риска, с которым связана доставка Проповедника.

– Да, тогда говорите о религии, – сказал Фарад’н.

– Как прикажете, мой принц. – Тиеканик повернулся лицом к собеседнику и внимательно вгляделся в это юное лицо, воплощение всех надежд Дома Коррино, воплощение того пути, по которому он собирался пойти. – Церковь и власть, мой принц, обычная наука и вера и даже более того: прогресс и традиция – все это соединено в учении Муад’Диба. Он учил, что непримиримые противоречия существуют только в представлениях человека и иногда в снах. Человек открывает будущее в прошлом, а оба они – часть единого целого.

Несмотря на сомнения, которые он пока не мог преодолеть, Фарад’н не мог отрицать, что его впечатлили слова Тиеканика. Принц услышал в голосе сардаукара сдержанную искренность, словно тот говорил вопреки собственным побуждениям.

– И для этого вы привезли мне этого… толкователя сновидений?

– Да, мой принц. Быть может, ваш сон пронзает Время. Вы вернете себе осознание своей внутренней сущности, если увидите Вселенную как единое и связное целое. Ваши сновидения… видите ли…

– Но я рассказывал о своих сновидениях без всякой цели, – запротестовал Фарад'н. – Они любопытны, но не более того. Я и подозревать не мог, что вы...

– Мой принц, важно все, что вы делаете.

– Вы мне просто льстите, Тиек. Вы что, правда верите в то, что человек может проникнуть в сердце таинств.

– Да, мой принц.

– Тогда можете вызвать недовольство моей матери.

– Вы встретитесь с этим человеком?

– Конечно, поскольку вы привезли его, чтобы вызвать недовольство матери.

Не вздумал ли он меня дразнить? – подумал Тиеканик.

– Должен предупредить вас, что старик носит маску. Это иксианское приспособление, которое позволяет слепым видеть с помощью кожи.

– Он слеп?

– Да, мой принц.

– Он знает, кто я?

– Я сказал ему, мой принц.

– Отлично, идемте к нему.

– Если мой принц соизволит подождать, то я приведу этого человека сюда.

Фарад'н, улыбаясь, оглядел сад с фонтаном. Очень подходящее место для такого рода глупостей.

– Вы рассказали ему содержание моих сновидений?

– Только в общих чертах, мой принц. Он попросит вас сделать это лично.

Фарад'н отвернулся, и башар торопливо вышел. Принц задумчиво смотрел на видневшуюся над живой изгородью голову садовника, который равномерно работал ножницами, подстригая кустарник. В этих движениях было нечто гипнотическое.

Эта затея со снами – полная бессмыслица, подумал Фарад'н. Тиек неправильно сделал, что предварительно не посоветовался со мной. Странно и то, что Тиек в его годы вдруг стал религиозен. Теперь еще эти сновидения.

В этот момент послышались шаги – твердый солдатский Тиеканика и чья-то старческая шаркающая походка. Фарад'н обернулся и с интересом посмотрел на толкователя снов. Иксианская маска оказалась черным ячеистым приспособлением, покрывающим все лицо от лба до подбородка. Прорезей для глаз, естественно, не было. Иксианские хвастуны утверждали, что эта маска представляет собой один большой глаз.

Тиеканик остановился в двух шагах от принца, но старик подошел ближе.

– Толкователь сновидений, – представил его башар.

Фарад'н кивнул.

Старик в маске утробно кашлянул, словно пытался кашлем очистить желудок.

На Фарад'на пахнуло острым запахом зелья. Тот же запах исходил и от серой длинной накидки старика.

– Эта маска и вправду часть вашей плоти? – спросил Фарад'н, понимая, что хочет просто оттянуть начало разговора о сновидениях.

– Да, когда она на мне, – ответил старик гнусавым голосом с фрименским акцентом. – Ваш сон. Расскажите мне.

Фарад'н пожал плечами: Почему бы и нет? Ведь Тиек именно для этого привел сюда старика. Или нет? – Сомнения вновь охватили Фарад'на, и он спросил:

– Вы действительно специалист по онейромании?

– Я явился сюда, чтобы истолковать ваш сон, могущественный господин.

Фарад’н снова пожал плечами. Этот персонаж в маске все больше и больше действовал ему на нервы. Принц оглянулся на Тиеканика, ища у того поддержки, но башар, скрестив руки на груди, стоял, отвернувшись к фонтану.

– Так рассказывайте ваш сон, – не отставал старик.

Фарад’н перевел дух и начал рассказывать. Чем полнее проникал он в воспоминание о сне, тем легче становилось ему говорить. Он повествовал о воде, бьющей из источника, о мирах, которые, словно атомы, пляшут у него в мозгу, о змее, которая превращается в песчаного червя, а потом взрывается облаком пыли. Рассказ о змее, как с удивлением отметил принц, дался ему с большим трудом. Нежелание говорить подавляло, принца постепенно начал охватывать гнев.

Старик не проронил ни слова, когда Фарад’н закончил свой рассказ и замолчал. Черная ячеистая маска слабо шевелилась в такт дыханию. Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Фарад’н.

– Вы не собираетесь толковать мой сон?

– Я уже истолковал его, – ответил старик замогильным голосом.

– Так рассказывай. – Гнев Фарад’на нарастал.

– Я же сказал, что истолковал его, – заупрямился старик. – Но я не согласен рассказывать вам о своем толковании.

От таких слов даже Тиеканик потерял свою обычную невозмутимость. Он опустил руки и крепко сжал кулаки.

– Что? – процедил он сквозь зубы.

– Я не обещал раскрывать свое толкование, – ответил старик.

– Тебе мало заплатили? – поинтересовался Фарад’н.

– Я не просил платы, когда меня везли сюда. – Холодная гордость ответа немного смягчила гнев Фарад’на. Старику не откажешь в храбрости – он не мог не знать, что за такое неповиновение рискует поплатиться головой.

– Позвольте мне, мой принц, – выступил вперед Тиеканик. – Ты скажешь нам, почему не хочешь рассказать о своем толковании?

– Да, господа. Сон сказал мне, что бесцельно объяснять эти вещи.

Фарад'н не смог сдержаться:

– Ты хочешь сказать, что я и сам понимаю значение своего сна?

– Возможно, это и так, мой господин, но это уже не моя компетенция.

Тиеканик встал рядом с Фарад'ном. Оба сверлили старика горящими взглядами.

– Объяснись, – потребовал башар.

– Действительно, – поддержал сардаукара принц.

– Если бы я стал говорить об этом сновидении, исследовать суть воды и пыли, змей и червей, атомов, которые пляшут в вашей голове, как, впрочем, и в моей тоже, то, могущественный господин, мои слова вызвали бы у вас только растерянность, и вы бы обвинили меня в непонимании.

– Ты боишься, что твои слова вызовут мой гнев? – спросил Фарад'н.

– Мой господин! Вы и так уже охвачены гневом.

– Значит, ты нам не доверяешь? – вставил слово Тиеканик.

– Это очень близко к правде, мой господин. Я не доверяю вам обоим по той простой причине, что вы не доверяете сами себе.

– Ты очень близко подошел к краю пропасти, – предупредил старика Тиеканик. – Людей убивали и за менее дерзкое поведение.

Фарад'н кивнул в подтверждение слов сардаукара.

– Не испытывай наш гнев, – сказал принц.

– Смертельные последствия гнева людей из Дома Коррино хорошо известны за пределами Салусы Секундус, – промолвил старик.

Тиеканик положил свою тяжелую руку на плечо Фарад'на:

– Ты пытаешься спровоцировать нас на твое убийство?

Фарад'н, который только теперь подумал о такой возможности, почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Что могло означать такое поведение? Был ли этот человек, который называл себя Проповедником, могущественнее, чем казался? Каковы могли быть последствия его смерти? Мученики – очень опасные создания.

– Я сомневаюсь, что вы меня убьете, независимо от того, что я скажу, – проговорил Проповедник. – Я думаю, вы понимаете, в чем заключается моя ценность, башар, а теперь об этом догадывается и принц.

– Так вы наотрез отказываетесь толковать сон? – спросил Тиеканик.

– Я истолковал его.

– Но не скажете, что увидели в нем?

– Вы в чем-то обвиняете меня, мой господин?

– Но какую ценность вы можете для меня представлять? – поинтересовался Фарад'н.

Проповедник вытянул вперед правую руку:

– Мне стоит только подать знак вот этой рукой, как придет Дункан Айдахо и будет мне повиноваться.

– Что за дурацкое хвастовство? – взорвался Фарад'н.

Тиеканик, однако, с сомнением покачал головой, вспомнив свой спор с принцессой Венсицией:

– Мой принц, это вполне может оказаться правдой. Этот Проповедник имеет на Дюне множество последователей.

– Почему вы раньше не сказали мне, откуда он? – спросил Фарад'н.

Тиеканик не успел открыть рот, как Проповедник заговорил, отвечая принцу:

– Мой господин, вам не стоит испытывать чувство вины перед Арракисом. Вы всего-навсего продукт своей эпохи. Это обычная реакция человека, когда его одолевает чувство вины.

– Вины? – в ярости воскликнул Фарад'н.

В ответ Проповедник только пожал плечами.

Как это ни странно, ярость принца внезапно превратилась в изумление. Откинув назад голову, он рассмеялся, чем вызвал недоумение Тиеканика.

– Ты мне нравишься, Проповедник, – сказал Фарад'н.

– Это доставляет мне радость, принц, – ответил старик.

Фарад'н с трудом подавил улыбку:

– Мы дадим тебе покои здесь, во дворце. Ты станешь официальным толкователем снов – даже если не будешь рассказывать мне о своих толкованиях. Но зато ты расскажешь мне о Дюне, мне очень любопытно это место.

– Я не смогу воспользоваться вашим приглашением, принц.

Гнев Фарад'на вспыхнул с новой силой:

– Но почему?!

– Мой принц, – тихо сказал Тиеканик и тронул своего повелителя за руку.

– В чем дело, Тиек?

– Мы привезли его сюда по жесткому соглашению с Гильдией при условии, что он вернется на Дюну.

– Меня призывают назад, на Арракис, – подтвердил Проповедник.

– Кто призывает тебя? – требовательно спросил Фарад'н.

– Тот, кто обладает гораздо большей властью, чем твоя, принц.

Фарад'н вопросительно взглянул на Тиеканика:

– Он шпион Атрейдесов?

– Не похоже, мой принц. Алия назначила награду за его голову.

– Если это не Атрейдесы, то кто же призывает тебя? – Фарад'н снова обратился к Проповеднику.

– Тот, кто сильнее Атрейдесов.

Улыбка сбежала с лица принца. Это какая-то мистическая чушь. Как такой мошенник мог обмануть Тиека? Этот Проповедник точно призван, но, по всей видимости,

собственными сновидениями, а какая важность может быть присуща обыкновенному сну?

– Это была пустая трата времени, Тиек, – сказал Фарад'н. – Зачем вы разыграли со мной этот… фарс?

– Здесь имеет место двойная сделка, мой принц, – ответил Тиеканик. – Толкователь сновидений обещал сделать Дункана Айдахо агентом Коррино. За это он попросил организовать встречу с вами и истолковать ваш сон. «Или обещал это Венсиции!» — мысленно добавил он. Башаром овладели новые сомнения.

– Почему мой сон так важен для тебя, старик? – спросил Фарад'н.

– Твой сон говорит мне, что великие события подходят к логической развязке, – ответил Проповедник. – Я должен ускорить свое возвращение.

Он просто смеется надо мной, подумалось Фарад'ну.

– И ты так и оставишь меня в неведении, не дав мне никакого совета?

– Советы, мой принц, очень опасная материя. Но я скажу тебе несколько слов, которые ты можешь по своему усмотрению считать советом.

– Я буду тебе очень признателен.

Проповедник подошел вплотную к принцу, приблизив к его лицу маску:

– Правительства приходят к власти и теряют ее от причин, которые часто кажутся незначимыми, принц. Какая малость! Спор двух женщин… направление ветра в определенный день, кашель, чихание, длина платья или попадание песчинки в глаз придворного. Отнюдь не всегда ход истории диктуют могущественные имперские министры Его Величества, и не всегда рука священника движется согласно Воле Бога.

Фарад'н был немало смущен этими словами и не мог объяснить причину этого волнения.

Тиеканика же заинтересовала одна фраза. Почему Проповедник заговорил об одежде? Он подумал об имперской

одежде, которую послали близнецам, и о тиграх, натренированных на людоедстве. Что если старик высказывает завуалированные предупреждения? Как много он знает?

– Как понимать этот совет? – спросил Фарад'н.

– Если хочешь добиться успеха, – ответил Проповедник, – ты должен ограничить стратегию точкой ее приложения. К чему обычно прикладывают стратегию? Ее увязывают с определенным местом и привлекают для ее осуществления определенных людей. Но даже при преувеличенном внимании к мелочам некоторые детали неизбежно ускользнут от вашего внимания. Может ли твоя стратегия, принц, быть сведена к амбициям жены какого-нибудь местного правителя?

Тиеканик ледяным тоном перебил старика:

– Что ты рассуждаешь о стратегии, Проповедник? Что, ты думаешь, будет иметь от этого мой принц?

– Ему внушают стремление к трону, – ответил Проповедник. – Я желаю ему удачи, но на этом пути ему потребуется нечто большее, чем простая удача.

– Это очень опасные слова, – заговорил Фарад'н. – Как ты осмеливаешься их произносить?

– Амбиции не подвержены воздействию реальности, – ответил Проповедник. – Я осмеливаюсь произносить эти слова потому, что ты, принц, стоишь на перепутье. Ты можешь стать достойным всяческого восхищения. Но сейчас тебя окружают те, кто не утруждает себя поисками моральных оправданий своим действиям, эти советники ориентированы только на стратегию. Ты молод, силен, крепок, но тебе не хватает некоторых навыков, которые развили бы твой характер. Это очень прискорбно, потому что у тебя есть слабости, измерения которых я только что описал.

– Что ты хочешь этим сказать? – потребовал ответа Тиеканик.

– Думай, что говоришь, – добавил Фарад'н. – Что это за слабости?

– Ты никогда не думал о том, какое общество для тебя предпочтительнее, – ответил Проповедник. – Ты не принимаешь в расчет надежды своих объектов. Ты не представляешь себе даже устройство той Империи, которой ты собираешься управлять.

Он повернулся к Тиеканику.

– Твой взор устремлен на власть, а не на ее тонкое использование и ее опасности. Поэтому твое будущее наполнено ругающимися женщинами, кашлем и ветреными днями. Как сможешь ты создать эпоху, если не способен видеть каждой детали? Твой крепкий ум откажется служить тебе. В этом и заключается твоя слабость.

Фарад'н молча рассматривал Проповедника, поражаясь глубине затронутых им проблем, его преданности давно дискредитированным понятиям. Мораль! Социальная цель! Эти мифы давно выброшены за борт поступательным движением эволюции.

Молчание нарушил Тиеканик:

– Ну все, довольно слов. На какой цене мы сойдемся, Проповедник?

– Дункан Айдахо ваш, – ответил старик. – Используйте его по своему усмотрению, но могу сказать, что это бриллиант, не имеющий цены.

– У нас есть для него подходящая миссия. – Тиеканик взглянул на Фарад'на. – Мы уходим, мой принц?

– Отправляй его, пока я не передумал, – сказал Фарад'н, потом сверкнул глазами на Тиеканика. – Мне не нравится, как вы использовали меня, Тиек.

– Простите его, принц, – вмешался в разговор Проповедник. – Твой верный башар выполняет Волю Бога, хотя и не догадывается об этом.

Поклонившись, старик направился к выходу, следом за ним поспешил Тиеканик.

Принц посмотрел им вслед и подумал: Мне надо присмотреться к религии, которую исповедует Тиек. – Он

печально улыбнулся. – Каков толкователь сновидений! Но что проку? Мой сон совсем не важен.

* * *

И было у него видение доспехов. Доспехи эти не были его природной кожей, и были они прочнее стали. Ничто не могло пробить их – ни нож, ни яд, ни песок, ни пыль и иссушающая жара Пустыни. В правой руке его – держава, сила которой способна вызвать кориолисову бурю, потрясти Землю и превратить ее в ничто. Глаза его устремлены на Золотой Путь, а в левой руке несет он скипетр абсолютной, ничем не ограниченной власти. За Золотым Путем его взор проникает в Вечность, питающую его душу и неистребимую плоть.

«Вершины. Сон моего брата» из «Книги Ганимы»

– Будет лучше, если я никогда не стану императором, – заговорил Лето. – О, я не хочу сказать этим, что совершил ошибку отца и заглянул в будущее с помощью склянки зелья. Я говорю об этом из чистого эгоизма. Нам с сестрой крайне необходимо время, чтобы научиться жить с тем, что мы собой представляем.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на госпожу Джессику. Он высказал свою точку зрения, как они и договорились с Ганимой, а теперь ждал, что ответит бабушка.

При свете желтой лампы Джессика внимательно вгляделась в лицо своего внука. Было раннее утро второго дня ее пребывания здесь, но она уже успела получить тревожное известие о том, что дети провели ночь бдения за пределами сиетча. Что они там делали? Она плохо спала и чувствовала, что в крови накопилось слишком много кислот утомления и ей надо немедленно снизить уровень регуляции, который поддерживал ее в работоспособном состоянии с момента прибытия в космопорт. Сиетч остался таким же, каким он снился ей в ночных кошмарах, но Пустыня изменилась до неузнаваемости. Откуда взялись все эти цветы? Воздух стал

слишком влажным. Ношение защитных костюмов делало молодежь слабой и рыхлой.

– В чем причина того, что ты – ребенок – хочешь иметь время, чтобы изучить себя?

Лето неторопливо покачал головой – этот жест взрослого человека в соединении с детским телом производил странное впечатление, но принц напомнил себе, что его задача – вывести бабушку из равновесия.

– Во-первых, я не ребенок. О... – Он дотронулся до своей груди. – Это детское тело, в этом не приходится сомневаться, но я не ребенок.

Джессика непроизвольно закусила губу, чем выдала свое волнение. Ее герцог, много лет назад погибший на этой проклятой планете, смеялся над этой привычкой, приговаривая при этом: «Это твой единственный необдуманный ответ. Как только ты закусываешь губы, становится ясно, что ты волнуешься, и я целую тебя в губки, чтобы ты успокоилась».

И вот теперь ее внук, носивший имя герцога, потряс ее до оцепенения – мальчик улыбнулся и сказал:

– Ты взволнована; я вижу это по твоим трясущимся губам.

Джессике пришлось призвать на помощь всю закваску, полученную у Бене Гессерит, чтобы восстановить спокойствие. Это ей удалось.

– Ты смеешься надо мной?

– Смеяться над тобой? Никогда. Но я должен показать, что мы очень разные. Позволь мне напомнить о той достопамятной оргии в сиетче, когда Старшая Преподобная Мать передала тебе свои жизни и память. Она настроилась на тебя и передала эту... эту длинную цепь, каждое звено которой представляло собой чью-то память. Эти жизни до сих пор в тебе. Поэтому ты понимаешь, что испытываем мы с Ганимой.

– А Алия? – спросила Джессика, проверяя его.

– Разве ты не обсуждала это с Гани?

– Я хочу обсудить это с тобой.

– Очень хорошо. Алия отринула то, чем она была в действительности, свою истинную суть и стала тем, чего она всегда боялась. Прошлое внутри нельзя отсылать в бессознательное. Это плохо для любого человека, но для нас, тех, кто предрожден, это хуже смерти. Это все, что я могу сказать об Алие.

– Ты действительно не ребенок, – признала Джессика.

– Мне миллион лет. Это требует умения приспособиться, умения, в котором люди никогда не нуждались.

Несколько успокоившись, Джессика кивнула. Следует быть намного осторожнее с этим мальчиком, чем с Ганимой. Кстати, где она? Почему Лето пришел один?

– Так вот, бабушка, я хочу спросить: мы – воплощение Мерзости или надежда Атрейдесов?

Джессика проигнорировала его вопрос.

– Где твоя сестра?

– Она отвлекает Алию, чтобы та не помешала нашей беседе. Это необходимо. Но Ганима не скажет тебе больше, чем сказал я. Разве ты не увидела этого вчера?

– То, что я увидела вчера, касается только меня. Почему ты вдруг начал болтать о Мерзости?

– Болтать? Не надо кормить меня жаргоном Бене Гессерит, бабушка. Я верну его тебе назад, слово за словом, и буду черпать их из глубин твоей собственной памяти. Я хочу большего, чем твоя закушенная губа.

Джессика в растерянности только покачала головой, чувствуя, как на нее повеяло холодом от этой… маски, в которой текла ее кровь. Его превосходство смирило ее. Стараясь приспособиться к его тону, Джессика спросила:

– Что тебе известно о моих намерениях?

В ответ Лето хмыкнул.

– Тебе нет нужды спрашивать, совершил ли я ошибку своего отца. Я не стал выглядывать из сада времени – во всяком случае, у меня не было такой цели. Оставим абсолютное знание будущего тем моментам deja vu, которые может испытать любой человек. Я знаю о капкане предзнания. Жизнь

моего отца многое рассказала мне об этом. Нет, бабушка, абсолютное знание будущего – это абсолютная ловушка. Такое знание приводит к коллапсу Времени. Настоящее становится будущим, а мне нужна большая свобода.

Джессика чувствовала, что ее язык подергивается от желания заговорить, но может ли она сказать ему то, чего он еще не знает? Это было чудовищно! Это же я! Это мой возлюбленный Лето! – Мысль потрясла ее. Какое-то мгновение ей казалось, что детская маска вот-вот упадет и откроются дорогие черты… но нет!

Мальчик, склонив голову, внимательно смотрел на бабушку. Да, в конце концов ею можно управлять.

– Когда думаешь о предзнании, что, я надеюсь, случается редко, то практически ничем не отличаешься от прочих людей. Очень многие воображают, что было бы прекрасно знать завтрашние цены на китовую шкуру или знать о том, сумеют ли Харконнены снова захватить свои владения. Но мы знаем о Харконненах и без предзнания, не правда ли, бабушка?

Она не клюнула на его приманку. Конечно, он знает о том, что проклятые Харконнены – наши предки.

– Кто такой этот Харконнен? – спросил Лето, провоцируя Джессику. – Кто этот Зверь Раббан? Он – каждый из нас, да? Но я отвлекся: суть популярного мифа о предзнании – абсолютное знание будущего! Всего будущего! Знать, что можно сделать состояние – или потерять его, – вот в чем видят абсолютное знание, верно? В это верит чернь. Она верит в то, что чем больше, тем лучше. Великолепно! И если этим людям вручить полный сценарий их жизни, неизменные до самой смерти диалоги, то это будет поистине дьявольский дар, исполненный немыслимой скуки! Каждую секунду человек будет проигрывать то, что он и так целиком и полностью знает наперед. Не будет никаких отклонений. Знать каждый ответ, каждую реплику – снова и снова, и снова…

Лето тряхнул головой.

– В незнании содержится огромное преимущество. Вселенная сюрпризов – вот о чем я молю для себя!

То была долгая речь, во время которой Джессика не могла надивиться манерой и интонациями внука, которые были так похожи на манеру говорить его отца – ее потерянного сына. Даже идеи были сходны – так мог бы говорить и Пол.

– Ты напомнил мне сейчас твоего отца, – сказала она.

– Это причинило тебе боль?

– В какой-то степени, да. Но зато теперь я знаю, что он живет в тебе.

– Ты не слишком верно представляешь, как именно он живет во мне.

В ответе внука Джессике послышалась затаенная, но сильная горечь. Она взглянула в глаза Лето.

– Или как во мне живет твой герцог, – продолжал внук. – Бабушка, Ганима – это ты! Она настолько идентична с тобой, что хранит всю твою память, начиная с того момента, когда ты родила нашего отца. И меня тоже! Я – ходячий каталог телесной памяти. Иногда это становится трудно выносить. Ты приехала сюда судить нас? Ты приехала судить Алию? Но лучше мы будем судить тебя!

Джессика изо всех сил пыталась найти ответ, но ответа не было. Что он делает? Почему так настаивает на своей особенности? Ищет ли он отвержения? Постиг ли он состояние Алии – Мерзость?

– Тебя это очень волнует, – заметил Лето.

– Да, это волнует меня. – Джессика позволила себе небрежно пожать плечами. – Да, это сильно меня тревожит, и ты прекрасно знаешь причину. Я уверена, что ты проник в суть моей подготовки у Бене Гессерит. Это признала и Ганима. Я знаю, что... сделала Алия. А ты понимаешь последствия своего отличия от прочих.

Он посмотрел на бабушку снизу вверх напряженным взглядом.

– Мы не приняли твою линию. – Его голос, казалось, был пропитан усталостью Джессики. – Мы знаем, что дрожание губ – это признак твоего волнения, не хуже, чем это знал твой герцог. Мы можем по своей воле вызвать в памяти все те ласковые слова, которые шептал тебе в спальне твой возлюбленный. Ты восприняла все это с помощью интеллекта, в этом нет никакого сомнения. Но я хочу предупредить тебя, что интеллектуальное приятие – это еще не все. Если кто-то из нас проникнется Мерзостью, то именно твое присутствие в нас сотворит это! Либо мой отец, либо моя мать! Твой герцог! Мы можем стать одержимыми каждым из вас – результат будет одним и тем же.

Джессика ощутила жжение в груди, на глаза ее навернулись слезы.

– Лето, – с трудом произнесла она, впервые называя внука по имени. Боль оказалась меньше, чем она ожидала, и Джессика смогла говорить дальше: – Что ты хочешь от меня?

– Мне придется учить мою бабушку.

– Учить меня – чему?

– Прошедшей ночью мы с Ганимой играли роли матери и отца. Мы едва уцелели, но зато многому научились. Есть вещи, которые можно знать, если осознаешь условия, в которых находишься. Действия можно предвидеть. Например, Алия – это можно утверждать с очень высокой определенностью – плетет заговор с целью вывести тебя из игры.

Джессика была потрясена таким скорым обвинением. Она знала этот трюк, и сама много раз им пользовалась – человека ведут по одной линии рассуждений, а потом обрушивают на его голову рассуждение из другой парадигмы. Она сделала глубокий вдох и взяла себя в руки.

– Я знаю, что делала Алия… и кто она, но…

– Бабушка, пожалей ее. Пользуйся не только своим умом, но и сердцем. Ты же умела делать это раньше. Ты же представляешь для нее угрозу, а Алия хочет заполучить

Империю, вернее сказать, этого хочет то, во что превратилась Алия.

– Как я смогу понять, что это говорит не Мерзость?

Лето пожал плечами.

– Вот здесь-то и надо воспользоваться сердцем. Мы с Гани хорошо знаем, как пала Алия. Очень нелегко противостоять воплям всей толпы внутренних образов. Попробуй подавить их «я», и они будут возникать всякий раз, когда ты решишь воспользоваться памятью. Настанет день, – Лето сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло, – и какая-нибудь сильная личность внутри тебя захочет разделить с тобой твою плоть.

– И... с этим ничего нельзя поделать? – спросила Джессика, со страхом сознавая, что знает ответ.

– Мы думаем, что кое-что можно сделать... да. Мы не можем довериться зелью – это слишком высокая вершина, а нам нельзя полностью подавлять будущее. Мы должны его использовать, сделать из него нечто вроде амальгамы, вплетая прошлое в свою настоящую сущность. Мы, конечно, перестанем быть исходными самостями, но зато и не станем одержимыми.

– Ты говорил о заговоре с целью моего устранения.

– Он очевиден. Венсиция лелеет амбиции в отношении своего сына. Алия же имеет свои собственные амбиции и...

– Алия и Фарад'н?

– На это пока нет четких указаний, но Алия и Венсиция идут параллельными курсами. У Венсиции есть сестра в доме Алии. Нет ничего проще, чем отправить послание...

– Ты знаешь о таком послании?

– Я даже дословно знаю его содержание.

– Но воочию ты его не видел?

– В этом нет никакой нужды. Надо только знать, что все Атрейдесы находятся здесь, на Арракисе. Вся вода в одной цистерне, – Лето махнул рукой, словно желая обвести контуры планеты.

– Дом Коррино не осмелится атаковать нас здесь.

– Алие будет очень выгодно, если они все же решатся, – насмешливые нотки в голосе Лето вывели Джессику из равновесия.

– Я не желаю, чтобы меня опекал собственный внук! – воскликнула она.

– Черт возьми, женщина, перестань думать обо мне, как о своем внуке! Думай обо мне, как о своем герцоге Лето!

Выражение лица и характерный жест были настолько верны, что Джессика в растерянности умолкла.

– Я пытался подготовить тебя. «Предоставь мне хотя бы это», – отчужденно и сухо произнес внук.

– Но почему Алия должна меня устранить?

– Естественно, для того чтобы возложить вину на Дом Коррино.

– Я не верю в это. Даже для нее это было бы... чудовищно! Слишком опасно! Как она сможет сделать это без... Нет, я не могу в это поверить!

– Поверишь, когда это случится. Ах, бабушка, нам с Гани надо было лишь прислушаться к самим себе, чтобы узнать это. Это же простое самосохранение. Как иначе можем мы распознать ошибки, которые совершаются вокруг нас?

– Я ни на минуту не могу принять, что мое устранение входит в планы Алии и...

– Господи! Ну как ты, выученица Бене Гессерит, можешь быть такой тупой? Вся Империя почти наверняка знает, зачем ты здесь. Сторонники Венсиции делают все от них зависящее, чтобы дискредитировать тебя. Алия просто не может ждать. Если ты падешь, то Дом Атрейдес не переживет смертельного удара.

– Так, о чем же почти наверняка знает вся Империя?

Теперь она трезво и холодно взвешивала каждое слово, ибо понимала, что никакими доводами не сможет она обмануть это недитя.

– Она уверена, что госпожа Джессика хочет соединить в браке близнецов, – хрипло произнес Лето. – Этого желает Община Сестер. Она хочет инцеста!

Джессика часто заморгала глазами.

– Пустые слухи, – возразила она и нервно сглотнула. – Бене Гессерит не допустит, чтобы такие слухи циркулировали по империи. У нас есть еще кое-какое влияние, запомни это.

– Слухи? Какие слухи? У тебя совершенно точно есть такой выход – сочетать нас браком. – Он тряхнул головой и продолжил: – Не отрицай этого. Нам надо созреть в этом доме, в котором ты будешь жить вместе с нами, хотя твое влияние – это не более чем грязная тряпка, которой размахивают перед лицом песчаного червя.

– Ты что, действительно думаешь, что мы такие отпетые дураки? – спросила Джессика.

– Да, действительно. Ваша Община Сестер – это не что иное, как сборище выживших из ума старых баб, которые, как курица с яйцом, носятся со своей любимой селекционной программой! Мы с Гани знаем, какие рычаги у них есть. Надеюсь, ты не считаешь нас дураками?

– Рычаги?

– Они знают, что ты из рода Харконненов! Они знают об этом из своих записей: Джессика дочь Танидии Нерус от барона Владимира Харконнена. Если эту запись случайно опубликовать, то все твои зубы...

– Ты полагаешь, что Община Сестер опустится до шантажа?

– Я знаю, что они это сделают не колеблясь. Нет, они, конечно, прикроют это весьма ласковыми словами и искренней заботой. Они сказали тебе, что надо проверить слухи о твоей дочери. Они разбудили в тебе любопытство и страх. Они воззвали к твоему чувству ответственности, они заставили тебя ощутить вину за то, что ты вернулась на Каладан. Они предложили тебе план спасения твоих внуков.

Джессика могла лишь молча слушать Лето. Было такое впечатление, что он слышал каждое слово, произнесенное на эмоциональных встречах с доверенными Сестрами из Общины. Она полностью доверилась его словам и теперь была

склонна думать, что суждения Лето в отношении Алии были справедливыми.

– Теперь ты видишь, бабушка, что мне пришлось принять нелегкое решение, – сказал он. – Следую ли я мистике Атрейдесов? Живу ли я для выполнения своих задач... и умру ли я ради них? Или мне надо выбрать иной путь – путь, который позволит мне прожить тысячу лет?

От этих слов Джессика непроизвольно отпрянула назад. Эти столь непринужденно сказанные слова коснулись предмета, который Община Сестер сделала практически немыслимым. Многие Преподобные Матери могли выбрать этот путь... и даже пытались это сделать. Манипуляции с биохимией организма были доступны всем посвященным в Общину, но если это сделает один человек, то и другие захотят попробовать. Такому накоплению женщин, не имеющих возраста, нельзя было бы положить предел. Сестры точно знали, что это путь к самоуничтожению, ибо все остальные смертные ополчатся против них. Нет, этот выход был немыслим.

– Мне не нравится ход твоих мыслей, – сказала она.

– Ты не понимаешь моих мыслей, – ответил Лето. – Гани и я... – он снова покачал головой. – У Алии было в руках это оружие, но она его отбросила.

– Ты в этом уверен? Я уже послала в Общину отчет о том, что Алия практикует немыслимое. Посмотри на нее! Она нисколько не постарела с тех пор, как я в последний раз...

– Ах, это! – движением руки Лето отмел прочь упоминание о телесном равновесии Бене Гессерит. – Я говорю о другом – о том совершенстве, которое выходит далеко за пределы, достижимые обычным человеком.

Джессика хранила молчание, пораженная той легкостью, с которой внук уничтожал ее маскировку. Он точно знал, что такое сообщение – это смертный приговор Алие, и не важно, какие он при этом произносит слова – важно, что он хочет сделать то же самое. Понимает ли он всю опасность и вредоносность своих слов?

– Ты должен объясниться, – выдавила из себя Джессика.

– Каким образом? – спросил он. – Если ты не поймешь, что Время – это совсем не то, чем оно, кажется, то мне не стоит даже начинать приступать к объяснению. Мой отец подозревал это. Он стоял на краю понимания, но не удержался и пал. Теперь настала наша с Гани очередь.

– Я настаиваю на объяснении, – произнесла Джессика и нащупала в складках накидки отравленную иглу. Это был гом джаббар, смертельный настолько, что легкий укол вызывал практически мгновенную смерть. Меня предупреждали, что, возможно, придется им воспользоваться, – подумала она. От этой мысли рука ее задрожала, и Джессика была очень благодарна за то, что одежда скрыла эту дрожь от глаз Лето.

– Ну хорошо, – со вздохом сказал внук. – Во-первых, что касается Времени: нет никакой разницы между тысячью лет и одним годом, между сотней тысяч лет и одним мгновением. Нет никакой разницы. Это первый факт, касающийся Времени. А вот и второй факт: вся Вселенная со всем ее временем находится внутри меня.

– Что это за бессмыслица? – поинтересовалась Джессика.

– Вот видишь? Ты ничего не поняла. Попробую объяснить это другим способом. – Он поднял руку, иллюстрируя ее движениями свои слова. – Мы движемся вперед, потом движемся назад.

– Эти слова ничего не объясняют!

– Это верно, – согласился Лето. – Есть вещи, которые нельзя объяснить словами. Их должно почувствовать без слов, но ты не готова к такому восприятию, потому что смотришь на меня, но не видишь.

– Но... я же смотрю прямо на тебя, значит, я, без сомнения, тебя вижу. – Она действительно уставила на него свой горящий взор. Его слова были отражением знания Кодекса Дзенсунни, которому ее саму учили в школе Бене Гессерит: игра словами, имеющая целью исказить понимание собеседником основ философии.

– Некоторые вещи происходят вне нашего контроля, – сказал Лето.

– Но как таким путем можно объяснить это... это совершенство, которое столь далеко выходит за пределы человеческого опыта?

Он кивнул.

– Если человек задерживает наступление старости с помощью меланжи или регуляцией телесных процессов, чего столь обоснованно боятся посвященные Бене Гессерит, то такая задержка является лишь иллюзией контроля. Быстро пройдет человек из одного края сиетча в другой или медленно, он все равно пересечет сиетч. Течение же времени ощущается лишь внутренне.

– Зачем ты играешь словами? Я сломала свои зубы мудрости на этой чуши, когда твой отец еще не родился.

– Росли только зубы, но не мудрость, – отпарировал Лето.

– Слова! Одни только слова!

– Ах, как ты близка к истине!

– Ха!

– Бабушка?

– Что?

В ответ он выдержал длинную паузу, потом заговорил:

– Вот видишь, ты можешь отвечать искренне. – Он улыбнулся. – Но ты не можешь видеть сквозь тень. Посмотри, я же здесь. – Он снова улыбнулся. – Мой отец подошел очень близко к этому открытию. Пока он жил – он жил, но умереть ему не удалось.

– О чем ты говоришь?

– Покажи мне его тело!

– Ты думаешь, что этот Проповедник...

– Возможно, но даже если это и так, то это не его тело.

– Ты мне ничего не объяснил, – в тоне Джессики прозвучало обвинение.

– Я тебя предупреждал.

– Тогда почему...

– Ты очень просила, и я вынужден был тебе показать. Теперь давай вернемся к Алие и ее плану твоего устранения для…

– Ты хочешь сделать немыслимое? – спросила Джессика и приготовила к действию отравленную иглу гом джаббара.

– А ты хочешь стать ее палачом? – вкрадчиво спросил он и указал рукой на пальцы бабушки под накидкой. – Неужели ты думаешь, что она позволит тебе этим воспользоваться? Или ты воображаешь, что я позволю это сделать?

Джессика хотела глотнуть, но мышцы не повиновались ей.

– Отвечаю на твой вопрос, – продолжал Лето. – Я не хочу исполнить немыслимое, я не настолько глуп. Но я поражаюсь тебе. Ты осмеливаешься судить Алию. Ну конечно, она же нарушила любезные твоему сердцу заповеди Бене Гессерит! Чего ты ждешь? Ты сбежала отсюда и фактически оставила ее королевой, не утвердив в должности официально. Оставила ей всю власть! Отправилась на Каладан зализывать раны в объятиях Гурни. Очень хорошо. Но кто ты такая, чтобы судить Алию?

– Еще раз говорю тебе, я не буду об…

– Заткнись! – Он с отвращением отвернулся. Слово было произнесено специальным способом, разработанным Бене Гессерит, – это был Голос, которому повиновались все, кто его слышал. Джессика замолчала, словно рот ей заткнули ладонью. Женщина подумала: Кто же еще мог лучше воспользоваться Голосом, чем этот мальчик? Этот аргумент подсластил пилюлю и унял расходившиеся было чувства. Как часто она сама пользовалась Голосом в отношении других, но никогда не думала, что она столь же подвержена ему… такого не было никогда… даже в дни учения, когда…

Он снова повернулся к бабке лицом:

– Прошу прощения. Я только теперь убедился, как слепо ты можешь реагировать, если…

– Слепо? Я? – Это замечание привело ее в большую ярость, чем то, что он осмелился усмирить ее Голосом.

– Ты, – ответил он. – Слепо. Если в тебе осталась хоть капля честности, то ты оценишь свою реакцию. Я называю твое имя, и ты отвечаешь: «Да?» Я призываю все мифы твоего Бене Гессерит. Взгляни, как тебя учили. По крайней мере хоть это ты можешь для себя сделать...

– Как ты смеешь? Что ты знаешь... – Голос ее предательски сорвался. Конечно, он знает!

– Всмотрись в себя! – в его голосе прозвучал металл.

Голос снова изменил Джессике. Чувства ее застыли, дыхание участилось. Где-то вне сознания остались трепещущее сердце и боль в груди. Внезапно до Джессики дошло, что учащенное дыхание и сердцебиение не поддавались контролю по Бене Гессерит. Это осознание потрясло ее: плоть, ее собственная плоть подчинилась чужой воле. Она с трудом восстановила равновесие, но воспоминание о пережитом осталось. Это недитя играло на ней, как на послушном, хорошо настроенном инструменте.

– Теперь ты понимаешь, как глубоко ты обусловлена своими любимыми сестрами из Бене Гессерит, – сказал он.

Она смогла только кивнуть в ответ. Лето заставил ее взглянуть прямо в глаза ее физической сущности, и она была потрясена открывшимся ей осознанием. «Покажи мне его тело!». Он показал ей ее тело так, словно она была новорожденной. С времен своей учебы в Валашской школе, с того ужасного дня, когда прибыли покупатели герцога, не чувствовала Джессика такой ужасной неуверенности в следующем мгновении.

– Ты позволишь устранить себя, – сказал Лето.

– Но...

– Я не собираюсь обсуждать эту тему, – сказал он. – Ты позволишь. Считай это приказом своего Герцога. Ты увидишь цель, когда все будет сделано, при этом ты столкнешься с очень интересным студентом.

Лето встал и коротко поклонился.

– Некоторые действия имеют конец, но не имеют начала; некоторые начинаются, но не имеют конца. Все зависит от того, где находится наблюдатель.

Повернувшись, он вышел из покоев.

Выйдя в переднюю, он столкнулся с Ганимой, спешившей в их апартаменты. Увидев брата, она остановилась.

– Алия на Совете Веры, – сказала Ганима и вопросительно взглянула на проход, ведущий в покои Джессики.

– Подействовало, – ответил Лето на немой вопрос сестры.

* * *

Жестокость с легкостью распознается как таковая как жертвой, так и преступником, всеми, кто узнает о ней даже издалека. Жестокость нельзя простить; она не может иметь смягчающих обстоятельств. Жестокостью невозможно ни уравновесить, ни оправдать прошлое. Жестокость готовит будущее к еще большей жестокости. Она совершает преступление сама над собой – это варварская форма первобытного инцеста. Тот, кто совершает жестокость, воспитывает жестокость и в будущих поколениях.

Апокрифы Муад'Диба

Вскоре после полудня, когда большинство паломников направилось в поисках благодетельной тени и дешевой выпивки, Проповедник вступил на большую площадь у подножия Храма Алии. Сейчас он держался за руку своих искусственных глаз – юного Ассана Тарика. В кармане под полой развевающейся накидки лежала черная ячеистая маска, которую он надевал на Салусе Секундус. Было забавно думать, что и маска, и мальчик служили одной цели – притворству и обману. Пока ему были нужны глаза-суррогаты, продолжали существовать сомнения.

Пусть миф растет, но сомнения должны оставаться жить, – думал он.

Ни один человек не должен догадываться, что маска – это всего лишь кусок материи, а не иксианский шедевр; рука

его не должна соскальзывать с костлявого плеча Ассана Тарика. Стоит только Проповеднику предстать перед людьми зрячим, несмотря на пустые глазницы, как отпадут все сомнения. Умрет даже та малая надежда, которую он пестовал. Каждый день он молился об изменениях, о каком-нибудь отличии, о которое можно было бы споткнуться, но даже на Салусе Секундус все было гладко, как на прибрежной гальке, все было заранее известно. Ничто не изменилось; ничто и не могло измениться… пока.

Многие видели, как он шел мимо лавок и аркад, замечая при этом, как он время от времени поворачивает голову из стороны в сторону, явно рассматривая витрину или человека. Движения его не были похожи на движения слепого, и это поддерживало и усиливало миф.

Алия следила за Проповедником сквозь прикрытую бойницу на стене храма. Женщина внимательно рассматривала покрытое шрамами лицо, ища в нем надежные признаки идентификации. Ей докладывали обо всех слухах. Каждый новый слух возбуждал страх.

Алия подумала о том, что ее приказ тайно захватить Проповедника тоже вернулся к ней в виде слуха. Даже ее гвардия не умела держать язык за зубами. Она надеялась все же, что гвардейцы выполнят ее новый приказ и схватят слепца тайно, не в людном месте, где момент ареста увидит слишком много народа.

На площади было жарко и пыльно. Юный поводырь прикрыл краем накидки нижнюю часть лица, оставив только глаза и узкую полоску лба. Эта завеса оттопыривалась влагоуловителем защитного костюма. Эта деталь сказала Алие, что путники пришли откуда-то из Пустыни. Интересно, где они там прячутся?

Проповедник не закрывал лица от иссушающего воздуха. Он даже сбросил трубку влагоуловителя. Лицо старика было открыто солнечному свету и колебалось в волнах марева, поднимавшегося от раскаленных плит площади.

На ступенях храма стояла группа из девяти паломников, которые обменивались на прощание вежливыми поклонами. В тени по краям площади находились еще человек пятьдесят, большей частью тоже паломники, которые предавались наказаниям, наложенным на них священниками. Среди зевак преобладали посыльные и купцы, которые не продали достаточно товара, чтобы закрыть лавки на эту самую жаркую часть дня.

Наблюдая всю эту сцену из открытой амбразуры, Алия чувствовала текучую жару и разрывалась между мыслями и безотчетными чувствами. Точно в таком же состоянии часто пребывал и ее брат. Искушение посоветоваться с кем-нибудь из внутренних образов было так сильно, что отдавалось в голове зловещим гулом. Барон был здесь – как всегда, готовый к услугам, но тоже, как всегда, играющий на ее страхе, когда рациональное суждение пасовало и в голове смешивались прошлое, настоящее и будущее.

«Что, если это действительно Пол?» – спрашивала она себя.

«Глупости!» – ответил внутренний голос.

Однако в подлинности донесений о сути слов Проповедника сомневаться не приходилось. Ересь! Было страшно подумать, что Пол сам разрушает строение, зиждущееся на его имени.

А почему бы и нет?

Она вспомнила, что говорила на Совете этим утром, когда злобно обрушилась на Ирулан, которая настаивала на принятии даров от Дома Коррино.

– Все дары близнецам буду тщательно осмотрены и проверены, как всегда, – протестовала Ирулан.

– И что будет, если мы найдем их безвредными? – воскликнула Алия.

Почему-то больше всего пугало именно это: что в дарах не будет никакой скрытой угрозы.

В конце концов дары были приняты, и они перешли к следующему вопросу: следует ли ввести госпожу Джессику

в состав Совета? Алия умудрилась добиться отсрочки голосования.

Сейчас она думала обо всем этом, глядя на площадь.

То, что случилось с ее регентством, напоминало изнанку той трансформации, которая произошла с планетой по их милости. Некогда Дюна была символом могущества безграничной Пустыни. Сила Пустыни уменьшилась чисто физически, но миф о ее могуществе продолжал разрастаться. Остался только океан-Пустыня, огромная Мать Пустыня, окаймленная колючим кустарником, который фримены все еще называли Королевой Ночи. За кустарником начинались покрытые зеленью холмы, полого спускавшиеся к пескам. Все эти холмы были рукотворными произведениями человеческого гения. Каждый холм был обсажен растениями, которые сажали люди, работавшие на этих посадках с трудолюбием муравьев. Зелень этих холмов придавала небывалую силу всякому, кто поднимался на них, как это сделала Алия, согласно традиции страны, сплошь покрытой некогда серовато-коричневым песком. В ее сознании, как и в сознании большинства фременов, океан-Пустыня все еще держал Дюну мертвой хваткой, которая никогда не ослабнет. Стоило только закрыть глаза, как перед внутренним взором возникал величественный пейзаж Пустыни.

Но стоило только их открыть, как становились видны зеленеющие холмы, болота, вытянувшие свои псевдоподии по направлению к пескам, но Пустыня оставалась Пустыней – могучей и грозной.

Алия тряхнула головой и снова посмотрела на Проповедника.

Он взошел на первую, обширную, словно терраса, ступень храма, остановился и повернулся лицом к опустевшей площади. Алия нажала кнопку на подоконнике, включив прибор, усиливающий голоса, доносящиеся снизу. Ей вдруг стало жалко себя за то, что она пребывает здесь в полном одиночестве. Кому может она доверять? Она думала, что

можно положиться на Стилгара, но он заразился идеями этого слепца.

– Вы знаете, как он считает? – спросил ее однажды Стилгар. – Я слышал, как он считает монеты, расплачиваясь с поводырем. Это было очень странно для моего фрименского уха, и это просто ужасно. Он считает: шук, ишкай, кимса, чуаску, пича, сукта и так далее. Последний раз я слышал такой счет в Пустыне в давние времена.

Из этого Алия заключила, что Стилгара нельзя посылать сделать то, что должно быть сделано. Надо быть особенно осмотрительной с охранной гвардией, где малейший намек регентши истолковывается как жесткий приказ.

Что он там делает, этот Проповедник?

Рынок, расположенный под защитными балконами и аркадами, все еще являл миру свое безвкусное аляповатое лицо: товары остались на прилавках под присмотром нескольких мальчишек. Некоторые продавцы, вместо того чтобы спать, продолжали вытряхивать деньги за свои приправленные зельем бисквиты у жителей деревень и бренчащих мелочью паломников.

Алия внимательно рассматривала спину Проповедника. Кажется, он приготовился говорить, но что-то сдерживало его голос.

«Зачем я стою здесь и смотрю на эту древнюю развалину?» – спросила она себя. – Этот обломок человека не может быть «сосудом величия», каким был некогда мой брат.

Ее охватила подавленность, граничащая с гневом. Как можно узнать что-нибудь о Проповеднике, узнать что-то определенное, не узнавая при этом ничего? Она загнала сама себя в ловушку. Она не осмеливается выказать ничего, кроме легкого любопытства по отношению к этому еретику.

Ирулан хорошо это почувствовала. Она потеряла всю свою бене-гессеритскую невозмутимость и кричала на Совете, как базарная торговка: «Мы утратили способность хорошо думать о самих себе!»

Даже Стилгар был шокирован.

В чувство всех вернул Джавид:

– У нас нет времени на всю эту чушь.

Джавид был прав. Какая, в конце концов, разница, как они думают о самих себе? Все, что их на самом деле заботило, – это как сохранить имперскую власть.

Но Ирулан, даже придя в себя, не могла остановиться и продолжала говорить ужасные вещи.

– Я говорю вам, что мы потеряли нечто жизненно важное. Когда же мы потеряли это, то стали не способны принимать правильные, хорошие решения. Мы набрасываемся на первые попавшиеся решения, как на врага, либо занимаем выжидательную позицию и без конца ждем, чтобы нами руководили решения, принятые другими. Неужели мы забыли, что были первыми, кто пустил этот поток?

И превыше всего вопрос о том, принимать или не принимать дары Дома Коррино.

Придется устранить Ирулан, решила Алия.

Но, между тем, чего ждет старик у подножия храма? Он называет себя Проповедником, так почему он не проповедует?

«Ирулан неправильно судит о нашем способе принятия решений», – сказала себе Алия. – Я все еще могу принимать верные решения! Человек, который имеет возможность манипулировать жизнью и смертью, обязан принимать решения, иначе его неизбежно будет раскачивать, как маятник. Пол всегда говорил, что самая опасная и неестественная вещь на свете – это застой. Единственное, что должно быть постоянным и перманентным – это течение. Изменение, вот то главное, что имеет значение.

Я покажу им изменения! – подумала Алия.

Проповедник вскинул руки для благословения.

Немногие люди, остававшиеся на площади, подтянулись поближе к старику, и Алия мысленно отметила неторопливость этого движения. Да, по стране ходили слухи, что Проповедник возбудил неприязнь Алии. Она приникла ухом к иксианскому громкоговорителю, вмонтированному в

потайное отверстие. Из динамика донесся ропот людей, свист ветра и скрип подошв о песок.

– Я принес вам четыре вести, – провозгласил Проповедник.

Слова Проповедника раздались из динамика, словно трубный глас, и Алия уменьшила громкость.

– Каждая весть предназначена для определенного человека, – продолжал Проповедник. – Первая весть – для Алии, сюзерена этого места.

При этих словах старик, не оборачиваясь, ткнул пальцем в направлении окна, у которого стояла Алия.

– Я принес ей предупреждение: ты, кто владеет тайной бессмертия чресл, продала свое будущее за пустой кошель!

Как он смеет? – подумала Алия, но слова старика поразили ее смертельным холодом.

– Мое второе послание, – продолжал вещать Проповедник, – предназначено Стилгару, наибу фрименов, который полагает, что может превратить силу племен в силу Империи. Мое предупреждение тебе, Стилгар: самое опасное из всех творений – это застывший этический кодекс. Он обрушится на тебя самого и отправит тебя в изгнание!

Он заходит слишком далеко! – подумала Алия. – Надо послать стражу и арестовать его, невзирая на последствия. – Однако руки ее остались неподвижными.

Проповедник обратил лицо к храму, взошел на вторую ступень, снова обернулся к площади, по-прежнему держась за плечо поводыря. Опять в динамике раздался его голос.

– Моя третья весть предназначена для принцессы Ирулан. Принцесса! Унижение – это такая вещь, которая не забывается никогда. Я предупреждаю тебя: беги!

«Что он говорит?» – спросила себя Алия. – Мы действительно унижали Ирулан, но... Почему он предупреждает ее и призывает к бегству? Ведь я приняла решение только сейчас. – Страх охватил Алию: – Откуда Проповедник знает об этом?

– Моя четвертая весть – для Дункана Айдахо, – крикнул Проповедник. – Дункан! Тебя учили, что за верность платят верностью. О, Дункан, не верь истории, потому что история движется не верностью, но деньгами. Дункан! Возьми свои рога и делай то, что ты умеешь делать лучше всего.

Правой рукой Алия ущипнула себя за спину. Рога! Она хотела было нажать кнопку вызова стражи, но рука отказывалась повиноваться.

– А теперь я буду говорить с вами, – промолвил старик. – Это слово Пустыни. Я направляю свою проповедь к священникам Культа Муад'Диба, кои практикуют экуменизм меча. О, вы, верующие в явленность предназначения! Ведомо ли вам, что явленная судьба имеет демоническую сторону. Вы кричите, что приходите в состояние экзальтации просто для того, чтобы жить, как порождения Муад'Диба, а я говорю вам, что вы покинули Муад'Диба. Святость заменила любовь в вашей религии! Вы накликаете на себя месть Пустыни!

Проповедник, словно для молитвы, склонил голову.

В этот миг Алию потрясло озарение: Господи! Этот голос! За много лет он стал надтреснутым и глуховатым, но это было то, что осталось от голоса Пола в знойных песках Пустыни.

Проповедник поднял голову. Голос его снова загремел над площадью, которая снова стала заполняться людьми, привлеченными этим странным пришельцем из прошлого.

– И сказано в писании, – вещал Проповедник. – Те, кто молился о росе в Пустыне, принесут потоп! И не избегнут они участи своей силой разума своего! Разум возникает из гордыни, которую человек может не распознать в тот миг, когда совершает зло. – Старик понизил голос. – Было сказано, что Муад'Диб умер от предзнания, что знание будущего убило его и он перешел из реальной Вселенной в Алам аль-Митхаль. Скажу вам, что это майянская иллюзия. В таких мыслях не существует независимой реальности. Эти мысли не могут покинуть ваших голов и творить действительность. О себе сам Муад'Диб говорил, что не обладал

магией Рихани, с помощью которой можно зашифровать Вселенную. Не сомневайтесь в его словах.

Проповедник снова поднял руки, и голос его зазвучал громоподобными раскатами:

– Я предостерегаю священников Муад'Диба! Огонь снизойдет на скалу и сожжет вас! Те, кто слишком хорошо усвоил уроки самообмана, сам первый погибнет от этого обмана. Кровь брата нельзя смыть простым омовением!

Старик опустил руки, отыскал плечо поводыря и покинул площадь прежде, чем Алия успела прийти в себя – ее охватила дрожь и оцепенение. Такая дерзкая ересь! Это наверняка Пол. Надо предупредить стражу. Против этого Проповедника нельзя выступать в открытую. То, что произошло на площади, еще больше укрепило ее в этом мнении.

Несмотря на явную ересь, никто даже не попытался задержать старика. Даже храмовая стража не бросилась за ним в погоню. Даже паломники остались безучастны. Этот слепец обладает харизмой! Каждый, кто слышит его, чувствует его силу, отражение в нем божественного таланта.

Несмотря на сильную жару, Алию начал колотить озноб. Она чисто физически почувствовала, как слабо держит она в своих руках Империю. Она ухватилась за край подоконника, словно желая почерпнуть из него силу, чтобы укрепить свою хрупкую власть. Равновесие между Советом Земель, Высшим Судом и Фрименской армией составляли ядро власти, в то время как Космическая Гильдия и Бене Гессерит предпочитали оставаться в тени. Запрещенная законом утечка передовой технологической информации на краях проникновения людей, подтачивала центральную власть. Продукция, которую выпускали предприятия Иксиана и Тлейлаксу, не могли сдерживать это давление с периферии. Кроме того, на горизонте постоянно маячил Фарад'н из Дома Коррино, наследник титулов и притязаний Шаддама Четвертого.

Без фременов, без гериатрического снадобья и монополии на него Атрейдесов ее хватка наверняка ослабнет. Власть распадется. Алия уже сейчас чувствует, как она ускользает из рук. Люди следуют за Проповедником. Просто заткнуть ему рот – опасно. Это практически так же опасно, как позволить ему и дальше произносить те еретические речи, которые он произносил сегодня на площади перед храмом. Алия ясно видела зловещие предзнаменования собственного поражения и те проблемы, которые встали на повестку дня. Бене Гессерит кодифицировал эту проблему:

«Большая популяция, находящаяся под контролем малой, но мощной силы, – это обычное явление в нашей Вселенной. Мы знаем главные условия, когда эта большая популяция может обратиться против своих властителей.

Первое: Когда популяция обретает лидера. Это летучая, как огонь, угроза власть предержащим; лидеры должны находиться под контролем.

Второе: Когда популяция осознает свое рабство. Народ надо держать в слепоте и невежестве. Он не должен рассуждать и задавать вопросы.

Третье: Когда популяция обретает надежду сбросить цепи. Она никогда не должна даже помышлять о такой возможности».

Алия тряхнула головой, чувствуя, как от этого энергичного движения задрожали ее щеки. Все признаки в ее популяции были налицо. Каждое донесение секретных агентов убеждало ее в этом знании. Непрекращающаяся война фрименского джихада оставляла свои следы повсюду. Какой бы планеты ни коснулся экуменизм меча, ее население начинало проявлять все признаки покоренных наций: сопротивление, замкнутость, уклонение. Все проявления власти – а в данном случае религиозной власти — становились объектом озлобления и возмущения. Нет, конечно, миллионы паломников продолжали прибывать на Арракис, и многие из них были действительно преданными верующими. Однако в большинстве случаев паломники имели иные

побудительные мотивы, нежели искреннюю веру. Чаще всего это была хитрость, направленная на обеспечение своей будущности. Такие паломники подчеркивали свое послушание и получали в обмен определенную форму власти, которая легко трансформировалась в материальное благосостояние. Совершившие хадж на Арракис, возвращаясь домой, обретали власть и получали новый, более высокий социальный статус. Паломники могли отныне принимать такие экономические решения, которые не снились им в родных пенатах до совершения хаджа.

Алия вспомнила старую популярную загадку: «Что можно найти в пустом кошельке паломника, вернувшегося с Дюны?» Ответ: «Глаза Муад'Диба» (огненные бриллианты).

Перед мысленным взором Алии промелькнули традиционные способы противодействия растущему неповиновению: народ надо приучить к мысли о том, что любая оппозиция наказуема, а любое проявление лояльности влечет за собой вознаграждение. Имперские силы надо менять в обычном порядке. Дополнительные воинские формирования должны быть скрыты. Все мероприятия регентства против потенциального сопротивления должны быть тщательно спланированы во времени для того, чтобы выбить почву из-под ног оппозиции.

Неужели я потеряла способность распоряжаться Временем? – подумала Алия.

«Что за праздные рассуждения?» – раздался знакомый голос. Алия почувствовала, как успокаивается. Да, план барона был хорош. Мы устраняем угрозу, исходящую от госпожи Джессики, и одновременно дискредитируем Дом Коррино. Вот так.

Проповедником можно заняться и позже. Его положение ясно, символика понятна. Старик – воплощение древнего духа необузданных спекуляций, дух живой и ортодоксальной ереси Пустыни. В этом его сила. Не имеет значения, Пол ли это... во всяком случае, до тех пор, пока в этом есть

сомнения. Школа Бене Гессерит подсказывала Алие, что ключом к поиску слабости Проповедника может стать его сила.

В Проповеднике обязательно существует некий порок, который мы отыщем. Я направлю шпионов по его следам, мы будем следить за ним каждую минуту и дискредитируем его, как только представится такая возможность.

* * *

Я не стану спорить с утверждениями фрименов о том, что они вдохновлены Богом для передачи религиозного откровения. На самом деле это утверждение касается чисто идеологического откровения, что вдохновляет меня на то, чтобы осыпать этих людей насмешками. Конечно, они ставят себе такие двойственные цели в надежде, что они укрепят их деспотию и помогут распространиться по Вселенной, которая находит их обычными угнетателями. От имени всех угнетенных народов я хочу предупредить фрименов: кратковременная выгода никогда не становится долговременной.

Арракинский Проповедник

Вместе со Стилгаром Лето поднялся ночью на узкий выступ низкого скалистого отрога, который в сиетче Табр называли Спутником. В неверном свете ущербной Второй Луны с уступа открывалась широкая панорама: Защитный Вал с горой Айдахо на севере, Великая Равнина на юге и простирающиеся на восток до самого Хаббанийского хребта. Вьющаяся пыль, не осевшая после бури, скрывала южный горизонт. В лунном свете Защитный Вал казался покрытым инеем.

Стилгар пришел сюда против своей воли, движимый лишь любопытством, которое Лето возбудил в нем своим таинственным предприятием. Зачем надо было рисковать переходом по пескам? Но парень пригрозил, что в случае отказа Стилгара он пойдет один, а это было чревато большими опасностями – мальчик мог заблудиться и пропасть в

Пустыне. Однако ночное путешествие всерьез беспокоило старого воина. Ночью, одни, они с Лето были прекрасными и очень желанными кое для кого мишенями.

Лето вскарабкался на уступ и стал смотреть на южную равнину. Словно в растерянности, он стукнул себя ладонью по колену.

Стилгар ждал. Он очень хорошо умел молча ждать. Вот и сейчас он безмолвно стоял в двух шагах от своего подопечного, скрестив руки на груди. Легкий ночной бриз шевелил накидку.

Для Лето переход по пескам был ответом на внутреннее побуждение, необходимость поиска новых связей в жизни в ходе подспудного конфликта, в который он не стал втягивать Ганиму, не желая подвергать ее ненужному риску. Стилгара он уговорил участвовать в походе вместе с ним, поскольку воин знал, что надо приготовить для длительного путешествия.

Лето снова хлопнул себя по колену. Как трудно дается любое начало! Иногда он чувствовал бесчисленные чужие жизни, которые были в нем, как свои собственные. Течение этих чужих жизней отличалось одной особенностью – у них не было конца, свершения – они представляли собой бесконечное начало. Они могли стать гомонящей, неуправляемой толпой, которая вела себя так, словно он был единственным окном, сквозь которое они могли выглянуть в реальный мир. В них таилось зло, которое поразило Алию.

Лунный свет серебрил пейзаж после бури. По равнине змеились бесчисленные, прихотливо извивающиеся дюны; ветры словно просеивали осколки силикатной породы: пыль, песок, гальку. Сейчас, прямо перед рассветом, Лето снова почувствовал, как его охватывает нерешительность. Время давило на плечи тяжким грузом. Уже стоял месяц Аккад, а позади было бесконечное ожидание: долгие жаркие дни и иссушающие душные ночи, такие, как эта, – они несли в себе тревожный аромат и дух знойных земель Хокбледа. Лето оглянулся через плечо и посмотрел на Защитный Вал,

зубчатые гребни которого четко вырисовывались на фоне ярких звезд. За хребтом, в южной котловине, находилось средоточие мучившей его проблемы.

Лето снова вгляделся в Пустыню. Пока он глядел в темноту, занялся рассвет, солнце, взошедшее среди шлейфов пыли, высветило красноватые полоски песка, прихотливо вившиеся по земле после ночной бури. Мальчик прикрыл глаза, стараясь представить себе, как выглядит начинающийся день из Арракина. Город лежал позади в полном сознании своего могущества, похожий на коробки, разбросанные между светом и новыми тенями. Пустыня... коробки... Пустыня... коробки.

Когда Лето открыл глаза, Пустыня осталась на месте: выбеленный солнцем бескрайний песок. Маслянисто поблескивавшие тени у основания каждой дюны протягивались по земле, словно отметины только что прошедшей ночи. Эти отметины связывали одно время с другим. Он подумал о ночи, о том, что он пробирается по Пустыне с верным Стилгаром, который торопливо идет сзади, обеспокоенный тишиной и необъяснимыми причинами, толкнувшими Лето на это путешествие. Кто-кто, а Стилгар очень хорошо знает этот путь – он не раз проделывал его со своим любимым Муад'Дибом. Вот и сейчас старый воин шел по песку, настороженно оглядывая окрестности, остерегаясь опасности. Стилгар не любил дневной свет, в этом он был истинным фрименом.

Умом Лето не желал, чтобы кончились ночь и чистые тяготы перехода по пескам. Только в скалах еще оставались черные остатки ночи. Лето разделял страх Стилгара перед дневным светом. Чернота цельна, даже если кипит ужасом. Свет же многолик. Ночь страшна запахами и летучими неуловимыми звуками. Измерения в ночи распадаются, все становится преувеличенным – шипы более колючими, листья – острее. Но ужас дня может быть намного хуже.

Стилгар покашлял, чтобы привлечь внимание.

– У меня очень серьезная проблема, Стил, – сказал Лето, не оборачиваясь.

– Я так и думал. – Голос был глух, в нем сквозила тревога. Ребенок слишком разительно напоминает своего отца. Это беспокоило Стилгара. Сама мысль о запретной магии вызывала у него спазм отвращения. Фримены хорошо понимали ужас одержимости. Тех, кто ею страдал, по праву убивали, а воду выливали в песок, чтобы она не загрязняла племенную цистерну. Мертвые должны оставаться мертвыми. Конечно, нет ничего предосудительного в том, чтобы отцы сохраняли свое бессмертие в детях, но дети не имеют права слишком верно следовать формам прошлого.

– Моя проблема заключается в том, что отец не успел завершить многих дел, – заговорил Лето. – В особенности это касается средоточия наших жизней. Империя не может дальше существовать без надлежащего внимания к человеческой жизни. Я говорю о жизни, Стил, ты понимаешь меня? О жизни, а не о смерти.

– Однажды, встревоженный своим видением, ваш отец точно так же говорил со мной, – отозвался Стилгар.

Лето испытывал большое искушение сменить тему страха каким-нибудь легким ответом, например, предложить позавтракать. Он только теперь понял, насколько он голоден. Они со Стилгаром в последний раз ели в прошлый полдень и по настоянию Лето голодали всю ночь. Но теперь Лето мучил и другой голод.

Проблема моей жизни связана с проблемой этого места, – думал Лето. – Не существует предварительного творения. Я просто возвращаюсь назад, возвращаюсь беспрестанно, снова и снова, до тех пор, пока расстояние, отделяющее меня от начала, не исчезает полностью. Я не могу увидеть горизонт, я не могу увидеть Хаббанийский хребет. Я не в силах отыскать оригинальное местоположение проверки истины.

– Предзнанию действительно нет замены, – сказал Лето. – Вероятно, мне стоит рискнуть и принять зелье.

– И погибнуть, как ваш отец?

– В этом и состоит дилемма, – ответил Лето.

– Однажды ваш отец поведал мне, что знание будущего может запереть человека в нем, как в ловушке, и исключить любую свободу и возможность что-то изменить.

– Этот парадокс и составляет суть проблемы, – проговорил Лето. – Предзнание – очень тонкая, но мощная вещь. Будущее наступает сейчас. Очень опасно быть зрячим в стране слепых. Пытаясь растолковать слепому то, что ты видишь, рискуешь забыть, что слепому присуща особая система движений, обусловленная его состоянием. Слепые подобны чудовищным машинам, движущимся по предначертанному пути. У них свои ценности, представления и точки опоры. Я боюсь слепых, Стил. Я действительно их боюсь. На своем пути они могут легко сокрушить что угодно и кого угодно.

Стилгар не мигая всматривался в Пустынный ландшафт. Известковый рассвет сменился стальным сиянием дня.

– Зачем мы пришли сюда? – спросил Стилгар.

– Я хотел, чтобы ты увидел место, где я могу умереть.

Стилгар напрягся, затем спросил:

– Так у вас все же было видение?

– Возможно, это был всего лишь сон.

– Зачем мы пришли в такое опасное место? – Стилгар взглянул на Лето горящими глазами. – Надо немедленно уйти отсюда.

– Я умру не сегодня, Стил.

– Нет? А в чем заключалось видение?

– Я видел перед собой три пути, – ответил Лето. Голос его стал тягучим и сонным, словно он с трудом вспоминал виденные им образы. – Одно из этих будущностей заключается в том, что мне следует убить свою бабушку.

Стилгар стремительно оглянулся в сторону сиетча Табр, словно боясь, что госпожа Джессика может услышать через Пустыню эти слова своего внука.

– За что? – спросил он.

– Чтобы не потерять монополию на зелье.

– Не понимаю.

– Я тоже. Но таково содержание сна, причем я пользуюсь для убийства ножом.

– О... – Стилгар прекрасно представлял себе, как пользуются ножом. Он глубоко вздохнул. – А каков был второй путь?

– Гани и я женимся, чтобы сохранить чистоту крови Атрейдесов.

– Гааа, – выдохнул Стилгар, демонстрируя все отвращение, на которое был способен.

– В древние времена это было обычное явление в королевских домах, – пояснил Лето. – Но Гани и я решили, что мы не будем размножаться ради улучшения породы.

– Заклинаю вас потверже держаться этого решения. – От слов Стилгара пахнуло смертью. По Закону фременов инцест карался смертью через повешение. Стилгар откашлялся и спросил: – Что ждало вас на третьем пути?

– Я был призван низвести отца до положения человека.

– Муад'Диб был моим другом, – сказал вполголоса Стилгар.

– Он был твоим богом, я же хочу лишить его ореола божественности.

Стилгар повернулся спиной к Пустыне и принялся рассматривать зеленеющий оазис своего любимого сиетча Табр. Такие разговоры были ему всегда неприятны.

При движении Стилгара до Лето донесся запах пота. Было такое искушение избежать имеющих определенную цель тем, которых пришлось коснуться в разговоре. Они могли бы беседовать полдня, уходя от специфики к абстракции, от непосредственной необходимости, от реальных решений, перед лицом которых они оказались. Не было никаких сомнений, что Дом Коррино представляет собой реальную угрозу реальным жизням – его и Гани. Однако все, что он сейчас делал, должно было быть взвешено и испытано в свете тайных необходимостей. Когда-то Стилгар очень ратовал за убийство Фарад'на, предлагая добавить чомурки в

сладкий ликер, который очень любил принц. Но этого никак нельзя было разрешить.

– Если я умру здесь, Стил, – сказал Лето, – то хочу предупредить тебя об Алие – она больше не друг тебе.

– К чему весь этот разговор о смерти и вашей тетке? – Стилгар был вне себя от ярости. Убить госпожу Джессику! Предупредить об Алие! Я умру здесь!

– Маленькие люди меняют свои лица по ее команде, – сказал Лето, – но правитель не должен быть пророком, Стил, или полубогом. Правитель должен быть понимающим. Я привел тебя сюда, чтобы рассказать, в чем нуждается наша Империя. Она нуждается в хорошем правительстве. Это не зависит от законов или прецедентов. Это зависит от личных качеств того, кто правит.

– Регент прекрасно управляется с делами Империи, – возразил Стилгар. – Когда вы достигнете нужного возраста...

– Я уже достиг нужного возраста! Из нас двоих – старший я! По сравнению со мной ты просто хныкающий младенец. Я помню времена, бывшие пятьдесят веков назад. Ха! Я даже помню времена, когда мы – фримены – жили еще на Тургроде.

– Зачем тешить себя такими фантазиями? – безапелляционно заявил Стилгар.

Лето мысленно кивнул. Действительно, зачем? Зачем выплескивать наружу всю память об этих давно прошедших столетиях? Непосредственной проблемой сегодня были фримены – полуприрученные дикари, готовые издеваться над несчастной невинностью.

– Нож рассыпается в прах после смерти владельца, – сказал Лето. – Муад'Диб рассыпался в прах, но почему живы фримены?

Такой обрывочный обмен мыслями сбивал Стилгара с толку, вызывал какое-то временное отупение. В словах Лето был ясный смысл, но ускользало намерение.

– От меня ждут, что я стану Императором, но я должен быть слугой, – снова заговорил Лето, оглянувшись на Стилгара. – Мой дед, имя которого я ношу, добавил к своему девизу новые слова: «Здесь я нахожусь, здесь я и останусь».

– У него просто не было выбора.

– Правильно, Стил. Но и у меня его нет. Я должен быть Императором по рождению, по мере своего понимания, по всем своим качествам. Я даже знаю, что нужно Империи – ей нужно хорошее правительство.

– У слова «наиб» есть древнее значение: «слуга сиетча», – заметил Стилгар.

– Я запомню твой урок, Стил, – сказал Лето. – Для того, чтобы иметь подходящее правительство, племена должны выбирать в него людей, образ жизни которых служит гарантией должного поведения правительства.

– Вы получите императорскую мантию, если этому суждено случиться, – от всего своего фрименского сердца сказал Стилгар, – но сначала вы должны доказать, что способны вести себя как подобает правителю!

Лето неожиданно рассмеялся:

– Ты сомневаешься в моей искренности, Стил?

– Конечно, нет.

– В моем природном праве?

– Вы – тот, кто вы есть.

– И если я сделаю то, чего от меня ждут, то это и будет мерой моей искренности, не так ли?

– Таков обычай фрименов.

– Значит, в своем поведении я не должен следовать моим чувствам?

– Я не могу понять, что означает...

– Это означает, что если я буду вести себя как положено, то есть подавлять свои естественные, присущие мне желания, то это и будет истинной моей мерой.

– Это есть способность к самоконтролю, юноша.

– Юноша! – Лето покачал головой. – Ах, Стил, ты прямотаки даешь мне ключ к рациональной этике правительства.

Я должен быть постоянен, а все мои действия уходить корнями в древние традиции.

– Да, именно так и полагается поступать.

– Но дело в том, что мое прошлое гораздо древнее твоего.

– Какая разница...

– У меня нет первого лица единственного числа, Стил. Я – множественная личность с памятью о традициях более древних, чем ты можешь себе вообразить. Это мой гнет, мой крест, Стилгар. Я направлен в прошлое. Я отягощен врожденным знанием, которое сопротивляется всякой новизне и переменам. Однако Муад'Диб сумел все это изменить. – Лето жестом указал на Защитный Вал.

Стилгар повернулся в указанном направлении. У подножия Вала приютился поселок. Он стоял здесь со времен Муад'Диба, а жили в нем планетологи, занимавшиеся озеленением Пустыни. Стилгар внимательно рассматривал рукотворное вторжение в Пустынный ландшафт. Правильность планировки поселка оскорбляла чувства Стилгара. Он стоял молча, не обращая внимания на зуд от попавших под костюм песчинок. Поселок был вызовом самой сути его планеты. Внезапно Стилгару страстно захотелось, чтобы дикий порыв ветра взметнул песок с дюны и засыпал проклятый поселок. Это желание пронизало его трепетом.

– Ты не заметил, Стилгар, что новые костюмы делаются из слишком дешевой ткани? В них мы теряем очень много воды.

Стилгар задумался над вопросом: Разве я не говорил ему?

– Наши люди становятся все больше и больше зависимыми от таблеток, – произнес он вслух.

Лето согласно кивнул. Изменяя температуру тела, таблетки уменьшали потери воды организмом. Таблетки были дешевле, чем костюмы, да и принимать их было несравненно легче, чем надевать костюм. Однако у лекарства были побочные эффекты – снижение реакции и временами нечеткость зрения.

– Мы для этого и пришли сюда? – съязвил Стилгар. – Обсудить ткань костюма?

– Почему бы и нет? – ответил Лето вопросом на вопрос. – Мы будем обсуждать это, если ты не обратишь внимание на то, о чем я в действительности хочу с тобой говорить.

– Почему я должен опасаться вашей тети? – с гневом в голосе спросил Стилгар.

– Потому что она, играя на упорном сопротивлении старых фременов к переменам, сама готовит такие ужасные перемены, которые ты даже не можешь себе вообразить.

– Вы делаете из мухи слона. Алия – настоящая фременка.

– Ах да, истинный фримен держится обычаев прошлого, но у меня еще более древнее прошлое. Стил, если я дам волю своим внутренним склонностям, то потребую создания закрытого общества, полностью основанного на священных ритуалах древности. Я стану контролировать миграцию, объясняя это тем, что она питает распространение новых идей, а новые идеи – это угроза всей структуре жизни общества. Каждый маленький планетарный полис пойдет своим путем и станет обособляться. Империя в конце концов рассыплется под тяжестью таких различий.

В горле Стилгара невыносимо пересохло. Эти слова вполне мог бы сказать и Муад'Диб. Слова звучали правдоподобно, были полны парадоксов, пугали... Ведь если допустить изменения... Стилгар горестно покачал головой.

– Прошлое может показать правильный образ жизни, если остаешься жить в прошлом, но обстоятельства меняются, Стил.

Стилгару ничего не оставалось, как согласиться с тем, что обстоятельства действительно изменились. Но как вести себя в них? Он смотрел поверх головы Лето на Пустыню, но не видел ее. Туда ушел Муад'Диб. Равнина окрашивалась в золотистый оттенок по мере того, как солнце поднималось все выше и выше над горизонтом. Пурпурные тени окружали ручейки, испарения которых смешивались с тонкой пылью. Пыльная пелена, постоянно висящая над

Хаббанийским хребтом, была видна сегодня особенно отчетливо, а простирающаяся до хребта Пустыня была покрыта уменьшающимися по направлению к горизонту дюнами. Сквозь марево, поднимавшееся от раскаленной земли, Стилгар видел зеленые насаждения, окаймлявшие Пустыню. Муад'Диб пробудил к жизни эти Пустынные места. Медные, золотистые, красные цветы, желтые цветы, ржавые, красновато-коричневые и серо-зеленые листья, длинные побеги и густая тень под кустами. Поднимавшийся с земли зной заставлял колебаться и дрожать эти черные тени.

Стилгар заговорил:

– Я всего лишь вождь фрименов, а вы – сын герцога.

– Ты сказал истину, сам не зная об этом, – произнес Лето.

Стилгар нахмурился. Когда-то очень давно в том же самом упрекнул его Муад'Диб.

– Ты помнишь это, не правда ли, Стил? – спросил Лето. – Мы были у подножия Хаббанийского хребта с капитаном сардаукаров, ты должен помнить – его звали Арамшам? Защищаясь, он убил своего друга. Ты несколько раз в течение дня предупреждал, что вряд ли стоит сохранять жизнь сардаукара, проникшего в чужую тайну. Наконец, ты прямо сказал, что они выдадут то, что видели, поэтому их должно убить. И тогда мой отец сказал: «Ты сказал истину, сам не зная об этом». Ты обиделся и сказал, что ты всего лишь простой вождь фрименов. Герцоги должны понимать более важные вещи.

Стилгар ошеломленно воззрился на Лето. Мы были у подножия Хаббанийского хребта! Мы! Это... это дитя, которое тогда еще не было зачато, знает мельчайшие детали того, что происходило в тот день. Знает то, что может знать только тот, кто присутствовал в тот день в том месте. Да, к этим детям Атрейдесов нельзя подходить с обычными мерками.

– Теперь ты будешь слушать меня, – повелительно произнес Лето. – Если я умру или исчезну в Пустыне, ты должен

будешь бежать из сиетча Табра. Это приказ. Ты должен взять с собой Гани и...

– Но ты еще не герцог! – взорвался Стилгар. – Ты... ты ребенок!

– Я взрослый в обличии ребенка, – ответил Лето и указал рукой на узкую трещину в скале. – Если я умру здесь, то именно в этом месте. Ты увидишь кровь и поймешь, что я мертв. Тогда ты возьмешь мою сестру и...

– Я удвою твою охрану, – заговорил Стилгар. – Ты не пойдешь больше сюда. Сейчас мы уйдем, и ты...

– Стил! Ты не сможешь меня удержать. Обрати свою память к тем дням у Хаббанийского хребта. Вспомнил? Там был фабричный трактор. В то время приезжал Великий Делатель, и не было никакой возможности сохранить трактор от червя. Мой отец был весьма раздосадован этим обстоятельством, но Гурни мог думать только о людях, которых он потерял в песках. Помнишь, как он сказал: «Твой отец не мог бы больше думать даже о людях, которых он не мог спасти». Так вот, Стил, я доверяю тебе спасти людей. Они важнее, чем неодушевленные предметы. Гани же дорога мне больше других, потому что без меня она остается единственной и последней надеждой Атрейдесов.

– Я не стану больше вас слушать, – ответил Стилгар и повернул обратно, по направлению к сиетчу. Лето последовал за ним. Обогнав стража, он обернулся и сказал:

– Ты не замечал, Стил, как хороши в этом году молоденькие женщины?

* * *

Жизнь отдельного человека, так же как жизнь семьи или целого народа, сохраняется в виде памяти. Мой народ должен дойти до этого понятия, рассматривая свой путь к пониманию как процесс созревания. Люди, составляющие народ, представляют собой организм, который хранит накапливающуюся в памяти информацию на подсознательном уровне. Человечество надеется, что в случаях, когда Вселенная меняется, народ может вызвать нужную ему информацию из хранилищ подсознательной памяти. Однако многое из того, что хранится, может быть потеряно в той игре случаев, которую мы зовем «фатумом». Многое не может быть интегрировано в эволюционные отношения и, таким образом, не может быть оценено и применено в решении реальных задач в условиях изменений внешней среды, которые меняют телесные свойства человеческой плоти. Биологический вид может забывать! В этом заключается особая ценность Квисатц Хадераха, о которой не подозревает Бене Гессерит: Квисатц Хадерах не способен забывать.

«Книга Лето», Харк аль-Ада

Стилгар не мог объяснить почему, но последнее случайное замечание Лето сильно его взволновало. Оно перемалывалось в сознании фрименского вождя всю дорогу от Спутника до сиетча Табр. Эти мысли затмили то, о чем они с Лето говорили в Пустыне.

Действительно, в этом году молодые женщины в Арракисе были необычайно хороши, впрочем, так же как молодые мужчины. Их лица сияли от избытка воды, головы высоко подняты, выражение лиц светилось безмятежностью. Они пренебрегали масками и влагоуловителями, а иногда и вовсе не носили защитные костюмы, предпочитая другую одежду, которая не скрывала гладкую гибкость молодых тел.

«Вызов человеческой красоты был обусловлен новыми красотами ландшафта. В сравнении со старым Арракисом глазу было на чем остановить свой очарованный взор – очарование рождалось при виде зеленых побегов, росших в расщелинах красно-коричневых скал. Старые сиетчи с их сложной системой водосберегающих запоров и ловушек для

влаги постепенно уступали место открытым поселкам с домами, сложенными из глиняных кирпичей. Глиняных кирпичей!»

Почему мне так хотелось стереть поселок с лица земли? – удивлялся Стилгар. Внезапно он споткнулся.

Стилгар знал, что он – один из последних представителей вымирающей породы. Старые фримены приходили в ужас от небывалой расточительности своей планеты. Единственное, на что была способна вода, испарявшаяся в воздух, – это на то, чтобы портить кирпичные стены новых домов. Дом на одну семью расходовал столько же воды, сколько ее уходило на поддержание жизни обитателей целого сиетча в течение года.

Мало того, в этих домах были прозрачные окна, сквозь которые в дом проникала иссушающая жара. Такие окна открывались наружу.

Новые фримены, жившие в новых кирпичных домах, могли зато любоваться своим рукотворным пейзажем. Эти люди не запирали себя в тесное пространство сиетча. Как только открылись новые горизонты, тотчас разыгралось и воображение. Стилгар хорошо это чувствовал. Новое видение реальности объединяло фременов с остальными обитателями межгалактической империи, приучало их к мысли о неограниченном пространстве. Когда-то они были связаны по рукам и ногам безводными Пустынями Арракиса, были рабами горькой необходимости и не разделяли образ мыслей и жизни с другими, более изнеженными обитателями Империи.

Стилгар видел, что эти изменения представляют собой разительный контраст его сомнениям и страхам. В старые дни редкий фримен мог позволить себе покинуть планету, переселиться на другую и начать там новую жизнь. Запрещалось даже мечтать о таком побеге.

Стилгар внимательно посмотрел на идущего впереди Лето. Он тоже говорил о запрещении переезжать на другие, богатые водой планеты. Да, такой переезд был обычным

делом для обитателей тех, других планет, даже если существовал только в виде мечты, предохранительного клапана, выпускника недовольства. Однако в чистом виде планетарное рабство достигло своего апогея именно здесь, на Арракисе. Фримены обратили свой взор внутрь себя, забаррикадировали свои умы так же, как забаррикадировали они свои пещерные жилища.

Было извращено само понятие сиетча – места убежища на случай невзгод. Теперь сиетч считался местом заключения, тюрьмой народа.

Лето сказал правду: все это изменил Муад'Диб.

Стилгар растерялся. Его старые убеждения рассыпались в прах. Видение новой действительности стало источником жизни, свободной от всякой замкнутости.

Как хороши в этом году молодые женщины!

Старый образ мышления (Мой образ мышления! – был вынужден признать Стилгар) принуждал его народ игнорировать всю историю, кроме той ее части, которая была обращена на их собственные труды. Старые фримены читали почти исключительно историю своих ужасающих переселений, бегств от одних преследований к другим. Старые планетарные правительства строго следовали государственной политике старой Империи. Правительства подавляли всякую тягу к творчеству и прогрессу, стремление к развитию. Процветание нации было смертельно опасно для старой Империи и ее властителей.

Стилгара внезапно потрясла мысль о том, что все эти вещи представляют смертельную опасность для того курса, который хочет проводить Алия.

Стилгар снова споткнулся и упал позади Лето.

В старом образе мыслей, как и в старой религии, не было места будущему, было лишь вечно продолжающееся бесконечное теперь. До Муад'Диба, как видел теперь Стилгар, фримены были приучены всегда верить в неудачу и никогда в возможность свершения. Ну... они поверили Лиет-Кинесу, но он установил предел жизни на планете в сорок

поколений. То не было свершением, то была мечта, обращенная опять-таки внутрь.

Все это смог изменить Муад'Диб!

Во время джихада фримены многое узнавали о старом Падишахе-Императоре Шаддаме Четвертом. Восемьдесят первый падишах из Дома Коррино, заняв Трон Золотого Льва и правя железной рукой бесчисленными мирами, использовал Арракис как полигон той политики, которую он надеялся проводить и в других частях Империи. Планетарные правители Шаддама насаждали в людях пессимизм, чтобы иметь опору своей власти. Они тщательно следили за тем, чтобы все жители Арракиса, даже кочевники – фримены, знали обо всех случаях несправедливости и нерешаемых проблемах; людей приучали думать о себе как о беспомощных созданиях, которым не на что рассчитывать в тяжелую минуту.

Как хороши в этом году молодые женщины!

Глядя, как Лето шагает впереди него, Стилгар только удивлялся тому, как этот юноша, мальчик, сумел вселить в него подобные мысли одним случайным замечанием, из-за которого Стилгар стал смотреть на Алию и свое участие в Совете совсем другими глазами.

Алия любила говорить, что старое медленно уступает дорогу новому. Стилгар был вынужден признать, что всегда находил эти заявления успокаивающими. Они значили: изменения опасны, всякое изобретательство надо подавлять, личную волю индивида надо сломить в зародыше. Какую еще функцию выполняло священство, как не отрицало свободу воли?

Алия постоянно повторяла, что предоставление возможностей для открытой конкуренции должно быть сведено к управляемому минимуму. Но это означало одно – угроза со стороны технологии может быть использована только для ограничения населения, именно так поступали с технологиями древние деспоты. Всякая разрешенная технология должна уходить своими корнями в ритуал. Иначе… иначе…

Стилгар снова споткнулся. Лето остановился на берегу канала возле абрикосовой рощи и ждал, когда к нему приблизится наиб.

Стилгар шел и чувствовал, как о его ноги шелестит некошеная трава.

Некошеная трава!

«Во что верить?» – спросил себя Стилгар.

Фримену его поколения было положено верить в то, что индивид нуждается в глубоком понимании своей ограниченности. Самым контролируемым элементом безопасного надежного общества является, несомненно, традиция. Народ должен знать ограничения, накладываемые временем, обществом и территорией. Что было несправедливого в сиетче как модели всякого мышления? Чувство отгороженности должно определять каждый индивидуальный выбор – будь то рамки семьи, общины или мер, предпринимаемых подходящим правительством.

Стилгар остановился и посмотрел на Лето. Мальчик стоял в саду и улыбался.

Неужели он знает о сумятице, которая творится у меня в голове? – изумился Стилгар.

В этот миг старый фрименский наиб попытался вернуться к накатанному катехизису своего народа. Каждый аспект жизни требует особой единичной формы и должен быть основан на внутреннем мысленном круговороте, основанном на скрытом понимании того, что будет действовать в обществе, а что действовать не будет. Модель жизни, общины, начиная с низшего элемента общества и его элиты, кончая государством и выше, – это модель сиетча и его противовеса в Пустыне – Шаи-Хулуда. Гигантский песчаный червь был самой ужасной тварью, но, если ему угрожала опасность, он немедленно прятался на недосягаемой глубине.

«Изменения опасны!» – сказал себе Стилгар. – Тождество и стабильность – вот достойные цели правительства.

Но как прекрасны молодые мужчины и женщины!

И это именно они помнили слова Муад'Диба, которые тот произнес после низложения Шаддама Четвертого: «Не долгой жизни для императора я ищу, а долгой жизни для Империи».

Не это ли и я говорил себе? – подумал Стилгар.

Он снова зашагал к входу в сиетч, держась справа от Лето. Мальчик преградил путь наибу.

Но Муад'Диб говорил и другое, – напомнил себе Стилгар: «Подобно индивиду общества, цивилизации и правительства рождаются, мужают, оставляют потомство и умирают».

Опасны изменения или нет, но их не миновать. Прекрасные юные фримены знали это. Они могли прозревать будущее и готовиться к нему.

Чтобы не наскочить на Лето, Стилгар был вынужден остановиться.

Мальчик посмотрел на наиба мудрым, как у совы, взглядом:

– Ты понял, Стилгар? Традиция – не единственная путеводная нить, как тебе казалось.

* * *

Фримен умирает, если его надолго разлучить с Пустыней; мы называем эту болезнь «водным отравлением».

Стилгар. «Комментарии»

– Мне очень трудно просить тебя сделать это, – произнесла Алия. – Но... Я должна подстраховаться, чтобы дети Пола унаследовали Империю. Другой цели у Регентства нет.

Алия обернулась, оторвавшись от зеркала, возле которого она заканчивала свой утренний туалет, и взглянула на мужа, чтобы посмотреть, как он воспринял ее слова. Дункан Айдахо и вправду заслуживал внимательного изучения в такие моменты; нет никаких сомнений в том, что он стал намного умнее и опаснее по сравнению с тем его уровнем,

на каком он пребывал в бытность свою простым оружейником Дома Атрейдес. Внешне он остался практически таким же – черные жесткие волосы окаймляли лицо с темными резкими чертами, но за долгие года, прошедшие с момента пробуждения из состояния гхола, Айдахо претерпел глубокий внутренний метаморфоз.

Алия не первый раз подивилась, что могло прятаться в мистическом одиночестве мужа после его посмертного возрождения. До того, как специалисты с Тлейлаксу поработали с Дунканом по своей методике, он был совершенно ясен для Атрейдесов – душа этого человека читалась, как открытая книга: верность, фанатическая приверженность моральному кодексу буржуазной бережливости, вспыльчивость и отходчивость. Он был непримирим в своей решимости мстить Дому Харконнен. К тому же он умер, спасая Пола. Тлейлаксу выкупили тело убитого у сардаукаров, регенерировали его и вырастили зомби катрундо: плоть Дункана Айдахо, лишенную сознания и памяти. Его научили ментальности и прислали, как живой компьютер, в подарок Полу. То был превосходный инструмент, в который заложили гипнотическую одержимость к убийству собственного владельца. Плоть Айдахо сопротивлялась этой одержимости, и невыносимый стресс пробудил клеточную память, вернув Дункану память о прошлом.

Алия уже давно приняла решение, что очень опасно думать о нем, как о Дункане, в глубине сокровенных мыслей. Лучше думать о нем, называя его именем гхола – Хейтом. Гораздо лучше. Самое главное, что муж даже не подозревал, что в психике его жены сидел старый барон Харконнен.

Дункан видел, что жена рассматривает его изучающим взглядом, и отвернулся. Любовь не смогла скрыть ни происшедшие в ней изменения, ни замутить прозрачность ее мотивов. Фасеточные металлические глаза, которыми снабдили его тлейлаксу были жестоки в своей способности проникать в тайну любого обмана. Сейчас глаза рисовали Алию

злобной, похожей на мужчину. Это было так невыносимо, что Дункан с отвращением отвернулся.

– Почему ты отворачиваешься? – спросила Алия.

– Я должен обдумать твои слова, – ответил он. – Госпожа Джессика принадлежит… Дому Атрейдес.

– И твоя верность принадлежит Дому Атрейдес, но не распространяется на меня? – надулась Алия.

– Не стоит так вольно интерпретировать мои слова, – произнес Дункан.

Алия сжала губы. Не слишком ли она торопится?

Дункан подошел к окну, выходившему на угол площади храма. Там уже начали собираться паломники, по краям теснились арракинские торговцы, собравшиеся, словно хищники, поживиться за счет толпы. Особенно Дункана заинтересовали торговцы с плетеными из Пряности корзинами, поднятыми высоко над головой. Позади арракинцев были видны фрименские коробейники. Уверенные в своей силе, они без труда рассекали толпу.

– Они продают выветренный мрамор, – сказал Дункан, указывая на фрименов. – Ты знала об этом? Они находят в Пустыне куски мрамора, которые обтачивают песчаные бури. Иногда попадаются очень красивые композиции. Сейчас этот вид искусства становится очень популярным: природный выветренный мрамор с Дюны. На прошлой неделе я купил одну такую штучку – золотистое деревце с пятью кисточками. Очень миленькая вещица, но, к сожалению, весьма хрупкая.

– Ты уклонился от темы, – напомнила мужу Алия.

– Я и не думаю от нее уклоняться, – возразил он. – Эти штучки милы, но это не искусство. Люди создают произведения искусства своей неистовостью, своей волей. – Дункан оперся рукой о подоконник. – Близнецы не любят этот город, и, боюсь, я понимаю, за что.

– Я не улавливаю в твоих словах никакой связи, – ответила Алия. – Устранение моей матери не будет настоящим

устранением. Она будет твоей пленницей, оставшись в полной безопасности.

– Город был построен слепым, – продолжал Дункан. – Ты знаешь, что Лето и Стилгар уходили из сиетча Табр в Пустыню на прошлой неделе? Они отсутствовали всю ночь.

– Да, мне докладывали об этом, – ответила Алия. – Кстати, об этих торговцах безделушками – по-твоему, я должна запретить их промысел?

– Это испортит им все дело, – сказал он и обернулся. – Ты знаешь, что ответил Стилгар, когда я спросил его, зачем они ходили в пески? Он ответил, что Лето хотел пообщаться с духом Муад'Диба.

Алия почувствовала, что ее охватывает тихая холодная паника. Женщина посмотрела на себя в зеркало и постаралась справиться с волнением. Лето никогда не пошел бы ночью из сиетча ради такого вздора. Может быть, это просто конспирация?

Айдахо протянул руку к глазам, чтобы выключить изображение жены и сказал:

– Стилгар сказал, что пошел с Лето только потому, что до сих пор верит в Муад'Диба.

– Конечно, верит!

Дункан усмехнулся:

– Он сказал, что верит в Пола, потому что он всегда стоял на стороне маленьких людей.

– Что ты ответил на это? – спросила Алия, чувствуя, что голос выдает ее страх.

Айдахо отнял руки от глаз:

– Я сказал: «Это делает тебя одним из маленьких людей».

– Дункан! Это очень опасная игра. Подразни этого наиба, и ты разбудишь в нем зверя, который уничтожит всех нас.

– Он до сих пор верит в Муад'Диба, – отпарировал Айдахо. – Это наша надежная защита.

– И что же он тебе ответил?

– Он сказал, что это его личное дело.

– Понимаю.

– Нет… не думаю, что ты понимаешь. Есть вещи пострашнее, чем длинные руки Стилгара.

– Да, сегодня я не могу тебя понять, Дункан. Я прошу тебя сделать одну очень важную вещь, вещь жизненно необходимую для… Так зачем все это хождение вокруг да около?

Как она сегодня раздражена! – Он снова повернулся к окну.

– Когда меня учили ментальности… мне было очень трудно, Алия, понять, как работает наше сознание. Сначала надо понять, что сознанию надо позволить работать самому. Это очень странное ощущение. Ты можешь работать мышцами, упражнять и укреплять их, но сознание, мозг работают сами по себе. Когда узнаешь эту вещь, то временами сознание показывает тебе такое, чего ты не хотел бы видеть.

– Именно поэтому ты пытался оскорбить Стилгара?

– Стилгар не знает своей психики, его сознание не свободно.

– Кроме оргий с Пряностью.

– Нет, дело не только в этом. Это качество делает его наибом. Для того чтобы править людьми, он контролирует и ограничивает свои реакции и делает то, чего от него ждут. Если это понимаешь, то знаешь, кто такой Стилгар и насколько длинны его руки.

– Да, это в обычае фременов, – сказала Алия. – Ладно, Дункан, ты сделаешь то, о чем я прошу, или нет? Ее надо похитить и представить дело так, словно это дело рук Дома Коррино.

В ответ в покоях повисло тягостное молчание. Дункан взвешивал ее тон и аргументы своим особым ментальным способом. Этот план устранения говорил о холодной жестокости, мера которой потрясла Айдахо. Рисковать жизнью собственной матери ради каких-то надуманных оснований? Алия явно лгала. Кто знает, возможно, слухи о связи Джавида и Алии соответствуют действительности. От этой мысли у Дункана похолодело в животе.

– Ты единственный, кому я могу это доверить, – сказала Алия.

– Я знаю, – ответил он.

Женщина приняла эти слова за согласие и улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Тебе, должно быть, известно, что таких ментатов, как я, учат рассматривать людей как последовательность их отношений.

Алия не ответила. Она сидела, охваченная своей персональной памятью, что лишило ее лицо всякого выражения. Айдахо увидел ее отражение в зеркале и содрогнулся. Было такое впечатление, что она общается с голосами, слышными только ей одной.

– Отношений, – снова шепотом повторил он.

Он начал думать: От старых мук надо избавляться, так же как змея избавляется от старой кожи. Это надо сделать для того, чтобы вырастить новые отношения и понять ограничения, которые накладывали старые муки. То же самое касается правителей, даже если это регенты. Старое правительство надо отбросить, как старую тряпку. Эту схему надо отработать, но не так, как это желает сделать Алия.

Она наконец встряхнула плечами.

– Лето не будет больше выходить в Пустыню, как в этот раз. Я отчитаю его.

– Даже со Стилгаром?

– Даже с ним.

Она встала, пересекла комнату, подошла к Дункану и положила ему руку на плечо.

Он подавил дрожь с помощью ментальных операций. Что-то в ней выводило его из равновесия.

Что-то в ней.

Он не мог заставить себя смотреть на нее. Вдохнув смесь ее духов, он покашлял, чтобы прочистить горло.

– Сегодня я буду занята исследованием подарков Фарад'на, – сказала Алия.

– Одежды?

– Да. Он всегда делает не то, что хочет показать. Надо, кроме того, помнить, что его башар, Тиеканик – приверженец религии чоауроки, он чомас и в совершенстве владеет приемами убийства королевских особ.

– Цена власти, – философски заметил Дункан и отодвинулся от жены. – Но мы мобильны, а Фарад'н нет.

Алия изучающе посмотрела на чеканный профиль мужа. Иногда было очень трудно понять работу его ума. Думал ли он, что только свобода действий вдыхает жизнь в военные действия? Ну что ж, жизнь на Арракисе и так слишком долго была безопасной. Чувства, отточенные некогда каждодневной опасностью, надо упражнять, иначе они атрофируются.

– Да, – сказала она, – и к тому же мы все еще владеем Фрименами.

– Мобильностью, – повторил он. – Мы не можем деградировать до инфантильного состояния. Это было бы недопустимо глупо.

Его тон раздражал Алию больше обычного.

– Фарад'н использует любое средство, чтобы нас уничтожить.

– Ах, это, – протянул он. – Это форма инициативы, мобильность, которой мы встарь не обладали. У нас был кодекс, кодекс Дома Атрейдес. Мы всегда платили по счетам и позволяли нашим врагам грабить и мародерствовать. Этого ограничения больше нет. Теперь мы равно мобильны, Дом Атрейдес и Дом Коррино.

– Мы устраним мою мать для того, чтобы уберечь ее от вреда и по некоторым другим причинам, – сказала Алия. – Мы все еще живем по кодексу.

Он взглянул на жену сверху вниз. Она знала, как это опасно, когда ментат начинает свои вычислительные логические операции. Она понимает, что он сейчас вычисляет. Хотя... он все еще любит ее. Дункан провел рукой по глазам. Как же молодо она выглядит. Госпожа Джессика права: Алия не постарела ни на один день за все годы, что они вместе. Она полностью сохранила мягкость черт,

унаследованную от матери Бене Гессерит, но глаза были жесткими – как у всех Атрейдесов. Глаза хищной птицы. Нечто, холодный расчет и преступление мелькали в выражении этих глаз.

Айдахо слишком много лет служил Дому Атрейдес, чтобы знать не только их сильные стороны, но и слабые. Но сейчас в Алие появилось что-то незнакомое и новое. Атрейдесы могли вести хитрую игру против врагов, но никогда – против друзей и союзников; в том, что касалось членов семьи, об этом просто не могло быть и речи. Это было частью существа всех Атрейдесов – поддерживать своих людей, чтобы те знали: жить под властью Атрейдесов лучше, чем под властью кого бы то ни было. Демонстрировать свою любовь к друзьям искренностью поведения с ними. То, о чем просила Алия, было не в духе Атрейдесов. Он чувствовал это всей своей плотью, всеми своими нервами. Дункан был единым целым, которое чувствовало в Алие какое-то чуждое отношение.

Сенсориум его ментата включился, сознание вступило в состояние холодного транса, в котором перестало существовать время. Теперь в разуме производились только логические операции. Алия, конечно, поймет, что с ним происходит, но здесь уже ничем не поможешь. Дункан переключился на свои алгоритмы.

Ход логических операций: Отраженная госпожа Джессика живет в сознании Алии своей псевдожизнью. Он видел это так же ясно, как Айдахо в том состоянии, в каком он пребывал до состояния гхола – он тоже был в сознании Алии. Алия обладала такой способностью, ибо была предрождена. Свои же способности Айдахо получил в баках регенерации на Тлейлаксу. Однако Алия пренебрегла отражением матери и решилась подвергнуть ее риску. Следовательно, жена не находится в контакте со своей псевдоматерью, существующей в ее сознании. Следовательно, Алия полностью одержима другим псевдообразом, который изгнал из ее сознания всех остальных.

Одержимость!

Отчуждение!

Мерзость!

Холодный разум ментата, Дункан сразу это заметил, переключился на другие грани проблемы. Все Атрейдесы находятся на одной планете. Решатся ли Коррино на риск атаковать их из космоса? Ум быстро принялся сканировать все факторы, положившие конец примитивным способам ведения войны.

Первое: Все планеты уязвимы нападению из космоса. Следовательно, властители каждой планеты прежде всего заботятся о средствах отражения агрессии и средствах возмездия. Фарад'н не может не понимать, что и Атрейдесы не забыли о таких элементарных предосторожностях.

Второе: Противоракетная оборона на сто процентов защищала любую планету от поражающих снарядов и взрывчатых веществ неядерного типа. По этой причине основной формой сражений снова стали наземные войсковые операции и рукопашные схватки. Но у пехоты есть свои ограничения. Дом Коррино может доставить на Арракис сардаукаров, но они не смогут эффективно воевать в суровых условиях этой планеты.

Третье: Планетарному феодализму постоянно угрожала опасность со стороны мощного технократического класса, хотя непрерывный бутлерианский джихад служил буфером избыточной технологичности. В этом отношении Иксиан, Тлейлаксу и несколько других рассеянных в космосе планет представляли собой в этом отношении чисто гипотетическую опасность. С другой стороны, сами эти планеты были весьма уязвимы перед совместной агрессией остальной части Империи. Бутлерианский джихад будет продолжаться вечно. Механические средства ведения войны требуют высоких технологий. Империя Атрейдесов использовала технологии для других целей, держа под контролем технологический класс. Таким образом, Империя оставалась чисто феодальной, что, естественно, давало ей возможность

распространять свои границы до самых дальних необжитых планет.

Сознание автоматической ментальности осветилось вспышкой, когда были просканированы все данные собственной памяти. Этот процесс был недоступен ходу времени. Придя к убеждению, что Дом Коррино не рискнет начать незаконную атомную войну, Дункан переключился на логические операции головного мозга, главный путь принятия решений. Элементы рассуждения были очевидны: Империя располагала таким же количеством атомного и иного оружия массового поражения, что и остальные властители в космосе. Половина Династий отреагирует не раздумывая, если Дом Коррино осмелится нарушить Конвенцию. Внепланетные силы Атрейдесов будут пущены в ход автоматически. Страх сделает свое дело. Салуса Секундус и ее союзники просто испарятся в жарком ядерном облаке. Дом Коррино не решится на этот холокост. Несомненно, представители этого Дома были вполне искренни, когда подписывали соглашение о том, что ядерное оружие может быть применено только в случае защиты человечества от столкновения с другими цивилизациями, если таковое произойдет.

Операционно-логическое мышление было четко очерчено и ясно сформулировано. В нем не было промежуточных тонов – только черное и белое. Алия выбрала устранение и устрашение потому, что стала чужой, перестала быть представительницей Дома Атрейдес. Дом Коррино был враждебен, но совсем не в том смысле, о котором говорила на Совете Алия. Она хотела удалить госпожу Джессику, поскольку увядшие девы Бене Гессерит давно поняли то, что Дункану стало ясно только сейчас.

Айдахо вывел себя из ментального транса и увидел, что Алия стоит перед ним, холодно рассматривая мужа.

– Может быть, ты предпочитаешь, чтобы госпожу Джессику просто убили? – спросил он.

Вспышка радости этого чуждого существа не укрылась от глаз Айдахо. Впрочем, радость тут же уступила место фальшивому возмущению:

– Дункан!

Да, эта чуждая Алия с удовольствием убила бы собственную мать.

– Ты боишься своей матери, а не за нее, – сказал он.

Жена смерила Айдахо взглядом:

– Конечно, боюсь. Она доложила обо мне Общине Сестер.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Разве ты не знаешь о самом большом искушении для Бене Гессерит? – вкрадчиво спросила Алия, соблазнительно глядя на мужа снизу вверх сквозь опущенные ресницы. – Но я просто хотела сохранить силу для лучшей охраны близнецов.

– Ты говоришь о каком-то искушении, – без всякого выражения проговорил Дункан.

– Это вещь, которую Сестры прячут особенно тщательно и которой они больше всего боятся. Вот почему они

считают меня воплощением Мерзости. Они понимают, что не остановят меня своими притеснениями. Это не просто искушение – они с придыханием говорят о нем, как о Великом Искушении. Видишь ли, мы, воспитанницы Бене Гессерит, способны изменять определенным образом свой обмен веществ. Это продлевает молодость – причем намного эффективнее, нежели прием меланжи. Ты представляешь последствия, если все Сестры начнут этим заниматься? Это станет заметным. Мне кажется, что ты уже просчитал истинность моих слов. Меланжа – это то, что делает нас объектом множества заговоров. Мы владеем веществом, которое продлевает жизнь. Но что будет, если все узнают, что сестры Бене Гессерит владеют еще более мощным орудием омоложения? Понял? Ни одна Преподобная Мать в этом случае не сможет считать себя в безопасности. Похищения и пытки последователей Бене Гессерит станут обычным явлением.

– Ты изменила свой обмен веществ. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Я пренебрегла Общиной Сестер! Рапорт матери в Общину сделает Бене Гессерит самым надежным союзником Дома Коррино.

Звучит очень правдоподобно, – подумал он. Алию надо было проверить.

– Но ведь твоя мать ни при каких обстоятельствах не выступит против тебя.

– Она была воспитанницей Бене Гессерит задолго до моего рождения. Дункан, она позволила своему сыну, моему брату, пройти испытание гом джаббар! Она сама это устроила, хотя знала, что во время испытания он мог умереть! В действиях Бене Гессерит мало веры, но зато много прагматизма. Она, несомненно, выступит против меня, если решит, что это в интересах Общины Сестер.

Он кивнул. Слова жены звучали очень убедительно. То была грустная мысль.

– Мы должны перехватить инициативу, – сказала она. – Это наше самое острое оружие.

– Есть проблема с Гурни Халлеком, – сказал он. – Я должен буду убить своего друга?

– Гурни находится в Пустыне с какой-то разведывательной миссией, – сказала она, зная, что Айдахо знает об этом. – Он не сможет тебе помешать.

– Очень странно, – произнес вполголоса Айдахо. – Правящий регент Каладана бродит по Арракису.

– А почему нет? – с вызовом спросила Алия. – Он ее любовник – если не на деле, то в мечтах.

– Конечно, конечно, – ответил он, и, как ни странно, Алия не заметила неискренности в его голосе.

– Когда ты ее похитишь?

– Тебе лучше этого не знать.

– Да... да, я понимаю. Куда ты ее отвезешь?

– Туда, где ее никто не найдет. Оставь тревогу, она не останется здесь и не сможет тебе угрожать.

Алия не смогла скрыть ликования.

– Но где будет...

– Если ты не будешь этого знать, то тебе не придется лгать на детекторе лжи, поскольку ты и в самом деле не будешь ничего знать.

– Ах, какой ты умный, Дункан.

Теперь она верит, что я действительно убью госпожу Джессику, – подумал он.

– До свидания, любовь моя, – произнес он вслух.

Она не услышала решимости в его голосе и даже на прощание поцеловала мужа.

Идя по коридорам храма, похожим на ходы сиетча, Айдахо вытирал глаза. Мудрые аппараты мастеров тлейлаксу тоже умели плакать.

* * *

Ты любил Каладан
И оплакал его погибшее воинство —
Но боль открыла тебе:
Новая любовь не может стереть
Тех, кто стал вечными призраками.

Рефрен «Плача Хаббании»

Стилгар удвоил охрану близнецов, полностью отдавая себе отчет в бесполезности этой меры. Парень очень напоминал своего тезку – деда Лето Атрейдеса. Это замечал каждый, кто знал герцога. Конечно, мальчик не по годам серьезен и рассудителен, ему присуща осмотрительность, но это не гарантия от неожиданных поступков и опасных решений.

Ганима была больше похожа на свою мать. У девочки были такие же рыжие волосы и разрез глаз, как у Чани. Ганима трезво смотрела на трудности, приспосабливаясь к ним, и не раз говорила, что если Лето поведет, то она без колебаний последует за братом.

Лето же был готов повести их навстречу опасности.

Не раз и не два Стилгар думал о том, чтобы поделиться этой проблемой с Алией. Он не стал этого делать, потому что принцесса Ирулан бегала к Алие с любой мелочью. Придя к такому решению, Стилгар внезапно осознал, что в суждениях Лето об Алие есть немалая доля истины.

Она походя и грубо использует людей, – думал он. – Она использует, как неодушевленный предмет, даже Дункана. Можно ожидать, что в один прекрасный день она, не колеблясь, отдаст приказ о моем устранении. Она выбросит меня, как ненужный хлам.

Тем не менее он усилил охрану и постоянно обходил посты, придирчиво вникая в каждую мелочь. Ум его смущали мысли и сомнения, посеянные Лето. Если нельзя держаться за традиции, то, где та скала, на которую можно бросить якорь своей жизни?

В тот день, когда состоялось большое собрание по поводу приезда госпожи Джессики, Стилгар видел Ганиму, стоявшую рядом с бабкой у входа в Палату Собраний сиетча. Было еще рано, Алия еще не приехала, и толпа ожидала ее прибытия, бросая скрытые взгляды на бабушку и внучку, проследовавших в палату.

Притаившись в темном алькове, Стилгар наблюдал за ними, отделенный от Джессики и Ганимы проходящей мимо толпой. Он не мог расслышать их голосов из-за ропота толпы. Сегодня здесь собрались представители многих племен, чтобы приветствовать возвращение прежней Преподобной Матери. Однако Стилгар во все глаза рассматривал Ганиму. Какие у нее живые глаза! Эта живость зачаровала старого воина. Темно-синие, твердые, вопрошающие, трезвые глаза. А как она резким поворотом головы отбрасывает волосы с плеч! Это же Чани. То было истинное духовное воскрешение, сверхъестественное сходство.

Стилгар переместился ближе и встал в другом алькове.

По способности Ганимы трезво наблюдать и делать выводы Стилгар не мог бы поставить рядом с ней ни одного ребенка, за исключением ее брата. Кстати, где Лето? Стилгар оглянулся на запруженный людьми проход. Охрана немедленно подняла бы тревогу, если бы что-то случилось. Стилгар покачал головой. Эти близнецы сведут его с ума. Они постоянно нарушают его душевный покой. Иногда Стилгар почти ненавидел этих детей. Можно ненавидеть родственников, но кровь (и ее драгоценная вода) требуют моральной поддержки и постоянной заботы. Эти брат и сестра – его ответственность, которую никто не в силах с него снять.

Из пещеры Палаты Собраний лился просеянный пылью коричневатый свет, оттенявший силуэты Ганимы и Джессики. Свет коснулся плеч девочки и снежно-белой накидки на ее плечах, придав неописуемый оттенок ее волосам, когда она обернулась к проходу и посмотрела на толпу.

Зачем Лето смутил мой покой своими сомнениями? – подумал Стилгар. Мальчик сделал это обдуманно и с ясным намерением. Может быть, Лето хотел, чтобы я хоть в малой степени разделил с ним его ментальный опыт? Стилгар знал, в чем состоит разница между близнецами, но не был в состоянии мышлением постигнуть, в чем именно состоит это знание. Он не воспринимал утробу матери как узилище бодрствующего сознания – сознания, которое оживает со второго месяца с момента зачатия, как ему сказал Лето.

Мальчик однажды сказал ему, что его память подобна «внутренней голограмме, которая увеличивается в размерах и охватывает все больше и больше деталей с момента потрясения, связанного с упомянутым пробуждением, но не меняет своей формы и контуров».

Сейчас, когда Стилгар наблюдал за Ганимой, он вдруг впервые понял, что значит жить в такой паутине памяти, не будучи способным спрятаться в уединенном уголке сознания. Столкнувшись с таким состоянием, человек должен интегрировать в свою психику безумие, быстро отобрав и отвергнув негодные из множества одновременно поступающих предложений, в которых ответы менялись гораздо быстрее, чем вопросы.

В таком мире не может существовать застывшая традиция. На двуликий вопрос не может существовать однозначного ответа. Что в таких условиях действует? То, что не действует. Но тогда что же не действует? То, что действует. Смысл ясен. Это тот же смысл, который содержится в старой фрименской загадке: «Что приносит жизнь и смерть?» – «Ветер Кориолиса».

Зачем Лето хотел, чтобы я это понял? – спросил себя Стилгар. Из своих осторожных расспросов Стилгар знал, что близнецы одинаково смотрели на свою особенность; для них это был источник огорчений. Родовой канал для таких – это путь бегства, – подумал он. Невежество уменьшает потрясение такого опыта, но близнецы были лишены этого спасительного невежества. На что похоже ощущение, когда

живешь, все зная о тех вещах, которые могут происходить не так, как надо? Это – постоянное столкновение с сомнениями. Твое отличие постоянно будут высмеивать сверстники. Какое это удовольствие оскорблять других даже намеком на такое неравенство. «Почему я?» – вот первый же вопрос жертвы, на который никто никогда не даст ответа.

А о чем спрашиваю себя я? – подумал Стилгар. Кривая усмешка коснулась его губ. Почему я?

Дети предстали перед ним в совершенно новом свете. Теперь Стилгар понимал, почему они, не колеблясь, подвергают опасности свои детские несовершенные тела. Ганима очень кратко и точно сформулировала причину, когда однажды Стилгар отчитывал ее за то, что она взобралась на отвесную западную стену сиетча Табр.

– Почему я должна бояться смерти? Я уже бывала там, и не один раз.

Как могу я взять на себя дерзость чему-то учить таких детей? – подумал Стилгар. Кто вообще может набраться такой дерзости?

Как это ни странно, но мысли Джессики во время разговора с внучкой текли по тому же руслу. Она думала о том, как трудно быть зрелым человеком в детском теле. Разум должен знать, что тело способно совершить какое-то действие, только в этом случае оно должно ему обучаться – так формируются телесные ответы и рефлексы. Детям доступна практика Бене Гессерит по достижению прана-бинду, но даже эта техника предусматривает, что разум может подниматься на недоступные для тела высоты. Именно поэтому Гурни с таким трудом выполнял приказы Джессики.

– Стилгар смотрит на нас из алькова, – сказала Ганима.

Джессика не обернулась. Ее смутили интонации голоса внучки. Девочка любила старого фримена, как родного отца. Она любила старого воина даже когда пренебрежительно о нем отзывалась или поддразнивала его. Понимание этого заставило Джессику в новом свете взглянуть на старого

наиба и в образах гештальт-психологии увидеть то, что объединяет детей со Стилгаром. Кроме того, Джессика поняла, что наиб не слишком-то одобряет нововведения на Арракисе, которые очень по нраву ее внукам.

На ум Джессике невольно пришла неуместная сейчас максима Бене Гессерит: «Прозреть, что ты смертен – это значит познать начала ужаса; познать же неизбежность смерти – это значит положить конец ужасу».

Да, смерть – это не столь уж тяжкое иго, но жизнь для Стилгара и близнецов превратилась в пытку на медленном огне. Все они находили, что мир устроен дурно и желали найти такие пути его преобразования, которые бы никому не угрожали. То были дети Авраама, которые узнают о жизни не из книг, а наблюдая полет ястреба над Пустыней.

Лето привел в замешательство Джессику сегодня утром, когда, стоя на берегу канала у подножия сиетча, сказал: «Вода загнала нас в ловушку, бабушка. Лучше бы мы жили, как пыль Пустыни, ибо ветер может вознести ее выше самых высоких скал Защитного Вала».

Джессика уже привыкла к аномальной зрелости этого мальчика, но все равно была поражена этим его высказыванием. Правда, она быстро взяла себя в руки.

– То же самое мог бы сказать твой отец.

Лето подбросил в воздух пригоршню песка, задумчиво глядя, как песчинки падают обратно на землю.

– Да, мог бы. Но тогда отец не принимал во внимание, что вода подтачивает и обрушивает любое русло, по которому течет.

Сейчас, стоя рядом с Ганимой, Джессика снова испытала потрясение от этих слов. Она обернулась и поверх голов посмотрела на неясную тень Стилгара в алькове. Стилгар так и не стал прирученным фрименом, способным только таскать ветви в свое гнездышко. Нет, этот человек остался ястребом, и когда слышал слово «красное», то представлял не прекрасный цветок, но кровь.

– Ты вдруг очень притихла, – сказала Ганима. – Что-то не так?

Джессика отрицательно покачала головой:

– Просто вспомнила, что мне сказал Лето сегодня утром, вот и все.

– Когда вы ходили в лесополосу? И что же он сказал?

Джессика вспомнила взрослое выражение лица Лето во время утреннего разговора. Теперь у Ганимы было точно такое же выражение.

– Он рассказывал о временах, когда Гурни вернулся от контрабандистов под знамена Атрейдесов, – ответила Джессика.

– А потом вы говорили о Стилгаре, – проговорила Ганима.

Джессика не стала спрашивать, каким образом это было известно внучке: близнецы без труда проникали в мысли друг друга.

– Да, говорили, – сказала Джессика. – Стилгару очень не нравилось, что Гурни называл… Пола своим герцогом, но Гурни заставил всех фрименов так его называть, а Гурни всегда говорил: «Мой герцог».

– Понятно, – промолвила Ганима. – И, конечно, Лето заметил, что сам он еще не стал для Стилгара его герцогом.

– Это так, – согласилась Джессика.

– Ты, конечно, знаешь, что он для тебя сделал, – сказала Ганима.

– Не уверена, что знаю, – призналась Джессика, и это признание очень ее обеспокоило, потому что она вообще не догадалась и не почувствовала, что Лето что-то для нее сделал.

– Он попытался разжечь в тебе память о нашем отце, – сказала Ганима. – Лето всегда хочет понять, как воспринимали нашего отца другие.

– Но разве… Лето не…

– Конечно, он может слушать звуки внутренней жизни. Это не подлежит сомнению.

Но это не одно и то же. Естественно, ты говорила о нем, я имею в виду нашего отца, и говорила о нем, как о своем сыне.

– Да, – отрывисто произнесла Джессика. Ей не нравилось ощущение того, что эти дети могут делать с ней все что угодно по своему произволу, взламывать ее память, делая бесстрастные наблюдения, затрагивать интересующие их эмоции. Да ведь Ганима сейчас занимается именно этим!

– Слова Лето были тебе неприятны? – спросила внучка.

Джессика была потрясена охватившим ее гневом, который она с трудом подавила:

– Да... очень неприятны. Они обеспокоили меня.

– Тебе не нравится, что он знает нашего отца так же, как его знала наша мать, и знает мать так же, как знал ее отец, – заговорила Ганима. – Тебе не нравится, к чему это приводит – к способности знать и тебя.

– Я никогда раньше об этом не задумывалась. – Джессика заметила, что язык с трудом повинуется ее воле.

– Такое знание чувственной сферы действительно тревожит, – сказала Ганима. – Но в действительности ты просто предубеждена, потому что тебе трудно думать о нас не как о детях. Но нет ничего такого, что делали бы наши родители на людях или в приватной обстановке, о чем бы мы не знали.

На короткое мгновение Джессика испытала то же самое чувство, что и возле канала с Лето, правда, теперь ее реакция обратилась против Ганимы.

– Вероятно, он говорил о «половой чувственности» герцога, – высказала догадку Ганима. – Да, иногда Лето надо просто затыкать рот.

Существует ли на свете что-нибудь, что эти близнецы не могли бы приземлить и опошлить? – удивленно подумала Джессика. Потрясение и ярость сменились отвращением. Как они осмеливаются говорить о чувственности ее Лето? Конечно, мужчина и женщина, которые любят друг друга, получают наслаждение от своих тел!

Эту чудесную тайну не должно выставлять напоказ в случайном разговоре ребенка и взрослого.

Ребенка и взрослого!

До Джессики вдруг с потрясающей ясностью дошло, что ни Лето, ни Ганима ничего не делают случайно.

Джессика хранила молчание, и Ганима снова заговорила:

– Мы неприятно поразили тебя, и я прошу прощения за нас обоих. Зная Лето, я понимаю, что он не станет извиняться. Когда он преследует какую-то цель, то забывает, насколько мы отличаемся... например, от тебя.

Джессика тем временем напряженно размышляла.

Конечно, именно поэтому вы оба так поступаете. Вы учите меня. – Удивление Джессики нарастало. – Интересно, кого еще они учат? Стилгара? Дункана?

– Лето пытается видеть вещи такими, какими их видишь ты, – сказала Ганима. – Для этого недостаточно одной памяти. Даже когда пытаешься сделать это не жалея сил, то почти всегда терпишь неудачу.

Джессика только вздохнула в ответ.

Ганима коснулась ее руки.

– Твой сын ушел, не сказав многого, но это должно быть высказано, по крайней мере тебе. Прости нас, но он любил тебя. Разве ты не знала об этом?

Джессика отвернулась, чтобы скрыть слезы, заблестевшие в ее глазах.

– Ему были ведомы твои страхи, – продолжала Ганима, – точно так же, как страхи Стилгара. Милый Стил. Наш отец был «Врачом Зверей» для него. Стил был не более чем зеленой улиткой в раковине.

Она напела мелодию песни, откуда были взяты эти слова. Лирическая музыка против воли захватила Джессику без остатка.

О Врач Зверей,
Ты явился, словно божество,
К маленькой зеленой улитке —
Этому робкому чуду,
Прячущемуся в раковине в ожидании смерти!
Даже улитки знают,
Что боги убивают,
А исцеление приносит боль,
Что небеса видны
Сквозь врата адского пламени.
О Врач Зверей,
Я – человек-улитка,
Которая видит твой единственный глаз,
Проникающий взглядом в мою раковину!
За что, Муад'Диб? За что?

– К несчастью, отец оставил во Вселенной слишком много людей-улиток, – сказала Ганима.

* * *

Допущение того, что человек существует в рамках исключительно изменчивой Вселенной, взятое в качестве предварительной операциональной концепции, требует, чтобы интеллект был полностью осознаваемым уравновешивающим инструментом. Однако интеллект не может реагировать на изменчивую реальность, не вовлекая в процесс реакцию целостного организма. Такой организм можно распознать по его активному, деятельному поведению. То же самое можно сказать и об обществе, если рассматривать его как организм. Но здесь мы сталкиваемся с инерцией старого. Подчиняясь импульсам, общество неосознанно стремится к сохранению древних устоев. Общество требует постоянства. Любая попытка представить Вселенную как арену беспрестанных изменений вызывает в обществе паттерны отторжения, страх, гнев и отчаяние. Так как же мы объясняем принятие обществом предзнания? Очень просто: носитель предвидения, говоря об абсолютном (то есть неизменном) понимании, радостно превозносится толпой, даже если предсказания ясновидца грозят ужасными событиями.

– Это все равно что сражаться в темноте, – сказала Алия.

Она гневно мерила шагами Палату Совета – от серебристых солнцезащитных занавесей на восточных окнах до диванов, расставленных возле противоположной, декорированной деревянными панелями, стены. Обутые в сандалии ноги Алии топтали ковры, паркет, гранатовые плиты и снова ковры. Наконец она остановилась около Ирулан и Айдахо, сидевших напротив друг друга на диванах, устланных серыми китовыми шкурами.

Айдахо всячески сопротивлялся приезду из Табра, но Алия приказала ему приехать. Устранение Джессики становилось насущной необходимостью, но осуществлять его сейчас было немыслимо. Требовались перцептивные способности ментата.

– Все это – звенья одной цепи, – заговорила Алия. – От них издалека несет заговором.

– Может быть, не все так страшно, – вмешалась Ирулан и вопросительно взглянула на Дункана.

Лицо Алии исказилось в презрительной усмешке: Как Ирулан может быть такой наивной? Если только… – Она бросила на принцессу проницательный взгляд. Простая белая аба подчеркивала бездонную синеву глаз, светлые волосы собраны на затылке, подчеркивая удлиненный овал лица, ставшего сухощавым после многих лет, проведенных на Арракисе. Ирулан все еще сохранила налет надменности, усвоенной ею во время пребывания при дворе ее отца, Шаддама Четвертого, и Алие часто приходило в голову, что за этим высокомерием могут прятаться мысли истинного заговорщика.

Айдахо щеголял в черно-зеленой форме придворной гвардии Атрейдесов без знаков различия. То была аффектация, над которой исподтишка смеялись настоящие гвардейцы, особенно амазонки, весьма гордившиеся своими звездочками и нашивками. Им было не по нраву само

присутствие какого-то ментата, оружейного мастера, тем более что он был мужем их любимицы.

– Итак, племена желают, чтобы госпожа Джессика была вновь введена в регентский Совет, – сказал Айдахо. – Каким образом можно...

– Они требуют этого единодушно?! – Алия сорвалась на крик, показывая на лист тисненой бумаги, лежавший на диване рядом с Ирулан. – Фарад'н – это одно, но это... это пахнет совсем другим сговором!

– Что думает по этому поводу Стилгар? – спросила Ирулан.

– Там красуется и его подпись, – огрызнулась Алия.

– Но если он...

– Как он может отказать матери своего божества? – презрительно хмыкнула Алия.

Дункан взглянул на жену. Кажется, дело идет к столкновению с Ирулан. Он снова прикинул, для чего Алия потребовала его присутствия на сегодняшнем Совете, прекрасно зная, что он нужен в сиетче на случай экстренного устранения Джессики. Может быть, она слышала о послании, которое он получил от Проповедника? От этой мысли у Айдахо заныло в груди. Откуда этот нищий мистик мог знать секретный код, которым Пол всегда вызывал к себе своего верного оруженосца? Айдахо не терпелось покинуть это собрание, чтобы хорошенько поразмыслить над этим вопросом.

– Нет никакого сомнения в том, что Проповедник какое-то время отсутствовал на нашей планете, – сказала Алия. – Гильдия не осмелилась бы нас обмануть. Мне придется его...

– Берегись! – воскликнула Ирулан.

– В самом деле, тебе следует соблюдать осторожность, – поддержал принцессу Айдахо. – Половина планеты уверена, что он, – Дункан пожал плечами, – твой брат.

Ментат от души надеялся, что голос его прозвучал равнодушно и небрежно. Откуда этот человек мог знать тайный пароль?

– Но если он курьер или шпион...

– У него не было никаких контактов ни с Судом ни с Домом Коррино, – заявила Ирулан. – Мы можем быть уверены, что...

– Мы не можем быть уверены ни в чем. – Алия даже не сочла нужным скрыть свое презрение. Она повернулась спиной к Ирулан и обратилась к Айдахо. Почему он валяет дурака? Что, он не понимает, зачем его сюда позвали? Он присутствует на Совете только потому, что здесь находится Ирулан. Никто и никогда не забудет истории, связанной с появлением представительницы Дома Коррино в семье Атрейдесов. Изменивший один раз изменит снова. По мельчайшим особенностям поведения Ирулан Айдахо должен выявить ее темные замыслы.

Несколько взволнованный, Айдахо взглянул на Ирулан. Были времена, когда он смеялся над такой прямолинейностью задач, возлагавшихся на ментата. Он прекрасно понимал ход мыслей Алии, понимала это, и сама Ирулан. Однако в свое время эта принцесса, законная жена Пола Муад'Диба, приняла такое решение, что в своем положении оказалась ниже королевской наложницы Чани. Однако в преданности Ирулан близнецам не приходится сомневаться. Эта женщина отреклась от семьи и Бене Гессерит во имя преданности Атрейдесам.

– Моя мать – часть этого заговора! – продолжала настаивать Алия. – По какой другой причине ее могла прислать сюда Община Сестер?

– Истерика нам не поможет, – высказал свое мнение Айдахо.

– Но, – заговорила Ирулан, – Гильдии можно не доверять в том, что...

– Гильдия... – Алия скорчила гримасу.

– Мы не можем исключить враждебности Гильдии или Бене Гессерит, – сказал Дункан. – Но мы можем со спокойной совестью записать их в категорию весьма пассивных противников. Гильдия живет только за счет своего железного закона: ни в коем случае не вмешиваться в управление.

Гильдия – паразитическое образование и прекрасно это знает. Они не ударят пальцем о палец для того, чтобы убить организм, за счет которого они живут.

– Их представления о том, за счет какого организма они живут, могут сильно отличаться от наших, – растягивая слова, проговорила Ирулан. Она впервые так явно продемонстрировала свое презрение. Ленивый тон ее голоса, казалось, говорил: «Ты упустил самое главное, ментат».

Алия была озадачена – она не ждала от Ирулан такого выпада. Заговорщица вряд ли стала бы затрагивать этот пункт.

– В этом нет никакого сомнения, – согласился Айдахо, – но Гильдия никогда открыто не выступит против Дома Атрейдес. С другой стороны, Община Сестер может пойти на рискованную политическую игру, которая...

– Если они и сделают это, то скрытно, постаравшись дезавуировать одно или несколько лиц, – сказала Ирулан. – Бене Гессерит не продержался бы столько столетий, если бы не понимал ценность самоустранения. Они всегда предпочитали стоять за троном, а не сидеть на нем.

Самоустранение? – подумала Алия. – Не тактика ли это самой Ирулан?

– То же самое я могу сказать и в отношении Гильдии, – произнес Айдахо. Он находил полезным для себя этот спор и выяснение позиций – они отвлекали его от более сложных проблем.

Алия снова отошла к окнам. Она знала уязвимое место Айдахо, которым отличались все ментаты. Этим людям нужны декларации. Это несет с собой тенденцию к зависимости от абсолюта, видеть конечную границу в любом явлении, и они сами это великолепно знают. Таково непременное условие их обучения. Однако действовать они могли и за пределами параметров самоограничения. Надо было оставить его в сиетче Табр, – подумала Алия. – Ирулан надо было отправить к Джавиду для допроса.

В этот миг в мозгу Алии раздался знакомый до тошноты раскатистый голос: «Совершенно верно!»

Заткнись. Заткнись. Заткнись. Опасное ошибочное решение едва не заманило ее в ловушку. Единственным чувством Алии в этот момент было чувство опасности. Айдахо должен помочь ей выпутаться из этого затруднительного положения. Он – ментат, а ментаты именно для этого и созданы. Люди-компьютеры заменили собой электронные аппараты, уничтоженные в ходе бутлерианского джихада. И не создашь ты машину по образу и подобию человеческого разума. Но именно сейчас Алие была просто необходима послушная машина, которая не страдала бы ограниченностью Айдахо. Машине всегда можно доверять.

До слуха Алии донесся тягучий голос Ирулан.

– Притворство, притворство и еще раз притворство, – говорила принцесса. – Мы все знаем общепринятые приемы нападения на власть. Я не виню Алию за ее подозрения. Естественно, она подозревает всех, в том числе и нас. Однако не будем пока обращать на это внимания. Что остается первичной ареной движущих сил, где таится наиболее действенный источник опасности для Регентства?

– В Объединенном Совете Прогрессивной Честной Торговли, – ответил Дункан бесстрастным голосом ментата.

Лицо Алие исказилось в жестокой ухмылке. Объединенный Совет Прогрессивной Честной Торговли! Но Дом Атрейдес имеет в ОСПЧТ пятьдесят один процент акций. Священство Муад'Диба – пять процентов. Кроме того, Властвующие Дома прагматично признали, что именно Дюна контролирует производство и продажу бесценной меланжи. Эту меланжу не без оснований называют «секретным монетным двором». Без меланжи не могла бы функционировать транспортная система Космической Гильдии. С помощью меланжи на пилотов наводился «навигационный транс», посредством этого транса они могли заранее «видеть» трассу, по которой им предстояло лететь со сверхсветовой скоростью. Без меланжи и ее воздействия на

иммуногенетическую систему продолжительность жизни богатых людей уменьшилась бы в четыре раза. Даже обширный средний класс употреблял меланжу в разведенном виде по крайней мере один раз в день.

Однако в голосе Айдахо слышалась искренность ментата, и Алия с трепетом ждала, что он скажет дальше.

ОСПЧТ. Объединенный Совет Прогрессивной Честной Торговли был гораздо больше, нежели Дом Атрейдес, больше, чем Дюна, больше, нежели священство и меланжа вместе взятые. Это чернильная лоза, китовые шкуры, шигапроволока, иксианские изделия и предприниматели, торговля людьми и городами, хадж, продукция разрешенных законом технологий тлейлаксу; это сильнодействующие лекарственные препараты и медицинская техника; это транспортные связи (совместно с Гильдией) и вся сверхсложная коммерческая деятельность Империи, включающей в себя тысячи известных планет, плюс некоторые секретные планеты, расположенные на передовых подступах к ее границам. Когда Айдахо произнес буквосочетание ОСПЧТ, он говорил о постоянной закваске, интриге интриг, игре мощнейших сил, где сдвиг биржевого индекса в одну двадцатую пункта означал изменение интересующего платежа на цену собственности планеты средних размеров.

Алия снова остановилась возле диванов, где сидели Айдахо и Ирулан.

– Что именно в ОСПЧТ тебя беспокоит? – спросила она.

– Некоторые Владетельные Дома во все тяжкие спекулируют акциями Пряности, – высказала догадку Ирулан.

Алия возмущенно хлопнула себя ладонями по бедрам, потом указала пальцем на тисненую бумагу, лежавшую около Ирулан.

– Это требование вас не заинтриговало; пусть все идет, как...

– Хватит! – рявкнул Айдахо. – Достаточно об этом. Что тебя останавливает? Ты же прекрасно знаешь, что нельзя

отрицать данные, и тем не менее ждешь, что я буду функционировать как...

– В последнее время резко возрос спрос на людей, имеющих четыре специальности, – произнесла Алия, вдруг подумав, сообщит ли она новость сидящим напротив нее людям.

– Какие специальности? – поинтересовалась Ирулан.

– Оруженосцы, закрученные ментаты с Тлейлаксу, дипломированные медики из школы Сук и квалифицированные бухгалтеры; особенно последние.

– Почему бухгалтерия с двойным дном начала пользоваться спросом именно сейчас? – Вопрос был задан Айдахо.

Функционировать как ментат, – подумал он. – Ну что ж, это лучше, чем оставаться супругом той Алии, какой она стала. Он сконцентрировался на ее словах, проигрывая их на свой ментальный манер. Оруженосцы? Когда-то это было и его профессией. Конечно, оруженосцы были не просто мастерами индивидуальной схватки. Они могли ремонтировать силовые щиты, планировать военные операции, разрабатывать военно-инженерные сооружения, усовершенствовать оружие. Закрученные ментаты? Ну конечно, эти мастера с Тлейлаксу настояли на таком бессовестном обмане. Будучи сам ментатом, Айдахо знал ненадежность закручивания. Владетельные Дома, покупавшие таких ментатов, надеялись абсолютно контролировать их работу, но это было невозможно. Даже Питер де Фриз, который служил Харконнену в его борьбе с Домом Атрейдес, предпочел смерть предательству своего «я». Врачи Сук? Их обучение гарантировало безусловную преданность пациентам, их собственникам. Доктора Сук были очень дороги. Возросший спрос на выпускников Сук повлечет за собой изменения валютных курсов.

Айдахо взвесил эти факты и сопоставил их с повышенным спросом на бухгалтеров.

– Первичный вывод логических операций, – сказал он, подчеркивая, что сообщаемые им соображения основаны на индукции. – Совсем недавно произошло улучшение

материального благосостояния второстепенных Владетельных Домов. Некоторые из них достигли уровня великих. Такие сдвиги могут происходить только в результате изменений политического устройства.

– Наконец, мы добираемся до Совета Земель, – произнесла Алия, выражая свое мнение.

– Следующая сессия Совета состоится только через два стандартных года, – возразила Ирулан.

– Политический торг не прекращается никогда, – проговорила Алия. – И я ручаюсь, что среди тех, кто это подписал, – она жестом указала на бумагу племенных вождей, – много представителей второстепенных Домов, сменивших политическую ориентацию.

– Возможно, – согласно кивнула Ирулан.

– Совет Земель, – сказала Алия. – Разве можно придумать лучший фронт для Бене Гессерит? И где Община Сестер найдет лучшего агента, чем моя собственная мать? – Алия встала прямо напротив Айдахо. – Ну же, Дункан?

«Почему бы мне не быть ментатом?» – спросил себя Айдахо. Он понял теперь, куда клонятся подозрения Алии. В конце концов именно Дункан Айдахо многие годы был персональным телохранителем госпожи Джессики.

– Дункан! – не отставала Алия.

– Тебе надо вплотную поинтересоваться теми законопроектами, которые готовятся для следующей сессии Совета Земель, – сказал Айдахо. – При этом они смогут занять такую правовую позицию, что Регентство не сможет наложить вето на определенные законы, особенно касающиеся изменения налогообложения и политики в отношении картелей. Есть и еще кое-что, но...

– Это был бы не слишком прагматичный шаг с их стороны, если они займут такую позицию, – заметила Ирулан.

– Согласна, – сказала Алия. – У сардаукаров давно нет зубов, а у нас есть превосходная фрименская гвардия.

– Не горячись, Алия, – предостерег жену Айдахо. – Наши враги спят и видят, как бы им представить нас в образе

чудовищ. Не так важно, сколько легионов находится под твоим командованием. Власть в конечном итоге зиждется на народной поддержке, особенно в такой обширной и редконаселенной Империи, как наша.

– Народная поддержка? – недоуменно переспросила Ирулан.

– Ты имеешь в виду поддержку Великих Домов? – решила уточнить Алия.

– А со сколькими Великими Домами нам придется столкнуться при таком новом раскладе? – спросил Айдахо. – Деньги концентрируются в весьма странных местах.

– На периферии? – спросила Ирулан.

Айдахо только пожал плечами. На этот вопрос не существовало ответа. Все подозревали, что в скором времени обитатели Тлейлаксу или технологические гении с секретных планет изобретут способ уничтожения эффекта Холцмана. В тот день защитные экраны станут бесполезными игрушками. Рухнет весь межпланетный баланс сил, установленный межгалактическими феодалами.

Алия отказалась даже рассматривать такую возможность.

– Будем ехать на том, что у нас есть, – сказала она. – А у нас есть определенные сведения о том, что Совет директоров ОСПЧТ знает, что мы уничтожим Пряность, если нас к этому вынудят. Они не будут так сильно рисковать.

– Мы опять возвращаемся к ОСПЧТ, – сказала Ирулан.

– Если только кому-нибудь не удалось повторить цикл «песчаная форель – червь» на другой планете, – ответил Айдахо на предположение Алии. Он задумчиво посмотрел на Ирулан, взволнованную его словами. – Салуса Секундус?

– Нет, – без колебаний ответила принцесса. – У меня там надежные контакты.

– Тогда мой вопрос остается в силе, – сказала Алия, пристально глядя на Айдахо. – Будем ехать на том, что у нас есть.

Она меня изматывает, – подумал Айдахо, а вслух сказал:

– Зачем ты отвлекаешь меня от действительно важной работы? С этим ты вполне могла бы справиться и сама.

– Не разговаривай со мной таким тоном! – взорвалась Алия.

У Дункана расширились глаза. В какое-то мгновение он снова увидел чуждое выражение на лице жены, это было тягостное зрелище. Он посмотрел на Ирулан, но та ничего не заметила или сделала вид, что ничего не видит.

– Мне не нужно объяснять прописных истин, – продолжала Алия, все еще пылая чуждым гневом.

Айдахо примирительно улыбнулся, хотя в груди у него появилась давящая боль.

– Мы никогда не сумеем отвлечься от богатства и всего, что с ним связано, решая вопросы власти, – тягуче произнесла Ирулан. – Пол в этом отношении был социальным мутантом, и мы должны помнить, что именно он нарушил равновесие состояний.

– Такие мутации обратимы, – сказала Алия, отвернувшись, словно не желая выставлять напоказ чуждость своего облика. – Они точно знают, у кого в Империи имеются состояния.

– Они также знают, – сказала Ирулан, – что есть три человека, которые могут претерпеть такую мутацию: близнецы и... – она указала рукой на Алию.

Может быть, они обе сошли с ума? – подумал Дункан.

– Они постараются убить меня, – прохрипела Алия.

Пораженный Айдахо сидел не в силах произнести ни слова.

Его ментатский ум просто кипел от такой несуразицы. Убить Алию? Для чего? Они могут очень легко ее дискредитировать.

Они могут изолировать ее от фрименской гвардии и охотиться за ней по своему усмотрению. Но вот близнецы... Он понимал, что находится не в лучшей психологической форме для решения такой сложной задачи, но он обязан попытаться. Надо собраться и точно выполнить логические

операции. С другой стороны, он понимал, что точное мышление обязательно зиждется на неких абсолютных истинах. Природа не отличается точностью. Вселенная, если ее вести до уровня человека, тоже не точна. Она полна неопределенности и тумана, неожиданных смещений и перемен. В таких рассуждениях человечество должно рассматриваться как исключительно природный феномен. Весь процесс точных рассуждений заключается в разложении, отчуждении от реальных процессов, протекающих во Вселенной. Надо погрузиться в поток изменений, проследить его направление.

– Мы были правы, когда сосредоточились на ОСПЧТ, – продолжала растягивать гласные Ирулан, – а предложение Дункана содержит первую линию расследования...

– Деньги, как выражение энергии, могут быть отделены от энергии, которую они выражают, – сказала Алия. – Мы все это знаем. Но нам надо ответить на три конкретных вопроса: Когда? Каким оружием? Где?

Близнецы... близнецы, – думал Айдахо. – В опасности близнецы, а не Алия.

– Тебя не интересуют вопросы: Кто? и Каким образом? – поинтересовалась Ирулан.

– Если Дом Коррино, или ОСПЧТ, или какая-либо другая группа попытается использовать в качестве инструмента людей, – сказала Алия, – то шестьдесят процентов шансов за то, что их можно будет обезвредить до того, как они начнут действовать. Знание о том, Когда и Где все произойдет, дает нам в руки оружие против этих негодяев. Как? Это тот же вопрос, что и Каким оружием?

Почему они не видят все так же ясно, как и я? – удивленно подумал Айдахо.

– Все верно, – согласилась Ирулан. – Так когда?

– Когда все внимание будет сосредоточено на другом человеке, – ответила Алия.

– На Совете все внимание было отдано госпоже Джессике, – возразила Ирулан, – но покушения не было.

– Там было неподходящее место, – сказала Алия.

Что она творит? – продолжал негодовать Айдахо.

– Тогда где? – не отставала Ирулан.

– Здесь, в Убежище, – ответила Алия. – Здесь я чувствую себя в наибольшей безопасности и нахожусь под надежной охраной.

– Каким оружием? – спросила Ирулан.

– Обычным: любой фримен может его носить – отравленный нож, пистолет...

– Они давно не пользовались самонаводящимся патроном, – сказала Ирулан.

– Это оружие не сработает в толпе, – возразила Алия. – Они постараются сделать это в толпе.

– Биологическое оружие? – высказала еще одно предположение Ирулан.

– Инфекционный агент? – уточнила Алия, не скрывая скепсиса. Как может Ирулан думать, что какая-то бацилла сможет прорвать иммунный барьер, который защищает всех Атрейдесов?

– Нет, я подумала о каком-нибудь животном, – уточнила Ирулан свою мысль. – Какой-нибудь мелкий зверек, натасканный на определенную цель. Зубы его можно обработать ядом.

– Меня защитят Хорьки, – сказала Алия.

– А если это будет один из них?

– Это невозможно. Охранные Хорьки не допустят в свою среду чужака, они его убьют, и ты это знаешь.

– Я только перечисляю возможности в надежде, что...

– Я приведу в повышенную готовность свою охрану, – проговорила Алия.

Когда Алия произнесла слово охрану, Айдахо прижал ладони к глазам, пытаясь не допустить наступления состояния, которое неотвратимо надвигалось на его сознание. Раджия, движение Бесконечности, выраженной всеобщей Жизнью, скрытая до поры чаша тотального погружения в осознание всего сущего, которое дремлет в каждом ментате. Сознание в таком состоянии набрасывается на Вселенную,

как сеть, придавая форму всякому возможному событию. Дункан увидел скорчившихся на земле близнецов, которых накрывают гигантские когтистые лапы.

– Нет, – прошептал он.

– Что? – Алия посмотрела на мужа, словно удивляясь тому, что он еще здесь.

Айдахо оторвал руки от глаз.

– Где одежда, которую прислали из Дома Коррино? – спросил он. – Ее уже отдали близнецам?

– Конечно, – ответила Ирулан. – Она совершенно безопасна.

– Никто не посмеет напасть на близнецов в сиетче Табр, – сказала Алия. – Никогда, пока там находится гвардия Стилгара.

Айдахо внимательно посмотрел на жену. У него не было достаточно данных, чтобы подкрепить свои выкладки, но он знал. Он знал. То, что он видел, было явлением того же порядка, что и видения Пола. Ни Ирулан, ни Алия не поверят ему.

– Я прикажу властям порта не пропускать в страну никаких животных, – сказал он.

– Ты принял всерьез предположения Ирулан? – протестующе воскликнула Алия.

– Нельзя пренебрегать ни одной из возможностей.

– Скажи об этом контрабандистам, – сказала Алия. – Я же вполне полагаюсь на Хорьков.

В ответ Айдахо только покачал головой. Что могут сделать Домовые Хорьки против лап таких устрашающих размеров? Но Алия права. Взятка, знакомый пилот, подкупленный навигатор Гильдии и... корабль совершает посадку в любом месте Пустыни. Гильдия, конечно, не выступит в открытую против Атрейдесов, но, если цена окажется достаточно высокой... Таким образом, Гильдию можно рассматривать лишь как геологический барьер – его трудно, но вполне возможно преодолеть. Они всегда могут сказать в

свое оправдание, что их дело только транспорт, они не отвечают за способ применения доставленного груза.

Алия нарушила наступившее молчание. Взметнув руку в чисто фрименском жесте – поднятый кулак с отставленным в сторону большим пальцем, – она произнесла ритуальную фразу, означавшую «Я начинаю войну тайфуна». Она, без сомнения, считала себя единственно возможной мишенью убийства, а жест и фраза обозначали объявление беспощадной битвы со всеми угрозами Вселенной.

Айдахо чувствовал, что всякий протест обречен на неудачу – ему никто не поверит. Он видел только, что Алия больше ни в чем его не подозревает. Он вернется в Табр, и Алия будет искренне ждать устранения госпожи Джессики. Он поднялся с дивана, пылая гневом. Если бы Алия действительно была целью! Если бы ее смог настичь убийца! На мгновение он положил ладонь на рукоятку кинжала, но потом понял, что не должен этого делать. Будет гораздо лучше, если Алия умрет, как мученица, а не будет дискредитирована, казнена и брошена в яму, как собака.

– Да, – произнесла Алия, неверно истолковав выражение его лица как тревогу за ее жизнь. – Поспеши в сиетч Табр.

При этом она подумала: Как это было глупо подозревать Дункана! Он принадлежит мне, а не Джессике! Она могла подумать такое только потому, что ее огорчило требование племен, подумала Алия. На прощание она ласково помахала рукой уходящему Дункану.

Айдахо покидал Палату Совета с чувством полной безнадежности. Алия не только стала слепой, когда ее поразила одержимость отчуждением, ее безумие усиливалось после каждого криза. Она уже прошла критическую точку и теперь обречена. Но что можно сделать для близнецов? Кого можно убедить? Стилгара? И что может сделать Стилгар сверх того, что он уже сделал?

Может быть, госпожу Джессику?

Да, надо исследовать эту возможность, хотя она, вероятно, слишком сильно вовлечена в заговор Общины Сестер.

Айдахо практически не питал иллюзий относительно этой наложницы Атрейдеса. По приказу Бене Гессерит она может сделать все что угодно – даже выступить против собственных внуков.

* * *

Хорошее правительство в своих действиях никогда не опирается на законы, но лишь на личные качества тех, кто правит. Деятельность правительства всегда подчинена воле тех, кто запускает эту деятельность. Следовательно, главным элементом построения правительства является метод выбора лидеров.

«Закон и правление». Устав Космической Гильдии

Для чего Алие нужно мое участие в утренней аудиенции? – мучительно раздумывала Джессика. – Меня даже отказались ввести в состав Совета.

Джессика стояла в вестибюле Большого Зала Убежища. Этот вестибюль на любой другой планете, кроме Арракиса, вполне и сам мог быть Большим Залом. Чем больше увеличивались власть и богатство Атрейдесов, тем более гигантскими становились сооружения Арракина; громадный вестибюль внушал Джессике дурные предчувствия. Она не любила это помещение, на выложенном плитами полу которого была запечатлена победа ее сына над Шаддамом Четвертым.

Она всмотрелась в свое отражение в металлической пластиковой двери, ведущей в Большой Зал. Само возвращение на Дюну вынуждало Джессику к таким сравнениям, и в эту минуту она ясно видела признаки старения на своем лице: на удлиненном лице появились тонкие морщинки, а глаза цвета индиго потеряли былую живость. Джессика еще помнила то время, когда синева радужек оттенялась белизной склер. Бронзовый оттенок волос сохранялся благодаря умению парикмахера. Нос сохранил свои небольшие размеры, рот оставался чувственным, а фигура стройной, но даже

тренированные по методикам Бене Гессерит мышцы с возрастом теряли былую реакцию и эластичность. Кто-то, конечно, мог не заметить разрушительного воздействия времени и сказать: «Вы нисколько не изменились за прошедшие годы!» Но тренировка Общины Сестер была обоюдоострым лезвием: даже небольшие изменения редко ускользали от внимания тех, кто сам прошел такую тренировку.

Джессика прекрасно видела, что у Алии действительно отсутствуют малейшие признаки старения.

Джавид, ставший главным церемониймейстером Алии, уже стоял у больших дверей. Сегодня он был очень официален, одетый в накидку джин с циничной усмешкой на круглом лице. Джессику поразил парадокс Джавида: хорошо откормленный фримен. Заметив устремленный на него взгляд Джессики, Джавид понимающе улыбнулся и пожал плечами. Участие Джавида в приеме Джессики должно быть кратким, и он прекрасно это понимает. Он ненавидит Атрейдесов, но… он человек Алии, причем сразу в нескольких ипостасях, если верить слухам.

Джессика заметила жест Джавида и на секунду задумалась. Век пожатий плечами. Он знает, что мне известны все сплетни о нем, и ему на это наплевать. Наша цивилизация развалится от такого безразличия скорее, чем от ударов внешних врагов.

Охрана, которую перед своим убытием в Пустыню к контрабандистам оставил ей Гурни, была страшно недовольна тем, что Джессика сегодня отказалась от ее присутствия. Однако сегодня она чувствовала себя, как это ни странно, в полной безопасности. Пусть кто-нибудь попробует сделать из нее мученицу в этом зале – Алия этого не переживет. Впрочем, дочь и сама это хорошо понимает.

Джессика не отреагировала на улыбку и пожатие плечами. Тогда Джавид заученно покашлял. Это было похоже на сигнал, поданный на тайном языке: «Мы прекрасно понимаем бессмысленность всей этой помпезности,

милостивая госпожа. Разве это не чудо, что люди верят подобным глупостям!»

Чудо! – мысленно согласилась с Джавидом Джессика, однако лицо ее осталось бесстрастным.

Вестибюль постепенно наполнялся людьми. Здесь в основном были допущенные людьми Джавида просители. Внешние двери были все еще закрыты. Просители и свита держались от Джессики на почтительном расстоянии, однако все заметили, что она одета в черную абу фрименской Преподобной Матери, а это порождало множество вопросов. Сейчас не было заметно никаких признаков связи Джессики со священниками культа Муад'Диба. Под сводами вестибюля стоял сдержанный гомон – люди делили свое внимание между Джессикой и маленькой потайной дверью, из которой должна была выйти Алия и повести всех присутствующих в Большой Зал. Для Джессики было очевидно, что старый ритуал, очерчивавший пределы власти Регентства, был в данный момент потрясен до основания.

И все это из-за моего появления, подумала Джессика. Но я пришла сюда только по приглашению Алии.

Наблюдая признаки замешательства, Джессика поняла, что Алия намеренно затягивает начало церемонии, позволяя проявиться подводным течениям, за которыми она, несомненно, сейчас внимательно наблюдает через потайное отверстие в стене. Некоторые мелкие особенности поведения дочери не поддавались объяснению, и с каждой минутой Джессике становилось понятнее, насколько была она права, приняв на себя миссию, возложенную на нее Общиной Сестер.

– Мы не можем позволить, чтобы дела и дальше развивались подобным образом, – убеждала ее руководительница делегации Бене Гессерит. – Несомненно, что признаки упадка не ускользнули от твоего внимания – именно от тебя! Мы знаем, почему ты покинула нас, но мы знаем и степень твоей подготовки. Твое образование осталось прежним. Ты – адепт Пророческого Оружия и не можешь не

понимать, какую угрозу может представлять для нас загнивание столь могущественной религии.

Задумавшись, Джессика сжала губы и отвернулась к окну, за которым разворачивалась панорама ранней каладанской весны. Ей не нравилось, что ее заставляют мыслить столь прямолинейно логически. Одной из первых заповедей образования Общины Сестер было недоверие к чему бы то ни было, в чем тебя стараются убедить, прикрываясь логикой. Но... члены делегации Бене Гессерит тоже знали об этом.

Как был напоен влагой воздух в то утро, – подумала Джессика, оглядывая вестибюль Алии. – Каким свежим он был! Здесь же пахло потом и застоявшейся сыростью, и это вызывало чувство неприятной тяжести. Я вернулась на пути Фрименов, – подумалось Джессике. – В сиетче воздух был тоже слишком сырым. Что происходит с мастером по увлажнителям? Пол никогда не допустил бы такой небрежности.

Она заметила, что Джавид, несмотря на всю свою собранность и готовность, не видит таких нарушений влажности. Это большой недостаток для человека, рожденного на Арракисе.

Члены делегации Бене Гессерит хотели знать, нужны ли Джессике доказательства обоснованности их предположений. Она рассердилась и ответила им цитатой из их собственных уставов: «Все доказательства призваны обосновать утверждения, которые не имеют доказательств. Мы понимаем только то, во что хотим верить!»

– Однако мы доверили эти рассуждения ментатам, – возразила руководительница.

Джессика в изумлении уставилась на женщину.

– Мне странно, что вы сумели достичь своего высокого положения, не зная ограничений ментатов, – произнесла Джессика.

По тому, как внезапно успокоились все члены делегации, Джессика поняла, что это было всего лишь испытание, которое она успешно прошла. Конечно, они сильно боялись,

что за прошедшие годы Джессика утратила способность к балансированию на грани возможного, что составляло ядро подготовки сестер Бене Гессерит.

Джессика слегка насторожилась, когда Джавид оставил свой пост у входа в зал и подошел к ней, согнувшись в низком поклоне:

– Госпожа, мне пришло на ум, что, возможно, вы не слышали ничего о последнем подвиге Проповедника.

– Я каждый день получаю сведения о том, что происходит, – ответила Джессика. Пусть он доложит об этом Алие!

Джавид улыбнулся:

– Тогда вы знаете, что он обрушился на вашу семью. Прошлым вечером он проповедовал в южном пригороде, и никто не осмелился схватить его. Вы, конечно, понимаете почему.

– Потому что они думают, что это мой сын вернулся к ним, – устало ответила Джессика.

– Мы еще не задавали этот вопрос ментату Айдахо, – сказал Джавид. – Видимо, придется это сделать, чтобы прояснить наконец положение.

Вот один представитель рода человеческого, который не понимает ограничений ментатов, хотя осмеливается наставлять ему рога – если не в действительности, то в мечтах, подумала Джессика.

– Ментаты совершают те же ошибки, что и люди, которые их используют, – сказала она. – Человеческий разум, как и разум любого животного, – это резонатор. Он резонирует в ответ на колебания окружающей среды. Ментат обучен одновременному сознательному следованию по параллельным петлям кажущихся случайными связей, просчитывая всю цепь причин и следствий.

Пусть он попробует прожевать все это!

– Значит, этот Проповедник вас нисколько не тревожит? – спросил Джавид. Его тон внезапно стал формальным и зловещим.

– Я считаю это признаком оздоровления, – сказала Джессика, – и не хочу, чтобы его трогали.

Джавид явно не ожидал такого скоропалительного, по его мнению, ответа. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой и неестественной.

– Правящий Совет Церкви, обожествивший твоего сына, конечно, преклонится перед твоим желанием, но требуются некоторые объяснения...

– Вероятно, лучше было бы вам объяснить, какое место я занимаю в ваших схемах, – отпарировала Джессика.

Джавид посмотрел на Джессику осуждающим взглядом.

– Женщина, я не вижу разумных оснований с твоей стороны отказываться от осуждения Проповедника. Он не может быть твоим сыном. Я ставлю вполне разумное требование: осуди его.

Это хорошо разыгранный спектакль, подумала Джессика, и поставила его Алия, назначив на главную роль Джавида.

– Нет, – твердо произнесла она.

– Но он оскверняет имя твоего сына! Он проповедует омерзительные вещи, покушается на святую дщерь. Он восстанавливает против нас толпу. Когда его спрашивают, он отвечает, что даже ты одержима природой зла и что ты...

– Довольно этого вздора! – отрезала Джессика. – Скажи Алие, что я отказываюсь. Я не слышала об этом Проповеднике ничего, кроме всяких сказок. Он мне наскучил.

– Скучно ли будет тебе, женщина, услышать, что в своих последних поношениях он говорил, что ты никогда не выступишь против него? Тут совершенно ясно, что ты...

– Я, как воплощение зла, все равно не стану осуждать его, – сказала она.

– Это не шутки, женщина!

Джессика негодующе взмахнула рукой.

– Убирайся! – Она произнесла это слово достаточно громко, чтобы его услышали, и Джавиду пришлось подчиниться.

Глаза его сверкнули яростью, однако он неуклюже поклонился и вернулся на свое место у двери.

Эта ссора прекрасно вписывалась в результаты наблюдений Джессики. Когда Джавид говорил об Алие, в его голосе проскальзывали ласковые хрипловатые нотки любовника, в этом Джессика не могла ошибиться. Слухи, несомненно, соответствуют истине. Алия позволила себе окончательно разложиться. Наблюдения говорят о том, что Алия стала сознательной соучастницей Мерзости. Что это – извращенная воля к самоуничтожению? Совершенно ясно, что Алия делает все, чтобы разрушить самое себя и основу своей власти, возросшей на учении ее брата.

В вестибюле почти осязаемо повисло неловкое беспокойство. Завсегдатаи вестибюля, конечно, знают, в каких случаях Алия задерживает свой выход, а теперь еще все слышали, как Джессика без колебаний прогнала фаворита своей дочери.

Джессика тяжело вздохнула. Она почувствовала, что, хотя ее тело пришло сюда, душа осталась за пределами этого зловещего вестибюля. Движения придворных были так прозрачны! Поиск покровительства нужных людей был танцем, столь же явным, как утренний ветер, волнующий пшеничное поле. Возросшие при дворе статисты усиленно морщили лбы и высчитывали важность каждого здесь присутствующего. Очевидно, что ее гневная отповедь Джавиду повредила его репутации; теперь мало кто о нем говорил. Но были и другие! Ее наметанный глаз ясно видел результаты подсчета рейтинга во взглядах сателлитов и прилипал власти.

Они не примкнут ко мне, потому что я опасна, подумала она. Но я чувствую запах того, кого боится Алия.

Джессика обвела взглядом вестибюль и увидела, как люди отводят глаза в сторону. Эти люди были настолько бесполезны, их существование настолько бессмысленно, что Джессике захотелось выкрикнуть опровержение их готовым

оправданиям своей бесцельной жизни. О, если бы только Проповедник мог их сейчас видеть!

Ее внимание привлек обрывок случайно услышанного разговора. Это был высокий, стройный священник. Он обращался к своему окружению, несомненно, просителям, которых он опекал.

– Я часто вынужден говорить не то, что думаю, – произнес он. – Это называется дипломатия.

Смех прозвучал слишком громко и слишком фальшиво. Впрочем, он быстро оборвался – люди заметили, что Джессика слышит их.

Мой герцог выслал бы этих людей в самое вонючее захолустье! – подумала она. – Я приехала как раз вовремя.

Она только сейчас поняла, что, живя на Каладане, она пребывала в плотном коконе, сквозь стенки которого до нее доходили только самые вызывающие проступки Алии. Я была такой благодаря своему тихому, как во сне, существованию, подумала она. Каладан был подобен громадному кораблю, ведомому опытнейшими капитанами. Только самые крутые виражи воспринимаются пассажирами, да и то в виде едва заметных движений.

Как же соблазнительна спокойная жизнь, – подумала Джессика.

Чем больше наблюдала Джессика жизнь двора Алии, тем более справедливыми казались ей слова Проповедника, о которых ей ежедневно докладывали. Да, Пол имел все основания произносить их, видя, во что превратилась его Империя. Джессика вспомнила о Гурни, отправившемся к контрабандистам: Интересно, что ему удалось узнать?

Ее первое впечатление об Арракине оказалось верным. В ту первую поездку по городу вместе с Джавидом она обратила внимание на глухие бронированные заборы вокруг домов, охраняемые улицы и аллеи, шпиков на углах, высокие стены и глубокие подвалы строений, о чем можно было судить по мощным фундаментам. Арракин потерял свое

благородство, он стал безумным, самовлюбленным городом, воплощением грубости и безвкусицы.

Внезапно открылась маленькая боковая дверь. В помещение вступил отряд священных амазонок, под прикрытием которых вышла Алия, надменная, высокомерная, вполне сознающая всю свою огромную и страшную власть. Лицо принцессы было предельно собранным: на нем не отразилось никаких чувств, когда ее взгляд встретился с взглядом матери, хотя обе знали, что битва не на жизнь а на смерть уже началась.

По команде Джавида неслышно раскрылись створки громадных ворот, ведущих в Большой Зал. В этом движении чувствовалась невидимая, скрытая в глубинах здания чудовищная энергия. Алия подошла к матери. Их немедленно окружила охрана.

– Войдем внутрь, матушка? – спросила дочь.

– Давно пора, – ответила Джессика, уловив злорадство в глазах Алии. Она думает, что может уничтожить меня и остаться безнаказанной! Она просто безумна!

Джессика подумала, что Айдахо, видимо, желает помешать своей жене. Джессике принесли его послание, на которое она не смогла пока ответить. То было очень загадочное письмо: «Вам угрожает опасность. Я должен встретиться с вами». Послание было составлено на древнем языке чакобса, в котором слово «опасность» имело значение «заговор».

Я увижусь с ним тотчас по возвращении в Табр, – решила Джессика.

* * *

Вот в чем заключается заблуждение власти: она в конечном счете эффективна в абсолютном, ограниченном пространстве, а главный урок, который мы извлекаем из релятивистской Вселенной, заключается в ее изменчивости.

Любая сила неизбежно наталкивается на большую силу. Пол Муад'Диб преподал этот урок сардаукарам на равнинах Арракиса. Его последователям еще предстоит сделать из этого урока выводы для себя.

Проповедь в Арракине

Первым просителем на утренней аудиенции был кадешианский трубадур, паломник хаджа, кошелек которого опустошили арракинские торговцы. Человек стоял на малахитовом полу палаты, не в силах решиться просить за себя.

Сидя на своем месте, Джессика восхищалась смелостью паломника, стоявшего у подножия трона Алии. Троны матери и дочери были одинаковы, но трон последней стоял справа, то есть на мужском месте.

Что же касается кадешианского трубадура, то люди Джавида пустили его сюда только благодаря тому качеству, которое он сейчас демонстрировал, – мужеству. Предполагалось, что трубадур окажет кое-какие услуги двору в счет денег, коих у него больше не было.

Из речи священника-адвоката, который представлял кадешианца, явствовало, что у того осталась только одежда, которая на нем, и балисет, висевший на плече.

– Он утверждает, что его опоили темной жидкостью, – говорил адвокат, не слишком сильно пытаясь скрыть усмешку, кривившую его губы. – Если это будет угодно вашему святейшеству, питье сделало его беспомощным, но сохранило сознание, и он видел, как у него срезали кошель.

В то время, как адвокат тянул свою бесконечную песню, выказывая фальшивую угодливость и склонность к морализаторству, Джессика внимательно изучала трубадура. Кадешианец был высок, не меньше двух метров. Живые, подвижные глаза выдавали острый ум и незаурядное чувство

юмора. Золотистые волосы, по моде его планеты, были распущены по плечам; трубадур был широк в плечах и узок в бедрах – он него веяло мужской силой, которую не могла скрыть свободная одежда паломника. Звали трубадура Тагир Мохандис, он происходил из семьи торговых инженеров, очень гордился своими предками и собой.

Алия нетерпеливо прервала адвоката движением руки и, не оборачиваясь, произнесла:

– В честь своего возвращения первое дело решит госпожа Джессика.

– Благодарю тебя, дочь моя, – сказала Джессика, чтобы до всех дошел порядок старшинства. Дочь! Так этот Тагир Мохандис стал частью их плана. Или он просто невинный дурачок? Предоставление ей первого права решения дела было спланировано для организации массированной атаки на нее, поняла Джессика. Это было ясно по тону и отношению Алии.

– Хорошо ли ты играешь на этом инструменте? – спросила Джессика, указывая на балисет.

– Так же хорошо, как несравненный Гурни Халлек! – Тагир Мохандис говорил громко, чтобы все слышали его слова. Среди придворных обозначилась заинтересованность, люди зашевелились.

– Тебе нужны деньги на проезд, – сказала Джессика. – Куда доставят тебя эти деньги?

– На Салусу Секундус, ко двору Фарад'на, – ответил Мохандис. – Я слышал, что ему нужны трубадуры и менестрели, что он поддерживает искусство и возрождает в своей Империи культурную жизнь.

Джессика не стала оглядываться на Алию. Естественно, и она, и ее присные прекрасно знали, что и зачем будет просить трубадур. Она просто наслаждалась этой двойной игрой. Неужели они думают, что могут поймать ее на такую дешевую приманку?

– Не сыграешь ли ты, чтобы заработать на проезд? – спросила Джессика. – Мои условия – это обычные

фременские условия. Если твоя музыка усладит мой слух, то ты останешься здесь и будешь играть для меня; если же твоя музыка оскорбит мой слух, я отправлю тебя на принудительные работы в Пустыню, и там ты заработаешь деньги; если же я найду, что твоя музыка понравится Фарад'ну, врагу Атрейдесов, то я с благословением пошлю тебя к нему. Станешь ли ты играть на этих условиях, Тагир Мохандис?

Откинув белокурую голову, трубадур зычно расхохотался. Принимая условия Джессики, он снял с плеча балисет и принялся настраивать инструмент.

Толпа в зале попыталась приблизиться, но придворные и охрана проявили бдительность.

Наконец Мохандис взял ноту, заставив звучать в басовом регистре боковые струны, возвысил голос до сладчайшего тенора и, импровизируя, запел. Он касался струн настолько искусно, что Джессика была захвачена его музыкой раньше, чем до нее дошел смысл лирических слов.

Влекут вас Каладана виды,
Когда-то вы там правили, Атрейдесы,
Без устали – вы даровиты...
Теперь изгнанники вы в стороне чужой.

Здесь было горько, люди – грубы,
Мечту сломали Шаи-Хулуда зубы,
Еда и вина были вам не любы...
Теперь изгнанники вы в стороне чужой.

Арракис к нежности приучен вами,
Управились вы с грозными червями,
Но дни свои закончите вы сами
Изгнанниками в стороне чужой.

Алия! Тебя зовут все Коан-Тин,
Как духа, что никем не видим,
До той поры, пока...

– Довольно! – Алия в бешенстве подскочила на троне. – Я тебя…

– Алия! – громко произнесла Джессика – так, чтобы не спровоцировать перепалку, но привлечь к себе внимание. То было мастерское владение Голосом, и все, кто слышал Джессику, поняли всю его силу. Алия снова уселась на трон, и мать заметила, что дочь не проявила ни малейшего замешательства.

Это они тоже предвидели, подумала Джессика. Как это интересно.

– Принимать решение по этому делу буду я, – напомнила Джессика Алие.

– Очень хорошо, – едва слышно произнесла Алия.

– Я нахожу, что этот человек будет подходящим подарком для Фарад'на, – заговорила Джессика. – У Мохандиса язык остер, как бритва. Кровопускание, которое может причинить этот язычок, не повредило бы и нашему двору, но пусть он лечит Дом Коррино.

По залу прокатился сдержанный смешок.

Алия позволила себе возмущенно фыркнуть:

– Ты понимаешь, как он меня назвал?

– Никак он тебя не назвал, дочь моя. Он просто повторил то, что он, как и всякий другой, мог услышать на улице. Именно там тебя называют Коан-Тин…

– Женский дух смерти, который ходит без ног, – злобно произнесла Алия.

– Если ты ликвидируешь всех, кто говорит правду, то останутся только те, кто говорит то, что ты хочешь услышать, – сладким голосом сказала Джессика. – Я не могу представить ничего более ядовитого, чем прокисать в зловонии собственной рефлексии.

Было слышно, как все присутствующие затаили дыхание.

Джессика пристально посмотрела на Мохандиса. Тот молчал, сохраняя полнейшее спокойствие. Он с такой безмятежностью ожидал приговора, словно тот его совершенно

не касался. Мохандис, без сомнения, был из тех людей, которых герцог без колебаний брал на службу в самые тяжелые времена, людей, способных действовать по собственному усмотрению и не боящихся брать на себя ответственность и умеющих принимать любые удары, даже смерть, не проклиная при этом судьбу. Почему он решил так себя вести?

– Почему ты пел именно эти слова? – спросила Джессика.

Трубадур поднял голову и заговорил, сохраняя самообладание и четко произнося фразы.

– Я слышал, что Атрейдесы честны и искренни, и решил проверить это. Быть может, мне повезло бы попасть к вам на службу, и тогда у меня появилась бы возможность найти моих обидчиков и поквитаться с ними по-свойски.

– Он осмеливается проверять нас! – пробормотала Алия.

– А почему бы и нет? – возразила Джессика.

В знак благосклонности она улыбнулась трубадуру с высоты своего трона. Человек пришел в этот зал только для того, чтобы использовать возможность испытать новое приключение, пройти свою вселенную другим, неизведанным доселе путем. Джессика едва устояла перед искушением оставить трубадура у себя, но реакция Алии предвещала смельчаку злую судьбу. Кроме того, по некоторым признакам Джессика поняла, что именно этого и ждала от нее дочь – что мать возьмет Мохандиса в свою свиту, как когда-то она взяла к себе храбреца Халлека. Пусть Мохандис следует своим путем, хотя жалко уступать такой экземпляр человеческой породы Фарад'ну.

– Он отправится к Фарад'ну, – объявила Джессика. – Позаботьтесь, чтобы он получил проездные деньги. Пусть его язык устроит кровопускание Дому Коррино, а мы посмотрим, как они это переживут.

Алия сердито уставилась в пол, потом, спохватившись, улыбнулась.

– Пусть торжествует мудрость госпожи Джессики. – Алия жестом руки отпустила Мохандиса.

Она хотела совсем другого, – подумала Джессика, но судя по поведению Алии, можно было думать, что у нее в запасе есть еще одно испытание.

Вперед выступил другой проситель.

Заметив реакцию дочери, Джессика почувствовала, что ее обуревают сомнения. Как ей пригодился сейчас урок, который преподали близнецы. Пусть даже Алия ныне – воплощение Мерзости, но она отмечена предрождением. Она знает свою мать точно так же, как себя саму. Не стоит полагать, что Алия не поняла суть действий матери при разбирательстве с трубадуром. Но зачем Алия так искусно режиссирует столкновение? Чтобы отвлечь меня?

Однако времени на рефлексию не оставалось. Место у подножия тронов занял другой проситель. Рядом с ним стоял адвокат.

На этот раз просителем был старый фримен с обветренным лицом уроженца Пустыни. Старик был невысок ростом, но худ и жилист, а носимая обычно поверх защитного костюма дишдаша придавала его облику известную величавость. Одежда, видно, подчеркивала узкое лицо, орлиный нос и горящие глаза – синие радужки на голубом фоне склер. Сейчас на старике не было защитного костюма и фримен чувствовал себя не в своей тарелке. Огромное пространство Зала Аудиенций, видимо, казалось старику опасным местом, где он может лишиться всей своей драгоценной воды. Капюшон был откинут назад, открывая волосы, собранные в кеффию, отличительный знак наиба.

– Меня зовут Гхадхеан аль-Фали, – сказал он, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку трона, чтобы подчеркнуть свое превосходство над остальными присутствующими. – Я был одним из воинов-смертников Муад'Диба и хочу выступить здесь от имени народа Пустыни.

Алия слегка напряглась и едва не выдала себя. Имя аль-Фали стояло под петицией о введении Джессики в Совет.

От имени народа Пустыни, – мысленно повторила Джессика.

Гхадхеан аль-Фали заговорил прежде, чем адвокат успел раскрыть папку с прошением. Формальная фрименская фраза, которую произнес наиб, говорила о том, что он выступит сейчас с тем, что тревожит всю Дюну, и о том, что говорить будет не кто-нибудь, а федайкин, который предложил свою жизнь вместо жизни Муад'Диба. Джессика сомневалась, что эту причину старый наиб указал Джавиду и Главному Адвокату, добиваясь аудиенции. Догадка оказалась верной, ибо не успел старик начать, как по залу к тронам начал пробираться чиновник Священства с черным платком в руке – требованием прервать аудиенцию.

– Государыни! – крикнул чиновник. – Не слушайте этого человека! Он пробрался сюда под фальшивым…

Видя бегущего к ним священника, Джессика краем глаза уловила, как Алия подает рукой знак на тайном боевом языке Атрейдесов: «Сейчас!» Джессика не поняла, к кому относится этот приказ, но инстинктивно метнулась влево, свалив трон. Падая, она откатилась от развалившегося трона, вскочила на ноги и в этот миг услышала плевок выстрела… потом еще один. На бегу Джессика почувствовала, что кто-то словно схватил ее за рукав. Она немедленно нырнула в толпу просителей и придворных, собравшихся под помостом. Алия осталась неподвижно сидеть на троне.

Оказавшись в окружении людей, Джессика остановилась.

Она видела, как Гхадхеан аль-Фали стремительно переместился к противоположной стороне помоста, оставив адвоката на месте.

Все произошло в мгновение ока, но все присутствующие в зале знали, что могут сделать с тренированными людьми безошибочные рефлексы в минуту опасности. Алия и адвокат остались на своих местах, словно в оцепенении.

Какое-то движение толпы к центру зала не ускользнуло от внимания Джессики, и она, прокладывая себе путь сквозь скопление народа, бросилась к тому месту, где находился

чиновник Священства. Кусок черной материи валялся у его ног, а в складках ее виднелся пистолет.

Молниеносно переведя взгляд со священника на пистолет, мимо Джессики, словно ураган, пронесся старый наиб. Издав крик ярости, он нанес священнику удар выпрямленными пальцами кисти в горло. Чиновник, издав хлюпающий звук, упал. Не оглянувшись на человека, которого он только сейчас убил, аль-Фали обернул искаженное гневом лицо к помосту.

– Далал-иль'ан-нубувва! – воскликнул старик, прижал ладони ко лбу и тотчас опустил руки. – Кадис аш-Шалаф не позволит заткнуть мне рот! Если я не убью тех, кто мне препятствует, то их убьют другие!

Наиб думает, что мишенью был он, – догадалась Джессика. Она посмотрела на свой рукав и приложила палец к маленькой дырочке – пуля наверняка была отравлена.

Просители отошли от священника, который корчился на полу в предсмертных муках. Джессика повернулась к двоим потрясенным придворным, стоявшим слева, и приказала:

– Я хочу, чтобы этого человека спасли для допроса. Если он умрет, то умрете и вы! – Видя, что они колеблются, оглядываясь на помост, она крикнула своим Голосом: – Шевелитесь!

Придворные бросились выполнять приказ.

Джессика подбежала к аль-Фали и толкнула его локтем.

– Ты глупец, наиб! Они охотятся за мной, а не за тобой!

Эти слова слышали несколько человек, стоявших рядом. В наступившей мертвой тишине аль-Фали посмотрел на Алию, продолжавшую сидеть на уцелевшем троне. Лицо его озарилось пониманием, недоступным для непосвященного.

– Федайкин, – обратилась к наибу Джессика, напоминая о его былой службе ее семье, – мы, те, кого преследуют, умеем сражаться спиной к спине.

– Можешь мне верить, госпожа, – ответил наиб, поняв Джессику с полуслова.

Резкий вскрик сзади заставил Джессику стремительно обернуться, и в это мгновение она почувствовала, что за ее спиной стоит аль-Фали. Над распростертым на полу телом священника выпрямилась женщина в безвкусном кричащем наряде городской фременки. Двоих придворных нигде не было видно. Женщина не смотрела на Джессику, она возвысила голос в древнем плаче своего народа – плаче о тех, кто заслужил смертный покой, зов к ним, чтобы они отдали свою воду в племенную цистерну. Трудно было ожидать такого плача от женщины, одетой в такой наряд. Старые обычаи живучи, мысленно отметила Джессика, хотя в этой женщине была какая-то фальшь. Это создание в пестром платье, очевидно, сама убила священника, чтобы он никогда не заговорил.

Зачем она так суетилась? – удивленно подумала Джессика. – Надо было всего лишь подождать, пока он сам не умер бы от асфиксии. Такие поступки – следствие сильнейшего страха.

Алия, подавшись вперед, сидела на краю трона, напряженно наблюдая за происходящим. Стройная женщина с пучком кос, одна из амазонок Алии, прошла мимо Джессики, склонилась над священником, выпрямилась и объявила:

– Он мертв.

– Уберите тело, – приказала Алия, сделав знак рукой охране, стоявшей у помоста. – Поставьте на место трон госпожи Джессики.

Итак, ты решила спрятать все концы в воду, – подумала Джессика. – Неужели Алия думает, что ей удастся кого-то одурачить? Аль-Фали воззвал к Кадис аш-Шалафу, к святым отцам фременской мифологии, как к своим защитникам. Но отнюдь не сверхъестественная сила пронесла в зал пистолет, хотя вход сюда с оружием строго воспрещен. Единственный ответ на эту головоломку – заговор, в который вовлечены люди Джавида, а судя по спокойному поведению Алии, она также является участницей этого заговора.

Старый наиб, обернувшись через плечо, тихо проговорил:

– Примите мои извинения, госпожа. Мы, люди Пустыни, пришли к вам, как к нашей последней отчаянной надежде, и теперь мы видим, что все еще нужны вам.

– Убийство матери не слишком к лицу моей дочери, – сказала Джессика.

– Племена узнают об этом, – пообещал аль-Фали.

– Если я была вам так нужна, то почему вы не обратились ко мне во время Большого Совета в сиетче Табр?

– Стилгар никогда не позволил бы нам это сделать.

Ах, – подумала Джессика, – это же старинное правило наибов! В Табре слово Стилгара – закон.

Тем временем на помосте восстановили трон Джессики. Алия жестом пригласила мать занять свое место.

– Пусть все запомнят смерть этого изменника. Те, кто угрожает мне, погибнут, – она взглянула на аль-Фали. – Я выражаю вам свою признательность, наиб.

– Признательность за ошибку, – тихо пробормотал аль-Фали и взглянул на Джессику. – Вы были правы. Моя ярость – причина того, что погиб тот, кого можно и должно было допросить.

– Запомните тех двух придворных и женщину в пестром одеянии, федайкин. 2Их надо схватить и допросить», – прошептала в ответ Джессика.

– Будет исполнено, – ответил наиб.

– Если мы выберемся отсюда живыми, – произнесла Джессика. – Пошли, будем дальше играть свои роли.

– Слушаю и повинуюсь, госпожа.

Вместе они вернулись к помосту. Джессика заняла свое место на троне, а наиб встал у подножия трона на месте просителя.

– Итак, – провозгласила Алия.

– Одну минуту, дочь моя, – заговорила Джессика. Она подняла вверх простреленный рукав и на виду у всех просунула палец в отверстие. – Целью нападения была я. Пуля

едва не нашла свою мишень, хотя я вовремя среагировала. Но пистолета вы уже не найдете. На трупе его нет. Кто его взял?

В ответ в зале воцарилась мертвая тишина.

– Вероятно, это все же можно выяснить, – сказала Джессика.

– Какая чепуха! – крикнула Алия. – Это я была...

Джессика вполоборота повернулась к дочери и махнула рукой, приказав Алие замолчать.

– У кого-то из людей в зале – пистолет. Ты не боишься, что...

– Пистолет взял один из моих стражей.

– Пусть этот страж принесет оружие мне, – потребовала Джессика.

– Его уже унесли отсюда.

– Как это удобно, – язвительно произнесла мать.

– О чем ты говоришь, – угрожающе спросила Алия.

Джессика позволила себе жестокую усмешку:

– Я говорю о том, что двоим из твоих людей было приказано спасти этого изменника. Я предупредила их, что если он умрет, то умрут и они. Они умрут.

– Я запрещаю это!

В ответ Джессика лишь пожала плечами.

– Перед нами стоит храбрый наиб, – заговорила Алия. – Наш спор может подождать.

– Он может ждать вечно, – ответила мать на языке чакобса. Потайной смысл фразы заключался в том, что ничто не сможет предотвратить смертный приговор.

– Посмотрим, – ответила Алия. – Для чего ты пришел сюда, Гхадхеан аль-Фали?

– Увидеть мать Муад'Диба, – ответил наиб. – Что еще остается федайкину? Наше братство, служившее ее сыну, собрало деньги на проезд сюда и на взятки алчным чиновникам, которые скрывают от Атрейдесов правду об Арракисе.

– Если федайкины чего-то хотят, то им стоит всего лишь... – начала говорить Алия, но ее перебила Джессика.

– Он пришел ко мне, – сказала она. – В чем состоит твоя отчаянная нужда, федайкин?

– Здесь я говорю от лица Атрейдесов, – протестующе возвысила голос Алия. – Итак, в чем...

– Замолчи, смертоносная Мерзость! – взорвалась Джессика. – Ты пыталась меня убить, доченька! Я говорю это в присутствии всех. Ты при всем желании не сможешь убить всех присутствующих, чтобы заткнуть им рот, как убила этого священника. Да, удар наиба мог убить этого человека, но его можно было спасти. Его можно было допросить! Тебя совершенно не волнует то обстоятельство, что он мертв и не сможет ничего сказать. Ты можешь протестовать сколько тебе угодно, но твоя вина доказывается твоими действиями!

Алия в оцепенении застыла на месте, лицо ее покрылось мертвенной бледностью. Наблюдая за лицом дочери, Джессика вдруг с ужасом заметила, что пальцы Алии выбивают дробь, которую когда-то выбивал в напряженных ситуациях смертельный враг Атрейдесов. Дважды удар мизинцем, трижды – указательным пальцем, средним – дважды, мизинцем еще один удар, средним пальцем – два и... все сначала в той же последовательности.

Старый барон!

Алия проследила за взглядом матери и посмотрела на свою руку, перестала барабанить пальцами и снова посмотрела на Джессику, чтобы подтвердить страшную догадку. Лицо Алии исказилось злобной ухмылкой.

– Ты решила направить свою месть на нас? – прошептала Джессика.

– Мама, ты сошла с ума?

– Хотелось бы, – произнесла Джессика. Она знает, что я доложу об этом Общине Сестер. Она знает. Она даже подозревает, что я сообщу об этом фрименским племенам, и тогда ей не избежать Суда Одержимых. Она не может выпустить меня отсюда живой.

– Наш храбрый федайкин ждет окончания нашего спора, – напомнила Алия.

Джессика усилием воли переключила внимание на старого наиба:

– Ты явился сюда, чтобы встретиться со мной, Гхадхеан?

– Да, моя госпожа. Мы, люди Пустыни, видим, что происходят страшные события. Маленькие Дельцы объявляются в Пустыне, как о том предупреждали нас древние пророчества. Шаи-Хулуда можно отыскать теперь только в Великой Пустоши. Мы покинули и предали нашего друга – Пустыню!

Джессика взглянула на Алию, но та молча дала матери знак продолжать. Джессика оглядела зал – на всех лицах была написана тревога. Ссора между матерью и дочерью продолжала занимать всех, и людям было странно видеть, что аудиенция продолжается. Джессика снова обратила свое внимание на аль-Фали.

– Гхадхеан, кто такие эти Маленькие Дельцы, и почему ушли песчаные черви?

– Мать Влаги, – ответил наиб, называя Джессику старым фрименским титулом, – в Китаб аль-Ибар содержится предупреждение об этом. Мы на коленях умоляем тебя: пусть никто не забудет, что в тот день, когда умер Муад'Диб, Арракис перевернулся! Мы не можем, не имеем права покинуть Пустыню.

– Ха! – презрительно скривилась Алия. – Все это – суеверный бред на тему экологической трансформации. Они...

– Я слушаю тебя, Гхадхеан, – сказала Джессика.

– Если исчезнут черви, исчезнет и Пряность. Если же исчезнет Пряность, то, где мы возьмем деньги, чтобы жить?

Под сводами зала эхом разнесся общий вздох.

Алия пожала плечами:

– Суеверный вздор!

Аль-Фали поднял правую руку и указал на Алию:

– Я говорю с Матерью Влаги, а не с Коан-Тин!

Алия изо всех сил вцепилась в ручки трона, больше ничем не выказав своей злобы.

Аль-Фали снова обратил свой взор на Джессику:

– Когда-то это была земля, на которой ничего не росло. Теперь у нас есть деревья и другие растения. Они расползлись по планете, словно черви по кровоточащей ране. В поясе Дюны появились облака и пошли дожди! Дожди, моя госпожа! О, драгоценная мать Муад'Диба, подобно сну, дождь в поясе Дюны – это брат смерти. Это смерть для всех нас.

– Мы делаем только то, что начали Лиет-Кинес и сам Муад'Диб, – запротестовала Алия. – Что за суеверная болтовня? Мы преклоняемся перед словами Лиет-Кинеса, который сказал: «Я желаю видеть всю планету покрытой деревьями». И так будет.

– А как быть с червями и Пряностью? – спросила Джессика.

– Часть Пустыни все равно останется, – ответила Алия, – и черви выживут.

Она лжет, – подумала Джессика. – Почему она лжет?

– Помоги нам, Мать Влаги, – умоляюще проговорил аль-Фали.

У Джессики внезапно возникло двойное видение, сознание словно накренилось под воздействием слов наиба. Ошибки быть не могло – это адаб, память, которая возникает в мозгу сама по себе. Эта память не имеет определенных свойств и парализует все внешние чувства, а в сознание в это время проникают уроки прошлого. Это состояние охватывает человека целиком, он запутывается в нем, словно рыба в сетях. Однако это наиболее человеческое из всех состояний, воспоминание о творении. Каждый элемент этого урока реален, но не поддается описанию, он беспредметен в силу своей изменчивости. Именно это и есть в чистом виде предзнание, которое выкристаллизовывается в абсолютное знание истины. Это знание стало причиной гибели сына.

Алия солгала, потому что она одержима одним из тех, кто хочет уничтожить род Атрейдесов. Она сама пала первой жертвой этой войны. Аль-Фали говорит правду. Черви

обречены, если не изменить способ экологической трансформации.

Подавленная этим откровением, Джессика оглядела людей в Зале Аудиенций. Движения их словно бы замедлились, и роль каждого из них стала ясна Преподобной Матери. Одни понимали, что Джессике не уйти из зала живой! Сознание соединило Джессику с ними ярким светом, как путеводной нитью, – люди были растеряны, притворялись, что спотыкаются, наталкиваясь друг на друга, группки смешались. Она понимала, что если покинет Большой Зал, то неминуемо попадет в руки других убийц. Алие все равно, станет ли ее мать мученицей или нет. Точнее даже было бы сказать, что это безразлично тому существу, которым одержима ее дочь.

В эту страшную минуту Джессика нашла способ спасти старого наиба и послать его из зала как вестника. Путь из зала был свободен. Как все просто! Перед ней стояли фигляры с заложенными ушами, плечи их опущены в знак пассивной защиты. Каждое существо на полу зала было коллизией бесплодной драмы, плоть этих людей можно было отделить от костей, обнажив омерзительные скелеты, коими они в действительности и являлись. Их тела, одежды, лица – все это воплощения их личного персонального ада – иссушенной груди запечатленного ужаса, блестящая наживка фальшивого камня заменила собой рыцарские доспехи; уста были готовы изрыгнуть любую истину, чтобы только избавиться от страха; брови были подняты, отражая возвышенные религиозные чувства, не усвоенные чреслами.

Джессика почувствовала разрушительную силу, которая грозила уничтожить сформированный мир Арракиса. Голос аль-Фали послужил сигналом, разбудившим зверя, дремавшего в глубинах ее души.

Спустя мгновение, Джессика вернулась в реальный мир движений, но это была уже не та вселенная, занимавшая ее ум всего секунду назад.

Алия начала было говорить, но Джессика грубо перебила ее:

– Молчать! Здесь присутствуют те, кто испытывает страх по поводу моего безусловного возвращения в лоно Общины Сестер. Но с того дня, когда фримен преподнес дар жизни мне и моему сыну, я сама стала фрименкой! – Она перешла на древнее фрименское наречие, которое могли понять только те, кому предназначались слова Джессики. – Онсар акхака зелиман ав маслумен! Поддержи в несчастье брата своего, прав он или не прав!

Слова Джессики произвели желаемый эффект, в зале произошло заметное движение.

Но Джессика уже пришла в ярость и не могла остановиться:

– Этот Гхадхеан аль-Фали, честный фримен, явился сюда сказать то, что должны были открыть мне другие, и пусть никто не смеет это отрицать! Экологическая трансформация превратилась в экологическую катастрофу, вышедшую из-под нашего контроля.

Всеобщее молчание было лучшим подтверждением правоты Джессики.

– Моя дочь наслаждается этой катастрофой! – продолжала Джессика. – Мектуб аль-меллах! Ты разрываешь мою плоть и сыпешь в раны соль! Почему Атрейдесы обрели свой дом здесь? Потому что мохалата оказалась для нас естественной. Для Атрейдесов правление всегда было партнерством во имя защиты подданных, а фримены называют это своим словом мохалата. Теперь посмотрите на нее! – Джессика указала рукой на Алию. – По ночам она смеется, одержимая искушениями зла! Производство Пряности упадет до нуля или до ничтожной доли современного уровня! И когда слово об этом вырвется наружу...

– Мы все равно останемся главными производителями этого бесценного продукта во Вселенной! – закричала Алия.

– Мы будем главными в аду! – яростно вскричала в ответ Джессика.

Алия заговорила на древнем языке Атрейдесов, языке, изобилующем гортанными звуками и толчками.

– Теперь ты все знаешь, мама! Ты что, думала, что бабка барона Владимира Харконнена не одобрит все те жизни, которые ты навязала мне прежде, чем я успела появиться на свет? Когда я пришла в ярость от того, что ты со мной сделала, то я просто спросила себя, что сделал бы в этой ситуации барон. Но он ответил! Понимаешь, Атрейдесова сука? Он ответил мне!

Джессика физически ощутила яд, который источали слова Алии, и поняла, что ее догадка полностью оправдалась. Мерзость! Алия порабощена изнутри, одержима кагуэтом зла, бароном Владимиром Харконненом. Барон сам говорит устами Алии, нисколько не беспокоясь, что именно она раскрывает. Он хочет видеть, как она осуществит его мщение, хочет убедиться, что его нельзя изгнать из души дочери Джессики.

Я осуждена оставаться здесь в полной беспомощности своего знания. – Осознав это, она встала и направилась к пути, который видела в состоянии адаба.

– Федайкины, за мной! – скомандовала она.

В зале было шесть федайкинов. Пятеро из них немедленно оказались возле Матери Влаги.

* * *

Если я слабее тебя, то я прошу у тебя свободы, ибо это согласуется с твоими принципами; если же я сильнее тебя, то я отнимаю у тебя свободу, ибо это согласуется с моими принципами.

Слова древнего философа, приписываемые Харком аль-Ада некоему Луи Вейо

Лето выглянул из потайного выхода из сиетча, пригнулся, чтобы посмотреть, что находится за нависшим выступом скалы, закрывавшей ему обзор. Вечернее солнце оттеняло длинные, казавшиеся черными трещины в скалах.

Бабочка-скелет то ныряла в тень, то вылетала на свет, причудливые переплетения жилок крыльев отчетливо виднелись на фоне прозрачных перепонок. Каким нежным созданием выглядит эта бабочка в этом суровом уголке, – подумал Лето.

Прямо перед мальчиком раскинулся абрикосовый сад, в котором работали дети, собирая упавшие на землю плоды. За садом пролегал канал. Они с Ганимой ускользнули от охраны, быстро смешавшись с толпой возвращавшихся в сиетч рабочих. Оказалось очень несложно проползти по вентиляционной трубе к потайному выходу. Теперь оставалось только слиться с работающими детьми, пройти к каналу и выбраться к туннелю. Там принцу и принцессе предстояло пройти мимо хищной рыбы, которая охраняла племенную систему ирригации от засорения песчаными форелями. Ни одному фримену не пришло бы в голову, что найдется человек, рискнувший погрузиться в воду.

Лето выступил из защитного прохода. По обе стороны простирались скалы. Мальчик полз, и ему казалось, что скалы прилегли на землю отдохнуть.

Следом за братом ползла Ганима. У обоих в руках были маленькие плетеные из Пряности корзинки для фруктов, в которых, правда, находились пистолеты, ножи, фримпакеты и… костюмы, присланные Фарад'ном.

Вслед за братом Ганима проскользнула в абрикосовый сад, где они смешались с работающими детьми. Маски защитных костюмов закрывали все лица. Было такое впечатление, что работников стало на двоих больше, но Ганима чувствовала, что то, что они делают, уводит их от привычной безопасности и известного образа жизни. Как просто было сделать этот шаг – шаг от одной опасности к другой!

Лежавшие в корзинках новые костюмы от Фарад'на преследовали цель, хорошо понятную обоим. Ганима подчеркнула это знание, вышив на груди каждого костюма слова: «Мы отвечаем».

Скоро должны были наступить сумерки. За каналом, отмечавшим границу сиетча, начинался новый мир, в котором вечера не походили на вечера в любом другом месте Вселенной. То был мягко освещенный мир Пустыни с его одиночеством, насыщенным ощущением того, что каждое существо в этом мире одиноко в новой Вселенной.

– Нас видели, – прошептала Ганима, наклонившись к брату.

– Охрана?

– Нет, другие, – ответила девочка.

– Хорошо.

– Нам надо быстрее двигаться, – сказала Ганима.

Лето выразил свое согласие действием: он быстро направился через сад от скал. В голове билась мысль отца: В Пустыне надо двигаться, иначе погибнешь. Вдалеке на фоне песков вырисовывался Спутник, напоминание о вечной подвижности. Скалы лежали на песке, полные величавой статичности и загадочности, уменьшаясь с каждым годом под ударами песчаных бурь. Скоро и Спутник превратится в песок.

Приблизившись к каналу, брат и сестра услышали музыку, доносившуюся с башни над воротами сиетча. Играл фрименский оркестр традиционного состава: двухклапанная флейта, тамбурины и тимпаны – огромные барабаны из пластика, обтянутые на одном конце кожей. Никто никогда не интересовался, с какого животного умудрились содрать столько кожи.

Стилгар вспомнит, что я говорил ему у расщелины Спутника, подумал Лето. Он пойдет в темноте, когда будет уже поздно, и все поймет.

Тем временем дети подошли к каналу, проскользнули в открытую трубу и взобрались по лестнице на служебную галерею. В трубе канала было темно, сыро и холодно, слышались всплески от ударов хвоста хищной рыбы. Любая песчаная форель, вздумавшая стащить воду из канала,

немедленно подвергнется атаке рыбы. Людям тоже было не вредно поберечься рыбы.

– Осторожно, – предупредил сестру Лето, ступив на скользкий настил галереи. Его память была полна воспоминаний о событиях, никогда не происходивших с его собственной плотью. Ганима следовала за братом.

Подойдя к концу трубы, они сбросили защитные костюмы и надели новые присланные Коррино одежды. Старую фрименскую одежду они оставили на месте и взобрались в другую инспекционную трубу, преодолели дюну и спустились с противоположного склона. Скрытые от сиетча дюной, они вытащили из корзинок пистолеты, ножи и накинули на плечи фримпакеты. Музыка затихла.

Лето встал и направился по долине между дюнами.

Ганима старалась не отстать, двигаясь за братом и спотыкаясь с непривычки в зыбком песке.

Прячась за гребнями дюн, они часть пути преодолевали ползком и часто оглядывались, опасаясь погони. За все время пути им не встретился ни один охотник. Дети пришли к скалам.

В тени скал они обошли Спутник и взошли на наблюдательную вышку. Краски бледа тускнели в сумерках. Темнеющий воздух был кристально хрупок. Ландшафт, расстилавшийся перед их глазами, не знал жалости и нигде не кончался – в нем не было намека на сомнение. Глазу не на чем было задержаться в этой огромности.

Вот он, горизонт Вечности, подумал Лето.

Ганима подобралась к брату. Скоро последует нападение, – подумала она. Она прислушивалась к доносившимся звукам, все ее тело, казалось, состояло теперь из органов чувств.

Лето был предельно собран. Он понимал, что сейчас наступила кульминация всего того, чему были научены люди, населявшие его память. В этой глуши жизнь зависит от восприятия и только от него. Жизнь становится

хранилищем восприятий, каждое из которых служит непосредственно выживанию.

Ганима взобралась на скалу и через расселину взглянула на путь, который они с Лето преодолели. Надежность и безопасность сиетча остались в каком-то другом измерении времени, казалось, что они ушли оттуда вечность тому назад. Из земли поднимались массивы темных скал, контрастно выделявшихся на фоне коричневато-пурпурной почвы. Пыльный горизонт серебрился в лучах закатного солнца. Никаких преследователей не было пока видно. Ганима вернулась к Лето.

– Это будет хищный зверь, – сказал он. – Таковы мои логические расчеты.

– Ты слишком рано их закончил, – ответила Ганима. – Будет не один зверь. Дом Коррино никогда не складывает свои надежды в один мешок.

Лето согласно кивнул.

Его сознанию вдруг стало очень тяжело от того множества жизней, которые теснились там вследствие его несхожести с другими. Все эти жизни принадлежали ему еще до рождения. Он был насыщен жизнью и был бы рад избавиться от собственного перегруженного сознания. Внутренний мир был хищным зверем, способным пожрать своего обладателя.

Охваченный беспокойством, он взобрался к расселине, от которой только что спустилась Ганима, и посмотрел на скалы сиетча. Там, вдалеке, линия канала делила мир между жизнью и смертью. На краю оазиса виднелись верблюжий шалфей, луковая трава, гобийская перистая трава и дикая люцерна. В последних отблесках заката было видно, как птицы из поднебесья падали в заросли люцерны в поисках пищи. Ветер поднял пыль и мелкий песок и погнал эту тучу на абрикосовый сад. Это движение тени овладело сознанием Лето, внутри этих теней он разглядел скрытые текучие, изменчивые формы, открывшие в небе серебристую радугу на затянутом пылью небе.

«Что же здесь будет происходить?» – мысленно спросил себя Лето.

Он понял, что это будет либо смерть, либо игра со смертью, причем объектом охоты будет он сам. Ганима вернется в сиетч, веря в реальность смерти брата, либо под воздействием гипнотической компульсии искренне думая, что он действительно убит.

Неизведанность этого места не давала Лето покоя. Он подумал о том, как легко поддаться искушениям предзнания, рискнуть и запустить сознание по пути абсолютного знания будущего. Видение его сна было, однако, достаточно дурным. Но мальчик знал, что на более подробное видение он не решится.

Он вернулся к Ганиме.

– Пока никого не видно, – сказал он.

– Звери, которых они натравят на нас, должны быть большими, – сказала Ганима. – Возможно, мы сумеем увидеть их заранее.

– Да, если они не придут глубокой ночью.

– Скоро совсем стемнеет, – сказала она.

– Да, и нам пора перейти в наше место, – он указал рукой на скалу слева, в базальтовом основании которой песок и ветер образовали маленькое отверстие. Оно было достаточно большим, чтобы в нем поместились дети, но слишком малым для того, чтобы в него протиснулся крупный зверь. Лето не хотел идти туда, но чувствовал, что это необходимо. Именно это место он указал Стилгару.

– Они могут убить нас, – сказал Лето.

– Нам придется положиться на случай, – ответила Ганима. – Это наш долг перед отцом.

– Не спорю.

Мы на верном пути и поступаем правильно, – подумал он при этом. Но Лето понимал, что самое опасное в нашем мире – это быть правым. Их с сестрой выживание зависело сейчас всецело от быстроты и физической тренированности, а также понимания своих ограничений в каждый данный

момент. Фрименский обычай был лучшим вооружением, а знания Бене Гессерит – той силой, которая придавала запас энергии. Они мыслили и действовали сейчас, как ветераны войска Атрейдесов, не имеющие никакой защиты, кроме фрименского упорства и закалки, которые никак не вязались с их детским обличьем и нарядом.

Лето дотронулся до рукоятки отравленного ножа, висевшего у него на поясе. Ганима непроизвольно повторила его жест.

– Будем спускаться? – спросила она. Произнося эти слова, Ганима уловила далеко внизу какое-то движение, едва заметное движение, угроза которого была скрыта расстоянием. Она застыла, и Лето насторожился прежде, чем Ганима успела произнести слова предупреждения.

– Тигры, – сказал он.

– Лазанские тигры, – поправила она брата.

– Они видят нас, – сказал он.

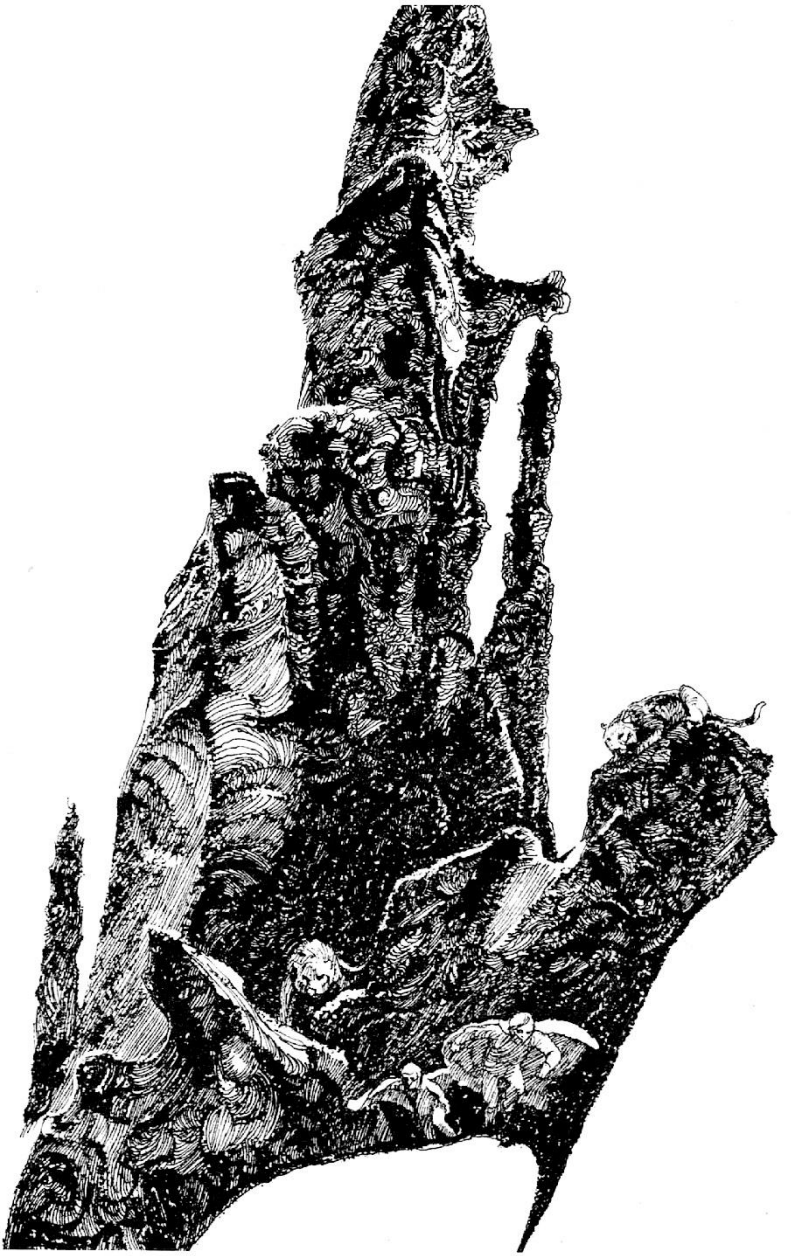
– Нам лучше поспешить, – сказала Ганима. – Пистолеты не остановят этих тварей. Они слишком хорошо натасканы.

– Где-то здесь находится человек, который их направляет, – произнес Лето, бегом направляясь к расположенной слева скале.

Девочка согласилась, но не стала ничего говорить, чтобы поберечь силы и не сбивать дыхание. Где-то здесь находится человек.

Звери стремительно перемещались в тусклом свете наступающей ночи, прыгая от скалы к скале. У лазанских тигров отменное зрение, но скоро наступит ночь – время животных с отличным слухом. Пронзительно закричала ночная птица, словно оповещая обитателей Пустыни о наступлении темноты. Скоро в расселинах скал начнут шевелиться ночные охотники.

Бегущие близнецы все еще хорошо видели тигров. Звери неслись в полном сознании своей силы, преисполненные уверенностью.

1231

Лето почувствовал, что стоит ему споткнуться, как душа расстанется с телом. Он бежал с твердым знанием того, что они с Ганимой успеют добежать до спасительной скалы, но, оглядываясь, он не мог оторвать зачарованного взгляда от приближавшихся зверей. Одно падение, и мы погибли, – подумал он.

Эта мысль уменьшила уверенность, и он прибавил темп.

* * *

Вы, Бене Гессерит, называете свою деятельность – Оружие Пророчества – «Наукой религии». Что ж, я, ищущий образ совершенно иного ученого, нахожу, что это вполне адекватное определение. В самом деле, вы создаете свой миф, но точно так же поступает любое общество. Вас, однако, я должен кое о чем предупредить. Вы ведете себя так же, как вели себя в прошлом многие ученые, ослепленные блеском собственных идей. Ваши действия доказывают, что вы стремитесь отнять у жизни ее неотъемлемое свойство. Настало время напомнить вам то, что вы сами предсказываете: не существует такой вещи, которая не имела бы своей противоположности.

Арракинский Проповедник. Послание Общине Сестер

В этот предрассветный час Джессика неподвижно сидела на потертом ковре в пещере древнего сиетча, озирая голые каменные стены. Бедный и суровый сиетч был расположен ниже края Красной Расщелины, который защищал поселение от беспощадного западного ветра Пустыни. Сюда привезли Джессику аль-Фали и его братья, а теперь все ждали слова Стилгара. Федайкины, однако, проявили мудрую предосторожность – Стилгар не знал, где в данный момент находится Джессика.

Федайкины прекрасно сознавали, что сейчас все они – объекты procés verbal – официального расследования их действий, направленных против Империи. Алия поняла, что ее мать – на стороне врагов государства, хотя Община Сестер явно не была упомянута. Здесь проявилась жестокая,

тираническая природа власти Алии, и теперь предстояло испытать истинность ее убеждения в том, что кто контролирует священников, тот контролирует фрименов.

Послание Джессики Стилгару было прямым и простым по содержанию: «Моя дочь одержима и подлежит суду».

Страх уничтожает понятие о ценностях, и многие фримены, как стало известно, не были склонны поверить в это обвинение. Попытка использовать его для выхода из резиденции Алии спровоцировала два столкновения в течение ночи, но людям аль-Фали удалось угнать два орнитоптера, и вот они здесь – в безопасности древнего сиетча Красной Расщелины. Сюда же было послано сообщение федайкинам, хотя здесь их оставалось не более двухсот человек, остальные заняли свои посты в других местах Империи.

Размышляя над этими фактами, Джессика подумала, не придется ли ей принять здесь смерть. Некоторые федайкины разделяли ее опасения, хотя смертники аль-Фали отнеслись к ним достаточно спокойно, а он сам только ободряюще улыбнулся Джессике, когда молодые бойцы заговорили о своих страхах, и сказал:

– Когда Бог желает, чтобы человек умер в определенном месте, то Он делает так, чтобы человек сам хотел направиться в это место.

Зашуршала залатанная занавеска, и в помещение, где сидела Джессика, вошел аль-Фали. Узкое, обветренное лицо старика было хмурым, глаза лихорадочно блестели – было заметно, что отдохнуть ему не пришлось.

– Кто-то идет, – сказал он.

– От Стилгара? – встрепенулась Джессика.

– Возможно. – Он потупил глаза и склонил голову влево, как поступают фримены, сообщая плохую весть.

– Что случилось? – властно спросила Джессика.

– Мы получили известие, что ваших внуков нет в Табре, – глухо произнес старик, по-прежнему не глядя на Джессику.

– Алия...

– Она приказала доставить детей под ее охрану, но ей сообщили, что близнецов в Табре нет. Это все, что мы знаем.

– Это Стилгар послал их в Пустыню, – высказала предположение Джессика.

– Возможно и это, но нам известно, что сам Стилгар искал их всю ночь. Может быть, это был с его стороны отвлекающий маневр.

– Это не похоже на Стилгара, – с сомнением в голосе проговорила Джессика и подумала: Если только он заранее не договорился с близнецами. Однако в этом деле явно не вязались концы с концами. Она удивилась, поняв, что не испытывает ни малейшей паники после того, что ей рассказала Ганима. Джессика взглянула на аль-Фали и прочла жалость в его глазах.

– Они ушли в Пустыню сами, – сказала она.

– Одни? Эти двое детей?

Джессика не стала говорить старику, что «эти двое детей» знают о том, как выжить в Пустыне получше любого самого закаленного фримена. Вместо этого она подумала о странном поведении Лето, когда он предложил ей не препятствовать устранению. Надо бы отложить до лучших времен эти воспоминания, но момент был решительный, и Джессика сказала тогда, что знает, когда надо будет подчиниться внуку.

– Посланник будет в сиетче с минуты на минуту. «Я пришлю его к вам», – сказал аль-Фали и вышел.

Джессика внимательно посмотрела на занавеску – она была выткана из волокон Пряности красного цвета, но заплаты на ней были синие. Все дело было в том, что этот сиетч отказался кормиться на религии Муад'Диба, чем заслужил открытую неприязнь священников Алии. Эти люди занимались разведением больших собак размером с пони; собак дрессировали для охраны детей, но недавно все собаки погибли. Вероятно, их отравили священники.

Джессика отвлеклась от своих размышлений, поняв, что они собой представляют: гхафла, бесполезные, раздражающие и отвлекающие мысли.

Куда ушли дети? В Якуруту? У них наверняка есть план. Они пытались все объяснить мне в тех пределах, в которых я была способна это понять, – припомнила Джессика. Когда эти пределы были, по его мнению, достигнуты, Лето приказал мне повиноваться без рассуждения.

Он приказал ей!

Лето понял, что делает Алия: это было совершено очевидно. Оба близнеца говорили о «несчастье», приключившемся с теткой, даже жалели и защищали ее. Алия играла на законности своего Регентства. Требование опеки над близнецами доказывало это. Джессика горько рассмеялась. Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам обожала разъяснять именно эту ошибку своей ученице Джессике. «Если ты концентрируешься только на сознании своей правоты, то противостоящая тебе сила подавит тебя. Это самая распространенная ошибка. Даже я в свое время ее совершила».

– И даже я, твоя ученица, ее совершила, – прошептала Джессика.

Она услышала шелест одежд за занавеской. Вошли два молодых фримена из сопровождения, которое они с аль-Фали собрали прошлой ночью. Эти двое испытывали благоговейный трепет в присутствии матери Муад'Диба. Джессика читала их, как открытую книгу: люди не склонны размышлять и думать, они лепятся к любой внешней силе, которая одна придает им чувство собственной идентичности. Если она не внушит им мысль, они останутся пусты, и в этом состоит их опасность.

– Нас прислал аль-Фали, чтобы подготовить вас, – сказал один из юношей.

Джессика почувствовала стеснение в груди, но, когда она заговорила, голос ее остался спокойным и ровным.

– Подготовить к чему?

– Стилгар прислал сюда своим вестником Дункана Айдахо.

Неосознанным жестом Джессика накинула на голову капюшон абы. Дункан? Но ведь он – орудие Алии.

Фримен отступил на полшага:

– Айдахо говорит, что явился для того, чтобы увезти вас в безопасное место, но я не понимаю, каким образом он собирается это сделать.

– Это и в самом деле становится очень странным, – проговорила Джессика, – но в нашем мире происходят и куда более странные вещи. Введите его.

Фримены переглянулись, но бросились выполнять приказание с такой поспешностью, что сделали еще одну прореху в и без того дышавшей на ладан занавеске.

В пещеру вошел Айдахо в сопровождении двух фрименов и аль-Фали, который замыкал шествие, держа руку на рукоятке ножа. На Дункане была надета полевая форма Личной Гвардии Атрейдесов, форма, которая практически не изменилась за последние четырнадцать столетий – только кинжал заменили на нож, но это незначительная мелочь.

– Мне сказали, что ты хочешь помочь мне, – промолвила Джессика.

– Да, каким бы странным ни показалось вам это желание, – ответил Айдахо.

– Разве Алия прислала тебя не для того, чтобы устранить меня?

Лишь легкий подъем бровей выдал удивление Айдахо. Его фасеточные глаза, изготовленные мастерами тлейлаксу, продолжали разглядывать Джессику с напряженным вниманием.

– Да, таков был ее приказ, – ответил он.

Костяшки пальцев аль-Фали, сжимавшего нож, побелели, но старик не пошевелился.

– Этой ночью я много думала о тех ошибках, которые я совершила в отношениях со своей дочерью, – сказала она.

– Их было много, – согласился с Джессикой Айдахо, – и за многие из них я несу равную с вами ответственность.

Только теперь Джессика заметила, как подрагивает лицо Дункана.

– Было очень легко выслушивать аргументы, которые увели нас в сторону, – сказала Джессика. – Я хочу покинуть это место… Ты… ты… хотел увидеть девушку, которая была бы юной копией меня.

В ответ Айдахо промолчал.

– Где мои внуки? – спросила Джессика внезапно охрипшим голосом.

Дункан в ответ моргнул:

– Стилгар считает, что они ушли в Пустыню и скрываются там. Возможно, они видели, что наступает кризис.

Джессика взглянула на аль-Фали и увидела, что старик помнит, что она предвидела это.

– Что делает Алия?

– Рискует спровоцировать гражданскую войну, – ответил Айдахо.

– Ты полагаешь, что дойдет и до этого?

В ответ Дункан только пожал плечами:

– Вероятно, нет, сейчас более мягкие времена. Многие люди склонны выслушивать приятные для себя аргументы.

– Согласна, – сказала Джессика. – Все очень хорошо, но все же, что с моими внуками?

– Стилгар найдет их, если…

– Да, я понимаю, – ясно, что теперь все зависит от Гурни Халлека. – Она отвернулась и посмотрела на каменную стену. – Алия сейчас ухватится за власть мертвой хваткой. – Джессика оглянулась на Айдахо: – Ты понимаешь? Власть надо держать очень деликатно. Если в нее вцепиться очень сильно, то рискуешь стать ее жертвой.

– Так мне всегда говорил мой герцог, – произнес Айдахо.

Шестым чувством Джессика поняла, что Дункан имеет в виду старшего Лето, а не Пола.

– Куда меня отвезут для… устранения?

Айдахо напряженно всмотрелся в Джессику, словно пытаясь проникнуть взглядом под капюшон.

Аль-Фали выступил вперед.

– Моя госпожа, вы что, всерьез думаете…

– Я уже не вправе решать свою собственную судьбу? – спросила женщина.

– Но этот… – Старик замолчал и кивнул в сторону Айдахо.

– Этот был моим верным телохранителем еще тогда, когда Алия не родилась на свет, – сказала Джессика. – Еще до того, как он погиб, спасая моего сына и меня. Мы, Атрейдесы, всегда помним такие одолжения.

– Так вы пойдете со мной? – спросил Айдахо.

– Куда ты ее отвезешь? – спросил аль-Фали.

– Тебе лучше этого не знать, – ответила Джессика старому фримену.

Аль-Фали нахмурился, но промолчал. На его лице отразилась нерешительность: он понимал мудрость слов Джессики, но не знал, можно ли доверять Айдахо.

– Что с федайкинами, которые помогли мне? – спросила Джессика.

– Они могут рассчитывать на поддержку Стилгара, если доберутся до Табра, – ответил Айдахо, и Джессика перевела взгляд на аль-Фали. – Я велю вам отправиться туда, мой друг. Стилгар сможет использовать федайкинов в поисках моих внуков.

Старый наиб склонил голову:

– Как будет угодно Матери Муад'Диба.

Он все еще повинуется Полу, – подумала Джессика.

– Нам надо быстрее убираться отсюда, – заговорил Айдахо. – Погоня будет здесь с минуты на минуту.

Джессика порывисто встала, демонстрируя плавность движений, которая была столь характерна для воспитанниц Бене Гессерит, даже испытавших удары возраста. А Джессика чувствовала себя очень старой после ночного бегства. Ум ее постоянно возвращался к разговору с внуком. Что он задумал на самом деле? Она покачала головой и поправила

капюшон, чтобы скрыть невольный жест. Как легко впасть в заблуждение и попасть в ловушку, недооценивая Лето. Жизнь в окружении обыкновенных детей приводит к неверному взгляду на наследственность, которой наслаждаются ее внуки.

Ее внимание привлекла поза Айдахо. Он стоял в расслабленной готовности ответить на нападение, выставив вперед одну ногу. Когда-то она сама научила его этой боевой стойке. Джессика быстро взглянула на двух молодых фрименов, потом на аль-Фали. Сомнения все еще обуревали старика, и молодые бойцы это чувствовали.

– Я готова доверить этому человеку свою жизнь, – сказала Джессика. – Это будет не в первый раз.

– Моя госпожа, – запротестовал аль-Фали. – Это же просто... – Он метнул на Айдахо яростный взгляд. – Ведь он муж Коан-Тин!

– Но его готовили мой герцог и я! – возразила Джессика.

– Но он же гхола! – аль-Фали выкрикнул эти слова.

– Он гхола моего сына, – напомнила наибу Джессика.

Это было слишком для бывшего федайкина, который когда-то поклялся поддерживать Муад'Диба до самой смерти. Он поклонился и отступил, подав знак молодым фрименам отодвинуть занавеску.

Джессика пошла к выходу, за ней Айдахо. В проеме она обернулась и обратилась к наибу:

– Иди к Стилгару. Ему можно доверять.

– Слушаюсь... – но в голосе его звучали ноты сомнения.

Айдахо тронул Джессику за рукав:

– Нам надо уходить. Вы ничего не хотите с собой взять?

– Только свой здравый смысл, – ответила она.

– Что? Вы все еще боитесь, что делаете ошибку?

Она взглянула на него снизу вверх:

– Ты всегда был нашим лучшим пилотом, Дункан.

Эти слова не удивили Айдахо. Он шагнул вперед и быстро пошел по дороге, которой явился сюда. Аль-Фали двинулся рядом с Джессикой:

– Откуда вы узнали, что он прилетел на топтере?

– На нем нет защитного костюма.

Наиб удивился такой наблюдательности, но продолжил:

– Наши люди привезли его прямо от Стилгара. Их могли выследить.

– Вас видели, Дункан? – спросила Джессика идущего впереди Айдахо.

– Вы же не хуже меня знаете ответ, – сказал Дункан. – Мы летели ниже вершин дюн.

Они свернули в боковой проход, спустились по винтовой лестнице и оказались в расширении пещеры, ярко освещенном светильниками. У стены стоял орнитоптер. Стена оказалась фальшивой, за ней была Пустыня. Даже в этом бедном сиетче сумели позаботиться о надлежащей маскировке.

Айдахо открыл дверь экипажа и помог Джессике войти в кабину. Она села на правое сиденье. Когда Айдахо пробирался мимо на кресло пилота, она обратила внимание на прядь волос, закрывавших лоб ментата. Невольно ей вспомнилось, как именно из этой части головы Айдахо хлынула кровь в той достопамятной пещере много лет назад. Стальной оттенок искусственных глаз вернул ее к реальности. Что было, то прошло. Она застегнула ремень безопасности.

– Давно мы не летали с тобой, Дункан, – сказала она.

– Да, страшно подумать, сколько лет прошло с тех пор, – откликнулся Айдахо.

Аль-Фали и молодые фримены принялись отодвигать фальшивую стену.

– Ты думаешь, что я все еще сомневаюсь в тебе? – мягко спросила Джессика.

Айдахо занимался проверкой двигателя, включил импеллеры, взглянул на показания приборов. Нежная улыбка коснулась его сурового, жесткого лица и сразу исчезла, словно ее и не было.

– Я все еще Атрейдес, – сказала Джессика, – но Алия потеряла это право.

– Не бойтесь, – проскрипел он в ответ. – Я все еще служу Атрейдесам.

– Алия больше не Атрейдес, – повторила Джессика.

– Не надо мне об этом напоминать, – вдруг огрызнулся Айдахо. – Замолчите, сейчас мы взлетим.

Отчаяние в его голосе не вязалось с тем Айдахо, которого она помнила. Подавив новый приступ страха, Джессика все же спросила:

– Куда мы все же летим, Айдахо? Теперь ты можешь мне это сказать.

Однако в ответ Дункан лишь подал знак аль-Фали и тот, повернув рукоятку механизма, сдвинул в сторону скалу. В пещеру хлынул серебристый свет яркого дня. Орнитоптер рванулся вперед и вверх, заревели двигатели, дрожа от напряжения, машина поднялась в воздух, и Айдахо направил ее на юго-запад, к Сахайскому хребту, темневшему на фоне бескрайних песков.

Наконец Дункан заговорил:

– Не думайте обо мне плохо, моя госпожа, – сказал он.

– Я не думаю о тебе плохо с тех пор, как ты однажды явился в Большой Зал Арракина, напившись где-то пива с Пряностью и горланя непристойные песни, – сказала Джессика, однако его слова снова возбудили в ней подозрения, и она приготовилась защищаться, расслабившись и входя в состояние прана-бинду.

– Я очень хорошо помню тот вечер, – заговорил Айдахо. – Как я был тогда молод и... неопытен.

– Ты и тогда был лучшим оруженосцем в свите моего герцога.

– Не совсем, моя госпожа. Гурни оказывался лучшим в шести случаях из десяти. – Он искоса взглянул на Джессику. – Кстати, где Гурни?

– Выполняет мое поручение.

Дункан покачал головой.

– Ты хотя бы сам знаешь, куда мы летим? – спросила женщина.

– Да, моя госпожа.

– Тогда скажи мне.

– Хорошо. Я обещал, что подготовлю вполне правдоподобный заговор против Атрейдесов. Есть только один способ сделать это. – Он нажал кнопку на штурвале, и из кресла Джессики вылетели скобы, которые зафиксировали ее тело, превратив женщину в кокон. Теперь Джессика могла двигать лишь головой. – Я отвезу вас на Салуса Секундус, к Фарад'ну.

Не сознавая, что делает, Джессика попыталась вырваться из захватов, но почувствовала, что они сдавливают ее тело, когда она начинает вырываться, и распускаются, когда она расслабляется. Под защитной оболочкой угадывалась прочная шиговая проволока.

– Замок захватов отключен, – произнес Айдахо, не поворачивая головы. – Да, да, и не пробуйте на мне свой Голос. Те времена, когда он на меня действовал, давно прошли. Тлейлаксу меня научили, как бороться с этими штучками.

– Ты служишь Алие, – сказала Джессика, – а она...

– Не Алие, – возразил Айдахо. – Мы выполняем волю Проповедника. Он хочет, чтобы вы научили Фарад'на тому, чему когда-то научили... Пола.

Джессика оцепенела в ледяном молчании, вспомнив слова Лето о том, что она скоро обретет интересного ученика. Собравшись с силами, она заговорила:

– Этот Проповедник – мой сын?

Голос Айдахо прозвучал глухо, словно издалека:

– Если бы я мог знать...

* * *

Вселенная здесь, она перед вами; единственно таким образом может федайкин рассматривать ее и оставаться при этом хозяином своих чувств. Вселенная не угрожает, но и не обещает. Она поддерживает порядок вещей, недоступный нашему воздействию: падение метеорита, цветение Пряности, старение и умирание. Это реальности вселенной и воспринимать их следует, невзирая на те чувства, которые мы при этом испытываем. Вы не можете словами справиться с этими реальностями. Они войдут к вам, не произнося слов, и тогда, только тогда вы поймете, что значит «жизнь и смерть», и понимание это наполнит вашу жизнь радостью.

Муад'Диб своим федайкинам

– Нам пришлось все это задействовать, – сказала Венсиция, – и делается это только ради тебя.

Фарад'н ничего не ответил, продолжая неподвижно сидеть напротив матери в ее утренних покоях. Золотистые лучи солнца падали на принца сзади, отбрасывая его тень на пол, покрытый белым ковром. Свет, отраженный от противоположной стены, рисовал прозрачный нимб вокруг волос матери. Венсиция была одета в свое обычное белое платье, отделанное золотом, – напоминание о былом королевском величии. Сужающееся книзу лицо было напряжено, но сын понимал, что мать следит за каждым его движением. Фарад'н внезапно почувствовал пустоту в желудке. Странно, ведь он только что позавтракал.

– Ты не одобряешь наши действия? – спросила Венсиция.

– Что я могу одобрять или не одобрять? – спросил сын.

– Ну... то, что мы до сих пор скрывали это от тебя.

– Ах, это. – Он изучающе посмотрел на мать, стараясь разобраться в том сложном положении, в котором он оказался. Но в голове билась только одна мысль – совсем недавно Фарад'н заметил, что Тиеканик перестал называть Венсицию «моя принцесса». Кстати, как он ее теперь называет? Королева-мать?

Почему я чувствую боль утраты? – подумал он. – Что я теряю? Ответ был очевиден: он теряет беззаботные дни, ту свободную игру ума, которая была столь мила его душе. Если удастся заговор, который сплела мать, то прежняя жизнь навсегда канет в прошлое. Все его внимание будет занимать новая ответственность, а это вызывало чувство неприятия. Как могут они позволять себе такие вольности, распоряжаясь его временем? Даже не посоветовавшись с ним самим!

– Выскажись, – приказала мать. – Я же чувствую, что что-то не так.

– Что, если план потерпит неудачу? – спросил он первое, что пришло ему в голову.

– Как он может потерпеть неудачу?

– Не знаю… Любой план может провалиться. Каким образом ты хочешь использовать в этом деле Айдахо?

– Айдахо? К чему этот интерес к… Ах, да – тот мистик, которого привозил сюда Тиек, не посоветовавшись со мной. Он был неправ. Кажется, мистик говорил об Айдахо, не так ли?

С ее стороны это была неуклюжая ложь, и Фарад'н удивленно уставился на мать. Она-то должна была знать о Проповеднике!

– Дело просто в том, что я никогда в жизни не видел гхола, – сказал он.

Она приняла эту игру.

– Мы приберегаем Айдахо для важных дел, – сказала она.

Фарад'н в задумчивости пожевал верхнюю губу.

Венсиция внезапно вспомнила его покойного отца. Временами Далак становился точно таким же – замкнутым, сложным; его было очень трудно читать. Вспомнила она и то, что Далак приходился родственником графу Хазимиру Фенрингу – в них обоих было что-то от денди и фанатика. Неужели Фарад'н унаследовал и эти качества? Она начала жалеть, что позволила Тиеку втянуть мальчика в религию Арракиса. Кто знает, куда это заведет Фарад'на?

– Как теперь называет тебя Тиек? – спросил сын.

– Что такое? – Венсиция была явно озадачена таким поворотом.

– Я заметил, что он перестал называть тебя «моя принцесса».

Как он наблюдателен, – подумала она, удивившись охватившему ее беспокойству. – Неужели он думает, что Тиек стал моим любовником? Вздор, это его бы нисколько не взволновало. Тогда к чему этот вопрос?

– Он называет меня «моя Госпожа».

– Почему?

– Потому что таков обычай всех Великих Домов.

В том числе и Атрейдесов, – подумал Фарад'н.

– Это вызовет меньше пересудов, если нас нечаянно услышат, – объяснила Венсиция. – Некоторые подумают, что мы отказались от своих легитимных притязаний.

– Кто же эти глупцы?

Мать поджала губы, решив оставить вопрос без ответа. Мелочь, конечно, но бывало, что из-за мелочей начинались большие войны.

– Госпоже Джессике не следовало покидать Каладан, – произнес Фарад'н.

Венсиция резко тряхнула головой. Что с ним? Его мысли блуждают, как у умалишенного!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ей не надо было возвращаться на Арракис, – сказал он. – Это плохая стратегия. Просто на удивление плохая. Было бы гораздо лучше отвезти на Каладан внуков.

Он прав, – подумала Венсиция. Какая досада, что это не пришло в голову ей самой. – Надо поручить Тиеку немедленно исследовать эту возможность. – Она снова тряхнула головой: Нет! Что задумал Фарад'н? Священники никогда не допустят, чтобы в космос полетели оба внука сразу.

Венсиция высказала эту мысль сыну.

– Священники или госпожа Алия? – спросил он, заметив, что сумел направить мысли матери в нужное ему русло.

Фарад'н начал находить странную радость в своей новой значительности – оказывается, в политических интригах тоже требуется игра ума. Правда, умом своей матери он уже давно перестал интересоваться – ею было очень легко манипулировать.

– Ты думаешь, что Алия хочет власти для себя? – спросила Венсиция.

Сын отвернулся. Конечно, Алия хочет власти для себя! Это подтверждают все донесения с той проклятой планеты. Мысли Фарад'на приняли иное направление.

– Я читал об их планетологе, – сказал он. – Кажется, должен появиться ключ к пониманию феномена песчаных червей и их гаплоидной стадии, тогда, если только...

– Оставь решать эти проблемы другим. – Венсиция начала терять терпение. – Это все, что ты можешь сказать о том, что мы сделали для тебя?

– Вы делали это не для меня, – сказал он.

– Что?!

– Вы делали это для Дома Коррино, – сказал Фарад'н. – Меня лично никто не принимал в расчет.

– На тебе лежит большая ответственность! – горячо заговорила мать. – Что будет с людьми, которые всецело зависят от тебя?

Этими словами Венсиция возложила на плечи сына огромную тяжесть, которую он ощутил чисто физически – велик груз всех тех надежд и мечтаний, которые обуревали Дом Коррино.

– Да, – сказал Фарад'н, – все это я понимаю, но некоторые вещи, которые вы делали от моего имени, я нахожу безвкусными.

– Без... Да как у тебя поворачивается язык? Мы делаем все, что делают другие королевские Дома для достижения своих целей!

– Так ли? Мне кажется, что вы перестарались. Нет! Не смей меня перебивать. Если мне суждено стать императором, то приучайся слушать меня. Вы что, думаете, я не умею

читать между строк? Каким образом дрессировали этих тигров?

На мгновение Венсиция потеряла дар речи, осознав способность сына к анализу.

– Понятно, – сказал он. – Я сохраню Тиеканика, поскольку это ты втравила его в некрасивую историю. Он хороший офицер и проявил свои качества во многих тяжелых ситуациях, но он будет отныне отстаивать свои принципы только на дружественном поле...

– Свои... принципы?

– Разница между хорошим и плохим офицером заключается в силе характера и способности действовать, раздумывая не больше пяти секунд, – сказал Фарад'н. – Ему придется придерживаться своих принципов всякий раз, когда им будет брошен вызов.

– Тигры были необходимостью, – сказала мать.

– Я поверю в это, если они добьются успеха, – произнес Фарад'н, – но я не стану смотреть сквозь пальцы на то, каким образом их дрессируют. Не возражай! Это очевидно. Их настроили, как механизм. Ты сама это говорила.

– Что ты собираешься делать? – спросила Венсиция.

– Ждать, что из этого выйдет, – ответил он. – Возможно, что я действительно стану императором.

Мать прижала руки к груди и вздохнула. Был момент, когда сын ужаснул ее. Она была готова поверить, что в следующую минуту он ее уничтожит. Принципы! Но теперь он вовлечен во власть, он проникся ею. В этом Венсиция была теперь твердо убеждена.

Фарад'н встал, подошел к двери и позвонил слугам матери. Он оглянулся.

– Мы закончили, не так ли?

– Да. – Она подняла руку в прощальном приветствии, видя, что сын уходит. – Куда ты собрался?

– В библиотеку. В последнее время меня очаровала история Дома Коррино. – Он вышел, унося с собой новое служение.

Будь она проклята!

Но Фарад'н знал теперь, что он проникся властью и интересом к ней. Он понял, почувствовал, что существует глубокая эмоциональная разница между историей, записанной на шиге и читаемой в минуты блаженной лени, и истинной историей, которую переживаешь на собственном опыте. Эта новая живая история охватила все его существо, унося в необратимое будущее. Принц чувствовал, что теперь его поведут устремления тех, кто связывает с ним свои чаяния. Странно только, что в эту картину не вписывались его собственные чаяния.

* * *

Говорят, что, когда однажды Муад'Диб увидел, как сквозь узкую щель между двумя камнями пробивается трава, он отодвинул в сторону один из камней. Позже, когда трава разрослась, Муад'Диб накрыл ее тем же камнем. «Такова ее судьба», – сказал он при этом.

Комментарии

– Давай! – крикнула Ганима.

Лето, бежавший на два шага впереди сестры, достиг расщелины и, не колеблясь, нырнул в нее и пополз вперед, пока тьма не окутала его. Он слышал, как Ганима проникла в расщелину вслед за ним. Затем наступила тишина, в которой раздался спокойный голос Ганимы:

– Я застряла.

Лето поднялся, понимая, что становится досягаем для смертоносных когтей, повернулся в узком проходе и пополз назад, пока не ухватился за протянутую руку сестры.

– Это одежда, – сказала девочка. – Она зацепилась за скалу.

Чувствуя, как под его ногами осыпаются камни, Лето сильно потянул, но без особого результата.

Снаружи доносились тяжкое звериное дыхание и рык.

Лето напрягся, уперся бедрами в камень и изо всех сил начал тянуть. Раздался треск разрываемой ткани, и Ганима рванулась к брату, зашипев от боли. Стараясь не обращать внимания на этот звук, Лето потянул еще раз, еще сильнее. Они были еще слишком близко к наружному концу расщелины. Лето опустился на четвереньки и пополз глубже, Ганима начала пробираться за ним и вскоре оказалась рядом с братом. Каждое ее движение сопровождалось учащенным, тяжелым дыханием; это подсказало Лето, что его сестра испытывает боль. Он добрался до конца узкого прохода и выглянул наружу. Отверстие зияло на высоте около двух метров, небо было усыпано звездами, которые вдруг загородила исполинская тень.

Раскатистое рычание заполнило убежище, в котором прятались близнецы. То был нутряной, угрожающий, древний звук – хищник, говорящий со своей жертвой.

– Насколько серьезна твоя рана? – спросил Лето, стараясь сохранять спокойствие.

Ганима поддержала тон брата:

– Один из них дотянулся до меня лапой и порвал левую штанину защитного костюма. Я чувствую, как у меня по ноге течет кровь.

– Сильно?

– Из вены. Я могу остановить кровотечение.

– Прижми рану, – сказал он, – и не двигайся. Я позабочусь о наших приятелях.

– Будь осторожен, – сказала девочка. – Они намного больше, чем я ожидала.

Лето извлек из ножен оружие и приподнялся. Он знал, что тигр попытается дотянуться лапой туда, куда не может протиснуться его массивное тело.

Медленно-медленно поднимал мальчик свой нож, пока лезвие не коснулось чего-то мягкого. Лето нанес удар такой силы, что едва не выпустил нож из руки. Сверху на его руку хлынула кровь, заливая и лицо. Сверху раздался оглушительный вой. Стали видны звезды. Огромная кошка,

издавая дикое мяуканье и дергаясь в судорогах, скатилась со скалы на песок.

Звезды снова исчезли, послышалось рычание следующего охотника. Второй тигр, не обращая внимания на судьбу своего предшественника, пытался проникнуть в расщелину.

– Какие они упорные, – заметил Лето.

– Одного ты точно убил, – сказала Ганима. – Послушай!

Вой и конвульсии внизу постепенно затихали, но сверху тяжкой громадиной навис другой тигр, закрывая собой звездное небо.

Лето вложил клинок в ножны и коснулся руки Ганимы.

– Дай мне свой нож. Нужен свежий яд, чтобы наверняка покончить и с этим.

– Ты не думаешь, что у них есть и третий – в резерве? – спросила сестра.

– Вряд ли, лазанские тигры охотятся парами.

– Так же, как мы, – горько пошутила девочка.

– Да, так же как мы, – согласился Лето. Ощупав протянутый ему рукояткой вперед нож, мальчик крепко взял его в руку и снова начал осторожное движение верх. Он тянулся и тянулся, не встречая цели. Вот Лето уже приподнялся до опасной черты. Лето опять присел, решив отложить попытку.

– Ты не можешь до него дотянуться? – спросила Ганима.

– Он ведет себя не так, как первый.

– Но он все еще здесь. Ты чувствуешь запах?

Лето попытался проглотить слюну – в горле пересохло от волнения. В нос ударил гнилостный, отдающий мускусом запах дикой кошки. Звезд не было видно по-прежнему. Первой кошки больше не было слышно. Яд ножа сделал свое дело.

– Думаю, что мне придется встать, – сказал Лето.

– Нет!

– Его надо поддразнить, чтобы ударить ножом.

– Да, но мы договорились, что если один из нас будет ранен, то...

– Ранена ты, значит, ты и вернешься.

– Но если ты получишь серьезную рану, то я не смогу тебя покинуть.

– Ты можешь предложить лучший вариант?

– Отдай мне мой нож.

– А твоя нога?

– Я вполне могу стоять на здоровой.

– Этот зверь может снести тебе голову одним ударом. Может быть, пистолет...

– Если с кошками человек, то он услышит выстрел и поймет, что мы готовы ко всему.

– Я не хочу, чтобы ты рисковала!

– Кто бы ни был там снаружи, он не должен знать, что у нас есть пистолеты. Пока не должен. – Она нежно прикоснулась к его плечу. – Я буду осторожна, пригну голову.

Лето молчал, и Ганима снова заговорила:

– Ты же понимаешь, что именно я должна это сделать. Отдай нож.

Лето неохотно подчинился. Нащупав в темноте руку сестры, он вложил в нее рукоять ножа. Решение Ганимы было логичным, но все чувства Лето восставали против такой логики.

Он почувствовал, как Ганима отодвинулась в сторону, услышал шорох песчинок на ее одежде. Девочка слегка застонала, и Лето понял, что она встала. Будь осторожна! – подумал он. Он был уже готов стащить ее вниз и настоять на применении пистолета. Но это могло стать предупреждающим сигналом для человека, который прячется где-то у скал. И что тогда? Они окажутся запертыми в этой ловушке с подстерегающим их снаружи раненым тигром.

Ганима сделала глубокий вдох и прижалась спиной к стенке расщелины. Все надо сделать быстро, – подумала она. Она протянула вперед руку с ножом. В том месте левой ноги, куда дотянулась лапа тигра, пульсировала сильная боль.

Штанина окончательно промокла, пропитавшись кровью, которая продолжала течь. Быстрее! Она погрузила свои чувства в спокойствие, предшествующее схватке по способу Бене Гессерит, отогнав от себя боль и все посторонние мысли. Кошка должна протянуть вниз лапу! Девочка не спеша провела ножом вдоль зева расщелины. Где же этот проклятый зверь? Она снова полоснула клинком воздух. Тигра надо спровоцировать на атаку.

Ганима осторожно потянула носом воздух. Теплое звериное дыхание доносилось слева. Она мысленно успокоила себя, сделала глубокий вдох и закричала: «Таква!» Это был старинный фрименский боевой клич, смысл которого был обозначен в самых древних легендах: «Цена свободы!» С этим кликом девочка выбросила вперед и вверх руку с ножом. Когтистая лапа ударила ее по руке прежде, чем клинок вонзился в звериную плоть. За то короткое мгновение, пока боль не стала нестерпимой, а кисть не онемела, Ганима успела ткнуть ножом вперед, поразив кошку. Клинок выпал из одеревеневших пальцев, но зато в расщелину стали снова видны звезды. Корчившееся в муках тело второго тигра покатилось вниз. Потом наступила мертвая тишина.

– Он задел мне руку, – сказала Ганима, пытаясь обмотать предплечье полой накидки.

– Сильно?

– Думаю, да. Я совершенно не чувствую кисть.

– Сейчас я зажгу свет и...

– Сначала давай накроемся.

– Я быстро.

Она услышала, как он достает из корзины фримпакет, разворачивает тент, прижимая его к стенкам убежища. Лето так спешил, что не стал пользоваться влагоуловителем.

– Мой нож лежит с этой стороны, – сказала Ганима. – Я чувствую его коленом.

– Пусть полежит.

Лето зажег походную лампу. Яркий свет заставил Ганиму зажмуриться. Лето поставил лампу на песок и ахнул, увидев

рану сестры. Коготь разорвал кожу и плоть от локтя до самой кисти. Рана вилась по руке спиралью, повторив вращательное движение, которое Ганима сделала, вонзая нож в лапу тигра.

Она взглянула на свою руку, закрыла глаза и принялась читать Литанию против страха.

Лето с радостью последовал бы примеру сестры, но взял себя в руки, отринул от себя эмоции и начал перевязывать рану. Надо было остановить кровотечение и одновременно сделать перевязку неумело и неуклюже, чтобы создать впечатление, будто Ганима перевязывала себя сама. Он даже заставил ее саму завязать узел, держа один конец бинта свободной рукой, а другой зажав зубами.

– Теперь давай займемся ногой, – сказал он.

Ганима повернулась, чтобы показать брату другую рану. Она оказалась сущим пустяком по сравнению с первой: два мелких пореза вдоль икры. Правда, раны продолжали кровоточить. Лето очистил их поверхность, перевязал и прикрыл повязку тканью костюма.

– В раны попало немного песка, – сказал он. – Обработай их как следует, когда вернешься домой.

– Песок в наших ранах, – нараспев протянула Ганима. – Старая фриженская история.

Лето натянуто улыбнулся и сел.

Ганима глубоко вздохнула:

– Ну вот все и кончилось.

– Еще не все.

Девочка судорожно сглотнула, стараясь справиться с пережитым потрясением. В ярком свете лампы была особенно заметна резкая бледность ее лица. Ганима напряженно размышляла: Теперь нам надо действовать очень быстро. Тот, кто управлял зверями, все еще находится где-то поблизости.

Лето, внимательно смотревший на сестру, вдруг испытал опустошающее чувство утраты. Грудь пронзила острая боль. Сейчас они с Ганимой должны будут расстаться. С самого

рождения они чувствовали себя единым целым, практически одним человеком. Но их план требовал разлуки, они и их отношения должны претерпеть метаморфоз, они разными путями снова придут к единству, но того единения, которое они испытывали, деля повседневную жизнь, уже никогда не будет.

Лето занялся рутиной.

– Это мой фримпакет, – сказал он. – Я брал из него бинты. Это могут заметить.

– Ты прав, – согласилась Ганима. Они поменялись фримпакетами.

– Тот, кто управлял тиграми с помощью передатчика, ждет нас, чтобы удостовериться, что мы живы. Этот тип находится где-то возле канала.

Ганима потрогала рукой пистолет, лежавший на фримпакете, взяла оружие и вложила его в кобуру под накидкой.

– Накидка совсем порвалась, – сказала девочка.

– Да.

– Скоро сюда придет поисковая группа, среди них может оказаться изменник, так что лучше тебе вернуться в Табр одной, – снова заговорил Лето. – Пусть тебя укроет Хара.

– Я... Я начну поиски изменника, как только вернусь домой, – пообещала сестра. Она буквально впилась взглядом в лицо брата, разделяя его болезненное знание, что с этого момента между ними начнут накапливаться различия. Никогда больше не будут они единым целым, никогда больше не будут они делить друг с другом знания, недоступные чужим.

– Я пойду в Якуруту, – сказал он.

– В Фондак, – поправила Ганима.

Лето согласно кивнул. Якуруту, или Фондак, – это, должно быть, одно и то же место. Только там может быть сокрыто легендарное место, и сделали это контрабандисты. Как им легко сменить название, действуя под прикрытием негласных договоров, с помощью которых они только и могли существовать. Правящая династия должна иметь

черный ход на случай непредвиденного бегства с планеты в экстремальных ситуациях. Символическое участие в промысле контрабандистов давало такую возможность. В Фондаке-Якуруту контрабандисты построили настоящий сиетч, который стороной обходили местные жители. Якуруту существовал тайно и в то же время открыто, лучше всякой гвардии охраняемый табу, которое не позволяло приближаться к нему простым фрименам.

– Ни одному фримену не придет в голову искать меня в том месте, – сказал Лето. – Они, конечно, наведут справки у контрабандистов, но...

– Мы все сделаем, как договорились, – сказала Ганима. – Это просто...

– Я знаю. – Услышав свой голос, Лето понял, что они оба оттягивают момент расставания, стремясь продлить свое чудесное тождество друг другу. Ганима же поняла, что уже смотрит на Лето сквозь завесу времени, на взрослого Лето. Слезы жгли девочке глаза.

– Еще рано отдавать свою воду мертвым, – сказал Лето и нежно провел пальцем по влажным щекам сестры. – Я отойду подальше, чтобы никто меня не услышал, и вызову червя. – Он указал рукой на крюки погонщика, прикрепленные к фримпакету. – Через два дня, перед рассветом, я буду в Якуруту.

– Езжай побыстрее, мой старый друг, – прошептала Ганима.

– Я вернусь к тебе, мой единственный друг, – сказал он. – Помни, будь предельно осторожна у канала.

– Выбери себе доброго червя, – произнесла Ганима древнюю формулу фрименского прощания. Левой рукой она выключила лампу и, зашелестев тентом, свернула его и уложила в сумку. Она почувствовала, как, выскользнув из расщелины, Лето направился в Пустыню.

Ганима собрала всю свою волю, чтобы сделать то, что она была обязана сделать. Лето должен умереть для нее. Она должна сама в это поверить. В ее мозгу нет места для

Якуруту и для брата, который ищет место, затерянное в дебрях фриженской мифологии. С этого момента она не должна думать о Лето, как о живом. Она должна приучить себя думать о брате, как о мертвом, как об убитом лапой лазанского тигра. Немного найдется людей, способных обмануть Вещающего Истину, но она сумеет… должна суметь. Те многие жизни, ведомые им с Лето, научили близнецов справляться с подобными трудностями; гипноз был стар, как мир, уже во времена царицы Савской, но только Ганима могла вызвать в своем сознании живой образ этой мудрой царицы. Имитация должна быть выполнена безупречно, и после ухода Лето Ганима довольно долго просидела в расщелине, приводя себя в состояние одинокой сестры, потерявшей брата. Она провела в скале ровно столько времени, сколько потребовалось для создания цельного образа. Внутренний мир девочки стал пуст, молчалив и неспособен вторгнуться в сознание. Это был побочный эффект, которого она не предусмотрела.

Если бы Лето был жив, я бы могла поделиться с ним моим открытием, – подумала она, и мысль не показалась ей парадоксальной. Поднявшись, она посмотрела на то место, где лазанский тигр убил ее брата. Где-то в песках возник и стал нарастать звук, столь знакомый фриженам: звук движения песчаного червя. Черви стали редкостью, но все же еще встречались. Может быть, мучительный вой первого тигра… Да, Лето успел убить одного тигра, прежде чем второй сумел достать его самого. В появлении червя была какая-то странная символика. Побуждение было так сильно, что Ганима явственно видела на песке три темных пятна – два тигра и Лето. Потом пришел червь, и только глубокая борозда осталась на песке в том месте, где прополз Шаи-Хулуд. Это был не очень большой червь… но и не слишком маленький. Волевым усилием девочка заставила себя не видеть маленькую фигурку на выгнутой спине червя.

Поборов свою печаль, Ганима запечатала фримпакет и осторожно выбралась из убежища. Положив руку на

пистолет, она внимательно осмотрела местность. Никаких признаков человека с передатчиком. Миновав скалы, она двинулась в путь, тщательно прислушиваясь, не бродит ли поблизости подстерегающий ее убийца.

В направлении Табра виднелись мерцающие огни фонарей – это двинулась в путь поисковая группа. Темное пятно двигалось по пескам к Спутнику. Ганима направилась к северу, чтобы по большой дуге обойти группу, прячась в тени дюн. Стараясь сбивать шаг с ритма, чтобы не вызвать червей, Ганима пошла по пути, отделяющему Табр от того места, где погиб Лето. Она знала, что особую осторожность надо соблюдать возле канала. Ничто не должно помешать ей рассказать, как умер брат, защищая ее от тигров.

* * *

Правительства, если они удерживаются у власти достаточно долго, всегда имеют тенденцию принимать аристократическую форму. Ни одно известное в истории правительство не избежало такого пути. По мере того, как развивается аристократия, правительство все в большей и большей степени начинает выражать интересы правящего класса – будь то потомственное дворянство, олигархи финансовых империй или укрепившаяся у власти бюрократия.

Политика, как повторяющийся феномен, «Учебное руководство Бене Гессерит»

– Почему он делает нам такое предложение? – спросил Фарад'н. – Это самое главное.

Принц и башар Тиеканик стояли в комнате отдыха личных покоев Фарад'на. Венсиция сидела здесь же, на низком голубом диване, скорее в роли зрительницы, нежели участницы. Она вполне осознавала свою унизительную роль, и это особенно бесило ее. После того как она открыла Фарад'ну суть заговора, в сыне произошла ужасающая и разительная перемена.

Время близилось к вечеру, приглушенный свет создавал ощущение комфорта в кабинете принца – помещение было уставлено книгами, выполненными в старинной манере из пластика, вдоль стен стояли стеллажи, заполненные проигрывающими катушками, блоками данных, кассетами шиги, мнемоническими умножителями. Все указывало на то, что этой комнатой часто пользовались по назначению. Потрепанные корешки книг, отполированный до блеска металл умножителей, потертые края блоков. В помещении был всего лишь один диван, но зато множество удобных, но отнюдь не роскошных стульев.

Фарад'н стоял спиной к окну. На нем была надета скромная черно-серая форма сардаукара, единственным украшением которой была золотая львиная лапа на петлицах. Он специально пригласил башара и мать в эту комнату, чтобы создать более непринужденную атмосферу, чем в формальном заседании в официальном зале приемов. Однако Тиеканик своими бесконечными «мой господин, то» и «моя госпожа, это» выдерживал дистанцию.

– Мой господин, я не думаю, что он сделал бы нам это предложение, если бы не мог его выполнить, – сказал Тиеканик.

– Конечно, нет, – вмешалась в разговор Венсиция.

Фарад'н покосился на мать, заставив ее замолчать.

– Мы не оказывали на него никакого давления, не делали никаких попыток обеспечить эту доставку, которую обещал Проповедник, не так ли?

– Нет, – ответил Тиеканик.

– Тогда почему Дункан Айдахо, известный своей фанатичной преданностью Атрейдесам, предлагает передать нам в руки госпожу Джессику?

– Поговаривают о каких-то беспорядках на Арракисе, – снова заговорила Венсиция.

– Эти слухи ничем не подтверждены, – отрезал Фарад'н. – Возможно ли, что это дело рук Проповедника?

– Вполне возможно, – сказал Тиеканик, – но я не вижу достаточного мотива.

– Он говорит о том, что ищет для Джессики убежища, – продолжал Фарад'н. – Это вполне правдоподобно, если слухи...

– Совершенно точно, – произнесла Венсиция.

– Однако это может оказаться и своеобразной военной хитростью, – проговорил Тиеканик.

– Мы можем выдвинуть несколько предположений и исследовать каждое из них, – предложил Фарад'н. – Что, если Айдахо впал в немилость у своей госпожи Алии?

– Этим можно объяснить происходящее, – сказала Венсиция, – но он...

– Что говорят контрабандисты, – перебил ее сын. – Почему бы нам...

– В это время года связь с ними всегда затруднена, – сказал Тиеканик, – и из соображений безопасности...

– Да, но тем не менее... – Фарад'н задумчиво покачал головой. – Мне что-то не слишком нравится это допущение.

– Не стоит слишком поспешно от него отказываться, – сказала Венсиция. – Все эти сплетни об Алие и священнике, как его...

– Джавиде, – подсказал Фарад'н. – Но очевидно, что этот человек...

– Он был для нас весьма ценным источником информации, – продолжала Венсиция.

– Я только что хотел сказать, что этот человек может быть и двойным агентом, – произнес принц. – Зачем ему самому обвинять себя в этом? Ему нельзя доверять, и для этого есть основания.

– Я их не вижу, – заупрямилась Венсиция.

Принца внезапно разозлила тупость матери:

– Примите мои слова как факт, матушка. Основания есть, я все объясню вам позже!

– Боюсь, что вынужден согласиться с вами, мой господин, – сказал Тиеканик.

Венсиция обиженно замолчала. Как они осмеливаются отодвигать ее на второй план, словно легкомысленную, пустоголовую бабенку? Словно у нее нет...

– Мы не должны забывать, что одно время Айдахо был гхола, – сказал Фарад'н. – Тлейлаксу... – он искоса взглянул на Тиеканика.

– Мы рассмотрим и эту возможность, – сказал башар. Он восхищался работой ума принца: быстро, пытливо, проницательно. Да, мастера тлейлаксу, восстановив личность Айдахо, могли вставить в его мозг некое приспособление, чтобы использовать Дункана в своих, неведомых пока целях.

– Но должен признаться, мне не удается понять их мотивов, – сказал Фарад'н.

– Вложение средств в наше достояние, – сказал Тиеканик. – Небольшая страховка на будущее?

– Я бы сказал, что это крупное вложение, – проговорил Фарад'н.

– И очень опасное, – вставила слово Венсиция.

На этот раз принц был вынужден согласиться с матерью. Способности госпожи Джессики были известны во всей Империи. Еще бы – ведь эта женщина учила самого Муад'Диба.

– Если узнают, что мы ее приютили, – ответил Фарад'н матери.

– Да, это будет обоюдоострый меч, – добавил Тиеканик. – Но надо сделать так, чтобы никто ничего не узнал.

– Допустим, – сказал Фарад'н, – что мы принимаем предложение. В чем ценность Джессики? Сможем ли мы в случае необходимости обменять ее на нечто более важное?

– Не в открытую, – сказала Венсиция.

– Естественно! – Он выжидательно посмотрел на Тиеканика.

– Об этом надо подумать, – ответил тот.

Фарад'н кивнул.

– Да, если мы примем предложение, то будем рассматривать госпожу Джессику как деньги, вложенные в банк на не

определенные до поры цели. В конце концов не обязательно надо на что-то сразу тратить имеющиеся деньги. Это может принести нам… потенциальную пользу.

– Это будет весьма опасная пленница, – предостерег принца Тиеканик.

– Над этим действительно стоит подумать, – согласился принц. – Мне говорили, что у Бене Гессерит есть способы воздействия на людей, и госпожа Джессика способна добиваться своего, просто изменяя интонации своего голоса.

– У них есть и телесные способы, – заговорила Венсиция. – Ирулан однажды рассказала мне об этом кое-что. Правда, сама я этого не видела. Однако вполне очевидно, что у воспитанниц Бене Гессерит существует масса способов добиваться своих целей.

– Уж не хотите ли вы сказать, матушка, – поинтересовался Фарад'н, – что она может меня соблазнить?

В ответ Венсиция только пожала плечами.

– Вам не кажется, что она для этого немного стара? – спросил Фарад'н.

– С этими людьми из Бене Гессерит нельзя быть ни в чем уверенным, – произнес Тиеканик.

Фарад'н почувствовал, что его охватывает волнение, смешанное со страхом. Игры в реставрацию Дома Коррино одновременно привлекали и отталкивали принца. Как было бы хорошо отказаться от всей этой суеты и снова погрузиться в любимые исторические изыскания, отправляя одновременно необременительные обязанности по управлению Салусой Секундус. Восстановление Сардаукарской гвардии само по себе было довольно нелегкой задачей, и Тиек был для этого незаменимым инструментом. Даже одна планета – это уже громадная ответственность. Но Империя… это куда большая ответственность, но и куда более привлекательное орудие власти! Чем больше принц читал о Муад'Дибе-Поле Атрейдесе, тем больше проникался он очарованием путей использования власти. Для него, титулованного главы Дома Коррино, прямого наследника

Шаддама Четвертого, было бы громадным достижением восстановить и взять штурмом Трон Львов. Он этого хочет! Он этого хочет. Повторяя это заклинание, эту литанию, Фарад'н сумел прогнать минутные сомнения.

Прислушавшись, он понял, что Тиеканик продолжает говорить:

– ... и конечно же, Бене Гессерит учит, что мир порождает агрессию, которая выливается в войну. Парадокс этого...

– Как мы будем решать этот вопрос? – спросил принц, прерывая поток отвлеченных рассуждений Тиеканика.

– Что такое? – сладким голосом спросила Венсиция, видя, что ее сын витает в облаках. – Я спросила Тиека, что он знает о философии, являющейся движущей силой Общины Сестер.

– Не стоит с излишним почтением относиться к философии, – резко произнес Фарад'н, повернувшись к Тиеканику. – Что же касается предложения Айдахо, то мне думается, что надо побольше о нем разузнать. Когда мы разберемся в этом частном вопросе, тогда и настанет момент заниматься побудительными мотивами и философией.

– Будет сделано, – сказал Тиеканик. Ему импонировала осторожная тактика Фарад'на, но башар надеялся, что эта медлительность не коснется принятия быстрых и точных военных решений.

– Вы знаете, что, на мой взгляд, самое интересное в истории Арракиса? – с деланым равнодушием спросил Фарад'н. – В древние времена каждый фримен был обязан убить любого, кто не одет в защитный костюм, который можно было распознать издалека по капюшону.

– Почему вас так очаровал защитный костюм? – поинтересовался Тиеканик.

– Вы это заметили, да? – спросил принц.

– Как же можно этого не заметить? – подала голос Венсиция.

Фарад'н раздраженно посмотрел на мать. Зачем она всюду сует свой нос? Он снова обратился к Тиеканику.

– Защитный костюм – это ключ к пониманию характера обитателей планеты, Тиек. Это тавро Дюны, ее символ. Люди сконцентрированы на физических характеристиках: защитный костюм предохраняет организм от потери жидкости, обеспечивает ее рециркуляцию. Только в нем можно существовать на этой планете. Вы же знаете, что в обычае фременов было иметь в доме защитные костюмы для каждого члена семьи, кроме собирателей пищи. Они представляли собой исключение, которое щадили. Но пожалуйста, заметьте оба... – при этих словах Фарад'н обернулся к матери, – что в последнее время по всей Империи распространилась мода на ношение имитации защитных костюмов. В настроениях людей доминирует желание подражать завоевателям!

– Вы действительно находите эту информацию ценной? – озадаченно спросил Тиеканик.

– Тиек, Тиек, да без такой информации невозможно править государством. Я сказал, что защитный костюм – ключ к пониманию характера, и это действительно так. Это – проявление консерватизма. Ошибки, которые они совершат, будут по своей природе консервативны.

Тиеканик бросил быстрый взгляд на Венсицию, которая, встревоженно нахмурившись, внимательно рассматривала сына. Характеристика, высказанная Фарад'ном привлекала и беспокоила башара. Как это не похоже на старого Шаддама! Перед ним сейчас стоял настоящий сардаукар: военный убийца, не знающий ненужных сомнений и колебаний. Шаддам пал под ударом Атрейдесов, которых вел проклятый Пол. Действительно, то, что он читал о Поле Атрейдесе, подтверждало характеристику, данную сейчас Фарад'ном. Возможно, Фарад'н, получивший воспитание сардаукара, будет меньше колебаться, чем Атрейдесы, будучи поставленным перед необходимостью совершить жестокость.

– Многие правили, не прибегая к таким тонкостям, – заметил Тиеканик.

Принц удивленно воззрился на башара.

– Правили и потерпели поражение, – сказал принц после недолгого молчания.

Тиеканик плотно сжал губы, поняв этот не слишком тонкий намек на правление Шаддама. То было и поражение сардаукаров, и ни один из них не мог легко относиться к подобным напоминаниям.

Фарад'н снова заговорил:

– Видите ли, Тиек, влияние планеты на подсознание массы обитателей никогда не оценивалось должным образом. Для того чтобы нанести поражение Атрейдесам, надо понимать не только Каладан, но и Арракис. На одной планете мягкие условия, на другой жесткие – эти условия приучают людей принимать столь же жесткие решения. То было уникальное событие – брак Атрейдеса и фрименки. Если мы не поймем природу этого явления, то не сможем не только нанести им поражение, но даже приспособиться к ним.

– Какое отношение имеют эти рассуждения к предложению Айдахо? – ехидно поинтересовалась Венсиция.

Фарад'н с жалостью взглянул на мать.

– Мы начнем поражать их, внеся смятение в их общество. Это очень мощное оружие: стресс смятения. Очень важно также отсутствие стресса. Вы не заметили, каким образом Атрейдесам удалось успокоить нашу планету?

Тиеканик коротко кивнул в знак согласия. Это был хороший знак. Сардаукар не должен быть излишне мягким. Однако предложение Айдахо продолжало тревожить принца.

– Пожалуй, нам стоит отклонить предложение, – сказал он.

– Давайте не будем спешить, – предложила Венсиция. – У нас есть выбор, наша задача – проанализировать весь спектр возможных решений. Мой сын прав: нам нужно больше информации.

Фарад'н внимательно посмотрел на мать, стараясь оценить ее намерения и значение сказанных ею слов.

– Но сможем ли мы понять, что нашли единственное верное решение? – спросил он.

До слуха Фарад'на донесся кислый смешок Тиеканика:

– Если бы спросили меня, то я бы сказал, что для нас дороги назад уже нет.

Фарад'н откинул голову и от души расхохотался:

– У нас есть еще альтернативные решения, Тиек! Когда мы дойдем до конца, то узнаем очень важные вещи!

* * *

В нашу эпоху, когда средства транспорта способны перемещать человека в глубинах космоса, минуя временные измерения, когда другие транспортные средства способны с головокружительной скоростью перемещаться по кажущимся непроходимыми ландшафтам, странно даже думать о пеших путешествиях. Тем не менее пешее передвижение остается главным на Арракисе. Этот факт можно отчасти объяснить привычным предпочтением, а отчасти теми непомерными требованиями, которые эта планета предъявляет к механическим средствам передвижения. В структуре Арракиса человеческая плоть остается самым долговечным и надежным источником хаджа. Вероятно, имплицитное осознание этого факта делает Арракис несравненным зеркалом человеческой души.

Руководство по хаджу

Медленно и осторожно пробиралась Ганима к Табру, прячась в тени дюн и опускаясь на четвереньки в открытых местах. Она двигалась, обойдя поисковую группу, направившуюся к югу. Душа девочки была охвачена ужасом: червь, пожравший тела тигров и Лето; опасности, подстерегавшие ее на пути. Он ушел, ее брат ушел. Ганима перестала плакать, в душе ее вскипела ярость. В этом она была чистокровной фрименкой, и это радовало ее.

Ганима понимала отношение всех остальных к фрименам. Считалось, что у фрименов нет совести, что они потеряли ее, сжигаемые ненавистью к тем, кто вынудил их скитаться с планеты на планету. Конечно, это глупость. Только

самые примитивные существа не имеют совести. У фременов она была развита, может быть, больше, чем у других, и была направлена на процветание и благополучие собственного народа. Только чужакам фримены казались бессовестными и жестокими, так же, как и чужаки казались жестокими фременам. Каждый фримен знал, что может совершить жестокость, и не испытывал по этому поводу чувства вины. Фримены не испытывали этого чувства, совершая такие поступки, которые вызывали угрызения совести у представителей других планет. Ритуалы сурового быта освобождали людей от чувства вины, и это было залогом самого существования, иначе фримены могли бы просто погибнуть. В глубине души они сознавали, что любое прегрешение можно, по крайней мере частично, оправдать обстоятельствами: «слабостью власти» или «естественными дурными наклонностями», присущими всем людям, или «невезением», которое любое чувствующее создание способно идентифицировать, как столкновение между смертной плотью и внешним хаосом Вселенной.

В этом контексте Ганима сознавала себя чистейшей фременкой, несущей на себе отпечаток племенной жестокости. Нужна была только цель, и, естественно, этой целью был Дом Коррино. О, как жаждала Ганима увидеть кровь Фарад'на, текущую к ее ногам.

У канала Ганиму никто не ждал. Мимо прошла и поисковая группа. Девочка по мосту пересекла канал и по высокой траве поползла к тайному лазу в сиетч. Внезапно впереди вспыхнул свет, и Ганима стремительно распростерлась на земле, напряженно всматриваясь вперед сквозь стебли гигантской люцерны. Снаружи в потайной ход вошла женщина, при этом кто-то подготовил лаз так, как он и должен быть подготовлен. В тяжелые времена каждого пришельца приветствовали ярким светом, преследуя при этом двоякую цель – ослепить гостя и внимательно к нему присмотреться, прежде чем впустить. Однако это фременское приветствие никогда не бывало таким явным, не допускалось, чтобы свет

был виден далеко в Пустыне. Видимый свет означал, что сняты внешние заслоны стен.

Ганиме стало горько от такого забвения правил безопасности сиетча. Пусть все видят даму в кружевной рубашке!

Фонарь продолжал отбрасывать столб света к основанию скалы. Из темноты сада выскочила молоденькая девушка, в ее движениях сквозил испуг. Внутри прохода горел яркий свет, окруженный радужным ореолом, в котором кружились насекомые. Свет выхватывал из темноты две фигуры – мужскую и женскую.

Мужчина и женщина, держась за руки, смотрели друг другу в глаза.

Что-то в этой сцене было не так. Это были не любовники, улучившие момент для свидания. Слишком яркий свет горел в проходе. Парочка беседовала в проходе на фоне яркого света и была видна любому, кто мог бы оказаться поблизости. Мужчина то и дело высвобождал руку и показывал на лампы быстрыми и одновременно робкими движениями.

Тишину нарушали лишь крики ночных животных, но Ганима отмела этот отвлекающий фактор.

Кто эти двое и что они здесь делают?

Движения мужчины были очень осторожны.

Вот он обернулся. Отражение от платья женщины упало на его лицо – красное лицо с большим угреватым носом. Ганима едва не задохнулась, узнав этого человека. Палимбаша! Внук наиба, чьи сыновья пали на службе у Атрейдесов. При движении одежда мужчины распахнулась, и Ганима увидела пояс, к которому был пристегнут прибор с кнопками и наборными дисками. Этот инструмент сработали или на Тлейлаксу, или на Иксиане. Скорее всего, это передатчик, с помощью которого управляют тиграми. Палимбаша. Это означает, что еще один наиб переметнулся к Дому Коррино.

Кто же тогда женщина? Впрочем, это неважно. Просто женщина, которую использовал Палимбаша.

Невольно в голову Ганиме пришла афористическая мысль Бене Гессерит: Каждая планета, как и человек, проходит в жизни разные периоды.

Наблюдая сейчас Палимбашу с женщиной, передатчиком и пугливыми движениями, Ганима отчетливо вспомнила этого человека. Палимбаша преподавал в сиетче математику. Этот человек был, если можно так сказать, математическим грубияном. Он пытался объяснить феномен Муад'Диба с точки зрения математики, но священники запретили ему заниматься этим. Это был раб мысли, и это порабощение можно было объяснить очень просто и исчерпывающе: он переносил на явления техническое знание, но не переносил человеческие ценности.

Я могла бы заподозрить его и раньше, подумала Ганима. Признаки предательства были налицо.

Девочка внезапно почувствовала прилив желчи. Он убил моего брата!

Она силой заставила себя успокоиться. Палимбаша убьет и ее, если она попытается проскользнуть мимо него по проходу. Теперь стало ясно, почему столь нагло попран старинный фрименский обычай, и проход освещен, как ярмарка. В этом свете Палимбаша надеялся увидеть, не избежал ли кто-то из жертв смерти. Должно быть, это самые ужасные часы в их жизни, подумала Ганима. Теперь девочка могла объяснить движения мужчины – он периодически со злостью нажимал на кнопки прибора.

Присутствие этой парочки многое сказало Ганиме. Видимо, такие наблюдатели были выставлены во всех потайных проходах в сиетч.

В ноздри попала пыль, и Ганима почесала нос. Боль пульсировала в раненой ноге и в руке. Пальцы онемели и по-прежнему ничего не чувствовали. Если придется пустить в ход нож, то надо будет работать левой рукой.

Ганима подумала о пистолете, но характерный звук выстрела может привлечь нежелательных свидетелей. Надо искать другой выход.

Палимбаша снова отвернулся, его силуэт чернел на фоне яркого света. Женщина что-то говорила, внимательно осматривая ночную Пустыню. В женщине чувствовалась сноровка и умение наблюдать ночь, пользуясь боковым зрением. Это был не просто полезный инструмент, она тоже была частью обширного заговора.

Ганима вспомнила и то, что Палимбаша прочили на пост правителя при регенте. Теперь ясно, что план заговорщиков просто грандиозен. У них масса сторонников даже здесь, в Табре. Ганима попыталась понять суть возникших проблем. Если удастся захватить живым хотя бы одного из этих двоих, то поплатятся и остальные.

Посвистывание маленького ночного животного, подошедшего напиться к каналу, привлекло внимание Ганимы. Естественный звук, естественное явление. Память преодолела некий барьер молчания, и перед мысленным взором девочки возник образ жрицы Иовафа, плененной ассирийским царем Сеннахерибом. Память этой жрицы подсказала Ганиме, что надо делать. Палимбаша и эта женщина – просто дети, капризные и опасные. Они ничего не ведают об Иовафе и даже о той планете, на которой и Сеннахериб, и жрица давно обратились в прах. Если бы пришлось объяснять этой паре заговорщиков, что именно с ними произойдет, то пришлось бы говорить о том, что все началось здесь.

И здесь же кончится.

Перевернувшись на бок, Ганима извлекла из корзины фримпакет, достала из него трубку, из которой удалила длинный тонкий фильтр. Теперь это была тонкая полая трубка. Из набора Ганима достала иглу подходящего диаметра, вытащила из ножен отравленный клинок и погрузила острие иглы в тонкое отверстие на лезвии, куда был налит яд. Боль в правой руке тормозила работу. Ганима достала из набора марлевый шарик и воткнула в него основание иглы. Полученный снаряд она вставила в трубку. Получилось древнее оружие.

Держа его на весу, Ганима осторожно подползла поближе к проходу, стараясь не шевелить стебли люцерны. Присмотревшись, девочка увидела, что вокруг парочки вьются сливовые мухи, большие охотники до человеческой плоти. Отравленная игла ударит незаметно, ее примут за укусившую муху. Осталось принять решение: кого из этих двоих убить – мужчину или женщину?

Мюриз. Имя всплыло в памяти невольно и словно ниоткуда. Так звали эту женщину. Вспомнила Ганима и то, что о ней говорили. Это была одна из многочисленных дам, которые увивались вокруг Палимбаши, словно мухи вокруг свечи. С ней легко справиться, она слаба.

Что ж, очень хорошо. Палимбаша выбрал себе сегодня неудачную компанию.

Ганима набрала в легкие побольше воздуха, вставила трубку в рот и изо всех сил дунула, вызвав в памяти ощущения достославной жрицы Иовафа.

Палимбаша ударил себя по щеке, на ладони осталось пятнышко крови. Иглы не было видно, Палимбаша отбросил ее движением руки.

Женщина что-то сказала, и Палимбаша рассмеялся. Он все еще смеялся, когда ноги его стали подкашиваться, а сам он грузно повалился на пытавшуюся удержать его женщину. Она, все еще дрожа от напряжения, не давала упасть телу мужчины, когда рядом с ней появилась Ганима и приставила кончик ножа к спине женщины.

– Не делай резких движений, Мюриз. Нож отравлен. Можешь отпустить Палимбашу – он мертв, – произнесла Ганима, не повышая голоса.

* * *

Внутри всех главных общественных сил вы найдете глубинные течения, которые можно усилить, чтобы поддержать власть, пользуясь словами. Это касается всех – от шарлатана-знахаря и священника до бюрократа. Управляемая масса должна быть обработана таким образом, чтобы она воспринимала слова, как нечто реальное, то есть перепутала систему символов с истинной материальной вселенной. Для поддержания такой структуры власти определенные символы должны быть выведены за пределы общего понимания – например, это касается символов, предназначенных для экономического манипулирования массой или символов, определяющих критерии ясного мышления. Таинственность символических форм такого рода приводит к формированию фрагментарных подъязыков. Каждый такой подъязык является сигналом того, что его пользователь обладает той или иной формой власти. Если взглянуть на природу власти под таким углом зрения, то нашим Силам Имперской Безопасности надо быть готовыми к разработке и внедрению в массовое сознание таких подъязыков.

Из лекции принцессы Ирулан в Арракинском военном училище

– Возможно, нет никакой необходимости напоминать вам об этом, – сказал принц Фарад'н, – но во избежание недоразумений я объявляю вам, что вы оба будете немедленно убиты, как только вздумаете начать заниматься колдовством.

Впрочем, он не ждал, что его слова окажут какое-то воздействие на стоявших перед ним людей, – и госпожа Джессика, и Айдахо вполне оправдали его ожидания.

Фарад'н преднамеренно выбрал для первой проверочной беседы с этими людьми старый Зал Аудиенций Шаддама. Недостаток величественности в помещении компенсировала необычность положения. За стенами был зимний вечер, но в лишенном окон зале царило вечное лето. Палаты были залиты золотистым светом хрустальных иксианских ламп.

Последние вести с Арракиса наполняли Фарад'на бурной радостью. Лето, один из близнецов, – мертв, его убил специально выдрессированный лазанский тигр. Ганима – его

сестра – находится под опекой тетки и содержится как пленница. Эти подробные донесения вполне объясняли присутствие здесь Айдахо и госпожи Джессики. Они просили убежища. Шпионы Коррино докладывали, что на Арракисе наступило недолгое и непрочное затишье – затишье перед бурей. Алия согласилась предстать перед Судом Одержимых. Цель проведения такого суда оставалась пока не вполне ясной. Однако дата заседания трибунала не была определена, и двое разведчиков доложили, что, возможно, суд так и не состоится. Одно было более или менее ясно: между фрименами Пустыни и Фрименской Имперской гвардией состоялась битва, которая временно парализовала правительство. В настоящее время после обмена пленными Стилгар сохраняет нейтралитет и является посредником между конфликтующими сторонами. Видимо, Ганима является одной из таких пленниц, хотя в конкретных действиях сторон еще предстояло разобраться.

Джессика и Айдахо были доставлены на аудиенцию связанными по рукам и ногам в специальных креслах, к которым пленники были привязаны шиговой проволокой, которая способна разрезать плоть до костей при малейшей попытке освободиться от пут. Два сардаукара, которые привезли пришельцев, молча проверили вязки и тихо удалились.

Так что предупреждение было излишним. Джессика увидела у стены глухонемого ветерана, вооруженного легким, но вполне способным убить человека стрелковым оружием. Немного расслабившись, Джессика позволила себе окинуть взором экзотическое убранство зала. Широкие листья редкого железного кустарника, украшенные крупными жемчужинами, полукругом сплетались в центре сводчатого потолка. Пол был в шахматном порядке выложен плитами из бриллиантового дерева и раковин кабуцзу, окантованных костью пассакета. Кости были обработаны лазером и отполированы до немыслимого блеска. Отборные прочные материалы украшали стены орнаментом в виде ломаных линий,

на фоне которых были помещены фигуры львов из самородного золота – герб наследников покойного Шаддама Четвертого.

Фарад'н принял своих пленников стоя. На нем был надет простой костюм – шорты и легкий золотистый френч с открытым воротником. Единственным украшением были королевские звезды Дома Коррино на левой стороне френча. Принца сопровождал башар в форме сардаукара с тяжелым пистолетом в поясной кобуре. Это был Тиеканик, она знала о его суровом виде из донесений, поступавших в Бене Гессерит. Башар стоял в трех шагах левее и чуть позади принца. Возле стены помещался один трон из темного дерева, стоявший прямо на полу.

– Итак, – произнес Фарад'н, обращаясь к Джессике, – хотите ли вы мне что-нибудь сказать?

– Хотелось бы поинтересоваться, по какой причине нас связали?

– Мы только сейчас получили некоторые сообщения с Арракиса, которые объясняют ваше присутствие здесь, – ответил принц. – Возможно, сейчас вас развяжут, – он улыбнулся. – Если вы... – Фарад'н осекся на полуслове, увидев вошедшую в зал мать.

Венсиция поспешно прошла мимо Джессики и Айдахо, не удостоив их даже взглядом, и протянула Фарад'ну кубик с посланием. С горящим лицом принц прочитал послание, лицо его потемнело. Он вернул кубик матери, жестом приказав ей передать кубик Тиеканику. Сделав это, он хмуро воззрился на Джессику.

Забрав послание у башара, Венсиция встала по правую руку сына.

Джессика повернула голову и взглянула на Айдахо, но тот отвел глаза.

– Бене Гессерит недовольны мной, – сказал Фарад'н. – Они полагают, что я несу ответственность за смерть вашего внука.

Лицо Джессики осталось бесстрастным. В историю Ганимы поверили, если только... – подумала она. Ей не нравилась подозрительная неизвестность.

Айдахо закрыл глаза, открыл и посмотрел на Джессику. Та продолжала сверлить взглядом Фарад'на. Айдахо уже говорил ей об этом Взгляде Раджи, но Джессику, казалось, ничто не волновало, и он не понимал причину такой бесстрастности. Очевидно, она что-то знает, но не хочет открыть.

– Таково положение, – начал Фарад'н и изложил все, что он знал о последних событиях на Арракисе, не упустив ни одной мелочи. – Ваша внучка жива и находится под опекой своей тетки, госпожи Алии. Эта новость должна вас в какой-то степени порадовать.

– Так это вы убили моего внука? – спросила Джессика.

– Нет, не я. Недавно я узнал о заговоре, но не я был его инициатором, – со всей искренностью ответил принц.

Джессика взглянула на Венсицию, увидела злорадное выражение на ее лице и подумала: Это ее проделки! Львица задумала возвысить своего детеныша. О своих играх эта львица будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Она снова обратилась к Фарад'ну и сказала:

– Но Община Сестер думает, что это сделали именно вы.

Принц обернулся к матери:

– Покажи ей послание.

Венсиция заколебалась, и Фарад'н повысил голос едва ли не до окрика:

– Я сказал – покажи ей послание:

Побледнев, Венсиция приблизила лицевую сторону кубика к глазам Джессики. Отвечая на движения ее глаз, по лицевой поверхности побежали слова: «Совет Бене Гессерит на основании законов Валлаха Девятого заявляет протест по отношению действий Дома Коррино за убийство Лето Второго Атрейдеса. Доводы и свидетельства представлены в Комиссию Внутренней безопасности Совета Земель. Будет избрано место проведения суда и назначены судьи,

удовлетворяющие обе стороны. Требуется ваш немедленный ответ. От имени Совета Земель Сабит Рекуш».

Венсиция обернулась к сыну.

– Как вы намерены ответить? – поинтересовалась Джессика.

Вместо Фарад'на заговорила Венсиция:

– Поскольку мой сын формально еще не является главой Дома Коррино, то отвечать буду я. Куда ты идешь? – Этот вопрос был обращен к сыну, который действительно направился к выходу из зала мимо немого ветерана.

– Я возвращаюсь к моим книгам и другим занятиям, которые представляют для меня гораздо больший интерес.

– Как ты смеешь? – рассвирепела Венсиция, лицо и шея ее стремительно покрылись красными пятнами.

– От своего имени я смею делать очень немногое, – ответил Фарад'н. – От моего имени вы приняли решение, которое я нахожу отвратительным. Либо с этого момента я один буду принимать решения, либо вы наймете для этого кого-нибудь другого.

Джессика быстро переводила взгляд с сына на мать и обратно. От нее не укрылась искренность гнева Фарад'на. Башар стоял на своем прежнем месте и старательно делал вид, что он ничего не видит и не слышит. Венсиция была на грани неуправляемой ярости и была готова разразиться бранью. Фарад'н решился положиться на брошенный им жребий. Спокойствие Фарад'на восхитило Джессику, и она подумала о том, какую ценность это может иметь для нее. Казалось вполне вероятным, что решение послать на Арракис тигров-убийц было принято без ведома Фарад'на. Практически не приходилось сомневаться в искренности слов принца о том, что он узнал о заговоре после того, как он был приведен в действие. Не было также никаких сомнений в истинности его гнева, когда он стоял в дверях, готовый к любому решению матери.

Вся, дрожа от гнева, Венсиция глубоко вздохнула.

– Ну хорошо, официальная церемония передачи власти состоится завтра. Можешь начинать действовать самостоятельно прямо сегодня. – Она посмотрела на Тиеканика, но тот отвел взгляд.

Сколько будет крика, когда сын и мать выйдут отсюда, – подумала Джессика. – Но мне кажется, что он победил. Она позволила своим мыслям вернуться к посланию из Совета Земель. Община Сестер тонко выбирала своих курьеров, что делало честь планам Бене Гессерит. Это послание было предназначено для Джессики, хотя формально было направлено Дому Коррино. Сам факт отправки послания говорил о том, что Сестры знают о положении Джессики и очень высоко оценили Фарад'на, рассчитывая, что он с милостью отнесется к своим пленникам.

– Я все же хотела бы получить ответ на свой вопрос, – заговорила Джессика, обращаясь к Фарад'ну.

– Я отвечу Совету Земель, что не имею ничего общего с этим убийством, – ответил принц. – К этому я добавлю, что полностью разделяю с Общиной Сестер мое отвращение к таким методам, хотя и не могу быть недовольным исходом заговора. Я приношу мои извинения за то горе, которое вы испытываете. Судьба всесильна.

Судьба всесильна! – подумала Джессика. То была любимая поговорка ее герцога, и было похоже, что Фарад'н это знал. Она заставила себя игнорировать возможность того, что они и в самом деле убили Лето. Надо допустить, что страх Ганимы обусловлен тем, что план близнецов оказался раскрыт. Контрабандисты устроят встречу Гурни с Лето, а потом туда отправятся машины Общины Сестер. Лето надо испытать. Обязательно надо. Без этого испытания он обречен, как обречена Алия. А Ганима... Что ж, этим придется заняться позже. Нельзя посылать предрожденного без решения Преподобной Матери Гайи-Елены Мохийам.

Джессика позволила себе глубокий вздох.

– Рано или поздно, – заговорила она, – кому-то придет в голову соединить вас и мою внучку, чтобы объединить наши два Дома и залечить старые раны.

– Такая возможность уже обсуждалась, – ответил Фарад'н, быстро взглянув на мать. – Я ответил, что подожду исхода событий на Арракисе. Сейчас нет необходимости в поспешных решениях.

– Однако вы всегда находили возможность лить воду на мельницу моей дочери, – сказала Джессика.

Фарад'н напрягся:

– Объяснитесь!

– Дела на Арракисе обстоят не совсем так, как вы их себе представляете, – ответила Джессика. – Алия играет свою игру, игру Мерзости. Моя внучка будет постоянно находиться в опасности, если Алия найдет способ ее использовать.

– Вы ждете, что я поверю, будто вы и ваша дочь воюете друг с другом, что Атрейдес выступил против Атрейдеса?

Джессика посмотрела сначала на Венсицию, потом на Фарад'на:

– Однако Коррино может выступить против Коррино.

Кривая усмешка коснулась губ принца.

– Хорошо подмечено. Так каким образом я лью воду на мельницу вашей дочери?

– Тем, что вас вовлекли в убийство моего внука, и тем, что вы участвуете в моем устранении.

– Устране...

– Не верь этой ведьме, – предостерегающе произнесла Венсиция.

– Я сам разберусь, кому мне доверять, – произнес Фарад'н. – Простите, госпожа Джессика, но я не понимаю причин вашего устранения. Единственное, что я понял, так это то, что вы и ваш верный хранитель...

– Который, кстати, муж Алии, – сказала Джессика.

Фарад'н изучающе посмотрел на Айдахо, потом на башара:

– Что ты думаешь по этому поводу, Тиек?

Башар, очевидно, думал именно так, как предвидела Джессика:

– Я думаю, что ваша матушка права. Будьте осторожны!

– Он ментат-гхола, – сказал Фарад'н. – Мы можем замучить его до смерти, но все равно не добьемся никакого ответа.

– Но для нас безопаснее и проще допустить, что с нами разыгрывают трюк, – проговорил Тиеканик.

Джессика поняла, что настало время действовать. Именно теперь, когда печаль и горе Айдахо замкнули его психику в той части сознания, которую он выбрал. Ей не нравилось использовать его таким образом, но ставки были слишком высоки.

– Начнем с того, – заговорила Джессика, – что я прибыла сюда по своему выбору и по своей доброй воле.

– Это интересно, – заметил Фарад'н.

– Вам придется поверить мне и предоставить полную свободу на Салусе Секундус. Я говорю это по доброй воле и без всякого принуждения.

– Нет! – запротестовала Венсиция.

Фарад'н не обратил на ее крик никакого внимания:

– На каком основании вы это утверждаете?

– Я полномочная посланница Общины Сестер и должна заняться здесь вашим образованием.

– Но Община обвиняет меня...

– Это потребует от вас решительных действий, – сказала Джессика.

– Не верь ей! – истерически выкрикнула Венсиция.

Фарад'н посмотрел на мать с убийственной вежливостью:

– Если вы перебьете меня еще раз, то я прикажу Тиеканику выставить вас вон. Он слышал, что вы согласились на расследование. Это передает его в мое распоряжение.

– А я говорю тебе, что она ведьма! – Венсиция бросила выразительный взгляд на немого сардаукара у стены.

Фарад'н заколебался:

– Тиек, что ты думаешь? Я околдован?

– Насколько я могу судить, нет. Она...

– Вы оба околдованы!

– Матушка. – Тон сына был ледяным и безапелляционным.

Венсиция, сжав кулаки, попыталась что-то сказать, потом резко повернулась на каблуках и выскочила из зала.

Фарад'н снова обратился к Джессике.

– Согласится ли на это Бене Гессерит?

– Согласится.

Фарад'н оценил скрытый смысл сказанного и натянуто улыбнулся:

– А чего вообще хочет Община Сестер?

– Вашей женитьбы на моей внучке.

Айдахо вопросительно посмотрел на Джессику, словно желая что-то сказать, но промолчал.

– Ты хотел что-то сказать, Дункан? – спросила Джессика.

– Да, Община Сестер хочет того, чего она хотела всегда: чтобы Вселенная не мешала их действиям.

– Очевидное допущение, – произнес Фарад'н, – но я не понимаю, почему для этого пришлось присылать сюда вас.

Айдахо был привязан к стулу и поэтому изобразил пожатие плечами движением бровей и обескураженно улыбнулся.

Фарад'н заметил эту усмешку и круто повернулся к Айдахо.

– Я вас забавляю?

– Меня забавляет вся эта ситуация. Кто-то из вас скомпрометировал Космическую Гильдию, использовав их транспорт для доставки на Арракис орудия убийства – орудия, чье назначение невозможно было скрыть. Вы нанесли ущерб Бене Гессерит, убив мужчину, которого они собирались использовать в своей наследственной программе...

– Так ты называешь меня лжецом, гхола?

– Нет, я верю, что ты ничего не знал о заговоре. Но думаю, что ситуацию надо прояснить.

– Не забывайте, что он ментат, – сказала Джессика.

– Именно об этом я сейчас и подумал, – ответил Фарад'н. Он снова повернулся к Джессике. – Давайте решим так: я освобождаю вас, и вы делаете заявление. Это по крайней мере позволит оставить на время вопрос о смерти вашего внука. Ментат прав.

– Эта женщина – ваша мать? – спросила Джессика.

– Мой господин! – предостерегающе воскликнул Тиеканик.

– Все верно, Тиек, – отмахнулся принц. – Что, если это действительно моя мать?

Джессика решила рискнуть всем, поставив на раскол в Доме Коррино:

– Вы должны удалить ее от себя и отправить в изгнание.

– Мой господин, – еще раз предостерег своего повелителя Тиеканик. – Это скорее всего мошенничество в квадрате.

– Это верно, – произнес Айдахо, – но его жертвами стали госпожа Джессика и я.

Фарад'н изо всех сил стиснул зубы.

Не вмешивайся, Дункан! – подумала Джессика. – Не сейчас! Но слова Айдахо привели в действие развитую в Бене Гессерит способность Джессики к логическому мышлению. Дункан потряс ее. Неужели Лето и Ганима использовали ее как пешку в своей игре, а она даже не поняла этого... Предрожденные могли мобилизовать себе на помощь опыт бесчисленного количества поколений, гораздо больший, чем могли использовать живые воспитанницы Бене Гессерит. Был и еще один мучивший ее вопрос: были ли Сестры до конца честны с нею? Они могли ей не доверять. Ведь она однажды предала их... ради герцога.

Принц смотрел на Айдахо, озадаченно нахмурившись:

– Ментат, мне надо знать, что для тебя значит этот Проповедник.

– Он организовал пролет сюда. Я… Мы не успели обменяться даже десятком слов. Другие действовали от его имени. Он мог быть… Он мог быть Полом Атрейдесом, но у меня нет достаточных данных, чтобы утверждать это со всей определенностью. Все, что я могу сказать, – это то, что, когда у меня возникла необходимость уехать, он нашел средства для этого.

– Ты говорил, что тебя обманули, – напомнил Дункану принц.

– Алия ждет, что вы убьете нас и скроете этот факт, – ответил Айдахо. – Избавите ее от госпожи Джессики. Я ей больше не нужен. А госпожа Джессика сделала свое дело для Бене Гессерит и тоже больше не нужна Общине Сестер. Алия захочет посчитаться с Сестрами, но они переиграют ее. – Джессика закрыла глаза и сконцентрировалась. Айдахо прав! Она слышала нотки уверенности в твердом голосе ментата, его безусловную искренность. Все сходилось без сучка и задоринки. Она сделала глубокий вдох, вошла в состояние мнемонического транса, прокачала через сознание все нужные данные, вышла из транса и открыла глаза. Пока она занималась этим, Фарад'н отошел от нее и переместился к Айдахо – теперь принца отделяло от ментата расстояние не больше трех шагов.

– Не говори больше ни слова, Дункан, – произнесла Джессика и вспомнила, как Лето предупреждал ее об опасности обработки жертв Бене Гессерит.

Айдахо, готовый заговорить, закрыл рот.

– Здесь распоряжаюсь я, – произнес Фарад'н. – Говори, ментат.

Айдахо молчал.

Принц повернулся вполоборота и изучающе взглянул на Джессику.

Она стала внимательно смотреть на выбранную точку стены, обдумывая, что получилось из слов Айдахо и пережитого транса. Конечно, люди Бене Гессерит не покинули на произвол судьбы линию Атрейдесов. Но они хотят

контролировать Квисатц Хадераха и слишком много вложили в селекционную программу. Они хотят открытого столкновения между Атрейдесами и Коррино, чтобы потом выступить в роли третейских судей. Дункан прав, тысячу раз прав! Они начали с контроля Ганимы и Фарад'на. Это был единственный возможный компромисс. Чудо, что Алия не сумела этого разгадать. Джессика судорожно сглотнула слюну. Алия... Мерзость! Ганима права, жалея свою тетку. Но кто теперь пожалеет саму Ганиму?

– Сестры обещали посадить вас на трон вместе с Ганимой, как вашей супругой, – сказала Джессика.

Фарад'н отшатнулся. Неужели эта ведьма умеет читать чужие мысли?

– Они работали тайно и не через твою мать, – продолжала Джессика. – Они сказали тебе, что я не посвящена в их план.

Джессика прочитала все на лице Фарад'на. Какой он открытый! Но все правда. Айдахо продемонстрировал мастерские способности ментата, увидев всю структуру заговора, имея в своем распоряжении минимум фактов.

– Значит, они вели двойную игру, и все сказали и вам, – возразил Фарад'н.

– Об этом они мне ничего не сказали, – запротестовала Джессика. – Дункан был прав: они провели меня. – Она кивнула, чтобы подтвердить собственные слова. Это было традиционное для Сестер отлаженное действие – сначала идет правдоподобная история, в которую жертва тем легче верит, чем больше она соответствует ее внутренним мотивам и побуждениям. Но потом Джессика должна была быть устранена, поскольку она запятнана в глазах Сестер своей изменой.

Тиеканик обратился к принцу:

– Мой господин, эти двое слишком опасны, чтобы...

– Подожди, Тиек, – отозвался Фарад'н. – Это колесики в колесиках, – он повернулся к Джессике. – Мы полагали возможным, что Алия предложит себя в качестве моей невесты.

Айдахо непроизвольно рванулся вперед, из разорванной проволокой кожи руки закапала кровь.

Джессика слегка округлила глаза от удивления. Она, которая знала старшего Лето как любовника, отца ее детей и верного друга, видела, как в судорогах Мерзости искажается способность Лето к холодному расчету.

– И вы примете это предложение? – спросил Айдахо.

– Об этом надо будет подумать.

– Дункан, я же просила тебя помолчать, – укоризненно произнесла Джессика. Она снова обратилась к Фарад'ну. – Ее цена – две неоправданные смерти – моя и Дункана.

– Мы подозревали предательство, – сказал Фарад'н. – Не ваш ли сын говаривал: «Предательство рождает предательство»?

– Таким образом, Община Сестер контролирует в настоящий момент как Дом Атрейдес, так и Дом Коррино. «Разве это не очевидно?» – спросила Джессика.

– Мы обыграем ваши предложения, Госпожа Джессика, но Дункана Айдахо мы отправим назад, к его любящей жене.

Боль – это функция нерва, – напомнил себе Айдахо. – Боль входит в нерв, как свет входит в глаз. Усилие же – функция мышц, а не нервов. Это было старое упражнение ментатов, и Айдахо, повторив его на одном дыхании, повернул кисть правой руки и перерезал артерию.

Тиеканик молниеносно метнулся к креслу и разомкнул проволоку, позвав врачей. Из соседней комнаты в зал влетели медики.

Дункан всегда был немного глуповат, – подумала Джессика.

Фарад'н изучал Джессику, пока медики работали с Айдахо.

– Я же не сказал, что приму предложение Алии.

– Он совсем не поэтому перерезал себе артерию, – возразила женщина.

– О! А я думал, что он просто хочет устраниться.

– Вы не настолько глупы. Перестаньте притворяться, принц.

Он улыбнулся:

– Я прекрасно понимаю, что Алия уничтожила бы меня. Думаю, что даже Бене Гессерит не ожидали, что я приму ее предложение.

Размышляя, Джессика смотрела на Фарад'на. Каков он, этот юный отпрыск Дома Коррино? У него плохо получается разыгрывать из себя дурака. Она опять вспомнила слова Лето о том, что ей встретится интересный ученик. Того же хотел и Проповедник, как говорил ей Айдахо. Хотелось бы встретиться с этим Проповедником.

– Вы отправите Венсицию в изгнание? – спросила Джессика.

– Это было бы разумной сделкой, – отозвался Фарад'н.

Джессика взглянула на Айдахо. Медики закончили свое дело, и теперь Дункан возлежал в кресле, фиксированный к своему ложу щадящими повязками.

– Ментаты должны быть больше проникнуты абсолютными истинами, – сказала она.

– Я устал, – откликнулся Айдахо. – Вы не представляете себе, как я устал.

– Если верность долго испытывать и использовать сверх меры, то в конце концов изнашивается даже она, – сказал Фарад'н.

И снова Джессика с интересом взглянула на принца. Фарад'н посмотрел на женщину и подумал: Со временем она лучше меня узнает, и это может быть очень ценным приобретением. Мой собственный ренегат Бене Гессерит! Такое было у ее сына, но не было у меня. Пусть пока она увидит только намек на мои достоинства. Все остальное она увидит позже.

– Это прекрасный обмен, – сказал принц. – Принимаю ваше предложение на ваших условиях. – Он подал пальцами сигнал немому, стоявшему у стены. Тот кивнул. Фарад'н наклонился к креслу и распустил проволоку.

– Мой господин, вы уверены? – спросил Тиеканик.

– Разве мы не все обсудили? – поинтересовался у него Фарад'н.

– Да, но...

Принц усмехнулся и обратился к Джессике:

– Тиек подозревает, что во всем виноваты мои источники. Но человек узнает из книг только то, что некоторые вещи могут быть сделаны. Настоящее учение наступает тогда, когда эти вещи делаешь сам.

Удивившись этим словам, Джессика встала с кресла. Она думала сейчас о тех знаках, которые подавал Фарад'н немому. Это были сигналы боевого языка Атрейдесов! Это говорило о глубоком анализе. Кто-то здесь сознательно копировал Атрейдесов.

– Это правильно, – сказала Джессика, – и, если вы хотите, я могу начать учить вас по методике Бене Гессерит.

Принц посмотрел на женщину, сияя:

– Вот этому предложению я совершенно не в силах противиться, – сказал он.

* * *

Пароль мне дал человек, который умер в застенках Арракина. Вот так мне досталось это кольцо в форме черепахи. Перстень лежал в суке недалеко от города, где меня держали мятежники. Пароль? О, он с тех пор много раз менялся. Тогда он был «Упорство», отзыв – «Черепаха». Только благодаря паролю я выбрался оттуда живым и только поэтому купил кольцо – на память.

Тагир Мохандис. «Беседы с другом»

Лето успел отойти довольно далеко от мертвых тигров, которых он присыпал пыльцой Пряности, когда услышал позади звук от передвижения по Пустыне чего-то огромного. То был червь, и это был хороший знак, потому что здесь, в этой части Пустыни, черви стали большой редкостью. Червь оказался не слишком хорошим, но помочь

сумел. Теперь Ганиме не придется объяснять, почему на месте происшествия нет мертвого тела.

Лето знал, что к этому времени Ганима уже успела убедить себя в истинности гибели брата. Теперь в ее памяти остался лишь маленький островок, где помещалось истинное воспоминание, и ключом к этому отгороженному от остального сознания островку были слова на древнем языке, на котором был закодирован доступ. Секер нбив. Если Ганима услышит эти слова – Золотой Путь... то только в этом случае она вспомнит, что ее брат в действительности жив. До тех пор он будет для нее мертв.

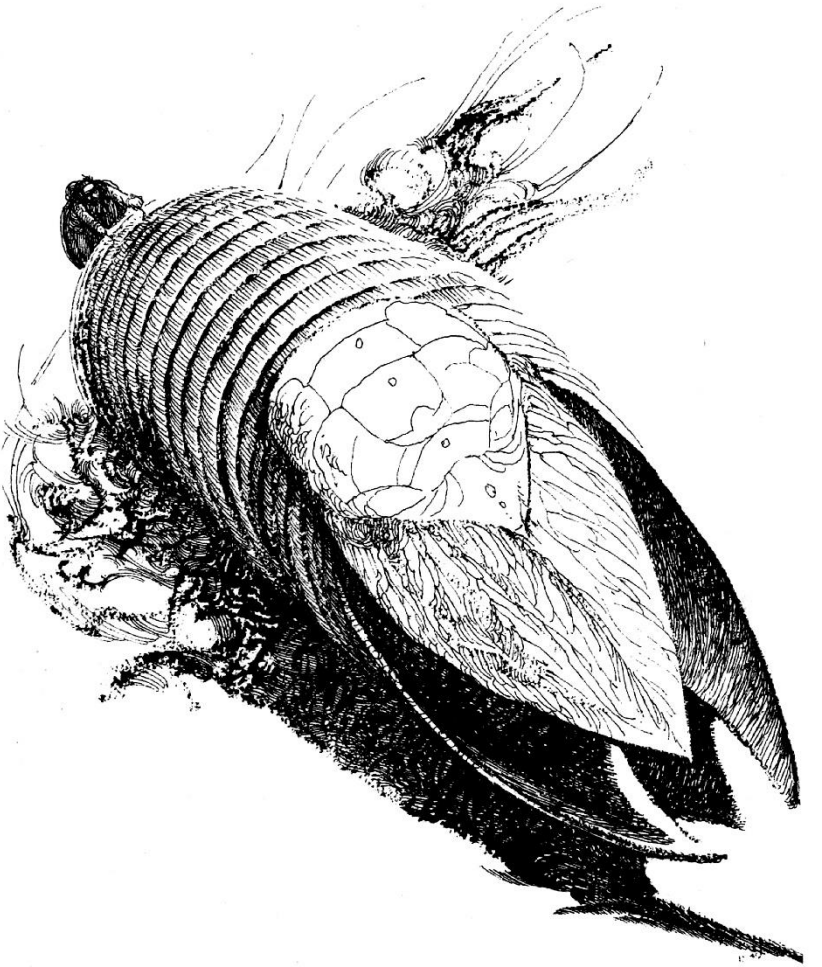
Теперь Лето почувствовал себя по-настоящему одиноким.

Он шел спокойным шагом, который производил только естественные для Пустыни звуки. Никакой шорох не скажет червю, ползущему сзади, что впереди него идет человек. Эта походка была настолько привычной, что мальчику не приходилось задумываться о том, как ставить ноги – они шли сами. Каждый шорох, каждый звук, производимый Лето, мог быть приписан ветру и падению камня. Никто не мог бы заподозрить, что идет человек.

Когда червь закончил свое дело, Лето взобрался на пологий склон дюны и внимательно оглядел Спутник. Да, он ушел уже достаточно далеко. Лето подозвал червя. Тот подполз на удивление быстро и пролежал на месте ровно столько времени, чтобы Лето успел взобраться на него. Мальчик достал крюк погонщика и открыл чувствительный канал на головном конце червя и погнал безмозглое животное на юго-восток. Червь был небольшой, но очень сильный – это чувствовалось по звуку, который издавало его тело, извиваясь при движениях по песку. Дул ветер, и Лето чувствовал его обжигающее дыхание; червь неутомимо двигался вперед, порождая своими движениями Пряность в своем чреве.

Червь полз вперед, а мысли Лето шли своим чередом. Когда-то, в первое путешествие верхом на черве, Лето взял

Стилгар. Мальчик дал волю своей памяти и явственно услышал голос старого наиба, исполненный спокойствия, значительности и куртуазности давно прошедших эпох. То был не тот Стилгар, который угрожал отребью, напившемуся пряной водки. Не громоподобный вождь. Нет – то был Стилгар, исполняющий свою службу, службу воспитателя наследника престола.

– В старые времена птиц называли по их песням. У каждого ветра тоже было свое имя. Шестищелчковый ветер назывался Пастаза, двадцатищелчковый – Куэшма, стощелчковый – Хейнали, ветер-мужеубийца. Был еще ветер демона открытой Пустыни: Хуласкали Вала – ветер, поедающий плоть.

Лето, который прекрасно все это знал, благодарно кивал головой, выражая признательность за такое обучение мудрости.

– В старые времена были еще племена, которые назывались охотники за водой. Их называли Идуали, что означает «водные мухи», потому что те люди, не колеблясь, могли украсть воду у другого фримена. Если они ловили в Пустыне одинокого путника, то не оставляли даже воду его плоти. Было и особое место, где они жили, – сиетч Якуруту. Другие племена объединились и уничтожили племя охотников за водой. Это было давно, еще до Кинеса, при моих прапрапрадедушках. Но с того времени ни один фримен не заходит в Якуруту. Это табу.

Так напомнил себе Лето знания, лежавшие в тайниках его памяти. Это был поучительный урок, как именно работает память. Одной памяти было недостаточно, даже такой памяти, как у него; нет, воспоминание невозможно, если оно не освящено ценностями и суждениями. В Якуруту была вода, ветряные ловушки и все прочие атрибуты фрименского сиетча, плюс несравненная ценность – туда никогда не входят посторонние. Многие молодые люди даже не подозревают о существовании Якуруту. Конечно, они знают, что есть Фондак, но это место, где живут контрабандисты.

Не найти лучшего места, где можно спрятать труп – среди контрабандистов и мертвецов другой эпохи.

Спасибо тебе, Стилгар.

Червь выбился из сил на рассвете. Лето соскользнул с него и молча смотрел, как червь ввернул свое тело в дюну, ушел на глубину и затаился там.

Надо дождаться дня, чтобы идти дальше, подумал Лето.

Он встал и осмотрел окрестность – Пустыня, Пустыня, Пустыня – без конца и края. Однообразие ландшафта нарушал только след ушедшего под землю червя.

Протяжный крик ночной птицы возвестил наступление рассвета – на востоке появилась зеленоватая полоска восходящего солнца. Лето зарылся в песок, раздул солнцезащитный тент и выставил наружу дыхательную трубку.

Он долго не мог уснуть, лежа в темноте и размышляя о том, правильное ли решение приняли они с Ганимой. Это было нелегкое решение, особенно для Ганимы. Он не раскрыл ей полного содержания своего видения и не рассказал о выводах, которые из него сделал. То, что это было настоящее видение, а не простой сон, Лето был теперь абсолютно уверен. Особенностью же было то, что этот феномен был видением в видении. Если и были хоть какие-то доводы в пользу того, что его отец жив, то искать их надо было в этом двойном видении.

Жизнь пророка заключается для нас в его видениях, – подумал Лето. – И пророк может порвать со своим видением только своей смертью, которая вступит в противоречие с видением. Именно это рассуждение было предметом двойного видения, и сейчас Лето рассуждал, как это видение относится к выбору, который он сделал. Бедный Иоанн Креститель, – подумал он. – Если бы он нашел в себе мужество выбрать другой путь... Но, может быть, его выбор был выбором храброго человека. Откуда мне знать, какие альтернативы были у него? Но зато я знаю, какие альтернативы были у отца.

Лето вздохнул. Отвернуться от отца – это то же самое, что предать Бога. Но Империю Атрейдесов надо потрясти до основания. Она впала в худшие из видений Пола. Как же случайность может изуродовать людей! Да и сделано это было без всякой задней мысли. Пружина религиозного безумия была закручена до отказа, и теперь машина набирает обороты.

Мы все оказались запертыми в видении отца.

Лето знал, что дорога из этого безумия пролегает по Золотому Пути. Это видел и отец. Но человечество может сбиться с Золотого Пути, оглянуться на путь Муад'Диба, и, решив, что-то был Золотой Век, попытаться вернуться назад. Люди должны испытать альтернативу Муад'Дибу, иначе они никогда не поймут сути собственных мифов.

Безопасность... мир... процветание...

Учитывая такой выбор, нетрудно догадаться, какую альтернативу выберет большинство граждан Империи.

Хотя они ненавидят меня, – подумал он. – Хотя и Ганима ненавидит меня.

Правая рука зачесалась, и Лето вспомнил ужасную перчатку из своего видения. Это будет, – подумал он. – Да, это будет.

Арракис, дай мне силу, – взмолился он. Его планета оставалась живой и сильной под его ногами. Песок плотно облегал защитный тент. Дюна – это гигант, подсчитывающий свои богатства. Это обманчивая цельность, поражающая одновременно своей красотой и безобразием. Единственная валюта, которую признают ее купцы, – это биение крови их собственной силы, неважно, как приумножается эта сила. Властители обладают этой планетой, как обладают захваченной в плен наложницей, как обладает Бене Гессерит своими Сестрами.

Неудивительно, что Стилгар так ненавидит купцов-священников.

Спасибо тебе, Стилгар.

Лето вспомнил красоты и прелести старинной жизни сиетчей, до прихода на планету имперской технократии, и ум мальчика начал блуждать так же, как блуждал ум Стилгара в его сновидениях. До прихода светильников, орнитоптеров и тракторов для сбора Пряности была другая жизнь: загорелые матери с детьми на коленях; лампы, в которых горело пряное масло, и всепроникающий аромат корицы; наибы, которые убеждали соплеменников в своей правоте, ибо

знали, что никого нельзя принуждать. Это было средоточие жизни в скалистых ущельях...

Ужасная перчатка восстановит равновесие, подумал Лето. Незаметно он уснул.

* * *

Я видел кровь и куски одежды, разорванной острыми когтями. Его сестра очень живо рассказывает о тиграх и их нападении. Мы допросили также одного из заговорщиков. Другие мертвы или находятся под стражей. Все указывает на заговор Дома Коррино. Все свидетельства подтверждены Вещающим Истину.

Рапорт Стилгара Комиссии Совета Земель

Фарад'н тайно наблюдал за Айдахо, стараясь отыскать ключ к странному поведению этого человека. Было чуть позже полудня, и Айдахо стоял возле дверей покоев, отведенных госпоже Джессике в ожидании аудиенции. Примет ли она его? Она, естественно, знает, что за ними наблюдают. Но примет ли она его?

Фарад'н находился сейчас в той самой комнате, в которой Тиеканик руководил обучением лазанских тигров, – это была в действительности нелегальная комната, набитая запрещенным оборудованием с Тлейлаксу и Иксиана. С помощью особой рукоятки Фарад'н мог наблюдать за Айдахо с шести различных положений, мог он осмотреть и покои госпожи Джессики с помощью не менее хитроумных приспособлений.

Больше всего Фарад'на беспокоили глаза Айдахо. Эти глубоко посаженные металлические глазницы, которыми снабдили Дункана в восстановительных баках тлейлаксу, делали его столь непохожим на остальных представителей рода человеческого. Принц коснулся собственных глаз, ощутив твердость контактных линз, скрывавших синеву белков человека, постоянно употребляющего Пряность. Глаза Айдахо воспринимали совершенно другую реальность. Как

иначе объяснить поведение этого человека? Фарад'н испытал жгучее желание спросить об этом у того хирурга с Тлейлаксу, который снабдил Дункана железными глазами.

Почему Айдахо хотел покончить с собой?

Действительно ли он этого хотел? Ведь он не мог не знать, что мы не позволим ему этого сделать.

Айдахо остается во всем этом деле опасным знаком вопроса?

Тиеканик предложил интернировать Айдахо на Салусе или убить его. Вероятно, это было бы наилучшим решением.

Фарад'н включил фронтальный вид. Айдахо сидел на жесткой банкетке у входа в покои госпожи Джессики. Стены фойе были отделаны светлыми деревянными панелями, украшенными остроконечным орнаментом. Айдахо сидел на банкетке уже час и, по-видимому, был готов просидеть на ней вечность. Фарад'н склонился к экрану. Видимо, на Арракисе с верным оруженосцем Атрейдесов и инструктором Муад'Диба обращались очень недурно. У Айдахо была юношеская походка, и он, естественно, получал пряную добавку к рациону. В восстановительных баках тлейлаксу объектам программировали идеально уравновешенный обмен веществ. Помнит ли Айдахо свое прошлое, ту жизнь, которой он жил до своей первой смерти? Ни один человек, переживший восстановление, этого не помнил. Какая загадка окутывает Айдахо?

В библиотеке имелось подробное сообщение об обстоятельствах его смерти. Сардаукары, убившие его, отмечают доблесть Айдахо – перед своей гибелью он сумел уничтожить девятнадцать сардаукаров. Девятнадцать! Плоть этого человека стоила того, чтобы отправить ее на восстановление. Но на Тлейлаксу сделали из него ментата. Какое странное создание жило в этом возрожденном теле! Каково чувствовать себя компьютером вдобавок ко всем остальным своим талантам?

Так почему он пытался убить себя?

Фарад'н знал меру своего таланта и не обольщался на этот счет. Он был прирожденным историком и археологом и умел судить о причинах поступков людей. Необходимость заставила его стать экспертом в отношении людей, которые со временем будут служить ему, – в отношении Атрейдесов. То была цена, которую приходится платить за аристократизм. Умение править требовало точного и проницательного суждения о поступках людей, которые узурпировали твою власть. Не один правитель пал жертвой ошибок и избыточного рвения своих чиновников.

Тщательное изучение Атрейдесов выявило их несравненный талант в выборе слуг. Атрейдесы знали, как воспитывать верность и как ограничивать разумными рамками воинственный пыл своих солдат.

Айдахо выпадал из общего ряда.

Почему?

Фарад'н прищурился, словно пытаясь проникнуть взглядом сквозь кожу этого человека. При взгляде на Айдахо появлялось ощущение необычной долговечности – этот человек не знал физической усталости и отличался потрясающей, сверхъестественной выносливостью. Это была самодостаточная, хорошо организованная и цельная личность. Мастера тлейлаксу вложили в его движения что-то сверхчеловеческое. Фарад'н хорошо это чувствовал. В этом человеке было что-то самообновляющееся, словно он действовал согласно неким незыблемым законам, которые восстанавливали Айдахо по завершении любого действия. Он действовал с неумолимостью планеты, движущейся вокруг звезды. На любое силовое воздействие Дункан ответит, не ломаясь – он просто слегка изменит орбиту, но не изменит основополагающему закону своего движения.

Зачем он перерезал себе артерию?

По какой бы причине Айдахо так ни поступил, он сделал это для Атрейдесов, Правящего Дома, который был звездой его планетного движения.

По какой-то причине Айдахо думает, что пребывание госпожи Джессики у меня усилит Дом Атрейдес.

Так думает ментат, – напомнил себе Фарад'н.

Это придало мыслям принца дополнительную глубину. Ментаты ошибаются, но весьма и весьма редко.

Придя к такому заключению, Фарад'н хотел было вызвать адъютанта и немедленно отдать приказ о высылке госпожи Джессики и Айдахо, но в последний момент успокоился и передумал.

Оба эти человека – ментат-гхола и ведьма Бене Гессерит были фигурами неизвестного качества в игре власти. Айдахо, конечно, надо выслать, ибо это спутает карты правителей Арракиса. Джессику же следует оставить здесь и обратить добытые у нее знания на пользу Дома Коррино.

Фарад'н понимал, что ввязывается в смертельно опасную и очень тонкую игру, но ведь недаром он всю жизнь, на протяжение многих лет готовил себя к ней, с того самого момента, когда осознал, что он умнее и проницательнее, чем большинство окружающих его людей. То было пугающее открытие для ребенка, который понял, что укрыться от этого страха можно в библиотеке и в классной комнате.

Однако и сейчас сомнения продолжали грызть – готов ли он к подобной игре? Он удалил от себя мать и лишился ее советов, но решения Венсиции всегда представляли для него немалую опасность. Тигры! Их подготовка была отвратительной, а применение неимоверной глупостью! Их же так легко выследить и просчитать, откуда они взялись! Мать должна радоваться, что для нее дело ограничилось высылкой. Совет госпожи Джессики пришелся как нельзя кстати. Он полностью отвечает его нуждам. Джессику надо заставить открыть способы мышления Атрейдесов.

Сомнения постепенно отступили. Фарад'н подумал о своих сардаукарах, которые становились день ото дня все более боеспособными в результате жестких тренировок, которых требовал принц. Его Сардаукарская гвардия мала, но это люди, способные противостоять в единоборстве

фременам. В гвардии, конечно, будет мало проку, если учесть разницу в численности. Фримены могут подавить своим численным превосходством, если, конечно, не будут раздроблены гражданской смутой.

Время битвы сардаукаров с фременами еще не наступило. Нужны союзники из недовольных Атрейдесами Больших Домов и набирающих силу Домов Младших. Нужны источники финансирования в ОСПЧТ. Нужно время, чтобы сардаукары стали сильнее, а фримены – слабее.

Фарад'н снова обратился к экрану и всмотрелся в лицо терпеливо ожидающего гхола. Зачем Айдахо хочет видеть Джессику в такое время? Он должен знать, что за ними тщательно следят, анализируя каждое слово и каждый жест.

Тогда зачем?

Фарад'н отвернулся от экрана и взглянул на стеллажи с катушками, на которых была записана последняя информация его шпионов с Арракиса. Этим шпионам приходилось доверять, и сейчас принц прослушал отредактированную выжимку из сообщений с Дюны. Эти сообщения вселяли оптимизм и радость.

С тех пор как планета стала плодородной, фримены освободились от удушающего давления земли. Их новые сообщества утратили связь с жестко организованными сиетчами. В старые времена каждому фримену с детства внушалась мысль: «Сиетч формирует основу знаний о собственном теле и знания того, как вести себя, когда из сиетча вы выходите в мир и Вселенную».

Старая фрименская поговорка гласит: «Следуй массифу», что означает – господином жизни является Закон. Однако новые социальные структуры ослабили ограничения старых законов; дисциплина общества перестала быть железной. Фрименские лидеры в настоящее время знают лишь Начальный Катехизис своих предков и историю, закамуфлированную в форме древних песен. Жители новых общин более свободны в передвижениях, более открыты; они чаще ссорятся между собой и не склонны без рассуждений

повиноваться власти. Жители же старых сиетчей более дисциплинированны, склонны к коллективным действиям и более трудолюбивы. Эти люди бережно относятся к своим истокам. Люди старой закалки все еще убеждены, что упорядоченное общество полнее выражает чаяния индивида. Молодые люди вырастают вне этих убеждений. Старики с грустью смотрят на молодежь и говорят: «Ветер смерти лишил их прошлого».

Фарад'ну понравилось подготовленное им самим резюме. Расслоение общества Арракиса чревато насилием. На магнитных носителях была записана цельная всеохватывающая концепция.

Религия Муад'Диба зиждется на древней культурной традиции сиетча, в то время как новая культура все дальше и дальше уводит народ от этой непререкаемой дисциплины.

Уже не первый раз принц задавал себе вопрос: по какой причине Тиеканик принял эту религию? В лоне этой морали башар выглядел довольно странно и нелепо. Возможно, он действовал совершенно искренне, но Фарад'н не мог отделаться от впечатления, что Тиеканик поступает так вопреки своей воле. Складывалось впечатление, что башар вступил в водоворот, чтобы испытать его силу, но был увлечен силой вихря и уже не может выбраться на безопасный берег. Новообращение Тиеканика раздражало Фарад'на своей нехарактерной завершенностью и полнотой. То было обращение к древнейшим традициям сардаукаров, предупреждением о том, что юные фримены могут точно так же обратиться внезапно к своим изначальным истокам и корням.

Мысли принца снова обратились к сообщениям с Арракиса. В них было и нечто тревожное, то, что лишало покоя: древнейшие традиции были живучи и существовали вопреки всему среди самых молодых обитателей Дюны. Главной традицией была «Вода зачатия». Амниотическая жидкость новорожденного сохранялась после его появления на свет и добавлялась в воду, которой поили ребенка. Крестная мать, хранившая воду, подавала ее ребенку со словами: «Это

вода твоего зачатия». Этой традиции неукоснительно следовали все молодые фрименские родители.

Это вода твоего зачатия.

Фарад'на передернуло от мысли, что можно пить воду с амниотической жидкостью. Он подумал о Ганиме, чья мать умерла после того, как ее дочь выпила той странной воды. Размышляла ли девочка о том необычном факте из своего прошлого? Вряд ли. Ее воспитали по фрименским обычаям. То, что естественно и приемлемо для фримена, было естественным и приемлемым для нее.

В какое-то мгновение принц остро пожалел о смерти Лето. Было бы интересно обсудить с ним этот вопрос. Но кто знает, может быть, представится возможность обсудить его с Ганимой.

Почему Айдахо перерезал себе артерию?

Мучительный вопрос возникал всякий раз, когда Фарад'н смотрел на экран. Принца вновь одолели сомнения. Как ему не хватало сейчас способности погрузиться, подобно Муад'Дибу, в транс Пряности и прозреть будущее, чтобы узнать ответ на вопрос. Однако сколько бы Пряности ни принимал принц, его сознание оставалось в пределах текущего теперь, отражая неопределенность действительности.

Служанка тем временем отворила дверь покоев госпожи Джессики. Женщина жестом пригласила Айдахо, который встал с банкетки и вошел в апартаменты. Служанка напишет подробный отчет позже, но любопытство настолько охватило Фарад'на, что он нажал другую кнопку, и на экране появился интерьер комнаты Джессики, куда только что вошел Дункан.

На лице ментата были написаны спокойствие и уверенность, но насколько бездонны глаза гхола!

* * *

Прежде всего ментат не должен быть узким специалистом, он обязан широко мыслить. Очень мудро в переломные и великие моменты жизни и истории принимать решения на основе такого широкого подхода. Эксперты и узкие специалисты способны в таких ситуациях лишь запутать дело и усугубить хаос, вступая в ожесточенные споры по поводу положения какой-нибудь запятой. Широко мыслящий ментат, наоборот, должен в своих решениях руководствоваться нормальным, здравым смыслом. Ментат не должен отгораживаться от масштабных процессов, протекающих в его Вселенной. Он должен оставаться способным сказать: «Во всем том, что происходит в настоящий момент, нет ничего таинственного. Мы все этого хотим. Возможно, впоследствии окажется, что мы были не правы, но, когда до этого дойдет, мы сможем внести простые и ясные исправления». Ментат должен понимать, что то, что мы принимаем за Вселенную, есть не что иное, как небольшая часть гораздо более крупного феномена. Эксперт, напротив, смотрит назад, вглядываясь в узкие стандарты своей специальности. Ментат обязан смотреть вне, отыскивая в феномене живые принципы, полностью отдавая себе отчет в том, что эти принципы могут меняться, что они подвержены развитию. Ментат должен отыскивать за конкретными событиями характеристики именно таких изменений. Не может даже теоретически существовать перечня таких изменений, учебника или руководства по классификации этих изменений. Смотреть на них надо как можно с меньшей предвзятостью, постоянно спрашивая себя: «Каким образом работает эта вещь?»

Руководство ментата

Наступил день Квисатц Хадераха, первый священный день для последователей Муад'Диба. То был праздник обожествленного Пола Атрейдеса, как человека, который был всем сущим одновременно, мужским воплощением Бене Гессерит, человеком, в котором мужское и женское начала соединились, дав начало некоему Единому-во-Всем. Верующие называют этот день Аиль, то есть День Священной Жертвы, ибо он есть напоминание о том, что смерть сделала Муад'Диба «вездесущим».

Проповедник выбрал именно этот день, чтобы снова появиться на площади перед Храмом Алии, не обращая никакого внимания на приказ о своем аресте, который, как все

знали, был давно отдан. Существовало, правда, хрупкое перемирие между Священством и мятежными племенами, но само это перемирие воспринималось жителями Арракина как нечто неудобное и искусственное. Проповедник не рассеял это настроение.

Шел двадцать восьмой день официального траура по сыну Муад'Диба, шестой – после поминального ритуала Старого Прохода, который был отложен из-за мятежа. Но даже сражения не остановили хадж. Паломники продолжали прибывать на площадь перед храмом, и Проповедник знал, что вся она будет забита народом во время его появления. Большинство паломников желали встретить в Арракине Аиль, чтобы «проникнуться Священным Присутствием Квисатц Хадераха в Его день».

Проповедник вступил на площадь с первыми лучами солнца, но она была уже давно заполнена верующими. Рукой Проповедник держался за плечо поводыря, ощущая в походке юноши циничную гордость. Едва появившись на площади, Проповедник немедленно стал предметом всеобщего внимания, люди подмечали каждый нюанс в его поведении. Такое внимание не было неприятным для поводыря, а Проповедник воспринял это как печальную необходимость.

Поднявшись на третью ступень гигантской лестницы, Проповедник остановился, ожидая тишины. Когда воцарилось всеобщее молчание и стали слышны шаги тех, кто стремился занять место поближе к Проповеднику, он прочистил горло. В воздухе стоял утренний холод и предутренний мрак; огни на верхних этажах зданий уже погасли. Молчание было осязаемо, как вязкая серая масса. Проповедник заговорил.

– Я пришел воздать должное и почтить память Лето Атрейдеса Второго, – заговорил старик зычным голосом погонщика червей. – Я делаю это с большим сочувствием к тем, кто страдает. Я скажу вам, чему учил покойный Лето, – он учил тому, что завтрашний день еще не наступил и

может никогда не наступить. Здесь и сейчас – это единственное, что существует для нас в этой Вселенной. Я говорю вам: цените этот момент и постарайтесь понять, чему он учит вас. Говорю вам, что рост и смерть правителей очевидно заключаются в росте и смерти их подданных.

По площади прокатился ропот. Он что, издевается над смертью Лето Второго? Почему Священническая Стража не арестует тотчас дерзкого старика?

Алия знала, что ничего подобного не случится, никто не станет мешать Проповеднику. Это был ее приказ: не трогать Проповедника в этот день. Сегодня Алия была одета в добротный защитный костюм с маской и трубкой влагоуловителя, которые закрывали половину лица, верхняя часть которого была спрятана под капюшоном. Принцесса стояла во втором ряду, недалеко от Проповедника, и во все глаза смотрела на него. Неужели это Пол? Конечно, годы могли изменить его до полной неузнаваемости. Он всегда умел владеть Голосом, поэтому его трудно опознать по интонациям и тембру речи. Проповедник же творил со своим голосом что хотел. Пол не мог бы делать этого лучше. Алия не могла выступить против старика, не удостоверившись прежде, кто он такой на самом деле. Как ее озадачивали его слова!

В утверждениях Проповедника не было и тени иронии. Он использовал соблазнительную привлекательность законченных предложений, высказанных с трогательной искренностью. Люди могли споткнуться на понимании смысла высказываний, но потом понимали, что Проповедник и рассчитывал на то, что они споткнутся, чем и достигался эффект внушения и научения. Действительно, старик трогал толпу, когда говорил: «Ирония часто маскирует неспособность выйти за рамки собственных допущений. Я не пользуюсь иронией. Ганима сказала вам, что кровь Лето нельзя смыть. Я согласен с ней.

Будут говорить, что Лето ушел туда, куда ушел его отец, что он сделал то, что сделал его отец. Церковь Муад'Диба утверждает, что от своего собственного лица он выбрал путь

абсурда и упрямства, который оценит лишь история. Но история пишется заново сейчас, на наших глазах.

Я же говорю вам, что есть еще один урок, который надо извлечь из жизней и их окончания».

Алия, которая ловила каждый нюанс в речи старика, отметила, что Проповедник употребил слово «окончание», а не «смерть». Не хочет ли он сказать, что они оба или один из них – живы? Но этого просто не может быть. Вещающий Истину подтвердил правдивость рассказа Ганимы. Но что в таком случае делает Проповедник? Говорит ли он о мифе или о реальности?

– Хорошенько помните об этом другом уроке! – гремел Проповедник, воздев кверху руки. – Если вы станете одержимыми своим человеческим содержанием, то можете забыть о Вселенной!

Он опустил руки, направил пустые глазницы прямо на Алию. Он говорил именно с ней. Это было так явно, что несколько человек, стоявших рядом, принялись пристально ее разглядывать. Это мог быть Пол! Мог быть!

– Но я понимаю, что люди не часто выносят реальность Бытия, – продолжал Проповедник. – Большинство жизней – это бегство от себя. Люди предпочитают истине стабильность. Вы стоите в стойле и, опустив голову к корыту, довольно чавкаете до самой смерти. Другие же используют вас в своих целях. Этого не происходит, если вы поднимаете голову и начинаете осознавать себя своими собственными творениями. Муад'Диб явился, чтобы сказать вам об этом. Не понимая этого, как можете вы почитать его?!

Один из толпы, видимо, это был священник, не выдержал. Над толпой прокатился его грубый голос, срывающийся на крик.

– Ты не живешь жизнью Муад'Диба, так как же смеешь ты учить, как надо нам его почитать?!

– Потому что он мертв, – прогремел в ответ Проповедник.

Алия обернулась, чтобы рассмотреть, кто осмелился бросить вызов Проповеднику. Человек был скрыт от ее взгляда, но тут снова раздался его голос:

– Если ты воистину считаешь его мертвым, то ты останешься в одиночестве отныне и навсегда!

Несомненно, это был священник, подумала Алия, но не смогла узнать голос.

– Я пришел задать вам простой вопрос, – сказал Проповедник. – Неужели вы считаете, что за смертью Муад'Диба должно последовать моральное самоубийство всех людей? Это ли необходимое следствие прихода мессии?

– Так ты признаешь его мессией? – выкрикнул из толпы тот же голос.

– Отчего же нет? Ведь я пророк его времени.

В тоне и манерах Проповедника сквозила такая спокойная уверенность, что даже священник замолчал. Толпа отреагировала негромким, каким-то животным рокотом.

– Да, – подтвердил Проповедник, – я – пророк нашего времени.

Алия сконцентрировала на старике все свое внимание, отмечая модуляции его интонаций. Надо признать, что он мастерски владел Голосом. Проповедник свободно управлял настроением толпы. Он учился в Бене Гессерит? Еще одна уловка Защитной Миссии? Он вовсе не Пол, но еще один из бесчисленных винтиков механизма игры власти?

– Я высказываю миф и мечту! – крикнул Проповедник. – Я врач, который принимает роды и возвещает, что дитя родилось на свет. И я же прихожу к вам в минуту смерти. Это не тревожит вас? Это должно потрясти ваши души!

Несмотря на душивший ее гнев, Алия поняла направленность его речей. Вместе с другими она придвинулась ближе к высокому старику в одежде жителя Пустыни. Ее внимание привлек юный поводырь: как ясны его глаза, как сладок его облик! Стал бы Муад'Диб использовать столь бесстыдную юность?

– Я хочу растревожить вас! – продолжал кричать Проповедник. – Таково мое намерение! Я пришел бороться с мошенничеством и иллюзиями вашей застоявшейся и условной религии. Как и во всех таких религиях, ваши институты заражаются трусостью, лицемерием, инерцией и самодовольством!

В середине толпы зародился злобный ропот.

Алия почувствовала, как по толпе разливаются волны напряжения, и злорадно подумала, не случится ли расправа? Сможет ли Проповедник справиться с этим напряжением? Если нет, то его могут сейчас убить!

– Где тот священник, который бросил мне вызов? – вопросил Проповедник, указывая пальцем на середину толпы.

Он знает! – подумала Алия. Ее охватило почти сексуальное возбуждение. Этот Проповедник играет в опасные игры, но играет безупречно.

– Ты, священник, – позвал Проповедник, – ты подлинный капеллан самодовольства. Я пришел не для того, чтобы ниспровергнуть Муад'Диба – я пришел ниспровергнуть тебя! Для тебя действительна только та религия, которая ничего тебе не стоит и ради которой ты ничем не рискуешь, не так ли? Для тебя действительна только та религия, на которой ты жиреешь? Для тебя действительна только та религия, именем которой ты можешь безнаказанно совершать мерзости? Куда приведет тебя упадок исходного откровения? Ответь мне, священник!

Вызов остался без ответа. Алия поняла, что толпа снова благоговейно внимает словам старого Проповедника. Своими нападками на священников он снискал расположение толпы. И ведь ее шпионы сообщают, что большинство паломников и фрименов верят, что Проповедник и есть Муад'Диб.

– Сын Муад'Диба рискнул! – крикнул Проповедник, и в его голосе Алия уловила неподдельное рыдание. – Рискнул и Муад'Диб! Они оба заплатили свою цену! И чего добился Муад'Диб? Религии, которая покончила с ним самим!

Сколь многое перевернули бы эти слова, если бы их произносил сам Пол, – подумала Алия. – Я должна это узнать! Она протиснулась ближе к старику и могла уже, если бы захотела, дотронуться до него, вытянув руку. От Проповедника исходил дух Пустыни, аромат Пряности, смешанный с запахом кремнезема. Проповедник и его молодой поводырь были покрыты густым слоем пыли, словно они только что пришли из бледа. Кисти рук Проповедника были опутаны венами, на левой руке, на пальце, был след кольца – Пол носил кольцо с изображением ястреба Атрейдесов. Этот перстень лежал теперь в сиетче Табр. Его носил бы Лето, если бы не его смерть... или если бы она позволила ему унаследовать трон.

Проповедник снова направил свои глазницы на Алию и заговорил – очень задушевно, но так, что его слышала вся толпа.

– Муад'Диб показал вам две вещи: определенное будущее и неопределенное будущее. С полным осознанием он выступил против неопределенности огромной Вселенной. Он слепо сошел со своей позиции в этом мире. Он показал нам, что человек должен поступать так всегда – предпочитая неопределенное определенному. – Алия заметила, что к концу фразы тон его стал едва ли не жалобным.

Принцесса огляделась и незаметно коснулась рукой рукоятки отравленного кинжала. Что они будут делать, если я убью его прямо сейчас? Она снова ощутила дрожь, охватившую ее тело. Что, если я убью его, и, сказав, кто я, объявлю Проповедника самозванцем и еретиком!

А вдруг они докажут, что это действительно Пол?

Кто-то подтолкнул Алию еще ближе к Проповеднику. Она почувствовала, что трепещет в его присутствии, хотя этот трепет был смешан с неистовым гневом. Пол ли это? О, Господи! Что ей делать?

– Почему был взят от нас еще один Лето? – вопросил Проповедник. В голосе его звучала неподдельная боль. – Ответьте мне, если сможете. Ах, я понимаю, он оставил

определенность. – Старик перешел на сдавленный шепот: – Оставил определенность! Это самое глубокое веление времени. В этом-то и состоит вся жизнь. Мы все пробные камни, которыми испытывают неизвестное и неопределенное. Почему вы не можете услышать, что говорит вам Муад'Диб? Если определенность – это абсолютное знание абсолютного будущего, то она всего лишь замаскированная смерть. Такое будущее наступает только сейчас! Он показал вам это!

С ужасающей точностью Проповедник протянул руку и схватил Алию за кисть. Старик сделал это не колеблясь, точным и рассчитанным движением. Она попыталась вырваться, но он держал ее мертвой хваткой, и она едва не вскрикнула от боли. Люди вокруг отпрянули в полной растерянности.

– Что говорил тебе Муад'Диб, женщина? – громовым голосом спросил старик.

Откуда он знает, что я женщина? – спросила себя Алия. Она хотела погрузиться в свои жизни, спросить совета, но в душе, испуганной этой фигурой из прошлого, царило полное молчание.

– Он говорил тебе, что завершенность тождественна смерти! – кричал Проповедник. – Абсолютное предсказание – это завершенность... это смерть!

Она снова попыталась вырваться из его железных пальцев, ударить его ножом, но не посмела этого сделать. Никогда еще не была она так испугана.

Проповедник вскинул голову и возвысил голос, обращаясь к толпе.

– Я передам вам слова Муад'Диба! Он сказал: «Я окуну твое лицо в то, чего ты так хочешь избежать. Мне не кажется странным, что единственное, во что ты хочешь верить, это в то, что приносит тебе удобство. Как еще объяснить, что люди постоянно изобретают для себя ловушки, которые повергают их в посредственность? Как еще можно определить трусость?» Вот что сказал тебе Муад'Диб!

Он отпустил руку Алии и оттолкнул ее в толпу. Она упала бы, если бы ее не поддержали люди.

– Существовать – это значит выступить вперед, сойти с удобной подставки, добровольно лишиться опоры, – продолжал Проповедник. – Вы не мыслите и не существуете, если не хотите рискнуть своим здоровьем и душевным покоем ради верного суждения о своем существовании.

Спустившись, Проповедник снова безошибочно взял Алию за руку. На этот раз он был намного аккуратнее и не причинил ей боли. Наклонившись, он шепнул женщине на ухо только ей одной предназначенные слова: «Не пытайся еще раз задвинуть меня на задний план, сестрица».

Произнеся эти слова, он положил руку на плечо поводыря и направился в толпу. Люди расступались перед этой странной парой. Отовсюду тянулись руки желающих прикоснуться к пророку, однако люди делали это осторожно, со страхом думая, кто может скрываться под простой накидкой фримена Пустыни.

Потрясенная Алия осталась стоять на месте, словно пригвожденная к плитам площади. Толпа ушла вслед за Проповедником, оставив ее одну.

Ей все стало ясно – это Пол, не оставалось никаких сомнений. Она чувствовала сейчас то же, что чувствовала толпа. Она находилась в святом месте, и вся ее вселенная рушилась вокруг нее. Она хотела кинуться вслед за ним, умолять его спасти ее от самой себя, но она не могла сдвинуться с места. Все остальные пошли вслед за Проповедником, одна Алия осталась стоять на месте, словно пораженная молнией. Ее опьянило абсолютное отчаяние, это был такой тяжкий удар, что она могла только дрожать, не способная пошевелить ни одним мускулом.

Что мне делать? «Что мне делать?» – спрашивала она себя.

У нее нет даже ни Дункана, на которого она могла бы опереться, ни матери. Внутренние голоса молчали. Была Ганима, которую держали под надежной охраной в Убежище,

но не могла же Алия вылить свое отчаяние на оставшуюся в живых девочку.

Все обернулось против меня. Что я могу сделать?

* * *

Односторонний взгляд на нашу Вселенную говорит о том, что вы не должны искать проблемы вдали от себя. Такие проблемы могут вообще никогда не возникнуть. Вместо этого займитесь волком, который гуляет у вас на скотном дворе. Те трудности, которые громоздятся снаружи, могут оказаться воображаемыми.

Книга Азхара; Шамра 1:4

Джессика ожидала Айдахо у окна своего кабинета. Это была уютная комната с мягкими диванами и старинными стульями. Не было никаких подвесных кресел, а светильники казались пришельцами из далеких эпох. Окно выходило на сад.

Она услышала, как служанка открыла дверь, а потом шаги Айдахо – сначала по деревянному полу, потом по ковру. Джессика не повернула головы, продолжая смотреть на зеленую траву внутреннего двора. Надо подавить смятение, страх и волнение. Она глубоко вдохнула по методике пранабинду и почувствовала, как в ее душу вливается спокойствие.

Солнце стояло почти в зените, в столбе света вилась пыль, между липами серебристо сверкала паутина. Ветви деревьев почти доставали до окна. В кабинете было прохладно, но за запечатанным окном стояла одуряющая жара. Замок Коррино располагался в области стоячих болот, и вид зеленой травы двора был обманчив.

Джессика слышала, что Айдахо остановился у нее за спиной.

Женщина заговорила, не поворачивая головы:

– Дар слова – это дар обмана и иллюзий, Дункан. Зачем ты хочешь говорить мне слова?

– Возможно, выживет только один из нас, – ответил он.

– И ты хочешь, чтобы я доложила о твоих героических усилиях на этом поприще? – Она обернулась, увидела, как спокойно он стоит, оглядывая ее своими металлическими глазами, по которым нельзя было определить направление взора. Как пусты эти искусственные глаза!

– Дункан, неужели ты так беспокоишься о своем месте в истории?

В ее голосе звучали обвиняющие нотки, и она вспомнила тот момент, когда впервые столкнулась с этим человеком. Он был тогда пьян, не говоря уже о том, что его приставили к ней в качестве соглядатая. Его тогда раздирали два чувства долга. Правда, тогда это был живой Айдахо, это было до того, как он стал гхола. Теперь перед Джессикой стоял совершенно другой человек. Этот не страдает раздвоением личности, и никакие эмоции его не раздирают.

Он доказал справедливость ее мнения улыбкой.

– У истории собственный суд, и она выносит свои независимые суждения, – сказал он. – Я сомневаюсь, что буду сильно переживать, когда история огласит мой приговор.

– Зачем ты здесь? – спросила она.

– По той же причине, что и вы, – ответил Айдахо.

Ни одним движением не выдала Джессика той бури чувств, которые всколыхнули ее душу при этих простых словах. Он действительно знает, зачем я здесь? Откуда? Об истинной цели моего пребывания здесь знает только Ганима. Неужели у Айдахо было достаточно данных для производства логических операций и вычислений? Это вполне возможно. Что если он что-то сказал для того, чтобы ее выслали отсюда? Сделал бы он это, если бы знал об истинной цели прибытия в Дом Коррино? Он знает, что каждое движение, каждое слово наше просматривается и прослушивается Фарад'ном и его слугами.

– Дом Атрейдес находится на трудном перепутье, – заговорила она. – Семья разделилась на враждующие партии.

Ты был одним из самых верных людей моего герцога, Дункан, и когда барон Харконнен...

– Давайте не будем говорить о бароне, – возразил Айдахо. – Это было другое время, да и герцог ваш давно мертв. – Не может ли она знать, что Пол догадался, что кровь Харконненов течет в жилах Атрейдес? – подумал Айдахо. Это был большой риск для Пола, но Дункан еще крепче привязался к нему после этого откровения. Такое доверие стоит дороже любых денег, ведь Пол знал, что сделал барон Айдахо.

– Дом Атрейдес еще не мертв, – произнесла Джессика.

– Что такое Дом Атрейдес? – спросил Дункан. – Это вы? Или Алия? Ганима? Может быть, это люди, которые служат Атрейдесам? Я смотрю на всех этих людей и вижу, что за их словами таится тяжкий, мучительный труд! Как могут они быть Атрейдесами? Ваш сын правильно сказал: «Муки и гонения преследуют тех, кто идет за мной». Я хочу нарушить эту традицию, моя госпожа.

– Ты действительно переметнулся к Фарад'ну?

– Разве это не то же, что сделали и вы, моя госпожа? Разве вы не явились сюда для того, чтобы убедить Фарад'на в том, что его женитьба на Ганиме решит все наши проблемы?

Он и в самом деле так думает? – поразилась Джессика. – Или он говорит это только для вездесущих шпионов?

– Дом Атрейдес всегда был исключительно сильно предан одной идее, – промолвила Джессика. – Мы всегда платили верностью за верность.

– Служение людям, – презрительно произнес Айдахо. – Ах, как часто я слышал эти слова от вашего герцога. Должно быть, ему не очень уютно лежать в могиле, моя госпожа.

– Неужели ты думаешь, что мы действительно столь низко пали?

– Моя госпожа, вы знаете, что есть фрименские мятежники – они называют себя «маркграфами Внутренней Пустыни» – которые проклинают Атрейдесов и даже самого Муад'Диба?

– Я слышала, как об этом говорил Фарад'н, – ответила Джессика, стараясь понять, куда клонит Айдахо.

– Есть кое-что кроме того, что говорит Фарад'н. Есть много больше того. Я лично слышал это проклятие. Вот оно: «Да снизойдет на вас небесный огонь, Атрейдесы! Да не будет у вас ни души, ни духа, ни тела, ни тени, ни магии, ни костей, ни волос, ни фраз, ни слов. Да не будет у вас могил, ни домов, ни нор, ни гробниц. Да не будет у вас ни садов, ни деревьев, ни кустов. Да не будет у вас ни воды, ни хлеба, ни света, ни огня. Да не будет у вас ни детей, ни семьи, ни наследников, ни племени. Да не будет у вас ни головы, ни рук, ни ног, ни ходьбы, ни семени. Да не будет для вас места ни на одной планете. Да не смогут ваши души восстать из бездны, да не смогут они жить на земле. Никогда не сможете вы оседлать Шаи-Хулуда, но погибнете вы в мерзости, растерзают вас и разметают по лицу земли и никогда дух ваш не войдет в свет славы и ныне, и присно и вовеки веков». Такое вот проклятие, моя госпожа. Могли ли вы ожидать такой ненависти от фременов? Они причисляют всех Атрейдесов к проклятым от левой руки Женщины-Солнца, которая полна всесожигающего пламени.

Джессика содрогнулась. Айдахо воспроизвел проклятие с теми же интонациями, с которыми он их слышал. В этом не могло быть сомнений. Зачем он показывает это Дому Коррино? Она живо представила себе разъяренного фримена, страшного в своем гневе, который стоит перед людьми своего племени и произносит перед ними древнее проклятие. Зачем Айдахо надо, чтобы это слышал Фарад'н?

– Это очень сильный аргумент в пользу женитьбы Фарад'на на Ганиме, – сказала Джессика.

– Вы всегда смотрели на проблемы однобоко, – произнес Айдахо. – Ганима – фременка. Она может выйти замуж только за такого человека, который не платит фай, то есть налога на защиту. Дом Коррино потерял все свои владения в ОСПЧТ – они достались вашему сыну и его наследникам. Фарад'н существует только с молчаливого попустительства

Атрейдесов. Вы же помните, что сказал герцог, когда водрузил на Арракисе свой флаг с ястребом? «Здесь я есьм и здесь я остаюсь!» Его кости лежат на Арракисе. И Фарад'ну тоже придется жить на Арракисе, да еще вместе со своими сардаукарами.

Айдахо покачал головой, словно недоумевая, как вообще можно думать о таком мезальянсе.

– Есть старая поговорка о том, что любую проблему можно очистить, как луковицу, – произнесла Джессика ледяным тоном. Как он смеет поучать меня таким покровительственным тоном? Если, конечно, это не представление для шпионов Фарад'на...

– Как бы то ни было, я не могу представить себе, как фримены и сардаукары уживутся на Арракисе, – сказал Айдахо. – Это слой, который невозможно счистить.

Джессике не понравилась мысль, которую Дункан хотел внушить Фарад'ну и его советникам. Она резко запротестовала.

– Атрейдесы пока еще диктуют законы Империи!

Не хочет ли Айдахо убедить Фарад'на в том, что он может получить трон без помощи Атрейдисов?

– О да! – язвительно воскликнул Айдахо. – Я чуть было не забыл. Законы Атрейдесов! Так, во всяком случае, переводят это словосочетание Жрецы Золотого Эликсира. Стоит мне только закрыть глаза, и я слышу слова незабвенного герцога: «Настоящие состояния зарабатываются только насилием или угрозой его применения». Состояния валяются под ногами – так, кажется, пел об этом Гурни. Цель оправдывает средства. Я не перепутал поговорки? При этом не важно, направляется ли противнику кулак в виде легионов мятежных фременов, дисциплинированных сардаукаров или в виде законов Атрейдесов – кулак в любом случае присутствует. Так что в этом случае шелуха не желает слезать с лука, моя госпожа! Интересно только, какого кулака потребует Фарад'н?

Что он делает? – ужаснулась Джессика. – Дом Коррино раскусит наш диалог и будет злорадно над ним потешаться.

– Итак, ты думаешь, что священники не разрешат Ганиме выйти замуж за Фарад'на? – Джессика запустила пробный шар, чтобы понять, в какое русло направляет их беседу Дункан.

– Конечно! Боже упаси! Священники сделают все, что им прикажет Алия своим декретом. Скорее она сама выйдет замуж за Фарад'на!

Не этого ли он в действительности хочет?

– Нет, моя госпожа, – сказал Айдахо. – Дело вовсе не в этом. Народ Империи не способен отличить правительство Атрейдесов от правительства Зверя Раббана. В арракинских застенках каждый день умирают люди. Я покинул Арракис, потому что не могу больше своим мечом служить Атрейдесам ни одного часа! Неужели вы не понимаете, почему я прибыл сюда, о чем я вообще говорю? Неужели не понимаете, почему я пришел к вам, ближайшей представительнице Атрейдесов? Империя Атрейдесов предала герцога и его сына. Я любил вашу дочь, но наши пути разошлись. Если дело дойдет до этого, то я посоветую Фарад'ну принять руку Ганимы – или Алии, – но только на его условиях.

Ах, вот оно что! Он обставляет свой уход со службы Атрейдесам на почетных для себя условиях! Но как понять другие вещи, о которых он говорил и которые могут сослужить ей неплохую службу, сделав за нее кое-какую работу? Она нахмурилась и посмотрела на Айдахо.

– Ты что, не понимаешь, что шпионы записывают каждое наше слово?

– Шпионы? – он широко улыбнулся. – Конечно, они подслушивают нас так же, как и я подслушивал бы на их месте. Вы так и не поняли, что моя верность стала несколько иной за последние несколько лет? В Пустыне, особенно ночью, когда отовсюду грозит опасность, в голову лезут разные тяжелые мысли.

– Именно там ты слышал то самое проклятие?

– Да, это было в племени аль-Куруба. По заданию Проповедника я присоединился к ним, моя госпожа. Мы называли себя Зарр Садус, то есть теми, кто отказался подчиниться священникам. Я здесь для того, чтобы сделать Атрейдесам формальное заявление: я ухожу от вас на территорию противника.

Джессика внимательно разглядывала Айдахо, стремясь найти в его словах какой-то скрытый смысл или намек, но тщетно. Неужели он и вправду переметнулся к Фарад'ну? Она вспомнила максиму Общины Сестер: В делах человеческих не бывает длительного постоянства; все эти дела развиваются по спирали, все дальше и дальше удаляясь от центра. Если Айдахо действительно решил оставить знамена Атрейдесов, то его поведение вполне объяснимо. Он ходил вокруг да около, но отметать возможность предательства полностью нельзя.

Но зачем он подчеркнул, что выполнял задание Проповедника?

Мысли Джессики метались, и, обдумывая альтернативы, она решила, что ей надо было убить Айдахо. План, на который были возложены слишком большие надежды, был столь деликатен, что его нельзя было доверять каким бы то ни было случайностям. Никаким. Она осмотрела комнату и переместилась в позицию, удобную для нанесения смертельного удара.

– Я всегда считала, что нормализующий эффект faufreluche был столпом нашего могущества, – сказала она. Пусть помучается, затем она сменила тему разговора. – Совет Земель Великих Домов, региональные Советы заседателей, все они заслуживают нашего...

– Вам не удастся меня отвлечь.

Айдахо подивился тому, насколько прозрачными стали ее действия. Неужели она так расслабилась в заточении, или ему удалось-таки пробить стену ее бене-гессеритской неуязвимости? Видимо, верно, последнее, но что-то произошло и с ней самой – она постарела. Айдахо стало грустно от того,

что он понял, чем старые фримены отличаются от новых – это было очень малое различие, но оно было. Уход в небытие Пустыни был уходом чего-то очень дорогого; он не мог бы описать эти чувства точно так же, как не мог он описать того, что произошло с госпожой Джессикой.

Она уставилась на Айдахо, не в силах скрыть ни своего изумления, ни своей реакции. Как легко он читает ее мысли!

– Вы не убьете меня, – сказал он. Дункан использовал для этого старинное фрименское предупреждение: «Не бросайте свою кровь на мой нож». Я стал почти прирожденным фрименом, – подумал он при этом. Прихотлива линия судьбы, заставившей его глубоко воспринять обычаи планеты, приютившей его на вторую жизнь.

– Я думаю, что тебе лучше уйти, – сказала она.

– Я не уйду до тех пор, пока вы не примете мое прошение об отставке со службы Атрейдесам.

– Я его приняла! – выкрикнула Джессика. Только после того, как слова были сказаны, она поняла сколь многое было построено в этой перепалке на чистых рефлексах. Нужно время, чтобы осмыслить и взвесить все происшедшее. Как мог Айдахо понять, что она собирается делать? Она не верила, что он может с помощью Пряности пронзать Время.

Айдахо пятился от Джессики до тех пор, пока не уперся спиной в дверь. Он поклонился.

– Я еще раз, в последний раз назову вас моей госпожой. Я посоветую Фарад'ну выслать вас на Валлах, аккуратно и быстро, в первый же подходящий момент. Вы слишком опасная игрушка, чтобы держать вас рядом. Хотя я не думаю, что он относится к вам, как к игрушке. Вы работаете для Общины Сестер, а не для Атрейдесов. Я сомневаюсь, что вы вообще когда-нибудь служили интересам Атрейдесов. Вы – ведьмы – проникаете в слишком темные глубины, чтобы вам мог доверять простой смертный.

– Гхола, считающий себя простым смертным, – язвительно отозвалась Джессика.

– По сравнению с вами, – сказал он.

– Уходи! – приказала Джессика.

– Я только этого и хочу. – Он выскользнул из двери, пройдя мимо служанки, бросившей на него любопытствующий взгляд. Она, очевидно, подслушала их разговор.

Сделано, – подумал он. – Этот разговор можно прочитать только одним способом.

* * *

Только математика может дать доступное представление о способности Муад'Диба точно предвидеть будущее. Во-первых, постулируем наличие в пространстве любого количества точек, имеющих координаты. (Это классическая n-мерная развернутая совокупность n-измерений.) В такой сетевой структуре Время, и это является общепринятым, становится совокупностью одномерных свойств. Приложив это к феномену Муад'Диба, мы либо сталкиваемся с новыми свойствами Времени, либо (сокращая их количество посредством исчисления бесконечно малых) с отдельными системами, проявляющими в совокупности свойства n-мерного тела. Для случая Муад'Диба мы выберем последнее. Как было показано, точки, имеющие координаты в n-мерном пространстве, способны существовать только в различных сетевых структурах Времени. Таким образом, различные измерения Времени могут сосуществовать друг с другом. Таким образом, существует только одно объяснение: Муад'Диб понимал n-мерность не как развернутую совокупность, но как некоторые операции внутри единой сетевой структуры. В действительности он просто заморозил свою вселенную в некой сети, и это был его взгляд на Время.

Палимбаша, Лекции, читанные в сиетче Табр

Лето лежал на гребне дюны, рассматривая лежавший за полосой песка извилистый отрог скалы. В утреннем свете этот отрог казался огромным червем, плоским и устрашающим. Вокруг не было видно никакого движения. В небе ни одной птицы, между скал не снуют звери. Почти в самой середине «спины» червя были видны щели ветроуловителя – там должна быть вода. Весь отрог напоминал по конфигурации сиетч с его системой защиты – единственным отличием было отсутствие в этом сиетче каких-либо признаков

жизни. Зарывшись в песок, Лето спокойно и неторопливо наблюдал.

В голове неотвязно и монотонно звучала одна из мелодий Гурни Халлека:

Крадутся чуть слышно лисы под холмом,
И солнце светит над прудом,
Где спит моя любовь.
А под холмом растет трава,
Любовь не встанет никогда,
Она лежит в могиле,
В могиле под холмом.

Где же вход в этот заброшенный сиетч? – размышлял Лето.

Он определенно чувствовал, что это и есть Якуруту-Фондак, но что-то было не так, помимо отсутствия животных и птиц. На окраинах сознания мерцал какой-то предостерегающий огонек.

Так что лежит под холмом?

Отсутствие зверей настораживало. Это будило в Лето фрименское ощущение тревоги. Когда речь идет о выживании в Пустыне, то самое страшное – это отсутствие, оно говорит гораздо красноречивее, чем присутствие. Однако в скале были ветроуловители. Значит, там была и вода, и люди, которые пользуются этой водой. Это место было строжайшим табу, его прятали под названием Фондак, а первоначальное имя было утеряно даже в памяти старых фрименов. Не было здесь ни птиц, ни зверей.

Здесь не было и людей, но ведь именно отсюда начинается Золотой Путь.

Отец однажды сказал: «Вокруг нас неизведанное встречается на каждом шагу. Именно в нем следует черпать знания».

Лето посмотрел направо – вдоль гребня дюны. Здесь недавно прошла страшная буря, обнажившая гипсовое дно давно высохшего озера Азрак. Суеверные фримены утверждали, что того, кто увидит белую землю – Биян, охватит обоюдоострое желание, желание, которое уничтожит несчастного. Лето же видел в этом гипсе только дно бывшего озера. Значит, на Арракисе существовали когда-то открытые водоемы.

И будут существовать снова.

Он посмотрел вверх, оглядел горизонт и небосвод, надеясь хотя бы там найти признаки малейшего движения. Небо после бури было затянуто пеленой пыли, в которой местами виднелись просветы – словно прорехи в одеяле. Сквозь эти прорехи светило высокое серебристое солнце, лучи которого превращали пыль в молочный туман.

Лето снова начал осматривать извилистую скалу. Он достал из фримпакета бинокль, подкрутил окуляры и пристально вгляделся в сплошную серость отрога, в котором когда-то жили люди Якуруту. Мощные линзы приблизили колючий кустарник, который в народе называли Королевой Ночи. Кустарник был особенно густым в затененных расселинах, в которых мог скрываться вход в сиетч. Лето осмотрел отрог на всем протяжении. Серебристое солнце превращало красные краски в серые, придавая длинной скале скучный вид. Лето повернулся на другой бок, спиной к скале, и внимательно осмотрел в бинокль горизонт. Нигде не было видно никаких следов человека. Ветер уничтожил даже его собственные следы – было видно только круглое углубление в том месте, где Лето спрыгнул с червя.

Он снова посмотрел на Якуруту. Кроме того, что в скале были ветроуловители, не было никаких следов того, что

здесь в обозримом отрезке времени бывали люди. Если бы не скала, то глазу было бы не за что зацепиться в этом выбеленном солнечным зноем песке. Пустыня от горизонта до горизонта.

Лето внезапно почувствовал, что оказался здесь только потому, что отказался ограничить себя рамками системы, завещанной ему предками. Он подумал о том, как смотрели на него люди, чувствовал при этом, что все они, за исключением Ганимы, впадают в одну и ту же ошибку.

Исключительно по воле той массы чужой памяти этот ребенок никогда не был ребенком.

Я один должен взять на себя ответственность за наше решение, – подумал он.

Он еще раз внимательно осмотрел скалу по всей длине. По всем описаниям это мог быть только Фондак, только Якуруту. Он ощутил странное чувство едва ли не родственной близости к табу этого места. По способу Бене Гессерит он открыл свое сознание Якуруту, страстно желая ничего не знать об этом месте. Знание – это барьер, препятствующий научению. Несколько мгновений он старался попасть в резонанс чувству, ничего не требуя и не задавая вопросов.

Проблема заключалась в отсутствии животных, это была частность, но она насторожила Лето. Потом он понял: не было видно птиц, питающихся падалью, – ни орлов, ни грифов, ни ястребов. Каждое место в Пустыне, где есть вода, имеет свою животную пищевую цепь. В конце этой цепи всегда присутствуют санитары – охотники за падалью. Ни одно животное не поинтересовалось его персоной. Как хорошо Лето знал этих «ищеек сиетча» – птиц, гнездящихся в расщелинах скал, примитивных любителей мертвой плоти. Фримены называют этих птиц «наши соперники», причем это говорится без зависти и злобы, потому что эти птицы появляются при приближении чужаков.

Что, если этот Фондак покинули даже контрабандисты?

Лето выпил немного воды из влагоуловителя.

Что, если здесь и в самом деле нет воды?

Он оценил свое положение. Он приехал сюда, загнав по дороге двух червей, оставив их здесь полумертвыми. Он находится сейчас во Внутренней Пустыне, где должны находиться контрабандисты. Если здесь существует жизнь, если она может существовать, то она существует только при наличии воды.

Что, если здесь все-таки нет воды? Что, если это не Фондак и не Якуруту?

Он еще раз навел бинокль на ветроуловитель. Его наружный край был изъеден песком и нуждался в ремонте, но вода там вполне могла быть. Здесь обязательно должна быть вода.

Но что, если ее все-таки нет?

Покинутый сиетч мог просто потерять воду – она могла просто-напросто испариться в любой из всевозможных катастроф.

Но почему нет стервятников? Они убиты из-за воды? Но кем? Как можно было извести такую массу птиц? Ядом?

Отравленной водой.

В легендах о Якуруту нет упоминаний о цистернах с отравленной водой, но они вполне могут быть. Первоначальные стаи могли погибнуть, но потом должны были появиться новые. Почему их нет? Идуали были истреблены несколько поколений назад и никогда и нигде не было упоминаний о яде в цистернах Якуруту. Лето снова осмотрел скалу в бинокль. Как мог исчезнуть сиетч? Конечно, кого-то в нем нет. Редко все обитатели сиетча сидят дома. По Пустыне бредут караваны контрабандистов, некоторые партии направляются в города.

С негодующим вздохом Лето отложил в сторону бинокль. Спустившись на противоположную сиетчу сторону дюны, Лето вырыл углубление, прикрепил к его стенкам защитный тент, тщательно его замаскировал и удобно устроился во влажной темноте, чтобы провести в ней самые жаркие часы. По членам текла истома. Полдня Лето провел в полудреме и грезил, представляя себе все те ошибки, которые он

мог совершить. В своих грезах Лето защищался от ошибок, но какая могла быть самозащита в том суде, который выбрали они с Ганимой. Неудача сожжет их души. Лето съел пряный бисквит и уснул, проснулся он только для того, чтобы попить и снова поесть, и опять уснул. Путешествие было долгим и послужило суровым испытанием для детских мышц Лето.

Вечером Лето проснулся бодрым и посвежевшим и сразу прислушался, нет ли признаков жизни в вечерней Пустыне. Он выполз из песчаного укрытия. Высоко в небе неслась пыль, но Лето сразу почувствовал, что по его щекам бьет песок, который несет ветер с противоположной стороны – такое бывает только к смене погоды. Наверняка надвигается буря.

Лето осторожно взобрался на гребень дюны и в который уж раз всмотрелся в загадочную скалу. Воздух приобрел желтый цвет. Надвигалась буря Кориолиса – буря, чреватая смертью. Фронт переносимого такой бурей песка достигал четырех градусов широты. Гипсовое дно высохшего озера было теперь желтым от облаков взметенного ветром песка. Лето захватила обманчивая тишина вечера. День вдруг перешел в ночь, стремительную ночь Внутренней Пустыни. Скалы превратились в угловатые пики, высвеченные инеем света Первой Луны. Лето почувствовал, как по его щекам бьют струйки песка. До слуха мальчика донеслись раскаты, словно в отдалении кто-то бил в гигантский барабан. Внезапно в темном пространстве между луной и землей Лето заметил какое-то движение: летучие мыши. Он слышал шорох их крыльев и тонкий писк.

Летучие мыши.

Намеренно или случайно, но это место порождало ощущение покинутости. Но ведь именно здесь должна быть легендарная цитадель контрабандистов – Фондак. Но если это не Фондак? Что, если табу все еще действует и этот сиетч – всего лишь оболочка призрачного Якуруту?

Лето пробрался к подножию дюны и затаился, прислушиваясь к звукам ночи. Терпение и осторожность, осторожность и терпение. Когда-то он развлекался тем, что вместе с Чосером совершал путешествие из Лондона в Кентербери, отмечая места, начиная с Саутворка: две мили до колодца Святого Фомы, пять миль до Деатфорда, шесть миль до Гринвича, тридцать миль до Рочестера, сорок миль до Ситтингборна, сорок пять миль до Бафтона, что под Блейном, пятьдесят восемь миль до Харблдона и шестьдесят миль до Кентербери. Знание того, что мало кто из людей сможет вспомнить Чосера или Лондон, за исключением Лондона, расположенного на Гансириде, придавало Лето ощущение плавания вне времени и пространства. Святой Фома сохранился в Оранжевой Библии и в книге Азхара, но Кентербери исчез из памяти людской так же, как и планета, на которой находился некогда этот населенный пункт. Это был гнет его памяти, всех тех жизней, которые грозили поглотить и унести его. Однажды он совершил свое паломничество в Кентербери.

Нынешнее путешествие было, однако, длиннее и гораздо опаснее.

Лето перелез через гребень дюны и направился к скале, залитой лунным светом. Мальчик старался слиться с тенями и не издавать звуков, чтобы не привлекать внимания, пересекая гребни дюн.

Пыль исчезла, как это часто бывает перед бурей, и ночь стала прозрачной. Днем в Пустыне не было никаких признаков жизни, однако сейчас Лето слышал шорохи – по песку перебегали мелкие животные.

В распадке между двумя дюнами он натолкнулся на семейство тушканчиков, которые бросились в разные стороны при его приближении. Лето взобрался на следующий гребень – его начало снедать беспокойство. Та расщелина, которую он видел, – она действительно ведет к воротам сиетча? Были и другие заботы: сиетчи старых времен были окружены западнями – ямами с отравленными шипами на

дне и отравленными колючками растений на дорогах. Лето вспомнил неписаную заповедь фрименов: Ночной разум питается ушами. И он прислушивался, стараясь ловить самые неслышные звуки.

Серая скала высилась над Лето, словно сказочный исполин; он подошел к ней вплотную. Прислушавшись, он уловил звуки, которые производили охотившиеся птицы, дневные птицы. Что заставило этот мир перевернуться? Близость человека?

Внезапно Лето инстинктивно застыл, прижавшись к песку. В расселине скалы был свет. На фоне непроглядной тьмы в расселине весело плясал огонек, словно сигнализируя пришельцам о том, что сиетч обитаем. Кто же населяет это место? Лето заполз в самую густую тень под скалой, вытянул вперед руку и, ощупывая скалу в поисках расселины, которую видел днем, медленно двинулся вперед. На восьмом шаге он нащупал расселину и, достав из сумки дыхательную трубку, несколько раз ткнул ею в пространство перед собой. Двинувшись дальше, он вдруг ощутил, как гибкие прутья охватили тело, обездвижив его.

Капкан!

Лето победил желание немедленно вырваться из ловушки, при малейшем движении прутья только сильнее впивались в плоть. Он выпустил из рук трубку, согнул пальцы левой руки и попробовал дотянуться до ножа, висевшего на поясе. Какой же он наивный – надо было бросить в расселину что-нибудь с безопасного расстояния. Он слишком увлекся огнем на вершине утеса.

При каждом движении хватка капкана становилась все более удушающей, но Лето все-таки смог дотянуться до рукоятки ножа. Осторожно он сомкнул пальцы на ней и начал вытягивать клинок из ножен.

Внезапно вспыхнувший свет ослепил и парализовал мальчика.

– Ах, какая великолепная добыча попалась к нам в силки, – раздался грубый мужской голос откуда-то позади Лето,

интонация голоса показалась ему странно знакомой. Лето попытался повернуть голову, помня о том, что прутья могут задушить его, если он будет двигаться слишком вольно.

Чья-то сильная рука выхватила у него нож, заодно прихватив мелкие приспособления, которые они с Ганимой взяли с собой, чтобы выжить в Пустыне. Ничто не ускользнуло от внимания напавшего – он даже извлек из волос Лето маленькую удавку из шиги.

Мальчик все еще не видел мужчину.

Пальцы последнего что-то сделали с прутьями, и Лето смог глубоко вдохнуть, но голос предупредил:

– Не вырывайся, Лето Атрейдес. Твоя вода – в моей чаше.

Усилием воли мальчик заставил себя не двигаться.

– Тебе известно мое имя? – спросил он.

– Конечно! Кто ставит силок, рассчитывает на особую добычу, не правда ли?

Лето оставался внешне спокойным, но внутри у него все буквально бурлило.

– Думаешь, что тебя предали? – снова заговорил низкий голос. Сильные мужские руки не без некоторой нежности повернули мальчика. Взрослый мужчина объяснил ребенку, как обстоят дела, и кто из них сильнее.

Лето всмотрелся в яркий свет, на фоне которого чернел силуэт защитного костюма, лицо человека было закрыто маской, голова прикрыта капюшоном. Когда глаза привыкли к темноте, Лето разглядел узкую полоску кожи лица и глаза человека, зависимого от Пряности.

– Ты хочешь спросить, зачем нам все эти хлопоты, – произнес человек глуховатым голосом. Было такое впечатление, что он старается скрыть акцент.

– Я уже давно перестал удивляться числу людей, желающих смерти близнецам Атрейдесам, – сказал Лето. – Их основания очевидны.

Произнося эти слова, Лето бился о неизвестное, словно о прутья клетки, лихорадочно стараясь найти ответ. Расставленная ловушка? Но кто мог знать, кроме Ганимы? Это

невозможно! Ганима никогда не предала бы брата. Кто-то мог предсказать действия Лето, хорошо его зная, но кто? Бабушка? Но как она могла?

– Тебе нельзя позволить идти тем путем, каким ты идешь, – продолжал между тем человек. – Это очень плохой путь. Прежде чем ты взойдешь на трон, ты должен получить соответствующее образование.

Глаза без белков уставились на Лето.

– Ты хочешь спросить, кому может прийти в голову бредовая идея учить такого человека, как ты? Тебя, обладающего знаниями бесчисленного множества людей, чьей памятью ты обладаешь? Но ты увидишь, что именно поэтому-то тебя и надо учить. Ты мнишь себя образованным, но ты есть не что иное, как хранилище мертвых жизней. У тебя нет еще своей собственной жизни. Ты пляшешь на поверхности чужих, давно отошедших душ, у всех у них одна цель – искать смерти. Ты заполнил свое окружение трупами. Твой отец, например, никогда не понимал, что...

– Ты осмеливаешься так дерзко говорить о моем отце?

– Я всегда осмеливался делать это. Он был всего лишь Пол Атрейдес. Ну что ж, мальчик, добро пожаловать в нашу школу.

Выпростав руку из-под одежды, мужчина потрепал Лето по щеке. Вслед за этим Лето ощутил легкий толчок и направился вниз по ступенькам в темноту, где развевался зеленый флаг. То было зеленое знамя Атрейдесов с символами дня и ночи на полотнище вместе с изображением водяной трубы – знака Дюны. Последнее, что услышал Лето, теряя сознание, было журчание воды. А может быть, это был чей-то издевательский смех?

* * *

Мы все еще помним золотое время до Гейзенберга, который показал людям стены, ограничивающие наши предопределенные аргументы. Жизни, обитающие во мне, находят это забавным. Знания, и это очевидно, бесполезны без цели, но цель возводит эти ограничительные стены.

Лето Атрейдес Второй, Его Голос

Алия хрипло отчитывала стражников в фойе храма. Их было девять, в запыленной зеленой форме пригородных патрулей. Люди все еще тяжело дышали, отирая пот после большой нагрузки. Вечерело, неяркий свет лился из дверного проема позади гвардейцев. Площадь была уже давно очищена от паломников.

– Итак, мои приказы уже ничего для вас не значат? – угрожающе спросила она.

Ей было удивительно, что она даже не пытается сдержать гнев, позволяя ему свободно изливаться на головы солдат. Все тело Алии сотрясалось от неимоверного напряжения. Айдахо исчез… Госпожа Джессика тоже… никаких сообщений… одни слухи о том, что они на Салусе. Почему Айдахо не прислал донесения? Что он сделал? Узнал ли он что-нибудь о Джавиде?

На Алие был надет желтый наряд – знак траура, желтый – цвет обжигающего солнца, цвет горя в истории фрименов. Через несколько минут ей предстоит возглавить последнюю, вторую погребальную процессию к Старой Пропасти, где надо установить траурный знак в честь утраченного племянника. В течение ночи работы по возведению памятника будут завершены, он будет установлен для увековечения имени того, кому было предназначено быть вождем фрименов.

Священническая стража не чувствовала себя ни смущенной, ни пристыженной гневом принцессы. Они стояли напротив нее, облитые тусклым светом заходящего солнца. Сквозь тонкую ткань декоративных городских защитных костюмов легко пробивался запах их пота. Начальник стражи,

высокий блондин Каза с гербом семьи Каделам, снял с лица маску, чтобы она не мешала ему говорить. Голос его был исполнен гордыни – как-никак Каза был отпрыском династии, некогда правившей сиетчем Аббиром.

– Конечно, мы хотели его схватить!

Стражник был взбешен и раздосадован гневом Алии:

– Он богохульствует! Мы знаем приказ, но мы все слышали собственными ушами!

– Тогда почему вы его не схватили? – тихо, но угрожающе спросила Алия.

Другая стражница, невысокая молодая женщина, попыталась оправдаться.

– Там была такая толпа! Клянусь вам, люди мешали нам поймать Проповедника!

– Мы организуем погоню, – пообещал Каделам. – Не всегда же будут нас преследовать неудачи.

Алия нахмурилась:

– Почему вы не хотите ничего понимать и не подчиняетесь моим приказам?

– Моя госпожа, мы...

– Что ты будешь делать, потомок Каделама, если, схватив этого человека, обнаружишь, что это мой брат?

Каза не мог не понять, что скрывалось за словами Алии. Будучи священником, он осознавал это и не хотел приносить себя в жертву.

От волнения он судорожно перевел дух, но сказал то, что думал:

– Мы должны сами его убить, чтобы он не сеял беспорядки.

Другие стражники пришли в ужас от таких слов, но продолжали стоять на своем. Они лично слышали слова Проповедника.

– Он призывает племена объединиться против вас, – сказал Каделам.

Теперь Алия знала, как справиться с этим человеком. Она заговорила спокойным, будничным тоном:

– Понятно. Если ты решил пожертвовать собой таким способом, то есть взять его открыто, не скрывая того, кто ты такой и что делаешь, то думаю, что ты должен это сделать.

– Пожертвовать моей… – он осекся и взглянул на своих товарищей. Как командир группы он имел право говорить от ее имени, но на этот раз Каделам смолчал. В группе возникло неловкое замешательство. В пылу они выказали неповиновение Алие и теперь могли только гадать, чем обернется такое поведение с «Чревом Неба». Между стражниками и командиром образовалось свободное пространство.

– Для блага Церкви наша официальная реакция должна быть суровой, – сказала Алия. – Ты меня хорошо понял?

– Но он…

– Я все слышала сама, – отрезала Алия. – Но это особый случай.

– Он не может быть Муад'Дибом, моя госпожа!

Как мало ты понимаешь, – подумала Алия.

– Мы не можем рисковать и арестовывать его прилюдно, – сказала она вслух. – Мы не можем причинять ему вред на глазах толпы. Если, конечно, представится возможность, тогда…

– Но в последние дни он постоянно окружен толпами народа.

– Тогда, боюсь, вы должны проявить терпение. Если, конечно, вам угодно повиноваться мне… – Алия не закончила фразу, но смысл ее был и без того ясен. Этот Каделам амбициозен, его манит блестящая карьера.

– Мы не желали оказывать вам неповиновение, моя госпожа, – командир овладел собой. – Мы действовали в спешке. Простите нас, но он…

– Ничего не случилось и мне нечего прощать, – ответила Алия старинной фрименской формулой. Именно так соблюдался мир в племенах. Этот Каделам был истинным сыном Пустыни, в нем еще не погибла закваска наибов. Вина была кнутом наиба, и пользоваться им надо было скупо. Фримен

лучше всего служит, если он свободен от чувства вины и озлобления.

Каделам все понял, потому что тоже ответил старинной формулой:

– Во благо племени я все понял.

– Идите и приведите себя в порядок, – приказала Алия. – Процессия двинется через несколько минут.

– Слушаюсь, моя госпожа, – стражники, облегченно вздохнув, поспешили к выходу, радуясь, что на этот раз так легко отделались.

В мозгу Алии раздался рокочущий бас:

– Ловко ты это провернула. Один или двое из них все еще думают, что ты действительно жаждешь убить Проповедника. Они найдут способ это сделать.

– Заткнись, – прошипела Алия. – Заткнись! Мне не следовало тебя слушать. Посмотри, что ты наделал...

– Стань лучше на путь бессмертия, – невозмутимо промолвил бас.

Эти слова болью отозвались под сводами ее черепа. Где мне спрятаться? Мне просто некуда деться!

– Нож Ганимы остер, – продолжал вещать барон. – Помни об этом.

Алия зажмурила глаза. Да, ей есть о чем помнить. Нож Ганимы остер. Этот нож, пожалуй, сможет вывести их всех из того затруднительного положения, в котором они оказались.

* * *

Когда вы верите словам, вы в действительности верите в скрытые за ними аргументы. Если вы верите, что нечто является верным или неверным, истинным или ложным, то вы верите в допущения слов, выражающих аргументы. Эти допущения часто страдают противоречиями и умолчаниями, но они дороги сердцу того, кто убежден в их истинности.

Открытое доказательство из «Оружия пророчества»

Лето всплывал в сознание, охваченный смесью острых запахов. Он узнал тяжкую пряность меланжи, запах пота рабочих мускулистых тел, едкий дух мертвого тела, удушающий запах пыли и кремния. Запахи прокладывали путь в зыбучем песке сна, создавали форму из тумана мертвой земли. Лето понимал, что эти запахи должны ему о чем-то рассказать, но не мог сейчас слушать их говор.

Мысли, подобно духам смерти, витали в его сознании: Сейчас у меня нет своих собственных черт; я весь состою из моих предков. Солнце, которое садится в песок, садится в мою душу. Когда-то многое воинство в моей душе было неизмеримо велико, но теперь этому настал конец. Я фримен и закончу свою жизнь как подобает фримену. Золотой Путь закончился, не начавшись. Этот путь есть не что иное, как колея, занесенная песком. Мы, фримены, знаем, как прятаться: мы не оставляем после себя ни кала, ни мочи, ни следов... Смотрите, как исчезает мой след.

Где-то очень близко от его уха прозвучал знакомый мужественный голос:

– Я мог убить тебя, Атрейдес. Я мог убить тебя, Атрейдес... – Эта фраза повторялась бесконечно, до полной потери смысла, став просто литанией, вплетающейся в сновидение. – Я мог убить тебя, Атрейдес.

Лето кашлянул, чтобы прочистить горло. Все его чувства были потрясены простотой того действия, которое содержалось в этом предложении.

– Кто... – прошептал Лето, превозмогая сухость в горле.

– Я – образованный фримен, – произнес голос. – Я убил мужа своего племени. Вы забрали у нас наших богов, Атрейдес. Какое нам дело до вашего вонючего Муад'Диба? Ваш бог мертв!

Был ли это реальный голос Ураба или просто еще одна часть его сновидения? Лето открыл глаза и только теперь понял, что без всяких оков лежит на жестком ложе. Подняв взгляд, мальчик увидел грубые каменные стены, тусклые лампы и лицо, которое было так близко, что Лето ощутил запах дыхания, насыщенного запахами пищи сиетча. Лицо было чисто фрименским: нельзя было ошибиться, глядя на темную кожу, резкие черты иссушенного солнцем лица. В этом человеке не было ни унции лишнего жира избалованного городского жителя. То был фримен Пустыни.

– Меня зовут Намри, я – отец Джавида, – произнес фримен. – Теперь ты узнаешь меня, Атрейдес?

– Я знаю Джавида, – выдохнул Лето.

– Да, твоя семья хорошо знает моего сына. Я горжусь им. Скоро вы, Атрейдесы, узнаете его еще лучше.

– Что?..

– Я – один из твоих учителей, Атрейдес. При этом у меня только одна функция: я – тот, кто мог бы убить тебя. Я бы сделал это с великой радостью. Особенность нашей школы заключается в том, что только те, кто ее успешно заканчивает, остаются в живых. Тот, кто не справляется с учением, попадает в мои руки.

В голосе говорившего Лето уловил неподдельную искренность. По спине мальчика пробежал холодок. Перед ним был гом джаббар в образе человека, враг, который испытывает его, Лето, право на участие в конкурсе жизни. В этом деянии Лето узнал руку бабки и безликий, стоявший за ее спиной Бене Гессерит. При этой мысли он содрогнулся.

– Твое образование начнется с меня, – снова заговорил Намри. – Это справедливо. Это то, что нужно. Потому что оно может мною и закончиться. Теперь слушай меня

внимательно. Каждое мое слово – это твоя жизнь. Все, что связано со мной, может означать твою смерть.

Лето еще раз оглядел помещение: голые стены из скальной породы и ложе. Больше ничего, кроме выхода, черная пасть которого темнела за спиной Намри.

– Ты не сможешь пройти мимо меня, – сказал он, и Лето понял, что человек говорит правду.

– Зачем ты это делаешь? – спросил мальчик.

– Я уже дал тебе ответ на этот вопрос. Подумай, какие планы роятся в твоей голове! Но вот ты здесь и не можешь применить знание о будущем к своему нынешнему положению. Эти двое – прошлое и настоящее – никогда не встречаются. Но если ты действительно знаешь прошлое, если ты оглянешься назад и поймешь, где ты находился, и кто ты был, то попробовать стоит. Если же ты ничего не поймешь, то это будет означать твою смерть.

В тоне Намри Лето не уловил злобы, но голос был тверд, в нем не было отрицания смерти как таковой.

Намри поднялся и взглянул на потолок.

– В старые времена фримены на рассвете смотрели на восток. Рассвет на одном древнем языке называется эос. Ты знаешь об этом?

– Я говорю на этом языке, – не скрывая горечи, с гордостью ответил Лето.

– Значит, ты меня не слушал, – произнес Намри, и в его голосе прозвучали стальные ноты. – Ночь была временем хаоса. День – временем порядка. Так было во времена того языка, на котором, как ты утверждаешь, ты умеешь говорить: тьма – беспорядок, свет – порядок. Мы, фримены, изменили это. Эос – это свет, которому мы никогда не доверяли. Мы всегда предпочитали свету солнца свет луны и звезд. В свете слишком много порядка, и это может стать губительным для человека. Теперь ты понимаешь, что сделали вы – Атрейдесы-Эос? Человек – это порождение только такого света, который защищает его. Солнце же всегда было

врагом Дюны. – Намри снова посмотрел на Лето. – Какой свет предпочитаешь ты, Атрейдес?

По деланому спокойствию Намри Лето понял, что этот вопрос очень много значит. Убьет ли его этот человек, если он даст неверный ответ? Вполне возможно. Лето увидел, что рука Намри лежит на рукоятке отравленного ножа, палец был украшен кольцом с изображением магической черепахи.

Упершись на локтях, Лето приподнялся, стараясь проникнуть в суть фрименских верований. Эти старые фримены любили внимать воле Закона, которому доверяли, в форме пространных аналогий. Свет луны?

– Я предпочитаю... свет лизану Л'хакк, – сказал Лето, наблюдая за нюансами реакции Намри. Человек выглядел разочарованным, но при этом все же убрал руку с ножа. – Это свет истины, свет совершенного человека, в котором заметно влияние аль-Мутакаллима. Какой другой свет может предпочесть человек? – продолжил Лето.

– Ты говорил это без веры, а прочел наизусть, – сказал Намри.

Ведь я действительно прочел ответ наизусть, – подумал Лето. Он почувствовал, однако, что в настроении Намри наметился перелом. Слова мальчика будут просеиваться сквозь сито древней игры в загадки. Надо было только находить правильные отгадки в примерах, переполнявших его память. Пароль: Молчание. Отзыв: Друг гонимых.

Намри кивнул, словно соглашаясь с такими мыслями, и произнес:

– Есть пещера – это пещера жизни фримена. Это настоящая пещера, скрытая в песках Пустыни. Шаи-Хулуд, праотец всех фрименов, запечатал эту пещеру. Об этой пещере мне рассказывал мой дядя Зиамад, а он никогда не лгал. Такая пещера действительно существует.

В интонациях замолкшего Намри послышался вызов. Пещера жизни?

– Мой дядя Стилгар тоже говорил мне об этой пещере, – сказал Лето. – Она была запечатана, чтобы в ней не прятались трусы.

Глаза Намри сверкнули в свете ламп.

– Станешь ли ты, Атрейдес, открывать эту пещеру? Ты пытаешься управлять жизнью с помощью слуг-министров: вашего Центрального Министерства Информации, Аукафа и хаджа. Маулана зовут Каузар. Он прошел большой путь, ведь этот человек из семьи, работавшей на соляных шахтах в Ниязи. Скажи мне, Атрейдес, чем плохи твои министры?

Лето сел. Теперь он окончательно понял, что его вовлекли в старинную игру-загадку, вел игру Намри, а ставкой в ней была смерть. Было ясно, что этот человек пустит в ход нож при первом же неверном ответе.

Намри словно прочитал его мысли:

– Верь мне, Атрейдес, я без колебаний сокрушаю дураков. Я – Железный Молот.

Вот теперь Лето действительно понял все. Намри видел себя Мирзабахом, железным молотом, которым били тех умерших, которые не могли правильно отвечать на вопросы, служившие пропуском в рай.

– Чем плохо Центральное Министерство, созданное Алией и ее священниками?

Лето задумался над тем, зачем он явился в Пустыню, и к нему вернулась слабая надежда, что Золотой Путь еще появится в его мире. В вопросе Намри был только один простой смысл – узнать, какие мотивы повлекли родного сына Муад'Диба в Пустыню.

– Верный путь может указать только Бог, – ответил Лето.

Подбородок Намри резко дернулся, мужчина сурово посмотрел на мальчика:

– Действительно ли ты веришь в это?

– Только поэтому я здесь, – ответил Лето.

– Чтобы найти этот путь?

– Чтобы открыть его для себя, – продолжал Лето. Он свесил ноги с ложа. На холодном полу не было ковра. –

Священники создали свое министерство, чтобы скрыть путь истины.

– Ты говоришь, как настоящий повстанец, – сказал Намри и потер перстень с черепахой. – Ну что ж, посмотрим. Слушай меня внимательно еще раз. Знаешь ли ты Защитный Вал Джелалэд-дина? На этом валу есть знаки, вырубленные там моей семьей в первые дни. Джавид, мой сын, видел эти знаки. Видел их и мой племянник, Абеди Джалал. Муджахид Шафкат, из других, тоже видел их. Я ходил в те места вместе с другом, Якупом Абадом, во время сезона бурь в Суккаре. Дули такие жаркие ветры, что нам пришлось повертеться – это был настоящий танец Пустыни. Нам не удалось увидеть знаки, бури преградили нам путь. Но когда она миновала, мы узрели видение Тхатты над взметенным песком. В тот момент мы увидели лицо Шакира Али, который взирал сверху на свой город могильных памятников. Видение исчезло в то же мгновение, но мы все видели это. Скажи мне, Атрейдес, где могу я найти этот город мертвых?

Вихри, которые научили нас танцу, – подумал Лето. – Видение Тхатты и Шакир Али. То были слова Дзенсунни Путника, одного из тех, кто считал себя единственным мужем в Пустыне.

Фрименам запрещено иметь надгробия.

– Город надгробий находится в конце пути, которым следуют все смертные, – ответил Лето и углубился в блаженные рассуждения Дзенсунни. – Он расположен на площади в тысячу шагов. К нему ведет коридор длиной двести и тридцать три шага и шириной в сто шагов, выложенный плитами драгоценного мрамора из древнего Джайпура. Там живет ар-Раззак, который дает пищу всем алчущим. И в Судный день все, кто восстанет и будет искать город надгробий, не найдут его, ибо сказано в писании: «То, что знаете в одном мире, не отыщете в другом».

– Ты опять читаешь не то, во что веришь, – насмешливо произнес Намри. – Но я принимаю тебя, потому что думаю, что ты действительно знаешь, зачем ты здесь. – Губ

мужчины коснулась холодная усмешка: – Я дам тебе условное будущее, Атрейдес.

Лето тревожно взглянул на Намри. Не замаскированный ли это вопрос?

– Хорошо! – удовлетворенно сказал фримен. – Твой ум подготовлен. Я спрячу шипы. Но хочу сказать тебе еще одно. Ты слышал что-нибудь об имитациях защитных костюмов, которые носят в городах далекого Кадриша?

Намри ждал, а Лето лихорадочно искал в уме скрытый в вопросе смысл. Имитация защитного костюма? Их носят на многих планетах. Лето заговорил: «Суетные обычаи Кадриша – это старая и часто повторяющаяся история. Мудрое животное сливается со своим родным окружением».

Намри медленно кивнул.

– Скоро ты увидишь того, кто поймал тебя и привел сюда. Не пытайся выйти отсюда, это будет стоить тебе жизни. – Поднявшись, Намри вышел в темный проход.

Лето долго сидел, глядя вслед старому фримену. С противоположной стороны коридора доносились спокойные голоса стражей. Из головы мальчика не выходила история о мираже с чудесным видением, рассказанная Намри. В памяти всплыли свежие воспоминания о недавнем переходе через Пустыню. Неважно теперь, здесь ли находится Фондак-Якуруту. Намри не контрабандист. Он неизмеримо более важная и могущественная личность. Игра Намри отдавала духом бабки, от этого действа за милю несло Бене Гессерит. Во всем замысле было что-то удручающе опасное. Но единственным выходом из пещеры был проход, через который вышел Намри. За проходом – странный сиетч, а за ним бескрайняя Пустыня. Жестокая суровость этой Пустыни, ее упорядоченный хаос с миражами и бесчисленными дюнами были частью одной огромной западни, в которую он попал. Можно снова пересечь пески, но куда приведет его бегство на этот раз? Мысли Лето стали подобны стоячей воде. Такая вода не утоляет жажду.

* * *

Вследствие того, что человеческое сознание погружено в понимание Времени, как униполярной прямой, человек склонен думать обо всем последовательными словесными структурами. Эта ментальная ловушка является причиной зыбких концепций и условием неожиданных, непредсказуемых действий в кризисных ситуациях.

Лиет-Кинес. Рабочие записные книжки

Слова и движения должны быть одновременными, – напомнила себе Джессика, мысленно готовясь к назначенной встрече.

Недавно прошел завтрак, и золотистое солнце Салусы Секундус только-только коснулось дальнего угла сада, видного из окна покоев Джессики. Для этой встречи она тщательно оделась: черный плащ Преподобной Матери с капюшоном, украшенный, правда, гребнем Атрейдесов, вышитым золотом вдоль подола и по обшлагам рукавов. Повернувшись спиной к окну, Джессика так расположила детали одежды и так положила руку на пояс, что вошедшему сразу бросались в глаза ястребы, украшавшие гребень.

Фарад'н сразу заметил герб Атрейдесов на одежде Джессики и сказал ей об этом, но в его тоне не было ни гнева, ни удивления. Правда, в голосе проскользнули насмешливые нотки, и это удивило Джессику. Сам принц был одет в серое трико, которое она сама предложила ему надеть. Фарад'н сел на низкий зеленый диван, куда жестом усадила его женщина и свободно закинул руку на спинку дивана.

«Почему я ей доверяю?» – спросил принц сам себя. – Ведь это ведьма Бене Гессерит!

Джессика угадала его мысль по контрасту между расслабленной позой и напряженным выражением лица. Она улыбнулась.

– Ты доверяешь мне, потому что мы заключили выгодную сделку и потому, что ты хочешь того, чему я могу тебя научить.

Джессика увидела, как принц слегка поднял бровь, и махнула рукой, чтобы успокоить Фарад'на.

– Нет, нет, я не умею читать мысли. Я читаю лицо, тело, манеры, интонации голоса, положение рук. Это может делать каждый. Кто изучает Путь Бене Гессерит.

– И... ты будешь меня учить?

– Я уверена, что ты внимательно изучал донесения о нашей деятельности, – ответила она. – Было ли хоть одно, в котором бы сообщалось, что мы не выполняем прямых обещаний?

– Таких донесений не было, но...

– Отчасти мы выжили за счет того доверия, которое люди испытывают к нашей честности. Это положение не изменилось.

– Я нахожу это объяснение достаточным и горю желанием начать.

– Я очень удивлена, что ты никогда не просил Бене Гессерит прислать тебе учителя, – сказала Джессика. – Они не упустили бы возможность сделать тебя своим должником.

– Моя мать просто не стала бы меня слушать, если бы я попросил ее об этом, – признался принц. – Но теперь...

Он пожал плечами, красноречиво прокомментировав изгнание Венсиции.

– Так начнем?

– Это следовало бы начать, когда ты был моложе, – сказала Джессика. – Теперь учение будет для тебя более трудным и продлится дольше. Тебе придется учиться терпению, великому терпению. Я молю Бога, чтобы это не показалось тебе слишком высокой платой за обучение.

– Но награда стоит таких жертв.

В его тоне Джессика уловила искренность, подавленные ожидания и оттенок благоговейного трепета. Можно было начинать.

– Итак, искусство терпения, начнем с элементарного упражнения прана-бинду для ног, рук и дыхания. Кистями и пальцами мы займемся позже. Ты готов?

Она села на стул лицом к Фарад'ну.

Принц кивнул, стараясь выражением ожидания скрыть внезапно подступивший страх. Тиеканик предупреждал, что в предложении госпожи Джессики кроется какая-то хитрость, какое-то колдовство, придуманное Общиной Сестер. «Ни в коем случае не верьте, что она оставила их или, они оставили ее», – сказал башар. Тогда Фарад'н грубо оборвал Тиеканика, о чем сейчас очень жалел. Эмоциональная реакция быстро заставила его согласиться с осторожностью старого воина. Фарад'н окинул взором углы комнаты, отмечая тусклый блеск глазков, спрятанных в укромных местах. Это были глазки камер, фиксирующих все происходящее в комнате. Потом лучшие умы истолкуют все, что произойдет между Фарад'ном и Джессикой.

Она улыбнулась, проследив его взгляд, но не стала говорить, что знает, куда он посмотрел.

– Для того, чтобы научиться терпению по способу Бене Гессерит, надо начать с того, чтобы проникнуться первородной нестабильностью нашей Вселенной. Мы называем природу – имея в виду цельность всей совокупности ее проявлений – Окончательным НеАбсолютом. Чтобы освободить свое зрение от пут и осознать эти обусловленные природой пути изменения, вытяни руки перед собой на всю их длину. Посмотри на вытянутые кисти, сначала на ладони, а потом на тыл. Хорошенько рассмотри пальцы: спереди, сзади. Сделай это.

Чувствуя себя полным глупцом, Фарад'н подчинился. Это были его руки, в этом он был совершенно уверен.

– Вообрази, что твои руки стареют, – сказала Джессика. – Они должны стать очень старыми у меня на глазах. Очень, очень старыми. Смотри, как высыхает кожа...

– Мои руки не меняются, – сказал он, чувствуя, как дрожат мышцы предплечий.

– Продолжай пристально смотреть на свои руки. Сделай их старыми, настолько старыми, насколько тебе это удастся. Это может занять некоторое время. Но когда ты увидишь,

что они стали старыми, обрати процесс вспять. Постарайся менять их возраст от младенчества до старости, туда и обратно, туда и обратно.

– Но они не меняются, – запротестовал Фарад'н, чувствуя, как начинает ломить плечи.

– Если ты потребуешь этого от своих чувств, то они непременно постареют, – сказала она. – Сконцентрируй свое внимание на течении времени, того времени, которое тебе нужно: от младенчества до старости, от старости до младенчества. Это может занять у тебя часы. Дни, месяцы. Но этого можно достичь. Обращение же изменений научит тебя видеть каждую систему, как нечто, обращающееся в относительной стабильности, но только относительной.

– Я думал, что меня обучают терпению. – Джессика уловила в его голосе раздражение; юноша был на грани фрустрации.

– Теперь что касается относительной стабильности. – Это перспектива, которую ты создаешь собственной верой, а верой можно манипулировать с помощью воображения. Ты научен только ограниченному взгляду на вселенную. Теперь же ты должен сделать Вселенную своим собственным творением. Это позволит тебе взнуздать Вселенную и использовать ее в своих интересах, в таких интересах, которые ты только сможешь себе вообразить.

– И сколько времени, ты говоришь, это может занять?

– Терпение, – напомнила она принцу.

Фарад'н неожиданно для себя улыбнулся. Теперь его глаза были прикованы к Джессике.

– Смотри на свои руки! – скомандовала она.

Усмешка исчезла с лица Фарад'на, словно ее и не было. Взгляд его дернулся и застыл, зафиксировавшись на вытянутых руках.

– Что я должен делать, если у меня устанут руки? – спросил он.

– Перестань болтать и концентрируй внимание, – сказала Джессика. – Если ты очень сильно устанешь, то

прекрати упражнение. В этом надо быть упорным и обязательно добиться результата. В твоем нынешнем состоянии это настолько важно для тебя, что ты даже представить себе не можешь. Выучи этот урок, иначе у тебя ничего больше не получится.

Фарад'н сделал глубокий вдох, прикусил губу и уставился на свои руки. Он медленно поворачивал их – вверх, вниз, вверх, вниз, вверх... Плечи дрожали от утомления. Вперед, назад... но ничего не изменилось.

Джессика встала и направилась к единственной двери.

– Куда ты уходишь? – спросил он, не меняя напряженного выражения лица, выражавшего предельную концентрацию внимания.

– Тебе будет лучше работаться, если ты останешься один. Я вернусь приблизительно через час. Терпение.

– Я все понял.

Несколько мгновений она внимательно изучала принца. Он выглядел очень целеустремленно. Сердце вдруг защемило – Фарад'н напомнил ей утраченного сына. Она позволила себе вздохнуть.

– Когда я вернусь, то научу тебя, как снимать мышечную усталость. Дай себе время. Ты сам удивишься тому, что ты сможешь делать со своим телом и своими чувствами.

Она вышла из комнаты.

Вездесущие стражники стояли в трех шагах от нее, пока она расхаживала по холлу. Благоговение и страх были буквально написаны на лицах охранников. Они были сардаукарами, трижды предупрежденными о ее доблестях, воспитанными на историях своего поражения от фременов на Арракисе. Эта ведьма была фременской Преподобной Матерью и Бене Гессерит из рода Атрейдесов.

Джессика оглянулась, напряженные каменные лица охранников она воспринимала как столбы, как вехи своего пути. Она повернулась, спустилась по лестнице и вышла в сад под своими окнами.

Теперь все зависит от того, могут ли Гурни и Айдахо сыграть свои партии, – подумала она, слыша, как шуршит гравий под ее ногами, и видя, как золотистые лучи солнца просеиваются сквозь густую листву.

* * *

Закончив следующую ступень своего ментального образования, вы научитесь интегральным коммуникационным методам. Это гештальт-функция, с помощью которой можно направлять поток данных в ваше сознание, разрешая при этом сложность и громоздкость введения, применяя технику индексирования каталогов, которой вы уже овладели. Начальная проблема будет заключаться в снятии напряжения, возникающего от увеличивающегося рассеянного собрания минимальных, но многочисленных фактов, касающихся конкретных отдельных объектов. Но предупреждаем! Без этой интеграции вы окажетесь неспособными решить проблему Бабеля, как мы обозначаем постоянную опасность сделать неверные выводы из точных исходных данных.

Руководство ментата

Звук шелестящей материи пробудил в Лето проблески сознания. Он был удивлен, что довел свою восприимчивость до такой степени, что мог идентифицировать ткань по этому шелесту. Было ясно, что фрименская одежда трется о занавеску. Лето обернулся на звук. Он исходил от перехода, в который вышел Намри несколько минут назад. Как только Лето повернулся, в пещеру вошел захвативший его человек. Это был несомненно тот же самый человек. Та же темная полоска кожи над маской защитного костюма, те же самые сухие глаза. Человек поднял руку, вытащил из ноздрей влагоуловитель, снял маску и в ту же секунду откинул с головы капюшон. Не успев даже толком рассмотреть шрам на нижней челюсти, Лето мгновенно узнал этого человека. Узнавание было цельным в своей осознанности, восприятие мелких деталей пришло позже. Никакой ошибки быть не могло,

этот перекати-поле в человеческом облике, этот воин-трубадур, был не кто иной, как Гурни Халлек!

Лето изо всех сил сжал кулаки, пораженный до глубины души этим узнаванием. Ни один телохранитель Атрейдесов не отличался такой верностью, как Гурни. Никто не сражался лучше, защищая их. Это было доверенное лицо Пола, его учитель.

Он был слугой госпожи Джессики.

Мало этого, он стал теперь его, Лето, тюремщиком. Гурни и Намри оба состояли в этом заговоре. В нем чувствовалась рука Джессики.

– Насколько я понимаю, ты уже познакомился с нашим Намри, – сказал Халлек. – Умоляю, верь ему, молодой господин. Он исполняет одну и только одну функцию. Только он один способен убить тебя, если в этом возникнет нужда.

Лето ответил, автоматически заговорив тоном отца:

– Так ты присоединился к моим врагам, Гурни! Я никогда не думал...

– Не пробуй на мне свои дьявольские штучки, парень, – ответил Халлек. – Я к ним не чувствителен. Я всего лишь исполняю приказы твоей бабки. Твое образование было спланировано до мельчайших деталей. Именно она одобрила мой выбор Намри. Все, что будет сделано потом, как бы болезненно это ни было, будет делаться по ее команде.

– И в чем же заключается ее команда?

Халлек поднял руку с зажатым в ней примитивным, но надежным фрименским инъектором. Цилиндр шприца был наполнен голубой жидкостью.

Лето вспрыгнул на ложе и уперся спиной в грубую стену. В это мгновение вошел Намри, встал рядом с Халлеком и положил руку на нож. Вдвоем они блокировали единственный выход из пещеры.

– Я вижу, что ты узнал эссенцию Пряности, – промолвил Халлек. – Тебе придется отправиться в путешествие с червем, парень. Ты должен пройти через это. В противном

случае, то, на что отважился твой отец и не отважишься ты, будет висеть над тобой всю оставшуюся жизнь.

Не говоря ни слова, Лето отрицательно покачал головой. Они с Ганимой знали, что эта эссенция может оказаться сильнее их. Гурни – просто невежественный глупец! Как могла Джессика… Лето ощутил присутствие отца в своей памяти. Он вторгся в сознание сына, стараясь разрушить его защиту. Лето хотелось рычать от ярости, но губы не повиновались. Этого онемения больше всего на свете боялось его предрожденное сознание. То был транс предзнания, прочтение неизменного будущего, со всеми его ужасами и неизбежностью. Джессика не могла обречь родного внука на такую пытку. Но ее присутствие в сознании было несомненным, это наполняло его аргументами «за». Литания против страха давила его своей монотонностью. «Я не должен бояться. Страх убивает рассудок. Страх – это маленькая смерть, которая приводит к полному отупению. Я встречу свой страх. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет…»

С проклятиями, которые были стары как мир, когда Халдея была еще совсем юной, Лето попытался броситься на двух мужчин, склонившихся над ним, но мускулы отказались служить ему. Словно уже пребывая в трансе, Лето видел, как рука Халлека с шприцем приблизилась к нему. От стенок цилиндра с голубоватой жидкостью отразился свет лампы. Игла коснулась руки Лето. Боль пронзила руку и отдалась в голове.

Внезапно Лето увидел молодую женщину, сидевшую у входа в жалкую, грубую хижину. Женщина жарила кофейные зерна, которые становились розовато-коричневыми, добавляя к ним корицу и меланжу. За спиной мальчика раздались жалобные звуки старинной трехструнной скрипки. Музыка отдавалась эхом бесконечно, пока наконец не вошла в его голову, продолжая отдаваться эхом под сводами черепа. Тело начало раздуваться, становясь непомерно большим, очень большим и совсем не детским. Кожа стала чужой, она

больше не принадлежала Лето. Он очень хорошо знал это ощущение. Это была не его кожа! По всему телу разлилось тепло. Столь же внезапно Лето увидел, что стоит в полной темноте. Была ночь. Из блистающего космоса, подобно дождю, падали гроздья янтарных звезд.

Часть его сознания понимала, что выхода нет, но он продолжал сопротивляться до тех пор, пока отец не сказал ему: «Я защищу тебя во время транса. Другие души не возьмут власть над тобой».

Ветер свалил Лето с ног, перевернул его, свистя и пронося над ним тучи песка и пыли. Песок резал руки, лицо, срывал одежду, трепал концы разорванной, бесполезной уже ткани. Но боли мальчик не чувствовал, видя, как раны зарастают столь же быстро, как и появляются. Но ветер продолжал катить его по земле. И кожа перестала быть его.

Это все-таки случится, – подумал он.

Мысль пришла откуда-то издалека, словно это была не его мысль; она не принадлежала ему точно так же, как кожа.

Видение поглотило его. Видение являло собой стереоскопическую память, разделявшую прошлое и настоящее, будущее и настоящее, прошлое и будущее. Каждое разделение смешивалось с другими в тройном фокусе, что воспринималось Лето в виде трехмерной карты его будущего существования.

Он думал: Время есть мера пространства, так же как поисковый прибор есть мера пространства, однако сам процесс измерения запирает нас в месте, которое мы измеряем.

Он чувствовал, что транс становится глубже. Это происходило, как умножение внутреннего сознания, пропитанного сознанием своей идентичности, посредством которой он ощущал изменения, происходящие в нем. То было живое Время, и он не мог остановить или прервать его течение ни на одно мгновение. Лето затопили фрагменты памяти, будущее и настоящее. Однако все эти фрагменты существовали словно монтаж движущихся изображений. Отношения между ними напоминали непрестанный танец. Память

стала линзой, ярким рыскающим в непрестанных поисках светом, который выхватывал из тьмы фрагменты, отделял их друг от друга, но не был в состоянии остановить хоть на миг бесконечное движение и изменения, которые, сменяя друг друга, появлялись перед его внутренним взором.

Вот в луче этого света появились их с Ганимой планы. Он видел их очень ясно, но теперь они ужаснули его. Видение было настолько правдивым, что Лето испытал боль. Некритично воспринимаемая неизбежность заставило его ego съежиться от страха.

И его кожа тоже больше не принадлежала ему! Прошлое и настоящее прорывались сквозь него, ломая барьеры ужаса. Он не мог более отделить прошлое от настоящего. В один из моментов он почувствовал, что идет во главе бутлерианского джихада, полный стремления уничтожить любую машину, которая осмелится имитировать человеческое сознание. Должно быть, это было прошлое – все, что он видел, было задумано, сделано и исполнено. Но сознание Лето вновь переживало трагедию в мельчайших деталях. Вот он слышит, как с трибуны вещает заместитель министра: «Мы должны уничтожить машины, способные думать. Люди должны следовать по своему пути самостоятельно. Машина не может сделать это за человека. Обоснование зависит от программы, а не от железа, в котором эта программа воплощена. Мы, люди, и есть самая совершенная и окончательная программа».

Он слышит голос совершенно ясно и даже представляет, в какой обстановке все это происходит, – в огромном деревянном зале с занавешенными окнами. Помещение освещено колеблющимся пламенем. Заместитель министра продолжает говорить: «Наш джихад – это «опрокидывающая программа». Мы опрокинем вещи, которые уничтожают нас как людей».

Лето помнил, что говоривший был когда-то слугой компьютеров, он знал их и служил им. Сцена погасала, и вот Лето видит Ганиму, которая стоит перед ним и говорит:

«Гурни знает. Он говорил мне. Они действуют по слову Дункана, а Дункан говорил как ментат. «Делая добро – избегайте огласки, а делая дурное – избегайте самоосознания».

Должно быть, это было будущее, далекое будущее, но воспринималось оно как несомненная реальность. Будущее было таким же насыщенным, как и прошлое из его бесчисленных памятей. Он прошептал: «Это правда, отец?»

Но образ отца ответил лишь предостережением: «Не призывай на свою голову катастрофу! Сейчас ты обучаешься стробоскопическому сознанию. Без него ты можешь убежать от самого себя и потерять свое место во времени».

Но воображаемый барельеф продолжал двигаться перед глазами Лето. В мозг стучались непрошеные пришельцы. Прошлое-настоящее-теперь. Все вместе, без всякого видимого разделения. Он понимал, что надо плыть по течению, но само такое плавание ужасало его до глубины души. Как он сможет вернуться хотя бы в одно знакомое место? Однако Лето и сам чувствовал, что вынужден прекратить всякие попытки сопротивляться. Он не мог воспринимать Вселенную как совокупность неподвижных, маркированных объектов. Ни один объект не был неподвижным. Никакие вещи не могли быть четко раз и навсегда упорядочены и сформулированы. Надо было найти ритм изменений и между изменениями отыскать саму суть изменчивости. Не зная, где и с чего все это начинается, он двигался в гигантском moment bienheureux[22], способный видеть прошлое в будущем, настоящее в прошлом, а теперь как в прошлом, так и в будущем. Это был опыт, накопленный за столетия, прошедшие между двумя ударами сердца.

Сознание Лето свободно блуждало, лишенное компенсирующих барьеров и психологической защиты. «Условное будущее» Намри тоже присутствовало, но сосуществовало с другими вариантами будущности. В этом устрашающем потоке сознания все его прошлое, все бывшие в нем прошлые

[22] движение наудачу (фр.). – Примеч. пер.

жизни стали его неотъемлемой собственностью. С помощью памяти о самых великих из них Лето сумел удержать власть над своей душой. Все прошлые жизни принадлежали ему и только ему.

Он думал: Когда изучаешь предмет издали, то бывают видны только основные принципы его организации. Он овладел этим расстоянием и сейчас ясно видел множественное прошлое и память о нем, со всеми его тяготами, радостью и необходимостью. Но путешествие с червем добавило жизни еще одно измерение, и отец больше не стоял на страже его души, потому что в этом не было более нужды. На расстоянии Лето ясно видел как прошлое, так и настоящее. Прошлое представлялось ему сейчас в виде единственного предка Гарума, без которого не могло существовать отдаленное будущее. Это прозрачное для внутреннего взора расстояние помогло понять новые принципы, новое измерение вовлеченности. Какую бы жизнь Лето сейчас ни выбрал, он мог бы прожить ее в самостоятельной сфере массового опыта. Траектории жизней были свернуты так, что ни один их носитель не смог бы проследить свою родословную. Восстав, этот массовый опыт стал поддержкой самости Лето. Мальчик мог бы сейчас почувствовать себя индивидом, нацией, обществом или даже целой цивилизацией. Именно поэтому Гурни поручили предварительно напугать принца; именно поэтому его подстерегал удар ножа Намри. Им нельзя видеть силу в душе Лето. Никто не смеет увидеть ее во всей полноте – никто, даже Ганима.

Лето открыл глаза и сел. Возле ложа, наблюдая за мальчиком, сидел один Намри.

Лето заговорил своим обычным голосом:

– Для всех людей не существует раз и навсегда заданного одного набора пределов, за которые никто не смеет заходить. Универсальное предзнание – это пустой миф. Предсказать можно только мощные местные потоки Времени. Однако в масштабах Вселенной эти местные потоки могут быть

столь мощными и огромными, что человеческий разум съеживается, сталкиваясь с ними.

Намри покачал головой в знак того, что он ничего не понял.

– Где Гурни? – спросил Лето.

– Он ушел, чтобы не видеть, как я убью тебя.

– Ты убьешь меня, Намри? – В голосе Лето прозвучала мольба. Он просил фримена убить его.

Намри снял руку с ножа:

– Я не буду убивать тебя, потому что ты сам просишь об этом. Если бы тебе было все равно, тогда...

– Болезнь равнодушия разрушает многое, – сказал Лето, кивнув своим мыслям. – Да... даже цивилизации умирают от этой болезни. Дело выглядит так, словно существует плата за достижение новых уровней сложности и сознания.

Он внимательно посмотрел на Намри:

– Так они велели тебе узнать, не поразило ли меня равнодушие?

Теперь Лето понял, что Намри был больше чем просто убийцей, он был рукой прихотливой судьбы.

– Да, как признак неуправляемой силы, – солгал Намри.

– Безразличной силы, – поправил его Лето, тяжко вздохнув. – В жизни моего отца не было морального величия, Намри. Он попал в ловушку, которую расставил для себя сам.

* * *

О Пол, ты – Муад'Диб, Махди всех людей, Твое мощное дыхание Подобно урагану.

Песнь Муад'Диба

– Никогда! – крикнула Ганима. – Да я убью его в первую брачную ночь!

Она говорила это, ощетинившись упрямством, нечувствительным к самым ласковым уговорам. Алия и ее советники провели в этих уговорах половину ночи; в королевских покоях царило смятение, вызывались все новые советники, а повара не успевали готовить пищу и питье. Храм и Убежище пребывали в полной растерянности – власти никак не удавалось принять решение.

Ганима, сжавшись в комок, сидела в кресле в своих личных покоях – большой комнате с коричневыми стенами, имитирующими стены пещеры сиетча. Потолок, однако, был сделан из хрусталя, сияющего голубым светом, а пол выложен черной плиткой. Обстановка была весьма скромной – небольшой письменный стол, пять кресел и узкое ложе, спрятанное по фрименскому обычаю в алькове. На Ганиме было надето желтое траурное платье.

– Ты не свободна в выборе решений, касающихся твоей жизни, – повторяла Алия, вероятно, уже в сотый раз. Должна же эта дурочка наконец понять прописную истину! Она должна согласиться на помолвку с Фарад'ном. Должна! Пусть она убьет его потом, но сейчас это обручение должно быть признано фрименами.

– Он убил моего брата, – сказала Ганима, держась за этот аргумент, как за последнюю спасительную соломинку. – Это известно всем. Фримены будут плеваться при одном упоминании моего имени, если я соглашусь на эту помолвку.

И это еще один аргумент в пользу такого обручения, – подумала Алия.

– Это сделала мать принца, и за это он отправил ее в изгнание. Что ты еще от него хочешь?

– Я хочу его крови, – отрезала Ганима. – Он – Коррино.

– Он устранил от власти свою мать, – запротестовала Алия. – Да и какое тебе дело до фрименской черни. Они примут то, что мы захотим. Гани, спокойствие Империи требует, чтобы...

– Я не соглашусь, – сказала Ганима. – Вы не можете объявить о помолвке без моего согласия.

В этот момент в комнату вошла Ирулан и вопросительно взглянула на Алию и двух советниц, почтительно стоявших за ее спиной. Заметив, что Алия возмущенно вскинула вверх руки, Ирулан уселась в кресло лицом к Ганиме.

– Поговори ты с ней, Ирулан, – взмолилась Алия.

Ирулан придвинула свое кресло к креслу Алие.

– Ты – Коррино, Ирулан, – заговорила Ганима. – Не испытывай на мне свою судьбу.

Девочка встала, направилась к своему ложу и села на него, скрестив ноги и глядя горящими глазами на обеих женщин. Ирулан, как и Алия, была одета в черную абу. Капюшон был откинут, открывая золотистые волосы принцессы Коррино. В желтом свете ламп волосы казались траурной накидкой.

Взглянув на Алию, Ирулан встала и подошла вплотную к Ганиме.

– Гани, я сама убила бы его, если бы можно было таким способом решить все проблемы. Как ты милостиво заметила, в жилах Фарад'на течет та же кровь, что и в моих. Но у тебя есть долг, который превыше твоего долга перед фрименами...

– Все это звучит в твоих устах ничуть не лучше, чем в устах моей дражайшей тетушки, – сказала Ганима. – Кровь брата невозможно смыть. Это не просто расхожий фрименский афоризм.

Ирулан плотно сжала губы.

– Фарад'н держит в плену твою бабушку. Он захватил и Дункана, и если мы...

– Меня не удовлетворяют рассказанные вами истории о том, как все это произошло. – Девочка, глядя мимо Ирулан, вперила свой взор в Алию. – Однажды Дункан предпочел умереть, нежели дать врагам убить моего отца. Может быть, теперь его новая плоть гхола сделала свое дело, и это уже совсем другой человек...

– Дункан был запрограммирован защищать жизнь твоей бабки! – воскликнула Алия, крутанувшись в кресле. – Мне

кажется, что он выбрал для этого единственно правильный путь.

Дункан, Дункан! Кто мог предположить, что ты поступишь именно так? – подумала Алия.

Ганима, почувствовав новый подвох в голосе Алие, внимательно посмотрела на тетку:

– Ты лжешь, о, Чрево Небес. Я же слышала о целом сражении между тобой и бабушкой. Отчего ты так боишься рассказать нам о ней и твоем распрекрасном Дункане?

– Ты же все слышала, – небрежно ответила Алия, но почувствовала при этом укол страха перед таким прямым обвинением. Усталость сделала ее слишком беспечной. Она поднялась. – Ты знаешь все, что знаю я.

– Поработай с ней. Ее надо заставить… – обратилась Алия к Ирулан.

Ганима перебила Алию грубым фрименским ругательством, столь неуместным для незрелых уст девочки.

– Вы думаете, что я обычный ребенок, что, поскольку вы старше меня, то имеете право работать со мной, и я готова это принять. Но подумайте еще раз, о, Небесный Регент. Ты лучше кого бы то ни было знаешь о тех годах многих жизней, которые живут во мне. Я буду внимать им, а не тебе.

Алия с трудом смогла сдержать гневный выпад и тяжелым взглядом уставилась на Ганиму. Мерзость? Кто этот ребенок? Алия вновь ощутила страх перед Ганимой. Неужели девочка тоже заключила соглашение со своими внутренними жизнями, которые были предрождены вместе с ней самой?

– Настало время тебе самой увидеть основания правильного решения, – сказала Алия племяннице.

– Лучше, наверное, сказать, что настало время увидеть, как хлынет кровь Фарад'на, пораженного моим ножом, – сказала Ганима. – Помните об этом. Если мы с ним останемся наедине, то один из нас наверняка умрет.

– Ты думаешь, что любила брата больше, чем я? – спросила Ирулан. – Ты играешь в идиотскую игру! Я была ему матерью, так же, как и тебе. Я...

– Ты никогда не знала его, – отрезала Ганима. – Все вы, за исключением моей некогда возлюбленной тетушки, продолжаете считать нас детьми. Вы глупцы! Алия знает об этом! Посмотри, как она убегает от...

– Я ни от чего не убегаю, – заговорила Алия, но, отвернувшись от Ганимы и Ирулан, стала с преувеличенным вниманием разглядывать двух амазонок, которые делали вид, что ничего не слышат и не видят. Эти женщины наверняка приняли сторону Ганимы, убежденные ее аргументами. Видимо, они даже сочувствовали бедной девочке! Разозлившись, Алия выслала их вон из комнаты. На лицах обеих было написано неимоверное облегчение, когда они покидали покои Ганимы.

– Ты убегаешь, – продолжала настаивать на своем Ганима.

– Я избрала тот образ жизни, который меня устраивает, – сказала Алия, глядя на сидевшую скрестив ноги племянницу. Неужели возможно, что Ганима решилась на страшный внутренний компромисс? – Алия попыталась прочесть это по лицу девочки, но оно оставалось непроницаемым. – Может быть, она сумела увидеть это во мне? Но как она смогла? – подумала Алия.

– Ты испугалась, что станешь окном для множества, – обвиняющим тоном заговорила Ганима. – Но мы обе предрождены и знаем, в чем тут дело. Ты все равно будешь их окном – неважно, осознанно или нет. Ты не сможешь игнорировать их.

Да, я знаю, что ты – воплощение Мерзости. Возможно, что и я пойду твоим путем, но пока я жалею и презираю тебя, – подумала Ганима.

Между племянницей и теткой повисло тяжелое, почти осязаемое молчание. Это молчание встревожило способную выученицу Бене Гессерит Ирулан.

– Что это вы вдруг обе так притихли? – спросила она.

– Мне только что пришла в голову мысль, которая требует обдумывания, – ответила Алия.

– Обдумывай эту мысль в свое удовольствие, дорогая тетушка, – издевательски произнесла Ганима.

Алия подавила гнев, смешанный с усталостью, и заговорила в ответ:

– Пожалуй, хватит! Пусть она подумает сама. Может быть, в одиночестве она придет наконец в чувство.

Ирулан поднялась.

– Скоро рассвет, Гани. Перед тем как мы уйдем, не хочешь ли ты послушать последнее послание Фарад'на? Он...

– Не хочу, – ответила Ганима. – И перестаньте называть меня этим дурацким уменьшительным именем. Гани! Это поддерживает в вас ошибочное мнение, что я просто дитя, которое можно...

– Почему ты и Алия так внезапно притихли несколько минут назад? – Ирулан вернулась к прежнему вопросу, играя модуляциями Голоса.

Откинув голову, Ганима от души расхохоталась:

– Ирулан, ты хочешь испытать на мне Голос?

– Что? – озадаченно спросила Ирулан.

– Ты бы лучше поучила свою бабушку сосать яйца, – выпалила Ганима.

– Лучше бы я – что?

– Один тот факт, что я знаю выражение, о котором ты никогда не слыхала, должен заставить тебя остановиться, – ответила Ганима. – Это старинное выражение презрения, которое употребляли в Бене Гессерит, когда он только начинался. Но даже если и это не пристыдило тебя, то могу спросить, о чем думали твои августейшие родители, когда называли тебя Ирулан? Им следовало назвать тебя Руиналь!

Несмотря на всю подготовку, лицо Ирулан вспыхнуло:

– Ты хочешь разозлить меня, Ганима!

– А ты пытаешься подействовать на меня Голосом. На меня! Меня, которая помнит первые попытки,

предпринятые человеком в этом направлении. Я помню это, Разрушительница Ирулан! А теперь убирайтесь отсюда, обе!

Однако в этот момент Алию заинтриговала одна идея, которая как рукой сняла усталость.

– Возможно, мое новое предложение изменит твое отношение к делу, Гани.

– Опять Гани! – хрупкий смешок сорвался с уст Ганимы. – Ну подумайте сами: если я бы я жаждала убить Фарад'на, то с удовольствием приняла бы участие в ваших матримониальных планах. Полагаю, что вы об этом думали. Берегитесь Гани, которая легко с вами соглашается. Видите, я предельно честна с вами.

– Именно на это я и надеялась, – сказала Алия. – Если ты...

– Кровь брата не может быть смыта, – сказала Ганима. – Я не могу стать предательницей в глазах любимых мною фременов. Никогда не прощать и никогда не забывать. Разве это не наш катехизис? Я предупреждаю вас здесь и заявляю это публично: я никогда не дам согласия на обручение с Фарад'ном. Кто, зная меня, поверит в возможность такой помолвки? Да Фарад'н сам в нее не верит. Любой фримен, услышав эту новость, посмеется в рукав и скажет: «Смотрите-ка! Она решила заманить его в ловушку». Если вы...

– Это я понимаю, – сказала Алия и повернулась к потрясенной Ирулан, которая уже поняла, куда клонит Ганима.

– Именно так я и заманила бы его в ловушку, – сказала Ганима. – Если вы хотите именно этого, то я соглашусь, но он вряд ли попадется на этот крючок. Если же это обручение – фальшивая монета, которой вы хотите выкупить у Коррино бабушку и вашего драгоценного Дункана, то я не стану возражать. Но это касается того, о чем думаете вы. Фарад'н мой. Его я убью.

Ирулан резко повернулась к Алие.

– Алия! Если мы собираемся следовать этому... – Она осеклась, увидев лицо Алии. Та, улыбаясь, представляла

себе, какой переполох поднимется среди Великих Домов, как разрушится вера в честь Атрейдесов, как будет утрачена религия, как рухнет с таким трудом выстроенное здание Империи.

– Все это будет повернуто против нас, – запротестовала Ирулан. – Будет разрушена вера в пророчества Пола. Это… Империя…

– Кто осмелится оспаривать наше право решать, что верно, а что неверно? – вкрадчивым голосом спросила Алия. – Мы выбираем нечто среднее между добром и злом. Мне стоит только провозгласить…

– Ты не сможешь этого сделать, – запротестовала Ирулан. – Память Пола…

– Это всего лишь еще один инструмент церкви и государства, – вмешалась в разговор Ганима. – Ирулан, перестань болтать глупости. – Ганима тронула рукой отравленный нож, висевший у нее на поясе, и взглянула на Алию. – Я неправильно судила о своей умной тетушке, о Регентше всей этой великой Святости, которая только есть в нашей славной Империи памяти Муад'Диба. Я действительно тебя недооценила. Если хочешь, можешь заманить Фарад'на в нашу гостиную.

– Это очень опрометчиво, – возмутилась Ирулан.

– Ты согласна на обручение, Ганима? – спросила Алия, не обращая внимания на Ирулан.

– На моих условиях, – ответила Ганима, снова положив ладонь на рукоятку ножа.

– Я умываю руки, – сказала Ирулан и действительно потерла ладони друг об друга. – Я действительно хотела настоящей помолвки, чтобы исцелить…

– Мы дадим тебе такую возможность – залечить рану куда более тяжелую, Алия и я, – пообещала Ганима. – Доставьте его сюда поскорее, если он, конечно, приедет. Вероятно, он все-таки это сделает. Неужели он сможет заподозрить ребенка столь нежного возраста? Давайте разработаем церемонию помолвки, которая потребует его

присутствия, а потом оставьте его наедине со мной – на минуту или две...

Ирулан содрогнулась, поняв, что Ганима – истинная фременка, где дети не уступали взрослым в кровожадности. В конце концов, именно фримены добивали раненых на поле боя, избавляя женщин от ухода за ними. Ганима же, говоря голосом фрименского ребенка, выражала свои мысли языком зрелого человека, тем еще больше усиливая тот ужас, который внушала завеса кровной мести, которая, словно аура, окружала Ганиму.

– Решено, – произнесла Алия и отвернулась, чтобы скрыть радость, загоревшуюся в ее глазах. – Мы подготовим официальное извещение о помолвке. Подписи заверят виднейшие представители Великих Домов. Фарад'н не станет ни минуты сомневаться...

– Он будет сомневаться, – возразила Ганима, – но приедет. При этом с ним будет охрана, но разве ей придет в голову защищать его от меня?

– Из любви к тому, что пытался сделать Пол, – запротестовала Ирулан, – давайте хотя бы оформим это как несчастный случай или как результат какого-то внешнего заговора...

– Мне доставит удовольствие показать окровавленный нож моим братьям, – отрезала Ганима.

– Алия, я прошу тебя, – сказала Ирулан. – Оставь эту безумную затею. Выступите против Фарад'на открыто, пусть что-нибудь...

– Нам не нужно публичное объявление вендетты, – заявила Ганима. – Вся Империя прекрасно знает, какие чувства мы испытываем по отношению к Фарад'ну. – Она показала на рукав своего платья. – Мы носим сейчас желтый цвет траура. Неужели вы думаете, что если я надену черное платье фрименской невесты, то это кого-нибудь одурачит?

– Будем молиться, что это одурачит Фарад'на и делегатов Великих Домов, которые явятся заверять наши подписи на...

– Каждый из этих делегатов выступит против вас, когда все раскроется, – сказала Ирулан, – и вы прекрасно это знаете!

– Очень ценное замечание, – сказала Ганима. – Выбери подходящих делегатов, Алия. Они должны быть такими, чтобы потом их не жалко было бы ликвидировать.

Ирулан в отчаянии всплеснула руками и выбежала из комнаты.

– За ней должен быть неусыпный надзор, чтобы она не сумела предупредить своего племянника, – распорядилась Ганима.

– Не пытайся учить меня, как плести заговоры, – сказала Алия и вышла из комнаты вслед за Ирулан, правда, не столь поспешно. Охрана и адъютанты вихрем закружились вокруг нее, словно песчинки, крутящиеся вокруг червя, поднимающегося из песка.

Когда за теткой закрылась дверь, Ганима печально покачала головой. Все происходит так, как думали мы с бедным Лето. Боже мой! Лучше бы тигр убил меня вместо него.

* * *

Многочисленные силы стремились контролировать близнецов Атрейдесов. Когда же было объявлено о смерти Лето, заговоры и контрзаговоры умножились. Примите во внимание разнообразие мотивов: Община Сестер боялась Алию, как зрелое воплощение Мерзости, но желало сохранить генетические признаки Атрейдесов, носительницей которых она являлась. Церковные иерархи Аукафа и Хаджа искали власти, которая досталась бы им вместе с наследниками Муад'Диба. ОСПЧТП хотел получить доступ к богатствам Дюны. Фарад'н и его сардаукары жаждали вернуть себе былую славу Дома Коррино. Космическая Гильдия боялась уравнения Арракис – меланжа; без Пряности настал бы конец навигациям. Джессика хотела поправить свои отношения с Бене Гессерит, испорченные из-за ее непослушания Сестрам. Мало кому приходила в голову мысль спросить самих близнецов об их планах, до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Книга Крео

Вскоре после ужина Лето увидел, как мимо него прошел человек, направившийся в его покои через сводчатый проход, и мысленно двинулся вслед за незнакомцем. Проход остался открытым, и Лето видел, что люди что-то делают в его створе – мимо провезли несколько корзин с Пряностью, прошли три женщины в замысловатой одежде контрабандистов. Человек, за которым мысленно отправился Лето, ничем не отличался от остальных, кроме того, что очень походил на Стилгара – Стилгара в молодости.

То было совершенно особое путешествие ума. Время наполняло Лето, как наполняют звезды большую галактику. Он мог видеть бесконечные массивы Времени, но сначала надо было проникнуть в свое собственное будущее, чтобы понимать, в каком именно временном интервале находится сейчас его плоть. Многоликая память живущих в нем людей то наступала, то отступала, но теперь вся она без остатка принадлежала Лето. Эта память приливала, словно прибой, но если волна вздымалась слишком высоко, то стоило только приказать ей, как она тотчас уходила обратно в океан Времени, оставляя позади себя царственного Гарума.

Время от времени Лето приходилось прислушиваться к тому, о чем вещали ему те жизни. Кто-то выступал, как суфлер на сцене, высовывая голову из будки, стараясь подсказать, как вести себя в той или иной ситуации. Во время мысленной прогулки неожиданно появился отец и сказал: «Ты еще ребенок, который ищет стать мужчиной. Когда же ты станешь мужчиной, то будешь тщетно искать ребенка, каким ты был когда-то».

Временами его одолевали блохи и вши, которых было в старом сиетче великое множество. Никто из живших здесь людей, питавшихся пищей, богато приправленной Пряностью, казалось, не страдал от этих тварей. Был ли у этих людей иммунитет против них или за многие годы такой жизни они просто смирились с этим неудобством и перестали его замечать?

Да и вообще, кто были эти люди, собранные Гурни? Как попали они в это место? Действительно ли это был легендарный Якуруту? Множественная память давала ответы, которые очень не нравились Лето. То были безобразные люди и безобразнее всех был Гурни. Совершенство, однако, витало в этих местах, неуловимое, скрытое под отвратительной наружностью.

Отчасти Лето сознавал, что пристрастился к Пряности, которой была обильно сдобрена вся здешняя еда. Детское тело стремилось восстать, но маска его буквально бредила от присутствия памяти поколений множества давно прошедших эпох.

Сознание вернулось с прогулки, и Лето стало интересно, осталось ли тело с сознанием. Пряность мешала мыслить и чувствовать. Мальчик чувствовал, что самоограничения громоздятся над ним, словно дюны, которые, подползая к скалам, образуют возле них грандиозные насыпи, надвигаясь одна на другую. Сначала к подножию скалы ложатся несколько песчинок, но постепенно гора песка растет, и скоро на этом месте к небу вместо скалы вздымается огромная песчаная гора.

Но внизу, под этой массой оставался крепкий, несокрушимый камень.

Я все еще пребываю в трансе, – подумал Лето.

Он знал, что скоро достигнет развилки путей жизни и смерти. Надзиратели снова заставили его принимать Прянность, посылая его в наркотический дурман, будучи каждый раз недовольными теми ответами, которые он давал на их вопросы по возвращении. И всякий раз его ожидал изменник Намри со своим ножом. Лето знал бесчисленное множество прошлых и будущих событий, но так и не понял, чем можно угодить Намри... или Гурни Халлеку. Они хотели чего-то большего, чем рассказы о видениях. Развилка жизни и смерти манила к себе Лето. Он понимал, что жизнь его должна содержать некое внутреннее значение, которое несет ее превыше конкретного характера видений. Размышляя об этих требованиях, Лето почувствовал, что его внутреннее сознание есть его истинное существование, а внешнее существование есть не что иное, как транс. Это приводило его в ужас. Он не желал возвращаться в сиетч с его блохами, с его Намри и с его Гурни Халлеком.

Я трус, – подумал он.

Но трус, даже трус, может храбро умереть, сделав какой-то красивый жест. Но как найти такой жест, который снова сделал бы его цельной натурой? Как может он однажды очнуться от транса и видений и оказаться во вселенной, которой столь упорно добивается от него Гурни Халлек? Без этого превращения, без избавления от бесцельных видений он может умереть в этой тюрьме, которую сам избрал. В этом он по крайней мере искренне желал сотрудничать с людьми, лишившими его свободы. Каким-то образом Лето предстояло отыскать мудрость, внутреннее равновесие, которое будет верным отражением вселенной и вернет ему ощущение спокойной силы. Только в этом случае сможет он начать поиск Золотого Пути и обрести наконец ощущение собственной кожи.

В сиетче кто-то играл на балисете. В настоящем, как понимал Лето, его тело слышит музыку. Он чувствовал спиной жесткость узкого ложа. Он мог слышать музыку. Это Гурни играл на балисете. Никакие другие пальцы не умели извлекать столь великолепных звуков из этого сложнейшего инструмента. Халлек играл старинную фрименскую песню – ее называют хадит – баллада, тональность которой так помогает выжить на Арракисе. Говорилось в песне о жизни людей сиетча.

Музыка ввела Лето в дивную древнюю пещеру. Он увидел женщин, бросающих остатки Пряности в огонь, перетирающих Пряность, прежде чем положить ее в бродильный чан, прядущих волокно из стеблей Пряности. Весь сиетч был буквально пропитан меланжей.

Наступил момент, когда Лето не смог отличить звуки музыки от видений людей в древнем сиетче – видение и музыка слились в одно целое. Скрип и стук ткацкого станка слились с заунывной мелодией балисета. Перед внутренним взором Лето мелькали ткань из человеческих волос, длинная шерсть крыс-мутантов, нити Пустынного хлопка и кожные завитки на тушках птиц. На волнах музыки яростно метался язык Дюны. Видел Лето и солнечную силовую установку на кухне, длинный цех, в котором изготовляли и ремонтировали защитные костюмы. Возникали в этом видении и предсказатели погоды, читавшие свои прогнозы по шестам, привезенным из Пустыни.

Во время этого путешествия кто-то принес мальчику еду и начал кормить его с ложки, поддерживая голову сильной рукой. Лето понимал, что это происходит в реальном, чувственном мире, но воображаемое путешествие продолжалось, невзирая на это вторжение действительности.

Было такое впечатление, что буквально спустя мгновение после насыщенной Пряностью еды перед мысленным взором Лето возникла картина неистовых вихрей песчаной бури. Дыхание ветра создавало из песка замечательные картины, в этих завихрениях вдруг возник огромный

золотистый глаз бабочки, а собственная жизнь показалась мальчику маленькой, словно шелковистый след ползущего насекомого.

В его мозгу, словно в бреду, прозвучали слова из «Оружия пророчества»: «Говорят, что нет ничего прочного, ничего уравновешенного, ничего длительного и ничего устойчивого во вселенной – ничто не остается в неизменном состоянии, но каждый день, а иногда и каждый час, несут с собой перемены».

Защитная Миссия еще в старину знала, что делала, – подумал он. – Они знали об Ужасной Цели. Они знали, как манипулировать людьми и религиями. Даже мой отец не избежал их сетей, он не смог выпутаться из них до самого конца.

Именно здесь находится ключ, который он столь усердно ищет. Лето задумался над этим и почувствовал, как в его плоть вновь возвращается прежняя сила. Все его многоликое существование вдруг каким-то образом повернулось и взглянуло на реальную Вселенную. Он сел и понял, что находится в сумрачной камере, освещенной лишь тусклым светом, пробивавшимся сквозь незакрытый проход. Снаружи был виден человек, который сразу отбросил сознание Лето на несколько эонов назад.

– Доброй судьбы всем нам! – выкрикнул Лето традиционное фрименское приветствие.

В дверном проеме появился Гурни Халлек. Его силуэт чернел на фоне светлого пятна проема.

– Принеси свет, – потребовал Лето.

– Ты хочешь, чтобы тебя подвергли новым испытаниям?

Лето рассмеялся:

– Нет, теперь настала моя очередь испытывать вас.

– Посмотрим, – отозвался Халлек. Он вышел и через несколько мгновений вернулся, неся в руке ярко горящую синюю лампу. Выйдя на середину помещения, он повесил лампу под потолком.

– Где Намри? – спросил Лето.

– Снаружи, я могу позвать его.

– Ах, Старая Фрименская Вечность может очень терпеливо ждать, – сказал Лето. Он чувствовал себя до странности свободно, находясь в преддверии открытия.

– Ты называешь Намри по одному из имен Шаи-Хулуда? – спросил Халлек.

– Его нож – это зуб червя, – сказал Лето. – Таким образом, он действительно Старая Отеческая Вечность.

Халлек мрачно улыбнулся, но промолчал.

– Вы все еще оттягиваете срок моего суда, – продолжал Лето. – И нет у нас никакого способа обмениваться информацией, признаюсь, именно по той причине, что мы не можем высказывать суждений. Хотя кто может требовать точности от Вселенной?

Позади Халлека раздался шорох – это приблизился Намри, остановившийся в полушаге слева от Гурни.

– Ах, левая рука предназначена для проклятых, – заявил Лето.

– Не очень-то это мудро – отпускать шуточки по поводу Абсолютного и Бесконечного, – прорычал Намри и искоса взглянул на Халлека.

– Уж не Бог ли ты, Намри, что осмеливаешься говорить от имени Абсолютного? – спросил Лето, но смотрел он при этом на Гурни. Приговор будет выносить именно он.

Мужчины молча смотрели на мальчика и не спешили с ответом.

– Каждое суждение качается на волне ошибки, – объяснил Лето. – Заявлять об абсолютной правоте может только чудовище. Знание – это нескончаемое путешествие по окрестностям неопределенности.

– Что это за игра в слова? – поинтересовался Халлек.

– Пусть говорит, – сказал Намри.

– Эту игру начал со мной Намри, – ответил Лето и увидел, как старый фримен кивнул в знак согласия. Конечно, он узнал старинную игру в загадки. – Наши чувства всегда имеют по меньшей мере два уровня, – продолжал Лето.

– Тривиальность и болтовня, – сказал Намри.

– Превосходно! – живо откликнулся Лето. – Ты кормил меня тривиальностями, теперь я буду кормить тебя болтовней. Я смотрю, я слышу, я чувствую запахи, я осязаю, я чувствую изменения температуры и вкуса, я ощущаю ход времени. Я могу брать потрясающие образцы на пробу. Ах, да я просто счастлив! Ты слышишь, Гурни? Намри? В человеческой жизни нет никакой тайны. Нет никакой проблемы, которую надо разрешить. Есть просто реальность, которую надо прочувствовать на опыте.

– Ты испытываешь наше терпение, парень, – сказал Намри. – Ты выбрал именно эту пещеру местом своей смерти?

Однако Халлек движением руки остановил старого фримена.

– Во-первых, я не парень, – сказал Лето. Он предостерегающе поднял руку к правому уху. – Ты не убьешь меня; я возложил на тебя большой груз воды.

Намри наполовину извлек клинок из ножен.

– Я тебе ничего не должен, – сказал он.

– Но Бог создал Арракис для воспитания веры, – сказал Лето. – Я же не только показал вам свою веру, но и заставил вас осознать ваше собственное существование. Жизнь требует споров. Вас заставили понять – посредством меня! – что ваша действительность отличается от действительности других; таким образом, вы поняли, что живете.

– Я бы никому не советовал играть со мной в непочтительность, – сказал Намри, по-прежнему держа руку на кинжале.

– Непочтительность есть необходимый компонент религии, – ответил ему Лето. – Я уже не говорю о ее важности в философии. Непочтительность и скептицизм – это единственный оставленный нам путь испытать нашу Вселенную.

– Так ты считаешь, что постиг Вселенную? – спросил Халлек и отступил в сторону, словно оставив Намри наедине с Лето.

– Д-да, – процедил сквозь зубы Намри. Его голосом говорила смерть.

– Вселенную понимает только один ветер, – ответил Лето. – В нашем мозге нет места для седалища мощного разума. Творение и есть открытие. Бог открывает нас в Пустоте потому, что мы движемся на основании, которое Ему известно. Стена же была пуста. Там не было движения.

– Ты играешь в прятки со смертью, – предупредил Халлек.

– Но вы же оба – мои друзья, – сказал Лето. При этом он взглянул на Намри. – Когда вы предлагаете сиетчу друга, то разве вы не убиваете при этом орла или ястреба в знак этого предложения? И разве вы не знаете ответ на такое предложение: «Бог посылает каждого человека в его конец, как ястребов, орлов и друзей»?

Намри снял руку с ножа. Клинок скользнул обратно в ножны. Расширенными глазами он уставился на Лето. Каждый сиетч хранил свой тайный ритуал посвящения в друзья, но это была неизвестная посторонним сокровенная часть этого ритуала.

Халлек, однако, не выдержал и спросил:

– Так этот сиетч и есть твой конец?

– Я знаю, что ты хочешь от меня услышать, Гурни, – сказал Лето, наблюдая, как подозрение сменяется надеждой на некрасивом лице Халлека. Лето прижал руку к груди. – Этот ребенок никогда не был ребенком. Внутри меня живет мой отец, но он – не я. Ты любил его, и он действительно был благородным человеком, волны его добродетели стремились покорить высокие берега. Он хотел предотвратить войны, но не понимал бесконечного движения жизни, а ведь именно в этом заключается Раджия! Намри знает это. Это движение жизни может увидеть любой смертный. Берегитесь путей, сужающих будущие возможности. Такие пути уводят от бесконечности и завлекают в смертельную ловушку.

– Так что я должен услышать от тебя? – спросил Халлек.

– Он просто играет словами, – мрачно заметил Намри, но в его голосе звучали колебания и глубокие сомнения.

– Я объединяюсь с Намри против моего отца, – сказал Лето. – И мой отец внутри меня объединяется с нами против того, что сделали с ним и его делом.

– Почему? – требовательно спросил Гурни.

– Потому что то, что я несу человечеству, есть amor fati[23], акт конечного самопознания. В этой Вселенной я по добровольному выбору выступаю против любой силы, которая несет унижение человеку. Гурни, Гурни! Ты родился и воспитывался не в Пустыне. Твоя плоть не знает истины, о которой я говорю. Но Намри знает ее. В дикой природе один путь ничуть не хуже, чем другой.

– Я все еще не услышал того, что должен услышать, – сказал Гурни.

– Он выступает за войну, против мира, – произнес Намри.

– Нет, – возразил Лето. – И мой отец в действительности не выступал против войны. В этой Империи мир был пустым понятием, лишенным всякого содержания. Это понятие служило для поддержания одного и только одного образа жизни. Вам приказывали быть довольными. На всех планетах жизнь должна быть устроена по образу и подобию жизни, правила которой установлены законами имперского правительства. Главной задачей учения Священства является отыскание правильных форм человеческого поведения. Для этого они постоянно возвращаются к словам Муад'Диба! Скажи мне, Намри, ты доволен?

– Нет, – слово вырвалось у фримена искренне, без обдумывания.

– Богохульствуешь ли ты?

– Конечно, нет!

– Но ты недоволен. Ты видишь, Гурни? Намри доказал нам мою правоту. Любой вопрос, любая проблема не имеют единственного правильного ответа. Надо допустить

[23] любовь к судьбе (лат.).

расхождения во мнениях. Монолит неустойчив. Так почему вы ждете от меня единственно правильного ответа? Неужели это будет мерилом вашего чудовищного судилища?

– Ты хочешь вынудить меня убить тебя? – мучительно выдавил из себя Халлек.

– Нет, но мне очень жаль тебя, – ответил Лето. – Можешь послать моей бабке весть о том, что я готов к сотрудничеству. Община Сестер выразит по этому поводу сожаление, но Атрейдес даст свое слово.

– Надо проверить его с Вещающим Истину, – сказал Намри. – Эти Атрейдесы...

– У него будет шанс высказаться перед бабкой, тогда он скажет то, что должен сказать, – проговорил Халлек и обернулся к проходу.

Прежде чем выйти, Намри помолчал, потом взглянул на Лето.

– Я молюсь, чтобы мы оказались правы, оставляя его живым, – сказал фримен.

– Идите, друзья мои, – напутствовал их Лето. – Идите и думайте.

Мужчины вышли, а Лето откинулся на спину, ощущая холод жесткого ложа. От этого движения голова, отягощенная Пряностью, закружилась, и мальчик едва не потерял сознание. В этот момент своим внутренним взором он охватил почти всю планету – каждую деревню, каждый поселок, каждый город, Пустыни и оазисы. Все формы, которые теснились в его сознании, несли отпечаток теснейших отношений, связывающих внутренние части этих форм между собой и все формы друг с другом и внешним миром. Он увидел структуру имперского общества, отраженную в физических структурах планет и обществ Империи. В сознании Лето развертывался огромный экран, мальчик видел то, что должен был увидеть: окно, сквозь которое можно было наблюдать невидимые составляющие общества. Увидев это, Лето

понял, что каждая система обладает таким окном. Даже система его собственного существа и его все ленной.

Вот чего ищут его бабка и Община Сестер! Лето отчетливо это понял. Его сознание поднялось на новый, более высокий уровень. Лето чувствовал, что прошлое действует в клетках его тела, в множественной памяти, в архетипах, составлявших основу его представлений, в мифах, которые пронизывали все его существо, в языках и в доисторических обломках. Теперь в Лето объединилось все – его человеческое и нечеловеческое прошлое, все жизни, которыми он мог теперь распоряжаться по своему усмотрению, – все это превратилось в высшую цельность. Лето физически чувствовал, как все его существо движется вместе с приливами и отливами упорядоченных нуклеотидов. Обратной стороной его бесконечного существа было строение простейшего животного, в котором акты рождения и смерти спокойно уживаются рядом, но сам он был одновременно бесконечным и простейшим, то есть творением молекулярной памяти.

Мы, люди, есть форма существования колониального организма! – подумал Лето.

Они хотят сотрудничать с ним. Обещание такого сотрудничества отсрочило удар ножа Намри. Взывая к сотрудничеству, они пытаются узнать целителя.

Лето подумал: Но я не принесу им того социального порядка, которого они ждут!

Гримаса исказила лицо мальчика. Он знал, что не является таким бессознательным злодеем, как его отец – раб и деспот одновременно, – но Вселенная может потребовать возвращения к «старым добрым временам».

Отец в его душе попробовал поговорить с сыном, но это был не приказ, а просьба об аудиенции.

И Лето ответил:

– Нет. Мы дадим им сложность мира, чтобы занять их мышление. Есть много способов избежать опасности. Как узнают они, опасен он или нет, если не испытают моей

тысячелетней власти? Да, отец мой, мы озадачим их массой вопросительных знаков.

* * *

В вас нет ни греха, ни невинности. Все это остается в прошлом. Вина бьет по мертвым, а я – не Железный Молот. Вы – множество мертвых, просто люди, которые совершили в жизни определенные поступки, но память о них освещает мой путь.

Лето Второй своим внутренним жизням. Из книги Харка аль-Ада

– Это происходит само! – сдавленным шепотом прокричал Фарад'н.

Он стоял у кровати госпожи Джессики, за ним плотной стеной выстроились охранники. Джессика стремительно села. Она была одета в блестящий белый шелковый пеньюар, медные волосы повязаны такой же полоской. Фарад'н ворвался в спальню Джессики всего несколько мгновений назад. На принце было серое трико, лицо вспотело от волнения и стремительного бега по коридорам дворца в покои Джессики.

– Который час? – спросила она.

– Который час? – недоуменно переспросил принц.

– Третий час пополуночи, моя госпожа, – ответил один из охранников. Они со страхом смотрели на Фарад'на. Юный принц пронесся по коридорам, как метеор, за ним бросились несшие службу стражники.

– Оно все-таки происходит! – сказал Фарад'н. Он вытянул вперед левую руку. Потом правую. – Я видел, как моя кисть сморщилась в маленький кулачок, и я все вспомнил! Такими были мои руки, когда я был совсем маленьким. Я вспомнил, я снова ясно увидел себя маленьким! Я сумел организовать свою память!

– Очень хорошо, – похвалила принца Джессика. Его волнение оказалось заразительным. – А что произошло, когда твои руки стали старыми?

– Мой ум… стал каким-то вялым, – ответил он. – И я почувствовал боль в спине. Вот здесь, – он показал на область левой почки.

– Ты усвоил очень важный урок, – сказала Джессика. – Понял ли ты, в чем он заключается?

Руки Фарад'на повисли вдоль тела, он изумленно посмотрел на Джессику и после недолгой паузы заговорил:

– Мой мозг управляет реальностью. – Глаза принца засверкали, и он повторил снова, на этот раз громче: – Мой мозг управляет реальностью!

– Это начало равновесия прана-бинду, – сказала Джессика. – Но только самое начало.

– Что я буду делать дальше? – спросил он.

– Моя госпожа, – охранник, ответивший Джессике, который час, осмелился перебить своего принца. – Время.

Наверное, их посты меняются именно в этот час, подумала Джессика.

– Расходитесь, – приказала она. – Нам надо заняться делом.

– Но, моя госпожа, – не унимался охранник, переводя испуганный взгляд с Джессики на Фарад'на и обратно.

– Ты думаешь, что я хочу его соблазнить? – спросила Джессика.

Охранник оцепенел.

Фарад'н весело рассмеялся и махнул рукой.

– Вы слышали, что она сказала. Разойдись!

Стражники переглянулись, но выполнили приказ.

Фарад'н присел на краешек кровати.

– Что дальше? – спросил он, продолжая изумленно качать головой. – Я хотел в это поверить, но не верил. Потом случилось так, что мозг… словно бы начал таять. Я очень устал. Мой разум перестал сражаться с тобой. Это случилось! Случилось! – Он сжал пальцы в кулак.

– Твой разум сражался вовсе не со мной, – напомнила ему Джессика.

– Конечно, нет, – признал Фарад'н. – Я сражался с собой, со всем тем вздором, которому меня научили. Но что дальше?

Джессика улыбнулась:

– Признаюсь, я не ожидала, что ты будешь так быстро делать успехи. Прошло всего лишь восемь дней и...

– Я был терпелив. – Фарад'н расплылся в довольной улыбке.

– Да, ты начал учиться терпению, – подтвердила Джессика.

– Начал? – удрученно переспросил Фарад'н.

– Ты только вышел к старту обучения, – сказала она. – Теперь ты – ребенок, младенец. До этого... ты был всего лишь возможностью, еще не родившимся.

Уголки рта принца опустились книзу.

– Не расстраивайся, – подбодрила его Джессика. – Ты это сделал, и это очень важно. Много ли людей могут похвастаться тем, что заново родились на свет?

– Какой будет следующий шаг? – не сдавался Фарад'н.

– Ты будешь практиковаться в том, чему уже научился, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты делал это легко, в любой момент по своему желанию. Позже ты наполнишь новым содержанием то свободное место в своем сознании, которое откроется по достижении этой первой ступени. Это содержание будет означать твою способность испытывать любую реальность по своему усмотрению.

– Значит, все, что я буду делать дальше, это практиковаться в...

– Нет. Теперь ты можешь начинать тренировать свои мышцы. Скажи-ка, сможешь ли ты пошевелить пятым пальцем левой ноги так, чтобы не шелохнулся больше ни один мускул?

– Пятым пальцем... – Джессика увидела, что лицо принца стало отчужденным. Он изо всех сил пытался выполнить упражнение. Она внимательно смотрела на его левую ногу.

На лбу принца выступил пот, дыхание участилось. – Я не могу этого сделать.

– Нет, можешь, – сказала она. – Ты научишься и этому. Ты изучишь каждую, самую мелкую мышцу своего тела. Ты узнаешь свою мускулатуру лучше, чем свои пять пальцев.

Фарад'н судорожно глотнул, осознав всю грандиозность такой перспективы.

– Что ты хочешь из меня сделать? – спросил он. – Каковы твои планы?

– Я намерена освободить тебя для Вселенной, – ответила она. – Ты научишься становиться кем угодно и управлять чем угодно по своему желанию.

Фарад'н несколько секунд переваривал сказанное:

– По своему желанию?

– Да.

– Это невозможно.

– Да, если ты не научишься владеть своими желаниями так же, как владеть своей реальностью, – сказала Джессика и задумалась.

Так! Теперь пусть он проанализирует все это. Ему будут советовать проявлять разумную осторожность, но Фарад'н сделает еще один шаг к пониманию того, что я делаю в действительности.

Фарад'н подтвердил ее догадку:

– Одно дело – сказать человеку, что он будет понимать желания своего сердца, и совсем другое – научить его делать это.

– Ты зашел дальше, чем я ожидала, – похвалила принца Джессика. – Это очень хорошо. Я обещаю: если ты сумеешь закончить весь курс обучения, то станешь мужчиной, способным распоряжаться собой. Все твои действия будут продиктованы только тем, что тебе действительно нужно.

И пусть Вещающий Истину попробует доказать, что это не так, – подумала она.

Принц встал, но взгляд, которым он одарил Джессику, был теплым, почти товарищеским:

– Знаешь, я тебе верю. Будь я проклят, если понимаю почему, но верю. Больше я не скажу тебе ни слова.

Джессика проводила принца взглядом, дождалась, когда он выйдет из спальни и, выключив свет, легла. Этот Фарад'н очень глубок. Он только что сказал ей, что начинает понимать содержание ее замысла, но присоединяется к ее заговору по собственной воле.

Подождем, пока он научится владеть своими эмоциями, – подумала Джессика. С этими мыслями она устроилась поудобнее и начала засыпать. Утро будет омрачено бесчисленными встречами с обитателями дворца, которые так любят задавать невинные с виду вопросы.

* * *

Человечество периодически проходит периоды ускорения своей активности, испытывая при этом соперничество между жизнеспособностью обновления и пороками декаданса. В этой периодически наступающей гонке каждая передышка воспринимается как роскошь. Только тогда человек становится способным понять, что все дозволено, все возможно.

Апокрифы Муад'Диба

Очень важно чувство прикосновения к песку, – подумал Лето.

Сейчас мальчик очень хорошо чувствовал под собой крупнозернистый теплый песок, на котором он сидел, глядя в бездонное яркое небо. Его усиленно кормили большими дозами меланжи, и ум Лето временами испытывал чудовищные завихрения. В горловине этого водоворота бесконечно вращались одни и те же вопросы, на которые он не находил ответа. Почему они так настаивали, чтобы я сказал это? Гурни был неумолим, в этом нет никаких сомнений, и действовал он по приказу госпожи Джессики.

Для этого «урока» его вывели из сиетча на яркий полуденный свет. У мальчика было странное ощущение, что во время этой короткой прогулки в нем развернулась

ожесточенная битва между герцогом Лето Первым и старым бароном Харконненом. Они сражались внутри него и посредством него, поскольку он не давал им столкнуться прямо. Эта битва показала Лето, что произошло с Алией. Бедная Алия.

Я был прав, когда боялся этих путешествий после приема Пряности, подумал он.

При воспоминании о госпоже Джессике Лето охватило горькое чувство. Ее проклятый гом джаббар! Надо сразиться с ним и победить, или умереть, сражаясь. Она не сможет приставить отравленную иглу к его горлу, но вполне сможет послать его в долину смерти, о чем недвусмысленно говорила ее собственная дочь.

В его сознание проникли какие-то гнусавые звуки. Они менялись в тональности, становились то громче, то тише… то снова громче. Лето никак не мог понять, слышит ли он реальные звуки или это говорит съеденная им меланжа.

Лето ссутулился, сложив руки на груди, горячий песок жег ягодицы. Перед мальчиком был расстелен ковер, но он предпочел сидеть на голом песке. На ковер легла большая тень. Намри. Лето продолжал неотрывно смотреть на пузырившийся в некоторых местах старый грязный ковер. Мысли текли своим чередом, в то время как глаза машинально осматривали умопомрачительно зеленый горизонт.

Под сводом черепа, в мозгу, грохотали барабаны. Было жарко, мальчика трясло словно в лихорадке. Жгучее давление насиловало его чувства, от этого исходила лихорадка, сжигавшая чувства, – теперь Лето сознавал только надвигающуюся гибель. Намри и его нож. Давление… Давление… Лето находился в каком-то подвешенном состоянии между песком и небом, его ум подчинялся только лихорадке. Сейчас он ждал-ждал, что произойдет некое единственное, первое и одновременно последнее событие.

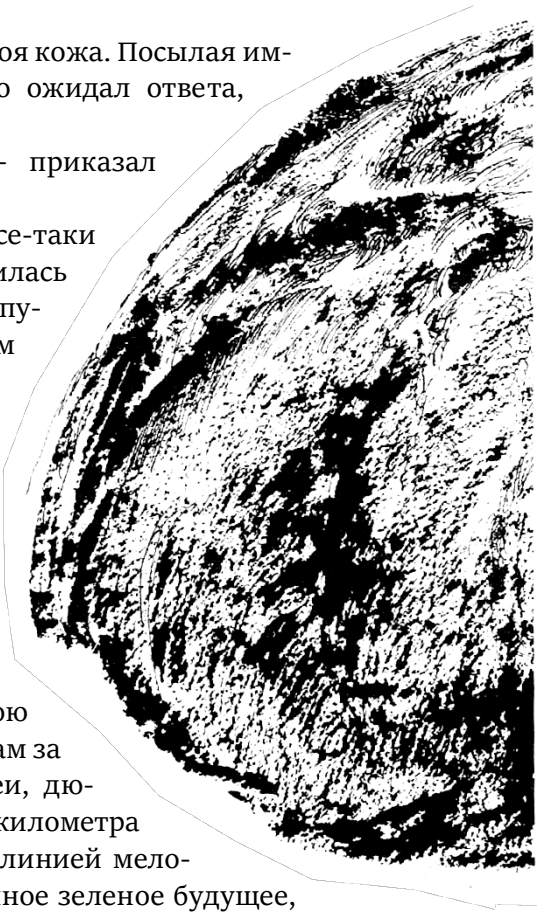
Жаркие сверкающие лучи беспощадного солнца хлестали, словно плетью, не зная ни милости, ни сострадания.

Где он, мой Золотой Путь? Отовсюду наползали какие-то жуки. Отовсюду.

Мне не принадлежит даже моя кожа. Посылая импульсы по своим нервам, Лето ожидал ответа, словно от другого существа.

Пошлите сигнал голове, – приказал Лето своим нервам.

Голова, которая, похоже, все-таки принадлежала пока ему, склонилась вперед, в направлении пятен пустоты в ярком ослепительном свете.

Кто-то прошептал: «Он сейчас находится очень глубоко».

Нет ответа.

Обжигающее, как огнем, солнце громоздило невыносимую жару.

Медленно, постепенно распрямляясь, поток его сознания повлек Лето сквозь последнюю завесу зеленеющей пустоты, а там за низкими, свернутыми, как змеи, дюнами, на расстоянии не более километра за вытянутой вдоль горизонта линией меловых скал, там простиралось буйное зеленое будущее, расцвет, бурный рост, текущий в бескрайнюю зелень, зеленое безумие, вечно длящееся и никогда не прерывающееся зеленое безмолвие.

Во всем этом зеленом величии не было ни одного великого червя.

Какое богатство дикой зелени, но нигде не видно Шаи-Хулуда.

Лето почувствовал, что преступил старые границы и вошел в новую, неведомую доселе землю, о которой могло свидетельствовать лишь его воображение, и что отныне он заглядывает за последний занавес, который зевающее от скуки человечество называет Неведомым.

Такова была кровожадная реальность.

Он почувствовал, как красный плод его жизни, словно раздавленный, выпустил из себя сок, вытекший в песок. Эта жидкость была не что иное, как эссенция Пряности, смешанная с его кровью.

Не будет Шаи-Хулуда, не будет и Пряности.

Сейчас Лето прозревал будущее, в котором нет места великим серым, извилистым, как черви или змеи, дюнам. Он знал это, но не мог вырвать себя из транса, чтобы воспрепятствовать такому исходу.

Внезапно его сознание начало стремительно перемещаться назад, назад, подальше от такого смертельного будущего. Мысли свернулись, спрятавшись в его чрево, стали примитивными, их можно было пробудить ото сна только сильными эмоциями. Лето почувствовал, что не способен сконцентрироваться ни на какой конкретной части своего видения, но зато внутри зазвучал голос. Голос вещал на древнем языке, который Лето отлично понимал. Голос был музыкальным и веселым, но слова били Лето, словно дубиной.

«На будущее влияет не настоящее, глупец, это будущее формирует настоящее. Переверни все свои представления. Как только будущее задано, события начинают разворачиваться так, что это будущее становится неизбежным».

Эти слова пронзили душу Лето. Все его тело – от головы до кончиков пальцев ног – было охвачено глубоко укоренившимся ужасом. Из этого он вывел, что его тело все еще существует, но дерзкая природа и огромная сила его видения заставляли Лето чувствовать себя запятнанным, беззащитным, неспособным заставить мышцы подчиняться его воле. Он понял, что все больше и больше подвергается натиску того скопища чужих жизней, которые некогда заставили его поверить в свою собственную реальность. Страх заполнил все существо мальчика. Он подумал, что еще немного и он утратит контроль над собой и впадет наконец в Мерзость.

Он почувствовал, как его тело извивается от ужаса.

Он должен одержать победу в этой схватке с множественной памятью и вновь выиграть добровольное сотрудничество с нею. Пока же все эти давно прекратившиеся в реальной вселенной жизни ополчились против него, даже царственный Гарум, которому Лето так доверял. Мелко дрожа, он распростерся на песке, в котором не было никаких живых корней, неспособный придать никакого выражения собственной жизни. Лето попытался сконцентрироваться на ментальной картине своей сущности, но тут на него обрушились самые разнообразные человеческие тела – самых разных возрастов: от младенцев до дряхлых стариков. Он припомнил, чему когда-то в раннем детстве учил его отец: «Пусть твои руки станут сначала юными, а потом старыми». Однако сейчас все его тело было погружено в утраченную реальность, и цельный образ растворялся в других лицах, черты которых услужливо подсовывала ему его память.

В мозгу разорвалась бриллиантовая молния, и все тело потряс неистовый удар грома.

Лето почувствовал, что его сознание разлетается на куски, однако часть своего существа он успел удержать где-то на грани существования и не-существования. Появилась надежда, он почувствовал, как дышит его тело. Вдох... Выдох. Он глубоко вдохнул: инь. Выдохнул: ян.

Где-то почти за гранью восприятия находилось место высшей независимости, победы над всеми этими унаследованными чужими жизнями и их памятью – это было не фальшивое чувство господства, а истинная победа. Теперь он понял, в чем заключалась его прежняя ошибка: он искал силу в реальности транса, вместо того чтобы встретить страх лицом к лицу, тот страх, который они с Ганимой сами воспитали в себе.

Алию сокрушил страх!

Однако поиск силы расставил Лето еще одну ловушку, завлек его в область фантазий. Появилась иллюзия. Проходя мимо Лето, она развернулась на половину оборота, и теперь

Лето стал виден центр, откуда он мог бесцельно наблюдать полет своих видений, передвижения внутренних жизней.

Душевный подъем с необычайной силой охватил Лето. Ему хотелось смеяться, но он сам отказал себе в этой роскоши, понимая, что смех захлопнет дверь памяти.

Ах, мои памяти, – подумал он. – Я видел вашу иллюзию. Вы больше не сможете двигать мною, как пешкой. Вы отныне будете показывать мне, как создавать движение. Я не стану больше скатываться на старую колею.

Эта мысль, словно метеор, прошла сквозь его сознание, вытерев его начисто. Лето пришел в себя, чувствуя цельность своего тела, единство, которое сообщало ему о том, что происходит с мельчайшими частями организма, с каждой клеткой и с каждым нервом. Мальчик вступил в состояние напряженного спокойствия. В этом состоянии он слышал какие-то голоса, которые доносились словно издалека, но он слышал их настолько ясно, как будто они отдавались эхом в глубокой расселине.

Один из голосов принадлежал Халлеку:

– Может быть, мы дали ему слишком много зелья?

– Мы дали ровно столько, сколько она велела, – ответил Намри.

– Может быть, нам стоит пойти и еще раз взглянуть на него, – предложил Халлек.

– Сабиха хорошо знает свое дело; она бы позвала нас, если бы дела пошли не так, как надо.

– Мне не нравится ремесло Сабихи, – произнес Халлек.

– В этом деле она необходима, – возразил Намри.

Лето чувствовал снаружи яркий свет, а внутри черную темноту, но эта темнота была неожиданно сокровенной, укрывающей и теплой. Свет ярко пламенел, и Лето чувствовал, что он исходит из внутренней тьмы, выплывая наружу, словно сверкающее облако. Тело стало прозрачным и увлекло его кверху, но Лето продолжал чувствовать вновь обретенную цельность, которая знала все о его клетках и нервах. Множество внутренних жизней выстроилось в

определенном стройном порядке, не стало никаких следов путаницы или смешения. Чужая память присмирела и успокоилась, последовав примеру внутреннего спокойствия, охватившего Лето. Каждая жизнь-память существовала отдельно, но все вместе они составляли неразрывное единство.

Лето заговорил с ними: «Я – ваш дух. Я – единственная жизнь, которую вы можете реализовать. Я – дом вашего духа, который пребывает в стране, которая расположена нигде. Без меня ваша разумная вселенная обратится в хаос. Творческое и бездонно-невежественное неразрывно связаны во мне; только я могу балансировать на грани между ними. Без меня человечество погрязнет в трясине и суете знания. С моей помощью они поймут, что единственный способ избежать хаоса – это понимание житием».

С этими словами Лето позволил себе отойти от себя и снова стал самим собой, своей личностью, овладевшей цельностью своего прошлого. То была не победа и не поражение; то было нечто новое, что он разделил с той внутренней жизнью, которую для себя выбрал. Лето наслаждался этой новизной, впуская ее в каждую клеточку, каждый нерв, пользуясь тем, что предложило ему единство, и одновременно восстанавливая свою исходную цельность.

Через некоторое время Лето проснулся в белесой мгле. Вспышка озарения подсказала ему, где пребывает его плоть. Он сидел на песке приблизительно в километре от скалистой стены, которая отмечала северную границу сиетча. Теперь он точно знал, что это за сиетч: Якуруту-Фондак. Но насколько же реальность оказалась отличной от тех мифов и слухов, которые распускали сами контрабандисты.

Прямо перед ним на коврике сидела молодая женщина; яркий светильник, пристегнутый к левой руке, висел над ее головой. Лето отвернулся от светильника и увидел звезды. Эта молодая женщина была ему знакома; он видел ее в своих видениях раньше – это она готовила кофе. Племянница Намри, и тоже с ножом. Только у нее оружие лежало в

подоле – на женщине было простое зеленое платье, надетое поверх защитного костюма. Сабиха, так ее звали. Намри имел в отношении нее какие-то планы.

Сабиха заметила, что он открыл глаза.

– Скоро рассвет. «Ты провел здесь всю ночь», – сказала она.

– И почти весь день, – сказал он. – Ты приготовила хороший кофе.

Это утверждение несколько озадачило женщину, но она решила не обращать на него внимания, что говорило о хорошей подготовке и ясных инструкциях относительно поведения с пленником.

– Час убийств, – проговорил Лето. – Но твой нож больше не нужен.

– Это будет решать Намри, – произнесла женщина.

Значит, не Халлек. Сабиха только подтвердила то, что знал Лето.

– Шаи-Хулуд очень хороший уборщик. Он прекрасно убирает ненужные улики, – продолжал Лето. – Я и сам использовал его для этого.

Сабиха положила ладонь на рукоять ножа.

Лето потянулся и зевнул до боли в челюстях.

– Я видел тебя в своем видении, – сказал он.

Плечи Сабихи слегка расслабились.

– Мы слишком однобоко судили об Арракисе, – говорил между тем Лето. – Мы были просто варварами. В том, что мы делали, есть большой элемент принуждения, но теперь нам надо уменьшить свое рвение и сдать некоторые позиции. Это поможет восстановить равновесие.

Сабиха озадаченно нахмурилась.

– Это было в моем видении, – объяснил Лето. – Если мы не восстановим естественный танец жизни на Дюне, то Дракон, Обитающий в Основании Пустыни, погибнет.

Лето употребил древнее фрименское название червя, и женщина сразу поняла, о чем идет речь.

– Черви? – спросила она.

– Мы находимся в темном переходе, – сказал Лето. – Без Пряности Империя распадется. Будет парализована Космическая Гильдия. Планеты постепенно забудут, что они не одни в мироздании. Население их замкнется само на себе. Космос станет неприступным, если Гильд-навигаторы потеряют свое мастерство. Мы же будем сидеть на вершинах своих дюн, не зная, что находится над нами и под нами.

– Ты говоришь очень странно, – сказала Сабиха. – А как ты видел меня в своем видении?

Доверяйте суевериям фрименов! – подумал он.

– Я – живой стиль, которым напишут грядущие в нашей жизни изменения. Если их не напишу я, то вы испытаете такую душевную боль, какую не испытывал еще ни один человек.

– И что же это за письмена? – спросила Сабиха, но рука ее осталась лежать на оружии.

Лето посмотрел на скалы Якуруту, из-за которых всходил предрассветный пылающий шар Второй Луны. Неподалеку раздался предсмертный крик Пустынного зайца. Лето увидел, что Сабиха вздрогнула. Вслед за криком зверька послышалось хлопанье крыльев хищной ночной птицы. Множество горящих янтарным огнем глаз пролетели над их головами к расселинам скал.

– Я должен следовать велениям своего нового сердца, – сказал Лето. – Ты смотришь на меня, как на обыкновенного ребенка, Сабиха, но если...

– Меня предупреждали об этом, – сказала Сабиха, и ее плечи снова напряглись.

В ее голосе послышался страх.

– Не бойся меня, Сабиха. Ты прожила на свете на восемь лет больше, чем плоть, в которую заключен мой дух, и за это я уважаю тебя. Но во мне свернуты тысячелетия чужих жизней, их намного больше, чем ты можешь себе представить. Не смотри на меня как на ребенка. Я – мост в будущее, и в одно из мгновений этого будущего я видел, как наши тела сплетались в любви. Ты и я, Сабиха.

– Но… Этого не может быть… – Женщина явно растерялась.

– Эта идея созреет в тебе, – сказал он. – Теперь помоги мне дойти до сиетча, я побывал во многих местах, и очень устал от этого дальнего путешествия. Намри должен услышать о том, что я видел. Нам надо сделать многое, пока наша вселенная не распалась.

– Я не верю в то, что ты сказал… о червях, – сказала она.

– И в то, что мы полюбим друг друга?

Она отрицательно покачала головой. Но Лето видел, что в ее голове, словно перья на ветру, закружились мысли. Его слова одновременно притягивали и отталкивали ее. Стать сопричастной власти – большое искушение. Но был и прямой приказ дяди. Но… в один прекрасный день этот сын Муад'Диба может стать правителем всей огромной Империи, не говоря о Дюне. Подумав немного, Сабиха почувствовала чисто фрименское отвращение к подобному будущему. Супруга Лето будет у всех на виду, станет объектом измышлений и сплетен. Правда, она станет состоятельной, но…

– Я сын Муад'Диба и могу прозревать будущее, – сказал он.

Сабиха медленно вложила клинок в ножны, легко поднялась с коврика, подошла к Лето и помогла ему встать на ноги. Лето был немало удивлен ее дальнейшими действиями: девушка свернула ковер и повесила его на правое плечо. Заметил он и разницу в росте, вспомнив свои слова: «Тела сплетались в любви».

Рост тоже изменяется со временем, – подумал он.

Она взяла его за руку и повела по песку. Лето споткнулся, и Сабиха прикрикнула на него:

– Для этого мы слишком далеко от сиетча! – Она имела в виду близость червей, которых мог привлечь шум падения.

Лето чувствовал, что его тело стало сухой оболочкой, такой, какая остается после линьки насекомого. Он знал такие оболочки: они были продуктами общества, построенного на торговле меланжей и религии Золотого Эликсира. Общество

было опустошено его избытком. Высокие цели Муад'Диба растворились в колдовстве, поддерживаемом вооруженной рукой Аукафа. Теперь религия Муад'Диба имела другое название – Шень-сянь-Шао, это иксианское выражение обозначало напряженность и безумие тех, кто думал, что возможно привести Вселенную в Рай, погоняя ее острием кинжала. Но и это изменится, когда преобразится Икс. Ведь это всего-навсего девятая планета того же солнца, а они даже забыли язык, который дал этой планете название.

– Джихад был проявлением массового психоза, – пробормотал Лето.

– Что? – спросила Сабиха. Она в это время была занята тем, чтобы вести Лето шагом, сбитым с определенного ритма, – так достигалась лучшая маскировка при продвижении по открытой Пустыне. Она прислушалась, но отнесла его слова на счет сильной усталости. Она чувствовала, насколько он утомлен и опустошен пережитым трансом. Все, что делали с мальчиком, казалось ей бессмысленным и жестоким. Если его надо было убить, как говорил Намри, то надо было сделать это быстро, без всяких ухищрений. Однако Лето говорил о чудесных откровениях. Может быть, это и интересовало Намри. Определенно должны же быть какие-то мотивы для такого жестокого поведения родной бабушки мальчика. Иначе зачем наша госпожа Дюны дала бы санкцию на такое опасное обращение с ребенком?

Ребенком?

Она снова задумалась над его словами. Они уже достигли подножия скалы, и Сабиха отпустила Лето, чтобы он немного отдохнул, здесь было уже безопасно. Глядя на него в тусклом свете звезд, она спросила:

– Как может случиться, что исчезнут черви?

– Только я смогу сделать так, чтобы этого не случилось, – сказал он. – Не бойся, я смогу изменить все.

– Но это...

– Некоторые вопросы не имеют ответов, – сказал он. – Я видел это в будущем, но противоречивость вызовет у тебя

только растерянность. Вселенная изменчива, но самое странное проявление этой изменчивости – мы, люди. Мы отвечаем, как резонаторы, на многие воздействия. Наше будущее нуждается в постоянной корректировке. Но есть барьер, который мы должны снести, и это потребует жестокости, нам придется восстать против наших самых дорогих, самых сокровенных желаний… Но это должно быть сделано.

– Что должно быть сделано?

– Тебе когда-нибудь приходилось убивать друга? – спросил он, повернувшись к ней лицом, и направился к расщелине, в которой был скрыт вход в сиетч. Лето шел настолько быстро, насколько позволяла усталость после пережитого транса. Девушка догнала его и, схватив за одежду, остановила.

– При чем здесь убийство друга? – спросила она.

– Как бы то ни было, он умрет, – заговорил Лето. – Я не должен этого делать, но я предотвращу убийство. Если же я этого не сделаю, то разве я не стану убийцей?

– Кто тот человек… который должен умереть?

– Может случиться разное, поэтому пока я вынужден молчать, – ответил он. – Возможно, мне придется отдать сестру чудовищу.

Он снова отвернулся, и она снова схватила его за одежду, но он не стал отвечать на ее вопросы. Пусть она ничего не знает до тех пор, пока не придет время, – подумал он.

* * *

Естественная селекция описывалась как селективный скрининг, проводимый с целью отбора особей с прогенией. Когда дело касается человека, то выявляется ограниченность такого подхода. Половое размножение становится предметом экспериментов и инноваций. Это порождает множество вопросов, включая древнюю проблему: является ли окружающая среда селекционным агентом, действующим после того, как произойдут изменения, или же среда играет роль в определении тех изменений, которые подвергаются затем скринингу. Дюна не ответила на этот вопрос: взамен она подняла новые, на которые могут попытаться ответить Лето и Община Сестер. Для этого в их распоряжении имеются следующие пятьсот поколений.

«Катастрофа Дюны» Харк аль-Ада

Дальние очертания голых коричневых скал Защитного Вала казались Ганиме воплощением призрака, угрожавшего ее будущему. Девочка стояла в саду на крыше Убежища спиной к заходящему солнцу, которое приобрело зловещий оранжевый оттенок из-за густых облаков пыли. Этот цвет напоминал цвет пасти червя. Ганима вздохнула. Алия... Алия... Неужели твоя судьба станет и моей судьбой?

В последнее время внутренние жизни в Ганиме стали проявлять небывалую активность. Во фрименском обществе были некоторые особенности в положении женщин – возможно, это было следствием реальных половых различий, но, как бы то ни было, из-за такого отношения женщины были более чувствительны к внутренним переживаниям. Об этом Ганиму давно предупреждала бабушка, ссылаясь при этом на аккумулированную мудрость Бене Гессерит. Предупреждала она и о том, что, проснувшись, эта мудрость может стать опасной для самой Ганимы.

– Мерзость, – говорила тогда госпожа Джессика, – это понятие, относящееся к предрожденным, оно имеет долгую драматичную историю печального и горького опыта. Путь, которым проходит Мерзость, определяется тем, что внутренние личности или жизни, живущие в предрожденном,

можно разделить на два класса – добрые и злые. Добрые легко управляемы и очень полезны. Злые же, наоборот, объединяются в одну мощную «Психе» и пытаются овладеть живой плотью хозяина и его сознанием. Известно, что этот процесс продолжается довольно долго, но его признаки хорошо известны.

– Почему ты покинула Алию? – спросила Ганима.

– Я бежала в ужасе от того, что я породила, – ответила Джессика тихим голосом. – Я сдалась. И теперь меня это очень сильно гнетет… возможно, я сдалась слишком рано.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я не могу это объяснить, но… может быть… нет! Я не хочу внушать тебе несбыточных надежд. Гафла, мерзостное совращение, имеет длинную историю в человеческой мифологии. Это совращение с истинного пути называли по-разному, но чаще всего для этого употребляют слово «одержимость». Вот так скорее всего обстоит дело. Ты теряешь свой путь среди злокозненных жизней, и они овладевают тобой, ты становишься одержимой ими.

– Лето… очень боялся Пряности, – сказала Ганима, поняв, что может спокойно говорить о брате. Какую страшную цену пришлось ему заплатить!

– Это мудро, – сказала Джессика и замолчала.

Однако Ганима рискнула взорвать мир своей предковой памяти и заглянула сквозь туманную завесу, которую тщетно натягивала над древним страхом Бене Гессерит. Объяснение того, что произошло с Алией, ни на йоту не облегчило страданий Ганимы. Накопленный Бене Гессерит опыт говорил о том, что из этой ловушки можно выпутаться, и Ганима призвала на помощь Мохалату, добрые жизни, которые могли защитить ее от злых.

Сейчас она, стоя на краю сада на крыше Убежища в лучах заходящего солнца, вспоминала испытанное ощущение. В тот же миг она почувствовала присутствие своей матери. Чани, словно призрак, стояла здесь же, между Ганимой и дальними скалами.

– Только войди сюда и тебе придется отведать плод Заккума, пищу ада! – сказала Чани. – Закрой эту дверь дочь; это твое единственное спасение.

Суета между тем усилилась, перед внутренним взором Ганимы замелькали многочисленные лица, зазвучали голоса. Она ускользнула от них, погрузив сознание в Кредо Общины Сестер, больше подчиняясь отчаянию, нежели истинной вере. Шевеля губами, Ганима шепотом начала быстро произносить слова Кредо:

– «Религия есть соперничество взрослого и живущего в нем ребенка. Религия – это инкапсулированные прошлые верования: мифология, которая построена на иносказаниях, скрытых допущениях веры во Вселенную, те верования, которые возвещали попытки человека найти в себе силу, все это смешивалось с мизерным просвещением. И всегда окончательной невысказанной заповедью является: «Ты не станешь вопрошать!» Но мы вопрошаем. Мы нарушаем эту заповедь походя. Работа, которой мы должны себя посвятить, заключается в освобождении воображения, чтобы затем впрячь его в чувство творчества, которое немыслимо без воображения».

Постепенно мысли Ганимы потекли ровно и упорядоченно. Она чувствовала, как трепещет ее тело, и знала, насколько хрупок этот обманчивый покой, которого она сумела достичь – туманная пелена продолжала висеть в ее мозгу.

– Леб Камай, – прошептала она. – Сердце моего врага, не стань моим сердцем.

Она вызвала в памяти лицо Фарад'на – угрюмое молодое лицо с тяжелыми надбровными дугами и упрямо сжатым твердым ртом.

Ненависть сделает меня сильной, подумала она. В ненависти я смогу избежать судьбы Алии.

Но сознание ненадежности ее положения не покидало Ганиму, и все, о чем она могла думать, – это о том, насколько похож Фарад'н на ее покойного дядю – Шаддама Четвертого.

– Вот ты где!

Справа вдоль парапета к Ганиме своей солдатской походкой приблизилась Ирулан. Повернувшись к принцессе, Ганима подумала: А это дочь Шаддама!

– Почему ты все время проводишь в уединении, избегаешь нас? – нахмурившись, спросила Ирулан, став лицом к Ганиме.

Ганима не стала говорить, что никогда не бывает одна, что охрана прекрасно знает, где она и куда направилась. Гнев Ирулан был вызван тем, что они стояли на возвышенном открытом месте и представляли собой идеальную мишень.

– Ты не носишь защитный костюм, – сказала Ганима. – Ты знаешь, что в старые времена всякого, кто оказывался вне сиетча без защитного костюма, убивали. Он терял воду, подвергая опасности все племя.

– Воду, воду! – передразнила Ганиму Ирулан. – Меня больше интересует, почему ты подвергаешь опасности себя, гуляя по крышам? Возвращайся в дом. Ты создаешь проблемы для всех нас.

– Какая здесь может быть опасность? – удивилась Ганима. – Стилгар покарал всех предателей. Кругом охранники Алии...

Ирулан посмотрела вверх, в темнеющее небо. На серо-синем небосклоне зажглись первые звезды. Она снова посмотрела на Ганиму.

– Не буду с тобой спорить. Меня прислали сказать, что Фарад'н прислал свое слово. Он принимает предложение, но по некоторым причинам хочет отложить церемонию.

– Надолго?

– Этого мы пока не знаем, ведутся переговоры. Но Дункана отослали домой.

– А что с бабушкой?

– Она пожелала остаться на Салусе на неопределенное время.

– Кто сможет ее за это осудить? – спросила Ганима.

– Это была совершенно глупая стычка с Алией!

– Не пытайся меня одурачить, Ирулан! Это была не глупая стычка, я же слышала рассказы о ней.

– Страхи Общины Сестер...

– ... вполне реальны, – закончила Ганима фразу Ирулан. – Ты доставила мне сообщение. Воспользуешься ли ты теперь возможностью разубедить меня в моем намерении?

– Нет, я сдалась.

– Ты же знаешь, что мне не стоит лгать, – сказала Ганима.

– Ну, хорошо. Да, я буду пытаться разубедить тебя. Этот план безумен.

Зачем я ее так раздражаю, – подумала Ирулан. – Последователи Бене Гессерит не должны раздражаться ни при каких обстоятельствах.

– Я очень обеспокоена большой опасностью, которая над тобой нависла, – сказала Ирулан. – Ты это знаешь. Гани, Гани, ты же дочь Пола. Как ты можешь...

– Именно потому, что я – дочь Пола, – ответила Ганима. – Мы, Атрейдесы, восходим к Агамемнону и знаем свою кровь. Никогда не смей об этом забывать, бездетная жена моего отца. У нас, Атрейдесов, кровавая история, и мы не остановимся перед необходимостью ее пролить.

– Кто такой Агамемнон? – вдруг спросила Ирулан.

– Ваше хваленое образование в школе Бене Гессерит говорит само за себя, – ответила Ганима. – Я все время забываю, что твой род слишком короток. Но моя память восходит к...

Она замолчала, не желая нарушать хрупкий сон спящих в ее памяти предков.

– Что бы ты ни помнила, могу сказать, что твой курс очень опасен, потому что...

– Я убью его, – пообещала Ганима. – Он должен мне жизнь.

– Я не допущу этого, если смогу.

– Мы это и так знаем. Но у тебя не будет такой возможности. Алия отошлет тебя в один из южных городов, где ты и будешь находиться до тех пор, пока все не будет исполнено.

Ирулан негодующе покачала головой:

– Гани, я поклялась, что буду защищать тебя от любой опасности. Если потребуется, то ради этого я пожертвую жизнью. Если ты думаешь, что я буду спокойно отсиживаться за каменными стенами какой-нибудь джедиды, когда ты...

– Всегда найдется Хуануй, – сказала Ганима очень мягко. – Смерть – это всегда альтернатива. Я уверена, что из ссылки ты ни во что не сможешь вмешаться.

Ирулан побледнела и, забыв на мгновение обо всей своей подготовке, прижала ладонь к губам. Она столько заботы вложила в эту девочку. Сейчас женщину покинули все чувства, кроме, может быть, животного страха. Губы ее задрожали, она заговорила, почти срываясь на крик:

– Гани, я не боюсь за себя! Ради тебя я могу броситься в пасть червю. Да, ты правильно сказала: я – бездетная жена твоего отца, но ты – это тот ребенок, которого у меня никогда не было. Я умоляю тебя... – Слезы заблестели в уголках ее глаз.

У самой Ганимы подступил комок к горлу, но она не дала волю своей слабости.

– Между нами есть еще одна разница. Ты никогда не была, в отличие от меня, фременкой. Это пропасть, которая разделяет нас. Алия знает об этом. Кто бы она ни была, это она знает твердо.

– Ты не можешь говорить, что Алия знает, – с горечью произнесла Ирулан. – Если бы я не знала, что она из Атрейдесов, то могла бы поклясться, что она желает уничтожить свою семью.

Откуда, собственно говоря, ты можешь знать, что Алия все еще Атрейдес? – подумала Ганима, удивляясь слепоте Ирулан. Она же из Бене Гессерит, а кто лучше Сестер знает

историю Мерзости? Она не посмела бы даже думать об этом, не говоря уж о том, чтобы поверить в такую возможность. Должно быть, Алия испробовала на этой несчастной женщине кое-какие приемы своего колдовства.

– Я должна тебе воду. «Поэтому я стану охранять тебя», – сказала Ганима. – Но твой кузен потерял это право. Так что не будем больше говорить об этом.

Губы Ирулан все еще дрожали, когда она вытерла глаза.

– Я очень любила твоего отца, – прошептала она. – Я даже не догадывалась насколько, до тех пор, пока он не умер.

– Может быть, он жив, – сказала Ганима. – Этот Проповедник...

– Гани! Иногда я перестаю тебя понимать. Неужели Пол стал бы так нападать на свою семью?

Ганима пожала плечами и вгляделась в темное уже небо:

– Он может находить это забавным...

– Как ты можешь так легко об этом говорить?

– Чтобы не погрузиться в темную бездну, – ответила Ганима. – Я не издеваюсь над тобой. Бог видит, что нет. Просто я – дочь своего отца. Я человек, в котором посеяно семя Атрейдесов. Ты не станешь думать о Мерзости, а я могу думать только о ней. Я – предрожденная. Я знаю, что творится у меня внутри.

– Это глупое суеверие о...

– Не надо, – Ганима протянула руку к губам Ирулан. – Я – продукт проклятой селекционной программы Бене Гессерит, ее придумала моя родная бабка. Но это еще далеко не все.

Она ногтем разорвала кожу на ладони, из раны потекла кровь.

– Видишь, какое у меня юное тело, какая тонкая кожа... Но мой опыт... О, боги, Ирулан! Мой опыт! Нет!

Она выбросила вперед руку, видя, что Ирулан приблизилась к ней.

– Мне ведомо все то будущее, которое с таким тщанием исследовал мой отец. Во мне столько мудрости предков и

столько же их невежества... и моральной неустойчивости. Если ты хочешь помочь мне, то сначала пойми, кто я.

Совершенно инстинктивно Ирулан наклонилась вперед и крепко обняла Ганиму, прижавшись щекой к ее щеке.

Боже, сделай так, чтобы мне не пришлось убить эту женщину! – подумала Ганима. – Не дай этому случиться!

На Пустыню незаметно опустилась ночь.

* * *

Позвала тебя маленькая пташка
С красным полосатым клювом.
Прокричала она над сиетчем Табр,
И отнесли тебя на могильное поле.
Плач по Лето II

Лето проснулся от позвякивания водяных колец в волосах женщины. Он посмотрел в проем открытой двери своей кельи и увидел сидевшую там Сабиху. Полупогруженный в наркотический дурман, он увидел сейчас то, что открыло ему недавнее видение. Сабиха была на два года старше того возраста, когда большинство фрименских женщин уже замужем или, по меньшей мере, обручены. Следовательно, ее семья бережет ее для чего-то... или для кого-то. Девушка, очевидно, уже давно пересиживала свой брачный возраст. Затуманенное видениями зрение все-таки позволило ему разглядеть, что женщина похожа на образ из древнейшего земного прошлого: темные волосы и светлая кожа, глубоко посаженные глаза, синие на синем, – тень придавала им зеленоватый оттенок. У нее был маленький нос, большой рот и острый подбородок. Сабиха была живым сигналом того, что план Бене Гессерит известен – или о нем догадываются – здесь, в Якуруту. Они хотят возродить старый империализм фараонов с его помощью? Зачем же тогда эти попытки принудить его к браку с собственной сестрой? Несомненно, Сабиха не могла предотвратить этого.

Однако его тюремщикам план Бене Гессерит был известен. Но как они об этом узнали? Они не могли проникать в чужие видения. Они не могли бывать вместе с Лето там, где жизнь превращалась в подвижную мембрану, проникающую в иные измерения. Рефлексивные и повторяющиеся видения, в которых неизменно присутствовала Сабиха, принадлежали только и исключительно Лето.

Кольца снова звякнули в волосах Сабихи, и этот звук спугнул видение. Теперь он точно знал, где находится и чему научился. Это знание не могло быть стерто ничем. Нет, это не паланкин, не звон колец, не песня путников. Нет… Он находится здесь, в келье Якуруту, вовлеченный в самое опасное из путешествий: туда и обратно, к Аль ас-сунна вальджамас, из реального мира чувств и обратно – в иллюзорный мир видений.

Что она делает там со своими кольцами, звенящими в волосах? О, да. Она готовит варево, которым будут потчевать сегодня его, Лето Атрейдеса, те, кто схватил его и держит в неволе. Это зелье, которое держит его в реальном мире только наполовину, будут давать ему до тех пор, пока либо он умрет, либо исполнятся планы его бабки. Каждый раз, когда он думал, что победил в этой схватке, они тотчас отсылали его назад, в небытие! Госпожа Джессика оказалась права – старая ведьма! Но кое-что надо сделать не откладывая. Все воспоминания о прошлой жизни всех его предков бесполезны до тех пор, пока он не научится организовывать данные о них и не сможет вспоминать их по первому требованию. Сейчас эти жизни живут в условиях полнейшей анархии. Одна или несколько из них могут полностью подавить его волю. Пряность и ее неумеренное потребление им здесь, в Якуруту, стали отчаянной азартной игрой.

Гурни ждет знака, а я отказываюсь его дать. Насколько же хватит его терпения?

Он внимательно посмотрел на Сабиху. Она откинула с головы капюшон, и на висках стала видна ее племенная

татуировка. Сначала Лето не узнал ее, но потом припомнил, где он находится. Да, сиетч Якуруту до сих пор жив.

Лето не мог понять, следует ли ему ненавидеть бабку или, наоборот, благодарить ее за то, что она с ним сделала. Она хотела, чтобы его инстинкты проникли на уровень сознания. Но что такое инстинкты? Это расовая память на то, как справляться с кризисными ситуациями. Его прямой доступ к памяти живших до него предоставлял такую возможность без всякой Пряности. Теперь, когда отношения с множественной предковой памятью были упорядочены, надо было как можно тщательнее скрывать это от Гурни. Но не было способа спрятать это от Намри. Да, Намри – это большая проблема.

Сабиха вошла в келью с чашей в руках. Свет, падавший от двери, образовывал вокруг ее волос восхитительные радужные круги. Она осторожно приподняла его голову и начала кормить из чаши. Только теперь Лето понял, насколько он ослаб. Он позволил ей кормить себя, но ум его в это время был далеко, беседуя с Гурни и Намри. Они верили ему! Намри верил больше, но даже Гурни не мог отрицать того, что сообщали ему чувства Лето о Дюне.

Сабиха вытерла ему рот подолом платья.

Ах, Сабиха, – подумал он, вспомнив недавнее видение, наполнявшее его сердце болью. – Много ночей грезил я у открытой воды, и ветер проносился у меня над головой. Много ночей провела моя плоть возле змеиного гнезда, а я мечтал о Сабихе во время летнего зноя. Я видел, как она складывает испеченные на докрасна раскаленных противнях сдобренные Пряностью хлебы. Я видел чистую воду канала, тихую и гладкую, но в моем сердце бушевала буря. Вот она пьет кофе и ест. Зубы ее поблескивают в тени. Я вижу, как она вплетает мои водяные кольца в свои волосы. Янтарный аромат ее груди задевает струны моих самых сокровенных чувств. Она мучит меня и сжигает мою душу одним только своим существованием.

Как ни сопротивлялся Лето натиску этой страсти, все было тщетно: замороженный шар его пространственно-временной памяти взорвался. Мальчик явственно ощутил, как в его объятиях ритмично движется, издавая сладострастные звуки, женское тело; они впитывали ощущения всем своим телом – губами, через влажное, хрипловатое дыхание, языком... перед мысленным взором возникали видения каких-то спиралей... В мозгу же звучал исступленный голос: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... Жаркое, распирающее, взрослое ощущение появилось у Лето в паху. На всем теле выступил пот, наступила кульминация.

О, как сладко будет испытать все это наяву!

– Сабиха, – страстно зашептал Лето. – О, моя Сабиха.

Как только ее подопечный вошел в нужную глубину транса, Сабиха поставила на пол чашу и вышла, остановившись у выхода, чтобы доложить обо всем Намри.

– Он снова произносит мое имя, – сказала она.

– Иди и сиди с ним, – сказал Намри. – Мне надо найти Халлека и обсудить это с ним.

Сабиха вынесла чашу с остатками варева и вернулась в келью. Сев на край ложа, она принялась разглядывать затененное лицо мальчика.

Вот он открыл глаза, протянул руку и коснулся кончиками пальцев щеки девушки. Он заговорил, рассказывая ей о видении, главной героиней которого была она, Сабиха.

Пока он говорил, женщина положила свою ладонь на его руку. Какой он сладкий... какой сла... – она прилегла рядом с ним, подложив под голову его руку. Сабиха уснула глубоким сном еще до того, как Лето высвободил руку. Он сел, чувствуя всю глубину своей немощи. Пряность и видения истощили его, выпили до дна. Он оглядел келью, стараясь хоть чуть-чуть взбодриться, и поднялся с ложа, не потревожив Сабиху. Надо уйти, хотя он понимал, что в таком состоянии уйти далеко не сможет. Лето медленно застегнул защитный костюм, собрал лежавшую возле ложа одежду и вышел наружу. Вокруг были люди, занятые своими делами,

они знали его, но не были обязаны за ним следить. Намри и Халлек скоро узнают, что он сделал. Сабиха спит не слишком глубоко.

Мальчик увидел боковой лаз и храбро спустился в него.

Сабиха действительно мирно спала, когда в келью вошли Халлек и Намри.

Женщина быстро села, протерла глаза, увидела пустое ложе, дядю, стоявшего позади Халлека, и выражение гнева на их лицах.

Первым заговорил Намри:

– Да, да, он ушел.

– Как ты его упустила? – в ярости прошипел Халлек. – Как это могло случиться?

– Видели, как он пошел к нижнему выходу, – произнес Намри до странности спокойным тоном.

Сабиха, съежившись от страха, стояла перед мужчинами, силясь вспомнить, что произошло.

– Я не помню, я ничего не помню, – повторяла она.

– Наступает ночь, а он очень слаб, – сказал Намри. – Он не сможет уйти далеко.

Халлек резко повернулся к нему:

– Ты хочешь, чтобы мальчик умер?

– Это не слишком меня огорчит.

Халлек снова обернулся к Сабихе:

– Расскажи мне, что произошло.

– Сначала он коснулся моей щеки. Говорил о своем видении… где мы были вместе, – она посмотрела на пустое ложе. – Он заставил меня уснуть. Это было какое-то волшебство.

Халлек взглянул на Намри:

– Он не может прятаться где-нибудь внутри?

– Нет, его бы нашли, заметили. Нет, он направлялся к выходу. Его здесь нет.

– Волшебство, – продолжала бормотать Сабиха.

– Никакого волшебства, – заявил Намри, – он просто загипнотизировал ее. Он и со мной чуть было это не проделал? Сказал, что я его друг.

– Он очень слаб, – сказал Халлек.

– Только телом, – возразил Намри. – Но далеко он не уйдет. Я испортил пяточные насосы его костюма. Он умрет от обезвоживания, если мы его не найдем.

Халлек едва не ударил Намри, но вовремя сдержался. Джессика предупреждала, что Намри, возможно, придется убить парня. Господи! До чего они дошли – Атрейдесы против Атрейдесов.

– Может быть, он просто побрел куда глаза глядят, может быть, он просто не вышел из транса?

– Какая разница? – возразил Намри. – В любом случае, если мы его не найдем, он умрет.

– Начнем искать его на рассвете, – решил Халлек. – Он взял с собой фримпакет?

– У входа всегда лежит несколько штук, – сказал Намри. – Он был бы полным дураком, если бы не взял один. Но он не произвел на меня впечатления дурака.

– Тогда пошли сообщение нашим друзьям, – сказал Халлек. – Расскажи им, что произошло.

– Этой ночью не будет никаких сообщений, – ответил Намри. – Надвигается буря. Племена следят за ее продвижением уже три дня. Она будет здесь в полночь. Все средства связи отключены. Спутники перестали выходить на связь с нашим сектором два часа назад.

Халлек судорожно вздохнул. Если мальчика застигнет буря, он, без сомнений, погибнет. Ветер сожрет его плоть и измельчит кости. Вымышленная смерть станет реальной. Он изо всех сил ударил кулаком в ладонь. Буря может запереть их в сиетче, они не смогут даже носа из него высунуть. Накопившееся в воздухе электричество уже отрезало сиетч от внешнего мира.

– Дистранс, – произнес Халлек. Ему пришло в голову, что можно записать сообщение на сигналы летучих мышей и передать их по аварийной системе.

Намри отрицательно покачал головой:

– Летучие мыши не летают в такую погоду. Они чувствуют бурю лучше, чем мы, и прячутся в скалах до тех пор, пока не уляжется ветер. Правда, можно связаться со спутником, чтобы нас снова включили. Тогда мы сможем хотя бы найти его останки.

– Он не погибнет, если взял с собой фримпакет и зароется в песок во время бури, – сказала Сабиха.

Выругавшись себе под нос, Халлек резко повернулся и стремительно вышел из кельи.

* * *

Мир требует решений, но мы никогда не принимаем живых решений; мы лишь стремимся это делать. Закрепленное решение есть, по определению, мертвое решение. Вся проблема мира заключается в том, что он наказывает за ошибки, вместо того чтобы награждать за блестящие достижения.
Слова моего отца; рассказ о Муад'Дибе, восстановленный Харком аль-Ада

– Она его учит? Она учит Фарад'на?

Алия смотрела на Дункана Айдахо с недоверием и злостью. Лайнер Гильдии перешел на орбиту вокруг Арракиса в полдень по местному времени, а час спустя челнок без всякой пышной помпы доставил Айдахо в Арракин. Через несколько минут орнитоптер приземлился на крыше Убежища. Предупрежденная о его вынужденном приезде, Алия встретила его очень сухо и официально на глазах своих гвардейцев, и вот теперь они стоят друг напротив друга в северном крыле Убежища. Айдахо только что передал ей точное, правдивое сообщение о том, что произошло, подчеркивая каждую важную деталь.

– Она совершенно потеряла чувство реальности, – сказала Алия.

Он воспринял этот ответ в его ментальном аспекте.

– Все указывает на то, что Джессика пребывает в уравновешенном состоянии духа. Я бы сказал, что ее индекс душевного здоровья...

– Прекрати, – огрызнулась Алия. – О чем она вообще думает?

Айдахо, который понял, что его собственный психический баланс зависит сейчас от того, насколько быстро он сумеет погрузиться в эмоциональное спокойствие ментата, произнес:

– Я вычислил, что она думает о помолвке внучки.

Лицо его при этом оставалось ласковым и мягким – маской, под которой скрывались ярость и горе. Здесь не было Алии. Прежняя Алия умерла. Иногда перед его внутренним взором возникал мифический образ прежней, возможно, никогда не существовавшей Алии, но ум ментата мог выдерживать такой самообман не дольше нескольких минут. Эта тварь в человеческом облике была одержима, ее душой овладели демоны. Фасетки его стальных глаз разложили Алию на множество образов, каждый из которых был отражением мифа. Потом он попытался сложить эти фрагментарные образы в один, но Алия не получилась, ее больше не существовало. Ее характеристики были разодранными, их нельзя было более соединить в цельную личность. Его жена превратилась в пустую оболочку, внутри которой осталась только одна злоба.

– Где Ганима? – спросил он.

– Я отослала ее вместе с Ирулан в имение Стилгара, – она небрежно отмахнулась от его вопроса.

Это нейтральная территория, – подумал Айдахо. – Значит, она провела переговоры с мятежными племенами. Она теряет почву под ногами и даже не догадывается об этом... не догадывается ли? Переметнулся ли Стилгар на ее сторону?

– Обручение, – вслух размышляла Алия. – Какова обстановка в Доме Коррино?

– Салуса налаживает контакты с инопланетными родственниками, которые ставят на Фарад'на, надеясь получить свою долю, когда принц вернет себе власть.

– И она учит его по методике Бене Гессерит?

– Разве это не нужно будущему мужу Ганимы?

Алия едва заметно улыбнулась, вспомнив неугасимую ярость Ганимы. Пусть Фарад'на учат. Джессика готовит к обучению труп. Все это пустая трата времени.

– Мне надо все это обдумать, – сказала Алия. – Что-то ты слишком спокоен, Дункан.

– Я жду твоих вопросов.

– Вижу. Понимаешь ли ты, как я рассердилась на тебя? Взять и отвезти ее к Фарад'ну!

– Ты сама поручила мне привести твой замысел в исполнение.

– Я была вынуждена оставить без последствий сообщение о том, что вас, как пленников, захватили на Салусе, – сказала она.

– Я выполнял твой приказ.

– Временами ты бываешь невыносимо пунктуален, Дункан. Иногда ты меня просто пугаешь. Но если бы ты этого не сделал, то...

– Госпожа Джессика в безопасности, – сказал он. – Ради Ганимы мы должны быть благодарны, что...

– В высшей степени благодарны, – согласилась Алия. Ему нельзя больше доверять. В нем крепко сидит верность Атрейдесам. Надо под каким-то предлогом отослать его отсюда... и ликвидировать. Несчастный случай, конечно...

Она прикоснулась кончиками пальцев к его щеке.

Айдахо заставил себя ответить на ласку и почтительно поцеловал жене руку.

– Дункан, Дункан, как это все грустно, – сказала она. – Но я не могу держать тебя здесь, со мной. Произошло так много событий, и так мало осталось людей, которым можно полностью доверять.

Он отпустил ее руку и застыл в ожидании.

– Я была вынуждена послать Ганиму в Табр, – сказала она. – Здесь стало очень неспокойно. Отряды с Порченой Земли разрушили канал в бассейне Кагги и выпустили всю воду в песок. В Арракине снижены нормы потребления воды. Бассейн, правда, уцелел с помощью песчаной форели, и мы собираем оставшуюся воду, хотя ее слой очень тонок.

До Айдахо вдруг дошло, что в Убежище почти не видно амазонок из личной гвардии Алии. Он подумал: Повстанцы Внутренней Пустыни не оставят своих попыток пробить оборону Алии. Знает ли она об этом?

– Табр пока нейтрален, – продолжала Алия. – Переговоры продолжаются. Там Джавид с делегацией священников. Но я хочу, чтобы ты в Табре понаблюдал за ними, особенно за Ирулан.

– Да, конечно, она же Коррино, – согласился он.

Но по глазам жены Айдахо понял, что для нее он уже не существует. Как же прозрачна стала эта тварь в образе Алие!

Она махнула рукой:

– Теперь иди, Дункан, пока я не размякла и не позволила тебе остаться. Я так скучала по тебе...

– Я тоже скучал. – Он вложил в эту фразу всю свою неизбывную печаль.

Она внимательно посмотрела на мужа, пораженная этой искренней грустью.

– Ради тебя, Дункан, – сказала она вслух, а про себя подумала: Очень плохо, Дункан. – Зия отвезет тебя в Табр, орнитоптер нам сейчас очень нужен самим.

Это ее любимая амазонка, – подумал Айдахо. – Надо соблюдать предельную осторожность.

– Я понимаю, – сказал он и еще раз поцеловал Алие руку, снова посмотрел на дорогую для него плоть, которая когда-то была плотью его возлюбленной Алии. Уходя, он так и не смог заставить себя взглянуть ей в лицо. В ее глазах был виден чужой человек.

Выйдя на взлетную площадку, Айдахо испытал какую-то неудовлетворенность от вопросов, на которые он пока не

ответил. Встреча с Алией была нелегким испытанием для его способностей обрабатывать поступающую информацию. Он стоял возле орнитоптера рядом с охранявшей его амазонкой, угрюмо глядя на юг. Воображение унесло его за Защитный Вал, в сиетч Табр. Почему Зия должна везти меня в Табр? Вернуть орнитоптер – это минутное дело для первого же попавшегося лакея. В чем причина задержки? Зия получает инструкции?

Айдахо взглянул на бдительную амазонку, сел на место пилота, высунулся из кабины и сказал:

– Скажи Алие, что я немедленно пришлю орнитоптер назад с одним из людей Стилгара.

Прежде чем женщина успела ответить, Дункан запустил двигатель. Амазонка стояла в нерешительности. Кто может оспаривать решения супруга Алии? Когда она поймет, что делать, он будет уже в воздухе.

Теперь, когда Айдахо был один в кабине, он мог дать волю своему горю, и зарыдал. Алия ушла. Сегодня они расстались навеки. Слезы текли из его искусственных глаз, а он исступленно шептал: «Пусть все воды Дюны уйдут в песок. Я восполню их своими слезами».

Это был не поступок ментата, и Айдахо пришлось собраться, чтобы переключить внимание на текущие дела. Надо было внимательно управлять машиной. Управление отвлекло внимание от горя, и Дункан смог взять себя в руки.

Ганима снова со Стилгаром. И с Ирулан.

Зачем Зия должна была сопровождать его? Должен был произойти несчастный случай со смертельным исходом.

* * *

Каменная усыпальница правителя – не приют для молящихся. Она – могила скорби. Только ветер слышит голоса этого места. Крики ночных тварей и непреходящее чудо света двух лун вопиют о том, что сочтены дни этого человека. Нет больше просителей. Гости покинули веселый пир. Опустела тропа к этой горе.

Строки об усыпальнице герцога Атрейдеса неизвестного автора

Сложившиеся обстоятельства поражали Лето своей обманчивой простотой. Чтобы избежать видений, надо делать все, основываясь на том, чего не видишь. Он понимал, что главная ловушка находится в его голове. Нити запертого в сознании будущего захватывают человека и не выпускают, порвать эти нити – вот главная задача. Ни в одном видении Лето не было сцены бегства из Якуруту. Но первое, что надо было сделать, – это перерезать нить, связывавшую его с Сабихой.

В последних лучах заходящего солнца он взобрался на край скалы, которая прикрывала Якуруту с востока. Во фримпакете оказались тонизирующие таблетки и еда. Он принял препарат и теперь следовало подождать прилива сил. К западу лежало озеро Азрак – гипсовая чаша, заполненная некогда открытой водой. Но это было еще до появления червей. К югу находился невидимый отсюда Бене Шерк, новые поселения, покрывшие безжизненный блед. К югу была Танзерцфа – Земля Ужаса: три тысячи восемьсот километров безводной Пустыни с редкими пятнами травы вокруг дюн с водоуловителями. То была работа экологов, проводивших трансформацию Арракиса. Эти зеленые островки обслуживались воздушными вахтами, которые подолгу там не задерживались.

Я пойду к югу, – решил Лето. – Гурни ждет, что именно туда я и направлюсь. Сейчас не тот момент, чтобы делать что-то неожиданное и непредсказуемое.

Скоро стемнеет, и тогда можно будет покинуть это временное убежище. Лето оглядел южный горизонт. Там с

земли поднимались, словно клубы дыма, пыльные вихри, закрывающие небо горячей завесой, – буря. Гигантский центр бури, подобно извивающемуся червю, вздымался на Великой Равнине. Почти минуту Лето наблюдал за центром и понял, что тот не движется. На ум мальчику пришла старая фрименская мудрость: Если центр не движется, значит, ты на пути бури.

Это обстоятельство меняло все.

Несколько мгновений он смотрел на запад, туда, где был Табр, ощутив обманчивый покой вечера в Пустыне; белое гипсовое дно старого озера с круглой, обточенной ветрами галькой; первобытная бескрайняя пустота с нереальной блестящей поверхностью тыльных облаков. Ни в одном видении Лето не представлял себя в эпицентре матери-бури, закопавшимся в песок, чтобы выжить в этом страшном хаосе. Было, правда, видение, в котором его несет ветер… но это могло наступить позже.

Буря между тем надвигалась. Фронт сметающего все на своем пути ветра достигал нескольких градусов широты. Это становилось рискованным. Лето приходилось слышать старые фрименские истории, обычно передаваемые через третьи, а то и четвертые руки о том, что можно пригвоздить к земле уставшего червя, если воткнуть крюк погонщика в землю сквозь одно из широких колец червя, и выжить, спрятавшись с подветренной стороны животного. То была грань между отвагой и давно забытой безрассудностью, которая сейчас бросала вызов мальчику. Буря начнется не раньше, чем в полночь, так что время еще есть. Сколько нитей надо еще перерезать? Все, включая и главную?

Гурни думает, что я пойду к югу, но не в эпицентр бури.

Он посмотрел на юг, отыскал глазами дорогу, увидел черную, как эбонит, горловину расселины в скале, в изгибах которой был песок, падавший, словно вода, на плоскую равнину. Жажда обожгла горло, когда Лето, вскинув на плечо фримпакет, направился по тропе к каньону. Было еще

достаточно светло и дорогу было неплохо видно, но Лето понимал, что играет с Временем в очень азартную игру.

Когда он достиг губы каньона, на Пустыню внезапно, как это и бывает, упала ночная тьма. Пятнистое глиссандо лунного света показывало путь к Танзеруфту. Сердце его забилось чаще при воспоминании о всех тех ужасах, которыми щедро снабдили его услужливые внутренние жизни с их богатой памятью. Мальчик почувствовал, что может попасть прямо в лапы Хуануй-наа, так обозначает старинный фрименский страх крупнейшие бури: это означает Смерть Земли. Но что бы ни произошло, это будет не видение, а подлинная реальность. Каждый пройденный шаг все дальше уводил Лето от наведенной Пряностью дхианы, того специфического осознания интуитивно-творческого характера его натуры, с ее развернутостью к неподвижной цепи случайностей. На каждые сто шагов, которые он теперь проходил вперед, приходился один шаг, сделанный в сторону. Лето делал это для того, чтобы без слов слиться с вновь обретенной внутренней реальностью.

Тем или иным путем, но я приду к тебе, отец.

Вокруг него попискивали невидимые маленькие птицы. Будучи фрименом, он ориентировался по этим звукам там, где не было видно ни зги. Минуя расселины, он часто видел горящие в них зеленые глаза ночных хищников, попрятавшихся в преддверии бури.

Лето вышел из горловины каньона на открытое пространство Пустыни. Живой песок шевелился и дышал под его ногами, рассказывая о своей потаенной, но мощной жизни. Он оглянулся и увидел в лунном свете застывшую вулканическую лаву, покрывавшую скалы Якуруту. Вся структура этого мира была метаморфична, говорила о том, что Арракису есть еще чем поделиться с будущим. Лето поставил на землю ударник, чтобы вызвать червя. Стукнув о песок, он стал ждать, внимательно вслушиваясь в тишину Пустыни. Неосознанно он потрогал рукой кольцо Атрейдесов, спрятанное в складке одежды. Гурни наверняка видел

его, но не взял. Интересно, что он подумал, увидев кольцо Пола?

Отец, жди меня; я скоро приду к тебе.

Червь пришел с юга. Он изогнулся углом, чтобы не сталкиваться со скалами. Червь был не такой большой, как надеялся Лето, но здесь уж ничего не поделаешь. Лето проверил направление движения, установил крюки и взобрался по складчатому боку червя на его спину, подняв при этом клубы пыли. Ветер раздувал одежду Лето. Мальчик стал смотреть на тусклые от поднятой в воздух пыли южные звезды и направил червя вперед.

Прямо в бурю.

Когда взошла Первая Луна, Лето уточнил расположение бури и рассчитал время ее начала. Выходило, что она начнется не раньше утра. Теперь надо было собраться с силами и сделать большой рывок. Да, после такой бури будет много работы экологическим командам. Можно было подумать, что планета сопротивляется человеку с тем большей яростью, чем большие площади отвоевываются у Пустыни.

Всю ночь Лето гнал червя к югу, измеряя оставшуюся у животного энергию по его движениям, которые Лето ощущал ступнями. Иногда он позволял зверю сбиваться с пути немного на запад. Червь делал это отчасти потому, что на западе была граница его ареала, а может быть, животное тоже чувствовало приближение гигантской бури. Обычно для того, чтобы избежать гибели от ударов несущегося над поверхностью песка, черви зарываются в землю. Но этот не сможет зарыться, потому что Лето фиксирует его открытое кольцо крюком погонщика.

К полуночи червь начал выдыхаться. Движения его борозд стали медленнее, он начал вихлять, но продолжал стремиться на юг.

Буря разразилась на рассвете. Сначала возникла какая-то странная неподвижность Пустыни. Было такое чувство, что восход спрессовал дюны друг с другом. Летящая в лицо пыль заставила Лето прикрыть глаза полами одежды.

Облака пыли сгустились, и Пустыня превратилась в некое пространство, лишенное каких бы то ни было очертаний. По щекам и векам начали стегать иглы мелких пока песчинок. Рот наполнился крупным песком, и Лето понял, что настала решительная минута. Стоит ли рискнуть и пригвоздить к земле загнанного червя? Лето понадобилась всего секунда, чтобы отказаться от такого решения. Он пробрался к хвосту червя и выдернул свои крюки. Едва двигаясь, червь начал зарываться в песок. Энергетическая система животного продолжала переносить тепло, и у хвоста было жарко, как в печи. Фримены с детства знают, как опасно подходить к хвосту червя. Червь – это фабрика, производящая кислород. На пути движения червя, возле его хвоста пылал страшный огонь – кислород выделялся как побочный продукт синтеза смазки, которая помогала червю легко двигаться в песке.

Летящий песок неистово бил Лето по ногам. Лето окончательно вырвал крюки и бросился в сторону, чтобы не сгореть в горниле червя. Самое главное теперь заключалось в быстроте, с которой Лето удастся зарыться во взрыхленный червем песок.

Схватив уплотняющий инструмент левой рукой, Лето вгрызся в пологий склон дюны, зная, что червь слишком устал, чтобы обернуться и пожрать человека. Работая левой рукой, Лето правой одновременно извлек из фримпакета тент и приготовился раздуть его. Все было сделано меньше чем за минуту: тент был развернут в кармане, образовавшемся в подветренной стороне дюны. Лето раздул тент и вполз в него. Прежде чем запечатать вход, он выдвинул наружу уплотнитель и переключил его на реверсивный режим – инструмент стал разрыхлителем. Песок неумолимо засыпал тент. Однако Лето успел вовремя запечатать отверстие – внутрь тента попало всего несколько песчинок.

Теперь надо было работать еще быстрее. Никакой дыхательной трубки не хватит, чтобы вывести ее на поверхность через многотонную массу песка. Надвигалась великая буря, которую мало кому удается пережить. Его сможет защитить

только пузырь раздутого тента, спрятанный в полости с плотными стенками.

Лето лег на спину и вытянулся. Он сложил руки на груди и вызвал у себя гипнотический транс, во время которого частота его дыхания снизится до одного дыхания в час. Таким образом, он вручил свою судьбу неизвестности. Если буря не вскроет его убежище, то он сможет, вероятно, выбраться… или же войти в мадинат ас-салам – Местопребывание Мира. Но что бы ни случилось, в первую очередь надо порвать все нити, одну за одной, оставив только ту, что связывает его с Золотым Путем. Или он это сделает – или никогда не вернется в халифат наследников своего отца. Надо разрушить всю ложь, все колдовские обряды, поразившие халифат, ставший ужасным прибежищем для демиурга его отца. Лето не станет больше молчать, когда очередной священник понесет откровенную чушь: «Его кинжал рассеет воинство демонов!»

Приняв это решение, Лето толкнул свое сознание на вневременной путь дао.

* * *

В любой планетарной системе существуют очевидные влияния высших порядков. Это положение часто демонстрируют с помощью перенесения земных форм жизни на вновь открытые планеты. Во всех таких случаях жизнь в похожих зонах проявляет поразительное подобие в развитии адаптивных признаков. Образование таких форм означает нечто большее, чем морфологическое приспособление; это говорит об общей организации выживаемости и о родстве таких организаций. Человек должен исследовать этот взаимозависимый порядок и отыскать в нем нашу нишу – это является для нас задачей первостепенной важности. Этот поиск, конечно, может выродиться в консервативное нахождение простого тождества условий. Но такой подход оказался смертельным для многих систем.

«Катастрофа Дюны» Харк аль-Ада

– В действительности мой сын никогда не видел будущего; он видел процесс творения и его отношение к мифам, в которых спит убаюканное человечество, – сказала Джессика. Она говорила быстро, но без скороговорки, внятно излагая суть дела. Она знала, что скрытые соглядатаи прервут эти занятия, как только им станет ясно, что именно она задумала.

Фарад'н сидел на полу, озаренный золотистыми солнечными лучами, которые щедро вливались в комнату через окно, возле которого сидел принц. Со своего места у противоположной стены Джессика могла видеть только верхушки деревьев в дворовом саду. Перед ней сидел новый Фарад'н: более стройный, более жилистый. Месяцы тренировок сделали свое дело. Глаза принца сияли, когда он смотрел на Джессику.

– Он видел формы, которые существующие силы, если они не отклонятся от первоначального пути, создадут из существующих исходных форм, – продолжала Джессика. – Он обращался за поиском этих форм больше к себе и своему опыту, нежели к опытам других людей. Он отказывался принимать что-то только потому, что это было удобно лично ему, считая это моральной трусостью.

Фарад'н научился молча слушать, оценивать и ни о чем не спрашивать до тех пор, пока его вопросы не становились точны и безошибочны. Джессика же говорила ему о взглядах Бене Гессерит на молекулярную память, выраженную в ритуалах, и очень естественно приучила его анализировать деятельность Пола Муад'Диба с точки зрения Общины Сестер. Однако Фарад'н видел теневую сторону ее игры, видел проекции неосознанных форм, которые противоречили поверхностным намерениям и видимому смыслу ее утверждений и высказываний.

– Из всех наших наблюдений – это наиболее значимое, – сказала она. – Жизнь – это маска, посредством которой Вселенная выражает самое себя. Мы допускаем, что все человечество и поддерживаемые им живые формы представляют собой естественную общность, и что судьба всей жизни является ставкой в решении судеб отдельно взятого человека. Таким образом, когда дело доходит до самопознания, до amor fati, мы перестаем играть в бога и обращаемся к обучению. В этом хаосе мы отыскиваем и отбираем индивидов и делаем их настолько свободными, насколько нам хватает сил.

Теперь он ясно видел, куда она вела его, и понимал, какой эффект все это производило на тех, кто следил за этим обучением с помощью шпионских ухищрений. Фарад'н едва удержался от того, чтобы бросить понимающий взгляд на дверь. Только наметанный глаз мог заметить, что Фарад'н на секунду потерял душевное равновесие, но Джессика сразу заметила это и улыбнулась. Правда, эта улыбка могла значить и что-то другое.

– Сегодня у нас нечто вроде выпускной церемонии, – сказала Джессика. – Я очень довольна тобой, Фарад'н. Будь добр, встань, пожалуйста.

Он повиновался и, встав, загородил Джессике вид деревьев в саду.

Джессика вытянула руки по швам, встав по стойке «смирно».

– Я уполномочена сказать тебе следующее: «Я стою здесь в присутствии священного существа – человека. Как я делаю это сейчас, так же будешь делать и ты, когда наступит твой час. В твоем присутствии я молюсь, чтобы это было так. Будущее остается неопределенным и так должно быть, ибо это холст, на котором каждый из нас пишет свои желания. Таким образом, человек создан для того, чтобы все время смотреть на этот прекрасный, ничем не заполненный холст. Мы по-настоящему владеем только этим моментом, когда мы посвящаем себя священному присутствию, которое разделяем и творим одновременно».

Когда Джессика закончила говорить, в комнату вошел Тиеканик. Он с деланой беспечностью подошел к Джессике, но его истинное настроение было нетрудно угадать. Лицо башара было мрачным и хмурым.

– Мой господин, – сказал он, но было уже поздно. Слова Джессики и ее тренировка сделали свое дело. Фарад'н больше не принадлежал Дому Коррино. Теперь он принадлежал только Бене Гессерит.

* * *

Мне кажется, что вы, Совет директоров ОСПЧТ, не способны понять, что в коммерции чрезвычайно редко можно найти образцы истинной верности. Когда вы последний раз слышали о клерке, отдавшем жизнь за компанию? Возможно, этот недостаток проистекает у вас из ложного допущения, что вы можете заставить людей определенным образом думать и сотрудничать с вами. Это ошибка очень многих организаций, включая генеральные штабы и церкви. В истории часто бывало, что генеральные штабы уничтожали собственные народы. Что же касается церкви, то я рекомендовал бы вам перечитать сочинения Фомы Аквинского. Что же касается вас, то в какой вздор вы верите! Люди должны хотеть делать дело, исходя из своих внутренних побуждений. Люди, а не коммерческие организации или цепи команд, делают огромную цивилизационную работу. Каждая цивилизация зависит от качества тех индивидов, которых она порождает. Если вы перестараетесь с организацией или с навязыванием законов, если подавите стремление людей к величию – то они не смогут работать, и их цивилизация погибнет.

Послание в ОСПЧТ, приписывается Проповеднику

Лето вышел из транса на удивление легко, даже не заметив самого перехода. Одно состояние плавно перешло в другое.

Он прекрасно знал, где находится. Восстановление энергии прошло быстро, но в это время Лето понял другое – в застоявшейся атмосфере защитного тента практически не осталось кислорода. Если он не будет двигаться, то навсегда останется в тенетах безвременья, в вечном теперь, в котором сосуществуют все события сразу. Такая перспектива показалась ему заманчивой. Он видел сейчас время, как договор, оформленный коллективным разумом всех органов чувств. Время и Пространство были категориями, которые он сам, своим сознанием, приложил к существованию Вселенной. Надо было всего лишь освободиться от множественности, в которой внечувственные видения продолжали искушать его. Смелый выбор может изменить будущее. Но какая смелость требуется от него в этот момент? Состояние транса манило к себе. Лето почувствовал, что покинул состояние Алам

аль-Митха и вернулся в состояние нормального восприятия реальности только для того, чтобы убедиться, что эти состояния идентичны. Он хотел было использовать магию Рихани для проверки этого открытия, но необходимость выживания требовала принятия немедленных решений. Неудержимое инстинктивное желание жить посылало повелительные сигналы по нервам, требуя беспрекословного подчинения.

Лето рывком вытянул вперед руку и нащупал инструмент, оставленный им в песке снаружи тента. Он ухватился за рукоятку, перевернулся на живот и проделал отверстие в заслонке тента. На голову обрушился поток песка. Подгоняемый затхлым воздухом, Лето быстро работал в темноте, проделывая круто поднимающийся кверху лаз. Этот лаз получился длиной, в шесть раз превышающей его рост, прежде чем мальчик вылез на поверхность и вдохнул свежий ночной воздух. Выскользнув на склон дюны, освещенный лунным светом, Лето увидел, что выход был от земли на расстоянии в треть высоты самой дюны.

Над головой плыла в небе Вторая Луна. Ночное светило стремительно двигалось за дюны, и путь его был усеян, словно придорожными камнями, огромными яркими звездами. Лето отыскал на небосводе созвездие Бродяги и, проследив за направлением вытянутой руки вечного небесного скитальца, определил местонахождение Фоум аль-Хоут – Полярной Звезды Юга.

Вот тебе твоя проклятая Вселенная! – подумал он. Если приглядеться к звездам, то видно, что и в их мире царит такая же сутолока, как в песках Пустыни. Вселенная – это место, где одна уникальность без всякой системы громоздится на другую. Если же смотреть на звездное небо издали, то видны паттерны, внутри которых не видно никакого движения – и это создает иллюзию небесного абсолюта.

В абсолютном мы потеряем свой путь. Эта мысль заставила его вспомнить старую фриженскую поговорку: «Кто потеряет дорогу в Танзеруфте, тот потеряет жизнь». Паттерны

могут вести по верному пути, но могут завлечь в ловушку. Надо помнить об изменениях самих паттернов.

Лето глубоко вздохнул и начал действовать. Скользнув в лаз, он выпустил воздух из тента, сложил его, и вытащил наверх вместе с фримпакетом.

На востоке ярко пламенел рассвет. Лето вскинул на плечо свои вещи, взобрался на гребень дюны и стоял там в утреннем холоде до тех пор, пока первые лучи взошедшего солнца не начали припекать правую щеку. Он нанес краску на глазницы, чтобы уменьшить отражение, ибо понимал, что Пустыне лучше подчиниться, чем воевать с ней. Спрятав краску в мешок, он выпил воды из влагоуловителя, втянул в себя воздух с распыленными в нем каплями.

Усевшись на песок, Лето внимательно осмотрел защитный костюм. В последнюю очередь он проверил подошвенные насосы. Чья-то рука умело надрезала их стилетом. Выскользнув из костюма, Лето отремонтировал его, но небольшое повреждение все же осталось. Он потерял приблизительно половину своей воды. Если бы не защитный тент... Он размышлял, надевая костюм, о том, как все же странно, что он не предусмотрел такой неприятности. Вот она, реальная опасность будущего, недоступного видениям.

Лето забрался на вершину дюны, подавленный безлюдностью этого места. Взгляд его блуждал в надежде зацепиться хоть за что-нибудь, за какую-нибудь неровность, которая говорила бы о Пряности или о присутствии червя. Однако буря подстригла местность под одну гребенку. Он вытащил из фримпакета ударник, снарядил его и принялся вызывать из-под земли Шаи-Хулуда. Сделав это, он стал ждать.

Червя не было очень долго. Сначала Лето услышал звук, а потом увидел, как содрогнулась земля и в завихрениях песка из-под земли появилась оранжевая пасть червя. Он выполз на поверхность стремительно, с жутким шорохом, разбрасывая вокруг тучи песка и пыли. Лето установил крюки, легко вскочил на червя и погнал его на юг.

Под ударами крючьев червь постепенно набрал скорость. Ветер свистел в ушах Лето и раздувал одежду. Сильнейший ток в чреслах подгонял Лето так же, как он сам подгонял червя. Каждая планета, так же, как и человек, имеет в своей истории разные периоды, подумал Лето.

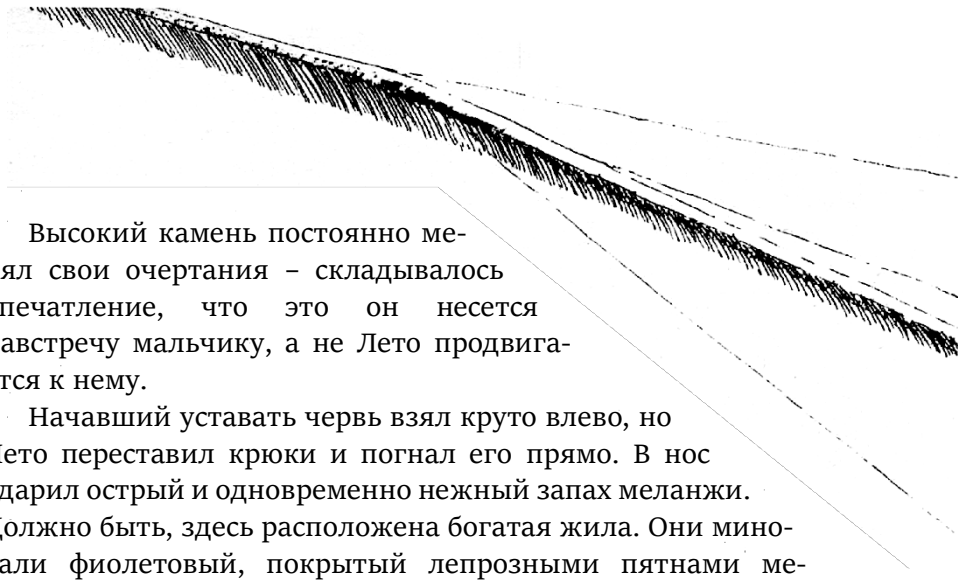
Червь принадлежал к тому типу, который фримены называли «ворчуном». Зверь периодически погружал передние пластинки в песок, правя хвостом. При этом возникал громкий рокочущий звук, и впереди червя вырастал бурун песка. Однако это был быстрый червь, и когда ветер стал попутным, Лето почувствовал жар кислородного потока, извергавшегося из хвоста червя, смешанный с едким запахом потока кислорода.

Червь несся на юг, а Лето дал волю своим мыслям. Он пытался думать об этом переходе, как о новой церемонии в своей жизни, церемонии, которая удержит его от подсчета цены, которую придется платить за поиск Золотого Пути. Подобно фрименам старого времени, он знал, что должен принять множество новых для себя церемоний, чтобы жившие в нем памяти не разодрали на части его душу, чтобы научиться держать этих охотников на безопасном для собственной психики расстоянии. Противоречивые образы, которые никогда нельзя объединять, должны быть заперты и ограничены живым напряжением, поляризующей силой, которая двигала им изнутри.

Всегда что-то новое, думал он. Я должен постоянно искать новые нити моих видений.

В разгар дня его внимание привлек протуберанец, возникший впереди и немного справа по курсу. Постепенно стало заметно, что этот протуберанец представляет собой узкий край высокой скалы. Скала находилась точно в том месте, где он и ожидал ее увидеть.

Намри... Сабиха, давайте посмотрим, как ваши братья воспримут мое присутствие, подумал он. Впереди его ожидала самая деликатная нить, больше опасная своим соблазном, нежели реальной угрозой.

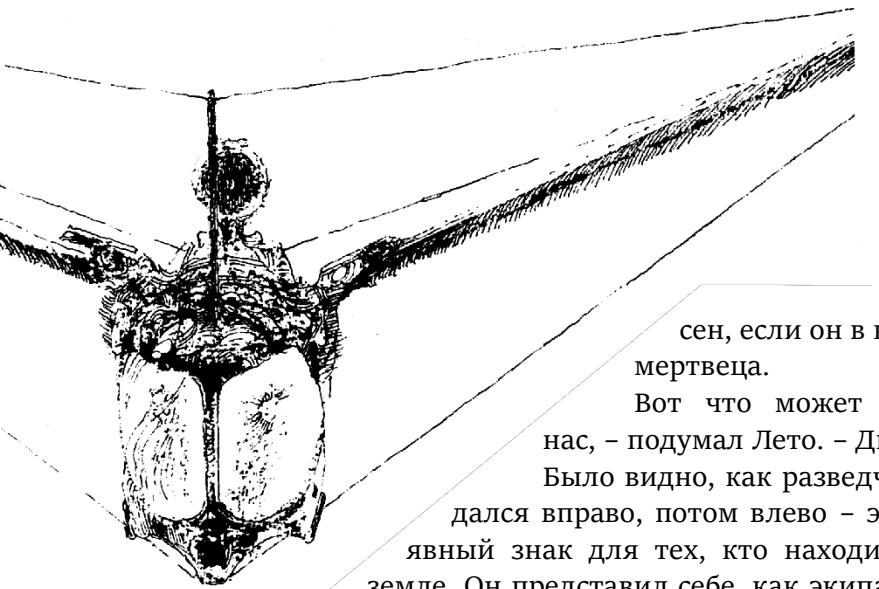

Высокий камень постоянно менял свои очертания – складывалось впечатление, что это он несется навстречу мальчику, а не Лето продвигается к нему.

Начавший уставать червь взял круто влево, но Лето переставил крюки и погнал его прямо. В нос ударил острый и одновременно нежный запах меланжи. Должно быть, здесь расположена богатая жила. Они миновали фиолетовый, покрытый лепрозными пятнами меланжи песок, и Лето направил червя дальше, мимо жилы. Ветер, напоенный имбирным ароматом корицы, преследовал их некоторое время, пока Лето не изменил курс движения – прямо к высившейся впереди скале.

Внезапно впереди засверкали яркие цвета южного бледа: в его огромности всеми цветами радуги заблистало что-то рукотворное. Лето поднял к глазам бинокль, навел фокус, и на расстоянии увидел блестящие крылья разведчика Пряности. Под разведчиком стоял большой комбайн. Лето опустил бинокль, машина превратилась в точку, и мальчик почувствовал себя буквально раздавленным хадхдхабом, неимоверной огромностью Пустыни, ее вездесущим присутствием. Он понял, что охотники за Пряностью давно увидели его – любое темное пятно между небом и песком считается у фрименов символом человека. Они, несомненно, его видели и теперь проявят максимум осторожности. Они станут выжидать. Фримены всегда очень подозрительны при встречах в Пустыне и держатся за эту подозрительность, пока не убедятся, что или знают приближающегося человека, или он не представляет для них опасности. Даже

живя в условиях имперской цивилизации с ее сложными правилами, эти люди оставались наполовину необузданными дикарями, которые хорошо усвоили, что нож не опасен, если он в ножнах мертвеца.

Вот что может спасти нас, – подумал Лето. – Дикость.

Было видно, как разведчик подался вправо, потом влево – это был явный знак для тех, кто находился на земле. Он представил себе, как экипаж разведчика вглядывается в пространство позади Лето, чтобы узнать, не следуют ли основные силы за одиноким путником на одиноком черве.

Лето направил червя влево, потом спрыгнул с его бока и отпрыгнул в сторону. Червь, почувствовав свободу, несколько раз сердито вздохнул, а потом на треть ушел под землю – он сильно устал от столь длинного путешествия.

Лето отвернулся от червя. Разведчик кружил очень низко, продолжая подавать сигналы крыльями. Это были поисковики, несомненно нанятые контрабандистами, из осторожности не пользующиеся электронными средствами связи. Охотники за Пряностью.

Покачивание крыльями – это сигнал о присутствии всадника с червем.

Разведчик сделал еще один круг, опустил крылья и полетел прямо на Лето. Мальчик узнал тип машины: легкий орнитоптер, который начали использовать на Арракисе во времена деда. Машина сделала еще один круг и зашла на посадку против ветра, приземлившись в десяти метрах от дюны, на которой стоял Лето. Дверь слегка приоткрылась, и из орнитоптера вышел человек, одетый в старую фрименскую полевую форму. Справа на груди человека красовалось символическое изображение копья.

Фримен приближался не спеша, давая им обоим внимательно присмотреться друг к другу. Человек был высок, глаза его от систематического употребления Пряности были целиком окрашены в фиолетовый цвет. Маска защитного костюма закрывала нижнюю часть лица, сверху был надвинут капюшон. Было заметно, что в складках одежды человек прячет пистолет.

Остановившись в двух шагах от Лето, человек, озадаченно прищурив глаза, окинул мальчика внимательным взглядом.

– Доброй судьбы всем нам, – сказал Лето.

Человек оглянулся, потом снова вгляделся в лицо ребенка.

– Что ты здесь делаешь, дитя? – спросил он. Из-под маски костюма голос его звучал глухо и невнятно. – Хочешь стать затычкой в глотке червя?

Лето снова воспользовался старинной фрименской формулой.

– Пустыня – мой дом.

– Венн? – спросил человек. Куда держишь путь?

– Иду на юг из Якуруту.

Человек коротко рассмеялся:

– Ну, Батиг, ты самый странный парень из всех, кого мне приходилось встречать в Танзеруфте.

– Я не маленькая дынька, – возразил Лето, имея в виду слово батиг. Такое обращение содержало в себе страшный намек. Маленькая дынька росла на краю Пустыни, и ее водой мог воспользоваться каждый прохожий.

– Мы не станем пить твою воду, Батиг, – сказал человек. – Меня зовут Мюриз, я арифа этого тайфа.

С этими словами человек обернулся в сторону сборщиков Пряности.

Лето особо отметил, что человек назвал себя судьей отряда. Он назвал своих людей тайфом, то есть группой или бригадой. Они не были ихван, то есть братьями. Наемные перекати-поле, это не вызывает никаких сомнений. За эту ниточку можно ухватиться.

Мальчик молчал, и Мюриз снова заговорил.

– У тебя есть имя?

– Достаточно будет и Батига.

Мюриз зловеще хохотнул.

– Ты так и не сказал мне, что ты тут делаешь.

– Ищу следы червя, – ответил Лето. Это был традиционный ответ, подразумевающий, что человек совершает хадж в поисках своего личного тайного откровения, Уммы.

– Уж очень ты молод, – произнес человек. – Прямо не знаю, что с тобой делать. Ты нас видел.

– Что я видел? – спросил Лето. – Я сказал тебе о Якуруту, а ты ничего не ответил.

– Игра в загадки, – сказал Мюриз. – Ну что ж, тогда скажи, что это? – он показал рукой на скалу.

Лето вспомнил о своем видении.

– Это всего лишь Шулох, – ответил он.

Мюриз оцепенел, и Лето почувствовал, как у него самого сильно забилось сердце.

Наступило долгое молчание, и Лето ясно видел, что человек мысленно перебирает в уме и отвергает различные ответы. Шулох! После ужина в сиетчах наступало время для всяких историй, и очень часто можно было услышать массу караванных рассказов о Шулохе. Слушатели были всегда

уверены, что Шулох – это мифическое место, где случаются всякие удивительные вещи, но рассказывают о них только затем, чтобы украсить рассказ. Лето вспомнил одну из таких историй. Однажды на краю Пустыни люди нашли ваифа и привели его в сиетч. Вначале ваиф отказывался говорить со своими спасителями, но когда он наконец открыл рот, то никто не мог понять ни единого слова. Шли дни, ваиф оставался все таким же безмолвным – мало того, он отказывался одеваться и вообще иметь дело с людьми. Каждый раз, оставшись один, он начинал производить какие-то странные движения руками. Были призваны на совет лучшие лекари сиетча, но и они только разводили руками, не в силах что-либо понять. Но однажды мимо открытой двери его комнаты прошла древняя старуха. Она увидела, что делает ваиф, и рассмеялась. «Он всего-навсего подражает движениям своего отца, который плел веревки из волокон Пряности, – объяснила она людям. – Так он не чувствует себя одиноким». Мораль такова: «В старых обычаях Шулоха скрывается надежность и чувство причастности к золотой нити жизни».

Мюриз молчал.

– Я – ваиф из Шулоха, который умеет только двигать руками.

По тому, как непроизвольно дернулась голова Мюриза, Лето понял, что тот знает старую историю. Человек заговорил тихо, но с явной угрозой в голосе.

– Ты человек?

– Такой же, как ты, – ответил Лето.

– Ты говоришь очень странно для ребенка. Напомню тебе, что я – судья и могу защищаться от таквы.

Ах да, подумал Лето. В устах такого судьи слово «таква» означало непосредственную угрозу. Таква – это страх, вызываемый присутствием демона, это верование широко распространено среди старых фрименов. Арифа всегда знал, как убить демона, за что его и избирали на этот пост, «потому что он обладает мудростью быть беспощадным, не проявляя

при этом жестокости, зная, что доброта иногда сама порождает жестокость».

Лето, однако, добивался именно этого эффекта и поэтому сказал:

– Я могу подчиниться машхаду.

– Я буду судьей в этом духовном испытании, – сказал Мюриз. – Ты принимаешь это?

– Би-лай кафа, – ответил Лето. Без колебаний.

Мюриз хитро улыбнулся.

– Сам не знаю, зачем я это делаю. Проще всего было бы убить тебя и дело с концом. Но ты – маленький батиг, а у меня недавно умер сын. Пошли, мы полетим в Шулох, я посоветуюсь с Иснадом насчет того, что с тобой делать.

Лето понимал, что за всеми этими увертками кроется смерть. Неужели находятся глупцы, которые им верят?

– Я знаю, что Шулох – это Аль ас-сунна валь-джамас.

– Что может знать ребенок о реальном мире? – спросил Мюриз, знаком предлагая Лето сесть в орнитоптер.

Мальчик подчинился, но внимательно прислушался к шагам идущего позади Мюриза.

– Самый верный способ сохранить тайну, – это заставить людей поверить, что они сами знают ответ, – сказал Лето. – В этом случае люди не задают вопросов. Ты очень умно поступил, отбросив разговор о Якуруту. Кто поверит в то, что Шулох, это мифическое место, о котором ходят столько россказней, существует в действительности? А как это удобно для контрабандистов или всех прочих, кому нужен доступ в дюны!

Шаги Мюриза внезапно стихли. Лето обернулся, стоя левым боком вплотную к винту орнитоптера.

Мюриз застыл в полушаге от него с пистолетом, наставленным в спину Лето.

– Итак, ты не ребенок, – проговорил Мюриз. – Ты – проклятый лилипут, присланный шпионить за нами! Сначала мне показалось, что ты просто слишком мудр для ребенка, но теперь вижу, что ты еще и слишком много болтаешь.

– И это еще не все, – невозмутимо сказал мальчик. – Я – Лето, сын Муад'Диба. Если ты меня убьешь, то тебя и твоих людей просто живыми зароют в песок. Если же ты сохранишь мне жизнь, то я приведу тебя к величию.

– Прекрати свои игры, малютка, – прорычал Мюриз. – Лето находится сейчас в Якуруту, откуда, как ты говоришь...

Он осекся на полуслове. Рука с пистолетом чуть опустилась, Мюриз нахмурился.

Лето только и ждал этого минутного колебания. Он показал противнику, что собирается метнуться влево, но сместился едва ли на миллиметр. Рука Мюриза задела винт, и пистолет, выбитый из руки, отлетел на несколько метров в сторону. Не успел Мюриз опомниться, как Лето уже стоял сзади него, уперев кончик ножа в спину мужчины.

– Острие отравлено, – произнес Лето. – Скажи своему приятелю в орнитоптере, чтобы он не вздумал двигаться, иначе я буду вынужден тебя убить.

Мюриз, прижимая к груди раненую руку, кивнул головой пилоту и сказал:

– Мой друг Бехалет слышал твои слова. Он будет недвижим, как скала.

Лето понимал, что в его распоряжении очень мало времени. Эти двое могут разработать какой-нибудь план действия или подойдут их приятели. Мальчик заговорил.

– Я нужен тебе, Мюриз. Без меня черви и их Пряность исчезнут с лица Дюны. – Он почувствовал, как оцепенел фримен.

– Но откуда ты знаешь о Шулохе? – спросил Мюриз. – О нем никогда не говорят в Якуруту.

– Так ты признаешь, что я – Лето Атрейдес?

– Кем же еще ты можешь быть? Но каким образом ты...

– Потому что вы здесь, – ответил Лето. – Шулох существует, все остальное выводится очень просто. Вы – Отверженные, уцелевшие после разрушения Якуруту. Я видел ваши сигналы, которые вы подаете друг другу – следовательно, вы не применяете средства, которые можно

обнаружить на расстоянии. Вы собираете Пряность и торгуете ею. Торговать вы можете только с контрабандистами. Ты – контрабандист, но ты и фримен. Значит, ты из Шулоха.

– Почему ты провоцировал меня на убийство?

– Потому что вам все равно пришлось бы убить меня в Шулохе.

Все тело Мюриза страшно напряглось.

– Спокойно, Мюриз, – предостерег его Лето. – Я все о тебе знаю. Ты всегда отнимал воду у невинных путников. Это стало у тебя привычным ритуалом. Как еще заставить замолчать тех, кто случайно увидел вас? Как еще можно сохранить вашу тайну? Батиг! Ты хотел соблазнить меня ласковыми словами и льстивыми эпитетами. Зачем выливать воду в песок просто так? Я бы пропал, как пропадают в Танзеруфте многие. Пустыня поглотила бы меня, и все...

Мюриз сложил пальцы правой руки в виде рогов червя, отгоняя Рихани, которого могли привлечь слова Лето. Мальчик, зная, насколько старые фримены боятся ментатов и людей, способных мыслить логически, едва подавил улыбку.

– Это Намри разболтал. Он сказал тебе о нас, – проговорил Мюриз. – Я заберу его воду, если...

– Ты не заберешь ничего, кроме пустого песка, если и дальше будешь разыгрывать из себя дурака, – сказал Лето. – Что ты будешь делать, Мюриз, когда вся Дюна покроется зеленой травой, деревьями и открытыми водоемами?

– Это никогда не произойдет!

– Это уже происходит на твоих глазах.

Лето слышал, как Мюриз в ярости и страхе заскрежетал зубами. Наконец он прохрипел:

– Как ты сможешь предотвратить это?

– Я знаю полный план трансформации, – ответил Лето. – Я знаю его сильные и слабые стороны. Без меня Шаи-Хулуд исчезнет навеки.

В голосе Мюриза вновь зазвучало лукавство:

– Зачем нам обсуждать все это здесь? Мы сыграли вничью. Ты, конечно, можешь убить меня ножом, но Бехалет тотчас застрелит тебя.

– Он не успеет это сделать: я выстрелю первым из твоего пистолета, – сказал Лето, – а потом я захвачу орнитоптер. Я умею им управлять.

Мюриз нахмурился:

– Но что, если ты не тот, за кого себя выдаешь?

– Разве мой отец не опознает меня?

– А-а, – протянул Мюриз, – вот как ты узнал, да? Но… – он покачал головой. – Мой сын служит у него поводырем. Он говорит, что вы двое никогда… Как же тогда…

– Так ты не веришь, что Муад'Диб может читать будущее? – спросил Лето.

– Нет, конечно же, я верю! Но он сам говорит о себе, что… – Мюриз снова замолчал.

– Ты думаешь, что он ничего не знает о вашем недоверии к нему, – продолжал Лето. – Я пришел именно в это место и именно в это время, чтобы встретиться с тобой, Мюриз. Я все о тебе знаю, потому что видел тебя и… твоего сына. Я знаю, насколько сильно вы верите в себя и как смеетесь над Муад'Дибом, какие заговоры вы плетете, чтобы спасти свой клочок Пустыни. Но без меня этот клочок обречен, Мюриз. Мой отец уже не владеет видениями, и вам можно обратиться только ко мне.

– Этот слепец… – Мюриз замолчал и судорожно сглотнул.

– Скоро он вернется из Арракина, и тогда мы увидим, насколько он слеп. Насколько сильно отклонились вы от древних фрименских обычаев, Мюриз?

– Что?

– Он живет у вас, как вадхияз. Твои люди нашли его в Пустыне и доставили в Шулох. Какая это богатая находка. Да она богаче любой, самой богатой жилы Пряности! Вадхияз! Он жил с тобой, его вода смешалась с водой твоего племени. Он – часть твоей Реки Духа. – Лето сильно прижал

острие ножа к спине Мюриза, поднял левую руку и отстегнул клапан лицевой маски. – Берегись, Мюриз.

Поняв, что задумал Лето, мужчина спросил:

– Куда ты пойдешь, убив нас?

– Вернусь в Якуруту.

Лето прижал основание своего большого пальца ко рту Мюриза.

– Укуси и пей, иначе ты умрешь.

Поколебавшись, Мюриз вцепился зубами в плоть Лето.

Мальчик внимательно посмотрел, как Мюриз сделал глотательное движение и отдал нож Мюризу.

– Вадхияз, – сказал он. – Прежде чем взять у человека воду, надо, чтобы он оскорбил племя.

Мужчина согласно кивнул.

– Твой пистолет там, – сказал Лето, повернув голову к тому месту, где упало оружие.

– Теперь ты мне доверяешь? – спросил Мюриз.

– Как иначе смогу я жить с Отверженными?

Лето снова увидел в глазах Мюриза лукавое выражение, но на этот раз человек просто подсчитывал возможную выгоду. Приняв решение, Мюриз подобрал пистолет и шагнул к трапу орнитоптера.

– Летим, – сказал он. – Мы и так слишком задержались у логова червя.

* * *

Будущее предзнания не может быть ограничено рамками правил прошлого. Нити существования переплетены согласно многим непознанным законам. Будущее предзнания развертывается по своим собственным законам. Это будущее не подчиняется ни повелениям Дзенсунни, ни логике науки. Предзнание строит относительную целостность. Эта целостность требует работы в каждый данный момент, всегда предупреждая о том, что вы не можете вплести любую нить в ткань прошлого.

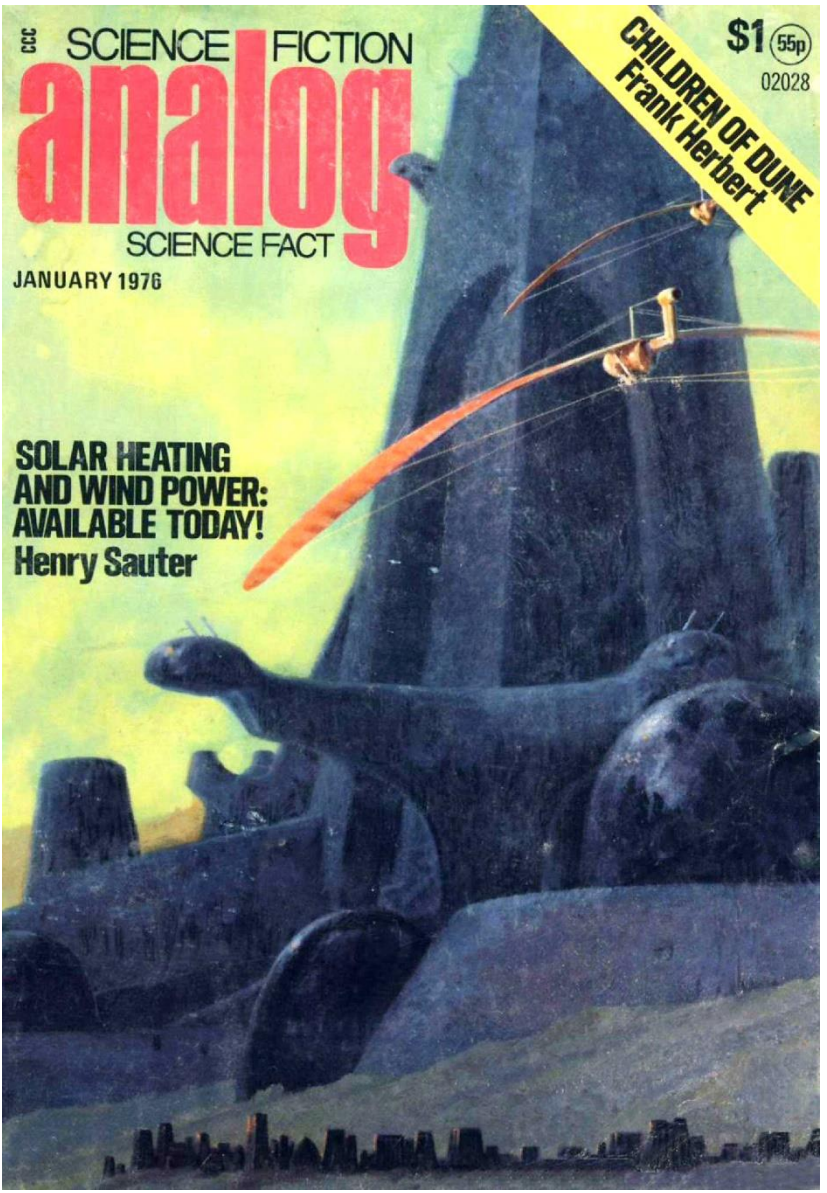
Калима: Слова Муад'Диба. Шулохский комментарий

Мюриз легко посадил орнитоптер в Шулохе. Лето, сидевший рядом с пилотом, постоянно ощущал присутствие вооруженного Бехалета за спиной. Все зависело теперь от доверия и той нити видения, за которую ухватился теперь Лето. Если он потерпит неудачу, то... Аллах акбар. Бывает, что надо подчиниться высшему порядку.

Шулох высился посреди Пустыни неприступным утесом. Само его присутствие здесь, не отмеченное ни на одной карте, говорило о громадных взятках, страшных убийствах и влиятельных друзьях на высших постах Империи. Сверху Шулох был виден, как большая площадка, окруженная скалистыми стенами. В Цитадель вели слепые каньоны. Тенистые переходы, засаженные соляными кустами, и берег каньона, окаймленный веерными пальмами, указывали на изобилие воды в Шулохе. Некрасивые, грубо сколоченные здания, утопавшие в зеленых кустарниках и оплетенные пряными волокнами, были выстроены из веерных пальм. Дома были похожи на зеленые пуговицы, пришитые вразброс к песчаной почве. Здесь жили Отверженные, следующей ступенью падения которых была лишь смерть.

Мюриз посадил машину у нижней точки одного из входных каньонов. Прямо у носа орнитоптера стояло здание: крыша, сплетенная из ветвей Пустынного винограда и листьев беджато, и прикрытая обожженными волокнами Пряности. Живая копия первых примитивных защитных тентов. Красноречивая иллюстрация деградации тех, кто жил в

Шулохе. Лето понимал, что в таком жилище легко теряется влага, не говоря об укусах многочисленных кровососущих, живших в зарослях. Так живет теперь и его отец. И бедняжка Сабиха. Здесь будет она принимать свое наказание.

По знаку Мюриза Лето выпрыгнул из орнитоптера и зашагал к хижине. У пальм на берегу каньона работали люди. Все они выглядели оборванными бедняками, и факт, что они даже не взглянули в сторону приземлившегося орнитоптера, свидетельствовал о том угнетенном состоянии, в каком они находились. Каменистый берег канала за спинами рабочих и влажный воздух говорили о близости открытой воды. Пройдя к хижине, Лето убедился в том, что она действительно примитивна, как он и ожидал. Вглядевшись в воду канала, он увидел в воде хищных рыб. Рабочие, избегая встречаться с ним глазами, продолжали отгребать песок от берега канала.

Мюриз остановился позади Лето и сказал:

– Ты стоишь на границе между рыбой и червем. Каждый из этих каньонов имеет своего червя. Этот канал открыт, и мы хотим выловить всю хищную рыбу, чтобы заманить сюда песчаную форель.

– Правильное решение, – похвалил Лето. – Вы сможете продавать форель и червей на другие планеты.

– Это предложил Муад'Диб.

– Я знаю, но форели и черви не выживают на других планетах.

– Пока нет, – согласился Мюриз, – но когда-нибудь...

– Этого не будет даже через десять тысяч лет, – холодно произнес Лето. Он повернулся, чтобы увидеть смятение на лице Мюриза. Вопросы отразились на этом лице, как солнце в водах канала. Может ли этот сын Муад'Диба действительно прозревать будущее? Некоторые думали, что это может делать Муад'Диб, но... Как вообще можно судить о таких вещах?

Мюриз отвернул лицо и направился к хижине. Откинул грубую занавеску и пригласил Лето войти. У дальней стены горела лампа, заправленная пряным маслом, возле стены скорчилась маленькая фигурка. Горящее масло распространяло тяжелый, вязкий аромат корицы.

– Нам прислали новую пленницу, которая будет следить за порядком в сиетче Муад'Диба, – язвительно заметил Мюриз. – Если она будет хорошо служить, то, возможно, сумеет сохранить свою воду до поры до времени.

Он обернулся к Лето.

– Некоторые думают, что это зло – отбирать у людей воду. Это говорят одетые в кружевные рубашки фримены, громоздящие на улицах своих городов кучи хлама. Кучи хлама! Разве виданное это дело на Дюне – кучи мусора? «Когда мы получаем таких вот, – он протянул руку в направлении фигурки под лампой, – то они обычно оглушены страхом, теряют собственное лицо; таких нельзя принимать за истинных фременов». Ты понимаешь меня, Лето-Батиг?

– Я понимаю тебя. – Скрюченная фигурка на полу не шевелилась.

– Ты говорил, что поведешь нас, – сказал Мюриз. – Фременов всегда вели за собой кровавые вожди. Но куда сможешь привести нас ты?

– В Крализек, – ответил Лето, продолжая разглядывать человека у стены.

Мюриз вперил в Лето пылающий взор, брови его сошлись над фиолетовыми глазами. Крализек? То была не война и не простая революция. Это будет Битва Тайфунов. Это слово пришло из самых древних фременских легенд: битва в конце мироздания. Крализек?

Высокий фримен судорожно вздохнул. Этот коротышка непредсказуем, словно городской хлыщ! Мюриз повернулся к скрюченной фигурке.

– Женщина! Либан вахид! – приказал он. Неси нам пряный напиток!

Фигурка застыла на месте.

– Делай, как он велит, Сабиха, – сказал Лето.

Она подскочила на ноги, в ней все кипело и бурлило. Она смотрела на Лето, не в силах отвести от него взгляд.

– Ты ее знаешь? – спросил Мюриз.

– Это племянница Намри. Она совершила в Якуруту преступление и ее сослали к тебе.

– Намри? Но…

– Либан вахид, – промолвил Лето.

Сабиха сорвалась с места, пролетела мимо Лето и Мюриза, зацепилась одеждой за занавеску и выскочила на улицу. Был слышен топот ее ног.

– Далеко не уйдет, – сказал Мюриз. Он дотронулся пальцем до носа. – Родственница Намри, каково? Очень интересно. И какое же преступление она совершила?

– Она позволила мне бежать. – Лето встал и последовал за Сабихой. Он нашел ее стоящей на берегу канала. Лето встал рядом и посмотрел в воду. На ветвях пальм сидели птицы, Лето слышал их щебет и хлопанье крыльев. Рабочие скребли песок. Лето стоял и точно так же, как Сабиха, смотрел в воду, видя краем глаза пестрые перья длиннохвостых попугаев. Один из них пролетел над каналом, отразившись в серебристой чешуе рыбы. Было такое впечатление, что рыбы и птицы живут вместе в одной воде.

Сабиха откашлялась.

– Ты меня ненавидишь, – сказал Лето.

– Ты опозорил меня. Ты опозорил меня перед всем народом. Они связались с Иснадом и послали меня сюда, чтобы я здесь лишилась своей воды. И все это из-за тебя!

Сзади раздался смех незаметно подошедшего Мюриза.

– Теперь ты видишь, Лето-Батиг, что наша Река Духа имеет множество притоков.

– Но моя вода течет в жилах вашей Пряности, – произнес Лето, обернувшись. – Это не приток вашей реки. Сабиха – судьба моих видений, и я следую за ней. Я пересек Пустыню, чтобы встретить свое будущее здесь, в Шулохе.

– Ты и… – потеряв дар речи, Мюриз посмотрел на Сабиху и, откинув голову назад, оглушительно расхохотался.

– Все будет не так, как ты думаешь, Мюриз, – сказал Лето, чувствуя, как в глазах его закипают слезы. – Запомни это, Мюриз. Я нашел следы своего червя.

– Он отдает воду мертвым, – изумленно пролепетала Сабиха. Даже Мюриз смотрел на Лето с выражением изумленного благоговения. Фримены никогда не плачут, расценивая способность плакать как величайший дар души. Почти смущенный, Мюриз надел маску и надвинул на голову капюшон.

Лето посмотрел куда-то мимо Мюриза и произнес:

– Здесь, в Шулохе, все еще молятся за росу на краю Пустыни. Иди, Мюриз, и молись о Крализеке. Я обещаю тебе, что он грядет.

* * *

Фременская речь в высшей степени лаконична и сжата, предполагая чувство точности выражений. Весь язык пропитан иллюзией абсолютного. Такое положение представляет собой плодородную почву для абсолютистской религии. Более того, фримены склонны к морализаторству. Они противопоставляют ужасающей нестабильности обстоятельств институциональные утверждения. Они говорят: «Мы знаем, что не существует верхнего предела всех мыслимых знаний; это прерогатива Бога. Но человек должен удержать то, чему он способен научиться». Из этого острого, как лезвие ножа, подхода к вселенной вытекает фантастическая вера в воздействие на судьбу знаков и знамений. Здесь кроется происхождение веры в Крализек – войну в конце мироздания.

Тайные донесения Бене Гессерит (лист 80088)

– Они препроводили его в надежное место, – улыбаясь, сообщил Намри Гурни Халлеку. Мужчины стояли в большой комнате с каменными стенами. – Можешь доложить об этом своим друзьям.

– И где находится это надежное место? – поинтересовался Гурни. Ему не понравился тон Намри, чувствовался железный стиль приказов Джессики. Черт бы побрал эту ведьму! Все ее объяснения не имеют никакого смысла, кроме предупреждения, что может случиться, если Лето не

сможет смирить свои многочисленные жизни, свою ужасную память.

– Это очень надежное место, – повторил Намри. – Больше мне ничего не разрешили тебе сказать.

– Откуда ты все это узнал?

– По дистрансу. С ним Сабиха.

– Сабиха? Но ведь она позволит...

– На этот раз нет.

– Ты собираешься его убить?

– От меня это больше не зависит.

Халлек недовольно сморщился. Дистранс. На каком расстоянии можно передавать послания с помощью этих проклятых обитателей пещер? Ему часто приходилось видеть этих тварей, в писке которых были закодированы секретные послания. Но как далеко могут летать они по этой Богом забытой планете?

– Я должен увидеть его своими глазами, – сказал Халлек.

– Это запрещено.

Чтобы успокоиться, Халлек сделал глубокий вдох. Два дня и две ночи он ждал сообщений поисковых групп. Наступило это распрекрасное утро, и он почувствовал, что его роль сыграна до конца. Он раздет и выброшен голым за ненадобностью. Он никогда не любил командовать. Командовать – это значит ждать, когда другие сделают интересную и опасную работу.

– Почему это запрещено? – спросил он. Контрабандисты, обосновавшиеся в этом сиетче, оставили слишком много вопросов без ответа, и теперь Халлек хотел, чтобы Намри восполнил этот пробел.

– Некоторые вообще думают, что ты видел слишком многое, побывав в нашем сиетче, – ответил Намри.

Халлек услышал в этих словах неприкрытую угрозу, расслабился, как опытный боец перед схваткой, и придвинул руку поближе к ножу. Подумал он и о защитном экране, но его использование было бесполезным – во время испытаний

с червями оказалось, что щиты разрушаются под действием статического электричества.

– Такая секретность не была оговорена в нашем соглашении, – сказал Халлек.

– А если бы я его убил, то было бы это частью нашего соглашения?

Снова Халлек почувствовал железную хватку тех сил, о которых его не соизволила предупредить госпожа Джессика. Будь прокляты ее планы! Наверное, это правильно – не доверять выкормышам Бене Гессерит. Он сразу почувствовал, что становится нелояльным. Если бы она объяснила, в чем суть проблемы, то он, вникнув в план, начал бы его выполнять, ожидая, что этот план, как и все другие, не есть догма и может потребовать каких-то корректив. Нет, это не Бене Гессерит; это Джессика Атрейдес, которая всегда была ему другом и опорой. Не будь ее, он сейчас вел бы гораздо более опасную и зыбкую жизнь.

– Ты не можешь ответить на мой вопрос, – сказал Намри.

– Ты должен был убить его только в одном случае: если он оказался бы одержим, – сказал Халлек, – Мерзостью.

Намри поднес кулак к уху.

– Твоя госпожа знает, что мы умеем проверять это. Она поступила мудро, что предоставила решать этот вопрос мне.

Халлек в растерянности сжал губы.

– Ты же слышал, что сказала мне Преподобная Мать, – произнес Намри. – Мы, фримены, понимаем таких женщин, в отличие от вас, инопланетян. Фрименские женщины часто посылают своих сыновей на смерть.

– Ты хочешь сказать, что убил его? – процедил сквозь зубы Халлек.

– Он жив. Он находится в надежном месте, и он будет принимать Пряность.

– Но я должен сопроводить его назад к бабке, если он останется жив, – сказал Халлек.

Намри просто пожал плечами.

Халлек понял, что другого ответа не будет. Проклятие! Но не может же он вернуться к Джессике, не получив ответ. Он покачал головой.

– Зачем спрашивать о том, что ты не можешь изменить? – спросил Намри. – К тому же тебе хорошо платят.

Халлек злобно посмотрел на собеседника. Фримен! Все здесь думают, что чужестранцы интересуются только деньгами. Но в Намри говорило нечто большее, чем обычный фрименский предрассудок. В данном деле были заинтересованы другие, более могущественные силы, и это было ясно всякому, кто хоть раз наблюдал работу воспитанников Бене Гессерит. Все это было похоже на мошенничество ради мошенничества...

Халлек заговорил оскорбительно фамильярным тоном:

– Госпожа Джессика сокрушит тебя. Она пришлет когорты против...

– Занадик! – выругался Намри. – Заткнись, конторский управляющий! Ты не причастен махолаты! Я с удовольствием отдам твою воду Благородным Людям!

Халлек взялся за нож и приготовил левый рукав, в котором был припрятан сюрприз для нападающего.

– Я не вижу, чтобы кто-то разлил здесь воду, – сказал он. – Наверно, ты ослеплен своей гордыней.

– Ты живешь только потому, что я хочу перед твоей смертью показать тебе, что твоя госпожа Джессика не пришлет сюда никаких когорт. Я не дам тебе спокойно уйти в Хуануй, чужестранное барахло. Я – Благородный Человек, а ты...

– А я всего-навсего слуга Атрейдесов, – почти нежно проговорил Халлек. – Такое барахло, как я, сняло барона Харконнена с вашей вонючей шеи.

Намри оскалил белые зубы:

– Твоя госпожа – пленница Салусы. Приказы, которые, как ты думал, исходили от нее, исходят, на самом деле, от ее дочери!

Неимоверным усилием Халлек сумел сохранить самообладание:

– Это не имеет значения. Алия еще будет...

Намри обнажил клинок:

– Что ты знаешь о Чреве Небес? Я ее слуга и выполню ее приказ, взяв твою воду!

С этими словами он, очертя голову, бросился на противника.

Халлека не обманула эта показная оплошность, он молниеносно вытянул вперед левую руку, с которой, словно занавес, спустился полог тяжелой ткани, принявший на себя удар. В то же мгновение Халлек, откинув капюшон с головы Намри, ударил его ножом в лицо. Удар достиг цели. Тело Намри стукнуло Халлека в корпус, и он почувствовал, что на фримене надет стальной панцирь. Намри издал пронзительный крик, пошатнулся и упал. Кровь текла у него изо рта, глаза начали тускнеть, и он умер.

Халлек с напряжением выдохнул воздух. Как мог этот идиот фримен думать, что кто-то не догадается, что под его одеждой стальные доспехи? Халлек покосился в сторону мертвеца, закатывая фальшивый рукав. Он вытер клинок и вложил его в ножны.

– Ты не думал, глупец, о том, как готовят слуг Атрейдесов?

Он тяжело вздохнул. Ну ладно. Так чья же я подсадная утка? В словах Намри была правда. Джессика в плену на Салусе, а Алия плетет свои злокозненные заговоры. Джессика сама предупреждала Халлека о том, что слишком многие признаки указывают, что Алия стала врагом, но она не могла предполагать, что окажется в заточении. Но, как бы то ни было, у него был приказ, который надо выполнять. Сначала надо выбраться из этого проклятого места. К счастью, один человек во фременской одежде похож на другого, словно близнец. Халлек оттащил тело Намри в угол, прикрыл подушками, а ковром закрыл лужу крови на полу. Покончив с этим, он надел маску защитного костюма, надвинул на лоб капюшон и вышел в проход.

Невиновный передвигается без предосторожностей, – подумал он, придав своей походке беззаботность и неторопливость. Он чувствовал себя необычайно свободным. Казалось, что он только что избегнул большой опасности, а не двигался ей навстречу.

Мне никогда не нравились ее планы относительно мальчика, – думал он. – Я обязательно скажу ей об этом, если, конечно, увижу. Если. – Потому что если Намри говорил правду, то в действие приведен совершенно другой план. Алия не даст ему прожить долго, если поймает, но есть еще Стилгар, хороший фримен с добротными фрименскими предрассудками.

Джессика говорила о Стилгаре так: «Его природная натура покрыта тонким слоем цивилизованного поведения. Все зависит от того, как ты будешь снимать этот слой...»

* * *

Дух Муад'Диба есть нечто большее, чем слова, чем буква Закона, названного его именем. Муад'Диб – это внутренняя ярость, направленная против самодовольной власти, против шарлатанов и догматичных фанатиков. Это та внутренняя ярость, которая должна быть высказана, ибо Муад'Диб учил нас самому главному: человечество сможет выжить только в братстве социальной справедливости.

Устав федайкинов

Лето сидел, прислонившись спиной к стене хижины, глядя на Сабиху и следя за тем, как развертываются нити его видения. Сабиха приготовила кофе и отставила в сторону кофейник. Она прокралась по комнате и стала размешивать его ужин. На этот раз ужином служила каша, сдобренная меланжей. Девушка быстро работала лопаточкой, и стенки чаши окрасились в фиолетовый цвет. Она склонилась над чашей, вся погруженная в свое занятие. Грубый тент за спиной Сабихи прохудился, и его залатали более легким материалом. В этом месте вокруг девушки светился

ореол, на фоне которого плясала ее тень, освещенная пламенем печи и светом лампы.

Эта лампа заинтриговала Лето. Эти люди в Шулохе очень расточительно расходовали пряное масло: они жгли его в лампах, не пользуясь современными светильниками. В своих хижинах они рабски следовали древнейшим фрименским традициям. Хотя при этом они летали на орнитоптерах и пользовались наисовременнейшими комбайнами для сбора Пряности. То была грубая смесь древности и современности.

Сабиха пододвинула ему чашу и погасила огонь в печи.

Лето не притронулся к чаше.

– Меня накажут, если ты не станешь есть, – сказала она.

Он смотрел на девушку и думал: Если я убью ее, то это разобьет одно видение. Если я расскажу ей о плане Мюриза, то это разрушит другое видение. Если я дождусь здесь моего отца, то нити видений превратятся в крепкие канаты.

Лето начал мысленно перебирать нити. Некоторые из них были очень сладостны и от них было бы трудно избавиться. Будущее с Сабихой очень привлекало, но грозило перечеркнуть всю остальную будущность, если довести дело до мучительного конца.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила она.

Он не стал отвечать.

Она еще ближе пододвинула ему чашу.

У Лето пересохло в горле, и он попытался сглотнуть слюну. В нем поднялось неукротимое желание убить Сабиху. От этого желания его начала колотить дрожь. Как легко было бы разорвать одну из нитей и высвободить свою дикость.

– Так приказал Мюриз, – сказала она и снова взялась за чашу.

Да, Мюриз приказал. Суеверие побеждает все. Мюриз хотел ясного прочтения видений. Он просто древний дикарь, который хочет, чтобы шаман подбросил вверх кости быка и истолковал форму их падения. Мюриз отобрал защитный

костюм своего пленника «просто из предосторожности». В этом высказывании был тайный сговор с Намри и Сабихой. Только дураки упускают пленников.

Мюриз озабочен глубоко эмоциональной проблемой: Рекой Духа. Вода узника питает его месторождения Пряности. Поэтому Мюриз ждет только сигнала, чтобы начать угрожать Лето или расправиться с ним.

Каков отец, таков и сын, – подумал Лето.

– Пряность поможет тебе обрести видения, – сказала Сабиха. Долгое молчание действовало ей на нервы. – На оргиях у меня часто бывали видения. Они же ничего не значат.

Вот оно! – подумал Лето, все его тело оцепенело, кожа стала холодной и влажной. Подготовка Бене Гессерит взяла свое, вспыхнуло пламя видения, осветившего ярким светом Сабиху и всех ее сотоварищей – Отверженных. Древнее учение Бене Гессерит было простым и ясным:

«Языки устроены так, чтобы отражать специализацию образа жизни. Каждая такая специализация распознается по словам языка, по его допущениям и по структуре предложений. Обратите внимание на знаки препинания. Специализация представляет в этом отношении те места, где останавливается жизнь, где движение перегораживается плотиной и застывает».

Он увидел Сабиху, как мастера, который по праву создает свои видения, и каждый человек несет в себе те же возможности. Но ее можно лишь презирать за ее видения во время оргий с Пряностью. Они причиняют беспокойство, их надо отставить, забыть, сделать это обдуманно и с ясным намерением. Ее соплеменники молятся Шаи-Хулуду, потому что червь доминирует в большинстве их видений. Они молят о росе на краю Пустыни, потому что влага является условием их выживания. Тем не менее они спокойно делают свои состояния на Пряности и запускают песчаную форель в открытые каналы. Сабиха грубо вторглась в его видения, но в ее словах он уловил светлый сигнал: она зависима от абсолютного, ищет конечных пределов, и все потому, что не может

совладать с жесткостью ужасных решений, касающихся ее собственной плоти. Она столь однобоко рассматривает свою вселенную, превращает ее в застывший шар только потому, что ее страшно пугает альтернатива.

В противоположность этому Лето чувствовал в себе чистое движение сущности. Он был оболочкой, собирающей бесконечное множество измерений и, поскольку охватывал их взглядом, мог принимать ужасные решения.

Как делал мой отец.

– Ты должен это съесть, – настаивала Сабиха, все больше и больше раздражаясь.

Теперь Лето видел все свои нити и понимал, какой из них надо следовать. Моя кожа больше не принадлежит мне. Он встал и завернулся в накидку. От соприкосновения одежды с телом, не прикрытым защитным костюмом, возникло странное ощущение. Босые ступни ощущали шероховатость пола, сплетенного из пряных волокон, между которыми застряли песчинки.

– Что ты делаешь? – спросила Сабиха.

– Здесь очень плохой воздух. Я хочу прогуляться.

– Ты не сможешь убежать, – сказала она. – В устье каждого каньона сидит червь. Если ты минуешь канал, то черви учуют тебя по влажности. Эти черви очень бдительны, не то, что Пустынные черви. Кроме того... – какой злорадный у нее тон! – ... у тебя нет защитного костюма.

– Тогда что ты так волнуешься? – спросил он, удивляясь тому, что мог вызвать у нее такую живую реакцию.

– Потому что ты не ешь.

– А ты за это будешь наказана?

– Да!

– Но я уже и так перенасыщен Пряностью, – сказал он. – Каждый момент передо мной возникают видения.

Босой ногой он указал на чашу:

– Вылей это в песок. Кто узнает?

– Они следят, – прошептала Сабиха.

Лето покачал головой, изгоняя из своих видений эту женщину и чувствуя, как его охватывает чувство полной свободы. Нет нужды убивать эту бедную пешку. Она танцует под чужую музыку, не зная даже движений танца и веря, что может в какой-то мере разделить власть алчных пиратов Шулоха и Якуруту. Лето подошел к двери и взялся за занавеску.

– Когда придет Мюриз, – сказала она, – он очень рассердится из-за...

– Этот Мюриз – торговец пустотой, – отозвался Лето. – Моя тетка высосала из него все, что могла.

Она поднялась на ноги:

– Я пойду вместе с тобой.

Он подумал: Она помнит, как я сбежал от нее. Сейчас она чувствует, что может и на этот раз не удержать меня. Все ее видения смешались в ее мозгу. Но она не будет прислушиваться к этим видениям. Она, должно быть, думает: «Как он сможет обмануть сторожевого червя в каньоне? Как он выживет в Танзеруфте без защитного костюма и фримпакета?»

– Я должен идти один, чтобы спокойно посоветоваться со своими видениями, – сказал он. – Ты останешься здесь.

– Куда ты пойдешь?

– К каналу.

– По ночам песчаные форели выходят оттуда стаями.

– Они не съедят меня.

– Иногда прямо к воде спускается червь, – сказала девушка. – Если ты захочешь пересечь канал... – Она замолчала, стараясь придать своему голосу угрожающие нотки.

– Как я смогу оседлать червя без крюков? – спросил Лето, думая, может ли она сохранять хотя бы осколки своих видений.

– Ты поешь, когда вернешься? – спросила Сабиха, снова опускаясь на корточки возле чаши и помешав ее содержимое лопаткой.

– Всему свое время, – сказал он, зная, что она не сможет распознать, когда он незаметно использует Голос для того, чтобы вложить свои желания в ее решения.

– Мюриз придет и посмотрит, были ли у тебя видения, – предупредила она Лето.

– С Мюризом я разберусь сам, – сказал он, видя, как тяжелы и замедленны стали ее движения. Он руководил ее поведением, следуя фрименскому ритму жизни. Известно, что фримены очень активны на рассвете, но с наступлением ночи ими овладевает какая-то меланхолия и сонливость. Сабиха была уже готова уснуть и видеть сны.

Лето вышел из хижины.

Небо было усеяно сверкающими звездами, и Лето в их свете ясно видел очертания утеса, окружающего поселок. Он направился к пальмам, растущим на берегу канала.

Лето долго крался вдоль края канала, слушая шуршание песка в каньоне. Это маленький червь, судя по звуку. Именно по размеру его и выбрали, – подумал Лето. Маленького червя легче транспортировать. Он подумал о том, как ловят червей. Охотники усыпляют их водяными брызгами, используя при этом древний фрименский способ ловли червей для оргий с трансформационными ритуалами. Но этого червя не убьют, погружая его в воду. Лайнер Гильдии отвезет его какому-нибудь самонадеянному покупателю, который отвезет червя в свою Пустыню, которая, без сомнения, окажется для червя слишком влажной. Очень немногие инопланетные жители понимают, какое иссушающее действие оказали на Арракис песчаные форели. Оказывали. Потому что теперь даже в Танзеруфте влажность воздуха гораздо выше, чем она была тогда, когда червей топили в ритуальных фрименских цистернах.

Он услышал, как в хижине беспокойно зашевелилась Сабиха. Ее тревожат подавленные видения. Интересно, как жить с ней без всяких видений, деля с ней каждый момент жизни, каждый, каким бы он ни был. Эта мысль привлекала его гораздо больше, чем какое бы то ни было видение,

вызванное Пряностью. В непредвиденном будущем была определенная чистота.

Один поцелуй в сиетче стоит двух в городе.

В этой старинной фрименской максиме было сказано все. Общество традиционного сиетча являло собой смесь дикости и целомудрия. Следы этого целомудрия можно было заметить и в обитателях Шулоха и Якуруту. Но только следы. Чувство утраты наполнило Лето грустью.

Медленно, настолько медленно, что знание пришло раньше, чем Лето начал слышать, мальчик понял, что вокруг него движется масса живых существ.

Песчаная форель.

Скоро наступит время перейти от одного видения к другому. Он ощущал движения форели, как свои, внутренние, движения. Фримены жили бок о бок с этими тварями в течение многих поколений, зная, что если рискнуть и приманить форель водой, то ее вполне можно поймать. Бывали случаи, когда умирающие от жажды люди использовали последние капли воды для того, чтобы поймать форель, из которой можно было выдавить нежный зеленоватый сироп, утолявший жажду и восстанавливавший силы. Но в основном такими играми баловались дети, которые ловили форель для Хуануя. Или просто ради забавы.

Лето содрогнулся при мысли о том, чем может стать сейчас для него эта игра.

Одна из этих тварей скользнула по его босой ноге. Задержавшись на секунду, форель двинулась дальше, привлеченная водой в канале.

На мгновение Лето потряс его собственный ужасный замысел, принятое им страшное решение. Перчатка из форели. Это была еще одна детская игра. Если песчаную форель подержать на руке и растереть, то она принимает форму кисти, становится живой перчаткой. Ток крови по подкожным капиллярам улавливается форелью, но какое-то соединение, входящее в состав крови, отталкивает ее. Рано или поздно «перчатка» соскальзывает с руки в песок, тогда

ее бросают в корзину из волокон Пряности. Пряность одурманивает форель, и она постепенно умирает.

Было слышно, как форель падает в воду, где ее поедают рыбы. Вода размягчает форель, делает ее податливой. Дети тоже знают это. Немного слюны, и форель начинает выделять зеленый сироп. Лето прислушивался к плеску воды. Это передвигались форели, но они не могли остановить движение воды в канале, населенном хищными рыбами.

Но форель все шла и шла, падая в воду.

Лето пошарил рукой по песку и наткнулся на кожистую поверхность тела песчаной форели. Экземпляр, как он и надеялся, оказался крупным. Животное не пыталось ускользнуть, – наоборот, с готовностью прильнуло к человеческой плоти. Лето ощупал форель. Шероховатая поверхность в форме бриллианта. Нет ни головы, ни конечностей, ни глаз – странно, но это создание безошибочно находит дорогу к воде. А вместе с другими форелями они образуют стену, сцепляясь друг с другом посредством присосок. Получается мешок, который отводит ток «яда» от гиганта, которым предстоит стать песчаным форелям, – от Шаи-Хулуда.

Песчаная форель удлинялась, растягивалась, растекаясь по руке. По мере ее движения Лето чувствовал, что то же самое происходит и с его видением. Вот она, эта нить, а не та, что была. Он чувствовал, как форель, становясь все тоньше и тоньше, обволакивает его руку. Ни одна форель еще не сталкивалась с человеческой рукой, столь сильно насыщенной Пряностью. Ни один человек не жил и не был способен рассуждать в таких условиях. Лето очень осторожно регулировал свой ферментативный баланс, чтобы компенсировать яркую уверенность, вызванную пряным трансом. Знания бесчисленных жизней внутри Лето, которые пребывали в нем, придавали определенность, посредством которой он выбирал самую точную регулировку, избегая смерти от передозировки; он умер бы, если бы ослабил бдительность хотя бы на одно мгновение. В то же время он слился с

песчаной форелью, питаясь ею, питаясь на ней и учась у нее. Видения транса создавали шаблон, которому Лето следовал.

Он почувствовал, что форель становится все тоньше и тоньше, перейдя с кисти на предплечье. Он нашел еще одну форель и поместил ее на первую. Контакт оживил движения обоих животных. Реснички-присоски сомкнулись, и образовалась одна мембрана, одевшая руку Лето до локтя. Форель приспособилась к поверхности руки, как в детской игре, но Лето нужна была более тонкая оболочка, буквально сросшаяся с его собственной кожей. Он протянул руку в живой перчатке и пощупал песок. Да, он чувствует каждую песчинку, каждый мелкий камешек – все доступно его осязанию. На руке не было больше форелей как таковых – был плотный жесткий покров. И он станет еще крепче... Лето нащупал еще одну форель, и она сама соединилась со своими предшественницами и быстро приспособилась к своей новой роли. Кожистая плотность распространилась до плеча.

Достигнув устрашающей степени концентрации, он сроднился со своей новой кожей и предотвратил отторжение. Концентрация внимания была настолько велика, что Лето не мог думать о возможных страшных последствиях своих действий. Имело значение только видение, испытанное в состоянии транса. Результатом этого сурового испытания могло стать обретение Золотого Пути.

Лето отбросил одежду и голым лег на песок, на пути миграции форели, вытянув вперед обтянутую «перчаткой» руку. Он вспомнил, как однажды они с Ганимой поймали песчаную форель и терли ее песком до тех пор, пока она не свернулась в ребенка червя. Получилась плотная трубка, наполненная зеленым сиропом. Надо было осторожно надкусить кончик трубки и высосать несколько капель сладости.

Теперь песчаные форели покрыли все тело Лето. Он чувствовал, как кровь, пульсируя в сосудах, бьется о живую оболочку. Одна из форелей попыталась покрыть лицо, но он потер лицо и снял форель, скатав ее в тонкую трубку.

Получившаяся трубка была гораздо длиннее червя-ребенка и осталась гибкой. Лето надкусил кончик трубки и из нее потекла сладкая жидкость. Она текла очень долго, ни один фримен никогда не видел такого долгого истечения сиропа из форели. Лето чувствовал, как вместе с сиропом в него вливается энергия. Странное двигательное возбуждение овладело его телом. Он скатал оболочку с лица и сделал повязку от лба до подбородка, оставив открытыми уши.

Теперь настало время проверить видение.

Он встал и бросился бежать назад к хижине. Он бежал так быстро, что не успевал сохранять равновесие. Он упал, прокатился по песку и тотчас вскочил на ноги. Вскакивая, он подпрыгнул на два метра от земли, и когда попытался замедлить шаг, то понял, что не может этого сделать, – ноги сами несли его с ужасной быстротой.

Стой! – скомандовал он себе. Лето вошел в состояние принудительной релаксации прана-бинду, собрав все свои ощущения в сознании. Он сфокусировал внутреннее волнение на том чувстве постоянно и теперь, посредством которого ощущал Время, и расширение видения согрело его. Оболочка работала точно так, как это предсказано видением.

Моя кожа не принадлежит мне.

Однако мышцам надо было приспособиться к новым, усиленным движениям. Пытаясь идти, Лето постоянно падал и начинал катиться по песку. Наконец он сел. Когда он остановился, повязка вновь соскользнула с подбородка и попыталась покрыть лицо. Он плюнул и надкусил ее, высосав еще несколько капель сиропа, и снова свернул форель в трубку.

Прошло достаточно времени, чтобы снова воссоединиться со своим телом. Лето улегся на песок лицом вниз и пополз. Оболочка терлась о песок. Лето отчетливо ощущал кожей песчинки, но при этом не царапал собственную плоть. Несколькими гребками он преодолел пятьдесят метров. От трения создавалось приятное ощущение тепла.

Оболочка больше не наползала на нос и рот, но теперь Лето предстояло сделать второй шаг к Золотому Пути. Он перепрыгнул канал и оказался возле каньона, где содержался пойманный червь. Мальчик услышал, как шипит червь, растревоженный его движениями.

Лето вскочил на ноги, чтобы встать и подождать, но сила прыжка была такова, что он пролетел еще около двадцати метров, прежде чем смог присесть, затормозить и выпрямиться. Прямо перед его ногами выросла чудовищная гора песка, сиявшая в звездном свете. В тусклом свете блеснули хрустальные зубы. Лето увидел разинутую пасть, позади которой виднелось текучее пламя. Вокруг Лето распространилось облако острого аромата Пряности. Но червь остановился. Он стоял так до тех пор, пока над вершиной скалы не поднялась Первая Луна. Свет луны отражался от зубов зверя, внутри которого переливался огонь его биохимических реакций.

Страх, укоренившийся во фриженской душе, был так силен, что Лето едва подавил в себе желание бежать без оглядки. Но видение удержало его на месте, он стоял, как зачарованный, страстно желая продлить это мгновение. Никому еще не удавалось стоять так близко от разинутой пасти червя и остаться в живых. Лето мягко оттолкнулся правой ногой от песчаной борозды и подлетел прямо к пасти, остановившись на коленях.

Червь, однако, не двигался.

Зверь мог чуять только песчаную форель и не нападал на свою личинку. Червь мог атаковать другого червя, проникшего на его территорию, и реагировал на призывный аромат Пряности. Остановить зверя мог только водный барьер и песчаная форель, поскольку она содержала воду.

Экспериментируя, Лето протянул руку к пасти. Червь отпрянул, словно его ударило током, отлетев назад приблизительно на метр.

Вновь обретя уверенность, Лето отвернулся от червя и начал приучать себя обращаться со своими невероятно

сильными мышцами. Сначала он осторожно направился к каналу. Червь позади оставался недвижим. Оказавшись у воды, Лето начал прыгать от радости, проплыл десять метров по песку, ползал, катался, смеялся.

Приоткрылась занавеска хижины, и на песке возникло пятно света. На фоне желтоватого света лампы на пороге хижины стояла Сабиха и удивленно смотрела на Лето.

Громко смеясь, он бросился обратно к каналу, подбежал к червю и, раскинув руки в стороны, взглянул на девушку.

– Смотри, – крикнул он. – Червь делает все, что я хочу.

Пока Сабиха стояла, оцепенев от изумления, Лето развернулся и побежал вокруг червя, а потом спустился в каньон. Освоившись со своей новой кожей, он теперь понял, что для того, чтобы нормально бежать, надо практически без усилий слегка сгибать мышцы. Стоило только приложить малейшее усилие, как вздымавшийся песок и поднятый им ветер начинали обжигать незащищенное лицо. Лето не стал останавливаться у слепого конца каньона, а взлетел вверх на пятнадцать метров и, пробежав, словно насекомое, по отвесной стене, выскочил на гребень скалы.

Перед ним расстилалась огромная, колеблющаяся в серебристом свете луны, Пустыня.

Лето ощутил новый прилив какой-то маниакальной радости.

Он присел на корточки, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Обычно физическое усилие приводило к образованию пленки пота на коже, но эта пленка поглощалась специальной тканью защитного костюма, после чего освобождалась от соли и поступала в систему улавливания влаги. Новая кожа Лето справлялась с задачей удаления пота лучше и быстрее, чем защитный костюм. Лето тщательно свернул оболочку под губами и высосал из нее еще немного сладкой жидкости.

Рот не был защищен. Как истинный фримен, Лето понимал, что с каждым выдохом теряет драгоценную влагу. Вытянув оболочку, закрывавшую нос, Лето прикрыл рот, потом

еще больше оттянул мембрану, чтобы она не мешала вдоху. Паттерн дыхания был выработан раз и навсегда: вдох через нос, выдох через рот. При выдохе оболочка немного раздувалась, но крепко держалась на месте, при этом на губах и ноздрях жидкость не конденсировалась. Система работала.

На фоне неба появился орнитоптер. Наклон крыльев изменился, и машина зашла на посадку в сотне метров от Лето. Лето посмотрел на орнитоптер, потом оглянулся на путь, которым он поднялся на вершину. Внизу были видны мелькающие огни – похоже, в сиетче подняли тревогу. Снизу доносились приглушенные крики. К Лето между тем направились два человека с оружием.

Машхад, – подумал Лето, и ему стало грустно. Отсюда начнется его Золотой Путь. Он сумел надеть на себя самовосстанавливающийся защитный костюм, а на Арракисе эта вещь не имеет цены. Я больше не человек. Легенды об этой ночи будут обрастать фантастическими подробностями, сделав событие неузнаваемым. Но эта легенда будет соответствовать действительности.

Лето посмотрел вниз и прикинул, что высота скалы составляет около двухсот метров. В лунном свете были видны выступы и расщелины, но ни одной тропинки не было проложено по крутому, почти отвесному склону. Лето выпрямился, встал, оглянулся на приближавшихся людей, набрал в легкие побольше воздуха и шагнул в пространство. Через тридцать метров он пружинисто приземлился на крохотный выступ скалы. Мощные мышцы спружинили, и Лето легко перелетел на другой выступ. Достигнув его, Лето ухватился рукой за маленький отрог, спрыгнул еще на двадцать метров, снова поймал рукой небольшую трещину, уперся ногой в выступ и продолжил свой головокружительный спуск. Последние сорок метров он преодолел одним прыжком, согнув колени, приземлился на пологой стороне какой-то дюны, подняв при этом тучи песка и пыли. С вершины скалы доносились крики и проклятия, но Лето не обратил на них ни малейшего внимания, перепрыгивая с дюны на дюну – с

вершины на вершину. Это был балет в Пустыне, вызов Танзеруфту, вызов, которого не помнила эта древняя Пустыня.

Рассудив, что преследователи уже пришли в себя от потрясения и снова пустились в погоню, Лето остановился на теневой стороне одной из дюн и зарылся в песок. Небывалая сила, заключенная в мышцах Лето, позволяла ему чувствовать себя в глубинах песка как в воде, но мальчик чувствовал, что температура тела поднимается выше опасного уровня. Он вынырнул на поверхность у противоположного конца дюны и обнаружил, что оболочка снова покрыла его нос. Он освободил ноздри и прислушался к себе. Новая кожа пульсировала, пытаясь поглотить избыток пота.

Свернув оболочку в трубку, Лето выпил еще немного сиропа и оглядел усеянное звездами небо. Он прикинул, что от Шулоха его сейчас отделяет не меньше пятнадцати километров, и в этот момент на фоне звезд, словно большая птица, появился орнитоптер, но на этот раз он был не один – за ним следовали еще несколько машин. Слышался свист крыльев и приглушенный рокот моторов.

Потягивая сироп, Лето ждал. Прошла Первая Луна, взошла Вторая...

За час до рассвета Лето выбрался из своего убежища и оглядел небосвод. Преследователей не было видно. Только теперь до мальчика окончательно дошло, что обратного пути для него нет. Впереди было небывалое приключение в Пространстве и Времени, приключение, которому предстояло стать незабываемым уроком для Лето и всего человечества.

Повернув на северо-восток, Лето преодолел еще пятьдесят километров и остановился на дневной привал. Он зарылся в песок, выставив на поверхность трубку из живой мембраны. Оболочка из живой форели приучалась жить с ним, а он – с ней. О том, как действует на него самого новая кожа, Лето старался не думать.

Завтра я совершу налет на Гара Рулен, – подумал он. – Я уничтожу канал и выпущу в песок всю воду. Потом я

направлюсь в Виндсак, Старую Пропасть и Харг. Через месяц экологическая трансформация будет отброшена назад на целое поколение. После этого мы сможем разработать ее новый график.

Во всем, что произойдет, обвинят, естественно, мятежные племена. Некоторые вспомнят и о Якуруту. Алия получит свое сполна. Что же до Ганимы... Лето мысленно произнес слова, оживившие память о сестре. Время еще не наступило. Об этом надо будет думать позже... если, конечно, удастся пережить чудовищное переплетение нитей.

Золотой Путь манил его в Пустыню. Лето мог теперь видеть его открытыми глазами, как реальный предмет, расстилавшийся перед взором. Он ясно видел, что будет: по Пустыне будут передвигаться животные, и их существование будет зависеть от движений человеческого духа; эти движения были блокированы в течение многих веков, но духу надо начертать путь, по которому он сможет идти.

Лето вспомнил об отце и сказал себе: «Скоро мы поспорим об этом, как подобает мужчинам, и победит одна точка зрения».

* * *

Предел выживаемости полагается климатом, теми постепенно наступающими его изменениями, которые незаметны глазу одного поколения. Общая направленность этих изменений может быть отмечена по экстремальным проявлениям в каждый данный момент. Отдельные индивиды могут наблюдать границы климатических провинций, годовые колебания погоды и делать некоторые заключения типа: «Такого холодного года я не помню». Эти явления легко воспринимаются людьми. Но они редко оказываются готовыми к тому, чтобы вывести общую тенденцию из конкретных, кажущихся хаотичными, изменений. Но только такая готовность служит залогом выживания человечества в условиях той или иной планеты. Люди должны изучать климат.

«Арракис: Трансформация» Харк аль-Ада

Алия, скрестив ноги, сидела на постели, пытаясь собраться с мыслями и читая Литанию против страха, но все попытки разбивались об издевательский смех, звучавший в сознании. Слышала она и голос, говоривший:

– Что за вздор? Чего тебе бояться?

Мышцы голеней подергивались от неосознанных попыток бежать, но бежать было некуда.

На Алие была надета лишь золотистая рубашка из тончайшего палианского шелка. Сквозь полупрозрачную ткань было видно, что безупречное некогда тело Алии начинает оплывать. Час убийц миновал, приближался рассвет. На красном покрывале были разложены донесения о событиях последних трех месяцев. Был слышен шум кондиционера. Легкий ветер шевелил этикетки на кассетах.

Страх появился в тот момент, когда два часа назад ее разбудил адъютант, доставив последнее тревожное сообщение, и Алия затребовала кассеты с прежними рапортами, чтобы иметь полное представление о том, что же происходит в последнее время.

Она перестала читать литанию.

Все нападения – дело рук мятежников. Это очевидно. Они все чаще и чаще обращают свою ярость против религии Муад'Диба.

– Ну и что тут такого? – спросил насмешливый голос в глубине сознания.

Алия дико встряхнула головой. Намри подвел ее. Какую же она сделала глупость – доверила столь щекотливое дело такому двоедушному человеку. Адъютант нашептывал, что винить во всем надо Стилгара – он тоже скрытый мятежник. Куда делся Халлек? Залег на дно у своих друзей контрабандистов? Возможно.

Она взяла одну из кассет. Но каков Мюриз! Да он просто истерик. Это было единственное возможное объяснение. В противном случае придется поверить в чудеса. Ни один человек, не говоря о ребенке (даже о таком ребенке, каким был

Лето), не может сбежать из Шулоха, совершая при этом прыжки с одной дюны на другую.

Алия провела рукой по холодной поверхности кассеты.

И где сам Лето? Ганима искренне считает его мертвым. Вещающий Истину подтвердил ее правдивость. Лето убит лазанскими тиграми. Но кто тогда тот ребенок, о котором сообщили Намри и Мюриз?

Алию начала бить дрожь.

Разрушено сорок каналов; их вода выпущена в песок. Все эти фримены, верные и мятежники, – все как один, неотесанные мужики и суеверные олухи! Сообщения были полны историями о невероятных событиях. Песчаные форели бросаются в каналы и становятся скопищами своих копий. Черви топятся в воде добровольно. На Второй Луне выступили капли крови, которая пролилась на Арракис. На месте падения капель начинаются страшные бури. И количество бурь действительно увеличилось!

Алия подумала о недосягаемом Дункане, который окопался в Табре и подтачивает изнутри то повиновение, которого требует Алия от Стилгара. Ирулан и Дункан спелись, толкуя о реальных событиях, лежащих в основе зловещих знамений. Дурачье! Даже ее шпионы поддались общему психозу, со страхом донося о происходящем.

И почему Ганима настаивает на своей версии гибели Лето?

Алия тяжело вздохнула. Среди всех сообщений было только одно обнадеживающее. Фарад'н прислал отряд своей личной гвардии, «чтобы помочь вам в трудную минуту и обеспечить безопасность при подготовке к церемонии обручения». Алия улыбнулась в унисон усмешке, прозвучавшей в ее мозгу. Этот план продолжал действовать. Найдутся логические обоснования, которые позволят рассеять и весь прочий суеверный вздор.

Гвардию Фарад'на она использует для обуздания Шулоха и ареста известных противников режима, особенно среди

наибов. Она подумала о действиях и против Стилгара, но внутренний голос предостерег ее: «Еще не время».

– Мать и Община Сестер имеют какие-то свои планы, – прошептала Алия. – Для чего она обучает Фарад'на?

– Может быть, он ее возбуждает, – высказал свое предположение старый барон.

– Она слишком холодна для этого.

– Ты не хочешь попросить Фарад'на, чтобы он вернул ее?

– Я очень хорошо понимаю, насколько это опасно.

– Отлично. Кстати, кого это привезла твоя помощница Зия? Кажется, его зовут Агарвес – Буэр Агарвес. Ты можешь пригласить его сегодня...

– Нет!

– Алия...

– Уже почти светает, ты, ненасытный старый дурак! Утром Военный Совет, потом священники...

– Не доверяй им, дорогая Алия.

– Я и не думаю им доверять!

– Вот и хорошо! Но Буэр Агарвес...

– Я сказала: нет!

Старый барон замолчал, но теперь у Алии разболелась голова. Боль вползла под свод черепа откуда-то из правой щеки. Когда-то она выместила ярость на охране, но сегодня Алия решила сопротивляться.

– Если ты будешь упорствовать, то я приму успокаивающее, – пригрозила она.

Барон понял, что она не шутит. Головная боль стала отступать.

– Ладно, – раздраженно произнес он. – В другой раз.

– В другой раз, – покорно согласилась она.

* * *

Ты разъял пески дланью своей; Ты разбил головы драконам Пустыни. Да, Я сохранил тебя, яко зверя, идущего с дюн; у тебя два рога агнчих, но глаголешь ты, яко дракон.

Пересмотренная Оранжевая католическая Библия, Арран II:4

То было незыблемое пророчество, нити превратились в канаты, теперь Лето казалось, что это он знал всю свою жизнь. Он оглядел просторы Танзеруфта, окутанные вечерними сумерками. В ста семидесяти километрах к северу лежит Старая Пропасть – расселина в скалах Защитного Вала, через которую древние фримены проникли в Пустыню.

Лето не ведал больше сомнений. Он знал, почему стоит здесь один, охваченный тем не менее чувством, что вся эта земля принадлежит ему и будет исполнять его волю. Ощущал он и крепость той нити, которая связывала его со всем человечеством, и ту глубокую потребность во Вселенной, доступной чувственному опытному восприятию и поддающейся логическому объяснению, во Вселенной, состоящей из распознаваемых закономерностей, лежащих в основе непрестанно происходящих изменений.

Я знаю эту Вселенную.

Червь, доставивший его сюда, стоял, выпрямившись, ожидая, как послушное дрессированное животное, команды своего хозяина. Лето управлял червем только с помощью покрытых новой оболочкой рук, удерживая кольца червя на поверхности. За время ночного путешествия на север червь страшно утомился. Его силикатно-серный внутренний «двигатель» работал на пределе своих возможностей, изрыгая мощные потоки кислорода, порождая завихрения, охватывавшие Лето. Временами жар причинял ему головокружение, наполнявшее сознание странными ощущениями. Эти постоянно повторяющиеся субъективные видения были обращены на предков, живших в его существе, а это заставляло самого Лето переживать земное прошлое своего рода.

Эти знания помогали познать те изменения, которые происходили сейчас в его личности.

Он понимал, сколь мало человеческого в нем осталось. Соблазняемый Пряностью, которую он поглощал при первой же возможности, он видел, что его оболочка перестала быть форелью так же, как он сам перестал быть обычным человеком. Реснички песчаных созданий проросли в его плоть, создав новое существо, которое в течение всех предбудущих веков станет претерпевать свои неповторимые метаморфозы.

Ты видел это, отец, но отверг, – подумал он. – То было нечто, породившее в тебе ужас, и ты не смог встретить это лицом к лицу.

Лето знал, что думали о его отце и почему.

Муад'Диб умер от своего предзнания.

Но в действительности Пол Атрейдес бежал от реальности Вселенной в состояние Алам аль-Митхаль, будучи еще живым, не решившись на то, на что отважился его сын.

Теперь от Пола остался только Проповедник.

Лето привстал на песке и обратил свой взор на север. Именно оттуда придет червь, и на его спине будут сидеть двое: юный фримен и слепец.

Над головой Лето пролетела на юг стая бледных летучих мышей. Их редкие пятна темнели на фоне вечернего неба. По направлению их полета опытный фримен мог определить, где можно найти убежище. Но Проповедник не последует за летучими мышами. Им не позволено остановиться в Шулохе, чтобы не привлекать чужаков, а именно туда держит путь Проповедник.

Появлению червя предшествовало некое темное движение в промежутке между землей Пустыни и небом. На почву пал матар, дождь песка, летящего с большой высоты, – отголосок умирающей бури. Видимость ухудшилась на несколько минут, но потом снова восстановилась.

На основании дюны, возле которой сидел Лето, выступила ночная роса. Он ощутил влагу ноздрями, поправил

оболочку, прикрывавшую рот. Не было больше нужды искать источники воды. От своей матери фременки Лето унаследовал длинный кишечник, который всасывал всю воду из любого содержимого. Живая оболочка поглощала и задерживала любую влагу, с которой соприкасалась. Даже когда Лето просто садился на песок, оболочка выпускала псевдоподии, поглощавшие тепловую энергию почвы.

Лето внимательно смотрел на приближавшегося червя. Было ясно, что поводырь уже видит Лето – темное пятно на фоне светлой дюны. Погонщик червя не мог видеть, что собой представляет объект, но с этой проблемой мог справиться любой фримен. Любой неизвестный предмет – источник возможной опасности. Реакция юного погонщика, таким образом, была вполне предсказуемой без всякого пророческого видения.

В полном соответствии с правилами направление движения червя несколько изменилось, и он двинулся прямо на Лето. Гигантские черви были оружием, которым охотно пользовались фримены. Черви помогли сокрушить Шаддама в битве у Арракина. Этот червь, однако, отказался повиноваться воле погонщика и остановился как вкопанный в десяти метрах от дюны, и никакая сила не могла заставить его сдвинуться с места.

Лето поднялся, чувствуя, как убираются в кожу реснички. Он освободил рот.

– Ахлам, васахлам! Добро пожаловать, дважды добро пожаловать!

Слепец стоял на спине червя, положив руку на плечо поводыря. Человек высоко вскинул подбородок, нос его был направлен точно на Лето, словно слепец принюхивался к причине, остановившей его. Закатное солнце окрасило лоб Проповедника в оранжевый цвет.

– Кто это? – спросил слепой, тряся поводыря за плечо. – Почему мы остановились?

Голос был глухой и гнусавый из-за затычек в ноздрях.

Юноша со страхом посмотрел на Лето:

– Это одинокий странник в Пустыне. По виду он сущий ребенок. Я пытался направить на него червя, но червь не захотел подойти к нему.

– Почему ты ничего мне не сказал? – спросил слепец.

– Я думал, что это одинокий путник, – начал оправдываться юноша. – Но это оказался демон.

– Ты выражаешься как истинный сын Якуруту, – заговорил Лето. – А вы, сир, вы – Проповедник.

– Да, это я, – теперь страх появился и в голосе Проповедника. Он понял, что встретился со своим прошлым.

– Здесь нет сада, но я приглашаю вас разделить эту ночь со мной, – сказал Лето.

– Кто ты? – требовательно спросил Проповедник. – Как сумел ты остановить червя?

В голосе старика обозначились нотки зловещего узнавания. Он призвал на помощь память своего альтернативного видения, зная, что рано или поздно доберется до истины.

– Это демон! – протестующе крикнул погонщик. – Мы должны как можно быстрее бежать отсюда, иначе наши души...

– Молчать! – проревел Проповедник.

– Я – Лето Атрейдес, – сказал Лето. – Ваш червь остановился, потому что так было угодно мне.

Проповедник застыл в наступившем ледяном молчании.

– Иди ко мне, отец, – произнес Лето. – Сойди с червя и проведи эту ночь со мной. Я дам тебе сладкого сиропа. Я вижу, что у вас есть фримпакет с едой и кувшины с водой. Мы разделим наши богатства здесь, на этом песке.

– Лето еще дитя, – возразил Проповедник. – Говорят, что он погиб от происков Коррино. В твоем же голосе нет ничего детского.

– Вы же знаете меня, сир, – сказал Лето. – По возрасту я ребенок, каким были вы, но у меня очень древний опыт, а голос натренирован.

– Что ты делаешь здесь, во Внутренней Пустыне? – спросил Проповедник.

– Бу цзы, – ответил Лето. Из ничего – ничто. Это был традиционный ответ Дзенсунни, путника, который находится в полном покое, не прилагает ни к чему усилий и живет в гармонии с собой и своим окружением.

Проповедник потряс поводыря за плечо:

– Это ребенок, это действительно ребенок?

– Ай-ай, – только и смог выдавить из себя охваченный ужасом юноша.

Проповедник вздохнул так, что все его тело сотряслось от этого вздоха.

– Нет, – сказал он.

– Это демон в обличии ребенка, – сказал наконец поводырь.

– Вы проведете ночь здесь, – заявил Лето.

– Мы поступим, как он велит, – решил Проповедник. Он отпустил плечо поводыря и, спустившись на песок, обернулся к юноше. – Отведи червя подальше, и пусть он погружается. Он устал и не станет нас тревожить.

– Червь не пойдет, – возразил погонщик.

– Он пойдет, – сказал Лето. – Но если ты попытаешься сбежать на нем, то я прикажу червю сожрать тебя.

Лето подошел к чувствительному пятну червя и сказал:

– Иди туда.

Юноша вставил рычаг в ушко крюка и выдернул его из кольца червя, и тот медленно заскользил по песку, поворачиваясь по мере того, как погонщик наклонял фиксирующий крюк.

Проповедник, ориентируясь на голос Лето, легко поднялся по склону дюны и встал в двух шагах от сына. Это было сделано с такой уверенностью, что Лето понял, состязаться с отцом будет нелегко.

Слишком далеко разошлись их видения.

– Сними маску, отец, – сказал Лето.

Проповедник повиновался – откинув складку капюшона, он отстегнул маску.

Зная собственную внешность, Лето внимательно всмотрелся в это лицо, наблюдая черты сходства, заметные в гаснущем свете дня. Черты лица Проповедника образовывали формы непостижимой похожести, отражавшей путь генов, не связанных определенными границами. Но ошибки быть не могло. Это те самые черты, которые перешли к Лето из гулких дней прошлого, из дождей, из чудесных морей Каладана. Но теперь они стоят друг напротив друга у развилки дорог на Арракисе и ждут: какими извилистыми путями разойдутся эти дороги в дюнах.

– Вот так, отец, – сказал Лето, взглянув влево, откуда возвращался юный поводырь.

– Му зейн, – сказал Проповедник, резко взмахнув рукой. – И в этом нет ничего хорошего.

– Коолиш зейн, – мягко возразил Лето. – Это очень хорошо, лучше и быть не могло.

Лето перешел на язык чакобса – древний боевой язык Атрейдесов.

– Я здесь, и я остаюсь! Мы не имеем права этого забывать, отец.

Плечи Проповедника ссутулились, давно забытым жестом он прижал ладони к пустым глазницам.

– Дав тебе свет моих глаз, я забрал твою память, – сказал Лето. – Я понимаю твое решение, я был в том месте, где ты скрываешься.

– Я знаю об этом, – произнес Проповедник и опустил руки. – Ты останешься?

– Ты назвал меня именем человека, который начертал эти слова на своем гербе: «J'y suis, j'y reste»[24].

Проповедник тяжело вздохнул:

– Как далеко ты успел зайти? Что ты сделал с собой?

– Моя кожа теперь не моя, отец.

Проповедник вздрогнул:

– Теперь я понимаю, как ты меня нашел.

---

[24] Я здесь, и я остаюсь (фр.).

– Да, я связал свою память с местом, где никогда не бывала моя плоть, – сказал Лето. – Но мне надо провести с тобой один вечер, отец.

– Я не твой отец. Я – всего лишь его бледная копия, реликт. – Он повернул голову туда, откуда приближался поводырь. – У меня нет больше видения будущего.

При этих словах Пустыню объяла ночная тьма. На небе высыпали звезды.

– Вубах уль кухар! – крикнул Лето поводырю. – Приветствую тебя!

– Субах ун нар! – донеслось из темноты.

– Это молодой Ассан Тарик, – хрипло прошептал Проповедник. – Он очень опасен.

– Все Отверженные опасны, – ответил Лето невозмутимым тоном, – но не для меня.

– Ты можешь видеть это так, но я не разделяю твоего видения, – произнес Проповедник.

– Но у тебя, вероятно, нет иного выбора, – сказал Лето. – Ты – филь-хакика, реальность. Ты – Абу Дхур, Отец Бесконечных Путей Времени.

– Сейчас я ничто, кроме как приманка в ловушке, – с горечью ответил Проповедник.

– Алия уже клюнула на эту приманку, – сказал Лето, – мне же ее вкус не понравился.

– Ты не можешь этого сделать, – прошипел Проповедник.

– Я уже сделал это. Моя кожа более не принадлежит мне.

– Может быть, тебе еще не поздно...

– Нет, уже слишком поздно. – Лето склонил голову набок. Он слышал, как на их голоса вверх по склону дюны карабкается поводырь.

– Приветствую тебя, Ассан Тарик из Шулоха! – сказал Лето. Юноша застыл в нескольких шагах от него, как темная тень, осыпанная светом звезд. Во всем облике поводыря – в опущенных плечах и неловко повернутой голове – сквозила нерешительность.

– Да, да, – произнес Лето, – это именно я сумел бежать из Шулоха.

– Что я слышу… – заговорил Проповедник. – Ты не можешь делать это!

– Я уже это делаю. Что ж с того, что ты ослеп еще раз?

– Ты думаешь, что я этого боюсь? – спросил Проповедник. – Смотри, какого отличного поводыря мне дали.

– Я вижу, – ответил Лето и взглянул в лицо Ассана Тарика. – Ты что, не слышал, Ассан? Я – тот, кто бежал из Шулоха.

– Ты демон, – дрожа от страха, ответил Тарик.

– Это ты демон, – возразил Лето, – но ты – мой демон.

Он чувствовал, как нарастает напряженность между ним и отцом. Вокруг них шла война теней, проекций, созданных бессознательным. Лето ощущал множественную память отца, формы прошлых пророчеств, которые отделяли знакомую реальность настоящего от видений минувшего.

Тарик тоже почувствовал эту битву видений и спустился по склону дюны на несколько шагов.

– Ты не можешь контролировать будущее, – прошептал Проповедник, в его тоне звучало такое усилие, словно он поднимал громадную тяжесть.

Лето оценил диссонанс. Это был тот самый элемент Вселенной, та стихия, которую он всю жизнь пытался схватить. Либо он, либо его отец будут скоро вынуждены действовать, принимать решения, выбрав свое видение, выбрав раз и навсегда. Отец был прав: попытка подчинить себе Вселенную вручает ей оружие, которым она со временем разгромит тебя самого. Чтобы, верно, выбрать видение и справиться с ним, надо удержать равновесие на одной-единственной, очень тонкой нити – на струне, справиться с которой под силу только Богу, ибо на каждом конце этой струны – космическое безмолвие. Ни один из пытающихся не сможет повторить этот парадокс, завершение которого – смерть. Все знают свои видения и правила игры. Все старые иллюзии со временем умирают. И как только один из алчущих начинает

рваться вперед, он тотчас наталкивается на сопротивление других алчущих, которые тоже начинают рваться наверх. Единственная истина, которая имела сейчас значение, заключалась в том, что разделяло основания их видений. В этом противостоянии не было места безопасности, только преходящее смещение отношений, намеченных внутри ограничений, которые они сами наложили на неизбежные изменения. Каждый из них имел в своем распоряжении только отчаянное и одинокое мужество, на которое только и мог положиться, но у Лето было два преимущества: он выбрал путь, с которого не мог свернуть, и принял те ужасные последствия, которые могли иметь для него место. Отец же все еще надеялся, что путь назад существует, и не нашел того, чему можно посвятить себя без остатка.

– Ты не должен этого делать, не должен! – хрипел Проповедник.

Он видит мои преимущества, – подумал Лето.

Лето говорил спокойным голосом, стараясь скрыть напряжение, которого требовало усилие сохранить равновесие в их споре.

– У меня нет страстной веры в истину, нет преклонения перед тем, что я сотворил, – сказал он, чувствуя, что между ним и отцом происходит какое-то движение, что-то необработанное и грубое, что затрагивало собственную, фанатичную и неколебимую веру Лето в самого себя. Эта вера рождала в нем убежденность, что он уже наметил вехи Золотого Пути. Настанет день, когда эти вехи скажут другим, как стать людьми; это будет странный дар человечеству от того, кто сам уже к тому дню совершенно перестанет быть человеком. Но такие вехи постоянно расставляют на своем пути азартные игроки. Лето видел великое множество таких натур, разбросанных по всему множеству живущих в нем предков. Он чувствовал это и утешался тем, что последнюю ставку в этой игре сделает он сам.

Лето шумно потянул носом воздух, ожидая сигнала, которого они с отцом ждали с равным нетерпением, зная, что

он рано или поздно придет. Оставался только один вопрос: предупредит ли отец охваченного ужасом молодого поводыря, который ждал их внизу?

Лето ощутил запах озона – несомненный признак защитного экрана. Верный приказу Отверженных, Тарик попытается убить этих двух опасных Атрейдесов, не понимая, какой ужас он навлекает на свою голову.

– Не надо, – прошептал Проповедник.

Но Лето понял, что это сигнал. Он явственно чуял озон, хотя в воздухе не было характерного потрескивания. Тарик использовал фальщит, оружие, придуманное исключительно для Арракиса. Эффект Хольцмана вызовет червя и сделает его невменяемым. Ничто не остановит такого червя – ни вода, ни даже присутствие песчаной форели… ничто. Да, молодой человек воткнул приспособление в склон дюны и начал уходить из опасной зоны.

Лето бросился с дюны, слыша за спиной протестующий крик отца. Но ужасающая сила мышц бросила Лето вперед со скоростью снаряда. Одной рукой он ухватил Тарика за шею, другой за пояс. Раздался щелчок – Лето сломал юноше шею, после чего развернулся и швырнул тело по направлению к дюне. Труп погрузился в песок там, где было спрятано дьявольское устройство. Лето подлетел к этому месту, выдернул из песка излучатель защитного экрана и бросил его к югу, подальше от дюны. В ту же секунду в месте падения излучателя раздался страшный шум и грохот. Потом все стихло. Снова наступила мертвая тишина.

Лето взглянул на вершину дюны, где стоял отец, – все еще не желавший покоряться, но уже побежденный. Это был Пол Муад’Диб, слепой, разгневанный и близкий к отчаянию от того, что бежал когда-то от видения, которое принял его сын. Пол размышлял сейчас над изречением Дзенсунни: «В каждый единичный акт точного предсказания будущего Муад’Диб вводил элемент развития и роста, это было результатом предзнания, в свете которого он видел существование каждого человека. Этим он вовлек себя в

неопределенность. Ища Абсолютное в упорядоченных предсказаниях, он усиливал беспорядок сущего и искажал предсказание».

Лето одним прыжком взлетел на дюну и обратился к отцу:

– Теперь я буду твоим поводырем.

– Никогда!

– Ты хочешь вернуться в Шулох? Если даже допустить, что тебе были бы рады и без Тарика, то скажи мне на милость, где теперь сам Шулох? Твои глаза видят это?

Пол уставил на сына пустые глазницы:

– Ты действительно знаешь вселенную, которую творишь здесь?

Лето уловил особую интонацию в голосе отца. Общее для них обоих видение было сейчас приведено в страшное движение и требовало акта творения в совершенно определенный момент времени. Характерным для этого временного пункта было линейное восприятие течения Времени, а все сущее обладало характеристиками упорядоченной линейной прогрессии. Они оба вступали в этот момент, как в движущийся экипаж, но они оба могли его и покинуть.

Напротив, Лето держал в своих руках бразды Времени, состоявшие из многих нитей, и нити эти были уравновешены в его воззрении на Время, как на многомерное пространство с множеством параллельных направлений. Лето был единственным зрячим в мире слепых. Только он мог теперь разрушить рутинное умствование, поскольку отец уже не был в состоянии держать в руках бразды правления Временем. Лето же видел, что ему, сыну, удалось изменить прошлое. Мысль, еще не проявившаяся в самом отдаленном будущем, могла отразиться на настоящем, и именно эта мысль направляла теперь его руку.

Только его руку.

Пол знал это, потому что сам уже не мог держать нити, видеть, как Лето ими управляет, он мог только понимать те сверхчеловеческие последствия, которые принял для себя

Лето. И он подумал: Вот то изменение, о котором я столько молился! Почему же я так его боюсь? Потому что это – Золотой Путь!

– Я здесь для того, чтобы придать цель эволюции, а следовательно, и нашей жизни, – сказал Лето.

– Ты действительно хочешь прожить эти тысячи лет, претерпевая известные тебе изменения?

Лето понимал, что отец говорит не о физических изменениях. Физические последствия были известны им обоим: Лето будет приспосабливаться и приспосабливаться; его кожа, не принадлежащая ему, тоже будет постоянно адаптироваться к новым условиям своего существования. Давление эволюции в каждой части системы будет растворяться, и в результате произойдет некая интегральная трансформация. Когда наступит метаморфоз, если он наступит, то возникнет мыслящее существо небывалой величины, оно станет господствовать над Вселенной, которая будет ему соратником.

Нет... Пол имел в виду внутренние изменения, которые сами по себе станут воздействовать на соратников.

– Ты знаешь, что говорят о твоих последних словах те, кто думает, что ты мертв? – спросил Лето.

– Конечно.

– Теперь я сделаю то, что всякий живущий должен сделать ради служения жизни, – проговорил Лето. – Ты никогда этого не говорил, но священник, который посчитал тебя мертвым, думал, что ты не вернешься и не назовешь его лжецом, вложил в твои уста эти слова.

– Я бы не стал называть его лжецом, – Пол глубоко вздохнул. – Это хорошие последние слова.

– Ты останешься здесь или вернешься в ту хижину в Шулохе? – спросил Лето.

– Теперь это твоя Вселенная, – ответил Пол.

Эти слова, полные горечи поражения, больно ранили Лето. Пол изо всех сил пытался держаться пространства своего личного видения, которое он избрал много лет назад в

сиетче Табр. Именно поэтому он избрал теперь для себя роль инструмента мести Отверженных, остатков древнего Якуруту. Эти люди испачкали его имя, замарали его, но он скорее был готов принять это унижение, чем тот взгляд на Вселенную, который без колебаний принял его родной сын.

Грусть Лето была так сильна, что он не мог говорить в течение нескольких томительных минут. Овладев голосом, Лето сказал:

– Итак, ты заманил Алию, подверг ее искушению и склонил к бездействию и неправильным решениям. Больше того, теперь она знает, кто ты в действительности.

– Она знает... Да, она знает.

У Пола был сейчас стариковский голос, и в нем звучал скрытый протест. У него был еще резерв сопротивления.

– Если смогу, я отниму у тебя это видение, – сказал он.

– Тысячи мирных лет, – сказал Лето. – Вот, что я им дам.

– Ты дашь им сон! Застой!

– Конечно. И те формы насилия, которые сочту допустимыми. Я стану уроком, который человечество никогда не забудет.

– Плевать я хотел на твои уроки! – сказал Пол. – Ты думаешь, я не видел ничего подобного тому, что выбрал ты?

– Ты видел, – согласился Лето.

– И чем твое видение лучше моего?

– Ничем. Может быть, оно даже хуже, – ответил Лето.

– Так что мне остается, как не сопротивляться тебе? – спросил Пол.

– Или убить меня?

– Я не настолько наивен, и мне известно, какие силы ты привел в действие. Мне известно о разрушенных каналах и беспорядках.

– А теперь еще и Ассан Тарик никогда не вернется в Шулох. Ты должен вернуться туда со мной или вообще не вернуться, потому что таково мое видение.

– В таком случае я не стану возвращаться.

Каким старым стал его голос, – подумал Лето с мучительной душевной болью.

– В моей дишдаша лежит кольцо с ястребом Атрейдесов. Если хочешь, я могу вернуть его тебе.

– О, если бы я умер, – прошептал Пол. – Я действительно хотел умереть, когда ушел в Пустыню той ночью, но я знал, что не могу покинуть этот мир. Я должен был вернуться и...

– ...воскресить легенду, – закончил за него Лето. – Я знаю. Но шакалы Якуруту подстерегали тебя, и ты знал, что так будет. Они хотели твоих видений! Ты знал об этом.

– Я отказался. Они не получили от меня ни одного видения.

– Но они запачкали тебя. Они кормили тебя эссенцией Пряности, подсовывали женщин и соблазняли пустыми обещаниями. И у тебя были видения.

– Иногда. – Голос отца прозвучал глухо.

– Так ты возьмешь кольцо с ястребом? – спросил Лето.

Пол, резко выпрямившись, сел на песке. На фоне звездного неба возникло темное пятно.

– Нет!

Итак, он понимает тщетность того пути, – подумал Лето. Это открывало многое, но не все. Соревнование видений перешло из плана изящного выбора в грубую несовместимость альтернатив и их носителей. Пол знал, что не может победить, но надеялся все же уничтожить то видение, которое выбрал Лето.

Отец заговорил:

– Да, я искупался в грязи, живя в Якуруту, но ты испачкал себя сам.

– Это правда, – признал Лето. – Но ведь я – твой сын.

– И ты добрый фримен?

– Да.

– Тогда ты позволишь слепому отправиться в Пустыню? Ты предоставишь мне право выбрать вечный покой по моему усмотрению? – Он ударил ладонью по песку рядом с собой.

– Нет, этого я тебе не позволю, – сказал Лето. – Но твое право упасть на нож, если ты на этом настаиваешь.

– И ты будешь иметь на руках мой труп?

– Именно так.

– Нет!

И все же он знает тот путь, – подумал Лето. Погребение тела Муад'Диба его собственным сыном будет расценено как нечто, цементирующее видение Лето.

– Ты никогда не рассказывал им о своих видениях, правда, отец? – спросил Лето.

– Никогда.

– А я рассказывал, – сказал Лето. – Я говорил об этом Мюризу. О Крализеке, Тайфунной Битве.

Плечи Пола бессильно опустились.

– Ты не можешь, – зашептал он, словно в бреду. – Нет, ты не можешь.

– Теперь я – порождение этой Пустыни, – сказал Лето. – Ты бы смог так, как я, говорить с бурей Кориолиса?

– Ты считаешь меня трусом, оттого что я не выбрал этот путь, – произнес Пол тихим, дрожащим голосом. – О, я очень хорошо понимаю тебя, сын. Авгуры и гадатели по внутренностям всегда платили за свои предсказания, но я никогда не терялся в возможностях будущего, потому что такое будущее не может быть предсказано.

– Твой джихад покажется мирным пикником на Каладане по сравнению с тем, что будет, – согласился Лето. – Сейчас я отвезу тебя к Гурни.

– Гурни! Он служит Общине Сестер, служа моей матери.

Теперь Лето понял всю степень видений своего отца.

– Нет, отец, Гурни уже никому не служит. Я знаю, где его найти, и отведу тебя туда. Настало время создавать новую легенду.

– Я вижу, что не смогу перебороть тебя. Дай мне прикоснуться к тебе. Ведь ты – мой сын.

Лето вытянул вперед правую руку и взял протянутые навстречу пальцы Пола. Он легко сопротивлялся всем движениям Пола.

– Теперь мне не причинит вреда даже отравленный нож, – сказал Лето. – У меня изменилась вся биохимия организма.

Из незрячих глаз Пола потекли слезы, он вырвал свою руку из пальцев Лето и бессильно обмяк:

– Если бы я выбрал твой путь, то стал бы слугой сатаны. Но кем станешь ты?

– Какое-то время и меня тоже будут называть посланцем сатаны, – ответил Лето. – Потом люди начнут поражаться мне и наконец поймут. Ты просто не стал далеко заглядывать в свое видение, отец. Твои руки творили как добро, так и зло.

– Но зло бывает видно только по его результатам!

– Таков удел многих великих зол, – сказал Лето. – Ты проник только в часть моего видения. Неужели у тебя не хватило сил?

– Ты же понимаешь, что я не мог бы остаться там навсегда. Я никогда не делал зла. Если знал, что это будет зло. Я не сын Якуруту. – Он поднялся на ноги. – Ты же не думаешь, что я из тех, кто по ночам смеется над другими?

– Очень грустно, что ты никогда не был истинным фрименом, – сказал Лето. – Мы, фримены, знаем, как назначать арифу. Наши судьи умеют выбирать из зол наименьшее. И так будет у нас всегда.

– То есть у фрименов? Ты хочешь сделать их рабами судьбы? – Пол подошел к Лето и каким-то застенчивым движением протянул вперед руку, коснулся оболочки, покрывающей кожу сына, провел пальцами по руке, потом по плечу, до уха, потрогал щеку, потом рот.

– Ах, все-таки у тебя осталась еще природная плоть, – сказал он. – Но куда заведет тебя новая плоть?

Пол бессильно уронил руку.

– Туда, где люди смогут творить свою судьбу каждый миг.

– Ты говоришь так, как может говорить Мерзость.

– Я не воплощение Мерзости, хотя мог стать им, – сказал Лето. – Я видел, как это случилось с Алией. В ней живет демон, отец. Я и Гани знаем этого демона: это барон, твой дед.

Пол прикрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Потом он взял себя в руки и опустил руки. Рот его был плотно сжат.

– Это проклятие нашего Дома. Я молился о том, чтобы ты выбросил это кольцо в песок, чтобы ты отрекся от меня и выбрал другую жизнь. Все было перед тобой.

– Но какова цена?

Пол ответил после долгого молчания:

– Конец пути содержит его оправдание. Однажды я не смог отстоять свои принципы. Только однажды. Я принял махдинат. Я сделал это ради Чани, но это сделало меня плохим правителем.

Лето было нечего ответить на это. Память о том решении была у него в душе.

– Я не могу лгать тебе больше, чем я лгал себе, – продолжал Пол. – Я это знаю. Каждый человек должен иметь такого судью. Я хочу спросить у тебя только одно: Тайфунная Битва действительно необходима?

– Да, в противном случае род человеческий угаснет.

Пол почувствовал истину в словах Лето и тихо произнес, признавая преимущество видения сына:

– Я не видел этого среди возможностей выбора.

– Думаю, что о такой возможности подозревает Община Сестер, – сказал Лето. – У меня нет другого объяснения действий бабушки.

Ночь повеяла холодом. Одежда Пола облепила ноги от сильного ветра. Отец дрожал от холода. Заметив это, Лето сказал:

– У тебя есть фримпакет, отец. Я надую тент, и мы проведем эту ночь в комфорте.

Но Пол только покачал головой, зная, что в его жизни больше не будет комфортных ночей. Муад'Диба, Героя, надо уничтожить. Отныне останется только Проповедник.

* * *

Фримены были первыми людьми, разработавшими сознательную и подсознательную символику для выражения движений и отношений своей планетной системы. Они были также первыми в мире людьми, которые описали свой климат в почти математической форме, языком, чьи письменные символы воплощали (и интериоризировали) внешние отношения. Язык сам по себе был частью системы, которую он описывал. Письменные формы несли в себе очертания того, что они обозначали. В таком развитии было имплицитно заложено тончайшее локальное знание того, что необходимо для поддержания жизни. Меру взаимодействия языка и системы можно оценить на основании того факта, что фримены считали себя ищущими пропитания стадными животными.

«Рассказ о Лиет-Кинесе» Харк аль-Ада

– Кавех вахид, – приказал Стилгар. – Принеси кофе. – Он сделал знак адъютанту, стоявшему у единственной двери помещения с голыми каменными стенами, в которой Стилгар провел эту бессонную ночь. Это было то помещение, в котором старый фрименский наиб обычно завтракал, да и время уже подходило, но после такой ночи Стилгару вовсе не хотелось есть. Он встал, растягивая затекшие мышцы.

Дункан Айдахо сидел на низкой подушке у двери, пытаясь подавить зевоту. Он только что сообразил, что они со Стилгаром проговорили почти всю ночь.

– Прости меня, Стил, – сказал он. – Я не дал тебе спать всю ночь.

– Кто не спит ночь, тот добавляет к своей жизни лишний день, – ответил Стилгар, принимая из рук адъютанта поднос с кофе. Он пододвинул к Айдахо низкую скамью, поставил на нее кофе и сел напротив гостя.

На обоих мужчинах были надеты желтые траурные одежды. Наряд Айдахо пришлось одолжить в сиетче,

поскольку местные жители не очень любили зеленую форму слуг Атрейдесов.

Стилгар налил себе темный напиток из толстостенного карафе и отпил глоток, после чего поднял чашку, давая знак Айдахо. Это был старинный фрименский ритуал: «Можешь пить без опаски: я его попробовал».

Кофе варила Хара, и сделала его так, как предпочитал Стилгар: зерна прожаривались до розовато-коричневого цвета, толклись в ступке еще горячими в мелкий порошок и немедленно заваривались с добавлением щепотки Пряности.

Айдахо вдохнул аромат напитка и шумно отхлебнул из чашки. Он так и не понял, удалось ли ему убедить Стилгара в своей правоте. В утренние часы его ум ментата начинал работать вяло и медленно, не успевая обрабатывать все поступившие в мозг данные. Но эти данные были подтверждены в послании Гурни Халлека.

Алия знала о Лето! Она знала.

Джавид тоже был частью этого знания.

– Я должен быть полностью освобожден от всяких ограничений, – сказал он, снова начиная затянувшийся спор.

Но Стилгар твердо стоял на своем.

– Соглашение о нейтралитете заставляет меня быть твердым в своих суждениях. Гани здесь в безопасности. Ты и Ирулан – тоже. Вы не можете отправлять послания. Получать можете, а отправлять – нет. Я дал свое слово.

– Это не те отношения, которые приняты между гостем и его старым другом, делившими в прошлом одни опасности, – сказал Айдахо, помня, что уже использовал этот аргумент.

Стилгар опустил чашку, аккуратно поставил ее на поднос и, не отрывая от нее взгляда, заговорил:

– Мы, фримены, не чувствуем вины за те поступки, которые вызывают это чувство у других, – сказал он и посмотрел в глаза Айдахо.

Его надо заставить взять Гани и бежать отсюда, – подумал Айдахо, но вслух сказал другое:

– У меня не было намерения вызвать в тебе чувство вины.

– Это я понимаю, – сказал Стилгар. – Я поднял этот вопрос, чтобы показать наше фрименское отношение к жизни, потому что мы имеем дело именно с ним. Даже Алия думает по-фрименски.

– А Священство?

– Это совсем другая материя, – ответил Стилгар. – Они хотят, чтобы люди вечно глотали серую пыль греха. Только на этом фоне они ощущают свое благочестие. – Стилгар говорил, не повышая голос, но Айдахо улавливал в его интонациях горечь и удивлялся, почему эта горечь не убеждает наиба.

– Это очень старый трюк автократического правления, – сказал Айдахо. – Алия его очень хорошо знает. Хорошие люди должны испытывать чувство вины. Вина же начинается с ощущения собственной неудачливости. Хороший автократ умеет изыскать возможность, как показать населению, что оно не умеет ловить миг удачи.

– Это я тоже замечал, – сухо проговорил Стилгар. – Но ты должен простить меня за то, что я еще раз скажу, что ты говоришь о своей собственной жене. К тому же она – сестра Муад'Диба.

– Я же говорю тебе, что она одержима!

– Да, об этом говорят многие. Ее надо испытать в суде. Пока же надо принять во внимание куда более важные обстоятельства.

Айдахо грустно покачал головой.

– Все, что я говорю, можно легко подтвердить. Сообщение с Якуруту всегда осуществлялось через Храм Алии. Заговор против близнецов плели там же. Деньги для продажи червей на другие планеты тоже поступали из храма. Все нити тянутся к ведомству Алии, к Регентству.

Стилгар покачал головой и глубоко вздохнул.

– Это нейтральная территория. Я дал слово.

– Но дела не могут идти так, как они шли!

– Я согласен! – в подтверждение своих слов Стилгар кивнул. – Алия попала в кольцо, и это кольцо с каждым днем сужается. Это напоминает мне наш древний обычай многоженства – он позволяет выявить мужское бесплодие.

Он вопросительно взглянул на Айдахо.:

– Ты говорил, что она изменяла тебе с другими мужчинами, «используя свой пол как оружие», так ты сказал, если я правильно запомнил. Тогда у тебя есть прекрасная возможность пойти вполне легальным путем. Джавид сейчас в Табре – он привез послание от Алии. Тебе надо только...

– На твоей нейтральной территории?

– Нет, нет, конечно, только в Пустыне, за стенами сиетча.

– А если я воспользуюсь такой возможностью и убегу?

– У тебя не будет такой возможности.

– И все же я клянусь тебе, что Алия одержима. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в том...

– Это очень трудно доказать, – сказал Стилгар.

Айдахо вспомнил слова Джессики и сказал:

– Но у тебя есть способы доказать это.

– Способы действительно есть, но очень болезненные и беспощадные, – проговорил Стилгар. – Именно поэтому я упомянул о нашем отношении к чувству вины. Мы можем освободить себя от чувства вины, которое может нас уничтожить в любом случае, но только не в процессе об одержимости. В таком трибунале на судьях, а они тоже люди, лежит очень большая ответственность.

– Но вам приходилось делать это раньше, не правда ли?

– Я уверен, что Преподобная Мать не упустила ни одной детали из нашей истории в своем рассказе, – сказал Стилгар. – Ты же отлично знаешь, что нам приходилось заниматься такими делами.

Айдахо отреагировал на раздражение в голосе Стилгара:

– Я не пытаюсь загнать тебя в ловушку неверного решения. Это просто...

– Была долгая ночь, но вопросы остались без ответа, – сказал Стилгар. – И вот наступило утро.

– Я должен получить разрешение послать сообщение Джессике, – сказал Айдахо.

– Это будет послание на Салусу, – произнес Стилгар. – Я не могу давать обещаний на один вечер. Мое слово нерушимо, именно поэтому сиетч Табр до сих пор нейтральная территория. Я не допущу никаких посланий. Я обязан сделать это ради моего сиетча.

– Алию надо судить, и сделать это должен ты!

– Возможно, возможно. Но, во-первых, надо убедиться, нет ли смягчающих обстоятельств. Может быть, это просто ошибка власти, или обыкновенное невезение. Может быть, это дурные наклонности, которые есть у всех людей, а вовсе не одержимость.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я веду себя, как обманутый муж, который хочет расправиться с неверной женой чужими руками?

– Такая мысль могла бы посетить кого угодно, но только не меня, – сказал Стилгар. Он улыбнулся, чтобы смягчить язвительность своих слов. – У нас, фременов, есть своя традиция, свой хадит. Если мы боимся ментата или Преподобной Матери, то обращаемся к обычаю. Говорят, что единственное, чего мы по-настоящему боимся, так это своих собственных ошибок.

– Госпоже Джессике надо обо всем сообщить, – сказал Айдахо. – Гурни говорит...

– Может быть, это послание вовсе не от Гурни Халлека.

– Оно не могло прийти больше ни от кого. У нас, Атрейдесов, есть способ верификации посланий. Стил, ну по крайней мере попробуй сам...

– Якуруту больше не существует, – сказал Стилгар. – Его разрушили много поколений назад.

Он дотронулся до рукава Айдахо:

– Как бы то ни было, я не могу снимать людей с фронтов. Существует прямая угроза каналу… Ну, ты же сам понимаешь. – Он откинулся назад. – Ну а если Алия…

– Алии больше нет, – сказал Айдахо.

– Это ты говоришь, – Стилгар отхлебнул кофе, поставил чашку на скамью. – Давай отдыхать, друг Айдахо. Не стоит отрубать руку, если под ногтем застряла заноза.

– Давай в таком случае поговорим о Ганиме.

– В этом нет никакой нужды. Она находится под моим покровительством, под моей защитой. Пока она здесь, никто не причинит ей вреда.

Не может же он на самом деле быть таким наивным, – подумал Айдахо.

Однако Стилгар поднялся, давая понять, что разговор окончен.

С трудом разогнув затекшие колени, Айдахо тоже встал. Мышцы голеней совершенно онемели. В этот момент в помещение вошел адъютант и встал у двери. Следом за адъютантом появился Джавид. Айдахо оглянулся – Стилгар стоит в четырех шагах. Ни секунды не колеблясь, Дункан извлек из ножен клинок и нанес удар в грудь ничего не подозревающему Джавиду. Тот отшатнулся назад, соскользнув с лезвия, неловко развернулся, упал лицом вниз, несколько раз дернулся и умер.

– Вот так мы прекратим сплетни, – сказал Айдахо.

Адъютант застыл с ножом в руке, не зная, как реагировать.

Айдахо же вложил клинок в ножны, предварительно вытерев его о желтую накидку.

– Ты нанес урон моей чести! – крикнул Стилгар. – Это нейтральная…

– Заткнись! – рявкнул Айдахо на ошеломленного наиба. – Ты же носишь ошейник, Стилгар!

Это было одно из трех смертельных оскорблений, которых не прощает ни один фримен. Стилгар побледнел от гнева.

– Ты же слуга, – как ни в чем не бывало продолжал Айдахо. – Ты продал фримена за его воду.

Это было второе оскорбление из того же ряда, такое истребило Якуруту.

Стилгар заскрежетал зубами и схватился за нож. Адъютант отступил назад от тела Джавида.

Повернувшись спиной к наибу, Айдахо, не оглядываясь, двинулся к выходу, выкрикнув третье оскорбление:

– Ты никогда не достигнешь бессмертия, Стилгар. В твоих потомках нет твоей крови!

– Куда это ты направился, ментат? – с ледяным спокойствием спросил Стилгар.

– Искать Якуруту, – не останавливаясь и не оборачиваясь, ответил Айдахо.

– Видимо, мне придется тебе помочь, – сказал Стилгар и извлек из ножен клинок.

Айдахо был уже у наружной стороны прохода.

– Если ты собрался помогать мне своим ножом, ворующий воду, то бей, пожалуйста, в спину. Это подходящий удар для того, кто носит ошейник демона.

Не сдерживая больше ярости, Стилгар перепрыгнул через труп Джавида и догнал Айдахо. Схватив Дункана за одежду, наиб, развернув, остановил его. Ярость Стилгара была настолько велика, что он не заметил любопытной усмешки на лице Айдахо.

– Бери в руку нож, ментатское отродье! – проревел Стилгар.

Рассмеявшись, Айдахо нанес ему два удара в голову голыми руками.

Что-то бессвязно крича, Стилгар ударил Айдахо ножом – снизу вверх, целя в сердце через диафрагму.

Айдахо присел еще глубже, насаживая себя на нож, и улыбнулся Стилгару, чья ярость вдруг уступила место ледяному оцепенению.

– Две смерти за Атрейдесов, – прошептал Айдахо. – Вторая ничуть не лучше первой.

Он неловко завалился на бок и упал на каменный пол лицом вниз. Из раны по полу растеклась кровь.

Стилгар посмотрел на кровь, капающую с лезвия его ножа, на тело Айдахо и, весь задрожав, глубоко вздохнул. За его спиной лежал убитый Джавид. А прямо перед носом – убитый его, Стилгара, собственными руками Айдахо, супруг Чрева Небес. Можно было, конечно, спорить, что это убийство наиб совершил, защищая свое доброе имя и отводя угрозу нейтралитету сиетча. Но этот мертвец был Дункан Айдахо. Это убийство нельзя стереть всякими ссылками на смягчающие обстоятельства – ничто не поможет. Даже если Алия в душе порадуется такому исходу, она все равно будет мстить за убийство мужа. Она – фременка. Для того чтобы править фременами, нельзя быть иным, даже в мельчайшей степени.

Только через несколько мгновений в голову Стилгара пришла мысль о том, что своим поведением Айдахо добился поставленных перед собой целей. Он купил согласие Стилгара ценой своей «второй смерти».

Стилгар поднял глаза, увидел потрясенное лицо Гары, своей второй жены, выделив его из тесной толпы. На всех лицах было написано одно и то же выражение – потрясение и полное понимание последствий происшедшего.

Стилгар медленно выпрямился, вытер лезвие об одежду и спрятал его в ножны. Глядя в лица людей, он заговорил своим обычным твердым голосом.

– Тот, кто пойдет со мной, пусть немедленно собирает вещи. Пошлите людей за червями.

– Куда ты пойдешь, Стилгар? – спросила Гара.

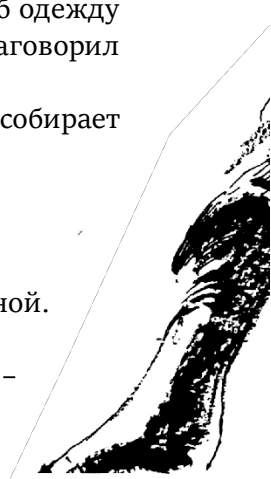
– В Пустыню, – ответил наиб.

– Я пойду с тобой, – сказала она.

– Конечно, ты, как все мои жены, пойдешь со мной. И Ганима. Приведи ее, Гара, сейчас же.

– Хорошо, Стилгар, хорошо... – она помолчала. – А Ирулан?

– Если пожелает.

– Слушаю и повинуюсь, мой супруг. – Гара все еще колебалась. – Ты берешь Ганиму как заложницу?

– Заложницу? – Он был неподдельно поражен этой мыслью.

– Женщина... – Он осторожно коснулся ногой тела Айдахо. – Если этот ментат был прав, то для Ганимы я – последняя надежда.

Наибу вспомнились слова предупреждения, слышанные от Лето: «Берегись Алии. Ты должен взять с собой Ганиму и бежать».

* * *

Познакомившись с фрименами, все планетологи рассматривают теперь жизнь как выражение энергии и ищут определяющие эту энергию взаимоотношения. Основываясь на малых фрагментах, кусочках и отрывках, расовая мудрость фрименов переходит тем временем в новую определенность. То, что есть у фрименов, как у народа, могут иметь и другие народы. Просто этим последним надо развить в себе чувство энергетических взаимоотношений. Этим народам надо увидеть, что энергия пронизывает структуры всех предметов и создается посредством этих структур.

«Катастрофа Арракина» Харк аль-Ада

Халлек стоял перед скалистым контрфорсом, прикрывавшим вход в Туэк-Сиетч, и ждал, когда охрана решит, стоит ли впускать его внутрь. Гурни оглянулся на простиравшуюся к северу Пустыню, потом посмотрел на серо-голубое утреннее небо. Здешние контрабандисты были просто изумлены тем, что он – чужестранец – так ловко управлял червем. Он же, в свою очередь, очень удивился этому изумлению. Что хитрого было в таком управлении для любого ловкого человека, который не раз видел, как это делают другие.

Халлек снова обратил свое внимание на Пустыню, серебристую Пустыню, покрытую сверкающими камнями и окруженную серо-зелеными полями, на которых вода совершала свое чудо.

Этот ландшафт поразил его своей хрупкостью и ненадежностью энергии жизни, которой угрожали любые внезапные изменения структуры Пустыни.

Он понимал, где таится источник такой реакции. В почве Пустыни, под ногами, развивались многие события,

потрясавшие идиллическую с виду картину. В сиетч были завезены тысячи дохлых песчаных форелей для дистилляции и восстановления воды. Они явились к сиетчу для того, чтобы блокировать ток воды в каналах. Именно это обстоятельство заставило интенсивно заработать ум Халлека.

Гурни посмотрел на поля, окружавшие сиетч, и на канал, по которому не текла больше драгоценная вода. В каменном ограждении канала были проделаны многочисленные проломы, вода утекала в песок. Откуда взялись эти проломы? Некоторые имели протяженность по двадцать метров и находились в самых уязвимых секциях канала. Через эти дефекты текучий песок сыпался в углубления с водой. Именно эти углубления были заполнены песчаной форелью, которую дети сиетча либо убивали, либо забирали себе на потеху.

На обвалившихся стенах канала работали ремонтные бригады. Другие рабочие отводили воду к самым влаголюбивым растениям. Источник в гигантской цистерне у подножия сиетча был перекрыт, препятствуя току воды в разрушенный канал. От этого источника были отсоединены насосы, работавшие на солнечных батареях. Ирригацию осуществляли, забирая воду из истощившегося хранилища на дне канала, поднимая ее в цистерну сиетча, а оттуда распределяя по полям.

Металлическая рама входа, разогретая солнцем, заскрежетала, и Халлек посмотрел на нее, привлеченный резким звуком. Одновременно взгляд его скользнул по дальнему концу канала, где вода утекала самым бессовестным образом. При этом именно там, по плану, были высажены самые влаголюбивые растения, которые неминуемо погибнут, если не удастся восстановить ток воды по каналу. Халлек посмотрел на глупо выглядевший шатер ивы, обдуваемой знойным ветром и песком. Для него это дерево символизировало новую действительность Арракиса и его лично.

Мы оба чужаки на этой планете, – подумал Гурни, глядя на иву.

Принятие решения затянулось, могли бы думать и побыстрее – им ведь очень нужны умелые бойцы. Однако у Халлека не было никаких иллюзий по поводу нового поколения контрабандистов. Это были уже не те люди, которые приютили его много лет назад, когда ему пришлось бежать после поражения герцога. Нет, эти люди всегда в первую очередь думают о своей выгоде.

Он опять принялся смотреть на несчастную глупышку иву. В этот момент Халлеку пришло в голову, что его новая реальность может смести всех этих контрабандистов и всех их друзей. Она же вполне способна уничтожить Стилгара с его хрупким нейтралитетом и пожрать вместе с ним другие племена, оставшиеся верными Алие. Все они стали колониальным народом. Халлек и раньше видел, как это бывает, зная о горечи такого положения по своей родной планете. Он ясно это видел, припомнив манерность городских фрименов, поведение жителей пригородов. Даже в столь деревенской обстановке сиетча признаки исконных обычаев стерлись, уступив место скрытности. Сельские районы стали колониями городов. Люди в глубинке подпадали под ярмо либо из жадности, либо из суеверия. Даже здесь, а может быть, особенно здесь, в отношениях людей чувствовалась подневольность, а отнюдь не свобода, как можно было бы ожидать. Эти люди были осторожны, скрытны, уклончивы. Любое проявление власти вызывало озлобление – будь это власть Регентства, Стилгара или их собственного Совета...

Я не могу им доверять, – решил Халлек. – Их можно лишь использовать, питая их недоверие к другим. – Эта мысль навевала грусть. Покончено с бескорыстными обычаями свободных людей. Старый обычай выродился в пустой словесный ритуал, корни которого потеряны в глубинах памяти.

Алия хорошо справилась со своей задачей, наказав противников, щедро наградив сторонников и использовав имперские силы обычным способом, прикрыв ими все важные

участки, сохраняя власть. Ее шпионы! Господи, можно себе представить, какие у нее были шпионы!

Халлек почти физически чувствовал те меры и контрмеры, с помощью которых Алия надеялась вышибить оппозицию из седла.

Если фримены будут спать и дальше, она победит, – подумал Халлек.

Дверная заслонка за его спиной отворилась. На пороге появился служащий сиетча по имени Мелидес. Это был коротышка с бочкообразным телом и тонкими ножками. Защитный костюм только подчеркивал уродство этой фигуры.

– Мы принимаем тебя, – сказал Мелидес.

В голосе чиновника слышалось почти неприкрытое притворство. В действительности Халлеку было сказано, что убежище будет лишь временным.

Я останусь здесь до тех пор, пока мне не удастся угнать орнитоптер, – подумал Халлек.

– Я очень благодарен вашему Совету, – сказал он, вспомнив об Эсмаре Туеке, именем которого был в свое время назван этот сиетч. Эсмар был давно мертв благодаря чьему-то предательству. Будь он жив, он перерезал бы горло этому Мелидесу при одном взгляде на него.

* * *

Любой путь, который сужает возможности будущего, может привести в смертельную ловушку. Люди движутся в будущее не по запутанному лабиринту, они идут навстречу широкому горизонту, на котором просматриваются уникальные возможности. Узкие проходы лабиринта соблазнительны лишь для тех людей, которые склонны зарываться носом в песок. Получающаяся в результате полового размножения уникальность в сочетании с множественностью – суть защита любого вида.

Учебник Космической Гильдии

– Почему я не испытываю печали? – простонала Алия, глядя в потолок своего маленького, десять на пятнадцать

шагов, кабинета с двумя высокими узкими окнами, из которых открывался вид на крыши Арракина.

Время близилось к полудню. Солнце немилосердно опаляло своими отвесными лучами котловину, в которой располагался город.

Алия опустила глаза и посмотрела на Буэра Аргавеса, бывшего табрита, а ныне помощника Зии, начальницы храмовой стражи. Аргавес только что принес весть о том, что Джавид и Айдахо убиты. Вокруг теснились придворные льстецы, адъютанты и стражники, стоявшие поодаль, но всем своим видом показывавшие, что им известно содержание вести, принесенной Аргавесом. Плохие вести быстро разносятся по Арракису. Для фримена Аргавес был слишком низкорослым, а круглое лицо делало его похожим на ребенка. Это был типичный представитель нового поколения фрименов, разжиревших на избытке воды и пищи. Алия смотрела на него, и ей казалось, что облик этого человека расколот надвое: один имел серьезное лицо с застывшим на нем озабоченным выражением и темные фиолетовые глаза, а другой отличался уязвимостью и чувственностью. Особенно нравились Алие его полные губы.

Хотя не было еще и полудня, Алие казалось, что уже наступил вечер – такая мертвая тишина стояла вокруг.

Айдахо должен был умереть на заходе солнца, сказала она себе.

– Как же получилось, что ты, Буэр, доставил столь дурную весть? – она заметила, как его глаза сразу стали живыми и настороженными.

Аргавес заговорил хриплым, едва слышным голосом:

– Я отправился туда с Джавидом, вы помните? А когда... Стилгар послал меня к вам, то велел передать, что я несу вам его последние обязательства.

– Последние обязательства, – словно эхо повторила Алия. – Что он хотел этим сказать?

– Не знаю, госпожа Алия, – жалобно произнес он.

– Расскажи мне еще раз, что ты видел, – приказала Алия, почувствовав при этом, что по ее коже пробежал предательский холодок.

– Я видел, – Аргавес нервно покрутил головой, посмотрел на пол под ногами Алии и снова заговорил. – Я видел Священного Супруга, лежавшего мертвым на полу в центральном проходе, и тело Джавида в боковом проходе. Женщины уже готовили обоих для Хуануя.

– И Стилгар позвал тебя, чтобы ты увидел эту сцену?

– Истинно так, моя госпожа. Стилгар меня вызвал. Он послал Модибо, своего посыльного. Модибо ни о чем не предупредил меня, только сказал, что меня зовет Стилгар.

– И ты увидел на полу в проходе тело моего мужа?

Аргавес метнул на Алию мгновенный острый взгляд и снова тупо уставился в пол.

– Да, моя госпожа. Рядом лежал труп Джавида. Стилгар сказал мне... сказал мне, что Священный Супруг убил Джавида.

– А мой муж... Ты говорил, что Стилгар...

– Он сам лично сказал мне об этом, моя госпожа. Стилгар сказал, что это сделал он. Сказал, что Священный Супруг спровоцировал его и привел в неописуемую ярость.

– Ярость, – повторила Алия. – Что же он сделал?

– Он не сказал. Я спрашивал многих, но никто мне не ответил.

– И потом тебя послали ко мне с этой вестью?

– Да, моя госпожа.

– Ты ничего не мог сделать?

Аргавес нервно облизнул губы:

– Там распоряжался Стилгар. Это его сиетч.

– Ясно, и ты всегда подчинялся Стилгару.

– Всегда, моя госпожа, пока он сам не освободил меня от моих уз.

– То есть, когда он послал тебя ко мне на службу?

– Теперь я подчиняюсь только вам, моя госпожа.

– Это правда? Скажи мне, Буэр, если я прикажу тебе убить Стилгара, твоего прежнего наиба, ты сделаешь это?

Он твердо посмотрел ей в глаза:

– Если вы прикажете, моя госпожа.

– Я приказываю. Как ты думаешь, куда он ушел?

– В Пустыню; это все, что мне известно, моя госпожа.

– Сколько людей он взял с собой?

– Примерно половину.

– С ним Ганима и Ирулан!

– Да, моя госпожа. Остались только те, кто обременен женами, детьми и имуществом. Стилгар сказал, что, кто хочет, может идти с ним, кто не хочет, того он освобождает от клятвы верности. Многие отринули клятву. Теперь они выберут себе нового наиба.

– Я сама выберу им наиба. Им станешь ты в тот день, когда принесешь мне голову Стилгара.

Аргавес не мог принять это предложение без внутренней борьбы. Таков фрименский обычай. Но он согласился.

– Как прикажете, моя госпожа. На какие силы я могу рассчитывать?

– Поговори с Зией. Я не могу дать тебе много орнитоптеров, они нужны мне здесь. Но бойцов у тебя будет достаточно. Стилгар опозорил свою честь. Многие пойдут служить мне по доброй воле, чтобы поквитаться с ним.

– Я позабочусь об этом, моя госпожа.

– Постой! – Она мгновение изучала его, думая, кого бы послать для наблюдения за этим ранимым дитем. За ним надо смотреть в оба, пока он не проявит себя. Зия знает, кого надо послать.

– Я могу идти, моя госпожа?

– Нет, я должна побеседовать с тобой наедине, чтобы обсудить детали устранения Стилгара, – она прикрыла лицо руками. – Я не надену траур до тех пор, пока не свершится моя месть. Дай мне несколько минут, чтобы собраться с духом.

Она опустила руки.

– Одна из моих камеристок проводит тебя.

Алия подала знак своей новой статс-даме Шалус.

– Пусть его вымоют и обрызгают духами – от него за версту воняет червем.

– Слушаюсь, госпожа.

Алия повернулась, изобразила на лице скорбь, которой не испытывала, и направилась в свои покои. Там, в спальне, захлопнув дверь, она дала волю своему гневу и топнула ногой.

Будь проклят этот Дункан! Почему? Почему? Почему?

Она поняла, что Айдахо сознательно спровоцировал Стилгара на убийство. Он убил Джавида и спровоцировал Стилгара. Это говорит о том, что он все знал о Джавиде. Это было последнее послание от Дункана. Его прощальный жест.

Она еще раз в ярости топнула ногой, мечась по покоям, как разъяренный зверь.

Будь он проклят! Будь он проклят! Будь он проклят!

Стилгар переметнулся к мятежникам, с ним Ганима и Ирулан.

Будь они все прокляты!

Она еще раз топнула ногой и почувствовала резкую боль в пальцах, от которой расплакалась. Алия посмотрела вниз и увидела пряжку, о которую она разбила ногу. Она схватила ее и вдруг застыла в оцепенении. Это была старая пряжка из сплава серебра и платины, которую пожаловал герцог Лето своему верному оруженосцу Дункану Айдахо. Она много раз видела Айдахо с этой пряжкой. И он оставил ее здесь.

Алия судорожно схватила пряжку. Айдахо оставил ее здесь, когда… когда…

Слезы брызнули у нее из глаз, невзирая на все фрименское самообладание. Рот ее скривился в презрительной гримасе, а в мозгу началась уже знакомая ей борьба, охватившая все существо Алии. Она почувствовала, что в ней уживаются два человека. Один из них смотрит на ее плотские судороги с изумлением. Другой мучается от страшной

душевной боли, сдавившей грудь. Слезы ручьем текли из глаз Алии, а удивленный голос спрашивал: «Кто это плачет? Кто это плачет? Кто продолжает плакать?»

Но ничто не могло остановить слез, Алия чувствовала жгучую боль в груди, заставившую ее корчиться в постели.

Тщетно чей-то голос продолжал спрашивать: «Кто плачет? Кто это...»

* * *

Этими актами Лето удалил себя из эволюционной последовательности. Он сделал это обдуманно и решительно, заявив при этом: «Быть независимым – это значит отдалиться». Оба близнеца были превыше потребности в памяти, как в процессе определения меры, то есть определения своей отчужденности от своего человеческого происхождения. Но только Лето II совершил отважный поступок, поняв, что истинное творение не зависит от своего создателя. Он отказался восстановить эволюционную последовательность, сказав: «Это тоже еще больше отдалит меня от человечества». Смысл сказанного он видел в том, что в жизни не может быть по-настоящему закрытых систем.

«Святые метаморфозы» Харк аль-Ада

Птицы, жившие здесь – попугаи, сороки, сойки, – питались насекомыми, во множестве жившими в сыром песке вдоль берега разбитого канала. Здесь раньше была джедида, последний из новых городов, построенный на базальтовой скале. Теперь город был покинут жителями. Ганима, пользуясь утренними часами, осматривала окрестности брошенного сиетча, с интересом наблюдая суетливые перемещения стаек ящериц гекко. Раньше в этом месте стены сиетча гнездились дятлы.

Ганима думала об этом городе, как о сиетче, хотя на самом деле это был город, состоявший из множества низких стен, сложенных из земляных кирпичей и обсаженный по периметру деревьями, чтобы сдержать наползавшие из Пустыни дюны. Город располагался в Танзеруфте, в шестистах

километрах к югу от Сихайского хребта. Без человеческого ухода город постепенно опять сливался с Пустыней, стены обваливались под натиском песчаных бурь, растения погибали, земля на засаженных участках трескалась под палящими лучами беспощадного солнца.

Однако песок возле канала оставался сырым, что свидетельствовало о сохранности ветряной ловушки.

Прошло несколько месяцев после бегства из Табра. Все это время беглецы пользовались защитой вот таких сиетчей, сделавшихся необитаемыми от происков Демона Пустыни. Ганима не верила в Демона, но нельзя было отрицать, что причины разрушения каналов оставались непонятными и неведомыми.

Время от времени беглецы получали сообщения из северных поселений, встречаясь в Пустыне с мятежными охотниками за Пряностью. Несколько орнитоптеров – говорили, что их не больше, чем шесть, – с поисковыми командами на борту искали Стилгара, но Арракис велик, а Пустыня дружелюбна к беглецам. Рассказывали, что у групп имеется задание на поиск и уничтожение банды Стилгара, но у бывшего табрита Буэра Аргавеса – другая задача, и он часто возвращается в Арракин.

Мятежники рассказывали, что между ними и отрядами Алии случаются мелкие стычки. Опустошительные набеги Демона Пустыни сделали Внутренние Войска главной заботой Алии и наибов. Досталось даже контрабандистам, но говорили, что они рыщут по Пустыне в поисках Стилгара, за голову которого была назначена немалая цена.

Сам же Стилгар, который только накануне перед наступлением темноты привел своих людей в джедиду, ведомый безошибочным нюхом старого фримена на воду, обещал, что через какой-то срок поведет всех на юг, в благодатную пальмиру. Правда, старый наиб не назвал точной даты. Несмотря на то, что его голова теперь стоила дороже всей планеты, он производил впечатление счастливейшего и беззаботнейшего из людей.

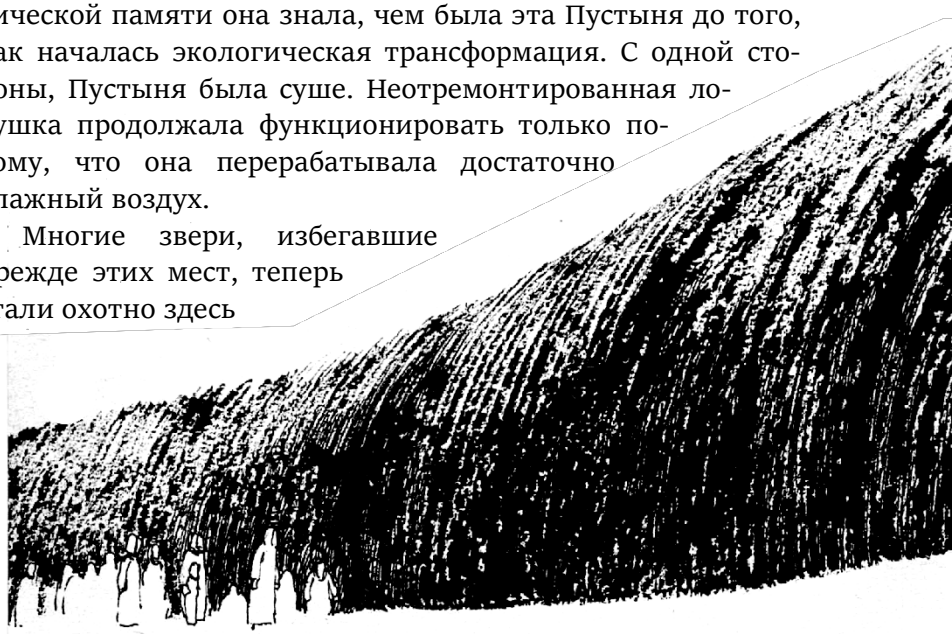
– Это очень хорошее место, – говорил он, показывая на функционирующую ветряную ловушку. – Видите, наши друзья оставили нам немного воды.

Беглецов осталось совсем немного, не более шестидесяти человек. Старики, больные и самые юные были разобраны доверенными семьями в южных пальмирах. Остались самые стойкие или те, кто имел множество друзей на севере и юге.

Ганима не понимала, почему Стилгар отказывается обсуждать причины, по которым планету поразило невиданное бедствие. Неужели он ничего не видит? По мере того, как высыхали каналы, фримены двигались к северным и южным границам своих прежних владений. Это движение ясно показывало, что ждет Империю. Одно событие служило зеркалом другого.

Ганима сунула руку под воротник защитного костюма и получше застегнула его. Несмотря на все тревоги, она чувствовала себя здесь невероятно свободно. Внутренние жизни перестали ее донимать, хотя иногда она чувствовала, что они все же остаются частью ее сознания. Из своей генетической памяти она знала, чем была эта Пустыня до того, как началась экологическая трансформация. С одной стороны, Пустыня была суше. Неотремонтированная ловушка продолжала функционировать только потому, что она перерабатывала достаточно влажный воздух.

Многие звери, избегавшие прежде этих мест, теперь стали охотно здесь

селиться. Многие группы кочевников отмечали, что увеличилось количество дневных сов. Даже сейчас Ганима видела птиц-муравьев. Они суетливо толкались возле сырого песка, изобиловавшего насекомыми. Были здесь и немногочисленные барсуки, но больше всех расплодились в этих местах кенгуровые мыши.

Новыми фрименами правили суеверия, и Стилгар не был в этом отношении исключением. Джедида была покинута после того, как канал разрушили пятый раз за прошедшие одиннадцать месяцев. Четыре раза жители чинили разбитый Демоном Пустыни канал, но потом у них не осталось излишков воды, и они решили не рисковать.

То же самое творилось во всех близлежащих джедидах и старых сиетчах. Восемь из девяти новых поселений были покинуты. Старые сиетчи испытывали страшное

перенаселение. По мере того, как Пустыня вступала в новую фазу, фримены возвращались к своему древнему образу жизни. В каждой вещи они видели зловещие предзнаменования. Почему везде, кроме Танзеруфта, стало намного меньше червей? Это суд Шаи-Хулуда! Видели и мертвых червей, и никто не мог сказать, отчего они умерли. Вскоре после смерти черви обычно превращались в пыль, но те огромные рассыпающиеся трупы, которые случайно видели фримены, наполняли последних суеверным ужасом.

Группа Стилгара видела такой труп червя месяц назад и потребовалось четыре дня, чтобы люди стряхнули с себя потрясшее их ощущение надвигающегося бедствия. Останки были найдены совершенно разложившимися, труп лежал на пряной жиле, причем большая часть Пряности была безнадежно испорчена.

Отвернувшись от канала, Ганима посмотрела на джедиду. Прямо перед ней находилась разрушенная стена, защищавшая раньше расположенный здесь сад, муштамаль. Девочка обследовала это место, движимая страстным любопытством, и нашла там склад хлеба с Пряностью. Стилгар велел уничтожить эти запасы, сказав, что истинные фримены не бросают без присмотра доброкачественную пищу.

Ганиме казалось, что он ошибся, но дело не стоило ни спора, ни возможного риска. Фримены изменились. Когда-то они свободно передвигались по бледу, движимые своими естественными потребностями в воде, Пряности и торговле. Будильниками для них служили суточные ритмы Пустынных животных. Однако в последнее время суточные ритмы животных необъяснимым образом изменились, а фримены предпочитали отсиживаться в своих старых пещерах под сенью Защитного Вала. Охотники за Пряностью в Танзеруфте стали исключительной редкостью, и только группа Стилгара странствовала по Пустыне, как это делали фримены в стародавние времена.

Ганима доверяла Стилгару и своему страху перед Алией. Ирулан подкрепляла аргументы Стилгара, обратившись к

своеобразным рассуждениям в духе Бене Гессерит. Но где-то на далекой Салусе продолжал жить Фарад'н. В один прекрасный день она еще посчитается с ним.

Ганима в раздумье посмотрела на серебристо-серое утреннее небо. Где найти помощь? Найдется ли кто-нибудь, кто сможет выслушать ее рассуждения о том, что происходит вокруг? Если верить сообщениям, то госпожа Джессика до сих пор находится на Салусе. Алия же стала неимоверно надутым созданием, взгромоздившим саму себя на недоступный пьедестал, и все больше и больше отрывалась от реальности. Гурни Халлек был неизвестно где, хотя видели его многие. Проповедник больше не показывался, о нем осталась только тускнеющая память.

Оставался один Стилгар.

Она взглянула в сторону разрушенной стены, туда, где Стилгар помогал ремонтировать цистерну. Наиб преуспел в своей роли вождя Пустыни. Награда за его голову росла с каждым месяцем.

Все на свете потеряло смысл. Все.

Кто был тот Демон Пустыни, который разрушал каналы так легко, словно это были идолы, достойные только того, чтобы затоптать их в песок? Может, это был взбесившийся червь? Может, то была третья сила мятежников – огромное скопище людей? В червя никто не верил. Вода убьет любого червя, лишь только он приблизится к каналу. Многие фримены думали, что сплошные разрушения – это результат действий многочисленных повстанцев, которые желают свержения махдината Алии и восстановления старых фрименских порядков. Те, кто верил в это, утверждали, что это очень хорошо. Избавиться от этой жадной апостолической династии, которая занимается только тем, что пытается удержать у власти собственную посредственность. Надо вернуться к истинной религии, которую возвестил Муад'Диб.

Ганима тяжело вздохнула. О, Лето, – подумала она. – Я почти счастлива, что ты не дожил до этого потрясения. Я бы присоединилась к тебе, но мой нож все еще не обагрен

кровью. Фарад'н и Алия, Алия и Фарад'н. Старый барон стал демоном Алии, чего нельзя было допускать.

Из джедиды вышла Гара и твердым шагом направилась к Ганиме. Остановившись напротив нее, женщина спросила:

– Что ты здесь делаешь одна?

– Это очень странное место, Гара. Мы должны немедленно покинуть его.

– Стилгар кого-то ждет для важной встречи.

– Вот как? Мне он ничего об этом не сказал.

– Почему он должен говорить тебе обо всем, маку? – Гара шутливо похлопала Ганиму по бурдюку с водой, висевшему под платьем. – Я смотрю, ты уже беременна, как взрослая женщина?

– Я была беременна столько раз, что не могу пересчитать своих родов, – отрезала Ганима. – Не надо играть со мной в дочки-матери!

Гара отступила на шаг, почувствовав яд в голосе Ганимы.

– Вы толпа глупцов, – сказала Ганима, махнув рукой в сторону джедиды и людей, работавших вместе со Стилгаром. – Мне не следовало идти с вами.

– Если бы ты не пошла, тебя давно бы убили.

– Возможно. Но вы не видите того, что творится у вас прямо под носом! Кого ждет сегодня Стилгар?

– Буэра Аргавеса.

Ганима изумленно уставилась на собеседницу.

– Его привезут тайно друзья из сиетча Красной Расселины, – разъяснила Гара.

– Карманная игрушка Алии?

– Его приведут с повязкой на глазах.

– Стилгар в это верит?

– Буэр просит принять его для переговоров. Он согласен на все наши условия.

– Почему мне об этом ничего не сказали?

– Стилгар знал, что ты будешь возражать.

– Возражать... Да это же чистейшее безумие.

Гара нахмурилась.

– Не забывай, что Буэр – это...

– Семья! – вспылила Ганима. – Он внук двоюродного брата Стилгара. Я знаю. Но ведь Фарад'н, которому я однажды пущу кровь, точно такой же близкий родственник для меня. Неужели ты думаешь, что это остановит мою месть?

– Мы получили дистранс. За ним никто не следует.

Ганима понизила голос:

– Ничего хорошего из этого не выйдет, Гара. Нам надо уходить.

– Ты видела знамение? – спросила Гара. – Да, это тот мертвый червь, которого мы нашли! Это что...

– Можешь засунуть это знамение в свою утробу и родить его где-нибудь в Пустыне! – Ганима буквально рассвирепела. – Мне не нравится ни это место, ни эта встреча. Этого недостаточно?

– Я скажу Стилгару, что ты...

– Я сама ему об этом скажу! – Ганима прошла мимо Гары, которая, чтобы предохраниться от злых чар, сложила из пальцев за спиной Ганимы знак рогов червя.

Но Стилгар лишь посмеялся над страхами Ганимы и велел ей заняться песчаными форелями, словно она была ребенком. Вне себя от гнева, она забралась в один из покинутых домов джедиды и забилась в угол. Однако эмоции быстро угасли; Ганима ощутила, что в ее сознании снова зашевелилась память прежних жизней. Девочка вспомнила, что кто-то говорил: «Если мы сумеем их обездвижить, наш план исполнится».

Что за причудливая мысль.

Но Ганима так и не смогла вспомнить, от кого она это слышала.

* * *

Муад'Диб был лишен наследства и говорил от имени лишенных наследства во все времена. Вопль его души был направлен против той глубокой несправедливости, которая отчуждает индивида от того, чему его учили, того, во что он верит, от того, что кажется ему правдой.

«Махдинат: анализ» Харк аль-Ада

Гурни Халлек сидел на скале, возвышавшейся над Шулохом, положив рядом с собой на коврик балисет. Ограниченное пространство под ним буквально кишело рабочими, занятыми посадкой растений. Песчаная коса, которой Отверженные заманивали червей, проложив по песку дорожку из Пряности, была теперь блокирована каналом. Для того, чтобы не дать песку расползтись, на склоне косы и сажали растения.

Близилось время второго ужина; Халлек сидел на скале уже битый час, удалившись сюда в поисках уединения – Гурни было о чем подумать. Люди внизу трудились в поте лица, но все, что он видел, было делом меланжи. Лето лично подсчитал, что производство Пряности скоро упадет и стабилизируется на уровне одной десятой от того, что было достигнуто в годы правления Харконнена. С каждым выпуском акции производителей Пряности росли в цене вдвое. Триста двадцать один литр был продан семейству Метулли за стоимость половины планеты Новембрун.

Отверженные работали так, словно их подгонял сам дьявол, да скорее всего так оно и было. Перед каждой едой они поворачивались лицом к Танзеруфту и молились персонифицированному Шаи-Хулуду. Этой персонификацией червя стал Лето, и их глазами Халлек видел будущее, в котором большинство человечества разделит эту веру. Нельзя сказать, что эта перспектива очень радовала Гурни.

Лето установил этот порядок, когда привез в Шулох Проповедника и Халлека на угнанном Гурни орнитоптере. Голыми руками Лето разломал стенки канала, разбрасывая большие камни на расстояние до пятидесяти метров. Когда

Отверженные попробовали вмешаться, он одним движением руки оторвал головы ближайшим, отогнав остальных в толпу, издевательски смеясь над их оружием. Демоническим голосом Лето рычал: «Огонь не прикоснется ко мне! Ваши ножи не причинят мне вреда! Я ношу кожу Шаи-Хулуда!»

Отверженные узнали его и вспомнили, что это именно он бежал из Шулоха, прыгнув со скалы «прямо в Пустыню». Они простерлись перед ним ниц, и Лето продиктовал им свою волю:

– Я привел сюда двух гостей. Вы будете охранять их и воздавать им почести. Вы заново отстроите канал и насадите здесь зеленый оазис. Настанет день, когда я устрою здесь свой дом. Вы приготовите мне этот дом. Вы не будете больше продавать Пряность, но станете запасать то, что найдете здесь.

Он беспрестанно повторял свои наставления, и Отверженные, внимая каждому его слову, смотрели на него остекленевшими от страха глазами, благоговея от ужаса.

Сам Шаи-Хулуд наконец-то вышел из глубины песков!

Такого показного метаморфоза не было, когда Лето нашел Халлека и Гхадхеана аль-Фали в одном маленьком мятежном сиетче у Гаре Руден. Лето явился туда в сопровождении слепца верхом на одном из червей, которые стали редкостью в тех краях. Он пожаловался, что по пути им пришлось сделать несколько крюков, поскольку по дороге попадались влажные пески, смертельные для червей. Лето и слепец прибыли вскоре после полудня, и охранники доставили их в холл с каменными стенами.

На Халлека нахлынули свежие воспоминания.

– Итак, это Проповедник, – сказал он тогда.

Халлек несколько раз обошел вокруг слепого, внимательно приглядываясь к нему. На лице старика не было маски защитного костюма и в лице проглядывали черты герцога, именем которого был назван маленький Лето. Было ли это сходство случайным?

– Ты знаешь россказни, которые распространяются о нем? – спросил Халлек, повернувшись к Лето. – Говорят, что это твой отец вернулся из Пустыни.

– Я слышал эти истории.

Халлек принялся внимательно рассматривать мальчика. На Лето был надет странный защитный костюм, оставлявший свободными лицо и уши. Сверху были надеты черная накидка и сапоги. Требовались объяснения того, как он мог оказаться здесь – как ему удалось второй раз избежать гибели.

– Зачем ты привез сюда Проповедника? – спросил Гурни. – В Якуруту говорили, что он работает на них.

– Больше не работает. Я привез его сюда, потому что Алия хочет его убить.

– Вот как? И ты считаешь, что здесь надежное убежище?

– Его убежище – это ты.

Все это время Проповедник стоял неподвижно и молча слушал, словно его совершенно не волновало, какой оборот примет разговор.

– Он хорошо послужил мне, Гурни, – сказал Лето. – Дом Атрейдес еще не потерял чувство долга по отношению к тем, кто верно нам служит.

– Дом Атрейдес?

– Дом Атрейдес – это я.

– Ты бежал из Якуруту до того, как я успел выполнить задание твоей бабки, – холодно произнес Халлек. – Как ты мог предположить...

– Ты будешь беречь жизнь этого человека, как свою собственную, – произнес Лето, прервав спор, и твердо взглянул в глаза Халлеку.

Джессика в свое время научила Халлека наблюдать людей по методике Бене Гессерит. Сейчас Халлек видел в Лето только спокойную уверенность. Однако пока приказы Джессики оставались в силе.

– Твоя бабка поручила мне закончить твое образование и проверить, не одержим ли ты.

– Я не одержим. – Простая констатация факта.

– Тогда почему ты бежал?

– Намри имел приказ убить меня при любом исходе проверки. Это был приказ Алии.

– Ты что, Вещающий Истину?

– Да. – Утверждение снова прозвучало, как констатация факта.

– И Ганима тоже?

– Нет.

Проповедник нарушил молчание, повернулся к Халлеку, но рукой указал на Лето:

– Ты полагаешь, что ты сможешь его испытать?

– Не вмешивайся в разговор, если не знаешь проблемы и ее последствий, – повелительно произнес Халлек, не глядя на Проповедника.

– Я очень хорошо знаю эти последствия, – возразил старик. – Однажды меня испытывала старая женщина, которая думала, что знает, что делает.

Халлек свысока взглянул на Проповедника:

– Еще один Вещающий Истину.

– Вещающим Истину может стать каждый, даже ты, – сказал старик. – Это вопрос честности в оценке природы своих чувств. Вещание Истины требует внутреннего согласия с истиной, что и позволяет ее распознавать.

– Зачем ты вмешиваешься? – угрожающе спросил Халлек и положил руку на нож. Кто этот Проповедник?

– Я несу ответственность за все эти события, – сказал слепец. – Моя мать может, если хочет, вылить на алтарь всю свою кровь, но у меня совершенно иные мотивы. И я действительно понимаю всю глубину проблемы.

– О?! – Халлеком действительно овладело любопытство.

– Госпожа Джессика приказала тебе отличить волка от собаки, зе'еба от ке'леба. По ее определению, волк – это тот, кто обладает властью, но неверно ею пользуется. Однако между временем волка и временем собаки бывает рассвет, когда ты не сможешь отличить пса от волка.

– Это очень близко к сути дела, – произнес Халлек, заметив, что в комнате собирается все больше и больше людей, желающих послушать. – Откуда тебе все это известно?

– Мне известно это потому, что я знаю эту планету. Ты не понимаешь? Подумай. Под ее поверхностью прячутся камни, грязь, осадочные породы, песок. Это память планеты, слепок ее истории. То же самое относится и к людям. Собака помнит, как была волком. Каждая вселенная вращается вокруг ядра бытия, и из этого ядра исходит память, развертываясь до самой поверхности.

– Все это очень интересно, – сказал Халлек. – Но как твои слова помогут мне выполнить приказ?

– Присмотрись к слепку своей собственной истории, сделай это, как делают животные.

Халлек покачал головой. В облике и повадке Проповедника была властность, характерная для Атрейдесов, и было ясно, что старик пользуется Голосом. Халлек почувствовал, как сильно забилось его сердце. Неужели это возможно?

– Джессика хотела окончательной проверки, испытания стрессом, который позволил бы выявить ткань подлинной сути ее внука, – сказал Проповедник. – Но ткань всегда здесь, она доступна зрению.

Халлек внимательно посмотрел на Лето, повернувшись к нему под действием силы, которой нельзя было противостоять.

Проповедник между тем продолжал говорить, словно читая лекцию тупому ученику:

– Этот молодой человек спутал все ваши карты, потому что он не единичная личность, а общность. Как и во всякой общности, подвергнутой воздействию стресса, каждый ее член воспринимает разные команды. Эти команды не всегда добры, откуда и проистекают истории о Мерзости. Но вы уже достаточно изранили эту общность, Гурни Халлек. Неужели ты не понял, что трансформация уже произошла? Этот юноша достиг внутреннего согласия столь мощного, что его уже невозможно обратить вспять.

Я вижу это, хотя у меня нет глаз. Однажды я пытался противостоять ему, но теперь я выполняю его волю. Он – Целитель.

– Кто ты? – спросил Халлек.

– Я – тот, кого ты видишь, и не более того. Не смотри на меня, смотри лучше на того, кого тебе приказали учить и испытывать. Он сформировался в этом кризисе. Он выжил в смертельном окружении. Он – здесь.

– Кто ты? – упорствовал Халлек.

– А я велю тебе смотреть на этого юного Атрейдеса! Он последняя питающая надежда, на которой зиждется будущее нашего вида. Он введет в систему результаты, полученные в его прошлых представлениях. Ни один человек не знает прошлого лучше, чем он. И ты хотел уничтожить его!

– Мне приказали его испытать, и я не мог...

– Но ты смог!

– Он воплощение Мерзости?

Проповедник устало рассмеялся:

– Ты все еще в плену у этой чуши Бене Гессерит. Как хорошо умеют они творить мифы, погружающие мужей в спячку!

– Ты – Пол Атрейдес? – спросил Халлек.

– Пола Атрейдеса больше нет. Он пытался установить высший символ морали, но отмел все нравственные притязания. Он стал святым без Бога, богохульствуя каждым произнесенным им словом. Как ты можешь думать...

– Но ты говоришь его голосом.

– Теперь ты хочешь испытать меня? Берегись, Гурни Халлек.

Халлек судорожно сглотнул и силой заставил себя обратить внимание на Лето, который с невозмутимым спокойствием наблюдал эту сцену.

– Кого здесь испытывают? – вопросил Проповедник. – Возможно, госпожа Джессика испытывает тебя, Гурни Халлек?

Эта мысль сильно обеспокоила Халлека. Почему слова Проповедника так его задевают? Но слуги Атрейдесов отличаются тем, что охотно подчиняются такой автократической мистике. Джессика, объясняя Халлеку задачу, выражалась еще более таинственно. Гурни почувствовал, как в нем что-то меняется, это что-то лишь касалось того учения Бене Гессерит, которое буквально запрессовала в него Джессика. Халлека охватило тихое бешенство. Он не желал меняться!

– Кто из вас разыгрывает из себя Бога и с какого конца? – спросил Проповедник. – Нельзя полагаться на один разум, чтобы ответить на этот вопрос.

Халлек медленно перевел взгляд с Лето на слепца. Джессика не уставала повторять, что необходимо достичь равновесия между тем, что ты должен и чего ты не должен. Она называла это дисциплиной без слов, фраз, правил и соглашений. Это было острием его собственной внутренней, всепоглощающей истины. Что-то в голосе, интонациях и манерах слепца зажигало ярость в Гурни, ярость, перегоравшую в ослепляющий покой.

– Отвечай на мой вопрос, – потребовал Проповедник.

Халлек чувствовал, как эти слова углубляют концентрацию его внимания на этом месте, этом моменте и его требованиях. Его, Гурни, положение во вселенной полностью определялось сейчас этой концентрацией. В его душе не было больше места сомнениям. Это Пол Атрейдес, не мертвый – возвратившийся. И с ним взрослый ребенок Лето. Халлек еще раз взглянул на юного Атрейдеса и впервые увидел его в настоящем свете. Вокруг глаз были видны следы потрясения, в осанке сквозила осознанная уверенность в себе, губы, изобличавшие причудливое чувство юмора. Лето стоял на земле твердо, и казалось, что вокруг него светится ослепительное сияние. Он достиг гармонии, просто приняв ее.

– Скажи мне, Пол, – произнес Халлек. – Твоя мать знает?

Проповедник тяжело вздохнул:

– Община Сестер считает, что всякий достигает гармонии, просто приняв ее.

– Скажи мне, Пол, – снова проговорил Халлек. – Твоя мать знает?

И снова Проповедник тяжело вздохнул:

– Для Общины Сестер я в любом случае мертвец, так что не пытайся меня оживить.

Все еще не глядя на него, Халлек продолжал:

– Но почему она...

– Она делает то, что должна делать. Она строит свою жизнь, думая, что управляет многими жизнями. Так все мы играем в богов.

– Но ведь ты жив, – прошептал Халлек, подавленный этим открытием, и повернулся, чтобы посмотреть наконец на этого человека, который был моложе его самого, но которого Пустыня состарила настолько, что он выглядел в два раза старше Гурни.

– Что такое? – спросил Проповедник. – Жив?

Халлек огляделся и увидел напряженные лица фрименов – они взирали на происходящее со смешанным чувством благоговения и сомнения.

– Мать так и не усвоила мой урок. – Это же голос Пола! – Став богом, можешь начать скучать и деградировать. Этого достаточно для изобретения принципа свободы воли! Бог может пожелать уснуть и быть живым лишь в проекциях творений своих сновидений.

– Но ты жив! – повторил Халлек на этот раз во весь голос.

Пол не обратил никакого внимания на волнение, охватившее его старого товарища, и спросил:

– Вы что, действительно решили противопоставить этого парня его сестре в испытании машхадом? Какой отвратительный вздор! Каждый из них сказал бы: «Нет! Убейте меня! Пусть живет другой». Так к чему бы привело это испытание? Что в этом случае означает жить, Гурни?

– Это не было испытанием, – запротестовал Халлек. Ему очень не нравилось, что фримены толпой окружили их, и

кольцо людей неумолимо сжималось. Они во все глаза смотрели на Пола, не обращая внимания на Лето.

Но тут Лето сам вмешался в происходящее.

– Посмотри на основу, отец.

– Да... Да... – Пол поднял голову, словно принюхиваясь. – Значит, это Фарад'н!

– Насколько легче следовать мыслям, нежели чувствам, – сказал Лето.

Халлек был не готов следовать этой мысли и уже открыл было рот, чтобы задать вопрос, но Лето остановил его, положив ему руку на плечо:

– Ни о чем не спрашивай, Гурни, а то ты, чего доброго, опять вообразишь, что я одержим Мерзостью. Нет! Пусть это произойдет, Гурни. Если ты захочешь убыстрить события, то этим только погубишь себя.

Но Халлека продолжали обуревать сомнения. Джессика предупреждала его: «Они могут быть очень лживыми, эти предрожденные. У них в запасе есть такие трюки, которые не снились простому смертному». Халлек медленно покачал головой. И Пол! О, Господи! Живой Пол вместе с этим знаком вопроса, который он породил на свет!

Фримены, окружившие их, не могли более сдерживаться. Они втиснулись между Лето и Полом, между Халлеком и Полом. В толпе раздавался хриплый шепот:

– Ты Муад'Диб? Ты воистину Муад'Диб? Это правда – то, что он говорит? Скажи нам!

– Вы должны считать меня всего лишь Проповедником, – сказал Пол, отталкивая их. – Я не могу снова быть Полом Атрейдесом или Муад'Дибом. Я более не супруг Чани и не Император.

Халлек, опасаясь, что, не найдя ответа на мучившие их вопросы, фримены поведут себя непредсказуемо, решил действовать, но его опередил сам Лето. Только теперь Гурни осознал ту ужасную перемену, которая произошла в юном Атрейдесе. Раздался не человеческий голос, а звериный рык.

– Разойдитесь в стороны! – Лето двинулся вперед, разбрасывая направо и налево рослых сильных фрименов. Он бил их по головам кулаками и вырывал из их рук ножи, хватая их за лезвия.

Меньше, чем через минуту, те фримены, которые еще стояли на ногах, снова прижались к стене, оцепенев от страха.

Лето встал рядом с отцом:

– Повинуйтесь, когда с вами говорит Шаи-Хулуд!

Когда несколько фрименов попытались затеять с ним спор, он отломил от каменной стены огромный кусок и руками превратил его в крошку. При этом с губ его не сходила безмятежная улыбка.

– Я сравняю ваш сиетч с землей, – сказал он.

– Это Демон Пустыни, – прошептал кто-то.

– Да, и я разрушу ваши каналы, – согласился Лето. – Я уничтожу их. Нас здесь не было, вы поняли?

Все головы в ужасе склонились долу.

– Никто из вас не видел нас здесь, – продолжал Лето. – Одно слово, и я вернусь, чтобы выгнать вас в Пустыню без капли воды.

Халлек увидел, как несколько рук изобразили знак червя, – это предохраняло от нечистой силы.

– Сейчас мы уйдем – я, мой отец и наш старый друг, – сказал Лето. – Приготовьте нам орнитоптер.

Лето доставил их в Шулох, объяснив по дороге, что надо спешить, ибо скоро на Арракис прибудет Фарад'н. «И вот тогда, как сказал мой отец, ты увидишь, что такое настоящее испытание, Гурни».

Глядя вниз со скалы на Шулох, Гурни в который уж раз задавал себе один и тот же вопрос: «Что же это за испытание? Что все это значит?»

Но Лето уже не было в Шулохе, а Пол отказался отвечать на этот вопрос.

* * *

Церковь и государство, научное познание и вера, индивидуальное и общее, непрерывный прогресс и традиции – все это согласуется с учением Муад'Диба. Он учил нас, что непримиримые противоречия существуют только в убеждениях человека. Каждый может отбросить завесу Времени. Вы можете открыть будущее в прошлом или в своем воображении. Поступая так, вы вновь обретаете свое сознание во внутреннем бытие. Тогда только вы начинаете понимать, что Вселенная – это связное целое и вы – неотъемлемая его часть.

«Арракинский Проповедник» Харк аль-Ада

Ганима сидела далеко от круга света, который отбрасывала лампа с пряным маслом и внимательно наблюдала за Буэром Аргавесом. Ей не нравилось его круглое лицо, суетливо-подвижные брови и постоянные движения ногами – было такое впечатление, что Буэр постоянно танцует под музыку, которую он слышит у себя в голове.

«Он приехал сюда вовсе не для переговоров со Стилом», – сказала себе Ганима, видя подтверждение своей правоты в каждом слове и каждом движении этого человека. Она еще дальше отодвинулась от круга, в котором заседал Совет.

В каждом сиетче было подобное помещение, но этот зал неприятно поражал Ганиму своей обширностью при очень низком потолке. Шестьдесят человек из группы Стилгара и девять человек, прибывших с Аргавесом, занимали всего лишь один угол этого зала. Масляные лампы отбрасывали пляшущие тени на низкие потолочные балки. Такие же тени плясали и на стенах, едкий дым заполнял все помещение.

Встреча началась в сумерки после молитвы о влаге и вечерней еды. Совет продолжался уже в течение часа, но Ганима до сих пор не смогла определить, в чем заключаются скрытый смысл представления, которое устраивал здесь Аргавес. Слова казались вполне разумными и ясными, но движения и бегающие глаза не соответствовали этой ясности.

В этот момент говорил Аргавес, отвечая на вопрос, заданный лейтенантом Стилгара, племянницей Гары по имени

Раджия. У Раджии было аскетическое лицо и опущенные уголки рта, что как нельзя больше соответствовало обстоятельствам.

– Я определенно полагаю, что Алия дарует полное прощение всем вам, – сказал Аргавес. – В противном случае я бы не приехал сюда со своей миссией.

Стилгар вмешался в разговор, перебив Раджию, которая хотела было задать еще один вопрос.

– Я не так сильно тревожусь из-за того, доверяем ли ей мы, сколько из-за того, доверяет ли она тебе. – По голосу Стилгара чувствовалось, что он что-то недоговаривает. Скорее всего он не слишком-то уютно чувствовал себя от того, что ему предлагают вернуть его прежний статус.

– Не имеет никакого значения, доверяет ли она мне, – сказал Аргавес. – Если быть честным, то думаю, что нет. Я слишком долго и безрезультатно искал вас. Но я всегда чувствовал, что она не слишком стремится захватить тебя в плен. Она была...

– Она была женой человека, которого я убил, – сказал Стилгар. – Клянусь тебе, что он сам напросился на это. Все было так, словно он сам бросился на нож. Но это новое отношение отдает...

Аргавес вскочил на ноги, не скрывая гнева и досады.

– Она прощает тебя! Сколько раз я должен это повторять? Она устроила грандиозное шоу, вопрошая Священство о божественном провидении...

– Ты затронул совершенно другую тему, – заговорила Ирулан. Ее белокурые волосы резко контрастировали с черными, как смоль, локонами Раджии. – Она убедила тебя, но в действительности у нее могут быть совсем другие планы.

– Священство...

– Кроме того, ходят слухи, – перебила его Ирулан, – что ты не просто военный советник Алии, но и...

– Довольно! – вскричал Аргавес вне себя от ярости. Рука потянулась к ножу. Злость была настолько сильна, что у Буэра судорожно исказилось лицо. – Думайте что хотите, но я

больше не стану иметь дело с этой женщиной! Она меня дурачит! Я опорочен. Но я никогда не поднимал нож на своих. Все – с меня хватит!

Наблюдая эту сцену, Ганима подумала: Сейчас, по крайней мере, он был искренен.

Всем на удивление Стилгар разразился смехом.

– Ах, кузен! – сказал он. – Прости меня, но в гневе ты сказал правду.

– Так ты согласен?

– Этого я еще не сказал, – произнес Стилгар и поднял руку, видя, что Аргавес снова готов вспыхнуть. – Я делаю это не только для себя, Буэр, но и для других. – Он обвел взглядом присутствующих. – Я отвечаю за всех них. Давай обсудим репарации, которые предлагает Алия.

– Репарации? О репарациях не было речи. Прости, но не...

– Но что она предлагает в качестве гарантий?

– Сиетч Табр, сан наиба, полную автономию за нейтралитет. Она понимает, как сейчас...

– Я не вернусь в ее свиту и не стану поставлять ей воинов, – предупредил Стилгар. – Надеюсь, это понятно?

Ганима поняла, что Стилгар ослабил сопротивление. Нет, Стил, нет!

– В этом нет никакой необходимости, – сказал Аргавес. – Алия хочет лишь, чтобы ты вернул Ганиму для проведения запланированного обручения, которое...

– Вот, значит, как, – Стилгар сдвинул брови. – Цена моего прощения – Ганима. Она что, думает, я...

– Она думает, что ты достаточно понятлив, – сказал Аргавес и сел на свое место.

Ганима возликовала. Он не сделает этого. Можешь успокоиться. Он не сделает этого.

В этот момент Ганима услышала сзади какой-то шорох. Она не успела обернуться, как почувствовала, что ее схватили сильные мужские руки. В ту же секунду на лицо легла губка, пропитанная сильным снотворным. Теряя сознание, Ганима ощущала, как ее несут к самому темному выходу из

зала. Я должна была это предвидеть! Я могла приготовиться! Руки, державшие ее, отличались просто нечеловеческой силой. Из такой хватки не вырваться.

Последнее, что ощутила Ганима, – это блеск звезд и холод ночного воздуха. Над ней склонилась голова в капюшоне.

– Она не ранена?

Перед глазами девочки закружились сверкающие звезды, и ответ утонул в их вращении. Вспыхнул яркий свет, и Ганима провалилась в небытие.

* * *

Муад'Диб дал нам особый род знания о пророческом прозрении, о поведении, сопровождающем такое прозрение, и его влиянии на события, которые пророк видит в данный момент. (Это касается событий, которые в определенной последовательности возникают перед взором пророка и интерпретируются им.) Как уже было неоднократно указано в других местах, такое прозрение являет собой особого рода ловушку для самого пророка. Он может стать жертвой того, что знает, – такие неудачи вообще свойственны человеку. Опасность заключается в том, что тот, кто предсказывает реальное событие, может просмотреть поляризующий эффект вследствие излишней уверенности в своей правоте. Пророки склонны забывать, что ничто в поляризованной Вселенной не может существовать без своей противоположности.

«Видение предзнания» Харк аль-Ада

Взметенный над горизонтом песок, словно туман, закрывал восходящее солнце. В тени дюн песок был холоден. Лето стоял за границей пальмиры и оглядывал Пустыню. Он вдыхал запах пыли и аромат колючих растений, слушал голоса работающих людей и прячущихся в песке животных. В этих местах фримены не строили оросительных каналов. У местных племен были участки, вручную засаженные некоторыми растениями, воду для полива которых женщины носили в кожаных бурдюках. Ветряные ловушки были примитивны и легко выходили из строя при песчаных бурях, но

зато их было легко восстанавливать. Трудности, тяжелый промысел Прянности и дух приключений определяли стиль жизни здешних обитателей. Эти фримены еще верили, что небо – это порождение текущей воды, но они ценили древнее понятие свободы, которое разделял с ними и Лето.

Свобода – очень одинокое состояние, – подумал Лето.

Лето поправил складки белой одежды, скрывавшей его живой защитный костюм. Он постоянно чувствовал, что оболочка из песчаных форелей изменила его природу и, как всегда, бывает в

подобных случаях, испытывал ощущение утраты. Он не был больше в полном смысле слова человеком. В его крови появились необычные вещества. Реснички песчаной форели проникли во все органы, приспособились к новым условиям, изменили свою природу. Но не только: песчаная форель и сама изменяла природу Лето, приспосабливая ее для своих нужд. Лето, зная все это, чувствовал, как он рвет старые нити своей потерянной человеческой сути. Жизнь его попала в капкан мучений, вызванных разрушением древней цельности. Он знал муки этой ловушки, когда человек поддается своим эмоциям. Он очень хорошо это знал.

Пусть будущее приходит само собой, думал он. Единственным правилом, руководящим созиданием, является само созидание.

Было очень трудно оторвать взгляд от песков, от вечной и величественной пустоты этих просторов, от дюн. Здесь, на краю Пустыни, лежали несколько камней, но они уводили воображение навстречу ветрам, пыли, редким одиноким растениям и животным, дюнам, переходящим в дюны, и Пустыням, переходящим в Пустыни.

Сзади раздались звуки флейты, игравшей утреннюю молитву о влаге. Эту молитву видоизменили, и теперь это была серенада новому Шаи-Хулуду. Песня навевала чувство вечного одиночества.

Сейчас я могу взять и уйти в Пустыню, – подумал он.

Тогда для него все изменится. Любое направление так же хорошо, как и другое. Лето уже научился жить свободно от одержимости. Он очистил фрименскую мистику до страшной ясности и откровенности: все, что он брал, было необходимо, но брал он только необходимое. Единственной его одеждой была белая накидка, в складках которой он прятал кольцо Атрейдесов, и кожа, которая не была его природной кожей.

Как легко было бы уйти отсюда.

Внимание Лето привлекло какое-то движение в небе. Он узнал зазубренные крылья грифа. Вид этой птицы наполнил

его грудь печалью. Так же, как дикие фримены, грифы жили на этой земле, потому что родились здесь. Они не знали другой земли, лучшей, чем эта. Пустыня сделала их такими, каковы они есть.

За время правления Муад'Диба и Алии выросло совсем иное поколение фрименов. И в этом была одна из причин того, что Лето не мог позволить себе удалиться в Пустыню, как это сделал некогда его отец. Лето вспомнил сказанные когда-то слова Айдахо: «Ох, уж эти фримены! Они величественно живые. Я никогда не видел жадного фримена».

Теперь на планете таких фрименов было великое множество.

Лето затопила волна грусти. Он взялся изменить все это, но ужасной ценой. Идти этим курсом становилось все труднее по мере приближения к водовороту.

Крализек, Тайфунная Битва, лежал впереди... Но Крализек или нечто худшее могло быть только следствием какого-то неверного шага.

Сзади раздались голоса, и звонкий детский голос воскликнул:

– Вот он!

Лето обернулся.

Из пальмиры по направлению к нему шел Проповедник, ведомый ребенком.

Почему я до сих пор даже в мыслях называю его Проповедником? – удивился Лето.

Ответ лежал на самой поверхности сознания. Потому что он больше не Муад'Диб и не Пол Атрейдес. Пустыня сделала его тем, кем он стал. Пустыня и шакалы Якуруту, кормившие его Пряностью и постоянно предававшие. Проповедник состарился до срока не вопреки Пряности, а благодаря ей.

– Мне сказали, что ты хочешь меня видеть, – сказал Проповедник, когда маленький поводырь остановился.

Лето посмотрел на ребенка пальмиры – человечка ростом с него самого в глазах ребенка был благоговейный страх, смешанный с жадным любопытством. Темные глаза

поблескивали над верхним краем маски защитного костюма.

Лето махнул рукой:

– Оставь нас.

В движении плеч ребенка отразился неосознанный протест – это был маленький, но прирожденный фримен, но у этого народа очень развито чувство уважения к чужим тайнам. Мальчик ушел.

– Ты знаешь, что Фарад'н здесь, на Арракисе? – спросил Лето.

– Гурни прилетел прошлой ночью. Он рассказал мне об этом.

Проповедник подумал: Как холодно взвешенны его слова. Он такой же, каким был я в старые дни.

– Передо мной очень трудный выбор, – сказал Лето.

– Я думал, что ты перебрал уже все возможные выборы.

– Мы оба знаем о той ловушке, отец.

Проповедник откашлялся. Напряжение в голосе Лето сказало ему, насколько близко они подошли к опасной черте. В любую минуту мог разразиться кризис. Теперь Лето нельзя полагаться на чистое видение, ему придется управлять своими видениями.

– Тебе нужна моя помощь? – спросил Проповедник.

– Да, я возвращаюсь в Арракин. Ты отправишься со мной – твоим поводырем стану я сам.

– С какой целью ты идешь туда?

– Сможешь ли ты еще раз проповедовать в Арракине?

– Возможно. Есть вещи, которые я им еще не говорил.

– Ты больше не вернешься в Пустыню, отец.

– Если пойду с тобой?

– Да.

– Я сделаю то, что ты решишь.

– Ты все обдумал? Если там Фарад'н, то с ним твоя мать.

– В этом я не сомневаюсь.

Проповедник еще раз откашлялся, выдав волнение, которого никогда не испытывал прежний Муад'Диб. Он

слишком давно отвык от сурового режима самодисциплины, его сознание слишком часто впадало в безумие пряного транса во время пребывания в Якуруту. Кроме того, Проповедник считал, что с его стороны было бы неразумно возвращаться в Арракин.

– Ты можешь отказаться и не идти в Арракин со мной, – сказал Лето. – Но там моя сестра, и я должен быть там. Ты же можешь идти с Гурни.

– И ты пойдешь в Арракин один?

– Да, я должен увидеть Фарад'на.

– Я пойду с тобой, – тяжело вздохнул Проповедник.

Лето, почувствовав былое бешенство видения в поведении Проповедника, задумался: Играл ли он в игры с предзнанием? Нет. Он никогда не стал бы повторять этот путь. Он знает о ловушке частичного знания. Каждое слово Проповедника говорило о том, что он окончательно передал видения своему сыну, зная, что все предопределено в этой Вселенной.

Теперь старая полярность насмехалась над Проповедником. Он впадал из одного парадокса в другой.

– Ну что ж, тогда мы отправимся через несколько минут, – сказал Лето. – Ты не хочешь поговорить с Гурни?

– Разве он не пойдет с нами?

– Я хочу, чтобы Гурни выжил.

Все чувства Проповедника открылись царившему вокруг напряжению. Оно висело в воздухе, оно было в песке под ногами, оно витало над его сыном, который никогда не был ребенком. Дикий крик старых видений застрял в горле Проповедника.

Будь проклята эта святость!

Нельзя избежать чаши шершавого, как песок, страха. Он знал, что ждет их в Арракине. Они с Лето начнут игру со смертельными и ужасными силами, которые никогда не дадут им покоя.

* * *

Ребенок, отказывающийся беспрекословно повиноваться отцу, – это символ уникальной способности человека. «Я не должен быть таким, каким был мой отец. Я не должен следовать правилам моего отца и даже верить в то, во что верил он. Сила моего человеческого духа заключается в том, что я могу сам решать, во что мне верить, а во что – нет; кем быть и кем не быть».

«Жизнеописание Лето Атрейдеса II» Харк аль-Ада

Женщины-паломницы с непокрытыми головами, в вызывающе открытых одеждах, звеня браслетами, танцевали под флейту и барабан на площади перед храмом. Длинные черные волосы развевались при каждом резком движении, то падая на лицо, то рассыпаясь по плечам.

Алия наблюдала это отталкивающее и одновременно притягательное зрелище с башни храма. Был утренний час, с лотков торговцев, стоявших по краям площади под сводами арок, доносился аромат кофе с Пряностью. Скоро надо будет идти приветствовать Фарад'на. Подносить дары и устраивать его первую встречу с Ганимой.

Все пока шло по плану. Гани убьет Фарад'на, а потом... Потом будет только один человек, который сумеет собрать все осколки. Куклы танцуют, если кто-то один дергает за веревочки. Как Алия и надеялась, Стилгар убил Аргавеса, а сам Аргавес привел в джедиду похитителей, не зная об этом. Радиомаяк был спрятан в ботинках, которые Алия подарила Буэру при их последней встрече. Стилгар и Ирулан ждут своей участи в темнице храма. Возможно, их придется убить, но, кто знает, может быть, они пригодятся и для других целей. С этим можно повременить.

Алия заметила, что городские фримены наблюдали за танцовщицами с неослабным, напряженным вниманием. Равенство полов, характерное для фременов Пустыни, привилось и в городах, хотя социальное неравенство мужчин и женщин давало себя знать. Это тоже было частью плана. Разделять – и тем ослаблять. Алия хорошо видела, как

изменяется настроение двух фрименов, следивших за экзотическим танцем.

Пусть смотрят. Пусть их ум наполнит гофла.

Жалюзи окон были открыты, и Алия чувствовала, как усиливается жара. В это время года вообще очень знойно, а после полудня жара станет просто нестерпимой. На площади температура еще выше, но женщины продолжали плясать, самозабвенно дергаясь в ритме быстрого танца, охваченные лихорадкой преданного самоотречения. Танец был посвящен Алие, Чреву Небес. Об этом Алие сообщил адъютант, смеясь при этом над инопланетянками, которые прибыли с Икса, планеты, где еще существовали остатки запрещенных наук и технологий.

Алия фыркнула. Эти женщины так же невежественны, так же суеверны и так же неразвиты, как фримены Пустыни... Так об этом сказал и адъютант, надеявшийся заслужить милость Алии, сообщив ей о цели танцующих. Но ни адъютант, ни сами иксианки не знали, что в одном древнем языке буквой «икс» обозначали некоторое неопределенное число.

Алия мысленно рассмеялась. Пусть себе танцуют. На пляску уходит энергия, которую можно использовать в более деструктивных целях. Музыка, кстати говоря, была очень приятной – стук барабанов на фоне нежного напева тимпанов. Толпа хлопала в ладоши в такт мелодии.

Внезапно музыка потонула в реве толпы. Танцующие сбились с ритма, оправились, но прежнего задора в их движениях уже не было. Внимание самих танцовщиц было приковано к дальнему краю площади, откуда, словно волна, двигалась густая толпа, готовая затопить все пространство площади.

Алия внимательно всмотрелась в толпу.

Вот до нее донесся одинокий вскрик:

– Проповедник! Проповедник!

В ту же секунду Алия увидела его – он шел в первых рядах толпы, держась за плечо своего юного поводыря.

Танцовщицы быстро ретировались на ступени террасы храма. Зрители устремились за ними, и на их лицах Алия увидела ужас. Она и сама почувствовала страх.

Как он осмелился?!

Она уже отвернулась от окна, чтобы вызвать гвардейцев, но потом остановилась. Толпа уже запрудила площадь. Могут произойти беспорядки, если помешать этим людям слушать откровения слепца.

Алия сжала кулаки.

Проповедник! Зачем Пол это делает? Для половины народа он – Пустынный безумец, и, следовательно, святой. Другая половина шепчется на базарах о том, что это сам Муад'Диб. Только поэтому махдинат позволял ему произносить перед толпами свои гневные еретические речи.

В толпе были видны беженцы, люди из опустевших, заброшенных сиетчей – их одежда представляла собой лохмотья. Это место становилось опасным, и самое главное сейчас – не наделать ошибок.

– Госпожа?

Голос раздался из-за спины Алии. Она обернулась и увидела Зию, стоявшую в дверях, ведущих во внешние апартаменты. Возле Зии выстроились гвардейцы внутренней охраны.

– Что случилось, Зия?

– Моя госпожа, Фарад'н здесь и требует аудиенции.

– Он один?

– С ним два телохранителя и госпожа Джессика.

Алия непроизвольно прижала руку к горлу, вспомнив свою последнюю стычку с матерью. Времена изменились. Теперь их отношениями правили новые обстоятельства.

– Какая пылкость, – сказала Алия, – и чем он объясняет такую напористость?

– Он слышал о... – Зия указала рукой на окно. – Говорит, что ему сказали о ваших планах.

Алия нахмурилась:

– Ты веришь в это, Зия?

– Нет, моя госпожа. Думаю, что до него просто дошли слухи. Он хочет проверить вашу реакцию.

– Это происки моей матери.

– Вполне возможно, моя госпожа.

– Зия, дорогуша, я хочу, чтобы ты сделала для меня нечто очень важное. Иди сюда.

Зия шагнула вперед:

– Слушаю, моя госпожа.

– Надо принять Фарад'на, его телохранителей и мою мать. После этого приготовьте Ганиму. Ее надо одеть, как фрименскую невесту, – с полным соблюдением ритуала.

– С ножом, моя госпожа?

– С ножом.

– Моя госпожа...

– Ганима не представляет для меня никакой опасности.

– Моя госпожа, есть основания полагать, что она бежала вместе со Стилгаром для того, чтобы защитить его, а не себя...

– Зия!

– Да, моя госпожа?

– Ганима уже просила за жизнь Стилгара, и как видишь, он до сих пор жив.

– Но ведь она – предполагаемая наследница престола!

– Выполняй приказ! Приготовь Ганиму. Пока ее будут одевать, пошли пятерых священников на площадь. Пусть они пригласят сюда Проповедника. Пусть они подождут удобного момента и поговорят с ним – больше от них ничего не требуется. Силу ни в коем случае не применять. Пусть это будет вежливое приглашение. Абсолютно никакого насилия. И вот что еще, Зия...

– Слушаю, моя госпожа. – Почему она так угрюма?

– Проповедник и Ганима должны быть доставлены ко мне одновременно. Они войдут по моему сигналу. Ты поняла?

– План мне ясен, моя госпожа, но...

– Вот и выполняй его! Вместе! – напомнила Алия еще раз и кивнула головой, давая понять, что разговор окончен. Зия направилась к двери, но Алия остановила ее. – Уходя, направь сюда свиту Фарад'на, только сделай так, чтобы впереди шли десять самых надежных твоих людей.

Зия оглянулась:

– Все будет сделано, как вы приказали, моя госпожа.

Алия снова повернулась к окну и выглянула на улицу. Через каких-нибудь несколько минут план принесет свои кровавые плоды. Пол будет здесь, когда его дочь нанесет coup de grace[25] его священным претензиям. Алия слышала, как в ее комнату вошли амазонки Зии. Скоро все будет кончено. Все. Она с чувством внутреннего торжества посмотрела вниз. Проповедник занял свое место на ступени храма. Рядом с ним на корточках сидел его юный поводырь. Алия заметила слева желтые одеяния священников, немного оттесненных толпой. Ничего, священники умеют управляться с массами людей. Ее священники найдут способ приблизиться к своей цели. Голос Проповедника гремел над площадью, толпа ловила каждое его слово с жутким вниманием. Пусть слушают! Скоро его слова будут противоречить его же собственным намерениям, и не будет другого Проповедника, который смог бы его опровергнуть.

Алия услышала, как в дверь вошла свита Фарад'на и раздался голос Джессики:

– Алия?

Она не стала немедленно оборачиваться:

– Добро пожаловать, принц Фарад'н, мама. Подойдите и насладитесь зрелищем. – Она оглянулась, увидела рослого сардаукара, Тиеканика, который хмуро смотрел на амазонок, оттеснивших его от принца. – Это негостеприимно. Пусть они подойдут, – приказала Алия.

---

[25] смертельный удар, избавляющий от страданий, «удар милости» (фр.).

Двое из амазонок, очевидно, действуя по приказу Зии, подошли к Алие и встали между нею и остальными. Другие гвардейцы посторонились и встали у стен.

Алия повернулась спиной к окну:

– Отсюда действительно все очень хорошо видно.

Джессика, одетая в свою обычную черную абу, негодующе посмотрела на Алию, подвела Фарад'на к окну, но осталась стоять между ним и охраной.

– Это очень любезно с вашей стороны, госпожа Алия, – сказал Фарад'н. – Я очень много слышал о вашем Проповеднике.

– И вот он перед вами во плоти, – отозвалась Алия. На Фарад'не была одета серая, без украшений, форма полковника сардаукаров. Двигался он с грацией поджарого животного, и это восхитило Алию. Видимо, в этом принце Коррино можно найти кое-что, кроме праздной забавы.

Голос Проповедника между тем гремел в комнате, усиленный динамиками, вмонтированными в стены возле окна. Алия почувствовала, как эти звуки сотрясают ей кости, и начала, словно зачарованная, слушать речь Проповедника.

– Я очутился в Пустыне Зан, – возглашал Проповедник, – в этом просторе, полном воющей дикости. И Бог повелел мне очистить это место, ибо были мы приведены в Пустыню и горевали в ней, и были искушены дикостью, чтобы отказаться от путей своих.

Пустыня Зан, – подумала Алия. – То было имя, данное месту, где происходил первый суд над странниками Дзенсунни, от которых ведут свой род фримены. Но его слова! Он берет на себя ответственность за разрушение сиетчей лояльных племен?

– Дикий зверь лежит на твоих землях, – продолжал вещать Проповедник, и голос его мощно гремел над площадью. – Скорбящие создания заполонили ваши дома. Вы, кто бежал из своих домов, не умножите больше дни свои на песке. Да, вы, которые пренебрегли путем вашим, вы умрете

в этом мерзком гнездилище, если будете упорствовать в новом пути своем. Но если вы внемете моим словам, то Бог проведет вас по земле к Горе Своей. Да, Шаи-Хулуд поведет вас.

Над толпой пронесся тихий стон. Проповедник сделал паузу и пустыми глазницами оглядел собравшихся. Потом он простер кверху руки и возгласил:

– О Боже, моя плоть стремится к Тебе по сухой и жаждущей земле!

Старуха, стоявшая перед Проповедником, – судя по рваной одежде и потухшему взгляду, это была беженка, – воздела вверх руки и заголосила:

– Помоги нам, Муад'Диб! Помоги нам!

Внезапный страх стиснул грудь Алие. Неужели эта старуха знает? Алия украдкой взглянула на Джессику, но мать в это время делила свое внимание между охранниками Алии, Фарад'ном и видом из окна. Фарад'н слушал Проповедника, как зачарованный.

Алия выглянула в окно, стараясь рассмотреть своих храмовых священников. Их не было видно, и она подумала, что они сейчас пробираются к дверям храма, чтобы потом спуститься на ступеньки.

Проповедник возложил правую руку на голову старухи и громко заговорил:

– Вы – единственное оставшееся нам упование! Вы восстали. Вы принесли с собой иссушающий ветер, который не очищает и не приносит прохлады. Вы несете на себе гнет нашей Пустыни, но грядет вихрь из того места, из той ужасной земли. Я был в той глуши. Вода вытекает в песок из разрушенных каналов. Потоки пересекают Пустыню. Вода пала с небес на Пояс Дюн! О друзья мои, Бог повелевает мною! Выпрямите путь нашему Господу в Пустыне, ибо я есмь глас, вещающий вам из Пустыни.

Он указал на ступени у себя под ногами негнущимися дрожащими пальцами.

– Но это не утраченная джедида, которую навсегда покинули ее обитатели! Здесь ели мы хлеб небесный. И отсюда суета чужестранцев увела нас от домов наших. Они уготовили нам отчуждение, землю, на которой никто не живет и по которой не ступает нога мужа.

Толпа зашевелилась, беженцы и городские фримены начали озираться, выискивая в толпе инопланетных паломников хаджа.

Он может спровоцировать кровавые беспорядки! – подумала Алия. – Ничего, пусть. Мои священники схватят его в суматохе.

В этот момент Алия увидела пятерых священников в желтых одеждах, стоявших на ступенях позади Проповедника.

– Вода, которую мы разлили по Пустыне, превратилась в кровь, – провозгласил Проповедник, широко разведя руки. – Кровь покрыла нашу землю! Берегитесь Пустыни, которая может цвести и плодоносить; она привлекла чужестранца и заманила его в нашу среду. Они пришли для насилия! Их лица закрыты перед последним ветром Крализека! Они отобрали пленяющую силу песка. Они выпили его богатство, уничтожили бесценное сокровище его глубин. Берегитесь их, когда они принимаются за свою разрушительную работу, ибо сказано: «И я стоял на песке и видел зверя, поднимающегося из песка, и на голове этого зверя было Имя Божье!»

По толпе начал разливаться гнев. Люди начали потрясать сжатыми кулаками.

– Что он делает? – прошептал Фарад’н.

– Я и сама хотела бы это знать, – ответила Алия. Она прижала руки к груди, чувствуя смешанное со страхом волнение. Сейчас толпа кинется на пилигримов, если он продолжит в том же духе!

Но в этот миг Проповедник обернулся, направив свои пустые глазницы на храм, и указал рукой на башню Алии.

– Остается только одна богохульница! – страшным голосом закричал он. – И имя этой богохульницы – Алия!

Над площадью повисла мертвая, леденящая душу тишина.

Алия стояла, охваченная цепенящим ужасом. Она понимала, что толпа не может ее видеть, но ею овладело чувство собственной уязвимости, открытости. Успокаивающие голоса, раздававшиеся в ее мозгу, не могли утишить стук сердца. Она могла только стоять и смотреть на неправдоподобную сцену, разыгравшуюся внизу. Проповедник по-прежнему указывал рукой на ее окно.

Однако его слова переполнили чашу терпения священников. Они нарушили тишину неистовыми гневными криками и устремились вниз по ступеням, оттесняя толпу. Но люди, отступая перед бешеным напором, уводили за собой Проповедника. Он спотыкался, не видя дороги. Поводыря оттеснили в сторону, и Алия перестала его видеть. Из толпы появилась рука с кинжалом и нанесла удар. Лезвие погрузилось в грудь Проповедника.

Алия очнулась от шока, услышав громоподобный стук закрываемых храмовых ворот. Гвардейцы закрыли ворота, опасаясь, что толпа ворвется в храм. Но люди отхлынули от входа, оставив на лестнице распростертое мертвое тело. Над площадью царило зловещее спокойствие.

Внезапно над толпой раздался пронзительный голос.

– Муад'Диб! Они убили Муад'Диба!

– Боже, – прошептала Алия. – Боже.

– Не поздно ли призывать Бога? – спросила Джессика.

Алия резко повернулась и первым делом заметила ошарашенного Фарад'на – он увидел перекошенное злобой лицо Алии.

– Это убили Пола! – закричала Алия. – Твоего сына! Ты знаешь, что будет, когда они в этом удостоверятся?

Джессика оцепенела. Дочь сказала ей то, что она подспудно знала уже давно. Рука Фарад'на, поддерживавшего Джессику, дрогнула.

– Моя госпожа, – сказал он, и в его голосе было такое сочувствие, что Джессике показалось, что она сейчас умрет от этого сострадания. Она перевела взгляд с искаженного холодной яростью лица Алии на полное неподдельного горя лицо Фарад'на и подумала: «Я, кажется, слишком хорошо сделала свою работу».

У Джессики не было никаких сомнений в истинности слов Алии. Джессика вспомнила интонации голоса Проповедника, в котором она слышала свой собственный голос, вспомнила она и те годы, когда обучала искусству правления молодого человека, которому предстояло стать императором и который лежал теперь на ступенях храма в луже застывающей крови.

Гафла ослепила меня, – подумала Джессика.

Алия подала знак одной из амазонок:

– Введи сюда Ганиму.

Джессика с трудом поняла смысл слов дочери. Ганима? Зачем здесь Ганима?

Женщина направилась было к двери, но в этот момент она сорвалась с петель и со страшным грохотом упала на пол, вырвав из стены, способной выдержать любой удар, огромный кусок пластиковой стали. Охранники схватились за оружие. Телохранители и Джессика прикрыли принца Коррино.

Однако в образовавшемся проломе показались лишь двое детей. Слева Ганима в черном платье невесты, справа Лето в сером блестящем защитном костюме, поверх которого была надета белая, запятнанная Пустыней одежда.

Алия переводила взгляд с выломанной двери на детей и обратно. Ее била страшная дрожь, с которой она ничего не могла поделать.

– Вся семья собралась, чтобы приветствовать нас, – сказал Лето. – Бабушка, – он кивнул Джессике и взглянул на принца Коррино. – А это, должно быть, принц Фарад'н. Добро пожаловать на Арракис, принц.

Ганима смотрела на все происходящее совершенно пустыми глазами. Правая рука лежала на рукоятке церемониального кинжала, по всему было видно, что девочка хочет освободиться от хватки Лето, который держал ее за плечо. Стоило Лето двинуть ее рукой, как сотряслось все тело Ганимы.

– Смотрите на меня, семья, я – Прий, Лев Атрейдесов, а это – он снова встряхнул руку Ганимы, отчего опять дернулось все ее тело, при этом движения Лето были легки и непринужденны, – Арие, Львица Атрейдесов. Мы пришли наставить вас на Сехер Нбив, Золотой Путь.

Ганима восприняла ключевую фразу, Сехер Нбив, и в ее запертый до того ум хлынул поток освобожденного сознания. На пороге сознания стояла ее мать, следившая за тем, чтобы поток не захлестнул дочь. В этот миг Ганима поняла, что у нее очень богатое прошлое. У нее были ворота, сквозь которые она могла всегда заглянуть в прошлое. В течение тех месяцев, что она находилась под воздействием гипнотического самовнушения, в ее мозгу функционировал один участок, помогавший управлять движениями плоти. Глядя на Лето, она теперь требовала объяснений о том, что происходит, потому что сознавала, где она и кто стоит рядом с ней.

Лето отпустил ее руку.

– Наш план сработал? – прошептала Ганима.

– Да, и довольно неплохо, – ответил Лето.

Оправившись от потрясения, Алия приказала своим людям:

– Хватайте их!

Но Лето наклонился, схватил одной рукой лежавшую на полу дверь и швырнул ее в охрану. Двое были пригвождены к стене, остальные в ужасе отпрянули назад. Дверь весила не меньше полутонны и бросил ее сущий ребенок.

Алия, осознав, что коридор завален убитыми гвардейцами, поняла, что это именно он выломал дверь и сломал стену.

Джессика сделала те же выводы, но слова Ганимы затронули дисциплину, заложенную в Преподобной Матери сестрами Бене Гессерит. Джессика быстро собралась с силами. Внучка что-то сказала о каком-то плане.

– Что это за план? – спросила она.

– Золотой Путь, имперский план для нашей Империи, – ответил Лето. Он кивнул Фарад'ну.

– Не думай обо мне плохо, кузен. Я действую так и во имя тебя. Алия надеялась, что Ганима убьет тебя. Я бы предпочел, чтобы ты жил, и жил по возможности счастливо.

Алия дико крикнула гвардейцам, попрятавшимся в проходе:

– Я же приказала вам схватить их!

Но люди не желали входить в комнату.

– Подожди меня здесь, сестра, – сказал Лето. – Мне надо сделать кое-какую грязную работу.

Сказав это, он пересек помещение и направился к Алие.

Она отпрыгнула в угол, присела и обнажила кинжал – сверкнули зеленые изумруды, которыми была инкрустирована рукоятка.

Лето как ни в чем не бывало продолжал идти к ней с пустыми руками, только слегка подобравшись.

Алия бросилась на племянника с ножом.

Лето, подпрыгнув чуть ли не до потолка, ударил Алию левой ногой. Удар пришелся в голову, оставив кровавую отметину на лбу женщины. Алия выронила нож, и он покатился по полу. Алия бросилась за ним, но Лето встал на ее пути.

Алия в нерешительности остановилась, припоминая все, чему учили ее в Бене Гессерит. Она поднялась с пола, тело ее было расслабленным, но готовым к бою.

Лето опять двинулся на нее.

Алия сделала обманное движение влево, приподняла правое плечо и, выбросив вперед правую ногу, нанесла удар пальцами ноги. Этот удар был бы способен выпустить кишки взрослому мужчине, если бы попал в цель.

Лето отвел удар рукой. Схватил тетку за ногу и принялся со страшной скоростью вращать Алию в воздухе. Скорость была так велика, что слышался свист платья.

Все остальные попадали на пол.

Алия кричала, не переставая, но Лето продолжал вращать ее. Мало-помалу крики затихли.

Лето медленно уменьшил скорость вращения и осторожно опустил Алию на пол. Она лежала, свернувшись в комок, и тяжело дышала.

Лето склонился над ней.

– Я мог бы проломить тобой стену, – сказал он. – Возможно, для тебя это был бы лучший выход, но борьба продолжается. Ты заслужила использовать свой шанс.

Алия дико поводила глазами из стороны в сторону.

– Я победил свои внутренние жизни, – сказал Лето. – Посмотри на Гани. Она тоже может сказать...

Ганима перебила брата:

– Алия, я могу показать тебе...

– Нет! – Это слово было словно выдавлено из Алии помимо ее воли. Грудь ее тяжко вздымалась, изо рта начали вещать разные голоса. Они были бессвязны, ругань перемежалась с мольбами.

– Смотрите! Почему вы не слушали? – И снова: – Зачем вы это делаете? Что происходит?

Зазвучал еще один голос:

– Остановите их! Пусть они остановятся!

Джессика закрыла глаза, чувствуя, что Фарад'н крепко держит ее за локоть.

Алия же продолжала неистовствовать:

– Я убью вас!

С ее уст срывались непристойные ругательства:

– Я выпью вашу кровь!

Слова разных языков сливались, образуя невнятную какофонию непонятных звуков.

Сгрудившиеся в проходе охранники в ужасе складывали пальцы в знак червя против порчи и нечистой силы. Алия была одержима!

Лето остановился и покачал головой. Потом подошел к окну и тремя ударами выбил стекло, которое не могло разбить, казалось бы, ничто на свете.

На лице Алии появилось лукавое выражение. Джессика услышала какую-то пародию на Голос Бене Гессерит.

– Эй, вы все! Стойте, где стоите!

Джессика открыла глаза и опустила мокрые от слез руки.

Алия перекатилась на колени и вскочила на ноги.

– Разве вы не знаете, кто я? – спросила она. Это был ее старый голос, голос той сладостной, юной Алии, которой больше не существовало.

– Что вы на меня так смотрите? – Она повернулась к Джессике и жалобно посмотрела ей в глаза. – Мама, пусть они остановятся.

В ответ объятая страхом Джессика могла только отрицательно покачать головой. Все предупреждения старого Бене Гессерит оказались правдивыми. Она посмотрела на стоявших бок о бок возле Алии Лето и Гани. Но что значили эти предупреждения для бедных близнецов?

– Бабушка, – сказал Лето, и в его голосе послышалась мольба, – мы должны провести Суд Одержимых?

– Кто ты такой, чтобы говорить о суде? – спросила Алия голосом раздраженного мужчины, властного чувственного мужчины, который умер, потакая себе во всем.

Лето и Ганима одновременно узнали этот голос. Старый барон Харконнен. Ганима услышала, как этот голос начинает звучать и в ее сознании, но мать была начеку и захлопнула внутренние ворота подсознания.

Джессика молчала.

– Тогда решение за мной, – произнес Лето, – но выбор я предоставляю тебе, Алия. Суд Одержимых или... – он кивнул головой в сторону окна.

– Кто ты такой, чтобы предоставлять мне выбор? – спросила Алия голосом старого Харконнена.

– Демон! – не выдержала Ганима. – Пусть она сама решает свою судьбу.

– Мама, – взмолилась Алия голосом маленькой девочки. – Мама, что они делают? Что они хотят от меня? Помоги мне.

– Помоги себе сама, – приказал Лето. В какой-то миг он разглядел прежнюю Алию в выражении ее глаз, но видение тотчас исчезло. Тело ее двигалось, она деревянной походкой продолжала идти, как марионетка. Она шаталась, спотыкалась, отклонялась в сторону, но неумолимо приближалась к цели – к выбитому окну.

Теперь с ее губ вновь слетали слова, выкрикиваемые бароном Харконненом.

– Остановись! Остановись, говорю! Прекрати это! Да приди же наконец в себя! – Алия схватилась за голову и шагнула к подоконнику. Голос барона продолжал вопить свое. – Не делай этого. Остановись, и я помогу тебе. Слушай, у меня есть план. Остановись, говорю! Постой!

Но Алия оторвала руки от головы, схватилась за сломанный переплет окна, встала на подоконник и спрыгнула вниз. Падая, она не издала ни единого звука.

Было слышно, как ахнула толпа внизу, и раздался резкий стук от падения тела на ступени храма.

Лето посмотрел на Джессику:

– Мы же говорили тебе: «Пожалей ее».

Джессика отвернулась и зарылась лицом в тунику Фарад'на.

* * *

Допущение того, что целостную систему можно заставить работать лучше, если воздействовать на ее сознательные, разумные элементы, выдает опасное невежество. Этот невежественный подход весьма характерен для тех, кто называет себя учеными и технологами.

«Бутлерианский джихад» Харк аль-Ада

– Он бегает по ночам, кузен, – сказала Ганима. – Он бегает. Ты не видел, как он бегает?

– Нет, – ответил Фарад'н.

Они с Ганимой ожидали аудиенции у дверей маленькой Залы Аудиенций Цитадели, где Лето назначил им встречу. В стороне стоял Тиеканик, который неловко чувствовал себя в обществе госпожи Джессики, пребывавшей последнее время в каком-то ином мире. Прошло меньше часа после утренней трапезы, но машина была уже запущена на полные обороты. Были отправлены сообщение в Гильдию и послания в ОСПЧТ и Совет Земель.

Фарад'ну было очень трудно понять этих Атрейдесов. Госпожа Джессика предупреждала его о некоторых особенностях, но реальность тем не менее озадачивала Фарад'на. Все еще говорили об обручении, хотя политические основания ее, кажется, потеряли свою силу. Лето наследует трон – в этом практически никто не сомневался. Придется, правда, для этого удалить с него живую кожу... но это может и подождать.

– Он бегает, чтобы довести себя до изнеможения, – продолжала между тем Ганима. – Он – воплощенный Крализек. Я видела, как он перелетает с дюны на дюну. Он бежит, бежит и бежит. Никакой ветер не может догнать его. Когда же он наконец устает, то возвращается и отдыхает, положив голову ко мне на колени. «Попроси нашу маму, чтобы она нашла для меня способ умереть», – просит он меня.

Фарад'н с удивлением воззрился на Ганиму. Прошла неделя после беспорядков на Храмовой площади, Убежище жило в странном ритме, какие-то таинственные люди

появлялись и исчезали; приходили тревожные сведения о боях, которые развернулись где-то за Защитным Валом. Эти истории рассказывал Тиеканик, бывший сейчас одним из военных советников.

– Я не совсем понимаю тебя, – сказал Фарад'н. – Найти для него способ умереть?

– Он просил подготовить тебя, – ответила Ганима. Уже не первый раз она поражалась невероятной наивности этого принца Коррино. Было ли это делом рук Джессики, или Фарад'н был таким от рождения?

– К чему?

– Дело в том, что Лето перестал быть человеком, – ответила Ганима. – Вчера ты спросил его, когда он собирается снять с себя живую кожу. Никогда. Теперь она – часть его, а он – часть ее. Лето подсчитал, что впереди у него около четырех тысяч лет, после этого произойдет метаморфоз, который его уничтожит.

У Фарад'на от волнения пересохло в горле.

– Ты понял, почему он бегает?

– Но если он будет жить так долго и...

– Дело в том, что его память о том, что он был человеком, очень богата. Подумай о всех тех жизнях, которые живут в нем. Ты не можешь этого представить, потому что не испытал сам. Но я могу представить себе его боль. Наш отец ушел в Пустыню, чтобы избежать этой боли. Алия предалась Мерзости из страха перед этой способностью. У нашей бабушки было только зачаточное проявление этого состояния, но и то ей приходится применять все ухищрения Бене Гессерит, чтобы выжить, – вот зачем она каждый день тренируется по программе Преподобной Матери. Но Лето! Он единственный и неповторимый, у него никогда не будет двойника.

Фарад'н был изумлен до немоты словами Ганимы. Император на четыре тысячи лет?

– Джессика знает, – сказала Ганима и взглянула на бабушку. – Он сказал ей об этом прошлой ночью. Он назвал

себя самым дальновидным человеком, который когда-либо в истории планировал жизнь людей.

– И что же он… планирует?

– Золотой Путь. Он сам объяснит тебе, что это значит.

– Он отводит мне какую-то роль в этом… плане?

– Роль моего спутника, – ответила Ганима. – Он должен выполнить наследственную программу Общины Сестер. Я уверена, что бабушка говорила тебе о мечте Бене Гессерит – о создании Преподобного, обладающего небывалой силой. Он…

– Он имеет в виду, что мы будем просто…

– Нет, не просто. – Она взяла принца за руку и тепло, по-дружески, ее сжала. – У него много ответственных заданий для нас. Если мы не произведем на свет детей, вот так.

– Но ты еще слишком мала для этого, – заметил Фарад'н и осторожно высвободил руку.

– Никогда больше не совершай этой ошибки, – ледяным тоном сказала Ганима.

К ним подошла Джессика в сопровождении Тиеканика.

– Тиек сказал мне, что война вышла за пределы нашей планеты, – сказала она. – Осажден Центральный Храм на Биареке.

Фарад'н отметил странное спокойствие в тоне, которым было сделано это сообщение. Надо будет обсудить с Тиекаником рапорты о боевых действиях. Пламя бунта стремительно распространялось по Империи. Бунт, конечно, подавят, но Лето предстоит скорбная задача – восстанавливать Империю.

– Вот и Стилгар, – сказала Ганима. – Ждали его прихода.

Она снова взяла Фарад'на за руку.

Старый фрименский наиб вошел в зал через дальний вход в сопровождении двух своих старых боевых товарищей из бывшей Команды Смерти. Все трое были одеты в черные накидки и желтые траурные головные повязки. Они приблизились твердым шагом, но Стилгар обратил внимание

сначала на Джессику. Остановившись перед ней, он сдержанно поклонился.

– Ты все еще переживаешь за смерть Дункана Айдахо? – спросила Джессика. Ей не нравились все эти предосторожности, которые проявлял ее старый друг.

– Преподобная Мать, – сказал Стилгар.

Так все и будет! – подумала Джессика. – Станем соблюдать все формальности фрименского кодекса, но с большим трудом забудем о крови.

– По нашему мнению, ты просто сыграл роль, которую приготовил для тебя Дункан. Не в первый раз люди отдают жизнь за Атрейдесов. Почему они это делают, Стил? Ты и сам не один раз был готов это сделать. Почему? Ты просто знаешь, что дают Атрейдесы взамен? – сказала Джессика.

– Я счастлив, что вы не ищете повода для мести, – заговорил Стилгар. – Но есть вещи, которые мне надо обговорить с вашим внуком. Эти проблемы могут навсегда разделить нас с вами.

– Ты хочешь сказать, что Табр не воздаст ему императорских почестей? – спросила Ганима.

– Я хочу сказать, что буду обо всем судить сам. – Он холодно посмотрел на Ганиму. – Мне не нравится то, что происходит с моими фременами, – проворчал он. – Мы вернемся к нашим старым обычаям. Если потребуется, то без вас.

– Вероятно, вы вернетесь к своим обычаям только на время, – сказала Ганима. – Ведь Пустыня умирает, Стил. Что вы будете делать без червей и без песков?

– Я не верю в это!

– Через какие-нибудь сто лет, – сказала Ганима, – останется всего лишь пять десятков червей, да и те будут больны, и их придется содержать в специальных заповедниках. Их Пряность будет интересовать только Космическую Гильдию, а цена... – она покачала головой. – Я видела цифры Лето. Он обошел всю планету и все знает.

– Это еще одна уловка, чтобы сохранить фрименов как своих вассалов?

– Вы когда-нибудь были моими вассалами? – спросила Ганима.

Стилгар нахмурился. Что бы он ни говорил и что бы он ни сделал, эти близнецы всегда сделают его виноватым!

– Вчера он говорил мне о Золотом Пути, – выпалил Стилгар. – Мне все это не нравится!

– Странно, – сказала Ганима и посмотрела на бабку. – Почти вся Империя будет приветствовать это.

– Это погибель для всех нас, – пробормотал Стилгар.

– Но ведь все жаждут Золотого Века, – сказала Ганима. – Разве нет, бабушка?

– Все, – согласилась с внучкой Джессика.

– Они жаждут фараонова царства, которое даст им Лето, – сказала Ганима. – Они хотят тучного мира, богатых урожаев, удачной торговли и равенства всех, за исключением Золотого Правителя.

– Это будет смерть фрименов, – возразил Стилгар.

– Как ты можешь это утверждать? Разве не нужны будут нам солдаты и храбрецы для подавления случайных смут? Стил, твои и Тиеканика доблестные товарищи будут очень нужны для подобных дел.

Стилгар взглянул на офицера сардаукаров, и странный луч взаимопонимания блеснул между ними.

– Лето будет распоряжаться Пряностью, – напомнила Джессика.

– Он будет владеть ею единолично, – добавила Ганима.

Фарад'н, обладая новым сознанием, вложенным в него Джессикой, слушал разговор, понимая, что внучка и бабушка разыгрывают тщательно поставленную пьесу.

– Мир будет длиться практически вечно, – говорила Ганима. – Память о войнах исчезнет. Лето будет вести народы по этому благоухающему саду четыре тысячи лет.

Тиеканик вопросительно посмотрел на Фарад'на и откашлялся.

– Я слушаю тебя, Тиек, – сказал Фарад'н.

– Я хочу поговорить с вами наедине, мой принц.

Фарад'н улыбнулся, понимая, куда клонит эта военная косточка, и что этот вопрос могли бы задать еще два человека из присутствующих здесь.

– Я не продам своих сардаукаров, – пообещал Фарад'н.

– И в этом не будет нужды, – сказала Ганима.

– Что вы слушаете это дитя? – Тиеканик был вне себя от злости. Старый наиб понимал проблему, будучи воспитанным среди всех этих заговоров, но, кроме него, никто ничего не смыслит в создавшемся положении!

Ганима мрачно улыбнулась.

– Скажи ему, Фарад'н.

Принц вздохнул. Как легко было забыть о странностях этого ребенка, который никогда не был ребенком. Он мог теперь представить себе совместную жизнь с ней, скрытые оговорки при каждой близости. Это была не слишком приятная перспектива, но Фарад'н начинал понимать ее неизбежность. Абсолютный контроль над истощающимися запасами Пряности! Да вся населенная Вселенная остановится без нее.

– Позже, Тиек, – произнес принц.

– Но...

– Я сказал – позже! – Фарад'н впервые испытал Голос на Тиеканике, и увидел, как старый воин моргнул глазами от изумления и промолчал.

На губах Джессики появилась натянутая улыбка.

– Он говорит о мире и смерти на одном дыхании, – проворчал Стилгар. – Золотой Век!

– Он проведет человечество через культ смерти к свободе счастливой жизни! Он говорит о смерти, потому что это необходимо, Стил. Это то напряжение, с помощью которого человек понимает, что живет. Когда Империя падет... О да, она падет. Вы думаете, что это Кризис, но Кризис еще не наступил. Но когда он придет, то к тому времени люди обновят свою память тем, что поймут, что значит жить.

Память об этом будет сохраняться только на протяжении жизни каждого отдельного человека. После этого мы снова пройдем сквозь потрясения, Стил. Но мы выйдем из него, мы всегда будем возрождаться из пепла. Всегда.

Фарад'н, слыша эти слова, понял теперь, что имела в виду Ганима, когда рассказывала ему о беге Лето. Он не станет снова человеком. Однако Стилгара было не так-то легко убедить.

– У нас никогда не будет червей, – прорычал он.

– О, черви вернутся, – заверила его Ганима. – Они погибнут в течение двухсот лет, но потом вернутся.

– Но каким образом... – начал было Стилгар.

Фарад'н почувствовал, что его сознание омыло откровением. Он знал, что ответит Ганима до того, как она раскрыла рот.

– Гильдия с большим трудом переживет трудные годы, и то только благодаря своим и нашим акциям, – сказала Ганима. – Но после Крализека наступит изобилие. Черви вернутся после того, как Лето опустится в песок.

* * *

Как это бывало со многими другими религиями, Эликсир Жизни Муад'Диба выродился в чисто внешнюю ритуальную магию. Ее мистическое значение стало простым символом для глубинных психологических процессов, которые, естественно, стали неуправляемыми. Людям был нужен живой бог, но его не было, и исправить это положение смог только сын Муад'Диба.

Утверждение, приписываемое Лю Дун-пиню. Лю, «Гость пещеры»

Сидя на Троне Льва, Лето принимал почести от племен. На одну ступеньку ниже трона стояла Ганима. Церемония в Большом Зале продолжалась уже много часов. Представители фрименских племен и наибы шли бесконечной чередой, поднося дары, приличествующие богу, обладающему страшной властью, богу мести, обещавшему народам мир.

На прошлой неделе Лето склонил к повиновению все племена, собрав их судей и пройдя на их глазах тяжкие испытания, подтвердившие его божественную природу. Судьи видели, как он ходил по огню, который не оставил никаких следов на его коже – они по просьбе Лето внимательно ее осмотрели. Он велел бить его ножами, и непробиваемая кожа покрыла его лицо, когда они изо всех сил добросовестно наносили удары. На него вылили кислоту, но не добились ничего, кроме легкого дымка, поднявшегося над ним. Он пил их яды без малейшего для себя вреда.

Под конец он вызвал червя и, глядя на судей, встал у пасти зверя, оставшись невредимым. После этого Лето проследовал на взлетное поле Арракина и опрокинул фрегат Гильдии, взявшись за одну его опору.

Судьи взирали на все эти чудеса с благоговейным страхом, о котором и доложили своим племенам, после чего те изъявили покорность.

Сводчатый Большой Зал был оснащен системой поглощения звуков, но людей было настолько много, что под сводами стоял постоянный шум шаркающих ног, а в двери врывался запах Пустынной пыли и кремния.

Джессика отказалась присутствовать на церемонии и наблюдала за ней из узкого потайного окна позади трона. Ее внимание было приковано к Фарад'ну. Джессика осознавала, что и она, и принц попросту лишены свободы маневра. Естественно, Лето и Ганима предвидели, что предпримет Община Сестер! Близнецы могли советоваться с такими высокопоставленными и давно умершими чинами Бене Гессерит, которые были недоступны всем живущим в Империи.

Было особенно горько сознавать, что мифология Общины смогла стать ловушкой для Алии. Страх порождает страх! Обычаи поколений обрекли Алию на Мерзость. У Алии не было надежды, только обреченность. От осознания ее судьбы было еще горше смотреть на свершения Лето и Ганимы. Оказалось, что из капкана прошлых жизней можно вырваться двумя путями. Самым горьким было то, что

Ганима мало того, что сама одержала победу над своими внутренними призраками, но и настаивала на том, что Алия заслуживает лишь жалости. Гипнотическое подавление в условиях стресса и помощь добрых внутренних жизней спасли Ганиму от одержимости. Эти же силы могли спасти и Алию. Но никто не понадеялся на это, а когда попытка была совершена, было уже слишком поздно. Вода Алии вытекла в песок.

Джессика вздохнула и стала смотреть на Лето, сидевшего на троне. На почетном месте по правую руку Лето стоял под балдахином огромный кувшин с водой Муад'Диба. Внук рассказывал Джессике, что дух отца внутри него смеялся над этим жестом, впрочем, не без оттенка восхищения.

Этот кувшин и хвастовство Лето отвратили Джессику от участия в ритуале. Она знала, что сколько ни суждено ей прожить, она никогда не сможет примириться с тем, что ее Пол станет говорить с ней устами Лето. Джессика была счастлива, что Дом Атрейдес устоял, но было невыносимо осознавать, что не произошло то, что могло произойти.

Возле кувшина с водой Муад'Диба, скрестив ноги, сидел Фарад'н. Это было место Королевского Писца. Почетную должность эту ввели при дворе совсем недавно, и все ее с радостью приняли.

Фарад'н уже успел свыкнуться со своей новой ролью, хотя Тиеканик периодически взрывался, предчувствуя дурные последствия. Вообще, Тиеканик в последнее время близко сошелся со Стилгаром – оба часто высказывали свое недоверие ко всяческим нововведениям, что немало забавляло Лето.

Во время церемонии Фарад'н попеременно испытывал то скуку, то благоговение. Это был нескончаемый поток несравненных воинов, выказывавших неоспоримую верность Атрейдесам. Они стояли перед Лето, устрашенные тем, что рассказывали им судьи.

Церемония подошла к концу. Последним наибом, представшим перед Лето, был старый Стилгар. Ему досталась

роль почетного арьергарда. Вместо корзин с Пряностью, горящих огнем драгоценностей и других дорогих даров Стилгар преподнес новому владыке простую головную повязку, выполненную из волокон Пряности и украшенную сделанным из золота и зеленых камней Ястребом Атрейдесов.

Ганима узнала эту фигурку и искоса взглянула на Лето.

Стилгар положил головную повязку на вторую ступень трона и низко поклонился.

– Я преподношу вам головную повязку, которую носила ваша сестра, когда я в Пустыне охранял ее, – сказал он.

Лето подавил улыбку.

– Я знаю, что ты переживаешь тяжелые времена, Стилгар, – сказал Лето. – Что бы ты хотел получить от меня взамен? – Лето протянул руку в сторону горы подарков.

– Ничего, мой господин.

– Тогда я принимаю твой дар, – произнес Лето. Он наклонился вперед и легко оторвал узкую полоску от подола платья Ганимы. – Взамен я даю тебе кусочек платья, которое было надето на ней, когда ее похитили, а ты не смог уберечь ее, заставив меня спасать ее.

Стилгар принял этот дар дрожащей рукой:

– Вы издеваетесь надо мной, мой господин?

– Издеваться над тобой? Я клянусь тебе моим именем, что у меня и в мыслях этого не было. Я преподнес тебе дар, которому поистине нет цены. Я велю тебе носить его у сердца в напоминание о том, что людям свойственно ошибаться и что правители тоже люди.

Стилгар едва заметно улыбнулся:

– Какой бы из тебя мог получиться наиб!

– Я и есть наиб, наиб наибов! Никогда не забывай об этом!

– Как скажете, мой господин! – Стилгар нервно глотнул, вспомнив рассказ своего арифы и подумал: Однажды я хотел убить его, но теперь слишком поздно. Его взгляд упал на кувшин, благородное матовое золото, отделанное зелеными камнями. – Это вода моего племени.

– И моего тоже, – сказал Лето. – Я велю тебе прочесть надпись на кувшине. Читай вслух, чтобы слышали все.

Стилгар вопросительно взглянул на Ганиму, но она ответила ему таким надменным движением, вздернув подбородок, что по спине Стилгара пробежал холодок. Неужели эти Атрейдесы хотят заставить его ответить за его запальчивость и ошибки?

– Читай, – сказал Лето.

Стилгар медленно поднялся по ступенькам, склонился перед кувшином и начал читать.

– Эта вода есть исключительная сущность, источник направленной вовне созидательной силы. Хотя она и неподвижна, эта вода означает всеобщее движение.

– Что это означает, мой господин? – прошептал Стилгар. Его потрясли эти слова, затронув в нем струны, звучания которых он не понимал и сам.

– Тело Муад'Диба – сухой остов, подобный тому, который покидает насекомое во время линьки, – ответил Лето. – Он владел своим внутренним миром, но хотел захватить мир внешний, и это привело к катастрофе. Он владел миром внешним, исключая при этом мир внутренний, и это сделало его наследников демонами. Золотой Эликсир исчезнет, но семя Муад'Диба взойдет, и его вода будет приводить в движение нашу Вселенную.

Стилгар в ответ низко склонил голову. Мистические рассуждения всегда вызывали у него внутреннее беспокойство.

– Начало и конец – суть одно, – продолжал Лето. – Вы живете в воздухе, но не замечаете этого. Цикл замкнулся. Из этого замкнутого круга произрастет начало его противоположности. И мы придем к Кризизеку. Потом все опять вернется, но в другой форме. Ты ощущал свои мысли головой, но потомки твои будут ощущать те же мысли нутром. Возвращайся в сиетч Табр, Стилгар. Гурни Халлек поедет с тобой и станет твоим советником.

– Ты не доверяешь мне, мой господин? – тихим голосом спросил наиб.

– Полностью доверяю, иначе не послал бы с тобой Гурни. Он начнет формировать новые вооруженные силы, которые нам скоро понадобятся. Я принимаю твои изъявления верности. Все свободны!

Стилгар поклонился, спустился со ступеней трона и покинул зал. Остальные наибы двинулись за ним, соблюдая древний фрименский принцип – бывший последним становится первым. Было слышно, как наибы тихо переговариваются, выходя из тронного зала:

– О чем ты говорил с ним, Стил? Что означают эти слова Муад'Диба, записанные на кувшине?

Лето обратился к Фарад'ну:

– Ты все запомнил, Писец?

– Да, мой господин.

– Бабушка сказала, что научила тебя мнемоническим действиям Бене Гессерит. Мне не хотелось бы, чтобы ты писал, сидя у трона.

– Как прикажете, мой господин.

– Подойди и встань передо мной.

Фарад'н повиновался, более чем когда-либо благодарный Джессике за ее науку. Когда принимаешь тот факт, что Лето больше не человек и не может мыслить так, как мыслят люди, то его Золотой Путь становится еще более пугающим.

Лето взглянул на Фарад'на. Стражники стояли поодаль и не могли слышать слов повелителя. В зале остались только советники Внутреннего Присутствия, но и они раболепно отошли в дальний угол. Ганима подошла к трону и оперлась о его подлокотник.

– Ты еще не дал согласия отдать мне своих сардаукаров, – сказал Лето, – но ты сделаешь это.

– Я очень многим вам обязан, но не настолько, – сказал Фарад'н.

– Ты сомневаешься, что они поладят с моими фрименами?

– Они поладят так же, как Стилгар с Тиекаником.

– И все же ты отказываешься?

– Я жду вашего предложения.

– Значит, я должен сделать предложение, зная, что ты никогда его не повторишь. Молю, чтобы уроки моей бабки не пропали для тебя даром, ибо ты должен быть готовым понять меня.

– Что я должен понять?

– В любой цивилизации присутствует господствующая мистика, – заговорил Лето. – Она служит барьером, сдерживающим изменения, и всегда оставляет будущие поколения неподготовленными перед лицом изменчивости и вероломства Вселенной. Всякая мистика повторяет другую видом барьера – религиозная мистика, мистика героя-вождя, мистика мессии, мистика науки и техники и мистика самой природы. Мы живем в Империи, сформированной именно этими видами мистики, но теперь эта Империя распадается, поскольку большинство людей неспособно отличить мистику от Вселенной. Мистика – это как демон одержимости: она имеет тенденцию захватывать сознание без остатка, становясь единственным объектом, который воспринимает человек.

– Узнаю мудрость вашей бабки в этих словах, – сказал Фарад'н.

– Это очень хорошо, кузен. Она спрашивала меня, не одержим ли я Мерзостью. Я ответил отрицательно, и это была моя первая ложь. Ганима сумела избежать ее, а я – нет. Я был вынужден укрощать внутренние жизни в условиях, когда меня насильно кормили меланжей. Мне пришлось искать сотрудничества с ним – этими жизнями внутри меня. Я избежал худшего и выбрал себе главного помощника, сознание которого воспринял. Этим помощником стал мой отец. В действительности я – не мой отец и не помощник. Более того, я – не Лето Второй.

– Объясни, – Фарад'н был поражен до глубины души.

– Ты обладаешь замечательной прямотой, – сказал Лето. – Я – общность, управляемая тем, кто господствует над ней,

обладая подавляющей силой. Именно этот человек основал династию, которая, не прерываясь, существует уже три тысячи наших лет. Его имя Харум, и до тех пор пока его линия зиждилась на врожденной слабости и суевериях его наследников, подданные жили в условиях ритмической ограниченности. Они неосознанно двигались под влиянием внешних условий. Они воспитали людей, которые мало жили и легко поддавались призывам богов-царей. Если взять эту династию в целом, то можно сказать, что они были сильными людьми. Выживание людей как вида стало привычным.

– Мне не нравится смысл этих слов, – сказал Фарад'н.

– Если честно, то он не нравится и мне, – признался Лето, – но такова вселенная, которую мне предстоит создать.

– Зачем?

– Это урок, который я усвоил на Дюне. Мы поддерживали смерть, как призрак, который постоянно витал среди живущих. Люди, живущие в таких условиях, постепенно превращаются в животных, озабоченных только своим брюхом. Но когда приходит время противоположности, тогда те же люди поднимаются, становясь одухотворенными и прекрасными.

– Это не ответ на мой вопрос, – запротестовал Фарад'н.

– Ты не доверяешь мне, кузен.

– Как не доверяет тебе твоя собственная бабка.

– У нее есть для этого все основания, – сказал Лето. – Но она уступит, потому что должна это сделать. Бене Гессерит – это образец прагматизма во всем и до конца. Я разделяю их взгляд на нашу Вселенную. Ты несешь на себе отметины этой Вселенной. Ты имеешь навыки правителя и умеешь классифицировать все, что тебя окружает в понятиях ценности или угрозы.

– Да, и я согласился стать твоим Писцом.

– Это доставило тебе удовольствие и польстило заложенному в тебе таланту историка. Ты определенно имеешь гениальную способность читать настоящее между строк

прошлого. В некоторых случаях ты сумел превзойти в этом меня.

– Мне не нравятся твои скрытые намеки, – произнес Фарад'н.

– Хорошо. Тебе пришлось перейти от бесконечных амбиций в более приниженное состояние. Но разве бабка не предупреждала тебя о бесконечном? Оно привлекает нас, как огонь привлекает мотыльков, и мы бываем ослеплены этим огнем, забывая, что сами конечны.

– Афоризмы Бене Гессерит! – запротестовал Фарад'н.

– Но это очень точный афоризм, – возразил Лето. – Сестры Бене Гессерит думали, что смогут предсказать ход эволюции. Но они забыли, что сами меняются в течение эволюции и вместе с нею. Они полагали, что смогут спокойно стоять и наблюдать, как выполняется их селекционная программа. Я не страдаю такой рефлексивной слепотой. Внимательно и осторожно приглядись ко мне, Фарад'н, ибо я больше не человек.

– В этом уверила меня твоя сестра, – Фарад'н в нерешительности помолчал, потом спросил: – Это и есть Мерзость?

– По определению Сестер, возможно, что это и так. Гарум жесток и автократичен. Я взял у него часть этой жестокости. Внимательно смотри на меня. Я жесток, как бывает жесток хозяин фермы. Фримены когда-то держали в своих домах укрощенных орлов, но я держу в доме укрощенного Фарад'на.

Лицо принца потемнело:

– Берегись моих когтей, кузен. Я хорошо понимаю, что мои сардаукары со временем падут перед твоими фрименами. Но мы умеем причинять болезненные раны, и всегда найдутся шакалы, готовые растерзать слабого.

– Я хорошо использую тебя, кузен, обещаю, – сказал Лето, подавшись вперед. – Разве я не говорил тебе, что не являюсь больше человеком? Так поверь, кузен, это так. Мои чресла не смогут произвести на свет детей, поскольку у меня больше нет чресл. И это понуждает меня ко второй лжи.

Фарад'н застыл в ожидании. Теперь он понял, куда клонит Лето.

– Я пойду против всех фременских понятий, – продолжал Лето. – Но они примут и это, потому что ничего не смогут со мной сделать. У них просто не будет другого выхода. Я оставлю тебя здесь под предлогом обручения, но никакого обручения между тобой и моей сестрой не будет. Моя сестра выйдет замуж за меня!

– Но ты...

– Выйдет замуж, я сказал. Ганима должна продолжить род Атрейдесов. Это часть селекционной программы Бене Гессерит, которая стала теперь и моей программой.

– Я отказываюсь, – заявил Фарад'н.

– Ты отказываешься основать династию Атрейдесов?

– О какой династии ты говоришь, если будешь сам занимать трон четыре тысячи лет?

– Я буду отливать твоих потомков в своем воображении. Это будет самая напряженная, самая вовлекающая учебная программа в истории человечества. Мы станем экосистемой в миниатюре. Видишь ли, какую бы систему животные ни брали за основу своего выживания, в ней обязательно должны присутствовать паттерны перекрывающихся общностей, взаимозависимости и сотрудничества в рамках работающей системы. А наша система произведет на свет самых знающих в истории правителей.

– Ты оборачиваешь свои фантастические слова в отвратительную...

– Но кто переживет Кризлек? – спросил Лето. – Я обещаю тебе – Кризлек грядет.

– Ты безумец! Ты разрушишь Империю.

– Конечно, разрушу... я же не человек. Но зато я создам для всех людей новое сознание. Я говорю тебе, что под песками Пустынь Дюны сокрыто величайшее сокровище всех времен. Я не лгу. Когда погибнет последний червь и истощатся запасы Пряности, эти сокровища явят себя изумленному миру. Когда власть монополии на Пряность рассеется,

и припрятанные акции потеряют цену, в нашем царстве появятся новые силы. Люди научатся жить согласно своим инстинктам.

Ганима спустилась к Фарад'ну и взяла его руку.

– Как моя мать не была женой, так и ты не будешь мужем, но если есть любовь, то этого вполне достаточно.

– Каждый день, каждый миг несут с собой перемены, – сказала Ганима. – Надо учиться понимать каждый такой миг.

Фарад'н чувствовал тепло маленькой ручки Ганимы, понимая смысл аргументов Лето, но ни разу не услышав при этом Голоса. Лето апеллировал к его душе, а не к разуму.

– Это ты предлагаешь мне за сардаукаров? – спросил Фарад'н.

– Я предлагаю больше, гораздо больше, кузен. Я предлагаю тебе основать Империю. Я предлагаю тебе мир.

– Что получится из этого мира?

– Его противоположность. – В голосе Лето послышалась спокойная насмешка.

Фарад'н покачал головой:

– Я нахожу, что это очень высокая цена за сардаукаров. Должен ли я при этом оставаться Писцом и тайным отцом династии?

– Должен.

– Ты же будешь принуждать меня к твоему пониманию мира?

– Да.

– Я буду сопротивляться этому всю свою жизнь.

– Но именно этого я и жду от тебя, кузен. Для этого я и выбрал тебя. Ты будешь делать это официально, и по такому случаю я дам тебе новое имя. С этого момента ты будешь называться Ломающим Обычай, что на нашем языке звучит, как Харк аль-Ада. Не будь глупцом, кузен. Моя бабка хорошо учила тебя. Отдай мне своих сардаукаров.

– Отдай, – эхом повторила Ганима слова брата. – Он их все равно так или иначе получит.

В ее голосе Фарад'ну послышался страх за него. Это любовь? Лето не искал разумных доводов, он ждал движения души.

– Возьми их, – сказал Фарад'н.

– Да будет так, – произнес Лето. Он поднялся с трона каким-то очень осторожным движением, словно подавляя неимоверную силу. Лето спустился к Ганиме, нежно развернул ее, а потом сам повернулся к ней спиной. – Запомни это, кузен Харк аль-Ада. Таков наш обычай, который пребудет вовеки. Мы будем стоять так во время церемонии бракосочетания. Спина к спине, каждый смотрит в противоположную сторону, чтобы защитить другого. Этим мы защищаем то, что было у нас всегда.

Он обернулся к Фарад'ну и понизил голос.

– Помни об этом, кузен, когда окажешься лицом к лицу с Ганимой. Помни об этом, когда будешь шептать ей слова любви и ласкать ее. Помни об этом, когда твое терпение будут испытывать мои привычки и мой мир. Твоя спина останется в это время открытой.

Отвернувшись от них, Лето спустился по ступенькам и вышел из зала. Следом за ним, как спутники за светилом, устремились члены свиты.

Ганима снова взяла руку Фарад'на в свою и проводила взглядом брата.

– Один из нас должен был принять на себя все муки, – сказала она, – и он всегда был сильнее.

Приложения

I. Экология Дюны

Когда при ограниченном пространстве численность объектов возрастает, переходя за определенную критическую точку, свобода внутри системы уменьшается. Это положение так же справедливо по отношению к человеческой популяции в ограниченном пространстве планетарной экосистемы, как и по отношению к молекулам газа в герметическом сосуде. Причем вопрос для человека с точки зрения гуманности заключается не в числе человеческих особей, способных выжить в данной системе, но в том, какое существование смогут вести выжившие.

Пардот Кинес, первый планетолог на Арракисе

Обычно в первое время Арракис кажется новоприбывшему лишь колоссальной, бескрайней и безжизненной пустыней. Он, новичок, решит, конечно, что здесь под открытым небом не могут существовать ни животные, ни растения, что перед ним – вечная пустошь, которая никогда не была и никогда не будет плодородной – или хотя бы просто способной поддерживать жизнь.

Пардоту Кинесу же планета представилась воплощением чистой энергии, машиной, движимой солнцем. Но необходимо было преобразовать ее, приспособить к нуждам человека. И его мысли сразу обратились к кочевому населению планеты – к фрименам. Вот где был вызов этому миру, вот где была настоящая задача! Каким инструментом могли стать фримены: мощным экологическим и геологическим фактором с почти неограниченными возможностями.

Пардот Кинес был человеком во многих отношениях простым и прямым. Мешают ограничения, введенные Харконненами? Прекрасно. Все, что нужно, – это жениться на фрименке. Она рождает сына – Лиет-Кинеса, – и скоро можно начинать с ним и его фрименскими сверстниками изучение

азов экологии, создавая новый язык, вооружающий разум символами, позволяющими ему управлять ландшафтом, климатом, сезонными изменениями... и наконец, можно суметь сломать старые представления о силах природы и прорваться к потрясающей воображение идее порядка.

«На каждой планете, чей облик не искажен человеком, существует естественная красота движения и равновесия, – говорил Кинес. – В этой красоте легко можно увидеть общий для всякой жизни динамический стабилизирующий фактор. Цель его проста: производить и поддерживать взаимодействующие системы все большей и большей сложности. Жизнь увеличивает способность данной замкнутой системы поддерживать жизнь; жизнь – всякая жизнь – служит жизни же. Необходимые питательные вещества поставляются одним формам жизни другими, и по мере развития и усложнения жизни в системе количество питательных веществ увеличивается. Наконец, жизнь со всеми ее сложными связями и взаимоотношениями заполняет среду».

Так говорил Пардот Кинес своим ученикам в сиетчах.

Правда, перед тем как он начал свои занятия, ему пришлось убедить фременов. Чтобы понять, как ему это удалось, нужно сначала осознать ту невероятную сосредоточенность на единственной цели и то простодушие, с которым он подходил к любой проблеме. Нет, наивным он не был – просто не позволял ничему отвлечь себя от главного.

Однажды раскаленным арракийским днем он ехал по пустыне в одноместном вездеходе, изучая местность. Внезапно – это случилось за Барьерной Стеной, неподалеку от деревни Ветряной Мешок – он наткнулся на прискорбно обычную тогда для Арракиса сцену. Шестеро харконненских головорезов – при щитах и в полном вооружении – захватили врасплох трех фременских юношей.

В первый момент стычка показалась Кинесу грубоватой забавой – но потом он понял, что харконненские солдаты явно намерены убить фременов. К этому времени один уже лежал на песке с рассеченной артерией; правда, и двое из

наемников вышли из игры, но все же двоим юношам, почти подросткам, противостояли четверо хорошо вооруженных профессионалов.

Кинес не был смельчаком; но у него была цель, и он не мог позволить себе терять инструменты, при помощи которых собирался преобразовать планету. Поэтому он немедленно включил собственный щит, вмешался в свалку и заколол слиптипом двух харконненцев прежде, чем они успели осознать, что сзади появился новый противник. Затем Кинес отбил меч развернувшегося к нему солдата и в ловком выпаде аккуратно перерубил ему горло. Последнего наемника он оставил двум молодым фрименам и наклонился к упавшему юноше, чтобы посмотреть, нельзя ли его спасти. И он спас парня – а меж тем его товарищи прикончили шестого харконненца.

Но ситуация сложилась непростая – как говорят фримены, вот так уха из песчаной форели! Фримены были в растерянности. Они, конечно, знали, кто такой Кинес. Не было еще такого, чтобы кто-то прибыл на Арракис, а его самое что ни на есть полное досье не попало во фрименские твердыни, скрытые в песках. Так что они его знали: то был слуга Империи.

Но он убил солдат Харконненов!

Будь на месте этих ребят взрослые фримены, они, конечно, пожали бы плечами и (не без некоторого сожаления) присоединили бы его тень к теням шестерых харконненских разбойников. Но неопытные юнцы знали только одно: этому слуге Империи они обязаны жизнью.

Дня через два Кинес объявился в сиетче, выходившем на Ветровой Перевал. Ему все казалось совершенно естественным. Он говорил фрименам о воде, о дюнах, закрепленных травами, о рощах финиковых пальм, о широких открытых арыках, несущих воду через Пустыню. Он говорил и говорил без остановки.

А вокруг его особы в это время кипел спор, которого Кинес не заметил и о котором даже не подозревал. Что делать

с этим ненормальным? Он узнал местоположение главного сиетча. Ну и что делать? И что значат его слова – этот безумный разговор о рае на Арракисе? Это просто болтовня. И он слишком много знает. Но он же убил тех харконненцев! Ну и что, всякий может убить харконненцев. Вот я, например, не раз это делал...

Да, но что значат его слова о цветущем Арракисе?..

Все очень просто; но где взять воду для этого?

Но он же говорит, что здесь есть вода! И он действительно спас троих наших!

Спас трех дурней, сунувшихся прямо под харконненский кулак! И он видел наши крисы!

Впрочем, решение было принято за несколько часов до того, как оно было объявлено. Тау сиетча извещает фременов о том, что необходимо сделать. Исполнить положенное отрядили опытного бойца с освященным крисом; при нем состояли Хранители воды – добыть влагу из тела. Что поделаешь: жестокая необходимость.

Крайне сомнительно, чтобы Кинес вообще заметил своего будущего палача. Он в этот момент проповедовал перед группой фременов, обступивших его – хотя и державшихся на почтительном расстоянии. Он ходил по кругу и, увлекшись, размахивал руками. «Открытая вода! – говорил он. – Вы будете ходить вне сиетча без дистикомба! Вы будете черпать воду ведрами прямо из открытых прудов! Апельсины!..»

И в этот миг перед ним возник человек с ножом.

– Отойди, – велел Кинес. – Ты мне мешаешь. – И, не обращая более внимания на убийцу, продолжал говорить о потайных ветровых ловушках. Отодвинув плечом фримена с ножом, Кинес прошел мимо. Теперь его спина была открыта для ритуального удара.

Сейчас, конечно, нельзя узнать, о чем думал человек, назначенный выполнять обязанности палача. Может быть, он наконец вслушался в слова Кинеса и уверовал? Кто знает... Но зато хорошо известно и занесено в анналы то, что

он сделал. Его звали Улиет, что можно перевести как «Старший Лиет». И вот Улиет сделал три шага и преднамеренно упал на свой собственный нож и так перестал мешать Кинесу – самым радикальным образом. Самоубийство? Многие полагают, что сам Шаи-Хулуд двигал его рукой.

Вот и говори после этого о знамениях свыше...

С этого момента Кинесу было достаточно указать рукой направление и велеть: «Ступайте туда». И все племена фрименов шли, куда он велел. Умирали мужчины, умирали женщины, умирали дети. Но они шли.

Кинес вернулся к своей службе – он вплотную занялся Биологическими Испытательными Станциями. Среди персонала стали появляться фримены. Они начали постепенную инфильтрацию в «систему» – возможность, о которой раньше даже не задумывались. А в сиетчи начала перекочевывать техника со станций – и в первую очередь лучерезы, незаменимые при сооружении подземных водоемов и скрытых ветровых ловушек.

В водоемах начала скапливаться вода.

Фримены понимали теперь, что Кинес был по крайней мере не совсем сумасшедшим. Просто безумным ровно настолько, чтобы быть святым. Он был одним из умма — пророков. А Улиета признали саду — его тень причислили к лику небесных судий.

Кинес же – прямой, полный поистине варварской решительности – понимал, что формальные исследования не могут принести ничего по-настоящему нового. Поэтому он начал серию небольших экспериментов с регулярным обменом данными для реализации эффекта Тэнсли и позволил каждой исследовательской группе идти своим путем. Нужно было накопить миллионы внешне незначительных фактов. Сам Кинес проводил время от времени изолированные и достаточно грубые «сквозные» тесты, позволяющие оценить перспективы.

По всей Пустыне отбирались пробы почвы, бурились скважины, изучались долговременные изменения погоды,

составлялись климатические карты. Кинес выяснил, что существует достаточно широкий пояс между северной и южной семидесятыми параллелями, где в течение тысячелетий температура держалась в диапазоне 254–332 градуса по абсолютной шкале, иначе говоря, от 19 до 59 °С. В этом поясе наблюдались длительные периоды сравнительно активной (для Пустыни) вегетации – в это время значения температур колебались от 284 до 302 °К, или 11–29 °С. Поистине благодатные условия для земных форм жизни… если только решить проблему воды.

– Когда мы решим эту проблему? – спрашивали Кинеса фримены. – Когда увидим мы Арракис, ставший раем?

Кинес отвечал им тоном учителя, объясняющего малышу, сколько будет два плюс два: «Через двести-триста лет». Какой-нибудь другой народ при таком ответе, наверное, взвыл бы от разочарования. Но это были фримены, которых плети угнетателей приучили к терпению. Да, это был больший срок, чем тот, на который они рассчитывали, – но каждый из них своими глазами видел, что благословенный день приближается. Так что фримены затянули кушаки и вернулись к работе. Странным образом разочарование сделало перспективу грядущего рая более реальной.

На Арракисе проблемой была не вода, а – влага. Домашних животных тут практически не знали, хозяйственных – держали редко. Некоторые контрабандисты использовали одомашненных пустынных ослов-кулонов, но расход воды на них все-таки был слишком велик, даже несмотря на специальные дистикомбы для животных.

Кинес подумывал о создании заводов-регенераторов, извлекающих кислород и водород из расщепляемых скальных пород. Но эта идея не оправдала бы себя энергетически. В полярных шапках (хотя пейоны возлагали на них большие надежды) не хватило бы воды на осуществление проекта… но Кинес уже подозревал, где вода должна быть. При определенных ветрах на средних высотах отмечалось существенное повышение влажности. Важен был и состав атмосферы:

23 % кислорода, 75,4 % азота и 0,23 % углекислоты, остальное – редкие газы.

В северной умеренной зоне на высоте от двух с половиной тысяч метров встречалось, правда редко, растение с мощным корнем – в его двухметровых корнеклубнях содержалось по полулитру воды. Встречались также и пустынные растения земного происхождения: самые засухостойкие прекрасно чувствовали себя в низинах и впадинах, выложенных влагосборниками.

Наконец Кинес наткнулся на солончак.

Как-то в глубокой Пустыне, на пути от одной станции к другой, его топтер попал в бурю и сбился с курса. А когда буря прошла, Кинес увидел солончак – огромную овальную впадину более трехсот километров по большой оси. Сверкающий белый сюрприз Пустынь. Кинес спустился, вышел из топтера и лизнул чисто выметенную бурей поверхность.

Соль.

Теперь его предчувствия превратились в уверенность. Когда-то на Арракисе была открытая вода – очень давно. Он начал проверять все свидетельства о сухих колодцах, где появлялись, а затем исчезали навсегда капли и тоненькие струйки воды.

Он приставил к делу только что обученных фрименов-лимнологов[26]; главной ниточкой для них стали ошметки кожистой ткани, которые часто встречались в меланжевой массе после выброса. Их приписывали «песчаной форели» – существам из фрименских сказок. Постепенно факты складывались в гипотезу о том существе, которому должны были принадлежать эти ткани, – некое «плавающее» в песке животное, которое, блокируя воду, образовывало плодородные «карманы» в нижнем пористом слое почвы при температуре ниже 280 градусов по абсолютной шкале (то есть 7 °C). И она подтвердилась.

[26] Лимнология – дисциплина, изучающая водоемы.

В каждом выбросе эти «водокрады» умирали миллионами. Их убивали изменения температуры всего в пять градусов. Немногие выжившие впадали в своеобразную полуспячку, закукливаясь в цисте, и через шесть лет выходили из нее в виде небольших (около трех метров длиной) песчаных червей. Из этих последних лишь единицы избегали своих старших собратьев и гибели в полных воды карманах премеланжевой массы – и вырастали в гигантских шаи-хулудов. (То, что вода ядовита для шаи-хулуда, фрименам было известно давно, и они пользовались этим: топили редко встречающихся малорослых «чахлых червей» – подвид, обитающий в Малом Эрге, – и получали действующий на психику и восприятие наркотик, называемый ими Водой Жизни. «Чахлый червь» – примитивный подвид шаи-хулуда, достигающий не более девяти метров в длину.)

Так им удалось восстановить весь цикл, всю систему взаимосвязей: «маленький податель», он же «песчаная форель» – премеланжевые массы: «маленький» – шаи-хулуд; шаи-хулуд, рассеивающий Пряность, которой питаются микроскопические существа, известные как песчаный планктон; тот, в свою очередь, служит пищей шаи-хулуда, его организмы растут и уходят все глубже в почву, превращаясь в «маленьких подателей».

Выяснив это, Кинес и его ученики переключили свое внимание с отношений столь гигантского масштаба на микроэкологию. Прежде всего – на проблему микроклимата. На поверхности песка температура зачастую достигала 35 °К (71–77 °С). Футом глубже – и температура падала на 55°, и на 25° на уровне одного фута над поверхностью. Листва или густая тень снижали ее еще на 18°.

Затем они занялись питательными веществами. Как выяснилось, арракийский песок – это в основном продукты пищеварения песчаных червей, а пыль (воистину вечная и вездесущая) – результат непрекращающегося движения песка. Для подветренной стороны дюн оказались характерны более крупные зерна, наветренная же более гладкая и плотно

утрамбована ветром. Старые дюны – вследствие окисления, – как правило, желтые, молодые – того же цвета, что и базовая скальная порода, чаще всего серого.

Подветренные склоны дюн стали первыми опытными плантациями. Для начала фримены высаживали низкорослую редкую траву с реснитчатым краем листа и крепкими нитевидными корнями, которые, переплетаясь, образовывали бы дерновое покрытие, связывающее дюны и уничтожающее главное оружие ветра – подвижные песчинки.

На дальнем юге, подальше от харконненских глаз, были созданы акклиматизационные зоны. Мутированную траву высевали сначала по подветренным склонам дюн, стоявших на пути преобладавших – западных – ветров. При закрепленной подветренной стороне наветренная стала быстро нарастать – и с той же скоростью подсаживали траву. Так поднимались высокие – до полутора километров! – длинные дюны с волнистым гребнем, называемые обычно «сифы». И когда наконец барьерные дюны поднялись на нужную высоту, наветренную сторону засеяли еще более упрямой и крепкой травой с гладкими острыми листьями, известной как «меч-трава». Так были закреплены все сифы – дюны, чье основание превышало шесть высот.

Пришел черед более глубоких посадок. Сначала они высаживали эфемеры (камнеломки, маревые и амарант), затем шотландский ракитник, низкорослый люпин, стелющийся эвкалипт (этот вид первоначально был выведен для северных районов Каладана), карликовый тамариск и цепкую, или береговую, сосну; наконец, чисто пустынные растения – канделлиллу, или «пустынную свечку», сагуаро и бис-нага, или бутылочный кактус. Там, где было возможно, посадили еще и солончаковую верблюжью полынь, дикий лук, гобийский ковыль, дикую люцерну, пырей, песчаную вербену, вечерний первоцвет, ладанник, дымное дерево, креозотовый куст.

После этого можно было обратиться и к животному миру, прежде всего к норным – их задачей было насытить

почву азотом и разрыхлить ее: лисица-фенек, кенгуровая мышь или песчаный тушканчик, пустынный заяц, песчаная черепаха... и, разумеется, для контроля численности популяции требовались хищники: пустынный ястреб, карликовая сова, филин и пустынная сова; свободные экологические ниши заняли насекомые: скорпионы, сороконожки, тарантул, кусачая оса и наездники. Численность насекомых регулировала летучая мышь – пустынный нетопырь.

И вот подошло время решающих испытаний. Финиковые пальмы и хлопок, дыни и кофе, различные лекарственные растения – более двухсот видов съедобных растений было отобрано, испытано и адаптировано к условиям Арракиса.

– Главное, чего не понимают экологически неграмотные люди, – говорил Кинес, – это то, что экосистема есть прежде всего система. Система! Она находится в состоянии подвижного равновесия, которое легко разрушить ошибкой всего лишь в одной нише. Для системы характерен определенный порядок, который можно представить как поток, движение от точки к точке. И если что-то блокирует этот поток – порядок в системе нарушается. Неподготовленные экологически могут не заметить этот момент, пока не станет слишком поздно... Вот почему главная задача экологии – оценка возможных последствий.

А они – сумели ли они создать систему?

Кинес и его люди ждали и наблюдали. Теперь фримены понимали, что́ он имел в виду, говоря о «неопределенных сроках, примерно лет в пятьсот».

В это время поступило известие из пальмовых рощ: на границе посадок и Пустыни песчаный планктон погибает, отравленный взаимодействием с новыми формами жизни. Причина – белковая несовместимость. В этих местах возникает отравленная вода, которой не может коснуться жизнь Арракиса. Вокруг посадок возникают пустоши – и даже сам шаи-хулуд не смеет пересекать эти отравленные пояса.

Кинес отправился в пальмовые рощи лично – за два десятка манков (в паланкине, точно раненый или

Преподобная Мать, потому что так и не стал наездником). Он исследовал пустоши (а они, надо сказать, воняли неописуемо) и понял, что Арракис преподнес нежданный дар.

Связанный азот и сера, поступившие в грунт, превращали пустоши в почти идеальную почву для земных форм растительной жизни. А это означало, что посадки можно расширить в любой момент!

– Может, это позволит сократить сроки? – спросили его фримены.

Кинес вернулся к своим формулам. К этому времени статистика по ветровым ловушкам накопилась вполне достаточная, и цифры были надежны. Разумеется, Кинес делал щедрые допуски, всюду накидывая дополнительное время, – экология не слишком точная наука. Столько-то растений потребуется для закрепления дюн; столько-то – в пищу людям и животным; столько-то – чтобы запасали влагу в корневой системе, оживляя выжженные солнцем земли. Нанесли на карты подвижные холодные точки в открытой Пустыне. Даже шаи-хулудам нашлось место в таблицах, картах, диаграммах и схемах! Ведь шаи-хулуда нельзя уничтожать, иначе исчезнет главное богатство Арракиса – Пряность. А биохимическая «фабрика» червя, его пищеварительная система, в свою очередь, – основной источник кислорода на планете. Средний червь, метров двухсот в длину, выделяет в атмосферу столько же кислорода, сколько десять квадратных километров среднестатистической растительности, создающей его путем фотосинтеза!

Нельзя было исключать из расчетов и Гильдию. Ведь на подкуп ее – чтобы не допустить в арракийское небо погодные спутники и прочих наблюдателей – уже требовалось весьма существенное количество Пряности.

Наконец, сами фримены – фримены с их ветровыми ловушками и нерегулярным земледелием вблизи источников воды; фримены, обретшие экологическую грамотность и мечту о превращении значительной части планеты сперва в прерии, а затем и в леса!..

И вот из расчетов и диаграмм встала цифра: три процента. Всего три процента растительности необходимо было вовлечь в образование соединений углерода, чтобы они создали самоподдерживающийся цикл. Систему.

– Так как долго все-таки? – настаивали фримены.

– А, сроки?.. Пустяк: всего лет триста пятьдесят или около того.

Итак, дело обстояло именно так, как этот умма говорил с самого начала: никто из живущих ныне не застанет исполнения их мечты и никто из их внуков – и из потомков до восьмого колена… но время придет.

И работа продолжалась: они строили, сажали, копали, учили детей.

Но вот Кинес-Умма погиб при обвале пещеры в Гипсовой Котловине.

К этому времени его сыну, Лиет-Кинесу, было уже девятнадцать лет, и он уже был наездником, и число убитых им людей Харконненов перевалило за сотню. Назначение Лиета на имперскую государственную службу, о котором Кинес-старший уже ходатайствовал, не заставило себя долго ждать: жесткая классовая система, фаффрелах, сослужила свою службу, ибо ее основная идея и заключалась в том, чтобы готовить сына как преемника дела и места отца.

Курс к этому времени был уже задан, фримены, воспринявшие свет экологического учения, готовы следовать ему. Лиет-Кинесу оставалось лишь наблюдать, иногда слегка подталкивать, да еще вести разведку в стане Харконненов… пока на планету не обрушился удел стать местом действий Героя.

II. Религия Дюны

До прихода Муад'Диба арракийские фримены исповедовали религию, которая, как очевидно для любого

исследователя, напрямую происходит от Маомет-Саари. Многие, впрочем, указывают на значительные заимствования и из других религий. Наиболее часто в качестве примера приводят Гимн Воде, полностью взятый из Экуменического Служебника и обращенный к дождевым облакам, которых никогда не знал Арракис. Но еще более глубокая (а не чисто внешняя) связь прослеживается при сравнении фрименской книги Китаб аль-Ибар и учений Экуменической Библии – Илм и Фикх.

Всякий сравнительный анализ верований, игравших доминирующую роль в Империи до прихода Муад'Диба, должен начинаться с рассмотрения основных источников и сил, сформировавших таковые верования. Это:

1. Последователи Четырнадцати Мудрых, чьим Писанием стала Экуменическая Библия и чьи взгляды нашли выражение в Комментариях и другой литературе, ставшей плодом деятельности Комиссии Переводчиков-Экуменистов (сокращенно КПЭ).

2. Разумеется, Бене Гессерит. Обычно они отрицали, что являлись религиозным орденом, однако действовали за почти непроницаемой завесой ритуального мистицизма, а их система обучения по своей символике, организации и методам была исключительно религиозна.

3. Агностически ориентированный правящий класс (включая сюда и Гильдию Космогации), для которого религия всегда была чем-то вроде кукольного театра – чтобы развлекать публику и держать ее в узде, – и который полагал, что все и всякие явления, не исключая и явления религиозные, можно, в сущности, свести к объяснениям механистического плана.

4. Так называемые Древние Учения – включая все, сохраненные Странниками Дзенсунни Первого, Второго и Третьего исламских движений; а также новохристианство Чусука, буддислам в тех разновидностях, которые доминировали на Ланкивейле и Сийкуне, «Книги Сочетаний» Махаяны Ланкаватары, Дзен-хекиганьшу с Дельты Павлина III, Тавра и

Талмуд-Забур, уцелевшие на Салусе Секундус, широко распространившаяся церковь обряда Обейах, Муаддийский Коран с его неискаженными Илмом и Фикхом, сохранившийся среди рисоводов Каладана, возделывающих знаменитый пунди; островки индуизма, рассеянные по всей Вселенной (в основном среди изолированных групп пейонов); и, наконец, Джихад Слуг.

Есть и пятая сила, сформировавшая религиозные течения рассматриваемого периода, но воздействие ее так значительно и так универсально, что силу эту следует выделить особо.

Разумеется, речь идет о таком явлении, как космические путешествия, – а когда мы говорим о религии, эти слова заслуживают того, чтобы их написать так:

КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ!

Продвижение человечества в Глубокий Космос за одиннадцать тысячелетий, предшествовавших Джихаду Слуг, оставило совершенно особый отпечаток на религии. Во-первых, ранние космические путешествия, будучи уже повсеместными, тем не менее оставались весьма нерегулярными, медленными и ненадежными, а до появления монополии Гильдии и средства их были многообразны и пестры. Первые сведения и впечатления, чрезвычайно искаженные в передаче и пересказе, послужили богатейшим источником мистических спекуляций.

Космические путешествия придали совершенно новый аспект представлениям о сотворении мира и всем креационным мифам, которые внезапно приобрели несколько иной смысл. Даже наивысшие достижения религиозной мысли той эпохи отразили эту смену угла зрения: ощущение сакральности оказалось затронуто анархией, порожденной хаосом внешней, кромешной тьмы.

Казалось, Юпитер и все его потомки отступили в породившую их тьму, уступив имманентной женской сущности – неясной, двусмысленной, с ужасающим ликом.

Древние формулы сплетались, сливались, пытаясь приспособиться к требованиям эпохи новых завоеваний – эпохи новой конкисты и новых геральдических символов. То было время борьбы между звероподобными демонами – и старинными молитвами и заклятиями.

Но ясность, которая разрешила бы эти сомнения, все не приходила.

В этот период, говорят, и переписали заново Книгу Бытия, притом позволив себе так изложить слова Господа: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Вселенную, и обладайте ею, и владычествуйте над всякими странными созданиями и над тварями живыми во всех бесчисленных землях и за пределами их».

То было время колдуний, и сила их была реальной. Меру этой силы доказывало уже то, что они никогда не хвастались, как сумели подхватить факел...

А затем пришел Джихад Слуг, Великий Джихад. Два поколения хаоса. Божество машинной логики было ниспровержено, и массами завладела новая догма:

«Человек да не будет ничем подменен».

Эти два поколения борьбы и насилия стали для человечества временем прозрения. Люди обратились к своим богам и обрядам и увидели, что как первые, так и вторые преисполнены духом самой ужасной формулы, соединившей страх – и гордыню.

Не без труда преодолев колебания, религиозные вожди (чьи последователи успели пролить кровь миллиардов) начали встречаться, обмениваться мнениями. Гильдия Космогации, уже начавшая создавать свою гигантскую монополию космических перевозок, поощряла эти встречи – как и Бене Гессерит, таинственный орден, объединивший колдуний.

Уже эти первые межконфессиональные встречи принесли два важных результата:

1) было признано, что все религии имеют по меньшей мере одну общую заповедь, а именно: «Не искажай душу»;

2) была сформирована Комиссия Переводчиков-Экуменистов. КПЭ собиралась на каком-то нейтральном острове на Старой Земле, родине всех старых религий. Их объединяла «общая вера в присутствие во Вселенной Божественной Сущности». Здесь встретились представители всех религий, насчитывающие более миллиона последователей. С поразительной быстротой они выработали заявление об общей цели:

«Мы собрались здесь, чтобы вырвать из рук соперничающих религий их главное оружие – претензию на монопольное обладание единственным Откровением».

Правда, радость по поводу этого «знака всеобщего согласия» оказалась несколько преждевременной. За целый стандартный год – и даже дольше – названное заявление было единственным проявлением деятельности КПЭ. Люди с горечью говорили об их медлительности. Трубадуры сочиняли едкие насмешливые песенки о ста двадцати одном «старом придурке», как прозвали делегатов КПЭ. (Прозвище образовалось из грубовато-шутливой расшифровки аббревиатуры «команда придурков-эпикурейцев».) Одна из таких песенок, время от времени вновь входящая в моду, популярна и по сей день. Это «Бесплодные раздумья, безмятежность»:

Представьте тихий сон —
Бесплодные раздумья, безмятежность —
И —
Трагедия, трагедия придурков:
Придурки спят уже который день —
Им лень.
Так лень – так лень...
Но пробил час,
И слышен новый глас:
Проспали вы – грядет
Господь наш – Бутерброд,
Сандвич!

Время от времени из КПЭ просачивались слухи. Говорили, что Комиссия занимается сравнительным изучением священных текстов, а безответственные болтуны даже называли изучаемые писания. Эти слухи неизбежно провоцировали антиэкуменистские выступления (даже бунты!) и, разумеется, порождали новые остроты в адрес КПЭ.

Прошло два года. Три.

Члены Комиссии (к тому времени девять членов из ее первоначального состава умерли и были заменены новыми) сделали перерыв – формально, чтобы утвердить новых членов; тогда же они наконец объявили, что работают над созданием единого писания, очищая его от «всех патологических симптомов религий прошлого».

«Мы создаем инструмент любви, на котором смогут играть все – и который будет играть для всех».

Многим кажется странным, что именно это заявление спровоцировало самые яростные вспышки насилия. Двадцать делегатов были отозваны пославшими их конгрегациями. Один даже совершил самоубийство – угнал космический фрегат и бросился на нем в Солнце.

Религиозные бунты, по оценкам историков, унесли восемьдесят миллионов жизней. Иначе говоря, в среднем по шесть тысяч на каждый из миров, входивших тогда в Ландсраад-Лигу. Учитывая, какими беспокойными были те времена, такая оценка вряд ли завышена; однако любые претензии на какую-либо точность остаются не более чем претензиями. Связь между мирами в то время переживала спад, один из сильнейших за все время ее истории.

Само собой, трубадуры не упускали момент. В популярной оперетке тех дней был выведен делегат КПЭ. Сидя под пальмой на белом песочке пляжа, «придурок» пел:

Для бога, для женщин, для чуда любви
Мы здесь отдыхаем, оставив заботы и страхи!
Так спой, трубадур, нам новую песню —
Для бога, для женщин, для чуда любви.

И бунты, и комедия эта были знаками времени, симптомами, и весьма красноречивыми. Они выдают психологический настрой, глубокую неуверенность… и стремление к чему-то лучшему, и страх, что ничего не выйдет.

Заслонами на пути анархии тогда стояли прежде всего зарождающаяся Гильдия, Бене Гессерит и Ландсраад – последний продолжал собираться, не прерывая, несмотря на столь серьезные препятствия, двухтысячелетнюю традицию. Роль Гильдии ясна: она обеспечивала транспортом как Ландсраад, так и КПЭ. С Бене Гессерит ясности меньше. Достоверно известно, что в этот период они объединялись, забирали под свою руку колдуний, изучали свойства наркотических веществ, развивали технику прана-бинду и создавали Миссионарию Протектива – свою «черную руку», вооруженную предрассудками. Но в этот же период была написана знаменитая Литания Против Страха, составлена Книга Азхар – библиографическое чудо, сохранившее великие таинства древнейших религий.

Комментарий Ингсли, – пожалуй, единственно верные слова, которыми можно охарактеризовать ту эпоху: «То было время глубочайших парадоксов».

Около семи лет КПЭ усердно работала. Незадолго до седьмой годовщины своего основания они начали готовить человечество к важнейшему известию, можно сказать, откровению; и в день годовщины народам была явлена Экуменическая Библия.

«Вот, – сказали делегаты КПЭ, – писание, исполненное достоинства и значительности. Вот путь, следуя которым человечество осознает себя единым творением Божиим».

Капэистов называли «археологами идей», вдохновленных богом на величественное повторное открытие. Говорили, что они «вновь открыли свету полные жизненной силы великие идеи, долго погребенные под прахом веков», что они «оживили моральные императивы религиозного сознания».

Кроме Экуменической Библии, КПЭ создала «Литургический Служебник» и «Комментарии» – во многих отношениях произведение даже более замечательное, и не только в силу краткости («Комментарии» вдвое короче Экуменической Библии), но также в силу своей искренности, чистоты, замечательного сочетания самоуничижения и чувства своей правоты.

Начало «Комментариев», как ясно видно, обращено к агностически настроенным правителям:

«Люди, не находя ответов на сунны (десять тысяч священных вопросов в Шари-а), теперь обратились к своему разуму. Всякий ищет просветления. Религия – лишь древнейший и наиболее достойный путь из всех, на которых человек искал объяснения сотворенной Богом Вселенной. Ученые ищут законы, движущие событиями, строят упорядоченную и закономерную картину мира; задача религии – найти место Человека в этой картине».

В заключительной части, впрочем, «Комментарии» приобретают куда более резкий тон – вполне возможно, предопределивший их судьбу:

«Многое из того, что прежде называлось религией, несло бессознательно враждебное отношение к жизни. Истинная же религия должна проповедовать, что жизнь полна радостей, услаждающих взор Господа, и что знание без действия – пусто. Все люди должны увидеть, что механическое заучивание канонов и правил есть по сути своей обман. Истинное учение узнать легко; вы узнаете его безошибочно, ибо истинное учение пробуждает в вас нечто, которое скажет: «Ведь я знал это всю свою жизнь...»

Работали печатные машины, и импринтеры безостановочно наматывали ролики шигакорда; Экуменическая Библия распространялась по обитаемым мирам; и странное спокойствие воцарилось в то время повсюду. Многие называли это спокойствие знамением свыше, знаком единения.

Однако судьба самих делегатов КПЭ показала, каким обманчивым оно было. По возвращении в свои конгрегации

восемнадцать делегатов подверглись линчеванию в первые два месяца, а пятьдесят три, не прошло и года, публично отреклись от экуменизма.

Экуменическую Библию назвали «порождением гордыни разума». Утверждалось, что тексты ее преисполнены соблазна логики. Стали появляться ревизованные версии, стремящиеся угодить фанатикам. Эти версии опирались на привычную символику (Крест, Полумесяц, погремушка с перьями, Двенадцать Святых, Худой Будда и прочее) – и вскоре стало ясно, что новый экуменизм не сумел вобрать в себя древние верования и предрассудки.

Хэллоуэй назвал идеологию, выработанную за семь лет Комиссией Переводчиков-Экуменистов, «галактофазический полидетерминизм»; массы охотно подхватили термин, причем расшифровывали аббревиатуру ГП как «Господом проклятые».

Председатель КПЭ Туре Бомоко, Улем всех дзенсуннитов, один из четырнадцати делегатов, так и не отрекшихся от экуменизма (они вошли в историю как «Четырнадцать Мудрых»), признал наконец, что КПЭ совершила ошибку.

«Нам не следовало пытаться создать новые символы, – сказал Бомоко. – Нам надо было понять, что нельзя вносить неопределенность в общепринятые верования и возбуждать любопытство относительно Бога. В повседневной жизни нас окружает нестабильность всего человеческого – но мы позволяем нашим религиям становиться все более жесткими, подавляющими, все сильнее служим конформизму. Но что за тень легла на пути божественных заповедей? Это – предостережение, напоминание о том, что старые институты религии сохраняются, как сохраняются и владеют душами старые символы, хотя смысл и содержание их давно потеряны, и что нельзя просто механически сложить вместе все известные знания и верования».

Горечь этого «признания» не ускользнула от противников Бомоко, и вскоре он был вынужден бежать, доверив свою жизнь Гильдии, поклявшейся держать в тайне место

его изгнания. Говорят, что Бомоко скончался на Тупайле, где пользовался уважением и любовью. Перед смертью он сказал: «Религия должна оставаться прибежищем для людей, говорящих себе: «Я не таков, каким хотел бы быть».

Приятно сознавать, что Бомоко чувствовал пророческий смысл своих слов – «институты религии сохраняются». Девяносто поколений спустя Экуменическая Библия и «Комментарии» распространились по всей верующей Вселенной.

...Когда Пол Муад'Диб стоял, положив правую руку на усыпальницу Головы Лето – высеченную в камне раку, где хранился череп его отца (правую, благословенную и благословляющую руку, а не левую, насылающую проклятия), – он слово в слово процитировал слова из «Наследия Бомоко»:

«Вы, победившие нас, говорите себе, что пал Вавилон и разрушено сотворенное им; но говорю я вам, что каждого человека ждет суд и каждый ответит за себя. Ибо каждый человек есть малая война, в каждом идет сражение добра и зла».

Фримены говорят о Муад'Дибе, что он был подобен Абу-Зайду, чей фрегат посрамил саму Гильдию, в один день совершив путешествие туда и обратно. Причем «туда» в данном контексте переводится как термин фрименской мифологии, обозначающий мир духа «рух», как Алам аль-Митхаль, мир, где не действуют физические ограничения и все возможно.

И тут мы ясно видим параллель между только что сказанным и идеей Квисатц Хадераха. Сам термин «Квисатц Хадерах» (создать которого при помощи генетической программы стремился орден Бене Гессерит) означает «Сокращающий Путь» – или «Тот, Который может быть во многих местах сразу».

Но можно показать, что как та, так и другая интерпретации термина восходят к словам «Комментариев»: «Когда закон и религиозный долг сливаются воедино, твое «я» объемлет всю Вселенную».

Сам Муад'Диб говорил о себе: «Я – сеть в море времени, ловящая и в прошлом, и в будущем. Я – движущийся тенет, от которого не уйдет никакая вероятность».

Эти мысли суть одно, и они же звучат в Двадцать второй Калиме Экуменической Библии: «Произнесена мысль или нет – она реальна и обладает силой реальности».

Когда же мы обращаемся к собственным комментариям Муад'Диба в «Столпах Вселенной» (в интерпретации его святых последователей, Квизара Тафвид), мы видим, сколь многим обязан Муад'Диб Комиссии Переводчиков-Экуменистов и Фрименскому Дзенсуннизму.

Муад'Диб: «Закон и долг суть одно; да будет так. Помните, однако, об ограничениях, налагаемых этим правилом: пока вы следуете ему, вы не вполне обладаете самосознанием; вы остаетесь погруженными в тау общины; вы – меньше, чем личность».

Экуменическая Библия: идентичный текст («Шестьдесят Одно Откровение»).

Муад'Диб: «Вера, религия часто черпает из мифа о прогрессе, защищающем нас от неуверенности, от неопределенности грядущего».

«Комментарии» КПЭ: идентичный текст (а Книга Азхар говорит, что этот текст принадлежит религиозному автору первого века, некоему Нишоу, или Ницшоу, вернее, является парафразом его высказывания).

Муад'Диб: «Если дитя, или человек неподготовленный, или невежда, или безумец причиняет вред, то вина ложится на тех, кто имеет власть над ними, ибо они не предвидели и не предотвратили этот вред».

Экуменическая Библия: «Вина за всякий грех, хотя бы частично, может быть возложена на природное зло, на оправдывающие грешника внешние обстоятельства, приемлемые Богом» (Книга Азхар возводит эту мысль к Торе древних евреев).

Муад'Диб: «Простри руку свою, и прими и яди данное тебе Господом; и когда насытишься, то славь Господа».

Экуменическая Библия: та же мысль, но в других выражениях (в этом случае Книга Азхар относит это высказывание, правда, в несколько иной форме, к писаниям Первого Ислама).

Муад'Диб: «Доброта – начало жестокости».

Фрименская Китаб аль-Ибар: «Ужасен в доброте своей Господь, и тяжка десница Его. Не Он ли дал нам Солнце палящее (Ал-Лат)? Не Он ли поставил Матерей Власти (Преподобных Матерей)? Не Он ли дал силу Шайтану (Сатане, Иблису)? И разве не получили мы от Шайтана вредоносную торопливость?»

(Именно отсюда происходит фрименское присловье: «Поспешность – дочь Шайтана». В самом деле, на каждую сотню калорий тепла, выработанных физической нагрузкой («торопливостью»), тело испаряет до шести унций влаги. Фрименское слово, обозначающее пот или слезы, – «бакка» – в одном из вариантов может быть переведено как «жизненная сущность, которую Шайтан выжимает из твоей души».)

Конивелл называет приход Муад'Диба «религиозно своевременным» – но время здесь, в сущности, ни при чем. Как сказал сам Муад'Диб: «Я – здесь, поэтому...»

Однако для понимания религиозного влияния Муад'Диба крайне важно не упускать из виду следующее обстоятельство: фримены были тогда жителями Пустыни, и вся их наследственность была приспособлена к враждебным человеку условиям. Нетрудно стать мистиком, если каждую секунду приходится бороться за выживание, преодолевая открытую враждебность окружения. «Вы – здесь; поэтому...»

При такой традиции страдание принимается человеком – быть может, как неосознаваемое наказание, но принимается. Надо отметить при этом, что фрименские обряды дают почти полное освобождение от чувства вины. Это необходимость – для фрименов закон и религия неразрывны, так что неповиновение закону – грех. Таким образом, вернее будет

сказать, что фримены легко очищались от чувства вины, потому что их повседневная жизнь требовала жестоких (часто – смертельных) решений; решений, которые в другом, более мягком мире отяготили бы человека невыносимо тяжкой виной.

В этом, вероятно, одна из причин тяготения фременов к суеверию (не считая деятельности Миссионарии Протектива). Почему свистящие пески – дурное предзнаменование? Почему, увидев Первую Луну, надо поднять кулак?.. Плоть принадлежит человеку, но его вода – собственность всего племени; и тайна жизни, тайна бытия – это не загадка, требующая решения, а реальность, которую надо пережить. Знаки и знамения позволяют не забывать об этом. И потому, что ты – здесь, потому что ты исповедуешь эту религию, победа в конце концов не ускользнет от тебя.

Как веками учили сестры Бене Гессерит (до того, как орден с позором отступил перед фременами):

Когда религия и политика едут в одной колеснице, которой правит живой святой (барака), ничто не устоит на их пути.

III. Доклад о мотивах и целях Бене Гессерит

(Ниже приводится выборка по сводному докладу, подготовленному агентами леди Джессики немедленно после аракийских событий. Беспристрастное изложение намного увеличивает ценность доклада.)

Поскольку Бене Гессерит в течение многих веков действовали под маской полумистической школы, занимаясь селективно-генетической программой, мы привыкли придавать ордену куда большее значение, чем он того заслуживает. Анализ собственного «расследования факта» по аракийским событиям выдает глубокое неведение и непонимание орденом его собственной роли.

Можно возразить, что Бене Гессерит могли изучать лишь доступные им факты и не имели возможности исследовать личность Пророка Муад'Диба. Однако ордену приходилось преодолевать за свою историю и куда большие препятствия, и тем серьезнее их ошибка.

Генетическая программа Бене Гессерит имела целью выведение человека, называемого ими «Квисатц Хадерах», – термин, означающий «Тот, Кто может быть одновременно во многих местах». Говоря проще, им нужен был человек, чей разум позволил бы понимать и использовать измерения высшего порядка. Они хотели создать суперментата, живой компьютер, наделенный пророческими способностями подобно Гильд-навигаторам. Теперь заметьте следующее:

Муад'Диб, урожденный Пол Атрейдес, был сыном герцога Лето – за этой генетической линией тщательно следили больше тысячи лет. Мать Пророка, леди Джессика, побочная дочь барона Владимира Харконнена, несла в себе гены, первостепенная ценность которых для названной программы была известна более двух тысяч лет. Гессеритка по рождению и воспитанию, Джессика должна была стать заинтересованным инструментом проекта.

Ей приказали родить Атрейдесу дочь. План предусматривал инбридинг, соединяющий гены этой будущей дочери с генами племянника барона Владимира – Фейд-Раутой. Вероятность получения Квисатц Хадераха от этого брака была весьма высока. Однако наложница герцога нарушила приказ (по причинам, которых, как она утверждает, до конца не поняла и сама) и понесла сына.

Уже это должно было насторожить Бене Гессерит, предупредить орден о вероятности появления в схеме непредусмотренной случайной переменной. Но Бене Гессерит проигнорировал это предупреждение, как и другие, куда более значительные признаки:

1. Уже в юности Пол Атрейдес демонстрировал способность предвидеть будущее. Его пророческие видения

отличались точностью и глубиной и никак не могли быть объяснены привлечением четвертого измерения.

2. Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам, Проктор Бене Гессерит, испытывавшая человеческую сущность Пола, когда ему было пятнадцать лет, засвидетельствовала, что он преодолел боль намного более сильную, чем любой другой из всех тех, отчеты об испытании которых хранились в ордене. И тем не менее она почему-то не выделила этот факт в своем докладе!

3. Когда Дом Атрейдес прибыл на Арракис, фрименское население приветствовало юного Пола как Пророка, «Глас из иного мира». Бене Гессерит было прекрасно известно о том, насколько суров Арракис с его бесконечной Пустыней, полным отсутствием открытой воды, с подчеркнуто урезанными, примитивными потребностями – только чтобы выжить; и о том, что такие условия неизбежно приводят к появлению большого числа сенситивов – людей с обостренным восприятием. Но как реакция фрименов на Пола, так и такой совершенно, казалось бы, очевидный элемент, как насыщенная Пряностью арракийская пища, тоже были упущены наблюдателями Бене Гессерит.

4. Когда Харконнены и солдаты-фанатики Падишах-Императора вновь заняли Арракис, убили отца Пола и истребили почти все силы Дома Атрейдес, а Пол и его мать исчезли, – почти сразу начали поступать донесения о появлении среди фрименов нового религиозного лидера, человека по имени Муад'Диб, причем и его тоже называли «гласом из иного (или внешнего) мира». В тех же докладах ясно указывалось, что ему сопутствует некая новая Преподобная Мать Сайядина, и она – «женщина, давшая ему жизнь». Имевшиеся в распоряжении Бене Гессерит тексты ясно указывали, что во фрименских легендах о пришествии Пророка говорится: «И рожден он будет ведьмой Бене Гессерит».

(Конечно, еще за несколько столетий до того Бене Гессерит направили агентов Миссионарии Протектива на Арракис – внедрить в тамошние верования нечто именно в этом

роде, на тот случай, если кто-то из Бене Гессерит будет нуждаться здесь в защите и убежище, и потому те, кто игнорировал легенду о «гласе из иного мира», поступили правильно: это был типичный, стандартный образчик «паноплиа профетикус». Однако это возражение справедливо лишь в том случае, если Бене Гессерит были правы, отвергая и все прочие свидетельства, относящиеся к личности Пола Муад'Диба.)

5. Когда разгорелись арракийские события, Гильдия Космогации несколько раз обращалась к Бене Гессерит. Гильдия давала понять, что ее навигаторы, использующие «арракийское зелье» – меланжу – для развития ограниченных способностей к предсказанию, необходимых тем, кто ведет корабли в океане пустоты... так вот, Гильд-навигаторы были обеспокоены перспективой и видели «проблемы на горизонте». Сие могло означать только, что Гильдия видела впереди некий узел, где переплетались бесчисленные варианты решений – и за этим временным сплетением от взора провидцев Гильдии были сокрыты пути. Уж это-то было абсолютно недвусмысленным свидетельством чьего-то вмешательства на уровне измерений высшего порядка!

(Некоторые из Бене Гессерит давно догадывались, что Гильдия не может прямо вмешиваться в дела, связанные с жизненно необходимым для нее источником Пряности, поскольку Гильд-навигаторы уже в меру своих скромных способностей пытались работать с измерениями высшего порядка... и продвинулись в этом достаточно далеко, по крайней мере чтобы понять: малейший неверный шаг на Арракисе обернется для них катастрофой. Гильд-навигаторы не в состоянии были предсказать какой-либо путь, который бы позволил Гильдии взять контроль над Пряностью и не привел бы при этом к образованию такого же вероятностного узла. Очевиднее всего было бы заключить, что некие силы высшего уровня как раз и берут контроль над источником Пряности... но и теперь Бене Гессерит умудрились ничего не заметить и не понять!)

Перед лицом этих фактов мы неизбежно приходим к выводу о том, что удивительно неэффективные действия Бене Гессерит стали результатом действий на более высоком уровне, о котором Бене Гессерит и не подозревали!

IV. Персоналия

Альманах Эн-Ашраф (Избранные отрывки о Великих Домах)

Шаддам IV (10134 – 10202) – Падишах-Император, восемьдесят первый в роду (Дом Коррино), занимавший Золотой Львиный Престол, правил с 10156 (год, в который его отец, Элруд IX, пал жертвой чаумурки) до 10196 г., когда было установлено регентство с номинальным переходом власти к дочери Шаддама IV, Ирулан. Правление Шаддама IV вошло в историю главным образом благодаря Арракийскому Восстанию, вину за которое многие историки возлагают на безответственное отношение Шаддама IV к своим обязанностям и чрезмерную пышность его двора… Так, ряды бурсегов за первые шестнадцать лет его правления удвоились. В то же время ассигнования на подготовку сардаукаров неуклонно сокращались в течение трех десятилетий, предшествовавших Арракийскому Восстанию. У Шаддама IV было пять дочерей (Ирулан, Чалиса, Венсиция, Джосифа и Руги), но ни одного законного сына. Четыре дочери сопровождали его в изгнании. Его жена, Анирул, дочь Бене Гессерит Сокрытого Чина, скончалась в 10176 г.

Лето Атрейдес (10140 – 10191) – кузен Дома Коррино по женской линии; часто упоминается как «Красный Герцог». Дом Атрейдес правил Каладаном по сиридарскому лену, пока не был вынужден перейти на Арракис. Лето Атрейдес более известен как отец герцога Пола Муад'Диба, Уммы-регента. Останки герцога Лето покоятся в «Усыпальнице Головы Лето» на Арракисе. Его убийство обычно

приписывается предательству врача Суккской школы, вина за которое возлагается на сиридар-барона Владимира Харконнена.

Леди Джессика (10154 – 10256), член Дома Атрейдес на правах официальной наложницы герцога Лето, – побочная дочь сиридар-барона Владимира Харконенна (как результат генетической программы Бене Гессерит). Мать герцога Пола Муад'Диба. Закончила Школу Бене Гессерит на Валлахе IX.

Леди Алия Атрейдес (род. 10194) – законная дочь герцога Лето Атрейдеса и его официальной наложницы леди Джессики. Леди Алия была рождена на Арракисе примерно через восемь месяцев после гибели герцога Лето. Из-за пренатального (то есть произошедшего до рождения) воздействия наркотика группы ментафорсеров – «яда откровения», или Воды Жизни, – в Бене Гессерит известна как «Проклятая». В историю леди Алия вошла как Святая Алия (или Святая Алия, Дева Ножа). Подробно историю леди Алии см. в книге Пандера Оулсона «Святая Алия, Охотница Миллиарда Миров».

Владимир Харконнен (10110 – 10193) – обычно упоминается просто как барон Харконнен. Официальный титул – сиридар-барон (то есть барон-правитель планеты). Владимир Харконнен – прямой потомок по мужской линии башара Абулурда Харконенна, изгнанного за трусость после Битвы за Коррин. Возвращение Дома Харконнен к власти обычно связывается с ловкими действиями на рынке китовой шерсти и позднее с использованием меланжевых богатств Арракиса. Сиридар-барон умер на Арракисе во время Арракийского Восстания. На весьма непродолжительное время титул перешел к на-барону Фейд-Рауте Харконнену.

Граф Хасимир Фенринг (10133 – 10225) – кузен Дома Коррино по женской линии, друг детства Шаддама IV. (Часто критикуемая «История Коррино – история пиратов» сообщает, что именно граф Фенринг помог с помощью чаумурки избавиться от Элруда IX.) Все источники соглашаются с тем, что Фенринг был самым близким другом Шаддама IV.

Деятельность графа Фенринга на имперской службе включала в себя функции Имперского Агента на Арракисе во время правления там Харконненов; позже – сиридар-абсентиа (то есть правителя, не живущего на планете) Каладана. Присоединился к Шаддаму IV в его изгнании на Салусе Секундус.

Граф Глоссу Раббан (10132 – 10193) – граф Ланкивейльский, старший племянник Владимира Харконнена. Как и Фейд-Раута, Раббан (принявший фамилию Харконнен, будучи призван ко двору сиридар-барона), законный сын младшего из полубратьев сиридар-барона Абулурда. Абулурд отказался от фамилии Харконнен и всех соответствующих прав, приняв титул графа, когда ему было передано губернаторство субдистрикта Раббан-Ланкивейль. Раббан – имя по женской линии.

Картография Арракиса (Дюны)

Выдержки

Отсчет широты — от меридиана Наблюдательной Горы.

Отсчет высоты — от среднего уровня Великого Бледа (Пустыни).

Полярная Впадина — 500 м ниже уровня Бледа.

Карфаг — городок. 200 км к северо-востоку от Арракина.

Великий Блед (от арабск. «биляд» – «страна») – открытая плоскорельефная пустыня (в отличие от эргов – дюнных районов). Раскинулась от 60° с. ш. до 70° ю. ш. Состоит в основном из песчаных и скальных районов. Встречаются участки поднятого и обнаженного скального основания.

Великая Равнина — обширная впадина (скальные породы), постепенно сливающаяся с районами эргов. Около 100 м выше уровня Бледа. Именно на Великой Равнине находится Соляная Котловина, открытая Пардотом Кинесом (отцом Лиет-Кинеса). Встречаются скальные участки,

поднятые на высоту до 200 м (южнее сиетча Табра – между ним и обозначенными на карте сиетчами).

Перевал Харг — известен стоящей над ним Усыпальницей Головы Лето (под курганом в высеченной в скале раке сохраняется череп отца Муад'Диба, герцога Лето).

Старое Ущелье, или Старый Разлом — ущелье в Арракийской Барьерной Стене (до 2240 м, взорвано Полом Муад'Дибом при штурме Арракина).

Южные Пальмовые Рощи — на этой карте не указаны (ок. 40° ю. ш.).

Красный Провал — 1582 м ниже уровня Бледа.

Ветровой Перевал — проход в скалах, открывающийся в район впадинных деревень.

Венцовая Стена — гребень Барьерной Стены, ее второй ярус.

Граница Червя — условная линия, ограничивающая с севера ареал обитания песчаного червя (соединяет самые северные точки, где наблюдался песчаный червь). Сдерживающим фактором является не температура, а влажность.

Термины времен Империи

Изучая Империю, Арракис и всю культуру, породившую Муад'Диба, часто приходится сталкиваться с незнакомыми словами. Приведенные в настоящем глоссарии слова и их значения должны служить лучшему пониманию соответствующих текстов.

(Показана также вероятная этимология некоторых слов. Так, многие фрименские слова происходят из йеменского и сирийского диалектов арабского языка, некоторые термины, относящиеся к императорскому двору и Корпусу сардаукаров, имеют персидское происхождение, и т. д. – Примеч. пер.)

А́БА – свободное одеяние, носившееся фрименскими женщинами; чаще всего черного цвета.

А́ДАБ (арабск. «обычай») – важное, требующее действия воспоминание, которое приходит к человеку само собой, независимо от его воли.

АКА́РСО – растение с планеты Сикан (70 Змееносца А) с почти прямоугольными листьями, зеленые и белые полосы на которых состоят из активных и дормантных («отдыхающих») хлорофилловых клеток.

АКЛЬ (арабск. «разум») – испытание разума. В первоначальном значении – «Семь мистических вопросов», из которых первый: «Кто есть сей думающий?»

АЛА́М АЛЬ-МИТХА́ЛЬ – мистический мир притч, где не действуют никакие физические ограничения.

АЛ-ЛА́Т – Первое Солнце, Солнце родины человечества; часто – светило вообще, солнце любой планеты («высокий» термин).

«АМПОЛИРОС» – «Летучий Голландец» космических легенд, странствующий звездолет без экипажа или с мертвым экипажем.

АМТА́ЛЬ, ПРАВИЛО АМТАЛЬ – обычное правило примитивных миров, согласно которому что-либо испытывается для выяснения пределов возможности, прочности или для выяснения скрытых дефектов. В обычном употреблении: испытание на разрушение.

АРБИТР СМЕНЫ – чиновник, назначаемый Высшим Советом Ландсраада и Императором для наблюдения за переходом феода из рук в руки, переговорами в вендетте канли или ходом войны убийц (особенно формальных сражений), в каковых случаях А.С. выступает и в роли, аналогичной роли арбитра в спорте или посредника в военных учениях, причем его решения могут быть оспорены лишь перед Высшим Советом и в присутствии Императора.

АРРАКИ́Н – первое поселение на Арракисе, длительное время – административная столица планеты,

местонахождение правительства. Во время правления Дома Атрейдес – место официальной резиденции правителя.

АРРА́КИС (этимология неясна, вероятные значения, в зависимости от написания и произношения первоначального слова: «опрокидывающий», «разрисованный, расписной, покрытый разводами», «остановка на пути, место стоянки», «пот(ный)», «ревущий, гремящий, шумный», «обгладывающий кости» и др. (арабск.). Как может видеть читатель, каждое из значений так или иначе может быть объяснено историей или физическими свойствами и климатом планеты) – планета, иначе известная как Дюна; третья планета система Канопуса х (Альфа) Киля).

АРЫК (тюркск.) – открытый канал для ирригации в пустыне.

АСАССИНЫ – букв. «убийцы». Слово происходит от названия бойцов средневековой (909 – 1171, Сев. Иран, династия Фатимидов) мусульманской секты исмаилитов: эти бойцы, фидаи (фидайины), были прозваны европейцами «хашишины» (от «хашиш» – «гашиш»). Они потребляли большое количество опиума и подвергались специальной психологической обработке, благодаря чему становились абсолютно послушны и беспощадны и были готовы на все ради веры и наставника. Фидаев обучали фехтованию, джигитовке, стрельбе, маскировке, шпионажу, скрытному проникновению во вражеский лагерь, составлению ядов и т. п. Услугами фидаев часто пользовались крестоносцы в войне против немусульман.

Слово «асассин» в английском, французском и др. языках означает прежде всего наемного или действующего по политическим мотивам убийцу. В период Империи – специалисты-убийцы, обычно на службе правящих Домов.

АУЛИЯ́ (арабск. «первая») – в религии Странников Дзен-сунни женщина ошую Господа; служанка Всевышнего.

АУМА́С, в ряде диалектов ЧАУМАС – яд, добавленный в твердую пищу, в отличие от яда, примененного любым иным способом.

АШ! – «Налево», команда рулевого на песчаном черве.

АЯ́Т (арабск. «аят» – стих Корана) – знаки жизни. См. также БУРХАН.

БАККА́ (арабск. «плачущая») – во фрименской легенде, плакальщица о всем роде людском.

БАКЛАВА́ (арабск.) – тяжелое, сытное лакомство с финиковым сиропом.

БАЛИСЕТ – девятиструнный щипковый музыкальный инструмент, потомок цитры, настраивается по нотной гамме Чусук. Излюбленный инструмент трубадуров Империи. Наиболее известны балисеты чусукского мастера Вароты.

БАРАБАННЫЕ ПЕСКИ – участки уплотненного песка, где наблюдается своеобразный эффект: удар по поверхности такого песка (в т. ч. шаги, даже осторожные) отзываются звуком, напоминающим барабанный звук.

БАРАДА́Й-ПИСТОЛЕТ, КРАСКОМЕТ (от англ. «bar» – «полоса» и «dye» – «краска») – распылитель сухого красящего порошка, заряженного статическим электричеством, разработанный на Арракисе для напыления больших цветных меток на песке.

БА́РАКА (арабск. «благодать») – живой святой человек, обладающий магическими способностями.

БАРЬЕРНАЯ СТЕНА – горная цепь в северных районах Арракиса, защищающая сравнительно небольшой регион планеты от самых сильных воздействий кориолисовых бурь.

БАША́Р, ПОЛКОВНИК-БАШАР – офицерский чин у сардаукаров, несколько выше полковника в стандартной воинской классификации. Этот чин введен для должности управителя планетного субдистрикта. КОРПУСНОЙ БАШАР – звание, употребляемое исключительно в войсках сардаукаров.

БЕДУИНЫ – см. ИХВАН БЕДУИН.

БЕ́ЛА ТЕЙГЕ́ЙЗЕ – пятая планета системы Квентсинги, место третьей остановки принудительной миграции дзен-суннитов.

БЕ́НЕ ГЕССЕРИ́Т – древняя школа тренировки тела и разума, созданная изначально женщинами, поле того, как Великий Джихад, или Джихад Слуг, уничтожил т. н. «мыслящие машины» и роботов.

БИ-ЛА КАЙФА́ – «Аминь» (букв. «Более сего объяснять не нужно»).

БИ́НДУ – относящийся к нервной системе человека, прежде всего к ее тренировке (см. также ПРАНА).

БИНДУ-ОСТАНОВКА – особая форма вызванной усилием воли каталепсии.

БЛЕД (арабск. «биляд» – «страна») – равнина, открытая пустыня. Средний уровень Великого Б. (см. примечание к карте) является точкой отсчета высот и глубин на Арракисе.

БОЕВО́Й ЯЗЫК – любой специальный язык с ограниченным словарным составом, разработанный для простого, отчетливого общения в бою. Обычно каждый правящий Дом имел свой Б. Я. Наиболее известный Б.Я. – чакобса.

БРАЧНЫЙ ИНДЕКС (зд. «индекс» в значении «список», ср. «Индекс запрещенных книг») – записи программы спаривания людей – евгенической программы Бене Гессерит, нацеленной на создание Квисатц Хадераха.

БУРКА (арабск.) – род плаща, изолирующая накидка, которую фримены носят поверх дистикомба в открытой пустыне.

БУРСЕ́Г – боевой генерал у сардаукаров.

БУРХАН (арабск. «объяснение», «доказательство») – «Доказательства жизни». Обычное выражение: «Аят и бурхан жизни». См. также АЯТ.

БХОТА́НИ ДЖИБ – см. ЧАКОБСА.

ВАЛИ́ (арабск. «подросток», «юноша», «парень») – необученный фрименский подросток.

ВАЛЛАХ IX – девятая планета системы Лаожень, центр Материнской Школы Бене Гессерит.

ВАРО́ТА – знаменитый изготовитель балисетов, живший на планете Чусук.

ВЕЕРОЛ – металлический композит, получаемый выращиванием кристаллов ясмия в дуралюмине. Отличается огромной прочностью на растяжение относительно его веса. Название происходит от обычного употребления В. в складных, открывающихся по принципу веера конструкциях.

ВЕЛИКАЯ КОНВЕНЦИЯ, ВЕЛИКИЙ ДОГОВОР – вселенский договор, принятый в результате установления баланса сил между Гильдией Космогации, Великими Домами и Империей. Главный закон В.К. – неприменение ядерного оружия против людей. Каждый из законов, составляющих В.К., открывается формулой «Сие да будет соблюдаться».

ВЕЛИКАЯ МАТЬ – увенчанная рогами богиня, женская первооснова мироздания (обычно «Мать-Космос»), женская составляющая великой троицы – мужского, женского и нейтрального начал, воспринимаемой как Высшее Существо многими религиями Империи. Возможно, образ В.М. восходит к Иштар (Астарте) земных мифологий.

ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ – см. ДЖИХАД СЛУГ.

ВЕНЦОВАЯ СТЕНА – вторая (верхняя) «ступень» Барьерной Стены.

ВЕ́РИТЕ (от лат. «veritas» – «истина») – один из наркотиков эказского происхождения. Лишает воли и способности лгать.

ВЕТРОВАЯ ЛОВУШКА – устройство, ориентируемое по преобладающим ветрам и способное собирать влагу из проходящего через нее воздуха, обычно путем резкого понижения температуры в В.Л.

ВЛАГОСБОРНИКИ (не путать с влагосборщиками) – яйцевидной формы предметы около 4 см по большой оси, изготовленные из хромопластика, молочно-белого цвета на свету и прозрачные в темноте; в результате они нагреваются на свету слабее и быстрее остывают в темноте, не задерживая тепловые лучи, и постоянно холоднее окружающей среды, благодаря чему на них скапливается утренняя роса. Влагосборниками заполняют углубления в почве, что дает

небольшой, но надежный источник воды. Ими также обкладывают высаживаемые в пустыне растения.

ВЛАГОСБОРЩИКИ (не путать с влагосборниками) – на Арракисе рабочие, собирающие утреннюю росу с растений при помощи росника – напоминающего серп инструмента.

ВЛАЖНИК – на Арракисе источник, где влага просачивается сквозь почву на поверхность или достаточно близко к поверхности.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ – любое судно Гильдии Космогации, приспособленное для межпланетной перевозки войск.

ВОДА ЖИЗНИ – «яд откровения» (см. ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ). Представляет собой жидкие выделения песчаного червя (см. ШАИ-ХУЛУД) во время гибели последнего в воде, каковое вещество проходит превращение в организме Преподобной Матери (превращенная ею порция вещества служит катализатором для всей его массы), после чего В.Ж. используется в тау-оргии (см. ТАУ) сиетча. Наркотик группы ментафорсеров. Фримены также называют В.Ж. «кан».

ВОДНАЯ ДИСЦИПЛИНА – суровое воспитание, приучающее жителей Арракиса тратить как можно меньше влаги.

ВОДЯНОЙ КАРМАН – емкость в виде кармана в дистикомбе для сбора очищенной влаги.

ВОДЯНЫЕ КОЛЬЦА, ВОДЯНЫЕ МЕРКИ – металлические кольца различного размера, каждое из которых обозначает определенное количество воды, которое фримен может получить из водяных запасов сиетча. Такие кольца имеют огромное значение во фрименской культуре (далеко выходящее за рамки только своеобразных денег), в частности, в ритуалах, сопровождающих рождение, смерть, ухаживание, свадьбу и пр.

ВОЙНА УБИЙЦ, ВОЙНА АСАССИНОВ – форма ограниченных военных и диверсионных действий, разрешенная законами Великой Конвенции и Гильдийского Мира. Цель установления правил В.У. – уменьшение вероятности того, что пострадают не замешанные в конфликт. Закон требует

формального извещения о своих намерениях и ограничивает средства и способы борьбы.

ВОЛЬНЫЕ ТОРГОВЦЫ – идиоматическое название контрабандистов.

ВПАДИНА – населенная низина на Арракисе, окруженная повышением грунта, что защищает население от песчаных бурь.

ВТОРАЯ ЛУНА – меньший из двух спутников Арракиса, пятна на поверхности которого напоминают изображение Муад'Диба.

ВХОДНОЙ КЛАПАН – герметический полог, используемый фременами для сохранения влаги во временных (дневных) стоянках. Часто устроен по принципу сфинктера (кольцевой мышцы).

ВЫСШИЙ СОВЕТ – внутренняя палата Ландсраада, облеченная полномочиями арбитража в спорах Великих Домов.

ВЫХОД ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ, БАРЬЕР ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТИ – также употребляются (в разговорной речи) термины «ПРЕД-ДВЕРЬ», «ПРЕД-БАРЬЕР» – пентащит, установленный на входе в помещение и отрегулированный так, чтобы в случае преследования пропускать лишь «своих».

ГАЛА́КТ – официальный язык Империи англо-славянского происхождения с большим количеством терминов, связанных со специализацией различных культур и усвоенных за время длительных миграций человечества.

ГАМО́НТ – третья планета системы Нюше, знаменитая своей гедонистической культурой и экзотическими сексуальными обычаями.

ГАР (амер. «небольшая столовая гора») – крутой холм на равнине.

ГАФЛА́ (арабск. «беспечность, глупость», «невнимательность», «безразличие») – подверженность навязчивому смятению; изменчивый человек, которому нельзя доверять.

ГЕЙРА́Т! – «Вперед!», команда рулевого на песчаном черве.

ГИЛЬДИЯ КОСМОГАЦИИ – одна из опор политического «треножника», поддерживающего Великий Договор. Гильдия была второй школой ментально-физического тренинга (см. БЕНЕ ГЕССЕРИТ) после Джихада Слуг. Установление монополии Гильдии на космические перевозки и межпланетное банковское дело стало точкой отсчета календаря Империи: даты до этого момента обозначаются как «Б.Г.» – «Без Гильдии» (аналогично нашему «до Р.Х.» или «до н. э.»). Летоисчисление после этой даты ведется без пометки либо иногда с пометкой «Г.М.» (такой-то год Гильдийского Мира).

ГИНАЦ, ДОМ ГИНАЦ – когда-то союзники Дома Атрейдес, впоследствии потерпевшие поражение в Войне Убийц с Грумманом.

ГЛАЗА ИБА́ДА (арабск. «ибад» – «культ», «поклонение») – характерный признак употребления большого количества меланжи. Белки, радужные оболочки и даже зрачки глаз приобретают интенсивный темно-синий цвет.

ГОЛОС – выработанное особыми тренировками владение интонациями и прочими характеристиками речи, позволяющее овладевшему этим искусством управлять другими людьми; род суггестивной техники.

ГО́М ДЖАББА́Р (возм., арабск. «сом» – «яд» + «джаббар» – «могучий», «сильный», «тиран», «жестокий») – «враг высокомерных», специальная игла с каплей яда на острие, применяемая обычно в испытании на осознание себя человеком (альтернативой в испытании является смерть).

ГРА́БЕН – продолговатая, часто весьма длинная впадина геологического происхождения, образуется в результате подвижки пластов. На Арракисе Г., укрывающие от бурь, – места расположения поселений.

ГРИ́ДЕКС (англ. «grid» – «решетка», «грохот») – электросепаратор для отделения песка от меланжевой массы, устройство второй стадии очистки в добыче Пряности.

ГРУЗОБОМБА – общий термин для любого грузового контейнера неправильной (неаэродинамической) формы, снабженного теплозащитными экранами и силовой амортизационно-посадочной системой, предназначенного для сброса грузов на поверхность планеты из космоса.

ГРУЗОЛЕТ – большой орнитоптер типа «летающее крыло» (в разговорной речи часто просто «крыло»), предназначенный (в добыче Пряности) для транспортировки тяжелого охотничьего, добывающего и обогатительного оборудования.

ГРУ́ММАН – вторая планета системы Нюше, известная в основном войной ее правящего Дома (Дом Моритани) с Домом Гинац.

ГХАНИМА́ (арабск. «трофей») – трофей битвы или поединка; обычно – нечто, хранимое на память о бое (причем чаще всего не используемое по первоначальному назначению).

ГХО́ЛА (от англ. «ghoul» – «вампир», «нежить-людоед», «живой мертвец») – искусственно созданное тело, наделенное чертами характера, памятью и проч. определенного человека. Обычно воссоздается (клонируется) по клеткам тела этого человека, часто покойного. Производство Г. сконцентрировано в руках тлейлаксу (см. ТЛЕЙЛАКС).

ДАКТИ-ЗАМОК (от греч. «дактиль» – палец) – дактилоскопический замок, открывающийся и закрывающийся от прикосновения ладони, на которую настроено запоминающее устройство.

ДАР АЛЬ-ХИКМА́Н (арабск. «дом мудрости») – школа религиозного перевода или толкований и комментариев.

ДЕРШ! – «Направо!», команда рулевого на песчаном черве.

ДЖЕ́ДИ ПРИМ (Джеди I) – планета Змееносца Б (36), родовая планета Дома Харконнен. Мир средней плодородности и комфортности с низким уровнем фотосинтеза у растений.

ДЖИХА́Д (арабск. «священная война») – религиозная война, война за веру.

ДЖИХАД СЛУГ, ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД, ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ – «крестовый поход» против компьютеров, мыслящих машин и наделенных разумом роботов, начавшийся в 201 г. Б.Г. и закончившийся в 108 г. Б. Г. Главное требование и девиз Д.С. сохранились в Экуменической Библии в виде заповеди: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского».

ДЖУББА́ (арабск., вид длинной стеганой верхней одежды с широкими рукавами) – универсальный плащ-накидка, способный отражать или поглощать тепловое излучение (в зависимости от того, какой стороной наружу носится). Его можно также использовать как палатку-укрытие или гамак. На Арракисе повсеместно носится поверх дистикомба.

ДЖУДИХА́Р, иногда «Гьюдичар» – «Святая (священная) правда». Обычно встречается в выражении «Джудихар мантене» – «изначальная правда, на которую опирается вера», «святая истина в основе веры».

ДЗЕНСУННИТЫ – последователи схизматической (раскольнической) секты, отколовшейся от учения Маомета (т. н. «Третьего Мохаммада (Магомета)». Раскол относят приблизительно к 1381 г. Б. Г. Дзенсуннизм известен тем, что уделяет особое внимание мистической практике и «возвращению на путь отцов». Вождем раскола принято считать Али бен Ошади, но, по некоторым данным, бен Ошади, возможно, лишь высказывал идеи своей второй жены, Нисаи, служа ей как бы рупором.

ДИ́КТУМ ФАМИ́ЛИА (лат. «установление о родах») – один из законов Великой Конвенции, запрещающий убийство особ императорского рода и членов Великих Домов, используя неофициальную измену и диверсии без соблюдения формальностей канли. Иначе говоря, Д.Ф. устанавливает основные правила и ограничения на средства убийства.

ДИСТИКО́МБ («дистиллирующий комбинезон») – практически полностью закрывающий тело костюм, разработанный на Арракисе. Его ткань представляет собой многослойный «микросандвич», выполняющий функции рассеивания тепла и фильтрования выделений тела. Влага собирается в «водяных карманах», откуда ее можно пить через специальные трубки.

ДИСТИТЕНТ – небольшая плотно закрывающаяся палатка из ткани со множеством микрослоев, собирающая испаряющуюся и выдыхаемую влагу и конденсирующая ее в питьевую воду.

ДИСТРА́НС (вероятно, от англ. «distance transmission» или «translation») – устройство для наложения временного нейроимпринта на нервную систему ручных птиц или рукокрылых («сейлаго»). Крик сейлаго модулируется импринтом так, что несет заданное сообщение, которое может быть затем расшифровано адресатом при помощи другого дистранса. Служит для связи в Пустыне (и зачастую более эффективен, чем радиосвязь, вследствие высокого уровня статических помех на Арракисе).

ДОЛГ ВОДЫ – «долг жизни и смерти» (фрименск.). Сказать: «Между нами – долг воды» означает «я – твой должник до смерти».

ДОМ, ВЕЛИКИЙ ДОМ – название правящего клана планеты или планетной системы:

а) Младшие Дома – кланы правителей или предпринимателей внутрипланетного масштаба.

б) Старшие Дома – держатели планетных феодов (лен планетного размера и более); межпланетные предприниматели.

ДРУЗЫ – так называли себя иногда фримены. Исторически – приверженцы одной из шиитских общин, в XX веке проживающие главным образом в горных областях Ливана, Сирии и Израиля. Верят в Единого Бога, много раз являвшегося в человеческом облике. Каждое воплощение Бога, по верованиям Д., сопровождалось появлением – также в

человеческом облике – и совершеннейшего его творения, Мирового Разума. В человеческий облик могут воплощаться и другие божественные эманации (душа, слово). Д. верят в переселение душ. Название общины происходит от имени исмаилитского миссионера (даи) Дарзи, находившегося на службе аль-Хакима, исмаилитского халифа в Египте, и выдвинувшего тезис о божественности последнего. Доктрина Д. разработана в XI веке Хамзой – «последним воплощением Мирового Разума». Учение – эзотерическое и известно лишь части общины, «уккаль» («Разумные»), прочие же – «джуккаль» («Непосвященные»). Высшие религиозные авторитеты – «аджавид» («Совершенные»). В храм («хальва») допускаются только аджавид и уккаль.

Стилгар называет фременов «Д.», намекая тем самым и на то, чем стали впоследствии для них Пол и Джессика: воплощением Мирового Разума и в то же время – обожествляемыми правителями.

ДЮНА – 1) см. АРРАКИС;

2) Бархан, подвижный песчаный холм.

ДЮНМАСТЕР – управляющий работами на добыче меланжи.

ИБАД – см. ГЛАЗА ИБАДА.

ИБН КИРТА́ИБА (видимо, происходит от имени собственного; возможно также происхождение от искаженного арабск. «китаб» – «инга») – «Так сказано...». Формальное начало фременских молитв, происходит от обрядов Паноплиа Профетикус.

ИДЖА́З (арабск. «краткость», «лаконичность») – пророчество, которое по определению не может быть отвергнуто или опровергнуто; непреложное предсказание.

И́ККУТ-ЭЙ! – крик продавца воды на Арракисе (этимология не установлена). См. также СУ-СУ СУУК!

ИКС – см. РИЧЕЗА.

ИЛМ (арабск. «наука», «знание») – теология, наука в религиозной традиции; один из полулегендарных источников дзенсуннизма (см. ДЗЕНСУННИТЫ).

ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ – разработанная медицинскими школами Сукк система рефлексов, абсолютно воспрещающая любое посягательство на жизнь человека. Подвергшиеся И. К. выпускники Школы Сукк отмечены черной ромбовидной татуировкой на лбу и носят длинные волосы, подхваченные серебряным кольцом Школы Сукк.

ИСТИСЛА́ (арабск. «стремление к улучшению, усовершенствованию»; «реформа, улучшение») – «стремление ко всеобщему благоденствию»; обычно слово употребляется перед упоминанием о «суровой необходимости».

ЙХВАН БЕ́ДУИН (арабск. «эхван» – «братство» + «бедуин») – братство всех фрименов Арракиса.

ЙА! ЙА! ЙА́УМ! – фрименское восклицание (или хоровой распев) во время важных ритуалов, событий особого ритуального значения. «Йа» можно перевести как «[Ныне] внимайте!», «йаум» – то же самое, но с усилительным оттенком, придающим дополнительное значение срочности и важности. В целом выражение обычно переводится как «Ныне внимайте, внимайте все!».

ЙАЛИ́ – личное жилище фримена в сиетче.

ЙА ХЪЯ ЧАУХА́ДА! (искаж. арабск. «яхъя шухада» – «слава павшим [за правое дело]») – «Слава воинам!», «Слава героям!». Боевой клич федайкинов. «Йа!» – «сейчас, ныне» – усиливается «хъя» («всегда»); вместе получается выражение, соответствующее формуле «ныне, и присно, и во веки веков». «Чаухада» – «бойцы, борцы, воины, герои» – имеет дополнительное значение «бойцы за правое дело», точнее – «бойцы против несправедливости, зла», именно не «за» что-то, а против чего-то дурного, неправедного.

КАИ́Д (арабск. «вождь», «военачальник», «лидер») – чин у сардаукаров для старшего офицера по связям с гражданским населением; также для военного управителя

целого планетного дистрикта. Выше ранга башара, но ниже бурсега.

КАЛАДА́Н (перс. «кала» – искусство, красота + «дан» – место, вместилище, сосуд) – третья планета Павлина; родная планета Пола Атрейдеса (Муад'Диба).

КАН – см. ВОДА ЖИЗНИ.

КАНЛИ́ – официально объявленная война родов или вендетта в соответствии с законами Великой Конвенции и ведущаяся согласно их строгим ограничениям методов и средств. Первоначально правила К. были введены для защиты не замешанных в такие распри и войны.

КА́НТО и РЕСПО́НДУ (лат. «пою» и «отвечаю») – обряд взывания к Богу, часть суеверной обрядности, так называемой Паноплиа Профетикус, внедряемой Миссионарией Протектива.

КАПРО́К (от лат. «caprus» – «козел») – пустынный козел.

КА́РАМА (арабск. «чудо») – чудо, событие или действие, вызванные вмешательством потусторонних сил.

КАРТА УКРЫТИЙ – карта поверхности Арракиса, размеченная в соответствии с наиболее надежными маршрутами между укрытиями для паракомпасов.

КАРФАГ – город на Арракисе, при Харконненах – административный центр планеты.

КАТЕ́ТЕРЫ – здесь: трубки, соединяющие выделительную систему человека с очистными системами дистикомба.

КВИЗА́РА ТАФВИ́Д (арабск. «тафвид» – «полномочия», «представительство») – фрименские священнослужители (после Муад'Диба).

КВИСА́ТЦ ХАДЕРА́Х – (иврит: «китцу́р хаде́рекх», «сокращение пути») – так Бене Гессерит называли Неведомого, которого они хотели получить при помощи генетики и евгеники – Бене Гессерит мужского пола, чьи природные ментальные способности позволили бы ему объять пространство и время (иначе говоря, иметь доступ к генетической памяти всех предков по мужской и женской линиям и

обладать даром предвидения и др. экстрасенсорными способностями).

КИНЖАЛ (русск., в свою очередь, происходит от арабск. «хан-джар») – боевой нож со слегка изогнутым клинком ок. 20 см длиной.

КИРТА́ИБА – см. ИБН КИРТАИБА.

КИ́СВА (арабск. «одеяние»; священное покрывало, одеваемое на Каабу (главную святыню ислама) – изображение, фигура, узор, связанные со фрименской мифологией.

КИТАБ АЛЬ-ИБА́Р (арабск. «книга объяснений») – созданная фрименами Арракиса книга, сочетающая в себе религиозный катехизис и пособие по выживанию.

КНИГОФИЛЬМ – запись на шигакорде, используемая в обучении и хранении информации (мнемоимпульсная запись).

КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК – большая (около 120 х 40 м) машина для сбора меланжи, обычно применяемая на больших и незагрязненных выбросах меланжевой массы. Также часто называется просто «краулер». Имеет корпус, напоминающий по форме жука, на независимых гусеничных шасси.

КООАМ – акроним для «Комбайн Оннет обер Адвансер Меркантайлс» – «Картель негоциантов и перевозчиков товаров», галактической корпорации под контролем Императора и Великих Домов. Гильдия Космогации и Бене Гессерит состоят в КООАМ как партнеры без права голоса.

КОРИОЛИСОВА БУРЯ – любая крупная песчаная буря на Арракисе, когда скорость ветра на открытых пустынных равнинах увеличивается за счет вращения планеты, причем результирующая скорость может достигать 700 км/ч.

КО́РРИН, БИТВА ЗА – крупное космическое сражение, от которого происходит имя Дома Коррино. Произошло у I – (Сигмы) Дракона в 88 г. Б. Г. Результатом битвы стало установление правящей династии (Дом Коррино), происходящей с планеты Салуса Секундус.

КОТЛОВИНА – см. ЧАША.

КРАСКОМЕТ – см. БАРАДАЙ-ПИСТОЛЕТ.

КРА́УЛЕР (от англ. «гусеница» (механ.) «гусеничная машина») – общее название машин, предназначенных для передвижения в арракийских пустынях. См. также КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК.

КРАШЕ́Р (от англ. «to crush» – «давить», «подавлять») – боевой космодесантный корабль, состоящий из множества меньших, состыкованных вместе и предназначенный в том числе для того, чтобы буквально давить неприятеля, быстро опускаясь на него.

КРИМСКЕ́ЛЛ, КРИМСКЕЛЛОВОЕ ВОЛОКНО – волокно лианы хуфуф с Эказа. Узлы на веревке из К. затягиваются все туже и туже при попытке растянуть их (подробнее см.: Хольянс Вонбрук, «Лианы-душители на Эказе»).

КРИС – священный нож арракийских фременов. Изготовляется из зуба мертвого песчаного червя, в двух видах – фиксированном и нефиксированном. «Нефиксированный» К. должен храниться в непосредственной близости от человеческого тела, в его биоэлектрическом поле, чтобы предотвратить распад клинка. «Фиксированные» ножи подвергаются особой обработке для их хранения. Длина клинка – около 20 см.

КРЮКИ, КРЮКИ ПОДАТЕЛЯ – большие крюки на длинной (раскладной) рукояти, используемые для того, чтобы взбираться на песчаного червя и управлять им.

КРЮКОВОЙ – фримен с крюками Подателя, готовящийся первым вскочить на песчаного червя, обычно он же – рулевой.

КРЫЛО – см. ГРУЗОЛЕТ.

КУЗЕН (не путать с «кузен») – родственник дальше двоюродного.

КУЛОН (искаж. «кулан») – дикий осел с Терры, приспособленный для условий Арракиса.

КУЛ ВАХА́Д! (арабск. «единое целое») – «Я поражен!», восклицание глубокого, искреннего изумления, обычное в империи. Точный перевод зависит от контекста. (Так, говорят, что Муад'Диб однажды, наблюдая, как птенец

пустынного ястреба вылупляется из яйца, прошептал: «Кул вахад!..»)

КХАЛА́! (арабск. «пустой, порожний») – традиционное восклицание-заклинание, долженствующее успокоить злых духов упомянутого «дурного» места или вызванных неосторожным словом или действием.

ЛАНДСРА́АД (голландск. «совет земель») – верховный орган законодательной власти Империи, представляющий Великие Дома. Возглавляется Высшим Советом Ландсраада.

ЛА, ЛА, ЛА! (арабск. «Нет, нет, нет (уж никогда)!») – фрименское причитание, горестное восклицание, где «ла» переводится как окончательное отрицание.

ЛЕГИОН, ИМПЕРСКИЙ – 10 бригад (около 30 000 человек).

ЛИБА́Н (арабск. «лябан» – кисломолочный напиток) – болтушка из юкковой муки в «пряной» (меланжевой) воде. Первоначально, до переселения фрименов на Арракис, – кисломолочный напиток.

ЛИСА́Н АЛЬ-ГА́ИБ (арабск. «нездешний язык (как орган, а не как наречие)») – «Глас из Внешнего Мира». В легендах фрименской мессианской традиции – грядущий пророк из другого мира, с другой планеты. Иногда переводится также как «Податель Воды» (ср. МАХДИ).

ЛИТРАК – однолитровый контейнер для транспортировки воды на Арракисе, изготовляемый из прочного плотного пластика.

ЛИЦЕДЕЛ – человек, тренированный так владеть мускулатурой, особенно лицевой, что это позволяет ему сознательным усилием изменять свою внешность, даже имитировать чужое лицо.

ЛУЧЕМЕТ, БОЕВОЙ ЛАЗЕР – непрерывный (неимпульсный) лазер. Применение Л. в качестве оружия ограничивается в условиях широкого использования силовых полей, так как при соприкосновении луча лазера с силовым полем происходит субатомный взрыв.

ЛУЧЕРЕЗ – варианты лучемета ближнего действия, применяемые в основном как режущий инструмент и хирургический лучевой скальпель.

ЛЮДИ ДЮН, МЕЛАНЖЕРЫ – идиома для обозначения работающих в открытой Пустыне, на песках: искатели Пряности, добытчики ее и др.

МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ, МАЛЕНЬКИЕ, также ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ – полурастения-полуживотные, населяющие глубинные песчаные слои, зародыши песчаного червя. Экскременты М. П. образуют премеланжевую массу.

МАНОК – 1) короткий (около 1 м) кол с закрепленной на верхнем конце заводной пружинной трещоткой, издающей ритмический стук. Нижний конец М. заострен. М. устанавливается в песках для призыва песчаного червя. 2) мера расстояния, равная средней дальности поездки на песчаном черве до необходимости его замены (а следовательно, и необходимости подманить свежего червя).

МАНТЕНЕ́ – лежащая в основе мудрость, опорный аргумент, первооснова (см. также ДЖУДИХАР МАНТЕНЕ).

МАСЛЯНЫЕ ЛИНЗЫ – масло из хуфуфа (см. КРИМСКЕЛЛ), удерживаемое инкапсулирующим («окукливающим») силовым полем внутри оптических приборов как их часть. Поскольку каждая М.Л. может подстраиваться индивидуально, с точностью до микрона, М.Л. считаются самыми совершенными из приспособлений, регулирующих световые лучи.

МАСС-ДЕТЕКТОР, иногда также ДЕТЕКТОР ДАЛЬНОСТИ – устройство для обнаружения компактных масс и аномалий массы (например, техники или скрытых пустот).

МА́УЛА (арабск. «мауля» – «господин», «государь» и... «вольноотпущенник») – раб.

МАУЛЕ́Т, МА́УЛА-ПИСТОЛЕТ – пружинный пистолет, стреляющий отравленными иглами. Дальнобойность до 40 м.

МАХДИ́ (арабск. «пророк», «мессия» (в еретических учениях в исламе) – в легендах фременской мессианской традиции «Тот, Кто поведет нас в рай».

МАША́Д, ТЕСТ-МАША́Д (искаж. арабск. «мушадда» – борьба, стычка, ссора) – любое испытание, в котором на карту ставится честь (определяемая как духовная репутация).

МЕЛА́НЖА (от франц. «mlange» – смесь) – ПРЯНОСТЬ, Пряность Пряностей, вещество, добываемое исключительно на Арракисе и невоспроизводимое искусственно. М. знаменита своими гериатрическими (предохраняющими от старения) свойствами, вследствие чего называется также гериатрической пряностью.

М. вызывает привыкание, степень которого зависит от дозировки: при приеме более 2 граммов в день на 70 кг массы тела вызывает сильное привыкание. Муад'Диб утверждал, что именно М. он обязан своим пророческим даром. Аналогичные высказывания делали и Гильд-навигаторы (т. е. навигаторы Гильдии Космогации). Цена М. на рынке Империи поднималась до 620 000 соляриев за декаграмм (см. также: ИБАД, ВОДА ЖИЗНИ, ПРЕМЕЛАНЖЕВАЯ МАССА, МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ).

МЕЛА́НЖЕРЫ – см. ЛЮДИ ДЮН.

МЕЛАНЖ-МАШИНИСТ – любой работник меланжедобычи, управляющий подвижной добывающей техникой.

МЕНТА́Т – человек, тренированный для совершенного владения логикой и вычислительными способностями, «человек-компьютер». Также система подготовки таких людей.

МЕТАСТЕКЛО – стекло, получаемое при высокотемпературной инфузии газов в листы ясмиевого кварца. Обладает чрезвычайной (до 450 000 кг/см2 при толщине в 2 см) прочностью на разрыв и свойствами селективного фильтра излучений.

МИНИМИКРОФИЛЬМ – шигакорд диаметром 1 микрон, часто используемый в шпионаже и контршпионаже для записи и передачи сообщений.

МИСР (арабск. «Египет») – историческое самоназвание дзенсуннитов (затем фременов) — «народ».

МИССИОНА́РИЯ ПРОТЕКТИ́ВА (лат. «Охранительная миссия») – часть ордена Бене Гессерит, в задачу которой входит насаждение на примитивных мирах «заразительных суеверий», открывающих эти миры воздействию Бене Гессерит (см. также ПАНОПЛИА ПРОФЕТИКУС).

МЙХНА (арабск. «профессия», «избрание профессии») – время испытаний, инициации фременских юношей, вступающих в число мужчин.

МИШМИ́Ш (арабск. «дикие абрикосы») – абрикосы.

МОНИТО́Р – десятисекционный космический корабль с мощной броневой и силовой защитой. Конструкция рассчитана на раздельный взлет секций с планеты после посадки.

МУА́Д'ДИБ (арабск. «воспитанный, образованный, ученый») – адаптировавшаяся к условиям Арракиса кенгуровая мышь (животное, напоминающее тушканчика), во фременской мифологии связанная с формой пятен на Второй луне Арракиса. Фримены восхищаются М. из-за умения зверька выживать в Пустыне.

МУДИР (арабск.) – начальник, управитель, командир.

МУДИ́Р-НА́ХЪЯ (арабск. «правитель округа», «губернатор») – фременское прозвание несколько лет бывшего сириадаром Арракиса Зверя Раббана (графа Ланкивейльского), кузена барона Владимира Харконнена. Имя часто переводят как «Правитель-Дьявол».

МУ ЗЕЙН ВАЛЛАХ! (арабск., сирийск. диал.: «му зейн» – «плохо», «валла (х)» – «видит Бог!») – «му зейн» означает «плохо», «валлах» – усилительное восклицание. Это традиционное начало фременского проклятия врага; общее значения выражения – «никчемный, вечно дурной, ни на что не годный». (Возможно произнесение как «му зейн валла».)

МУСКИ́, в ряде диалектов МУРКИ или ЧАУМУСКИ – яд в напитке, в отличие от яда, примененного каким-либо иным способом.

МУШТАМА́ЛЬ (арабск. «завернутый», «укрытый») – садовый дворик или открытая пристройка в саду.

НА – префикс, означающий «названный» или «следующий в ряду». Таким образом, «на-барон» означает «наследник баронства», нечто вроде кронпринца.

НАВОДЧИК – легкий орнитоптер в меланжедобывающей группе, в чьи функции входят разведка, наблюдение и охрана.

НАЕЗДНИК, НАЕЗДНИК ПУСТЫНИ – фрименское название человека, умеющего вскочить на песчаного червя и управлять им (см. ШАИ-ХУЛУД).

НАИ́Б (арабск. «наместник», «заместитель») – поклявшийся никогда не сдаваться врагу живым: т. е. принесший традиционную клятву фрименского вождя.

НАЛОЖНИЦА – статус женщины, фактически являющейся супругой, но не связанной с мужем официальным браком. В описываемый период это слово не несло уничижительного оттенка и означало вполне обычный вариант супружеских отношений. Допускалось иметь только одну жену, но несколько Н.

НИСВО́Й – искаж. «не свой», в языке галакс – «чужак», «не принадлежащий к группе», «не принадлежащий к избранным».

НОСОВЫЕ ФИЛЬТРЫ – влагоуловители дистикомба для сбора влаги из выдыхаемого воздуха.

НУКЕ́Р (арабск. «стражник») – офицер императорских телохранителей, состоящий в кровном родстве с Императором. Нукерами обычно становились сыновья наложниц Императора.

ОГНЕННЫЙ СТОЛБ – простая сигнальная ракета, применяемая в пустыне Арракиса (вероятно, название происходит от библейской аллюзии – в книге Исход Бог вел евреев по пустыне, принимая днем облик столпа огня, а ночью – столпа дыма).

ОПАФИР – один из редких драгоценных камней опалиновой группы, добываемой на Хагале.

ОРНИТОПТЕР, в просторечии ТОПТЕР (от греческ. «птичье крыло») – летательный аппарат, создающий подъемную силу за счет работы машущих крыльев.

ОСАДИТЕЛЬ – устройство для сбора атмосферной влаги.

ОСТАТОЧНЫЙ (ЛАТЕНТНЫЙ) ЯД – его изобретение приписывается ментату барона Владимира Харконнена Питеру де Вризу. После введения О.Я. необходимо регулярно давать жертве противоядие. Прекращение введения противоядия вызывает смерть.

ОХОТНИК-ИСКАТЕЛЬ – похожее на сегментированную металлическую иглу оружие на силовой подвеске, управляемое дистанционно со специального пульта. Обычное, разрешенное Великой Конвенцией оружие асассинов в войне убийц.

ПАНО́ПЛИА ПРОФЕ́ТИКУС (лат. «Доспехи пророков») – общее название насаждаемых Миссионарией Протектива «заразных предрассудков», имеющих целью использование местных религий в целях Бене Гессерит.

ПАРАКОМПАС – любой компас, указывающий направление по местным магнитным аномалиям. Используется при наличии соответствующих карт, когда собственное магнитное поле планеты нестабильно или маскируется сильными магнитными бурями.

ПЕЙО́НЫ (мексикано-испанск. «пеон») – крестьяне или рабочие, один из основных классов в системе фафрелах, считаются «находящимися под опекой Империи».

ПЕНТАЩИ́Т – пятислойное силовое поле, приспособленное для прикрытия небольших участков (напр., двери, прохода и т. п.). Небольших – т. к. с увеличением числа слоев силовые поля большого размера становятся нестабильными. П. непроходим для того, у кого нет диссемблера, настроенного на коды данного щита.

ПЕСКОХО́Д – см. КРАУЛЕР.

ПЕСЧАНАЯ ФОРЕЛЬ – см. МАЛЕНЬКИЕ ПОДАТЕЛИ.

ПЕСЧАНЫЙ ЧЕРВЬ – см. ШАИ-ХУЛУД.

ПИРАТЫ ПУСТЫНИ – см. ФРИМЕНЫ.

ПЛАСТАЛЬ – сталь, стабилизированная волокнами стравидия, вращенными в ее кристаллическую структуру.

ПЛАТО на Арракисе — большая «столовая гора», приподнятый скальный участок с отвесными стенами.

ПЛАТОК НЕЖО́НИ (вероятно, от русск. «жена») – шарф, который замужние или состоящие в наложницах фременки надевают на лоб под капюшон дистикомба после рождения сына.

ПЛЕНИЦЕ́НТА (искаж. лат. «совершенный аромат») – экзотический зеленый цветок с Эказа, знаменитый сильным сладким запахом.

ПОДАТЕЛЬ – см. ШАИ-ХУЛУД.

ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ПОДВЕСКА – вторая фаза работы генератора Хольцмана, вызывающая эффект уничтожения гравитационных сил в той степени, какая задана массой удерживаемого объекта и поданной энергией. Также генератор или система генераторов, обеспечивающих данный эффект.

ПОДГОТОВКА – в контексте, относящемся к Бене Гессерит, этот в противном случае обычный термин означает специальную тренировку нервной системы и мускулатуры (см. ПРАНА и БИНДУ), доводящую их до пределов возможного совершенства.

ПОРИТРИ́Н – третья планета системы Î Аланги, которую многие дзенсунниты считают своей прародиной, хотя анализ языка и мифологии показывает, что Странники Дзенсунни появились значительно раньше заселения П.

ПОРТИГЮ́ЛЬ – разновидность апельсина.

ПРАВДОВИДИЦА – Преподобная Мать, умеющая входить в «транс правды» и способная распознавать неискренность и ложь.

ПРАНА, ПРАНА-МУСКУЛАТУРА – мышцы тела, когда их рассматривают как группы в обучении высшему самоконтролю (см. также БИНДУ).

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ ПОГОДЫ – люди, умеющие предсказывать погоду, пользуясь «чтением по шестам» или «шестованием песка» и изу чением следов ветра в песках и др. примет (на Арракисе).

ПРЕМЕЛАНЖЕВАЯ МАССА – грибковая масса, бурно разрастающаяся при попадании воды в выделения Маленьких Подателей. На этой стадии происходит «взрыв», при котором имеет место обмен вещества поверхности с подпочвенными слоями, в результате чего П.М. выходит на поверхность и под воздействием солнечных лучей и воздуха превращается в меланжу.

ПРЕПОДОБНАЯ МАТЬ – первоначально проктор Бене Гессерит, сумевшая преобразовать в своем организме «яд откровения» (см. также ВОДА ЖИЗНИ), поднявшись таким образом на более высокую ступень сознания. Этот же титул принят фрименами для своих религиозных наставниц, прошедших подобное просветление.

ПРИЛИВНЫЕ ПРОВАЛЫ – крупные впадины на поверхности Арракиса, в течение столетий заполнявшиеся пылью, в которых наблюдаются пыльные приливы и где такие приливы были впервые обнаружены и замерены.

ПРОЦЕ́СС ВЕРБА́ЛЬ (лат. «устное действие») – полуформальное донесение, обвиняющее в государственной измене. Юридически лежит между неподкрепленным и некатегорическим заявлением и формальным обвинением.

ПРЯНОСТЬ – см. МЕЛАНЖА.

ПУНДИ́, РИС ПУНДИ (возможно, хидни «пунджи» – капитал, богатство») – мутированный рис с богатыми сахаром зернами, достигающими в длину 4 см. Основной предмет экспорта планеты Каладан.

ПУТЬ БЕ́НЕ ГЕССЕРИТ — искусство наблюдать мельчайшие де тали.

ПЫЛЬНАЯ ЯМА, ПЫЛЬНЫЙ ПРОВАЛ – любая глубокая расщелина или впадина в арракийских пустынях, заполненная мелкой пылью и на вид неотличимая от окружающей поверхности. Смертельно опасны, т. к. человек или животное, попавшие в достаточно глубокую П.Я., провалится в пыль и задохнется. Крупные П. Я. называются также ПРИЛИВНЫМИ ПРОВАЛАМИ.

ПЫЛЬНЫЙ (ПЕСЧАНЫЙ) ПРИЛИВ – изменение уровня пыли в крупных пыльных ямах, вызванное воздействием гравитационных сил солнца и лун.

РАЗЗИЯ́ (арабск. «бедствие», «беда», «вред») – полупиратский рейд, налет.

РАМАДА́Н (арабск.) – с древнейших времен период, отмечаемый постом и молитвой. В традиции – девятый месяц лунно-солнечного календаря. Фримены отмечают Р. во время девятого цикла Первой луны (счет ведется по проходу луны через меридиан).

РАША́Г – стимулятор кофеиновой группы, получаемый из желтых ягод акарсо.

РЕМПАКЕТ (не путать с фримпакетом) – набор запасных и сменных частей для ремонта дистикомба.

РИЧЕ́ЗА – четвертая планета Эридана-А., известная наряду с планетой Икс совершенством машинной культуры. Особо славится высокоразвитой миниатюризацией. (О том, как и почему Р. и Икс избежали наиболее тяжелых последствий Джихада Слуг, см.: Сьюмер и Каутман «Последний Джихад».)

РУХ – в верованиях фрименов часть личности, постоянно связанная с метафизическим миром Алам аль-Митхаль и способная воспринимать его.

СА́ДУ (санскрит «саддху» – «святой», «подвижник», «отшельник») – судья. Так фримены называют «святых судей». С. приравниваются к святым.

САЙЯДИ́НА (арабск. «сайяддина» – «охотница») – женщина-священнослужительница (близко к чину дьякона) во фрименской религиозной иерархии.

САЛУ́СА СЕКУ́НДУС – третья планета Вайпинь. Официально считалась каторжной планетой Империи, планетой-тюрьмой (со времен переноса императорского двора на Кайтаин). Именно с С.С. происходит Дом Коррино; С.С. также – вторая остановка на пути странствий дзенсуннитов. Фрименские легенды говорят, что на С. С. Странники Дзенсунни в течение девяти поколений находились в рабстве. Впоследствии выяснилось, что на С.С. проходили подготовку сардаукары.

САРДАУКА́РЫ (фарси «воины») – солдаты-фанатики Падишах-Императора. С. воспитывались в настолько тяжелых условиях, что к одиннадцатилетнему возрасту из тринадцати человек умирали шесть. В подготовке С. особое внимание уделялось воспитанию в них беспощадности, жестокости и почти самоубийственного презрения к собственной безопасности. С. с детских лет приучались использовать свою жестокость как оружие, ослабляющее противника страхом. В период их наибольшего усиления в Галактике С. в искусстве фехтования были равны мастерам фехтования Дома Гинац десятой ступени, а в бое на ближней дистанции по ловкости и коварству не уступали адептам Бене Гессерит. Любой из С. стоил как минимум десятка солдат войск Ландсраада. Ко времени Шаддама IV С. были все еще очень сильны и внушали всеобщий страх, но их мощь была подорвана чрезмерной самоуверенностью, а мистическая основа их боевой религии – цинизмом.

СА́РФА (арабск. «отклонять», «не обращать внимания») – акт отхода, отвращения от Бога.

СА́ФО – высококалорийный и стимулирующий напиток, получаемый из корней барьерного дерева с Эказа. Повсеместно употребляется ментатами, утверждающими, что С. повышает их ментальные силы. Употребляющие С.

отмечены темно-красными пятнами на губах и слизистой оболочке рта.

СБОР (не путать со СХОДОМ) у фрименов — собрание для принятия решений, затрагивающих все племена.

СВЕТИЛЬНИКИ – большая часть осветительных приборов описываемого периода представляла собой «световые шары», шаровидные осветители на силовой подвеске со внутренним питанием (чаще всего – органическими батареями).

СЕЙЛА́ГО – любой вид рукокрылых, модифицированный на Арракисе и приспособленный для передачи дистранс-сообщений.

СЕЛАМЛИ́К (турецк. «мужская часть дома, где принимают гостей») – Зал аудиенций Императорского дворца.

СЕМУ́ТА – вторая производная (получается кристаллизационной экстракцией) пережженного осадка настоя элаккового дерева, наркотик. Эффект воздействия С. (описывается как длительное экстатическое состояние) инициируется комбинацией атональных звуков, называемых обычно «семутной музыкой».

СЕРВО́К (вероятно, от лат. «servus» – «слуга») – простой программируемый механизм для несложных работ, часто без какой-либо электроники (типа часовых механизмов). Одно из немногих «автоматических» устройств, дозволенных после Джихада Слуг.

СИЕ́ТЧ (вероятно, от русско-укр. «сечь», «сичь») – «Место сбора во время опасности» (фременск.). Вследствие того, что фримены долго жили в постоянном состоянии опасности, термин «С.» стал обозначать вообще любое пещерное поселение, населенное одной из племенных общин.

СИРА́Т (арабск. «путь» (обычно в религ. знач.) – отрывок Экуменической Библии, описывающий жизнь человека как переход по узкому мосту («С.»), когда «Одесную меня рай, ошую меня ад, и Ангел Смерти идет по стопам моим».

СИРИДА́Р (фарси «правитель») – правитель планеты по ленному праву.

СИХА́ЙЯ (от арабск. «сахайя» – «щедрость» или «сахия» – «чистая, ясная») – весна в Пустыне (фрименск.). В религиозной традиции фрименов это слово обозначает «время плодородия», а также «грядущий рай».

СЛИПТИП (англ. букв. «скользящее, плавно движущееся острие») – любое оружие с относительно коротким тонким клинком (часто отравленным) для левой руки в двуручном фехтовании с силовым щитом.

СОЛИ́ДО (вероятно, от англ. «solid» – «твердый, плотный») – трехмерное изображение, получаемое с помощью солидопроектора, действие которого основано на воспроизведении сигналов, отраженных от объекта на все 360° и записанных на ролик шигакорда. Лучшими солидопроекторами считаются произведенные на Иксе.

СОЛОМЕНЕЦ – на Арракисе, источник в пустыне, достаточно мощный, чтобы воду можно было извлечь, высасывая через трубочку-соломинку.

СОЛЯ́РИЙ (от лат. «solar» – «солнечный») – основная денежная единица Империи, чья покупательная способность определяется на совещаниях между Гильдией, Ландсраадом и Императором, проводимых раз в 400 лет (кватрисентениалиях).

СО́НДАГИ – папоротниковый тюльпан с Тупайле.

СПРАВОЧНИК АСАССИНА — составленный в третьем веке Гильдии справочник по ядам, обычно использовавшийся в войне асассинов (войне убийц). Позже был расширен за счет включения описания смертоносных орудий и устройств, разрешенных Гильдийским Миром и Великой Конвенцией.

СТА́ННЕР (от англ. «to stun» – «оглушать, лишать сознания») – оружие, выбрасывающее (с небольшой начальной скоростью – чтобы преодолеть силовой щит) отравленную или впрыскивающую наркотическое вещество стрелку или иглу. Эффективность зависит от настойки силового щита и подвижности цели.

СТАРШИЙ ПРОКТОР – Преподобная Мать Бене Гессерит, являющаяся также начальником региональной Школы Бене Гессерит.

СУБА́Х УЛЬ-КАХА́Р (искаж. арабск. «сабах-уль-хэйр» – «утро добра») – фрименское приветствие.

СУБАХ УН-НАР (арабск. «утро света») – ответное приветствие.

СУККСКАЯ ШКОЛА, ШКОЛА СУКК – см. ИМПЕРСКОЕ КОНДИЦИОНИРОВАНИЕ.

СУ-СУ СУУК! – крик продавца воды на Арракисе. «Суук» – «рынок, рыночная площадь» (см. также: ИККУТ-ЭЙ!).

СХОД (не путать со СБОРОМ) – традиционное собрание фрименских вождей для наблюдения за поединком, решающим вопрос о лидерстве.

ТАХАДДИ́ АЛЬ-БУРХА́Н (арабск. «тахадди» – «вызов», «бурхан» – «доказательство», «тест, испытание») – окончательное, не подлежащее обжалованию или перепроверке испытание, т. к. обычно такое испытание влечет за собой смерть или разрушение испытуемого человека, объекта.

ТАХХАДИ́, ВЫЗОВ ТАХАДДИ (арабск. «вызов») – у фрименов вызов на смертельный поединок, обычно по очень важному поводу.

ТАКВА́ (арабск. «благочестие, набожность») – букв. «цена свободы». Нечто, обладающее огромной ценностью. Нечто, что Бог требует от смертного, а также страх, рожденный таким требованием. (В другой транскрипции «Т.» может означать «пример для подражания».)

ТАУ – у фрименов особое ментальное единство сиетча, усиленное большим количеством меланжи в пище и питье и особенно тау-оргиями, во время которых единство достигается испитием Воды Жизни.

ТЕМНЫЕ ЗНАНИЯ – общее идиоматическое название различных предрассудков, внедряемых Миссионарией Протектива в какую-либо культуру. Частично пересекаются с Паноплией Профетикус.

ТЛЕЙЛА́КС – единственная планета системы Талим, знаменитая как центр подготовки «искривленных» или «порченых» ментатов. Иногда употреблялось выражение «Бене Тлейлаксу», намекавшее на существование «ордена Т.». Также см. ГХОЛА.

ТОПТЕР – см. ОРНИТОПТЕР.

ТП – сокращенное название телепатии (греческ. «восприятие на расстоянии»), чтения мыслей.

ТРАНС ПРАВДЫ – полугипнотический транс, индуцированный одним из наркотических веществ группы ментафорсеров или «наркотиков сознания», в каковом состоянии погруженный в Т.П. способен замечать малейшие признаки лжи и неискренности. (Следует отметить, что ментафорсеры смертельно ядовиты, если принимающий их не десенсибилизирован к этим наркотикам, т. е. не умеет преобразовывать молекулярную структуру яда в своем организме.)

ТРЕНОЖНИК СМЕРТИ – в первонач. значении треножник, на котором жители Пустыни вешали казнимых. В переносном значении (ставшим основным в описываемый период) – трое членов шерема, давших общую клятву мести.

ТУПА́ЙЛЕ – так называемое «убежище», планета или группа планет, где находят убежище потерпевшие поражение Дома Империи. Место (места) расположения Т. известно лишь Гильдии Космогации и охраняется Великой Конвенцией и условиями Гильдийского Мира.

УЛЕ́М (арабск.) – богослов, доктор теологии у дзенсуннитов.

У́ММА (арабск. «нация», «община») – член братства пророков, пророк. В Империи – презрительное название для предсказателей-фанатиков, имевшее смысл «сумасшедший предсказатель».

УРОШНО́Р – одно из бессмысленных звукосочетаний, вводимых Бене Гессерит в подсознание подвергшегося специальной обработке человека для контроля за ним. При

звуке такого кодового слова жертва на какое-то время замирает.

УСУ́Л (арабск. «основа», «доктрина», часто в религ. знач.) – «опора столпа», «основание колонны».

ФАБРИКА ПРЯНОСТИ – см. КОМБАЙН-ПОДБОРЩИК.

ФАЙ́ (арабск. «дань», «налог», «контрибуция») – водяной налог, основная форма налогообложения на Арракисе.

ФАФРЕЛА́Х – жесткие правила классовых различий, поддерживавшиеся в Империи: «Место для каждого, и каждый – на своем месте».

ФЕБРИЛЬНОЕ (или ЛИХОРАДОЧНОЕ) СОЗНАНИЕ – тормозящий уровень, на который воздействуют при имперском кондиционировании.

ФЕДАЙКИ́НЫ (арабск. «фидайин») – фрименские бойцы-смертники, коммандос; исторически: группа людей, поклявшихся отдать жизнь за правое дело, в борьбе за справедливость. Так первоначально назывались созданные главой исмаилитов Хасаном ибн Саббахом из династии Фатимидов, «Старцем Пустыни», войска фанатиков. (см. АСАССИНЫ).

ФИКХ (арабск. «толкование Шариата») – (религиозное) знание, религиозный закон; один из полулегендарных источников веры Странников Дзенсунни.

ФРЕГАТ – крупнейший космический корабль из способных на посадку на планету и взлет с нее в виде единого целого (не отдельными модулями).

ФРИ́МЕНЫ (от англ. «free men» – «свободные») – Свободный Народ Арракиса, жители Пустыни, потомки Странников Дзенсунни. В Империи их часто называли «пиратами Пустыни».

ФРИМПАКЕТ – набор для выживания в пустыне Арракиса (фрименского производства). Включает: дистител, паракомпас, крюки Подателя, манок, небольшой запас воды, Китаб аль-Ибар, краскомет, ремпакет, сменные фильтры и пр.

ХАГА́ЛЬ – «Планета Драгоценностей» (II) Шаовея), чьи ресурсы были полностью выбраны при Шаддаме I.

ХАДЖ (арабск.) – паломничество, священное путешествие (у мусульман Земли в древности – путешествие в Мекку).

ХАДЖР (от арабск. «хиджра» – переселение», в мусульманской традиции так называлось переселение Мохаммеда из Мекки в Медину) – путешествие в пустыне, миграция, переселение фрименов.

ХАИЙ-ЙО́! – «Пошел!», команда рулевого на песчаном черве.

ХАЙЛАЙНЕР – крупнейший корабль в классификации Гильдии Космогации.

ХАЙРЕ́Г – временный лагерь фрименов в открытой пустыне.

ХАЛ ЙА́УМ! (арабск. «халь» – «состояние, положение» или вопросит. частица «ли», «йаум» – «день») – «Наконец-то!» «И вот!» – фрименское восклицание, значение зависит от контекста (удивление, удовлетворение и пр.).

ХАРМОНТЕ́П – Ингсли дает это название как имя планеты, служившей шестой остановкой на пути дзенсуннитов (Странников Дзенсунни). Большинство исследователей полагают, что Х. – более не существующая планета системы ~ Павлина.

ХЕО́ПС – пирамидальные шахматы с игровым полем, имеющим десять уровней. Игра имеет двойную цель: поставить своего ферзя в вершину пирамиды и дать шах королю противника.

ХОЛМЫ – обширная пересеченная местность к востоку от Арракина.

ХРАНИТЕЛЬ ВОДЫ – фримен, выбранный для исполнения ритуальных обязанностей, связанных с водой и Водой Жизни и отвечающий за их сохранность.

ЧА́КОБСА – так называемый «магнетический язык», происходящий отчасти от древнего языка бхотани (или бхотани джиб (арабск. «джиб» – «диалект, наречие»)). Представляет собой смесь нескольких старинных наречий, искаженных ради секретности. Служил главным образом боевым языком Бхотани – наемных убийц-асассинов в Первой войне убийц.

ЧА́УМАС – см. АУМАС.

ЧАУМУРКИ́ – см. МУСКИ.

ЧАША – на Арракисе котловина, впадина, образовавшаяся вследствие оседания почвы. На планетах, где вода имеется в достаточном количестве, такие образования обычно свидетельствуют о просевших подземных пустотах, оставшихся после ухода подпочвенных вод, или остаются на месте высохших водоемов. Считается (хотя и не доказано), что на Арракисе есть по крайней мере одна крупная Ч., где когда-то была вода, причем открытая вода. Также Ч. называют котловинами.

ЧЕРНИЛЬНИК, ЧЕРНИЛЬНАЯ ЛОЗА – ползучее растение, лиана, растущая на Гьеди Прайм и часто употреблявшаяся для наказания рабов. На коже подвергавшихся порке Ч. оставались свекольного цвета шрамы, вызывавшие остаточные боли в течение многих лет.

ЧУСУ́К – четвертая планета системы Шалиша; так называемая «Планета Музыки», знаменитая высоким качеством производимых на ней музыкальных инструментов (см. также: ВАРОТА).

ШАИ-ХУЛУ́Д (искаж. арабск. или персидск. «шах-е-хулуд» – «владыка вечности») – арракийский песчаный червь. «Старик Пустыни», «Старый Отец-Вечность» и «Прадед Пустыни». Характерно, что это имя, будучи произнесено особым тоном или написанное с заглавных букв, означает божество земли в верованиях фременов. Песчаные черви вырастают до огромных размеров (в глубокой Пустыне наблюдались экземпляры более 400 м в длину) и доживают до весьма почтенного возраста, если их не убивает один из

собратьев или если червь не гибнет, натолкнувшись на воду, которая для него ядовита. Песчаные черви населяют практически все песчаные области Арракиса и играют важнейшую роль в его экологии. Они выделяют кислород, непосредственно включены в цикл воспроизводства меланжи, вследствие чего также именуются Подателями Пряности или просто Подателями; из зубов песчаного червя фримены изготавливают свои знаменитые крисы, а утопив небольшого червя, они получают Воду Жизни. Кроме того, фримены используют песчаных червей для передвижения.

ШАЙТА́Н (арабск.) – сатана, дьявол.

ШАРИ-А́ (арабск. «шариат» – «закон веры») – часть Паноплиа Профетикус, устанавливающая религиозный ритуал.

ШАТЕР ТИШИНЫ – искажающее поле, ограничивающее распространение голоса, или любой звуковой генератор, создающий колебания, противофазные подавляемым (при интерференции исходный звук гасится).

ШАХ-НАМА́ (фарси «Книга царей» или «Царская книга») – полулегендарная Первая Книга Странников Дзенсунни.

ШЕЛЬФ – на Арракисе каменистые окраины эргов, особ. в предгорьях Барьерной Стены.

ШЕРЕ́М – «братство ненависти» (обычно создаваемое для мести).

ШЕСТОВАНИЕ ПЕСКА, или ЧТЕНИЕ ПО ШЕСТАМ – искусство устанавливать пластиковые и волоконные шесты в песках Арракиса и затем по следам, оставленным на них песчаными бурями, и другим приметам предсказывать изменения погоды.

ШИГАКО́РД – металлосодержащее волокно ползучего растения (Narvi Narviium), растущего только на Салусе Секундус и III Дельта Кайсинь. Отличается чрезвычайной прочностью на разрыв.

ШЛАГ (нем. «Schlag» – «удар») – животное с Тупайле (аборигенный вид, эндемик), почти истребленное ради его тонкой, но очень прочной шкуры.

ШНО́РКЕЛЬ – здесь: трубка для подачи воздуха с поверхности песка в диститент.

ШЭДА́УТ – «Черпающий из кладезя», уважительный титул у фрименов.

ЩИТ СИЛОВО́Й – защитное силовое поле, создаваемое генератором Хольцмана. Этот тип силового поля представляет собой дальнейшее развитие эффекта Хольцмана, основанное на измененной первой фазе поля силовой подвески (антигравитационного). Щит пропускает только медленно движущиеся объекты (в зависимости от заданных характеристик скорость пропускаемых объектов может быть ограничена шестью-девятью метрами в секунду); щит может быть нейтрализован лишь электрическим полем огромной, практически недостижимой мощности (см. также: ЛУЧЕМЕТ).

Э́ГО-ОБРАЗ – портрет, воспроизводимый с помощью солидопроектора, что позволяет воспроизвести мельчайшие, почти незаметные движения, несущие, как считается, суть человеческого «я».

ЭКА́З – четвертая планета Центавра Б.; «скульпторский рай» – прозвана так потому, что здесь произрастает «туманное дерево», которому можно придавать требуемую форму во время роста, in situ, силой одной только мысли.

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ БИБЛИЯ (греч. «Вселенская Книга») – «Единая Книга», священные тексты, созданные в результате работы Комиссии Переводчиков-Экуменистов. Содержит элементы большинства древних религий, таких как Маомет-Саари, Христианство Махаяны, Дзенсуннитский Католицизм и Буддислам. Основная заповедь Э.Б. – «Не искази душу».

ЭЛА́ККА – наркотик, получаемый при пережигании измельченного элаккового дерева с Эказа. Человек, подвергшийся воздействию Э., теряет почти полностью инстинкт самосохранения, при этом кожа получившего дозу Э.,

приобретает характерный морковный цвет. Э. обычно используется при подготовке гладиаторов к бою.

ЭЛЬ-САЯ́ЛЬ (арабск. «текущий», иногда «дождь») – «песчаный дождь», пыль, падающая с высоты в среднем 2000 м, куда ее поднимают кориолисовы бури. Э. – С. часто приносят в нижние слои атмосферы, к поверхности, влагу из более высоких слоев.

ЭРГ – «песчаное море», обширный барханный район.

ЭФФЕКТ ХОЛЬЦМАНА – отталкивающее действие силового генератора (генератора Хольцмана). См. также: ПОДВЕСКА СИЛОВАЯ, ЩИТ СИЛОВОЙ.

ЯДОИСКАТЕЛЬ, иногда ЯДОСКОП – анализатор ольфакторных (ароматических, запаховых) излучений, служащий для обнаружения ядовитых веществ. Непременная принадлежность обеденных столов правящих Домов.

Примечания

1

В конце концов! (фр.)

2

Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

3

Внимание! (фр., фехт.)

4

Букв.: «вплетение» (фр., фехт.)

5

До предела, полностью (лат.).

6

Саговый драконий корень (исп., вымышл.).

7

То есть на 90° влево.

8

Мальстрем – знаменитые водовороты у Лофотенских островов (Норвегия). В переносном значении – мощный водоворот.

9

Агрикультура – сельское хозяйство.

10

Вервольфов.

11

Комплимент: в цирке и театре – поклон зрителям, рассчитанный на аплодисменты.

12

От «ligare» – «связывать» (лат.).

13

Приспособление для письма.

14

Предсказатели будущего по внутренностям животных (первоначально у этрусков, затем у римлян).

15

Сверхъестественная сила, полинез.

16

Демон женского пола, вступающий в связь с мужчинами.

17

Астрономический инструмент, демонстрирующий движение планет, механическая модель планетной системы; иногда планетарий.

18

Преддверь, или «выход предусмотрительности», – запасной выход, защищенный силовым щитом.

19

«Защита миссионеров» (лат.). – Примеч. пер.

20

движение наудачу (фр.). – Примеч. пер.

21

любовь к судьбе (лат.).

22

Я здесь, и я остаюсь (фр.).

23

смертельный удар, избавляющий от страданий, «удар милости» (фр.).

24

Лимнология – дисциплина, изучающая водоемы.

СОДЕРЖАНИЕ

Дюна 3
Книга I Дюна 3
Книга II Муад'Диб 306
Книга III Пророк 544
Мессия Дюны 729
Дети Дюны 997
Приложения 1551

БОНУС:

Данный сборник, собран с использованием иллюстраций художника John Schoenherr (Джона Шоенэрра).
Он, первый иллюстратор журнальной публикации.

Вот отзыв автора об иллюстрациях к его роману:

«Я не могу представить более совершенного визуального представления о моем мире Дюны, чем тщательные и точные иллюстрации Джона Шенхерра», сказал писатель.

За свои иллюстрации к роману, художник получил премию Хьюго в 1965 году.

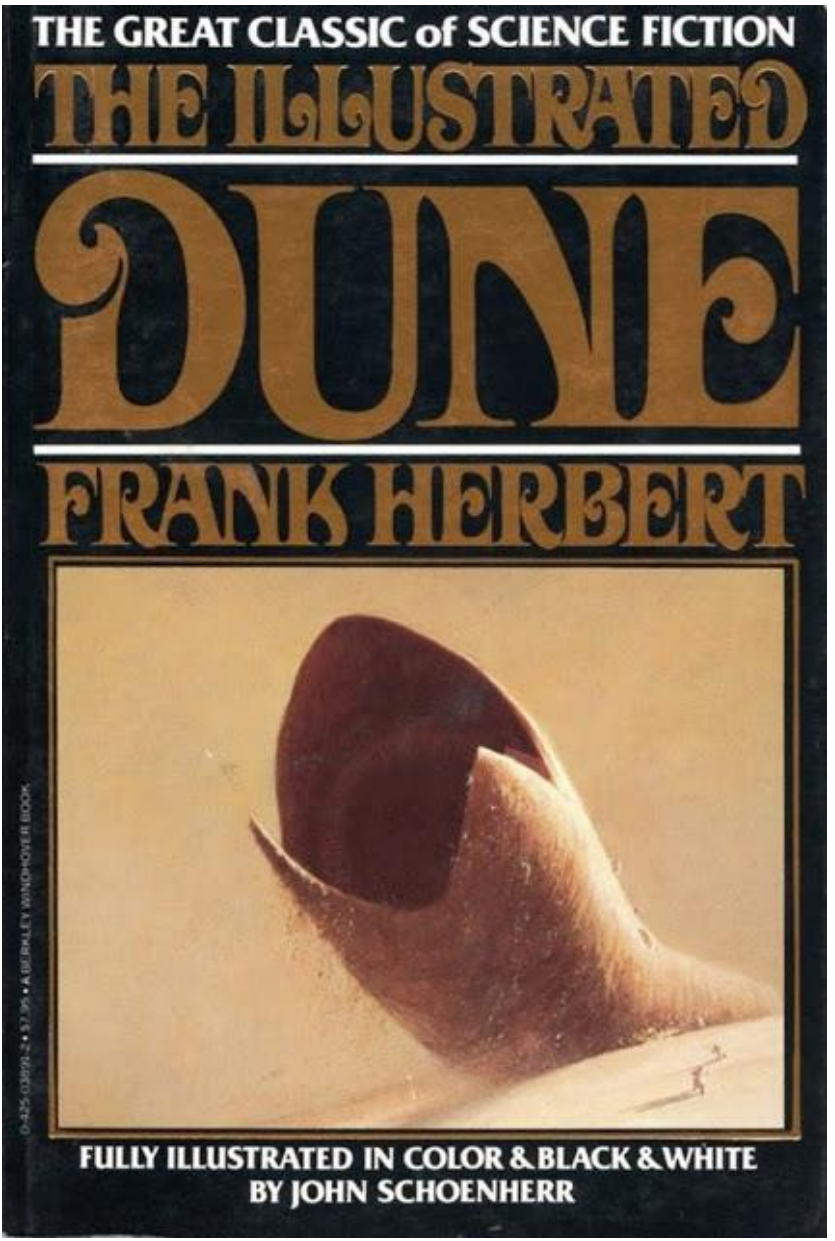
Рассказывать, можно долго, но смотреть, намного интереснее.

В 1978 году, вышла книга «Иллюстрированная Дюна».

За время, прошедшее с первой публикации в журнале, художник, переработал многие иллюстрации для книги.

Мне, всегда ближе первые, журнальные иллюстрации.
Но, пусть у вас будет альтернатива, для сравнения.

Мой маленький бонус, читателям книг, со старыми журнальными иллюстрациями.

Давайте, полистаем эту книгу

1624

1625

1626

1627

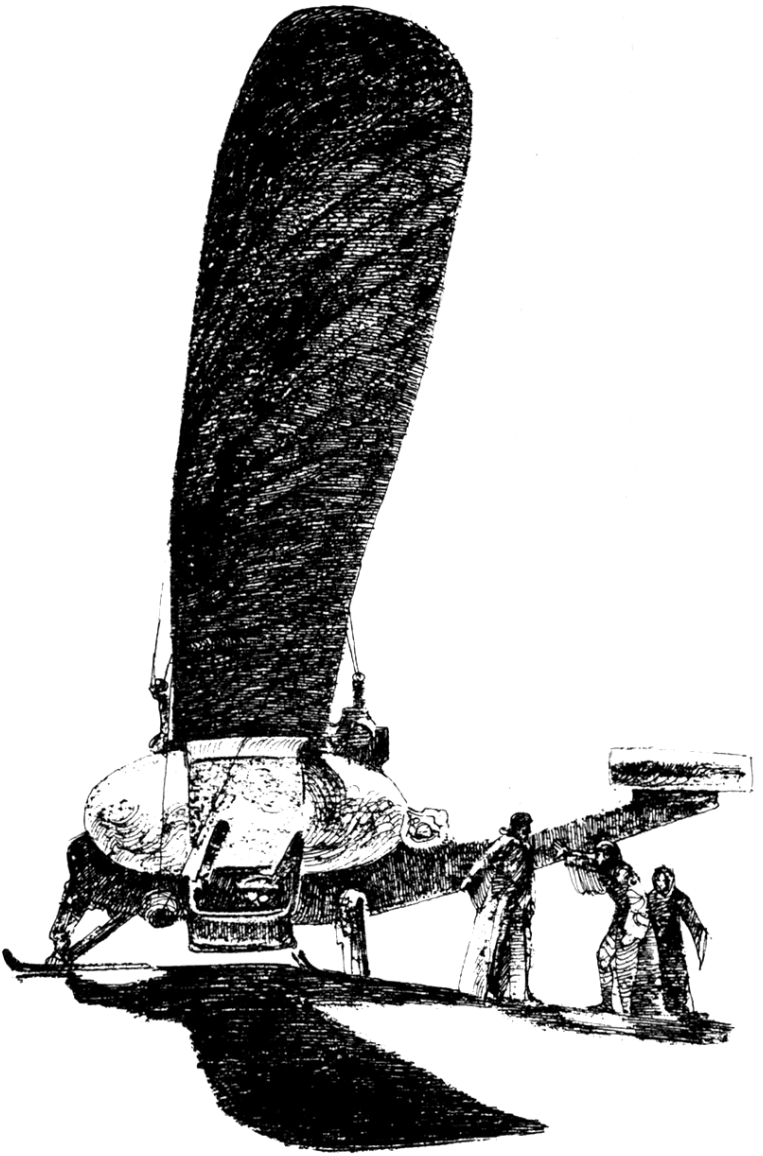
1628

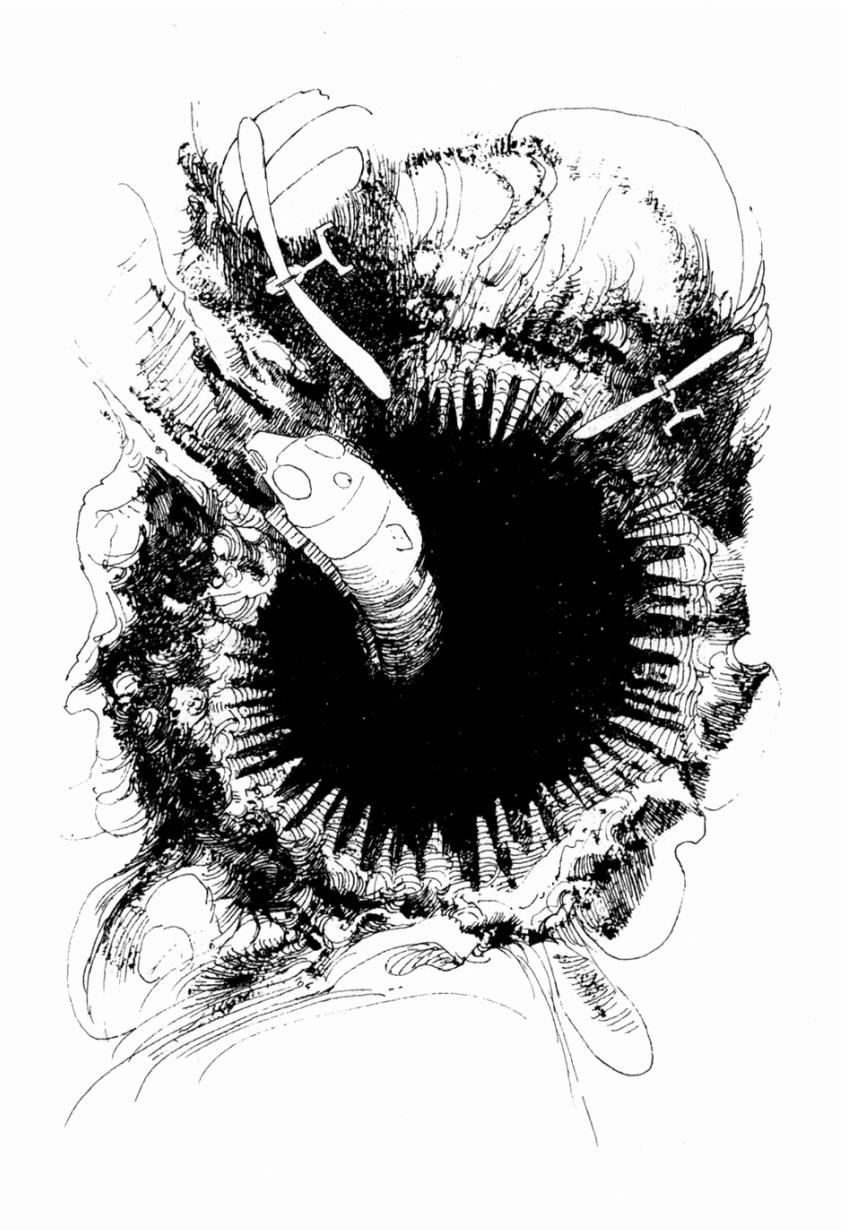
1629

1630

1631

1632

1633

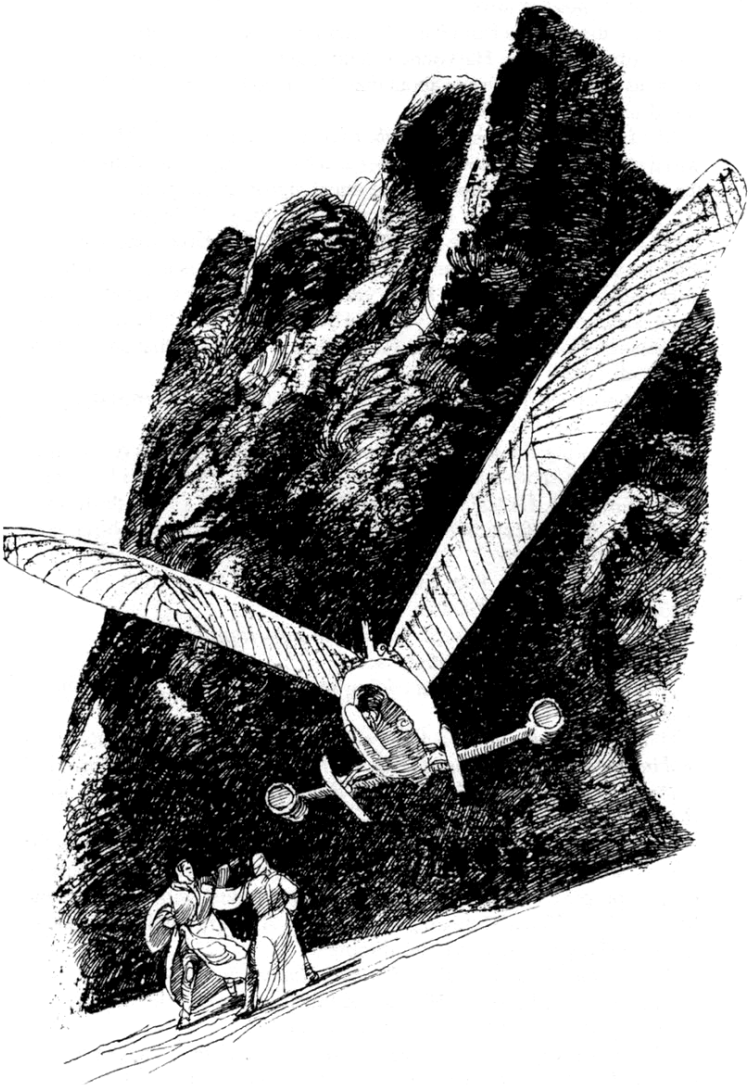
1634

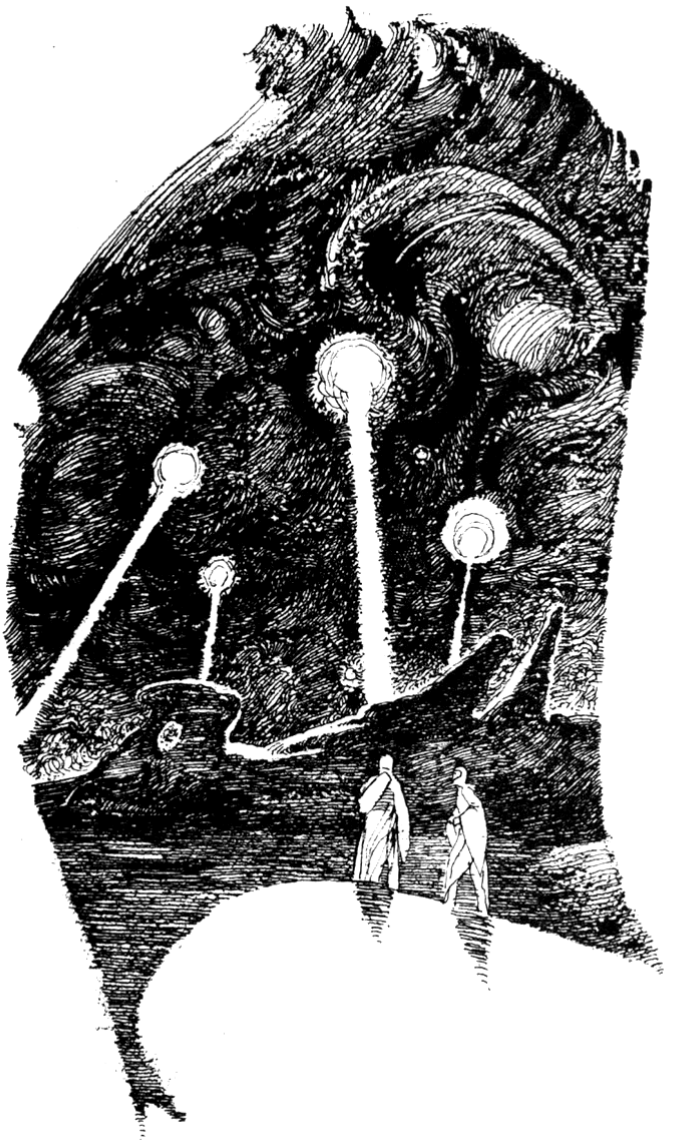
1635

1636

1637

1638

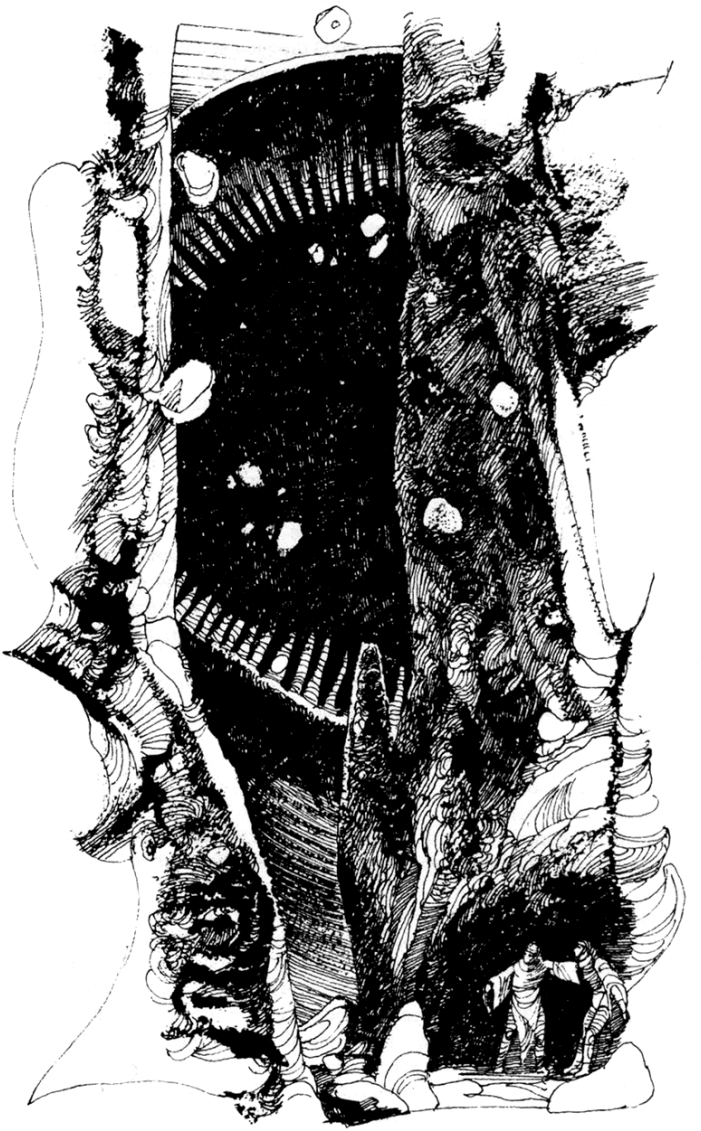
1639

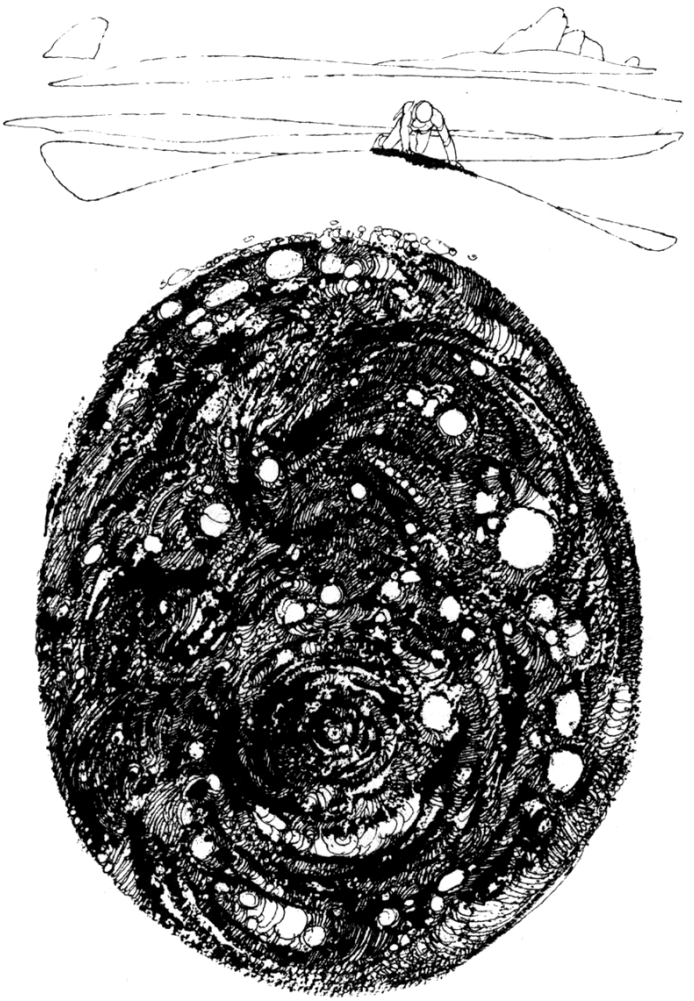
1640

1641

1642

1643

1644

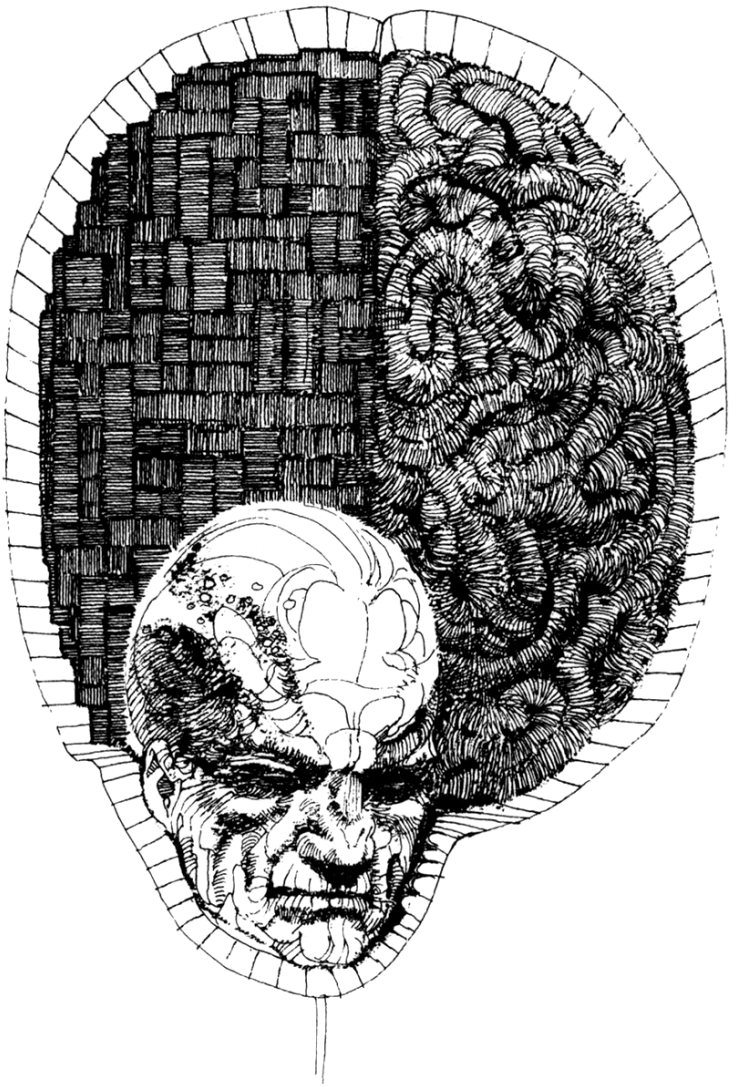
1645

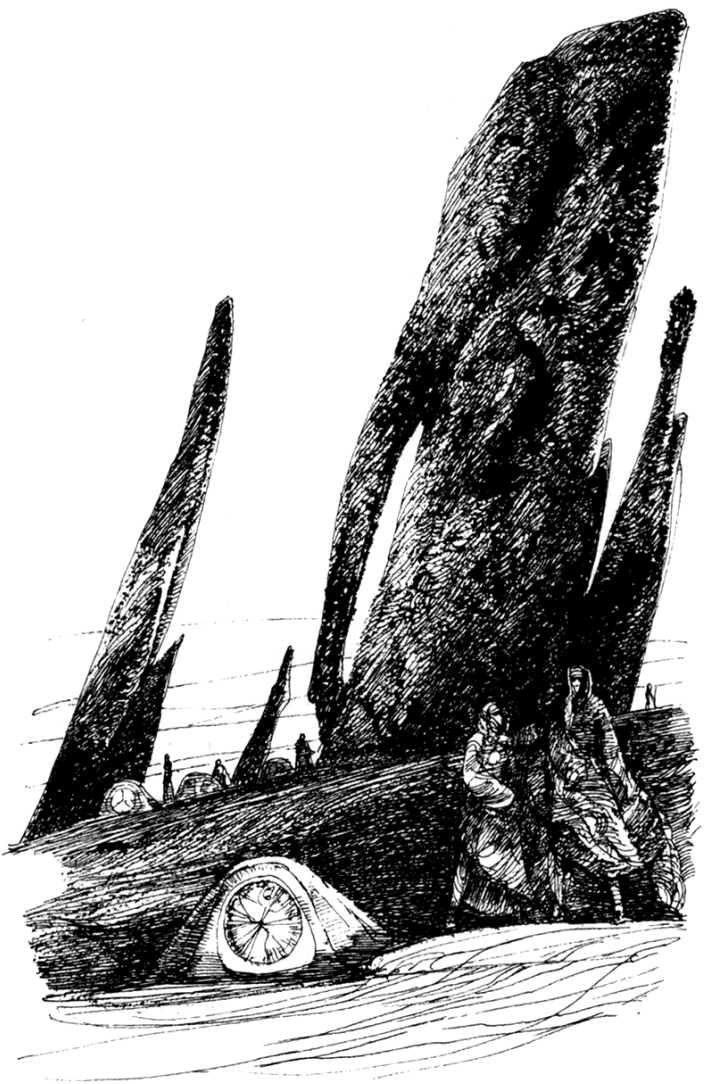
1646

1647

1648

1649

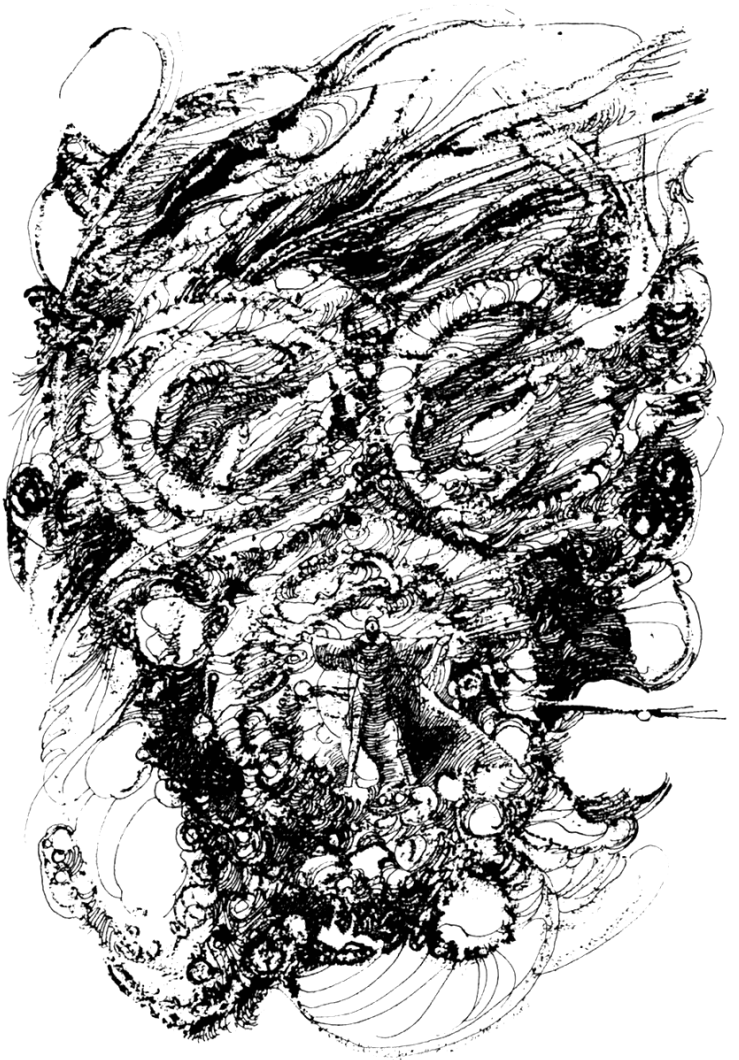
1650

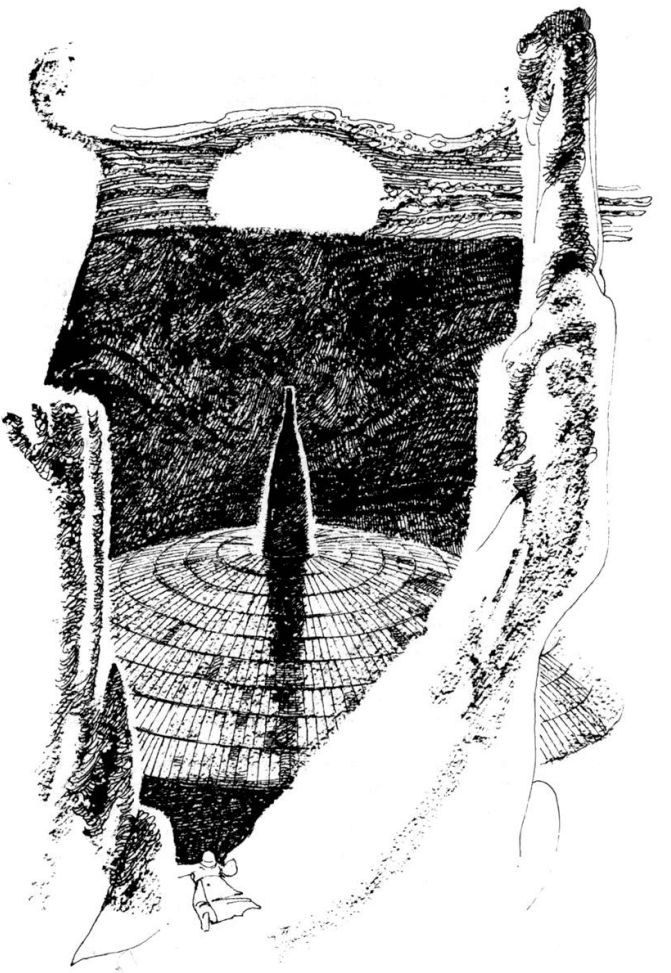
1651

1652

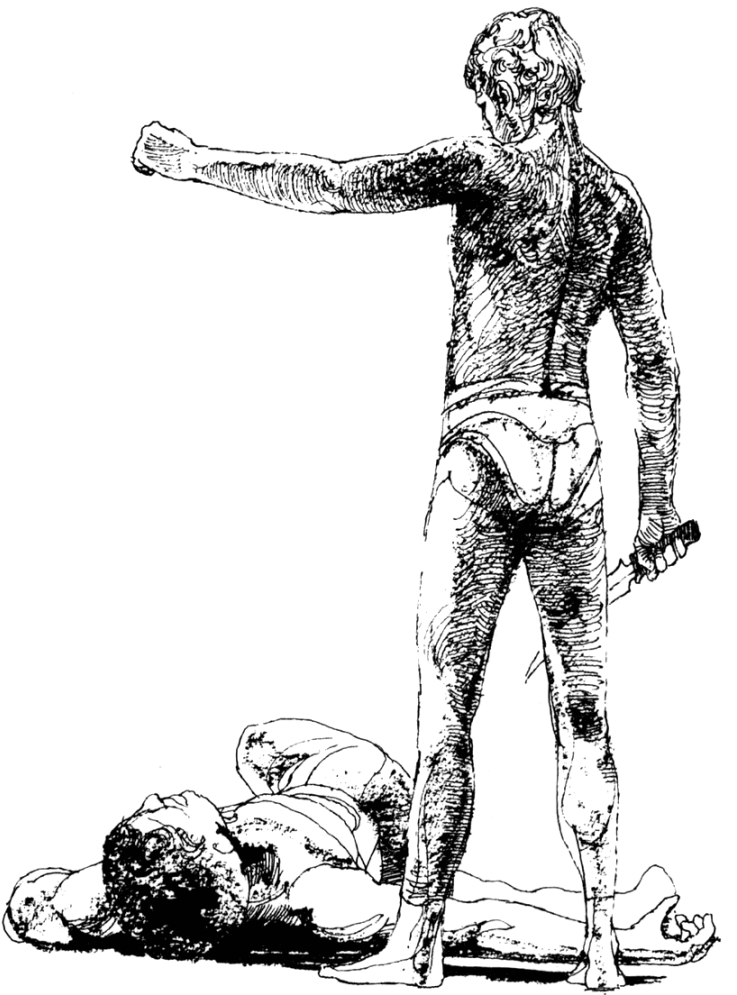
1653

1654

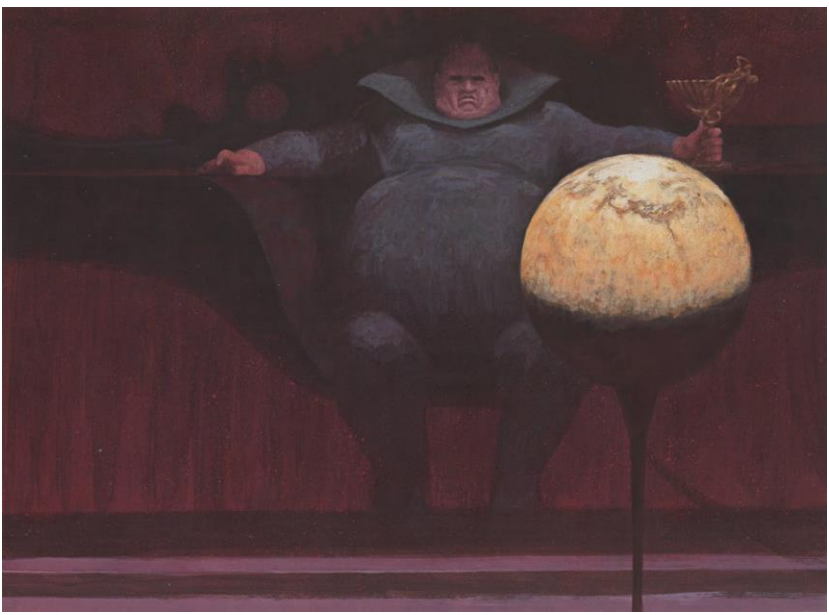
1655

1656

Ну и немного цвета!

1657

1658

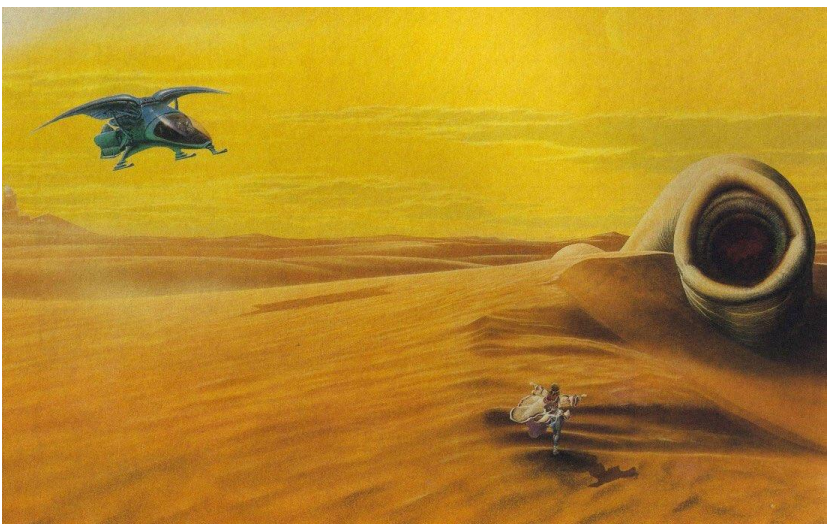
1659

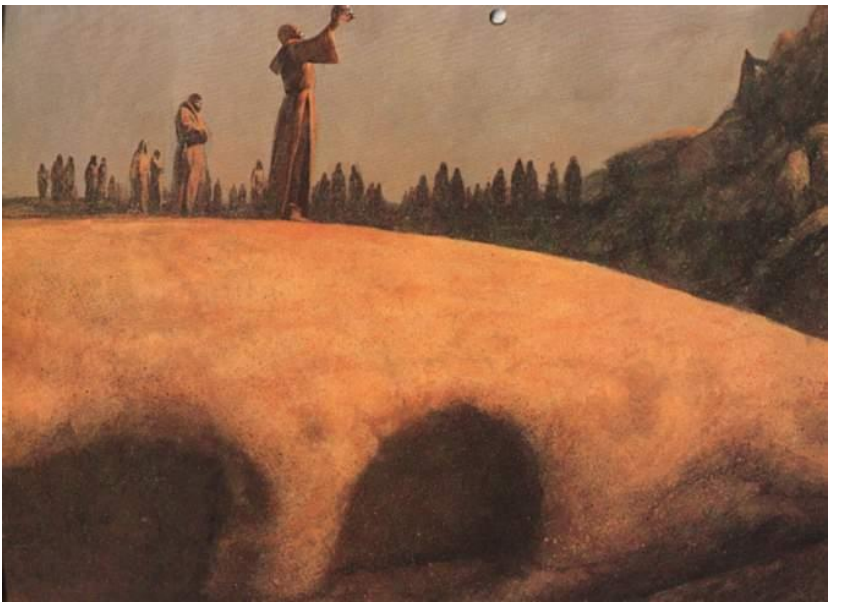

1660

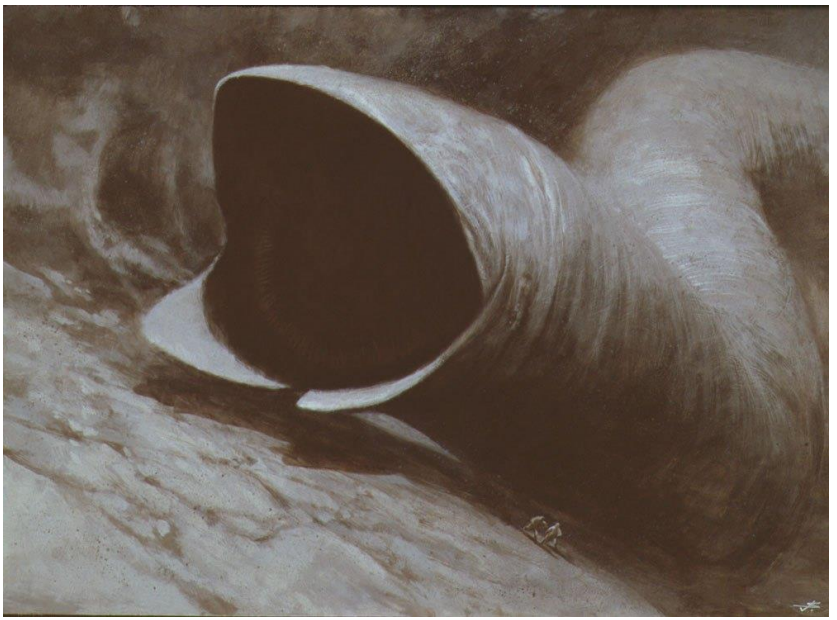

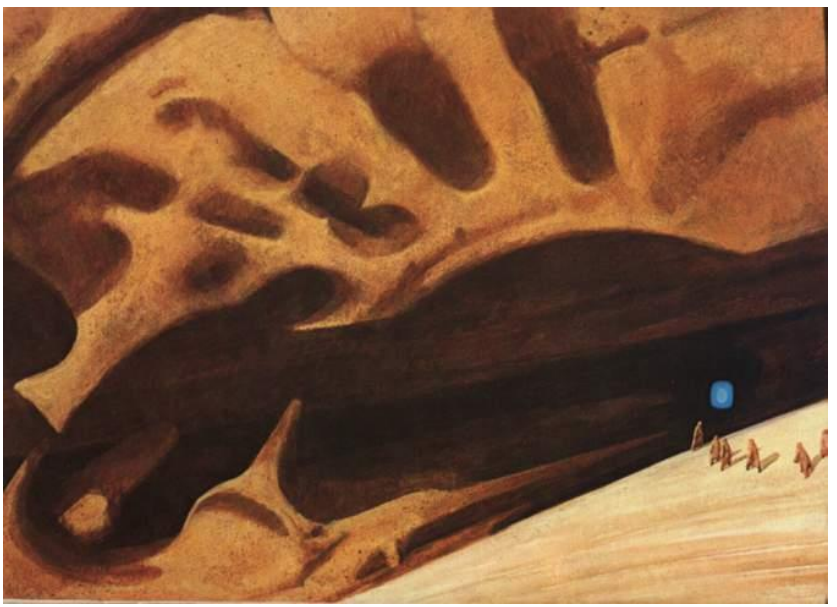
1661

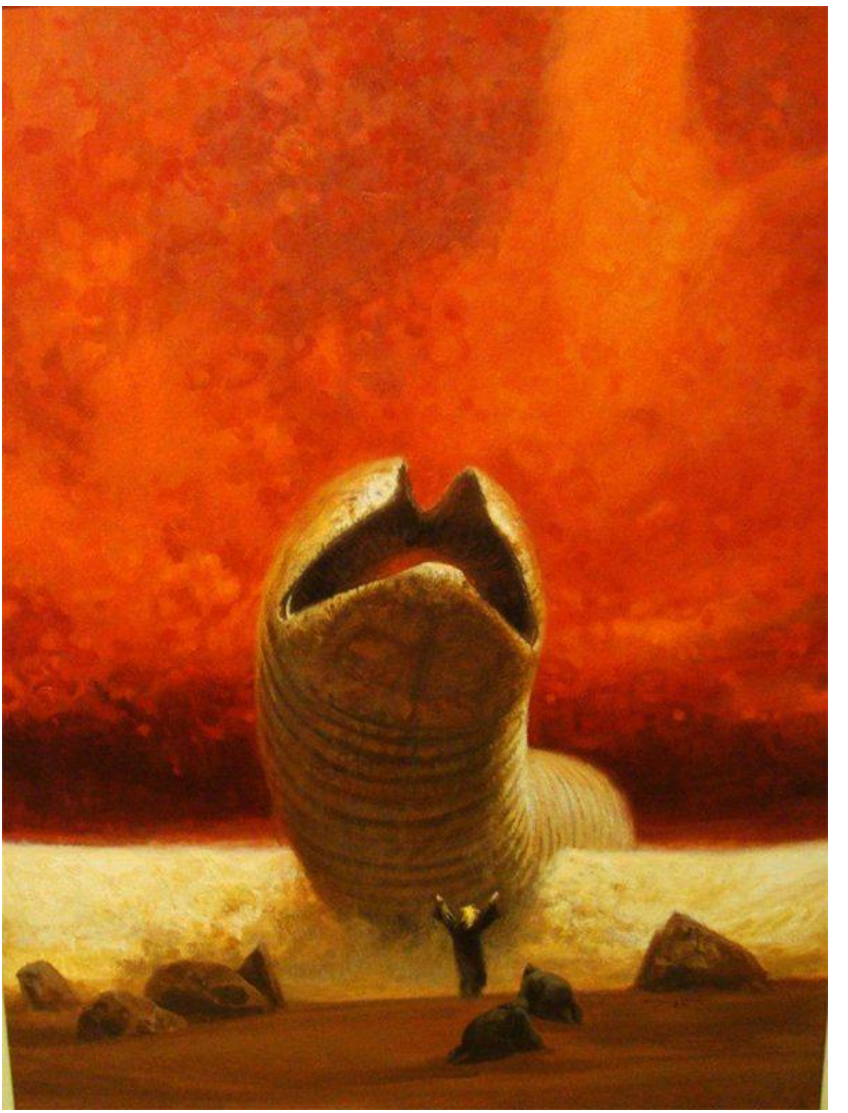

1662

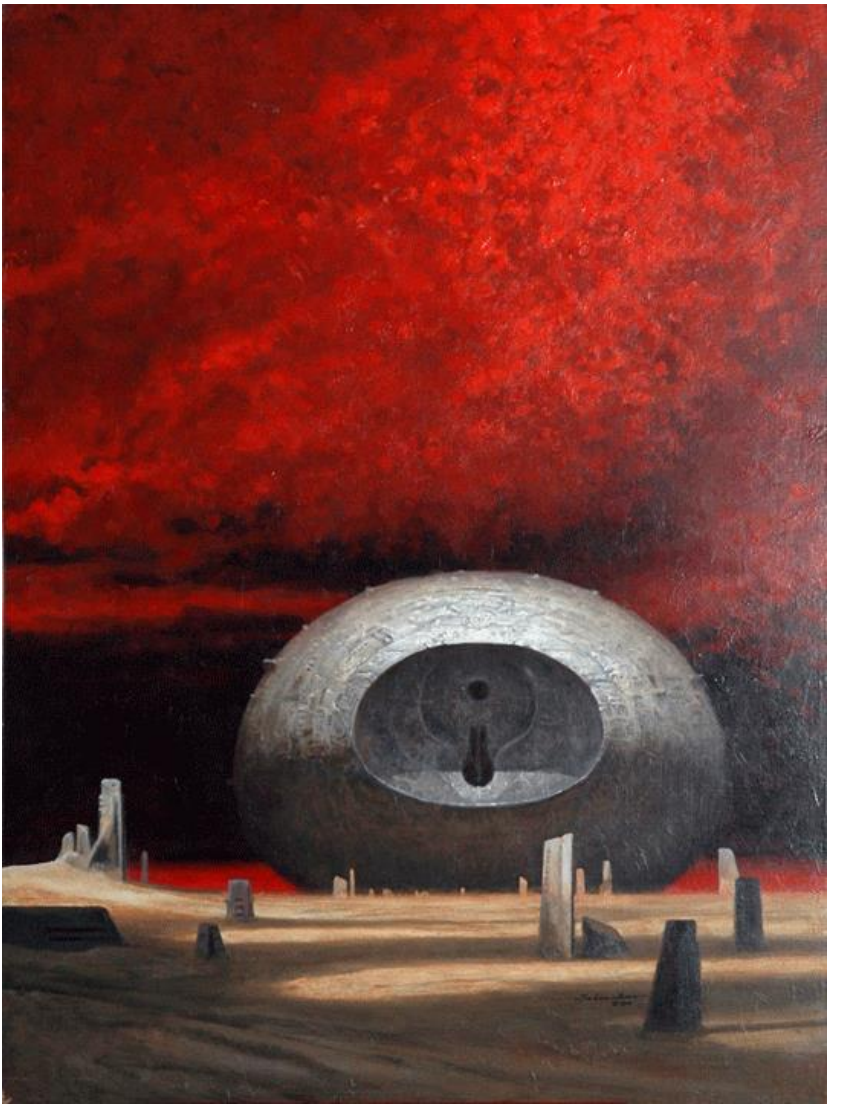
1663

1664

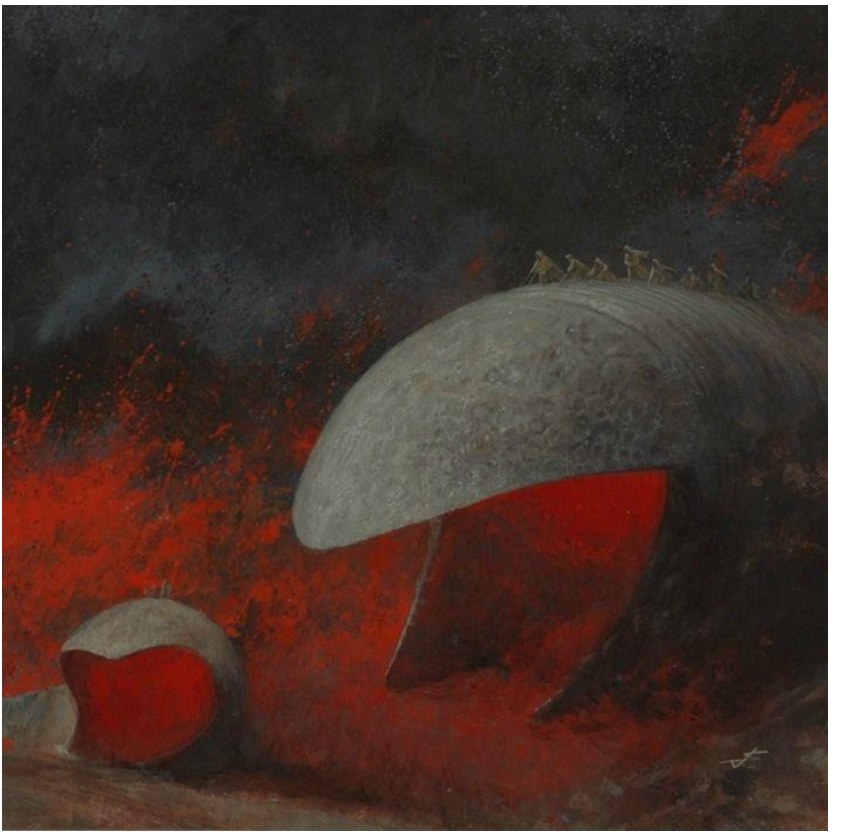
1665

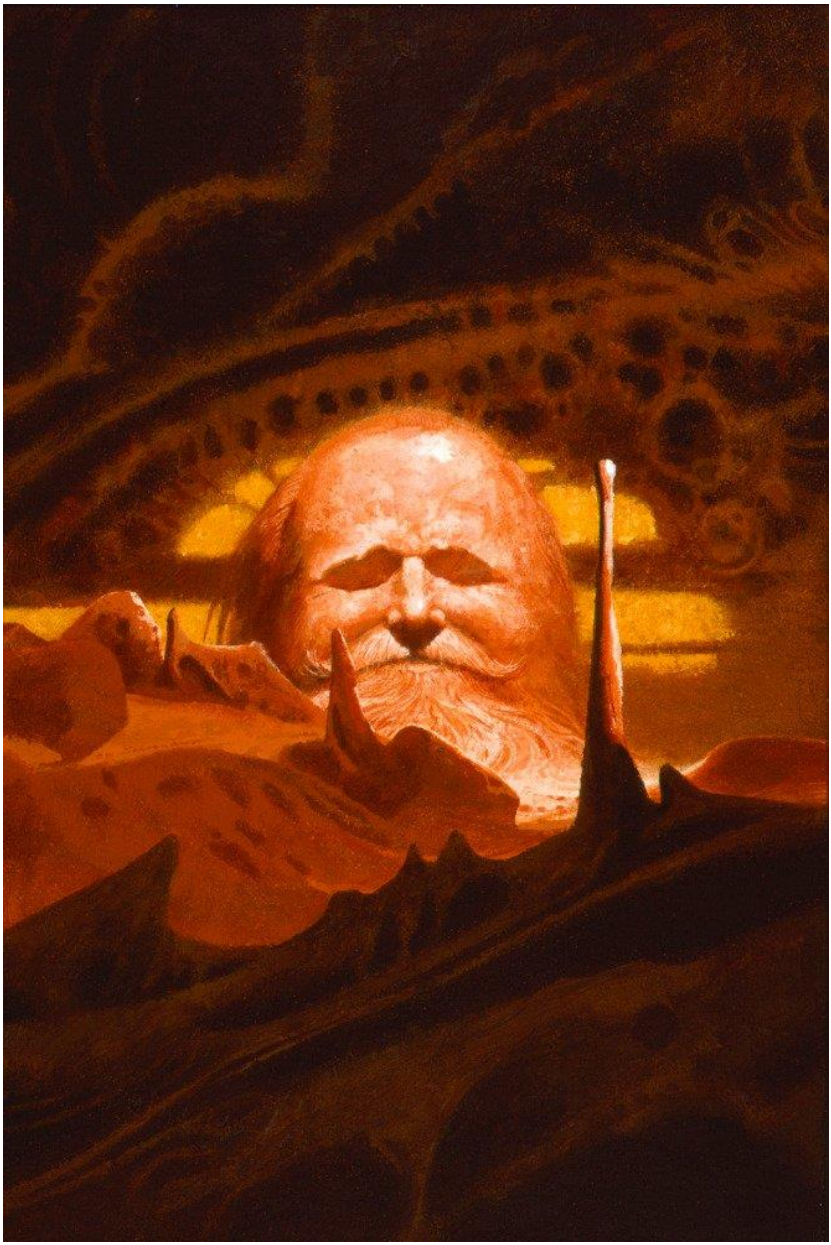
1666

1667

1668

1669

Кто захочет дополнить, или улучшить данный сборник, пусть дерзает. Книги должны читаться.